This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 1,100,246

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES [illegible] VERITAS

РУССКІЙ ВѢСТНІ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

91

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ

1871

ЯНВАРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. БѢСЫ. Романъ. Часть первая. Гл. I—II. Ѳ. М. Д
евскаго.

II. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПОКОЙНАГО ГЕНЕРАЛЪ-МА
Н. П. КОВАЛЬСКАГО.

III. ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКА
НЫ II. Эпизодъ второй. Барона Ѳ. А. Бюлера

IV. ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ. Ѳ. А. Бредихина.

V. НА НОЖАХЪ. Романъ. Конецъ второй части.
Лѣскова. (Стебницкаго.)

VI. ПЯТЬ НЕДѢЛЬ ВЪ КОКАНѢ. Кн. Дм. Д—го.

VII. ВЪ ЛѢСАХЪ. (Продолженіе разказа: *За Волгой*
I—VI. Андрея Печерскаго.

VIII. КАКЪ ОТДАРИЛЪ ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ МО
СКАГО ЦАРЯ. (Изъ сербскихъ народныхъ пѣсе
Н. Майкова.

IX. НАШИ „ИСТИННЫЕ ПРІЯТЕЛИ". (1740—1744). *
князя Воронцова, кн. I. Москва, 1870. П. К. Щ
скаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГАРРИ РИЧМОНДА. Романъ. Перев
англійскаго. Гл. X—XV.

AP
50
.P963
v.91

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИ

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, с
изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ
году стоитъ въ Москвѣ и С.-Петербу
доставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ. 5
съ доставкой на домъ въ Москвѣ и
пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТН
РУБЛЕЙ *.

Желающіе могутъ подписываться
полгода, платя въ Москвѣ и Петербу
доставки 7 р., съ доставкой на домъ
ресылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. **,
мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербу
доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и
пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ,
рѣ Университетской типографіи, на
Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ
ловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ
бургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ.
на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИ
въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Мос
жащимъ можетъ быть дѣлаема разсроч
чательствомъ казначеевъ или начальст

За заграничную доставку слѣдуетъ
кредитными рублями или въ векселяхъ
кву, либо Петербургъ, по слѣдующему

* ** *** Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующія: по
лиской цѣны (безъ доставки), и сверхъ того за бандер
ный адресъ, при дискѣ на годъ 15 к., на полгода 8
сяца 26 к.

Въ государства Германскаго Почтоваго Союза
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію . . . . . .
Въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую и Азіятскую Турцію. . . . . .
Въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты . . .

Въ прочія мѣста за границей по предварительн глашенію съ редакціей.

Желающіе пріобрѣсти *Русскій Вѣстникъ* за прежні могутъ покупать его въ конторѣ Университетской фіи по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

Отдѣльно за каждый годъ.

		Съ пер.	Бе
За второе полугодіе 1857 года	12 книгъ	5 руб.	4
„ 1858 годъ	24 книги	10 „	8
„ 1859 „	24 „	10 „	8
„ 1860 „	24 „	10 „	8
„ 1861 „	12 книгъ	8 „	6
„ 1862 „	12 „	8 „	6
„ 1863 „	12 „	8 „	6
„ 1864 „	12 „	8 „	6
„ 1865 „	12 „	8 „	6
„ 1866 „	12 „	8 „	
„ 1867 „	12 „	8 „	
„ 1868 „	12 „	8 „	
„ 1869 „	12 „	8 „	

За нѣсколько лѣтъ впередъ.

	Съ пер.
За два года, какіе угодно	15 р.
„ три года	22 „
„ четыре года	28 „
„ пять лѣтъ	33 „
„ шесть лѣтъ	37 „
„ семь „	40 „
„ восемь „	43 „
„ девять „	46 „
„ десять „	49 „
„ одиннадцать лѣтъ.	52 „
„ двѣнадцать „	55 „
„ двѣнадцать съ половиною лѣтъ . .	56 „ 50

Иногородные адресуютъ свои требованія в *ского Вѣстника*. Гг. книгопродавцамъ дѣлае пересылкой 5%, безъ пересылки 10%.

Тутъ же отпускаются и отдѣльныя книжки *ника*, для пополненія разрозненныхъ годовы за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68 за книжку безъ пересылки, а съ пересылк 1870 и текущій 1871 годъ отдѣльныя книжк руб. 50 коп. за книжку.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. Катковымъ.

91

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1871.

БѢСЫ

РОМАНЪ.

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно
Да кружитъ по сторонамъ.
. . . . . .
Сколько ихъ, куда ихъ гонятъ,
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

А. Пушкинъ.

Тутъ на горѣ паслось большое стадо свиней, и они просили Его чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побѣжали и разказали въ городѣ и по деревнямъ. И вышли *жители* смотрѣть случившееся, и пришедши къ Іисусу, нашли человѣка изъ котораго вышли бѣсы сидящаго у ногъ Іисусовыхъ, одѣтаго и въ здравомъ умѣ: и ужаснулись. Видѣвшіе же разказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся.

Евангеліе отъ Луки. Глава VIII, 32—37.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вмѣсто введенія: нѣсколько подробностей изъ біографіи многочтимаго Степана Трофимовича Верховенскаго.

I.

Приступая къ описанію недавнихъ и столь странныхъ событій происшедшихъ въ нашемъ, доселѣ ничѣмъ не отличавшемся городѣ, я принужденъ, по неумѣнію моему, начать нѣ-

сколько издалека, а именно нѣкоторыми біографическими подробностями о талантливомъ и многочтимомъ Степанѣ Трофимовичѣ Верховенскомъ. Пусть эти подробности послужатъ лишь введеніемъ къ предлагаемой хроникѣ, а самая исторія которую я намѣренъ описывать, еще впереди.

Скажу прямо: Степанъ Трофимовичъ постоянно игралъ между нами нѣкоторую особую и такъ-сказать гражданскую роль и любилъ эту роль до страсти,—такъ даже что, мнѣ кажется, безъ нея и прожить не могъ. Не то чтобъ ужь я его приравнивалъ къ актеру на театрѣ: сохрани Боже, тѣмъ болѣе что самъ его уважаю. Тутъ все могло быть дѣломъ привычки, или, лучше сказать, безпрерывной и благородной склонности, съ дѣтскихъ лѣтъ, къ пріятной мечтѣ о красивой гражданской своей постановкѣ. Онъ, напримѣръ, чрезвычайно любилъ свое положеніе „гонимаго“ и такъ-сказать „ссыльнаго“. Въ этихъ обоихъ словечкахъ есть своего рода классическій блескъ, соблазнившій его разъ навсегда, и возвышая его потомъ постепенно въ собственномъ мнѣніи, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, довелъ его наконецъ до нѣкотораго весьма высокаго пріятнаго для самолюбія пьедестала. Въ одномъ сатирическомъ англійскомъ романѣ прошлаго столѣтія, нѣкто Гулливеръ, возвратясь изъ страны Лилипутовъ, гдѣ люди были по въ какіе-нибудь два вершка росту, до того пріучился тать себя между ними великаномъ, что и ходя по ули Лондона, невольно кричалъ прохожимъ и экипажамъ они предъ нимъ сворачивали и остерегались чтобъ онъ нибудь ихъ не раздавилъ, воображая что онъ все ещ канъ, а они маленькіе. За это смѣялись надъ нимъ и его, а грубые кучера даже стегали великана кну справедливо ли? Чего не можетъ сдѣлать привычка ка привела почти къ тому же и Степана Троф еще въ болѣе невинномъ и безобидномъ видѣ, такъ выразиться, потому что прекраснѣйшій бы

Я даже такъ думаю что подъ конецъ его всѣ были; но уже никакъ вѣдь нельзя сказать что всѣмъ не знали. Безспорно что и онъ нѣкотор надлежалъ къ знаменитой плеядѣ иныхъ прос телей нашего прошедшаго поколѣнія и, одн чемъ всего только одну самую маленькую имя многими тогдашними торопившимися лось чуть не на ряду съ именами Чаадаев

новскаго и только что начинавшаго тогда за границей Герцена. Но дѣятельность Степана Трофимовича окончилась почти въ ту же минуту какъ и началась,—такъ сказать отъ „вихря сошедшихся обстоятельствъ“. И что же? Не только „вихря“, но даже и „обстоятельствъ“ совсѣмъ потомъ не оказалось, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ. Я только теперь, на дняхъ, узналъ, къ величайшему моему удивленію, но за то уже въ совершенной достовѣрности, что Степанъ Трофимовичъ проживалъ между нами, въ нашей губерніи, не только не въ ссылкѣ, какъ принято было у насъ думать, но даже и подъ присмотромъ никогда не находился. Какова же послѣ этого сила собственнаго воображенія! Онъ искренно самъ вѣрилъ всю свою жизнь что въ нѣкоторыхъ сферахъ его постоянно опасаются, что шаги его безпрерывно извѣстны и сочтены, и что каждый изъ трехъ смѣнившихся у насъ въ послѣднія двадцать лѣтъ губернаторовъ, въѣзжая править губерніей, уже привозилъ съ собою нѣкоторую особую и хлопотливую о немъ мысль, внушенную ему свыше и прежде всего, при сдачѣ губерніи. Увѣрь кто-нибудь тогда честнѣйшаго Степана Трофимовича неопровержимыми доказательствами что ему вовсе нечего опасаться, и онъ бы непремѣнно обидѣлся. А между тѣмъ это былъ вѣдь человѣкъ умнѣйшій и даровитѣйшій, человѣкъ такъ-сказать даже науки, хотя впрочемъ въ наукѣ.... ну, однимъ словомъ, въ наукѣ онъ сдѣлалъ не такъ много и кажется совсѣмъ ничего. Но вѣдь съ людьми науки у насъ на Руси это сплошь да рядомъ случается.

Онъ воротился изъ-за границы и блеснулъ въ видѣ лектора на каѳедрѣ университета уже въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ. Успѣлъ же прочесть всего только нѣсколько лекцій, и кажется объ Аравитянахъ; успѣлъ тоже защитить блестящую диссертацію о возникавшемъ было гражданскомъ и ганзеатическомъ значеніи нѣмецкаго городка Ганау, въ эпоху между 1413 и 1428 годами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о тѣхъ особенныхъ и неясныхъ причинахъ почему значеніе это вовсе не состоялось. Диссертація эта ловко и больно уколола тогдашнихъ славянофиловъ и разомъ доставила ему между ними многочисленныхъ и разъяренныхъ враговъ. Потомъ,—впрочемъ уже послѣ потери каѳедры,—онъ успѣлъ напечатать (такъ-сказать въ видѣ отместки и чтобъ указать кого они потеряли) въ ежемѣсячномъ и прогрессивномъ журналѣ, переводившемъ изъ Диккенса и проповѣдывавшемъ Жоржъ-Зан-

да, начало одного глубочайшаго изслѣдованія,—кажется о причинахъ необычайнаго нравственнаго благородства какихъ-то рыцарей въ какую-то эпоху, или что-то въ этомъ родѣ. По крайней мѣрѣ проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль. Говорили потомъ что продолженіе изслѣдованія было поспѣшно запрещено, и что даже прогрессивный журналъ пострадалъ за напечатанную первую половину. Очень могло это быть, потому что чего тогда не было? Но въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе что ничего не было и что авторъ самъ поѣнился докончить изслѣдованіе. Прекратилъ же онъ свои лекціи объ Аравитянахъ потому что перехвачено было какъ-то и кѣмъ-то (очевидно изъ ретроградныхъ враговъ его) письмо къ кому-то съ изложеніемъ какихъ-то „обстоятельствъ“; вслѣдствіе чего кто-то потребовалъ отъ него какихъ-то объясненій. Не знаю вѣрно ли, но утверждали еще что въ Петербургѣ было отыскано въ то же самое время какое-то громадное, противоестественное и противогосударственное общество, человѣкъ въ тринадцать, и чуть не потрясшее зданіе. Говорили что будто бы они собирались переводить самого Фурье. Какъ нарочно въ то же самое время въ Москвѣ схвачена была и поэма Степана Трофимовича, написанная имъ еще лѣтъ шесть до сего, въ Берлинѣ, въ самой первой его молодости, и ходившая по рукамъ, въ спискахъ между двумя любителями и у одного студента. Эта поэма лежитъ теперь и у меня въ столѣ; я получилъ ее, не далѣе какъ прошлаго года, въ собственноручномъ, весьма недавнемъ спискѣ, отъ самого Степана Трофимовича, съ его надписью и великолѣпномъ красномъ сафьянномъ переплетѣ. Впрочемъ она не безъ поэзіи и даже не безъ нѣкотораго таланта; старая, но тогда (то-есть вѣрнѣе въ тридцатыхъ годахъ) въ этомъ родѣ частоописывали. Разказать же сюжетъ затрудняюсь, ибо по правдѣ ничего въ немъ не понимаю. Это какая-то аллегорія, въ лирико-драматической формѣ и напоминаетъ вторую часть *Фауста*. Сцена открывается хоромъ мущинъ, потомъ хоромъ мущинъ, потомъ какихъ-то духовъ въ концѣ всего хоромъ душъ, еще не жившихъ, которымъ очень бы хотѣлось ожить. Всѣ эти хоры о чемъ-то очень неопредѣленномъ, большею частію въ родѣ проклятій, но съ оттѣнкомъ высшаго юмора, и вдругъ перемѣняется и наступаетъ какой-то гимнъ жизни“, на которомъ поютъ даже насѣкомыя, и

репаха съ какими-то латинскими сакраментальными словами, и даже, если приломню, пролѣлъ о чемъ-то одинъ минералъ, — то-есть предметъ уже вовсе неодушевленный. Вообще же всѣ поютъ безпрерывно, а если разговариваютъ, то какъ-то неопредѣленно бранятся, но опять-таки съ оттѣнкомъ высшаго значенія. Наконецъ сцена опять перемѣняется, и является дикое мѣсто, а между утесами бродитъ одинъ цивилизованный молодой человѣкъ, который срываетъ и сосетъ какія-то травы, и на вопросъ феи: зачѣмъ онъ сосетъ эти травы? отвѣтствуетъ что онъ, чувствуя въ себѣ избытокъ жизни, ищетъ забвенія и находитъ его въ сокѣ этихъ травъ; но что главное желаніе его, поскорѣе потерять умъ (желаніе можетъ-быть и излишнее). Затѣмъ вдругъ въѣзжаетъ неописанной красоты юноша на черномъ конѣ, и за нимъ слѣдуетъ ужасное множество всѣхъ народовъ. Юноша изображаетъ собою смерть, а всѣ народы ея жаждутъ. И наконецъ уже въ самой послѣдней сценѣ вдругъ появляется Вавилонская башня, и какіе-то атлеты ее наконецъ достраиваютъ съ лѣсней новой надежды, и когда уже достраиваютъ до самаго верху, то обладатель, положимъ хоть Олимпа, убѣгаетъ въ комическомъ видѣ, а догадавшееся человѣчество, завладѣвъ его мѣстомъ, тотчасъ же начинаетъ новую жизнь съ новымъ проникновеніемъ вещей. Ну, вотъ эту-то поэму и нашли тогда опасною. Я, въ прошломъ году, предлагалъ Степану Трофимовичу ее напечатать, за совершенною ея, въ наше время, невинностью, но онъ отклонилъ предложеніе съ видимымъ неудовольствіемъ. Мнѣніе о совершенной невинности ему не понравилось, и я даже приписываю тому нѣкоторую холодность его со мной, продолжавшуюся цѣлыхъ два мѣсяца. И что же? Вдругъ, и почти тогда же какъ я предлагалъ напечатать здѣсь, — печатаютъ нашу поэму *тамъ*, то-есть за границей, въ одномъ изъ революціонныхъ сборниковъ, и совершенно безъ вѣдома Степана Трофимовича. Онъ былъ сначала испуганъ, бросился къ губернатору и написалъ благороднѣйшее оправдательное письмо въ Петербургъ, читалъ мнѣ его два раза, но не отправилъ, не зная кому бы адресовать. Однимъ словомъ, волновался цѣлый мѣсяцъ; но я убѣжденъ что въ таинственныхъ изгибахъ своего сердца былъ польщенъ необыкновенно. Онъ чуть не слалъ съ экземпляромъ доставленнаго ему сборника, а днемъ прятадъ его подъ тюфякъ и даже не пускалъ женщину перестилать постель, и хоть и ждалъ каждый день откуда-то ка-

кой-то телеграммы, но смотрѣлъ свысока. Телеграммы никакой не пришло. Тогда же онъ и со мной примирился, что и свидѣтельствуетъ о чрезвычайной добротѣ его тихаго и незлопамятнаго сердца.

II.

Я вѣдь не утверждаю что онъ совсѣмъ нисколько не пострадалъ; я лишь убѣдился теперь вполнѣ что онъ могъ бы продолжать о своихъ Аравитянахъ сколько ему угодно, давъ только нужныя объясненія. Но онъ тогда съамбиціозничалъ и съ особенною поспѣшностью распорядился увѣрить себя разъ навсегда что карьера его разбита на всю его жизнь „вихремъ обстоятельствъ“. А если говорить всю правду, то настоящею причиной перемѣны карьеры было еще прежнее и снова возобновившееся деликатнѣйшее предложеніе ему отъ Варвары Петровны Ставрогиной, супруги генералъ-лейтенанта и значительной богачки, принять на себя воспитаніе и все умственное развитіе ея единственнаго сына, въ качествѣ высшаго педагога и друга, не говоря уже о блистательномъ вознагражденіи. Предложеніе это было сдѣлано ему въ первый разъ еще въ Берлинѣ, и именно въ то самое время ко да онъ въ первый разъ овдовѣлъ. Первою супругой его бы одна легкомысленная дѣвица изъ нашей губерніи, на котор онъ женился въ самой первой и еще безразсудной своей лодости, и кажется вынесъ съ этою, привлекательною в чемъ особой, много горя, за недостаткомъ средствъ къ е держанію, и сверхъ того, по другимъ, отчасти уже дел нымъ причинамъ. Она скончалась въ Парижѣ, бывъ с послѣдніе три года въ разлукѣ и оставивъ ему пятил сына, „плодъ первой, радостной и еще неомраченной л какъ вырвалось разъ при мнѣ у грустнаго Степана Т вича. Птенца еще съ самаго начала переслали въ Ро онъ и воспитывался все время на рукахъ какихъ-т ныхъ тетокъ, гдѣ-то въ глуши. Степанъ Трофимов нилъ тогдашнее предложеніе Варвары Петровны женился опять, даже раньше году, на одной нераз берлинской Нѣмочкѣ, и, главное, безо всякой ос добности. Но кромѣ этой, оказались и другія пр за отъ мѣста воспитателя: его соблазняла гре

время слава одного незабвеннаго профессора, и онъ, въ свою очередь, полетѣлъ на каѳедру, къ которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиныя крылья. И вотъ теперь, уже съ опаленными крыльями, онъ естественно вспомнилъ о предложеніи которое еще и прежде колебало его рѣшеніе. Внезапная же смерть и второй супруги, не прожившей съ нимъ и году, устроила все окончательно. Скажу прямо: все разрѣшилось пламеннымъ участіемъ и драгоцѣнною, такъ-сказать классическою дружбой къ нему Варвары Петровны, если только такъ можно о дружбѣ выразиться. Онъ бросился въ объятія этой дружбы, и дѣло закрѣпилось слишкомъ на двадцать лѣтъ. Я употребилъ выраженіе: „бросился въ объятія“, но сохрани Богъ кого-нибудь подумать о чемъ-нибудь лишнемъ и праздномъ; эти объятія надо разумѣть въ одномъ лишь самомъ высоконравственномъ смыслѣ. Самая тонкая и самая деликатнѣйшая связь соединила эти два столь замѣчательныя существа, на вѣки.

Мѣсто воспитателя было принято еще и потому что и имѣньице оставшееся послѣ первой супруги Степана Трофимовича,—очень маленькое,—приходилось совершенно рядомъ со Скворешниками, великолѣпнымъ подгороднымъ имѣніемъ Ставрогиныхъ въ нашей губерніи. Къ тому же всегда возможно было, въ тиши кабинета, и уже не отвлекаясь огромностью университетскихъ занятій, посвятить себя дѣлу науки и обогатить отечественную словесность глубочайшими изслѣдованіями. Изслѣдованій не оказалось; но за то оказалось возможнымъ простоять всю остальную жизнь, болѣе двадцати лѣтъ, такъ-сказать „воплощенной укоризной“ предъ отчизной, по выраженію народнаго поэта:

Воплощенною укоризною
. . . . . .
Ты стоялъ передъ отчизною
Либералъ-идеалистъ.

Но то лицо о которомъ выразился народный поэтъ можетъ-быть и имѣло право всю жизнь позировать въ этомъ смыслѣ, еслибы того захотѣло, хотя это и скучно. Нашъ же Степанъ Трофимовичъ, по правдѣ, былъ только подражателемъ сравнительно съ подобными лицами, да и стоять уставалъ и [illegible]стенько полеживалъ на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и въ лежачемъ положеніи, — надо отдать справедливость, тѣмъ болѣе что для губерніи было и то-

го достаточно. Посмотрѣли бы вы на него у насъ въ клубѣ, когда онъ садится за карты. Весь видъ его говорилъ: „Карты! Я сажусь съ вами въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно? Кто жь отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э, погибай Россія!“ и онъ осанисто козырялъ съ червей.

А по правдѣ, ужасно любилъ сразиться въ карточки, за что, и особенно въ послѣднее время, имѣлъ частыя и непріятныя стычки съ Варварой Петровной, тѣмъ болѣе что постоянно проигрывалъ. Но объ этомъ послѣ. Замѣчу лишь что это былъ человѣкъ даже совѣстливый (то-есть иногда), а потому часто грустилъ. Въ продолженіе всей двадцатилѣтней дружбы съ Варварой Петровной, онъ раза по три и по четыре въ годъ регулярно впадалъ въ такъ называемую между нами „гражданскую скорбь“, то-есть просто въ хандру, но словечко это нравилось многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ. Въ послѣдствіи, кромѣ гражданской скорби, онъ сталъ впадать и въ шампанское; но чуткая Варвара Петровна всю жизнь охраняла его отъ всѣхъ тривіальныхъ наклонностей. Да онъ и нуждался въ нянькѣ, потому что становился иногда очень страненъ: въ срединѣ самой возвышенной скорби, онъ вдругъ зачиналъ смѣяться самымъ простонароднѣйшимъ образомъ. Находили минуты что даже о самомъ себѣ начиналъ выражаться въ юмористическомъ смыслѣ. Но ничего такъ не боялась Варвара Петровна какъ юмористическаго смысла. Это была женщина классикъ, женщина меценатка, дѣйствовавшая въ видахъ однихъ лишь высшихъ соображеній. Капитально было двадцатилѣтнее вліяніе этой высшей дамы на ея бѣднаго друга. О ней надо бы поговорить особенно, что я и сдѣлаю.

III.

Есть дружбы странныя: оба друга одинъ другаго ло съѣсть хотятъ, всю жизнь такъ живутъ, а между тѣмъ статься не могутъ. Разстаться даже никакъ нельзя: раска зившійся и разорвавшій связь другъ первый же заболѣе пожалуй умретъ, если это случится. Я положительно зна Стела Трофимовичъ нѣсколько разъ, и иногда пос мыхъ интимныхъ изліяній глазъ на глазъ съ Варварой П ной, по уходѣ ея, вдругъ вскакивалъ съ дивана и на колотить кулаками въ стѣну.

Происходило это безъ малѣйшей аллегоріи, такъ даже что однажды отбилъ отъ стѣны штукатурку. Можетъ-быть спросятъ: какъ могъ я узнать такую тонкую подробность? А что если я самъ бывалъ свидѣтелемъ? Что если самъ Степанъ Трофимовичъ неоднократно рыдалъ на моемъ плечѣ, въ яркихъ краскахъ рисуя предо мной всю свою подноготную? (И ужъ чего-чего при этомъ не говорилъ!) Но вотъ что случалось почти всегда послѣ этихъ рыданій: назавтра онъ уже готовъ былъ распять самого себя за неблагодарность; поспѣшно призывалъ меня къ себѣ или прибѣгалъ ко мнѣ самъ, единственно чтобы возвѣстить мнѣ что Варвара Петровна „ангелъ чести и деликатности, а онъ совершенно противоположное“. Онъ не только ко мнѣ прибѣгалъ, но неоднократно описывалъ все это ей самой въ краснорѣчивѣйшихъ письмахъ, и признавался ей, за своею полною подписью, что не далѣе какъ напримѣръ вчера, онъ разказывалъ постороннему лицу что она держитъ его изъ тщеславія, завидуетъ его учености и талантамъ; ненавидитъ его и боится только выказать свою ненависть явно, въ страхѣ чтобъ онъ не ушелъ отъ нея и тѣмъ не повредилъ ея литературной репутаціи; что вслѣдствіе этого онъ себя презираетъ и рѣшился погибнуть насильственною смертью; а отъ нея ждетъ послѣдняго слова, которое все рѣшитъ, и пр., и пр., все въ этомъ родѣ. Можно представить послѣ этого до какой истерики доходили иногда нервные взрывы этого невиннѣйшаго изъ всѣхъ пятидесятилѣтнихъ младенцевъ! Я самъ однажды читалъ одно изъ такихъ его писемъ, послѣ какой-то между ними ссоры, изъ-за ничтожной причины, но ядовитой по выполненію. Я ужаснулся и умолялъ не посылать письма.

— Нельзя.... честнѣе.... долгъ.... я умру если не признаюсь ей во всемъ, во всемъ! отвѣчалъ онъ чуть не въ горячкѣ, и послалъ-таки письмо.

Въ томъ-то и была разница между ними что Варвара Петровна никогда бы не послала такого письма. Правда, онъ писать любилъ безъ памяти, писалъ къ ней даже живя въ одномъ съ нею домѣ, а въ истерическихъ случаяхъ и по два письма въ день. Я знаю навѣрное что она всегда внимательнѣйшимъ образомъ эти письма прочитывала, даже въ случаѣ и двухъ писемъ въ день, и прочитавъ, складывала въ особый ящичекъ, ломѣченныя и разсортированныя; кромѣ того слагала ихъ въ сердцѣ своемъ. Затѣмъ, выдержавъ своего друга весь день

безъ отвѣта, встрѣчалась съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало, будто ровно ничего вчера особеннаго не случилось. Мало-по-малу она такъ его вымуштровала что онъ уже и самъ не смѣлъ напоминать о вчерашнемъ, а только заглядывалъ ей нѣкоторое время въ глаза. Но она ничего не забывала, а онъ забывалъ иногда слишкомъ ужь скоро и ободренный ея же спокойствіемъ, нерѣдко въ тотъ же день смѣялся и школьничалъ за шампанскимъ, если приходили пріятели. Съ какимъ должно-быть ядомъ она смотрѣла на него въ тѣ минуты, а онъ ничего-то не примѣчалъ! Развѣ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, или даже черезъ полгода, въ какую-нибудь особую минуту, нечаянно вспомнивъ какое-нибудь выраженіе изъ такого письма, а затѣмъ и все письмо, со всѣми обстоятельствами, онъ вдругъ сгоралъ отъ стыда и до того бывало мучился что заболѣвалъ своими припадками холерины. Эти особенные съ нимъ припадки, въ родѣ холерины, бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыкновеннымъ исходомъ его нервныхъ потрясеній и представляли собою нѣкоторый любопытный въ своемъ родѣ куріозъ въ его тѣлосложеніи.

Дѣйствительно, Варвара Петровна навѣрно и весьма часто его ненавидѣла; но онъ одного только въ ней не примѣтилъ до самого конца, того что сталъ наконецъ для нея ея сыномъ, ея созданіемъ, даже можно сказать ея изобрѣтеніемъ; сталъ плотью отъ плоти ея, и что она держитъ и содержитъ его вовсе не изъ одной только „зависти къ его талантамъ“. И какъ должно-быть она была оскорбляема такими предположеніями! Въ ней таилась какая-то нестерпимая любовь къ нему, среди безпрерывной ненависти, ревности и презрѣнія. Она охраняла его отъ каждой пылинки, нянчилась съ нимъ двадцать л года, не спала бы цѣлыхъ ночей отъ заботы, еслибы дѣ коснулось до его репутаціи поэта, ученаго, гражданскаго дѣ теля. Она его выдумала, и въ свою выдумку сама же пер и увѣровала. Онъ былъ нѣчто въ родѣ какой-то ея мечт Но она требовала отъ него за это дѣйствительно мно иногда даже рабства. Злопамятна же была до невѣроятн Кстати ужь разкажу два анекдота.

IV.

Однажды, еще при первыхъ слухахъ объ освобожде стьянъ, когда вся Россія вдругъ взликовала и готовил возродиться, посѣтилъ Варвару Петровну одинъ проѣз

тербургскій баронъ, человѣкъ съ самыми высокими связями и сгоявшій весьма близко у дѣла. Варвара Петровна чрезвычайно цѣнила подобныя посѣщенія, потому что связи ея въ обществѣ выстемъ, по смерти ея супруга, все болѣе и болѣе ослабѣвали, подъ конецъ и совсѣмъ прекратились. Баронъ просидѣлъ у нея часъ и кушалъ чай. Никого другихъ не было, но Степана Трофимовича Варвара Петровна пригласила и выставила. Баронъ о немъ кое-что даже слышалъ и прежде, или сдѣлалъ видъ что слышалъ, но за чаемъ мало къ нему обращался. Разумѣется Степанъ Трофимовичъ въ грязь себя ударить не могъ, да и манеры его были самыя изящныя. Хотя происхожденія онъ былъ, кажется, не высокаго, но случилось такъ что воспитанъ былъ съ самаго малолѣтства въ одномъ знатномъ домѣ въ Москвѣ и стало-быть прилично; пофранцузски говорилъ какъ Парижанинъ. Такимъ образомъ баронъ съ перваго взгляда долженъ былъ понять какими людьми Варвара Петровна окружаетъ себя, хотя бы и въ губернскомъ уединеніи. Вышло однако не такъ. Когда баронъ подтвердилъ положительно совершенную достовѣрность только что разнесшихся тогда первыхъ слуховъ о великой реформѣ, Степанъ Трофимовичъ вдругъ не вытерпѣлъ и крикнулъ *ура!* и даже сдѣлалъ рукой какой-то жестъ, изображавшій восторгъ. Крикнулъ онъ не громко и даже изящно; даже можетъ-быть восторгъ былъ преднамѣренный, а жестъ нарочно заученъ предъ зеркаломъ, за полчаса предъ чаемъ; но должно-быть у него что-нибудь тутъ не вышло, такъ что баронъ позволилъ себѣ чуть-чуть улыбнуться, хотя тотчасъ же необыкновенно вѣжливо ввернулъ фразу о всеобщемъ и надлежащемъ умиленіи всѣхъ русскихъ сердецъ въ виду великаго событія. Затѣмъ скоро уѣхалъ и уѣзжая не забылъ протянуть и Степану Трофимовичу два пальца. Возвратясь въ гостиную, Варвара Петровна сначала молчала минуты три, что-то какъ бы отыскивая на столѣ; но вдругъ обернулась къ Степану Трофимовичу, и блѣдная, со сверкающими глазами, процѣдила шелотомъ:

— Я вамъ этого никогда не забуду!

На другой день она встрѣтилась со своимъ другомъ какъ ни въ чемъ не бывало; о случившемся никогда не поминала. Но тринадцать лѣтъ спустя, въ одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его, и такъ же точно поблѣднѣла какъ и тринадцать лѣтъ назадъ, когда въ первый разъ попрекала.

Только два раза во всю свою жизнь сказала она ему: „я вамъ этого никогда не забуду!“ Случай съ барономъ былъ уже второй случай; но и первый случай въ свою очередь такъ характеренъ и кажется такъ много означалъ въ судьбѣ Степана Трофимовича что я рѣшаюсь и о немъ упомянуть.

Это было въ пятьдесятъ пятомъ году, весной, въ маѣ мѣсяцѣ, именно послѣ того какъ въ Скворешникахъ получилось извѣстіе о кончинѣ генералъ-лейтенанта Ставрогина, старца легкомысленнаго, скончавшагося отъ разстройства въ желудкѣ, по дорогѣ въ Крымъ, куда онъ спѣшилъ по назначенію въ дѣйствующую армію. Варвара Петровна осталась вдовой и облеклась въ полный трауръ. Правда, не могла она горевать очень много; ибо въ послѣдніе четыре года жила съ мужемъ въ совершенной разлукѣ, по несходству характеровъ, и производила ему пенсіонъ. (У самого генералъ-лейтенанта было всего только полтораста душъ и жалованье, кромѣ того знатность и связи; а все богатство и Скворешники принадлежали Варварѣ Петровнѣ, единственной дочери одного очень богатаго откупщика.) Тѣмъ не менѣе она была потрясена неожиданностію извѣстія и удалилась въ полное уединеніе. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ находился при ней безотлучно.

Май былъ въ полномъ расцвѣтѣ; вечера стояли удивительные. Зацвѣла черемуха. Оба друга сходились каждый вечеръ въ саду и просиживали до ночи въ бесѣдкѣ, изливая другъ предъ другомъ свои чувства и мысли. Минуты бывали поэтическія. Варвара Петровна подъ впечатлѣніемъ перемѣны въ судьбѣ своей говорила больше обыкновеннаго. Она какъ бы льнула къ сердцу своего друга и такъ продолжалось нѣсколько вечеровъ. Одна странная мысль вдругъ осѣнила Степана Трофимовича: „не разчитываетъ ли неутѣшная вдова на него и не ждетъ ли, въ концѣ траурнаго года, предложенія съ его стороны?“ Мысль циническая; но вѣдь возвышенность организаціи даже иногда способствуетъ наклонности къ циническимъ мыслямъ, уже по одной только многосторонности развитія. Онъ сталъ вникать и нашелъ что походило на то. Онъ задумался: „Состояніе огромное, правда, но....“ Дѣйствительно Варвара Петровна не совсѣмъ походила на красавицу: это была высокая, желтая, костлявая женщина, съ чрезмѣрно длиннымъ лицомъ, напоминавшимъ что-то лошадиное. И болѣе и болѣе колебался Степанъ Трофимовичъ, мучимый сомнѣніями, даже всплакнулъ раза два отъ нерѣшимости

(плакалъ онъ довольно часто). По вечерамъ же, то-есть въ бесѣдкѣ, лицо его какъ-то невольно стало выражать нѣчто капризное и насмѣшливое, нѣчто кокетливое и въ то же время высокомѣрное и упрямое. Это какъ-то нечаянно, невольно дѣлается, и даже чѣмъ благороднѣе человѣкъ, тѣмъ оно и замѣтнѣе. Богъ знаетъ какъ тутъ судить, но вѣроятнѣе что ничего и не начиналось въ сердцѣ Варвары Петровны такого что̀ могло бы оправдать вполнѣ подозрѣнія Степана Трофимовича. Да и не промѣняла бы она своего имени Ставрогиной на его имя, хотя бы и столь славное. Можетъ-быть была всего только одна лишь женственная игра съ ея стороны, проявленіи безсознательной женской потребности, столь натуральной въ иныхъ чрезвычайныхъ женскихъ случаяхъ. Впрочемъ не поручусь; неизслѣдима глубина женскаго сердца даже и до сегодня! Но продолжаю.

Надо думать что она скоро про себя разгадала странное выраженіе лица своего друга; она была чутка и приглядчива, онъ же слишкомъ иногда невиненъ. Но вечера шли попрежнему, и разговоры были такъ же поэтичны и интересны. И вотъ однажды, съ наступленіемъ ночи, послѣ самаго оживленнаго и поэтическаго разговора, они дружески разстались, горячо пожавъ другъ другу руки у крыльца флигеля въ которомъ квартировалъ Степанъ Трофимовичъ. Каждое лѣто онъ перебирался въ этотъ флигелекъ, стоявшій почти въ саду, изъ огромнаго барскаго дома Скворешниковъ. Только-что онъ вошелъ къ себѣ и, въ хлопотливомъ раздумьи, взявъ сигару и еще не успѣвъ ее закурить, остановился, усталый, неподвижно предъ раскрытымъ окномъ, приглядываясь къ легкимъ какъ пухъ бѣлымъ облачкамъ, скользившимъ вокругъ яснаго мѣсяца, какъ вдругъ легкій шорохъ заставилъ его вздрогнуть и обернуться. Предъ нимъ опять стояла Варвара Петровна, которую онъ оставилъ всего только четыре минуты назадъ. Желтое лицо ея почти посинѣло, губы были сжаты и вздрагивали по краямъ. Секундъ десять полныхъ смотрѣла она ему въ глаза молча, твердымъ, неумолимымъ взглядомъ, и вдругъ прошептала скороговоркой:

— Я никогда вамъ этого не забуду!

Когда Степанъ Трофимовичъ, уже десять лѣтъ спустя, передавалъ мнѣ эту грустную повѣсть шепотомъ, заперевъ сначала двери, то клялся мнѣ что онъ до того остолбенѣлъ тогда на мѣстѣ что не слыхалъ и не видѣлъ какъ Варвара Петров-

на исчезла. Такъ какъ она никогда ни разу потомъ не намекала ему на происшедшее и все пошло какъ ни въ чемъ не бывало, то онъ всю жизнь наклоненъ былъ къ мысли что все это была одна галюцинація предъ болѣзнію, тѣмъ болѣе что въ ту же ночь онъ и вправду заболѣлъ на цѣлыхъ двѣ недѣли, что̀, кстати, прекратило и свиданія въ бесѣдкѣ.

Но несмотря на мечту о галюцинаціи, онъ каждый день, всю свою жизнь, какъ бы ждалъ продолженія и такъ-сказать развязки этого событія. Онъ не вѣрилъ что оно такъ и кончилось! А если такъ, то странно же онъ долженъ былъ иногда поглядывать на своего друга.

V.

Она сама сочинила ему даже костюмъ, въ которомъ онъ и проходилъ всю свою жизнь. Костюмъ былъ изященъ и характеренъ: длиннополый, черный сюртукъ, почти до верху застегнутый, но щегольски сидѣвшій; мягкая шляпа (лѣтомъ соломенная) съ широкими полями; галстукъ бѣлый, батистовый, съ большимъ узломъ и висячими концами; трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, при этомъ волосы до плечъ. Онъ былъ темнорусъ и волосы его только въ послѣднее время начали немного сѣдѣть. Усы и бороду онъ брилъ. Говорятъ, въ молодости онъ былъ чрезвычайно красивъ собой. Но по моему, и въ старости былъ необыкновенно внушителенъ. Да и какая же старость въ пятьдесятъ три года? Но по нѣкоторому гражданскому кокетству, онъ не только не молодился, но какъ бы и щеголялъ солидностію лѣтъ своихъ, и въ костюмѣ своемъ, высокій, сухощавый, съ волосами до плечъ, походилъ какъ бы на патріарха или, еще вѣрнѣе, на портретъ поэта Кукольника, литографированный въ тридцатыхъ годахъ при какомъ-т изданіи, особенно когда сидѣлъ лѣтомъ въ саду, на лавкѣ, под кустомъ расцвѣтшей сирени, опершись обѣими руками н трость, съ раскрытою книгой подлѣ и поэтически задума шись надъ закатомъ солнца. Насчетъ книгъ замѣчу что под конецъ онъ сталъ какъ-то удаляться отъ чтенія. Впрочем это ужь подъ самый конецъ. Газеты и журналы, выписыв мые Варварой Петровной во множествѣ, онъ читалъ пос янно. Успѣхами русской литературы тоже постоянно инте совался, хотя и нисколько не теряя своего достоинс Увлекся было когда-то изученіемъ высшей современной п

тики нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, но вскорѣ, махнувъ рукой, оставилъ предпріятіе. Бывало и то: возьметъ съ собою въ садъ Токевиля, а въ карманкѣ несетъ спрятаннаго Поль-де-Кока. Но впрочемъ это пустяки.

Замѣчу въ скобкахъ и о портретѣ Кукольника: попалась эта картинка Варварѣ Петровнѣ въ первый разъ когда она находилась, еще дѣвочкой, въ благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ. Она тотчасъ же влюбилась въ портретъ, по обыкновенію всѣхъ дѣвочекъ въ пансіонахъ, влюбляющихся во что̀ ни попало, а вмѣстѣ и въ своихъ учителей, преимущественно чистописанія и рисованія. Но любопытны въ этомъ не свойства дѣвочки, а то что даже и въ пятьдесятъ лѣтъ Варвара Петровна сохраняла эту картинку въ числѣ самыхъ интимныхъ своихъ драгоцѣнностей, такъ что и Степану Трофимовичу можетъ-быть только поэтому сочинила нѣсколько похожій на изображенный на картинкѣ костюмъ. Но и это конечно мелочь.

Въ первые годы, или точнѣе въ первую половину пребыванія у Варвары Петровны, Степанъ Трофимовичъ все еще помышлялъ о какомъ-то сочиненіи и каждый день серіозно собирался его писать. Но во вторую половину онъ должно-быть и зады позабылъ. Все чаще и чаще онъ говаривалъ намъ: „Кажется готовъ къ труду, матеріалы собраны, и вотъ не работается! Ничего не дѣлается!“ и опускалъ голову въ унынiи. Безъ сомнѣнія это-то и должно было придать ему еще больше величія въ нашихъ глазахъ, какъ страдальцу науки; но самому ему хотѣлось чего-то другаго. „Забыли меня, никому я не нуженъ!“ вырывалось у него не разъ. Эта усиленная хандра особенно овладѣла имъ въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Варвара Петровна поняла наконецъ что дѣло серіозное. Да и не могла она перенести мысли о томъ что другъ ея забытъ и не нуженъ. Чтобы развлечь его, а вмѣстѣ для подновленія славы, она свозила его тогда въ Москву, гдѣ у ней было нѣсколько изящныхъ литературныхъ и ученыхъ знакомствъ; но вскорѣ оказалось что и Москва неудовлетворительна.

Тогда было время особенное; наступило что-то новое, очень ужь не похожее на прежнюю тишину, и что-то очень ужь странное, но вездѣ ощущаемое, даже въ Скворешникахъ. Доходили разные слухи. Факты были вообще извѣстны болѣе или менѣе, но очевидно было что кромѣ фактовъ явились и

какія-то сопровождавшія ихъ идеи, и главное въ чрезмѣрномъ количествѣ. А это-то и смущало: никакъ невозможно было примѣниться и въ точности узнать что̀ именно означали эти идеи? Варвара Петровна, вслѣдствіе женскаго устройства натуры своей, непремѣнно хотѣла подразумѣвать въ нихъ секретъ. Она принялась было сама читать газеты и журналы, заграничныя запрещенныя изданія и даже начавшіяся тогда прокламаціи (все это ей доставлялось); но у ней только голова закружилась. Привлась она писать письма: отвѣчали ей мало, и чѣмъ далѣе, тѣмъ непонятнѣе. Степанъ Трофимовичъ торжественно приглашенъ былъ объяснить ей „всѣ эти идеи“ разъ навсегда; но объясненіями его она осталась положительно недовольна. Взглядъ Степана Трофимовича на всеобщее движеніе былъ въ высшей степени высокомѣрный; у него все сводилось на то что онъ самъ забытъ и никому не нуженъ. Наконецъ и о немъ вспомянули, сначала въ заграничныхъ изданіяхъ, какъ о ссыльномъ страдальцѣ, и потомъ тотчасъ же въ Петербургѣ, какъ о бывшей звѣздѣ въ извѣстномъ созвѣздіи; даже сравнивали его почему-то съ Радищевымъ. Затѣмъ кто-то напечаталъ что онъ уже умеръ и обѣщалъ его некрологъ. Степанъ Трофимовичъ мигомъ воскресъ и сильно пріосанился. Все высокомѣріе его взгляда на современниковъ разомъ соскочило, и въ немъ загорѣлась мечта: примкнуть къ движенію и показать свои силы. Варвара Петровна тотчасъ же вновь и во все увѣровала и ужасно засуетилась. Рѣшено было ѣхать въ Петербургъ безъ малѣйшаго отлагательства, разузнать все на дѣлѣ, вникнуть лично и, если возможно, войти въ новую дѣятельность всецѣло и нераздѣльно. Между прочимъ она объявила что готова основать свой журналъ и посвятить ему отнынѣ всю свою жизнь. Увидавъ что дошло даже до этого, Степанъ Трофимовичъ сталъ еще высокомѣрнѣе, въ дорогѣ же началъ относиться къ Варварѣ Петровнѣ почти покровительственно,—что̀ она тотчасъ же сложила въ сердцѣ своемъ. Впрочемъ у ней была и другая весьма важная причина къ поѣздкѣ, именно возобновленіе высшихъ связей. Надо было, по возможности, напомнить о себѣ въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ попытаться. Гласнымъ же предлогомъ къ путешествію было свиданіе съ единственнымъ сыномъ, оканчивавшимъ тогда курсъ наукъ въ петербургскомъ лицеѣ.

VI.

Они съѣздили и прожили въ Петербургѣ почти весь зимній сезонъ. Все, однако, къ Великому посту лопнуло какъ радужный мыльный пузырь. Мечты разлетѣлись, а сумбуръ не только не выяснился, но сталъ еще отвратительнѣе. Во-первыхъ, высшія связи почти не удались, развѣ въ самомъ микроскопическомъ видѣ и съ унизительными натяжками. Оскорбленная Варвара Петровна бросилась было вездѣ въ „новыя идеи“ и открыла у себя вечера. Она позвала литераторовъ, и къ ней ихъ тотчасъ же привели во множествѣ. Потомъ уже приходили и сами, безъ приглашенія; одинъ приводилъ другаго. Никогда еще она не видывала такихъ литераторовъ. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, какъ бы тѣмъ исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не всѣ) являлись даже пьяные, но какъ бы сознавая въ этомъ особенную, вчера только открытую красоту. Всѣ они чѣмъ-то гордились до странности. На всѣхъ лицахъ было написано что они сейчасъ только открыли какой-то чрезвычайно важный секретъ. Они бранились, вмѣняя себѣ это въ честь. Довольно трудно было узнать что̀ именно они написали; но тутъ были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители. Степанъ Трофимовичъ проникъ даже въ самый высшій ихъ кругъ, туда откуда управляли движеніемъ. До управляющихъ было до невѣроятности высоко, но его они встрѣтили радушно, хотя конечно никто изъ нихъ ничего о немъ не зналъ и не слыхивалъ кромѣ того что онъ „представляетъ идею“. Онъ до того маневрировалъ около нихъ что и ихъ завралъ раза два въ салонъ Варвары Петровны, несмотря на все ихъ олимпійство. Эти были очень серіозны и очень вѣжливы; держали себя хорошо; остальные видимо ихъ боялись; но очевидно было что имъ некогда. Явились и двѣ-три прежнія литературныя знаменитости, случившіяся тогда въ Петербургѣ и съ которыми Варвара Петровна давно уже поддерживала самыя изящныя отношенія. Но къ удивленію ея эти дѣйствительныя и уже несомнѣнныя знаменитости были тише воды, ниже травы, а иныя изъ нихъ просто льнули ко всему этому новому сброду и позорно у него заискивали. Сначала Степану Трофимовичу повезло; за него ухватились и

стали его выставлять на публичныхъ литературныхъ собраніяхъ. Когда онъ вышелъ въ первый разъ на эстраду, въ одномъ изъ публичныхъ литературныхъ чтеній, въ числѣ читавшихъ, раздались неистовыя рукоплесканія, не умолкавшія минутъ пять. Онъ со слезами вспоминалъ объ этомъ девять лѣтъ спустя,—впрочемъ скорѣе по художественности своей натуры, чѣмъ изъ благодарности. „Клянусь же вамъ и лари держу", говорилъ онъ мнѣ самъ (но только мнѣ и по секрету), „что никто-то изо всей этой публики знать не зналъ о мнѣ ровнешенько ничего!" Признаніе замѣчательное: стало-быть былъ же въ немъ острый умъ, если онъ тогда же, на эстрадѣ, могъ такъ ясно понять свое положеніе, несмотря на все свое упоеніе; и стало-быть не было въ немъ остраго ума, если онъ даже девять лѣтъ спустя не могъ вспомнить о томъ безъ ощущенія обиды. Его заставили подписаться подъ двумя или тремя коллективными протестами (противъ чего онъ и самъ не зналъ); онъ подписался. Варвару Петровну тоже заставили подписаться подъ какимъ-то „безобразнымъ постулкомъ", и та подписалась. Впрочемъ большинство этихъ новыхъ людей хоть и посѣщали Варвару Петровну, но считали себя почему-то обязанными смотрѣть на нее съ презрѣніемъ и съ нескрываемою насмѣшкой. Степанъ Трофимовичъ намекалъ мнѣ потомъ, въ горькія минуты, что она съ тѣхъ-то поръ ему и позавидовала. Она конечно понимала что ей нельзя водиться съ этими людьми, но все-таки принимала ихъ съ жадностію, со всѣмъ женскимъ истерическимъ нетерпѣніемъ и, главное, все чего-то ждала. На вечерахъ она говорила мало, хотя и могла бы говорить; но она больше вслушивалась. Говорили объ уничтоженіи цензуры и буквы *ѣ*, о замѣненіи русскихъ буквъ латинскими, о вчерашней ссылкѣ такого-то, о какомъ-то скандалѣ въ Пассажѣ, о полезности раздробленія Россіи по народностямъ съ вольною федеративною связью, объ уничтоженіи арміи и флота, о возстановленіи Польши по Днѣпръ, о крестьянской реформѣ и прокламаціяхъ, объ уничтоженіи наслѣдства, семейства, дѣтей и священниковъ, о правахъ женщины, о домѣ Краевскаго, котораго никто и никогда не могъ простить господину Краевскому, и пр. и пр. Ясно было что въ этомъ сбродѣ новыхъ людей много мошенниковъ, но несомнѣнно было что много и честныхъ, весьма даже привлекательныхъ лицъ, несмотря на нѣкоторые все-таки удивительные оттѣнки. Честные были гораздо непонятнѣе безчестныхъ и гру-

быхъ; но неизвѣстно было кто у кого въ рукахъ. Когда Варвара Петровна объявила свою мысль объ изданіи журнала, то къ ней хлынуло еще больше народу, но тотчасъ же посыпались въ глаза обвиненія что она капиталистка и эксплуатируетъ трудъ. Безцеремонность обвиненій равнялась только ихъ неожиданности. Престарѣлый генералъ Иванъ Ивановичъ Дроздовъ, прежній другъ и сослуживецъ покойнаго генерала Ставрогина, человѣкъ достойнѣйшій (но въ своемъ родѣ) и котораго всѣ мы здѣсь знаемъ, до крайности строптивый и раздражительный, ужасно много ѣвшій и ужасно боявшійся атеизма, заспорилъ на одномъ изъ вечеровъ Варвары Петровны съ однимъ знаменитымъ юношей. Тотъ ему первымъ словомъ: „Вы стало-быть генералъ, если такъ говорите“, то-есть въ томъ смыслѣ что уже хуже генерала онъ и брани не могъ найти. Иванъ Ивановичъ вспылилъ чрезвычайно: „Да, сударь, я генералъ и генералъ-лейтенантъ, и служилъ государю моему, а ты, сударь, мальчишка и безбожникъ!“ Произошолъ скандалъ непозволительный. На другой день случай былъ обличенъ въ печати, и начала собираться коллективная подписка противъ „безобразнаго поступка“ Варвары Петровны, не захотѣвшей тотчасъ же прогнать генерала. Въ иллюстрированномъ журналѣ явилась карикатура въ которой язвительно сколировали Варвару Петровну, генерала и Степана Трофимовича на одной картинкѣ, въ видѣ трехъ ретроградныхъ друзей; къ картинкѣ приложены были и стихи, написанные народнымъ поэтомъ единственно для этого случая. Замѣчу отъ себя что дѣйствительно у многихъ особъ въ генеральскихъ чинахъ есть привычка смѣшно говорить: „Я служилъ государю моему“... то-есть точно у нихъ не тотъ же государь какъ и у насъ, простыхъ государевыхъ подданныхъ, а особенный, ихній.

Оставаться долѣе въ Петербургѣ было, разумѣется, невозможно, тѣмъ болѣе что и Степана Трофимовича постигло окончательное fiasco. Онъ не выдержалъ и сталъ заявлять о правахъ искусства, а надъ нимъ стали еще громче смѣяться. На послѣднемъ чтеніи своемъ онъ задумалъ подѣйствовать гражданскимъ краснорѣчіемъ, воображая тронуть сердца и разчитывая на почтеніе къ своему „изгнанію“. Онъ безспорно согласился въ безполезности и комичности слова „отечество“; согласился и съ мыслію о вредѣ религіи, но громко и твердо заявилъ что салоги ниже Пушкина и да-

же гораздо. Его безжалостно освистали, такъ что онъ тутъ же, публично, не сойдя съ эстрады, расплакался. Варвара Петровна привезла его домой едва живаго. „On m'a traité comme un vieux bonnet de coton!“ лепеталъ онъ безсмысленно. Она ходила за нимъ всю ночь, давала ему лавровишневыхъ капель и до разсвѣта повторяла ему: „Вы еще полезны; вы еще явитесь; васъ оцѣнятъ... въ другомъ мѣстѣ.“

На другой же день, рано утромъ, явились къ Варварѣ Петровнѣ пять литераторовъ, изъ нихъ трое совсѣмъ незнакомыхъ, которыхъ она никогда и не видывала. Со строгимъ видомъ они объявили ей что разсмотрѣли дѣло о ея журналѣ и принесли по этому дѣлу рѣшеніе. Варвара Петровна рѣшительно никогда и никому не поручала разсматривать и рѣшать что-нибудь о ея журналѣ. Рѣшеніе состояло въ томъ чтобъ она, основавъ журналъ, тотчасъ же передала его имъ вмѣстѣ съ капиталами, на правахъ свободной ассоціаціи; сама же чтобъ уѣзжала въ Скворешники, не забывъ захватить съ собою Степана Трофимовича, „который устарѣлъ“. Изъ деликатности они соглашались признавать за нею права собственности и высылать ей ежегодно одну шестую чистаго барыша. Всего трогательнѣе было то что изъ этихъ пяти человѣкъ навѣрное четверо не имѣли при этомъ никакой стяжательной цѣли, а хлопотали только во имя „общаго дѣла“.

— Мы выѣхали какъ одурѣлые, разказывалъ Степанъ Трофимовичъ,—я ничего не могъ сообразить и, ломлю, все лепеталъ подъ стукъ вагона:

„Вѣкъ и Вѣкъ и Левъ Камбекъ,
Левъ Камбекъ и Вѣкъ и Вѣкъ...“

и чортъ знаетъ что̀ еще такое, вплоть до самой Москвы. Только въ Москвѣ опомнился—какъ будто и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь другое въ ней могъ найти? О, друзья мои! иногда восклицалъ онъ намъ во вдохновеніи,—вы представить не можете какая грусть и злость охватываетъ всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватятъ неумѣлые и вытащутъ къ такимъ же дуракамъ какъ и сами на улицу, и вы вдругъ встрѣчаете ее уже на толкучемъ, не узнаваемую, въ грязи, поставленную мелѣло, угломъ, безъ пропорціи, безъ гармоніи, игрушкой у глупыхъ ребятъ! Нѣтъ! Въ наше время было не такъ, и мы не къ тому стремились. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не къ тому. Я не узнаю ничего... Наше время

настанетъ опять и опять направитъ на твердый путь все шатающееся, теперешнее. Иначе что же будетъ?...

VII.

Тотчасъ же по возвращеніи изъ Петербурга, Варвара Петровна отправила друга своего за границу: „отдохнуть“; да и надо было имъ разстаться на время, она это чувствовала. Степанъ Трофимовичъ поѣхалъ съ восторгомъ: „Тамъ я воскресну“! восклицалъ онъ, „тамъ, наконецъ, примусь за науку!“ Но съ первыхъ же писемъ изъ Берлина онъ затянулъ свою всегдашнюю ноту: „Сердце разбито“, писалъ онъ Варварѣ Петровнѣ, „не могу забыть ничего! Здѣсь, въ Берлинѣ, все напомнило мнѣ мое старое, прошлое, первые восторги и первыя муки. Гдѣ она? Гдѣ теперь онѣ обѣ? Гдѣ вы, два ангела, которыхъ я никогда не стоилъ? Гдѣ сынъ мой, возлюбленный сынъ мой? Гдѣ наконецъ я, я самъ, прежній я, стальной по силѣ и непоколебимый какъ утесъ, когда теперь какой-нибудь Andrejeff, un православный шутъ съ бородой, peut briser mon existence en deux“ и т. д. и т. д. Что касается до сына Степана Трофимовича, то онъ видѣлъ его всего два раза въ своей жизни, въ первый разъ когда тотъ родился, и во второй—недавно въ Петербургѣ, гдѣ молодой человѣкъ готовился поступить въ университетъ. Всю же свою жизнь мальчикъ, какъ уже и сказано было, воспитывался у тетокъ въ О—ской губерніи (на иждивеніи Варвары Петровны) за семьсотъ верстъ отъ Скворешниковъ. Что же касается до Andrejeff, то-есть Андреева, то это былъ просто-за-просто нашъ здѣшній купецъ, лавочникъ, большой чудакъ, археологъ-самоучка, страстный собиратель русскихъ древностей, иногда пикировавшійся со Степаномъ Трофимовичемъ познаніями, а главное въ направленіи. Этотъ почтенный купецъ, съ сѣдою бородой и въ большихъ серебряныхъ очкахъ, не доплатилъ Степану Трофимовичу четырехсотъ рублей за купленныя въ его имѣньицѣ (рядомъ со Скворешниками) нѣсколько десятинъ лѣсу на срубъ. Хотя Варвара Петровна и роскошно надѣлила своего друга средствами, отправляя его въ Берлинъ, но на эти четыреста рублей Степанъ Трофимовичъ, предъ поѣздкой, особо разчитывалъ, вѣроятно на секретные свои расходы, и чуть не заплакалъ когда Andrejeff попросилъ повременить одинъ мѣсяцъ, имѣя впрочемъ и право на

такую отсрочку, ибо первые взносы денегъ произвелъ всѣ впередъ чуть не за полгода, по особенной тогдашней нуждѣ Степана Трофимовича. Варвара Петровна съ жадностію прочла это первое письмо, и подчеркнувъ карандашомъ восклицаніе: „гдѣ вы обѣ?“ помѣтила числомъ и залерла въ шкатулку. Онъ конечно вспоминалъ о своихъ обѣихъ покойницахъ-женахъ. Во второмъ полученномъ изъ Берлина письмѣ пѣсня варьировалась: „Работаю по двѣнадцати часовъ въ сутки (хоть бы по одиннадцати, проворчала Варвара Петровна), роюсь въ библіотекахъ, свѣряюсь, выписываю, бѣгаю; былъ у профессоровъ. Возобновилъ знакомство съ превосходнымъ семействомъ Дундасовыхъ. Какая прелесть Надежда Николаевна даже до сихъ поръ! Вамъ кланяется. Молодой ея мужъ и всѣ три племянника въ Берлинѣ. По вечерамъ съ молодежью бесѣдуемъ до разсвѣта, и у насъ чуть не аѳинскіе вечера, но единственно по тонкости и изяществу; все благородное: много музыки, испанскіе мотивы, мечты всечеловѣческаго обновленія, идея вѣчной красоты, Сикстинская Мадонна, свѣтъ съ прорѣзами тьмы, но и въ солнцѣ пятна! О, другъ мой, благородный, вѣрный другъ! Я сердцемъ съ вами и вашъ, съ одной всегда, en tout pays, и хотя бы даже dans le pays de Makar et de ses veaux, о которомъ, помните, такъ часто мы трепеща говорили въ Петербургѣ предъ отъѣздомъ. Вспоминаю съ улыбкой. Переѣхавъ границу, ощутилъ себя безопаснымъ, ощущеніе странное, новое, впервые послѣ столь долгихъ лѣтъ....“ и т. д. и т. д.

— Ну, все вздоръ! рѣшила Варвара Петровна, складывая и это письмо,—коль до разсвѣта аѳинскіе вечера, такъ не сидѣть же по двѣнадцати часовъ за книгами. Съ пьяну что ль написалъ? Эта Дундасова какъ смѣетъ мнѣ посылать поклоны? Впрочемъ, пусть его погулятъ....

Фраза „dans le pays de Makar et de ses veaux“ означала: „куда Макаръ телятъ не гонялъ.“ Степанъ Трофимовичъ нарочно глупѣйшимъ образомъ переводилъ иногда русскія пословицы и коренныя поговорки на французскій языкъ, безъ сомнѣнія умѣя и понять и перевести лучше; но это онъ дѣлывалъ изъ особаго рода шику и находилъ его остроумнымъ.

Но погулялъ онъ не много, четырехъ мѣсяцевъ не выдержалъ и примчался въ Скворешники. Послѣднія письма его состояли изъ однихъ лишь изліяній самой чувствительной любви къ своему отсутствующему другу и буквально были смо-

чены слезами разлуки. Есть натуры чрезвычайно приживающіяся къ дому, точно комнатныя собачки. Свиданіе друзей было восторженное. Черезъ два дня все пошло по старому и даже скучнѣе стараго. „Другъ мой“, говорилъ мнѣ Степанъ Трофимовичъ черезъ двѣ недѣли, подъ величайшимъ секретомъ, „другъ мой, я открылъ ужасную для меня... новость: Je suis un простой приживальщикъ et rien de plus! Mais r-r-rien de plus!

VIII.

Затѣмъ у насъ наступило затишье и тянулось почти сплошь всѣ эти девять лѣтъ. Истерическіе взрывы и рыданія на моемъ плечѣ, продолжавшіеся регулярно, нисколько не мѣшали нашему благоденствію. Удивляюсь какъ Степанъ Трофимовичъ не растолстѣлъ за это время. Покраснѣлъ лишь немного его носъ и прибавилось благодушія. Мало-по-малу около него утвердился кружокъ пріятелей, впрочемъ, постоянно небольшой. Варвара Петровна хоть и мало касалась кружка, но всѣ мы признавали ее нашею патронессой. Послѣ петербургскаго урока она поселилась въ нашемъ городѣ окончательно; зимой жила въ городскомъ своемъ домѣ, а лѣтомъ въ подгородномъ своемъ имѣніи. Никогда она не имѣла столько значенія и вліянія какъ въ послѣднія семь лѣтъ, въ нашемъ губернскомъ обществѣ, то-есть вплоть до назначенія къ намъ нашего теперешняго губернатора. Прежній губернаторъ нашъ, незабвенный и мягкій Иванъ Осиповичъ, приходился ей близкимъ родственникомъ и былъ когда-то ею облагодѣтельствованъ. Супруга его трепетала при одной мысли не угодить Варварѣ Петровнѣ, а поклоненіе губернскаго общества дошло до того что напоминало даже нѣчто грѣховное. Было, сталобыть, хорошо и Степану Трофимовичу. Онъ былъ членомъ клуба, осанисто проигрывалъ и заслужилъ почетъ, хотя многіе смотрѣли на него только какъ на „ученаго“. Въ послѣдствіи, когда Варвара Петровна позволила ему жить въ другомъ домѣ, намъ стало еще свободнѣе. Мы собирались у него раза по два въ недѣлю; бывало весело, особенно когда онъ не жалѣлъ шампанскаго. Вино забиралось въ лавкѣ того же Андреева. Расплачивалась по счету Варвара Петровна каждые полгода, и день расплаты почти всегда бывалъ днемъ холерины.

Старинѣйшимъ членомъ кружка былъ Липутинъ, губернскій чиновникъ, человѣкъ уже не молодой, большой либералъ и въ городѣ слывшій атеистомъ. Женатъ онъ былъ во второй разъ на молоденькой и хорошенькой, взялъ за ней приданое и кромѣ того имѣлъ трехъ подросшихъ дочерей. Всю семью держалъ въ страхѣ Божіемъ и взаперти, былъ чрезмѣрно скупъ и службой скопилъ себѣ домикъ и капиталъ. Человѣкъ былъ безпокойный, притомъ въ маленькомъ чинѣ; въ городѣ его мало уважали, а въ высшемъ кругѣ не принимали. Къ тому же онъ былъ явный и не разъ уже наказанный сплетникъ, и наказанный больно, разъ однимъ офицеромъ, а въ другой разъ почтеннымъ отцомъ семейства, ломѣцикомъ. Но мы любили его острый умъ, любознательность, его особенную злую веселость. Варвара Петровна не любила его, но онъ всегда какъ-то умѣлъ къ ней подольщаться.

Не любила она и Шатова, всего только въ послѣдній годъ ставшаго членомъ кружка. Шатовъ былъ прежде студентомъ и былъ исключенъ послѣ одной студентской исторіи изъ университета; въ дѣтствѣ же былъ ученикомъ Степана Трофимовича, а родился крѣпостнымъ Варвары Петровны, отъ покойнаго камердинера ея Павла Ѳедорова, и былъ ею облагодѣтельствованъ. Не любила она его за гордость и неблагодарность, и никакъ не могла простить ему что онъ по изгнаніи изъ университета не пріѣхалъ къ ней тотчасъ же; напротивъ, даже на тогдашнее нарочное письмо ея къ нему ничего не отвѣтилъ и предпочелъ закабалиться къ какому-то цивилизованному купцу учить дѣтей. Вмѣстѣ съ семьей этого купца онъ выѣхалъ за границу, скорѣе въ качествѣ дядьки чѣмъ гувернера; но ужь очень хотѣлось ему тогда за границу. При дѣтяхъ находилась еще и гувернантка, бойкая русская барышня, поступившая въ домъ тоже предъ самымъ выѣздомъ и принятая болѣе за дешевизну. Мѣсяца черезъ два купецъ ее выгналъ „за вольныя мысли“. Поплелся за нею и Шатовъ, и въ скорости обвѣнчался съ нею въ Женевѣ. Прожили они вдвоемъ недѣли съ три, а потомъ разстались какъ вольные и ничѣмъ не связанные люди; конечно, тоже и по бѣдности. Долго потомъ скитался онъ одинъ по Европѣ, жилъ Богъ знаетъ чѣмъ; говорятъ, чистилъ на улицахъ салоги и въ какомъ-то портѣ былъ носильщикомъ. Наконецъ, съ годъ тому назадъ вернулся къ намъ въ родное гнѣздо и поселился со старухой теткой, которую и схоронилъ черезъ мѣсяцъ. Съ

сестрой своею Дашей, тоже воспитанницей Варвары Петровны, жившею у ней фаворитkой на самой благородной ногѣ, онъ имѣлъ самыя рѣдkія и отдаленныя сношенія. Между нами былъ постоянно угрюмъ и неразговорчивъ; но изрѣдka, kогда затрогивали его убѣжденія, раздражался болѣзненно и былъ очень невоздерженъ на языkъ. „Шатова надо сначала связать, а потомъ ужь съ нимъ разсуждать“, шутилъ иногда Степанъ Трофимовичъ; но онъ любилъ его. За границей Шатовъ радиkально измѣнилъ нѣkоторыя изъ прежнихъ соціалистическихъ своихъ убѣжденій и перескочилъ въ противоположную kрайность. Это было одно изъ тѣхъ идеальныхъ русскихъ существъ, довольно впрочемъ рѣдkихъ, kоторыхъ вдругъ поразитъ kaкая-нибудь сильная идея и тутъ же разомъ точно придавитъ ихъ собою, иногда даже на вѣkи. Справиться съ нею они никогда не въ силахъ, а увѣруютъ страстно, и вотъ вся жизнь ихъ проходитъ потомъ kакъ бы въ послѣднихъ kорчахъ лодъ свалившимся на нихъ и на половину совсѣмъ уже раздавившимъ ихъ kамнемъ. Наружностью Шатовъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своимъ убѣжденіямъ: онъ былъ неуkлюжъ, бѣлokуръ, kосматъ, низkаго роста, съ широkими плечами, толстыми губами, съ очень густыми, нависшими бѣлобрысыми бровями, съ нахмуреннымъ лбомъ, съ непривѣтливымъ, упорно потупленнымъ и kакъ бы чего-то стыдящимся взглядомъ. На волосахъ его вѣчно оставался одинъ такой вихоръ kоторый ни за что̀ не хотѣлъ пригладиться и стоялъ торчkомъ. Лѣтъ ему было двадцать семь или двадцать восемь. „Я не удивляюсь болѣе что жена отъ него сбѣжала“, отнеслась Варвара Петровна однажды, пристально kъ нему приглядѣвшись. Старался онъ одѣваться чистенько, несмотря на чрезвычайную свою бѣдность. Kъ Варварѣ Петровнѣ опять не обратился за помощію, а пробивался чѣмъ Богъ пошлетъ; занимался и у kупцовъ. Разъ сидѣлъ въ лавkѣ, потомъ совсѣмъ было уѣхалъ на пароходѣ съ товаромъ, прикащичьимъ помощниkомъ, но заболѣлъ предъ самою отправkой. Трудно представить себѣ kакую нищету способенъ онъ былъ переносить, даже и не думая о ней вовсе. Варвара Петровна послѣ его болѣзни переслала ему сekретно и анонимно сто рублей. Онъ разузналъ однаkоже сekретъ, подумалъ, деньги принялъ и пришелъ kъ Варварѣ Петровнѣ поблагодарить. Та съ жаромъ приняла его, но онъ и тутъ постыдно обманулъ ея ожиданія: просидѣлъ всего пять минутъ, молча, тупо уставившись въ зем-

лю и глупо улыбаясь, и вдругъ, не дослушавъ ея, и на самомъ интересномъ мѣстѣ разговора, всталъ, поклонился какъ-то бокомъ, косолапо, застыдился въ прахъ, кстати ужь задѣлъ и грохнулъ объ полъ ея дорогой, наборный рабочій столикъ, разбилъ его и вышелъ едва живой отъ позора. Лилутинъ очень укорялъ его потомъ за то что онъ не отвергнулъ тогда съ презрѣніемъ эти сто рублей, какъ отъ бывшей его деспотки-ломѣщицы, и не только принялъ, а еще благодарить потащился. Жилъ онъ уединенно, на краю города и не любилъ если кто-нибудь даже изъ насъ заходилъ къ нему. На вечера къ Степану Трофимовичу являлся постоянно и бралъ у него читать газеты и книги.

Являлся на вечера и еще одинъ молодой человѣкъ, нѣкто Виргинскій, здѣшній чиновникъ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ Шатовымъ, хотя повидимому и совершенно противоположный ему во всѣхъ отношеніяхъ: но это тоже былъ „семьянинъ“. Жалкій и чрезвычайно тихій молодой человѣкъ, впрочемъ лѣтъ уже тридцати, съ значительнымъ образованіемъ, но больше самоучка. Онъ былъ бѣденъ, женатъ, служилъ и содержалъ тетку и сестру своей жены. Супруга его, да и всѣ дамы были самыхъ послѣднихъ убѣжденій, но все это выходило у нихъ нѣсколько грубовато, именно, тутъ была „идея попавшая на улицу“, какъ выразился когда-то Степанъ Трофимовичъ по другому поводу. Онѣ все брали изъ книжекъ, и по первому даже слуху изъ столичныхъ прогрессивныхъ уголковъ нашихъ, готовы были выбросить за окно все что̀ угодно, лишь бы только совѣтовали выбрасывать. M-me Виргинская занималась у насъ въ городѣ повивальною профессіей; въ дѣвицахъ она долго жила въ Петербургѣ. Самъ Виргинскій былъ человѣкъ рѣдкой чистоты сердца, и рѣдко я встрѣчалъ болѣе честный душевный огонь. „Я никогда, никогда не отстану отъ этихъ свѣтлыхъ надеждъ“, говаривалъ онъ мнѣ съ сверкающими глазами. О „свѣтлыхъ надеждахъ“ онъ говорилъ всегда тихо, съ сладостію, полушелотомъ, какъ бы секретно. Онъ былъ довольно высокаго роста, но чрезвычайно тонокъ и узокъ въ плечахъ, съ необыкновенно жиденькими, рыжеватаго оттѣнка волосиками. Всѣ высокомѣрныя насмѣшки Степана Трофимовича надъ нѣкоторыми изъ его мнѣній, онъ принималъ кротко, возражалъ же ему иногда очень серіозно и во многомъ ставилъ его въ тупикъ. Степанъ Трофимовичъ обра-

лался съ нимъ ласково, да и вообще ко всѣмъ намъ относился отечески.

— Всѣ вы изъ „недосиженныхъ“, шутливо замѣчалъ онъ Виргинскому,—всѣ подобные вамъ, хотя въ васъ, Виргинскій, я и не замѣчалъ той огра-ни-чен-ности какую встрѣчалъ въ Петербургѣ chez ces séminairistes, но все-таки вы „недосложенные“. Шатову очень хотѣлось бы высидѣться, но и онъ недосиженный.

— А я? спрашивалъ Лилутинъ.

— А вы просто золотая средина, которая везлѣ уживется.... ло своему.

Лилутинъ обижался.

Разказывали про Виргинскаго и, къ сожалѣнію, весьма достовѣрно, что супруга его, не пробывъ съ нимъ и году въ законномъ бракѣ, вдругъ объявила ему что онъ отставленъ и что она предпочитаетъ Лебядкина. Этотъ Лебядкинъ какой-то заѣзжій, оказался потомъ лицомъ весьма подозрительнымъ и вовсе даже не былъ отставнымъ штабсъ-капитаномъ, какъ самъ титуловалъ себя. Онъ только умѣлъ крутить усы, пить и болтать самый неловкій вздоръ, какой только можно вообразить себѣ. Этотъ человѣкъ прилеликатно тотчасъ же къ нимъ переѣхалъ, обрадовавшись чужому хлѣбу, ѣлъ и спалъ у нихъ, и сталъ наконецъ третировать хозяина свысока. Увѣряли что Виргинскій, при объявленіи ему женой отставки, сказалъ ей: „Другъ мой, до сихъ поръ я только любилъ тебя, теперь уважаю“, но врядъ ли въ самомъ дѣлѣ произнесено было такое древне-римское изреченіе; напротивъ, говорятъ, навзрыдъ плакалъ. Однажды, недѣли двѣ послѣ отставки, всѣ они, всѣмъ „семействомъ“, отправились за городъ, въ рощу кушать чай вмѣстѣ съ знакомыми. Виргинскій былъ какъ-то лихорадочно-весело настроенъ и участвовалъ въ танцахъ; но вдругъ и безъ всякой предварительной ссоры схватилъ гиганта Лебядкина, канканировавшаго соло, обѣими руками за волосы, нагнулъ и началъ таскать его съ визгами, криками и слезами. Гигантъ до того струсилъ что даже не защищался и все время какъ его таскали почти не прерывалъ молчанія; но послѣ таски обидѣлся со всѣмъ пыломъ благороднаго человѣка. Виргинскій всю ночь на колѣняхъ умолялъ жену о прощеніи; но прощенія не вымолилъ, потому что все-таки не согласился пойти извиниться предъ Лебядкинымъ; кромѣ того былъ обличенъ въ скудости убѣжденій и въ глупости;

послѣднее потому что, объясняясь съ женщиной, стоялъ на колѣняхъ. Штабсъ-капитанъ вскорѣ скрылся и явился опять въ нашемъ городѣ только въ самое послѣднее время, съ своею сестрой и съ новыми цѣлями; но о немъ впереди. Не мудрено что бѣдный „семьянинъ“ отводилъ у насъ душу и нуждался въ нашемъ обществѣ. О домашнихъ дѣлахъ своихъ онъ никогда впрочемъ у насъ не высказывался. Однажды только, возвращаясь со мной отъ Степана Трофимовича, заговорилъ было отдаленно о своемъ положеніи, но потомъ же, схвативъ меня за руку, пламенно воскликнулъ:

— Это ничего; это только частный случай; это нисколько, нисколько не ломѣшаетъ „общему дѣлу“!

Являлись къ намъ въ кружокъ и случайные гости; ходилъ Жидокъ Лямшинъ, ходилъ капитанъ Картузовъ. Бывалъ нѣкоторое время одинъ любознательный старичокъ, но померъ. Привелъ-было Липутинъ ссыльнаго ксендза Слоньцевскаго, и нѣкоторое время его принимали по принципу, но потомъ и принимать не стали.

IX.

Одно время въ городѣ передавали о насъ что кружокъ нашъ разсадникъ вольнодумства, разврата и безбожія; да и всегда крѣпился этотъ слухъ. А между тѣмъ у насъ была одна самая невинная, милая, вполнѣ русская веселенькая либеральная болтовня. „Высшій либерализмъ“ и „высшій либералъ“, то-есть либералъ безъ всякой цѣли, возможны только въ одной Россіи. Степану Трофимовичу, какъ и всякому остроумному человѣку, необходимъ былъ слушатель, и кромѣ того необходимо было сознаніе о томъ что онъ исполняетъ высшій долгъ пропаганды идей. А наконецъ надобно же было съ кѣмъ-нибудь выпить шампанскаго и обмѣняться за виномъ извѣстнаго сорта веселенькими мыслями о Россіи и „русскомъ духѣ“, о Богѣ вообще и о „русскомъ Богѣ“ въ особенности; повторить въ сотый разъ всѣмъ извѣстные и всѣми натверженные русскіе скандалезные анекдотцы. Не прочь мы были и отъ городскихъ сплетенъ, причемъ доходили иногда до строгихъ высоко-нравственныхъ приговоровъ. Впадали и въ общечеловѣческое, строго разсуждали о будущей судьбѣ Европы и человѣчества; докторально предсказывали что Франція послѣ цезаризма разомъ нисладетъ на степень второсте-

ленаго государства и совершенно были увѣрены что это ужасно скоро и легко можетъ сдѣлаться. Далѣ давнымъ-давно предсказали мы роль простаго митрополита въ объединенной Италіи, и были совершенно убѣждены что весь этотъ тысячелѣтній вопросъ, въ нашъ вѣкъ гуманности, промышленности и желѣзныхъ дорогъ, одно только плевое дѣло. Но вѣдь „высшій русскій либерализмъ“ иначе и не относится къ дѣлу. Степанъ Трофимовичъ говаривалъ иногда объ искусствѣ и весьма хорошо, но нѣсколько отвлеченно. Вспоминалъ иногда о друзьяхъ своей молодости, — все о лицахъ намѣченныхъ въ исторіи нашего развитія, — вспоминалъ съ умиленіемъ и благоговѣніемъ, но нѣсколько какъ бы съ завистью. Если ужь очень становилось скучно, то Жидокъ Лямшинъ (маленькій почтамскій чиновникъ), мастеръ на фортепіано, садился играть, а въ антрактахъ представлялъ свинью, грозу, роды съ первымъ крикомъ ребенка и пр. и пр.; для того только и приглашался. Если ужь очень подливали,—а это случалось, хотя и не часто,—то приходили въ восторгъ, и даже разъ хоромъ, подъ аккомпаниментъ Лямшина, пропѣли *Марсельезу*, только не знаю хорошо ли вышло. Великій день девятнадцатаго февраля мы встрѣтили восторженно, и задолго еще начали осушать въ честь его тосты. Это было еще давно-давно, тогда еще не было ни Шатова, ни Виргинскаго, и Степанъ Трофимовичъ еще жилъ въ одномъ домѣ съ Варварой Петровной. За нѣсколько времени до великаго дня, Степанъ Трофимовичъ ловадился-было бормотать про себя извѣстные, хотя нѣсколько неестественные стихи, должно-быть сочиненные какимъ-нибудь прежнимъ либеральнымъ помѣщикомъ:

„Идутъ мужики и несутъ топоры,
Что-то страшное будетъ.“

Кажется что-то въ этомъ родѣ, буквально не помню. Варвара Петровна разъ подслушала и крикнула ему: „вздоръ, вздоръ!“ и вышла во гнѣвѣ. Липутинъ, при этомъ случившійся, язвительно замѣтилъ Степану Трофимовичу:

— А жаль если господамъ помѣщикамъ бывшіе ихъ крѣпостные и въ самомъ дѣлѣ принесутъ на радостяхъ нѣкоторую непріятность.

И онъ черкнулъ указательнымъ пальцемъ вокругъ своей шеи.

— Cher ami, благодушно замѣтилъ ему Степанъ Трофимо-

вичъ,—повѣрьте что *это* (онъ повторилъ жестъ вокругъ шеи) нисколько не принесетъ пользы ни нашимъ помѣщикамъ, ни всѣмъ намъ вообще. Мы и безъ головъ ничего не сумѣемъ устроить, несмотря на то что наши головы всего болѣе и мѣшаютъ намъ понимать.

Замѣчу что у насъ многіе полагали что въ день манифеста будетъ нѣчто необычайное, въ томъ родѣ какъ предсказывалъ Лилутинъ, и все вѣдь такъ-называемые знатоки народа и государства. Кажется и Степанъ Трофимовичъ раздѣлялъ эти мысли, и до того даже что почти наканунѣ великаго дня сталъ вдругъ проситься у Варвары Петровны за границу; однимъ словомъ, сталъ безпокоиться. Но прошелъ великій день, прошло и еще нѣкоторое время, и высокомѣрная улыбка появилась опять на устахъ Степана Трофимовича. Онъ высказалъ предъ нами нѣсколько замѣчательныхъ мыслей о характерѣ русскаго человѣка вообще и русскаго мужичка въ особенности.

— Мы, какъ торопливые люди, слишкомъ поспѣшили съ нашими мужичками, заключилъ онъ свой рядъ замѣчательныхъ мыслей;—мы ихъ ввели въ моду, и цѣлый отдѣлъ литературы, нѣсколько лѣтъ сряду, носился съ ними какъ съ новооткрытою драгоцѣнностью. Мы надѣвали лавровые вѣнки на вшивыя головы. Русская деревня, за всю тысячу лѣтъ, дала намъ лишь одного Комаринскаго. Замѣчательный русскій поэтъ, не лишенный притомъ остроумія, увидѣвъ въ первый разъ на сценѣ великую Рашель, воскликнулъ въ восторгѣ: „не промѣняю Рашель на мужика!“ Я готовъ пойти дальше: я и всѣхъ русскихъ мужичковъ отдамъ въ обмѣнъ за одну Рашель. Пора взглянуть трезвѣе и не смѣшивать нашего роднаго сиволапаго дегтя съ bouquet de l'impératrice.

Лилутинъ тотчасъ же согласился, но замѣтилъ что покривить душой и похвалить мужичковъ все-таки было тогда необходимо для направленія; что даже дамы высшаго общества заливались слезами, читая *Антона-Горемыку*, а нѣкоторыя изъ нихъ такъ даже изъ Парижа написали въ Россію своимъ управляющимъ чтобъ отъ сей поры обращаться съ крестьянами какъ можно гуманнѣе.

Случилось, и какъ нарочно сейчасъ послѣ слуховъ объ Антонѣ Петровѣ, что и въ нашей губерніи, и всего-то въ пятнадцати верстахъ отъ Скворешниковъ, произошло нѣкоторое не-

доразумѣніе, такъ что сгоряча послали команду. Въ этотъ разъ Степанъ Трофимовичъ до того взволновался что даже и насъ напугалъ. Онъ кричалъ въ клубѣ что войска надо больше, чтобы призвали изъ другаго уѣзда по телеграфу; бѣгалъ къ губернатору и увѣрялъ его что онъ тутъ не при чемъ; просилъ чтобы не замѣшали его какъ-нибудь, по старой памяти, въ дѣло и предлагалъ немедленно написать о его заявленіи въ Петербургъ, кому слѣдуетъ. Хорошо что все это скоро прошло и разрѣшилось ничѣмъ; но только я подивился тогда на Степана Трофимовича.

Года черезъ три, какъ извѣстно, заговорили о національности и зародилось „общественное мнѣніе“. Степанъ Трофимовичъ очень смѣялся.

— Друзья мои, училъ онъ насъ,—наша національность, если и въ самомъ дѣлѣ „зародилась,“ какъ они тамъ теперь увѣряютъ въ газетахъ, — то сидитъ еще въ школѣ, въ нѣмецкой какой-нибудь петершулѣ, за нѣмецкою книжкой и твердитъ свой вѣчный нѣмецкій урокъ, а Нѣмецъ-учитель ставитъ ее на колѣни, когда понадобится. За учителя-Нѣмца хвалю; но вѣроятнѣе всего что ничего не случилось и ничего такого не зародилось, а идетъ все какъ прежде шло, то-есть подъ покровительствомъ Божіимъ. По моему, и довольно бы для Россіи, pour notre sainte Russie. Притомъ же всѣ эти всеславянства и національности—все это слишкомъ старо чтобы быть новымъ. Національность, если хотите, никогда и не являлась у насъ иначе какъ въ видѣ клубной барской затѣи, и въ добавокъ еще московской. Я, разумѣется, не про Игорево время говорю. И наконецъ, все отъ праздности. У насъ все отъ праздности, и доброе и хорошее. Все отъ нашей барской, милой, образованной, прихотливой праздности! Я тридцать тысячъ лѣтъ про это твержу. Мы своимъ трудомъ жить не умѣемъ. И что они тамъ развозились теперь съ какимъ-то „зародившимся“ у насъ общественнымъ мнѣніемъ,—такъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, съ неба соскочило? Неужто не понимаютъ что для пріобрѣтенія мнѣнія первѣе всего надобенъ трудъ, собственный трудъ, собственный починъ въ дѣлѣ, собственная praktika! Даромъ никогда ничего не достанется. Будемъ трудиться, будемъ и свое мнѣніе имѣть. А такъ какъ мы никогда не будемъ трудиться, то и мнѣніе имѣть за насъ будутъ тѣ кто вмѣсто насъ до сихъ поръ работалъ, то-есть все

та же Европа, все тѣ же Нѣмцы,—двухсотлѣтніе учителя наши. Къ тому же Россія есть слишкомъ великое недоразумѣніе, чтобы намъ однимъ его разрѣшить, безъ Нѣмцевъ и безъ труда. Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ я бью въ набатъ и зову къ труду! Я отдалъ жизнь на этотъ призывъ и, безумецъ, вѣровалъ! Теперь уже не вѣрую, но звоню и буду звонить до конца, до могилы; буду дергать веревку пока не зазвонятъ къ моей панихидѣ!

Увы! мы только поддакивали. Мы аплодировали учителю нашему, да съ какимъ еще жаромъ! А что, господа, не раздается ли и теперь, подъ часъ сплошь да рядомъ, такого же „милаго," „умнаго," „либеральнаго," стараго русскаго вздора?

Въ Бога учитель нашъ вѣровалъ.—Не понимаю почему меня всѣ здѣсь выставляютъ безбожникомъ? говаривалъ онъ иногда,—я въ Бога вѣрую, mais distinguons, я вѣрую какъ въ Существо себя лишь во мнѣ сознающее. Не могу же я вѣровать какъ моя Настасья (служанка), или какъ какой-нибудь баринъ, вѣрующій „на всякій случай",—или какъ нашъ милый Шатовъ,—впрочемъ нѣтъ, Шатовъ не въ счетъ, Шатовъ вѣруетъ *насильно*, какъ московскій славянофилъ. Что же касается до христіанства, то при всемъ моемъ искреннемъ къ нему уваженіи, я—не христіанинъ. Я скорѣе древній язычникъ, какъ великій Гете, или какъ древній Грекъ. И одно уже тѣ что христіанство не понято женщину,—что такъ великолѣпно развила Жоржъ-Зандъ, въ одномъ изъ своихъ геніальныхъ романовъ. На счетъ же поклоненій, постовъ и всего прочаго, то не понимаю кому какое до меня дѣло? Какъ бы ни хлопотали здѣсь наши доносчики, а іезуитомъ я быть не желаю. Въ сорокъ седьмомъ году, Бѣлинскій, будучи за границей, послалъ къ Гоголю извѣстное свое письмо, и въ немъ горячо укорялъ того что тотъ вѣруетъ „въ какого-то Бога". Entre nous soit dit, ничего не могу вообразить себѣ комичнѣе того мгновенія когда Гоголь (тогдашній Гоголь!) прочелъ это выраженіе и.... все письмо! Но откинувъ смѣшное и такъ какъ я вообще съ сущностію дѣла согласенъ, то скажу и укажу: вотъ были люди! Сумѣли же они любить свой народъ, сумѣли же пострадать за него, сумѣли же пожертвовать для него всѣмъ и сумѣли же въ то же время не сходиться съ нимъ когда надо, не потворствовать ему въ извѣстныхъ понятіяхъ. Не

могъ же, въ самомъ дѣлѣ, Бѣлинскій искать спасенія въ постномъ маслѣ, или въ рѣдькѣ съ горохомъ!...

Но тутъ вступался Шатовъ.

— Никогда эти ваши люди не любили народа, не страдали за него и ничѣмъ для него не жертвовали, какъ бы ни воображали это сами, себѣ въ утѣху! угрюмо ворчалъ онъ потупившись и нетерпѣливо повернувшись на стулѣ.

— Это они-то не любили народа! заволилъ Степанъ Трофимовичъ,—о, какъ они любили Россію!

— Ни Россіи, ни народа! заволилъ и Шатовъ, сверкая глазами; — нельзя любить то чего не знаешь, а они ничего въ Русскомъ народѣ не смыслили! Всѣ они, и вы вмѣстѣ съ ними, просмотрѣли Русскій народъ сквозь пальцы, а Бѣлинскій особенно; ужь изъ того самаго письма его къ Гоголю это видно. Бѣлинскій точь-въ-точь какъ Крылова *Любопытный* не примѣтилъ слона въ Кунсткамерѣ, а все вниманіе свое устремилъ на французскихъ соціальныхъ букашекъ; такъ и покончилъ на нихъ. А вѣдь онъ еще, пожалуй, всѣхъ васъ умнѣе былъ! Вы мало того что просмотрѣли народъ,— вы съ омерзительнымъ презрѣніемъ къ нему относились, ужь по тому одному что лодъ народомъ вы воображали себѣ одинъ только Французскій народъ, да и то однихъ Парижанъ, и стыдились что Русскій народъ не таковъ. И это голая правда! А у кого нѣтъ народа, у того нѣтъ и Бога! Знайте навѣрно что всѣ тѣ которые перестаютъ понимать свой народъ и теряютъ съ нимъ свои связи, тотчасъ же, по мѣрѣ того, теряютъ и вѣру отеческую, становятся или атеистами или равнодушными. Вѣрно говорю! Это фактъ который оправдается. Вотъ почему и вы всѣ, и мы всѣ теперь — или гнусные атеисты, или равнодушная, развратная дрянь и ничего больше! И вы тоже Степанъ Трофимовичъ, я васъ нисколько не исключаю, даже на вашъ счетъ и говорилъ, знайте это!

Обыкновенно, проговоривъ подобный монологъ (а съ нимъ это часто случилось) Шатовъ схватывалъ свой картузъ и бросался къ дверямъ, въ полной увѣренности что ужь теперь все кончено и что онъ совершенно и на вѣки порвалъ свои дружескія отношенія къ Степану Трофимовичу. Но тотъ всегда успѣвалъ остановить его во-время.

— А не помириться ль намъ, Шатовъ, послѣ всѣхъ этихъ милыхъ словечекъ? говаривалъ онъ, благодушно протягивая ему съ кресла руку.

Неуклюжій, но стыдливый Шатовъ нѣжностей не любилъ. Снаружи человѣкъ былъ грубый, но про себя, кажется, деликатнѣйшій. Хоть и терялъ часто мѣру, но первый страдалъ отъ того самъ. Проворчавъ что-нибудь подъ носъ на призывныя слова Степана Трофимовича и потолтавшись какъ медвѣдь на мѣстѣ, онъ вдругъ неожиданно ухмылялся, откладывалъ свой картузъ и садился на прежній стулъ, упорно смотря въ землю. Разумѣется приносилось вино, и Степанъ Трофимовичъ провозглашалъ какой-нибудь подходящій тостъ, напримѣръ хоть въ память котораго-нибудь изъ прошедшихъ дѣятелей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Принцъ Гарри. Сватовство.

I.

На землѣ существовало еще одно лицо къ которому Варвара Петровна была привязана не менѣе какъ къ Степану Трофимовичу, — единственный сынъ ея, Николай Всеволодовичъ Ставрогинъ. Для него-то и приглашенъ былъ Степанъ Трофимовичъ въ воспитатели. Мальчику было тогда лѣтъ восемь, а легкомысленный генералъ Ставрогинъ, отецъ его, жилъ въ то время уже въ разлукѣ съ его мамашей, такъ что ребенокъ возросъ подъ однимъ только ея попеченіемъ. Надо отдать справедливость Степану Трофимовичу, онъ умѣлъ привязать къ себѣ своего воспитанника. Весь секретъ его заключался въ томъ что онъ и самъ былъ ребенокъ. Меня тогда еще не было, а въ истинномъ другѣ онъ постоянно нуждался. Онъ не задумался сдѣлать своимъ другомъ такое маленькое существо, едва лишь оно калелыку подросло. Какъ-то такъ естественно сошлось, что между ними не оказалось ни малѣйшаго разстоянія. Онъ не разъ пробуждалъ своего десяти или одиннадцатилѣтняго друга ночью, единственно чтобъ излить предъ нимъ въ слезахъ свои оскорбленныя чувства, или открыть ему какой-нибудь домашній секретъ, не замѣчая что это совсѣмъ уже непозволительно. Они бросались другъ другу въ объятія и плакали. Мальчикъ зналъ про свою мать что она его очень любитъ, но врядъ ли очень любилъ ее самъ. Она мало съ нимъ говорила, рѣдко въ чемъ его очень стѣсняла

но пристально слѣдящій за нимъ ея взглядъ онъ всегда какъ-то болѣзненно ощущалъ на себѣ. Впрочемъ во всемъ дѣлѣ обученія и нравственнаго развитія мать вполнѣ довѣряла Степану Трофимовичу. Тогда еще она вполнѣ въ него вѣровала. Надо думать что педагогъ нѣсколько разстроилъ нервы своего воспитанника. Когда его, по шестнадцатому году, повезли въ лицей, то онъ былъ тщедушенъ и блѣденъ, странно тихъ и задумчивъ. (Въ послѣдствіи онъ отличался чрезвычайною физическою силой.) Надо полагать тоже что друзья плакали, бросаясь ночью взаимно въ объятія, не все объ однихъ какихъ-нибудь домашнихъ анекдотцахъ. Степанъ Трофимовичъ сумѣлъ дотронуться въ сердцѣ своего друга до глубочайшихъ струнъ и вызвать въ немъ первое, еще неопредѣленное ощущеніе той вѣковѣчной, священной тоски которую иная избранная душа, разъ вкусивъ и познавъ, уже не промѣняетъ потомъ никогда на дешевое удовлетвореніе. (Есть и такіе любители которые тоской этой дорожатъ болѣе самаго радикальнаго удовлетворенія, еслибъ даже таковое и было возможно.) Но во всякомъ случаѣ хорошо было что птенца и наставника, хоть и поздно, а развели въ разныя стороны.

Изъ лицея молодой человѣкъ въ первые два года пріѣзжалъ на вакацію. Во время поѣздки въ Петербургъ Варвары Петровны и Степана Трофимовича, онъ присутствовалъ иногда на литературныхъ вечерахъ бывавшихъ у мамаши, слушалъ и наблюдалъ. Говорилъ мало и все попрежнему былъ тихъ и застѣнчивъ. Къ Степану Трофимовичу относился съ прежнимъ нѣжнымъ вниманіемъ, но уже какъ-то сдержаннѣе: о высокихъ предметахъ и о воспоминаніяхъ прошлаго видимо удалялся съ нимъ заговаривать. Кончивъ курсъ, онъ, по желанію мамаши, поступилъ въ военную службу и вскорѣ былъ зачисленъ въ одинъ изъ самыхъ видныхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Показаться мамашѣ въ мундирѣ онъ не пріѣхалъ и рѣдко сталъ писать изъ Петербурга. Денегъ Варвара Петровна посылала ему не жалѣя, несмотря на то что послѣ реформы доходъ съ ея имѣній упалъ до того что въ первое время она и половины прежняго дохода не получала. У ней впрочемъ накопленъ былъ долгою экономіей нѣкоторый, не совсѣмъ маленькій капиталъ. Ее очень интересовали успѣхи сына въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Что не удалось ей, то удалось молодому офицеру, богатому и съ надеждами. Онъ возобновилъ такія знакомства о которыхъ она и меч-

тать уже не могла, и вездѣ былъ принятъ съ большимъ удовольствіемъ. Но очень скоро начали доходить къ Варварѣ Петровнѣ довольно странные слухи: молодой человѣкъ какъ-то безумно и вдругъ закутилъ. Не то чтобъ онъ игралъ или очень пилъ; разсказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленныхъ рысаками людяхъ, о звѣрскомъ поступкѣ съ одною дамой хорошаго общества, съ которой онъ былъ въ связи, а потомъ оскорбилъ ее публично. Что-то даже слишкомъ ужь откровенно грязное было въ этомъ дѣлѣ. Прибавляли сверхъ того что онъ какой-то бретеръ, привязывается и оскорбляетъ изъ удовольствія оскорбить. Варвара Петровна волновалась и тосковала. Степанъ Трофимовичъ увѣрялъ ее что это только первые, буйные порывы слишкомъ богатой организаціи, что море уляжется и что все это похоже на юность принца Гарри, кутившаго съ Фальстафомъ Пойнсомъ и мистрисъ Квикли, описанную у Шекспира. Варвара Петровна на этотъ разъ не крикнула: „вздоръ, вздоръ!“ какъ повадилась въ послѣднее время покрикивать очень часто на Степана Трофимовича, а напротивъ очень прислушалась, велѣла растолковать себѣ подробнѣе, сама взяла Шекспира и съ чрезвычайнымъ вниманіемъ прочла безсмертную хронику. Но хроника ее не успокоила, да и сходства она не такъ много нашла. Она лихорадочно ждала отвѣтовъ на нѣсколько своихъ писемъ. Отвѣты не замедлили; скоро было получено роковое извѣстіе что принцъ Гарри имѣлъ почти разомъ двѣ дуэли, кругомъ былъ виноватъ въ обѣихъ, убилъ одного изъ своихъ противниковъ наповалъ, а другаго искалѣчилъ и, вслѣдствіе такихъ дѣяній, былъ отданъ подъ судъ. Дѣло кончилось разжалованіемъ въ солдаты, съ лишеніемъ правъ и ссылкой на службу въ одинъ изъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, да и то еще по особенной милости.

Въ шестьдесятъ третьемъ году ему какъ-то удалось отличиться; ему дали крестикъ и произвели въ унтеръ-офицеры, а затѣмъ какъ-то ужь скоро и въ офицеры. Во все это время Варвара Петровна отправила можетъ-быть до сотни писемъ въ столицу, съ просьбами и мольбами. Она позволила себѣ нѣсколько унизиться въ такомъ необычайномъ случаѣ. Послѣ производства, молодой человѣкъ вдругъ вышелъ въ отставку, въ Скворешники опять не пріѣхалъ, а къ матери совсѣмъ уже пересталъ писать. Узнали наконецъ, посторонними путями, что онъ опять въ Петербургѣ, но что въ прежнемъ

обществѣ его уже не встрѣчали вовсе; онъ куда-то какъ бы спрятался. Доискались что онъ живетъ въ какой-то странной компаніи, связался съ какимъ-то отребьемъ петербургскаго населенія, съ какими-то безсаложными чиновниками, отставными военными благородно-просящими милостыню, льяницами, посѣщаетъ ихъ грязныя семейства, дни и ночи проводитъ въ темныхъ трущобахъ и Богъ знаетъ въ какихъ закоулкахъ, опустился, оборвался и что стало-быть это ему нравится. Денегъ у матери онъ не просилъ; у него было свое имѣньице,— бывшая деревенька генерала Ставрогина, которое хоть что-нибудь да давало же доходу и которое, по слухамъ, онъ сдалъ въ аренду одному саксонскому Нѣмцу. Наконецъ мать умолила его къ ней пріѣхать, и принцъ Гарри появился въ нашемъ городѣ. Тутъ-то я въ первый разъ и разглядѣлъ его, а до-толѣ никогда не видывалъ.

Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти и, признаюсь, поразилъ меня. Я ждалъ встрѣтить какого-нибудь грязнаго оборванца, испитаго отъ разврата и отдающаго водкой. Напротивъ, это былъ самый изящный джентльменъ изъ всѣхъ которыхъ мнѣ когда-либо приходилось видѣть, чрезвычайно хорошо одѣтый, державшій себя такъ какъ могъ держать себя только господинъ привыкшій къ самому утонченному благообразію. Не я одинъ былъ удивленъ: удивлялся и весь городъ, которому конечно была уже извѣстна вся біографія г. Ставрогина и даже съ такими подробностями что невозможно было представить откуда онѣ могли получиться и, что всего удивительнѣе, изъ которыхъ половина оказалась вѣрною. Всѣ наши дамы были безъ ума отъ новаго гостя. Онѣ рѣзко раздѣлились на двѣ стороны,—въ одной обожали его, а въ другой ненавидѣли до кровомщенія; но безъ ума были и тѣ и другія. Однѣхъ особенно прельщало что на душѣ его есть, можетъ-быть, какая-нибудь роковая тайна; другимъ положительно нравилось что онъ убійца. Оказалось тоже что онъ былъ весьма порядочно образованъ; даже съ нѣкоторыми познаніями. Познаній конечно не много требовалось чтобы насъ удивить; но онъ могъ судить и о насущныхъ, весьма интересныхъ темахъ и, что всего драгоцѣннѣе, съ замѣчательною разсудительностію. Упомяну какъ странность: всѣ у насъ, чуть не съ перваго дня, нашли его чрезвычайно разсудительнымъ человѣкомъ. Онъ былъ не очень разговорчивъ, изященъ безъ изысканности,

удивительно скроменъ и въ то же время смѣлъ и самоувѣренъ какъ у насъ никто. Наши франты смотрѣли на него съ завистью и совершенно предъ нимъ стушевывались. Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то ужь очень черны, свѣтлые глаза его что-то ужь очень спокойны и ясны, цвѣтъ лица что-то ужь очень нѣженъ и бѣлъ, румянецъ что-то ужь слишкомъ ярокъ и чистъ, зубы какъ жемчужины, губы какъ коралловые,—казалось бы лисанный красавецъ, а въ то же время какъ будто и отвратителенъ. Говорили что лицо его напоминаетъ маску; впрочемъ многое говорили, между прочимъ и о чрезвычайной тѣлесной его силѣ. Росту онъ былъ почти высокаго. Варвара Петровна смотрѣла на него съ гордостію, но постоянно съ безпокойствомъ. Онъ прожилъ у насъ съ полгода — вяло, тихо, довольно угрюмо; являлся въ обществѣ и съ неуклоннымъ вниманіемъ исполнялъ весь нашъ губернскій этикетъ. Губернатору, то отцу, онъ былъ сродни и въ домѣ его принятъ какъ близкій родственникъ. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ звѣрь показалъ свои когти.

Кстати замѣчу въ скобкахъ что милый, мягкій нашъ Иванъ Осиповичъ, бывшій нашъ губернаторъ, былъ нѣсколько похожъ на бабу, но хорошей фамиліи и со связями, — чѣмъ и объясняется то что онъ просидѣлъ у насъ столько лѣтъ, постоянно отмахиваясь руками отъ всякаго дѣла. По хлѣбосольству его и гостепріимству, ему бы слѣдовало быть предводителемъ дворянства стараго добраго времени, а не губернаторомъ въ такое хлопотливое время какъ наше. Въ городѣ постоянно говорили что управляетъ губерніей не онъ, а Варвара Петровна. Конечно, это было рѣдко сказано, но однакоже—рѣшительная ложь. Да и мало ли было на этотъ счетъ потрачено у насъ остроумія. Напротивъ, Варвара Петровна, въ послѣднія годы, особенно и сознательно устранила себя отъ всякаго высшаго назначенія, несмотря на чрезвычайное уваженіе къ ней всего общества, и добровольно заключилась въ строгіе предѣлы ею самою себѣ поставленные. Вмѣсто высшихъ назначеній она вдругъ начала заниматься хозяйствомъ, и въ два-три года подняла доходность своего имѣнія чуть не на прежнюю степень. Вмѣсто прежнихъ поэтическихъ порывовъ (поѣздки въ Петербургъ, намѣренія издавать журналъ и проч.), она стала копить и скупиться. Даже Степана Трофимовича отдалила отъ себя, позволивъ ему нанимать квартиру въ другомъ домѣ (о чемъ тотъ давно уже приставалъ къ ней

самъ людъ разными предлогами). Мало-по-малу Степанъ Трофимовичъ сталъ называть ее прозаическою женщиной или еще шутливѣе: „своимъ прозаическимъ другомъ“. Разумѣется, эти шутки онъ позволялъ себѣ не иначе какъ въ чрезвычайно почтительномъ видѣ и долго выбирая удобную минуту.

Всѣ мы, близкіе, понимали,—а Степанъ Трофимовичъ чувствительнѣе всѣхъ насъ, — что сынъ явился предъ нею теперь какъ бы въ видѣ новой надежды и даже въ видѣ какой-то новой мечты. Страсть ея къ сыну началась со времени удачъ его въ петербургскомъ обществѣ и особенно усилилась съ той минуты когда получено было извѣстіе о разжалованіи его въ солдаты. А между тѣмъ она очевидно боялась его и казалась предъ нимъ словно рабой. Замѣтно было что она боялась чего-то неопредѣленнаго, таинственнаго, чего и сама не могла бы высказать, и много разъ непримѣтно и пристально приглядывалась къ Nicolas, что-то соображая и разгадывая.... и вотъ—звѣрь вдругъ выпустилъ свои когти.

II.

Нашъ принцъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, сдѣлалъ двѣ-три невозможныя дерзости разнымъ лицамъ, то-есть главное именно въ томъ состояло что дерзости эти совсѣмъ неслыханныя, совершенно ни на что не похожія, совсѣмъ не такія какія въ обыкновенномъ употребленіи, совсѣмъ дранныя и мальчишническія, и чортъ знаетъ для чего, совершенно безъ всякаго повода. Одинъ изъ почтеннѣйшихъ старшинъ нашего клуба, Петръ Павловичъ Гагановъ, человѣкъ пожилой и даже заслуженный, взялъ невинную привычку ко всякому слову съ азартомъ приговаривать: „Нѣтъ-съ, меня не проведутъ за носъ!“ Оно и пусть бы. Но однажды въ клубѣ, когда онъ, по какому-то горячему поводу, проговорилъ этотъ афоризмъ собравшейся около него кучкѣ клубныхъ посѣтителей (и все людей не послѣднихъ), Николай Всеволодовичъ, стоявшій въ сторонѣ одинъ и къ которому никто и не обращался, вдругъ подошелъ къ Петру Павловичу, неожиданно, но крѣпко ухватилъ его за носъ двумя пальцами и успѣлъ протянуть за собою по залѣ два-три шага. Злобы онъ не могъ имѣть никакой на господина Гаганова. Можно было подумать что это чистое школьничество, разумѣется непростительнѣйшее; и однакоже разсказывали потомъ что онъ въ самое мгновеніе

операціи былъ почти задумчивъ, „точно какъ бы съума сошелъ“; но это уже долго спустя приломили и сообразили. Сгоряча всѣ сначала заломили только второе мгновеніе, когда онъ уже навѣрно все понималъ въ настоящемъ видѣ и не только не смутился, но напротивъ улыбался злобно и весело, „безъ малѣйшаго раскаянія“. Шумъ поднялся ужаснѣйшій; его окружили. Николай Всеволодовичъ повертывался и посматривалъ кругомъ, не отвѣчая никому и съ любопытствомъ приглядываясь къ восклицавшимъ лицамъ. Наконецъ вдругъ какъ будто задумался опять,—такъ по крайней мѣрѣ передавали,—нахмурился, твердо подошелъ къ оскорбленному Петру Павловичу, и скороговоркой, съ видимою досадой, пробормоталъ:

— Вы конечно извините.... Я право не знаю какъ мнѣ вдругъ захотѣлось.... глупость....

Небрежность извиненія равнялась новому оскорбленію. Крикъ поднялся еще луще. Николай Всеволодовичъ пожалъ плечами и вышелъ.

Все это было очень глупо, не говоря уже о безобразіи — безобразіи разчитанномъ и умышленномъ, какъ казалось съ перваго взгляда, а стало-быть составлявшемъ умышленное, до послѣдней степени наглое оскорбленіе всему нашему обществу. Такъ и было это всѣми понято. Начали съ того что немедленно и единодушно исключили господина Ставрогина изъ числа членовъ клуба; затѣмъ порѣшили отъ лица всего клуба обратиться къ губернатору и просить его немедленно (не дожидаясь пока дѣло начнется фармально судомъ) обуздать вреднаго буяна, столичнаго „бретера, ввѣреннаго ему административною властію, и тѣмъ оградить спокойствіе всего порядочнаго круга нашего города отъ вредныхъ посягновеній.“ Съ злобною невинностію прибавляли при этомъ что „можетъ-быть и на господина Ставрогина найдется какой-нибудь законъ.“ Именно эту фразу приготовляли губернатору, чтобъ уколоть его за Варвару Петровну. Размазывали съ наслажденіемъ. Губернатора какъ нарочно не случилось тогда въ городѣ; онъ уѣхалъ недалеко крестить ребенка у одной интересной и недавней вдовы, оставшейся послѣ мужа въ интересномъ положеніи; но знали что онъ скоро воротится. Въ ожиданіи же устроили почтеннаому и обиженному Петру Павловичу цѣлую овацію: обнимали и цѣловали его; весь городъ перебывалъ у него съ визитомъ. Проектировали даже въ честь

его по подпискѣ обѣдъ, и только по усиленной его же просьбѣ оставили эту мысль,—можетъ-быть смекнувъ наконецъ что человѣка все-таки протащили за носъ и что стало-быть очень-то ужь торжествовать нечего.

И однако какъ же это случилось? Какъ могло это случиться? Замѣчательно именно то обстоятельство что никто у насъ, въ цѣломъ городѣ, не приписалъ этого дикаго поступка сумашествію. Значитъ отъ Николая Всеволодовича, и отъ умнаго, наклонны были ожидать такихъ же поступковъ. Съ своей стороны, я даже до сихъ поръ не знаю какъ объяснить, несмотря даже на вскорѣ послѣдовавшее событіе, казалось бы все объяснившее и всѣхъ, повидимому, умиротворившее. Прибавлю тоже что четыре года спустя, Николай Всеволодовичъ, на мой осторожный вопросъ на счетъ этого прошедшаго случая въ клубѣ, отвѣтилъ нахмурившись: „Да я былъ тогда не совсѣмъ здоровъ“. Но забѣгать впередъ нечего.

Любопытенъ былъ для меня и тотъ взрывъ всеобщей ненависти съ которою всѣ у насъ накинулись тогда на „буяна и столичнаго бретера.“ Непремѣнно хотѣли видѣть наглый умыселъ и разчитанное намѣреніе разомъ оскорбить все общество. Подлинно не угодилъ человѣкъ никому и, напротивъ, всѣхъ вооружилъ,—а чѣмъ бы кажется? До послѣдняго случая онъ ни разу ни съ кѣмъ не поссорился и никого не оскорбилъ, а ужь вѣжливъ былъ такъ какъ кавалеръ съ модной картинки, еслибы только тотъ могъ заговорить. Полагаю что за гордость его ненавидѣли. Даже наши дамы, начавшія обожаніемъ, вопили теперь противъ него еще пуще мущинъ.

Варвара Петровна была ужасно поражена. Она призналась потомъ Степану Трофимовичу что все это она давно предугадывала, всѣ эти полгода каждый день, и даже именно въ „этомъ самомъ родѣ“, признаніе замѣчательное со стороны родной матери.—„Началось!“ подумала она содрогаясь. На другое утро, послѣ роковаго вечера въ клубѣ, она приступила, осторожно, но рѣшительно, къ объясненію съ сыномъ, а между тѣмъ вся такъ и трепетала бѣдная, несмотря на рѣшимость. Она всю ночь не спала и даже ходила рано утромъ совѣщаться къ Степану Трофимовичу и у него заплакала, чего никогда еще съ нею при людяхъ не случалось. Ей хотѣлось чтобы Nicolas по крайней мѣрѣ хоть что-нибудь ей сказалъ, хоть объяснился бы удостоилъ. Nicolas, всегда столь вѣжливый и почтительный съ матерью, слушалъ ее нѣкоторое время насу-

лившись, но очень серіозно; вдругъ всталъ, не отвѣтивъ на слова, поцѣловалъ у ней ручку и вышелъ. А въ тотъ же день, вечеромъ, какъ нарочно подосплѣлъ и другой скандалъ, хотя и гораздо послабѣе и пообыкновеннѣе перваго, но тѣмъ не менѣе, благодаря всеобщему настроенію, весьма усилившій городскіе волпи.

Именно подвернулся нашъ пріятель Липутинъ. Онъ явился къ Николаю Всеволодовичу тотчасъ послѣ объясненія того съ мамашей и убѣдительно просилъ его сдѣлать честь пожаловать къ нему въ тотъ же день на вечеринку, по поводу дня рожденія его жены. Варвара Петровна уже давно съ содроганіемъ смотрѣла на такое низкое направленіе знакомствъ Николая Всеволодовича, но замѣтить ему ничего не смѣла на этотъ счетъ. Онъ уже и кромѣ того завелъ нѣсколько знакомствъ въ этомъ третьестепенномъ слоѣ нашего общества и даже еще ниже,—но ужь такую имѣлъ наклонность. У Липутина же въ домѣ до сихъ поръ еще не былъ, хотя съ нимъ самимъ и встрѣчался. Онъ угадалъ что Липутинъ зоветъ его теперь вслѣдствіе вчерашняго скандала въ клубѣ, и что онъ, какъ мѣстный либералъ, отъ этого скандала въ восторгѣ, искренно думаетъ что такъ и надо поступать съ клубными старшинами и что это очень хорошо. Николай Всеволодовичъ разсмѣялся и обѣщалъ пріѣхать.

Гостей набралось множество; народъ былъ не казистый, но разбитной. Самолюбивый и завистливый Липутинъ всего только два раза въ годъ созывалъ гостей, но ужь въ эти разы не скупился. Самый почетнѣйшій гость, Степанъ Трофимовичъ, по болѣзни не пріѣхалъ. Подавали чай, стояла обильная закуска и водка; играли на трехъ столахъ, а молодежь, въ ожиданіи ужина, затѣяла подъ фортеліано танцы. Николай Всеволодовичъ поднялъ мадамъ Липутину — чрезвычайно хорошенькую дамочку, ужасно предъ нимъ робѣвшую,—сдѣлалъ съ нею два тура, усѣлся подлѣ, разговорилъ, разсмѣшилъ ее. Замѣтивъ наконецъ какая она хорошенькая когда смѣется, онъ вдругъ, при всѣхъ гостяхъ, обхватилъ ее за талію и поцѣловалъ въ губы, раза три сряду, въ полную сласть. Испуганная бѣдная женщина упала въ обморокъ. Николай Всеволодовичъ взялъ шляпу, подошелъ къ оторопѣвшему среди всеобщаго смятенія супругу, глядя на него сконфузился и самъ, и пробормотавъ ему наскоро: „не сердитесь“, вышелъ. Липутинъ побѣжалъ за нимъ въ переднюю, собственноручно подалъ ему

шубу и съ поклонами проводилъ съ лѣстницы. Но завтра же, какъ разъ, подоспѣло довольно забавное прибавленіе къ этой, въ сущности невинной исторіи, говоря сравнительно, — прибавленіе доставившее съ тѣхъ поръ Липутину нѣкоторый даже почетъ, которымъ онъ и сумѣлъ воспользоваться въ полную свою выгоду.

Часовъ въ десять утра, въ домѣ госпожи Ставрогиной явилась работница Липутина, Агаѳья, развязная, бойкая и румяная бабенка, лѣтъ тридцати, посланная имъ съ порученіемъ къ Николаю Всеволодовичу и непремѣнно желавшая „повидать ихъ самихъ-съ.“ У него очень болѣла голова, но онъ вышелъ. Варварѣ Петровнѣ удалось присутствовать при передачѣ порученія.

— Сергѣй Васильичъ (то-есть Липутинъ), бойко заторараторила Агаѳья,—перва-на-перво приказали вамъ очень кланяться и о здоровьи спросить-съ, какъ послѣ вчерашняго изволили почивать и какъ изволите теперь себя чувствовать, послѣ вчерашняго-съ?

Николай Всеволодовичъ усмѣхнулся.

— Кланяйся и благодари, да скажи ты своему барину отъ меня, Агаѳья, что онъ самый умный человѣкъ во всемъ городѣ.

— А они противъ этого приказали вамъ отвѣчать-съ, еще бойчѣе подхватила Агаѳья,—что они и безъ васъ про то знаютъ и вамъ того же желаютъ.

— Вотъ! да какъ онъ могъ узнать про то что̀ я тебѣ скажу?

— Ужь не знаю какимъ это манеромъ узнали-съ, а когда я вышла и ужь весь проулокъ прошла, слышу они меня догоняютъ безъ картуза-съ: „Ты, говорятъ, Агаѳьюшка, если, по отчаяніи, прикажутъ тебѣ: „Скажи, дескать, своему барину что онъ умнѣй во всемъ городѣ“, такъ ты имъ тотчасъ на то не забудь: „Сами очинно хорошо про то знаемъ-съ и вамъ того же самого желаемъ-съ....“

III.

Наконецъ произошло объясненіе и съ губернаторомъ. Милый, мягкій нашъ Иванъ Осиповичъ только-что воротился и только-что успѣлъ выслушать горячую клубную жалобу. Безъ сомнѣнія надо было что-нибудь сдѣлать, но онъ смутился. Гостепріимный нашъ старичокъ тоже какъ будто побаивался

своего молодаго родственника. Онъ рѣшился, однако, склонить его извиниться предъ клубомъ и предъ обиженнымъ, но въ удовлетворительномъ видѣ и, если потребуется, то и письменно; а затѣмъ мягко уговорить его насъ оставить, уѣхавъ, напримѣръ, для любознательности въ Италію, и вообще куда-нибудь за границу. Въ залѣ, куда вышелъ онъ принять на этотъ разъ Николая Всеволодовича (въ другіе разы прогуливавшагося, на правахъ родственника, по всему дому невозбранно), воспитанный Алеша Телятниковъ, чиновникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и домашній у губернатора человѣкъ, распечатывалъ въ углу у стола пакетъ; а въ слѣдующей комнатѣ, у ближайшаго къ дверямъ залы окна, ломѣстился одинъ заѣзжій, толстый и здоровый полковникъ, другъ и бывшій сослуживецъ Ивана Осиповича, и читалъ *Голосъ*, разумѣется не обращая никакого вниманія на то что происходило въ залѣ; даже и спѣлъ спиной. Иванъ Осиповичъ заговорилъ отдаленно, почти шепотомъ, но все нѣсколько путался. Nicolas смотрѣлъ очень любезно, совсѣмъ не по родственному, былъ блѣденъ, сидѣлъ потупившись и слушалъ сдвинувъ брови, какъ будто преодолѣвая сильную боль.

— Сердце у васъ доброе, Nicolas, и благородное, включилъ между прочимъ старичокъ, — человѣкъ вы образованнѣйшій, вращались въ кругу высшемъ, да и здѣсь доселѣ держали себя образцомъ и тѣмъ успокоили сердце дорогой намъ всѣмъ матушки вашей.... И вотъ теперь все опять является въ такомъ загадочномъ и опасномъ для всѣхъ колоритѣ! Говорю какъ другъ вашего дома, какъ искренно любящій васъ пожилой и вашъ родной человѣкъ, отъ котораго нельзя обижаться.... Скажите что побуждаетъ васъ къ такимъ необузданнымъ поступкамъ, внѣ всякихъ принятыхъ условій и мѣръ? Что могутъ означать такія выходки, подобно какъ въ бреду?

Nicolas слушалъ съ досадой и съ нетерпѣніемъ. Вдругъ какъ бы что-то хитрое и насмѣшливое промелькнуло въ его взглядѣ.

— Я вамъ пожалуй скажу что побуждаетъ, угрюмо проговорилъ онъ, и оглядѣвшись, наклонился къ уху Ивана Осиповича. Воспитанный Алеша Телятниковъ отдалился еще шага на три къ окну, а полковникъ кашлянулъ за *Голосомъ*. Бѣдный Иванъ Осиповичъ поспѣшно и довѣрчиво протянулъ свое ухо; онъ до крайности былъ любопытенъ. И вотъ тутъ-то и произошло нѣчто совершенно невозможное, а съ другой стороны и слишкомъ ясное въ одномъ отношеніи. Старичокъ

вдругъ почувствовалъ что Nicolas, вмѣсто того чтобы прошелтать ему какой-нибудь интересный секретъ, вдругъ прихватилъ зубами и довольно крѣпко стиснулъ въ нихъ верхнюю часть его уха. Онъ задрожалъ, и духъ его прервался.

— Nicolas, что за шутки! простоналъ онъ машинально, не своимъ голосомъ.

Алеша и полковникъ еще не успѣли ничего понять, да имъ и не видно было и до конца казалось что тѣ шепчутся; а между тѣмъ отчаянное лицо старика ихъ тревожило. Они смотрѣли выпуча глаза другъ на друга, не зная броситься ли имъ на помощь, какъ было условлено, или еще подождать. Nicolas замѣтилъ можетъ-быть это и притиснулъ ухо любопытнѣе.

— Nicolas, Nicolas! простонала опять жертва, — ну.... лошутилъ и довольно....

Еще мгновеніе, и конечно бѣдный умеръ бы отъ испуга; но извергъ помиловалъ и выпустилъ ухо. Весь этотъ смертный страхъ продолжался съ полную минуту, и со старикомъ послѣ того приключился какой-то припадокъ. Но черезъ полчаса Nicolas былъ арестованъ и отведенъ, покамѣсть, на гауптвахту, гдѣ и залегъ въ особую каморку, съ особымъ часовымъ у дверей. Рѣшеніе было рѣзкое, но нашъ мягкій начальникъ до того разсердился что рѣшился взять на себя отвѣтственность даже предъ самой Варварой Петровной. Ко всеобщему изумленію, этой дамѣ, послѣдней и въ раздраженіи прибывшей къ губернатору для немедленныхъ объясненій, было отказано у крыльца въ пріемѣ; съ тѣмъ она и отправилась, не выходя изъ кареты, обратно домой, не вѣря самой себѣ.

И наконецъ-то все объяснилось! Въ два часа полполуночи, арестантъ, дотолѣ удивительно спокойный и даже заснувшій, вдругъ зашумѣлъ, сталъ неистово бить кулаками въ дверь, съ неестественною силой оторвалъ отъ окошка въ дверяхъ желѣзную рѣшетку, разбилъ стекло и изрѣзалъ себѣ руки. Когда караульный офицеръ прибѣжалъ съ командой и ключами и велѣлъ отпереть казематъ, чтобы броситься на взбѣсившагося и связать его, то оказалось что тотъ былъ въ сильнѣйшей бѣлой горячкѣ; его перевезли домой къ мамашѣ. Все разомъ объяснилось. Всѣ три наши доктора дали мнѣніе что и за три дня предъ симъ больной могъ уже быть какъ въ бреду, и хотя и владѣлъ, повидимому, сознаніемъ и хитростію, но уже не здравымъ разсудкомъ и волей, что, впрочемъ, подтверждалось и фактами. Выходило такимъ образомъ что

Лилутинъ раньше всѣхъ догадался. Иванъ Осиповичъ, человѣкъ деликатный и чувствительный, очень сконфузился; но любопытно что и онъ считалъ стало-быть Николая Всеволодовича способнымъ на всякій сумасшедшій поступокъ въ полномъ разсудкѣ. Въ клубѣ тоже устыдились и недоумѣвали какъ это они всѣ слона не примѣтили и упустили единственное возможное объясненіе всѣмъ чудесамъ. Явились, разумѣется, и скептики, но продержались недолго.

Nicolas пролежалъ слишкомъ два мѣсяца. Изъ Москвы былъ выписанъ извѣстный врачъ для консиліума; весь городъ посѣтилъ Варвару Петровну. Она простила. Когда, къ веснѣ, Nicolas совсѣмъ уже выздоровѣлъ и, безъ всякаго возраженія, согласился на предложеніе мамаши съѣздить въ Италію, то она же и упросила его сдѣлать всѣмъ у насъ прощальные визиты и при этомъ, сколько возможно и гдѣ надо, извиниться. Nicolas согласился съ большою охотой. Въ клубѣ извѣстно было что онъ имѣлъ съ Петромъ Павловичемъ Гагановымъ деликатнѣйшее объясненіе у того въ домѣ, которымъ тотъ остался совершенно доволенъ. Разъѣзжая по визитамъ, Nicolas былъ очень серіозенъ и нѣсколько даже мраченъ. Всѣ приняли его, повидимому, съ полнымъ участіемъ, но всѣ почему-то конфузились и рады были тому что онъ уѣзжаетъ въ Италію. Иванъ Осиповичъ даже прослезился, но почему-то не рѣшился обнять его даже и при послѣднемъ прощаніи. Право, нѣкоторые у насъ такъ и остались въ увѣренности что негодяй просто насмѣялся надъ всѣми, а болѣзнь — это что-нибудь такъ. Заѣхалъ онъ и къ Лилутину.

— Скажите, спросилъ онъ его,—какимъ образомъ вы могли заранѣ угадать то что̀ я скажу о вашемъ умѣ и снабдить Агаѳью отвѣтомъ?

— А такимъ образомъ, засмѣялся Лилутинъ, — что вѣдь и я васъ за умнаго человѣка почитаю, а потому и отвѣтъ вашъ заранѣ могъ предузнать.

— Все-таки замѣчательное совпаденіе. Но однако позвольте: вы стало-быть за умнаго же человѣка меня почитали когда присылали Агаѳью, а не за сумасшедшаго?

— За умнѣйшаго и за разсудительнѣйшаго, а только видъ такой подалъ будто вѣрю про то что вы не въ разсудкѣ.... Да и сами вы о моихъ мысляхъ немедленно тогда догадались и мнѣ, чрезъ Агаѳью, латентъ на остроуміе выслали.

— Ну, тутъ вы немного ошибаетесь; я въ самомъ дѣлѣ....

былъ нездоровъ.... пробормоталъ Николай Всеволодовичъ, нахмурившись, — ба! вскричалъ онъ, — да неужели вы и въ самомъ дѣлѣ думаете что я способенъ бросаться на людей въ полномъ разсудкѣ? Да для чего же бы это?

Липутинъ скрючился и не сумѣлъ отвѣтить. Nicolas нѣсколько поблѣднѣлъ, или такъ только показалось Липутину.

— Во всякомъ случаѣ у васъ очень забавное настроеніе мыслей, продолжалъ Nicolas, — а про Агаѳью я, разумѣется, понимаю что вы ее обругать меня присылали.

— Не на дуэль же было васъ вызывать-съ?

— Ахъ, да, бишь! Я вѣдь слышалъ что-то что вы дуэли не любите....

— Что̀ съ французскаго-то переводить! опять скрючился Липутинъ.

— Народности придерживаетесь?

Липутинъ еще болѣе скрючился.

— Ба-ба! что̀ я вижу! вскричалъ Nicolas, вдругъ замѣтивъ на самомъ видномъ мѣстѣ, на столѣ, томъ Консидерана, — да ужь не фурьеристъ ли вы? Вѣдь чего добраго! Такъ развѣ это не тотъ же переводъ съ французскаго? засмѣялся онъ, стуча пальцами въ книгу.

— Нѣтъ, это не съ французскаго переводъ! съ какою-то даже злобой привскочилъ Липутинъ,—это со всемірно-человѣческаго языка будетъ переводъ-съ, а не съ одного только французскаго! Съ языка всемірно-человѣческой соціальной республики и гармоніи, вотъ что-съ! А не съ французскаго одного!...

— Фу, чортъ, да такого и языка совсѣмъ нѣтъ! продолжалъ смѣяться Nicolas.

Иногда даже мелочь поражаетъ исключительно и надолго вниманіе. О господинѣ Ставрогинѣ вся главная рѣчь впереди; но теперь отмѣчу, ради куріоза, что изъ всѣхъ впечатлѣній его, за все время проведенное имъ въ нашемъ городѣ, всего рѣзче отпечаталась въ его памяти невзрачная и чуть не подленькая фигурка губернскаго чиновничишки, ревнивца и семейнаго грубаго деспота, скряги и процентщика, заливавшаго остатки отъ обѣда и огарки на ключъ и въ то же время яростнаго сектатора Богъ знаетъ какой будущей „соціальной гармоніи“, упивавшагося по ночамъ восторгами предъ фантастическими картинами будущей фаланстеры, въ ближайшее осуществленіе которой въ Россіи и въ нашей гу-

вѣріи онъ вѣрилъ какъ въ свое собственное существованіе. И это тамъ гдѣ самъ же онъ скопилъ себѣ „домишко“, гдѣ во второй разъ женился и взялъ за женой деньжонки, гдѣ можетъ-быть на сто верстъ кругомъ не было ни одного человѣка, начиная съ него перваго, хоть бы съ виду только похожаго на будущаго члена „всемірно-обще-человѣческой соціальной респубдики и гармоніи“.

„Богъ знаетъ какъ эти люди дѣлаются!“ думалъ Nicolas въ недоумѣніи, приломивая иногда неожиданнаго фурьериста, „но у насъ они есть....“

IV.

Нашъ принцъ путешествовалъ три года слишкомъ, такъ что въ городѣ почти о немъ позабыли. Намъ же извѣстно было, чрезъ Степана Трофимовича, что онъ изъѣздилъ всю Европу, былъ даже въ Египтѣ и заѣзжалъ въ Іерусалимъ; потомъ примазался гдѣ-то къ какой-то ученой экспедиціи въ Исландію, и дѣйствительно побывалъ въ Исландіи. Передавали тоже что онъ одну зиму слушалъ лекціи въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ. Онъ мало писалъ къ матери,—разъ въ полгода и даже рѣже; но Варвара Петровна не сердилась и не обижалась. Разъ установившіяся отношенія съ сыномъ она приняла безропотно и съ покорностію, но ужь конечно каждый день во всѣ эти три года безпокоилась, тосковала и мечтала о своемъ Nicolas непрерывно. Ни мечтаній, ни жалобъ своихъ не сообщала никому. Даже отъ Степана Трофимовича, повидимому, нѣсколько отдалилась. Она создавала какіе-то планы про себя и, кажется, сдѣлалась еще скупѣе чѣмъ прежде, и еще луще стала колить и сердиться за карточные проигрыши Степана Трофимовича.

Наконецъ въ апрѣлѣ нынѣшняго года она получила письмо изъ Парижа, отъ генеральши Прасковьи Ивановны Дроздовой, подруги своего дѣтства. Въ письмѣ своемъ Прасковья Ивановна, — съ которою Варвара Петровна не видалась и не переписывалась лѣтъ уже восемь,—увѣдомляла ее что Николай Всеволодовичъ коротко сошелся съ ихъ домомъ и подружился съ Лизой (единственною ея дочерью) и намѣренъ сопровождать ихъ лѣтомъ въ Швейцарію, въ Vernex-Montreux, несмотря на то что въ семействѣ графа К.... (весьма вліятельнаго въ Петербургѣ лица), пребывающаго теперь въ Парижѣ,

принятъ какъ родной сынъ, такъ что почти живетъ у графа. Письмо было краткое и обнаруживало ясно свою цѣль, хотя кромѣ вышеозначенныхъ фактовъ, никакихъ выводовъ не заключало. Варвара Петровна долго не думала, мигомъ рѣшилась и собралась, захватила съ собою свою воспитанницу Дашу (сестру Шатова), и въ половинѣ апрѣля покатила въ Парижъ и потомъ въ Швейцарію. Воротилась она въ іюлѣ одна, оставивъ Дашу у Дроздовыхъ; сами же Дроздовы, по привезенному ею извѣстію, обѣщали явиться къ намъ въ концѣ августа.

Дроздовы были тоже помѣщики нашей губерніи, но служба генерала Ивана Ивановича (бывшаго пріятеля Варвары Петровны и сослуживца ея мужа) постоянно мѣшала имъ навѣстить когда-нибудь ихъ великолѣпное помѣстье. По смерти же генерала, приключившейся въ прошломъ году, неутѣшная Прасковья Ивановна отправилась съ дочерью за границу, между прочимъ и съ намѣреніемъ употребить виноградное лѣченіе, которое и располагала совершить въ Vernex-Montreux во вторую половину лѣта. По возвращеніи же въ отечество намѣревалась поселиться въ нашей губерніи навсегда. Въ городѣ у нея былъ большой домъ, много уже лѣтъ стоявшій пустымъ, съ заколоченными окнами. Люди были богатые. Прасковья Ивановна, въ первомъ супружествѣ госпожа Тушина, была, какъ и лансіонская подруга ея Варвара Петровна, тоже дочерью откупщика прошедшаго времени и тоже вышла замужъ съ большимъ приданымъ. Отставной штабъ-ротмистръ Тушинъ и самъ былъ человѣкъ со средствами и съ нѣкоторыми способностями. Умирая онъ завѣщалъ своей семилѣтней и единственной дочери Лизѣ хорошій капиталъ. Теперь, когда Лизаветѣ Николаевнѣ было уже около двадцати двухъ лѣтъ, за нею смѣло можно было считать до двухсотъ тысячъ рублей однихъ ея собственныхъ денегъ, не говоря уже о состояніи которое должно было ей достаться современемъ послѣ матери, не имѣвшей дѣтей во второмъ супружествѣ. Варвара Петровна была, повидимому, весьма довольна своею поѣздкой. По ея мнѣнію, она успѣла сговориться съ Прасковьей Ивановной удовлетворительно и тотчасъ же по пріѣздѣ сообщила все Степану Трофимовичу; даже была съ нимъ весьма экспансивна, что давно уже съ нею не случалось.

— Ура! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ и прищелкнулъ пальцами.

Онъ былъ въ полномъ восторгѣ, тѣмъ болѣе что все время разлуки съ своимъ другомъ провелъ въ крайнемъ унынiи. Уѣзжая за границу, она даже съ нимъ не простилась какъ слѣдуетъ и ничего не сообщила изъ своихъ плановъ „этой бабѣ“, опасаясь можетъ-быть чтобъ онъ чего не разболталъ. Она сердилась на него тогда за значительный карточный проигрышъ, внезапно обнаружившiйся. Но еще въ Швейцарiи почувствовала сердцемъ своимъ что брошеннаго друга надо, по возвращенiи, вознаградить, тѣмъ болѣе что давно уже сурово съ нимъ обходилась. Быстрая и таинственная разлука поразила и истерзала робкое сердце Степана Трофимовича, и какъ нарочно, разомъ подошли и другiя недоумѣнiя. Его мучило одно весьма значительное и давнишнее денежное обязательство, которое безъ помощи Варвары Петровны никакъ не могло быть удовлетворено. Кромѣ того, въ маѣ нынѣшняго года окончилось наконецъ губернаторствованiе нашего добраго, мягкаго Ивана Осиповича; его смѣнили, и даже съ непрiятностями. Затѣмъ, въ отсутствiе Варвары Петровны, произошелъ и въѣздъ нашего новаго начальника, Андрея Антоновича фонъ-Лембке; вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же началось и замѣтное измѣненiе въ отношенiяхъ почти всего нашего губернскаго общества къ Варварѣ Петровнѣ, а стало-быть и къ Степану Трофимовичу. По крайней мѣрѣ онъ уже успѣлъ собрать нѣсколько непрiятныхъ, хотя и драгоцѣнныхъ наблюденiй и, кажется, очень оробѣлъ одинъ безъ Варвары Петровны. Онъ съ волненiемъ подозрѣвалъ что о немъ уже донесли новому губернатору какъ о человѣкѣ опасномъ. Онъ узналъ положительно что нѣкоторыя изъ нашихъ дамъ намѣревались прекратить къ Варварѣ Петровнѣ визиты. О будущей губернаторшѣ (которую ждали у насъ только къ осени) повторяли что она хотя, слышно, и гордячка, но за то уже настоящая аристократка, а не то что „какая-нибудь наша несчастная Варвара Петровна“. Всѣмъ откудова-то было достовѣрно извѣстно съ подробностями что новая губернаторша и Варвара Петровна уже встрѣчались нѣкогда въ свѣтѣ и разстались враждебно, такъ что одно уже напоминанiе о г-жѣ фонъ-Лембке производитъ будто бы на Варвару Петровну впечатлѣнiе болѣзненное. Бодрый и побѣдоносный видъ Варвары Петровны, презрительное равнодушiе съ которымъ она выслушала о мнѣнiяхъ нашихъ дамъ и о волненiи общества, воскресили улавшiй духъ робѣвшаго Степана Трофимовича и

мигомъ развеселили его. Съ особеннымъ, радостно-угодливымъ юморомъ, сталъ было онъ ей расписывать про въѣздъ новаго губернатора.

— Вамъ, excellente amie, безъ всякаго сомнѣнія извѣстно, говорилъ онъ, koketничая и щегольски растягивая слова,—что такое значитъ русскій администраторъ, говоря вообще, и что значитъ русскій администраторъ вновѣ, то-есть нововылеченный, новопоставленный.... Ces interminables mots russes!... Но врядъ ли могли вы узнать практически что такое значитъ административный восторгъ и kakая именно это штука?

— Административный восторгъ? Не знаю что такое.

— То-есть.... Vous savez, chez nous.... En un mot, поставьте kakую-нибудь самую послѣднюю ничтожность у продажи kaкихъ-нибудь дрянныхъ билетовъ на желѣзную дорогу, и эта ничтожность тотчасъ же сочтетъ себя въ правѣ смотрѣть на васъ Юпитеромъ, когда вы пойдете взять билетъ, pour vous montrer son pouvoir. „Дай-ka, deскать, я покажу надъ тобой мою власть....“ И это въ нихъ до административнаго восторга доходитъ.... En un mot, я вотъ прочелъ что kaкой-то дьячокъ, въ одной изъ нашихъ заграничныхъ церквей,—mais c'est très curieux, — выгналъ, то-есть выгналъ буквально изъ церкви одно замѣчательное англійское семейство, les dames charmantes, предъ самымъ началомъ великопостнаго богослуженія,—vous savez ces chants et le livre de Job.... единственно подъ тѣмъ предлогомъ что „шататься иностранцамъ по русскимъ церквамъ есть непорядокъ, и чтобы приходили въ показанное время....“ и довелъ до обморока.... En un mot, этотъ дьячокъ былъ въ припадкѣ административнаго восторга et il a montré son pouvoir....

— Сократите, если можете, Степанъ Трофимовичъ.

— Господинъ фонъ-Лембке поѣхалъ теперь по губерніи. En un mot, этотъ Андрей Антоновичъ, хотя и русскій Нѣмецъ православнаго исповѣданія, и даже, — уступлю ему это, — замѣчательно kрасивый мущина, изъ сорокалѣтнихъ....

— Съ чего вы взяли что kрасивый мущина? У него бараньи глаза.

— Въ высшей степени. Но ужь я уступаю, такъ и быть, мнѣнію нашихъ дамъ....

— Перейдемте, Степанъ Трофимовичъ, прошу васъ! Кстати вы носите kрасные галстуки, давно ли?

— Это я.... я только сегодня....

— А дѣлаете ли вы вашъ моціонъ? Ходите ли ежедневно по шести верстъ прогуливаться, какъ вамъ предписано докторомъ?

— Не.... не всегда.

— Такъ я и знала! Я въ Швейцаріи еще это предчувствовала! раздражительно вскричала она,—теперь вы будете не по шести, а по десяти верстъ ходить! Вы ужасно опустились, ужасно, уж-жасно! Вы не то что постарѣли, вы одряхлѣли.... вы поразили меня когда я васъ увидѣла давеча, несмотря на вашъ красный галстукъ.... quelle idée rouge! Продолжайте о фонъ-Лембке, если въ самомъ дѣлѣ есть что сказать и кончите когда-нибудь, прошу васъ; я устала.

— En un mot, я только вѣдь хотѣлъ сказать что это одинъ изъ тѣхъ начинающихъ въ сорокъ лѣтъ администраторовъ которые до сорока лѣтъ прозябаютъ въ ничтожествѣ и потомъ вдругъ выходятъ въ люди, посредствомъ внезапно пріобрѣтенной супруги, или какимъ-нибудь другимъ, не менѣе отчаяннымъ средствомъ.... То-есть онъ теперь уѣхалъ.... то-есть я хочу сказать что про меня тотчасъ же нашептали въ оба уха, что я развратитель молодежи и разсадникъ губернскаго атеизма.... Онъ тотчасъ же началъ справляться.

— Да правда ли?

— Я даже мѣры принялъ. Когда про васъ „до-ло-жили“ что вы „управляли губерніей“, vous savez,—онъ позволилъ себѣ выразиться что „подобнаго болѣе не будетъ“.

— Такъ и сказалъ?

— Что „подобнаго болѣе не будетъ“, и avec cette morgue.... Супругу, Нину Павловну, мы узримъ здѣсь въ концѣ августа, прямо изъ Петербурга.

— Изъ-за границы. Мы тамъ встрѣтились.

— Vraiment?

— Въ Парижѣ и въ Швейцаріи. Она Дроздовымъ родня.

— Родня? Какое замѣчательное совпаденіе! Говорятъ честолюбива и... съ большими будто бы связями?

— Вздоръ, связишки! До сорока пяти лѣтъ просидѣла въ дѣвкахъ безъ копѣйки, а теперь выскочила за своего фонъ-Лембке и, конечно, вся ея цѣль теперь его въ люди вытащить. Оба интриганы.

— И, говорятъ, двумя годами старше его?

— Цѣлыми пятью. Мать ея въ Москвѣ хвостъ обшлепала у меня на порогѣ; на балы ко мнѣ, при Всеволодѣ Николаевичѣ, какъ изъ милости напрашивалась. А эта бывало всю

ночь одна въ углу сидитъ безъ танцевъ, со своею бирюзовою мухой на лбу, такъ что я ужь въ третьемъ часу, только изъ жалости, ей перваго кавалера посылаю. Ей тогда двадцать пять лѣтъ уже было, а ее все какъ дѣвчонку въ коротенькомъ платьицѣ вывозили. Ихъ пускать къ себѣ стало неприлично.

— Эгу муху я точно вижу.

— Я вамъ говорю, я пріѣхала и прямо на интригу наткнулась. Вы вѣдь читали сейчасъ письмо Дроздовой, что могло быть яснѣе? Что же застаю? Сама же эта дура Дроздова,— она всегда только дурой была, — вдругъ смотритъ вопросительно: зачѣмъ, дескать, я пріѣхала? Можете представить какъ я была удивлена! Гляжу, а тутъ финтитъ эта Лембке и при ней этотъ кузенъ, старика Дроздова племянникъ — все ясно! Разумѣется я мигомъ все передѣлала, и Прасковья опять на моей сторонѣ, но интрига, интрига!

— Которую вы однако же побѣдили. О, вы Бисмаркъ!

— Не будучи Бисмаркомъ, я способна однакоже разсмотрѣть фальшь и глупость гдѣ встрѣчу. Лембке, это—фальшь, а Прасковья—глупость. Рѣдко я встрѣчала болѣе раскистую женщину, и въ добавокъ ноги распухли, и въ добавокъ добра. Что можетъ быть глупѣе глупаго добряка?

— Злой дуракъ, ma bonne amie, злой дуракъ еще глупѣе, благородно оппонировалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Вы можетъ-быть и правы, вы вѣдь Лизу помните?

— Charmante enfant!

— Но теперь уже не enfant, а женщина и женщина съ характеромъ. Благородная и пылкая, и люблю въ ней что матери не спускаетъ, довѣрчивой дурѣ. Тутъ изъ-за этого кузена чуть не вышла исторія.

— Ба, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ Лизаветѣ Николаевнѣ совсѣмъ не родня... Виды что ли имѣетъ?

— Видите, это молодой офицеръ, очень неразговорчивый, даже скромный. Я всегда желаю быть справедливою. Мнѣ кажется онъ самъ противъ всей этой интриги и ничего не желаетъ, а финтила только Лембке. Очень уважалъ Nicolas. Вы понимаете, все дѣло зависитъ отъ Лизы, но я ее въ превосходныхъ отношеніяхъ къ Nicolas оставила, и онъ самъ обѣщался мнѣ непремѣнно пріѣхать къ намъ въ ноябрѣ. Стало-быть интригуетъ тутъ одна Лембке, а Прасковья только слѣпая женщина. Вдругъ говоритъ мнѣ что всѣ мои

лодозрѣнія — фантазія; я въ глаза ей отвѣчаю что она дура. Я на страшномъ судѣ готова подтвердить! И еслибы не просьбы Nicolas чтобъ я оставила до времени, то я бы не уѣхала оттуда не обнаруживъ эту фальшивую женщину. Она у графа К. чрезъ Nicolas заискивала, она сына съ матерью хотѣла раздѣлить. Но Лиза на нашей сторонѣ, а съ Прасковьей я сговорилась. Вы знаете, ей Кармазиновъ родственникъ?

— Какъ? Родственникъ мадамъ фонъ-Лембке?

— Ну да, ей. Дальній.

— Кармазиновъ, нувеллистъ?

— Ну да, писатель, чего вы удивляетесь? Конечно онъ самъ себя почитаетъ великимъ. Надутая тварь! Она съ нимъ вмѣстѣ пріѣдетъ, а теперь тамъ съ нимъ носится. Она намѣрена что-то завести здѣсь, литературныя собранія какія-то. Онъ на мѣсяцъ пріѣдетъ, послѣднее имѣніе продавать здѣсь хочетъ. Я чуть было не встрѣтилась съ нимъ въ Швейцаріи и очень того не желала. Впрочемъ надѣюсь что меня-то онъ удостоитъ узнать. Въ старину ко мнѣ письма писалъ, въ домѣ бывалъ. Я бы желала чтобы вы получше одѣвались, Степанъ Трофимовичъ; вы съ каждымъ днемъ становитесь такъ неряшливы... О, какъ вы меня мучаете! Что вы теперь читаете?

— Я... я....

— Понимаю. Попрежнему пріятели, попрежнему попойки, клубъ и карты, и репутація атеиста. Мнѣ эта репутація не нравится, Степанъ Трофимовичъ. Я бы не желала чтобы васъ называли атеистомъ, особенно теперь не желала бы. Я и прежде не желала, потому что вѣдь все это одна только пустая болтовня. Надо же наконецъ сказать.

— Mais ma chère....

— Слушайте, Степанъ Трофимовичъ, во всемъ ученомъ я конечно предъ вами невѣжда, но я ѣхала сюда и много о васъ думала. Я пришла къ одному убѣжденію.

— Къ какому же?

— Къ такому что не мы одни съ вами умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, а что есть и умнѣе насъ.

— И остроумно, и мѣтко. Есть умнѣе, значитъ есть и правѣе насъ, стало-быть и мы можемъ ошибаться, не такъ ли? Mais ma bonne amie, положимъ я ошибусь, но вѣдь имѣю же я мое всечеловѣческое, всегдашнее, верховное право свобод-

ной совѣсти? Имѣю же я право не быть ханжой и изувѣромъ, если того не хочу, а за это естественно буду разными господами ненавидимъ до скончанія вѣка. Et puis, comme on trouve toujours plus de moines que de raison и такъ какъ я совершенно съ этимъ согласенъ...

— Какъ, какъ вы сказали?

— Я сказалъ: on trouve toujours plus de moines que de raison, и такъ какъ я съ этимъ...

— Это вѣрно не ваше; вы вѣрно откудова-нибудь взяли?

— Это Паскаль сказалъ.

— Такъ я и думала... что не вы! Почему вы сами никогда такъ не скажете, такъ коротко и мѣтко, а всегда такъ длинно тянете? Это гораздо лучше чѣмъ давеча про административный восторгъ....

— Ma foi chère... почему? Во-первыхъ потому, вѣроятно, что я все-таки не Паскаль et puis.... во-вторыхъ, мы, Русскіе, ничего не умѣемъ на своемъ языкѣ сказать... По крайней мѣрѣ до сихъ поръ ничего еще не сказали....

— Гм! Это можетъ-быть и неправда. По крайней мѣрѣ вы бы записывали и запоминали такія слова, знаете, въ случаѣ разговора... Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, я съ вами серіозно, серіозно ѣхала говорить!

— Chère, chère amie!

— Теперь когда всѣ эти Лембке, всѣ эти Кармазиновы... О Боже, какъ вы опустились! О, какъ вы меня мучаете!... Я бы желала чтобъ эти люди чувствовали къ вамъ уваженіе, потому что они пальца вашего, вашего мизинца не стóятъ, а вы какъ себя держите? Чтò они увидятъ? Чтò я имъ покажу? Вмѣсто того чтобы благородно стоять свидѣтельствомъ, продолжать собою примѣръ, вы окружаете себя какою-то сволочью, вы пріобрѣли какія-то невозможныя привычки, вы одряхлѣли, вы не можете обойтись безъ вина и безъ картъ, вы читаете одного только Поль-де-Кока, и ничего не пишете, тогда какъ всѣ они тамъ пишутъ; все ваше время уходитъ на болтовню. Можно ли, позволительно ли дружиться съ такою сволочью какъ вашъ неразлучный Лилутинъ?

— Почему же онъ *мой* и *неразлучный?* робко протестовалъ было Степанъ Трофимовичъ.

— Гдѣ онъ теперь? строго и рѣзко продолжала Варвара Петровна.

— Онъ... онъ васъ безпредѣльно уважаетъ и уѣхалъ въ С—къ, послѣ матери получитъ наслѣдство.

— Онъ, кажется, только и дѣлаетъ что деньги получаетъ. Что̀ Шатовъ? все то же?

— Irascible, mais bon.

— Терпѣть не могу вашего Шатова; и золъ и о себѣ много думаетъ!

— Какъ здоровье Дарьи Павловны?

— Вы это про Дашу? Что̀ это вамъ вздумалось? любопытно поглядѣла на него Варвара Петровна.—Здорова, у Дроздовыхъ оставила.... Я въ Швейцаріи что-то про вашего сына слышала, дурное, а не хорошее.

— Oh, c'est une histoire bien bête! Je vous attendais ma bonne amie pour vous raconter....

— Довольно, Степанъ Трофимовичъ, дайте покой; измучилась. Успѣемъ наговориться, особенно про дурное. Вы начинаете брызгаться когда засмѣетесь, это уже дряхлость какая-то! И какъ странно вы теперь стали смѣяться.... Боже, сколько у васъ накопилось дурныхъ привычекъ! Кармазиновъ къ вамъ не поѣдетъ! А тутъ и безъ того всему рады.... Вы всего себя теперь обнаружили. Ну довольно, довольно, устала! Можно же наконецъ пощадить человѣка!

Степанъ Трофимовичъ „пощадилъ человѣка“, но удалился въ большомъ смущеніи.

V.

Дурныхъ привычекъ дѣйствительно завелось у нашего друга не мало, особенно въ самое послѣднее время. Онъ видимо и быстро опустился, и это правда что онъ сталъ неряшливъ. Пилъ больше, сталъ слезливѣе и слабѣе нервами; сталъ ужь слишкомъ чуткъ къ изящному. Лицо его получило странную способность измѣняться необыкновенно быстро, съ самаго, напримѣръ, торжественнаго выраженія на самое смѣшное и даже глупое. Не выносилъ одиночества и безпрерывно жаждалъ чтобъ его поскорѣе развлекли. Надо было непремѣнно разказать ему какую-нибудь сплетню, городской анекдотъ и притомъ ежедневно новое. Если же долго никто не приходилъ, то онъ тоскливо бродилъ по комнатамъ, подходилъ къ окну, въ задумчивости жевалъ губами, вздыхалъ глубоко, а подъ конецъ чуть не хныкалъ. Онъ все что-то предчувствовалъ,

боялся чего-то неожиданнаго, неминуемаго; сталъ пугливъ; сталъ большое вниманіе обращать на сны.

Весь день этотъ и вечеръ провелъ онъ чрезвычайно грустно, послалъ за мной, очень волновался, долго говорилъ, долго разказывалъ, но все довольно безсвязно. Варвара Петровна давно уже знала что онъ отъ меня ничего не скрываетъ. Мнѣ показалось наконецъ что его заботитъ что-то особенное и такое чего пожалуй онъ и самъ не можетъ представить себѣ. Обыкновенно прежде, когда мы сходились наединѣ и онъ начиналъ мнѣ жаловаться, то всегда почти, послѣ нѣкотораго времени, приносилась бутылочка и становилось гораздо утѣшнѣе. Въ этотъ разъ вина не было, и онъ видимо подавлялъ въ себѣ неоднократное желаніе послать за нимъ.

— И чего она все сердится! жаловался онъ поминутно, какъ ребенокъ,—Tous les hommes de génie et de progrès en Russie étaient, sont et seront toujours des картежники et des льяницы, qui boivent en zapoï.... а я еще вовсе не такой картежникъ и не такой льяница.... Укоряетъ зачѣмъ я ничего не пишу? Странная мысль!... Зачѣмъ я лежу? Вы, говоритъ, должны стоять „примѣромъ и укоризной“. Mais entre nous soit dit, что же и дѣлать человѣку которому предназначено стоять „укоризной“, какъ не лежать,—знаетъ ли она это?

И наконецъ разъяснилась мнѣ та главная, особенная тоска которая такъ неотвязчиво въ этотъ разъ его мучила. Много разъ въ этотъ вечеръ подходилъ онъ къ зеркалу и подолгу предъ нимъ останавливался. Однажды повернулся отъ зеркала ко мнѣ и съ какимъ-то страннымъ отчаяніемъ проговорилъ:

— Mon cher, Je suis un опустившійся человѣкъ!

Да, дѣйствительно, до сихъ поръ, до самаго этого дня, онъ въ одномъ только оставался постоянно увѣреннымъ, несмотря на всѣ „новые взгляды“ и на всѣ „перемѣны идей“ Варвары Петровны, именно въ томъ что онъ все еще обворожителенъ для ея женскаго сердца, то-есть не только какъ изгнанникъ, или какъ славный ученый, но и какъ красивый мущина. Двадцать лѣтъ коренилось въ немъ это льстивое и успокоительное убѣжденіе и, можетъ-быть изъ всѣхъ его убѣжденій, ему всего тяжелѣе было бы разстаться съ этимъ. Предчувствовалъ ли онъ въ тотъ вечеръ какое колоссальное испытаніе готовилось ему въ такомъ близкомъ будущемъ?

VI.

Приступлю теперь къ описанію того, отчасти забавнаго случая, съ котораго, по настоящему, и начинается моя хроника.

Въ самомъ концѣ августа возвратились наконецъ и Дроздовы. Появленіе ихъ немногимъ предшествовало пріѣзду давно ожидаемой всѣмъ городомъ родственницы ихъ, нашей новой губернаторши, и вообще произвело замѣчательное впечатлѣніе въ обществѣ. Но обо всѣхъ этихъ любопытныхъ событіяхъ скажу послѣ; теперь же ограничусь лишь тѣмъ что Прасковья Ивановна привезла такъ нетерпѣливо ожидавшей ее Варварѣ Петровнѣ одну самую хлопотливую загадку: Nicolas разстался съ ними еще въ іюлѣ, и встрѣтивъ на Рейнѣ графа К., отправился съ нимъ и съ семействомъ его въ Петербургъ. (NB. У графа всѣ три дочери невѣсты.)

— Отъ Лизаветы, по гордости и по строптивости ея, я ничего не добилась, заключила Прасковья Ивановна,—но видѣла своими глазами что у ней съ Николаемъ Всеволодовичемъ что-то произошло. Не знаю причинъ, но кажется придется вамъ, другъ мой Варвара Петровна, спросить о причинахъ вашу Дарью Павловну. По моему, такъ Лиза была обижена. Рада радешенька что привезла вамъ, наконецъ, вашу фаворитку и сдаю съ рукъ на руки: съ плечъ долой.

Произнесены были эти ядовитыя слова съ замѣчательнымъ раздраженіемъ. Видно было что „расkистая женщина“ заранѣе ихъ приготовила и впередъ наслаждалась ихъ эффектомъ. Но не Варвару Петровну можно было озадачивать сентиментальными эффектами и загадками. Она строго потребовала самыхъ точныхъ и удовлетворительныхъ объясненій. Прасковья Ивановна немедленно понизила тонъ и даже кончила тѣмъ что расплакалась и пустилась въ самыя дружескія изліянія. Эта раздражительная, но сентиментальная дама, тоже какъ и Степанъ Трофимовичъ, безпрерывно нуждалась въ истинной дружбѣ, и главнѣйшая ея жалоба на дочь ея, Лизавету Николаевну, состояла именно въ томъ что „дочь ей не другъ“.

Но изъ всѣхъ ея объясненій и изліяній оказалось точнымъ лишь одно то что дѣйствительно между Лизой и Nicolas про-

изошла какая-то размолвка, но какого рода была эта размолвка—о томъ Прасковья Ивановна, очевидно, не сумѣла составить себѣ опредѣленнаго понятія. Отъ обвиненій же взводимыхъ на Дарью Павловну она не только совсѣмъ, лодъ-конецъ, отказалась, но даже особенно просила не давать давешнимъ словамъ ея никакого значенія, потому что сказала она ихъ „въ раздраженіи“. Однимъ словомъ, все выходило очень неясно, даже подозрительно. По разказамъ ея, размолвка началась отъ „строптиваго и насмѣшливаго“ характера Лизы; „Гордый же Николай Всеволодовичъ, хоть и сильно былъ влюбленъ, но не могъ насмѣшекъ перенести, и самъ сталъ насмѣшливъ“. Вскорѣ затѣмъ познакомились мы съ однимъ молодымъ человѣкомъ, кажется вашего „профессора“ племянникъ, да и фамилія та же....

— Сынъ, а не племянникъ, поправила Варвара Петровна. Прасковья Ивановна и прежде никогда не могла упомнить фамиліи Степана Трофимовича и всегда называла его „профессоромъ“.

— Ну сынъ такъ сынъ, тѣмъ лучше, а мнѣ вѣдь и все равно. Обыкновенный молодой человѣкъ, очень живой и свободный, но ничего такого въ немъ нѣтъ. Ну, тутъ ужь сама Лиза поступила не хорошо, молодаго человѣка къ себѣ приблизила изъ видовъ чтобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ ревность возбудить. Не осуждаю я этого очень-то: дѣло дѣвичье, обыкновенное, даже милое. Только Николай Всеволодовичъ вмѣсто того чтобы приревновать, напротивъ самъ съ молодымъ человѣкомъ лодружился, точно и не видитъ ничего, али какъ будто ему все равно. Лизу-то это и взорвало. Молодой человѣкъ въ скорости уѣхалъ (спѣшилъ очень куда-то), а Лиза стала при всякомъ удобномъ случаѣ къ Николаю Всеволодовичу придираться. Замѣтила она что тотъ съ Дашей иногда говоритъ, ну и стала бѣситься, тутъ ужь и мнѣ, матушка, житья не стало. Раздражаться мнѣ доктора запретили, и такъ это хваленое озеро ихнее мнѣ надоѣло, только зубы отъ него разболѣлись, такой ревматизмъ получила. Печатаютъ даже про то что отъ Женевскаго озера зубы болятъ; свойство такое. А тутъ Николай Всеволодовичъ вдругъ отъ графини письмо получилъ и тотчасъ же отъ насъ и уѣхалъ, въ одинъ день собрался. Простились-то они по-дружески, да и Лиза, провожая его, стала очень весела и легкомысленна и много хохотала. Только напускное все это. Уѣхалъ онъ,— стала очень задумчива, да и

поминать о немъ совсѣмъ перестала и мнѣ не давала. Да и вамъ бы я совѣтовала, милая Варвара Петровна, ничего теперь съ Лизой на счетъ этого предмета не начинать, только дѣлу повредите. А будете молчать, она первая сама съ вами заговоритъ; тогда болѣе узнаете. По моему, опять сойдутся, если только Николай Всеволодовичъ не замедлитъ пріѣхать какъ обѣщалъ.

— Напишу ему тотчасъ же. Коли все было такъ, то пустая размолвка; все вздоръ! Да и Дарью я слишкомъ знаю; все вздоръ.

— Про Дашеньку я, покаюсь, — согрѣшила. Одни только обыкновенные были разговоры, да и то вслухъ. Да ужь очень меня, матушка, все это тогда разстроило. Да и Лиза, видѣла я, сама же съ нею опять сошлась съ прежнею лаской....

Варвара Петровна въ тотъ же день написала къ Nicolas и умоляла его хоть однимъ мѣсяцемъ пріѣхать раньше положеннаго имъ срока. Но все-таки оставалось тутъ для нея нѣчто неясное и неизвѣстное. Она продумала весь вечеръ и всю ночь. Мнѣніе „Прасковьи“ казалось ей слишкомъ невиннымъ и сентиментальнымъ. „Прасковья всю жизнь была слишкомъ чувствительна съ самаго еще лансіона“, думала она, „не таковъ Nicolas чтобъ убѣжать изъ-за насмѣшекъ дѣвчонки. Тутъ другая причина, если точно размолвка была. Офицеръ этотъ однако здѣсь, съ собой привезли, и въ домѣ у нихъ какъ родственникъ поселился. Да и на счетъ Дарьи, Прасковья слишкомъ ужь скоро повинилась: вѣрно что-нибудь про себя оставила, чего не хотѣла сказать“....

Къ утру у Варвары Петровны созрѣлъ проектъ разомъ покончить по крайней мѣрѣ хоть съ однимъ недоумѣніемъ—проектъ замѣчательный по своей неожиданности. Что было въ сердцѣ ея когда она создала его? — трудно рѣшить, да и не возьмусь я растолковывать заранѣе всѣ противорѣчія изъ которыхъ онъ состоялъ. Какъ хроникеръ я ограничиваюсь лишь тѣмъ что представляю событія въ точномъ видѣ, точно такъ какъ они произошли, и не виноватъ если они покажутся невѣроятными. Но однако долженъ еще разъ засвидѣтельствовать что подозрѣній на Дашу у ней, къ утру, никакихъ не осталось, а по правдѣ никогда и не начиналось; слишкомъ она была въ ней увѣрена. Да и мысли она не могла допустить чтобъ ея Nicolas могъ увлечься ея.... „Дарьей“. Утромъ, когда Дарья Павловна за чайнымъ столикомъ разливала чай, Вар-

вара Петровна долго и пристально въ нее всматривалась, и, можетъ-быть въ двадцатый разъ со вчерашняго дня, съ увѣренностію произнесла про себя:

— Все вздоръ!

Замѣтила только что у Даши какой-то усталый видъ и что она еще тише прежняго, еще апатичнѣе. Послѣ чаю, по заведенному разъ навсегда обычаю, обѣ сѣли за рукодѣлье. Варвара Петровна велѣла ей дать себѣ полный отчетъ о ея заграничныхъ впечатлѣніяхъ, преимущественно о природѣ, жителяхъ, городахъ, обычаяхъ, ихъ искусствѣ, промышленности,— обо всемъ что̀ успѣла замѣтить. Ни одного вопроса о Дроздовыхъ и о жизни съ Дроздовыми. Даша, сидѣвшая подлѣ нея за рабочимъ столикомъ и помогавшая ей вышивать, разказывала уже съ полчаса своимъ ровнымъ, однообразнымъ, но нѣсколько слабымъ голосомъ.

— Дарья, прервала ее вдругъ Варвара Петровна,—ничего у тебя нѣтъ такого особеннаго, о чемъ хотѣла бы ты сообщить?

— Нѣтъ, ничего, капельку подумала Даша, и взглянула на Варвару Петровну своими свѣтлыми глазами.

— На душѣ, на сердцѣ, на совѣсти?

— Ничего, тихо, но съ какою-то угрюмою твердостію повторила Даша.

— Такъ я и знала! Знай Дарья что я никогда не усомнюсь въ тебѣ. Теперь сиди и слушай. Перейди на этотъ стулъ, садись напротивъ, я хочу всю тебя видѣть. Вотъ такъ. Слушай,—хочешь замужъ?

Даша отвѣчала вопросительнымъ длиннымъ взглядомъ, не слишкомъ впрочемъ удивленнымъ.

— Стой; молчи. Во-первыхъ, есть разница въ лѣтахъ, большая очень; но вѣдь ты лучше всѣхъ знаешь какой это вздоръ. Ты разсудительна, и въ твоей жизни не должно быть ошибокъ. Впрочемъ онъ еще красивый мущина.... Однимъ словомъ, Степанъ Трофимовичъ, котораго ты всегда уважала. Ну?

Даша посмотрѣла еще вопросительнѣе и на этотъ разъ не только съ удивленіемъ, но и замѣтно покраснѣла.

— Стой, молчи; не спѣши! Хоть у тебя и есть деньги, по моему завѣщанію, но умри я, что̀ съ тобой будетъ, хотя бы и съ деньгами? Тебя обманутъ и деньги отнимутъ, ну и погибла. А за нимъ ты жена извѣстнаго человѣка. Смотри теперь съ другой стороны: умри я сейчасъ,—хоть я и обезпечу его, — что̀ съ нимъ будетъ? А на тебя-то ужь я понадѣюсь.

Стой, я не договорила: онъ легкомысленъ, мямля, жестокъ, эгоистъ, низкія привычки, но ты его цѣни, вопервыхъ ужь потому что есть и гораздо хуже. Вѣдь не за мерзавца же какого я тебя сбыть съ рукъ хочу, ты ужь не подумала ли чего? А главное потому что я прошу, потому и будешь цѣнить, оборвала она вдругъ раздражительно, — слышишь? Что же ты уперлась?

Даша все молчала и слушала.

— Стой, подожди еще. Онъ баба — но вѣдь тебѣ же лучше. Жалкая, впрочемъ, баба; его совсѣмъ не стоило бы любить женщинѣ. Но его стоитъ за беззащитность его любить, и ты люби его за беззащитность. Ты вѣдь меня понимаешь? Понимаешь?

Даша кивнула головой утвердительно.

— Я такъ и знала, меньше не ждала отъ тебя. Онъ тебя любить будетъ, потому что долженъ, долженъ; онъ обожать тебя долженъ! какъ-то особенно раздражительно взвизгнула Варвара Петровна, — а впрочемъ онъ и безъ долгу въ тебя влюбится, я вѣдь знаю его. Къ тому же я сама буду тутъ. Не безпокойся, я всегда буду тутъ. Онъ станетъ на тебя жаловаться, онъ клеветать на тебя начнетъ, шептаться будетъ о тебѣ съ первымъ встрѣчнымъ, будетъ ныть, вѣчно ныть; письма тебѣ будетъ писать изъ одной комнаты въ другую, въ день по два письма, но безъ тебя все-таки не проживетъ, а въ этомъ и главное. Заставь слушаться; не сумѣешь заставить— дура будешь. Повѣситься захочетъ, грозить будетъ—не вѣрь; одинъ только вздоръ! Не вѣрь, а все-таки держи ухо востро, не ровенъ часъ и ловѣсится; съ этакими-то и бываетъ; не отъ силы, а отъ слабости вѣшаются; а потому никогда не доводи до послѣдней черты,—и это первое правило въ супружествѣ. Помни тоже что онъ поэтъ. Слушай, Дарья: нѣтъ выше счастья какъ собою пожертвовать. И къ тому же ты мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, а это главное. Ты не думай что я по глупости сейчасъ сбрендила; я понимаю что говорю. Я эгоистка, будь и ты эгоисткой. Я вѣдь не неволю; все въ твоей волѣ, какъ скажешь, такъ и будетъ. Ну, что жь усѣлась, говори что-нибудь!

— Мнѣ вѣдь все равно, Варвара Петровна, если ужь непремѣнно надобно за мужъ выйти, твердо проговорила Даша.

— Непремѣнно? ты на что это намекаешь? строго и присгально посмотрѣла на нее Варвара Петровна.

Даша молчала, ковыряя въ ляльцахъ иголкой.

— Ты хоть и умна, но ты сбрендила. Это хоть и правда что я непремѣнно теперь тебя вздумала за мужъ выдать, но это не по необходимости, а потому только что мнѣ такъ придумалось, и за одного только Степана Трофимовича. Не будь Степана Трофимовича, я бы и не подумала тебя сейчасъ выдавать, хоть тебѣ ужь и двадцать лѣтъ.... Ну?

— Я какъ вамъ угодно, Варвара Петровна.

— Значитъ согласна! Стой, молчи, куда торопишься, я не договорила: по завѣщанію тебѣ отъ меня пятнадцать тысячъ рублей положено. Я ихъ теперь же тебѣ выдамъ, послѣ вѣнца. Изъ нихъ восемь тысячъ ты ему отдашь, то-есть не ему, а мнѣ. У него есть долгъ въ восемь тысячъ; я и уплачу, но надо чтобъ онъ зналъ что твоими деньгами. Семь тысячъ останутся у тебя въ рукахъ, отнюдь ему не давай ни рубля никогда. Долговъ его не плати никогда. Разъ заплатишь—потомъ не оберешься. Впрочемъ я всегда буду тутъ. Вы будете получать отъ меня ежегодно по тысячѣ двѣсти рублей содержанія, а съ экстренными тысячу пятьсотъ, кромѣ квартиры и стола, которые тоже отъ меня будутъ, точно такъ какъ и теперь онъ пользуется. Прислугу только свою заведите. Годовыя деньги я тебѣ буду всѣ разомъ выдавать, прямо тебѣ на руки. Но будь и добра: иногда выдай и ему что-нибудь, и пріятелямъ ходить позволяй, разъ въ недѣлю, а если чаще, то гони. Но я сама буду тутъ. А коли умру, пенсіонъ вашъ не прекратится до самой его смерти, слышишь до *его* только смерти, потому что это его пенсіонъ, а не твой. А тебѣ, кромѣ теперешнихъ семи тысячъ, которыя у тебя останутся въ цѣлости, если не будешь сама глупа, еще восемь тысячъ въ завѣщаніи оставлю. И больше тебѣ отъ меня ничего не будетъ, надо чтобы ты знала. Ну, согласна что ли? Скажешь ли наконецъ что-нибудь?

— Я уже сказала, Варвара Петровна.

— Вспомни что твоя полная воля, какъ захочешь такъ и будетъ.

— Только позвольте, Варвара Петровна, развѣ Степанъ Трофимычъ вамъ уже говорилъ что-нибудь?

— Нѣтъ, онъ ничего не говорилъ и не знаетъ, но.... онъ сейчасъ заговоритъ!

Она мигомъ вскочила и набросила на себя свою черную шаль. Даша опять немного покраснѣла и вопросительнымъ

взглядомъ слѣдила за нею. Варвара Петровна вдругъ обернулась къ ней съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ:

— Дура ты! накинулась она на нее какъ ястребъ,—дура неблагодарная! Что у тебя на умѣ? Неужто ты думаешь что я скомпрометтирую тебя хочь чѣмъ-нибудь, хоть настолько вотъ! Да онъ самъ на колѣнкахъ будетъ ползать просить, онъ долженъ отъ счастья умереть, вотъ какъ это будетъ устроено! Ты вѣдь знаешь же что я тебя въ обиду не дамъ! Или ты думаешь что онъ тебя за эти восемь тысячъ возьметъ, а я бѣгу теперь тебя продавать? Дура, дура, всѣ вы дуры неблагодарныя! Подай зонтикъ!

И она полетѣла лѣшкомъ по мокрымъ кирпичнымъ тротуарамъ и по деревяннымъ мосткамъ къ Степану Трофимовичу.

VII.

Это правда что „Дарью“ она не дала бы въ обиду; напротивъ теперь-то и считала себя ея благодѣтельницей. Самое благородное и безупречное негодованіе загорѣлось въ душѣ ея, когда давеча, надѣвая шаль, она поймала на себѣ смущенный и недовѣрчивый взглядъ своей воспитанницы. Она искренно любила ее съ самаго ея дѣтства. Прасковья Ивановна справедливо назвала Дарью Павловну ея фаворитkой. Давно уже Варвара Петровна рѣшила разъ навсегда что „Дарьинъ характеръ не похожъ на братнинъ“ (то-есть на характеръ брата ея Ивана Шатова), что она тиха и кротка, способна къ большому самоложертвованію, отличается преданностію, необыкновенною скромностію, рѣдкою разсудительностію и главное благодарностію. До сихъ поръ, повидимому, Даша оправдывала всѣ ея ожиданія. „Въ этой жизни не будетъ ошибокъ“, сказала Варвара Петровна, когда дѣвочкѣ было еще двѣнадцать лѣтъ, и такъ какъ она имѣла свойство привязываться упрямо и страстно къ каждой плѣнившей ея мечтѣ, къ каждому своему новому предначертанію, къ каждой мысли своей, показавшейся ей свѣтлою, то тотчасъ же и рѣшила воспитывать Дашу какъ родную дочь. Она немедленно отложила ей капиталъ и пригласила въ домъ гувернантку, миссъ Кригсъ, которая и прожила у нихъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитанницы, но ей вдругъ, почему-то, было отказано. Ходили учителя изъ гимназіи, между ними одинъ настоящій Французъ, который и обучилъ Дашу по-французски. Этому тоже было отка-

зано вдругъ, точно прогнали. Одна бѣдная, заѣзжая дама, вдова изъ благородныхъ, обучала на фортепіано. Но главнымъ педагогомъ былъ все-таки Степанъ Трофимовичъ. По настоящему онъ первый и открылъ Дашу: онъ сталъ обучать тихаго ребенка еще тогда когда Варвара Петровна о ней и не думала. Опять повторю: удивительно какъ къ нему привязывались дѣти! Лизавета Николаевна Тушина училась у него съ восьми лѣтъ до одиннадцати (разумѣется Степанъ Трофимовичъ училъ ее безъ вознагражденія и ни за что бы не взялъ его отъ Дроздовыхъ). Но онъ самъ влюбился въ прелестнаго ребенка и разказывалъ ей какія-то повѣсти объ устройствѣ міра, земли, объ исторіи человѣчества. Лекціи о первобытныхъ народахъ и о первобытномъ человѣкѣ были занимательнѣе арабскихъ сказокъ. Лиза, которая млѣла за этими разказами, чрезвычайно смѣшно передразнивала у себя дома Степана Трофимовича. Тотъ узналъ про это и разъ подглядѣлъ ее врасплохъ. Сконфуженная Лиза бросилась къ нему въ объятія и заплакала. Степанъ Трофимовичъ тоже, отъ восторга. Но Лиза скоро уѣхала, и осталась одна Даша. Когда къ Дашѣ стали ходить учителя, то Степанъ Трофимовичъ оставилъ съ нею свои занятія и мало-по-малу совсѣмъ пересталъ обращать на нее вниманіе. Такъ продолжалось долгое время. Разъ, когда уже ей было почти семнадцать лѣтъ, онъ былъ вдругъ пораженъ ея миловидностію. Это случилось за столомъ у Варвары Петровны. Онъ заговорилъ съ молодою дѣвушкой, былъ очень доволенъ ея отвѣтами и кончилъ предложеніемъ прочесть ей серіозный и обширный курсъ исторіи русской литературы. Варвара Петровна похвалила и поблагодарила его за прекрасную мысль, а Даша была въ восторгѣ. Степанъ Трофимовичъ сталъ особенно приготовляться къ лекціямъ, и наконецъ онѣ наступили. Начали съ древнѣйшаго періода; первая лекція прошла увлекательно; Варвара Петровна присутствовала. Когда Степанъ Трофимовичъ кончилъ и уходя объявилъ ученицѣ что въ слѣдующій разъ приступитъ къ разбору *Слова о полку Игоревѣ*, Варвара Петровна вдругъ встала и объявила что лекцій больше не будетъ. Степанъ Трофимовичъ покоробился, но смолчалъ, Даша вспыхнула; тѣмъ и кончилась однакоже затѣя. Произошло это ровно за три года до теперешней неожиданной фантазіи Варвары Петровны.

Бѣдный Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ одинъ и ничего не предчувствовалъ. Въ грустномъ раздумьи давно уже поглядыв-

взглядомъ слѣдила за нею. Варвара Петровна вдругъ обернулась къ ней съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ:

— Дура ты! накинулась она на нее какъ ястребъ,—дура неблагодарная! Что у тебя на умѣ? Неужто ты думаешь что я скомпрометтирую тебя хочь чѣмъ-нибудь, хоть настолько вотъ! Да онъ самъ на колѣнкахъ будетъ ползать просить, онъ долженъ отъ счастья умереть, вотъ какъ это будетъ устроено! Ты вѣдь знаешь же что я тебя въ обиду не дамъ! Или ты думаешь что онъ тебя за эти восемь тысячъ возьметъ, а я бѣгу теперь тебя продавать? Дура, дура, всѣ вы дуры неблагодарныя! Подай зонтикъ!

И она полетѣла лѣшкомъ по мокрымъ кирпичнымъ тротуарамъ и по деревяннымъ мосткамъ къ Степану Трофимовичу.

VII.

Это правда что „Дарью“ она не дала бы въ обиду; напротивъ теперь-то и считала себя ея благодѣтельницей. Самое благородное и безупречное негодованіе загорѣлось въ душѣ ея, когда давеча, надѣвая шаль, она поймала на себѣ смущенный и недовѣрчивый взглядъ своей воспитанницы. Она искренно любила ее съ самаго ея дѣтства. Прасковья Ивановна справедливо назвала Дарью Павловну ея фавориткой. Давно уже Варвара Петровна рѣшила разъ навсегда что „Дарьинъ характеръ не похожъ на братинъ“ (то-есть на характеръ брата ея Ивана Шатова), что она тиха и кротка, способна къ большому самоложертвованію, отличается преданностію, необыкновенною скромностію, рѣдкою разсудительностію и главное благодарностію. До сихъ поръ, повидимому, Даша оправдывала всѣ ея ожиданія. „Въ этой жизни не будетъ ошибокъ“, сказала Варвара Петровна, когда дѣвочкѣ было еще двѣнадцать лѣтъ, и такъ какъ она имѣла свойство привязываться упрямо и страстно къ каждой плѣнившей ея мечтѣ, къ каждому своему новому предначертанію, къ каждой мысли своей, показавшейся ей свѣтлою, то тотчасъ же и рѣшила воспитывать Дашу какъ родную дочь. Она немедленно отложила ей капиталъ и пригласила въ домъ гувернантку, миссъ Кригсъ, которая и прожила у нихъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитанницы, но ей вдругъ, почему-то, было отказано. Ходили учителя изъ гимназіи, между ними одинъ настоящій Французъ, который и обучилъ Дашу по-французски. Этому тоже было отка-

зано вдругъ, точно прогнали. Одна бѣдная, заѣзжая дама, вдова изъ благородныхъ, обучала на фортепіано. Но главнымъ педагогомъ былъ все-таки Степанъ Трофимовичъ. По настоящему онъ первый и открылъ Дашу: онъ сталъ обучать тихаго ребенка еще тогда когда Варвара Петровна о ней и не думала. Опять повторю: удивительно какъ къ нему привязывались дѣти! Лизавета Николаевна Тушина училась у него съ восьми лѣтъ до одиннадцати (разумѣется Степанъ Трофимовичъ училъ ее безъ вознагражденія и ни за что бы не взялъ его отъ Дроздовыхъ). Но онъ самъ влюбился въ прелестнаго ребенка и разказывалъ ей какія-то поэмы объ устройствѣ міра, земли, объ исторіи человѣчества. Лекціи о первобытныхъ народахъ и о первобытномъ человѣкѣ были занимательнѣе арабскихъ сказокъ. Лиза, которая млѣла за этими разказами, чрезвычайно смѣшно передразнивала у себя дома Степана Трофимовича. Тотъ узналъ про это и разъ подглядѣлъ ее врасплохъ. Сконфуженная Лиза бросилась къ нему въ объятія и заплакала. Степанъ Трофимовичъ тоже, отъ восторга. Но Лиза скоро уѣхала, и осталась одна Даша. Когда къ Дашѣ стали ходить учителя, то Степанъ Трофимовичъ оставилъ съ нею свои занятія и мало-по-малу совсѣмъ пересталъ обращать на нее вниманіе. Такъ продолжалось долгое время. Разъ, когда уже ей было почти семнадцать лѣтъ, онъ былъ вдругъ пораженъ ея миловидностію. Это случилось за столомъ у Варвары Петровны. Онъ заговорилъ съ молодою дѣвушкой, былъ очень доволенъ ея отвѣтами и кончилъ предложеніемъ прочесть ей серіозный и обширный курсъ исторіи русской литературы. Варвара Петровна похвалила и поблагодарила его за прекрасную мысль, а Даша была въ восторгѣ. Степанъ Трофимовичъ сталъ особенно приготовляться къ лекціямъ, и наконецъ онѣ наступили. Начали съ древнѣйшаго періода; первая лекція прошла увлекательно; Варвара Петровна присутствовала. Когда Степанъ Трофимовичъ кончилъ и уходя объявилъ ученицѣ что въ слѣдующій разъ приступитъ къ разбору *Слова о полку Игоревѣ*, Варвара Петровна вдругъ встала и объявила что лекцій больше не будетъ. Степанъ Трофимовичъ покоробился, но смолчалъ, Даша вспыхнула; тѣмъ и кончилась однакоже затѣя. Произошло это ровно за три года до теперешней неожиданной фантазіи Варвары Петровны.

Бѣдный Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ одинъ и ничего не предчувствовалъ. Въ грустномъ раздумьи давно уже поглады-

валъ онъ въ окно, не подойдетъ ли кто изъ знакомыхъ. Но никто не хотѣлъ подходить. На дворѣ моросило, становилось холодно; надо было протопить печку; онъ вздохнулъ. Вдругъ страшное видѣніе предстало его очамъ: Варвара Петровна въ такую погоду и въ такой неурочный часъ къ нему! И пѣшкомъ! Онъ до того былъ пораженъ что забылъ перемѣнить костюмъ и принялъ ее какъ былъ, въ своей всегдашней, розовой ватной фуфайкѣ.

— Ma bonne amie!... слабо крикнулъ онъ ей навстрѣчу.

— Вы одни, я рада; терпѣть не могу вашихъ друзей! Какъ вы всегда накурите; Господи, что за воздухъ! Вы и чай не допили, а на дворѣ двѣнадцатый часъ! Ваше блаженство—безпорядокъ! Ваше наслажденіе—соръ! Что это за разорванныя бумажки на полу? Настасья, Настатья! Что дѣлаетъ ваша Настасья? Отвори, матушка, окна, форточки, двери, все настежь. А мы въ залу пойдемте; я къ вамъ за дѣломъ. Да подмети ты хоть разъ въ жизни, матушка!

— Сорятъ-съ! раздражительно-жалобнымъ голоскомъ пропищала Настасья.

— А ты мети, пятнадцать разъ въ день мети! Дрянная у васъ зала (когда вышли въ залу). Затворите крѣпче двери, она станетъ подслушивать. Непремѣнно надо обои перемѣнить. Я вѣдь вамъ присылала обойщика съ образцами, что же вы не выбрали? Садитесь и слушайте. Садитесь же, наконецъ, прошу васъ. Куда же вы? Куда же вы? Куда же вы!

— Я.... сейчасъ, крикнулъ изъ другой комнаты Степанъ Трофимовичъ,—вотъ я и опять!

— А, вы перемѣнили костюмъ! насмѣшливо оглядѣла она его. (Онъ накинулъ сюртукъ сверхъ фуфайки.) Этакъ дѣйствительно будетъ болѣе подходить.... къ нашей рѣчи. Садитесь же, наконецъ, прошу васъ.

Она объяснила ему все сразу, [illegible]esko и убѣдительно. Намекнула и о восьми тысячахъ, которыя были ему до зарѣзу нужны. Подробно разказала о приданомъ. Степанъ Трофимовичъ таращилъ глаза и трепеталъ. Слышалъ все, но ясно не могъ сообразить. Хотѣлъ заговорить, но все обрывался голосъ. Зналъ только что все такъ и будетъ какъ она говоритъ, что возражать и не соглашаться дѣло пустое, а онъ женатый человѣкъ безвозвратно.

— Mais, ma bonne amie, въ третій разъ и въ моихъ лѣтахъ....

и съ такимъ ребенкомъ! проговорилъ онъ наконецъ.—Mais c'est une enfant!

— Ребенокъ, которому двадцать лѣтъ, слава Богу! Не вертите пожалуста зрачками, прошу васъ, вы не на театрѣ. Вы очень умны и учены, но ничего не понимаете въ жизни, за вами постоянно должна нянька ходить. Я умру, и что съ вами будетъ? А она будетъ вамъ хорошею нянькой; это дѣвушка скромная, твердая, разсудительная; къ тому же я сама буду тутъ, не сейчасъ же умру. Она домосѣдка, она ангелъ кротости. Эта счастливая мысль мнѣ еще въ Швейцаріи приходила. Понимаете ли вы если я сама вамъ говорю что она ангелъ кротости! вдругъ яростно вскричала она.—У васъ соръ, она заведетъ чистоту, порядокъ, все будетъ какъ зеркало.... Э, да неужто же вы мечтаете что я еще кланяться вамъ должна съ такимъ сокровищемъ, исчислять всѣ выгоды, сватать! Да вы должны бы на колѣняхъ.... О, пустой, пустой, малодушный человѣкъ!

— Но.... я уже старикъ!

— Что значатъ ваши пятьдесятъ три года? Пятьдесятъ лѣтъ не конецъ, а половина жизни. Вы красивый мущина, и сами это знаете. Вы знаете тоже какъ она васъ уважаетъ. Умри я, что съ нею будетъ? А за вами она спокойна, и я спокойна. У васъ значеніе, имя, любящее сердце; вы получаете пенсіонъ, который я считаю своею обязанностію. Вы можетъ-быть спасете ее, спасете! Во всякомъ случаѣ честь доставите. Вы сформируете ее къ жизни, разовьете ея сердце, направите мысли. Нынче сколько погибаютъ оттого что дурно направлены мысли! Къ тому времени послѣтъ ваше сочиненіе, и вы разомъ о себѣ напомните.

— Я именно, пробормоталъ онъ уже польщенный ловкою лестью Варвары Петровны,—я именно собираюсь теперь присѣсть за мои *Разсказы изъ испанской исторіи*....

— Ну, вотъ видите, какъ разъ и сошлось.

— Но.... она? Вы ей говорили?

— О ней не безпокойтесь, да и нечего вамъ любопытствовать. Конечно вы должны ее сами просить, умолять сдѣлать вамъ честь, понимаете? Но не безпокойтесь, я сама буду тутъ. Къ тому же вы ее любите....

У Степана Трофимовича закружилась голова; стѣны пошли кругомъ. Тутъ была одна страшная идея съ которою онъ никакъ не могъ сладить:

— Excellente amie! задрожалъ вдругъ его голосъ,—я.... я никогда не могъ вообразить что вы рѣшитесь выдать меня.... за другую.... женщину!

— Вы не дѣвица, Степанъ Трофимовичъ; только дѣвицъ выдаютъ, а вы сами женитесь, ядовито прошипѣла Варвара Петровна.

— Oui, j'ai pris un mot pour un autre. Mais.... c'est égal, уставился онъ на нее съ потерянным видомъ.

— Вижу что c'est égal, презрительно процѣдила она,—Господи! да съ нимъ обморокъ! Настасья, Настасья! воды!

Но до воды не дошло. Онъ очнулся. Варвара Петровна взяла свой зонтикъ.

— Я вижу что съ вами теперь нечего говорить....

— Oui, oui, je suis incapable.

— Но къ завтраму вы отдохнете и обдумаете. Сидите дома, если что случится дайте знать, хотя бы ночью. Писемъ не пишите, и читать не буду. Завтра же въ это время приду сама, одна, за окончательнымъ отвѣтомъ, и надѣюсь что онъ будетъ удовлетворителенъ. Постарайтесь чтобы никого не было, и чтобы сору не было, а это на что похоже? Настасья, Настасья!

Разумѣется на завтра онъ согласился; да и не могъ не согласиться. Тутъ было одно особое обстоятельство....

VIII.

Такъ-называемое у насъ имѣніе Степана Трофимовича (душъ пятьдесятъ по старинному счету, и смежное со Скворешниками) было вовсе не его, а принадлежало первой его супругѣ, а стало-быть теперь ихъ сыну, Петру Степановичу Верховенскому. Степанъ Трофимовичъ только олекунствовалъ, а потому, когда птенецъ оперился, дѣйствовалъ по формальной отъ него довѣренности на управленіе имѣніемъ. Сдѣлка для молодаго человѣка была выгодная: онъ получалъ съ отца въ годъ до тысячи рублей въ видѣ дохода съ имѣнія, тогда какъ оно при новыхъ порядкахъ не давало и пятисотъ (а можетъ-быть и того менѣе). Богъ знаетъ какъ установились подобныя отношенія. Впрочемъ, всю эту тысячу цѣликомъ высылала Варвара Петровна, а Степанъ Трофимовичъ ни единымъ рублемъ въ ней не участвовалъ. Напротивъ, весь доходъ съ землицы оставлялъ у себя въ карманѣ, и кромѣ того

разорилъ ее въ конецъ, сдавъ ее въ аренду какому-то промышленнику и, тихонько отъ Варвары Петровны, продавъ на срубъ рощу, то-есть главную ея цѣнность. Эту рощицу онъ уже давно продавалъ урывками. Вся она стоила по крайней мѣрѣ тысячъ восемь, а онъ взялъ за нее только пять. Но онъ иногда самъ-комъ много проигрывалъ въ клубѣ, а просить у Варвары Петровны боялся. Она скрежетала зубами, когда, наконецъ, обо всемъ узнала. И вдругъ теперь сынокъ извѣщалъ что пріѣдетъ самъ продать свои владѣнія во что бы ни стало, а отцу поручалъ неотлагательно позаботиться о продажѣ. Ясное дѣло, что при благородствѣ и безкорыстіи Степана Трофимовича, ему стало совѣстно предъ се cher enfant (котораго онъ въ послѣдній разъ видѣлъ цѣлыхъ девять лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ, студентомъ). Первоначально все имѣніе могло стоить тысячъ тринадцать или четырнадцать, теперь врядъ ли кто бы далъ за него и пять. Безъ сомнѣнія, Степанъ Трофимовичъ имѣлъ полное право, по смыслу формальной довѣренности, продать лѣсъ и, поставивъ въ счетъ тысячерублевый невозможный ежегодный доходъ, столько лѣтъ высылавшійся аккуратно, сильно оградить себя при разчетѣ. Но Степанъ Трофимовичъ былъ благороденъ, со стремленіями высшими. Въ головѣ его мелькнула одна удивительно-красивая мысль: когда пріѣдетъ Петруша, вдругъ благородно выложить на столъ самый высшій maximum цѣны, то-есть даже пятнадцать тысячъ, безъ малѣйшаго намека на высылавшіяся до сихъ поръ суммы и крѣпко-крѣпко, со слезами, прижать къ груди се cher fils, чѣмъ и покончить всѣ счеты. Отдаленно и осторожно началъ онъ развертывать эту картинку предъ Варварой Петровной. Онъ намекалъ что это даже придастъ какой-то особый, благородный оттѣнокъ ихъ дружеской связи.... ихъ „идеѣ“. Это выставило бы въ такомъ безкорыстномъ и великодушномъ видѣ прежнихъ отцовъ и вообще прежнихъ людей, сравнительно съ новою легкомысленною и соціальною молодежью. Много еще онъ говорилъ, но Варвара Петровна все отмалчивалась. Наконецъ сухо объявила ему что согласна купить ихъ землю и дастъ за нее maximum цѣны, то-есть тысячъ шесть, семь (и за четыре можно было купить). Объ остальныхъ же восьми тысячахъ, улетѣвшихъ съ рощей, не сказала ни слова.

Это случилось за мѣсяцъ до сватовства. Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ и началъ задумываться. Прежде еще

могла быть надежда что сынокъ пожалуй и совсѣмъ не пріѣдетъ,—то-есть надежда судя со стороны, по мнѣнію кого-нибудь посторонняго. Степанъ же Трофимовичъ, какъ отецъ, съ негодованіемъ отвергъ бы самую мысль о подобной надеждѣ. Какъ бы тамъ ни было, но до сихъ поръ о Петрушѣ доходили къ намъ все такіе странные слухи. Сначала, кончивъ курсъ въ университетѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, онъ слонялся въ Петербургѣ безъ дѣла. Вдругъ получилось у насъ извѣстіе что онъ участвовалъ въ составленіи какой-то подметной прокламаціи и притянутъ къ дѣлу. Потомъ, что онъ очутился вдругъ за границей, въ Швейцаріи, въ Женевѣ,—бѣжалъ, чего добраго.

— Удивительно мнѣ это, проповѣдывалъ намъ тогда Степанъ Трофимовичъ, сильно сконфузившійся,—Петруша c'est une si pauvre tête! Онъ добръ, благороденъ, очень чувствителенъ, и я такъ тогда, въ Петербургѣ, порадовался, сравнивъ его съ современною молодежью, но c'est un pauvre sire tout de même.... И знаете, все отъ той же недосиженности, сентиментальности! Ихъ плѣняетъ не реализмъ, а чувствительная, идеальная сторона соціализма, такъ-сказать, религіозный оттѣнокъ его, поэзія его.... съ чужаго голоса разумѣется. И однако мнѣ-то, мнѣ каково! У меня здѣсь столько враговъ, *тамъ* еще болѣе, припишутъ вліянію отца.... Боже! Петруша двигателемъ! Въ какія времена мы живемъ!

Петруша выслалъ, впрочемъ, очень скоро свой точный адресъ изъ Швейцаріи, для обычной ему высылки денегъ: стало-быть, не совсѣмъ же былъ эмигрантомъ. И вотъ теперь, пробывъ за границей года четыре, вдругъ появляется опять въ своемъ отечествѣ и извѣщаетъ о скоромъ своемъ прибытіи: стало-быть ни въ чемъ не обвиненъ. Мало того, даже какъ будто кто-то принималъ въ немъ участіе и покровительствовалъ ему. Онъ писалъ теперь съ юга Россіи, гдѣ находился по чьему-то частному, но важному порученію и объ чемъ-то тамъ хлопоталъ. Все это было прекрасно, но однако гдѣ же взять остальныя семь-восемь тысячъ чтобы составить приличный maximum цѣны за имѣніе? А что если подымется крикъ, и вмѣсто величественной картины дойдетъ до процесса? Что-то говорило Степану Трофимовичу что чувствительный Петруша не отступится отъ своихъ интересовъ. „Почему это, я замѣтилъ“, шепнулъ мнѣ разъ тогда Степанъ Трофимовичъ, „почему это всѣ эти отчаянные соціалисты и коммунисты въ

то же время и такіе неимовѣрные скряги, пріобрѣтатели, собственники, и даже такъ что чѣмъ больше онъ соціалистъ, чѣмъ дальше пошелъ, тѣмъ сильнѣе и собственникъ.... почему это? Неужели тоже отъ сентиментальности?“ Я не знаю есть ли правда въ этомъ замѣчаніи Степана Трофимовича; я знаю только что Петруша имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о продажѣ рощи и о прочемъ, а Степанъ Трофимовичъ зналъ что тотъ имѣетъ эти свѣдѣнія. Мнѣ случалось тоже читать и Петрушины письма къ отцу; писалъ онъ до крайности рѣдко, разъ въ годъ и еще рѣже. Только въ послѣднее время, увѣдомляя о близкомъ своемъ пріѣздѣ, прислалъ два письма, почти одно за другимъ. Всѣ письма его были коротенькія, сухія, состояли изъ однихъ лишь распоряженій, и такъ какъ отецъ съ сыномъ еще съ самаго Петербурга были по модному, на *ты*, то и письма Петруши рѣшительно имѣли видъ тѣхъ старинныхъ предписаній прежнихъ ломѣщиковъ изъ столицъ ихъ дворовымъ людямъ, поставленнымъ ими въ управляющіе ихъ имѣній. И вдругъ теперь эти восемь тысячъ, разрѣшающія дѣла, вылетаютъ изъ предложенія Варвары Петровны, и при этомъ она даетъ ясно почувствовать что они ни откуда болѣе и не могутъ вылетѣть. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ согласился.

Онъ тотчасъ же по ея уходѣ прислалъ за мной, а отъ всѣхъ другихъ залерся на весь день. Конечно поплакалъ, много и хорошо говорилъ, много и сильно сбивался, сказалъ случайно каламбуръ и остался имъ доволенъ, потомъ была легкая холерина,—однимъ словомъ, все произошло въ порядкѣ. Послѣ чего онъ вытащилъ портретъ своей, уже двадцать лѣтъ тому назадъ скончавшейся Нѣмочки, и жалобно началъ взывать: „Простишь ли ты меня?“ Вообще онъ былъ какъ-то сбитъ съ толку. Съ горя мы немножко и выпили. Впрочемъ, онъ скоро и сладко заснулъ. На утро мастерски повязалъ себѣ галстукъ, тщательно одѣлся и часто подходилъ смотрѣться въ зеркало. Платокъ спрыснулъ духами, впрочемъ, лишь чуть-чуть, и только завидѣлъ Варвару Петровну въ окно, поскорѣй взялъ другой платокъ, а надушенный спряталъ подъ подушку.

— И прекрасно! похвалила Варвара Петровна, выслушавъ его согласіе.—Во первыхъ, благородная рѣшимость, а во вторыхъ, вы вняли голосу разсудка, которому вы такъ рѣдко внимаете въ вашихъ частныхъ дѣлахъ. Слѣпить, впрочемъ, нечего, прибавила она, разглядывая узелъ его бѣлаго галсту-

ка,—покамѣстъ молчите, и я буду молчать. Скоро день вашего рожденія; я буду у васъ вмѣстѣ съ нею. Сдѣлайте вечерній чай, и пожалуста безъ вина и безъ закусокъ; впрочемъ я сама все устрою. Пригласите вашихъ друзей,—впрочемъ мы вмѣстѣ сдѣлаемъ выборъ. Наканунѣ вы съ нею переговорите, если надо будетъ; а на вашемъ вечерѣ мы не то что объявимъ, или тамъ сговоръ какой-нибудь сдѣлаемъ, а только такъ намекнемъ или дадимъ знать, безо всякой торжественности. А тамъ недѣли черезъ двѣ и свадьба, по возможности безъ всякаго шума.... Даже обоимъ вамъ можно бы и уѣхать на время, тотчасъ изъ-подъ вѣнца, хоть въ Москву напримѣръ. Я тоже можетъ-быть съ вами поѣду.... А главное до тѣхъ поръ молчите.

Степанъ Трофимовичъ былъ удивленъ. Онъ заикнулся было что невозможно же ему такъ, что надо же переговорить съ невѣстой, но Варвара Петровна раздражительно на него накинулась:

— Это зачѣмъ? Вопервыхъ, ничего еще можетъ-быть и не будетъ....

— Какъ не будетъ! пробормоталъ женихъ, совсѣмъ уже ошеломленный.

— Такъ. Я еще посмотрю.... А впрочемъ все такъ будетъ какъ я сказала, и не безпокойтесь, я сама ее приготовлю. Вамъ совсѣмъ незачѣмъ. Все нужное будетъ сказано и сдѣлано, а вамъ туда незачѣмъ. Для чего? Для какой роли? И сами не ходите и писемъ не пишите. И ни слуху ни духу, прошу васъ. Я тоже буду молчать.

Она рѣшительно не хотѣла объясняться и ушла видимо разстроенная. Кажется чрезмѣрная готовность Степана Трофимовича поразила ее. Увы, онъ рѣшительно не понималъ своего положенія, и вопросъ еще не представился ему съ нѣкоторыхъ другихъ точекъ зрѣнія. Напротивъ явился какой-то новый тонъ, что-то любѣзноносное и легкомысленное. Онъ куражился:

— Это мнѣ нравится! восклицалъ онъ, останавливаясь предо мной и разводя руками,—вы слышали? Она хочетъ довести до того чтобъ я, наконецъ, не захотѣлъ. Вѣдь я тоже могу терпѣніе потерять и.... не захотѣть! „Сидите и нечего вамъ туда ходить,“ но почему я, наконецъ, непремѣнно долженъ жениться? Потому только что у ней явилась смѣшная фантазія? Но я человѣкъ серіозный, и могу не захотѣть под-

чиняться праздным фантазіямъ взбалмошной женщины! У меня есть обязанности къ моему сыну и.... и къ самому себѣ! Я жертву приноту — понимаетъ ли она это? Я можетъ-быть потому согласился что мнѣ наскучила жизнь и мнѣ все равно. Но она можетъ меня раздражить, и тогда мнѣ будетъ уже не все равно; я обижусь и откажусь. Et enfin le ridicule.... Что скажутъ въ клубѣ? Что скажетъ.... Лилутинъ? „Можетъ ничего еще и не будетъ“ — каково! Но вѣдь это верхъ! Это ужъ... это что же такое?—Je suis un forçat, un Badinguet, un прилепый къ стѣнѣ человѣкъ!...

И въ то же время какое-то капризное самодовольствіе, что-то легкомысленно-игривое проглядывало среди всѣхъ этихъ жалобныхъ восклицаній. Вечеромъ мы опять выпили.

ѲЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ПОКОЙНАГО ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРА

Н. П. КОВАЛЬСКАГО*

По разказамъ моего отца, Петра Михайловича Ковальскаго, котораго я душевно любилъ и уважалъ, родъ нашъ происходилъ отъ довольно древней, но небогатой фамиліи. Дѣдъ отца, Конрадъ, послѣ смерти своей оставилъ сыну Михаилу въ Херсонской губерніи 80 душъ крестьянъ съ большимъ количествомъ земли, отъ которой, равно какъ и отъ крестьянъ, доходъ былъ самый незначительный. По смерти Михаила, имѣнье это досталось двумъ сыновьямъ его, отцу моему, Петру, и дядѣ, Ѳедору. Отецъ состоялъ въ военной службѣ, но въ скоромъ времени вышелъ въ отставку и женился въ Лубнахъ на дочери казацкаго полковника С., дѣвушкѣ умной, доброй и съ изряднымъ по тогдашнему состояніемъ.

Такъ какъ хозяйство ихъ шло весьма незавидно, то они рѣшились переѣхать въ Калужскую губернію, гдѣ отецъ за ничтожную сумму пріобрѣлъ небольшую деревеньку съ 75 ду-

* Авторъ предлагаемыхъ записокъ имѣлъ несчастіе лишиться въ 1861 году, во время пожара его деревенскаго дома, множества фамильныхъ бумагъ и рукописныхъ тетрадей въ которыхъ подробно излагалась имъ исторія его юности и служебныхъ годовъ. Настоящій трудъ, весьма отрывочнаго характера, есть не что иное какъ возобновленная редакція обширныхъ мемуаровъ предпринятая имъ на семидесятомъ году его жизни. Предлагаемые любопытные отрывки, представляющіе живую и дышащую правдой картину нашего военнаго быта въ 1812, 13, 14 годахъ, принадлежатъ первой части записокъ. *Прим. ред.*

шами крестьянъ. Но онъ вскорѣ продалъ ее, полученныя деньги отдалъ изъ процентовъ богатой сосѣдней помѣщицѣ Глафирѣ Денисьевнѣ Богдановой, а самъ, въ 1795 году, переѣхалъ на жительство въ Калугу.

Я началъ себя хорошо помнить съ 1800 года. Однажды въ зимнее время я прибѣжалъ домой съ раскраснѣвшимися щеками и руками, едва переводя духъ. Отецъ спросилъ меня гдѣ я по такому морозу шлялся? Я отвѣчалъ что смотрѣлъ на разводъ близь рядовъ на городской площади. „Ну, прикрикнулъ отецъ, пора, братъ тебѣ, за азбуку“, и въ тотъ же день пригласилъ приходскаго нашего священника давать мнѣ уроки. Когда я выучился читать и писать, къ намъ сталъ ходить на домъ въ качествѣ учителя семинаристъ богословъ Левъ Григорьевичъ Зарѣчской, умный и даровитый молодой человѣкъ. Онъ въ послѣдствіи постригся въ монахи, подъ именемъ Леонида, и былъ ректоромъ въ С.-Петербургской Александро-Невской лаврѣ и архимандритомъ. По замѣчательному уму своему онъ неоднократно удостоивался лично бесѣдовать съ императоромъ Александромъ, который весьма благоволилъ къ нему. Умеръ онъ внезапно и, какъ ходили слухи, насильственною смертью (отъ отравленія), вслѣдствіе разныхъ враждебныхъ происковъ.

Въ 1803 году, генералъ Богдановъ, по желанію жены Глафиры Денисьевны, предложилъ отцу моему отдать меня къ нимъ на воспитаніе, на что отецъ охотно согласился. Я со слезами отправился въ богатое ихъ помѣстье, село Колодези, Казанскаго уѣзда. Жаль мнѣ было разставаться съ матерью, маленькою сестрой Елизаветой и только что оперившимися хохлатыми голубями, до которыхъ я былъ страстный охотникъ. Жаль мнѣ было также огромнаго бумажнаго змѣя съ длиннѣйшимъ хвостомъ, котораго собирался пустить при первомъ вѣтрѣ.

По прибытіи моемъ въ Колодези, дѣти Богданова очень меня обласкали, и въ особенности привязался ко мнѣ сынъ генерала Денисъ Сергѣевичъ, который въ послѣдствіи сдѣлался моимъ истиннымъ другомъ.

Глафира Денисьевна была урожденная Чичерина. Ея отецъ занималъ въ Сибири генералъ-губернаторскій постъ, съ правомъ казнить и вѣшать. Женщина умная и по тогдашнему довольно образованная (она изъяснялась по-французски и любила декламировать стихи Долгорукова), Глафира Денисьевна разказывала что, будучи въ дѣвкахъ, въ Тобольскѣ, ей часто случалось спасать людей отъ смерти. Бывало отецъ ея

прикажетъ кого повѣсить, а къ ней придутъ родныя преступника, и на колѣняхъ со слезами умоляютъ о пощадѣ, и такъ какъ отецъ очень любилъ ее, то нерѣдко, устулая просьбамъ ея, прощалъ многихъ. Она также разказывала что когда они выѣхали изъ Сибири, колеса ихъ экипажей были обшиты серебряными шинами, у лошадей были серебряныя подковы, а на подводахъ везлось въ большихъ сундукахъ разное драгоцѣнное добро. Это весьма вѣроятно, ибо я до сихъ поръ хорошо помню что домъ Богдановыхъ былъ богато убранъ китайскимъ фарфоромъ, зеркалами, бронзовыми божествами въ сидячемъ видѣ, лаковыми вещами и пр. За столомъ въ именинные дни подавались серебряныя блюда, столь тяжелыя что ихъ носили по два лакея. Самовары, подсвѣчники и кухонная посуда были также серебряные.

Учились мы съ Денисомъ у Француза Ивана Петровича Канела, большаго франта и любителя ружейной охоты. Уроками онъ занимался мало, а больше разъѣзжалъ по гостямъ или расхаживалъ по окрестнымъ лѣсамъ и болотамъ, изобилующимъ утками и тетеревами. Его обыкновенно сопровождала лягавая собака Плеронъ, сѣрой шерсти съ большими бурыми пятнами и страшнымъ ртомъ, песъ такой величины и силы что мы, десятилѣтніе мальчики, запряжемъ его бывало въ санки и катаемся какъ на пони. Онъ раза два хозяину своему спасалъ жизнь.

Канелу скоро отказали отъ дому за его нескромныя похожденія съ горничными. Онъ пріютился у ближайшаго помѣщика Е. А. Панина (почтеннѣйшаго и добрѣйшаго человѣка, весьма памятнаго мнѣ по любимой его оригинальной пословицѣ: „все, батенька, дѣлается въ семъ свѣтѣ Божьею премудростью и человѣческой глупостью“), а меня отецъ вскорѣ взялъ домой и, мѣсяца два спустя, повезъ въ Москву, гдѣ отдалъ учиться въ университетскій благородный пансіонъ.

Въ пансіонѣ я учился довольно изрядно и былъ на лучшемъ замѣчаніи у тогдашняго ректора Антона Антоновича Антоновскаго. Экзамены сходили благополучно, и я уже съ отличіемъ успѣлъ перейти въ третій классъ, какъ вдругъ въ судьбѣ моей произошла неожиданная перемѣна.

....Въ декабрѣ 1807 года пріѣхалъ въ Москву въ отпускъ племянникъ А. И. Власовой, * Орденскаго кирасирскаго полка

* Богатой старухи, къ которой я, будучи воспитанникомъ университетскаго благороднаго пансіона, хаживалъ по воскресеньямъ въ гости.

поручикъ князь А. И. Голицынъ. Его бѣлый мундиръ, ботфорты со шпорами и каска съ Андреевскою звѣздой и подписью „за службу и вѣрность“ привели меня въ восторгъ. Я удивлялся молодечеству князя, хотя онъ былъ небольшаго роста, сутуловатъ и собою очень некрасивъ. Онъ полюбилъ меня, краснощекаго, застѣнчиваго четырнадцатилѣтняго мальчика, и сталъ уговаривать вступить на службу въ его полкъ, которымъ въ то время командовалъ полковникъ К. И. Линденбаумъ. Плѣненный мундиромъ и блескомъ военной карьеры, я оставилъ пансіонскія занятія, и съ согласія отца, который при письмѣ выслалъ мнѣ на дорогу 125 р. асс., отправился опредѣляться на службу.

Въ просторной кибиткѣ, нагруженной всевозможною провизіей, московскими калачами, чаемъ, сахаромъ, жареною индѣйкой и гусемъ, укутанный въ волчью шубу и вдвоемъ съ крѣпостнымъ человѣкомъ князя Голицына, Родіономъ, малымъ бывалымъ, и большимъ сказочникомъ, я выѣхалъ изъ Москвы совершеннымъ бариномъ. Дѣлая въ день около 50 верстъ и отдыхая аккуратно по ночамъ, мы на третью недѣлю Великаго Поста добрались наконецъ до Ошмянъ (Виленской губерніи), гдѣ находилась полковая квартира.

Опредѣленіе мое на службу состоялось скоро. Я облекся въ колетъ и лосинные штаны, надѣлъ каску, вооружился лалашомъ и внутренно торжествовалъ.

Въ концѣ мая, мы отправились съ Голицынымъ къ ротмистру И. Д. Денисьеву, въ его эскадронъ, расположенный въ мѣстечкѣ Ивіо, куда нежданно-негаданно прибылъ для совмѣстнаго со мною служенія дорогой пріятель мой Д. С. Богдановъ. При немъ было нѣсколько человѣкъ людей, лошадей и значительный кушъ денегъ (незадолго до этого умеръ его дѣдъ и оставилъ отцу Дениса слишкомъ четыре тысячи душъ крестьянъ и большой капиталъ), и вотъ попала у насъ жизнь на славу. Службой мы, разумѣется, мало занимались, а ѣли, пили, лакомились, катались и вообще вели себя настоящими школьниками. Какъ образчикъ тогдашнихъ шалостей, приведу слѣдующіе два случая.

Къ намъ иногда заходилъ въ гости сухощавый старичокъ докторъ, имѣвшій близь Ивіо свой маленькій фольваркъ. Этотъ докторъ, большой говорунъ и плохой музыкантъ на скрипкѣ, любилъ прихвастнуть своею храбростью, въ особенности послѣ нѣсколькихъ стакановъ крѣпкаго пунша. Однаж-

ды онъ пустился въ длинное повѣствованіе о различныхъ сраженіяхъ въ которыхъ участвовалъ, о небывалыхъ операціяхъ которыя будто бы производилъ съ необыкновенною смѣлостью, а между тѣмъ время, коротаемое луншемъ, понемногу шло, и уже совсѣмъ стемнѣло когда нашъ собесѣдникъ, лолиливъ на скрилкѣ, вышелъ на дворъ. Голицынъ притворилъ дверь и таинственно шепнулъ мнѣ: „Пойдемъ за докторомъ, я сыграю съ нимъ славную штуку и проучу этого храбреца.“ Мы прокрались черезъ дворъ на улицу и пошли по его слѣдамъ. Ночь была темная, но тихая и теплая. Тучи ходили по небу. Подходя къ жидовской корчмѣ, которая стояла на полдорогѣ отъ докторскаго фольварка, мы увидали страшной величины фигуру съ рогами, у которой изо рта шло пламя, бросавшее трепетный свѣтъ на ея бѣлый саванъ. Фигура эта шла прямо на доктора, показавшагося въ ту же минуту изъ-за корчмы. Несчастный до того испугался что упалъ на землю и сдѣлался недвижимъ. Мы съ Денисомъ также сначала струхнули, но князь объяснилъ намъ что это видѣніе—переряженный, на ходуляхъ, человѣкъ его Парамонъ. Мы принялись оттирать доктора. Онъ пришелъ въ себя и едва проговорилъ: „Мнѣ очень дурно, я сейчасъ видѣлъ страшное чудовище, которое съ такимъ ревомъ бросилось на меня что я лишился чувствъ.“ Напрасно мы увѣряли его что чудовища никакого здѣсь не было, что онъ сдѣлался только жертвой довольно глупой шутки; докторъ остался при своемъ. Совѣстно вспомнить что бѣднякъ пролежалъ послѣ того въ постели нѣсколько недѣль. Когда въ послѣдствіи онъ возвращался съ нашего луша домой, то въ рукахъ у него была уже не скрилка, а толстая сучковатая палка.

Въ мѣстечкѣ Ивіо совершенно не было никакихъ развлеченій; ни книгъ, ни порядочныхъ знакомыхъ между тамошними ломѣщиками. Поляки въ то время косились на насъ какъ и теперь. По воскресеньямъ, отъ нечего дѣлать, мы хаживали въ небольшой доминиканскій костелъ, гдѣ порядочно игралъ на органѣ пожилыхъ лѣтъ мущина, страстный любитель горячихъ напитковъ. Разъ какъ-то мы ему дали ноты съ безобразною музыкой „Барыни“ и увѣрили его что это гимнъ, который у насъ поется при выходѣ изъ церкви по большимъ праздникамъ. Органистъ, долго не думая, грянулъ его по клавишамъ, къ великому удивленію и соблазну прихожанъ, которые, остановясь на паперти, стали толковать между собою:

что̀ это за странная и вмѣстѣ веселая музыка? Мы по ребячеству смѣялись, а по окончаніи службы зазвали къ себѣ органиста и стали его подчивать на убой.

По окончаніи осени, Голицынъ отпросился въ отпускъ, а мы съ Богдановымъ были потребованы для познанія службы въ городъ Ошмяны.

Въ Ошмянахъ время потянулось невообразимо скучно и однообразно.

Однажды жена нашего полковника, — женщина замѣчательной красоты и лично извѣстная императору Александру, — вздумала для развлеченія устроить нѣчто въ родѣ собранія, куда бы могли съѣзжаться танцовать сосѣдніе помѣщики и мѣстные чиновники. Къ сожалѣнію, въ городѣ не было для этого порядочной залы. По долго̀мъ размышленіи, оказалось что въ домѣ уѣзднаго суда, въ верхнемъ этажѣ сто́итъ только вынести архивъ и сломать полки и перегородки, чтобы очистилось превосходное помѣщеніе. Мысль эту подала ошмянская помѣщица, генеральша Лыкошина, пожилая, но веселаго нрава и весьма радушная хозяйка.

Уѣздный судья, панъ Лапа, поспѣшилъ распорядиться архивомъ, и въ залѣ, отдѣланной хоть куда, загремѣла прекрасная полковая музыка. Наѣхало много офицеровъ и окружныхъ помѣщиковъ, Поляковъ, съ женами и дочерьми, такъ что въ кавалерахъ недостатка не было. Танцовали до упаду. Многіе были замаскированы, а я между прочимъ въ женское платье, по настоянію полковницы, которая очень меня побалывала и подшучивала надъ моею застѣнчивостью. На одномъ изъ такихъ импровизованныхъ баловъ, офицеръ нашего полка баронъ С—нъ свелъ знакомство съ женой исправника, зажиточнаго Поляка, фамиліи котораго не упомню. Это былъ тучный, здоровый, лѣтъ за сорокъ мущина, крайне ревниваго темперамента. Онъ скоро смекнулъ что жена его неравнодушна къ С—ну и сталъ слѣдить. Мы, ничего не подозрѣвая, продолжали попрежнему посѣщать собраніе, танцовать до утра и волочиться за польскими дамами, мелкопомѣстными шляхетками. А между тѣмъ противу насъ зрѣлъ заговоръ. Однажды къ концу января (1809) мы замѣтили что въ залу собранія нашло множество Поляковъ. Они часто подходили къ буфету, пили вино и припѣвали въ полголоса „еще Польша не сгинѣла, когда мы“ и пр. Вдругъ исправникъ, будучи уже навеселѣ, закричалъ: „гаси свѣчи, бей Москалей!“ и въ ту же ми-

нуту нѣсколько человѣкъ бросились тушить лампы и свѣчи и бить офицеровъ. Но такъ какъ нашихъ было много, то произошла страшная схватка. Мы закричали: „музыканты сюда!“ и пошла потѣха. Два фагота, не желѣя своихъ инструментовъ, нещадно колотили ими врага. Фаготамъ помогали флейты и кларнеты. Тутъ же два кирасира, стоявшіе у дверей для порядка, пустили въ ходъ ружейные прикклады. Дамы подняли страшный крикъ и плачъ. Полковницу и генеральшу кое-какъ выпроводили. Многія бѣжали въ однихъ бальныхъ платьяхъ. Сцена была непредвидѣнная и ужасная. Болѣе всѣхъ пострадалъ исправникъ, какъ зачинщикъ. Устулая натиску, онъ выбилъ оконную раму, бросился со втораго этажа, но къ счастью попалъ въ глубокій снѣгъ. Судью Лапу повалили на полъ, и на лицо его посыпались удары шлорами. Прочихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, по распоряженію полковника, арестовали и отправили на гауптвахту. Смятеніе произошло во всемъ городѣ. Утромъ Поляки послали въ Вильну на имя генералъ-губернатора Корсакова просьбу, въ которой излагалось все дѣло съ самой дурной для насъ стороны. Наряжено было слѣдствіе, которое продолжалось почти два мѣсяца. Въ концѣ марта, въ самое Свѣтлое Воскресенье, когда за обѣдомъ мы собирались пить за здоровье полковника и его жены, прискакалъ фельдъегерь и подалъ К. И. пакетъ. По вскрытіи онаго оказалось что полкъ нашъ въ 24 часа долженъ былъ приготовиться въ походъ въ Галицію, по прилагаемому маршруту. Полковникъ и офицеры отъ радости закричали *ура*! Полилось шампанское, и всѣ пили съ восторгомъ и отчасти съ заднею мыслью что непріятное слѣдствіе съ начатіемъ войны непремѣнно должно было прекратиться.

Дня три спустя полкъ нашъ выступилъ изъ Ошмянъ. Всѣ были довольны оставить этотъ дрянной городишко, жители котораго, въ особенности чиновники, и во главѣ ихъ исправникъ, насъ возненавидѣли. А исправникъ въ то время былъ значительное лицо. Онъ утверждалъ по базарнымъ цѣнамъ справки на овесъ и сѣно, взимая, конечно, съ полковника въ видѣ благодарности по 10% съ рубля. Какъ ни странны покажутся, можетъ-быть, нынѣ эти порядки, но въ наше время ими не тяготились. Полковой командиръ, который получалъ отъ своего полка въ годъ доходу не менѣе 100.000 руб. ассигн., и эскадронные командиры умѣли соблюдать свои выгоды. Справочная цѣна всегда была высокая, овесъ и сѣно нило-

чемъ, а солдаты, размѣщенные по деревнямъ, зачастую таскали ихъ у поселянъ и помѣщиковъ. Но все обходилось тихо и смирно. По заведенному порядку, офицеры во время пребыванія въ полковой квартирѣ обѣдали у полковника, а въ эскадронахъ у эскадронныхъ командировъ. Притомъ они получали на одну верховую и на одну вьючную лошадь фуражъ.

При выходѣ въ походъ, команду надъ нашимъ эскадрономъ принялъ майоръ Д. Н. М — въ, служившій прежде въ кавалергардахъ, очень видный офицеръ, большой наѣздникъ и страшный фанфаронъ. Онъ смотрѣлъ свысока на недостаточныхъ офицеровъ, а съ нижними чинами обращался до крайности жестоко. Не проходило дня чтобъ онъ не наказалъ палками трехъ-четырехъ кирасиръ. Пятьсотъ палокъ считалось обыкновеннымъ наказаніемъ. Не мудрено поэтому что какъ офицеры, такъ и солдаты ненавидѣли М—ва, а этотъ звѣрь говаривалъ что въ тотъ день онъ чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ когда не накажетъ нѣсколько людей палками.

Походомъ я долженъ былъ ѣхать въ казенной аммуниціи, то-есть въ тяжелой мѣдной каскѣ, украшенной большимъ султаномъ изъ конскихъ волосъ, въ суконномъ подгалстучникѣ и въ рейтузахъ снабженныхъ вмѣсто лампасовъ металлическими луговицами, ушки которыхъ такъ вливались въ тѣло, что бывало на бокъ прилечь невозможно, а ложись для отдыха навзничь. Палаши были тяжелые, и около нихъ должна была находиться (у юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ) форменная натуральная трость. Къ прелестямъ этой костюмировки прибавьте что въ походъ мы выступили въ мартѣ мѣсяцѣ, въ самый разливъ воды. Разъѣзжая по лужамъ, я одинъ разъ попалъ въ колодезь, ничѣмъ не огороженный, и меня насилу оттуда вытащили. За это получилъ отъ М—ва строжайшій выговоръ. Другой разъ лошадь моя, чего-то испугавшись, бросилась на перила моста и увлекла меня въ довольно глубокую рѣчку. Къ счастію, тутъ было нѣсколько рыбаковъ, которые спасли меня отъ вѣрной смерти. Добрый конь мой (Огурецъ) выплылъ самъ на берегъ.

Въ наказаніе *за эту шалость*, М—въ послалъ меня при эскадронѣ пѣшкомъ. Идя по грязи, я горько плакалъ, вспоминая привольную московскую жизнь съ ея удовольствіями, гуляньями въ Нескучномъ, веселыми обѣдами въ трактирѣ у Полякa и роскошными балетами.

Этотъ несносный походъ въ Галицію продолжался около

мѣсяца. Къ счастію, М—въ заболѣлъ, и эскадронъ нашъ принялъ полрежнему добрѣйшій ротмистръ Денисьевъ. Офицеры и солдаты вздохнули свободно. Вскорѣ мы пришли въ небольшой городокъ Новое Място, принадлежавшій помѣщику графу Шидловскому, знатному польскому баричу, нигдѣ не служившему и получавшему дохода до ста тысячъ червонцевъ въ годъ.

Графъ былъ такъ любезенъ что самъ пріѣхалъ къ Денисьеву рекомендоваться и просилъ познакомить его со всѣми офицерами и юнкерами, что тотчасъ же и было исполнено. Средняго роста, худощавый, съ каштановыми волосами, онъ несказанно располагалъ къ себѣ своимъ открытымъ, прекраснымъ, ласковымъ лицомъ. Онъ объявилъ намъ что живетъ верстахъ въ трехъ отъ Новаго Мяста, на мызѣ, съ однимъ сыномъ-сухоручкой и молодою племянницей, что домъ у него большой, что онъ очень радъ такимъ гостямъ какъ мы, и убѣдительно просилъ (насколько во всемъ этомъ было правды?) бывать у него каждый день безъ церемоніи.

Часу во второмъ пріѣхали отъ него за нами двѣ *кочи* четверикамп. Одна коча была залряжена бѣлыми жеребцами, а другая воронымп, съ огромными наборными хомутами. Кучера, разумѣется, были съ бичами.

У графа мы нашли великолѣпно сервированный завтракъ. Хозяинъ намъ отрекомендовалъ своего сына, молодаго образованнаго человѣка (къ сожалѣнію, съ высохшею рукой), и тринадцатилѣтнюю племянницу Адель. Адель была сама грація. Взгляды этой милой и красивой дѣвушки огнемъ зажгли наши юношескія сердца. Игра ея на фортепіано, прелестное пѣніе и старое венгерское, котораго мы выпили по небольшой рюмкѣ, окончательно вскружили намъ головы. Графъ предложилъ сыграть по-маленькой въ тогдашнюю игру *ювинъ* (?) и ухитрился проиграть около 200 австрійскихъ гульденовъ.

Послѣ игры, продолжавшейся довольно долго, мы уѣхали обратно въ городъ. На другой день повторилась та же исторія. Такимъ же образомъ пріѣхали за нами кочи, такой же мы нашли прекрасный столъ и такъ же всѣхъ одушевляла своею игрой несравненная Адель. Графъ любилъ ее безъ памяти, и въ продолженіе всей стоянки (которая длилась болѣе мѣсяца) угощалъ насъ виномъ и двиномъ, и въ концѣ концовъ проигралъ до 5.000 гульденовъ.

Такое гостепріимство было намъ, конечно, по сердцу. Въ особенности доволенъ имъ былъ баронъ С—нъ, который, любез-

ничая съ Аделью, успѣлъ ей не на шутку приглянуться. Они вмѣстѣ занимались музыкой, разговаривали по часамъ; но такъ какъ Адели было всего тринадцать лѣтъ, то никто не обращалъ вниманія на ихъ болѣе нежели дружественныя отношенія.

Когда намъ пришлось ѣхать въ Лембергъ (Львовъ), графъ угостилъ насъ на славу и горячо благодарилъ ротмистра и всѣхъ офицеровъ за оказанную ими дружбу. Мы разстались съ ними чуть не со слезами.

Первый переходъ отъ Новаго Мяста былъ не болѣе двадцати верстъ. Мы размѣстились по крестьянскимъ дворамъ, въ бѣдной и грязной польской деревенькѣ. Поздно вечеромъ къ одной изъ занимаемыхъ нами избъ, подъѣхала бричка, изъ которой вышла дѣвушка, спрашивая гдѣ квартируетъ баронъ С—нъ? Насъ это очень удивило, но мы послѣшили указать ей дорогу. Не прошло четверти часа, какъ вбѣгаетъ къ Денисьеву баронъ съ крайне разстроеннымъ видомъ. Что такое случилось? Случилось то что влюбленная Адель бѣжала изъ дому и, явившись къ нему въ ночное время, умоляла его чтобъ онъ увезъ ее съ собою и женился на ней. Денисьевъ, какъ человѣкъ положительный, не задумался рѣшить что было бы крайне безсовѣстно, за всѣ ласки и доброе расположеніе оказанныя намъ графомъ, отплатить ему самою черною неблагодарностью, и что на поступокъ Адели слѣдуетъ смотрѣть не иначе какъ на дѣтскую выходку. Онъ посовѣтовалъ С — ну немедленно уговорить Адель возвратиться къ дядѣ, и даже самому проводить ее. С — нъ согласился и кое-какъ убѣдилъ бѣглянку, которая трепетала отъ одной мысли показаться на глаза графу, ѣхать съ нимъ обратно въ Новое Място. Подъѣзжая къ мызѣ, онъ увидѣлъ что весь домъ на ногахъ; въ саду вдоль рѣки бѣгали люди съ факелами, самъ графъ въ шлафрокѣ на распашку, безъ шапки, шумѣлъ, суетился и оглашалъ ночной воздухъ именемъ Адели.

Трогательную сцену ея возвращенія къ дядѣ описывать не стану. Графъ не зналъ какъ благодарить С — на, прижималъ его къ груди, увѣрялъ что онъ вѣкъ будетъ помнить этотъ благородный подвигъ, спасшій честь дома и его счастье, предлагалъ свою дружбу, услуги, деньги, отъ которыхъ баронъ, разумѣется, отказался, и наконецъ уговорилъ его, въ знакъ памяти, принять ничтожную бездѣлушку — великолѣпный дорожный несессеръ, съ полнымъ серебрянымъ сервизомъ.

Изъ *Мурованныхъ Ляшекъ*, гдѣ расположилась штабная квартира, полкъ нашъ перевели въ имѣнье графа Мнишекъ....

Вскорѣ всѣ заговорили что войны не будетъ, и что намъ предстоитъ обратный походъ въ Ошмяны. Извѣстіе это огорчило насъ, и я не могъ удержаться отъ слезъ при мысли что случай отличиться въ сраженьи, взять пушку и получить за это Георгіевскій серебряный крестъ (верхъ моихъ надеждъ и желаній) ускользалъ безвозвратно.

Дворецъ князя Мнишекъ, или лучше сказать замокъ, гдѣ квартировалъ нашъ полковникъ, представлялъ громадное зданіе, окруженное глубокими рвами, наполненными водой и пересѣченными въ одномъ мѣстѣ подъемнымъ мостомъ. Внутри замка было много огромныхъ необитаемыхъ залъ, съ почернѣвшею отъ древности мебелью. Нѣкоторыя комнаты были отдѣланы въ китайскомъ вкусѣ и украшены полорченными фарфоровыми фигурами. Въ одной обширной гостиной стѣны были изъ чернаго дерева, съ переламутровыми великолѣпными инкрустаціями, изображающими деревья и звѣрей. Но все это было въ запустѣніи, инкрустаціи мѣстами повыкрошились, на полахъ валялась всякая дрянь. Въ залахъ при дурной погодѣ обучали солдатъ пѣшему строю, и при этомъ безсовѣстно портили прекрасные паркеты. Въ замкѣ устроенъ былъ костелъ, на стѣнахъ котораго красовались портреты Димитрія Самозванца и Марины, въ царскомъ одѣяніи и коронахъ. Близъ костела помѣщались огромный физическій кабинетъ и библіотека; но книгъ на полкахъ уже не было, а физическіе инструменты въ безпорядкѣ лежали на полу. Подъ замкомъ находились подземелья, напоминавшіе намъ романы Радклифа. Правда, мы не нашли въ нихъ скелетовъ, но на стѣнахъ висѣли еще цѣпи, и всюду виднѣлись длинные, извилистые переходы.

Тревожные слухи о прекращеніи войны и примиреніи съ Французами оправдались. Полкъ нашъ вернулся въ Виленскую губернію на зимнія квартиры, и новымъ командиромъ назначенъ къ намъ былъ, вмѣсто К. И. Линденбаума, графъ А. И. Гудовичъ, небольшаго роста, сутуловатый, худощавый человѣкъ, съ большимъ носомъ, но пріятными сѣрыми глазами. „Ну братъ, говорили мнѣ мои товарищи, прошло твое золотое время, довольно поѣздилъ ты съ Линденбаумшей на балы, пора за дѣло. Послужи-ка съ Гудовичемъ, узнаешь службу.“ Но графъ, несмотря на то что былъ дѣйствительно строгій начальникъ, обошелся со мною весьма ласково и въ особен-

ности сталъ любезенъ съ тѣхъ поръ какъ мнѣ удалось, хотя и съ рискомъ жизни, удачно исполнить его частное порученіе въ городъ Ригу *....

Вскорѣ затѣмъ, благодаря усиленному ходатайству Богдановa въ Петербургѣ, мы были переведены съ нимъ въ гвардію, въ лейбъ-драгунскій полкъ. По прибытіи въ столицу, я отправился въ Мраморный дворецъ, въ канцелярію великаго князя Константина Павловича, гдѣ получилъ приказаніе отъ полковника Лагоды явиться на другой день пораньше, для представленія его высочеству.

Его высочество разсѣянно взглянулъ на меня и, прервавъ разговоръ съ какимъ-то генераломъ, сказалъ Лагодѣ: „Вели его отправить въ Стрѣльну, къ Чичерину.“ Я нанялъ тройку лошадей, и по отвратительной дорогѣ, поздно ночью, едва дотащился до новаго мѣста назначенія. Въ городѣ все спало, но въ одномъ домѣ мелькалъ еще огонекъ. Это было у хлѣбника, который по настоятельной моей просьбѣ согласился отвести мнѣ чуланъ для ночлега.

Ночью я проснулся отъ сильнаго писка и бѣготни, происходившихъ у меня подъ лавкой, заснуть уже я болѣе не могъ, и когда разсвѣло, увидѣлъ, къ крайнему удивленію, подъ лавкой двѣ желѣзныя, плетеныя клѣтки, наполненныя живыми крысами. Хлѣбникъ пояснилъ мнѣ что онъ поставляетъ ихъ въ Стрѣльнскій дворецъ (по рублю за штуку), гдѣ ихъ покупаютъ для травли таксами. Великій князь имѣлъ при себѣ множество породъ таксъ, и въ послѣобѣденное время любилъ травить ими крысъ въ одной изъ дворцовыхъ залъ. На псарномъ дворѣ его высочества держались разнаго сорта собаки, борзыя, датскія, меделянскія, бульдоги и т. п. Въ смежномъ помѣщеніи находилось нѣсколько медвѣдей и волковъ. Любимыя собаки великаго князя послѣ смерти хоронились въ саду, и надъ ними ставили мраморныя доски съ надписями.

Когда мой новый мундиръ и простая аммуниція были готовы, меня назначили въ эскадронъ къ Радуловичу, родомъ Сербу, смуглому, съ орлинымъ носомъ и большими бакенбардами (ношеніе усовъ тогда воспрещалось). Радуловичъ слылъ за строгаго начальника и отмѣннаго служаку. Онъ уже разъ былъ въ отставкѣ, прослуживъ офицеромъ 25 лѣтъ; но снова

* По дорогѣ я наткнулся на шайку разбойниковъ, которую преслѣдовала команда солдатъ.

вступилъ въ гвардію по желанію старика отца, который встрѣтилъ его словами: „Охъ ты вражій сынъ, зачѣмъ прибылъ къ дому когда ѣсть нечего?“ отколотилъ его батогами и выгналъ вонъ. Радуловичъ при первой встрѣчѣ со мною сдѣлалъ мнѣ начальническое внушеніе, и когда я однажды въ чемъ-то провинился, нарядилъ меня на три дня на конюшню мести навозъ! Наказаніе строгое, но далеко не превышавшее тѣхъ каръ которыя были въ наше время въ употребленіи. Такъ въ эскадронѣ полковника Мезенцова, юнкеръ Каръ, очень богатый молодой человѣкъ, но великій ловѣса, былъ за какую-то шалость осѣданъ казеннымъ сѣдломъ и посаженъ верхомъ на коновязи съ гирями на обѣихъ ногахъ.

Да и что за бѣдовый народъ были вообще наши юнкера! Многіе изъ нихъ получали отъ родителей огромное содержаніе (такъ графу Сангушко высылалось изъ дому до 50.000 р. асс. въ годъ) и деньгамъ счету не знали. Большинство принадлежало къ аристократическимъ фамиліямъ (баронъ Искуль, Чертковъ, графъ Апраксинъ, графъ Потоцкій, Салѣга, Яковлевы и пр.), и пользуясь своими связями и богатствомъ, они что называется куралесили вволю. Къ намъ изъ Петербурга въ Петергофъ (куда былъ переведенъ нашъ полкъ въ маѣ мѣсяцѣ) наѣзжали по вечерамъ Цыганки, шарманщицы, Тирольцы. Гремѣла музыка, затѣвались пляски, пускались фейерверки. Юнкера конныхъ полковъ накупятъ бывало бракованыхъ лошадей, и партіями, человѣкъ въ двадцать, несутся во весь духъ изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, въ знакомую гостиницу, гдѣ пируютъ до утра. Но можно ли пересказать всѣ тогдашнія шалости? Бывало въ лѣтнія ночи, когда открывались дворцовыя окна для провѣтриванія комнатъ, молодые люди забирались во внутренніе апартаменты и закладывались на постеляхъ приготовленныхъ для штатсъ-дамъ и фрейлинъ. Мы рвали цвѣты, ломали сирень, портили фонтаны. Книги тогда были не въ большомъ почетѣ. Ихъ замѣняли карты, пуншъ, бесѣды о разгульныхъ женщинахъ. Нравственность вообще стояла весьма низко. Правда, за то много было дружбы, искренности и безкорыстія.

Я зналъ одного юнкера лейбъ-уланскаго полка, Черкасова, который лицомъ былъ довольно схожъ съ великимъ княземъ и отмѣнно имитировалъ его. Надѣнетъ бывало шляпу съ султаномъ и конно-гвардейскій мундиръ и начнетъ кричать на насъ голосомъ великаго князя. Сходство было до того пора-

зительно что мы, забываясь, трепетали отъ страха, а одинъ стоявшій на карауле офицеръ Е. схватилъ однажды лихорадку, послѣ строжайшаго выговора полученнаго имъ отъ двойника великаго князя. Послѣдняго извѣстили объ этой продѣлкѣ Черкасова; онъ, говорятъ, разсмѣялся, но не велѣлъ преслѣдовать шутника.

На нарушеніе формы обращали строгое вниманіе. Такъ однажды на разводѣ, великій князь, замѣтивъ что у меня изъ подъ чешуи каски выглядываютъ довольно длинныя пряди волосъ, приказалъ подать барабанъ, посадить меня на оный и остричь подъ гребенку. Изъ ближайшей швальни явился закройщикъ и совершилъ эту операцію огромными ножницами. Мнѣ было около 16 лѣтъ, я плакалъ.

Жизнь въ Петергофѣ протекла шумно. Въ то время это былъ мизерный городишко, большею частью населенный придворными служителями, существованіе которыхъ обезпечивалось деньгами вырученными ими во время лѣтняго праздника въ честь императрицы Маріи Ѳеодоровны. 17го іюля въ городокъ съѣзжался весь Петербургъ, и квартиры брались на расхватъ по 500 до 1.000 руб. за какіе-нибудь два-три дня. Я квартировалъ у кастеляншп М. Васильевой, въ домѣ которой на время праздника располагалась придворная контора. Сюда свозилось безчисленное множество жизненныхъ припасовъ, винъ и кухонныхъ принадлежностей. Половина или по крайней мѣрѣ третья часть этого добра оставалась въ пользу придворныхъ служителей. Столовая посуда (кромѣ серебра) оставалась обыкновенно попорченною или разбитою, и метръ д'отель, по отѣздѣ двора, продавалъ офицерамъ по дешевымъ цѣнамъ разныя вина цѣлыми ящиками. Бѣдные жители охотно покупали восковые огарки, и даже однажды за безцѣнокъ пріобрѣли туалетные остатки одной весьма извѣстной красавицы, иностранки, квартировавшей у придворнаго архитектора. Эта госпожа, имѣвшая доступъ къ императору Александру, брала ванны изъ молока и мадеры. Мадера была разлита въ бутылки, а молоко въ кувшины и горшки, и обѣ жидкости проданы для вторичнаго, болѣе натуральнаго употребленія.

Какихъ впрочемъ чудесъ не видалъ тогда Петергофъ! Помню что близъ Монъ-Плезира народъ собирался слушать роговую музыку Нарышкина. Оркестръ состоялъ изъ 50 человѣкъ, которые выводили одновременно на своихъ инструментахъ

каждый одну какую-нибудь ноту. Только въ Россіи могли водиться подобныя чудеса. Содержать 50 человѣкъ, поить, кормить, одѣвать ихъ, платить имъ жалованье, и это за одну только ноту! Музыка была, правда, самаго заунывнаго характера и располагала душу къ мечтаніямъ.

Къ концу 1811 года меня произвели въ офицеры. Надѣвши полную парадную форму, я считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. И чего въ самомъ дѣлѣ недоставало 16тилѣтнему юношѣ? Каска вызолоченная съ Андреевскою звѣздой и надписью „за вѣрность и усердіе“, на чепракѣ четыре такія же звѣзды и съ такою же надписью. Офицеръ Б. разказывалъ мнѣ что онъ, бывая въ отпуску, надѣвалъ по большимъ праздникамъ свой чепракъ, и такъ какъ у него на груди и сзади оказывались звѣзды, то мужики низко кланялись ему и величали генераломъ, а бабы несли на поклонъ яица, куръ, утокъ и гусей.

Въ февралѣ 1812 года великій князь дѣлалъ лейбъ-гвардіи уланскому и лейбъ-гвардіи драгунскому полкамъ смотръ, по окончаніи коего, онъ собралъ всѣхъ офицеровъ въ кружокъ и объявилъ имъ что по случаю предстоящей кампаніи съ Французами, онъ надѣется что названные полки явятся вполнѣ достойными ожиданій которыя государь императоръ возлагаетъ на ихъ храбрость и мужество. Офицеры и солдаты закричали *ура*, съ приссвокупленіемъ „ради стараться“, и полкъ нашъ въ скоромъ времени выступилъ въ походъ. Первую дневку мы имѣли вѣ Гатчинѣ, гдѣ удостоились быть приглашенными къ столу императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государыня насъ обласкала и угостила, и мы послѣ обѣда поочередно подходили къ ней къ ручкѣ благодарить.

Изъ другихъ дневокъ наиболѣе для меня памятная была въ имѣніи польскаго вельможи графа Шадурскаго....

Въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Нѣмана, начались у насъ авангардныя дѣла съ Французами; но такъ какъ непріятель всюду былъ въ превосходныхъ силахъ, то главнокомандующій Барклай-де-Толли сдѣлалъ распоряженіе чтобы войска наши ретировались внутрь страны. Около Полоцка я былъ первый разъ въ дѣлѣ. Генералъ Панчулидзевъ завелъ нашъ полкъ въ какое-то болото, окруженное сосновымъ рѣдкимъ лѣсомъ, откуда Французы стрѣляли и убивали нашихъ на выборъ. Говорившему со мною капитану Глазеналу пуля попала въ воротникъ мундира и перешибла горло. Онъ повалился на меня

бездыханный. Между тѣмъ пули пищали какъ шмѣли, и люди и лошади падали кругомъ, пораженные на смерть. Къ счастію, полкъ успѣли какъ-то вывести изъ болота; но это несчастное первое дѣло произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Сильно поразила меня смерть капитана Глазенапа, котораго я зналъ за умнаго и достойнаго всякаго уваженія человѣка.

Начиная отъ Полоцка, полкъ нашъ находился постоянно въ арріергардѣ, и Французы провожали насъ ядрами вплоть до Смоленска, гдѣ мы присоединились къ арміи Багратіона, счастливо ускользнувшаго отъ преслѣдованія непріятеля.

Помню въ ту пору мнѣ довелось быть свидѣтелемъ ужаснаго зрѣлища. По волѣ Барклая-де-Толли, разстрѣляны были 12 человѣкъ рядовыхъ и одинъ офицеръ, уличенные въ покражѣ разныхъ вещей въ домахъ у окрестныхъ ломѣщиковъ, полотенъ, скатертей, столоваго серебра и т. п. На эту страшную экзекуцію приказано было собрать съ каждаго полка по одному офицеру и нѣсколько человѣкъ нижнихъ чиновъ. Въ числѣ офицеровъ находился и я. Отговориться было невозможно, служба призывала насъ въ зрители этой невыносимой трагедіи. Сентенція была прочтена и началось разстрѣливаніе въ шести шагахъ, по знаку подаваемому унтеръ-офицеромъ палкой. На преступниковъ надѣты были мѣшки, у ногъ зіяли свѣжія могилы.... Эта экзекуція подѣйствовала однако спасительно на нижнихъ чиновъ и даже на нѣкоторыхъ черненькихъ офицеровъ. Мародерство и воровство прекратились.

Три дня спустя я былъ назначенъ на ординарцы къ Барклаю-де-Толли. Онъ ѣхалъ въ сюртукѣ и фуражкѣ, окруженный большою свитой генераловъ и офицеровъ. Вскорѣ подскакалъ къ нему верхомъ великій князь Константинъ Павловичъ, въ конно-гвардейскомъ вицъ-мундирѣ, въ шлялѣ съ султаномъ и съ нагайкой черезъ плечо. Онъ нѣсколько времени о чемъ-то горячо говорилъ съ главнокомандующимъ, но вдругъ схватилъ нагайку и ударилъ по лошади. Лошадь взвилась, шляпа свалилась у него съ головы, но онъ не обратилъ на это вниманія и ускакалъ назадъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Офицеры находившіеся въ свитѣ Барклая-де-Толли говорили что великій князь остался крайне недоволенъ пріемомъ сдѣланнымъ ему главнокомандующимъ.

Отъ Смоленска, гдѣ произошло извѣстное несчастное для насъ дѣло, въ коемъ не участвовали только кавалерійскіе пол-

ки, мы ретировались на Вязьму. Въ этомъ городѣ, проходя мимо рядовъ, мы видѣли какъ купцы укладывали на воза свой товаръ. Дѣло было спѣшное, непріятель на носу, и потому многіе торговцы мелочными предметами раздавали намъ безденежно всякую всячину. Мнѣ всунули въ руки бутылку съ духами, которые оказались въ послѣдствіи острою водкой....

Вскорѣ послѣ того прибылъ въ армію новый главнокомандующій, Голенищевъ-Кутузовъ, вмѣсто Барклая-де-Толли, о которомъ у насъ ходили слухи что онъ измѣнникъ....

Предъ Бородинскимъ дѣломъ, для поднятія духа въ арміи, адъютанты Кутузова разъѣзжали по полкамъ съ вымышленнымъ извѣстіемъ что король Неаполитанскій Мюратъ взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ изъ заранѣе приготовленнаго мѣшка выпущенъ былъ орелъ, который поднялся ввиду арміи, и это обстоятельство ободрило многихъ малодушныхъ людей. Наша дивизія находилась на правомъ флангѣ, прикрывая пѣхоту и три сильныхъ баттареи, отъ дѣйствія коихъ послѣ полудня мы уже не могли различить другъ друга: такой густой разстилался дымъ. Мы отдѣлались однако относительно незначительною потерей людьми и лошадьми.

На другой день армія наша начала ретироваться къ Москвѣ. Проходя по улицамъ этой древней столицы, солдаты и офицеры плакали. Кутузовъ отдавалъ ее на произволъ непріятеля, и, сдѣлай это Барклай, въ войскахъ несомнѣнно произошло бы возмущеніе. Въ Москвѣ оставалось еще много жителей. Какъ сейчасъ помню, ѣду мимо одного дома и вижу у отвореннаго окна пожилую женщину съ двумя молодыми дѣвушками, вѣроятно мать съ дочерьми. Я удивленнымъ тономъ спросилъ: Что вы тутъ дѣлаете? Вѣдь Французы идутъ за нами по пятамъ, вы можете попасть въ плѣнъ! Дама сначала не хотѣла этому вѣрить; но вдругъ подскакалъ какой-то мущина, проговорилъ второпяхъ нѣсколько словъ, и вотъ въ домѣ поднялся ужасный крикъ: „Лошадей.... экипажи.... Французы!...“

Между тѣмъ кабаки въ городѣ были уже разбиты, и вино изъ бочекъ вылито въ канавы. Негодяи черпали его черепками и въ пьяномъ видѣ распѣвали непристойныя пѣсни. Проходя мимо Кремля, мы увидѣли что изъ тамошняго арсенала выбрасывали разнаго рода оружіе и топили въ мутной и тинистой рѣченкѣ (*Неглинной*, которая, обрамленная кучами навоза, протекала между кремлевскими стѣнами и мясными,

нынѣ желѣзными, рядами). Полки слѣдовали въ большомъ безпорядкѣ. Обозы съ товарами, ломѣщичьи экипажи и телѣги сталкивались и загораждали имъ дорогу. Въ этой суматохѣ я увидалъ вдругъ Богданова, въ лакейской ливреѣ и въ трехъугольной шляпѣ съ галуномъ. Мнѣ показалось это чрезвычайно дико; но дѣло скоро разъяснилось. Пріятель мой съ человѣкомъ своимъ Петромъ завернули по дорогѣ въ домъ къ старушкѣ Власовой. Петръ сталъ увязывать кое-какія вещи, необходимыя въ походѣ, какъ вдругъ на улицѣ мелькнули медвѣжьи шапки Французскихъ конно-егерей. Богдановъ схватилъ висѣвшую въ передней ливрею, напялилъ ее на мундиръ, вмѣсто каски нахлобучилъ шляпу съ лозументомъ и, пользуясь темнотой, ускользнулъ отъ непріятеля. Петръ между тѣмъ невозмутимо продолжалъ увязывать разные кулечки, приговаривая: „куда спѣшить, сударь, время не ушло“. Но оно такъ ушло для бѣдняка что онъ попался въ плѣнъ, и во все пребываніе Французовъ въ Москвѣ ему пришлось работать у нихъ вмѣсто вьючной лошади, таскать мѣшки съ мукой и т. п.

Когда мы остановились верстахъ въ десяти отъ Москвы, близъ великолѣпной дачи князя Голицына, и обернулись назадъ, то увидали что городъ пылалъ съ разныхъ сторонъ....

Пока французская армія поджидала благопріятнаго отвѣта отъ Александра, отвѣта, долженствовавшаго послѣдовать за переговорами о мирѣ между Лористономъ и Кутузовымъ, силы ея съ каждымъ днемъ ослабѣвали. Партизанъ Фигнеръ увѣдомилъ между тѣмъ главнокомандующаго что корпусъ Мюрата, расположенный въ 15ти верстахъ отъ Тарутина,* находится въ весьма бѣдственномъ положеніи, что кавалеріи у непріятеля болѣе не существуетъ, что люди питаются кониной, а артиллерійскія лошади съ трудомъ продовольствуются фуражемъ и подкованы безъ шиповъ, что къ непріятелю, который не позаботился даже выставить пикетовъ, можно свободно пробраться кустарникомъ, и что наконецъ самъ онъ, Фигнеръ, съ нѣсколькими казаками лично во всемъ этомъ убѣдился. По донесеніи Фигнера, наряжена была экспедиція,

* Армія наша, послѣ отступленія отъ Москвы, направила свой путь по старой Калужской дорогѣ и остановилась въ укрѣпленной позиціи близъ Тарутина. Здѣсь къ ней стали прибывать резервы; продовольствіе войскъ улучшилось и началась, какъ извѣстно, партизанская война.

въ которой приняли участіе легкая гвардейская дивизія и часть артиллеріи.

Въ октябрѣ 10го числа, часу въ 11мъ ночи, мы выступили противъ непріятеля. Палаши были обернуты полотенцами чтобы не стучали. Разговаривать и курить трубки было строго залрещено. Такимъ образомъ зашли чуть свѣтъ въ тылъ къ Французамъ. Двѣ сотни казаковъ, пробираясь по кустарникамъ, вдругъ наткнулись на нихъ, закричали *ура*, и бросились въ атаку. Мы вслѣдъ за казаками понеслись на всѣхъ рысяхъ. Французы, ничего не подозрѣвая, расхаживали себѣ кто въ шинеляхъ, а кто просто въ рубашкахъ. Нѣкоторые варили кушанье. Кругомъ лежало множество дохлыхъ лошадей. Когда показались казаки, смятеніе произошло ужасное. Наши стали хватать людей и лошадей въ плѣнъ; но вдругъ подоспѣла французская артиллерія и начала по насъ дѣйствовать весьма удачно. Стоявшаго возлѣ меня казака, который развертывалъ какую-то шаль и ею восторгался, ядро сильно окантузило, а меня сильно обдало землей... Въ этомъ не совсѣмъ успѣшномъ ночномъ дѣлѣ убитъ въ нашемъ отрядѣ знаменитый генералъ Баггаутъ. Мюратъ съ большею частію своей арміи успѣлъ отретироваться, и насъ въ послѣдствіи строго осуждали что, по нераспорядительности и неосторожности начальства, мы не захватили въ плѣнъ Неаполитанскаго короля.

Я забылъ сказать что незадолго предъ этимъ нашъ полкъ, въ отрядѣ генерала Дорохова, имѣлъ случай отличиться въ дѣлѣ противъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка Маріи Луизы. Съ горстью пѣхоты и артиллеріи мы напали также чуть свѣтъ въ тылъ непріятелю, разбили его и перехватали на половину въ плѣнъ. Много при этомъ было взорвано порохових ящиковъ и фуръ съ бомбами. Лошадей оказалось въ такомъ количествѣ что солдаты наши продавали ихъ въ послѣдствіи по пяти рублей за штуку, выключая походные чемоданчики, изъ коихъ каждый содержалъ немного денегъ и серебряную столовую ложку. Дѣло это происходило близь деревни Бурцево.

Между тѣмъ время шло, армія Наполеона приходила въ упадокъ, и духъ субординаціи въ ней почти исчезъ. Наполеонъ, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ на миръ, двинулся къ Малоярославцу, съ тѣмъ чтобы по новому тракту, болѣе удобному въ отношеніи продовольствія, добраться чрезъ

Калугу до Смоленска и Вильны. Объ этомъ было сообщено Кутузову, который тотчасъ же отправилъ всѣ свои войска изъ Тарутина къ Малоярославцу, гдѣ и произошелъ извѣстный отчаянный бой. Городокъ переходилъ изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ; мы много потеряли народу, но удержались на мѣстѣ въ эту достопамятную ночь. На другой день двинулись было къ полотняным заводамъ Гончарова, по направленію къ Калугѣ, но вскорѣ, по распоряженію высшаго начальства, пріостановились. Въ этотъ же день, поздно вечеромъ, къ Кутузовской палаткѣ собралось множество генераловъ для совѣщанія. Я былъ на ординарцахъ у графа Уварова и помню какъ Кутузовъ сидѣлъ на скамейкѣ у огня. Онъ поддерживалъ рукой голову и долго молчалъ. Взглянувъ на Бенингсена, онъ сказалъ: „Генералъ, вы устали, присядьте“, и затѣмъ сталъ объяснять что Наполеонъ ретируется на Смоленскъ по старой дорогѣ, гдѣ все уже съѣдено, и что онъ съ Божьею помощію намѣренъ преслѣдовать и добить его полчища. Генералы изъявили свое согласіе, и чуть свѣтъ утромъ войска русскія тронулись по пятамъ Французовъ боковымъ маршемъ.

Сначала время стояло довольно теплое и сухое. Мы дѣлали по непріятелю фланговыя атаки, брали многихъ въ плѣнъ; но Французы еще отстрѣливались, такъ какъ артиллерія была у нихъ изрядная. Къ концу ноября сдѣлалась отъ дождя гололедица. Тутъ, некованыя на шипы, французскія лошади ни фуръ, ни орудій везти не могли. Дня черезъ два случился жестокій морозъ съ вѣтромъ и снѣжною метелью, и разыгрались тѣ ужасныя сцены, понятіе о которыхъ могутъ составить себѣ лишь очевидцы.

Мы находили нерѣдко людей лежащихъ у костровъ съ обгорѣлыми ногами. Иные убивали лошадей и, вылустивъ внутренности, прятали въ оныя отъ холода руки и ноги, но и въ этомъ положеніи замерзали. Много мы ловили солдатъ одѣтыхъ въ женскіе салопы, священническія ризы или лакейскія ливреи. У иныхъ на головахъ вмѣсто касокъ торчали капоры. Только на весьма рѣдкихъ видны были шубы. Мы, съ своей стороны, также во многомъ терпѣли недостатокъ; но у насъ еще были кое-какія заплѣсневѣлые сухари, которые Французы охотно покупали у нашихъ солдатъ по пятифранковику за штуку.

По дорогѣ попадались женщины въ оборванныхъ салопахъ

въ лаптяхъ, изнуренныя и изнеможенныя. Посмотришь, въ сторонѣ бѣжитъ Французъ въ половской ризѣ, а за нимъ гонится мужикъ съ дубиной; но такъ какъ на спинѣ у Француза сіяетъ крестъ, то мужикъ набожно снимаетъ шапку и бьетъ врага по икрамъ и пяткамъ. Казаки, преслѣдуя французскихъ кирасиръ, загнали ихъ въ какое-то болото, и мы видѣли нѣсколько всадниковъ верхами провалившихся въ воду и замерзшихъ въ разныхъ положеніяхъ. Наши отсталые солдаты также дѣлались жертвой мороза. Мы по дорогѣ разбирали крестьянскія крыши и кормили лошадей гнилою соломой. Около Краснаго, оказалась недостача въ хлѣбѣ, и мы питались кое-какъ картофелемъ, поджаривая его на огнѣ, и не дождавшись чтобъ онъ выпекся какъ слѣдуетъ, ѣли его съ жадностію полусырымъ.

Подъ Краснымъ мы ходили нѣсколько разъ въ дѣло. Французы худо дрались, и намъ удалось, перехвативъ тысячи въ плѣнъ, разстроить корпусъ маршала Нея и отбить у него значительную денежную казну. Монеты оказалось въ такомъ изобиліи что солдаты наши охотно давали за синенькую пятирублевую ассигнацію десять пятифранковиковъ. Здѣсь я видѣлъ слѣдующую невозможную при другихъ обстоятельствахъ сцену. Два улана вели подъ устцы лошадей, на сѣдлахъ которыхъ висѣли порядочной величины мѣшки, поддерживаемые деревянною перекладиной и нагруженные пятифранковиками. Уланы шли сердитые, ругаясь. Они видимо изнемогали отъ холода и усталости; наконецъ, придя въ азартъ, запустили руки въ мѣшки, и горстьми стали выбрасывать деньги прямо въ снѣгъ. Собралась кучка любопытныхъ, и многіе протестовали противъ подобнаго безразсуднаго поступка уланъ; но послѣдніе, освирѣпѣвъ, продолжали разметывать монету, приговаривая: „шершь, шершь!“ Когда имъ замѣтили что гораздо было бы лучше припрятать эти деньги на черный день, они отвѣчали что и безъ того чемоданы и кобуры у нихъ полны серебромъ, и что съ остальнымъ добромъ имъ дѣлать нечего. Подъ Краснымъ на бивакахъ, солдаты, изъ молодечества или просто изъ желанія преслѣдовать непріятеля налегкѣ, жгли разные драгоцѣнные предметы, какъ-то кружева, которыя разматывали съ мотушекъ, и т. п. Солдаты моего взвода подарили мнѣ до двухъ тысячъ пятифранковиковъ, нѣсколько дюжинъ батистоваго бѣлья и разныя серебряныя вещи, изъ которыхъ по окончаніи кампаніи я сдѣлалъ тяже-

лую ризу на образъ Казанской Божіей Матери. Однажды рано утромъ, юнкеръ нашего полка Гашинскій наткнулся на застрявшія въ снѣгъ сани заложенныя четверкой дохлыхъ французскихъ клячъ. Въ саняхъ находился огромный комодъ о пяти ящикахъ. По вскрытіи оказалось что въ верхнихъ отдѣленіяхъ хранились ленты и водяныя краски, а въ нижнихъ — галантерейныя золотыя вещи съ алмазами, кунавинскія шали и разныя матеріи. Не успѣлъ Гашинскій показать мнѣ свою военную добычу, какъ подъѣзжаетъ фланговый солдатъ, Угневенко, и говоритъ мнѣ: „Ваше благородіе, не хотите ли купить знатную табакерочку съ генеральскимъ портретомъ?“ Я взглянулъ и ахнулъ отъ удивленія. Это была большая золотая табакерка съ портретомъ Наполеона, осыпаннымъ крупными брилліантами, съ драгоцѣнными по угламъ солитерами. Я едва успѣлъ спросить о цѣнѣ, какъ подвернулся уланскій офицеръ Вейсъ, швырнулъ Угневенкѣ 200 р. ассигн. схватилъ табакерку и былъ таковъ. Въ послѣдствіи онъ продалъ ее въ Витебскѣ Еврею за 16.000 руб.

Подъ Краснымъ отбито у непріятеля до двадцати пудовъ серебряныхъ въ кускн изрѣзанныхъ образныхъ ризъ, которыя были представлены въ главную квартиру, вмѣстѣ съ другими вещами похищенными Французами изъ Москвы, какъ-то кубками, блюдами, вазами и т. л. Въ непріятельскомъ обозѣ захвачены также русскія фальшивыя ассигнаціи (пятидесяти и сторублеваго достоинства), которыя были отпечатаны въ Парижѣ и привезены въ Москву для сбыта. Впрочемъ денегъ фальшивыхъ и не фальшивыхъ имѣлось тогда во множествѣ. За то на жизненные припасы цѣны стояли чрезмѣрно высокія. Такъ напримѣръ, маркитантки продавали штофъ простаго вина по 5 р.; фунтъ сахара стоилъ 6 р.; фунтъ обыкновеннаго чая 20 р.; фунтъ испорченнаго винограда 10 р. Хлѣба невозможно было найти нѣсколько дней ни за какія деньги. Поневолѣ при такихъ обстоятельствахъ всѣ наши богатства казались ничтожными.

Офицеры играли и пили напропалую. Многіе были убѣждены что домой не вернутся живыми и потому предались страшному кутежу. Женщины дурнаго поведенія, водка, пуншъ, банкъ,—вотъ чѣмъ занимались на стоянкахъ. Во время преслѣдованія непріятеля форма не соблюдалась. Много офицеровъ было одѣто въ овчинные полушубки, оборванные салоги и фуражки. Деньги доставались легко и тратились еще легче

Однажды по дорогѣ уланскій офицеръ Карагоровъ наѣхалъ на заброшенный лафетъ отъ пушки. Онъ изъ любопытства отворилъ находившійся въ передкѣ ящикъ и выгребъ оттуда нѣсколько тысячъ рублей ассигнаціями, но, увы, французскаго издѣлія. Немного дней спустя онъ былъ убитъ въ стычкѣ съ непріятелемъ. Предъ смертію однако успѣлъ проиграться въ пухъ, и денежки его перешли къ одному ротмистру, опытному банкомету.

Сколько такихъ происшествій записано было мною въ моихъ книжкахъ, которыя къ сожалѣнію сгорѣли во время пожара деревенскаго нашего дома въ 1861 году!

Изъ-подъ Краснаго для укомплектованія нашей дивизіи посланы мы были въ Витебскую губернію. Намъ съ Богдановымъ отвели квартиру въ самомъ Витебскѣ, въ домѣ директора гимназіи Цвѣтковскаго. Напротивъ самыхъ нашихъ оконъ находился лазаретъ, гдѣ пользовались плѣнные Французы. Они умирали какъ мухи. По средамъ и субботамъ ихъ вывозили за городъ голыми для *сожженія*. Тѣла ихъ, хранившіяся въ сараѣ, замерзали, но отъ дѣйствія огня вытягивались и корчились, какъ въ конвульсіяхъ, и навели на меня неописанный страхъ, когда я однажды изъ глупаго любопытства вздумалъ посмотрѣть на это зрѣлище. Пребываніе въ Витебскѣ памятно мнѣ тѣмъ что въ одинъ прекрасный день приказомъ изъ полка объявлено мнѣ было что я, за дѣло при деревнѣ Бурцово и подъ Краснымъ, награжденъ орденомъ Св. Анны 3й степени на шпагу. Радости моей не было конца. Въ тотъ же день я обѣгалъ всѣ жидовскія лавки чтобы найти кусокъ аннинской ленты, но къ большой моей грусти, нигдѣ таковой отыскать не могъ. Объ этомъ узналъ мѣстный исправникъ и прислалъ мнѣ въ презентъ желанное украшеніе, за что я постѣшилъ отблагодарить его парой прекрасныхъ французскихъ пистолетовъ. По дорогѣ домой, я купилъ за безцѣнокъ у проѣзжаго Жида караковую англизированную лошадь, худую какъ скелетъ, но хорошихъ статей. Она была подъ французскимъ полковникомъ, но отъ безкормицы смотрѣла клячей. Вскорѣ она у меня выправилась, и охотники предлагали за нее уже 1.700 руб.; но я ее не отдалъ, и она мнѣ прослужила до Кульмскаго сраженія, гдѣ пулей перебило ей кость ноги.

Изъ Витебска намъ приказано было двинуться къ Варшавѣ. Предъ самымъ походомъ пріѣхали къ намъ лейбъ-уланскаго полка вахмистръ со взводнымъ унтеръ-офицеромъ съ

покорнѣйшею просьбой чтобы всѣ мы, штабъ-и оберъ-офицеры, не исключая генерала Чичерина, откушали у нихъ чаю и поужинали. Лейбъ-уланскій полкъ стоялъ верстахъ въ 20ти отъ Витебска. Чичеринъ не поѣхалъ, но бо́льшая часть офицеровъ отправилась въ гости. Въ длиннѣйшей корчмѣ, увѣшанной плотками и убранной вензелями и гирляндами изъ елокъ, гремѣли двѣ жидовскія музыки и уланскіе трубачи. Посреди накрытъ былъ столъ, уставленный разными закусками и чайными принадлежностями, а подъ столомъ поставлены ящики съ шампанскимъ. При входѣ въ корчму насъ встрѣтилъ французскій маршалъ съ четырьмя генералами въ пестрыхъ французскихъ мундирахъ. То были переряженные вахмистръ съ четырьмя взводными унтеръ-офицерами. Музыка заиграла, и началась оргія съ ея неизбѣжными крайностями...

Вскорѣ послѣ того мы тронулись въ походъ. Изъ Царства Польскаго перешли въ Пруссію, въ Берлинъ, а отсюда въ Силезію, гдѣ великій князь Константинъ Павловичъ сдѣлалъ полкамъ нашимъ нѣсколько смотровъ. На одномъ изъ нихъ, великій князь, будучи не въ духѣ, скомандовалъ всѣмъ офицерамъ приблизиться къ нему и сталъ строжайше выговаривать имъ за ихъ ѣзду и выправку людей. Къ Чичерину онъ обратился съ рѣзкимъ замѣчаніемъ объ офицерахъ; но непріятное дѣло это вскорѣ уладилось. Когда на другой день Чичеринъ отрапортовался больнымъ, и разнесся слухъ что всѣ штабъ-и оберъ-офицеры намѣрены подать въ отставку, великій князь послѣшилъ сначала извиниться письменно, а потомъ и лично, на слѣдующемъ смотру. „Господа“, сказалъ онъ, обращаясь къ намъ, „я намедни погорячился, извините меня; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.“ Мы остались весьма довольны и лицами просвѣтлѣли. По окончаніи ученья, вызваны были пѣсенники, которые грянули любимую пѣсню великаго князя:

Наша матушка Россія
Не беретъ насильно,
Беретъ добровольно,
Наступя на горло.

Военныя дѣйствія въ 1813 году начались въ Саксоніи, гдѣ подъ Мюнхеномъ мы были жестоко поколочены молоденькими и худенькими новобранцами Наполеона. Подъ Бауценомъ союзныя войска вторично потерпѣли неудачу, но нашъ полкъ

не участвовалъ въ этомъ сраженіи, которое было будто бы проиграно вслѣдствіе недостатка боевыхъ зарядовъ. Многіе тогда сильно возставали противъ распорядителя паркомъ, генерала Ермолова. Онъ находился въ городкѣ Колѣ, куда я былъ командированъ для принятія патроновъ. . . . . .

. . . . . *

На разсвѣтѣ нашу гвардейскую дивизію повели кратчайшимъ путемъ изъ Дрездена черезъ Богемскія горы къ Кульму. Вожатыми были свитскіе офицеры и два пастуха, хорошо знакомые съ опасными горными проходами. Мѣстами по тропинкамъ, окруженнымъ страшными обрывами, люди слѣзали и вели лошадей подъ уздцы. Нѣкоторыя изъ нихъ попадали въ пропасть, но вообще путь совершенъ былъ благополучно и, спустившись съ горъ, мы выстроились на равнинѣ покрытой мелкимъ кустарникомъ. Впереди насъ раздавалась страшная пальба, и мы вскорѣ увидѣли бѣгущихъ на насъ солдатъ гвардейскихъ лѣхотныхъ полковъ, Семеновскаго и Преображенскаго, которыхъ сильно преслѣдовалъ непріятель. Въ то время подскакалъ къ намъ, въ сюртукѣ и фуражкѣ, генералъ Дибичъ и приказалъ немедленно идти въ атаку противъ Французовъ. Когда мы, съ криками *ура*, понеслись по кустамъ, производя страшный шумъ, непріятельская кавалерія растерялась; объятые паническимъ ужасомъ, Французы сдѣлали залпъ изъ ружей и обратились въ бѣгство. Мы всѣ были вооружены пиками и въ тылъ перекололи бѣглецовъ. Тутъ къ намъ подоспѣли лѣхотные полки и стали такъ дружно дѣйствовать штыками и ружейными прикладами что въ продолженіи получаса непріятельская колонна въ 6.000 человѣкъ была окончательно истреблена. Это было замѣчательно счастливое дѣло, и поплатились мы за него сравнительно ничтожною потерей въ людяхъ и лошадяхъ. Подо мною ранена была моя верховая лошадь. Ей прострѣлили ногу, и она осталась на мѣстѣ. Предъ самымъ дѣломъ, только-что прибывшій изъ Петербурга капитанъ Воеводскій, командовавшій запаснымъ эскадрономъ и очутившійся по протекціи въ нашихъ отрядахъ, чтобъ имѣть случай участвовать въ сраженіи, убѣдительно просилъ меня одолжить ему мою каску, такъ какъ въ фуражкѣ ему неловко было быть предъ эскадрономъ. Я охотно

* Пропускъ обнимаетъ эпоху Плейтвицкаго перемирія и Пражскихъ переговоровъ, до Кульмскаго дѣла.

согласился на его просьбу; но едва началась атака, какъ Воеводскій упалъ, пораженный на смерть: пуля пробила мою каску и его голову.

На другой день разбитъ былъ корпусъ Вандама, и самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ; а на третій, полки наши выстроены уже были фронтомъ въ ожиданіи торжественнаго смотра союзными государями. Государь, Прусскій король и великій князь Константинъ, не вылуская шляпъ изъ рукъ, съ открытыми головами проѣзжали мимо насъ, благодаря начальниковъ за блестящую побѣду. Въ тотъ же день въ приказахъ объявлены были офицерамъ награды, какъ отъ нашего императора, такъ и отъ Прусскаго короля. Я получилъ, въ чинѣ поручика, Анну на шею и Кульмскій крестъ, лестное въ то время отличіе для молодаго, безъ всякой протекціи офицера.

Въ Кульмѣ армія наша бивуакировала въ шалашахъ и палаткахъ, въ долинѣ изобилующей грушевыми деревьями, яблонями и сливами, такъ что войска питались по преимуществу плодами. По вечерамъ съ Богемскихъ горъ прилетали стада куропатокъ. Солдаты, завидя ихъ, принимались кричать и швырять чѣмъ попало въ испуганную птицу. Ее нерѣдко брали руками и тутъ же жарили. Изъ Кульма мы ѣзжали на прогулки въ Теплицъ, гдѣ насъ ожидали хорошій столъ, танцующія Нѣмочки и чистая какъ стекло горячая вода, натекающая прямо съ горъ въ бѣлыя мраморныя ванны.

Къ концу этой стоянки, прелесть которой была нарушена сильными дождями, заливши ми наши травяныя постели въ палаткахъ, главнокомандующій, князь Шварценбергъ, приказалъ, въ видахъ безопасности позиціи, вырубить всѣ деревья, плодами которыхъ мы такъ долго наслаждались. Нужно было видѣть ужасъ бѣдныхъ обывателей и слышать ихъ вопли, когда началось это опустошеніе. Слѣдуетъ однако отдать справедливость нашимъ солдатамъ: они не охотно принялись за рубку, ворчали промежь себя и бранили начальство....

Изъ-подъ Кульма армія тронулась къ Лейпцигу. Пришли мы на позицію очень поздно, и пока солдаты размѣстили лошадей и успѣли сварить себѣ кашицу, а мы напиться чаю, совсѣмъ уже стало свѣтать. Вдругъ явились свитскіе офицеры и адъютанты, съ приказаніемъ садиться на лошадей и немедленно слѣдовать за ними. Мы поѣхали длиннѣйшими огородами, засаженными капустой и буквально наводненными зайцами, и часу въ девятомъ утра прибыли къ мѣсту назна-

ченія, гдѣ намъ скомандовали „смирно!“ и поставили прикрывать двѣ 24хъ-пушечныя батареи, австрійскую и русскую. Императоръ Александръ находился уже на сосѣдней возвышенности (съ правой отъ насъ стороны), окруженный большою свитой и съ двумя эскадронами лейбъ-казаковъ. Дѣло завязалось въ 10 часовъ орудіями. Когда мы пошли въ атаку на французскихъ латниковъ (отличный народъ, только-что прибывшій изъ Испаніи), они насъ опрокинули и взяли батареи; но подоспѣвшая пѣхота принудила ихъ отступить. Полки наши вновь выстроились, и по приказанію генерала Шевича, снова бросились въ атаку и снова были опрокинуты. Къ счастію, непріятель былъ остановленъ довольно глубокимъ рвомъ, черезъ который не могли перескочить тяжелые французскіе всадники. Между тѣмъ государь, замѣтя наше критическое положеніе, подослалъ къ намъ великаго князя дабы ободрить войска и поднять ихъ духъ; но едва послѣдній приблизился къ мѣсту дѣйствія, какъ непріятельское ядро оторвало голову генералу Шевичу и его адъютанту, и мозги несчастныхъ полетѣли въ великаго князя. Вслѣдъ за нимъ подъѣхалъ генералъ Милорадовичъ съ шестью орудіями и обратился къ полкамъ со строгимъ замѣчаніемъ что они осрамились въ глазахъ государя, и что ежели вновь будутъ посланы въ атаку и такъ же постыдно отретируются, то онъ, Милорадовичъ, будетъ стрѣлять въ нихъ картечью. Разсуждать было нечего, и мы понеслись въ атаку съ страшною стремительностью. Французы повернули назадъ, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ мы ихъ преслѣдовали; но вдругъ по нашимъ войскамъ непріятель открылъ сильнѣйшій картечный огонь, который буквально обратилъ насъ въ бѣгство. За нами полетѣли латники. Тогда государь послалъ на выручку лейбъ-казаковъ, и ихъ удачное вмѣшательство спасло насъ отъ вѣрной погибели.

Дальнѣйшаго хода битвы описывать не стану. Эти ужасные и кровопролитные дни ознаменовались захватомъ огромнаго числа непріятельскихъ орудій и фуръ, плѣномъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ и генераловъ, измѣной саксонскихъ войскъ, постыдною смертью маршала Понятовскаго, арестомъ Саксонскаго короля въ Лейпцигѣ и преслѣдованіемъ Французовъ, которые ускользали отъ насъ, пользуясь сильными утренними туманами.

Во время преслѣдованія, полкъ нашъ остановился въ Баденъ-Баденѣ, который плѣнилъ меня своимъ прекраснымъ рас-

положеніемъ въ горахъ. Я отправился осматривать замокъ курфирста, замѣчательный своимъ страшнымъ подземнымъ арсеналомъ. Тутъ собраны были всевозможныя орудія пытки, начиная съ простыхъ клещей, желѣзныхъ рѣшетокъ и кончая деревянною куклой, изображавшею довольно красивую молодую женщину, которая въ былыя времена принимала въ свои объятія преступниковъ и пронзала ихъ кинжалами. Сторожъ показывалъ мнѣ также небольшія ниши (съ каменными дверями), куда сажались приговоренные къ голодной смерти. Огромныя залы средняго этажа установлены были древнею залощенною мебелью. Своимъ романическимъ видомъ старинный замокъ такъ понравился Чичерину, что онъ предложилъ нашимъ офицерамъ дать въ немъ балъ. Полковникъ Альбрехтъ выхлопоталъ на то позволеніе, и мы, собравши по подпискѣ около двадцати тысячъ франковъ (огромная въ то время сумма), приступили къ устройству праздника. Внутреннія стѣны выбѣлены были мѣломъ и убраны фестонами и гирляндами изъ виноградныхъ листьевъ. Надъ замкомъ воздвигнули русскаго орла громаднѣйшей величины, и окна блистательно иллюминовали разноцвѣтными шкаликами и фонарями. Паркъ былъ вычищенъ, какъ можно лучше, а при входѣ въ замокъ разостлано бѣлое солдатское сукно. Сверхъ того на караулы наряжены лучшіе и красивѣйшіе люди изъ нашихъ полковъ.

Приглашенія на балъ были разосланы въ Страсбургъ, Карлсруэ и другіе окрестные города. Съѣхалось необыкновенно много народу. Лейбъ-уланы и лейбъ-гусары явились съ своею музыкой. Однихъ Нѣмцевъ съ женами и дочерьми собралось до 500 человѣкъ. Великолѣпный ужинъ удался какъ нельзя болѣе, а танцы длились до четырехъ часовъ утра. Къ концу бала мы собрали въ пользу бѣдныхъ обывателей еще шесть тысячъ франковъ. Нѣмцы съ восторгомъ описывали въ послѣдствіи этотъ праздникъ въ своихъ газетахъ.

Изъ счастливаго Бадена полки наши двинулись вдоль береговъ Рейна. Здѣсь каждый день новые виды, новые города, новые костюмы.... Въ городахъ насъ принимали какъ освободителей отъ Наполеоновской тиранніи, устраивали побѣдныя арки, задавали балы, угощали виномъ, фруктами, конфетами, музыкой. Это было настоящее тріумфальное шествіе! Но картина разомъ измѣнилась, какъ только мы переступили французскую границу.

1го января 1814 года, послѣ Базельскаго большаго смотра, мы вступили въ Альзасъ. Здѣсь жители, возстановленные противъ Русскихъ Наполеоновскими прокламаціями, смотрѣли на насъ какъ на медвѣдей. Квартиры были холодныя, плохо отопляемыя виноградными сучками, такъ что въ комнатахъ вода мерзла, и ночью мы едва согрѣвались подъ полушубками и шинелями. Въ фуражѣ и пищѣ недостатокъ былъ весьма ощутительный.

Близь Лангра, въ Шампаньи, намъ отвели съ Богдановымъ квартиру у аббата, имени котораго теперь не уломню. Этотъ господинъ такъ насъ испугался что спрятался въ чуланѣ и притаилъ духъ. Уже нѣсколько часовъ спустя мы открыли его убѣжище, по дошедшему до насъ непріятному запаху. Аббатъ оказался прелюбезнымъ молодымъ человѣкомъ, начитавшимся къ несчастью глупыхъ прокламацій, гдѣ утверждалось что русскіе питаются людскимъ мясомъ. Онъ очень удивился какъ мы заговорили съ нимъ по-французски, и долго не вѣрилъ что имѣетъ предъ собою благовоспитанныхъ людей. Вскорѣ появилась на столѣ закуска изъ яицъ, двухъ куръ и прекраснаго вина. Французъ нашъ разболтался за троихъ.

Близь Троа, мы остановились въ замкѣ у какихъ-то дюшессъ-старушекъ, приходившихся сродни Бурбонамъ. Сами старушки жили въ городѣ, но наѣзжали лѣтомъ для прогулки въ обширномъ запустѣвшемъ саду замка. Тутъ до насъ побывали казаки и разграбили что могли, переломали мебель, перебили стекла въ окнахъ, зеркала, фортепіано и разную посуду, а въ погребахъ изрядно потрудились надъ бочками съ посредственнымъ краснымъ и бѣлымъ виномъ. Вина впрочемъ осталось вдоволь, и наши солдаты стали варить на немъ щи, находя это очень вкуснымъ. Столь же вкуснымъ находили они, вѣроятно, и кофе въ Германіи, который пили не иначе какъ вмѣстѣ съ гущей, подъ предлогомъ что такимъ образомъ „что-нибудь да попадаетъ на зубъ“.

Въ этомъ замкѣ нашему эскадрону назначена была дневка. Рано утромъ одинъ драгунъ, гуляя по саду, открылъ въ стѣнѣ небольшое отверстіе, заросшее травой. Онъ ощупалъ его шомполомъ, предполагая не потаенное ли это мѣсто въ родѣ тѣхъ куда Французы имѣли обыкновеніе запрятывать отъ насъ хлѣбъ и другіе жизненные припасы, но дна не оказалось. Онъ привязалъ шомполъ къ длинному сучку, но и это не помогло. Явно что здѣсь было нѣчто поглубже тайничка. Тог-

да драгунъ пригласилъ товарища отправиться въ замокъ, спуститься въ погреба, и приложивъ ухо къ стѣнѣ, прислушиваться какъ онъ будетъ постукивать снаружи томполомъ. Маневръ этотъ удался какъ нельзя лучше. Солдаты отыскали замурованную дверь, выбили кирпичъ, и очутились въ склепѣ съ маленькимъ полузаросшимъ окошечкомъ, куда драгунъ и просунулъ случайно томполъ. Въ склепѣ висѣло на цѣпяхъ нѣсколько бочекъ съ превосходнымъ виномъ. Тутъ же стояли ящики съ бутылками киршвассера, vin de la comête одиннадцатаго года и т. п. Къ стѣнамъ прицѣплены были окорока... Эта богатая находка привлекла другихъ солдатъ. Они стали шарить по всѣмъ угламъ и скоро открыли еще четыре склепа, гдѣ хранились сундуки со столовымъ серебромъ, кубками древней работы съ вензелями и другими драгоцѣнными вещами украшенными жемчугомъ и брилліантами. Капитанъ Станковичъ, человѣкъ умный и образованный, хотя и горькій пьяница, остановилъ солдатъ отъ грабежа и, собравъ лучшія вещи, свезъ ихъ самъ въ Труа къ знатнымъ старушкамъ. Онѣ предложили ему въ знакъ благодарности серебряную ложку, вилку и ножикъ, но онъ отказался. Въ послѣдствіи мы узнали что солдаты успѣли-таки попользоваться кое-какими сокровищами.

Изъ Троа нашъ эскадронъ перевели въ маленькій и красивый городокъ Сезанъ, гдѣ жители встрѣтили насъ весьма недружелюбно. Лавки были заперты, а окна въ домахъ закрыты. Здѣсь мы узнали что подъ Шамлобером произошло серіозное дѣло съ непріятелемъ, что генералъ Олсуфьевъ разбитъ, а русское войско отрѣзано отъ прусскаго. Вскорѣ пришло предписаніе отъ генерала Дибича—разсылать въ ночные разъѣзды офицеровъ съ пятнадцатью человѣками нижнихъ чиновъ, для отысканія гдѣ находится корпусъ Блюхера. Когда дошла очередь до меня, я взялъ съ собою унтеръ-офицера Тарасенкова, рядоваго Прядко, весьма расторопнаго малаго, и 12 человѣкъ солдатъ. Въ проводники мнѣ дали пожилаго толстаго Француза-булочника, обросшаго бакенбардами, съ косичкой. Ночь была лунная, мы поѣхали вдоль большой и богато отстроенной деревни Онэ. Вдали горѣли какіе-то огни. Подъѣзжая къ Шамлоберу, я послалъ впередъ Тарасенкова съ проводникомъ узнать нѣтъ ли тамъ Французовъ; а самъ остановился шагахъ въ двухстахъ съ остальными людьми. Не прошло четверти часа, какъ мой унтеръ-офицеръ верну-

ся и доложилъ что булочникъ въ глазахъ у него соскочилъ съ лошади, перепрыгнулъ черезъ заборъ и далъ тягу. Не подозрѣвая опасности, я въѣхалъ въ деревню узенькою дорожкой, огороженною частоколомъ. Здѣсь я увидалъ нѣсколько человѣкъ солдатъ выходящихъ изъ освѣщенной избы и закричалъ имъ: что̀ за люди? но вѣтеръ былъ такой сильный что они не могли разобрать моихъ словъ и потому не отвѣчали. Я поѣхалъ дальше и вдругъ вижу лошадей пятнадцать совсѣмъ осѣдланныхъ и привязанныхъ къ забору, возлѣ нихъ солдатъ въ каскѣ и тутъ же на землѣ кучка спящихъ людей. Спрашиваю: êtes vous français?

— Oui, que diable! отвѣчаетъ часовой, расталкивая товарищей. Прядко вынулъ пистолетъ и говоритъ: „Ваше благородіе, позвольте застрѣлить, вѣдь это Французъ!“

Не успѣлъ я схватить его за руку и скомандовать людямъ: назадъ! какъ между Французами произошелъ шумъ, и надъ нами просвистали пули. Въ эту же минуту раздались барабаны, затрубили трубачи, и въ непріятельскомъ лагерѣ произошла сильная тревога. Мы галопомъ, а затѣмъ на полныхъ рысяхъ едва ускакали отъ бѣды.

Около Онэ я снова наткнулся на французскій пикетъ человѣкъ изъ осьми. Солдаты мои бросились на нихъ, и они пустились бѣжать въ огороды, оставивъ на мѣстѣ шесть замунштученныхъ лошадей и шесть касокъ съ хвостами. Въ Онэ еще все спало, но на улицахъ стали уже кое-гдѣ показываться пѣшіе солдаты. Я приказалъ своимъ людямъ надѣть захваченныя каски, и мы благополучно на рысяхъ проѣхали черезъ деревню. При въѣздѣ стоялъ другой пикетъ; нѣсколько человѣкъ вышли посмотрѣть на насъ, но никто насъ не тронулъ, и такимъ образомъ, благодаря Бога, мы избавились отъ плѣна.

Нѣсколько дней спустя мнѣ опять довелось ѣхать въ разъѣздъ, но уже въ сопровожденіи тридцати солдатъ, двухъ унтеръ-офицеровъ и одного проводника. По дорогѣ прикомандировался къ намъ казацкій офицеръ весьма воинственной наружности и, повидимому, большой хвастунъ, но пріятный собесѣдникъ. Онъ любезно подчивалъ меня табакомъ и водкой, чѣмъ я очень остался доволенъ, такъ какъ утренники были холодные. Для отдыха мы заѣхали въ попавшуюся намъ большую ферму. Хозяинъ оной горько жаловался намъ что онъ обремененъ солдатскими постоями, что весь фуражъ и мука у него съѣдены, что жена его того и гляди родитъ, а

двое малыхъ дѣтей безъ присмотра. Но я вопреки его жалобамъ послалъ за меромъ, который тотчасъ же распорядился накормить нашихъ лошадей, а намъ изготовить кое-какую пищу. Отъ ѣды мы отказались, опасаясь отравы, такъ какъ простой народъ питалъ къ намъ явное нерасположеніе. Въ это время у фермера съ меромъ завязался крупный разговоръ, перешедшій въ страшную брань. Фермеръ схватилъ топоръ и занесъ его уже надъ головой противника, но я успѣлъ оттолкнуть его руку. Люди мои бросились на разбойника и связали его. Затѣмъ я распорядился поставить пикетъ близъ фермы и легъ отдохнуть; но вдругъ вбѣгаетъ Прядко съ извѣстіемъ что въ окрестностяхъ показался непріятельскій разъѣздъ, человѣкъ въ двѣнадцать. Такъ какъ на дворѣ стало уже свѣтать, то я велѣлъ мундштучить лошадей, и мы наскоро выбрались изъ фермы. Тутъ я только замѣтилъ что проводникъ нашъ и казацкій офицеръ куда-то скрылись. Деньщикъ послѣдняго объяснилъ мнѣ что „его благородіе, чуть станетъ жутко, сейчасъ на утекъ“. По дорогѣ нагналъ насъ отставшій драгунъ, съ жалобой что фермеръ, который успѣлъ какъ-то высвободить свои руки изъ веревокъ, стащилъ его съ лошади, отнялъ у него аммуницію и чуть было не убилъ топоромъ.

Отъѣхавши шесть верстъ далѣе, мы увидали прекрасную ферму, окруженную высокими стѣнами, съ наглухо залертыми воротами. Я закричалъ чтобъ отворяли, но никто не отозвался. Солдаты подъѣхали къ воротамъ и подняли страшный стукъ, но напрасно: въ домѣ все словно вымерло. Наконецъ выползъ откуда-то Французъ и объявилъ что онъ охотно впустилъ бы насъ, но что дворъ у него полонъ русскими солдатами, которые запретили ему отворять. Я тотчасъ же закричалъ по-русски: ребята отпирайте!... и черезъ минуту мы очутились на дворѣ, гдѣ насъ встрѣтили пѣхотные солдаты, человѣкъ 60, съ ружьями. Это были люди изъ разбитаго Олсуфьевскаго корпуса, которые, спасаясь отъ плѣна, собрались въ эту ферму, въ надеждѣ на какую-нибудь неожиданную выручку.

Мы на радостяхъ устроили завтракъ. Хозяинъ, человѣкъ зажиточный, принесъ намъ хлѣба, масла, сыра и молока, а между тѣмъ по просьбѣ моей отправилъ работника своего къ меру съ письмомъ, въ которомъ я требовалъ немедленнаго возвращенія лошади и аммуниціи насильственно отобранныхъ у драгуна, угрожая въ противномъ случаѣ явиться съ коман-

дой и сжечь все селеніе. Посланіе мое увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Часа черезъ три люди и лошади отдохнули, и мы рѣшились двинуться въ путь по направленію къ Сезану, взявши, съ общаго совѣта, въ проводники самого фермера. Пѣхотинцы горячо благодарили меня, называя спасителемъ, и утверждали что по незнанію языка и дороги они безъ сомнѣнія попались бы въ плѣнъ. Въ это время показался взводъ всадниковъ въ медвѣжьихъ шапкахъ, который, не обращая на насъ вниманія, прямо двигался къ фермѣ. Случай отличиться былъ превосходный. Я уговорилъ пѣхотинцевъ занять ворота и встрѣтить непріятеля пулями, между тѣмъ какъ я со своими людьми брошусь на него въ атаку. „Рады стараться, ваше благородіе“, отвѣчали солдаты въ одинъ голосъ, и осмотрѣвши ружья, высыпали изъ воротъ и дали по Французамъ залпъ: двухъ убили, нѣсколькихъ ранили. Когда непріятель увидѣлъ нашу кавалерію, онъ бросился бѣжать, а мы понеслись за нимъ въ погоню. Къ несчастію, лошадь моя закусила удила и какъ вихорь полетѣла впередъ. Замѣтивъ что дѣло можетъ кончиться плохо, я круто повернулъ ее въ сторону, причемъ насилу удержался въ сѣдлѣ. Французы скакали безъ памяти, но преслѣдовать ихъ дальше было бы опасно, и потому мы рѣшились вернуться назадъ.

Ферма отстояла отъ Сезана верстахъ въ 30. Въ продолженіи всей дороги, изъ канавъ, изъ-за кустовъ выходили русскіе солдаты, уцѣлѣвшіе отъ разбитаго Олсуфьевскаго корпуса, и присоединялись къ намъ. Ихъ набралось до 25 человѣкъ, такъ что я вступилъ въ Сезанъ во главѣ 85 пѣхотинцевъ, къ крайнему удовольствію и радости вновь прибывшаго туда майора N (фамилію не помню), который принялъ ихъ подъ свою команду. Когда я явился съ докладомъ къ нашему эскадронному командиру, полковнику Бесѣдину, онъ сначала не хотѣлъ вѣрить моимъ разказамъ, но такъ какъ доказательства были налицо, то онъ сказалъ: „Подлинно съ вами случаются чудеса, но и со мной произошло нѣчто необыкновенное: сижу и пью себѣ преспокойно чай; вдругъ одинъ за другимъ входятъ ко мнѣ въ медвѣжьихъ шапкахъ четыре солдата старой гвардіи. У меня чашка изъ рукъ вывалилась; но къ счастію, тутъ же сзади показался мой вахмистръ и объявилъ что эти люди сдались въ плѣнъ, и не предупредивъ его, прошли прямо ко мнѣ въ кабинетъ. Я порядочно поколотилъ стараго дурака. Теперь

смѣшно, а кто желалъ бы быть въ моей шкурѣ?“ Прибавлю что злополучный полковникъ не понималъ ни слова по-французски. Нѣсколько времени спустя, эскадронъ нашъ получилъ приказаніе выступить изъ Сезана и соединиться съ полкомъ. Послѣ Шампенуазскаго смотра, мы прямо съ парада пошли въ дѣло противъ маршала Мармона. За отличіе въ кавалерійской атакѣ я получилъ бриллiантовые знаки на Анну (вмѣсто коихъ мнѣ выдали деньгами 2.000 руб., да за золотую шпагу въ награду за арріергардныя дѣла 1.000 р.). Въ этомъ счастливомъ для насъ дѣлѣ раненъ былъ остріемъ палаша въ лѣвый бокъ, прямо въ сердце, другъ мой Денисъ Сергѣевичъ Богдановъ. Рана казалась незначительною, и залекшаяся кровь изъ нея не текла; но предсмертныя страданія его были ужасны. Предъ отправленіемъ въ госпиталь, въ городъ Мо, онъ со слезами прощался со мной, говорилъ что живъ быть не можетъ, что сестры его, которыя должны получить отъ отца по 2.000 душъ крестьянъ, скоро его забудутъ, и что онъ умоляетъ меня принять отъ него въ знакъ дружбы 125.000 руб. и составить объ этомъ актъ, который онъ тотчасъ же подпишетъ. Но я его сталъ уговаривать что рана его вовсе не такъ опасна, что онъ скоро выздоровѣетъ, и что денегъ мнѣ не нужно. Такъ мы съ нимъ и простились.

. . . . . .

.... 19го марта чуть свѣтъ гвардія получила приказаніе готовиться къ параду для вступленія въ Парижъ *. Генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ предписано было имѣть на каскахъ лавровые пучки, а на лѣвой рукѣ бѣлый шарфъ съ бантомъ. Парадъ начался въ девять часовъ утра. Впереди шли лейбъ-казаки, за ними государь и Прусскій король, окруженные большою свитой, затѣмъ по порядку лейбъ-гусарскій, лейбъ-уланскій, лейбъ-драгунскій полки, конногвардія и кавалергарды, за ними пѣшая гвардія (съ музыкой), Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій, Егерскій и Финляндскій полки и наконецъ позади ихъ артиллерія. Время стояло превосходное; парижскіе обыватели встрѣтили насъ какъ нельзя привѣтливѣй; дамы изъ оконъ и съ балконовъ бросали бѣлыя кокарды. Парадъ продолжался очень долго, такъ что легкая гвардейская дивизія остановилась не ранѣе пяти часовъ пополуд-

* Въ дѣлѣ 18го марта, рѣшившемъ судьбу Парижа, кавалерія наша не участвовала.

ни въ Champs-Elysées, гдѣ люди спѣшились въ ожиданіи размѣщенія. Въ седьмомъ часу насъ повели мимо Вандомской площади. Здѣсь народъ, столпившійся вокругъ извѣстной бронзовой колонны, тащилъ съ нея веревками и лошадьми статую Наполеона. Но государь, узнавши объ этомъ, приказалъ остановить порывъ Французовъ, и на статую до времени надѣтъ былъ чехолъ. (На другой день ее однако сняли.)

Перешедши Сену, мы направились въ улицу Grenelle, гдѣ намъ были отведены казармы гвардейскаго драгунскаго полка императрицы Маріи-Луизы. Помѣщеніе оказалось превосходное, и главное, достаточно просторное для нашихъ трехъ полковъ, изъ коихъ между прочимъ много выбыло людей. Вмѣсто наръ (какъ у насъ) устроены были кровати съ набитыми волосомъ тюфяками, байковыми одѣялами и двумя подушками. Конюшни содержались въ безукоризненной чистотѣ; на обширномъ дворѣ били два фонтана въ мраморныхъ бассейнахъ. Офицеры размѣстились въ особомъ отдѣленіи.

Проголодавшись порядочно, мы (человѣкъ пять офицеровъ) вышли на улицу и у ближайшей ресторація постучались въ дверь. Трактирщикъ и прислуга были изумлены увидавъ русскіе мундиры; но изумленіе ихъ еще болѣе увеличилось когда мы вѣжливо и на французскомъ языкѣ попросили что-нибудь закусить. Сама хозяйка заведенія не выдержала и явилась посмотрѣть на заморскихъ звѣрей. При разчетѣ новая комедія. Съ насъ сначала никакъ не хотѣли брать денегъ, но когда мы почти насильно заставили ихъ принять нѣсколько франковъ, хозяйка разлюбезничалась и стала приглашать насъ заходить къ ней почаще.

По выходѣ изъ ресторація, баронъ С—къ обратилъ вниманіе на какой-то домъ великолѣпной наружности. Онъ вызвалъ портье (какъ сейчасъ помню, Mr Dubois) и сталъ вести съ нимъ переговоры о томъ нельзя ли намъ, въ случаѣ если домъ свободенъ, расположиться въ немъ квартирами. Dubois, изъ страха или изъ любезности, не знаю, изъявилъ на это свое согласіе, и вотъ такимъ образомъ мы нашли себѣ пріютъ нѣсколько покомфортабельнѣе скромнаго казарменнаго помѣщенія. Домъ, или лучше сказать дворецъ, отдѣланный въ старинномъ вкусѣ, принадлежалъ какому-то маркизу, знатнаго происхожденія, у котораго, по словамъ Dubois, хранилась гильйотина отсѣкшая голову Людовику XVI. Мы выбрали для спальни огромную круглую зеленую комнату, въ которую свѣтъ падалъ

ладалъ съ потолка изъ окна, закрывавшагося круглою же стороной. Поутру Dubois принесъ намъ кофе, а въ 12 часовъ подалъ прекрасный завтракъ, и вполнѣ освоился съ нашими привычками когда мы подарили ему 20 франковъ.

Я заказалъ себѣ форменное платье, которое было изготовлено съ безпримѣрною быстротой, и отправился въ Palais-royal, гдѣ между прочими вещами продавались уже русскіе эполеты, сабли, шитье на воротники и даже орденскіе знаки. На Георгіевскихъ крестахъ, очевидно французской фабрикаціи, изображены были *англизированные* кони, доказательство что купцы поджидали прибытія русской арміи въ Парижъ и заранѣе приготовили свой товаръ, который продавали въ три-дорога. Нашъ офицеръ Базилевскій заплатилъ за Георгія 120 франковъ.

Когда я заглянулъ на дворъ нашей казармы, тамъ уже собралось до 50 торговокъ съ пирожками, сигарами, орѣхами и разною мелочью. Солдаты съ ними шутили, заигрывали, и Богу одному извѣстно, объяснялись на какомъ нарѣчіи. Женщинъ торговавшихъ водкой они называли *лагутками* (отъ французскаго слова la goutte). Въ тотъ же день я узналъ что извѣстный въ нашемъ эскадронѣ пьяница Юрко (изъ Хохловъ) отправился искать кабакъ и забрелъ въ аптеку. Тамъ онъ привелъ въ трепетъ аптекаршу своими страшными нафабренными усами, какимъ-то чутьемъ онъ отыскалъ стклянку съ алькоголемъ, выпилъ, закусилъ луковицей и потирая себѣ животъ отправился домой. За нимъ слѣдомъ въ казарму прибѣжалъ растерявшійся аптекарь, съ клятвами что онъ ни въ чемъ неповиненъ, что этотъ несчастный самъ отравился, что онъ не отвѣчаетъ за его неминуемую смерть, но Юрко и въ усъ себѣ не дулъ....

Приломню еще слѣдующій забавный случай. Разъ вечеромъ мы пили чай у полковника князя Хилкова. Князь былъ въ дурномъ расположеніи духа, потому что камердинеръ его, Семенъ, съ утра куда-то ушелъ безъ спроса и съ тѣхъ поръ не возвращался. Наконецъ онъ явился замѣтно навеселѣ. Это былъ видный собою брюнетъ, въ гусарскомъ доломанѣ и тонкихъ рейтузахъ. Когда Хилковъ принялся его бранить, онъ отвѣчалъ: „Ваше сіятельство, чѣмъ же я виноватъ? Я торговалъ апельсины, когда подошли ко мнѣ два французскихъ офицера, разговаривая что-то себѣ подъ носъ. Одинъ изъ нихъ толкнулъ меня, и я его толкнулъ. У насъ завязалась сос-

ра. Тутъ подошли два другіе офицера, посадили меня насильно въ карету и повезли въ лѣсъ (Булонскій). Я думалъ что они собираются меня убить и сильно струсилъ. Они сунули мнѣ въ руку пистолетъ, а другой пистолетъ дали толкнувшему меня офицеру, отмѣрили шаги и велѣли стрѣлять. Я выпалилъ и прострѣлилъ офицеру фуражку, а онъ съ долмана сорвалъ у меня пулей пуговицу. Затѣмъ всѣ они бросились обнимать меня, кричали *браво руссъ*, повезли съ собою въ трактиръ и тамъ угощали шампанскимъ." Исторія эта дошла до государя. Такъ какъ дуэли между русскими и французскими офицерами повторялись довольно часто, то во избѣжаніе этого намъ позволили носить партикулярное платье: фраки и сюртуки.

20го марта мы наняли ложу въ Grand-Opera (за 130 фр.) и отправились обѣдать въ Palais-royal къ Verry. Къ концу обѣда явился казацкій штабъ-офицеръ и, извиняясь своимъ незнаніемъ французскаго языка, попросилъ насъ чтобы мы ему заказали щей, поросенка въ сметанѣ и т. п. Но такъ какъ этихъ блюдъ не оказалось, то онъ потребовалъ вина и преспокойно закурилъ трубочку. Офиціанты смутились, прибѣжалъ самъ Верри и сталъ упрашивать казака чтобъ онъ бросилъ курить, потому что въ роскошныхъ салонахъ ресторана табакъ не допускается. Казакъ скромно погасилъ трубку, положилъ ее въ одинъ карманъ, а изъ другаго вынулъ туго набитый наполеондорами кошелекъ. Развязывая его, онъ выронилъ какъ бы нечаянно штукъ десять золотыхъ, которые покатились по полу. „Это для прислуги", сказалъ онъ не поворачивая головы, всталъ и вышелъ.

Вечеромъ въ залѣ Grand-Opera публики собралось видимо-невидимо. Давка была ужасная. Въ тѣснотѣ съ генерала Милорадовича сорвали эполетъ, и мы съ большимъ трудомъ добрались до нашей ложи. Французы, узнавъ что вмѣсто объявленной піесы *Triomphe de Trajan* актеры собираются играть *La Vestale*, принялись кричать и неистово толать ногами. Но на сцену вышелъ какой-то господинъ и объяснилъ что перемѣна эта воспослѣдовала по желанію ихъ величествъ императора Александра и короля Прусскаго. Публика на минуту успокоилась, но потомъ вдругъ заревѣла: „A bas l'aigle, a bas l'aigle!" Тогда надъ ложей Наполеона опустили черный флеръ и закрыли имъ французскаго орла. Равнымъ образомъ успѣли набросить флеръ и на другаго орла, надъ сценой. Всю-

рѣ затѣмъ вошли въ ложу Александръ съ королемъ Фридерихомъ. Раздались шумные аплодисменты; дамы стали бросать въ партеръ бѣлыя кокарды, которыя подхватывались на лету и прилипливались къ шляпамъ. Воодушевленіе было необычайное и еще болѣе усилилось когда на сцену явился извѣстный тогда пѣвецъ Ленсъ (?) и запѣлъ:

Vive Guillaume,
Vive ce roi vaillant!
De son royaume
Il sauve les enfants,
Par la victoire
Il nous donne la paix,
Et conte gloire
Par les nombreux bienfaits.

Vive Alexandre!
Vive ce roi des rois!
Sans rien pretendre,
Sans nous dicter des loix,
Ce prince Auguste
A le triple renom
D'être heros, d'être juste
Et de nous rëndre les Bourbons.

Государь и Прусскій король плакали отъ восхищенія. Громогласныя *ура* не умолкали ни на минуту.

На другой день офицерамъ назначены были по чинамъ столовыя деньги: прапорщику 3 фр., поручику 4, штабсъ-капитану 5, капитану 6, полковнику 10 фр. (назначеніе было отъ государя). Обѣдъ вообще обходился намъ тогда дешево. Мы пользовались большимъ кредитомъ въ лавкахъ и магазинахъ. Офицеры имѣвшіе свое собственное состояніе обращались къ банкирамъ съ простымъ удостовѣреніемъ отъ корпуснаго командира что они люди со средствами, и получали подъ векселя значительныя суммы. Государь въ послѣдствіи заплатилъ за всѣхъ, и мы вдобавокъ были уволены отъ выговоровъ и замѣчаній.

23го марта узналъ я о смерти друга моего Богданова, который скончался и былъ похороненъ на кладбищѣ въ городѣ Мо. Сначала я очень горевалъ и плакалъ, но парижская жизнь взяла свое и такъ закружила меня своими удовольствіями что вскорѣ я былъ вынужденъ продать за 9.000 фр. одну верховую и двухъ вьючныхъ лошадей. Лошади были тогда чрез-

вычайно дороги. Та которая въ обыкновенное время стоила 200 фр., продавалась за 1.000 и дороже. Это зависѣло отъ того что Наполеонъ забралъ въ Парижѣ весь годный матеріалъ подъ артиллерію. Проигравшійся въ пухъ полковникъ А. рѣшился на отчаянную операцію: онъ продалъ изъ своего эскадрона 20 казенныхъ лошадей и получилъ за нихъ огромныя деньги. Во избѣжаніе страшной отвѣтственности, онъ выхлопоталъ у великаго князя Константина Павловича позволеніе отправиться въ экспедицію противъ не сдавшагося еще маршала Мармона. Эскадронъ А—а, къ которому я былъ причисленъ, отойдя отъ Парижа верстъ 30, имѣлъ съ непріятельскимъ аванпостомъ небольшую перестрѣлку, послѣ которой мнѣ и офицеру Павлу Бурцеву сдались въ плѣнъ 25 французскихъ конныхъ латниковъ. Мы ихъ представили А., который насъ очень благодарилъ. Пополнивъ на счетъ непріятеля комплектъ лошадей въ своемъ эскадронѣ, онъ вернулся въ Парижъ еще съ порядочнымъ капиталомъ. Вся эта афера принесла ему болѣе 40.000 франковъ.

. . . . . .

Изъ Парижа, гдѣ мы простояли около мѣсяца, насъ перевели въ Понтуазъ. Здѣсь я поселился у одного богатѣйшаго мельника M-r Ammeau, который съ своимъ дядей поставлялъ въ Парижъ въ громадныхъ количествахъ пшеничную муку. Мой хозяинъ, мущина лѣтъ подъ сорокъ, свѣжей, пріятной наружности, жилъ вмѣстѣ съ племянницей своей M-lle Julie, 17ти-лѣтнею богатою сиротой, главноуправляющимъ надъ мельницами M-r Revest и пожилою женщиной экономкой, M-me Sophie. Квартира моя помѣщалась въ саду, въ отдѣльномъ павильйонѣ. Утромъ и въ полдень являлась ко мнѣ аккуратно высокая и полная Sophie съ большимъ серебрянымъ подносомъ, нагруженнымъ различными закусками. Въ 7 часовъ вечера M-r Ammeau облекался въ черное франтовское платье (утромъ онъ имѣлъ обыкновеніе ходить по хозяйству въ длиннополомъ сюртукѣ бѣлаго сукна и въ круглой соломенной шляпѣ съ широкими полями), и мы садились за столъ превосходно сервированный на фарфорѣ. Вины, дессертъ и ликеры подавались самые утонченные. Часу въ восьмомъ у подъѣзда стоялъ уже великолѣпный кабріолетъ, заложенный парой гнѣдыхъ англизированныхъ лошадей въ шорахъ, и мы отправлялись кататься. M-lle Julie ѣхала рядомъ на маленькой верховой лошадкѣ. На берегу озера, близъ мельницы

(верстахъ въ четырехъ отъ Понтуаза), находился загородный домъ Ammeau, съ прелестнымъ садомъ, окруженный высокою каменною оградой, на которой шпалерами росли boncretiens. Нагулявшись въ саду, мы садились въ лодку и мельники-музыканты (кларнетъ, флейта и гобой) катали насъ по озеру. Хозяинъ и его главноуправляющій были приверженцами Наполеона и отъ души ненавидѣли Бурбоновъ, но политическія убѣжденія ихъ нисколько не мѣшали имъ быть весьма гостепріимными людьми. Julie, единственная наслѣдница своего дяди, который получалъ до 200.000 франковъ годоваго дохода и имѣлъ великолѣпный домъ въ Парижѣ, гдѣ проживала его фаворитка, была милая, рѣзвая дѣвушка, кокетливая, но весьма благовоспитанная и вмѣстѣ религіозная. Она простодушно говорила мнѣ что я ей нравлюсь, но что католичка никогда не пойдетъ замужъ за Русскаго; любила распрашивать про Россію, про ея города и нашъ образъ жизни. Sophie упросила меня взять съ собой *на счастье* бѣднаго ея родственника, мальчика Deziré, большаго охотника до лягушекъ, которыхъ онъ ловилъ и ѣлъ. Я согласился; мальчикъ вышелъ прекрасный; но на первыхъ же порахъ дорого поплатился за свою страсть. Солдаты подсмотрѣли изъ-за угла какъ онъ справлялся съ лягушечьею ножкой, приколотили его и ужь больше не сажали съ собою за столъ. Deziré въ послѣдствіи перешелъ отъ меня къ Чичерину, а отъ Чичерина къ французскому посланнику въ Петербургѣ, съ которымъ и уѣхалъ обратно во Францію.

Изъ Понтуаза насъ потребовали обратно въ Парижъ, по случаю большаго парада, даннаго въ честь прибытія Людовика XVIII. На этомъ парадѣ присутствовали государь, Австрійскій императоръ, Прусскій король, Бернадотъ и Веллингтонъ. Императоръ Францъ удивилъ меня своею наружностію. Нужно представить себѣ худощаваго, очень непривлекательнаго человѣка, увѣшаннаго орденами, на маленькой, саврасенькой лошадкѣ съ длиннымъ хвостомъ. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрый фракъ, красные панталоны и высокіе салоги съ золотыми кисточками. На головѣ торчала трехъ-угольная шляпа съ галуномъ. Чепракъ изъ краснаго бархата былъ обшитъ золотымъ позументомъ и золотыми кистями. Бернадотъ смотрѣлъ молодцомъ. . . . . .

. . . . . .

Дневка въ Нанси—послѣднее пріятное впечатлѣніе которое я вынесъ изъ Франціи.

(А. В. Пл—вой.)

Чему бы жизнь насъ ни учила,
Но сердце вѣритъ въ чудеса:
Есть нескудѣющая сила,
Есть и нетлѣнная краса.

И увяданіе земное
Цвѣтовъ не тронетъ неземныхъ,
И отъ полуденнаго зноя
Роса не высохнетъ на нихъ.

И эта вѣра не обманетъ
Того кто ею лишь живетъ.
Не все что здѣсь цвѣло увянетъ,
Не все что было здѣсь пройдетъ.

Но этой вѣры *для немногихъ*
Лишь тѣмъ доступна благодать,
Кто въ искушеньяхъ жизни строгихъ,
Какъ вы, умѣлъ, любя, страдать,

Чужіе врачевать недуги
Своимъ страданіемъ умѣлъ,
Кто душу положилъ за други
И до конца все претерпѣлъ.

Ѳ. Т.

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

Эпизодъ второй.

VIII.

Catherine II à Czerkassow.

Le 21 Mai 1773.

Monsieur le Baron de Czerkassow. Je vous ai écrit il y a deux jours que j'avais reçu une lettre de la Landgrave, dans laquelle elle me mande son arrivée à Potsdam. Je vous envoye une copie de cette lettre. J'ai pris l'occasion de cette lettre pour lui en écrire une, comme en réponse, dont je vous envoye une copie pour votre information, et l'original que vous lui présenterez à son arrivée. J'ai saisie cette occurence pour lui parler des sentimens et de la confiance que je souhaite qu'elle prenne pour moi. Je lui ai aussi parlé de vous, sur le pied que je désire qu'elle vous considère. J'ai été d'autant plus portée à lui écrire la susdite lettre, que le même jour que j'ai reçue celle de la Landgrave, il est arrivé ici un courrier d'Asseburg qui a apporté plusieurs dépêches. Je vous envoye pour votre information particulière un extrait des dépêches que j'ai vu; mais il y en a que le Comte Panine n'a pas jugé à-propos de me montrer. Entre autre, Asseburg l'assure dans une lettre particulière que la Landgrave par ses soins à lui, Asseburg, est si bien dressée qu'elle ne suivera aucun autre

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1870, №№ 1, 2, 3, 9 и 10.

conseil que celui du Comte Panine et qu'elle l'écoutera et suivera en tout. D'un autre côté, j'ai reçu le même jour l'extrait ci-joint d'une dépêche du Roi de Prusse au Comte Solms, où dans les lignes par moi soulignées, vous verrez qu'il lui recommande d'instruire la Landgrave. Tout le monde veut mener cette femme. Or, si les choses iront ainsi, elles iront mal. Je crois avoir plus de droits que les autres. Au nom de Dieu, prévenez la Landgrave de n'écouter que moi, et prévenez-la très sérieusement que si elle veut avoir de la confiance en moi et que si elle veut que j'en aye en elle, elle aye soin d'exclure tous les concurrents qui voudront la faire agir d'après leurs passions. Les passions et toute conduite passionnée me déplairait supérieurement je l'avoue, et toute partialité nuirait à la Landgrave dans mon esprit et dans celui de tout le monde. Or, mon désir est qu'elle réunisse les esprits, loin de les diviser. Voilà votre tâche. Faites de votre mieux pour réussir et portez-vous bien. Adieu.

Signé: Caterine.

P. S. Je joins ici les Gazettes Anglaises.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Присылка копіи съ письма полученнаго отъ ландграфини. —Отвѣтъ ей и копія съ онаго. —Извлеченіе изъ депеши барона Ассебурга.— Частное письмо его къ вице-канцлеру графу Панину.—Выписка изъ депеши короля Прусскаго къ его посланнику въ С.-Петербургѣ.—„Всѣ хотятъ руководить ландграфиней."—Особенныя препорученія.—*Приложенія*:—Переписка съ ландграфиней. — Характеристика ея дочерей и Дармштадтскаго двора, составленная Ассебургомъ.—Свойства и наружность принцессъ.—Замѣтки Екатерины II. — Порученіе данное Фридрихомъ II графу Сольмсу.—Слухъ который онъ предлагаетъ распустить въ Петербургѣ.

21го мая 1773.

Г. баронъ Черкасовъ! Я вамъ писала дня два тому назадъ что получила письмо отъ ландграфини которымъ она меня извѣщаетъ о прибытіи своемъ въ Потсдамъ. Посылаю вамъ копію съ этого письма. Я воспользовалась симъ случаемъ чтобы написать ей письмо, какъ бы въ отвѣтъ, съ котораго прилагаю здѣсь дубликатъ для вашего свѣдѣнія, вмѣстѣ съ подлинникомъ, который вы ей доставите при ея пріѣздѣ. Это обстоятельство дало мнѣ поводъ упомянуть о чувствахъ и довѣріи какія мнѣ желательно видѣть съ ея стороны. Я также сказала ей о васъ, на какой ногѣ желаю чтобъ она васъ считала. Я тѣмъ болѣе была расположена написать помянутое письмо что въ самый день полученія письма ландграфини, прибылъ сюда курьеръ отъ Ассебурга, который привезъ нѣсколько депешъ. Посылаю вамъ, для вашего личнаго свѣдѣнія, извлеченіе изъ депешъ которыя я видѣла; но есть еще и такая которую графъ Па-

нянъ не счелъ удобнымъ мнѣ показать. Въ частномъ письмѣ, Ассебургъ между прочимъ увѣряетъ его что ландграфина, вслѣдствіе его, Ассебурга, стараній, такъ хорошо научена что не будетъ слушать ничьего совѣта, кромѣ совѣтовъ графа Панина, и что она будетъ слушать его и повиноваться ему во всемъ. Съ другой стороны, я получила въ тотъ же день прилагаемую при семъ выписку изъ письма короля Прусскаго къ графу Сольмсу, гдѣ, по подчеркнутымъ мною строкамъ, вы увидите что онъ поручаетъ ему наставлять ландграфиню. Всѣ хотятъ руководить этою женщиной!... И если дѣла пойдутъ такъ, то они пойдутъ дурно. Полагаю что имѣю больше правъ чѣмъ другіе. Ради Бога, предупредите ландграфиню чтобъ она слушалась меня одну и предупредите ее очень серіозно что если она хочетъ имѣть ко мнѣ довѣріе и чтобъ я ей довѣряла, то удалила бы всѣхъ конкуррентовъ, которые захотятъ заставить ее дѣйствовать подъ вліяніемъ собственныхъ своихъ страстей (видовъ). Признаюсь что страсти и всякое страстное поведеніе были бы мнѣ въ высшей степени непріятны, и всякаго рода пристрастіе повредило бы ландграфинѣ въ моемъ умѣ и въ общемъ мнѣніи. Мое желаніе состоитъ въ томъ чтобъ она отнюдь не разъединяла умы, а примирала бы ихъ. Вотъ ваша задача. Старайтесь всячески достигнуть успѣха и будьте здоровы.

Екатерина.

P. S. Прилагаю при семъ англійскія газеты.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Copie de la lettre de la Landgrave de Hesse à l'Impératrice Catherine.

Potsdam, 14 May 1773.

Madame!

J'approche du moment où j'aurai l'honneur de faire ma cour à V. M. I. Je suis arrivée hier et c'est ici ou à Berlin que j'attendrai les ordres qu'elle me fera donner pour me rendre à St.-Pétersbourg. Il n'y a au monde que V. M. I. qui peut m'inspirer la confiance et le courage nécessaire pour le mettre en exécution. Ma démarche vous prouve, Madame, que s'il est question de choisir de vous plaire, de vous obéir, ou de suivre les préjugés qui rendent le public un juge sévère et redoutable, je ne sais point balancer. J'ai mille grâces très humbles à rendre à V. M. I. pour la réponse gracieuse dont elle a daigné m'honorer. Ce précieux portrait que je tiens de vos bontés, Madame, n'a cessé d'être admiré depuis l'instant que je l'ai reçu. Quel sera mon bonheur de faire ma cour à V. M. I. et de m'occuper à mériter ses inestimables bontés, par les témoignages de mon respectueux dévouement et de ma vénération.

Signe: Caroline de Hesse,
née de Deux-Ponts.

Копія съ письма ландграфини [1] къ Екатеринѣ II.

Потсдамъ 14го мая 1773.

Всемилостивѣйшая государыня!

Приближаюсь къ минутѣ когда буду имѣть честь представиться В. И. В—ству. Я пріѣхала вчера и буду ожидать здѣсь или въ Берлинѣ приказаній В. В—ства относительно отъѣзда моего въ С.-Петербургъ. Только В. И. В—ство могли внушить мнѣ довѣріе и мужество, которыя нужны для совершенія этого путешествія. Мой поступокъ доказываетъ Вамъ, всемилостивѣйшая Государыня, что я не умѣю колебаться когда приходится выбирать между угожденіемъ и повиновеніемъ Вамъ и покорностью предразсудкамъ, на основаніи коихъ публика дѣлается судьей строгимъ и страшнымъ. Я еще должна тысячу разъ всенижайше благодарить В. И. В. за милостивый отвѣтъ которымъ вы изволили меня удостоить. Всѣ непрестанно любуются драгоцѣннымъ портретомъ, [2] полученіемъ котораго я обязана вашей благосклонности, всемилостивѣйшая Государыня. Какъ велико будетъ мое счастіе находиться лично при В. И. В. и стараться заслужить ваше неоцѣнимое благорасположеніе выраженіями моей почтительнѣйшей преданности и моего къ вамъ благоговѣнія.

Каролина-Гессенская,
рожденная Цвей-Брюккенъ.

Примѣчанія:

[1] Ландграфина Генріетта-Христина-Каролина-Луиза Гессенъ-Дармштадтская была дочь Христіана III, пфальцграфа Цвей-Брюккенъ-Биркенфельдъ. Родилась она въ 1721 году; слѣдовательно, въ 1773 году ей было 52 года, какъ она въ томъ сознавалась въ письмѣ своемъ Фридриху Великому, отъ 9го апрѣля того же года. Преданіе гласитъ будто во владѣніяхъ ихъ предка дѣйствительно было только *два моста*, отъ коихъ его династія и получила свое названіе. Съ начала XIX столѣтія она царствуетъ въ королевствѣ Баварскомъ. (См. *Мѣсяцеслов* на лѣто 1773, *Historisch-genealogisches Handbuch des Hohen Regenten Hauses Hessen*, стр. 154, и введеніе къ этой корреспонденціи.) Ландграфина была женщина умная, дѣятельная, предпріимчивая, честолюбивая. Писала она легко и скоро; и обращаясь къ Екатеринѣ II, очень естественно испытывала нѣкоторое волненіе, вѣроятно еще была утомлена дорогой и, быть-можетъ, торопилась. Все это объясняетъ нѣкоторое отсутствіе связи въ словахъ *le* mettre en exécution, коимъ не предпослано никакое соотвѣтствующее имъ существительное мужескаго рода, такъ что тутъ по смыслу предшествующей фразы остается предполагать *projet* или *voyage*.

[2] Портретъ Екатерины II о которомъ здѣсь идетъ рѣчь вѣроятно былъ миніатюрный, и такъ какъ о немъ помину нѣтъ въ инструкціи которою снабженъ былъ генералъ-майоръ Ребиндеръ, то остается полагать что ландграфиня получила его или предъ самымъ отъѣздомъ своимъ изъ Дармштадта, либо тотчасъ по прибытіи въ Потсдамъ, чрезъ посредство нашей миссіи въ Берлинѣ.

II. Réponse de Catherine II à la Landgrave.

Madame ma Cousine!

J'ai été extrêmement sensible à tout ce que V. A. avez bien voulu me dire d'obligeant dans sa lettre, datée de Potsdam, du 14 May, par laquelle elle m'annonce son heureuse arrivée dans cette ville. Mes yeux sont tournés vers la mer. Je prie Dieu qu'il bénisse votre trajet et que ce trajet ne nuise point à Votre santé et à celle des Princesses vos filles. Rien assurément ne saurait m'être et plus flatteur et plus agréable que la confiance que vous me témoignez, Madame, dès à présent. Je prie V. A. d'être persuadée qu'elle trouvera le vif désir de cultiver cette même confiance, de l'augmenter et de lui marquer en toute occasion les dispositions où je me trouve de lui donner des preuves de mon estime et de mon amitié. Mon Chambellan le Baron Czerkassow, qui aura l'honneur de vous remettre cette lettre, Madame, a ordre de ma part de l'en assurer. Je vous prie d'ajouter entièrement foi à ce qu'il vous dira; je l'ai choisi entre bien d'autres aspirants, comme un homme sûr, qui m'est connu depuis longtemps, par son attachement pour ma personne et par son sens droit et son esprit dégagé de préjugés.

Il ne fera que répéter à V. A. les sentiments que j'ai tant d'envie de lui montrer et avec lesquels je suis, etc.

Ce 21 May.

Отвѣтъ Екатерины II ландграфинѣ.

Государыня-сестрица!

Я была очень тронута всѣмъ тѣмъ что ваша свѣтлость изволила мнѣ сказать любезнаго въ письмѣ своемъ изъ Потсдама, отъ 14го мая, извѣстившемъ меня объ Вашемъ благополучномъ прибытіи въ этотъ городъ. Мои взоры обращены на море. Молю Бога чтобъ Онъ благословилъ вашу поѣздку и чтобъ она не повредила ни вашему здоровью, ни здоровью принцессъ, вашихъ дочерей. Ничего, конечно, не можетъ быть для меня болѣе лестнымъ и болѣе пріятнымъ, какъ довѣріе которое вы, государыня, мнѣ уже теперь доказываете. Прошу вашу свѣтлость быть увѣренною что найдете во мнѣ живѣйшее желаніе поддерживать это довѣріе, усиливать оное и при всякомъ случаѣ убѣждать васъ въ готовности моей доказывать ей мое

уваженіе и дружбу. Моему камергеру барону Черкасову, который будетъ имѣть честь вручить вамъ, государыня, это письмо, приказала я васъ въ этомъ увѣрить. Прошу васъ вполнѣ довѣрять его словамъ. Я его выбрала изъ числа весьма многихъ домогавшихся этой чести (встрѣтить ландграфиню) какъ человѣка вѣрнаго, давно мнѣ извѣстнаго своею приверженностью къ моей особѣ, равно какъ и своею разсудительностью и умомъ, свободнымъ отъ предразсудковъ.

Онъ повторитъ вашей свѣтлости тѣ чувства въ которыхъ мнѣ такъ желательно ее убѣдить и съ которыми остаюсь, и пр.

Екатерина.

21го мая.

Примѣчаніе.

По установившемуся издавна этикету, въ перепискѣ (всегда *собственноручной*) коронованныхъ особъ, онѣ взаимно именуютъ себя *братьями* и *сестрами*; владѣтелей же второстепенныхъ государствъ императоры и короли называютъ *двоюродными братьями*. Такъ и Екатерина II называетъ ландграфиню Гессенскую *кузиной*. При особенно хорошихъ отношеніяхъ, личномъ родствѣ или сосѣдствѣ, прибавляются и иныя выраженія. Такъ, въ Импер. Шуба. Библіотекѣ находится письмо къ Екатеринѣ II королевы Шведской, которая подписалась „de V. M. I. soeur et cousine, amie et voisine."

III. Extrait d'une lettre, adressée de Darmstadt par le Ministre de Russie Baron d'Asseburg au Vice-Chancelier Comte Panine.

23 Avril (4 May) 1773.

Toutes les Princesses de Hesse-Darmstadt, mère et filles, partent avec une joie décidée, quoique Madame la Landgrave soit quelquefois incertaine dans ses espérances à l'égard du succès. Le désir d'admirer de près une Souveraine, qui met toute l'Europe à ses pieds et de voir un Empire, qui sous l'heureuse conduite de son vaste Génie, s'approche à pas de géant de la perfection, du bonheur et de la gloire, n'est interrompu que par la crainte, souvent infructueusement combattue, que les yeux de l'Impératrice ne démêlent bien des imperfections en elles, dont on ne peut s'empêcher de s'avouer secrétement, et qu'on estime assez relevantes pour en prendre occasion de douter de ce qu'on souhaite le plus. Quelqu' illusions que se fassent de jeunes Princesses, élevées dans un cercle de personnes, gagnées pour les flatter où elles sont les premières sans concurrence de beauté et de mérites, celles de Darmstadt ont trop entendu parler des éminentes qualités de l'Impératrice et des perfections de son Auguste fils, pour penser avec assurance au rôle difficile qu'elles auront à jouer. L'amour propre

ne tient pas contre l'évidence des réflexions de cette force. Aussi, dois-je leur rendre la justice de remarquer, qu'à mesure qu'elles ont vû approcher le terme du départ, le cœur leur a souvent failli à l'aspect du débat redoutable auquel il les conduit. Mesdames les Princesses, je n'en excepte aucune, sont nées et élevées dans la présomption que la haute naissance donne. Une sœur mariée à l'Héritier présomptif de la Monarchie Prussienne; cette sœur, que les applaudissements d'un Roi, plus éclairé que la plupart des hommes, distingue de la manière la plus flatteuse, n'a pas laissé de nourrir ce penchant à la présomption, et de faire négliger bien des choses, qui sont cependant essentiellement requises de la part des aspirantes aux premières places du monde. La tendresse d'une mère, pas trop attentive, ou pas assez sévère à contredire aux premières habitudes; la froide indifférence d'un Père, peu occupé de l'éducation des ses enfants, et tout aussi inhabile à la soigner; l'ignorante pédanterie des gouvernantes; et, je le répète, le defaut de toute émulation parmi des personnes moins ou également bien élevées, ont achevées à établir l'opinion que la vertu brillait par elle-même, sans aucune décoration extérieure; que les grâces, la politesse, l'acquis, le ton et l'usage du monde étaient des qualités indifférentes, ou aisées à acquérir et qu'il suffisait d'être bien né et de porter un corps et une âme droite, pour bien figurer dans toutes les situations auxquelles on pourrait être appelé. Voilà ce qui fait depuis longtemps l'objet de mes pensées, et ce qui était une des premières raisons pourquoi je n'ai pas osé proposer Madame la Princesse Amélie à la concurrence, la voyant s'en éloigner par un délaissement d'elle-même, qui lui était plus particulier qu'à Mesdames ses sœurs et qui est si peu ordinaire aux personnes de son sexe et de son âge.

Dès l'année 1768 que j'eûs l'honneur de la voir pour la première fois, cette Princesse annonçait si peu de proportions, si peu d'élégance et de noblesse dans sa figure, qu'en la comparant à la Princesse Wilhelmine sa sœur, qui alors en réunissait beaucoup en elle, je crus ne pouvoir rien me permettre en sa faveur. De plus, cette Princesse souffrait alors, depuis longtemps, et encore à present, d'un mal aux yeux, qui semblait vouloir la défigurer, et dont il était douteux, vu la longue durée de cette incommodité, si elle serait jamais guérie. Sa crûe excessive, qui a continué jusqu'ici, m'en imposait encore; plus haute de taille qu'aucune autre femme de son âge, je la voyais grandir encore et le dirai-je, son air, sa marche, son port, sa danse, son maintien en général, tout me décourageait pour elle; tout étant défectueux à mes yeux, et aux yeux de tout le monde, qui voulait seulement les ouvrir sur cette Princesse. Personne ne contestera la préférence marquée que la Princesse Wilhelmine se donnait pendant longtems sur son ainée.

Votre Exc. se rappellera de quelle façon j'ai parlé de celle-ci

dans les premières années de ma commission. C'était un enfant plein d'agréments, se distinguant en tout de ses sœurs; enfin, c'était elle, je ne me défends pas de cette préférence, qui fixait toute mon attention et qui encore aujourd'hui est plus régulièrement jolie de visage qu'aucune Princesse de sa maison. Le débat de l'âge lui a été défavorable; ses traits se sont grossis; ses yeux, sa bouche ont pris des mouvements et une construction différente; son teint bruni et brouillé; ses mains n'ont pas embellies; le brillant de la première jeunesse s'est perdu rapidement de son visage; le port, la démarche et jusqu'au son de sa voix, tout a plus ou moins changé, et pas moins que cela, la gayeté de son humeur a fait place à un air réservé, seo dans la conversation, quelquefois même sombre, froid et inattentieux, comme tout le monde qui a observé la Princesse peut la vérifier. En marchant ainsi au déclin de ses charmes, son ainée a commencé tout d'un coup à lui disputer le pas, par un développement plus gracieux et moins prévu. Sa figure, je l'ai observé déjà, a aujourd'hui plus d'admirateurs que celle de la Princesse Wilhelmine. Elle a de la douceur dans la physionomie, de l'éclat par intervalle, un cœur sans vices et sans aucune passion tumultueuse, mais beaucoup d'indolence, quelquefois un peu de caprice, de l'embarras et de la contrainte dans tout ce qu'elle fait; peu ou point de grâces et pas plus de soin de s'en donner. Comparons maintenant les deux sœurs, non comme elles sont aujourd'hui par une révolution imprévue de la nature, mais comme elles étaient il n'y a pas longtemps, et V. E. sera mon juge et mon défenseur, si l'on me reprochera peut-être d'avoir préféré la cadette à l'ainée. Ma conscience, à laquelle j'ai fidèlement rapporté toutes mes actions, me dit encore que je devais agir comme je l'ai fait. Si les yeux m'ont trompés, s'ils ont été trop faibles pour pénétrer dans un avenir caché, et si l'événement prouve contre mon opinion, je suis dans le cas de bien des hommes, qui s'égarent avec la meilleure intention et qui sont contredits par des changements indépendants de leur pénétration et de leur attente. C'est là ce que j'avais à exposer pour ma justification. Je ne sais laquelle des sœurs aura le plus de suffrages; mais quand ce serait l'ainée, ne me condamnez point pour en avoir autrement auguré. J'ai eu des raisons solides pour mieux juger du développement de la cadette. Vous lui trouverez les restes de ces avantages, qui m'ont entretenues dans une fausse espérance pour elle et dans ces mêmes restes V. E. trouvera l'apologie de mes rapports antérieurs.

Je bénis plus que jamais le Ciel d'avoir inspiré à l'Impératrice l'heureuse résolution de fixer par elle-même le choix de la Princesse à marier à Monseigneur le Grand Duc. En peu de tems tout doute sur la moralité et sur la beauté des Princesses disparâitra aux yeux perçants de notre grande Souveraine et sa décision sera celle du bonheur et de la tranquillité de son Empire. Il ne m'appartient pas de pressentir sa volonté,

que je dois attendre en respect et en silence. Mais comme V. E. m'a ordonné de suivre la moralité de nos Princesses, pour autant que je suis avec elles, je reviens encore à des observations, que j'ai déjà souvent fait et qui se marqueront comme les précédentes, par le peu d'opinion que j'ai de mes lumières. Je ne dépeindrai pas les dehors de ces dames, cette répétition au moment de leur arrivée dans notre Cour, serait hors de place. Je dirai seulement qu'elles nont pas embellies.

La Princesse Amélie montre constamment, et, par préférence pour ses sœurs, une parfaite égalité dans la pratique des sentimens nobles et vertueux, qui lui sont propres; une ambition tranquille, de la douceur, de la bienfaisance, de la générosite même; beaucoup de bon sens; un jugement capable d'entrevoir les préjugés que l'éducation lui a fait contracter; de l'éloignement pour tout vice; de l'attachement pour la verité, qui est le caractère distinctif de sa famille; le don de savoir s'amuser seule; quelque goût pour la lecture, une âme pure et un corps sain. Ces qualités estimables s'obscurcissent en partie par une grande timidité et une indifférence, souvent outrée, pour tout ce qui s'appelle décoration extérieure, ou pour le dire en un mot, par une inattention et des oublis de sa personne, qui paraissent invincibles à Darmstadt, mais que le grand monde pourra corriger. Le Prince Héréditaire de Bade s'est pris d'inclination pour cette Princesse et les parents témoignent n'y être point contraires; Elle trouvera dans ce projet, tout informe qu'il soit encore, un sort convenable à sa naissance, quand une union plus brillante n'en empêche pas l'effet. Elle est faite, je le redis avec confiance, pour se faire aimer et estimer. Les qualités d'agréments, la conversation aisée et intéressante, celles de l'esprit et les manières lui restent encore à acquérir.

Madame la Princesse Wilhelmine sa sœur, embarasse toujours encore la spéculation occupée à démêler les véritables plis de son âme, par cet air composé et directeur, qui ne la quitte que rarement. Je l'ai souvent attribué à la monotonie d'une Cour singulièrement uniforme, et je suis encore d'avis, que la Princesse aura ailleurs une autre humeur, quoique je ne voudrais pas répondre que l'ennui de Darmstadt fut l'unique ou le premier ressort qui détermine sa conduite à ce qui est si peu ordinaire à la jeunesse. Le plaisir, la danse, la parure, la société des personnes de son âge, les jeux, tout enfin ce qui a coutume de reveiller la vivacité des passions, ne la communique point jusqu' à elle. Au milieu de tous ces amusements la Princesse garde sa réserve et s'y prête de façon à faire entrevoir qu'elle y porte plus de complaisance que de gôut. Est-ce insensibilité? Est ce la crainte de paraître enfant qui la gouverne? Je ne sais que dire; et je conviens ingénuement que le fond de ce caractère est encore couvert d'un voile pour moi. Personne ne se plaint d'elle; on la traite avec la même confiance que les Princesses ses sœurs: Madame la

Landgrave la distingue; ses instituteurs louent la capacité de son esprit et la facilité de son humeur; Elle ne marque point de caprices, sa conduite quoique froide est égale pour tout le monde et aucune de ses actions n'a dérogé encore à mon opinion, que son cœur ne soit pur, réfléchi et vertueux, mais que l'ambition l'a assujéti. Depuis qu'il lui a été parlé du voyage à Petersbourg elle se prête davantage à la conversation dont l'envie de s'instruire est l'objet. Il n'y a pas de doute qu'elle ne s'entretienne avec plus d'intérêt que Mesdames ses soeurs du motif de ce voyage, et cependant aucune lueur de jalousie ne se fait appercevoir entre elles. J'attribue à la Princesse Wilhelmine ce que j'ai dit de son ainée. Des objets plus animés; un autre monde; d'autres amusements; des devoirs plus importants; des idées plus variées étendront plus son âme, qui s'est en quelque façon engourdie par la trop grande uniformité des tâches dont elle s'est occuppée jusqu' ici. Dans la Cour où elle a été élevée un jour ressemble à l'autre: les conversations et même les divertissemens y ont une teinte de langueur et de sécheresse; il est possible et vraissemblable que ces caractères se soyent transmis à son humeur, et que l'exemple de son ainée l'a disposée à l'imitation depuis qu'elle s'est approchée d'elle par l'âge et la raison. Les enfans aiment à se copier; les cadets veullent ressembler aux aînés, et dans la famille de Hesse-Darmstadt cet esprit de corps, si je puis m'exprimer ainsi, a plus d'influence que dans une autre. Mais n'y aurait-il que la simplicité de la Cour, et l'exemple, qui ont dérogé à la vivacité et à l'enjouement que cette Princesse marquait autrefois? * N'y a-t-il pas des passions cachées, qui maîtrisent son esprit? Mille et mille fois je me suis fait cette question et toujours en m'avouant que ma vue ne s'étendait pas jusque là. Terminons, autant que je connais la Princesse Wilhelmine, elle a le cœur haut, nerveux, froid, peut-être un peu léger dans ses décisions; mais plus sûrement, ouvert et docile à la force d'un raisonnement solide, et des attraits d'une ambition raisonnable. Ses mœurs et ses manières ont acquis une certaine nonchalance, mais elles deviendront plus douces, plus agréables et plus caressantes lorsqu'elle vivra avec des personnes qui attacheront plus particulièrement sont cœur. J'en espère autant de la tournure de son esprit, qui, d'inactif, d'attaché à un petit nombre d'idées locales, d'inatentieux, plutôt par habitude, que par une disposition naturelle, de sérieux et de sujet à quelque prévention, prendra dans d'autres lieux et avec d'autres obligations, plus d'étendue, d'agrément, de justesse et de solidité. La Princesse Wilhelmine voudra plaire et le voudra avec moins de molesse que Madame sa sœur âinée, mais

* Je suis persuadée, moi, Impératrice, que celle-ci est la plus ambitieuse; qui ne prend goût et ne s'amuse à rien est rongé d'ambition; ceci est une règle immanquable. (*Annotation autographe de l'Impératrice.*)

peut-être avec moins de succès que la Princesse Louise sa sœur cadette. Celle-ci a de toute la jeune famille de Darmstadt le plus de grâce et de noblesse dans les manières et dans le caractère, comme elle a aussi le plus de ressource dans l'esprit. Ces avantages sont contrebalancés par le défaut de la santé et de la beauté, et par beaucoup d'inégalité et de raideur dans l'humeur. On dirait à voir l'opiniâtreté de ses maux qu'elle dût languir; si elle ne grandissait pas au milieu de ses infirmités. Les médecins les attribuent à un effet impétueux de la nature, qui veut se régler, et ils traitent conséquemment à cette opinion, la Princesse comme une malade aisée à guérir. Je ne puis en juger, mais je crois qu'elle est dans le cas d'être bien approfondie, tant au sujet de sa santé qu'à l'égard de son esprit, qui a peu de peintures, mais qui après des bourasques de vivacité et d'humeur, a aussi des retours agréables. J'ajoute que vu sa déclaration à la religion, pour laquelle elle pense différement à Mesdames ses sœurs, je ne saurais mettre ses droits en égalité avec ceux de ses aînées. Au reste, ces trois Princeses tiennent des impressions d'une éducation un peu ordinaire. Une physionomie inconnue intimide; la gêne révolte même dans la parure; l'habitude efface le plaisir du nouveau et émousse la curiosité de s'instruire; on juge et on se détermine souvent légèrement; l'application sérieuse et suivie répugne. On a quelques préjugés, peu d'idées et par conséquent aussi peu de conversation. Mais tout cela changera quand la société des gens plus instruits, plus animés et plus formés au ton du monde, éveillera l'envie de leur ressembler. Toutefois je reviens à mes craintes, que ce mélange de bon et de mauvais n'embarasse beaucoup dans le choix entre les trois concurrentes, qui viennent se présenter. Les Princesses de Hesse-Darmstadt n'ont pour se recommander que de la Vertu, des dispositions à la reconnaissance et à l'attachement. Mais cela suffit-il?

N. B. Le choix ne m'embarasse pas et dès cette heure je crois que la seconde emportera la pomme. Czercassow, voulez vous parier? (*Annotation de l'Impératrice.*)

Извлеченіе изъ письма адресованнаго вице-канцлеру графу Панину россійскимъ посланникомъ барономъ Ассебургомъ изъ Дармштадта.

23го апрѣля (4го мая) 1773 года.

Всѣ принцессы Дармштадтскія, мать и дочери, отправляются въ путь вполнѣ радостно, хотя ландграфиня порой колеблется въ надеждахъ своихъ относительно успѣха. Желаніе любоваться вблизи государынею которая повергаетъ всю Европу къ стопамъ своимъ, и увидѣть Имперію которая подъ счастливымъ руководствомъ ея об-

мирнаго генія исполинскими шагами приближается къ совершенству, благополучію и славѣ, прерывается только боязнію, часто напрасно побораемою, какъ бы взоры императрицы не открыли въ нихъ (принцессахъ) множество недостатковъ, отъ сознанія которыхъ онѣ не могутъ въ тайнѣ воздержаться и которые считаютъ довольно замѣтными чтобы, вслѣдствіе ихъ, усомниться въ томъ чего наиболѣе желаютъ. Какъ бы ни были обманчивы понятія которыя принцессы имѣютъ о себѣ самихъ, бывъ воспитаны въ кругу лицъ заинтересованныхъ въ томъ чтобъ имъ льстить и гдѣ онѣ первенствуютъ безъ соперничества въ красотѣ и достоинствахъ; но принцессы Дармштадтскія слишкомъ много наслышались о высокихъ свойствахъ императрицы и о совершенствахъ ея августѣйшаго сына, чтобы помышлять съ увѣренностью о трудной роли которую имъ предстоитъ разыграть. Самолюбію не устоять противъ очевидности столь сильныхъ аргументовъ. Поэтому я долженъ воздать имъ справедливость, замѣтивъ, что по мѣрѣ приближенія срока ихъ отъѣзда, онѣ часто робѣли при мысли о той опасной борьбѣ къ которой поведетъ ихъ поѣздка. Государыни-принцессы, всѣ безъ исключенія, родились и воспитаны въ той самоувѣренности которую даетъ высокое происхожденіе. Замужество одной изъ ихъ сестеръ съ наслѣдникомъ Прусской монархіи, равно какъ и восторженное вниманіе и тѣ лестныя отличія предметомъ которыхъ она сдѣлалась со стороны короля, просвѣщеннѣйшаго изъ людей,—не могли не поддержать эту наклонность къ самоувѣренности и содѣйствовали упущенію изъ виду множества предметовъ которые однакожъ существенно-необходимы для желающихъ занять первыя мѣста въ свѣтѣ. Нѣжность матери, не слишкомъ внимательной или не довольно строгой въ противодѣйствіи первоначальнымъ привычкамъ; холодное равнодушіе отца, мало занимающагося воспитаніемъ своихъ дѣтей и столь же неспособнаго направлять оное; невѣжественный педантизмъ гувернантокъ; и, повторяю, отсутствіе всякаго соревнованія окончательно утвердили мнѣніе что добродѣтель блистаетъ сама по себѣ безъ всякаго наружнаго украшенія, что грація, учтивость, познанія, тонъ и умѣнье жить въ свѣтѣ—суть качества безъ коихъ можно обойтись или которыя легко пріобрѣсти, и что достаточно быть высокаго рода, имѣть сердце и сложеніе безукоризненной прямизны чтобы выйти съ честью изо всякаго положенія, въ какое бы ни былъ призванъ. Вотъ что издавна меня озабочиваетъ и что было одною изъ главныхъ причинъ почему я не осмѣлился предложить въ соискательницы принцессу Амалію, видя что она отъ сего удаляется отсутствіемъ заботливости о себѣ, которое ей сдѣлалось болѣе свойственнымъ, чѣмъ принцессамъ ея сестрамъ, и которое такъ рѣдко встрѣчается между особами ея пола и возраста.

Въ 1768 году, когда я въ первый разъ имѣлъ честь видѣть эту

принцессу, она обѣщала такъ мало относительно правильнаго сложенія, изящества и благородства наружности что сравнивая ее съ ея сестрой принцессой Вильгельминой, которая тогда уже соединяла въ себѣ многія изъ этихъ достоинствъ, я не считалъ себя въ правѣ что-либо сказать въ ея пользу. Къ тому же, эта принцесса давно отрадала тогда и еще теперь страдаетъ глазами, что, казалось, должно было современемъ ее обезобразить, и дѣлало сомнительнымъ, при продолжительности этого недуга, вылѣчатъ ли его когда-нибудь. Необыкновенно-быстрый ея ростъ, продолжающійся понынѣ, меня также пугалъ. Она уже была выше всякой женщины своихъ лѣтъ и еще продолжаетъ расти. И сказать ли? ея видъ, ея походка, манера держать себя и танцовать, вся ея наружность,—все это меня приводило за нее въ отчаяніе; все было въ ней неудовлетворительно въ глазахъ моихъ и въ глазахъ всѣхъ кто только хотѣлъ открыть ихъ при видѣ этой принцессы. Никто не оспоритъ тѣхъ замѣтныхъ преимуществъ которыя принцесса Вильгельмина долго представляла сравнительно съ своею старшею сестрой.

Ваше сіятельство вспомните въ какомъ смыслѣ я выражался о сей послѣдней въ первые годы моей миссіи. Это было вполнѣ прелестное дитя, совершенно отличавшееся отъ своихъ сестеръ; наконецъ, она-то,—и я не отрицаю этого предпочтенія,—останавливала на себѣ все мое вниманіе, и еще теперь она имѣетъ лицо болѣе правильной красоты чѣмъ другія принцессы ея дома. Но развитіе не было ей благопріятно; ея черты погрубѣли; ея глаза и ротъ развились иначе чѣмъ обѣщали; ея цвѣтъ лица сдѣлался смуглымъ и неровнымъ; руки не похорошѣли; свѣжесть первой молодости скоро пропала въ лицѣ; манера держать себя, походка и даже голосъ болѣе или менѣе измѣнились и, на-ряду съ этимъ, веселость ея нрава смѣнилась въ разговорѣ чѣмъ-то осторожнымъ и сухимъ, даже иногда мрачнымъ, холоднымъ и невнимательнымъ. Все это можетъ подтвердить всякій кто наблюдалъ за принцессой. Въ то время какъ она утрачивала такимъ образомъ свои прелести, ея старшая сестра вдругъ стала брать надъ нею верхъ своимъ развитіемъ, болѣе граціознымъ и менѣе предвидѣннымъ. Ея наружность, какъ я это уже замѣтилъ, имѣетъ теперь болѣе поклонниковъ, чѣмъ наружность принцессы Вильгельмины. У нея есть кротость и порой оживленіе въ физіономіи, сердце безпорочное и не обуреваемое никакою страстью; но много безпечности, иной разъ кой-какой капризъ, неловкость и принужденіе во всемъ что бы она ни дѣлала; у ней мало или даже совсѣмъ нѣтъ граціи и никакой заботы пріобрѣсти ее. Сравнимъ теперь обѣихъ сестеръ, не такими каковы онѣ теперь, вслѣдствіе неожиданной игры природы, но какими онѣ были еще недавно, и В. С. будете моимъ судьей и защитникомъ, если мнѣ поставятъ въ вину что я предпочелъ младшую старшей. Моя совѣсть,

съ которою я сообразовалъ всѣ свои дѣйствія, твердитъ мнѣ что я долженъ былъ поступить такъ какъ я поступилъ. Если меня обманули глаза, если они не разгадали сокровеннаго будущаго, и если выборъ не совпадетъ съ моимъ мнѣніемъ, то я окажусь въ положеніи многихъ людей, ошибающихся несмотря на наилучшее намѣреніе и которые бываютъ обмануты перемѣнами не зависящими ни отъ ихъ проницательности и ни отъ какихъ ожиданій. Вотъ что я долженъ былъ изложить въ оправданіе себя. Не знаю которая принцесса будетъ предпочтена; но если это будетъ старшая, то не осуждайте меня за то что я предугадывалъ другое, я имѣлъ основательныя причины благопріятнѣе судить о развитіи младшей. Вы въ ней найдете остатки тѣхъ преимуществъ которыя поддерживали меня въ ошибочныхъ надеждахъ относительно ея, и въ этихъ самыхъ остаткахъ В. С. найдете оправданіе предшествующихъ моихъ донесеній.

Болѣе чѣмъ когда-либо благодарю небо, внушившее императрицѣ счастливую рѣшимость самой избрать принцессу въ супруги государю великому князю. Вскорѣ исчезнетъ предъ проницательнымъ взоромъ нашей великой монархини всякое сомнѣніе насчетъ нравственности и красоты принцессъ, и избраніемъ своимъ она рѣшитъ счастіе и спокойствіе своей имперіи. Мнѣ не дано предугадывать ея волю, которую я долженъ ожидать почтительно и безмолвно. Но такъ какъ В. С. приказывали мнѣ слѣдить за нравственностью нашихъ принцессъ, насколько я могу о ней судить когда бываю съ ними, то возвращаюсь къ замѣчаніямъ которыя я уже часто дѣлалъ и на которыхъ отзовется, какъ и на предшествовавшихъ, то невысокое мнѣніе которое я имѣю о своемъ знаніи. Не стану описывать наружность этихъ дамъ; это повтореніе, предъ самымъ ихъ пріѣздомъ къ нашему двору, было бы неумѣстно. Скажу только что онѣ не похорошѣли.

Принцесса Амалія постоянно отличалась, и преимущественно предъ своими сестрами, совершенною ровностью въ свойственныхъ ей благородныхъ и добродѣтельныхъ чувствахъ; ея честолюбіе спокойно, въ ней есть кротость, желаніе благотворить, даже великодушіе; много здраваго смысла; вѣрный взглядъ, способный отрѣшить ее отъ предразсудковъ какіе навязало ей ея воспитаніе; отвращеніе ото всякаго порока, привязанность къ правдѣ, которая составляетъ впрочемъ отличительную черту ея семейства; она обладаетъ даромъ умѣть развлекаться въ одиночествѣ, имѣетъ нѣкоторую наклонность къ чтенію; душа у нея чиста и тѣло здоровое. Эти почтенныя качества отчасти затемняются большою застѣнчивостью и равнодушіемъ, часто преувеличеннымъ ко всему что называется наружною обстановкой; однимъ словомъ — невниманіемъ и нерадѣніемъ къ своей особѣ, которыя кажутся непреодолимыми въ Дармштадтѣ, но которыя большой свѣтъ можетъ исправить. Наслѣдный принцъ

Баденскій возымѣлъ склонность къ принцессѣ, и его родители сему не противятся. Этотъ проектъ, покамѣстъ еще не серіозный, можетъ доставить ей участь соотвѣтствующую ея сану, если союзъ болѣе блестящій сему не воспрепятствуетъ. Повторяю, съ полною этому вѣрой,—принцесса Амалія создана для того чтобы быть любимой и уважаемой. Ей только остается пріобрѣсти нѣкоторыя свѣтскія качества, развязность и разнообразіе въ разговорѣ, блескъ ума и изящество въ манерахъ.

Принцесса Вильгельмина, ея сестра, до сихъ поръ еще затрудняетъ каждаго кто бы захотѣлъ разобрать истинные изгибы ея души, тѣмъ заученымъ и повелительнымъ выраженіемъ лица которое рѣдко ее покидаетъ. Я часто приписывалъ это монотонности двора, необыкновенно однообразнаго, и я еще остаюсь при томъ мнѣніи что принцесса будетъ веселѣе въ иной мѣстности, хотя не могу ручаться чтобы скука отъ пребыванія въ Дармштадтѣ была единственнымъ и первымъ побужденіемъ къ тому что̀ есть въ ея поведеніи несвойственнаго молодости. Удовольствія, танцы, наряды, общество подругъ, игры, наконецъ все что̀ обыкновенно возбуждаетъ живость страстей, не достигаетъ до нея. Среди всѣхъ этихъ удовольствій, принцесса остается сосредоточенною въ себѣ самой, и когда принимаетъ въ нихъ участіе, то даетъ понять что дѣлаетъ это болѣе изъ угожденія, чѣмъ по вкусу. Есть ли это нечувствительность? или руководитъ ею въ этомъ случаѣ боязнь показаться ребенкомъ? Не знаю что̀ сказать, и простодушно признаюсь что основныя черты этого характера для меня еще покрыты завѣсой. Никто на нее не жалуется; ей оказываютъ такое же довѣріе какъ принцессамъ ея сестрамъ; ландграфиня отличаетъ ее; наставники выхваляютъ способности ея ума и обходительность нрава; она не выказываетъ капризовъ; она хотя холодна, но ровна со всѣми, и ни одинъ изъ ея поступковъ еще не опровергнулъ моего мнѣнія что сердце ея чисто, сдержано и добродѣтельно, но что его поработило честолюбіе. Съ тѣхъ поръ какъ ей толкуютъ о путешествіи въ С.-Петербургъ, она охотнѣе принимаетъ участіе въ разговорахъ, и видимо съ желаніемъ обогатить себя познаніями. Безъ сомнѣнія, она болѣе чѣмъ ея сестры интересуется цѣлью этого путешествія; однакожъ, между ними не замѣтно и тѣни ревности. Приписываю принцессѣ Вильгельминѣ что̀ сказалъ о старшей ея сестрѣ. Болѣе оживленные предметы, иная среда, иного рода развлеченія, болѣе важныя обязанности, мысли болѣе разнообразныя дадутъ больше простора ея душѣ, которая нѣкоторымъ образомъ заснула отъ излишняго однообразія теперешнихъ ея занятій. При дворѣ гдѣ она воспитана, одинъ день походитъ на другой; разговоры и даже увеселенія имѣютъ оттѣнокъ томленія и сухости; возможно и правдоподобно что эти впечатлѣнія имѣли вліяніе на нравственное ея расположеніе, и что ей вздумалось

подражать примѣру своей сестры, съ тѣхъ поръ какъ она догнала ее лѣтами и развитіемъ ума. Дѣти любятъ перенимать другъ у друга; младшія хотятъ походить на старшихъ, и въ Гессенъ-Дармштадтской фамиліи этотъ семейный духъ, если могу такъ выразиться, имѣетъ болѣе вліянія чѣмъ во всякой другой. Но, простота двора и примѣръ одни ли только подавили живость и веселость которыя прежде выказывала принцесса? *

Нѣтъ ли сокровенныхъ страстей которыя овладѣли ея разсудкомъ?... Тысячу разъ ставилъ я себѣ этотъ вопросъ, и всегда сознавался что онѣ не досягаемы для моего глаза. Оканчиваю: насколько я знаю принцессу Вильгельмину, сердце у нея гордое, нервическое, холодное, быть-можетъ нѣсколько легкомысленное въ своихъ рѣшеніяхъ, но что̀ еще вѣрнѣе,—открытое и послушное силѣ вѣрнаго сужденія и привлекательности благоразумнаго честолюбія. Ея нравъ и манеры пріобрѣли нѣкоторую небрежность; но они смягчатся, сдѣлаются пріятнѣе и ласковѣе, когда она будетъ жить съ особами которыя особенно привлекутъ къ себѣ ея сердце. Ожидаю того же отъ направленія ея ума, нынѣ недѣятельнаго и привязаннаго къ небольшому числу мѣстныхъ идей и невнимательнаго болѣе по привычкѣ, чѣмъ по естественной наклонности, серіознаго и подчиненнаго нѣкоторымъ предубѣжденіямъ; но который въ иной мѣстности и при иныхъ обязанностяхъ долженъ будетъ пріобрѣсти болѣе обширности, прелести, вѣрности и прочности. Принцесса Вильгельмина захочетъ нравиться, и захочетъ это съ меньшею вялостью чѣмъ ея старшая сестра; но, быть-можетъ, съ меньшимъ успѣхомъ чѣмъ принцесса Луиза, ея младшая сестра. Она изо всего молодаго Дармштадтскаго семейства имѣетъ наиболѣе граціи и благородства въ манерахъ и въ характерѣ, точно такъ же какъ она же имѣетъ всего болѣе находчивости ума. Эти преимущества уравновѣшиваются недостаткомъ здоровья и красоты, и большою неровностью и крутостью нрава. Можно было бы, вслѣдствіе упорства ея недуговъ, вообразить себѣ что она никогда не выздоровѣетъ, еслибы она не росла, при всѣхъ своихъ страданіяхъ. Доктора приписываютъ ихъ вліянію пылкой натуры, которая хочетъ войти въ свои права, и они, на основаніи этого взгляда, пользуютъ принцессу какъ больную которую легко вылѣчить. Не могу объ этомъ судить; но полагаю что ее необходимо хорошенько изслѣдовать, какъ въ отношеніи ея здоровья, такъ и ея ума, которому недостаетъ воображенія, но который, послѣ вспышекъ пылкости и гнѣва, имѣетъ также пріятные порывы. Прибавлю что вслѣдствіе отзыва о религіи, о которой она ду-

* Противъ этого мѣста, въ извлеченіи присланномъ Черкасову, собственноручно приписано Екатериной II: *Я уверена, я, императрица, что эта всѣхъ честолюбивѣе; кто не интересуется и не веселится ничѣмъ, того зависло честолюбіе; это неизмѣнная аксіома....*

маетъ не такъ какъ ея сестры, я не могу поставить ея права вровень съ правами старшихъ принцессъ. Впрочемъ, эти три принцессы имѣютъ отпечатокъ воспитанія нѣсколько обыкновеннаго. Незнакомая физіономія смущаетъ; принужденіе имъ невыносимо даже въ нарядахъ; привычка изглаживаетъ удовольствіе доставляемое новизной, и ослабляетъ любознательность; часто опрометчиво судятъ и рѣшаютъ; серіозное и поддержанное вниманіе возбуждаетъ отвращеніе. Есть предразсудки, мало идей и, слѣдовательно, недостатокъ въ предметахъ для разговора. Но все это перемѣнится, когда общество людей болѣе образованныхъ, болѣе оживленныхъ и болѣе привычныхъ къ свѣтскому тону пробудитъ желаніе на нихъ походить. Все-таки я возвращаюсь къ своимъ опасеніямъ, какъ бы это смѣшеніе хорошаго и дурнаго не произвело большаго затрудненія въ выборѣ между тремя соискательницами. Для того чтобы зарекомендовать себя, принцессы Гессенъ-Дармштадтскія имѣютъ только добродѣтель, расположеніе къ признательности и къ привязанности.... Но достаточно ли это?

Въ концѣ этаго извлеченія императрицей собственноручно приписано:

„*N. B.* Выборъ меня не затрудняетъ, и я уже теперь думаю что вторая получитъ яблоко.... Черкасовъ, хотите держать пари?“

Примѣчаніе.

Подлинное донесеніе Ассебурга, отъ 23го апрѣля (4го мая) 1773, находится въ государственномъ архивѣ. Въ извлеченіи присланномъ Екатериной II барону Черкасову недостаетъ только начала и конца. Въ началѣ онъ увѣдомляетъ что отъѣздъ ландграфини изъ Дармштадта назначенъ на 25е апрѣля (6е мая), но въ государственномъ архивѣ нѣтъ того конфиденціальнаго письма Ассебурга графу Панину о которомъ упоминается какъ въ письмѣ Екатерины № VIII, къ которому извлеченіе изъ этой *депеши*, а не депетъ (какъ написала она), служитъ приложеніемъ, такъ и въ письмахъ №№ IX и XIV. Въ письмѣ № VIII императрица говоритъ: „Посылаю вамъ извлеченіе изъ депетъ, *которыя я видѣла*“, и далѣе объясняетъ содержаніе той которую графъ Панинъ скрылъ отъ нея.

IV. Extrait d'une lettre de Frédéric II, Le Roy de Prusse écrit au C-te Solms, du 13 may, de Potsdam.

La Landgrave de Darmstadt vient d'arriver ici avec les Princesses ses filles, pour poursuivre la route à Petersbourg, et Elle n'attend que la nouvelle du vaisseau qui doit la transporter pour aller s'embarquer. Mais il y a un article qui l'embarrasse dans ce voyage: c'est qu'Elle craint qu'il ne donne lieu à

de mauvais plaisans et critiques, de faire mille groses indecentes à son sujet, et qu'ils ne poussent leurs mauvaises langues si loin, que de dire qu'Elle ne l'entreprenoit, que pour faire montre des Princesses ses filles, et les soumettre au choix du Gr. D. Cette apprehension lui tient naturellement extremement à cœur, et Elle pense qu'on pourrait éviter cette critique, si le C-te Panine put obtenir qu'on publiat que S. A. I. avoit déjà fait son choix entre ces Princesses et que les autres n'accompagneroit la promise leurs sœur dans ce voyage que parceque leur Mère n'avoit pas voulue les laisser seules à la maison. Ce petit stratagème, quoique S. A. I. ne ce soit effectivement pas encore decidée, me paraît aussi fort innocent, et je ne doute pas qu'on n'accorde a la Cour où Vous êtes, d'en faire usage, pour faire taire les mauvaise langues. J'en serai pour mon particulier bien charmé, et, comme cette digne Princesse est fort de mes amies, *Vous aurés soin de ne lui absolument rien cacher de tout ce qui peut lui servir de Direction à une Cour qu'Elle ne conoit pas, afin qu'Elle puisse compasser* * *ses actions.* Car d'ailleur, je suis plus que persuadé que du moment que S. M. l'Imp. de Russie aura appris à conaître son esprit, et son aimable caractere, Elle la prendra en affection, et lui rendra son sejour aussi agréable, qu'Elle aura tout sujet d'en etre satisfaite.

Выписка изъ письма короля Прусскаго къ графу Сольмсу, отъ 13го мая, изъ Потсдама.

Ландграфиня Дармштадтская только-что пріѣхала сюда съ принцессами своими дочерьми, чтобы продолжать путешествіе въ Петербургъ, и ожидаетъ лишь извѣстія о прибытіи корабля который долженъ ее туда отвезти, для того чтобы сѣсть на него. Но есть статья которая ее затрудняетъ въ этомъ путешествіи: она боится дать поводъ людямъ склоннымъ къ насмѣшливости и критикѣ пускаться въ тысячу неприличныхъ толкованій на ея счетъ, и какъ бы злоязычіе ихъ не дошло до того чтобъ утверждать что она пустилась въ путь единственно съ тѣмъ чтобы вести на показъ принцессъ, своихъ дочерей, и представить ихъ на выборъ великому князю. Естественно что это опасеніе очень тревожитъ ее, и она думаетъ что можно бы было избѣгнуть подобныхъ толковъ, еслибы графъ Панинъ могъ добиться чтобы было объявлено будто его императорское высочество уже выбралъ одну изъ этихъ принцессъ, и что другія сопровождаютъ свою сестру-невѣсту только потому что мать не захотѣла оставить ихъ однѣхъ дома. Эта маленькая хитрость,—хотя его импера-

* Compasser,—старинное выраженіе, происходящее отъ слова compas (циркуль) и означающее *вымѣрять циркулемъ.*

торское высочество дѣйствительно еще не рѣшился,—кажется и мнѣ весьма невинною, и я не сомнѣваюсь что при дворѣ гдѣ вы состоите согласятся ею воспользоваться для того чтобы заставить молчать злые языки. Что собственно до меня касается, то я буду этому очень радъ, и такъ какъ эта достойная принцесса принадлежитъ къ числу моихъ наилучшихъ друзей, *то постарайтесь не скрывать отъ нея ничего такого что могло бы послужить къ руководству ея при дворѣ ей незнакомомъ, дабы она могла соразмѣрять свои поступки* [2]. Впрочемъ я вполнѣ убѣжденъ что какъ только ея величество императрица Всероссійская узнаетъ умъ и любезный характеръ ландграфини, она ее полюбитъ и содѣлаетъ ея пребываніе столь пріятнымъ что она будетъ имѣть всѣ возможные поводы быть имъ довольною.

Примѣчанія:

[1] Фридрихъ II очевидно хотѣлъ сказать что *мать не желала разлучить трехъ сестеръ;* но выразился не вѣрно, ибо еслибы двѣ изъ нихъ остались дома, то не были бы тамъ *одни*, такъ какъ въ Дармштадтѣ находились бы съ ними: ихъ отецъ, ландграфъ Людвигъ IX, второй ихъ братъ, принцъ Фридрихъ, 14ти лѣтъ, и младшій, принцъ Христіанъ, 10ти лѣтъ отъ роду.

[2] Фраза напечатанная курсивомъ подчеркнута Екатериной II въ этой выпискѣ *ею самою сочиненной* и составляющей № XIV въ сохранившемся у насъ сборникѣ ея автографовъ.

IX.

Czerkassow à l'Impératrice.

De Catherinenthal, le 25 Mai 1773.

Avant-hier au soir j'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de V. M. I. du 21 May, ensemble avec sa lettre cachetée pour Madame la Landgrave que je dois lui présenter; la copie de cette lettre; la copie de la lettre de Madame la Landgrave; l'extrait des dépêches de Mr Asseburg; celui d'une lettre du Roi de Prusse au Comte Solms et trois feuilles de Gazettes Anglaises. La réflexion de V. M. sur un passage de la dépêche de Mr Asseburg au sujet de Madame la Prineesse Wilhelmine est très juste. A mon retour, je prendrai la liberté de Vous communiquer mon idée sur le même sujet. Je m'étonne de la liberté que le Comte Panin s'arroge de vous cacher des lettres relatives à ce sujet. Je me tais pourtant là-dessus jusqu'à une meilleure occasion, de peur de paraître officieux mal à-propos, pendant que je ne suis que zélé! Vous me permetterez cependant,

Madame, de vous demander vos ordres au sujet de Votre Gentilhomme de Chambre le Comte André Rasoumowsky. J'ai appris par le Prince Troubetskoy, Lieutenant Général congédié, qu'il lui a apporté la permission du Comte (Иванъ) Чернышевъ de quitter en arrivant ici le commandement de son Vaisseau et de prendre le chemin de Petersbourg par terre. Dois je lui permettre de faire ce voyage dans la suite des Princesses en cas qu'il le demandât ou que Madame la Landgrave le souhaitât? Outre cela n'aurai-je rien à observer touchant les lettres qui pourraient venir de Petersbourg à Madame la Landgrave ou les personnes qui pourraient s'adresser à elle en particulier? Pardonnez-moi, Madame, si je vous parais ennuyeux par mes questions, et n'attribuez mon impertinence qu'au désir vif que j'ai de vous bien servir. Ma tâche devient plus difficile à mesure que je découvre les menées des gens qui paraissent intéressés à contre-carrer vos volontés. C'est à V. M. à me la rendre aisée, en m'instruisant sur les points les plus importans.

Hier, j'ai quitté le quartier que j'ai été obligé de prendre en arrivant à Reval; et me suis transporté ici. La maison, les Pavillons à côté et les jardins tant en haut qu'en bas sont mis dans un état présentable. J'espère que mes Gastes seront contentes d'un château dans lequel il y a plus que Portes et fenêtres. J'ai fait mettre des petits escaliers à quelques fenêtres du premier Etage pour faciliter les entrées. J'ai réussi à chasser la mauvaise odeur que les couleurs ont causées dans les appartemens en y faisant bouillir du vinaigre avec des cloux de Girofle, par le conseil de Mr Koelchen. Je supplie Votre Majesté Impériale de se souvenir qu'il y avait un tems que vous avez voulu attacher cet honnête et habile homme à Votre Cour en qualité de Votre *Leib-Chirurgus*. L'occasion ne saurait être plus favorable pour lui: et les Princesses en cas de besoin auraient sûrement plus de confiance dans votre Chirurgien que dans un Stab-Chirurgus venu à la suite d'un Chambellan gouteux et sujet aux Vertiges.

Les ponts entre Reval et Narva me causent un peu d'inquiétude, d'autant plus qu'on me soutient ici, que ce sont les meilleurs ponts possibles, et cependant tout neufs qu'ils étoient à mon passage, ils étoient fort mauvais. J'ai prié Monsieur le Prince de Holstein-Beck d'envoyer un homme de confiance pour les faire raccommoder. Il m'a promis de le faire aujourd'hui.

Depuis trois jours il souffle ici un vent très-favorable pour venir de Lubeck. Mais il est en même tems assez fort: il est quelquefois plus que frais. Aussi fait-il extrêmement froid à Catherinendahl. Surtout dans l'étage d'en haut où je suis logé.

Черкасовъ императрицѣ.

Содержаніе: Полученіе письма отъ 21го мая, съ четырьмя приложеніями.—Скрытность графа Панина.—Флота капитанъ-лейтенантъ графъ Разумовскій. — Желаніе Черкасова сослужить службу императрицѣ. — Переѣздъ его въ Екатериненталь.—Во дворцѣ есть нѣчто болѣе чѣмъ одни окна да двери.—Просьба о повышеніи доктора Кельхена, состоящаго въ Ревелѣ при камергерѣ, *подверженномъ подагрѣ и головокруженію*.—Мосты новые, но очень плохіе между Ревелемъ и Нарвой.—Мѣры принятыя принцемъ Голштейнъ-Бекскимъ. — Вѣтеръ холодный, но попутный плывущимъ изъ Любека.

Екатериненталь, 25го мая 1773 года.

Третьяго дня вечеромъ имѣлъ я честь получить письмо вашего императорскаго величества, отъ 21го мая, вмѣстѣ съ запечатаннымъ письмомъ которое я долженъ вручить ландграфинѣ; съ копіей этого письма; копіей письма самой ландграфини; съ извлеченіями изъ депешъ г. Ассебурга и короля Прусскаго графу Сольмсу, и три номера англійскихъ газетъ. Замѣтка вашего величества относительно того мѣста депеши г. Ассебурга гдѣ идетъ рѣчь о принцессѣ Вильгельминѣ совершенно справедлива. По возвращеніи моемъ (въ Петербургъ), позволю себѣ сообщить вамъ мои мысли о томъ же. Удивляюсь какъ графъ Панинъ осмѣливается скрывать отъ васъ письма объ этомъ предметѣ. Впрочемъ умалчиваю о семъ до лучшей оказіи, опасаясь показаться услужливымъ не кстати, тогда какъ я только усерденъ! Вы мнѣ однакожъ дозволите, всемилостивѣйшая государыня, испросить ваши приказанія относительно вашего камеръ-юнкера графа Андрея Разумовскаго. Я узналъ отъ отставнаго генералъ-поручика князя Трубецкаго что этотъ послѣдній привезъ ему разрѣшеніе графа Ивана Чернышева [1] сложить съ себя, по прибытіи сюда, командованіе своимъ кораблемъ и отправиться въ Петербургъ сухимъ путемъ. Долженъ ли я ему позволить совершить это путешествіе въ свитѣ принцессъ, если онъ о томъ станетъ просить, или бы ландграфиня этого пожелала? Кромѣ сего не долженъ ли я буду имѣть какое-либо наблюденіе надъ письмами какія могутъ быть адресованы ландграфинѣ изъ Петербурга или надъ тѣми лицами которыя будутъ къ ней обращаться? Не взыщите, всемилостивѣйшая государыня, если я докучаю вамъ вопросами, и припишите мою смѣлость единственно живѣйшему моему желанію хорошо служить вамъ. Моя задача становится труднѣе по мѣрѣ того какъ я открываю происки людей которые кажутся заинтересованными въ томъ чтобы дѣйствовать наперекоръ вашей воли. Ваше величество можете упростить эту задачу, наставляя меня по важнѣйшимъ пунктамъ.

Вчера выѣхалъ я изъ квартиры которую принужденъ былъ взять

по прибытіи въ Ревель, и переѣхалъ сюда. Дворецъ, боковые флигеля и сады: верхній и нижній приведены въ приличное положеніе. Надѣюсь что мои гости будутъ довольны дворцомъ, гдѣ есть нѣчто болѣе чѣмъ одни окна и двери. Я приказалъ приставить лѣсенки къ нѣкоторымъ окнамъ нижняго этажа для того чтобы было болѣе входовъ. Мнѣ удалось прогнать изъ комнатъ запахъ отъ красокъ, употребляя, по совѣту доктора Кельхена, куренье изъ уксуса и гвоздики. Убѣдительнѣйше прошу ваше императорское величество вспомнить что было время когда вы думали взять этого честнаго и искуснаго человѣка ко двору вашему въ качествѣ вашего лейбъ-хирурга. Никогда не можетъ для сего представиться болѣе благопріятный случай. Еслибы его помощь оказалась нужною принцессамъ, то онѣ конечно имѣли бы болѣе довѣрія къ вашему лейбъ-хирургу, чѣмъ къ штабъ-хирургу сопровождающему камергера подверженнаго припадкамъ подагры и головокруженія.

Мосты между Ревелемъ и Нарвой внушаютъ мнѣ нѣкоторое опасеніе, тѣмъ болѣе что здѣсь утверждаютъ будто это едико возможно лучшіе. Между тѣмъ, хотя при проѣздѣ моемъ сюда они и были совершенно новы, но были очень плохи. Я просилъ принца Голштейнъ-Бекскаго отправить довѣренное лицо дабы распорядиться ихъ починкой. Онъ мнѣ обѣщалъ сдѣлать это сегодня же.

Вотъ уже три дня какъ дуетъ вѣтеръ весьма благопріятный для плаванія сюда изъ Любека. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ довольно силенъ и порой болѣе чѣмъ свѣжъ. Вслѣдствіе этого въ Екатерингалѣ очень холодно, особенно въ верхнемъ этажѣ, гдѣ я помѣстился.

Примѣчанія:

[1] Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ былъ въ то время первоприсутствующимъ въ государственной адмиралтействъ-коллегіи. Онъ былъ при Павлѣ I президентомъ той же коллегіи и генералъ-фельдмаршаломъ по флоту. Старшій братъ его, фельдмаршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ, былъ въ это же время президентомъ военной коллегіи; а въ послѣдствіи главнокомандующимъ въ Москвѣ. Княгиня Дашкова изображаетъ ихъ обоихъ сторонниками Орловыхъ (стр. 91я ея *Записокъ*). Графъ З. Г. Чернышевъ учредилъ майоратъ, который съ пресѣченіемъ мужескаго потомства его, перешелъ вмѣстѣ съ именемъ и титуломъ къ фамиліи Кругликовыхъ (См. *Рос. Род. Книгу*, томъ II, С.-Петербургъ, 1855 года, стр. 102, 103 и 148). О Разумовскомъ и графѣ Иванѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ упоминается еще въ слѣдующихъ за симъ письмахъ №№ XII, XVIII и XXII.

X.

Catherine II à Czerkassow.

Ce 25 Mai 1773.

Monsieur le Baron Czerkassow! J'ai reçu hier le rapport du Général-Major Mordwinow, que les ponts et les chemins sont en bon état depuis Yambourg jusqu' ici. J'ai aussi reçu le même jour votre lettre du 21 qui m'est parvenue, de même que celle du 19. Le Prince de Holstein m'a aussi envoyé un rapport datté du 21 que je trouve en contradiction avec votre lettre de la même datte; lui, il m'a dit que tout est achevé à Catherinendahl, et vous me dites que dans deux jours tout le sera; mais au bout du compte, j'espère que tout le sera à temps. Nous avons eu ici, deux jours de suite des bourasques détestables; si elles ont été contraires à ma frégate, elles n'ont pû que faire beaucoup souffrir ceux qui ne sont pas accoutumés à la mer, de quoi je suis bien fâché; lorsqu'Elles seront arrivées, vous leur marquerez mon inquiétude sur les bourasques. J'ai ordonné de communiquer vos remarques sur les légumes aux Maréchaux, pour que vous soyez aussi bien servi que faire se pourra en chemin. Je vous recommande encore une fois d'avoir toutes les attentions et politesses possibles, et d'avoir grand soin que rien ne manque, nulle part. Au reste, je suis tout ce que j'ai coutume de mettre au bas d'une lettre.

Caterine.

Bélosselsky nous fait rire tous les soirs à nous tenir les côtés. C'est dommage que vous n'en ayez pas votre part. Quand nos belles seront arrivées, dites-moi tout ce que vous pensez de leur figure et de leur maintient.

Monsieur le Baron! En cas que l'arrivée des Princesses retarde et que le mois de May s'écoulera tandis que vous serez à Réval, je dois vous dire que le 9 Iuin vieux style, c'est le jour de naissance de la Princesse Amélie, et le 13 Juin vieux style aussi, c'est le jour de naissance de la Princesse Wilhelmine. Or donc, si l'un de ces jours-là, ou même tous les deux, il arrivait que les Princesses se trouvassent à Réval, vous pousserez la galanterie jusqu'à persuader le Prince de Holstein-Beck et la noblesse de là-bas de fêter ces jours-là. Si cependant, Madame la Landgrave désire de passer outre, vous vous laisserez entraîner après quelques simagrées, disant que vous ne pouvez résister à ses désirs, ni n'osez vous opposer à ses volontés. Voilà ce que j'ai à vous dire aujourd'hui, 26 de May vieux style. Adieu, portez vous bien, si vous pouvez.

Caterine.

P. S. Je viens d'écrire au Baron Stackelberg, votre confrère en joye et en baronie, pour lui recommander les intérêts du Duc de Courlande votre beau-frère, tant en égard à l'affaire qu'il a avec son frère, ce malheureux Prince Charles, qu'avec sa noblesse au sujet de ce député mal élu. Je ferai écrire aussi à Simolin.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Донесеніе генерала Мордвинова о состояніи дорогъ.—Полученіе писемъ отъ 19го и 21го мая.—Донесеніе принца Голштейнъ-Бекскаго объ Екатериненталѣ. — Опасенія по поводу вихрей.—О высылкѣ провизіи гофмаршалами.—Особенныя наставленія. — „Остаюсь всѣмъ тѣмъ чѣмъ я имѣю привычку быть въ концѣ письма."—Шутки князя Бѣлосельскаго.—Дни рожденія принцессъ Амаліи и Вильгельмины Гессенскихъ.—„Не уступайте безъ нѣкотораго жеманства". — Стакельбергъ, собратъ по веселости нрава и по баронству. — Герцогъ Петръ и Принцъ Карлъ Курляндскіе. — Симолинъ.

Сего 25го мая 1773.

Г. баронъ Черкасовъ! Я получила донесеніе генерала Мордвинова[1] о томъ что мосты находятся въ хорошемъ состояніи отъ Ямбурга досюда. Я также получила въ тотъ же день ваше письмо отъ 21го, которое столь же исправно дошло какъ и письмо отъ 19го. Принцъ Голштейнъ-Бекскій тоже прислалъ мнѣ донесеніе отъ 21го, между которымъ и письмомъ вашимъ отъ того же числа я нахожу противорѣчіе: онъ пишетъ что все окончено въ Екатериненталѣ, а вы говорите что черезъ два дня все будетъ окончено; но, въ концѣ концовъ, надѣюсь что все будетъ сдѣлано во-время. У насъ были здѣсь двое сутокъ краду сильные вихри; если они помѣшали плаванію моего фрегата, то отъ нихъ должны были сильно пострадать особы непривычныя къ морю, о чемъ очень сожалѣю. Когда онѣ пріѣдутъ, вы ихъ увѣдомите объ опасеніяхъ моихъ по поводу вихрей. Я приказала передать гофмаршаламъ[2] ваши замѣтки объ овощахъ, дабы вы были какъ можно лучше снабжены въ дорогѣ. Еще разъ поручаю вамъ оказывать всевозможное вниманіе и учтивость и особенно заботиться о томъ чтобы нигдѣ ни въ чемъ не было недостатка. Остаюсь тѣмъ чѣмъ имѣю привычку быть въ концѣ письма[3].

Екатерина.

Бѣлосельскій постоянно такъ смѣшитъ насъ по вечерамъ что чуть не приходится держаться за бока. Жаль что васъ нѣтъ съ нами. Когда наши красавицы пріѣдутъ, сообщите мнѣ свое мнѣніе объ ихъ наружности и манерахъ.

Г. баронъ! На случай бы принцессы запоздали и вамъ бы пришлось провести въ Ревелѣ конецъ мая мѣсяца, я должна предупредить васъ что 9го іюня, стар. стиля, день рожденія принцессы Ама-

ліи, а 13го іюня, стараго же стиля, день рожденія принцессы Вильгельмины. Итакъ, еслибы принцессамъ пришлось провести одинъ изъ этихъ дней, или даже оба, въ Ревелѣ, то вы должны будете до такой степени быть любезнымъ чтобъ уговорить принца Голштейнъ-Бекскаго и мѣстное дворянство отпраздновать эти дни. Если же ландграфиня захочетъ обойтись безъ сего, то вы покоритесь; но сперва нѣсколько пожеманьтесь и объявите что не можете противустоять ея желаніямъ, ни противиться ея волѣ. Вотъ что мнѣ нужно было вамъ сказать сегодня, 26го мая стар. стиля. Прощайте! Будьте здоровы, если можете.

Екатерина.

P.S. Я только-что написала барону Стакельбергу, вашему собрату по веселости нрава и по баронству, и препоручила ему интересы вашего шурина, герцога Курляндскаго, какъ въ отношеніи процесса его съ его братомъ, этимъ несчастнымъ принцемъ Карломъ, такъ и по столкновенію съ Курляндскимъ дворянствомъ касательно депутата, дурно-выбраннаго. Я прикажу также написать Симолину.

Примѣчанія:

[1] Михаилъ Ивановичъ *Мордвиновъ* служилъ при Екатеринѣ II генералъ-поручикомъ *по инженерному вѣдомству* (*Росс. родосл. книга*, томъ II, С.-Петербургъ, 1855, стр. 261). Онъ имѣлъ четырехъ сыновей: *Дмитрія*, *Николая*, *Владиміра* и *Александра*. Изъ нихъ старшій перешелъ въ 1812 году изъ дѣйствительныхъ камергеровъ (то-есть имѣя чинъ IV класса, см. стр. 31 *Русскаго Вѣстника* за январь 1870 года) въ народное ополченіе, и лишился ноги при осадѣ Полоцка; былъ въ послѣдствіи сенаторомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сохранивъ однакожъ всегда право носить общеармейскій мундиръ съ генералъ-майорскими эполетами. Родной племянникъ Михаила Ивановича, Александръ Николаевичъ Мордвиновъ недавно скончался въ С.-Петербургѣ въ томъ же званіи и чинѣ. Прежде А. Н. Мордвиновъ былъ статсъ-секретаремъ по III отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи, пока туда (въ исходѣ 1830хъ годовъ) не былъ назначенъ на его мѣсто, начальникомъ штаба жандармовъ (при графѣ А. Х. Бенкендорфѣ), покойный Л. В. Дубельтъ. Неудовольствіе противъ А. Н. Мордвинова состояло въ томъ что въ вышедшей въ 1839 году книжкѣ *Сто русскихъ литераторовъ*, допущены были портретъ и facsimile А. А. Бестужева (Марлинскаго), дослуживавшаго тогда свой срокъ рядовымъ на Кавказѣ за участіе въ возмущеніи 14го декабря 1825 года. Сынъ А. Н. Мордвинова состоитъ нынѣ предсѣдателемъ Одесскаго окружнаго суда и женатъ на родной сестрѣ военнаго министра, Д. А. Милютина.

[2] Оберъ-гофмаршаломъ былъ тогда князь Н. М. Голицынъ; а гофмаршаломъ Григ. Никит. Орловъ. О распредѣленіи обязанностей между чинами двора см. примѣчаніе къ № I этой переписки; а именно къ ст. 4й инструкціи данной Черкасову.

[3] Je suis ce qu'on a contume de metre au bas d'une lettre, французская поговорка весьма общеупотребительная.

[4] Мы имѣемъ основаніе сомнѣваться чтобы князь Бѣлосельскій, о которомъ Екатерина II говоритъ въ первой припискѣ (PS.) къ этому письму, какъ о большомъ шутникѣ, былъ князь Александръ Михайловичъ, въ послѣдствіи президентъ Академіи Художествъ и оберъ-шенкъ (см. стр. 18 и 23 *Русскаго Вѣстника* за январь 1870 года), такъ какъ въ слѣдующемъ № XI этой корреспонденціи, то-есть въ отвѣтѣ Черкасова на сіе письмо, снова говорится о томъ же шутникѣ князѣ Бѣлосельскомъ, какъ о страждущемъ *псдагрой;* между тѣмъ, если достовѣрно свидѣтельство *Росс. Род. Книги* (томъ I, С.-Петербургъ, 1854, стр. 220), то князю Александру Михайловичу былъ въ то время (въ 1773 году) *только 21 годъ;* ибо онъ тамъ показанъ родившимся въ 1752 году и умершимъ въ 1809 году (57ми лѣтъ, что опять-таки сомнительно, ибо семейное преданіе гласитъ что онъ уже былъ гораздо старѣе, когда скончался). Быть-можетъ, тутъ рѣчь идетъ о старшемъ его братѣ, князѣ Андреѣ Михайловичѣ, бывшемъ камеръ-юнкеромъ въ 1765 году (см. *Записки* Поротина), а потомъ и камергеромъ (*Род. Книга*). Въ послѣднемъ изъ этихъ сочиненій о немъ сказано что онъ былъ *долгое время* посланникомъ въ Дрезденѣ (постъ который въ послѣдствіи времени занималъ и его братъ) и умеръ тамъ въ 1779 году. Если онъ въ 1773 году состоялъ при высочайшемъ дворѣ, то во всякомъ случаѣ не болѣе шести лѣтъ былъ посланникомъ въ Дрезденѣ, развѣ только во время этой корреспонденціи находился въ Россіи, въ отпуску. Съ Бѣлосельскими баронъ А. И. Черкасовъ состоялъ въ близкомъ свойствѣ и на самой родственной и дружеской ногѣ, такъ какъ родной братъ его, Иванъ Ивановичъ, женатъ былъ на ихъ сестрѣ, княжнѣ Елизаветѣ Михайловнѣ (ср. стр. 27 и 29 *Русс. Вѣстника* за январь 1870 года). У насъ сохранились портреты обоихъ супруговъ. Акварельный портретъ барона И. И. Черкасова находился на бывшей въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ выставкѣ и значится подъ № 614 во второмъ изданіи каталога оной; портретъ же его супруги превосходная гравюра, окаймленная девизомъ: *Родня роднымъ и другъ друзьямъ своимъ.* Баронесса представлена въ высокой напудренной прическѣ, съ бриліантовымъ фрейлинскимъ шифромъ Екатерины II на плечѣ; внизу соединенные гербы Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ и Черкасовыхъ. На той же выставкѣ находилась (№ 445 по второму изданію каталога) небольшаго размѣра картина масляными красками, принадлежащая князю К. Э. Бѣлосельскому, на

торой представлены вмѣстѣ, во весь ростъ, въ одѣждѣ и прическѣ той же эпохи, баронесса Черкасова и сестра ея Евдокія Михайловна, бывшая въ замужествѣ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Василіемъ Петровичемъ Салтыковымъ.

[5] Изъ конца этого письма (прежде трехъ приписокъ PS.), видно что это *единственное* которое было написано не въ одинъ, такъ сказать, присѣстъ; а уже *на другой день*; въ началѣ выставлено 25е число, въ концѣ 26е.

XI.

Cherkassow à l'Impératrice.

Le 29 de May.

Hier, j'ai eu l'honneur de recevoir les lettres de V. M. I. du 25 et du 26 du mois. Plût à Dieu que les ponts et chemins depuis Réval jusqu'à Yambourg fussent aussi bons que le sont à présent ceux depuis Yambourg jusqu'à Czarskoe-Célo. Je ne suis pas du tout surpris que le Gouverneur-Général Vous ait envoyé un faux rapport du 21; celui dans lequel il disait à V. M. que le château de Catharinendahl serait prêt pour le 15 de ce mois (comme je le trouve dans le 3e article de mes Instructions) n'était pas du tout plus véritable. Quoiqu'il en soit, je suis très aise que je n'ai presque rien à faire avec lui, et pour comble de bénédiction, я его изъ Катериндаля выкурилъ. Il n'y vient plus, il craint l'odeur du vinaigre comme le feu.

Depuis six jours nous avons aussi du mauvais tems. Après une sécheresse de plus de quinze jours il a tonné un peu le 23 de ce mois; et il y eût une forte pluye, qui n'a pas pourtant duré longtems. Mais le lendemain il a commencé à souffler du côté de Sud-Ouest très fortement. Depuis ce jour il pleut presque toujours. Le même vent continue. Il est fort favorable pour ceux qui viennent de Lubeck. Hier j'ai parlé à un Capitaine d'un Vaisseau marchand de Lubeck. Il m'a dit que la flottille de V. M. y était arrivée le 14 de ce mois; qu'à son départ de Travemünde, le 23 de ce mois, on n'y savait encore rien du jour que Madame la Landgrave y devait arriver. Que lui, Capitaine, ayant quitté la Rade de Travemünde le 23 de ce mois à 4 heures du matin, est arrivé à la Rade de Réval le 27 à 4 heures après midi. De cette information je conclus que Madame la Landgrave peut bien faire ce trajet en moins de quatres jours, le vent étant toujours favorable, puisque les vaisseaux de V. M. voguent beaucoup plus vite que ceux des marchands; et qu'elle pourrait bien arriver aujourd'hui. J'espère donc que ni le 9, ni le 14 du mois prochain, je ne serai pas obligé de faire aucune de ces façons que vous avez la bonté de me prescrire en cas d'accident: mais que tous tant que nous som-

[2] 9е іюня, день рожденія старшей своей дочери, принцессы Амаліи, ландграфиня провела въ Ревелѣ; но неизвѣстно праздновали ли его, такъ какъ послѣднія изъ сохранившихся всеподданнѣйшихъ донесеній Черкасова, отъ 8го іюня, субботы, изъ коихъ одно (начатое 6го числа) докончено въ 2 часа пополуночи, а другое написано въ $10^1/_2$ часовъ утра (№№ XXI и XXII); впрочемъ (см. 1е примѣч. къ № XXII.) 13го же іюня, въ день рожденія принцессы Вильгельмины, ландграфиня была въ дорогѣ, ужинала и ночевала въ Ямбургѣ (№ XXVI).

[3] *Дядюшкой* (mon oncle) называла Екатерина II Льва Александровича Нарышкина (Ср. стр. 28 *Русск. Вѣстн.* за январь 1870 года и за мартъ, стр. 167, 182 и 183), потому что мать Петра Великаго была Наталья Кириловна Нарышкина. Императоръ Александръ I также въ шутку называлъ его cousin (двоюроднымъ или троюроднымъ братцемъ). Въ 1773 году онъ былъ оберъ-шталмейстеромъ; но содержаніе этого письма, равно какъ и письма № XIX, заставляетъ насъ полагать что въ это именно время онъ, быть-можетъ за отсутствіемъ князя Н. М. Голицына, управлялъ оберъ-гофмаршальскою частью.

БАРОНЪ Ѳ. БЮЛЕРЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ

Кто въ ясную ночь внимательно станетъ разсматривать звѣздное небо, тому непремѣнно удастся замѣтить то здѣсь, то тамъ промелькнувшую и скоро угасшую звѣзду. Такая *падающая* звѣзда большею частью лишь блестящею точкой пронесется по звѣзднымъ пространствамъ, иногда же, гораздо рѣже,—яркимъ огненнымъ шаромъ проплыветъ въ высотѣ, примѣтно освѣтивши собою небосклонъ. Бывали даже случаи что подобные метеоры замѣчались среди бѣлаго дня.

Если нѣсколько наблюдателей, соединившись вмѣстѣ и раздѣливши между собою небо на части, посвятятъ падающимъ звѣздамъ по нѣскольку часовъ ночи въ различныя времена года, то имъ придется отмѣтить огромное число мелькнувшихъ предъ ихъ глазами метеоровъ. Число это будетъ гораздо значительнѣе, когда зрительная труба поможетъ видѣть такія мелкія падающія звѣзды которыя пролетаютъ не будучи замѣчены невооруженнымъ глазомъ. Среднимъ числомъ можно считать что въ теченіе шести часовъ ночи надъ всею землей пролетаетъ до милліона восьмисотъ тысячъ падающихъ звѣздъ, видимыхъ для простаго глаза. Если замѣтимъ что при помощи трубъ ихъ усматривается въ 55 разъ больше чѣмъ невооруженнымъ глазомъ, то должны будемъ заключить что въ теченіе цѣлыхъ сутокъ число звѣздныхъ паденій доходитъ до 400 милліоновъ. Только-что сказанныя числа суть среднія, но выдаются ночи когда число метеоровъ такъ громадно

что они пролетаютъ по небу предъ нашими глазами какъ хлопья снѣгу, и счесть ихъ всѣ—тогда нѣтъ никакой возможности. Такъ въ 1837 году, 12го * ноября, Ольмстедъ въ Бостонѣ, въ 15 минутъ, и менѣе чѣмъ на одной десятой части видимаго ему небосклона, насчитывалъ до 650 падающихъ звѣздъ, сознавая притомъ что вѣроятно цѣлая треть ихъ оставалась имъ недосчитанною. Изъ этого можно заключить что въ одномъ Бостонѣ, въ теченіе семи часовъ, то-есть пока длилось явленіе, можно было бы видѣть простымъ глазомъ около 250 тысячъ падающихъ звѣздъ. Изъ этихъ пролетающихъ въ пространствѣ метеоровъ нѣкоторые падаютъ на поверхность нашей планеты, повидимому не успѣвъ еще сгорѣть и обратиться въ паръ. Павшіе на землю метеоры извѣстны подъ названіемъ метеорическихъ камней, аэролитовъ, метеорическаго желѣза.

Занимаясь наблюденіями надъ падающими звѣздами въ различныя времена года, не трудно убѣдиться что нѣкоторыя изъ нихъ бороздятъ небо какъ-то одиночно, по всевозможнымъ направленіямъ; межъ тѣмъ какъ другія, являясь въ большемъ числѣ, слѣдуютъ нѣкоторымъ общимъ, опредѣленнымъ направленіямъ и принадлежатъ какъ бы отдѣльнымъ роямъ. Первыя называются *спорадическими* (σποραδικός—разсѣянный), а вторыя *систематическими* (σύστημα—куча).

Высота на которой появляются метеоры чрезвычайно различна: большею частью она колеблется въ предѣлахъ между 10ю и 20ю географическими милями, такъ что за среднее число для нея можно принять 15 миль; но замѣчались метеоры съ одной стороны и на высотѣ 60 миль, съ другой стороны на высотѣ 1, 2 и 3 миль.

Скорость ихъ движенія, когда опредѣляемъ ее не обращая вниманіе на перемѣщеніе земли, очень различна; наименьшая достигаетъ однакожь до 25 верстъ въ секунду, а наибольшая переходитъ за 160 верстъ. Въ недавнее время италіянскій астрономъ Скьяпарелли, рядомъ остроумныхъ соображеній, основанныхъ на многочисленныхъ наблюденіяхъ, произведенныхъ и собранныхъ Кульвье-Гравье, Шмидтомъ, Кетле и др., дошелъ до заключенія что метеоры пролетаютъ, въ тѣхъ пространствахъ въ которыхъ съ ними встрѣчается земля, со скоростью среднимъ числомъ въ полтора раза большею скорости нашей плане-

* Здѣсь и всюду далѣе—новый стиль.

ты. Такъ какъ подобную скорость вблизи отъ солнца имѣютъ только кометы, то Скьяпарелли, а вслѣдъ за нимъ и другіе признаютъ что падающія звѣзды по происхожденію своему чужды не только землѣ и ея атмосферѣ, но и самой солнечной системѣ. Это же подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ что иныя изъ нихъ движутся въ пространствѣ въ томъ же направленіи какъ и земля, другія же—въ направленіи противоположномъ. Такого рода движеніе и такая скорость суть свойства общія у метеоровъ съ кометами.

Массы метеоровъ большею частью чрезвычайно малы, но въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ такой величины что вѣсъ ихъ доходитъ до нѣсколькихъ пудовъ. Совершая свое движеніе въ пространствѣ, метеорическія массы могутъ такъ близко подходить къ перемѣщающейся около солнца землѣ что вступаютъ въ ея атмосферу. Въ этомъ случаѣ отъ сопротивленія воздуха и отъ тренія въ немъ, онѣ раскаляются и горятъ. Приближеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ землѣ доходитъ до такихъ предѣловъ что онѣ не въ состояніи болѣе продолжать свое независимое теченіе въ пространствѣ, но падаютъ на нашу планету и затѣмъ уже нераздѣльно съ нею продолжаютъ движеніе.

Подпадающіе такимъ образомъ ближайшему разсмотрѣнію человѣка метеоры конечно не остаются безъ подробныхъ физическихъ и химическихъ изслѣдованій, и всѣ подобныя изслѣдованія приводятъ къ замѣчательному результату: составныя части этихъ пришлыхъ изъ невѣдомыхъ пространствъ тѣлъ — существуютъ и на землѣ, и элементы ихъ встрѣчаются даже въ тѣхъ же сочетаніяхъ и формахъ въ которыхъ мы находимъ ихъ въ корѣ нашей планеты. По большей части состоятъ они изъ желѣза въ металлической формѣ, смѣшаннаго съ соединеніями кремнія, къ этому желѣзу примѣшанъ постоянно металлъ никкель, и иногда кобальтъ, мѣдь, олово и хромъ. Изъ соединеній кремнія особенно часть минераловъ оливинъ,—который на землѣ очень обыкновенен въ вулканическихъ каменныхъ породахъ,—а также аугитъ. Кромѣ того въ изслѣдованныхъ доселѣ метеорическихъ массахъ найдены слѣдующіе земные элементы: кислородъ, водородъ, сѣра, фосфоръ, углеродъ, глиній, магній, кальцій, натрій, калій, марганецъ, титанъ, свинецъ, литій и стронцій.

Мы сказали выше что свѣченіе метеоровъ зависитъ отъ того что они встрѣчаютъ сопротивленіе, пролетая чрезъ

атмосферу земли. Для этого, конечно, требуется очень значительная скорость движенія относительно земли, скорость достаточная для того чтобъ и въ отдаленныхъ отъ поверхности земли и стало-быть очень рѣдкихъ слояхъ воздуха сопротивленіе было довольно сильно чтобы вызвать высокую темлературу. Но мы видѣли уже что скорость метеоровъ дѣйствительно значительна, и понятно что пробѣгая въ нашей атмосферѣ даже и по тысячѣ верстъ въ минуту,—среднимъ же числомъ гораздо больше,—метеорическая масса встрѣтитъ и въ рѣдкихъ слояхъ воздушной оболочки земли достаточно сопротивленія чтобы нагрѣться, воспламениться и при этомъ расплавиться и даже, если масса очень мала, обратиться въ паръ.

Гайдингеръ предлагаетъ подробное объясненіе того какимъ образомъ отъ быстраго движенія въ воздушномъ пространствѣ падающая звѣзда дѣлается свѣтящеюся. Пролетая чрезъ воздухъ, метеоръ сжимаетъ его предъ собою такъ сильно что вызываетъ теплоту, соединенную со свѣгомъ, напоминая то что̀ дѣлается при быстромъ и сильномъ сжиманіи воздуха въ воздушномъ огнивѣ. Позади себя метеоръ, напротивъ того, оставляетъ болѣе или менѣе значительное, — смотря по скорости полета, — пустое пространство. Сжатый впереди воздухъ разливается по всѣмъ направленіямъ, преимущественно же въ пространство только-что оставленное метеоромъ, охватываетъ образовавшуюся здѣсь пустоту и такимъ образомъ является наблюдателю въ видѣ округлаго огненнаго тѣла. Когда, по причинѣ сопротивленія воздуха, метеоръ потеряетъ свою скорость относительно земли, то на мгновеніе онъ останавливается, чтобы пасть затѣмъ на поверхность нашей планеты; окружающій его огненный шаръ гаснетъ, и въ поддерживавшуюся до того времени позади метеора пустоту устремляется окружающій воздухъ, отчего и происходитъ тотъ громовый выстрѣлъ которымъ нерѣдко сопровождается паденіе метеорическихъ масеъ на землю.

Уже то обстоятельство что бо́льшая часть метеоровъ гаснетъ, прежде чѣмъ приблизится къ поверхности земли, указываетъ на незначительность ихъ массъ: но изъ наблюденій надъ падающими звѣздами можно вывести приблизительную величину, среднимъ числомъ представляющую вѣсъ метеоровъ. Александръ Гершель предложилъ способъ дѣлать такія

опредѣленія, основываясь на яркости свѣта метеоровъ. Когда вычислено разстояніе отъ насъ падающей звѣзды и оцѣнена ея видимая яркость, то мы можемъ сравнить численно напряженность ея свѣта съ напряженностью свѣта производимаго даннымъ количествомъ свѣтильнаго газа. Если допустимъ затѣмъ что количество развивающагося при горѣніи свѣта, какъ для сказаннаго газа, такъ и для метеорическаго вещества, находится въ одинаковомъ отношеніи къ количеству производимой теплоты, то можно будетъ опредѣлить количество теплоты развивающейся при горѣніи метеора: а это количество выражается очень просто, при помощи скорости движенія метеора и его массы. Итакъ, стоитъ изъ наблюденій вычислить скорость — и легко опредѣлится искомая масса.

Гершель нашелъ такимъ путемъ что падающія звѣзды виденныя имъ съ 9 на 10 августа 1863 и имѣвшія яркость планетъ Венеры и Юпитера обладали массой отъ 4 до 6 фунтовъ. Массы же метеоровъ которые по блеску походили на неподвижныя звѣзды 2—3 величины не достигали по вѣсу и одной десятой доли лота. А такъ какъ бо́льшая часть падающихъ звѣздъ блеститъ гораздо слабѣе звѣздъ второй величины, то слѣдовательно почти все безчисленное множество метеоровъ состоитъ изъ маленькихъ тѣлъ, среднимъ числомъ достигающихъ по вѣсу едва одной сотой доли лота. У метеоровъ которые достигли земной поверхности не успѣвъ сгорѣть и обратиться въ газы, масса, конечно, среднимъ числомъ должна быть больше, будетъ ли это отдѣльная большая глыба, какъ напримѣръ упавшая близь Енисея и вѣсящая около 42 пудъ, или цѣлая туча мелкихъ кусковъ, которая при своемъ паденіи разсыпается иногда на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ верстъ и содержитъ въ себѣ тысячи отдѣльныхъ камешковъ. Впрочемъ есть вѣроятность думать что и енисейская глыба, извѣстная подъ именемъ Палласова желѣза, представляетъ собою скопленіе цѣлаго небольшаго облака падающихъ звѣздъ, изъ которыхъ каждая отдѣльно вѣситъ, быть-можетъ, лишь малую долю лота. Въ самомъ дѣлѣ, внутри Палласова желѣза всюду разсѣяны зерна оливина, величиной въ горошину, и подобное строеніе встрѣчается нерѣдко между метеорическими желѣзными массами. Такъ какъ невозможно представить себѣ чтобы зерна оливина могли проникнуть въ массу желѣза, когда она находи-

лась въ твердомъ и даже въ жидкомъ состояніи, то остается допустить что зерна эти, прежде чѣмъ попали въ пары желѣза, составляли метеорическое облако, каждая часть котораго была вѣроятно отдѣльною падающею звѣздой; окруженныя затѣмъ парами желѣза, они, при охлажденіи послѣднихъ, вошли въ составъ одной глыбы.

Выше мы раздѣлили метеоры на разсѣянные (спорадическіе) и кучевые (систематическіе). Есть извѣстныя времена въ году когда систематическія падающія звѣзды проносятся мимо земли дѣйствительно цѣлыми кучами, роями. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи звѣздные рои въ августѣ и ноябрѣ. Въ опредѣленныя ночи этихъ мѣсяцевъ, кромѣ метеоровъ спорадическихъ, несчетное количество падающихъ звѣздъ низвергается изъ опредѣленныхъ точекъ неба. Ночью 10 августа метеорическій потокъ выходитъ изъ созвѣздія Персея,—почему и метеоры его называются персеидами,—и извѣстенъ былъ уже древнимъ.

По замѣчанію Скьяпарелли, сдѣланному въ 1863 году, персеиды имѣли почти одинаковый видъ, отличались отъ выходившихъ въ эту ночь изъ другихъ точекъ неба спорадическихъ звѣздъ своимъ желтымъ цвѣтомъ и оставляли послѣ себя на короткое время полоску свѣта въ видѣ хвоста.—12—13 ноября звѣзды сыплятся какъ бы изъ созвѣздія Льва, почему и могутъ быть названы леонидами. Рой леонидовъ представлялся Гумбольдту и Бонплану въ 1799 году совершенно огненнымъ дождемъ; въ 1833 году онъ опять былъ видимъ въ такомъ же блескѣ, такъ что Араго сравнивалъ паденія звѣздъ 12 ноября этого года съ мельканіемъ предъ глазами снѣжныхъ хлопьевъ. Съ подобною же силой этотъ потокъ появился и 14 ноября 1867 года для наблюдателей въ Америкѣ.

Кромѣ этихъ главныхъ роевъ систематическихъ падающихъ звѣздъ, можно насчитать еще около сотни другихъ, которые появляются въ опредѣленные дни года, причемъ явленіе повторяется для иныхъ роевъ не каждый годъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ. Изъ сказанной періодичности явленія мы должны заключить что земля, перемѣщаясь въ пространствѣ и совершая полный кругъ около солнца въ теченіи года, въ различныхъ точкахъ своего пути встрѣчается съ различными роями маленькихъ тѣлъ, часть которыхъ при каждой встрѣчѣ проникаетъ въ атмосферу земли и, загораясь въ ней,

какъ было объяснено выше, является намъ въ видѣ падающихъ звѣздъ.

Не подвергая явленія болѣе строгому изслѣдованію, можно подумать что на различныхъ точкахъ земнаго пути въ пространствѣ размѣщены неподвижно какія-то тучи мелкихъ тѣлъ, чрезъ каждую изъ которыхъ наша планета проходитъ однажды въ годъ и притягиваетъ къ себѣ каждый разъ изъ всякой тучи большее или меньшее количество метеоровъ. Но простыхъ соображеній достаточно чтобъ убѣдиться въ несостоятельности такого объясненія, еслибъ оно даже было согласно со всѣми подробностями явленія. Въ самомъ дѣлѣ, матеріальныя, т. е. подверженныя силѣ притяженія тѣла не могутъ быть размѣщены неподвижно около солнца,—иначе они упадутъ на него. Такія тѣла должны двигаться около солнца въ общихъ чертахъ подобно тѣмъ тѣламъ которыя мы называемъ планетами и кометами. Допустимъ, напримѣръ, что каждое маленькое тѣло изъ того роя который является намъ въ августѣ, т. е. каждый персеидъ, описываетъ около солнца эллипсисъ, подобный земному, но наклоненный подъ какимъ-нибудь угломъ къ этому послѣднему. Допустимъ далѣе что линія этого пути пересѣкается съ линіей земной орбиты въ какой-нибудь точкѣ, и что пути всѣхъ остальныхъ персеидовъ подобны орбитѣ этого одного и близки отъ нея. Тогда вся масса августовскихъ метеоровъ будетъ представлять кольцеобразную тучу, такъ-сказать хороводъ мелкихъ тѣлъ, который земля станетъ пронизывать разъ въ году, именно въ томъ мѣстѣ гдѣ земной путь пересѣкается съ этимъ кольцомъ. Если кольцеобразная туча не вездѣ одинаково плотна, то-есть въ одной части своей богаче мелкими тѣлами, а въ другой бѣднѣе, то очень естественно что въ различныя прохожденія земли чрезъ кольцо—количество падающихъ звѣздъ будетъ то больше, то меньше.

Такъ какъ кольцо вращается около солнца, то наиболѣе густая часть его будетъ черезъ опредѣленный промежутокъ времени проходить чрезъ точку сѣченія кольца съ земною орбитой, и стало-быть этотъ періодъ будетъ періодомъ наибольшаго блеска явленія падающихъ звѣздъ. Такъ напримѣръ, при существованіи подобнаго кольца въ ноябрской системѣ падающихъ звѣздъ, нужно допустить что самая богатая веществомъ часть кольца подходитъ къ земной орбитѣ черезъ каждые $33\frac{1}{4}$—$33\frac{1}{3}$ года, а слѣдовательно и все кольцо

совершаетъ полное обращеніе около солнца въ теченіи этого же промежутка времени.

Прилисывая такое строеніе сонму падающихъ звѣздъ, этому рою мелкихъ планетокъ, и видоизмѣняя его въ подробностяхъ, можемъ легко вывести различныя соображенія о скоростяхъ метеоровъ относительно земли и о направленіи ихъ движенія. Такъ, если кольцо падающихъ звѣздъ обращается въ томъ же направленіи какъ и наша планета, и плоскость его немного наклонена къ плоскости земной орбиты, то скорость каждаго метеора относительно земли будетъ почти равна разности скоростей метеора и земли. Если, напримѣръ, метеоры перемѣщаются около солнца со скоростью 6 миль въ секунду, то ихъ скорость относительно земли будетъ равна двумъ милямъ, потому что земля пробѣгаетъ въ томъ же направленіи въ секунду четыре мили. При этомъ метеоры будутъ казаться выходящими изъ точки неба которая лежитъ по тому направленію откуда движется земля во время наблюденія.

Если — при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ—кольцо обращается въ направленіи противоположномъ движенію земли, то при прежней скорости въ шесть миль, относительная скорость каждаго метеора будетъ уже не двѣ, но десять миль, и всѣ они будутъ представляться исходящими изъ точки неба, лежащей по тому направленію куда движется земля во время наблюденія.

Однимъ словомъ, изъ положенія различныхъ колецъ метеоровъ относительно земной орбиты и изъ скоростей ихъ обращенія около солнца можно вывести все разнообразіе скоростей и направленіе падающихъ звѣздъ, равно какъ положенія на небѣ точекъ ихъ кажущагося выхожденія, такъ-называемыхъ *точекъ радіаціи*. Наоборотъ, по даннымъ выведеннымъ изъ достаточно многочисленныхъ наблюденій, можно сдѣлать довольно приблизительные выводы о положеніи колецъ и ихъ движеніи. Такъ напримѣръ, для роя леонидовъ вычислено что ихъ пути вокругъ солнца наклонены къ земному пути на уголъ около 18°, и движеніе противоположно движенію земли, почему и называется обратнымъ (направленіе движенія въ одну сторону съ землей принимается за прямое). Пути леонидовъ пересѣкаются съ земною орбитой въ томъ мѣстѣ въ которомъ земля находится около 13 ноября, и полное обращеніе кольца должно совершаться, какъ и видѣли выше, въ

$33^1/_2$ года; откуда слѣдуетъ что наибольшій его поперечникъ равенъ десяти слишкомъ поперечникамъ земной орбиты.

Этихъ данныхъ достаточно для приблизительно вѣрнаго графическаго представленія явленія въ общихъ чертахъ; но, кромѣ того, наблюденія надъ падающими леонидами даютъ возможность сдѣлать нѣкоторыя соображенія о распредѣленіи метеоровъ въ различныхъ частяхъ всего ихъ кольца. Въ самомъ дѣлѣ, количество падающихъ леонидовъ далеко не одинаково въ ноябрѣ каждаго года. Напротивъ того, одинъ разъ въ теченіи $33^1/_2$ лѣтъ это количество громадно; за такимъ обильнымъ паденіями леонидовъ годомъ слѣдуютъ три года съ меньшимъ, и притомъ отъ одного года къ другому убывающимъ количествомъ паденій; наконецъ въ дальнѣйшіе годы это количество совершено незначительно. Изъ этого мы въ правѣ заключить, безъ всякаго сомнѣнія, что метеоры роя леонидовъ не распредѣлены равномѣрно по всему протяженію кольца, но въ одномъ его мѣстѣ образуютъ густую кучу, удлиненную на столько что она употребляетъ три года чтобы протянуться чрезъ то мѣсто въ которомъ земля встрѣчаетъ ее около 13го ноября. Видно, наконецъ, что передняя часть кучи гуще слѣдующихъ за нею.

Кольцо августовскихъ метеоровъ, персеидовъ, расположено въ пространствѣ нѣсколько иначе: оно наклонено къ земной орбитѣ на уголъ 64°; движеніе его частицъ также противоположно движенію земли и полное ихъ обращеніе около солнца совершается болѣе чѣмъ во сто лѣтъ, изъ чего слѣдуетъ что наибольшій поперечникъ этого эллиптическаго кольца равенъ пятидесяти поперечникамъ земнаго пути. Персеиды распредѣлены по протяженію всего своего кольца, хотя впрочемъ то гуще, то рѣже; отъ этого количество ихъ паденій въ каждомъ году приблизительно одинаково.

Наблюденія надъ метеорами даютъ астрономамъ возможность еще подробнѣе и точнѣе представить положеніе ихъ орбитъ относительно солнца и земнаго пути, размѣры орбитъ и всѣ обстоятельства движенія.

Данныя служащія для такого полнаго знакомства съ орбитами какъ метеоровъ, такъ и другихъ тѣлъ движущихся около солнца, станемъ обозначать для удобства какими-нибудь опредѣленными терминами. Такъ, точку орбиты ближайшую къ солнцу назовемъ *перигеліемъ*, а ту дугу которая опредѣляетъ положеніе этой точки на орбитѣ—*долготою перигелія*.

Коль скоро для какой-нибудь планеты или кометы дана въ числахъ такая дуга, то мы знаемъ гдѣ ломѣщается перигелій, и при нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, съ которыми тотчасъ познакомимся,—можемъ указать *время*, когда планета или комета будетъ *въ самомъ близкомъ разстояніи отъ солнца*. Путь каждаго отдѣльнаго метеора, если онъ замкнутъ, пересѣкаетъ плоскость земной орбиты въ двухъ точкахъ: въ одной изъ нихъ метеоръ при своемъ движеніи переходитъ изъ южнаго (относительно земной орбиты) полушарія неба въ сѣверное, въ другой—наоборотъ. Эти точки пересѣченія принято называть *узлами*, и первую изъ нихъ—*узломъ восходящимъ* вторую—*нисходящимъ*. Такія точки будутъ вполнѣ опредѣлены, когда дана дуга на которую одна изъ нихъ, напримѣръ узелъ восходящій, отстоитъ отъ опредѣленной точки неба, напримѣръ отъ точки весенняго равноденствія. Подобная дуга называется *долготою восходящаго узла*. Уголъ на который плоскость орбиты метеора наклонена въ плоскости орбиты земной носитъ названіе *наклоненія*. Наибольшій поперечникъ орбиты можно называть *большою осью*; если извѣстна величина этой оси, то легко опредѣлить и время которое употребляетъ метеоръ для совершенія на своей орбитѣ полнаго обращенія около солнца; время это называется *періодомъ обращенія*.

Сказанное о пути одного метеора прилагается конечно и къ цѣлому ихъ скопленію, и къ цѣлому ихъ кольцу.

Исчисленныя нами данныя, опредѣляющія вполнѣ всѣ обстоятельства движенія какого-нибудь метеора, называются *элементами* его пути, и, повторяемъ, подобными же элементами опредѣляются пути и планетъ, и кометъ. Каждое изъ такихъ тѣлъ имѣетъ свои элементы, которыми характеризуется и отличается его путь отъ пути всякаго другаго тѣла солнечной системы, и если элементы напримѣръ двухъ кометъ, видѣнныхъ въ различныя времена, очень сходны (мы не говоримъ тождественны, потому что притяженіе тѣлъ солнечной системы съ теченіемъ времени измѣняетъ нѣсколько такіе элементы, производитъ въ нихъ *возмущенія*), то мы заключаемъ что это не различныя кометы, но появленія въ разныя времена одной и той же кометы.

Наблюдая тщательно паденія персеидовъ въ 1866 году, Скьяпарелли вывелъ для нихъ слѣдующія числовыя величины элементовъ:

Элементы персеидовъ 1866 года.

Время прохожденія чрезъ перигелій ..... іюля	23 ,6
Долгота перигелія	343°,6
Долгота восходящаго узла	138°,3
Наклоненіе	64°,1
Разстояніе въ перигеліи	0.964

Движеніе обратное.

За единицу для выраженія разстоянія въ перигеліи принято среднее разстояніе солнца отъ земли. Первый элементъ относится къ той части всей вереницы персеидовъ которая прошла чрезъ восходящій узелъ 10,8 августа и тутъ встрѣтилась съ землей; другія части, само собою разумѣется, проходятъ чрезъ восходящій узелъ и чрезъ перигелій соотвѣтственно въ другія времена. Скьяпарелли старался также хотя приблизительно опредѣлить періодъ обращенія и нашелъ что онъ превышаетъ сто лѣтъ.

Это болѣе точное знакомство съ элементами персеидовъ само по себѣ собственно не имѣетъ еще большаго интереса, но въ высшей степени важно то обстоятельство что Скьяпарелли, подъ вліяніемъ мысли о нѣкоторыхъ аналогіяхъ между метеорами и кометами, задалъ себѣ вопросъ: нѣтъ ли сходства въ путяхъ персеидовъ съ путемъ какой-нибудь изъ кометъ элементы которыхъ опредѣлены,—и вопросъ этотъ разрѣшился положительно.

Въ самомъ дѣлѣ, третья изъ появившихся въ 1862 году кометъ имѣетъ слѣдующіе элементы:

Элементы кометы 1862 года № III.

Время прохожденія чрезъ перигелій 1862, августа	22 ,9
Долгота перигелія	344°,7
Долгота восходящаго узла	137°,5
Наклоненіе	66°,4
Разстояніе въ перигеліи	0,963

Движеніе обратное.

Періодъ обращенія около солнца изъ наблюденій не выведенъ совершенно точно, но приблизительно можно принять что онъ немного болѣе ста лѣтъ.

Обѣ представленныя выше группы элементовъ различаются между собою лишь такими величинами которыя вполнѣ можно приписать той неточности которая неизбѣжна въ выводѣ элементовъ метеоровъ изъ наблюденій надъ ихъ паденіями.

Такимъ образомъ большая комета 1862 года оказывается какъ бы однимъ изъ персеидовъ.

Такой замѣчательный фактъ, обнаруженный Скьяпарелли и другими учеными, побудилъ къ дальнѣйшей разработкѣ вопроса о связи между кометами и падающими звѣздами. Скьяпарелли, Оппольцеръ, Петерсъ, Леверрье и др. способствовали уясненію того обстоятельства что открытая въ 1866 году въ Марсели комета (комета 1866 № I) также родственна съ метеорами ноябрьскаго роя, то-есть леонидами, какъ комета 1862 № III — съ персеидами.

Комета 1866 года № I встрѣчаетъ земную орбиту въ концѣ сентября, и за ней, по одинаковому съ нею пути, тянется вереница леонидовъ, чрезъ которую и проходитъ земля около 13го ноября.

Такая одинаковость путей, такое родство кометъ съ роями падающихъ звѣздъ приводитъ Скьяпарелли и другихъ къ заключенію что кометы 1862 III и 1866 I суть не что иное какъ продолжающіе еще существовать остатки тѣхъ кометъ изъ которыхъ въ теченіи долгаго времени выдѣлялись и образовывались рои персеидовъ и леонидовъ. Изъ этого выходитъ что рои метеоровъ суть не что иное какъ кометы, и что одно и то же небесное тѣло является намъ, смотря по времени и пространству, то какъ комета, то какъ скопленіе метеоровъ. Скьяпарелли слѣдующимъ образомъ объясняетъ послѣдовательное превращеніе кометъ въ метеоры.

При движеніи кометы, — этого тѣла не имѣющаго плотнаго строенія, — около солнца, части ея хвоста остаются мало-помалу позади ядра, которое, какъ ближайшее къ солнцу, имѣетъ болѣе быстрое движеніе. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени комета постепенно, совершенно или отчасти, разрѣшается въ вереницы метеоровъ, имѣющихъ тотъ же путь какъ и путь кометы. Если путь кометы замкнутъ, то вмѣсто нея начинаетъ обращаться около солнца огромное кольцо мелкихъ темныхъ тѣлъ, которыя, только попадая въ нашу атмосферу, раскаляются и являются намъ въ видѣ падающихъ звѣздъ. Заключено ли такое кольцо вполнѣ, то-есть по всему ли пути первоначальной кометы разсѣяны кучи метеоровъ, или ими занята лишь извѣстная часть кометной орбиты, — это только вопросъ времени. При замкнутомъ пути кометы около солнца, ея вещество, въ болѣе или менѣе длинный рядъ столѣтій, — разсѣется мало-по-малу по всей орбитѣ.

Припоминая теперь сказанное выше о персеидахъ, мы должны заключить что матерія кометы 1862 III уже успѣла распространиться нѣсколько равномѣрно по всему ея эллиптическому пути и образовала эллиптическое кольцо, котораго длина по окружности превышаетъ двѣ тысячи милліоновъ географическихъ миль. Такъ какъ паденіе метеоровъ въ августѣ продолжается около шести часовъ, а земля проходитъ въ секунду четыре географическія мили, то толщина кольца доходитъ до 864.000 геогр. миль. Различіе между головой кометы и обратившимся въ кольцо метеоровъ хвостомъ ея—для насъ проявляется въ томъ что голова, состоящая еще доселѣ изъ болѣе плотной метеорной массы, однажды въ теченіе полнаго обращенія подходитъ на ближайшее разстояніе къ землѣ и солнцу, и начинаетъ свѣтить отраженнымъ солнечнымъ свѣтомъ, межъ тѣмъ какъ кольцо, состоящее изъ одиночно-разбросанныхъ метеоровъ, невидимо даже и тогда когда земля проходитъ чрезъ него ночью 10го августа. Тѣла составляющія кольцо тогда лишь становятся доступными глазу когда вступятъ въ атмосферу земли и раскалятся въ ней до степени свѣченія. Что касается до кометы 1866 I, то явленія происшедшихъ отъ нея леонидовъ показываютъ что она не разсыпала еще вещества равномѣрно по всему пути своему, но успѣла богато одѣлить имъ только приблизительно одну десятую часть орбиты, и то далеко не равномѣрно. Однимъ словомъ, рой леонидовъ имѣетъ, повидимому, всѣ признаки болѣе поздняго образованія.

Аналогія заставляетъ допустить далѣе что метеорическія тѣла, подобно кометамъ, съ которыми они такъ связаны, движутся около солнца не только по замкнутымъ эллиптическимъ путямъ, но и могутъ протягиваться мимо него по разомкнутымъ параболическимъ орбитамъ, какъ большинство извѣстныхъ намъ кометъ. Такія скопленія пронизываютъ солнечную систему по различнымъ направленіямъ и въ различныя времена, и нѣкоторыя изъ нихъ могутъ встрѣчаться съ землей и отдѣлять отъ себя падающія звѣзды.

При обнаруженномъ въ извѣстномъ отношеніи тождествѣ кометъ и метеорическихъ звѣздъ, вопросъ о появленіи ихъ въ солнечной системѣ дѣлается общимъ для тѣхъ и другихъ. Соображенія выводимыя для кометъ прилагаются къ объясненію происхожденія метеоровъ и, до нѣкоторой степени, наоборотъ. Само собою разумѣется что въ настоящее время не

можетъ быть и рѣчи ни объ атмосферномъ происхожденіи падающихъ звѣздъ, ни о гипотезахъ Ольберса и Лапласа, въ которыхъ метеоры принимаются за изверженія луны. Равно нельзя признать ихъ за такіе члены солнечной системы которые получили въ ней свое начало и въ ней пребывали при всѣхъ переворотахъ которые привели планетный міръ къ его настоящей формѣ.

Кометныя массы въ своихъ путяхъ не подчиняются тому закону который замѣчается въ планетныхъ орбитахъ. Эти послѣднія всѣ мало наклонены одна къ другой, мало разнятся отъ круговъ, и движеніе по нимъ совершается въ одномъ направленіи, именно въ томъ въ какомъ вращается солнце. Эти общія свойства и привели, какъ извѣстно, къ гипотезѣ о послѣдовательномъ выдѣленіи тѣлъ солнечной системы изъ одной первоначально парообразной массы.

Пути кометъ пересѣкаютъ планетныя орбиты подъ всевозможными углами, такъ что половина ихъ описывается движеніемъ обратнымъ. Но главное ихъ различіе отъ планетныхъ орбитъ состоитъ въ томъ что почти всѣ кометы, за немногими исключеніями, причины которыхъ можно отыскать въ планетныхъ возмущеніяхъ, — движутся по чрезвычайно растянутымъ эллипсисамъ, которые могутъ быть даже приняты за параболы. Другими словами, бо́льшая часть пути каждой кометы лежитъ за предѣлами солнечной системы и тянется въ далекія звѣздныя пространства.

Это указываетъ на то что кометы не принадлежали солнечной системѣ въ эпоху ея возникновенія и заставляетъ предполагать что уже послѣ образованія этой системы онѣ подверглись вліянію ея центральнаго тѣла, солнца, и вступили въ его область. Прибавимъ къ этому что самыя тѣла кометъ рѣзко отличаются отъ планетныхъ массъ чрезвычайно слабою взаимною связью своихъ частей, своею разрѣженностію и прозрачностію.

Со времени Канта въ философскомъ сознаніи утвердилась мысль о происхожденіи всѣхъ тѣлъ населяющихъ пространство міра, изъ разлитаго повсюду, нѣкогда безформеннаго пластическаго вещества, которому обыкновенно дается названіе *космической матеріи*. Различіе небесныхъ тѣлъ и ихъ системъ главнымъ образомъ зависитъ, быть-можетъ, отъ различія способовъ выдѣленія ихъ изъ этого вещества. Извѣстно какой способъ образованія солнечной и звѣздной системъ

принимаютъ Кантъ, Ламбертъ и Лапласъ. Этотъ послѣдній, находя невозможнымъ согласить пути кометъ съ построеннымъ имъ развитіемъ солнечной системы, разсматриваетъ кометы какъ небольшія туманныя массы, блуждающія отъ одной солнечной системы къ другой и происшедшія отъ сгущенія въ избыткѣ разлитой въ пространствахъ туманной матеріи. Ихъ отношеніе къ солнечной системѣ онъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ что какъ скоро комета достигаетъ той части пространства въ которой преобладаетъ притяженіе солнца, то подчиняется этому послѣднему и описываетъ около него эллиптическій, параболическій или гиперболическій путь.

По этому объясненію, кометы могутъ имѣть какъ прямое, такъ и обратное движеніе и пересѣкать своими путями планетныя орбиты подъ всевозможными углами.

Позже Лапласа—Ламонъ, Литтровъ, Ф. Вейссъ и другіе дѣлали попытки доказать что кометы суть исконные члены солнечной системы, но всѣ такія попытки въ настоящее время уступаютъ мѣсто мнѣнію о внѣпланетномъ образованіи кометъ.

Скіапарелли не ограничивается одними общими соображеніями Лапласа, но старается подробно прослѣдить тотъ путь какимъ вещество кометъ и метеоровъ вступаетъ въ нашу солнечную систему. Соображенія его такъ интересны что мы ознакомимся съ ними нѣсколько ближе.

Вещество разсѣянное въ небесныхъ пространствахъ представляетъ всевозможныя степени раздѣленности. Первое мѣсто занимаютъ главныя звѣзды, одинокія или соединенныя въ системы. Затѣмъ идутъ богатыя скопленія мелкихъ звѣздъ (*звѣздная пыль* Гершеля), на которыя многія туманныя пятна разлагаются сильными телескопами. Послѣднюю ступень составляетъ космическая матерія, которая не сгустилась еще въ небесныя тѣла въ собственномъ смыслѣ. Она является въ видѣ космическихъ туманныхъ облаковъ, строеніе которыхъ еще чрезвычайно неплотно, такъ что частицы ихъ очень раздвинуты одна отъ другой, почему и самыя облака имѣютъ громадные размѣры и могутъ занимать значительную часть звѣздныхъ пространствъ. Одни изъ нихъ приняли уже сколько-нибудь правильную форму, другія—нѣтъ.

Посмотримъ теперь какимъ образомъ космическое облако можетъ проникнуть внутрь солнечной системы.

Въ новѣйшее время доказано что ни солнце съ своею си-

стемой, ни такъ-называемыя неподвижныя звѣзды не пребываютъ неподвижными въ пространствѣ, но перемѣщаются въ немъ по различнымъ направленіямъ и съ различными скоростями: подобныхъ движеній не чужды также и массы космическихъ облаковъ. При этихъ перемѣщеніяхъ, какая-нибудь изъ такихъ массъ можетъ занять положеніе при которомъ притяженіе на нее нашего солнца, несмотря даже на его громадное разстояніе, преобладаетъ надъ притяженіемъ другихъ солнцъ, то-есть неподвижныхъ звѣздъ. Такимъ образомъ нашему ближайшему разсмотрѣнію подлежитъ теперь движущаяся въ пространствѣ масса, притягиваемая движущимся же солнцемъ. Ясно что результатъ при этомъ будетъ тотъ же самый какъ еслибы солнце было неподвижно, а притягиваемая масса двигалась не съ тою скоростію съ какою она дѣйствительно перемѣщается въ пространствѣ, но со скоростію которую она имѣетъ *относительно* движущагося солнца. Эта относительная скорость можетъ быть очень различна для различныхъ космическихъ облаковъ, вступающихъ въ сферу притяженія солнца, но мы остановимся на томъ случаѣ который имѣетъ для насъ значеніе, именно когда относительное движеніе чрезвычайно мало, то-есть когда и солнце, и далекое туманное облако перемѣщаются приблизительно по параллельнымъ направленіямъ и съ непримѣтно разнящимися между собою скоростями. Для большей ясности вообразимъ сначала что мы имѣемъ дѣло не съ цѣлымъ облакомъ, но съ небольшою его частицей.

Устремляясь къ солнцу съ большею и большею силой, по мѣрѣ приближенія къ нему, такая частица въ то же время не падаетъ прямо на солнце, потому что первоначальная относительная скорость отклоняетъ ее отъ движенія къ солнцу по прямой линіи; но такъ какъ эту скорость мы положили очень малою, то частица опишетъ около солнца чрезвычайно удлиненный эллипсисъ, почти параболу, котораго ближайшая къ солнцу точка будетъ, сравнительно съ размѣрами всей орбиты, очень недалека отъ этого свѣтила, то-есть можетъ помѣститься на такомъ разстояніи при которомъ кометы становятся доступными нашему глазу. Появившись вблизи отъ солнца, частица затѣмъ опять удалится отъ него на огромное время и на громадное разстояніе, по такому же точно пути какой описала во время приближенія, то-есть по другой половинѣ эллипсиса. Путь будетъ такъ растянутъ что близкія къ

солнцу части его, на которыхъ мы только и можемъ видѣть движущееся около солнца тѣло, представятся намъ дугой разомкнутой кривой—параболы.

Чтобы представить себѣ все это нагляднѣе, вообразимъ что разсматриваемая матеріальная частица отстоитъ отъ солнца въ 20.000 разъ дальше земли,—разстояніе которой отъ солнца равно почти 20 милліонамъ географическихъ миль, — и пусть она движется перпендикулярно къ прямой идущей отъ нея къ солнцу, съ относительною скоростью 100 метровъ въ минуту, то-есть въ 20.000 разъ медленнѣе земли. При этихъ условіяхъ частица опишетъ эллипсисъ котораго перигелій будетъ отстоять отъ солнца всего на 10 милліоновъ миль, то-есть частица въ этой точкѣ будетъ къ солнцу вдвое ближе земли, межъ тѣмъ какъ отдаленнѣйшая точка орбиты, афелій, въ 20.000 разъ далѣе отъ солнца чѣмъ земля. Ясно что часть этого растянутаго пути внутри солнечной системы будетъ немного отличаться отъ параболы.

Допустимъ теперь что вмѣсто одной матеріальной частицы предъ нами цѣлое пространное космическое облако, то-есть скопленіе вещественныхъ частицъ, имѣющее въ цѣломъ округлую или иную какую-нибудь форму. По раздѣленности частицъ такого облака, можно оставить безъ вниманія взаимное ихъ дѣйствіе одной на другую и разсматривать каждую изъ нихъ какъ самостоятельную матеріальную точку, подверженную притяженію одного только солнца. Если въ отдаленныхъ пространствахъ частицы облака двигались по одному направленію и съ одною скоростію, напримѣръ 100 метровъ въ минуту, то каждая изъ нихъ опишетъ точно такой эллипсисъ какъ тотъ о которомъ говорили выше, и въ каждый моментъ времени относительное расположеніе частицъ и ихъ разстояніе, а слѣдовательно и общая фигура всего облака — будутъ условливаться положеніемъ въ этотъ моментъ каждой отдѣльной частицы на ея эллипсисѣ. Легко догадаться, представивъ себѣ мысленно цѣлую массу такихъ эллипсисовъ, что вообще форма облака должна непрерывно измѣняться съ приближеніемъ его къ солнцу. Рядомъ очень простыхъ, но остроумныхъ соображеній и геометрическихъ построеній, Скьяпарелли приходитъ къ тому заключенію что первоначально шарообразное, напримѣръ, облако съ приближеніемъ къ солнцу болѣе и болѣе теряетъ форму шара и становится удлиненною, параболически изогнутою фигурой. Передняя по направленію движе-

нія часть этой фигуры, направленная къ солнцу, болѣе и болѣе сгущается, между тѣмъ какъ задній конецъ отчасти удерживаетъ первоначальную разрѣженность. Вблизи отъ солнца преобразованіе туманнаго облака совершается быстрѣе и рѣзче: освѣщенная солнцемъ передняя часть является намъ въ видѣ кометной головы съ болѣе плотнымъ ядромъ; отъ нея тянется удлиненный, расширенный, отвращенный отъ солнца и изогнутый хвостъ.

Чтобы представить примѣръ въ какой мѣрѣ космическое облако вблизи перигелія способно изъ шаровидной формы перейти въ удлиненную,—можно приблизительнымъ вычисленіемъ показать что длина этой фигуры, при вышеупомянутыхъ размѣрахъ эллипсиса, будетъ слишкомъ въ 500 разъ больше діаметра первоначальнаго шара. Если этотъ первоначальный шаръ равенъ по величинѣ солнцу, то образовавшаяся изъ него удлиненная, движущаяся около солнца фигура будетъ простираться въ длину на 25 милліоновъ миль. Густота вещества, то-есть плотность, въ перигеліи будетъ въ милліонъ разъ больше плотности первоначальнаго шара.

На основаніи этихъ соображеній можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о степени разрѣженности вещества въ космическомъ облакѣ.

Изъ всѣхъ метеорическихъ скопленій встрѣчаемыхъ въ настоящія времена землей на ея пути, самое богатое и постоянное есть, повидимому, скопленіе персеидовъ, которыхъ привычный наблюдатель можетъ насчитать въ часъ до 200 и болѣе.

Положимъ что наблюдатель, слѣдящій только за четвертью видимаго небеснаго полушарія, насчитываетъ среднимъ числомъ въ часъ ровно 200 падающихъ звѣздъ, то-есть на всемъ полушаріи онъ насчиталъ бы ихъ 800. Чтобы принять въ соображеніе и телескопическія падающія звѣзды, огромность числа которыхъ уравновѣшивается ихъ ничтожною массой, увеличимъ это число до 1.200, причемъ для каждой минуты получимъ круглое число 20 падающихъ звѣздъ. Но мы говорили уже что каждая падающая звѣзда среднимъ числомъ вѣситъ около сотой доли лота; а потому въ августовскомъ потокѣ на одну минуту приходится одна пятая доля лота. Допустимъ здѣсь что пространство занимаемое видимымъ горизонтомъ мѣстности ограничено на землѣ кругомъ радіусъ котораго равенъ 15 милямъ, и за предѣлами этого пространства па-

дающія звѣзды уже недоступны глазу наблюдателя. Наконецъ предположимъ что средняя относительная скорость метеорическаго потока равна скорости земли, что̀ составляетъ въ минуту около 240 миль. Если звѣзды сыплются изъ надглавной точки неба, то 20 падающихъ каждую минуту звѣздъ заключаются внутри прямаго цилиндра съ радіусомъ основанія въ 15 миль, при высотѣ въ 240 миль. Изъ этого легко вывести что каждой звѣздѣ, при встрѣчѣ потока съ землей, соотвѣтствуетъ пространство равное по величинѣ объему сферы съ радіусомъ въ $12^1/_2$ миль; а слѣдовательно діаметръ сферы равный 25 милямъ, будетъ среднимъ разстояніемъ между падающими звѣздами и, при сдѣланныхъ нами допущеніяхъ, на каждую изъ такихъ сферъ придется по одной сотой лота вещества. Такова разрѣженность матеріи вблизи солнца; въ тѣхъ отдаленныхъ пространствахъ изъ которыхъ появилось космическое облако, давшее начало и кометѣ, и скопленію метеоровъ,—облако это было въ милліонъ разъ бѣднѣе веществомъ, то-есть въ немъ одна сотая лота вещества приходилась на пространство по объему равное сферѣ съ радіусомъ слишкомъ въ 1.200 географическихъ миль, или въ восемь съ половиной тысячъ верстъ.

Итакъ, изъ шароваго первоначально облака, или туманнаго пятна, которое витало въ отдаленнѣйшихъ звѣздныхъ пространствахъ нашей солнечной системы,—произошла комета. Это новообразовавшееся небесное тѣло либо только разъ пройдетъ чрезъ солнечную систему,—если первоначальное отдаленіе, относительная скорость и ея направленіе для космическаго облака были таковы что оно принуждено было описать около солнца параболу или гиперболу,—либо останется въ нашей системѣ, описывая около солнца замкнутыя кривыя—эллипсисы. Нечего говорить что орбиты кометъ при такомъ образованіи этихъ тѣлъ могутъ имѣть всевозможныя наклоненія къ планетнымъ орбитамъ, и обратное движеніе ихъ возможно точно также какъ и прямое. Если на своемъ первоначальномъ пути комета проходитъ очень близко отъ какой-нибудь большой планеты, напримѣръ Юпитера, то притягательное дѣйствіе этой послѣдней можетъ измѣнить разомкнутый или очень растянутый сомкнутый путь ея—въ путь болѣе сходный съ орбитами планетъ, то-есть въ эллипсисъ который не такъ безмѣрно растянутъ. Такъ напримѣръ комета 1866 I, образовавшая по всей вѣроятности скопленіе метеоровъ па-

дающихъ 12—14го ноября, по соображеніямъ Леверрье, вступила въ видѣ космическаго облака изъ далекихъ пространствъ въ солнечную систему въ 126 году по Р. Х., и на своемъ пути такъ близко прошла около планеты Урана что эта послѣдняя заставила ее вмѣсто параболы или очень растянутаго эллипсиса описывать такой эллипсисъ на которомъ она совершаетъ полное обращеніе около солнца всего въ 33 съ небольшимъ года. Это преобразованное въ комету облако, со времени своего вступленія въ солнечную систему до нашихъ дней, совершило уже 52 обращенія, хотя объ ней и не имѣлось никакихъ свѣдѣній до 1866 года, когда она была открыта Темпелемъ въ Марсели. Каждые 33 года земля въ ноябрѣ встрѣчаетъ выдѣленные кометой и слѣдующіе за ней на протяженіи 380 милліоновъ миль мелкія тѣла.

Путь этой кометы гораздо меньше пути кометы августовскихъ метеоровъ: въ отдаленныхъ отъ солнца частяхъ своихъ онъ достигаетъ до орбиты Урана, а въ ближайшихъ подходитъ къ солнцу на такое же разстояніе какъ наша планета.

Послѣ обнаруженія поразительно-тѣсной связи наиболѣе замѣтныхъ явленій метеоровъ августа и ноября съ кометами, весьма естественно явилось стремленіе ученыхъ указать тѣ кометы которыя стоятъ въ подобномъ же отношеніи и къ другимъ группамъ метеоровъ обусловливающихъ въ извѣстные моменты года появленія, хотя и не въ такомъ множествѣ, систематическихъ падающихъ звѣздъ.

Галле находитъ соотношеніе между группой метеоровъ являющихся каждые 20—24го апрѣля, и кометой 1861 года, № I. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя въ виду не высокую степень точности съ которою можно опредѣлить изъ наблюденій орбиты метеоровъ, можно считать достаточно согласными орбиты опредѣленныя слѣдующими элементами:

Элементы кометы 1861 года I.

Долгота перигелія	243°
Долгота восходящаго узла	30°
Наклоненіе	80°
Разстояніе въ перигеліи	0,920
Половина большой оси	55,7

Движеніе прямое.

Элементы орбитъ апрѣльскихъ метеоровъ.

Долгота перигелія.....	236°
Долгота восходящаго узла	30°
Наклоненіе.....	89°
Разстояніе въ перигеліи.....	0,955
Половина большой оси.....	55,7

Движеніе прямое.

Метеоры падающіе 6го и 7го декабря,—безъ повторенія явленія каждый годъ, — по мнѣнію д'Арре, имѣютъ соотношеніе съ періодическою кометой носящею имя Біелы, которая совершаетъ полное обращеніе около солнца съ небольшимъ въ шесть лѣтъ.

Если комета движется около солнца или по разомкнутому пути, или по очень растянутому эллипсису, то и тутъ, какъ мы замѣтили уже выше,—она можетъ оставлять на своей орбитѣ болѣе или менѣе длинное скопленіе мелкихъ тѣлъ. которыя при встрѣчѣ съ землей произведутъ если не періодическое въ теченіи нѣкотораго времени, то по крайней мѣрѣ единовременное явленіе метеоровъ.

Замѣтимъ наконецъ что земля, проходя чрезъ скопленія, какъ существующія уже въ формѣ колецъ около солнца, такъ и проносящіяся чрезъ нашу систему въ видѣ мимолетныхъ роевъ, не можетъ не дѣйствовать каждый разъ своимъ притяженіемъ на большее или меньшее число отдѣльныхъ метеоровъ. Она выводитъ ихъ изъ пути сходнаго съ путемъ всего скопленія, и заставляетъ двигаться по другимъ, одиночнымъ орбитамъ. Эти-то, однажды разсѣянные въ пространствѣ метеоры, при послѣдующихъ встрѣчахъ съ землей, являются въ видѣ спорадическихъ падающихъ звѣздъ, которыя почти каждую ночь въ небольшомъ количествѣ промелькиваютъ по небу то здѣсь, то тамъ.

Изъ всего изложеннаго выше мы видимъ какъ въ послѣдніе годы наукѣ удалось найти связь между явленіями повидимому самыми разнородными: падающія звѣзды, аэролиты,—находимые повременамъ на землѣ, — кометы и загадочныя туманныя пятна—оказываются одного происхожденія.

Космическая матерія еще находящаяся въ процессѣ образованія, вступая въ нашу систему, съ одной стороны отдѣ-

ляетъ отъ себя аэролитныя массы, которыя мы можемъ подвергать химическому анализу въ нашихъ лабораторіяхъ; съ другой стороны, проходя около солнца въ видѣ кометъ, развиваетъ предъ нашими глазами цѣлый рядъ еще далеко не вполнѣ изслѣдованныхъ явленій кометныхъ хвостовъ, которые, служа какъ бы чувствительными реактивами, мало-помалу дадутъ намъ возможность проникнуть въ тайну силъ дѣйствующихъ въ нашей системѣ и исходящихъ преимущественно изъ центральнаго источника свѣта и теплоты.

Ѳ. БРЕДИХИНЪ

НА НОЖАХЪ*

РОМАНЪ.

VII. Продолженіе о томъ какъ Гордановъ далъ шахъ и матъ Іосафу Висленеву.

Читатель можетъ подумать что авторъ не сдержалъ своего слова и, обѣщавъ показать въ предшествовавшей главѣ какъ Павелъ Николаевичъ Гордановъ дастъ шахъ и матъ другу своему Іосафу Висленеву, не показалъ этого хода; но это будетъ напрасно: погибельный для Висленева ходъ сдѣланъ, и спасенія Іосафу Платоновичу теперь нѣтъ никакого; но только какъ ходъ этотъ необычаенъ, тонокъ и новъ, то его можетъ-быть многіе не замѣтили: проникать дѣянія нашего героя не всегда легко и удобно.

Іосафъ Платоновичъ работалъ энергически, и въ пять или въ шесть дней у него созрѣла богатырская статья, въ которой вниманію враговъ Россіи рекомендовались самые смѣлые и неудобоприложимые планы какъ одолѣть насъ и загнать въ Азію.

Гордановъ не разъ навѣстилъ въ эти шесть дней Висленева и слушалъ его статью въ брульйонахъ съ величайшимъ вниманіемъ, и съ серіознѣйшимъ видомъ указывалъ гдѣ прилустить сахарцу, гдѣ подбавить перцу, и все это тонко, мягко, деликатно, тщательно храня и оберегая болѣзненное авторское самолюбіе Іосафа Платоновича.

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870, №№ 10, 11 и 12.

— Я тебя не учу, говорилъ онъ Висленеву,—и ты потому пожалуста не обижайся, я знаю что у тебя есть свой талантъ, но у меня есть своя опытность, и я по опыту тебѣ говорю: здѣсь посоли, а здѣсь посахари.

Висленевъ слушался, и произведеніе его принимало характеръ все болѣе лютый, а Гордановъ еще усиливалъ его прибавками и перестановками и все напиралъ на извѣстный ему „ихній вкусъ“.

Со времени сѣченія языковъ въ ихъ нигилистической сектѣ, вмѣстѣ съ потерей сознанія о томъ что честно и что безчестно, утрачено было и всякое опредѣленное понятіе о томъ кто ихъ друзья и кто ихъ враги. Принципы растеряны, враги гораздо ревностнѣе стоятъ за то за что хотѣли ратовать ихъ друзья; земельный надѣлъ народа, равноправіе всѣхъ и каждаго предъ лицомъ закона, свобода совѣсти и слова,—все это уже отстаиваютъ враги, и спорить приходится развѣ только „о бревнѣ упавшемъ и никого не убившемъ“, а между тѣмъ враги нужны, и притомъ не тѣ враги которые дѣйствительно враждебны честнымъ стремленіямъ къ равноправію и свободѣ, а *они*, какіе-то невѣдомые мнѣческіе враги, преступленій которыхъ нигдѣ нѣтъ, и которые просто называются *они*. Противъ этихъ мнѣческихъ *ихъ* ведется война, пишутся пасквили, дѣлаются доносы, съ *ними* чувствуютъ безповоротный разрывъ и намѣрены до гробъ жизни съ ними не соглашаться. Во имя этихъ мнѣческихъ *ихъ* заигралъ на Висленевѣ и Гордановъ. Онъ говорилъ ему какъ надо приспособиться, чтобы долекать *ихъ* такъ чтобъ *они* чувствовали; но какъ ни осторожно Гордановъ подходилъ съ своими указаніями къ Висленеву, послѣдняго все-таки непріятно задѣвало что его учатъ, и онъ даже по поводу указаній Гордонова на *ихъ* вкусъ и права отвѣчалъ:

— Ну, и довольно, ты мнѣ скажи на какой вкусъ, и этого съ меня и довольно, а я уже знаю какъ потрафить.

И онъ потрафлялъ:, статья поправлявшаяся въ теченіи ночи, къ утру становилась змѣя и василиска злѣе, но приходилъ Гордановъ, прослушивалъ ее и находилъ что опять мягко

— Не то, говорилъ онъ,—чтобы чего не доставало, напротивъ, здѣсь все есть, но знаешь... Поясню тебѣ примѣромъ: тебя, положимъ, попросили купить жирную лошадь....

— Я и куплю жирную, перебилъ Висленевъ.

— Да, но она все-таки можетъ не понравиться, или купить

недостаточно жиренъ, или шея толста, а я то же самое количество жира, да хотѣлъ бы расположить иначе, и тогда она и будетъ отвѣчать требованіямъ. Вотъ для этого берутъ коня и вылотняютъ его, то-есть перекладываютъ жиръ съ шеи на крупъ, съ крупа на ребро и т. л. Это надо подѣлать еще и съ твоею прекрасною статьей,—ее надо вылотнить.

— Я этого даже никогда и не слыхалъ, чтобы по произволу перемѣщали жиръ съ одной части тѣла на другую, отвѣчалъ Висленевъ.

— Ну, вотъ видишь ли, а между тѣмъ это всякій Цыганъ знаетъ; на жирное мѣсто, которое хотятъ облегчить, кладутъ войлочные потники, а тѣ куда жиръ перевесть хотятъ водой помачиваютъ, да и гоняютъ коня, пока онъ въ соотвѣтственное положеніе придетъ. Не зналъ ты этого?

— Не зналъ.

— Ну, такъ знай, и если хочешь дай мнѣ, я твою статью полотню. Согласенъ?

— Бери.

— Нѣтъ, я это тутъ же при тебѣ. Видишь вотъ тутъ это вонъ вычеркни, а вмѣсто этого вотъ что напиши, а сюда на мѣсто того вотъ это поставь, а тутъ....

И Гордановъ какъ пошелъ вылотнять Висленевскую статью, такъ Висленевъ, быстро чертившій то тутъ, то тамъ, подъ его диктовку, и ротъ разинулъ: изъ простаго, мясистаго, жирнаго и брыкливаго коня возникъ неодолимый конь Діомеда готовый растолтать и сожрать всѣхъ и все.

— Молодецко! воскликнулъ радуясь самъ Висленевъ.

— Теперь бы кому-нибудь прочесть, чтобы взглянуть на впечатлѣніе, лосовѣтывалъ Гордановъ.

Висленевъ назвалъ своего „сосѣда по имѣнію“, Ѳеоктиста Меридіанова, который пришелъ въ своихъ кимерскихъ туфляхъ и все терпѣливо прослушалъ, и потомъ, по своему обыкновенію, подражая простонародному говору, сказалъ что какъ все это не при немъ писано, то онъ не хочетъ и лѣзть съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ, чтобы судить о такой политичной матеріи, а думаетъ лить только одно что въ старину за это

Дали бъ въ назиданіе
Такъ ударовъ со сто,
Чтобы поломалъ зданіе
У (имя рекъ) моста.

Гордановъ при этихъ словахъ Меридіанова изловилъ подъ столомъ Висленева за полу сюртука и сильно потянулъ его внизъ, дескать осторожность, осторожность!

— Этотъ человѣчекъ совсѣмъ мнѣ не нравится, заговорилъ Гордановъ, когда Меридіановъ вышелъ.—Онъ мнѣ очень подозрителенъ, и такъ какъ тебѣ все равно отдавать мнѣ эту статью для перевода на польскій языкъ, то давай-ка, братъ, я возьму ее лучше теперь же.

— На что же?

— Да такъ, знаешь, про всякій случай отъ грѣха.

— Висленевъ безтрелетною рукой вручилъ свое безсмертное твореніе Гордanову.

Да и чего же было кажется трелетать? А трелетать было отъ чего.

Еслибы Висленевъ послѣдовалъ за Гордановымъ когда тотъ вышелъ, унося съ собою его выпотненную статью, то онъ не скоро бы догадался куда Павелъ Николаевичъ держитъ свой путь. Бѣгая изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, онъ наконецъ юркнулъ въ подъѣздъ надъ которымъ красовалась вывѣска гласившая что здѣсь „Касса ссудъ подъ залогъ движимостей“.

Здѣсь жилъ литераторъ, ростовщикъ, революціонеръ и полиціантъ Тихонъ Ларіоновичъ Кишенскій, о которомъ съ такимъ презрѣніемъ вспоминала Ванскокъ и которому требовался законный мужъ для его фаворитки, Алины Фигуриной.

Къ Кишенскому вела совершенно особенная лѣстница, если не считать двухъ дверей бельэтажа, изъ коихъ одна вела въ аптеку, а другая въ сигарный магазинъ. Три же двери окружающія лѣстничную террасу третьяго этажа всѣ имѣли разные нумера, и даже двѣ изъ нихъ имѣли разныя таблички, но все это было вздоръ: всѣ три двери вели къ тому же самому Тихону Кишенскому или, какъ его попросту звали, „Жиду Тишкѣ.“ Три эти двери значились подъ №№ 7мъ, 8мъ и 9мъ. Надъ 8мъ, приходившимся посрединѣ, была большая бронзовая дощечка съ чернымъ надписаніемъ объявлявшимъ на трехъ языкахъ что здѣсь „Касса ссудъ“. На правой двери, обитой новою зеленою клеенкой съ мѣдными гвоздями, была подъ стекломъ табличка на которой красовалось имя Тихона Ларіоновича, и тутъ же былъ прорѣзъ по которому спускались въ ящикъ письма и газеты; лѣвая же дверь была просто дверь № 9й. Входя въ среднюю дверь или дверь № 8й, вы

попадали въ довольно большой залъ, обставленный прилавками и шкафами. За прилавками сидѣла нѣмецкая дама, говорившая раздавленнымъ голосомъ краткія рѣчи, касающіяся залогодательства, и поминутно шнырявшая за всякимъ разрѣшеніемъ въ двери направо, по направленію къ № 7му. Въ № 7мъ была хорошая холостая квартира съ дорогою мебелью, золоченою кроватью, массивнымъ буфетомъ, фарфоромъ и бронзой, съ говорящимъ попугаемъ, мраморною ванной и тѣмъ неодолимымъ преизбыткомъ вкуса благодаря которому меблированныя такимъ образомъ квартиры гораздо болѣе напоминаютъ мебельный магазинъ чѣмъ человѣческое жилье. Въ № 9мъ.... но объ этомъ послѣ.

Герой нашъ пожалъ электрическую пуговку у двери номера седьмаго и послалъ свою карточку чрезъ того самаго лакея рѣшительный характеръ и исполнительность котораго были извѣстны Ванскокъ. Пока этотъ враждебный геній, съ лицомъ ровнаго розоваго цвѣта и съ рыжими волосами свернутыми у висковъ въ двѣ котелки, пошелъ доложить Тихону Ларіоновичу о прибывшемъ гостѣ, Гордановъ окинулъ взоромъ рядъ комнатъ открывавшихся изъ передней и подумалъ: „однако этотъ ужь сорокъ лодковался. Ему уже нечего будетъ сокрушаться и говорить: „здравствуй безломощная старость, догорай безполезная жизнь!“ Но нечего бояться этого и мнѣ,— нѣтъ, мой планъ геніаленъ; мой разчетъ вѣренъ, и будь только мнѣ за что зацѣпиться и на чемъ расправить крылья, я не этою мѣщанскою обстановкой стану себя тѣшить,—я стану считать рубли не сотнями тысячъ, а милліонами.... милліонами.... и я пойду, вознесусь, попру.... и....

И въ эту минуту Павелъ Николаевичъ внезапно почувствовалъ непріятное сженіе въ горлѣ, которымъ обыкновенно начинались у него приступы хорошо знакомыхъ ему спазмодическихъ припадковъ. Онъ взялъ надъ собою власть и пересилилъ начинающійся ларингизмъ какъ разъ во-время, потому что въ эту самую минуту въ глубинѣ залы показалась худощавая, высокая фигура Кишенскаго, въ которомъ въ самомъ дѣлѣ было еще значительно замѣтно присутствіе еврейской крови. Лицо его было довольно плоско и не украшалось характернымъ израильскимъ носомъ, но маленькіе каріе глазки его глядѣли совершенно по-еврейски, и движенія его были порывисты. Кишенскій былъ одѣтъ въ роскошномъ шлафорѣ, подпоясанномъ дорогимъ шнуромъ съ

кистями, и въ туфляхъ не кимерской работы, а въ дорогихъ золотомъ шитыхъ туфляхъ; въ рукахъ онъ держалъ тяжелую трость со слоновою ручкой и довольно острымъ стальнымъ наконечникомъ. Возлѣ Кишенскаго, съ одной стороны, немножко сзади, шелъ его рѣшительный рыжій лакей, а съ другой, у самыхъ ногъ, еще болѣе рѣшительный рыжій бульдогъ.

— Господинъ Гордановъ! заговорилъ на половинѣ комнаты Кишенскій, пристально и зорко вглядываясь въ лицо Павла Николаевича и произнося каждое слово отчетисто, спокойно и очень серіозно.—Прошу покорно! Давно ли вы къ намъ? А впрочемъ я слышалъ.... Да. Иди въ свое мѣсто, заключилъ онъ, оборотясь къ лакею, и подалъ Горданову жесткую, холодную руку.

Послѣ первыхъ незначащихъ объясненій о времени пріѣзда и о прочемъ, они перешли въ маленькій, также густо меблированный кабинетецъ, гдѣ Кишенскій самъ сѣлъ къ письменному столу и, указавъ противъ себя мѣсто Горданову, необинуясь спросилъ его: чѣмъ онъ можетъ служить ему?

Гордановъ всего менѣе ожидалъ такого пріема.

— Вы меня спрашиваете такъ какъ будто я долженъ заключить изъ вашихъ словъ что безъ дѣла мнѣ не слѣдовало и посѣщать васъ, отвѣчалъ Гордановъ, въ которомъ шевельнулась дворянская гордость предъ этимъ ломаньемъ Жидка, отецъ котораго, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, продавалъ въ Одессѣ янтарные мундштуки.

— Нѣтъ не то, отвѣчалъ ни мало не смущаясь Кишенскій,— я бы вѣдь могъ васъ и не принять, но я принялъ.... Видите, у меня нога болитъ, легонькій ревматизмъ въ колѣнѣ, но я всталъ, и хоть на палку опираясь, вышелъ.

Проговоривъ это тѣмъ же ровнымъ, невозмутимымъ, но возмущающимъ голосомъ, которымъ непремѣнно научаются говорить всѣ разбогатѣвшіе Евреи, Кишенскій отвернулся къ драпировкѣ, за которою могла помѣщаться кровать, и хлопнулъ два раза въ ладоши.

Драпировка слегка всколыхнулась, и вслѣдъ затѣмъ черезъ залу, по которой хозяинъ провелъ Горданова, появился знакомый намъ рыжій лакей.

— Іоганъ! дайте намъ чаю, велѣлъ ему Кишенскій, совершенно по-жидовски вертясь и нѣжась въ своемъ халатѣ.

— Откуда вы себѣ достали такого „гайдука Хрызыча“? спрашивалъ Гордановъ, стараясь говорить какъ можно веселѣе

и уловить хотя малѣйшую черту привѣтливости на лицѣ хозяина, но такой черты не было: Китенскій, не отвѣчая улыбкой на улыбку, сухо сказалъ:

— Іоганъ съ острова Эзеля.

— Какой ужасный ростъ и ужасная сила!

— Да, они неуклюжи, но очень вѣрны, — въ этомъ ихъ достоинство, а нынче вѣрный человѣкъ большая рѣдкость.

„Это ты говоришь!“ подумалъ, тщательно скрывая свое презрѣніе, Гордановъ, но молвилъ спокойно:—Да, у васъ тутъ много кое-чего поизмѣнилось!

— Будто! Я не замѣчаю, кажется все то же самое что и было.

— Ну, нѣтъ!

— А я, постоянно сидя за работой, право ничего не замѣчаю.

Гордановъ нетерпѣливо повернулся на стулѣ, и окинувъ глазами все окружающее, имѣлъ обширный выборъ темъ для возраженія хозяину, но почувствовалъ мгновенно отвращеніе отъ игры въ слова съ этимъ сыномъ продавца янтарей, и сказалъ:

— А вы правы, я зашелъ къ вамъ не для пустаго времяпрепровожденія, а по дѣлу.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ: времени по пустякамъ и безъ того препровождено очень много.

— Только не вами, надѣюсь, проговорилъ сквозь улыбку Гордановъ.

Китенскій волоскомъ не ворохнулся, не моргнулъ и ни звука не отвѣтилъ. Это еще болѣе не понравилось Горданову, но сдѣлало его рѣшительнѣе.

— У меня есть одинъ планъ.... или какъ это у насъ встарину говорилось одно „препріятіе“, весьма для васъ не безвыгодное.

Китенскій мѣшалъ ложечкой въ стаканѣ и молчалъ.

— Вы не прочь отъ аферы, или вы аферами пренебрегаете?

— Надо знать какая афера.

— Разумѣется выгодная афера и вѣрная.

— Всякій, предлагая свою аферу, представляетъ ее и вѣрною и выгодною, а на дѣлѣ часто выходитъ чортъ знаетъ что. Но я не совсѣмъ понимаю почему вы съ аферой отнеслись ко мнѣ? Я вѣдь человѣкъ занятой и большими капиталами не ворочаю: есть люди гораздо болѣе меня удобные для этихъ операцій.

— Для той аферы которую я намѣренъ предложить вамъ

нѣтъ человѣка удобнаго болѣе васъ, потому что она васъ однихъ болѣе другихъ касается.

— Касается меня!

— Да; касается васъ—лично васъ, господинъ Кишенскій.

— Позвольте выслушать.

— Извольте-съ. У меня есть мысль, соображеніе или, лучше сказать, совершенно вѣрный, математически разчитанный и точный, зрѣло обдуманный планъ въ полгода времени сдѣлать изъ двадцати пяти тысячъ рублей серебромъ громадное состояніе въ нѣсколько десятковъ милліоновъ.

Гордановъ остановился и уставилъ глаза на Кишенскаго, который смотрѣлъ на него неподвижными, остолбенѣвшими глазами и вдругъ неожиданно позвонилъ.

— Вы не думаете ли что я сумашедшій? спросилъ Гордановъ.

— Нѣтъ; это я звоню для того чтобы мнѣ перемѣнили стаканъ. Что же касается до вашего способа быстраго наживанія милліоновъ, то мы въ послѣднее время отвыкли удивляться подобнымъ предложеніямъ. Начиная съ предложенія Ванскокъ учредить катачій заводъ, у насъ всѣ приготовили руки къ милліонамъ.

— Но между дурацкою башкой Ванскокъ и моею головой, я думаю, вы допускаете же какую-нибудь разницу.

— О, разумѣется! Я знаю что вы человѣкъ умный, но только позвольте вамъ по старому, по дружески сказать что вѣдь никто и не дѣлаетъ такъ легкомысленно самыхъ опрометчивыхъ глупостей какъ умные люди.

— Это мы увидимъ. Я вамъ не стану нахваливать мой планъ какъ Цыганъ лошадь: мой вѣрный планъ въ этомъ не нуждается, и я не къ тому иду теперь. Кромѣ того что̀ вы о немъ знаете изъ этихъ словъ, я до времени не открою вамъ ничего и уже разумѣется не попрошу у васъ подъ мои соображенія ни денегъ, ни кредита, ни поручительства.

— Я ни за кого не ручаюсь.

— Я знаю, и мнѣ *для меня* отъ васъ пока ничего не нужно. Но планъ мой вѣренъ: вы знаете что я служилъ въ западномъ краѣ и кажется служилъ не дурно: я получалъ больше двухъ тысячъ содержанія, чего съ меня, одинокаго человѣка, было конечно весьма довольно; ужиться я по моему характеру могу рѣшительно со всякимъ начальствомъ, какихъ бы воззрѣній и системъ оно ни держалось.

— Я это знаю.

— И между тѣмъ я бросилъ эту службу.

— Очень сожалѣю.

— Подождите жалѣть. Служить тамъ это не то что служить здѣсь, какъ напримѣръ вы служите.

— Я вѣдь служу по найму,—у меня нѣтъ правъ на коронную службу.

— Это все равно, но вы тѣмъ не менѣе человѣкъ не безъ вліянія по службѣ, и вы дѣлаете другія дѣла: вы играете на биржѣ и играете, если только такъ можно выразиться, на трехъ разнохарактерныхъ органахъ, которые могутъ служить вашимъ видамъ.

— Это, знаете, случайность, и на подобную вещь навѣрняка считать нельзя.

— Успокойтесь, любезный Тихонъ Ларіоновичъ: я вамъ не завидую и конкурренціи вамъ не сдѣлаю: мои планы иные, и они, не въ обиду вамъ будь сказано, кажутся мнѣ повѣрнѣе вашихъ. А вы вотъ что.... позволяете вы говорить съ вами начистоту?

— Въ торговыхъ дѣлахъ чѣмъ кратче, тѣмъ лучше.

— Вы меня не спрашиваете въ чемъ заключается мой планъ, замѣтьте, несомнѣнный планъ пріобрѣтенія громаднѣйшаго состоянія, и я знаю почему вы меня о немъ не спрашиваете: вы не спрашиваете не потому чтобъ онъ васъ не интересовалъ, а потому что вы знаете что я вамъ его не скажу, то-есть не скажу въ той полнотѣ въ которой бы мой вѣрный планъ, изобрѣтеніе человѣка нуждающагося въ двадцати пяти тысячахъ, сдѣлался вашимъ планомъ,—планомъ человѣка обладающаго всѣми средствами нужными для того чтобы черезъ полгода, не болѣе какъ черезъ полгода, владѣть состояніемъ которымъ можно удивить Европу. Вы знаете что я вамъ этого не скажу.

— Совершенно вѣрно.

— А я не скажу вамъ этого потому что вы мнѣ двадцати пяти тысячъ въ полное мое распоряженіе не довѣрите.

— Это тоже вѣрно.

— Поэтому я хочу сдѣлать себѣ нужныя мнѣ двадцать пять тысячъ самъ, при вашемъ однако посредствѣ, но при такомъ посредствѣ которое вамъ будетъ не менѣе выгодно чѣмъ мнѣ.

Кишенскій придавилъ въ столѣ электрическую пуговку и велѣлъ появившемуся предъ нимъ лакею никого не принимать.

— Вы меня стало-быть слушаете? спросилъ Гордановъ.

— Съ огромнымъ вниманіемъ, отвѣчалъ Кишенскій, подавая ему большую сигару.

— И я могу вамъ говорить все?

— Все.

— Касаясь прямо всѣхъ?

— Всѣхъ.

— Ну такъ извольте же слушать и отвѣчать мнѣ на все прямо.

— Идетъ.

VIII. Финальная ракета.

— Вамъ нуженъ одинъ человѣкъ? спросилъ, глядя въ упоръ Кишенскому, Гордановъ.

Тотъ смолчалъ, да и въ самомъ дѣлѣ недоумѣвалъ къ чему клонитъ эта рѣчь.

— Вы ищете имени вашимъ дѣтямъ, которыя у васъ есть и которыя впередъ могутъ быть?

— Это правда.

— Хорошо! Такъ откровенно говоря, мы пойдемъ очень скоро. Вы сами не можете жениться на дорогой вамъ женщинѣ потому что вы женаты.

— Правда.

— Вы много хлопотали чтобъ устроить дѣло?

— Не очень много, но довольно.

— Да дѣло это нельзя дѣлать шахъ-махъ: дворянинишку съ вѣтра взять неудобно; бракъ у насъ предоставляетъ мужу извѣстныя права, которыя хотя и не то что̀ права мужа во Франціи, Англіи или въ Америкѣ, но во всякомъ случаѣ все-таки еще довольно широки и могутъ стѣснять женщину, если ея мужъ не дуракъ.

— Вы разсуждаете превосходно.

— Надѣюсь что я васъ понялъ. Теперь идемъ далѣе: дорогая вамъ женщина не обладаетъ средствами Глафиры Акатовой чтобы сдѣлаться госпожой Бодростиной; да вамъ это и не нужно: васъ дѣла связываютъ неразлучно и должны удерживать неразлучно навсегда, или по крайней мѣрѣ очень на долго. Я не знаю вашихъ условій, но я такъ думаю.

— Вы знаете столько сколько вамъ нужно чтобъ имѣть совершенно правильный взглядъ на это дѣло.

— Тѣмъ хуже и тѣмъ лучше. Найти себѣ мужа по примѣру Казиміры Шверпотской, Данки и Цили-Кили теперь невозможно, это уже выдохлось и не дѣйствуетъ: изъ принципа нынче болѣе никто не женится.

— Да, мы съ этимъ уже немножко запоздали.

— Вотъ видите: стало-быть не все идетъ по-старому, какъ вы желали мнѣ давича доказать.... Вы доведены обстоятельствами до готовности пожертвовать на это дѣло десятью тысячами.

— О такой цифрѣ, признаюсь, у насъ еще не думано.

— Будто бы?

— Увѣряю васъ честью.

— Ну, такъ вы скупы.

— Однако.... разумѣется.... около этого что-нибудь.... тысячъ пять-семь, расходовать можно.

— Гдѣ семь, тамъ и десять, это ужь не разчетъ. Вы не подумайте пожалуста что я предлагаю вамъ самоличныя мои услуги, нѣтъ! Я пришелъ къ вамъ какъ плантаторъ къ плантатору: я продаю вамъ другаго человѣка.

— Какъ продаете?

— Такъ, очень просто, продаю да и только.

— Безъ его согласія?

— Онъ никогда и ни за что на это не согласится.

Кишенскій вдругъ утратилъ значительную долю своего безучастнаго спокойствія и глядѣлъ на Гордонова широко раскрытыми, удивленными глазами. Павелъ Николаевичъ замѣтилъ это и торжествовалъ.

— Да, онъ никогда и ни за что на это не согласится, и тѣмъ для него хуже, сказалъ Гордоновъ, не давая своему собесѣднику оправиться.

Кишенскій совсѣмъ выскочилъ изъ колеи и улыбнулся странною улыбкой, которая сверкнула и сгасла.

— Извините пожалуста, но вы меня смѣшите, проговорилъ онъ, и опять улыбнулся.

— Смѣшу васъ? Ни мало. Въ чемъ вы тутъ видите смѣшное?

— Вы распоряжаетесь кѣмъ-то на старомъ помѣщичьемъ правѣ и даже еще круче: хотите велѣть человѣку жениться и полагаете что онъ непремѣнно обязанъ вамъ повиноваться.

— А конечно обязанъ.

— Позвольте узнать почему?

— Почему? Потому что я уменъ, а онъ глупъ.

— Но вы не забываете ли что свадьбы попы вѣнчаютъ въ церкви, и что при этомъ согласіе жениха столь же необходимо какъ и согласіе невѣсты?

— Пожалуста будьте покойны: будемте говорить о цѣнѣ, а товаръ я вамъ сдамъ честно. Десять тысячъ рублей за мужа, молодаго, благовоспитаннаго, честнаго, глупаго, либеральнаго и такого покладистаго что изъ него хоть веревки вей, это, по чести сказать, не дорого. Берете вы или нѣтъ? Дешевле я не уступлю, а вы другаго такого не найдете.

— Но и вы тоже не скоро найдете другаго покупщика, да и не ко всякому, надѣюсь, отнесетесь съ такимъ предложеніемъ.

— Вы понимаете дѣло, Тихонъ Ларіоновичъ, и за это я вамъ сразу пятьсотъ рублей сбавляю: угодно вамъ девять тысячъ пятьсотъ рублей?

— Дорого.

— Дорого! Девять тысячъ пятьсотъ рублей за человѣка съ образованіемъ и съ самолюбіемъ!

— Дорого.

— Какая же ваша цѣна?

— Послушайте, Гордановъ, да не смѣшно ли это что мы съ вами серіозно торгуемся на такую куплю?

— Ни мало не смѣшно, да вы объ этомъ пожалуста и не заботьтесь: я вамъ продаю не воробья въ небѣ, котораго еще надо ловить, а здѣсь товаръ налицо: живой человѣкъ, котораго я вамъ прямо передамъ изъ рукъ въ руки.

— Я право не могу вамъ вѣрить.

— Я и не прошу вашего довѣрія: я не беру ни одного гроша до тѣхъ поръ пока вы сами скажете что дѣло сдѣлано основательно и честно. Говорите только о цѣнѣ, какая ваша послѣдняя цѣна?

— Я право не знаю какъ объ этомъ говорить.... о подобной покупкѣ!

— Да въ чемъ затрудненье-то? Въ чемъ-съ? Въ чемъ?

Китенскій развелъ руки и улыбнулся.

— Однако я полагалъ что вы гораздо рѣшительнѣе, нетерпѣливо сказалъ Гордановъ.

Кишенскій завертѣлся на мѣстѣ, и продолжительно обтирая лицо пестрымъ фуляромъ, отвѣчалъ:

— Да какъ вы хотите... какой рѣшительности?... Съ одной стороны.... такое необыкновенное предложеніе, а съ другой.... оно тоже стóитъ денегъ, и опять рискъ.

— Никакого, ни малѣйшаго риска нѣтъ.

— Помилуйте, какъ нѣтъ риска? Вы что продаете, позвольте васъ спросить?

— Я продаю все что имѣетъ для кого-нибудь какую-нибудь цѣну, гордо отвѣтилъ, краснѣя отъ досады, Гордановъ.

— Да, „что имѣетъ цѣну“, но человѣкъ.... независимый человѣкъ въ Россіи.... какая же цѣнность?... Это скорѣе каламбуръ.

— Очень невысокаго сорта, впрочемъ.

— Согласенъ-съ; я не острякъ, но дѣло въ томъ что вы вѣдь продаете не имя, а человѣка.... какъ есть живаго человѣка!

— Со всѣми его потрохами.

— Ну, и позвольте же.... не горячитесь.... вы продаете человѣка.... образованнаго?

— Да, и даже съ нѣкоторымъ именемъ.

— Ну, вотъ сами изволите видѣть еще и съ именемъ! А между тѣмъ вы ему ни отецъ, ни дядя, ни опекунъ.

— Нѣтъ, ни отецъ и ни опекунъ.

— Долженъ онъ вамъ что ли?

— Ни мало.

— Ну, извините меня, но я васъ не понимаю.

— И что же вы отказываетесь что ли отъ моего предложенія?

— И отказываюсь.

— Ну, такъ въ такомъ случаѣ намъ нечего больше и говорить, и Гордановъ всталъ и взялся за шляпу.

— Откройте что-нибудь побольше, заговорилъ, медленно приподнимаясь вслѣдъ за нимъ Кишенскій.—Покажите что-нибудь осязательное, и тогда....

— Что тогда?

— Я можетъ-быть тысячъ за семь не постою.

— Нѣтъ; съ вами я вижу надо торговаться по-жидовски, а это не въ моей натурѣ: я лишняго не запрашивалъ и еще сразу вамъ пятьсотъ рублей уступилъ.

— Да что жь по-жидовски.... я вамъ тоже если хотите триста рублей набавлю.... если....

— Если, если.... если еще что такое? сказалъ натягивая перчатку и нетерпѣливо морщась Гордановъ.

— Если всѣ документы въ порядкѣ?

Гордановъ дернулъ перчатку и разорвалъ ее!

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—я вижу что я ошибся, съ вами лива не сваришь. Я же вамъ вѣдь уже сто разъ повторялъ что все въ исправности, и что я ничего впередъ не беру, а вы все свое. Мнѣ это надоѣло,—прощайте!

И онъ совсѣмъ повернулся къ выходу, но въ это самое мгновеніе драпировка за которою предполагалась кровать заколыхалась, и изъ-за опущенной портьеры вышла высокая, полная, замѣчательно хорошо сложенная женщина, въ длинной и пышной ситцевой блузѣ, съ густыми огненными рыжими волосами на головѣ и съ некрасивымъ бурымъ лицомъ усѣяннымъ сплошными веснушками.

— Позвольте, прошу васъ, остаться на минуту, сказала она голосомъ ровнымъ и спокойнымъ не напускнымъ спокойствіемъ Кишенскаго, а спокойствіемъ натуры сильной, страстной и самообладающей.

Гордановъ остановился и сдѣлалъ дамѣ приличный поклонъ.

— Дѣло о которомъ вы здѣсь говорили ближе всѣхъ касается меня, заговорила дама, не называя своего имени.

Гордановъ снова ей поклонился.

Дама сѣла на диванъ и указала ему мѣсто возлѣ себя.

— Предложеніе ваше мнѣ почему-то кажется очень основательнымъ, молвила она помѣстившемуся возлѣ нея Гордanову, между тѣмъ какъ Кишенскій стоялъ и въ раздумьи перебиралъ косточки счетовъ.

— Я отвѣчаю моею головой, что все что я сказалъ совершенно сбыточно, отвѣчалъ Гордановъ.

— О цѣнѣ спора быть не можетъ.

— Въ такомъ случаѣ не можетъ быть спора ни о чемъ: я вамъ даю человѣка удобнаго для васъ во всѣхъ отношеніяхъ.

— Да, но видите ли.... мнѣ теперь.... Я съ вами должна говорить откровенно: мнѣ неудобно откладывать дѣло; свадьба должна быть скоро, чтобы хлопотать объ усыновленіи двухъ, а не трехъ дѣтей.

— На этотъ счетъ будьте покойны, отвѣчалъ Гордановъ, окинувъ взглядомъ свою собесѣдницу: вопервыхъ, субъектъ о которомъ идетъ рѣчь ничего не замѣтитъ; вовторыхъ, это не его дѣло; втретьихъ, онъ женскій эмансипаторъ и за

стѣсняющее васъ положеніе не постоитъ; а, вчетвертыхъ, — и это самое главное, — тотъ способъ которымъ я вамъ его передамъ устраняетъ всякія разсужденія съ его стороны и не допускаетъ ни малѣйшаго его произвола.

— Въ такомъ случаѣ мы вѣрно сойдемся.

— Девять тысячъ пятьсотъ рублей?

— Нѣтъ; я вамъ дамъ восемь.

— Извините; это значитъ опять надо торговаться, а я позволю себѣ вамъ, сударыня, признаться что до изнеможенія усталъ съ этимъ торгомъ. Встарину отцы наши на тысячи душъ короче торговались чѣмъ мы на одного человѣка.

— Да; отцы-то ваши за душу платили сто, да полтораста рублей, а тутъ девять тысячъ! замѣтилъ Кишенскій.

— Все дороже стало, небрежно уронилъ въ его сторону Гордановъ и снова взялся рукой за шляпу.

Дама это замѣтила.

— Да; это все такъ, сказала она,—но вѣдь надо же дать что-нибудь и ему самому.

— Ни одного гроша,—это не такой человѣкъ, — онъ не возьметъ ничего, и вы однимъ предложеніемъ ему денегъ даже можете все испортить. Я согласенъ вамъ, и собственно вамъ, а не ему (онъ указалъ съ улыбкой на Кишенскаго), уступить еще пятьсотъ рублей, то-есть я возьму, со всѣми хлопотами, девять тысячъ, и уже меньше ничего, но за то я предлагаю вамъ другія выгоды. Позвольте вамъ замѣтить что я вѣдь понимаю въ чемъ дѣло и беру деньги не даромъ: еслибы вы перевѣнчались съ какимъ попало, съ самымъ плохонькимъ чиновникомъ, вы бы должны были тотчасъ же, еще до свадьбы, вручить ему всѣ деньги сполна, а тутъ всегда большой рискъ: онъ можетъ взять деньги и отказаться вѣнчаться. Положимъ, вы могли взять съ него векселя, но вѣдь онъ могъ ихъ оспорить, могъ доказывать что они безденежные, взяты у него обманомъ, или насиліемъ.... Возможна цѣлая исторія самаго безотраднаго свойства. Потомъ еслибъ и доказали выдачу денегъ и засадили въ долговое отдѣленіе, ну онъ отсидитъ годъ, и ничего.... Съ него какъ съ гуся вода, а деньги пропали....

— Это правда, отозвался Кишенскій.

— Да, а вѣдь я вамъ даю человѣка вполнѣ честнаго и съ гонеромъ; это человѣкъ великодушный, который самъ своей сестрѣ уступилъ свою часть въ десять тысячъ рублей, стало-быть вы тутъ загарантированы отъ всякой кляузы.

— Кто жь бы это такой? отнеслась тихо къ Кишенскому невѣста.

Тихонъ Ларіоновичъ только пожалъ въ недоумѣніи плечами.

— Не трудитесь отгадывать, отвѣчалъ Гордановъ, потому что, вопервыхъ, вы этого никогда не отгадаете, а вовторыхъ, операція у меня раздѣлена на два отдѣленія, изъ которыхъ одно не открываетъ другаго, а между тѣмъ оба они лишь въ соединеніи дѣйствуютъ неотразимо. Продолжаю далѣе: еслибы вы и уладили свадьбу своими средствами съ другимъ лицомъ, то вы только пріобрѣли бы имя... имя для будущихъ дѣтей, да и то съ весьма возможнымъ рискомъ протеста, а вѣдь вамъ нужно и усыновленіе двухъ вашихъ прежнихъ малютокъ.

— Какъ же, это почти самое важное.

— Кто же станетъ объ этомъ заботиться?

— Мы сами.

— Вы сами, — это худо. Нѣтъ, я вамъ передамъ такого человѣка который *самъ* пуще отца роднаго будетъ объ этомъ убиваться. Если вы согласны дать мнѣ девять тысячъ рублей, я вамъ сейчасъ же представлю ясныя доказательства что вы черезъ недѣлю, много черезъ десять дней, можете быть обвѣнчаны съ самымъ удобнѣйшимъ для васъ человѣкомъ, и вдобавокъ пріобрѣтете отъ этого брака хотя не очень большія, но всетаки относительно довольно значительныя денежныя выгоды, которыя во всякомъ случаѣ далеко съ избыткомъ вознаградятъ васъ за то что вы мнѣ за этого господина заплатите. Я согласенъ что это дѣло небывалое, но вы сейчасъ увидите что все это какъ нельзя болѣе просто и возможно: субъектъ котораго я вамъ предлагаю зарабатываетъ въ годъ около двухъ тысячъ рублей, но онъ немножко привередливъ,—разумѣется пока онъ одинокъ, а современемъ, когда онъ будетъ женатъ, и находясь въ вашихъ рукахъ, будетъ считаться отцомъ вашихъ малютокъ, то вы его можете подогнать.... Вы не живя съ нимъ можете потребовать отъ него по закону приличнаго содержанія для васъ и для вашихъ дѣтей; тутъ и Тихонъ Ларіоновичъ можетъ подшпорить его въ газетѣ: онъ человѣкъ чуткій,—гласности испугается, а тогда опредѣлить его на службу, или пристроить его къ какому-нибудь дѣлу, и онъ вамъ быстро выплатитъ заплаченныя за него девять тысячъ.

— Что ты объ этомъ думаешь? спросила дама Кишенскаго.

Кишенскій ударилъ громко счетною костяшкой и отвѣчалъ

— Что же! Это вполнѣ возможно.

— Мои планы всѣ тѣмъ и хороши, сказалъ Гордановъ,— что всѣ они просты и всегда удобоисполнимы. Но идемъ далѣе: для васъ еще въ моемъ предложеніи заключается та огромная выгода что денегъ которыя вы мнѣ заплатите за моего человѣка вы изъ вашей кассы не вынете, а напротивъ еще пріобрѣтете себѣ компаньйона съ деньгами же и съ головой.

Дама только перевела глаза съ Китенскаго на Гордановa и обратно назадъ на Китенскаго.

— Когда наступитъ время разчета, продолжалъ Гордановъ,— я у васъ наличныхъ денегъ не потребую; а вы, почтенный Тихонъ Ларіоновичъ, дадите мнѣ только записку что мною у васъ куплены такія-то и такія-то бумаги, на сумму девяти тысячъ рублей, и сдѣлайте меня не гласнымъ компаніономъ по вашей ссудной кассѣ, на соотвѣтственную моему капиталу часть, и затѣмъ мы станемъ работать сообща. Планы мои всегда точны, ясны, убѣдительны и неопровержимы, и если вы согласны дать мнѣ за вашу свадьбу съ моимъ субъектомъ девять тысячъ рублей, то этотъ планъ я вамъ сейчасъ открою.

— Тихонъ! воззвала дама къ Китенскому.

— Гмъ!

— Да что же ты мычишь! Вѣдь это надо рѣшать.

— Да; я прошу васъ рѣшать, отвѣчалъ взглянувъ на свои часы Гордановъ.

— Что же?... простонала Китенскій.

— Что же? Ну что же „что же“? передразнила дама:—вѣдь это надо, понимаешь ты, *это надо* кончить.

— Фабій Медлитель, положимъ, выигрывалъ сраженія своею медленностью, но его тактика однако не всѣмъ удается, и быстрота и натискъ въ наше скорое время считаются гораздо вѣрнѣйшимъ средствомъ, проговорилъ въ видѣ совѣта Гордановъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это безконечный водевильный куплетъ:

Всегда тѣмъ кончится піеса
Что съ вашимъ вѣчнымъ „поглядимъ“
Вы не увидите бѣльмеса,
А мы всегда все проглядимъ,

съ нетерпѣливымъ неудовольствіемъ проговорила дама, и не-

посредственно затѣмъ быстро оборотясь къ Гордонову, сказала:

— Извольте, господинъ Гордоновъ, я согласна: вы получите восемь тысячъ пятьсотъ.

— И еще пятьсотъ; я вамъ сказалъ послѣднюю цѣну: девять тысячъ рублей.

— Извольте, девять.

Гордоновъ разстегнулъ пиджакъ, досталъ изъ груднаго кармана сложенные листы бумаги, на которыхъ была тщательно списанная копія извѣстнаго намъ сочиненія Висленева, и попросилъ взглянуть.

Китенскій и дама посмотрѣли въ рукопись.

— Что это такое? вопросилъ Китенскій.

— Это копія, писанная рукой неизвѣстнаго человѣка, съ сохраняющагося у меня дома оригинала, писаннаго человѣкомъ мнѣ извѣстнымъ.

— Тѣмъ котораго вы намъ продаете?

— Да, тѣмъ котораго я вамъ продаю.

Хозяева приумолкли.

— Теперь извольте прислушать, попросилъ Гордоновъ, и полнымъ, звучнымъ голосомъ, отбивая и подчеркивая сальянтныя мѣста, прочелъ хозяину и хозяйкѣ ярое сочиненіе Іосафа Платоновича.

— Что это за дребедень? вопросилъ Китенскій, когда окончилось чтеніе.

Дама, сдвинувъ брови, молчала.

— Это, милостивый государь, не дребедень, отвѣчалъ Гордоновъ,—а это ноты на которыхъ мы сыграемъ полонезъ для вашего свадебнаго пира и учредимъ на этомъ дворянство и благосостояніе вашихъ милыхъ малютокъ. Прошу васъ слушать: человѣкъ написавшій все это своею собственною рукой есть человѣкъ уже компрометтированный въ политическомъ отношеніи, дома у него теперь опять есть цѣлый ворохъ бумагъ происхожденіе которыхъ сближаетъ его съ самыми подозрительными источниками.

— Понимаю! воскликнулъ ударивъ себя ладонью по лбу Китенскій.

— Ничего не понимаете, уронилъ небрежно Гордоновъ, и продолжалъ:—Прочитанное мною вамъ здѣсь сочиненіе написано по тѣмъ бумагамъ, и есть такое свидѣтельство съ которымъ автору не усидѣть не только въ столицѣ, но и въ евро-

лейской Россіи. Вся жизнь его въ моихъ рукахъ, и я дарую ему эту жизнь, и продаю вамъ шелковый шнурокъ на его шею. Онъ холостъ, и когда вы ему поставите на выборъ ссылку или женитьбу, онъ, конечно, будетъ имѣть такой же не хитрый выборъ какъ выборъ между домомъ на Англійской набережной или коробочкой спичекъ; онъ, конечно, выберетъ *свадьбу*. Вѣрно ли я вамъ это докладываю?

Китенскій беззвучно разсмѣялся и, замотавъ головой, отошелъ къ окну, въ которое глядѣлась бѣлая ночь.

— Вѣрно ли? повторилъ Гордановъ.

— Вѣрно, чортъ возьми, до поразительности вѣрно! И просто, и вѣрно!

Дама молчала.

— Ваше мнѣніе? вопросилъ ее Гордановъ.

— Дѣло въ томъ, молвила она послѣ паузы: — какъ же это совершится?

— Тутъ необходимо небольшое содѣйствіе Тихона Ларіоновича: жениха надо полугать слегка обыскомъ.

— Это можно, отвѣчалъ Китенскій, улыбнувшись и потухнувъ въ ту же секунду.

— И непремѣнно не одного его обыскать, а и меня, и Банскокъ, понимаете, чтобъ онъ не видалъ нить интриги, но чтобы за то была видна нить хода бумагъ.

— Хорошо, хорошо, отозвался Китенскій.

— У него пусть найдутъ бумаги и приарестуютъ его.

— Да ужь это такъ и пойдетъ.

— А тогда взять его на поруки и перевѣнчать.

— Да, это такъ; все это въ порядкѣ, отвѣтилъ Тихонъ Ларіоновичъ.

— Тогда ему будетъ предложено на выборъ: выдать ему назадъ это его сочиненіе или представить его въ подкрѣпленіе къ дѣлу.

— Да.

— И онъ, какъ онъ ни простъ, пойметъ что бумаги надо выручить. Впрочемъ, это уже будетъ мое дѣло растолковать ему къ чему могутъ повести эти бумаги, и онъ пойметъ и не постоитъ за себя. А вы, Алина Дмитріевна, обратился Гордановъ къ дамѣ безцеремонно отгадывая ея имя,—вы можете тогда поступить по усмотрѣнію: вы можете отдать ему эти бумаги послѣ свадьбы, или можете и никогда ему ихъ не отдавать.

— Къ чему же отдавать? возразилъ Китенскій.

— Да, и я то же самое думаю, а впрочемъ это ваше дѣло.

— Это мы увидимъ, молвила невѣста.

И затѣмъ, съ общаго согласія, былъ уложенъ планъ дѣйствій, во исполненіе котораго Китенскій долженъ былъ „устроить обыскъ". Какъ онъ долженъ былъ это устраивать, про то ничего не говорилось: предполагалось что это сдѣлается какъ-то такъ что до этого никому дѣла нѣтъ. Затѣмъ, когда жениха арестуютъ, Гордановъ, котораго тоже подведутъ подъ обыскъ, скажетъ арестованному что онъ, желая его спасти въ критическую минуту, отдалъ бумаги на сохраненіе Китенскому, а тотъ Алинѣ Дмитріевнѣ Фигуриной, и тогда уже, откинувъ всѣ церемоніи прочь, прямо объявятъ ему что Алина Дмитріевна бумагъ не отдаетъ безъ того чтобы субъектъ на ней перевѣнчался.

Для того же чтобы благородному и благодушному субъекту не было особенной тяжести подчиниться этой необходимости, было положено дать ему въ видѣ реванша утѣшеніе что Алина Дмитріевна принуждаетъ его къ женитьбѣ на себѣ единственно вслѣдствіе современнаго коварства новѣйшихъ людей, которые, прозрѣвъ завѣты бывшихъ новыхъ людей, или „молодаго поколѣнія", не хотятъ вырвать женщину нуждающуюся въ замужествѣ для освобожденія себя отъ давленія семейнаго деспотизма. Все это было апробовано Китенскимъ и Алиной Дмитріевной, и условіе состоялось.

— Теперь, сказалъ въ заключеніе Гордановъ,—я вамъ сообщу и имя того кого вы купили: это Іосафъ Платонычъ Висленевъ.

— Іосафъ Висленевъ! воскликнули съ удивленіемъ въ одинъ голосъ Фигурина и Китенскій.

— Да, Іосафъ Висленевъ, онъ самъ собственнѣйшею своею персоной.

— Чортъ васъ возьми, Гордановъ, вы неподражаемы!.. воскликнулъ Китенскій.

— Нравится вамъ ваша покупка?

— Лучшаго невозможно было выдумать.

— Ну и очень радъ что угодилъ по вкусу. Рукописаніе его у меня, я не понесъ его къ вамъ въ подлинникѣ для того....

— Чтобъ обѣ половины вашего плана не соединить вмѣстѣ, началъ шутить развеселившійся Китенскій.

— Да, отвѣчалъ улыбаясь Гордановъ:—Ванюкъ мнѣ кое-

что сообщала насчетъ нѣкоторыхъ свойствъ вашего Іогана съ острова Эзеля. Къ чему же было давать вамъ поводъ заподозрить меня въ легкомыслiи? Прошу васъ завернуть завтра ко мнѣ, и я вамъ предъявлю это рукописаніе во всей его неприкосновенности, а когда все будетъ приведено къ концу, тогда, предъ тѣмъ какъ я повезу Висленева въ церковь вѣнчать съ Алиной Дмитріевной, я вручу вамъ эту узду на ея будущаго законнаго супруга, а вы мнѣ отдадите мою цѣну.

— Вполнѣ согласенъ, отвѣчалъ Кишенскій, и подавивъ снова луговку, велѣлъ вошедшему Іогану съ острова Эзеля подать бутылку холоднаго шампанскаго.

За виномъ ударили по рукамъ, и ничего надъ собой не чаявшій Висленевъ былъ проданъ.

Затѣмъ Гордановъ простился и ушелъ, оставя Кишенскому копію писанную неизвѣстною рукой съ извѣстнаго сочиненія, для того чтобы было почему наладить обыскъ, а невѣстѣ еще разъ повторилъ добрый совѣтъ: не выдавать Висленеву его рукописанія никогда, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока онъ исхлопочетъ усыновленіе и причисленіе къ своему дворянскому роду обоихъ ея старшихъ дѣтей.

— А лучше, рѣшилъ Гордановъ,—никогда съ него этой узды не снимайте: запасъ бѣды не чинитъ и хлѣба не проситъ.

Впрочемъ Гордановъ напрасно на этотъ счетъ предупреждалъ госложу Фигурину. Видаясь съ нею послѣ этого въ теченіи нѣсколькихъ дней въ № 7 квартиры Кишенскаго, гдѣ была семейная половина этого почтеннаго джентльмена, Гордановъ убѣдился что онъ сдаетъ Висленева въ такія ежовыя рукавицы что даже послѣ того ему самому, Горданову, становилось знакомымъ чувство близкое къ состраданію, когда онъ смотрѣлъ на бодраго и не знавшаго устали Висленева, который корпѣлъ надъ неустанною работой по разрушенію „василетемновскаго направленія“, тогда какъ его самого уже затемнили и перетемнили.

IX. Ночь послѣ бала.

Дѣло долженъ былъ начать Кишенскій, ему одному извѣстными способами, или по крайней мѣрѣ способами о которыхъ другіе какъ будто не хотѣли и знать. Тихонъ Ларіоновичъ и не медлилъ: онъ завелъ пружину, но она, сверхъ всякаго чаянія, не дѣйствовала такъ долго что Гордановъ уже началъ

смущаться и хотѣлъ напрямикъ сказать Кишенскому что не надо ли повторить?

Но наконецъ пружина потянула, и незримая подземная работа Кишенскаго совершилась: въ одну прекрасную ночь Висленева, Гордонова и Ванскокъ посѣтили незванные гости. Сначала это, конечно, каждое изъ этихъ трехъ лицъ узнало только само про себя, но на зарѣ Ванскокъ, дрожа до зубнаго стука отъ смѣшанныхъ чувствъ радости и тревоги, посѣтила Висленева и застала его сидящимъ посреди комнаты, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена.

— У меня забрали бумаги, лепетала Ванскокъ,—но я ничего не боюсь.

— И у меня забрали, и я ничего не боюсь, отвѣчалъ Висленевъ, и добавилъ что единственная вещь которая его могла скомпрометтировать, на его счастіе, два дня тому назадъ взята Гордановымъ.

Но этому благополучію, однако, было немедленно представлено очень внушительное опроверженіе: въ комнату Висленева, гдѣ Іосафъ Платоновичъ и Ванскокъ въ тревогѣ пили весьма ранній чай, явился встревоженный Гордановъ и объявилъ что и его обыскали.

Висленевъ поблѣднѣлъ и зашатался.

— И мою статью нашли? воскликнулъ онъ въ ужасѣ.

— Нѣтъ; представь, нѣтъ! успокоилъ его Гордановъ.

— Слава тебѣ, Господи! проговорилъ Висленевъ и съ радостнымъ лицомъ перекрестился.

Гордановъ разказалъ счастливое событіе, какъ онъ былъ извѣщенъ намекомъ Кишенскаго что имъ грозитъ опасность, и передалъ ему Висленевское сочиненіе, отъ чего Кишенскій будто отбивался и руками и ногами, но потомъ наконецъ махнулъ рукой, и взявъ, сказалъ что занесетъ и отдастъ его Алинѣ Фигуриной.

— Ну и спасибо имъ, и тебѣ спасибо, и слава Богу, и слава твоему уму! проговорилъ совсѣмъ оправившійся Висленевъ, и опять два раза перекрестился на церковь.

Ванскокъ нетерпѣливо ударила Висленева по рукѣ, и заступивъ его, выдвинулась съ вопросомъ: „какъ это было?“ но Гордановъ не обнаружилъ никакого намѣренія удовлетворять ея любопытства.

— Есть дѣла важнѣе, прошепталъ онъ, озираясь какъ волкъ:— скажите скорѣе гдѣ этотъ вашъ хваленый другъ?

— Какой? освѣдомился Висленевъ.

— Ну вотъ твой „сосѣдъ по имѣнію“?

— Меридіановъ?

— Ну да.

— Онъ вѣрно дома.

— Позови-ка его сюда подъ какимъ-нибудь предлогомъ.

Висленевъ вышелъ въ корридоръ.

— А вы развѣ подозрѣваете Меридіанова? спросила, подпрыгивая вокругъ Горданова, проворная Ванскокъ.

— Я не подозрѣваю, а я знаю навѣрное.

— Меридіанова нѣтъ дома, и онъ, оказывается, даже не ночевалъ, объявилъ въ эту минуту возвратившійся въ свою комнату блѣдный Висленевъ.

Гордановъ только ударилъ рукой по столу и воскликнулъ:

— А что-съ!

— Теперь я вижу, отвѣтилъ Висленевъ.

— Теперь это ясно, рѣшила Ванскокъ, и вдругъ быстро стала прицѣплять на макушку свою форейторскую шапочку.

— Куда же вы? остановилъ ее Висленевъ.

— Какъ куда? Я сейчасъ обѣгу всѣхъ своихъ, и Полисадову, и Поливадову, и по крайней мѣрѣ всѣхъ предупрежу насчетъ Меридіанова.

— А, это другое дѣло, сказалъ Висленевъ.

— Да; а я вамъ даже совѣтую поспѣшить съ этимъ предупрежденіемъ, поддержалъ Гордановъ.

Ванскокъ бомбой вылетѣла изъ квартиры Висленева и покатилась мячомъ по лѣстницѣ, и вдругъ внизу на послѣдней террасѣ носъ къ носу столкнулась съ Меридіановымъ, который тащился вверхъ невѣрными шагами, съ головой тяжелою внутри отъ безпардоннаго кутежа и увѣнчанной снаружи былинками соломы и лухомъ.

Дремучій семинаристъ возвращался домой съ пира заданнаго его пріятелемъ актеромъ Бабиневичемъ, обвѣнчавшимся вчера на фаворитной княжеской танцовщицѣ, послѣ чего всѣ, кромѣ князя и новобрачной, совершали возліяніе богамъ въ сосновомъ бору Крестовскаго острова, на мыскѣ за Русскимъ трактиромъ.

Меридіановъ былъ пьянъ, тяжелъ и веселъ. Столкнувшись съ Ванскокъ, которая нарочно толкнула его локтемъ, онъ сначала ничего не понялъ и отступилъ, но потомъ, воззрясь ей вслѣдъ красными отъ вина и безсонницы глазами, крикнулъ:

— Эй! вы, госложа! бритая барышня! Прошу васъ потише, а то я тебя такъ шшшелкану что ты у меня разсыплешься!

— Я не боюсь васъ, долгогривый шліонъ! крикнула ему, остановясь на минуту, Ванскокъ.

— Что-о-о? переспросилъ изумленный Меридіановъ.

— Шліонъ! повторила Ванскокъ и покатила книзу.

— Дура, отвѣтилъ ей Меридіановъ и пополозъ тяжело наверхъ.

На слѣдующей террасѣ вверху Меридіанова догналъ полицейскій офицеръ и спросилъ его гдѣ здѣсь живетъ Висленевъ?

— Сосѣдъ по имѣнію? спросилъ Меридіановъ пока не распозналъ спьяну мундира вопрошавшаго, но вслѣдъ затѣмъ осѣнясь сознаніемъ, посторонился, и давъ офицеру дорогу, молча указалъ ему на дверь рукой.

Полицейскій офицеръ позвонилъ, и они одновременно вошли въ квартиру: офицеръ впередъ, а Меридіановъ тихонько вползъ за нимъ слѣдомъ и юркнулъ въ свою каморку.

Черезъ пять минутъ полицейскій вывелъ изъ этой квартиры Висленева и увезъ его съ собою въ участокъ, а Меридіановъ совсѣмъ какъ былъ одѣтый слалъ мертвымъ сномъ, ворча изрѣдка: „нѣтъ, я пива больше не могу, — убей меня Богъ, не могу!“

Пока ни въ чемъ кромѣ пьянства неповинный Меридіановъ спалъ, а Ванскокъ летала по городу, обнося,[1] въ видѣ усладительнаго шербета, новую вѣсть, Висленевъ имѣлъ время прочувствовать нѣсколько весьма разнообразныхъ и тягостныхъ ощущеній, сидя въ четырехъ голыхъ стѣнахъ маленькой одинокой камеры въ домѣ одной изъ полицейскихъ частей.

Если во всемъ можно находить свою добрую сторону, то добрая сторона такой недоброй вещи какъ лишеніе свободы конечно заключается только въ томъ что она даетъ человѣку одно лишнее средство одуматься поневолѣ. Одно изъ лицъ извѣстнаго романа Диккенса, содержась въ старой тюрьмѣ, Маршельси, говоритъ что *въ тюрьмѣ—штиль*. Въ другомъ мѣстѣ люди не знаютъ спокойствія, травятъ другъ друга и жадно стремятся то къ тому, то къ другому: здѣсь нѣтъ ничего подобнаго, здѣсь мы стоимъ внѣ всего этого, *мы узна-*

ли худшее въ жизни и нашли — миръ. *Это свобода*, но, увы, къ сожалѣнію и это обрѣтеніе мира и свободы выпадаетъ на долю не всѣхъ подвергающихся печальной участи лишенія свободы, или по крайней мѣрѣ не въ одной и той же степени и не въ одно и то же время для каждаго. Есть люди которыхъ тюремное уединеніе обращаетъ въ какую-то дрязгу, и къ числу таковыхъ принадлежалъ мягкосердый Висленевъ.

Іосафъ Платоновичъ не былъ въ лорѣ добраго раздумья: тюрьма для него не была „штилемъ“, какъ для философа въ Маршельси: она его только пытала томленіемъ страха и мелкимъ чувствомъ трусливой боязни. И сюда-то, на второй день его заключенія, проникли палачи изъ квартиры съ тремя парадными дверями.

Поличье отобранное у Висленева было самаго ничтожнаго свойства, и арестъ его былъ очень не строгъ, такъ что Алинѣ Дмитріевнѣ Фигуриной не стоило никакихъ особенныхъ затрудненій устроить свиданіе съ арестантомъ, а потомъ было еще легче ввести его въ суть дѣла и потребовать отъ него услуги за услугу, брака за сбереженіе его сочиненія, которое находится тутъ же, въ части, въ карманѣ Алины, и сейчасъ можетъ быть предъявлено, послѣ чего Висленеву уже не будетъ никакого спасенія.

Висленевъ задрожалъ, и сжимая руки Алины, прошепталъ:

— Бога ради, Бога ради! я сдѣлаю все: я васъ выручу, я женюсь, женюсь.... Мнѣ это все равно: вѣдь я не дорожу семейнымъ счастьемъ, но ради Бога чтобъ эта бумага осталась между нами!

— Она всегда останется между нами, обѣщала Фигурина и сдержала свое обѣщаніе.

Несчастный Висленевъ и въ помышленіи не имѣлъ что у Фигуриной отнюдь въ ту лору еще и не было его священнаго залога: онъ не подозрѣвалъ Горданова ни въ чемъ, и можно ли было подозрѣвать его? Гордановъ былъ весь густо затушованъ въ этомъ предательствѣ, за которое всю отвѣтственность несъ Меридіановъ. Но за то со многихъ добрыхъ сторонъ Гордановъ заявилъ себя въ это время какъ нельзя лучше: онъ посѣщалъ Висленева въ тюрьмѣ; онъ утѣшалъ его, успокоивалъ; онъ отговаривалъ его отъ пагубной мысли жениться на Фигуриной. Потомъ Гордановъ явилъ бездну мягкости и не только не злословилъ Меридіанова и Фигурину, но

даже напоминалъ Висленеву что это свѣжія раны, которыхъ тревожить не должно. Къ концу своего семидневнаго заключенія, Висленевъ успѣлъ совсѣмъ расположиться на Гордановa. Павелъ Николаевичъ былъ шаферомъ Висленева при его бракосочетаніи съ Фигуриной.

Тяжкій и ужасный для нашего новобрачнаго обрядъ этотъ былъ совершенъ надъ нимъ и Еленой Фигуриной въ первый день освобожденія жениха. Оглашеніе и всякія брачныя формальности были выполнены: заботливыхъ людей нашлось вволю. Самъ священникъ которому надлежало совершить бракъ былъ обманутъ: ему было сказано что предстоящій бракъ, конечно юридически вполнѣ законный, имѣетъ однако свою романическую сторону, которая требуетъ нѣкотораго снисхожденія, и священникъ, осторожно обсуждая каждый свой шагъ, сдѣлалъ только самыя возможныя снисхожденія, но при всемъ томъ, перевѣнчавъ Висленева съ Фигуриной, послѣ долго не зналъ покоя: такъ невообразимо странекъ и необъяснимъ вышелъ бракъ ихъ.

Это была картина Пукирева *Неровный бракъ*, только навыворотъ. Полная невѣста, Елена Дмитріевна Фигурина, въ бѣломъ платьѣ, стояла прямо, и смѣло держала свою свѣчу предъ налоемъ, а женихъ, Іосафъ Платоновичъ, опустился книзу, колѣна его гнулись, голова падала на грудь, и по щекамъ изъ наплаканныхъ и красныхъ глазъ его струились слезы, которыя онъ ловилъ устами и глоталъ въ то время какъ опустившаяся книзу брачная свѣча его текла и капала на колѣно его черныхъ панталонъ. И Кишенскій, державшій вѣнецъ надъ Фигуриной, и Гордановъ, стоявшій сзади Висленева, оба зорко наблюдали и за женихомъ и за смятеннымъ священникомъ, не постигавшимъ тайнъ этого страннаго бракосочетанія, и за народомъ который собрался въ церковь и шелтался по случаю такой невиданной свадьбы.

Положеніе было рискованное: женихъ каждую минуту могъ упасть въ обморокъ, и тогда Богъ вѣсть какой все могло принять оборотъ. Этого опасалась даже сама невѣста, скрывавшая впрочемъ мастерски свое безпокойство. Но какъ часто бываетъ что въ большихъ горестяхъ человѣку даетъ силу новый ударъ, такъ случилось и здѣсь: когда священникъ, глядя въ глаза Висленеву, спросилъ его: „имаши ли благое произволеніе поять себѣ сію Елену въ жену?“ Іо-

сафъ Платоновичъ выпрямился отъ острой боли въ сердцѣ и далъ робкимъ шолотомъ утвердительный отвѣтъ.

— Не обѣщались ли вы прежде сего кому-нибудь? продолжалъ священникъ.

— Обѣщался, отвѣчалъ нѣсколько громче Висленевъ.

Священникъ пріостановился: у свидѣтелей похолодѣло возлѣ сердца.

— Кому? спросилъ священникъ.

— Ей, отвѣтилъ Висленевъ и молча указалъ на стоящую съ нимъ рядомъ Фигурину,—я ей обѣщался прежде.

Китенскій и Гордановъ ободрились, и обрядъ вѣнчанія окончился, оставивъ по себѣ вѣчныя воспоминанія у причта совершавшаго обрядъ и у всѣхъ присутствовавшихъ, видѣвшихъ рыдающаго жениха, привѣнчиваемаго къ нелюбимо твердой невѣстѣ.

Долго вспоминая свадьбу Висленева, священникъ, покусывая концы своей бороды, качалъ въ недоумѣніи головой и вздыхая говорилъ: „все хорошо если это такъ пройдетъ,“ но веселый дьяконъ и смѣшливый дьячокъ, какъ люди болѣе легкомысленные, забавлялись насчетъ несчастнаго Висленева: дьяконъ говорилъ что онъ при этомъ бракѣ только вполнѣ уразумѣлъ что „тайна сія велика есть“, а дьячокъ разказывалъ что его чуть Богъ сохранилъ что онъ не расхохотался, возглашая въ концѣ Апостола: „а жена да боится своего мужа“.

Но какъ бы кому ни казалась эта исторія, важнѣйшій смыслъ ея для Висленева былъ тотъ что его женили, и женили настоящимъ, крѣпкимъ манеромъ, послѣ чего онъ имѣлъ полную возможность дознавать справедливость словъ что „жена не рукавица, и ее съ бѣлой ручки не стряхнешь, да за поясъ не заткнешь“.

X. Висленевскія дроби приводятся къ одному знаменателю.

Со времени описанной нами женитьбы Висленева до того дня когда мы встрѣтили его далеко отъ Петербурга, въ саду сестры его Ларисы, прошло два года, — два года не только тяжкихъ, но даже ужасныхъ для Іосафа Платоновича. Въ эти два года онъ безпрестанно подвергался такимъ пертурбаціямъ что не имѣй онъ своей природной доброты, легко

сти и покладливости, и не будь при немъ Гордановa, мастерски дававшаго ему пріемы хапиша предъ каждою новою операціей, совершаемою надъ нимъ его женой и ея другомъ Китенскимъ, ему бы давно надо было десять разъ умереть смертью самоубійцы; но Висленеву, какъ замѣтила Катерина Астафьевна Форова, Богъ за доброту только лица прибавилъ, то-есть Іосафъ Платоновичъ не состарѣвшись оплѣшивѣлъ. Его жена не бросила его на произволъ вѣтровъ, какъ поступила танцовщица воприсоединившая къ своему имени фамилію Бабиневича, и даже не отпустила его по оброку, какъ пустила своего князя-правовѣда Казиміра Швернотская: нѣтъ; Висленевъ былъ оставленъ на барщинѣ. Безсмертное произведеніе его пера за которое Алина притянула Іосафа Платоновича къ брачному налою никогда не было ему выдано. Врученное Алинѣ Гордановымъ за два часа до бракосочетанія ея съ Висленевымъ, оно навсегда осталось покоиться въ несгораемомъ желѣзномъ шкафѣ, вмѣстѣ съ банковыми билетами и другими драгоцѣнностями, ключъ отъ котораго никогда не разлучался съ Алиной Дмитріевной. Іосафъ Платоновичъ только былъ обольщаемъ надеждой что ему эту роковую бумагу возвратятъ, но возвратятъ конечно современемъ, когда онъ ее заслужитъ. Это была его дѣтская бонбонка, за которую онъ, бѣдный, много старался: онъ въ рукахъ Алины даже превзошелъ всѣ Гордановскія ожиданія. Будучи перевѣнчанъ съ Алиной, но не бывъ никогда ея мужемъ, онъ дѣйствительно усерднѣе всякаго роднаго отца хлопоталъ объ усыновленіи себѣ ея двухъ старшихъ дѣтей, и наконецъ выхлопоталъ это при посредствѣ связей брата Алины и Китенскаго; онъ присутствовалъ съ веселымъ и открытымъ лицомъ на крестинахъ двухъ другихъ дѣтей, которыхъ щедрая природа послала Алинѣ послѣ ея бракосочетанія, и видѣлъ какъ эти милыя крошки были вписаны на его имя въ приходскія метрическія книги; онъ свидѣтельствовалъ подъ присягой о сумашествіи старика Фигурина и отвезъ его въ сумашедшій домъ, гдѣ потомъ черезъ мѣсяцъ одинъ распоряжался бѣдными похоронами этого старца; онъ потомъ завелъ по довѣренности и приказанію жены тяжбу съ ея братомъ и не мало содѣйствовалъ увеличенію ея доли наслѣдства при законномъ раздѣлѣ неуворованной части богатства стараго Фигурина; онъ исполнялъ все, подчинялся всему, и все это каждый разъ въ надеждѣ получить въ свои руки свое произведеніе, и все въ надеждѣ

суетной и тщетной, потому что обѣщанія возврата никогда не исполнялись, и жена Висленева, всякій разъ по исполненію Іосафомъ Платоновичемъ одной службы, какъ сказочная царевна Ивану дурачку, заказывала ему новую, и такъ онъ служилъ ей и ея дѣтямъ вѣрой и правдой, кряхтѣлъ, лысѣлъ, жался и все страстнѣе ждалъ великой и вожделѣнной минуты воздаянія; но она, увы, не приходила. Работа его за всѣми этими заботами очевидно много страдала: онъ не могъ уже вырабатывать и половины того что̀ добывалъ будучи холостымъ, а между тѣмъ расходы его удесятерились. Алина и до бракосочетанія своего съ Висленевымъ только официально числилась въ домѣ своего отца, а жила почти безвыходно въ седьмомъ нумерѣ квартиры съ тремя отдѣленіями Китенскаго. Три квартиры, №№ 7, 8 и 9, представлявшія своимъ размѣщеніемъ большія удобства для видовъ и цѣлей хозяевъ, были законтрактованы Китенскимъ на продолжительный срокъ и соединены посредствомъ ходовъ въ одно, съ виду раздѣленное, но de facto одно цѣлое помѣщеніе. Со свадьбой Алины здѣсь не перемѣнилось ничего: Алина только теперь официально переписалась по домовымъ книгамъ въ квартиру № 7, да сюда же былъ перевезенъ и переписанъ послѣ свадьбы Іосафъ Висленевъ, гдѣ онъ и имѣлъ пріятное удовольствіе узнать всѣ хитрости размѣщенія нумеровъ 7, 8 и 9. Въ № 7, состоявшемъ изъ четырехъ комнатъ, былъ помѣщенъ въ небольшомъ кабинетикѣ Іосафъ Платоновичъ. Рядомъ съ этимъ же кабинетикомъ, служившимъ въ одно и то же время и спальней Іосафу Платоновичу, была дѣтская, далѣе столовая, и за ней будуаръ Алины, изъ котораго была продѣлана дверь, о существованіи которой Висленевъ не подозрѣвалъ до тѣхъ поръ пока не сталъ доискиваться: куда исчезаетъ изъ дома его жена, не выходя дверьми, а улетая инудѣ. Дверь вела чрезъ кассу ссудъ, помѣщавшуюся въ № 8, въ квартиру гдѣ обиталъ Тихонъ Ларіоновичъ Китенскій, управлявшій отсюда всѣми тремя отдѣленіями. Наконецъ Іосафъ Платоновичъ узналъ хорошо и эту дверь; зналъ онъ и все остальное, и все это сносилъ тѣмъ легче, что самъ онъ постоянно увѣралъ себя что его женитьба не настоящая женитьба, что это только такъ себѣ, уступка чему-то. Правда, онъ видѣлъ что вокругъ него все не чисто: все дышетъ порокомъ, тлѣнью, ложью и предательствомъ, но онъ не считалъ себя жильцомъ этого

міра. Жизнь его была теперь настоящая „нощь житія“, отъ которой онъ пробуждался только во снѣ, когда ему мерещился и далекій старый Висленевскій садъ, въ далекомъ губернскомъ городкѣ, и свѣтлый флигель, и сестра, красавица Лара, и русая головка свѣжей миловидной Alexandrine. Такъ это и тянулось, но вотъ и еще грянулъ на голову Висленева новый ударъ: по прошествіи перваго полугодія его женатой жизни, Алина напомнила ему что онъ, кажется, совсѣмъ позабылъ о нуждахъ семьи, и что счетъ издержкамъ производимымъ ею изъ ея собственнаго кармана на домашнія нужды и содержаніе дѣтей составляетъ уже слишкомъ значительную сумму. Висленевъ этого не ожидалъ. Справедливость требуетъ сказать что онъ неохотно жилъ въ № 7 и подчинялся въ этомъ случаѣ единственно требованію Алины, жилъ какъ женился,— угрожаемый страхомъ представленія извѣстной бумаги; но никакого иного коварства онъ здѣсь не подозрѣвалъ. Онъ не одинъ разъ намекалъ своей женѣ что онъ не даромъ ѣстъ за ея столомъ и согрѣваетъ немощную плоть свою подъ ея кровомъ, онъ за все это хотѣлъ разчитаться: за все это думалъ заплатить по ходячей петербургской таксѣ, чѣмъ и утѣшался, трактуя свою жену не иначе какъ своею квартирною хозяйкой, до которой ему не было и нѣтъ никакого дѣла. Но та же справедливость, которая обязывала насъ предъявить читателю эти соображенія Висленева, обязываетъ не скрывать и того что Іосафъ Платоновичъ имѣлъ этотъ разчетъ только *въ теоріи*, и о практической его сторонѣ мало думалъ. Полгода прошло, а не заплочено было ни копѣйки, и ни копѣйки не было въ сбереженіи: расходъ былъ вѣренъ съ приходомъ, и въ запасѣ круглый нуль. Въ такихъ положеніяхъ всѣ благородные и безразчетливые люди бываютъ очень чивы и щедры на обязательства, и Іосафъ Платоновичъ, не возразивъ ни одного слова противъ безчестнаго требованія съ него денегъ на содержаніе многочисленнаго чужаго семейства, гордо отвѣчалъ что онъ теперь, къ сожалѣнію, не можетъ произвесть всего этого, по правдѣ сказать, неожиданнаго платежа, но что онъ готовъ признать долгъ и подписать обязательство.

Алина язвительно просила его разсѣять ея недоумѣнія: въ какихъ соображеніяхъ онъ назвалъ неожиданностью расходъ на семейство? Висленевъ, въ свою очередь, не менѣе язвительно, попросилъ уволить его отъ всякихъ объясненій, и не

провѣряя представленнаго счета, взялъ и подписалъ его, взглянувъ только на послѣдній итогъ: это былъ итогъ въ три тысячи рублей, итогъ, какъ объяснила ему жена, отнюдь не большой, потому что въ Петербургѣ, живучи прилично, съ семействомъ въ пять душъ, съ тремя прислугами и кормилицей, менѣе шести тысячъ рублей въ годъ издержать невозможно.

Висленевъ на это не отвѣчалъ ни однимъ словомъ: онъ понималъ всю низость совершенной съ нимъ продѣлки и презиралъ ее.

— Три эти тысячи которыя я обязался ей заплатить я ей выплачу, говорилъ онъ Горданову, — но согласись самъ что вѣдь это съ ихъ стороны ужасная низость заставлять меня содержать ихъ семью.

— Свинья! коротко отвѣчалъ ему Гордановъ, которому Іосафъ Платоновичъ единому только слагалъ свои жалобы на семейныя обиды, потому что Ванскокъ совершенно охладѣлъ къ нему послѣ его женитьбы.

Горданову Іосафъ Висленевъ сообщалъ и свои надежды что эти три тысячи за то будутъ для него послѣднимъ урокомъ, что онъ ихъ выплатитъ какъ наказаніе за свою неумѣстную довѣрчивость, и откланяется; но пока онъ искалъ средства расплатиться и раскланяться, прошло еще полгода, и ему былъ предъявленъ второй счетъ на такую же сумму, отъ признанія которой не было возможности уклониться послѣ того какъ эта статья разъ уже была признана, и Висленевъ явился должникомъ своей жены уже не на три, а на шесть тысячъ рублей.

— Вотъ къ чему ведутъ эти Меридіановскія штуки, говорилъ онъ Горданову, изъ столь общаго почти всѣмъ людямъ желанія отыскать какого бы то ни было сторонняго виновника своихъ бѣдъ и напастей.

— А, я тебѣ говорилъ! я тебѣ говорилъ! тысячу разъ говорилъ: эй, Іосафъ, мнѣ этотъ Меридіановъ подозрителенъ! Но тебя развѣ можно было увѣрить! успокоивалъ его Гордановъ.

— Помилуй скажи: вѣдь какъ было не вѣрить? Казалось, такой простой, дремучій семинаристъ....

— Да, да, да, это казалось; а ты вѣрно позабылъ что *казалось*—это пресквернное слово: казалось, это коза и лось, оба звѣри рѣзвые и оба звѣри рогатые.

— Ну, да чортъ ихъ возьми: я выплачу, и дѣло съ концомъ.

— Да разумѣется: какъ выплачешь, такъ и ну ихъ тогда ко всѣмъ дьяволамъ.

— Я говорю выплочу, а не выплачу, поправлялъ Висленевъ.

Гордановъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ и удивленнымъ взглядомъ, и потомъ, быстро сплюнувъ на сторону, воскликнулъ:

— Фу ты, какая глупость! Извини пожалуста что я тебя не такъ понялъ.

Висленевъ извинялъ, хотя въ умѣ своемъ онъ уже кое-что смекалъ и насчетъ Горданова, и говорилъ съ нимъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ болѣе по привычкѣ и по неотразимой потребности съ кѣмъ-нибудь говорить, при неимѣніи подъ рукой другаго лица удобнаго для излитія въ душу его своихъ скорбей, а между тѣмъ истекъ третій семестръ, и явился новый трехтысячный счетъ.... Висленевъ, подписавъ этотъ счетъ, остолбенѣлъ: долгу было девять тысячъ рублей, въ полтора года! Сколько же его могло накопиться впередъ? Въ десять лѣтъ—шестьдесятъ тысячъ, въ двадцать — сто двадцать.... До чего же наконецъ дойдетъ? Это значитъ чѣмъ больше жить тѣмъ хуже.

Бѣдный Висленевъ не предвидѣлъ еще одного горя: онъ ужасался только того что на немъ ростутъ записи, и что такимъ образомъ на немъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ причтется триста тысячъ, безъ процентовъ и рекамбій; но другими дѣло было ведено совсѣмъ на иныхъ разчетахъ, и Іосафу Платоновичу въ половинѣ четвертаго полугодія всѣ его три счета были предъявлены къ уплатѣ, сначала домашнимъ, келейнымъ образомъ, а потомъ и чрезъ посредство подлежащей власти.

У Висленева въ груди заколыхались слезы, и онъ бросился къ Горданову.

— Помилуй, Павелъ Николаичъ! заговорилъ онъ, щипля дрожащими руками свою короткую верхнюю губу, — на что же это похоже? Ты все знаешь, тебѣ извѣстны и наши дѣла и мое положеніе: чего же они, разбойники, пристаютъ ко мнѣ съ ножомъ къ горлу? Я заплачу, но дайте же мнѣ срокъ!

— О срокахъ ты, голубушка Іосафъ Платонычъ, не говори: сроковъ тебѣ было дано много, отвѣчалъ спокойно Гордановъ.

— Да; много сроковъ, но много и дѣлъ на меня было взвалено: я совсѣмъ не имѣлъ времени работать за хлопотами то объ усыновленіяхъ, то о наслѣдствѣ, а теперь еще вдобавокъ

требуютъ не девять тысячъ, а гораздо болѣе, потому что насчитали всякіе проценты да рекамбіи....

— Все дѣла законныя.

— Законныя! Ты меня злишь этимъ своимъ равнодушіемъ и законностью. Ты будь человѣкомъ и имѣй сердце съ четырьмя желудочками: вѣдь вонъ смотри, мнѣ суютъ на подпись еще особый счетъ въ шестьсотъ рублей, на двое крестинъ, по триста рублей на каждыя!

— Что же, это, воля твоя, не много.

— Не много! Да за что мнѣ и эту немногость платить? За что, я тебя спрашиваю? за что? Вѣдь надо знать нашу жизнь!

— Ну какъ же ты хочешь чтобъ я зналъ то чего я не знаю и знать не могу.

— Такъ я тебѣ разскажу, чтобы ты зналъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Бога ради и не думай разсказывать! Я знаю одно, что между мужемъ и женой никакихъ посредниковъ быть не должно, и ни въ чьи семейныя тайны не мѣшаюсь.

— Тайны! тайны! вскипѣлъ вдругъ Висленевъ. — Нѣтъ же, дружище, если вы хотите называть тайнами всякія разбойничьи мерзости, такъ я сдѣлаю всѣ эти тайны явными: я все это выведу наружу и подамъ просьбу въ судъ!

— Ну вотъ, еще этого недоставало!

— А что же такое? непремѣнно подамъ!

— Полно пожалуста срамиться!

— Чего срамиться? Все это вздоръ, никакого срама нѣтъ: теперь всѣ судятся.

— Ну да, обрадовались уже что судъ у нихъ есть, такъ и валятъ, и комаръ, и муха. Брось эту мысль, брось! На кого и на что ты будешь жаловаться? Живешь ты съ женой въ одномъ домѣ, ты законный, въ церкви вѣнчанный мужъ, и стало-быть и законный отецъ, и всѣ требованія отъ тебя на содержаніе семейства, и на крестины, и на похороны вполнѣ правильны, и судъ разсудитъ тебя точно такъ же какъ я тебя разсудилъ. А что платить женѣ признанныя тобою обязательства ты обязанъ, такъ это тоже безспорно. Будь это во Франціи или въ Англіи, это было бы иное дѣло: тамъ замужняя женщина вся твоя; она принадлежитъ мужу съ тѣломъ, съ душой и, что всего важнѣе, съ состояніемъ, а наши законы, ты знаешь, тянутъ въ этомъ случаѣ на бабью сторону: у насъ что твое, то ея, потому что ты, какъ мужъ, обязанъ содержать

семью, а что̀ ея, то не твое, не хочетъ дѣлиться, такъ и не подѣлится, и ничего съ нея не возьмешь.

Висленевъ погрозилъ что онъ станетъ искать развода, но Гордановъ надъ этимъ только расхохотался.

— Полно тебѣ пожалуста людей смѣшить, сказалъ онъ пріятелю, — какіе такіе у насъ разводы, и съ чѣмъ ты станешь добиваться развода, и на какихъ основаніяхъ? Только одинъ скандалъ и больше ничего.

— Я на себя приму вину.

— А она великодушно проститъ тебѣ твое прегрѣшеніе, вотъ только и взялъ.

— Это чортъ знаетъ что̀!

— Именно чортъ знаетъ что̀, но дѣлать нечего: ловѣсился и мотайся, у насъ женатый человѣкъ закрѣпощенъ женщинѣ, закрѣпощенъ.

— Пусть же будетъ хоть скандалъ! Пусть хоть все вскрою, все изобличу что̀ дѣлаютъ новыя женщины.

— Волервыхъ, не изобличишь, потому что ничего не докажешь; вовторыхъ, ничего не разоблачишь, потому что эти дѣла производятся не гласно, а втретьихъ, сдѣлаешь подлость, потому что тронешь свѣжую рану, и тебя такъ взлупятъ въ каждомъ целудивомъ листкѣ что ты станешь притчей во языцѣхъ.

Висленевъ онѣмѣлъ.

Гордановъ это замѣтилъ и налегъ на эту тему.

— Что̀? заговорилъ онъ.—Вспомни-ка какъ ты самъ стегалъ людей и жарилъ за противодѣйствіе женамъ? Вспомни-ка, милый другъ, вспомни все это, да примѣрь на себя. Хорошо тебѣ будетъ какъ твои прецеденты-то въ судѣ такъ и замрутъ при закрытыхъ дверяхъ, а въ газетахъ лойдутъ тебя жарить? Оправдываться что ли станешь?

— А что̀ же такое? И стану. Ты думаешь не стану? Нѣтъ, братъ, меня перепилили: я уже на все лойду.

— И выйдешь тогда уже, — извини пожалуста, — круглый дуракъ.

— Отчего-съ?

— Да оттого же.

— Да отъ чего же, скажи отъ чего именно?

— Оттого что кто же это, какая газета, по твоему мнѣнію, усердно предложитъ тебѣ свои столбцы для твоихъ скандальныхъ жалобъ на жену?

— Не безпокойся пожалуста, найду такую.

— Ничего ты не найдешь. Брось, говорю тебѣ, выбрось совсѣмъ вонъ изъ головы эту негодную мысль судиться. Не надо было жениться на оболмашь, а женился — терпи.

— Да вѣдь надо знать какъ я женился и почему.

Висленевъ никогда никому не говорилъ настоящей причины почему онъ женился на Алинѣ Фигуриной, и былъ твердо увѣренъ что секретную исторію о его рукописномъ аманатѣ знаетъ только онъ да его жена, которой онъ никому не хотѣлъ выдать съ ея гнусною исторіей, и несъ все на себѣ, увѣряя всѣхъ и каждаго что онъ женился изъ принципа, чтобъ освободить Алину отъ родительской власти, но теперь, въ эту минуту озлобленія, Гордянову показалось что Іосафъ Платоновичъ готовъ сдѣлать его довѣреннымъ своей тайны, и потому Павелъ Николаевичъ, желавшій держать себя отъ всего этого въ сторонѣ, быстро зажалъ себѣ обѣими руками уши и сказалъ:

— Бога ради! Бога ради: я ничего не стану слушать и мнѣ вовсе не надо знать какъ и почему ты женился? Это опять ваше семейное дѣло, и честно ли, подло ли что̀ тутъ дѣлалось, въ томъ ни я, ни кто другой не судьи.

— Но дѣло въ томъ что это все дѣлалось подло.

— Тѣмъ хуже для тебя, отвѣчалъ открывая уши Гордановъ,—но за то тѣмъ важнѣе твоя заслуга.

— Предъ кѣмъ это?

— А предъ принципомъ: сноси, терпи свѣжую рану и не открывай ея. Что̀ дѣлать, любезный! Некрасовъ прекрасно гдѣ-то сказалъ: „Вѣкъ жертвъ очистительныхъ проситъ.“

Висленевъ, выбросивъ за окно только-что закуренную сигару и вскочивъ въ негодованіи со стула, воскликнулъ:

— Что̀ ты мнѣ рацеи-то разводишь объ очистительныхъ жертвахъ? Стань-ка самъ, любезный другъ, жертвой-то! Нѣтъ, ты видно богословъ, да неодновословъ: ты когда-то совсѣмъ не то говорилъ, когда я стоялъ за самоложертвованіе, а ты принесъ свой поганый, все перепортившій дарвинизмъ, съ его борьбой за существованіе! Я борюсь за мое существованіе; да, чортъ возьми! да.... за существованіе! Они или я, кто-нибудь одинъ. Они меня стерли; даже имя мое стерли: меня зовутъ неиначе какъ „Алинкинъ мужъ“, мнѣ даже повѣстку прислали: „Мужу Алины Дмитріевны Висленевой“.... Нѣтъ!

Я не хочу слушать никакихъ вашихъ новыхъ хитростей, да.... Не хочу, не хочу быть „Алинкинымъ мужемъ!“

Висленевъ быстро бросился въ уголъ и закрылъ глаза носовымъ платкомъ, изъ-подъ котораго послышались тихія нервныя всхлипыванья.

Гордановъ молча чистилъ ногти и, наконецъ, тихо проговорилъ:

— Ты больше ничего какъ сумасшедшій, съ которымъ нельзя ни о чемъ разсуждать.

Висленевъ тотчасъ же отпрянулъ изъ угла на средину комнаты, и не скрывая болѣе своихъ слезъ, закричалъ горячимъ нервнымъ голосомъ:

— Что, сумасшедшій? Что такое я сказалъ что со мною нельзя разсуждать? А! нельзя разсуждать! Знаю я, Павелъ Николаичъ, все я знаю, все знаю почему со мною нельзя разсуждать.

Онъ сжалъ кулаки, и поднявъ ихъ надъ своею головой, сдѣлалъ къ Горданову шагъ и заговорилъ голосомъ твердымъ и сильнымъ:

— Со мною нельзя разсуждать потому что я говорю правду, что я волію къ человѣческому правосудію и состраданію; потому что я убитъ, да, да, убитъ, уничтоженъ; что у меня ничего нѣтъ, и съ меня нечего взять, а съ Алиной Дмитріевной и съ Кишенскимъ можно дѣла дѣлать.... Гмъ! взглянулъ онъ заскрипѣвъ зубами и ринувшись впередъ на Горданова,—такъ вотъ же дѣлайте, подлецы, дѣлайте со мною что вы хотите! Дѣлайте, а я васъ не боюсь.

И съ этимъ Іосафъ Платоновичъ, дойдя до высшей степени раздраженія, пошатнулся, упалъ въ кресло, и легши руками на столъ, заколотилъ ожесточенно лбомъ о доску.

Гордановъ, вскочившій въ то мгновеніе когда Висленевъ сдѣлалъ къ нему послѣдній шагъ, и стоявшій съ насупленными бровями и со стуломъ въ рукѣ во все время произнесенія Висленевымъ послѣднихъ ожесточенныхъ словъ, при видѣ послѣдующаго припадка, бросилъ стулъ, и наливъ изъ графина стаканъ воды, выплеснулъ его издали на голову несчастнаго мученика.

Висленевъ встрепенулся, обвелъ вокругъ комнату жалкимъ, ломутившимся взглядомъ, и вздрогнувъ еще разъ, опершись одною рукой на столъ, а другою досталъ изъ кармана зубочистку, и сталъ тщательно чистить ею въ зубахъ.

Выплеснутая на него вода сбѣгала теперь мелкими серебристыми каплями съ его волосъ, съ пальцевъ его дрожащихъ рукъ, съ его платья, съ его сомлѣвшихъ колѣнъ: словно все существо его плакало, и слезы его лились на полъ той самой комнаты гдѣ за два года предъ этимъ онъ былъ проданъ какъ парія, какъ послѣдній крѣпостной раскрѣпощенной Россіи.

Видъ его былъ страшно печаленъ и жалокъ; жалокъ до такой степени что онъ опять шевельнулъ, если не сердце Горданова, который сердцемъ никогда никого не пожалѣлъ, то его нервы, такъ какъ отъ этого рода сожалѣнія не свободны и злые люди: видъ безпомощнаго страданія и имъ тяжелъ и непріятенъ.

Гордановъ подошелъ къ своему камину, взялъ съ него два чугунные шара, которыми производилъ домашнюю гимнастику, и подойдя съ ними къ окну, помахалъ ими взадъ и впередъ, и потомъ, кашлянувъ два раза, сказалъ:

— Свидѣтельствуюсь всѣмъ что мнѣ тебя отъ души жалко, и еслибъ я могъ тебѣ помочь,—я бы охотно помогъ тебѣ.

— Благодарю, отвѣчалъ спокойно Висленевъ.

Гордановъ бросилъ одну пару шаровъ за диванъ и съ другою подошелъ къ графину, налилъ новый стаканъ воды и подалъ его Висленеву.

Тотъ взялъ стаканъ и быстро его выпилъ, жадно глотая воду, такъ что глотокъ нагонялъ глотокъ и звонко щелкалъ въ его взволнованной горячей груди.

— Погоди, началъ Гордановъ, видя что больной гость его успокоивается:—погоди: у меня есть планъ, я не скрою отъ тебя что у меня есть вѣрный планъ, по которому я достигну чего я хочу: я буду богатъ.... я буду очень богатъ.

— Я вѣрю, отвѣчалъ Висленевъ.

— Мой планъ нерушимъ и неотразимъ: онъ никому не могъ придти въ голову кромѣ меня, хотя онъ простъ какъ Колумбово яйцо.

— Что же мнѣ изъ этого?

— Что тебѣ?—странный вопросъ. Я тебѣ скажу болѣе: я работалъ, я эти два года страшно работалъ, и у меня есть деньги....

— Я это знаю, уронилъ Висленевъ, и самъ всталъ съ своего мѣста, налилъ себѣ самъ стаканъ воды, такъ же жадно ее выпилъ глотками погонявшими глотокъ, и вздохнувъ, бы-

стро сбросилъ съ себя пиджакъ, разстегнулъ жилетъ и легъ на диванъ.

— Прошу тебя положи на мѣсто твои шары, — я съ тобою драться не стану, проговорилъ онъ, отворачиваясь отъ свѣта.

— Да я это совсѣмъ и не для того....

— Ну такъ положи ихъ пожалуста на мѣсто: нечего уже бить битаго.

— Такъ что же ты не хочешь что ли и слушать?

— Нѣтъ; говори: мнѣ все равно: я слушаю.

— Я конечно могъ бы тебѣ дать десять тысячъ или двѣнадцать.... Сколько тамъ они на тебя насчитали?

— Двѣнадцать.

— Но это для меня равнялось бы самоуничтоженію.

— Повѣрь что я бы никогда и не принялъ ни отъ кого такой жертвы, а тѣмъ болѣе отъ тебя.

— Почему же это тѣмъ болѣе отъ меня?

— Потому что ты самъ небогатый человѣкъ, и деньги для тебя значатъ много: ты хочешь быть богатымъ.

— Да, и прибавь, я у самой цѣли моихъ желаній и спѣшу къ ней жадно, нетерпѣливо, и она близко, моя цѣль: я почти касаюсь ее моими руками, но для этого мнѣ нуженъ каждый мой грошъ: я трясусь надъ каждою копѣйкой, и если ты видишь что я кое-какъ живу, что у меня въ домѣ есть бронза и бархатъ, и пара лошадей, то, любезный другъ, это все нужно для того чтобы поймать, исторгнуть изъ рукъ тысячи тысячъ людей милліоны, которые они накопили и сберегли для моей не-дурацкой головы? Ты думаешь мнѣ пріятно возиться съ твоимъ Китаевскимъ и съ твоею Алиной Дмитріевной?... Да я самъ бы подложилъ подъ нихъ дровъ, еслибъ ихъ жарили на медленномъ огнѣ! Ты думаешь что меня тѣшитъ мой экипажъ, или сверканье подковъ моихъ рысаковъ? — нѣтъ; каждый стукъ этихъ подковъ отдается въ моемъ сердцѣ: я бы, самъ чортъ ихъ возьми, съ большимъ бы удовольствіемъ возилъ на себѣ этихъ рысаковъ, чтобы только не платить за ихъ кормъ и за ихъ ковку, но это нужно; понимаешь ты Іосафъ: все это нужно для того же, для того чтобы быть богачомъ, милліонеромъ....

— И ты увѣренъ что этого достигнешь? спросилъ Висленевъ, переворачиваясь къ нему лицомъ.

— Я не могу этого не достигнуть, Висленевъ! Я тебѣ говорю

что планъ мой это нѣчто совсѣмъ геніальное, — онъ простъ какъ я не знаю что̀, и между тѣмъ онъ никому до сихъ поръ еще не пришелъ въ голову и вѣроятно никому не придетъ; но во всякомъ случаѣ: на грѣхъ мастера нѣтъ, и потому надо спѣшить.

— Спѣши же пожалуста; спѣши.

— Я и спѣшу; я тебѣ говорю что я готовъ бы возить на самомъ себѣ по городу моихъ собственныхъ лошадей, еслибы мнѣ за это что-нибудь дали, чтобы я могъ скорѣе довести мой капиталъ до той относительно ничтожной цифры съ которою я дамъ вѣрный, неотразимый ударъ моему почтенному отечеству, а потомъ.... потомъ и всему міру ходящему подъ солнцемъ.

— Твой замыслъ гигантскій?

— Да гигантскій, небывалый: простой и невѣроятный. Его труднѣе не исполнить, чѣмъ исполнить, но мнѣ нужна ничтожная сумма, какія-нибудь гадостныя двадцать пять, тридцать тысячъ рублей.

— И неужто же ты не найдешь на такое вѣрное дѣло компаньйона?

— Компаньйона? Ты дитя, Іосафъ! Мое великое, громадное предпріятіе совсѣмъ не акціи, не концессіи,—оно столько же не желѣзныя дороги, сколько и не воздухоплаваніе.

— И не избіеніе же это человѣческаго рода, не разбойное нападеніе на всѣхъ капиталистовъ?

— Фи, милый мой: оставимъ это дурачество глупымъ мальчишкамъ играющимъ въ соціалисты! Нѣтъ; я тебѣ повторяю что все это проще лыковаго лаптя, проще лукошка, но компаньйонъ мнѣ невозможенъ потому что всякій компаньйонъ захочетъ знать въ чемъ заключается мой замыселъ, а я, понятно, этого не хочу; я хочу самъ сжать ниву, и уже серпъ мой въ рукѣ или почти въ рукѣ. Такого компаньйона который бы мнѣ вѣрилъ на слово я не нашелъ въ этой толпѣ биржевыхъ кулаковъ, среди которыхъ я бился и колотился эти два года, терпя отъ нихъ всяческія униженія съ моими ничтожными алтынами. И за то я все вытерпѣлъ, и я буду одинъ.

— Будь у меня деньги, я бы тебѣ, кажется, повѣрилъ.

— Спасибо и за то, давай руку и успокойся. Успокойся, Іосафъ: вотъ тебѣ моя рука что ты не пропадешь! У меня скоро, скоро будетъ столько.... столько золота что я зажму-

рясь захвачу тебѣ пригоршни, сколько обхватятъ мои руки, и брошу тебѣ на разживу съ моей легкой руки.

— Я буду объ этомъ молчать и ждать.

— Жди,—но молчи или не молчи, это мнѣ все равно: дѣло мое превыше всякаго страха, я внѣ всякой конкурренціи, и мнѣ ломѣшать не можетъ никто и ничто. Впрочемъ теперь и недолго уже лождать лока имя Горданова прогремитъ въ мірѣ....

— А ты здоровъ?

— Не бойся, я въ своемъ умѣ, и вотъ тебѣ тому доказательство: я вижу вдали и вблизи: отъ своего великаго дѣла я перехожу къ твоему безконечно маленькому,—потому что оно таково и есть, и ты его самъ скоро будешь считать таковымъ же. Но какъ тебя эти жадныя, скаредныя грошевыя твари совсѣмъ пересилили....

— Ахъ, братъ, переселили,—переселили и перепилили!

— Ну вотъ то-то и есть, и ты уже не въ мѣру разнервничался; я вижу что я, противъ всѣхъ моихъ правилъ и обычаевъ, долженъ вступиться въ твое спасеніе.

— Прошу тебя, если только можешь.

— Конечно на столько на сколько я теперь могу.

— Я невозможнаго и не требую.

— Ну и прекрасно, но разумѣется уже за то чуръ меня слушаться!

— Я никогда не пренебрегалъ твоимъ совѣтомъ, отвѣчалъ Висленевъ.

— Ну да, такъ вѣрой же и спасешься: вопервыхъ, вы теперь, я думаю, на ножахъ?

— Я не выхожу изъ своей комнаты и ни съ кѣмъ дома не говорю.

— Глупо.

— Они мнѣ противны.

— Глупо, мой милый, глупо! Bitter Wasser тоже противна, да однако ее вѣдь глотаютъ, а не дуются на нее. Нѣтъ, ты, я вижу, совсѣмъ античный нигилистъ, тебя хоть въ музей рѣдкостей. Непримиримый, а? Ты непримиримый?

— Хорошо тебѣ смѣяться.

— И ты бы долженъ смѣяться, и тебѣ бы должно быть хорошо, да не умѣешь.... Ну, дѣлать нечего: если совѣстливъ, такъ просись лока у жены на оброкъ!

— Куда къ чорту!... Съ ними ничего не подѣлаешь.

— Ну, успокой ихъ: застрахуй свою жизнь. Что же если она

съ тебя положитъ въ годъ рублей тысячу оброку, можешь же ты еще платить рублей триста въ страховое общество, застраховавши себя въ двѣнадцать тысячъ?

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ иронически улыбнувшись Висленевъ.

— За что меня благодарить? Я тебѣ даю лучшій совѣтъ какой только возможно. Плати оброкъ, дай имъ свой страховой полисъ въ обезпеченіе долга, и будь снова свободнымъ человѣкомъ, и я возьму тебя къ своему предпріятію.

— Я ни за что себя не застрахую.

— Это почему?

— Почему?... А ты не догадываешься?

— Умереть что ли боишься?

— Да; суевѣренъ немножко.

— Думаешь что они тебя отравятъ.

— Разумѣется, какъ пить дадутъ. Теперь вѣдь я имъ все попридѣлалъ и Елена Дмитріевна будетъ вдова Висленева, чего же имъ ждать и отчего не взять за меня двѣнадцать тысячъ?

Гордановъ какъ будто задумался.

— Предупреди ихъ, чортъ ихъ возьми!

Висленевъ посмотрѣлъ на Гордановa и тихо отвѣтилъ:

— Повѣрь, мнѣ совсѣмъ не до шутокъ.

Гордановъ отвернулся и закусилъ губу.

— Постой же, сказалъ онъ.—Если это заходитъ уже такъ далеко что есть мѣсто и такимъ мрачнымъ подозрѣніямъ, то я схожу къ нимъ и переговорю какъ это можно кончить.

— Сдѣлай милость.

— Ты довѣряешь мнѣ?

— Даже прошу.

— Такъ оставайся же здѣсь, а я пойду, и черезъ часъ, много черезъ два, ты будешь имѣть результатъ моего свиданія. Не обѣщаю тебѣ ничего, но надѣюсь что въ ту ли или въ другую сторону положеніе твое выяснится.

— Только бы выяснилось.

— Ну, и прекрасно! А по оброку идти ты согласенъ?

— Разумѣется! Только ты же поторгуйся. Тысячу рублей это много: вѣдь можно и заболѣть, и всякая штука, а ужь онъ вѣдь не помилуетъ.

— Ладно, поторгуемся, отвѣчалъ Гордановъ выходя за двери.

Висленевъ остался на минуту одинъ, но вдругъ бросился вслѣдъ за Гордановымъ, догналъ его на лѣстницѣ и сказалъ

что онъ согласенъ платить женѣ въ годъ даже и тысячу рублей, но только съ тѣмъ чтобы съ него не требовали этихъ денегъ въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ его оброчнаго положенія, а взяли бы на эту сумму впередъ за три года вексель.

Гордановъ принялъ это къ свѣдѣнію, молча качнулъ Висленеву головой и уѣхалъ.

XI. Висленевъ являетъ натуру.

Въ продолженіи двухъ часовъ, которые Іосафъ Платоновичъ провелъ въ квартирѣ Горданова, расхаживая по комнатѣ и кусая себѣ въ волненіи ногти, Павелъ Николаевичъ все велъ переговоры, и наконецъ возвратился немного разсерженный и на первыхъ же порахъ изругалъ Кишенскаго и Алину самыми энергическими словами.

Висленевъ, видя такое состояніе своего друга, оробѣлъ.

— Что же такое они говорятъ? приставалъ онъ, юля около Горданова.

— Что, любезный, говорятъ? Подлецы они оба и скареды, и больше ничего.

— Я тебѣ говорю что это лятакъ-пара!

— Пара! Нѣтъ, жена твоя еще лучше, съ ней бы еще можно ладить.

— Она умнѣе.

— И умнѣе, и разсудительнѣе; а ужь тотъ вотъ гадина-то! И что у него за улыбка за подлая! Замѣтилъ ты или нѣтъ какъ онъ смѣется? Въ устахъ нѣтъ никакого движенія: сейчасъ же хи-хи, и опять все лицо смирно.

— Ну, что же они говорятъ-то? Что?

— Я имъ сказалъ разумѣется все....

— Ну?

— И разъяснилъ имъ, или по крайней мѣрѣ старался имъ разъяснить что такъ гнести человѣка нельзя, что это нестерпимо, что тебѣ надо дать передышку.

Гордановъ не вралъ: все это онъ за минуту дѣйствительно представлялъ и Кишенскому, и Висленевой.

— Ну, и что же они тебѣ отвѣчали? нетерпѣливо приставалъ злополучный Висленевъ.

— Отвѣтъ ихъ прямъ какъ шестъ: они тебя отпускаютъ.

Висленевъ благодарственно перекрестился.

— Но отпускаютъ съ условіями: вопервыхъ, переписать долгъ твой женѣ на векселъ, на имя Китенскаго, въ восемьнадцать тысячъ.

— Ну?

— Говорятъ что полученіе съ тебя сомнительно, могутъ потребоваться расходы и тому подобное, и что потому иначе нельзя какъ приписать полтину на рубль, что другіе даже пишутъ вдвое и втрое.

— Ну, ну, я слушаю.

— Вовторыхъ, векселъ долженъ быть не срочный, а „по предъявленіи“, но они ручаются что въ теченіи года они тебя не побезпокоятъ.

— Я говорилъ въ теченіи трехъ лѣтъ.

— И я имъ это тоже говорилъ, но они находятъ это неудобнымъ и указываютъ на возможность гораздо скорѣйшаго разчета съ твоей стороны.

— Это любопытно!

— У тебя есть недвижимая собственность?

— Это вздоръ; у меня была часть въ домѣ принадлежащемъ нынче сестрѣ моей Ларисѣ, но я давно уступилъ ей мою часть по формальному акту.

— По дарственной записи?

— Да.

— Что же, дарственная запись документъ поворотный: есть законъ по которому даръ дарителю возвращается.

Висленевъ поблѣднѣлъ.

— Дальше? спросилъ онъ нетерпѣливо,—что дальше? Говори пожалуста сразу все чего эти разбойники хотятъ?

— Они думаютъ что половину долга, то-есть девять тысячъ съ небольшимъ, ты уплатишь имъ своею частью на домѣ, уничтоживъ дарственную твоей сестрѣ.

— Да!

— А половину они будутъ ждать, и ты долженъ будешь платить всего тысячу двѣсти рублей въ годъ женѣ на содержаніе ея съ четырьмя дѣтьми (что, должно сознаться, вовсе не дорого), и только соблюсти всѣ формы по застрахованію своей жизни, полисъ на которое будетъ служить обезпеченіемъ второй половины долга, но премію будетъ за тебя платить твоя жена. Вотъ и всѣ ихъ условія.

— Всѣ! Всѣ? Ты говоришь: всѣ? крикнулъ побагровѣвъ Висленевъ.—Такъ прошу же тебя, доверши мнѣ твои услуги: съѣзд-

ди еще разъ на твоихъ рысакахъ къ нимъ, къ этимъ подлецамъ, пока они не уѣхали на своихъ рысакахъ на луга любоваться солнцемъ, и скажи имъ что дѣло не подается ни на шагъ, что они могутъ дѣлать со мной что имъ угодно: могутъ сажать меня въ долговую тюрьму, въ рабочій домъ, словомъ, куда только могутъ, но я не припишу на себя болѣе ни одной лишней копѣйки долга; я не стану себя застраховывать, потому что не хочу дѣлать мою кончину выгодною для моихъ злодѣевъ, и ужь навѣрное (онъ понизилъ голосъ и весь побагровѣлъ прохрипѣлъ).... и ужь навѣрное никогда не коснуся собственности моей сестры, моей бѣдной Лоры, которой я обѣщался матери моей быть опорой и отъ которой самъ удалилъ себя, благодаря.... благодаря.... окутавшей меня подтасованной разбойничьей шайкѣ.... Скажите имъ, скажите имъ, Павелъ Николаевичъ, что я жалѣю о томъ времени когда я сидѣлъ послѣдній разъ въ тюрьмѣ и не умѣлъ терпѣливо предоставить себя своей судьбѣ, но я это поправлю.

И онъ съ этимъ схватилъ фуражку и быстро бросился къ двери, но Гордановъ удержалъ его за руку, посадилъ на диванъ, и выбѣжавъ вонъ со шляпой на головѣ, заперъ гостя на ключъ.

Путь на который обратился Гордановъ былъ тотъ же самый съ котораго онъ только-что возвратился: Павелъ Николаевичъ дѣйствительно возвратился къ Кишенскому и Алинѣ, и былъ такимъ горячимъ защитникомъ Висленева что Іосафъ Платоновичъ въ данномъ случаѣ даже и не могъ бы пожелать себѣ лучшаго адвоката предъ его тиранами.

Гордановъ просто ругался за своего кліента, и ругался страстно и спорилъ логично и доказательно. Онъ доказывалъ Кишенскому что поступки его съ Висленевымъ превосходятъ всякую мѣру человѣческой подлости; что терпѣніе жертвы ихъ очевидно перелилено, что это неразчетливо и глупо доводить человѣка до отчаянія, потому что человѣкъ безъ надежды на спасеніе готовъ на все, и что Висленевъ теперь именно въ такомъ состояніи, что онъ изъ мести и отчаянія можетъ пойти и самъ обвинить себя невѣдомо въ какихъ преступленіяхъ, лишь бы предать себя въ руки правосудія, отомстя тѣмъ и Кишенскому и женѣ. При этомъ Гордановъ описалъ яркими красками состояніе въ которомъ онъ оставилъ у себя подъ замкомъ Висленева.

— Я не ручаюсь даже, добавилъ онъ,—что въ то время ког-

да мы съ вами разсуждаемъ, онъ ложалуй или слустился внизъ изъ окна по водосточной трубѣ, или, что̀ еще хуже, удавился у меня въ спальнѣ на полотенцѣ. Такъ, господа, нельзя.

Кишенскій продолжалъ во время этихъ рѣчей злобно хихикать, непосредственно за смѣхомъ принимая самыя серіозныя мины, но жена Висленева, слушавшая Горданова со вниманіемъ, согласилась съ нимъ во всемъ, и сама сказала:

— Да, такъ нельзя.

— Конечно, поддержалъ Гордановъ:—вы со своею неумытною жестокостью съ нимъ похожи на хозяина зарѣзавшаго курицу которая несла золотыя яица.

— Не видали мы отъ него до сихъ поръ этихъ золотыхъ яицъ, отвѣчалъ Кишенскій, мгновенно улыбнувшись и насупясь.

— По крайней мѣрѣ несъ хоть мѣдныя, а все не изъ кармана, а въ карманъ, возразилъ Гордановъ.

— Да, да; это неправда: онъ намъ былъ полезенъ, вмѣшалась Алина.

— Полезенъ поневолѣ, вставилъ Кишенскій.

— Ну по волѣ ли, или по неволѣ, но все-таки я не хочу его четвертовать заживо, это вовсе не нужно.

— И это вовсе невыгодно, поддержалъ Гордановъ.

— Да, это совсѣмъ не нужно: ему надо дать передышку.

— Разумѣется! Ничего болѣе и не нужно какъ передышку. Кто вамъ говоритъ чтобы вы его выпустили какъ птицу на волю? Ужъ навѣрно не я стану вамъ это предлагать, да и онъ уже такъ загонялся что самъ этого не требуетъ, но дайте же ему передохнуть, чтобъ онъ опять вамъ пригодился. Пусть онъ станетъ хоть немножко на ноги, и тогда мы опять его примахнемъ.

— Конечно это такъ, рѣшила Алина и занялась соображеніями относительно того какъ устроить отпускъ мужа на наилегчайшихъ для него и выгоднѣйшихъ для нея условіяхъ.

Въ этихъ соображеніяхъ Гордановъ принялъ ближайшее участіе, не стѣсняясь нимало молчаніемъ Кишенскаго, и черезъ часъ времени было положено: взять съ Іосафа Платоновича вексель въ пятнадцать тысячъ рублей „по предъявленію“, съ тѣмъ чтобы на словѣ онъ былъ спокоенъ что этого предъявленія въ теченіе трехъ лѣтъ не послѣдуетъ, и затѣмъ дать ему свободу на всѣ четыре стороны.

Кишенскій имѣлъ что-то возразить противъ этой резолюціи, но Алина ее отстояла, и Гордановъ принялъ ее и при-

везъ Висленеву, котораго засталъ у себя дома крѣпко спящимъ.

Висленевъ былъ очень доволенъ резолюціей, и сразу на все согласился.

— Однако знаешь ли: она, значитъ, все-таки безъ сравненія лучше этого подлеца, который такъ расписываетъ о беззаконности собственности, сказалъ онъ Гордонову, когда тотъ передалъ ему весь планъ въ довольно справедливомъ изложеніи.

— О, Господи, есть ли что равнять? отозвался Гордоновъ:— Она игрокъ, а это шушера. Пей вотъ вино!

Вина было выставлено много и ужинъ богатый.

— Скажи однако за что же она его любитъ? любопытствовалъ Висленевъ, сидя на чистой простынѣ застланнаго для него дивана.

— Другъ! Что есть любовь? отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ.— Онъ ей нравится.

— Правда, правда.

— И ты ей тоже можетъ-быть нравишься. Даже можетъ-быть и болѣе.... Чортъ ихъ, братъ, знаетъ: помнишь какъ это Гейне говоритъ: „не узнаешь гдѣ у женщинъ ангелъ съ дьяволомъ граничитъ“. Во всякомъ случаѣ сегодня она вела себя въ отношеніи тебя прекрасно.

Висленевъ молча каталъ шарикъ изъ хлѣба, улыбался и пилъ, и наконецъ сказалъ:

— Знаешь, Гордоновъ: я понимаю въ одномъ мѣстѣ короля Лира.

— Въ какомъ? вопросилъ Гордоновъ.

— Когда онъ при видѣ неблагодарныхъ Реганы и Гонерильи говоритъ: „и злая тварь *мила* въ сравненьи съ тварью злѣйшей“.

— И благо тебѣ, и благо тебѣ! завершилъ Гордоновъ, наливая Висленеву много и много вина и терпѣливо выслушивая долгія его сказанія о томъ: какъ онъ нѣкогда любилъ Alexandrine Синтянину и какъ она ему внезапно измѣнила, и о томъ какъ танцовщица на которой одновременно съ нимъ женился Бабиневичъ, разсорясь съ своимъ адораторомъ княземъ, просто-на-просто пригласила къ себѣ своего законнаго мужа Бабиневича, и какъ они теперь умилительно счастливы; и наконецъ о томъ какъ ему, Висленеву, все-таки даже жаль своей жены, во всякомъ случаѣ стоящей гораздо выше такой презрѣнной твари какъ жидъ Кишенскій, котораго она любитъ.

Гордановъ намекнулъ Висленеву что и ему ничто не мѣшаетъ довести свои дѣла до того же до чего довелъ свои брачныя дѣла его товарищъ и современникъ Бабиневичъ.

Пьяный Висленевъ забредилъ на эту ноту, и „злая тварь“, которая до сей поры была только немножко мила „въ сравненьи съ тварью злѣйшей“, стала уже казаться ему даже совсѣмъ милою, даже очень милою. Ему стала мерещиться даже возможность возстановленія семейнаго счастія.

Гордановъ лилъ вино не жалѣя, и самъ, далеко за полночь, уложилъ Іосафа Платоновича въ постель, а утромъ уѣхалъ по дѣламъ, пока Висленевъ еще спалъ.

XII. Гордановъ спотыкается на ровномъ мѣстѣ.

Павелъ Николаевичъ Гордановъ нимало не лгалъ ни себѣ, ни людямъ что онъ имѣлъ оригинальный и вѣрный планъ быстраго и громаднаго обогащенія. У него дѣйствительно былъ такой планъ, и въ ту минуту до которой доведена наша исторія, Гордановъ дѣйствительно былъ уже близокъ къ его осуществленію. Этотъ достойный всеобщаго вниманія планъ, тщательно скрываемый отъ всѣхъ и отъ каждаго геніальнымъ въ своемъ родѣ Павломъ Николаевичемъ долженъ быть принятъ и читателями до нѣкотораго времени на вѣру. Впрочемъ личный характеръ солиднаго и дальнозоркаго Гордонова вѣроятно сдѣлаетъ такое довѣріе со стороны читателя не особенно труднымъ. Гордановъ не могъ увлекаться мыслями вздорными и несбыточными, и онъ дѣйствительно имѣлъ секретъ который былъ не чета всѣмъ до сихъ поръ распубликованнымъ секретамъ нажить милліонъ трудами да бережливостью. Гордановскій рецептъ совсѣмъ иного свойства: онъ по быстротѣ и вѣрности его дѣйствія несомнѣнно долженъ удивить всѣхъ, и конечно удивитъ, когда съ развитіемъ нашей исторіи онъ перестанетъ быть секретомъ для міра и сдѣлается общимъ достояніемъ.

У Павла Николаевича теперь, какъ мы видѣли, дѣло шло о полученіи въ свои руки „какихъ-нибудь несчастныхъ двадцати пяти или тридцати тысячъ“, и онъ уже былъ близокъ къ обладанію этимъ основнымъ капиталомъ, изъ котораго въ полгода должны были народиться у него милліоны.

Все что Гордановъ говорилъ Висленеву насчетъ своихъ надеждъ и разчетовъ, равно какъ и на счетъ своей готовности возить на себѣ своихъ собственныхъ лошадей, еслибъ онѣ платили, все это была сущая правда. Два года женатой жизни Висленева Гордановъ провелъ въ неусыпнѣйшихъ трудахъ, таская на себѣ скотовъ гораздо менѣе благородныхъ чѣмъ его кони. Два года тому назадъ, когда онъ, только слегка намѣтивъ свой планъ, бросилъ службу и пріѣхалъ въ Петербургъ, у него не было ничего кромѣ небольшаго, заложеннаго и перезаложеннаго хуторка, не имѣющаго уже никакой цѣны, да двухъ-трехъ тысячъ наличности, собранной на службѣ изъ жалованья и наградъ, которыя онъ получалъ благодаря его усердію, рачительности и талантамъ. Продавъ Алинѣ и Кишенскому Висленева, онъ получилъ за него девять тысячъ рублей, итого всего имѣлъ около одиннадцати тысячъ. Для того чтобы начать операцію съ милліонами, ему недоставало гораздо болѣе того что онъ имѣлъ, а время было дорого, надо было наживать быстро, и притомъ нельзя было дозволять себѣ никакого риска. Вслѣдствіе этого Павелъ Николаевичъ не предпринялъ никакихъ аферъ: онъ не искалъ концессій и не игралъ бумагами, а просто сдѣлался компаньономъ Алины по кассѣ ссудъ. Кишенскій, занятый литературой, которая служила ему для поддержки однихъ концессіонеровъ и компаній, и для подрыва и униженія другихъ, уже по ссудной кассѣ мало занимался: ею теперь вполнѣ самостоятельно заправляла жена Висленева и ей-то такой компаньонъ и сотоварищъ какъ Гордановъ былъ вполнѣ находкой. Они жили по-польской пословицѣ: любяся какъ братья и считаясь какъ Жиды, и такимъ образомъ Павелъ Николаевичъ, занимаясь ростовщичествомъ и маскируя это ремесло свѣтскимъ образомъ жизни и постояннымъ вращательствомъ въ средѣ капиталистовъ второй и даже первой руки, къ концу втораго года увеличилъ свой капиталъ рубль на рубль. Онъ теперь имѣлъ на свой лай почти какъ разъ столько сколько ему было нужно, и уже собирался выступить изъ товарищества. Это какъ разъ совладало съ только-что разказанными происшествіями съ Висленевымъ, и вслѣдъ затѣмъ какъ Гордановy удалось уладить кое-какъ Висленевскія отношенія съ его женой, онъ и самъ приступилъ къ развертkѣ своихъ дѣлъ съ нею. Мирный вечеръ которымъ заключалась компанейская ростовщичья дѣятельность Горданова съ Алиной за-

сталъ ихъ вдвоемъ, тщательно со всѣхъ сторонъ залертыми въ квартирѣ № 8. Они провѣрили всѣ свои книги и счеты; вычислили барыши, разчислили ихъ по суммѣ оборотныхъ капиталовъ того и другаго, и сдѣлали выводъ, по которому на долю Павла Николаевича теперь падало тридцать двѣ тысячи чистогана. Это было даже болѣе того, что Гордановy было нужно для его таинственной и вѣрной операціи; оставалось только завтра размѣнять бумаги и раскланяться.

Гордановъ былъ очень доволенъ и томился только нетерпѣніемъ: онъ снова чувствовалъ душевный зудъ и плохо смотрѣлъ вокругъ. Впрочемъ вокругъ его ничего собственно и не происходило. Когда онъ съ Алиной покончилъ счеты, пріѣхалъ домой Китенскій: онъ привезъ большой астраханскій арбузъ, и въ самомъ веселомъ расположеніи духа разказывалъ какую штуку продѣлала Данка съ Цилри-Килри. Штука въ самомъ дѣлѣ была преинтересная: Цилри-Килри закупила у Данкинаго мужа на сроки двадцать какихъ-то акцій, употребивъ на это весь капиталъ, нажитый ею съ мужемъ отъ своего увеселительнаго заведенія. Акціи падали, и пали ужасно; мужъ Цилри-Килри хотѣлъ отказаться отъ своей покупки, предоставляя Данкиному мужу любоваться его покупной запиской. Дѣло стало было на ножи, но жены игроковъ, старыя подруги, взялись все уладить и уладили: Данка уговорила Цилри-Килри доплатить безъ вѣдома мужа всю убыточную разницу, съ тѣмъ что послѣ, когда такимъ образомъ будетъ доказана честность и стойкость Цилри-Килри, Данка склонитъ своего мужа оказать еще большій кредитъ самой Цилри-Килри, и тогда Данка сама пойдетъ съ нею въ желаемую компанію, и онѣ сами, двѣ женщины, поведутъ дѣло безъ мужей, и заручившись сугубымъ кредитомъ, наконецъ обманутъ мужа Данки. Цилри-Килри послушалась и внесла Данкиному мужу всю разницу, что̀ равнялось всему капиталу ея мужа, а теперь мужъ ея выгналъ за это вонъ, и когда Цилри-Килри явилась къ Данкѣ, то Данка тоже выгнала ее вонъ и отреклась чтобъ она съ ней когда-нибудь о чемъ-нибудь подобномъ говорила.

— Это ловко! воскликнулъ Китенскій, закончивъ свой разказъ, и добавилъ что непріятно лишь одно что Цилри-Килри ведетъ себя ужасною дѣвчонкой и бѣгаетъ по редакціямъ, прося напечатать длиннѣйшую статью въ которой обличаетъ и Данку и многихъ другихъ. Я говорилъ ей, добавилъ онъ, что

это негодится, что вѣдь все это свѣжая рана, которой нельзя шевелить, но она отвѣчала: „Пусть!“ и побѣжала еще куда-то.

— А все это отчего? сказалъ, кушая арбузъ, Гордановъ:—все это оттого что давать человѣка вдосталь, какъ прессомъ жмутъ, и средствъ поправиться уже никакихъ не оставляютъ. Это никогда ни къ чему хорошему не поведетъ, да и неразчетливо. Настоящій игрокъ всегда страстному игроку реваншъ даетъ, чтобы на немъ шерсть обростала, и чтобы было олять кого стричь.

Кишенскій согласился.

— Вонъ нашъ плакутка теперь, видите, преспокоенъ, продолжалъ Гордановъ, намекая на Висленева.—Даже ухаживаетъ издали за Алиной Дмитріевной, и все бѣднякъ лепечетъ мнѣ про его знакомаго актера Бабиневича, котораго его законная жена наконецъ приласкала, разойдясь со своимъ княземъ.

— И олять его прогонитъ, когда найдетъ себѣ графа, сухо поставилъ Кишенскій.

— А ты, кажется, ревнуешь? Алина Дмитріевна! я говорю Тиша-то васъ уже кажется ревнуетъ къ вашему мужу?

— Допросите его ложалуста хорошенько. Мнѣ тоже кажется что-то въ этомъ родѣ, отвѣчала, слегка улыбаясь и лозируя своимъ стройнымъ станомъ Алина.—А между тѣмъ я вамъ скажу, гослода, что ужь мнѣ пора и домой, въ Павловскъ: я здѣсь и не обѣдала, да и дѣтей цѣлый день не видала. Не пріѣдете ли и вы къ намъ сегодня, Гордановъ?

— Я?

— Да, посидимъ часокъ на музыкѣ и потомъ поужинаемъ.

— Поздно будетъ, послѣдній поѣздъ уйдетъ.

— Отчего? Теперь восемь часовъ, а мы поужинаемъ въ одиннадцать, а послѣдній поѣздъ пойдетъ въ половинѣ двѣнадцатаго; а если залоздаете, у Висленева въ его вигвамѣ въ саду есть диванъ,—останьтесь у насъ переночевать.

— Вы такъ убѣдительно зовете что....

— Право, право: пріѣзжайте, Гордановъ! Это даже необходимо: мы разчитались пріятельски, — разопьемте же вмѣстѣ могарычъ. Давайте слово, я васъ жду и непремѣнно хочу чтобы вы сегодня провели вечеръ съ нами.

— Если вы непремѣнно этого хотите, то будь по вашему.

Гордановъ далъ Алинѣ слово встрѣтиться съ нею и съ Кишенскимъ въ вокзалѣ желѣзной дороги, и уѣхалъ къ себѣ переодѣться по дачному.

— Ну, и къ дѣлу! сказала Алина, замкнувъ за Гордановымъ дверь и быстро возвращаясь къ Китенскому въ полуолустоенную квартиру.

— Зачѣмъ ты его звала? спросилъ Тихонъ Ларіоновичъ.

— Такъ нужно, отвѣчала Алина, и затѣмъ вынувъ изъ несгараемаго шкафа большой сакъ-вояжъ туго набитый драгоцѣнными вещами залогодателей, подала его Китенскому и велѣла держать, а сама быстро обѣжала квартиру, взяла еще нѣсколько цѣнныхъ вещей, остававшихся въ небольшомъ количествѣ, сверкула все это въ шитую гарусную салфетку; собрала всѣ бумаги съ письменнаго стола Висленева, отнесла ихъ въ темную кладовую, запиравшуюся желѣзною дверью и разложила ихъ по полкамъ.

Затѣмъ она возвратилась въ кабинетъ гдѣ сидѣлъ Китенскій, и сорвавъ толстый бумажный шнурокъ со шторы, начала его поспѣшно вытрелывать и мочить въ полоскательной чашкѣ.

— Что ты это дѣлаешь? спросилъ ее въ раздумьи Китенскій.

— А ты какъ думаешь что́ я дѣлаю?

— У меня все въ головѣ эта штука Данки съ Цилри-Килри. Это можно было и тебѣ въ большемъ, и въ гораздо большемъ размѣрѣ разыграть съ Гордановымъ.

— То-есть что́ же это такое: обобрать его на половину?

— Да.

— Да, это бы хорошо.

— Но время уже улущено, вздохнулъ Китенскій.

— Конечно, уронила Алина, выжимая смоченный шнурокъ.

— Эта Данка далеко пойдетъ.

— И назадъ не воротится.

— Отчего?

— Не прячетъ концовъ. Держи-ка вотъ этотъ шнурокъ.

— Да; но она нынче съ барышомъ, а мы завтра платимъ, и еще какой кушъ платимъ!

— Какой?

— Сама знаешь.

— Я знаю что я ничего не заплачу. Подай спичку.

— Что́ это будетъ? полюболытствовалъ Китенскій, подавая зажженную спичку.

Алина поднесла конецъ шнурка къ огню, и вытрелянныя волокна бумаги быстро занялись тлѣющимъ огнемъ.

— Понялъ? спросила Алина.

— Алина! ты геніальна! воскликнулъ Кишенскій.—Онъ не получитъ ничего?

— Этого мало: онъ не посмѣетъ съ нами разстаться, и его секретъ будетъ мой.

— А ты въ него вѣришь?

— Вѣрю: Гордановъ на вздоръ не расположится.

— Алинка!.. Ты чортъ!

И Кишенскій улыбнулся, схватилъ Алину за подбородокъ, и вдругъ засеріозничалъ и молча сталъ помогать Алинѣ укладывать шнурокъ по всему краю полокъ набитыхъ сочиненіями Іосафа Платоновича. Черезъ часъ всѣ эти пиротехническія затѣи были окончены, шнуроки съ конца припалены; желѣзная дверь замкнута, и хозяинъ съ хозяйкой уѣхали, строго настрого наказавъ оставленной при квартирѣ бѣдной нѣмецкой женщинѣ беречь все луще глаза, а главное быть осторожною съ огнемъ.

Гордановъ сдержалъ свое слово и ожидалъ Кишенскаго и Алину въ вокзалѣ: онъ предупредительно усадилъ Алину въ вагонъ и держалъ во всю дорогу на колѣняхъ ея сакъ-вояжъ. Висленевъ встрѣтилъ ихъ на длинной платформѣ въ Павловскѣ: онъ не выѣзжалъ отсюда въ Петербургъ три дня, потому что писалъ въ угоду женѣ большую статью объ угнетеніи женщины,—статью которою Алина несомнѣнно очень интересовалась и во время сочиненія которой Висленевъ бесѣдовалъ со своею женой какъ наилучшіе друзья, и даже болѣе. Сегодня вечеромъ Алина еще обѣщала „все обсудить“ съ мужемъ въ его статьѣ, и Висленевъ ждалъ ее въ Павловскѣ одну,—потому что она такъ ему говорила что Кишенскій останется по своимъ дѣламъ въ городѣ, и оттого веселый Висленевъ, увидавъ Кишенскаго и Горданова, вдругъ смутился и опечалился.

Гордановъ сразу это замѣтилъ, и идя рядомъ съ Висленевымъ, сказалъ ему:

— Что ты дуешься какъ мышь на крупу? Ты этакъ только выдаешь и себя и жену; будь покоенъ: я его буду занимать.

Алина тоже утѣшила мужа.

— Въ городѣ душно, и Тихонъ Ларіонычъ не захотѣлъ оставаться, сказала она, идучи подъ руку съ мужемъ,—но я нарочно упросила сюда пріѣхать Горданова: они будутъ задаты, а

мы можемъ удалиться въ паркъ и быть совершенно свободны отъ его докуки.

Такъ все и сдѣлалось.

Оркестръ игралъ превосходно; иллюминація задалась какъ нельзя лучше; фонтанъ шумѣлъ, публика гуляла, пила, кушала. Ночь спустилась почти южная; въ сторонѣ за освѣщенною поляной была темень. По длинной галлереѣ гдѣ стояли чайные столики пронеслась бѣглая вѣсть что въ Петербургѣ пожаръ. Нѣсколько лицъ встали и въ небольшой тревогѣ пошли чтобы взглянуть на зарево, но зарева не было. Пожаръ конечно былъ ничтожный. Однако многіе изъ вставшихъ уже не возвращались, и у вагоновъ послѣдняго поѣзда произошла значительная давка. Гордановъ съ Китенскимъ долго бились чтобы достать билетъ для Павла Николаевича, но наконецъ плюнули и отошли прочь, порицая порядки желѣзной дороги и неумѣніе публики держать себя съ достоинствомъ, а между тѣмъ прозвонилъ второй и третій звонокъ послѣдняго поѣзда.

— Я сяду безъ билета! воскликнулъ Гордановъ и бросился къ вагону, но въ это время прозвучалъ третій звонокъ, локомотивъ визгнулъ, и поѣздъ покатилъ разсыпая искры.

Гордановъ остался на платформѣ какъ рыба на сухомъ берегу.

Онъ оглянулся вокругъ и увидалъ себя среди незнакомыхъ людей: это были дачники провожавшіе знакомыхъ. Китенскаго нигдѣ не было видно.

Фонари гасли, и поляна предъ эстрадой и паркъ погружались въ глубокую темень. Гордановъ зашелъ въ вокзалъ, гдѣ сидѣли и доливали вино господа рѣшившіеся прогулять ночь напролетъ. Китенскаго здѣсь тоже не было. Гордановъ выпилъ рюмку ананаснаго коньяку, зажегъ сигару и отправился въ паркъ: нигдѣ зги не было видно, и сѣдой туманъ какъ темный духъ лѣзъ изъ всѣхъ поръ земли и проницалъ холодомъ ноги и колѣна.

Паркъ былъ почти пустъ, и лишь рѣдко гдѣ мелькали романическія пары, но и тѣ сырость гнала по домамъ. Гордановъ повернулъ и пошелъ къ дачѣ Веселовыхъ, но окна дома были темны, и горничная сидѣла на крыльцѣ.

— Тихонъ Ларіонычъ дома? спросилъ Гордановъ.

— Нѣтъ, ихъ нѣтъ, отвѣчала дѣвушка.

Гордановъ завернулся и снова пошелъ въ паркъ, надѣясь встрѣтить Тихона Ларіоновича, и онъ его встрѣтилъ: на по-

воротѣ одной аллеи предъ нимъ выросъ человѣкъ, какъ показалось, громаднаго роста и съ большою дубиной на плечѣ. Онъ было кинулся къ Горданову, но вдругъ отступилъ и сказалъ:

— Извините, я не видалъ что вы одни.

— Тихонъ Ларіонычъ! позвалъ Гордановъ.

— А? что? отвѣчалъ Кишенскій.

— Чего вы это носитесь по лѣсу?

— Да помилуйте: гдѣ же они? А? вы ихъ не видали—а? Вѣдь съ нею канальи Висленевъ! и съ этимъ Кишенскій опять взмахнулъ палкой и бросился впередъ.

Они оба пробѣжали нѣсколько аллей прежде чѣмъ Кишенскій, подскакивавшій къ каждой залоздавшей парѣ, вдругъ ударилъ себя рукой по лбу и бросился домой.

Іосафъ Платоновичъ и жена его были теперь дома: они сидѣли въ маленькой дачной залѣ и пили изъ одной общей стеклянной чаши простоквашу.

Кишенскій и Висленевъ окинули другъ друга гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ. Отъ Горданова это не скрылось, и онъ уловивъ взглядъ внутреннаго смѣявшейся Алины, отвернулся, вышелъ на балконъ и расхохотался. Алина открыла рояль, и страстные звуки Шопена полились изъ-подъ ея рукъ по спящему воздуху.

— Твердая рука, твердая! думалъ Гордановъ: что-то она это мастеритъ, что-то этимъ возьметъ съ Типки?

— Препротивный дуракъ этотъ Іосафка! сказалъ, неожиданно подойдя къ Павлу Николаевичу, Кишенскій.

— Чѣмъ? Вы его просто ревнуете.

— Вовсе не ревную, а просто онъ гадость человѣкъ, и его присутствіе ее безпокоитъ, тревожитъ ее, а она нервная нервная, и все это на ней отражается.

Когда Гордановъ, раздѣвшись, улегся на диванѣ въ крошечной закуткѣ внутри сада, которую называли „вигвамомъ“, и въ которой былъ ломѣцекъ Висленевъ, Іосафъ Платоновичъ въ свою очередь соскочилъ съ кровати, и подбѣжавъ къ Горданову, заговорилъ:

— А знаешь, Павлюкашка, я тебѣ скажу, братъ, что въ моей женѣ очень еще живы хорошія начала.

— Ну еще бы! отвѣчалъ Гордановъ.

— Право, право такъ! Ты не знаешь какъ она меня иногда занимаетъ? Ты знаешь, есть люди которые не любятъ конфетъ и ананасовъ, а любятъ изюмъ и пряники; есть люди

которые любятъ купить какую-нибудь испорченную, старую штучку и исправить ее, приспособить....

— Говори, любезный другъ, толковѣе, я тебя не понимаю.

— То-есть я хочу сказать что есть такіе люди, и что я.... я тоже такой человѣкъ.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю; впрочемъ это теперь въ модѣ дрянью интересоваться.

— Нѣтъ, я люблю....

— Я вижу что любишь.

— Я люблю воскресить.... понимаешь, воззвать къ жизни, и потому съ тѣхъ поръ какъ эта женщина не скрываетъ отъ меня что она тяготится своимъ прошедшимъ и.... и....

— И настоящимъ что ли?

— Да, и настоящимъ; повѣрь, она меня очень занимаетъ и я....

— А она это сказала тебѣ что она тяготится своимъ прошедшимъ и настоящимъ?

— Нѣтъ, сказать она не сказала, но вѣдь это видно, и наконецъ же у меня есть глаза, и я понимаю женщину!

— Ну, а со мной, братъ, объ этомъ не говори: я этими дѣлами не занимался и ничего въ нихъ не смыслю.

— Ахъ, Паша, неужто это правда? Неужто ты никогда, никогда не любилъ?

— Никогда.

— И никогда не полюбишь?

— Никогда.

— Почему, Павлюканъ, дерево ты этакое? Почему?

— Фу! какъ ты сегодня до противности глупо оживленъ! Отстань ты отъ меня, сдѣлай милость!

— Да, я оживленъ; но почему ты не хочешь любить, разкажи мнѣ?

— Потому что любовь это роскошь, которая очень дорого стóитъ, а я бережливъ и разчетливъ.

— Любимая женщина-то дорого стóитъ?

— А какъ же? Приведи-ка въ итогъ потерю времени, потерю на трезвости мысли, потерю въ работѣ, да наконецъ и денежныя потери, такъ какъ съ любовью соединяются почти всѣ имена существительныя кончающіяся на ны, какъ-то: именины, родины, крестины, похороны.... все это чрезъ женщинъ, и потому вообще давай лучше спать, чѣмъ говорить про женщинъ.

— И ты никогда не чувствовалъ потребности любить?

— Потребности?

— Да.

— Нѣтъ, не чувствовалъ.

— И когда Глаша Акатова тебя любила, ты не чувствовалъ?

— Не чувствовалъ.

— И послѣ, когда она вышла за Бодростина, ты тоже не чувствовалъ ревности?

— Тоже не чувствовалъ.

— Почему?

— Почему?... времени не было, вотъ почему, а впрочемъ второй и послѣдній разъ говорю: давай спать, а то ужъ утро.

Висленевъ было замолчалъ, но вдругъ круто повернулся лицомъ къ Горданову и сказалъ:

— Нѣтъ, прости меня, Паша, а я не могу.... Скажи же ты мнѣ: вѣдь ты все-таки изрядный плутъ?

— Ну и слава Богу, пробурчалъ, зѣвая, Гордановъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ; да и порой мнѣ кажется что уже и всѣ мы стали плуты.

— Съ чѣмъ тебя и поздраваю.

— Да какъ же! вѣдь у насъ теоріи-то нѣтъ! Правду говоря, вѣдь мы и про нашъ дарвинизмъ совсѣмъ позабыли, и если тебя теперь спросить какому же ты теперь принципу служишь, такъ ты и не отвѣтишь.

— Не отвѣчу, потому что объ этомъ теперь у умныхъ людей и разговоровъ не можетъ быть, и сдѣлай милость и ты оставь меня въ покоѣ и спи.

— Ну, хорошо; но только еще одно слово. Ну, а если къ тебѣ не умный человѣкъ пристаетъ съ этимъ вопросомъ и вотъ, подобно мнѣ, не будетъ отставать пока ты ему не скажешь что у тебя за принципъ, ну скажи, голубчикъ, что ты на это скажешь? Я отъ тебя не отстану, скажи: какой у насъ теперь принципъ? Его нѣтъ?

— Врешь, есть, и есть принципъ самый логическій и здоровый, вытекшій естественнымъ путемъ изъ всего историческаго развитія нашей культуры....

— Паша, я слушаю, слушаю, говори!

— Да что же мнѣ тебѣ еще разжевывать? Мы отрицаемъ отрицаніе.

— Мы отрицаемъ отрицаніе! воскликнулъ Висленевъ, и за-

хлопалъ какъ дитя въ ладоши, но Гордановъ сердито огрызнулся и громко крикнулъ на него:

— Да сли же ты наконецъ, ненавистный Чухонецъ!

И съ этимъ Гордановъ повернулся къ стѣнѣ.

Утромъ Павелъ Николаевичъ уѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Алиной. Кишенскій остался дома въ Павловскѣ, Висленевъ тоже, и Гордановъ, ѣдучи съ Алиной, слегка шутилъ на ихъ счетъ и говорилъ не покусались бы они.

— Ахъ, они мнѣ оба надоѣли, отвѣчала Алина, и Гордановъ показалось что Алина говоритъ правду, и что не надоѣлъ ей.... онъ, самъ Гордановъ, но....

Но о всемъ этомъ не время было думать. Въ Петербургѣ Горданова ждала ужасная вѣсть: всѣ блага жизни, для которыхъ онъ жертвовалъ всѣмъ на свѣтѣ, всѣ эти блага, которыхъ онъ уже касался руками, отпрыгнули и умчались въ пространство, такъ что ихъ не было и слѣда, и гнаться за ними было напрасно. Квартира № 8 сгорѣла. Пока отбивали желѣзную дверь кладовой, въ ней нашли уже одинъ пепелъ. Погибло все, и главное, залоговъ погибло вдесятеро болѣе чѣмъ на сумму въ которой они были заложены.

Гордановъ понялъ что это штука, но только не зналъ какъ она сдѣлана. Но это было все равно. Онъ зналъ что его ограбили, и что на все это негдѣ искать управы, что дѣло сдѣлано чисто, и что вступить въ споръ или тяжбу будетъ значитъ принять на себя обязанность доказывать, и ничего не доказать, а кромѣ всего этого, теперь еще предстоитъ отвѣтственность за погибшіе залоги....

Гордановъ сидѣлъ, опершись на руки головой, и молчалъ.

Предъ вечеромъ онъ всталъ и пошелъ въ квартиру № 8. Здѣсь была только одна Алина и нѣсколько поденщиковъ, выносившихъ мусоръ.

Павелъ Николаевичъ вошелъ молча и молча сталъ посреди комнаты гдѣ принимались заклады, здѣсь его и застала Алина; онъ ей поклонился и не сказалъ ни упрека, ни полуболытствовалъ даже ни однимъ вопросомъ.

Алина сама прервала тяжелое молчаніе.

— Voilà une affaire bien étrange! сказала она ему при рабочихъ.

— Je n'y vois rien d'impossible, madame, отвѣчалъ спокойно Гордановъ.

— Monsieur! крикнула, возвысивъ голосъ и отступая шагъ назадъ, Алина. — Que voulez-vous dire?

— Comment avez-vous fait cela?

Алина окинула его съ головы до ногъ холоднымъ, убійственнымъ взглядомъ, и молча вышла въ другую квартиру и заперла за собой дверь. Гордановъ тоже повернулся и ушелъ, ограбленный, уничтоженный и брошенный.

Наступили для Павла Николаевича дни тяжкіе, дни какихъ онъ давно не зналъ, и дни которыхъ другому бы не снести съ тою твердостью и спокойствіемъ съ коимъ переносилъ ихъ Гордановъ. Положеніе Павла Николаевича поистинѣ было трагическое; онъ не только потерялъ состояніе и былъ далече отброшенъ отъ осуществленія завѣтнѣйшей своей мечты,—онъ оставался должнымъ разнымъ лицамъ. Правда, не Богъ вѣсть какія это суммы, около трехъ, четырехъ тысячъ, но и тѣхъ ему отдать было нечѣмъ, а между тѣмъ сроки наступали, и Павелъ Николаевичъ легохонько могъ переселиться изъ своихъ удобныхъ апартаментовъ въ Tarasen Garten (какъ называютъ въ шутку петербургскую долговую тюрьму). Гордановъ понималъ это все и не жаловался никому: онъ зналъ всю безполезность жалобъ и молчалъ, и думалъ думу долгую и крѣпкую, и наконецъ сдѣлалъ неожиданный визитъ въ Павловскъ, Китенскому и Алинѣ.

— Господа! сказалъ онъ имъ,—то что со мною сдѣлалось превыше всякаго описанія, но я не дуракъ, и знаю что съ воза упало, то пролало. Ни одинъ милліонеръ не махалъ такъ равнодушно рукой на свою потерю, какъ махнулъ я на свое разореніе, но прошу васъ помогите мнѣ, сдѣлайте милость, стать опять на ноги. Я сдѣлалъ инвентарь моему имуществу — все вздоръ!

— Вещи идутъ ни за что, сказалъ Китенскій.

— Да; онѣ дорого стоятъ, а продать ихъ пришлось бы за грошъ. За все что я имѣю въ квартирѣ, съ экипажемъ и лошадьми, не выручишь и полуторы тысячи.

— Да; и у васъ лѣвый конекъ, я замѣтилъ, сталъ покашливать, вы его запалили.

— Вы это замѣтили, а я и этого не замѣтилъ, но впрочемъ все равно, этимъ не выручишься: я долженъ до четырехъ тысячъ, и сроки моимъ векселямъ придутъ на сихъ дняхъ. Помогите, прошу васъ.

— Чѣмъ же-съ?

— Чѣмъ? Разумѣется деньгами. Не хотите ссудить меня, купите мои векселя и дайте мнѣ срокъ на годъ, на два.

— А почемъ ихъ продадутъ?

— Какъ почемъ? Я васъ прошу меня не ославлять и купить мои векселя рубль за рубль.

Кишенскій улыбнулся и стихъ. Гордановъ зналъ что это значитъ: „оставь надежду навсегда“.

— Вамъ, кажется, лучше всего идти бы опять на службу, посовѣтовалъ Кишенскій Горданову.

— Это, Тихонъ Ларіонычъ, предоставьте уже мнѣ знать что мнѣ теперь лучше дѣлать. Нѣтъ, служба мнѣ не поможетъ. На меня представятъ векселя, и меня со службы прогонятъ; одно что нужно прежде всего—это замедлить срокъ векселей.

— А вашъ планъ?

— Мой планъ въ моей головѣ.

— Вы бы его лучше бросили.

— Вы не знаете о чемъ говорите.

— Ну какъ можно на двадцать лять тысячъ похватать милліоны?

— Ну ужъ это мое дѣло.

— Такъ вамъ бы поискать компаньйона.

— Нѣтъ такого компаньйона который бы мнѣ вѣрилъ на слово.

— Что вы хоть примѣромъ, хоть намекомъ, притчей ничего не скажете, что такое это за простое, но вѣрное средство? Кажется мы знаемъ всѣ простыя средства: выиграть, украсть, убить, ограбить,—вотъ эти средства.

— Нѣтъ, есть другія.

— Напримѣръ? Скажите хоть что-нибудь, чтобъ я хоть видѣлъ что вы знаете нѣчто такое что мнѣ не приходило въ голову.

— И это васъ удовлетворитъ? Извольте. Прошу васъ отвѣтить мнѣ: сколько денегъ должно заплатить за проѣздъ изъ Петербурга въ Москву въ вагонѣ втораго класса?

— Тринадцать рублей...

— А я вамъ говорю что не тринадцать, а рубль шесть гривенъ.

— Это какимъ образомъ?

— Самымъ простымъ: вы берете въ Петербургѣ билетъ до Колпина, и отдаете его на первой станціи; на полдорогѣ, въ Бологомъ, вы берете опять на одну станцію и отдаете; на пред-

послѣдней станціи къ Москвѣ берете третій разъ и отдаете. На все это вы издерживаете рубль съ копѣйками, и вы пріѣхали такъ же удобно какъ и за тринадцать рублей.

— Васъ могутъ изловить.

— Могутъ, но не ловили, и потомъ есть способъ еще вѣрнѣйшій: я попрошу у сосѣда его билетъ посмотрѣть и скажу что это *мой* билетъ.

— Изъ этого начнется ссора.

— Да; но я доѣду, мнѣ не докажутъ что я завладѣлъ чужимъ билетомъ.

— Что же изъ этого?

— Ничего болѣе какъ то что я доѣду туда куда мнѣ было нужно.

— Не понимаю какое же это отношеніе имѣетъ къ милліонамъ.

— Тогда не я виноватъ что вы не понимаете, а ужъ яснѣе до поры до времени ничего не скажу.

И Гордановъ ушелъ отъ Китенскаго безо всякихъ надеждъ: онъ стоялъ совсѣмъ на краю пропасти и не ждалъ избавленія, а оно его ждало.

XIII. Гордановъ встаетъ на краю пропасти.

Избавленіе Горданову шло изъ того прекраснаго далека гдѣ мы встрѣтили другихъ людей и другіе нравы, имѣющіе столь мало общаго съ самоистребительными нравами гнѣзда сорока разбойниковъ. Гордановъ, возвратясь изъ Павловска отъ Китенскаго, нашелъ у себя почтовую повѣстку на пятьсотъ рублей и письмо отъ Глафиры Васильевны Бодростиной, въ которомъ разъяснилось значеніе этой присылки.

Бодростина писала что, довѣряя „каторжной чести“ Павла Николаевича, она обращается къ нему за небольшою услугой, для которой проситъ его немедленно пріѣхать въ ея губернскій городъ, прихвативъ съ собою человѣка который бы могъ служить маской для предстоящихъ дѣлъ разнаго рода. Гордановъ не спалъ всю ночь и думалъ: приглашеніемъ маскировать невозможно: какъ оно ни темно, но все-таки это зацѣпка, когда тутъ вокругъ все изорвалось и изцарапалось. Утромъ онъ закрылъ глаза и пролежалъ до полудня въ тягостнѣйшемъ снѣ, и вдругъ былъ разбуженъ Висленке

вымъ, который явился къ нему въ такомъ непостижимомъ состояніи духа что Гордановъ, несмотря на все свое разстройство, любопытствовалъ узнать что съ нимъ сдѣлалось.

— Что съ тобою случилось? спросилъ онъ Висленева.

— Вещь ужасная! отвѣчалъ Іосафъ Платоновичъ,—мы подрались.

— Кто? Гдѣ? Съ кѣмъ ты подрался?

— Конечно съ нимъ.

— Съ Китенскимъ?

— Ну да, разумѣется.

— На чемъ же вы дрались, и что ты, раненъ, или ты его убилъ?

— Никто никого не ранилъ и никто никого не убилъ: мы подрались настоящимъ русскимъ образомъ... я его по мордѣ...

— А онъ тебя?

— Не скрою, досталось и мнѣ... вотъ здѣсь... по воротнику.

— Ну да, это ужь всегда такъ приходится по воротнику.

— Но однакоже ты понимаешь что послѣ этого ужь мнѣ въ ихъ домѣ жить нельзя, потому что все это было и при женѣ, и при дѣтяхъ, и при прислугѣ...

— И за что же это сталось: за жену?

— Да, за жену.

Гордановъ вздохнулъ и плюнулъ.

— Нечего, нечего плевать, а я совсѣмъ къ тебѣ, со всею движимостію, добавилъ онъ, указывая на свой сакъ-вояжъ,—и ты пожалуста не откажи, прими меня въ вѣчные кровы.

— Да вѣдь не выгнать же тебя, когда тебѣ некуда дѣться.

— Некуда, другъ, ровно некуда. Я хотѣлъ къ Банскокъ, но она сама теперь разстроилась съ переводами и ищетъ мѣста посыльной, а пока живетъ у кухмистера за печкой.

— Полно пожалуста ты съ этой тромбовкой: время ли теперь еще съ нею разговаривать?

— Нѣтъ братъ, я о ней другаго мнѣнія: Банскокъ натура честная.

— И пусть ее возьметъ себѣ чортъ на орѣхи; нѣтъ ужь видно спасать тебя, такъ спасать: хочешь я тебя увезу?

— Какъ увезешь?

— Такъ, увезу, какъ бородатую Прозерпину, если тебѣ нравятся Герценовскія сравненія. Мы уѣдемъ съ тобой отъ всѣхъ здѣшнихъ напастей—куда бы ты думалъ? Въ тѣ благословенныя мѣста, гдѣ ты впервые позналъ всю сладость бы-

тія; ты тамъ увидишься со своею сестрой, съ твоею генеральшей, которой я не имѣю счастья знать, но у которой, по твоимъ словамъ, во лбу звѣзда, а подъ косой мѣсацъ, и ты забудешь въ ея объятіяхъ всѣ неудачи бытія и пристроишь оленьи рога своей дрожайшей половинѣ. Готовъ ты или нѣтъ на такую выходку?

— Мой другъ, я въ эту минуту на все готовъ.

— А я знаю физіологію любви: клинъ клиномъ выгоняютъ, дорогой дружище. Я теперь имѣю не одинъ а нѣсколько секретовъ, словомъ сказать, какъ бомба начиненъ секретами, и для себя, и для тебя.

— И для меня! удивился Висленевъ.

— И для тебя, и для великаго множества людей.

Висленевъ тронулъ его за плечо и сказалъ:

— Да! послушай-ка—ты не пострадалъ?

— Я!... Отъ чего?

— Ну вотъ отъ этого пожара, котораго мнѣ по правдѣ сказать ни мало не жаль.

— Нѣтъ; я нимало не пострадалъ, отвѣчалъ спокойно Гордановъ.—Я получилъ все, кое-что еще призанялъ, и теперь арсеналъ мой въ порядкѣ, и я открываю дѣйствія и беру тебя, если хочешь, въ помощники.

— Я готовъ на все: мнѣ хоть съ мосту въ воду такъ въ ту же пору.

Съ этой стороны дѣло было рѣшено. Оставалась нерѣшенною другая его сторона: похитить ли Гордановъ Висленева въ самомъ дѣлѣ какъ Прозерпину или взять его на прокатъ и на содержаніе по договору съ его владѣльцами?

Гордановъ предпочелъ послѣднее: онъ еще разъ вошелъ въ сдѣлку съ Кишенскимъ и съ Алиной; сообщилъ имъ вкратцѣ свои намѣренія съѣздить въ свои маетности и устроить тамъ кое-какія спекуляціи, причемъ могъ бы де прихватить и Висленева. Здѣсь опять произошли столкновенія: Кишенскій хотѣлъ чтобы Висленевъ уѣхалъ, но Алина опасалась не черезчуръ ли ужь это выгодно для Горданова, но они поторговались и рѣшили на томъ что Гордановъ повезетъ съ собою Висленева куда захочетъ и употребитъ его къ чему вздумаетъ, и за векселя свои въ четыре тысячи рублей, приторгованные Кишенскимъ за полторы, дастъ векселя на десять тысячъ, со взаимною порукой Висленева за Горданова и Горданова за Висленева.

Переторжка была короткая: не та была пора и не тѣ были обстоятельства чтобы скупиться, и Гордановъ согласился на всѣ эти требованія, а Висленевъ и подавно: имъ спутали ноги и пустили ихъ обоихъ на одной веревкѣ, о которой Висленевъ минутами позабывалъ, но о которой за то Павелъ Николаевичъ помнилъ постоянно. Онъ не самообольщался: онъ зналъ свое положеніе прекрасно и понималъ что его, сильнаго и умомъ и волей Горданова, каждую минуту скаредная тварь въ родѣ Кишенскаго можетъ потянуть какъ воробья привязаннаго за ногу, и онъ ревниво спѣшилъ оборвать этотъ силокъ во что бы то ни стало, хоть бы пришлось содрать мясо съ костей и вывернуть суставы.

Въ такомъ положеніи были два эти героя, когда они явились предъ нашими глазами въ кружкѣ обитателей мирнаго городка, надъ которымъ вихрь распустилъ красную орифламу, призывающую Павла Николаевича къ новому подвигу, требующему всего его ума, всей его ловкости и всей опытности, полученной имъ въ послѣднихъ тяжкихъ столкновеніяхъ.

XIV. Изъ прекраснаго далека.

Прошелъ мѣсяцъ, въ теченіи котораго дѣла въ городѣ пріютившемъ Горданова съ Висленевымъ подвинулись впередъ весьма значительно. Первыя вѣсти оттуда читаемъ въ письмѣ которое департаментскій сторожъ подалъ сегодня на подносикѣ вице-директору Григорью Васильевичу Акатову, родному брату Глафиры Васильевны Бодростиной.

Акатовъ, еще довольно молодой человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ и вицмундирѣ со звѣздой, которую онъ изъ скромности закрывалъ лацканомъ, взялъ конвертъ.

И вплотную усѣвшись въ свое кресло, началъ не безъ удовольствія читать письмо нашего испанскаго дворянина.

„Любезный Григорій! начиналъ Подозеровъ въ заголовкѣ листа. Не титулую тебя „превосходительствомъ“, какъ потому что довольно съ тебя этого титула на конвертѣ, такъ и потому что въ моемъ воображеніи ничто не можетъ превосходить того благородства которое я зналъ въ тебѣ, и потому пишу тебѣ просто: мой дорогой и любезный Гриша! Очень радъ что ты, благодаря твоимъ большимъ достоинствамъ и умѣнью жить съ людьми, такъ рано достигъ до степеней из-

вѣстныхъ и радуюсь этому опять по нѣсколькимъ причинамъ: вопервыхъ, радуюсь за самого тебя, что тебѣ быстрымъ возвышеніемъ отдана справедливость. Это очень важно для поддержанія въ человѣкѣ энергіи, чтобъ онъ могъ бодро идти далѣе не растрачивая лучшихъ силъ души на успокоиваніе въ себѣ мятущагося чувства оскорбленнаго самолюбія и пр. (можно конечно и безъ этого, да то труднѣе). Вовторыхъ, радуюсь за всѣхъ тѣхъ кому придется имѣть съ тобою дѣло; потому что благородный жаръ одушевлявшій тебя, конечно, еще не имѣлъ времени погаснуть подъ пепломъ спаленныхъ надеждъ, вѣрованій и упованій, и наконецъ (да не оскорбится слухъ твой), радуюсь за самого себя, потому что могу прибѣгнуть къ тебѣ съ просьбой, имѣя полную надежду что ты не откажешься мнѣ попротежировать и попредстательствовать за меня гдѣ ты самъ найдешь то лучшимъ и умѣстнымъ."

Акатовъ, дочитавъ до этого мѣста, сдвинулъ слегка брови и продолжалъ чтеніе съ сухимъ и дѣловымъ выраженіемъ лица.

„Можетъ-быть я приступаю къ тебѣ несовсѣмъ ловко, но думаю что между нами, старыми испытанными друзьями, всякія тонкости совершенно излишни, да и я человѣкъ мало шлифованный, и просить отъ роду моего никогда ничего ни у кого не просилъ, такъ и привычекъ къ этому пригодныхъ себѣ не усвоилъ. Одно то что я *прошу*, уже обиваетъ меня немножко съ ланталыку. Повѣрь мнѣ что еслибы дѣло шло о просьбѣ не къ тебѣ, а къ другому лицу, такъ я прежде отрубилъ бы себѣ руку, чѣмъ написалъ бы хотя одно слово въ просительномъ тонѣ, но ты, — дѣло другое, ты человѣкъ которому мнѣ не тяжко сказать все, а скажу же я тебѣ слѣдующее. Въ теченіи всего времени которое я провелъ здѣсь за скромнымъ изъ скромнѣйшихъ дѣлъ, я былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, какъ разъ отвѣчающимъ моимъ способностямъ и моему призванію: я сдалъ бывшимъ своимъ крестьянамъ за 300 руб. въ годъ въ аренду мой маленькій хуторишко, и служилъ по крестьянскимъ дѣламъ, возлюбя это дѣло и находя въ занятіи имъ безконечный рядъ наслажденій самаго пріятнаго для меня свойства. Я видѣлъ посѣвъ и наблюдаю всходы прекрасныхъ сѣмянъ, о которыхъ всѣ мы такъ восторженно мечтали въ святые годы восторженной юности, и ради добытія которыхъ не прочь были иногда отъ предпринятія восторженныхъ же, дѣтскихъ, но благородныхъ глупостей. (Пошли со мною вмѣстѣ миръ и благословеніе этимъ отшедшимъ прекраснымъ днямъ, дающимъ такія сладкія воспоминанія). Ко всему этому, признаюсь тебѣ, я къ концу четвертаго десятка такъ осѣдлился здѣсь что задумалъ было и жениться, конечно, не по разчету и не по прикладнымъ соображеніямъ, однако этому, какъ кажется, не суждено осуществиться, и я эту статью уже выписалъ въ расходъ, но мнѣ, дружище, опротивѣла вдругъ моя служба, и опроти-

вѣла непереносно. Опротивѣла она не сама по себѣ, а по массѣ непріятностей которыя сыпятся на меня оттуда откуда бы, кажется, я могъ ожидать одного только животворящаго сочувствія. Не могу тебѣ выразить какъ это нестерпимо для меня что въ наше время, — хочешь ты, или не хочешь, — непремѣнно долженъ быть политикомъ, къ чему я, напримѣръ, не имѣю ни малѣйшаго влеченія. Я бы не хотѣлъ ничего иного, какъ только дѣлать свое дѣло съ неизмѣнною всегдашнею и тебѣ можетъ-быть памятною моею увѣренностью что дѣлая свое дѣло честно, исполняя ближайшій долгъ свой благородно, человѣкъ самымъ наилучшимъ *органическимъ* образомъ служитъ наилучшимъ интересамъ своей страны, но у насъ въ эту пору повсюду стало не такъ; у насъ теперь думаютъ что прежде всего надо стать съ кѣмъ-нибудь на ножи, а дѣло уже потомъ; дѣло, это вещь второстепенная. По моему, это ужасная гадость, и я этого сколько могъ тщательно избѣгалъ и, представь ты, нашелъ себѣ черезъ „эту подлость“ массу недоброжелателей, приписывавшихъ мнѣ всяческія дурныя побужденія, безпрестанно ошибавшихся въ своихъ заключеніяхъ; досадовавшихъ на это, и наконецъ окончательно на меня разгнѣвавшихся за то что не могутъ подвести меня подъ свои таблицы, не могутъ сказать: что я такое и что за планы крою я въ коварной душѣ моей? Ты вѣроятно улыбаешься этому, но мнѣ отъ этого стало очень не весело. На дняхъ, то-есть мѣсяцъ, полтора тому назадъ, наши палестины посѣтили два великіе мужа, Гогъ и Магогъ нашего комическаго времени: отставной, но приснопамятный вождь безоружныхъ воителей, Іосафъ Висленевъ, и человѣкъ имени котораго мы когда-то положили не произносить, драгоцѣнный Пашенька Гордановъ. Что такое они намѣрены здѣсь дѣлать? Я разгадать не могу, хотя вижу и чувствую что они набѣжали сюда за „предпріятіемъ“, но за предпріятіемъ не похожимъ ни на что прежнее, и представь же ты себѣ что силой судебъ я сталъ этимъ людямъ поперегъ дороги, и вдобавокъ ко всему, не чувствуя ни малѣйшей охоты уступать имъ этой дороги, я буду кажется вынужденъ къ такой уступкѣ. Друзья они или враги, и какою веревочкой ихъ лукавый спуталъ, этого я не доискиваюсь, да это и не важно, но они здѣсь очень торопливо начали поправлять свои юношескія ошибки: одинъ, уступивъ нѣкогда сестрѣ часть дома, закладываетъ его теперь весь цѣликомъ въ свою пользу, а другой, уступивъ нѣкогда кое-что своимъ мужичкамъ, тоже нынче обращаетъ это назадъ, достигая этого способомъ самымъ недостойнымъ. Подробности разказывать нечего, бѣдный народишко нашъ еще теменъ, подлилъ и невѣдомо что загалдилъ; а я всею маленькой силой моего уряда воспротивился этой сдѣлкѣ и остановилъ ее, за что и обвиненъ чуть ли не во взяточничествѣ. (Акатовъ поторопился и сдвинулъ съ листа бумаги свой мизинецъ.) Тебѣ не разказывать стать что за персона Гордановъ, ты знаешь что для него

нѣтъ ничего святаго: это же конечно извѣстно и твоему зятю, Михайлѣ Андреевичу Бодростину, который тоже многіе годы не могъ о немъ слышать и даже теперь въ первые дни пребыванія здѣсь Павла Николаича, вездѣ по городу разказывалъ блѣдные отрывки изъ его черной исторіи. Бѣдный старикъ вовсе и не подозрѣвалъ что онъ строитъ этимъ Горданову торжество. Это престранное и прехарактерное явленіе какъ у насъ нынче повсемѣстно интересуются бездѣльниками и нѣжнѣйше о нихъ заботятся! Можешь быть какимъ тебѣ угодно честнымъ человѣкомъ, и тебя никогда не замѣтятъ, но появись ты только въ предшествіи скандальной репутаціи, и на тебя всѣ лорнеты обратятся. Какое-то влеченье родъ недуга, клевещи напримѣръ на честнаго человѣка сколько хочешь, и это ничего: самые добрые люди только плечами пожмутъ и скажутъ: „Таковъ де ужь свѣтъ, на Христа прежде насъ клеветали“, но скажи правду про негодяя... О! Это преступленіе, котораго тебѣ не простятъ. Это говорятъ „жестокость“! У каждаго бездѣльника въ одну минуту отыскивается въ обществѣ столько защитниковъ, сколько честная мать семейства и труженикъ-отецъ не дождутся во всю свою жизнь. Словно это исключительно вѣкъ мошенниковъ, словно это настало ихъ царствіе... Право! Я сужу такъ по тому что вижу въ своемъ углѣ и по тому что, напримѣръ, читаю въ литературѣ. Неразборчивость въ якшательствѣ съ негодяями повсемѣстная. Читай ты, напримѣръ, Текерея, онъ выводитъ въ *Базарѣ житейской суеты* героиню-мошенницу, Ребекку Шарпъ, и говоритъ не обинуясь что „Ребекка Шарпъ есть лицо собирательное, принадлежащее поколенію Англичанъ дѣйствовавшему послѣ 1818 года“, и этимъ никто изъ честныхъ Англичанъ этой поры не обижался, тогда какъ у насъ за такую вещь Текерея конечно назвали бы по меньшей мѣрѣ инсинуаторомъ и узколобымъ дуракомъ, который „не умѣлъ понять людей дѣйствовавшихъ послѣ 1818 года“. (Нынче мошенники все жалуются что ихъ „не понимаютъ“, словно они какіе мудрецы.) Нѣтъ ли здѣсь повода скорбѣть за смыслъ и за совѣсть? Бездѣльничества нашего благороднаго друга Горданова сдѣлались здѣсь милыми анекдотами, и, служа въ теченіе нѣсколькихъ дней самою любимою темой для разговоровъ, пріуготовили ему тріумфъ, какого онъ едва ли и ожидалъ: гдѣ онъ не появлялся, на него смотрѣли какъ на бѣлаго слона и, насмотрѣвшись, пошли его на расхватъ звать и принимать. Ты не повѣришь что молодецъ этотъ до того всѣхъ здѣсь очаровалъ, до того всѣхъ обошелъ что знакомствомъ съ нимъ у насъ стали даже кичаться: стали звать гостей „на чай съ Гордановымъ“, на обѣдъ „съ Гордановымъ“, подумай пожалуста какая сила есть въ подлости! Самъ заклятый врагъ его, зять твой Бодростинъ, и тотъ наконецъ не стерпѣлъ, и снова водитъ съ нимъ хлѣбъ и соль, и они вмѣстѣ что-то тоже „предпринимаютъ“. Не спросишь ли меня: какое мнѣ до всего этого дѣло? Никакого,

но вотъ бѣда: этому мерзавцу есть до меня какое-то дѣло. Я помѣшалъ ему надуть крестьянъ, хотя впрочемъ помѣшалъ ненадолго, потому что они, ульщенные обѣщаніями и олоенные водкой, опять-таки просятъ вполнѣ невыгодной для нихъ мѣны землей, и вотъ теперь всѣ трубящіе славу Гордонова трубятъ что я его притѣснялъ, что я съ него что-то вымогалъ. (Акатовъ снялъ съ листка и другой визитецъ.) Поддерживается все это мастерскимъ образомъ и вредитъ мнѣ всемѣрно, тѣмъ болѣе что Гордановъ въ самомъ дѣлѣ, повидимому, располагаетъ очень свободными средствами и вывернулся превосходно: онъ теперь землю отнимаемую имъ у крестьянъ обѣщаетъ занять уже не заводомъ, какъ говорилъ мнѣ когда просилъ моего содѣйствія, а ремесленною школой, которою приводитъ въ восторгъ и Бодростина, и губернатора. Словомъ, я явился въ дуракахъ и съ покоромъ чести (Акатовъ совсѣмъ выбросилъ письмо изъ рукъ на столъ и продолжалъ читать глазами, переворачивая страничку концомъ карандаша.). Но Богъ съ нимъ, я бы и это снесъ (писалъ далѣе Подозеровъ), и почестнѣе меня людей порочатъ, но мнѣ наконецъ грозятъ иною бѣдой: вина моя, заключающаяся въ защитѣ крестьянъ, не позабывается, а все возрождается какъ сфинксъ въ новомъ видѣ. Пять дней тому назадъ былъ у меня Бодростинъ, и со свойственною ему прямотой и честностію сказалъ мнѣ будто бы ему „сообщено“ что я не могу быть терпимъ на службѣ, какъ человѣкъ вреднаго образа мыслей! Можешь себѣ вообразить какъ это идетъ ко мнѣ! Но однако вотъ видно, если не пристало, то прилипло. На вопросъ сдѣланный мною Бодростину: вѣритъ ли онъ этой нелѣпицѣ? Онъ началъ съ „конечно, хотя и разумѣется“ и свелъ на „но“ и на „говорятъ“, вообще построилъ рѣчь по извѣстному плану, безнадежному для человѣка требующаго защиты и оправданія. Послѣ этого мы поговорили крупно, и такъ крупно что кажется болѣе не пожелаемъ другъ съ другомъ видѣться и едва ли станемъ говорить. Хотя дерзостей ни съ той, ни съ другой стороны сказано не было, но тѣмъ не менѣе мы вѣроятно разошлись на вѣки. Онъ мнѣ сказалъ что онъ не вѣритъ, но допускаетъ возможность что я, по странности моего характера, симпатіямъ къ народу, по увлеченіямъ теоріями и поджигательными статьями газетъ, могъ *забыться*, а я... я въ свою очередь указалъ ему на другое, и однимъ словомъ мы болѣе не друзья. Такова видно у насъ роковая судьба лутныхъ людей ссориться между собою за мошенниковъ, подъ предлогомъ разномыслія въ теоретическихъ началахъ, до которыхъ мошенникамъ нѣтъ никакого дѣла и къ которымъ они льнутъ только для того чтобы шарлатанствовать ими. Но извини что я болтливъ: это слабость людей оскорбленныхъ. Продолжаю мою исторію. Тяжко обиженный взведеннымъ на меня нелѣпымъ обвиненіемъ, я обратился къ губернатору и просилъ его разъяснить: кто и на какихъ основаніяхъ мараетъ меня такою клеветой, но

его превосходительство, слусгя носъ на усы, и потомъ поднявъ усы къ носу и прыгнувъ съ каблуковъ на носки и обратно, коротко и ясно отвѣчалъ мнѣ что онъ „краснымъ соціалистамъ никакихъ объясненій не даетъ“. Я пробовалъ искать разгадки этому еще у двухъ, трехъ лицъ, но со мною не говорятъ, меня чужлаются и наконецъ даже меня не принимаютъ. Насилу, насилу, чрезъ посредство нѣкоторыхъ дружески расположенныхъ ко мнѣ дамъ (изъ которыхъ объ одной замѣчательной женщинѣ, Александрѣ Ив. Сантяниной, я нѣкогда много писалъ тебѣ, описывая мои здѣшнія знакомства), я узналъ что все это построено на основаніяхъ прочныхъ: на моихъ, конечно самыхъ невинныхъ, разговорахъ съ крестьянами г. Гордѣнова. Фактъ налицо, и дѣлать стало-быть нечего: я „красный, человѣкъ опасный“, и мнѣ надо отсюда убираться. Не знаю чувствуешь ли ты, Григорій, хотя долю того душащаго негодованія которымъ я въ эту минуту какъ злымъ духомъ одержимъ, оканчивая это несвязное письмо, но ради всяческаго добра, которое ты чтишь, опредѣли меня, другъ мой, братъ и товарищъ, опредѣли меня куда-нибудь на службу ли, къ частному ли дѣлу, мнѣ это все равно; но только скорѣе отсюда! Я пойду спокойно въ помощники столоначальника и даже въ писаря къ тебѣ въ департаментъ, подъ твою команду, или въ любую контору, лишь бы только съ меня требовали работы, труда, дѣла, а не направленій, не мнѣній, которыя я имѣю и хочу имѣть не про господъ, а про свой расходъ, и которыя кромѣ меня самого можетъ-быть никому и ни на что не годятся. Я ищу одного: укромнаго мѣста, гдѣ бы могъ зарабатывать кусокъ хлѣба внѣ всякой зависимости отъ получившихъ для меня особое значеніе требованій идоложертвеннаго служенія направленіямъ и громкимъ словамъ, во имя которыхъ на глазахъ моихъ почти повсюду совершается профанація священнѣйшихъ для меня идей. Пособи мнѣ, голубчикъ Гриша, въ этомъ случаѣ сколько хочешь и сколько можешь, а главное отвѣть мнѣ словечко скоро, безъ промедленія, чтобы до крайней степени натянутое терпѣніе мое не столкнулось еще съ чѣмъ-нибудь новымъ и на чемъ-нибудь не оборвалось.

„Твой Андрей Подозеровъ.

„P. S. Прибавлю тебѣ къ моей длинной сказкѣ смѣшную присказку: у насъ тутъ на сихъ дняхъ случилась престранная исторія, не чуждая мистическаго элемента. Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ, послѣ нашихъ съ нимъ объясненій, уѣхалъ въ Москву, а вчера въ сумерки твоя сестра, Глафира Васильевна, гуляя по длинной аллеѣ въ задней части своего огромнаго парка въ селѣ Бодростинѣ, встрѣтила лицомъ къ лицу самого его же, Михаила Андреевича, шедшаго къ ней навстрѣчу съ закрытыми глазами и въ его кирасирскомъ мундирѣ, котораго онъ не надѣвалъ двадцать лѣтъ и у котораго на этотъ разъ спина была разрѣзана до самаго воротника.

Сестра твоя, при всей ея геройской смѣлости, сробѣла, закричала и упала въ обморокъ на руки Висленева. На крикъ Глафиры Васильевны прибѣжали сестра Іосафа Висленева, молодая дѣвушка Лариса, и Гордановъ, бывшіе въ другой части парка и въ противоположномъ концѣ той же аллеи. Эта пара тоже лицомъ къ лицу встрѣтилась съ тѣмъ же Бодростинымъ, который этихъ уже не испугалъ, но удивилъ разрѣзанною спиной своего стараго, узкаго и кургузаго мундира. Бросились искать Михаила Андреевича и нигдѣ его не нашли; ни садовники, ни прислуга нигдѣ его не видали. Нашли только ладо[illegible] рицу Синтянину, глухонѣмую дѣвочку Вѣру: она рвала ма[illegible]-мачиху на олуткѣ парка. Ее тоже спросили не видала ли она Михаила Андреевича? И представь, она тоже отвѣчала знакомъ что видѣла. А когда ее спросили куда онъ пошелъ, то она улыбаясь отвѣтила: „повсюду“, но это дитя больное и эксплансивное. Глафира Васильевна велѣла принести себѣ кирасирскій мундиръ Михаила Андреевича, и мундиръ былъ весь цѣлъ, а черезъ часъ получена была изъ Москвы депеша отъ Бодростина о томъ что онъ два часа тому назадъ прибылъ туда благополучно, и затѣмъ вечеръ закончился ужиномъ и музыкой. Такимъ образомъ вотъ тебѣ у насъ даже и свое „видѣніе шведскаго короля“. Но смѣйся или не смѣйся, а всѣ бодростинскіе люди по этому случаю страшно оробѣли, и посолъ привезшій мнѣ сегодня изъ Бодростинской усадьбы нѣкоторыя мои книги, разказывая мнѣ „ужасное чудо“, съ трелетомъ добавилъ что это уже не первое, и что пастухъ Панька косолапый подъ самый Ивановъ день видѣлъ какъ изъ рѣчки выползли на берегъ два рака, чего этотъ косолапый Панька такъ испугался что ударился безъ оглядки бѣжать домой, но упалъ и слышалъ какъ застонала земля, послѣ чего этотъ бѣднякъ чуть не отдалъ Богу свою младенчески-суевѣрную душу. Не замѣнятъ ли меня наконецъ въ общественномъ вниманіи хоть эти раки, или не буду ли я, напротивъ, употребленъ на сугубое позорище дабы оторвать вниманіе людей отъ этихъ раковъ?“

Акатовъ свернулъ листокъ, сунулъ его въ карманъ, и во весь обратный путь домой все мысленно писалъ Подозерову отвѣтъ, — отвѣтъ уклончивый, съ безпрестанными „конечно, хотя, разумѣется“ и печальнѣйшимъ „но“, которымъ въ концѣ всѣ эти „хотя и разумѣется“ сводились къ нулю въ квадратѣ. Письмо начиналось товарищескимъ вступленіемъ, затѣмъ развивалось полушуточнымъ сравненіемъ индивидуальнаго характера Подозерова съ коллективнымъ характеромъ Россіи, которая вездѣ хочетъ чтобы признали благородство ея поведенія, забывая что въ нашъ вѣкъ надо заставлять знать себя; далѣе въ отвѣтѣ Акатова мелькомъ говорилось о неблагодарности службы вообще „и *хотя*, молъ,

мнѣ будто и везетъ, *но* это досталось такими-то трудами", а что касается до ходатайства за просителя, то „*конечно* Подозеровъ можетъ не сомнѣваться въ теплѣйшемъ къ нему расположеніи, *но* однакоже *разумѣется* и не можетъ неволить товарища (то-есть Акатова) къ отступленію отъ его правила не предстательствовать нигдѣ и ни за кого изъ *близкихъ* людей, въ числѣ которыхъ онъ всегда считаетъ его, Подозерова".

Таково было письмо которое Подозеровъ долженъ былъ получить отъ несомнѣннаго друга своего Акатова, но онъ его не получилъ, потому что „хотя" Акатовъ и имѣлъ несомнѣнное намѣреніе написать своему товарищу таковое письмо, „но" пока доѣхалъ до дому, онъ уже почувствовалъ что какъ бы еще лучше этого письма совсѣмъ не писать.

„И не странно ли все это?" разсуждалъ, засыпая послѣ обѣда, въ креслѣ, Акатовъ. „Положимъ что Гордановъ всегда и былъ, и есть, и будетъ мерзавецъ, но почему же я знаю теперь каковъ сталъ и Подозеровъ? Провинція растлѣваетъ нравы.... И наконецъ этотъ цинизмъ: „взятки", „вымогательство".... фуй! Почему же на меня этого не скажутъ? Почему ко мнѣ никакой этакій Гордановъ не подкрадется?"

— Подкрадется, ваше превосходительство, клянусь святымъ Патрикомъ подкрадется, прогнусилъ въ отвѣтъ Акатову, немножко задыхаясь, дремучій семинаристъ Ѳеоктистъ Меридіановъ, котораго Акатовъ едва ли когда видѣлъ, не зналъ по имени и не пустилъ бы къ себѣ на порогъ ни въ домъ, ни въ департаментъ, но богъ Морфей ничѣмъ этимъ не стѣсняется и сводитъ людей въ такія компаніи что только ахнешь проснувшись, и Акатовъ ахнулъ, и совсѣмъ позабылъ и о Подозеровѣ, и о его письмѣ, и вотъ причина почему Подозеровъ ждетъ дружескаго отвѣта „разумѣется" очень нетерпѣливо, „но" совершенно напрасно.

XV. Порѣзъ до крови.

Въ этотъ же самый день капиталистъ Тихонъ Ларіоновичъ Кишенскій, засѣдая въ помѣщеніи одной редакціи въ казенномъ домѣ, между массой доставляемыхъ корреспонденцій, прочелъ полуофиціальное извѣщеніе: „На сихъ дняхъ здѣсь получила большую скандальную огласку довольно недостойная исторія, касающаяся здѣшняго члена отъ правительства по крестьянскимъ

дѣламъ г. Подозерова. Этого чиновника, вообще довольно нелюдимаго и пользующагося нѣсколько странною репутаціей, теперь всѣ въ одинъ голосъ обвиняютъ въ вымогательствѣ денегъ съ ломѣщика Павла Горданова за сдѣлку сего послѣдняго съ крестьянами по размѣнѣ нѣкотораго лоземельнаго участка, гдѣ Гордановъ вознамѣрился построить для крестьянъ ремесленную школу. Встрѣтивъ отпоръ со стороны г. Горданова, чиновникъ Подозеровъ агитировалъ будто бы среди крестьянъ въ пользу идей безпорядка, чему здѣсь всѣ знающіе демократическія наклонности г. Подозерова вполнѣ вѣрятъ. По дѣлу этому было произведено секретное дознаніе, и оказалось что дѣйствительно проживающій здѣсь отставной майоръ Форовъ и священникъ Евангелъ Минервинъ, проходя однажды чрезъ деревушку г. Горданова, подъ предлогомъ ловли въ озерѣ карасей, остановились здѣсь, подъ видомъ напиться квасу, и вели съ нѣкоторыми крестьянами разговоръ имѣвшій очевидно цѣлью возбуждать въ крестьянахъ чувство недовѣрія къ намѣреніямъ г. Горданова. Во избѣжаніе огласки, формальнаго слѣдствія по этому дѣлу не предполагается, и начальство намѣрено ограничиться однимъ дознаніемъ, съ конфиденціальнымъ сообщеніемъ куда слѣдуетъ о дѣйствіяхъ Подозерова и священника Минервина, а за майоромъ Фелитеромъ Форовымъ, издавна извѣстнымъ въ городѣ своимъ вреднымъ образомъ несбыточныхъ мыслей и стремленій, строго вмѣнено мѣстной городской полиціи въ обязанность имѣть неослабленное наблюденіе.“

Китенскій помѣтилъ это сообщеніе „къ свѣдѣнію“, сдѣлалъ изъ него выметочку себѣ въ записную книжку и перейдя въ другую редакцію, помѣщавшуюся уже не въ казенномъ домѣ, начерталъ: *„Дѣятель на всѣ руки.* До чего наконецъ дойдутъ наши маскированные соціалисты, этому кажется нѣтъ никакихъ границъ и никакихъ геркулесовыхъ столбовъ. Намъ пишетъ вполнѣ заслуживающій довѣрія землевладѣлецъ что у нихъ одинъ дѣятель, нѣкто А. И. П—овъ, стяжавшій себѣ въ своемъ муравейникѣ славу страстотерпца за „священныя права хлѣбопашца“, наконецъ выяснился вымогательствами вещественныхъ знаковъ признательности съ ломѣщика П. Н. Гор—ва, за право выстроить для крестьянъ ремесленную школу. Вѣроятно этотъ дѣятель найдетъ себѣ горячую поддержку со стороны органовъ нашей печати взявшихъ себѣ

исключительную привилегію агитировать, подъ предлогомъ патріотизма."

Затѣмъ вечеромъ, въ редакціи третьей газеты, Кишенскій далъ напечатать корреспонденцію въ которой восхвалялся здравый смыслъ народа, не поддавшагося наущеніямъ пола и двухъ агитаторовъ, изъ которыхъ одинъ, чиновникъ П—ровъ, даже имѣетъ власть въ крестьянскихъ дѣлахъ. „Какъ жаль, заключилъ онъ эту замѣтку, что въ назначеніи къ подобнымъ должностямъ у насъ не соблюдается вся осторожность, которая была бы здѣсь такъ умѣстна."

Все это было напечатано и вышло въ свѣтъ, а на другой день къ Кишенскому влетѣла Ванскокъ, и трепля косицами и раздувая ноздри, потребовала вниманія къ листу бумаги измаранному ея куриными іероглифами. Здѣсь она, со словъ только-что полученнаго ею отъ Висленева письма, описывала ужасное событіе съ Гордановскимъ портфелемъ, который неизвѣстно кѣмъ разрѣзанъ, и изъ него пропали значительныя деньги, при такихъ обстоятельствахъ что владѣлецъ этихъ денегъ, по чувству деликатности къ семейной чести домовладѣльца гдѣ случилось это событіе, даже не можетъ отыскивать этой покражи, такъ какъ здѣсь ложится тѣнь на нѣкоторыхъ изъ семейныхъ друзей домохозяевъ.

Ванскокъ хотѣла чтобъ это немедленно было напечатано слово въ слово какъ она сочинила и со всѣми именами, но Кишенскій ей отказалъ.

— За это, матушка игуменья, достается, сказалъ онъ, а мы какъ сдѣлаемъ.... Онъ взялъ перо и написалъ на полѣ: *„Правда ли* что нѣкто, дѣятель василетемновскаго направленія, г. По—зеровъ, (отчего бы не Позоровъ), будучи въ домѣ нѣкіихъ гг. Вис—выхъ, подъ видомъ ухаживанія за сестрой домохозяина, распоролъ неосторожно чужой портфель съ деньгами, отданными г. В. на сохраненіе другомъ его г. Го—вымъ?"

— Вотъ этакъ, матка, будетъ глаже: такъ, и коротко, и узловато,—и комаръ носа не подточитъ, и всѣ кому надо уразумѣютъ яко съ нами Богъ! Прыгай телерь къ Бабиневичу, чтобы завтра напечаталъ у себя подъ „правда ли?"

— Онъ не напечатаетъ.

— Ну, вотъ еще!

— Это фактъ! я къ нему разъ обращалась, и онъ закоробатилоя и отказалъ.

— Ну, все пустяки; скажите что я просилъ: онъ не будетъ коробатиться.

— А онъ вамъ долженъ?

— Скажите, скажите только что я просилъ, подтвердилъ вставая Кишенскій, и услыхавъ легкій стукъ въ двери изъ № 8, гдѣ снова процвѣтала вновь омеблированная на страховыя деньги „касса ссудъ“, добавилъ полушопотомъ:—ну, а теперь, игуменья, некогда больше, некогда, — вонъ люди и за настоящимъ дѣломъ стучатъ.

Съ этимъ онъ полудружески, полупрезрительно толкнулъ Ванскока двумя пальцами въ плечо, и свиснувъ могучаго Іогана съ острова Эзеля, крикнулъ ему: выпусти госпожу! повернулся и ушелъ.

Слово Кишенскаго оказалось съ большимъ вѣсомъ, и Ванскокъ на другой же день взяла въ конторѣ Бабиневича на полтинникъ двадцать листиковъ его изданія, и послала ихъ въ бандерольке Іосафу Платоновичу Висленеву.

Послѣдуемъ и мы за этою картечью, которою Павелъ Николаевичъ обстрѣливаетъ себѣ позицію, чтобы ничто не стояло предъ прицѣлами сокрытыхъ орудій его тяжелой артиллеріи. Читатель всеусерднѣйше приглашается отрясти прахъ отъ ногъ своихъ въ гнѣздѣ сорока разбойниковъ и перенестись отсюда на поля, гдѣ долженъ быть подвергнутъ ожесточеніямъ, и пыткѣ, и позору нашъ испанскій дворянинъ въ его разодранномъ плащѣ, и другіе наши друзья.

Путь намъ теперь лежитъ черезъ хуторной домикъ Александры Ивановны Синтяниной, гдѣ блѣдною ручкой глухонѣмой нимфы Вѣры повѣшены на желтыхъ перевеслахъ золотистой соломы, сохнутъ и вялятся пучки душистаго чебра, гулявицы, калуфера и горькой руты.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Н. ЛѢСКОВЪ.

(*До слѣд. №.*)

ПЯТЬ НЕДѢЛЬ ВЪ КОКАНѢ.

I.

Приводя въ порядокъ мои путевыя замѣтки, записанныя во время путешествія по нашимъ новоприобрѣтеннымъ среднеазійскимъ владѣніямъ и Коканскому ханству,—я рѣшаюсь говорить только о послѣднемъ. Описывать русскій Туркестанъ я не нахожу для себя возможнымъ. Я путешествовалъ по дѣламъ, и во всѣхъ нашихъ туркестанскихъ городахъ останавливался очень мало; въ одномъ Ташкентѣ пробылъ я довольно долго, особенно на возвратномъ пути; но все почти время было посвящено хлопотамъ по дѣламъ, и хлопотамъ не всегда пріятнымъ. При таковыхъ условіяхъ передавать свои впечатлѣнія, не считаю удобнымъ. Я нисколько этимъ не хочу сказать чтобъ имѣлъ поводъ жаловаться на наши туркестанскія власти. Избави Богъ. Напротивъ, въ Ходжентѣ, Самаркандѣ и даже въ Ташкентѣ я получилъ отчасти радушный пріемъ, и потому скорѣе могъ бы сказать много хорошаго. Но тутъ другая опасность: мои слова могли бы быть сочтены за лесть начальству, отъ котораго зависѣло предпріятіе подвинувшее меня на такое дальнее путешествіе. Ограничусь описаніемъ моихъ впечатлѣній въ Коканѣ, кратко уломянувъ о путешествіи изъ Оренбурга до границы ханства.

Выѣхавъ изъ Оренбурга 12го апрѣля истекшаго года, въ самый день пасхи, вечеромъ, мы благополучно прибыли въ Ташкентъ 30го апрѣля, еще засвѣтло, слѣдственно въ восемнадцать сутокъ,

даже менѣе. Мы два раза ночевали на дорогѣ. Насъ предупреждали что весной надо употребить по крайней мѣрѣ двадцать пять сутокъ чтобы сдѣлать тѣ двѣ тысячи верстъ которыя отдѣляютъ Оренбургъ отъ Ташкента. Курьеры ѣздятъ въ три недѣли, утверждали люди знающіе. Вообще въ Россіи намъ наговорили разныхъ ужасовъ о дорогѣ: попадаются де станціи гдѣ ни людей, ни лошадей, ни помѣщенія никакого нѣтъ; приходится сидѣть въ степи по двое и болѣе сутокъ одному въ тарантасѣ и ожидать не проѣдетъ ли кто; если же и есть де лошади, то дикія, изъ которыхъ иная никогда не была въ запряжкѣ, хомутовъ большею частью на станціяхъ нѣтъ, лошадей привязываютъ хвостами, онѣ бьютъ всегда съ мѣста; а въ Кара-Кумѣ положительная опасность; хивинскіе Киргизы грабятъ караваны и проѣзжающихъ, и знаете что дѣлаютъ съ плѣнными? Разрѣзаютъ имъ подошвы и въ рану набиваютъ рубленый конскій волосъ. Однимъ словомъ страсти. Чѣмъ болѣе слушали мы людей знающихъ, тѣмъ болѣе становилось неспокойно на душѣ, и Киргизская степь начинала принимать въ воображеніи самый грустный колоритъ. Въ Петербургѣ, напротивъ, мы получили весьма утѣшительныя свѣдѣнія, особенно изъ офиціальныхъ источниковъ. Въ почтовомъ департаментѣ намъ сообщили что деньги на устройство станціонныхъ домовъ по всему тракту разрѣшены и уже давно отпущены; торги на содержаніе почтовыхъ лошадей должны быть уже сдѣланы; почтовая гоньба въ совершенномъ порядкѣ, и на проѣздъ почты изъ Оренбурга въ Ташкентъ и обратно утвержденъ срокъ времени *въ девять дней, два часа и тридцать пять минутъ* въ одинъ конецъ. На дѣлѣ, полученныя нами свѣдѣнія оказались не вполнѣ справедливыми. Между Орскомъ и Джулюсомъ, первой станціей Туркестанскаго генералъ-губернаторства, станціонные дома или не существуютъ, или въ развалинахъ, смотрителей нѣтъ,—торги на содержаніе почтовыхъ лошадей были сдѣланы, но не были утверждены; отсюда безпорядки и непріятности чуть не на каждой станціи. Дѣло въ томъ, какъ намъ объяснили, что почтъ-содержатели, по причинѣ несостоявшихся торговъ, имѣли бы полное право удалиться, и продолжаютъ возить почту и проѣзжающихъ только изъ уваженія къ своему ближайшему начальству. Замѣчательно что безпорядокъ станцій въ Тургайской области, встрѣченный мною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, былъ совершенно

въ томъ же положеніи и въ концѣ іюля, когда я возвращался изъ Ташкента. Прямаго почтоваго сообщенія между Оренбургомъ и Ташкентомъ не существуетъ, хотя изъ Ташкента почта ходитъ до Форта № 1й; а изъ Оренбурга до Уральскаго Укрѣпленія; но между этими двумя пунктами, то-есть между Уральскимъ Укрѣпленіемъ и Фортомъ № 1й, на разстояніи 342 верстъ, перервано всякое почтовое сообщеніе; курьеры и всѣ проѣзжающіе, даже высокопоставленные, продолжаютъ однако ѣздить этимъ трактомъ. Не менѣе замѣчательно что до сихъ поръ почта изъ нашихъ среднеазійскихъ владѣній ходитъ чрезъ Сибирь, то-есть на Омскъ, Екатеринбургъ, Пермь и т. д. Это на 1300 верстъ далѣе, чѣмъ чрезъ Оренбургъ. Этимъ путемъ письма изъ Москвы достигаютъ Ташкента при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ мѣсяцъ. Говорятъ это прекращеніе прямыхъ почтовыхъ сообщеній основано на опасеніи грабежей въ Кара-Кумѣ; но позволю себѣ замѣтить что въ опасныхъ мѣстахъ почту можетъ сопровождать конвой, и наконецъ прежде, когда Ташкентъ принадлежалъ къ Оренбургскому генералъ-губернаторству, почта ходила постоянно чрезъ этотъ опасный Кара-Кумъ, и не было ни одного случая ея ограбленія. Надо надѣяться что это недоразумѣніе когда-нибудь кончится; покамѣсть оно приноситъ громадный вредъ нашей торговлѣ.

Въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, особенно начиная отъ Казалы (Фортъ № 1й), всюду станціонные дома, вездѣ смотрители и, за нѣсколькими малыми исключеніями, такой порядокъ какъ на любой почтовой дорогѣ въ Россіи. Всего удивительнѣе что всюду разстояніе между станціями вымѣрено, чего до сихъ поръ еще не успѣли сдѣлать въ Киргизской степи Оренбургскаго вѣдомства, хотя она намъ принадлежитъ болѣе столѣтія, а мѣстность, напримѣръ, около Самарканда всего два года.

Ужасовъ особенныхъ мы не видали, но лошади насъ били не разъ, случалось также что пристяжныхъ привязывали хвостами къ валькамъ, приходилось сидѣть по нѣсколько часовъ въ рѣчкахъ, ѣздить на верблюдахъ, не стану впрочемъ распространяться о всѣхъ дорожныхъ приключеніяхъ. Путь новый, длинный, и на разстояніи 2.000 верстъ всего насмотришься и натерпишься. Могу сказать что это крайне непріятное путешествіе, а между тѣмъ оно бы могло быть значительно

облегчено. По всему тракту отъ Орска до Ташкента полагается двѣнадцать лошадей на каждой станціи, нѣтъ никакого основанія ожидать чтобъ это количество было увеличено, тѣмъ болѣе что на нѣкоторыхъ станціяхъ съ трудомъ, и съ весьма большимъ, можно прокормить и эти четыре тройки. Между тѣмъ движеніе проѣзжающихъ съ каждымъ годомъ усиливается; и часто главная задержка на пути есть недостатокъ лошадей, особенно если проѣзжаетъ сколько-нибудь значительный чиновникъ или курьеръ въ тяжеломъ экипажѣ, о проѣздѣ которыхъ заблаговременно дается знать. Тогда случается проводить цѣлые дни на какой-либо станціи, въ степи, гдѣ часто нѣтъ даже и воды годной для питья. Если не встрѣтится такого несчастія по дорогѣ и обстоятельства вполнѣ благопріятствуютъ, то и тогда на каждой станціи приходится сидѣть по крайней мѣрѣ по часу. Лошади въ Киргизской степи круглый годъ на подножномъ кормѣ, и очень часто пасутся въ 8 и даже 10 верстахъ отъ станціи. Какъ только пріѣзжаетъ ,отправляется ямщикъ пѣшкомъ, весьма рѣдко верхомъ, въ табунъ ловить лошадей, и покамѣсть ихъ приведутъ, иной разъ приходится два или три часа терять совершенно даромъ. Это затрудненіе было бы очень легко отстранить, еслибы предписано было чтобъ очередная тройка находилась на станціи или въ близкомъ отъ нея разстояніи. Всего бы лучше было устроить почтовые тарантасы, которые въ опредѣленные сроки возили бы почту и вмѣстѣ пассажировъ. Это было бы тѣмъ необходимѣе, что телѣгъ перекладныхъ на станціяхъ почти нѣтъ. Купцы и купеческіе прикащики, которымъ время дорого и которые большею частью ѣздятъ одни, я увѣренъ, воспользуются всѣ почтовыми тарантасами; чиновники отправляющіеся съ семействами будутъ одни ѣздить на почтовыхъ. Мнѣ кажется устройство такихъ почтовыхъ экипажей не представляетъ никакого затрудненія и обѣщаетъ казнѣ даже выгоды; во всякомъ случаѣ оно облегчитъ почтъ-содержателей всего тракта, которымъ заведеніе телѣгъ и ихъ ремонтъ обходится въ степи чрезвычайно дорого. *

---

* Оренбургскій купецъ А. И. Безпаловъ содержитъ почтовые тарантасы, которые ходятъ отъ Орска чрезъ Оренбургъ въ Самару и обратно, безъ всякой помощи отъ казны, и находитъ выгоду. На первое время отъ Орска до Ташкента нѣтъ надежды чтобы частное лицо рискнуло взяться за такое предпріятіе; но почтовое вѣдомство

Ничего не можетъ быть грустнѣе Киргизской степи. На всемъ разстояніи отъ Орска до города Туркестана это сплошная, безлюдная, пустынная степь. Отъ Форта № 2й до Джезлека попадаются густозасѣвшіе кусты саксаула, колючки и джюнгаза, иногда довольно рослые, а подъ Перовскомъ даже нѣсколько деревьевъ лахучей джиды и талла; но вообще это безлѣсная и повсюду пустынная степь, однообразіе которой изрѣдка нарушается караваномъ задумчиво и лѣниво ступающихъ верблюдовъ, или виднѣющимися издали юртами Киргизовъ, и всего болѣе мазанками, то-есть киргизскими гробницами, которыя всегда расположены на вершинѣ холмовъ. Отъ Туркестана и особенно Чемкента мѣстность становится оживленнѣе, населеннѣе; начинаютъ попадаться поля, засѣянныя пшеницей, клеверомъ и ячменемъ, цѣлыя деревни осѣдлыхъ Сартовъ, и наконецъ подъ самымъ Ташкентомъ ѣдешь довольно долго между роскошными садами, огороженными высокими стѣнами изъ глины. Вообще въ Россіи, и особенно въ западной Европѣ, со словомъ степь соединяется идея о совершенно плоской мѣстности. Не такова Киргизская степь. Она весьма часто холмиста, и во многихъ мѣстахъ ее пересѣкаютъ по разнымъ направленіямъ довольно большія цѣпи горъ. Ближе къ Ташкенту, начиная отъ Туркестана, слѣва отъ дороги, горы принимаютъ все болѣе и болѣе почтенные размѣры.

Въ восьми или девяти верстахъ отъ Ташкента, по дорогѣ въ Ходжентъ, любопытная переправа черезъ быстрый Чирчикъ, который тутъ протекаетъ нѣсколькими рукавами. Переправа производится на арбахъ, на которыхъ усаживаются пассажиры и размѣщается вся кладь; тарантасы же и телѣги перевозятъ пустыми, такъ какъ вода весной и лѣтомъ довольно высока и выше нашихъ европейскихъ колесъ. Одна лошадь тащитъ тяжелую арбу по каменистому дну рѣки безъ всякаго труда, несмотря на чрезвычайную быстроту и силу воды; въ тарантасъ же нашъ, несмотря на то что онъ былъ пустъ и запряженъ тройкой, припрягли двухъ верховыхъ, которыя со стороны теченія придерживали экипажъ веревками. При всемъ этомъ дѣло не обошлось безъ криковъ, до которыхъ Сарты, кажется, большіе охотники. Нѣсколько далѣе другая переправа черезъ рѣчку Ангренъ, который менѣе глу-

---

ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ перевозъ корреспонденціи одинъ оплатитъ всѣ расходы.

бокъ и быстръ чѣмъ Чирчикъ, но за то еще шире его. Послѣ Ангрена, мѣстность становится снова пустынною, но ей придаютъ много красоты высокія каменистыя горы, которыя тянутся слѣва отъ дороги.

Ходжентъ, по моему, послѣ Самарканда самый красивый городъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ Туркестанскомъ краѣ. Онъ расположенъ на самомъ берегу Сыръ-Дарьи, и весь въ садахъ; съ боку, на крутомъ утесѣ лѣпится цитадель; у подножія ея, — церковь, госпиталь, казармы; по фасаду послѣднихъ двухъ зданій тянется на берегу рѣки аллея тутовыхъ деревьевъ. Черезъ рѣку высокія, каменистыя горы, безъ малѣйшаго признака растительности, чрезвычайно эффектны по разнообразію и измѣнчивости красокъ и оттѣнковъ которыми онѣ одѣваются въ продолженіи дня и особенно на закатѣ солнца. Пробывъ около полутора сутокъ въ Ходжентѣ, мы его оставили въ субботу вечеромъ, 9го мая сего года, въ 11 часовъ. Приходилось отвѣдать чисто азіятскаго способа путешествія: пожитки наши мы отправили на двухъ арбахъ, а сами двинулись вслѣдъ верхомъ. По совѣту нашихъ ходжентскихъ знакомыхъ, мы рѣшились ѣхать ночью, чтобъ избѣгнуть жары.

До перваго коканскаго селенія считаютъ 35 верстъ, но я увѣренъ что ихъ болѣе сорока. Только въ шестомъ часу утра добрались мы до этого желаннаго Каракше-Кумъ, гдѣ по обѣщанію коканскаго посланника въ Ташкентѣ, почтеннаго Мурзы-Хакима, насъ долженъ былъ ожидать проводникъ. Дѣйствительность превзошла наши ожиданія. Вмѣсто одного скромнаго проводника, оказалось цѣлыхъ три. Это были джигиты *мехтара* (такъ называется министръ финансовъ, или скорѣе главный таможенный начальникъ въ Коканѣ), присланные чтобы проводить насъ до Кокана. Только мы слѣзли съ лошадей, насъ тотчасъ проводили въ караванъ-сарай, вѣрнѣе сказать въ садъ караванъ-сарая. На обширной площадкѣ, окруженной высокими деревьями, около небольшаго пруда, были разостланы ковры и войлоки. Съ истиннымъ наслажденіемъ, весьма понятнымъ послѣ свыше шестичасовой верховой ѣзды, расположились мы на коврахъ, съ намѣреніемъ напиться чаю и потомъ отдохнуть. Не тутъ-то было: пришлось вести бесѣду. Присланные джигиты разложили предъ нами на подносахъ всякія сласти: сахаръ, леденецъ, изюмъ, сухой урюкъ (абрикосъ), орѣхи, фисташки и цѣлую груду пшеничныхъ плоскихъ лепешекъ, за-

мѣняющихъ хлѣбъ въ Средней Азіи и во всей Киргизской степи. „Угощеніе мехтара“, приговаривали они всѣ, и убѣдительно просили хоть отвѣдать. Такой лестный пріемъ, хотя несовсѣмъ своевременный, заставилъ меня усумниться точно ли меня ждали они, и я поручилъ нашему переводчику объясниться съ любезными kokanскими чиновниками. Оказалось что дѣйствительно я виновникъ торжества. Рекомендація Мурзы-Хакима была одна причиной всѣхъ любезностей. Послѣ сластей подали чай, которому мы несказанно обрадовались. При этомъ всѣ три джигита, а съ ними и мѣстный таможенный начальникъ, сѣдой старикъ съ весьма бойкими манерами, усѣлись на корточкахъ предъ нами и принялись услаждать нашу усталость крайне любезнымъ разговоромъ, который не могъ насъ заставить забыть безсонную ночь, проведенную въ сѣдлѣ. Я рѣшился попросить все общество удалиться, такъ какъ мы намѣревались уснуть. Таможенный начальникъ убѣдительно просилъ немного подождать, увѣрялъ что сейчасъ будетъ готовъ супъ съ курицей; но я узналъ уже по опыту что сартскій „хазыръ“ и русскій „сейчасъ“ одинаково длинны, притомъ тотчасъ послѣ чаю, рано утромъ, ѣсть супъ, даже съ курицей, не казалось мнѣ достаточною причиной чтобы отдалить время отдыха, въ которомъ мы чувствовали настоятельную необходимость.

Отъ Каракпе-Кумъ до Канъ-Вадама, слѣдующей станціи, считается четыре таша, то-есть 32 версты. Коканскій ташъ равенъ 12.000 шагамъ, или восьми верстамъ. Мнѣ опять показалось что ихъ въ дѣйствительности гораздо болѣе. Выѣхали мы въ половинѣ двѣнадцатаго и пріѣхали на мѣсто въ 6 часовъ, ѣхали мы безостановочно и нѣкоторую часть перегона сдѣлали на рысяхъ. Таши, * какъ намъ говорили, были измѣрены очень давно. Весьма легко можетъ быть что при этомъ и несовсѣмъ вѣрно.

Дорога отъ Каракпе-Кумъ сначала пролегаетъ по отлично воздѣланнымъ полямъ, на которыхъ ячмень и пшеница совершенно выколосились. Клеверъ былъ еще выше Ташкентскаго. Всѣ Русскіе въ Ташкентѣ называютъ это растеніе клеверомъ (по-kokanski юнгуручка), хотя онъ мало похожъ на то что

* Таша значитъ собственно камень. На разстояніи восьми верстъ, при измѣреніи, ставились камни, которые теперь почти совершенно исчезли на этой дорогѣ. Я видѣлъ только одинъ.

называется этимъ именемъ въ Россіи и въ Европѣ. Листъ похожъ, но растеніе достигаетъ иногда болѣе аршина высоты и имѣетъ лиловые цвѣты. Его косятъ до трехъ разъ, иногда и болѣе, въ продолженіи лѣта, связываютъ въ снопы, и въ этомъ видѣ продаютъ на базарахъ на кормъ лошадей. Въ Коканѣ за 25 сноповъ платили мы по кокану, то-есть по 20 коп.; но туземцы намъ говорили что это чрезвычайно высокая цѣна. Кстати сказать о томъ какъ на дорогѣ кормятъ лошадей. Ихъ не разсѣдлываютъ во всю дорогу, и въ продолженіи дня, какъ бы ни былъ тяжелъ и великъ переходъ, — имъ кромѣ клевера ничего не даютъ. Только къ вечеру, скорѣе къ ночи, часа два или болѣе послѣ пріѣзда, задаютъ имъ ячменю, не болѣе десяти фунтовъ на лошадь, поятъ же большею частью на ходу, во время пути.

Проѣхавъ верстъ десять полями, мы выѣхали въ безлѣсную и безплодную степь, которая направо замыкалась цѣпью высокихъ горъ; дорога идетъ вдоль Сыръ-Дарьи, отдаляясь отъ нея вправо. Ближе къ рѣкѣ и по теченію владающихъ въ нее горныхъ ручьевъ, роскошная растительность, поля, сады, деревни; между этими оазисами пустыня, кое-гдѣ покрытая тощею и жесткою травой. Вообще въ Средней Азіи растительность возможна только тамъ гдѣ проведены водопроводныя канавы (или, какъ ихъ здѣсь называютъ, арыки) орошающія землю. Безъ орошенія не только поля, но никакія деревья не могутъ существовать подъ жгучимъ солнцемъ центральной Азіи. Засохъ арыкъ, и вмѣсто роскошнаго сада въ одинъ годъ дѣлается пустынная степь. Кокансное ханство, въ настоящихъ своихъ границахъ, занимаетъ долину верховья Сыръ-Дарьи, долину сначала весьма широкую, но которая къ востоку постепенно суживается и поднимается между двумя цѣпями горъ, которыя, по моему, отроги Тіен-Шанскаго хребта. Сама Сыръ-Дарья могла бы служить очень легко для орошенія, такъ какъ паденіе ея, судя по теченію, весьма большое; но ею на сей предметъ, сколько я могъ узнать, пользуются только при самомъ ея началѣ, и то изъ нея, какъ я слышалъ, выходятъ всего два арыка; въ общемъ она служитъ только главнымъ стокомъ водопроводныхъ канавъ ханства. Орошеніе исключительно производится горными ручьями владающими въ Сыръ-Дарью. При самомъ ихъ выходѣ съ горъ, эти ручьи заключаются плотинами въ большіе арыки, изъ которыхъ вода распредѣляется потомъ, посредствомъ все умень-

тающихся въ размѣрѣ канавъ, по полямъ. Несмотря на такое ограниченное пользованіе природными средствами, существующая система арыковъ, слѣдовательно и орошенія, свидѣтельствуетъ въ нѣкоторой степени о предпріимчивости и трудолюбіи жителей; впрочемъ не одно трудолюбіе необходимо для проведенія этихъ живительныхъ артерій, тутъ требовалась не малая доля соображенія, даже знанія. Нынѣшній ханъ строитъ уже два года, къ сѣверо-востоку отъ Кокана, большой арыкъ, который долженъ быть оконченъ въ нынѣшнемъ году. На немъ, насъ увѣряли, работаютъ до десяти тысячъ человѣкъ. Цифра ложаулй и преувеличенная, но главное то что съ проведеніемъ этого новаго арыка нѣсколько тысячъ десятинъ сдѣлаются способными къ хлѣбопашеству, а слѣдовательно и къ заселенію.

Мы не болѣе одного часа ѣхали степью, и повернули къ Сыръ-Дарьѣ. Снова дорога пошла извиваться между полями окаймленными по межникамъ фруктовыми деревьями, тутомъ и тополями. Поминутно приходилось переходить чрезъ крупные и мелкіе арыки, по которымъ струилась мутная вода. Хотя мы ѣхали по большой арбенной дорогѣ, но только на большихъ арыкахъ встрѣчали мы мосты; на мелкихъ же только посрединѣ бывали перекладины въ полъаршина ширины. Таковыя перекладины совершенно достаточны для прохода двухколесныхъ арбъ. Арбы запряжены всегда въ одну лошадь, только для нея и требуется мостокъ, а для громадныхъ и рѣдко вполнѣ круглыхъ колесъ арбы всѣ канавы ни по чемъ.

Въ Канъ-Вадамѣ насъ ожидалъ такой же почетный пріемъ какъ и въ Каракше-Кумѣ. На этотъ разъ было двойное угощеніе: отъ сопровождавшихъ насъ джигитовъ и отъ хозяина дома въ которомъ мы остановились; послѣднее, начавшееся съ обычныхъ сластей, окончилось пилавомъ съ бараньею колбасой. Особенно конфузило насъ то что, несмотря на всѣ наши просьбы, убѣжденія и старанія, ни за что не брали съ насъ денегъ. Таможенный начальникъ Каракше-Кума, уѣхавшій также съ нами и знавшій нѣсколько словъ по-русски, дополнилъ отказъ въ пріемѣ денегъ, переданный намъ нашимъ переводчикомъ, словами: „Гость, хорошій человѣкъ, ханъ очень любитъ.“ Оказалось что мы находились на полномъ содержаніи его высокостепенства, хана кокандскаго Худояра. Приходилось подчиниться сему несовсѣмъ пріятному положенію.

Домъ въ которомъ мы остановились, или, лучше сказать,

дворъ, имѣлъ на одной своей сторонѣ обширную, крытую террасу, на которой мы и расположились: въ одномъ углу мы, по серединѣ джигиты и съ ними какіе-то мѣстные жители, далѣе наши люди. На дворѣ были привязаны наши лошади, треть которыхъ были жеребцы, и потому постоянное ржаніе, толотъ, безпорядки, а потомъ крики людей, вводившихъ порядокъ между ними; затѣмъ тишина, но не надолго. Стемнѣло, мелкій дождикъ лѣниво накрапывалъ, то и дѣло переставая; было тихо и темно. На террасѣ зажгли свѣчи, которыя ярко освѣщали только сосѣднія группы сидящихъ и лежащихъ, оставляя въ темнотѣ бо́льшую часть зданія; громадный самоваръ шумѣлъ непрестанно, благодаря стараніямъ двухъ рабочихъ, Коканцевъ, которые безотлучно сидѣли на корточкахъ возлѣ него; посрединѣ двора протекалъ небольшой арыкъ, и въ немъ неугомонно трещали лягушки. Все вмѣстѣ составляло довольно оригинальную картину. Лежа на коврѣ и смотря на группу джигитовъ и съ ними сидѣвшихъ Коканцевъ, я вполнѣ убѣдился въ справедливости того что́ говоритъ Пашино о Сартахъ въ своей книгѣ: *Русскіе въ Туркестанѣ въ 1866 году*. Онъ совершенно правъ и относительно Коканцевъ, которыхъ впрочемъ также называютъ Сартами. Они выливаютъ баснословное количество чаю, и при этомъ имъ совершенно все равно съ сахаромъ или безъ сахару, крѣпокъ ли чай или слабъ; чаепитіе продолжается безостановочно цѣлые вечера, съ дополненіемъ нескончаемыхъ разговоровъ. Вообще въ Средней Азіи пьютъ зеленый чай, также и въ Кокандѣ, гдѣ онъ приготовляется въ высокихъ мѣдныхъ чайникахъ весьма красивой формы, и потомъ разливается въ круглыя фарфоровыя китайскія чашки. Большею частью каждый имѣетъ свою чашку, и она ему служитъ для всего. Пилавъ, который ѣли джигиты и ихъ знакомые, былъ только небольшою остановкой въ чаепитіи, которое, по окончаніи его, снова продолжалось вмѣстѣ съ разговорами, и я заснулъ не видавъ ему конца. Способъ ѣсть пилавъ довольно оригиналенъ, и надо замѣтить что онъ одинаково употребляется всѣми классами жителей не только Кокана, но и всей центральной Азіи. Пилавъ—это вареный рисъ, приправленный бараньимъ жиромъ, лукомъ и рубленою морковью; онъ подается на большомъ блюдѣ и составляетъ гору риса, на верху которой три или четыре большихъ куска баранины. Это превкусное блюдо, которое требуетъ не мало искусства для хорошаго его приготовленія.

Въ Коканѣ, и особенно въ Бухарѣ, есть особые повара, которые исключительно занимаются приготовленіемъ пилава и носятъ названіе пилаучи. Блюдо ставятъ на салфетку, посреди сидящихъ вокругъ на коврѣ. Старшій изъ общества вынимаетъ свой ножъ, который у Сартовъ, какъ и у Киргизъ, всегда болтается въ футлярѣ, привѣшанный слѣва къ поясу, и начинаетъ рѣзать баранину на мелкіе куски. Этотъ разъ сѣдой таможенный чиновникъ рѣзалъ мясо; по окончаніи имъ сего дѣла, всѣ съ разныхъ сторонъ принялись руками за пилавъ. Ѣда происходитъ слѣдующимъ образомъ: берется пальцами правой руки кусокъ баранины, обертывается щепоткой риса, нѣсколько сжимается и потомъ подносится ко рту; послѣ нѣсколькихъ глотковъ, считается приличнымъ обсосать бывшіе въ дѣлѣ пальцы,—потомъ снова. Вся эта операція производится чрезвычайно ловко, такъ что на салфеткѣ и вокругъ, на коврѣ, почти нѣтъ разбросанныхъ зеренъ рису. Меня поразилъ демократическій характеръ азіатскаго общества, слуги, конюха и самъ пилаучи сѣли около тѣхъ лицъ которымъ только-что служили и съ ними вмѣстѣ принялись уничтожать пилавъ. Дальнѣйшее мое пребываніе въ Коканѣ и Туркестанѣ окончательно убѣдило меня въ отсутствіи различій по классамъ въ тѣхъ странахъ.

На разсвѣтѣ мы выѣхали изъ Канъ-Вадама, и въ 9 часовъ утра пріѣхали въ Бишъ-Арыкъ, въ которомъ застали на улицахъ много народу, по случаю базарнаго дня. Опять тотъ же пріемъ, тѣ же сласти, чай, пилавъ, какъ и прежде. Вся разница состояла въ томъ что вмѣсто террасы мы расположились въ двухъ обширныхъ комнатахъ, которыхъ все убранство состояло въ разноцвѣтныхъ и разнообразныхъ коврахъ, постланныхъ на полу. Все утро шелъ дождь и было довольно свѣжо; по этому случаю бо́льшую часть перехода мы сдѣлали рысью, что̀ не очень понравилось сопровождавшимъ насъ джигитамъ. Они чрезъ переводчика передали намъ что въ Коканѣ только одни мальчишки ѣздятъ скоро, взрослые же люди, и особенно таксыри, то-есть большіе люди, ѣздятъ шагомъ, всегда тихо. Я отвѣчалъ что будучи Русскимъ, слѣдую русскимъ, а не коканскимъ обычаямъ. Притомъ я предложилъ чтобъ одинъ изъ нихъ только сопровождалъ насъ, а другіе могутъ отстать и ѣхать какъ имъ заблагоразсудится. Джигиты въ одинъ голосъ заявили что разказали о своемъ обычаѣ, такъ какъ видѣли что я все разспрашиваю и все желаю знать,

но ничуть не съ тѣмъ чтобы помѣшать мнѣ ѣхать какъ мнѣ угодно. Напротивъ имъ очень пріятно ѣхать скоро, особенно если это мнѣ доставляетъ удовольствіе. Пошли самыя убѣдительныя завѣренія готовности мнѣ услужить, причемъ одинъ изъ джигитовъ пронесся маршъ-маршемъ впередъ, и также вернулся, чтобы доказать на дѣлѣ свои слова.

Въ Коканѣ единственный для муцинъ принятый способъ передвиженія, это верховая лошадь; на арбахъ ѣздятъ только женщины, самъ же арба-кашъ, то-есть кучеръ, управляетъ своимъ экипажемъ, сидя верхомъ на коренной. При этомъ особенно цѣнятся лошади съ хорошимъ и быстрымъ шагомъ; это нѣчто среднее между шагомъ и иноходью, аллюръ чрезвычайно покойный и которымъ легко, не утомляясь, дѣлаютъ отъ семи до восьми верстъ въ часъ. Въ Ташкентѣ меня даже увѣряли будто у генералъ-губернатора есть лошадь дѣлающая шагомъ до пятнадцати верстъ въ часъ. Хотя это свѣдѣніе идетъ и изъ русскаго источника, однако, очевидно имѣетъ характеръ преувеличеній дальняго Востока. Сѣдла Коканцевъ формой мало отличаются отъ бухарскихъ, всего болѣе употребляемыхъ въ русскомъ Туркестанѣ и весьма вѣрно описанныхъ г. Пашино въ его книгѣ, посему и не распространяюсь о нихъ. Кстати опишу вкратцѣ одежду Коканцевъ. Главное въ ней— халатъ, одинаково употребляемый всѣми классами жителей; впрочемъ есть нѣкоторыя различія. Лѣтомъ бѣдные люди, работники, также и дѣти носятъ только рубашку и панталоны изъ туземной хлопчато-бумажной матеріи, большею частью бѣлаго цвѣта. Рубашка формой похожа на наши женскія, оставляющія плечи не покрытыми. Не разъ случалось мнѣ видѣть работающихъ въ полѣ людей въ однихъ панталонахъ, а дѣтей, въ деревняхъ и въ самомъ Коканѣ, совершенно голыми. Люди достаточные носятъ рубашки ситцевыя, цвѣтныя, съ большимъ воротникомъ и съ неломѣрно длинными рукавами. Сверхъ надѣвается ситцевый цвѣтной халатъ, почти всегда яркихъ цвѣтовъ и который согласно времени года бываетъ или легкій или на ватѣ. Халатъ подпоясывается цѣлымъ кускомъ бумажной матеріи нѣсколько разъ обвивающимъ станъ. Въ складкахъ этого пояса помѣщается всякая всячина: деньги, чашка, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, который Коканцы кладутъ постоянно въ ротъ, подъ языкъ, и потомъ выплевываютъ; конецъ пояса служитъ носовымъ платкомъ, полотенцемъ при ежедневныхъ частыхъ омовеніяхъ, предписанныхъ закономъ;

наконецъ салфеткой—при ѣдѣ лилава. Если къ этому прибавить маленькую, расшитую шелками тюбетейку (по-кокански дуке) на бритой головѣ, то это будетъ одѣяніе достаточнаго Коканца у себя дома; но чтобы выйти на улицу, сверхъ надѣтаго халата надѣвается нараспашку другой, а на голову чалма, большею частью бѣлая. Это одежда не только средняго, но и высшаго класса кокандскихъ жителей. Обыкновенно верхній халатъ изъ полушелковой, весьма однако дешевой матеріи. Сопровождавшіе насъ джигиты надѣвали на дорогу широкіе кожаные шаравары, въ которые довольно искусно запрятывали полы своихъ двухъ халатовъ, и кромѣ этого сверхъ, нараспашку, надѣвали третій. Это всеобщій дорожный костюмъ въ дальнюю дорогу. Хотя верхніе халаты большею частью одноцвѣтные, но иногда бываютъ они и яркихъ цвѣтовъ; сѣдой таможенный чиновникъ, напримѣръ, носилъ халатъ изъ свѣтло-зеленаго ситца, съ мелкими розанами,—очевидно произведеніе русскихъ фабрикъ, предназначавшееся по всему вѣроятію для мебели. Сначала яркость красокъ и причудливость рисунковъ въ одеждѣ встрѣчаемыхъ по дорогѣ меня поражала, но потомъ скоро глазъ привыкъ.

Всѣ женщины которыхъ я видѣлъ по дорогѣ и въ Кокандѣ были одѣты одинаково, въ длинный халатъ, изъ дикой, голубоватой матеріи, надѣтый на голову, съ длинными рукавами, ладающими назади чуть не до земли; изъ-подъ халата виситъ на лицѣ черный вуаль изъ конскаго волоса, сквозь который рѣшительно нѣтъ никакой возможности разглядѣть черты лица. Вся разница въ большей или меньшей свѣжести халата и въ обуви. Въ Кокандѣ мнѣ случалось видѣть подъ слегка приподнятымъ халатомъ розовые или ярко-красные шаравары, ладающіе на красивый зеленый башмачокъ, со вздернутымъ кверху мыскомъ. Это бывало рѣдко и только въ отдаленныхъ, пустыхъ улицахъ; на главныхъ же и на базарѣ, женщины при видѣ насъ съ афектаціей сторонились, и многія обращались къ намъ спиной.

Отъ Бишъ-Арыка до Кокана считается три съ половиной таша; мы ихъ сдѣлали довольно скоро и въ 5 часовъ, вечера подъѣхали къ столицѣ ханства, окруженной со всѣхъ сторонъ зубчатою стѣной, которая сдѣлана изъ комьевъ глины, смѣшанной съ рѣзаною соломой, высушенныхъ сперва немного на солнцѣ. Такъ строятся и всѣ дома въ Кокандѣ; причемъ сперва дѣлается скелетъ дома изъ тонкихъ бревенъ, преимущественно

тополевыхъ. Послѣ полудня день поправился, и вечеръ былъ великолѣпный, когда мы въѣхали въ ворота города, около которыхъ лежало на войлокѣ человѣка три съ толстыми палками: это городская стража, по одеждѣ впрочемъ ничѣмъ не отличающаяся отъ простаго народа. Города какъ и деревни, не только въ Кокандѣ, но и въ русскомъ Туркестанѣ, поражаютъ васъ своимъ однообразіемъ. Вы видѣли одинъ городъ или одну деревню, вы видѣли всѣ; я говорю собственно объ улицахъ, базарахъ, однимъ словомъ о внутреннемъ характерѣ города. Разница можетъ быть во внѣшнемъ положеніи. За исключеніемъ Самарканда, въ которомъ великолѣпные памятники искусства, всюду вы видите одно и то же: извилистыя улицы тянутся между сплошными глиняными стѣнами, въ которыхъ изрѣдка виднѣется низенькая дверь; надъ стѣной мѣстами раскидывается тѣнистое дерево, или выглядываетъ виноградная лоза со своими тороками листьями и курчавыми завитками, вотъ и все. На срединѣ города или деревни крытый базаръ, въ которомъ сосредоточивается вся мѣстная жизнь. Въ открытыхъ лавочкахъ, или скорѣе небольшихъ углубленіяхъ, развѣшанъ незатѣйливый товаръ, и предъ нимъ сидитъ поджавъ ноги или лежитъ на войлокѣ самъ продавецъ; нѣсколько кучекъ прохожихъ, толпа мальчишекъ около продавца холодной воды и, на углу, въ чай-хане, то-есть чайной, собраніе спокойныхъ Коканцевъ, тихо разговаривающихъ, сидя въ кружокъ съ поджатыми ногами и прихлебывая чай изъ круглыхъ чашекъ; двѣ-три сумрачно укутанныя женщины, точно тѣни пробирающіяся между прохожими, — вотъ картина которую мнѣ не разъ приходилось видѣть не въ одномъ только Кокандѣ, но и во всѣхъ мною посѣщенныхъ городахъ. Въ базарные дни, на самомъ базарѣ, жизнь въ полномъ разгарѣ толпы народа, шумъ, постоянное движеніе арбъ и верховыхъ, крики, фырканье привязанныхъ у лавокъ лошадей, пронзительный визгъ верблюдовъ; но все это только на базарѣ, на прочихъ же улицахъ незамѣтно никакой почти разницы сравнительно съ ежедневною будничною жизнью. Въ Кокандѣ, въ которомъ болѣе ста тысячъ жителей *, улицы оживленнѣе чѣмъ въ Чимкентѣ, Ход-

* Я остановился на этой цифрѣ, которая мнѣ показалась наиболѣе вѣрною, сличая разнорѣчивыя показанія моихъ кокандскихъ знакомыхъ. Вообще же мнѣ говорили что въ Кокандѣ вдвое болѣе жите-

жентѣ и даже Ташкентѣ: я говорю о сартской части послѣдняго; русская только начинаетъ отстраиваться и до сихъ поръ мало еще похожа на городъ; этому оживленію много способствуютъ маленькіе базары, разбросанные по всему городу; но и въ Коканѣ, какъ въ вышеупомянутыхъ городахъ, чрезвычайная раскинутость строеній. Каждый домъ окруженъ дворомъ съ садомъ, иногда очень большимъ; нерѣдко попадаются цѣлыя поля по срединѣ домовъ, и потому я очень вѣрю что Коканъ, какъ мнѣ говорили, имѣетъ въ окружности пять ташъ, то-есть 40 верстъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно что Ходжентъ, съ своими 20.000 жителей, имѣетъ 20 верстъ въ окружности.

Едва мы проѣхали съ версту по городу, какъ вдали послышались ружейные выстрѣлы; я спросилъ ѣхавшаго около меня джигита что это значитъ.

— Ученье нашихъ войскъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкой,—они у насъ часто, много учатся.

Чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ стрѣльба усиливалась и слышалась явственнѣе. Джигитъ посматривалъ на меня съ очевиднымъ желаніемъ снова вступить въ разговоръ, но видя мое упорное молчаніе, онъ самъ началъ:

— Не бойтесь, будьте совсѣмъ покойны, это только ученье, сказалъ онъ.

— Я увѣренъ, отвѣчалъ я, — что Русскому во владѣніяхъ хана ни отъ кого никакой обиды не будетъ, и потому нисколько не боюсь.

Джигитъ наклонилъ голову и приложилъ руку къ сердцу.

— Можетъ-быть вамъ будетъ угодно посмотрѣть на наши войска? сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. — Войска славныя, одѣты очень хорошо, пушки, ружья, все есть, много, много.

Несмотря на усталость, я согласился, и мы на рысяхъ поѣхали узенькими переулками; черезъ нѣсколько минутъ мы очутились на довольно обширной площади, одну сторону которой составляло высокое зданіе главнаго коканскаго медрессе. На площади было много народу, пришедшаго какъ и мы посмотрѣть на проходъ войскъ. Мы стали на углу переулка выходящаго на площадь, недалеко отъ чай-хане, въ который

лей чѣмъ въ Ташкентѣ, въ коемъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 74.000 жителей.

забѣгали офицеры и даже солдаты проходящихъ войскъ; тамъ затягивались кальяномъ и потомъ возвращались во фронтъ.

Сначала шла артиллерія, состоящая изъ маленькихъ пушекъ, везомыхъ вмѣстѣ съ зарядным ящикомъ одною лошадью; послѣ артиллеріи шла пѣхота, вооруженная ружьями разныхъ калибровъ; большинство были фитильныя съ рогатками, но были и кремневыя и даже пистонныя. Предъ каждымъ отдѣленіемъ пѣхоты, въ 20, много 30 человѣкъ, шелъ офицеръ, вооруженный тонкою палкой, называемою калтакъ; около него два, иногда и три музыканта. Музыкальныя орудія состояли изъ большихъ барабановъ, мѣдныхъ роговъ, дудокъ, были даже и волынки. Коканская музыка не отличается ни стройностью, ни гармоничностью; но за то можетъ похвалиться sui generis оригинальностью и особенно шумливостью. Войска были одѣты въ суконные двубортные сюртуки, съ разноцвѣтными стоячими воротниками; у пѣхоты сюртуки были черные, а у артиллеріи синіе, у всѣхъ красные панталоны и остроконечныя суконныя шапки съ мѣховымъ околышемъ. Несмотря на однородность одежды, въ строю оказывалось большое разнообразіе мундировъ, имѣвшихъ претензію быть похожими на европейскіе, но далеко не по-европейски сшитыхъ. Даже самый цвѣтъ одежды былъ далеко не одинаковъ въ малыхъ отдѣленіяхъ которыя проходили мимо насъ. Многіе изъ солдатъ на ходу стрѣляли изъ своихъ ружей. Я спросилъ у джигита что̀ за причина таковой стрѣльбы. „Очень довольны,“ отвѣчалъ онъ. Но чѣмъ были такъ довольны коканскіе солдаты, никакъ не могъ я отъ него добиться.

Наша европейская одежда привлекла вниманіе окружавшей насъ публики. Возбужденное нами любопытство имѣло несовсѣмъ пріязненный характеръ; но сопровождавшіе насъ три джигита очевидно внушали подобающій страхъ, и мы не слыхали ни одного обиднаго слова. Въ Ташкентѣ, въ официальныхъ сферахъ, намъ говорили что пребываніе въ Коканѣ вполнѣ безопасно, и мы можемъ такъ же свободно разгуливать по городу какъ въ самомъ Ташкентѣ. Между торговымъ русскимъ сословіемъ мы слышали совсѣмъ другое; насъ убѣждали иначе не показываться на улицахъ какъ въ халатѣ; притомъ намъ разсказывали множество случаевъ гдѣ въ русскихъ прикащиковъ и купцовъ кидали грязью, даже камнями. Во время дороги мы ничего подобнаго не видали, хотя ѣхали одѣтые по-европейски. Я полагаю что эта уступка въ одеждѣ

которую дѣлаютъ русскіе торговцы пріѣзжающіе въ Коканъ, какъ она ни незначительна, совершенно излишняя, тѣмъ болѣе что, какъ это доказывается опытомъ, она ихъ нисколько не ограждаетъ отъ непріятностей всякаго рода. Отчего бы намъ не подражать въ этомъ Англичанамъ, которые всегда, всюду сохраняютъ свою одежду, привычки, даже причуды, и тѣмъ не менѣе это народъ который не только терпится, но даже уважается на Востокѣ? Мой зять и я, мы рѣшились не мѣнять своего костюма и остались Европейцами все время что̀ пробыли въ Коканѣ. Сколько я знаю, мы были первые изъ частныхъ лицъ которые такъ поступили. Дай Богъ чтобы нашъ примѣръ нашелъ подражателей.

Всѣ войска прошли, и мы отправились въ домъ кокандскаго посланника въ Ташкентѣ, отданный намъ на все время нашего пребыванія въ Коканѣ. Насъ принялъ крайне любезно братъ посланника, Мурза-Керимъ, и отдалъ въ наше распоряженіе три комнаты, великолѣпно убранныя дорогими персидскими коврами. Намъ было всего болѣе цѣнно и пріятно найти въ отведенныхъ намъ комнатахъ стулья, столы и постели. Съ наслажденіемъ расположились мы въ нашемъ роскошномъ помѣщеніи, которое имѣло такой уютный видъ, особенно пріятный послѣ смиренныхъ нумеровъ гостиницы Розенфельда въ Ташкентѣ, и еще болѣе смиренной ходжентской гостиницы. Джигиты распростились съ нами, хозяинъ удалился, и мы остались одни въ нашей хорошенькой квартирѣ. Итакъ въ понедѣльникъ, 11го мая 1870 года, мы окончательно водворились въ Коканѣ, столицѣ Кокандскаго ханства.

II.

На другой день нашего пріѣзда, во вторникъ, рано утромъ, явился къ намъ одинъ изъ джигитовъ сопровождавшихъ насъ въ дорогѣ, съ поклономъ и порученіемъ отъ мехтара спросить насъ какъ мы отдохнули послѣ нашего путешествія. Я отвѣчалъ что для полнаго нашего отдохновенія недостаетъ только одного: это удовольствія видѣть самого мехтара и имѣть возможность лично поблагодарить его за присылку людей и за радушный пріемъ встрѣченный нами, благодаря его заботливости, повсюду на дорогѣ. „Зная что мехтаръ очень занятъ государственными дѣлами,“ прибавилъ я, „я прошу

его назначить мнѣ время въ которое мое посѣщеніе его всего менѣе обезлокоитъ." Посланный уѣхалъ и черезъ полчаса вернулся съ вѣстью что мехтаръ насъ приметъ когда намъ угодно. Я объявилъ что не желаю терять ни минуты, велѣлъ сѣдлать лошадей и сталъ одѣваться. Мехтару дали тотчасъ знать, а посланный остался чтобы проводить насъ.

Мой зять и я, во фракахъ, а нашъ переводчикъ, казанскій Татаринъ Султанъ, въ чалмѣ и халатѣ, отправились верхомъ въ официальную резиденцію мехтара. Чтобы точнѣе выразиться, это не официальная резиденція сего сановника, но мѣсто гдѣ онъ отбываетъ свои служебныя обязанности. Въ углу главнаго базара помѣщается обширный закетъ-сарай, въ которомъ сосредоточенъ сборъ закета, такъ-называемой таможенной пошлины съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ (большею частью 2½% ad valorem). Пошлина собирается чиновниками называемыми закетчи, подъ высшимъ наблюденіемъ мехтара, исполняющаго, кромѣ этого, многія другія порученія хана.

Въѣхавъ на дворъ закетъ-сарая, мы сошли съ лошадей и направились посреди многочисленной толпы къ лѣвой сторонѣ зданія; тамъ были мы введены въ высокую комнату, устланную бѣлыми китайскими войлоками (кошмами) и по стѣнамъ которой были развѣшаны желѣзныя кольчуги подбитыя краснымъ сукномъ. Тотчасъ послѣ насъ въ комнату вошелъ мехтаръ, высокій мущина, лѣтъ пятидесяти, съ длинною, съ просѣдью бородой, въ сопровожденіи трехъ лицъ. Одежда мехтара ничѣмъ не отличалась отъ другихъ; ложавъ намъ руку, онъ очень любезно просилъ насъ сѣсть на полъ, прибавляя что знаетъ что намъ трудно сидѣть по-ихнему и потому проситъ насъ устроиться какъ намъ покойнѣе. Мы сѣли какъ могли у средней стѣны комнаты; направо отъ насъ самъ мехтаръ; далѣе — сопровождавшія его лица; налѣво—нашъ переводчикъ; а въ дверяхъ и у дверей стояла порядочная толпа, разглядывавшая насъ съ большимъ любопытствомъ.

Разговоръ начался изъявленіями благодарности съ нашей стороны, на что мехтаръ отвѣчалъ что онъ только исполнитель приказаній хана, который любитъ Русскихъ и всегда очень доволенъ когда они посѣщаютъ его владѣнія.

Я возразилъ что не только въ Ташкентѣ, но въ Москвѣ и Петербургѣ неоднократно слышалъ что ханъ истинный и вѣрный другъ Русскихъ.

Это заявленіе, казалось, очень понравилось мехтару, и онъ отвѣчалъ что ханъ уже на дѣлѣ доказалъ свою дружбу Россіи. Во время осады Самарканда Шахрисябцами и Бухарцами, хана звали въ союзъ противъ Русскихъ, предлагали ему большія выгоды, но онъ все отвергнулъ, чтобы не нарушить дружбы съ великимъ нашимъ падишахомъ.

Слова мехтара произвели на меня то же впечатлѣніе что пріемъ въ Каракше-Кумѣ. Ужь не принимаютъ ли меня здѣсь, подумалъ я, за нѣчто въ родѣ офиціознаго посла, и я постарался въ своемъ отвѣтѣ ясно показать что пріѣхалъ единственно по торговымъ, моимъ собственымъ дѣламъ. Въ послѣдствіи оказалось, какъ я уже упоминалъ, всему причиной была рекомендація коканскаго посланника, Мурзы-Хакима, которому г. генералъ-губернаторъ самъ говорилъ обо мнѣ. Одно слово туркестанскаго генералъ-губернатора имѣетъ громадное значеніе не въ одномъ Коканѣ. Это поистинѣ утѣшительно.

— Дружественныя отношенія двухъ сосѣднихъ государствъ, отвѣчалъ я, особенно цѣнны для тѣхъ которые, какъ я, намѣрены заняться торговлей, такъ много способствующею благосостоянію народовъ.

Разговоръ продолжался о пользѣ торговли вообще. Тутъ подали чай и обычныя сласти, которыя мы должны были ѣсть, повинуясь неоднократнымъ просьбамъ хозяина. Исчисливъ всѣ выгоды которыя произойдутъ отъ посѣщеній Коканцами Москвы, Петербурга, Нижняго и другихъ городовъ, а Русскими Кокана, мехтаръ окончилъ свою рѣчь заявленіемъ что какъ отъ хана, такъ и отъ него мы получимъ, въ случаѣ надобности, всякую помощь по нашимъ дѣламъ.

Поблагодаривъ за обѣщаніе, я просилъ мехтара доложить хану что мнѣ очень бы хотѣлось имѣть честь ему представиться и отдать ему самому письмо генералъ-губернатора. Онъ отвѣчалъ что ханъ теперь на дачѣ, но на дняхъ вернется въ городъ, и тогда онъ тотчасъ же ему доложитъ. Послѣ этого обѣщанія я собрался удалиться, но мехтаръ просилъ еще немного посидѣть. Онъ что-то тихо приказалъ одному изъ стоявшихъ поодаль людей, тотъ скрылся и минуты черезъ двѣ въ комнату взошли три человѣка несшихъ на рукахъ какія-то, какъ мнѣ сначала показалось, матеріи. Вышло что мехтаръ жаловалъ всѣмъ намъ тремъ по халату. Мой зять и я получили однаковые, полосатые, желтые съ

лиловымъ, а нашъ переводчикъ—темнозеленый; всѣ три были изъ полушелковой матеріи. По здѣшнему обычаю, мы должны были не только тотчасъ надѣть эти халаты, но въ нихъ и отправиться въ обратный путь. Радуюсь что никто изъ Русскихъ не видалъ насъ въ этомъ одѣяніи, а должно-быть было эффектно. Въ большихъ сѣрыхъ шляпахъ съ широкими полями, во фракахъ, а сверхъ въ яркихъ желто-лиловыхъ халатахъ, верхомъ, мы должны были представлять весьма оригинальное зрѣлище.

На другой день, вечеромъ, мы снова отправились къ мехтару, но въ его частное жилище, и этотъ разъ насъ сопровождалъ нашъ хозяинъ, почтенный Мурза-Керимъ. Домъ Мехтара нѣсколько болѣе обыкновеннаго, въ сущности ничѣмъ не отличается отъ прочихъ нами видѣнныхъ: та же простота въ убранствѣ, исключительно состоящемъ изъ ковровъ и войлоковъ, даже потолки мнѣ показались менѣе роскошно расписанными чѣмъ въ занимаемой нами квартирѣ. Онъ принялъ насъ очень любезно, сначала въ обширной комнатѣ, въ простѣнкахъ которой были трофеи изъ стариннаго оружія. Послѣ краткихъ привѣтствій, мы перешли въ крытую террасу, выходящую, какъ и всѣ комнаты, на большой дворъ. Когда мы окончательно усѣлись, я съ удивленіемъ замѣтилъ что мехтаръ былъ босикомъ, и точно такъ же какъ и всѣ Коканцы, онъ во время разговора непрестанно почесывалъ свои голыя ноги, сидя по-турецки на коврѣ. Въ Коканѣ, какъ и во всемъ Востокѣ, скидаютъ башмаки, или скорѣе туфли, при входѣ въ комнату и оставляютъ ихъ у порога. Лѣтомъ носятъ туфли большею частію на босу ногу; если же ходятъ въ сапогахъ, то на нихъ всегда надѣваются калоши, которыя оставляются вмѣсто туфлей при входѣ въ комнату. Какъ туфли, такъ и калоши носятъ одно названіе—кауши.

Мехтаръ объявилъ намъ что ханъ очень доволенъ нашимъ пріѣздомъ и въ скоромъ времени насъ приметъ, причемъ снова повторились тѣ же заявленія пріязни хана къ Русскимъ; мы, какъ водится, благодарили. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ разговорѣ я разказалъ что цѣль моего пріѣзда—выводъ сѣмени шелковичныхъ червей, и замѣтилъ что если мнѣ удастся выгодно повести все дѣло, то надѣюсь, моему примѣру въ будущее время послѣдуютъ многіе, что̀, я увѣренъ, будетъ не безвыгодно для края.

Мехтаръ возразилъ что препятствій со стороны его и ко-

канскаго правительства не будетъ. Если теперь вообще приняты нѣкоторыя мѣры противъ этого производства, то по совѣту генералъ-губернатора, каждое слово, каждое желаніе котораго для нихъ весьма цѣнно. Если вы пріѣдете въ будущемъ году, прибавилъ онъ, и съ такимъ же письмомъ отъ генералъ-губернатора какъ нынѣ, то будьте увѣрены въ полномъ нашемъ содѣйствіи. Что же касается до другихъ Русскихъ, то пріемъ ихъ будетъ зависѣть отъ ихъ же начальства.

Я продолжалъ объяснять всю пользу для края отъ улучшенія червеводства, которое неминуемо будетъ слѣдствіемъ вывода сѣмени спеціалистами, знающими это дѣло. Отъ этого улучшенія улучшится и самое качество шелка, который будетъ продаваться непремѣнно гораздо дороже чѣмъ теперь.

— У насъ, возразилъ мехтаръ, — шелководство существуетъ съ незаламятныхъ временъ; никакихъ улучшеній мы не дѣлали, не искали, и оно все же, благодаря Бога, существуетъ.

— Однако, отвѣчалъ я,—ясно представляется возможность продавать дороже производимый вами товаръ: не есть ли это очевидная польза края? Вашъ шелкъ-сырецъ стоитъ на мѣстѣ теперь не болѣе 190 рублей пудъ; въ Москвѣ 225 и до 230 руб. Если же съ улучшеніемъ червеводства вы достигнете того что будете его продавать вдвое дороже, край отъ этого много выиграетъ.

— Да, это будетъ выгодно, спокойно отвѣчалъ мехтаръ, — но намъ нѣтъ надобности въ этихъ выгодахъ. Наши дѣды и отцы жили, и жили счастливо безъ нихъ, и намъ надо стараться имъ подражать. Впрочемъ, съ живостію прибавилъ онъ,— вы нашъ гость, гость хана; пошли вамъ Богъ успѣха въ вашихъ дѣлахъ. Съ нашей стороны мы все что можемъ сдѣлаемъ чтобы вамъ помочь и облегчить ваше предпріятіе.

Сказавъ это, мехтаръ извинился предъ нами и ушелъ. Мурза-Керимъ (который немного говорилъ по-русски) намъ объяснилъ что мехтаръ пошелъ молиться, поручивъ ему и еще одному чиновнику занимать насъ и стараться чтобы намъ не было скучно. Пять разъ въ день молятся Коканцы. Часто у насъ, на квартирѣ, соберутся вечеромъ четыре, пять человѣкъ, разговариваютъ, пьютъ чай; какъ только придетъ положенный часъ, всѣ встаютъ, надѣваютъ чалмы, разложатъ гдѣ-нибудь на дворѣ коверъ, станутъ всѣ рядышкомъ, обратясь къ юго-западу, и точно въ тактъ, съ удивительнымъ enssemble начнутъ класть земные поклоны. Съ глазу на глазъ

они, какъ я могъ неоднократно убѣдиться, далеко не такъ богомольны; но при другихъ, особенно своихъ, они строго исполняютъ всѣ обряды своей вѣры. Въ Бухарѣ, говорятъ, еще строже: тамъ палками посылаютъ народъ на молитву.

По возвращеніи мехтара тотчасъ подали на нѣсколькихъ тарелкахъ жареную баранину, приправленную перцемъ и лукомъ и разрѣзанную на маленькіе куски (это называется курма). Несмотря на то что блюдо это явилось послѣ всякихъ сладостей и чаю, мы нашли его весьма вкуснымъ, что̀ очень понравилось почтенному хозяину, съ улыбкой повторившему нѣсколько разъ сказанное мною татарское слово якши (хорошъ, хорошо). Угощеніе, какъ водится, окончилось пилавомъ, котораго мы, несмотря на всѣ старанія, не могли съѣсть болѣе одной ложки. Самъ мехтаръ, Мурза-Керимъ и нѣсколько человѣкъ чиновниковъ, сидѣвшихъ подаль, принялись за національное блюдо какъ истые Коканцы, руками; ложки были поданы только для насъ двоихъ. Одинъ изъ чиновниковъ особенно граціозно обсасывалъ свои пальцы чуть ли не послѣ каждаго пріема рису. Этотъ визитъ, какъ и предыдущій, окончился подаркомъ халатовъ, и что̀ всего конфузнѣе, кромѣ халатовъ, мы получили въ оба визита по двѣ головы сахару. Одно было утѣшеніе: сахаръ русскаго происхожденія. На оберточной бумагѣ было явственно отпечатано: „Сокольники. М. И. Борисовской“.

Въ продолженіе первыхъ трехъ дней нашего пребыванія въ Коканѣ, у насъ завелось порядочное количество знакомыхъ, которые часто, особенно вечеромъ, собирались у насъ. Между ними интереснѣе всѣхъ было двое: часовщикъ хана, Аширъ-Ходжа, нашъ ближайшій сосѣдъ и бывшій переводчикъ, а вмѣстѣ и докторъ хана, Асадъ-Улла, родомъ Черкесъ, очень порядочно говорившій по-русски. Послѣдній впрочемъ скоро долженъ былъ оставить Коканъ и отправиться въ Маргеланъ, гдѣ онъ находился при путешествующемъ по ханству часовыхъ дѣлъ мастерѣ, Вагнерѣ, кажется прикащикѣ швейцарскаго дома Мозеръ и К°. Этотъ Вагнеръ, какъ мнѣ разказывали, очень понравился хану, большому любителю часовъ и вообще механики, живетъ уже болѣе года въ Коканѣ и нынѣ отправился со своимъ товаромъ въ другіе города ханства. Аширъ-Ходжа, часовщикъ-самоучка, благодаря своему таланту пользуется большимъ расположеніемъ хана, во дворцѣ котораго имѣетъ свою мастерскую, гдѣ часто занимается ис-

правленіемъ часовъ подъ наблюденіемъ самого владыки Кокана. Эти занятія приносятъ ему не малую выгоду; не говоря уже о частыхъ подаркахъ, недавно онъ получилъ садъ около Андиджана, который сдалъ въ аренду за семьсотъ тиллей въ годъ. Коканская тилля равна 3 р. 80 к. Несмотря на свое приближенное положеніе ко двору, онъ очень просто себя держитъ и скорѣе бѣдно одѣвается. Очень часто онъ у насъ сидѣлъ босой и въ одномъ ситцевомъ темномъ халатѣ. Его-то я болѣе всѣхъ другихъ разспрашивалъ о жизни хана. Вотъ вкратцѣ день его высокостепенства,—таковъ офиціальный титулъ хана, признанный русскимъ правительствомъ.

Утромъ въ 5 часовъ происходитъ въ урдѣ, то-есть во дворцѣ, всеобщій пріемъ всѣхъ чиновниковъ занимающихъ наиболѣе видныя мѣста. Таковыхъ Аширъ-Ходжа насчиталъ въ одномъ Коканѣ около ста (не ручаюсь за вѣрность цифры). Кромѣ чиновниковъ пріѣзжаютъ всѣ придворные и также начальственныя лица другихъ мѣстъ ханства, пріѣхавшія по какой-либо причинѣ. Пріемъ называется саламъ, и онъ, говорятъ, былъ очень блестящъ, когда на немъ появлялись киргизскіе и киргизъ-кипчакскіе біи, въ то время когда восточная часть Киргизской степи, составляющая нынѣ всю Семирѣчинскую область и часть Сыръ-Дарьинской, зависѣла отъ Кокана. Послѣ салама, ханъ принимаетъ по очереди своихъ министровъ, если такъ только возможно выразиться. Предѣлы власти высшихъ чиновниковъ и ихъ обязанности весьма не точно разграничены; ханъ слушаетъ ихъ докладъ, рѣшаетъ дѣла и подписываетъ бумаги, то-есть прикладываетъ по обычаю свою печать. По окончаніи доклада, опредѣленный ad hoc чиновникъ принимаетъ просителей, всѣхъ безъ исключенія, отбираетъ у нихъ просьбы и докладываетъ ихъ хану, который тутъ же разрѣшаетъ или отказываетъ; причемъ нерѣдко вызываетъ самого просителя для объясненій; затѣмъ до вечера, онъ удаляется въ гаремъ. Вечеръ назначается на прочтеніе писемъ изъ другихъ провинцій ханства.

Въ четвергъ вечеромъ, 14го мая, было уже темно, и мы пили чай на террасѣ, какъ явился посланный отъ мехтара съ извѣщеніемъ что завтра, въ 5 часовъ утра, ханъ приметъ насъ въ продолженіе салама. Посланный прибавилъ что къ опредѣленному часу пріѣдетъ за нами чиновникъ, который насъ проводитъ. Сидѣвшій у насъ въ это время Аширъ-Ходжа объяснилъ что намъ дѣлаютъ большой почетъ такимъ ско-

рымъ пріемомъ. Вы всего три дня въ Кокандѣ, и вамъ уже назначена аудіенція;—этого никогда, ни для какого иностранца еще не было сдѣлано, прибавилъ съ особымъ ударенiемъ нашъ почтенный сосѣдъ. Мы воспользовались его присутствіемъ чтобы просить его совѣта какъ поступить съ подарками которые желали представить его высокостепенству. Аширъ-Ходжа пожелалъ ихъ видѣть, и тотчасъ началась распаковка вещей. Надо сказать что мы думали заняться выводомъ сѣмени шелковичныхъ червей въ русскомъ Туркестанѣ, и только вслѣдствіе независящихъ отъ насъ обстоятельствъ принуждены были отправиться для этого дѣла въ Кокандъ. Необходимо было везти подарки хану; таковъ обычай на Востокѣ, и поневолѣ мы накупили въ ташкентскихъ магазинахъ всякую всячину, платя за нее въ тридорога, въ полной радости что нашли хоть что-нибудь; иначе пришлось бы явиться съ пустыми руками. Аширъ-Ходжа смотрѣлъ на вещи не совсѣмъ утѣшительно; мы объяснили ему въ чемъ дѣло и почему показанныя ему вещи такъ не соотвѣтственны ихъ назначенію.

— Я объясню кому слѣдуетъ, съ серіозной задушевностью возразилъ Аширъ-Ходжа.—Притомъ нашъ ханъ не смотритъ на подарки, а на того который ихъ представляетъ, и потому будьте спокойны, онъ ихъ приметъ съ удовольствіемъ, какъ доказательство вашего желанія ему угодить.

Несмотря на утѣшенія, какъ-то конфузно было, смотря на мелкія вещицы изъ которыхъ состояли наши подарки, и это тѣмъ болѣе что въ Кокандѣ мы узнали что г. Адамоли, повѣренный московскаго торговаго дома Штукенъ и Шлисъ, также какъ и мы пріѣхавшій для вывода сѣмени, поднесъ хану весьма дорогія и цѣнныя вещи. Аширъ-Ходжа не переставалъ насъ успокоивать, повторяя нѣсколько разъ по-русски: „Ханъ васъ любитъ; любитъ Русскій; Адамоли Русскій йокъ.“ *

Въ пятницу утромъ, я еще не былъ совершенно одѣтъ, какъ явился чиновникъ долженствовавшій насъ проводить до дворца. Мы поспѣшили подать ему чаю и, проглотивъ всѣ по стакану, садились уже на лошадей, какъ прискакалъ нашъ пріятель Аширъ-Ходжа и именемъ хана намъ объявилъ что еще рано и что мы можемъ свободно напиться чаю. Пока разносили стаканы, онъ таинственно мнѣ объявилъ что подарки будутъ приняты хорошо. Послѣднее слово было повторено нѣсколько разъ по-русски, съ добродушнѣйшею улыбкой.

* Йокъ по-сартски—нѣтъ.

Наконецъ мы отправились всѣ верхомъ: впереди ѣхалъ одинъ изъ слугъ нашего хозяина, за нимъ чиновникъ, потомъ мой зять и я сопровождаемые Аширъ-Ходжею; шествіе замыкали переводчикъ и нашъ прикащикъ, оренбургскій татаринъ, Абдеррахманъ, могущій также служить за переводчика. Оба везли въ салфеткахъ наши злополучные подарки.

До дворца отъ насъ было недалеко, и проѣхавъ не болѣе пяти минутъ, мы вдали услышали ружейные выстрѣлы и не совсѣмъ гармоническіе звуки кокандскихъ трубъ.—Что это такое? спросилъ я.

— Ничего, съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ Аширъ-Ходжа:—ханскія войска учатся на дворцовой площади. Это часто бываетъ, чуть не каждый день.

Дворецъ выходитъ только одними своими воротами на площадь. Они состоятъ изъ высокой башни съ двумя маленькими башенками очень красивой формы, по одной съ каждой стороны, по фасаду; сзади прислоненъ раздавленный куполъ, коего только одинъ верхъ виденъ съ площади. Громадная стрѣльчатая дверь занимаетъ всю средину зданія, служащаго также и казармами для нѣкоторой части войскъ. Названіе урда вмѣстѣ значитъ и дворецъ, и крѣпость. Отъ этихъ воротъ двумя крылами, полукругомъ, тянутся низенькія зданія открытыхъ конюшень для кавалеріи, вплоть до дороги, пересѣкающей площадь по самой ея срединѣ. Мы подъѣзжали съ противоположной стороны, гдѣ переѣхавъ въ бродъ небольшой ручей, окаймленный густымъ тальникомъ, выѣхали на площадь. Она представляла весьма красивый видъ. На полукруглой большой площади, отъ воротъ дворца до дороги, маневрировали, по разнымъ направленіямъ, маленькими отдѣленіями, пестро одѣтыя кокандскія войска; у самой дороги была растянута цѣпь солдатъ учившихся стрѣльбѣ. На дорогѣ и остальной части площади, большая толпа народа съ любопытствомъ смотрѣла на эти воинскія упражненія и сама составляла по разнообразію и яркости костюмовъ отличное дополненіе ко всей картинѣ. Ко всему этому надо прибавить чистое, голубое, утреннее небо, косые лучи яркаго южнаго солнца и длинную волнующуюся тѣнь отъ воротъ дворца, которая ложилась на группы маневрирующихъ солдатъ, захватывая и часть зрителей.

Мы пересѣкли дорогу и уже поровнялись съ цѣпью стрѣлявшихъ солдатъ, какъ моя лошадь начала выказывать яв-

ные признаки неудовольствія противъ стрѣлковъ; одного изъ нихъ она чуть не раздавила, и я съ большимъ трудомъ удерживалъ ея порывы. На мое счастье сопровождавшій насъ чиновникъ объявилъ намъ что мы должны слѣзть съ лошадей; я съ удовольствіемъ повиновался. Пѣшкомъ продолжали мы путь посреди движущагося ло разнымъ направленіямъ войска; всѣ офицеры имѣли въ рукахъ калтаки, и, сколько я могъ замѣтить, палка эта была у нихъ не даромъ. Одинъ солдатикъ, отставшій отъ фронта, на моихъ глазахъ получилъ нѣсколько громкихъ ударовъ этого калтака по спинѣ. Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ площадь становилась шумнѣе и оживленнѣе. Крикъ командующихъ офицеровъ, трескотня барабановъ, рѣзкое гудѣнье трубъ и все усиливающаяся стрѣльба составляли какое-то оглушительное цѣлое, просто одуряющее. У самыхъ воротъ училась артиллерія: одинъ артиллеристъ съ удивительной энергіей лихалъ банникъ въ пушку, что̀ впрочемъ не избавило его отъ нѣсколькихъ поощрительныхъ ударовъ палочки офицера. Наконецъ мы вошли въ высокую дверь, и сдѣлавъ два поворота подъ высокими сводами башни, вышли на большой широкій дворъ, окаймленный крытой террасой. По обѣимъ сторонамъ пересѣкавшей его по срединѣ дороги, сидѣли на корточкахъ солдаты, держа въ рукахъ стоймя длинныя ружья. Шумъ съ площади долеталъ въ видѣ общаго неяснаго гула, а предъ нами былъ стройный высокій фасадъ собственно дворца, котораго, къ несчастью, невозможно было разглядѣть, такъ какъ онъ былъ застроенъ лѣсами по случаю его обшивки цвѣтнымъ кирпичомъ. Мы едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ насъ встрѣтилъ мехтаръ. Поздоровавшись, мы продолжали путь уже съ нимъ. Опять ворота и затѣмъ отлогій подъемъ; наконецъ еще ворота, и мы остановились. Мехтаръ указалъ намъ на окно, въ которомъ мы увидѣли красиваго мущину въ бѣлой чалмѣ и свѣтло-сѣромъ халатѣ. „Ханъ“, тихо прошепталъ мехтаръ. Мущина въ окнѣ приподнялся; мы поклонились, а вокругъ насъ множество вооруженныхъ людей закричали: „Гумеръ даулетъ иныс зіада уль-санъ“, что̀ значитъ: многіе годы и полное счастье вамъ желаемъ.

— Пойдемте, торопливо сказалъ мехтаръ.

Мы послѣдовали за нимъ черезъ дворъ, и съ нами нѣсколько человѣкъ одѣтыхъ въ синіе кафганы, съ черными бараньими шапками на головахъ. Двое изъ нихъ, которые шли око-

ло меня, были люди довольно пожилые и имѣли по маленькому серебряному эполету пришитому на каждомъ плечѣ и одинъ такой же на спинѣ. Мы вошли въ большую комнату, въ дверяхъ которой стояло нѣсколько вооруженныхъ солдатъ. Въ углу, противъ двери у раскрытаго окна, сидѣлъ на полу ханъ, тотъ самый мущина который намъ поклонился изъ окна. Ханъ мнѣ показался лѣтъ лодъ сорокъ, очень красивой наружности, со смуглою бородой и съ живыми, умными глазами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, вдоль стѣнъ, сидѣло также на полу нѣсколько человѣкъ, большею частью стариковъ. Едва мы взошли, какъ мехтаръ взялъ меня подъ руку и такъ быстро подвелъ къ хану, что хотя предупрежденный, я едва поспѣвалъ за нимъ. Ханъ пожалъ мнѣ руку и жестомъ пригласилъ сѣсть; мехтаръ отвелъ меня на нѣкоторое разстояніе, и я усѣлся на полъ, сколь возможно болѣе по восточному. За мной то же произошло съ моимъ зятемъ, котораго подводилъ одинъ изъ одѣтыхъ въ синій кафтанъ; послѣ рукопожатія его усадили около меня. Мехтаръ и около него наши два переводчика стали по срединѣ комнаты.

Какъ только мы оба усѣлись, ханъ сказалъ нѣсколько словъ, которыя мехтаръ повторилъ нашему переводчику, который въ свою очередь перевелъ ихъ намъ. Едва мы узнали черезъ этотъ двойной путь что его высокостепенство радуется нашему пріѣзду и пребыванію въ Коканѣ, какъ ханъ спросилъ о здоровьи друга своего туркестанскаго генералъ-губернатора. Я отвѣчалъ что генералъ-губернаторъ здоровъ и навѣрное будетъ очень доволенъ когда узнаетъ что его высокостепенство такъ заботливо освѣдомляется о немъ. Въ настоящее время онъ уѣхалъ въ отдаленныя мѣста управляемаго имъ края, но уѣзжая, поручилъ мнѣ передать это письмо, которое тутъ же я и вынулъ.

Пока мой отвѣтъ шелъ тѣмъ же двойнымъ путемъ, мехтаръ взялъ у меня письмо, и съ низкимъ поклономъ, тѣмъ же быстрымъ, мелкимъ шагомъ подалъ его хану, который тотчасъ же его распечаталъ. Какъ кажется это означало особое уваженіе къ генералъ-губернатору и вмѣстѣ было знакомъ что наша аудіенція окончена. Въ послѣднемъ не могло быть никакого сомнѣнія: мехтаръ съ однимъ изъ синихъ господъ подошли къ намъ и подъ руки вывели насъ изъ комнаты. Этимъ однако не окончился нашъ визитъ во дворцѣ; насъ отвели въ другую комнату, гдѣ мехтаръ пригласилъ насъ от-

дохнуть, прибавляя что ему поручено ханомъ угощать насъ. Мы усѣлись на полу, и вмѣстѣ съ нами нѣсколько человѣкъ, повидимому, придворныхъ. Явились, какъ водится, подносы съ обычными сластями, и начался разговоръ. Одинъ изъ сидящихъ съ нами обратился ко мнѣ съ вопросомъ: какъ мнѣ понравился Коканъ?

— Очень, отвѣчалъ я, — теперь я совершенно доволенъ что послушался совѣта генералъ-губернатора и пріѣхалъ сюда, а не поѣхалъ въ Бухару, какъ намѣревался.

Мой отвѣтъ очень понравился моимъ собесѣдникамъ. Безъ всякаго намѣренія я сдѣлалъ очень ловкій комплиментъ. Бухара была всегдашней соперницей Кокана. Тогда я еще мало зналъ событія предшествовавшія въ Средней Азіи занятію Русскими полосы земли отъ Туркестана до Самарканда, вошедшей угломъ въ центральную Азію и навсегда отдѣлившей Коканъ отъ Бухары. Разговоръ шелъ о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ государствъ, особенно о ихъ климатѣ, причемъ все преимущество оказывалось на сторонѣ Кокана. Послѣ многократныхъ похвалъ всему мною видѣнному, я выразилъ что выношу только одно сожалѣніе что такъ мало имѣлъ удовольствія видѣть хана. Мехтаръ вышелъ въ продолженіе разговора, и вскорѣ появился посланный отъ хана, который намъ сказалъ что его высокостепенство сократилъ аудіенцію, видя что намъ неловко было сидѣть. Мы выразили что очень сожалѣемъ что такъ показалось хану, но что мы наслаждаясь его лицезрѣніемъ нисколько не ощущали никакого неудобства. Посланный удалился, и мы изъявили желаніе уйти, но бесѣдовавшіе съ нами убѣдительно просили остаться еще немного. Мы этимъ воспользовались чтобы подробно осмотрѣть комнату въ которой находились. Она, какъ и та въ которой насъ принималъ ханъ, была устлана коврами вмѣсто всякой мебели; но стѣны и особенно потолки были замѣчательно расписаны самыми яркими красками, которыя, несмотря на свою пестроту, составляли стройное, гармоническое цѣлое. Причудливыя и въ высшей степени разнообразныя арабески рисунка выказывали не малую долю таланта и фантазіи въ ихъ творцѣ. Дѣйствительно эта стѣнная живопись заслуживаетъ не только вниманія, но и изученія какъ оригинальный образецъ орнаментной живописи. Кромѣ этого, мы любовались рѣзными ставнями на окнахъ, превосходной тонкой работы. На

этихъ ставняхъ были желѣзные, висячіе затворы на цѣпочкахъ, чрезвычайно оригинальные.

Мы еще не успѣли обойти со вниманіемъ всей комнаты, какъ возвратился мехтаръ и за нимъ нѣсколько человѣкъ съ халатами на рукахъ. Ханъ жаловалъ намъ халаты: моему зятю и мнѣ по два, а переводчикамъ по одному. Несмотря на жаръ, намъ пришлось сверхъ нашихъ черныхъ фраковъ надѣть два халата, одинъ на другой, и изъ нихъ нижній былъ на суконной подкладкѣ. Оба были очень красивы, особенно мой верхній, смахивающій немного на ризу. Онъ былъ изъ лиловой шелковой ларчи, съ затканными серебрянными и золотыми цвѣтами. Какъ только мы одѣлись, всѣ присутствовавшіе насъ громко поздравили съ ханскою милостью; причемъ всякій, по коканскому обычаю, провелъ обѣими своими руками по своей бородѣ, призывая имя Аллаха. Благодаря за поздравленія, я выразилъ мехтару желаніе поблагодарить самого хана за его вниманіе. Онъ удалился доложить о семъ его высокостепенству и вскорѣ вернулся, приглашая насъ идти за нимъ. Мы опять вошли въ комнату, гдѣ продолжался еще саламъ, и только молча раскланялись съ ханомъ; при этомъ вошедшіе съ нами придворные громко крикнули: „михманла килибды съизга коллокъ утеняда“, что̀ значитъ: гости пришли васъ благодарить. Тѣмъ и кончилась наша аудіенція. Мехтаръ, несмотря на наши просьбы не безпокоиться, провожалъ насъ нѣкоторое время, и только на второмъ дворѣ уступилъ нашимъ настоятельнымъ увѣщаніямъ и простился съ нами. Въ это время точно изъ земли выросъ пріятель нашъ Аширъ-Ходжа и съ сіяющимъ лицомъ объявилъ намъ что наши подарки очень понравились хану. Особенно сигарочница съ музыкой, прибавилъ онъ съ радостною улыбкой, — „хубъ якши“ (очень хорошо), повторилъ онъ нѣсколько разъ. Мы его поблагодарили за хорошее извѣстіе и пригласили къ намъ чай пить; онъ обѣщалъ пріѣхать черезъ нѣкоторое время.

— Сейчасъ нельзя, объяснилъ онъ вполухахъ, — надо идти еще разъ завести сигарочницу; и съ этими словами поспѣшно удалился.

Войска продолжали все еще маневрировать на площади; толпа не уменьшалась, и теперь ея любопытство обратилось на насъ. Наши парадные халаты привлекли всеобщее вниманіе; наконецъ мы сѣли на коней, и сопровождаемые изряднымъ количествомъ мальчишекъ, направились къ тѣнистому ручью.

Впереди насъ слуга нашего хозяина съ трудомъ удерживалъ предъ собой, поперекъ сѣдла, большой узелъ.

— Что это везетъ Риза? спросилъ я переводчика.

— Какъ же-съ, это у нихъ ужь обычай. Угощеніе которое вамъ подавалось все вамъ отдано, отвѣчалъ иронически улыбаясь Султанъ.

Дѣйствительно, орѣхи, изюмъ и все прочее поступило въ нашу собственность; даже два ящика леденца съ надписью „Фабрика бр. Кокиныхъ въ Москвѣ", красовавшіеся предъ нами во дворцѣ, попали опять въ русскія руки. Этимъ однако не ограничилась ханская милость. Едва мы дома расположились пить чай съ нашимъ хозяиномъ и Аширъ-Ходжей, какъ явился посланный изъ дворца съ мѣшками рису, ячменя, цѣлою арбой клевера и всякой зелени, а также съ живымъ бараномъ.

— Я право не знаю какъ и благодарить хана, сказалъ я Аширъ-Ходжѣ.

— Это что! возразилъ онъ съ нѣкоторою торжественностью.— Вы вотъ что замѣтьте: вамъ ханъ ложалъ руку, говорилъ съ вами. Это вотъ важно, и этого еще никогда не было у насъ въ Кокандѣ.

Правда ли что я первый Русскій, частный человѣкъ, который былъ принятъ въ Кокандѣ такъ почетно, и дѣйствительно ли это такой почетъ, право не знаю. Если же это такъ, какъ говоритъ Аширъ-Ходжа, то сердечно радуюсь этому доказательству того какъ на дальнемъ Востокѣ высоко цѣнится рекомендація туркестанскаго генералъ-губернатора, представителя нашего правительства въ этомъ отдаленномъ краѣ. Какое громадное поприще дѣятельности открывается вслѣдствіе сего, однимъ только вліяніемъ, и дѣятельности благотворной, безъ необходимости прибѣгать къ ultima ratio, къ силѣ, способу чрезвычайно легкому въ центральной Азіи, но вмѣстѣ весьма убыточному.

III.

Послѣ офиціальныхъ визитовъ первыхъ дней нашего пребыванія въ Кокандѣ, началась для насъ тихая, трудовая и весьма однообразная жизнь. Въ небольшомъ, близкомъ отъ нашей квартиры, домѣ, принадлежащемъ также нашему хозяину, мы на другой же день по пріѣздѣ начали возводить необходимыя

помѣщенія для вывода сѣмени шелковичныхъ червей. Самъ по себѣ домъ былъ очень малъ; но два большіе двора представляли много удобства для возведенія временныхъ построекъ. Къ несчастію, мы пріѣхали слишкомъ поздно, черезъ нѣсколько дней коконы должны были появиться уже на базарахъ, а потому, имѣя предъ собою всего какую-нибудь недѣлю, мы принуждены были ограничить свою собственную дѣятельность выводомъ только части всего предполагаемаго сѣмени, поручивъ произведеніе остальной нашему главному прикащику Хакимъ-Джану. Онъ долженъ былъ покупать коконы и раздавать ихъ туземцамъ для вывода, разумѣется, подъ нашимъ наблюденіемъ. Но и для того что̀ мы предполагали сами сдѣлать, требовалось много приготовленій, и мы проводили весь день въ наблюденіяхъ за работами. Хотя избранный мною способъ вывода былъ чрезвычайно простъ, но онъ былъ неизвѣстенъ въ Коканѣ, и потому постоянныя объясненія и надзоръ были необходимы, причемъ наше незнаніе языка и необходимость для каждаго замѣчанія прибѣгать къ переводчику не мало затрудняли все дѣло.

Въ Россіи мало знакомы съ червеводствомъ, притомъ въ Москвѣ, Петербургѣ, также и въ Ташкентѣ, мнѣ привелось слышать многія сужденія о семъ предметѣ, которыя, по моему убѣжденію, крайне несправедливы; посему считаю необходимымъ подробно разказать почему я пріѣхалъ въ Коканъ, и потомъ изложить мое мнѣніе о выводѣ сѣмени шелковичныхъ червей въ центральной Азіи.

Въ Италіи, вслѣдствіе болѣзни шелковичнаго червя, очень высоко цѣнится сѣмя этого полезнаго животнаго привозимое изъ странъ въ которыхъ нѣтъ болѣзни. Въ русскомъ Туркестанѣ, Коканѣ, Кашгарѣ, Хивѣ, Бухарѣ и вообще на всемъ возвышенномъ среднеазійскомъ плато, до сихъ поръ не было и признаковъ эпидеміи, которая вотъ уже двадцать почти лѣтъ опустошаетъ червекормильни не только Европы, но Китая, Малой Азіи, Персіи и Кавказа. Въ послѣдніе годы въ Италіи и на югѣ Франціи употребляли и употребляютъ въ громадномъ количествѣ сѣмя изъ Японіи, но коконы выходящіе отъ этого сѣмени хотя даютъ шелкъ превосходнаго качества, но такъ мало что выводъ ихъ едва ли годенъ. Вслѣдствіе сего многіе Италіянцы пытались проникнуть въ центральную Азію. Между прочимъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ проѣхали чрезъ Россію въ Бухару трое Италіянцевъ,

которые тамъ были арестованы, и только по счастливому стеченію обстоятельствъ были освобождены изъ плѣна московскимъ купцомъ и почетнымъ гражданиномъ М. А. Хлудовымъ. Въ 1869 году, болѣе счастливый ихъ соотечественникъ, нѣкто Діогенъ Барбіери изъ Бреттіи, поѣхалъ въ Ташкентъ, получилъ не только позволеніе, но даже содѣйствіе нашего правительства, и въ Ходжентѣ вывелъ и купилъ около тысячи фунтовъ сѣмени шелковичныхъ червей, каковое въ концѣ года благополучно доставилъ въ Италію. Познакомясь съ этимъ фактомъ, прошлою зимой въ Италіи, я также случайно узналъ настоящій и вѣрный разчетъ поѣздки Барбіери. Дѣло оказывалось весьма выгоднымъ, и я рѣшился попытать счастье и отправиться для вывода сѣмени въ такой отдаленный край. Продолжительное пребываніе въ Италіи и занятіе червеводствомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ достаточно ознакомили меня съ этою частью. Оставалось узнать о самомъ краѣ, это оказалось весьма труднымъ. Новѣйшихъ описаній новоприобрѣтенныхъ нашихъ владѣній, за исключеніемъ уломянутой уже мною книги П. И. Пашино, нѣтъ. Изъ иностранныхъ только Вамбери, но этотъ путешественникъ былъ на югѣ центральной Азіи, и не достигнулъ настоящихъ нашихъ границъ. Затѣмъ можно уломянуть о нѣкоторыхъ статьяхъ гг. офицеровъ, разсѣянныхъ въ журналахъ послѣднихъ годовъ, но онѣ большею частью мало знакомятъ съ краемъ и его производительностью. Приходилось ѣхать почти на-авось, и искать свѣдѣній въ Петербургѣ.

Въ мартѣ я былъ въ Петербургѣ, гдѣ въ азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ нашелъ весьма любезный пріемъ. На мой вопросъ: могу ли я заняться выводомъ сѣмени шелковичныхъ червей въ нашемъ Туркестанѣ, г. директоръ мнѣ объяснилъ что все дѣло зависитъ отъ мѣстнаго начальства, то-есть отъ туркестанскаго генералъ-губернатора, и что, по его мнѣнію, г. генералъ-губернаторъ не только дозволитъ мнѣ выводъ сѣмени, но даже окажетъ свое содѣйствіе, ибо, сколько извѣстно, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ противится тому чтобъ это выгодное производство попало въ руки иностранцевъ, но Русскому—путь чистъ. При этомъ я узналъ случайно въ Петербургѣ что многіе миланскіе торговые дома заявили желаніе заняться этимъ дѣломъ, но получили отказъ. Эти извѣстія меня несказанно обнадежили, и я отправился въ дальнѣйшій путь.

Пріѣхавъ 30го апрѣля вечеромъ въ Ташкентъ, я тотчасъ же узналъ весьма неутѣшительныя вещи. Дѣло въ томъ что извѣстія о выгодахъ полученныхъ Барбіери отъ продажи въ Италіи сѣмени вывезеннаго имъ изъ Ходжента, пройдя чрезъ Европу, Россію и Киргизскую степь, такъ выросли дорогой что достигнувъ Ташкента, произвели сильное впечатлѣніе на мѣстное населеніе и посему побудили туркестанское начальство принять слѣдующую мѣру: дозволяется къ вывозу только четыре тысячи фунтовъ сѣмени шелковичныхъ червей, съ уплатой въ пользу казны двадцати рублей пошлины съ фунта. Опредѣленное количество было уже распредѣлено между разными лицами безъ остатка. Мѣра эта, принятая только въ апрѣлѣ, никакъ не могла быть извѣстною въ Петербургѣ въ мою тамъ бытность.

Само предпріятіе, при новоустановленной пошлинѣ, являлось едва выгоднымъ, а потому никакъ не обусловливало такого дальняго и труднаго путешествія. Съ другой стороны, сдѣлать *три тысячи верстъ* по весенней распутицѣ на перекладныхъ, частью въ саняхъ, а потомъ въ тарантасѣ, потерять столько времени и претерпѣть столько непріятностей и лишеній на пути для того чтобы вернуться ни съ чѣмъ, становилось жутко. Я рѣшился всѣми средствами хлопотать о дозволеніи мнѣ заняться выводомъ и вывозомъ сѣмени хоть въ маломъ объемѣ. На мое счастье, пріѣхавшему нѣсколько дней ранѣе меня въ Ташкентъ г. Мозеру было дозволено произвести двѣ тысячи фунтовъ сверхъ уже розданныхъ четырехъ, но произвести ихъ въ Бухарѣ, куда онъ и отправился вмѣстѣ съ посольствомъ полковника Носовича. При этомъ долженъ сказать, я нашелъ въ главномъ начальникѣ края человѣка сострадательнаго, принявшаго участіе въ моемъ горестномъ положеніи. Мои хлопоты увѣнчались успѣхомъ, мнѣ было дозволено вывести до тысячи фунтовъ сѣмени въ Коканскомъ ханствѣ, подъ условіемъ уплаты двадцати-рублевой пошлины. Кромѣ того г. генералъ-губернаторъ былъ на столько добръ что рекомендовалъ меня коканскому посланнику въ Ташкентѣ и далъ мнѣ письмо къ хану. Вотъ какимъ образомъ попалъ я въ Коканъ.

Мнѣ остается теперь поговорить о тѣхъ сужденіяхъ о которыхъ я упомянулъ выше. Въ Россіи, и въ особенности въ Ташкентѣ, преобладаетъ слѣдующее мнѣніе: выводъ сѣмени шелковичныхъ червей для вывоза положительно вреденъ, и

лотому слѣдуетъ его запретить; большею частью, при этомъ отрицательномъ мнѣніи, высказывается другое положительное: туркестанскій и вообще среднеазійскій шелкъ дурнаго качества, лотому что его размотка плоха, лосему на обязанности администраціи должно лежать—лоощрять всѣми средствами улучшенную размотку шелка и устройство хорошихъ шелкомоталенъ.

О дозволеніи или запрещеніи вывоза сѣмени шелковичныхъ червей изъ Туркестана въ настоящее время не можетъ быть и разговора. Ходжентское сѣмя привезенное Барбіери въ Италію, въ лѣто сего года, дало тамъ самые плачевные результаты: черви изъ него вышли превосходные и вполнѣ здоровые; но они или совсѣмъ не вили коконовъ, или вили такіе (мягкіе, не доконченные съ незакрытыми концами), которые не годились на размотку, и посему мы можемъ быть теперь совершенно слокойны. Врядъ ли кто рѣшится пріѣхать въ нашъ Туркестанъ для вывода и вывоза оттуда сѣмени шелковичныхъ червей. Тѣмъ не менѣе я бы желалъ разобрать нѣсколько подробнѣе мнѣніе о необходимости запретить этотъ вывозъ, тѣмъ болѣе что въ нашей администраціи да и повсюду нерѣдко, къ сожалѣнію, приходится слышать въ дѣлѣ промышленности слова: запретить, лоощрить. Дай Богъ чтобы мои неавторитетныя слова были причиной усвоенія администраціей того убѣжденія что дѣло по отношенію къ промышленности состоитъ во введеніи полной общественной безопасности, устройствѣ, улучшеніи и облегченіи путей сообщенія, устройствѣ почтъ и телеграфовъ и наконецъ во введеніи дешеваго и правильнаго кредита, тамъ гдѣ нѣтъ никакихъ кредитныхъ учрежденій, какъ напримѣръ въ нашемъ Туркестанѣ; вотъ и все. Что же касается собственно до промышленности, то главное и единственное условіе ея существованія, какая бы она ни была, это ея выгодность. Система лоощренія никогда не приводила къ ожидавшимся отъ нея результатамъ; запрещать же какую-либо отрасль промышленности можно только тогда когда дознано и доказано что она положительно вредна или опасна.

Два главные аргумента на которыхъ основываютъ предложеніе запретить вывозъ сѣмени суть слѣдующіе: 1) Вывозомъ сѣмени усилится спросъ на коконы, этимъ самымъ поднимется ихъ цѣна и тѣмъ затруднится и даже сдѣлается невозможнымъ не только улучшеніе шелкомотанія, но самое существованіе его; 2) если поднимутся цѣны на коконы отъ большаго на

нихъ спроса, то этимъ дастся поводъ земледѣльцамъ занимающимся червеводствомъ выводить червей какъ можно болѣе, что̀ неминуемо поведетъ къ скученности въ червеводствѣ, отчего очень легко могутъ произойти между червями разныя болѣзни.

Прежде чѣмъ говорить о первомъ изъ этихъ мнѣній, считаю полезнымъ разказать одинъ фактъ случившійся при мнѣ въ Коканѣ. Шелкомотальщики города Маргеллана подали просьбу хану, въ коей, указывая что цѣны на коконы очень поднялись по случаю прибытія въ Коканъ многихъ кафировъ (невѣрныхъ) для покупки коконъ съ цѣлію вывода изъ нихъ сѣмени, они, шелкомотальщики и вмѣстѣ правовѣрные, вслѣдствіе сего терлятъ большіе убытки и потому просятъ его высокостепенство запретить кафирамъ покупать коконы. Ханъ позвалъ просителей къ себѣ и предложилъ имъ слѣдующій вопросъ: кто многочисленнѣе? тѣ ли которые какъ вы мотаютъ шелкъ, или тѣ которые занимаются выводомъ червей для полученія коконовъ? Просители отвѣчали что нѣтъ сомнѣнія, классъ занимающихся червеводствомъ гораздо многочисленнѣе. „Вы сами произнесли свой приговоръ“, возразилъ ханъ. „Я обязанъ пещись о благосостояніи большинства моихъ подданныхъ, и потому отказываю вамъ.“

Нѣтъ сомнѣнія что еслибы допустили полную свободу въ выводѣ и вывозѣ сѣмени, то первое время цѣны на коконы очень бы поднялись, и пожалуй на годъ, даже на два, шелкомотанье совсѣмъ бы прекратилось, чего я впрочемъ не думаю. Всѣмъ извѣстно что большое увеличеніе цѣнъ на какой-нибудь продуктъ увеличиваетъ его производство, другими словами, усиленіе спроса усиливаетъ предложеніе, такъ что съ теченіемъ времени предложеніе настолько увеличивается что цѣны возбудившія это постепенно падаютъ. Увеличеніе цѣнъ на коконы было бы тѣмъ полезнѣе для нашего Туркестана что только малая его часть занимается червеводствомъ. Именно имъ занимаются въ Ходжентѣ, въ Самаркандѣ и въ части Міанкальской долины. Въ Ташкентѣ эта промышленность только еще начинается, а въ Туркестанѣ, Чимкентѣ, въ большей части Кураминскаго уѣзда, въ Ура-Тюбе и Джизакѣ положительно вовсе не занимаются червеводствомъ. Объѣзжая всѣ эти мѣста и собирая показанія отъ мѣстныхъ нашихъ начальствъ, каковыя я провѣрялъ показаніями туземныхъ жителей, я нашелъ что въ настоящее время maximum произво-

дительности тѣхъ частей нашего Туркестана которыя занимаются червеводствомъ—въ годъ25.000 пудовъ сырыхъ коконъ. Каковые коконы продавались въ нынѣшнемъ году, благодаря административнымъ мѣрамъ, самое дорогое въ Ходжентѣ по 12 руб. за пудъ; въ Самаркандѣ цѣна была ниже, и на послѣднихъ базарахъ не превышала 8 р. за пудъ. Возьмемъ даже цифру 12 р. за пудъ, это составитъ за все производство 300.000 р. Спрашивается какой бы былъ вредъ еслибы туркестанскіе земледѣльцы вмѣсто 300 тысячъ получили бы на 50% болѣе, то-есть 450.000 рублей? Я рѣшительно не вижу никакого; польза же отъ этого навѣрное была бы слѣдующая: червеводство, а слѣдственно и шелководство стали бы быстро распространяться по тѣмъ мѣстамъ въ которыхъ они весьма легко могутъ существовать, но до сихъ поръ не существуютъ. Сарты народъ чрезвычайно подвижной, воспріимчивый и весьма падкій къ пріобрѣтенію. Доказательствомъ какъ они чутки къ своимъ выгодамъ можетъ служить быстрое усиленіе разведенія хлопчатой бумаги въ послѣднее время. Притомъ климатъ въ нашемъ Туркестанѣ благословенный, и если разводить тамъ тутовое дерево саженцами, оно черезъ годъ можетъ уже служить для червекормленія; въ этомъ меня увѣряли туземцы и въ Ташкентѣ, и въ Самаркандѣ. Наконецъ доказательствомъ быстроты растительности въ Туркестанѣ можетъ служить садъ разведенный въ Чимкентѣ чимкентскимъ уѣзднымъ начальникомъ, полковникомъ Шустовымъ. Въ два года изъ посаженныхъ кустовъ образовались деревья.

Попытки улучшить шелкомотаніе были сдѣланы въ Туркестанѣ, но онѣ до сихъ поръ не привели къ желаннымъ результатамъ. Какъ я уже упоминалъ, въ Ташкентѣ укоренилось весьма ошибочное мнѣніе что дурное качество среднеазійскаго шелка зависитъ единственно отъ дурной его размотки. Нѣтъ сомнѣнія, плохая размотка одна изъ причинъ дурнаго качества шелка, но есть другія, еще болѣе важныя, именно: разнохарактерность и чрезвычайная разноцвѣтность коконовъ, полное отсутствіе сортировки при размоткѣ, и наконецъ качество самой нити обвивающей конокъ. Еслибы нашъ туркестанскій конокъ качествомъ нити и своею однородностью былъ равенъ италіянскому, то безъ всякихъ поощреній администраціи весь нашъ Туркестанъ скоро бы покрылся самыми улучшенными шелкомотальнями, и во всякомъ случаѣ нашъ туркестанскій шелкъ не представлялъ бы такой разницы въ цѣ-

нѣ съ италіянскимъ. За италіянскій въ Москвѣ платятъ 700 р. за пудъ, даже и болѣе; за туркестанскій и коканскій отъ 225 до 230 р. за пудъ. Нѣтъ сомнѣнія что развитіе и улучшеніе шелкомотанія было бы весьма полезно для края; было бы еще полезнѣе еслибы вмѣстѣ съ шелкомотаніемъ устроились въ немъ фабрики самыхъ лучшихъ шелковыхъ матерій, и такимъ образомъ природный продуктъ поступилъ бы къ вывозу въ совершенно переработанномъ видѣ. Всего этого желать возможно, но ожидать и думать что сего можно достигнуть административными распоряженіями, врядъ ли своевременно. Въ Коканѣ, только-что я ознакомился съ качествомъ коконовъ, я написалъ записку о червеводствѣ, которую оттуда послалъ г. начальнику канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора. Я тогда еще не зналъ о полномъ неуспѣхѣ ходжентскаго сѣмени и надѣялся что можно будетъ воспользоваться увлеченіемъ которое возбудитъ въ Италіи здоровое туркестанское сѣмя, чтобы улучшить самую расу. Я вполнѣ убѣжденъ что улучшеніе достигнулось бы само собой еслибы была предоставлена полная свобода заниматься выводомъ и вывозомъ сѣмени кому и какъ онъ хочетъ и знаетъ. Сама необходимость заставила бы всякаго который бы пожелалъ выводить сѣмя съ цѣлію выгодной его продажи, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тщательно сортировать коконы, и часть добытаго сѣмени отдавать туземцамъ для червеводства будущаго года или самому заниматься выводомъ коконовъ изъ своего же сѣмени. Этимъ путемъ въ нѣсколько лѣтъ улучшился бы типъ коконовъ, сдѣлался бы однообразнѣе; вслѣдствіе сего улучшилась бы самая нить шелка, и въ конечномъ результатѣ, улучшенное фабричное шелкомотаніе сдѣлалось бы возможнымъ и выгоднымъ. Не имѣя права ожидать что такая свобода будетъ допущена, я предложилъ въ своей запискѣ рядъ административныхъ мѣръ которыя въ сущности мало бы стѣсняли всякаго который отнесся бы серіозно къ предмету. Къ несчастію, полный и несомнѣнный неуспѣхъ ходжентскаго сѣмени въ Италіи и большіе убытки понесенные всѣми тѣми которые въ нынѣшнемъ году, съ дозволенія начальства, занимались выводомъ сѣмени въ Туркестанѣ, Коканѣ и Бухарѣ, по всему вѣроятію, всякому отобьютъ охоту заняться этимъ дѣломъ въ тѣхъ краяхъ на будущее время, и потому мало надежды на улучшеніе типа коконовъ, а слѣдовательно и на улуч-

шеніе качества шелка и на связанный съ нимъ успѣхъ фабричнаго шелкомотанія.

Что же касается до административныхъ поощреній, то ничтожные результаты по части червеводства достигнутые на югѣ Россіи, въ новороссійскихъ губерніяхъ, несмотря на большія хлопоты и затраты со стороны правительственныхъ учрежденій, ясно показали и доказали что въ дѣлѣ промышленности администрація далеко не всемогуща.

Второе мнѣніе, что усиленіе производства можетъ-быть причиной болѣзни червя, съ перваго взгляда кажется очень убѣдительнымъ. Я позволю себѣ спросить: если шелкомотаніе, столь поощряемое администраціей, усилится въ Туркестанѣ въ такой мѣрѣ что увеличится спросъ на коконы; поднимется ихъ цѣна, и земледѣльцы будутъ подвинуты усилить червеводство, не найдутъ ли тогда необходимымъ принять мѣры къ уменьшенію шелкомотанія? Вступивъ на ложную дорогу, администрація готовитъ себѣ много неожиданностей на пути своей заботливости.

Всякій сколько-нибудь опытный червеводъ знаетъ что количество выводимыхъ червей обусловливается количествомъ имѣющагося листа тутоваго дерева и величиной ломѣщенія. Если не дать червямъ необходимаго количества листа, то они или умрутъ, или совьютъ плохіе, недоконченные коконы, которыхъ никто не купитъ. Также и при недостаточности воздуха, при скученности,—шелковичный червь вьетъ негодную, мягкую кокону, или умираетъ. При требованіи на рынкѣ хорошихъ коконъ, и высшей ихъ оцѣнкѣ сравнительно съ плохими, опытъ одного года убѣдилъ бы каждаго что выводить червей въ несоразмѣрномъ количествѣ, — одинъ убытокъ. Кстати долженъ заявить что видѣнныя мною червекормильни въ Ходжентѣ и Коканѣ убѣдили меня что червеводство тамъ весьма неудовлетворительно, что̀ безъ сомнѣнія вліяетъ и на качество нити, то-есть шелка.

Поговоривъ о главныхъ двухъ мнѣніяхъ, упомяну вратцѣ о двухъ другихъ, также часто мною слышанныхъ. Опытъ доказалъ де что въ странахъ откуда вывозятъ сѣмя шелковичныхъ червей для доставленія въ страны гдѣ уже существуетъ болѣзнь этого животнаго, появляется та же болѣзнь, какъ слѣдствіе этого вывоза. Признаю себя неспособнымъ для уразумѣнія такого явленія. Мнѣ кажется зараженіе отъ всякой

эпидеміи происходитъ когда вывозятъ что-либо изъ зараженнаго мѣста въ незараженное; но если постулаютъ наоборотъ, — врядъ ли кто-либо въ состояніи понять и объяснить какимъ путемъ проникаетъ зараза. Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ какъ Японія снабжаетъ Италію и югъ Франціи сѣменемъ шелковичныхъ червей, и все въ увеличивающихся размѣрахъ. Признаки болѣзни въ послѣднее время попадались часто, особенно въ лѣто прошлаго года въ японскихъ картонахъ. Въ нынѣшнее же лѣто японское сѣмя было почти вполнѣ здорово и дало великолѣпные результаты. Существующую, повидимому, болѣзнь въ Японіи врядъ ли можно приписать вывозу оттуда сѣмени въ Италію и Францію, а скорѣй сосѣдству съ Китаемъ, въ коемъ эта болѣзнь уже давно существуетъ. Замѣтимъ кстати что японское правительство выручаетъ значительный доходъ отъ пошлины на вывозное сѣмя, пошлины впрочемъ умѣренной.

Наконецъ намъ случалось слышать мнѣніе что промышленность вывода и вывоза сѣмени шелковичныхъ червей не представляетъ ручательства долгаго и прочнаго существованія: это-де одна спекуляція,—и посему ее слѣдуетъ запретить. Не знаю есть ли на свѣтѣ какая-нибудь промышленность относительно которой можно было бы ручаться что ея успѣшное существованіе вполнѣ обезпечено хоть на полстолѣтія или хоть на четверть. Достаточно взять любое производство въ данной мѣстности, сколько разъ всякое измѣнялось, прекращалось, возобновлялось. Это, я думаю, можетъ провѣрить каждый. Наконецъ отчего выводъ и вывозъ сѣмени—спекуляція? Спекуляторомъ можно назвать каждаго который предпринимаетъ что-либо, имѣя въ виду барышъ, выгоду; но такова всякая людская дѣятельность кромѣ развѣ благотворительной. Наконецъ, принимая слово спекуляція въ значеніи нечестнаго, неправильнаго пріобрѣтенія выгодъ, рѣшительно не вижу почему выводъ и вывозъ сѣмени шелковичныхъ червей будетъ менѣе честнымъ дѣломъ чѣмъ покупка и вывозъ пшеницы, сала, льнянаго сѣмени и пр. нашихъ вывозимыхъ за границу продуктовъ, большею частью сырыхъ.

Я бы желалъ полнѣе и подробнѣе поговорить объ этомъ вопросѣ, тѣмъ болѣе что я далеко не убѣжденъ въ невозможности акклиматизаціи туркестанскаго сѣмени въ Италіи,

гдѣ въ будущее лѣто намѣренъ самъ выводить то сѣмя которое приготовилъ въ Коканѣ; но болѣе распространяться вышло бы за предѣлы настоящей статьи. Окончу мое и безъ того длинное отступленіе однимъ только заявленіемъ: приведенныя мною мнѣнія я слышалъ въ частныхъ кружкахъ въ Россіи. Что же касается до туркестанскаго начальства и особенно до главнаго начальника края, то данное имъ разрѣшеніе на упомянутое мною производство, вопреки нѣкотораго гнета общественнаго мнѣнія въ противоположную совершенно сторону, ясно доказываетъ что онъ не раздѣляетъ этого мнѣнія.

Еще не совсѣмъ были готовы возводимыя нами постройки, какъ коконы появились на коканскомъ базарѣ въ большомъ количествѣ и пришлось начать ихъ покупку. Для бо́льшаго удобства и для сокращенія занимаемаго ими мѣста, мы нанизывали отбираемые для вывода сѣмени коконы на длинныя нити. Это простое дѣло шло у насъ не совсѣмъ удовлетворительно, такъ какъ рабочіе употребляемые нами были совершенно непривычны къ этого рода занятіямъ. Въ Коканѣ какъ и въ Италіи червеводство находится въ рукахъ женщинъ; мущины занимаются только заготовленіемъ листа, подвозомъ его, продажей коконъ на базарѣ, а нѣкоторые и шелкомотаніемъ. Большинство изъ нихъ не имѣетъ даже понятія что изъ коконъ выходятъ бабочки; а отличать въ нихъ самокъ отъ самцовъ положительно въ началѣ никто изъ нашихъ рабочихъ не зналъ, хотя многіе изъ нихъ были намъ рекомендованы какъ уста (мастера) въ дѣлѣ червеводства. Вся работа приготовленій къ выводу сѣмени была отнюдь не замысловата: она состояла въ сортировкѣ коконъ, нанизываніи ихъ, сохраненіи чистоты и хорошаго воздуха въ помѣщеніяхъ гдѣ развѣшивались нити, и въ разныхъ мѣрахъ противъ муравьевъ, извѣстныхъ любителей сѣмени шелковичныхъ червей, тѣмъ не менѣе приходилось быть неотлучно при работѣ и постоянно кричать и повторять сто разъ на день одни и тѣ же указанія. Наскучивъ этими непрестанными повореніями, я рѣшился замѣнить нашихъ мужскихъ рабочихъ женщинами. Сначала это казалось возможнымъ; нашъ хозяинъ обѣщалъ набрать опытныхъ старухъ, которыя согласятся работать на нашихъ глазахъ. Когда же пришлось перейти отъ словъ къ дѣлу, оказались непреодолимыя препятствія. Послѣ

длиннѣйшихъ, какъ всегда на Востокѣ, переговоровъ, мы получили слѣдующій ультиматумъ прекраснаго пола: онѣ согласны заняться уходомъ за коконами, бабочками и всѣмъ дѣломъ, но съ условіемъ чтобы никто изъ насъ никогда при нихъ и носу не показалъ на заведеніе. Таковъ законъ, прибывшій отъ себя хозяинъ, женщины у насъ не могутъ показываться съ открытымъ лицомъ кафирамъ. Отказаться отъ наблюденія мы не могли, и переговоры съ прекраснымъ поломъ не привели ни къ какому результату.

Благодаря помощи нашего хозяина, мы наконецъ добились что работа пошла довольно успѣшно. Послѣ нѣкотораго времени между рабочими оказались расторопные и хорошіе малые, особенно изъ молодыхъ; мы ихъ удержали, поощрили возвышеніемъ заработной платы, а тѣхъ которые были похуже уволили, замѣняя новыми, и такимъ путемъ достигли довольно успѣшнаго хода занятій, не прекращая впрочемъ нашихъ личныхъ постоянныхъ наблюденій. Надо сказать что Коканцы, сколько я могъ замѣтить, довольно понятливый и переимчивый народъ. Не всегда, бывало, случался переводчикъ подъ рукой, и часто приходилось объясняться жестами, дополняя ихъ немногими сартскими словами, которыя я выучилъ. Но рѣдко случалось чтобы не поняли. Притомъ это народъ довольно самолюбивый: съ нимъ крикомъ и бранью ничего не сдѣлаешь, необходима нѣкоторая мягкость обращенія, соединенная съ настойчивостію. Одно что въ нихъ не совсѣмъ пріятно поражаетъ нашего брата-европейца,—это фамильярность въ обращеніи, которая впрочемъ нисколько не мѣшаетъ дѣлу. Рабочіе сидятъ около васъ, нисколько не стѣсняясь, даже ощупаютъ ваши сапоги или куртку, если она ужь очень ихъ заинтересуетъ; но тутъ же со всѣхъ ногъ бросятся исполнить малѣйшее ваше приказаніе или даже предупредятъ его. По окончаніи нанизыванія коконъ, когда число рабочихъ уменьшилось и остались одни лучшіе, дѣло у насъ шло весьма отчетливо и съ большимъ порядкомъ.

Рабочіе, поденьщики, бо́льшею частію намъ стоили одинъ или полтора кокана, то-есть 20 или 30 к. сер. въ день. Въ послѣдствіи я узналъ что туземцы платятъ менѣе. Это понятно, и всюду такъ: постоянные жители всегда живутъ дешевле новопріѣзжихъ. Пища рабочихъ у насъ состояла изъ яти пшеничныхъ лепешекъ (по 1 к. каждая) на человѣка,

затѣмъ утромъ имъ варили въ котлахъ кирпичный чай, приправленный молокомъ, бараньимъ саломъ и солью; въ обѣдъ они получали по чашкѣ навара изъ баранины, а вечеромъ, по окончаніи работъ, пилавъ, — послѣдній очень вкусный. Мѣстные жители кормятъ поденьщиковъ только два раза въ день, и въ оба раза даютъ по лепешкѣ и по чашкѣ каши сдѣланной изъ рису и гороху на водѣ.

Въ наблюденіяхъ за работами проходилъ весь день, и чѣмъ далѣе подвигалось время тѣмъ становилось жарче. Правда, на дворахъ устроеннаго нами заведенія было нѣсколько тѣнистыхъ талловъ, даже широкій арыкъ протекалъ на одномъ изъ нихъ; тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ жара становилась болѣе утомительною, особенно между двумя и четырьмя часами пополудни. Въ 11 часовъ утра, въ комнатѣ съ затворенными съ утра ставнями, бывало 26° Реомюра. Притомъ, кромѣ моего зятя, мы всѣ много терпѣли отъ мошекъ и дѣлающейся вслѣдствіе ихъ укушеній нѣкотораго рода чесотки. Наконецъ и освѣжающій арыкъ не всегда бывалъ въ одинаковомъ положеніи: недѣлю онъ шелъ проточнымъ, глубокимъ; въ слѣдующую же превращался въ стоячій прудъ, въ которомъ подъ конецъ недѣли на днѣ едва было немного грязной воды. Вода входитъ большимъ арыкомъ въ Коканъ, и поочередно, по недѣлѣ, поливаетъ одну половину города. Она всегда мутна, а во время полевыхъ работъ просто грязна; мы ее рѣшались пить не иначе какъ вскипятивши въ самоварѣ; но Коканцы ее пьютъ безо всякихъ приготовленій, съ наслажденіемъ, увѣряя что она удивительно полезна отъ всѣхъ болѣзней. По всему вѣроятію вода главною причиной встрѣчающагося почти у всѣхъ Коканцевъ зоба. Собственно климатъ въ Коканѣ очень здоровъ. Я могу тѣмъ болѣе объ этомъ судить что благодаря взятой со мной походной аптекѣ прослылъ за доктора и имѣлъ почти ежедневно паціентовъ. * Въ Коканѣ, какъ и во всей Средней Азіи, удивительная сухость воздуха: съ половины апрѣля до конца сентября дождь—величайшая рѣдкость; росъ же никогда не бываетъ.

---

* Всего чаще встрѣчалъ я гастрическія лихорадки, которыя очень удачно излечивалъ или одной сѣрнокислою хинною солью (sulfate de quinine) или давъ предварительно рвотное. Мнѣ кажется онѣ происходили отъ чрезмѣрнаго употребленія фруктовъ.

Благодаря нашему любезному хозяину, мы получили возможность вечеромъ подышать чистымъ воздухомъ, что было большимъ утѣшеніемъ послѣ дня проведеннаго съ рабочими. У него былъ большой садъ въ самомъ концѣ города, къ Наманганскимъ воротамъ. Верхомъ отправлялись мы туда ежедневно послѣ окончанія занятій, и тамъ подъ сѣнію большихъ урюковыхъ деревьевъ пили чай; возвращались домой поздно и всякій разъ съ запасомъ вкуснаго урюка, котораго въ саду было множество всякихъ сортовъ. Сначала наши поѣздки происходили безо всякихъ приключеній; вѣроятно городскіе жители, видя почетный пріемъ хана, приняли насъ за великихъ людей; но потомъ къ намъ попривыкли, увидали что мы простые смертные и даже работящіе, и со временемъ рѣдкая поѣздка обходилась безъ ругательствъ отъ встрѣчаемыхъ нами туземцевъ. Переводчикъ нашъ Султанъ не охотно намъ переводилъ эти привѣтствія.

„Не хорошо, дрянной народишко, вздоръ говорятъ, собаки“, вотъ бо́льшею частію что мы могли отъ него добиться.

Нѣсколько разъ впрочемъ случалось намъ услыхать и чисторусское крѣпкое словцо. Очевидный признакъ что русскіе піонеры оставили нѣкоторый слѣдъ своего пребыванія въ этомъ краѣ. Всѣ эти заявленія непріязни, возбуждаемыя нами, изъявлялись впрочемъ весьма сдержанно и всегда намъ въ слѣдъ, послѣ нашего проѣзда; мы на нихъ не обращали никакого вниманія, продолжали свои ежедневныя прогулки и даже расширяли ихъ, осматривая разныя части города предъ поѣздкой въ садъ. Нашъ почтенный хозяинъ сильно обезпокоился таковыми манифестаціями коканской публики. Какъ-то въ разговорѣ мы ему упомянули о нихъ.

— Узнаетъ ханъ, говорилъ онъ намъ озабоченно, — очень разсердится. Вы его гости, васъ надо почитать, а они ругаютъ. Кто будетъ ругать, если его поймаютъ, будетъ сильно наказанъ. Я вотъ скажу мехтару.

Мы убѣдительно его просили никому ничего объ этомъ не говорить, но кажется онъ не послушалъ насъ, ибо вскорѣ послѣ этого разговора ругательства прекратились; но мало-помалу опять начались попрежнему, несмотря на то что кромѣ переводчика насъ съ тѣхъ поръ всегда сопровождали двое слугъ нашего хозяина. Оба они заслуживаютъ чтобы съ ними познакомить читателя.

Старшій былъ ташкентскій Сартъ, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, звали его Мусса-Ходжа. Онъ давно служитъ у нашего хозяина и съ нимъ былъ въ Меккѣ, откуда они возвратились чрезъ Тріестъ, Вѣну и Петербургъ. Путешествія его довольно развили. Онъ зналъ немного по-русски, но впрочемъ не на столько чтобы съ нимъ можно было разговаривать безъ переводчика. Я рѣдко видѣлъ болѣе смышленаго и предупредительнаго слугу. Въ два-три дня онъ узналъ все что̀ намъ нужно и предупреждалъ всякое приказаніе. Другой былъ молодой конюхъ, по имени Риза̀, лихой наѣздникъ и удивительно понятливый малый. Не прошло недѣли какъ мы пріѣхали, и Риза̀ уже съ замѣчательною отчетливостію говорилъ цѣлыя фразы по-русски. Оказалось что по вечерамъ нашъ русскій человѣкъ, Петръ Варѳоломеевъ, давалъ ему уроки. Разъ я ихъ засталъ за этимъ занятіемъ; причемъ учитель заливался громкимъ хохотомъ. Я просилъ продолжать.

— Окно, видишь окно, такъ и называется окно, внушительно и нѣсколько строго говорилъ Петръ.

— Окно, повторялъ Риза̀.

— А это дверь, слышь, дверь, продолжалъ Петръ, указывая на предметъ.

Риза̀ повторялъ.

— Ну, теперь, еще съ бо́льшею строгостію спрашивалъ Петръ,—какъ это называется? и онъ указывалъ на дверь или окно. Если Риза̀ отвѣчалъ вѣрно, то смѣхъ Петра долго не прекращался.

— Еслибы не бѣгалъ по коммиссіямъ, а былъ бы постоянно только со мной, съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ Петръ,—я бы его скоро выучилъ отлично говорить по-русски.

Дѣйствительно, бѣдный Риза̀ былъ занятъ цѣлый день. Хотя были и другіе люди, и конюхи, но по двору только и слышно было со всѣхъ сторонъ: „Риза̀, Риза̀!“ и проворный Риза̀ черезъ минуту летитъ бывало купить что-нибудь на два чоха (½ коп. сер.), или тащитъ что-нибудь, и все бѣгомъ. Въ наши вечернія прогулки онъ гарцовалъ всегда впереди, а Мусса-Ходжа составлялъ арріергардъ. Послѣдній относился съ большимъ негодованіемъ къ нашимъ ругателямъ. Иной разъ ѣдешь себѣ спокойно, ничего не замѣчая, какъ вдругъ Мусса-Ходжа быстро повернетъ лошадь, и ну громко и залальчиво объясняться съ какимъ-нибудь прохожимъ. Что̀ такое? Что̀ случилось? Что̀ онъ тамъ сказалъ? — Ничего, отвѣчаетъ всегда

Мусса-Ходжа, скорчивъ грустную физіономію, — ямавъ (дурной) народъ, необразованъ.

Дѣйствительно народъ необразованъ въ Коканѣ, къ несчастію и не одинъ народъ. Высшихъ классовъ нѣтъ, то-есть они есть, но по своимъ вкусамъ, образу жизни, идеямъ, образованію, они ничѣмъ не отличаются отъ низшихъ. Побогаче, слѣдственно домъ больше, баранина чаще подается, есть лошади, лишняя жена и гдѣ-нибудь въ сундукѣ мѣшокъ или мѣшки съ деньгами; вотъ вся разница; есть исключенія, но чрезвычайно рѣдко. Даже въ высшихъ богатыхъ классахъ часто встрѣчаются люди не умѣющіе читать и писать; да и къ чему; главное знать на память нѣсколько мѣстъ изъ корана, и чѣмъ больше тѣмъ лучше. Одинъ изъ нашихъ частыхъ посѣтителей, богатый землевладѣлецъ около Рештана, слылъ за одного изъ самыхъ ученѣйшихъ людей въ Коканѣ, и къ нему всѣ прочіе относились всегда съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Ученость эта состояла въ томъ что онъ зналъ на память весь коранъ. Образованнѣйшій классъ въ Коканѣ, какъ и во всей Средней Азіи,— духовенство; въ его рукахъ находится и народное образованіе. Между прочими, къ намъ хаживалъ часто одинъ молодой мулла, окончившій курсъ въ главномъ медрессе города. Не безъ труда добились мы отъ него въ чемъ состоятъ его занятія, на тягость которыхъ онъ непрестанно жаловался. Сначала онъ на всѣ наши вопросы твердилъ одинъ отвѣтъ: „мнѣ не много остается, я уже выучилъ семь книгъ; теперь учу восьмую, и когда выучу, мнѣ останется всего двѣ.“ Оказалось что всѣ десять книгъ были толкованія на коранъ, а ученіе состояло въ заучиваніи на память. Духовенство, имѣя въ своихъ рукахъ училища, мечети и медрессе, къ которымъ приписаны большія имѣнія, имѣетъ громадное вліяніе не только на народъ, но и на само правительство. Вліяніе это весьма враждебно намъ, что очень понятно; мы на Востокѣ представители европейской цивилизаціи, столь противной мусульманскому застою, на которомъ зиждется не только вліяніе, но самая жизнь и благосостояніе духовенства. Кстати объясню что такое медрессе. Оно не только высшее училище приготовляющее молодыхъ людей къ занятію мѣстъ муллъ, но вмѣстѣ и странноприимный домъ. Въ Коканѣ и вообще въ Средней Азіи есть обычай отказывать по завѣщанію нѣкоторую долю своего имѣнія медрессе; это съ теченіемъ времени сколило большія богатства при этихъ учрежденіяхъ

завѣдываемыхъ духовенствомъ, что̀ не послѣдняя причина его вліянія, усиливающагося еще тѣмъ обстоятельствомъ что въ рукахъ духовенства находится также отчасти и все гражданское судопроизводство.

Для лицъ желающихъ ближе познакомиться съ предметомъ, могу рекомендовать XVII главу („Просвѣщеніе и духовенство“) упомянутой уже мною книги Пашино. Все что̀ онъ въ ней говоритъ о Ташкентѣ, бывшемъ тогда еще совершенно Коканскимъ, безусловно вѣрно для Кокана и теперь.

Познакомился я также въ Коканѣ съ другимъ представителемъ интеллигенціи края, именно съ главнымъ докторомъ хана. Много куріозовъ слышалъ я отъ него о лѣченіи разныхъ болѣзней; но всего любопытнѣе самый способъ лѣченія, о которомъ не могу не разсказать. Въ Коканѣ докторъ берется вылѣчить больнаго въ опредѣленное время; если онъ успѣетъ, то получаетъ по выздоровленіи своего паціента условленную плату; если же нѣтъ, съ него взыскивается штрафъ. Если же дѣло съ высокопоставленнымъ лицомъ, то вмѣсто штрафа, неуспѣхъ лѣченія можетъ за собой повлечь лишеніе жизни самого доктора. Между прочимъ я спросилъ у своего собесѣдника: гдѣ онъ учился? предполагая что онъ отвѣтитъ: въ Испаганской медицинской школѣ, снабжающей въ настоящее время весь Востокъ докторами. Не тутъ-то было.

— Нигдѣ, отвѣчалъ онъ очень просто.

— Какъ же вы лѣчите? продолжалъ я.

— У меня книга есть, отвѣчалъ докторъ съ самодовольною улыбкой.

Въ сущности этотъ медикъ, какъ и прочіе мною упомянутые представители восточной интеллигенціи, ничѣмъ не отличался отъ любаго рабочаго, который на нашемъ заведеніи за полтора кокана въ день нанизывалъ коконы. Есть своего рода хорошая сторона когда народъ представляетъ сплошную массу однородныхъ и однокачественныхъ элементовъ. Это такъ, но когда посмотришь на жизнь въ Коканѣ, столицѣ, главномъ городѣ богатаго и до сихъ поръ ханства, ужаснешься при видѣ всеобщей пустоты и праздности. Коканецъ, если нужда не заставляетъ его быть поденьщикомъ или работать, проводитъ весь день на улицѣ, на базарѣ, въ чай-ханэ, гдѣ онъ выливаетъ три, четыре чайника зеленаго чая, слушаетъ городскія сплетни или разказы какого-нибудь полоумнаго дер-

виша о дивныхъ прелестяхъ путешествія въ Мекку, или смотритъ по цѣлымъ часамъ какъ дерутся горныя куропатки, любимое коканское уловольствіе. Люди богатые расширяютъ кругъ такого рода зрѣлищъ и смотрятъ на драку пѣтуховъ, верблюдовъ, ословъ и всякихъ другихъ животныхъ. Кромѣ этого въ Коканѣ, гдѣ какъ во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ запрещено вино * (при Малли-ханѣ за употребленіе вина рѣзали горло), весьма распространено употребленіе опіума, хашиша и кукары. Послѣднее есть настой на водѣ маковыхъ головокъ сильно одуряющаго свойства. Наркотическія эти средства продаются открыто повсюду. Тѣмъ не менѣе надо сказать что употребленіе ихъ, по общественному мнѣнію, считается порочнымъ, и потому хотя многіе сему предаются, но все же это меньшинство, а большинство населенія только праздно, можно сказать, невинно праздно. Надо посмотрѣть съ какою любовью ведутъ они переговоры о самомъ незначительномъ дѣлѣ, и особенно какъ длинно. Ступайте на базаръ въ рыночный день: толпы народа запружаютъ площадь, ряды и сосѣднія улицы; съ трудомъ можно продраться. Навѣрное не болѣе одной десятой всѣхъ присутствующихъ продавцы и покупатели; остальные пришли такъ, поболтать, чайку выпить въ обществѣ и больше ничего. Въ Коканѣ базаръ три раза въ недѣлю: каждый разъ крестьянинъ-фермеръ арендующій садъ нашего хозяина, въ который мы ѣздили каждый вечеръ, проводилъ цѣлый день на рынкѣ и вечеромъ возвращался съ нами домой. Ну что купилъ или продалъ? спрашивалъ я его постоянно. Ничего, отвѣчалъ онъ всегда съ улыбкой, — тамаша (зрѣлище). И такихъ какъ онъ большинство.

Въ русскихъ кружкахъ въ Туркестанскомъ краѣ мнѣ не разъ приводилось слышать громкія нареканія на сартскую лѣнь и праздность, особенно въ независимыхъ Бухарѣ и Коканѣ; когда же рѣчь заходила о тамошнихъ порядкахъ, то разговаривающіе приходили въ азартъ и обыкновенно оканчивали слѣдующимъ: „дали бы мнѣ командовать отрядомъ, я бы имъ показалъ и пр.“ Желаніе пріобрѣтеній на

* Наши люди, впрочемъ, доставали безъ особыхъ затрудненій водку у коканскихъ Евреевъ, и водку очень хорошую. Пьянство, хотя тщательно скрываемое,—существуетъ въ Коканѣ, какъ мнѣ говорили многіе.

пользу и славу нашего великаго отечества, нѣтъ словъ, въ высшей степени похвально; притомъ стóитъ хоть немного ложить въ любомъ среднеазійскомъ городѣ чтобъ убѣдиться что завоеванія въ этомъ краѣ не связаны съ особыми трудностями. Это все отлично,—ну а потомъ? Характеръ, самая жизнь здѣшняго народонаселенія сложились вѣками, вслѣдствіе множества причинъ. Этого сразу не измѣнитъ ни завоеваніе и никакая реформа. Ну положимъ, мы возьмемъ Коканъ, Бухару, да и еще что-нибудь. Вмѣсто бековъ въ городахъ будутъ править уѣздные начальники, спрашивается: будетъ ли лучше отъ этого народъ? разовьется ли онъ? и что̀ всего важнѣе: выиграетъ ли отъ этого Россія? Сомнѣваюсь.

Кстати позволю себѣ подробнѣе поговорить объ этомъ предметѣ. Можетъ-быть сочтутъ это неумѣстнымъ; но я считаю своей обязанностью высказать свое мнѣніе о столь мало извѣстномъ въ Россіи, нашемъ Туркестанскомъ краѣ. О немъ судятъ по словамъ служащихъ лицъ, отправляющихся туда съ весьма натуральнымъ и понятнымъ желаніемъ отличій; при этомъ, какъ всегда, мѣстные интересы заслоняютъ общіе. Поэтому, мнѣ кажется, мнѣніе человѣка посторонняго, можетъ быть полезно, даже если оно и ошибочно. Я отнюдь не выставляю своихъ взглядовъ какъ безусловно вѣрныхъ, я ручаюсь только что они основаны на добросовѣстномъ убѣжденіи. Если ошибаюсь,—да укажутъ и докажутъ мои ошибки.

Самое умѣренное мнѣніе которое я слышалъ—это что мы должны идти впередъ и остановиться только когда достигнемъ Аму-Дарьи; о немъ только и поговорю, ибо не думаю чтобы можно было серіозно толковать о мнѣніи полагающемъ одинъ Тибетскій хребетъ горъ предѣломъ нашихъ завоеваній въ Азіи. Я самъ полагаю что Аму-Дарья наша естественная южная граница,—но современемъ. Въ настоящую же минуту намъ слѣдуетъ остановиться. Мы еще не усвоили, не переварили сдѣланныхъ завоеваній, даже и не приступили къ сему. Между тѣмъ Туркестанское генералъ-губернаторство стóитъ Россіи ежегодно шесть милліоновъ убытка. Цифра весьма краснорѣчивая. Говорятъ ее слѣдовало бы уменьшить на половину, ибо главный расходъ, войско, стоило бы около половины упомянутой цифры, еслибъ оставалось въ Россіи. Положимъ, но и то убытокъ весьма значительный, и убытокъ происходящій только отъ временнаго такъ-сказать занятія края, безъ принятія какихъ-либо орга-

ническихъ мѣръ для укрѣпленія его за Россіей. При такомъ положеніи дѣлъ, мнѣ кажется, было бы не совсѣмъ благоразумно приступать къ новымъ завоеваніямъ, а слѣдственно и къ новымъ издержкамъ. Тѣмъ болѣе что подаваясь впередъ, мы нисколько не обезпечены съ тылу. Малѣйшее волненіе въ степи, и западное, самое кратчайшее сообщеніе съ Россіей перервано. Событія прошлаго года это ясно показали. Въ прошломъ году нѣкоторыя станціи между Уральскимъ Укрѣпленіемъ и Фортомъ № 1й были разграблены, и нѣсколько казаковъ уведены въ Хиву, и всякое сообщеніе перервано на довольно долгое время. Къ счастью, былъ всего одинъ случай крупнаго убійства: около станціи Джалавлы зарѣзали семь человѣкъ ремесленниковъ, ѣхавшихъ въ Ташкентъ. Подобные случаи могутъ легко повториться *. Мнѣ кажется при таковыхъ обстоятельствахъ всякій найдетъ что прежде чѣмъ идти впередъ, необходимо обезпечить правильное, безостановочное и вполнѣ безопасное сообщеніе съ внутренней Россіей по наикратчайшему направленію. Возможность завоеваній всегда останется при насъ; да наконецъ въ нихъ теперь нѣтъ и особенной надобности. Сосѣднія съ нами независимыя государства, за исключеніемъ враждебной намъ Хивы, то-есть Бухара и Коканъ уже теперь во многомъ свободно подчиняются нашему вліянію, которое можетъ быть легко еще и увеличено ловкою и энергическою политикой. Для полнаго же успѣха нашего вліянія на Востокѣ необходимо чтобы наши сосѣди и вообще всѣ среднеазійскіе народы увидали на дѣлѣ что наше занятіе Туркестанскаго края отнюдь не временное, какъ они полагаютъ, а совершенно прочное, постоянное, вѣчное. Для сего необходима правильно устроенная русская колонизація. Сколько я знаю, мнѣ кажется, наилучшія мѣста для русскихъ поселеній, это правый берегъ Сыръ-Дарьи отъ Перовска вверхъ до Туркестана (Азретъ); потомъ по рѣкѣ Ярыси вплоть до Чимкента и Ауліе-Атинскаго тракта. Затѣмъ въ Заревшанскомъ округѣ въ Міанкальской долинѣ. Такимъ образомъ насе-

* Какъ недавно прочелъ случайно въ *Голосѣ*, они повторились, и повторились на тѣхъ же мѣстахъ. Не могу не подивиться что допускаются эти безпорядки, когда два, много три поста казаковъ, расположенныхъ отъ сѣверо-восточнаго угла Аральскаго моря до Уральскаго Укрѣпленія, совершенно и навсегда прекратили бы грабежи. Главный разбойничій притонъ, Большіе и Малые Барсуки, мнѣ кажется хорошо извѣстенъ мѣстному начальству.

леніе Русскихъ съ двухъ сторонъ окончательно укрѣпило бы за нами весь край; предупредило бы въ будущемъ всякія волненія между туземцами находящимися подъ нашимъ подданствомъ, волненія которыя при настоящемъ положеніи еще не разъ будутъ проявляться при всякомъ удобномъ случаѣ, и дало бы намъ прочный базисъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Средней Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, колонизація потребуетъ большихъ затратъ, но затратъ производительныхъ и подающихъ надежду на безубыточное современемъ для Россіи удержаніе края.

Земли по Заревшану извѣстны своимъ плодородіемъ, а по Сыръ-Дарьѣ легко могутъ сдѣлаться плодородными, если будутъ орошаемы. Въ послѣдней указанной мною мѣстности встрѣчаются очевидные слѣды древнихъ арыковъ, которые свидѣтельствуютъ что прежде эти земли были воздѣлываемы и не представляли того вида густыхъ зарослей кустовъ и степи, какъ теперь. Для обезпеченія предлагаемыхъ мною колоній на Сыръ-Дарьѣ, было бы весьма полезно перенести Фортъ № 2 и Джулекское укрѣпленіе южнѣе, если не совсѣмъ къ Буканскимъ горамъ, то въ какое-либо удобное мѣсто верстъ на полтораста или болѣе отъ занимаемыхъ ими нынѣ мѣстъ. Этой мѣрой достигласъ бы двоякая цѣль: она укрѣпила бы за нами Киргизовъ кочующихъ на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, съ которыхъ до сихъ поръ собираютъ дань Хивинцы и Бухарцы, и отдалила бы отъ вліянія Хивы нашихъ Киргизовъ, кочующихъ на правомъ. Небольшія селенія образовавшіяся около Форта № 2 и Джулека могли бы быть сохранены какъ административные и торговые пункты, а послѣднее кромѣ того еще какъ центръ предлагаемой колонизаціи по Сыръ-Дарьѣ. Надо сознаться что за малыми исключеніями пріобрѣтенный нами край уступаетъ во многомъ своимъ сосѣдямъ по отношенію къ производительности. Это одна изъ причинъ на которую указываютъ тѣ которые мечтаютъ о новыхъ для насъ завоеваніяхъ. Въ нашихъ рукахъ поднять принадлежащій намъ край и развить его природныя богатства колонизаціей, привлеченіемъ туда русскаго промышленнаго и торговаго населенія и усиленіемъ нашей торговли въ Средней Азіи.

Для успѣха торговли необходимо облегченіе доступа въ Туркестанскій край и полная безопасность нашихъ купцовъ и промышленниковъ, покамѣсть хоть въ Бухарѣ и Коканѣ.

Первое совершенно въ рукахъ мѣстной администраціи, второе можетъ быть достигнуто только тогда когда въ обоихъ сихъ государствахъ наше правительство будетъ имѣть постоянныхъ резидентовъ и когда на эти должности будутъ выбраны люди знающіе край, дѣятельные, энергическіе и въ особенности такіе которые сумѣютъ пріобрѣсти значительный авторитетъ у правительствъ при которыхъ будутъ акредитованы. Наша торговля, нѣтъ сомнѣнія, весьма усилилась и увеличилась въ послѣднее время въ Средней Азіи, но вмѣстѣ произошло странное явленіе: число русскихъ торговыхъ домовъ ведущихъ торговлю въ Средней Азіи не увеличилось, но скорѣе уменьшилось, за то количество ташкентскихъ, коканскихъ и бухарскихъ купцовъ ѣздящихъ для закупки товара въ Оренбургъ, Нижній и даже въ Москву, возросло чрезвычайно. Слышанное мною объясненіе этого явленія въ Ташкентѣ отъ туземцевъ и подтвержденное въ Оренбургѣ многими тамошними купцами, издавна занимающимися или занимавшимися торговлей въ Средней Азіи, мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ: конкурренція уменьшила барыши этой торговли, тогда какъ, исключая Ташкента, рискъ непріятности и опасности остались тѣ же что̀ и прежде. Водвореніе нашихъ резидентовъ въ Бухарѣ и Коканѣ принесетъ большую пользу нашей торговлѣ, оградивъ безопасность нашихъ купцовъ въ сихъ двухъ государствахъ; притомъ оно еще болѣе подчинитъ ихъ нашему вліянію и черезъ нихъ откроетъ путь нашему вліянію и нашей торговлѣ въ другія сосѣднія съ этими независимыя государства.

Итакъ колонизація, облегченіе доступа въ Туркестанскій край, привлеченіе въ него русскаго населенія и расширеніе нашей среднеазійской торговли* дѣятельнымъ усиленіемъ нашего мирнаго вліянія внѣ нашихъ границъ, вотъ что̀ необходимо для скораго и полнаго упроченія за нами новопріобрѣтеннаго края; иначе мы еще долго будемъ стоять только лагеремъ въ Средней Азіи, тратя на это совершенно непроизводительно большія суммы денегъ. Знаменитый Талейранъ выразился гдѣ-то: „on peut s'appuyer sur une bayonette, mais jamais s'asseoir dessus.“ Дѣйствительно штыки могутъ от-

* Я не упоминаю о свободѣ торговли, такъ какъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отъ 22го апрѣля 1868 года, она уже дарована.

крыть дорогу, пріобрѣсти страну и наконецъ охранить ее; но они безсильны устроить и органически укрѣпить завоеванное, безъ помощи другихъ чисто мирныхъ элементовъ.

Но возвратимся къ Кокану и нашей тамъ жизни. Однообразна была эта жизнь. Скучать правда было мало времени при постоянныхъ занятіяхъ; за то въ длинныя, жаркія, безсонныя ночи часто одолѣвали грустныя размышленія обо всѣхъ милыхъ сердцу, отъ которыхъ очень рѣдко достигали въ Коканъ отдаленныя и запоздалыя вѣсти. Это впрочемъ ни для кого не интересно, и для читателя, я увѣренъ, будетъ гораздо любопытнѣе познакомиться съ однимъ нашимъ посѣтителемъ, почти каждое утро приходившимъ къ намъ выпить стакана два чаю. Онъ принадлежалъ къ числу Русскихъ бѣжавшихъ изъ Россіи вслѣдствіе разныхъ причинъ и пріютившихся здѣсь. Таковыхъ прежде, до взятія Ташкента Черняевымъ, говорятъ, было очень много въ Коканѣ, и ихъ доставляла преимущественно сосѣдняя Сибирь. Теперь, съ отдаленіемъ нашихъ границъ на югъ, бѣгство затруднилось, такъ что почти не слыхать о новыхъ выходцахъ. Его звали Евграфомъ, а по Кокански Мусульманъ-Куль; своей русской фамиліи и отечества онъ, несмотря на всѣ мои просьбы, ни за что̀ не хотѣлъ мнѣ сказать. Евграфъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ бѣжалъ изъ Сибири, и побродивъ нѣкоторое время въ Кашгарѣ, пришелъ въ Коканъ, гдѣ поступилъ на службу въ артиллерію, въ которой числится и до сихъ поръ въ чинѣ токсабе (капитана). Мы съ нимъ познакомились слѣдующимъ образомъ: вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Коканъ, понадобилась намъ прачка; по справкамъ оказалось что единственная прачка въ городѣ, это жена какого-то Русскаго; послали за нимъ. Явился муцина лѣтъ пятидесяти, съ чисто славянскимъ типомъ, ясно замѣтнымъ, несмотря на тюбетейку, бритую голову, халатъ и всю наружность Коканца; мы познакомились съ нимъ и потолковали не безъ удовольствія, такъ какъ его чисто русская рѣчь звучала особенно пріятно въ средѣ чуждой намъ народности. Въ началѣ однако я удалялся отъ всякаго сближенія съ Евграфомъ. Меня смущалъ его переходъ въ мусульманство и участіе въ войнахъ противъ насъ, Русскихъ. Притомъ онъ выражался всегда чрезвычайно рѣзко и неуважительно о своей новой религіи, о народѣ и даже о мѣстномъ правительствѣ, эта смѣлость и безнаказанность такихъ рѣчей въ Ко-

канѣ особенно, гдѣ всѣ туземцы весьма осторожны въ своихъ выраженіяхъ, становилась невольно подозрительною. Но заболѣла у насъ лошадь, единственный коновалъ въ городѣ оказался опять-таки Евграфъ. Для вывода сѣмени намъ понадобилось шить изъ миткаля разныя вещи, опять онъ. Однимъ словомъ, мало-по-малу дошло до того что каждое утро являлся Евграфъ въ то время какъ мы пили чай. Дѣло дѣломъ, а между тѣмъ стаканъ, другой выпивался вмѣстѣ, въ продолженіи чего не все же говорить о какихъ-нибудь мѣшкахъ, или о томъ купить ли сегодня гнѣдаго жеребца или нѣтъ; разговоръ переходитъ на то, на се, и часто много любопытнаго разказывалъ Евграфъ о всемъ имъ видѣнномъ и пережитомъ въ Коканѣ. Кстати разкажу вкратцѣ все слышанное мною отъ него о знаменитомъ Алимъ-Кулѣ, падшемъ лодъ Ташкентомъ. Свою же исторію, онъ всегда только мелькомъ, отрывочно упоминалъ, но обстоятельнаго разказа я никакъ не могъ отъ него добиться. За что онъ былъ сосланъ на каторгу, не знаю, но несомнѣнно что онъ бѣжалъ изъ одного изъ сибирскихъ остроговъ. Евграфъ, сколько я могъ понять, былъ офицеромъ казачьей артиллеріи, служилъ на Кавказѣ, потомъ въ Западной Сибири. Дѣдъ его, природный Донецъ, былъ переведенъ при Павлѣ Петровичѣ въ Сибирское казачье войско, тогда формировавшееся. Отецъ его оставался на Дону и перечислился въ Сибирь, когда Евграфъ служилъ на Кавказѣ; примѣру отца онъ самъ вскорѣ послѣдовалъ.

Алимъ-Кулъ былъ Киргизъ-Кипчакъ родомъ изъ деревни Карасу, около Андыджана. Когда Малли-ханъ свергнулъ съ престола брата своего Худояра, нынѣ благополучно царствующаго, и самъ занялъ его, Алимъ-Кулъ служилъ мелкимъ чиновникомъ при раисѣ города Кокана (раисъ нѣчто въ родѣ оберъ-полицеймейстера), прежде же былъ простымъ работникомъ въ домѣ одного маргелланскаго землевладѣльца. Малли-ханъ былъ дѣятельный и энергическій администраторъ, много хлопотавшій объ устройствѣ постояннаго, регулярнаго войска въ Коканѣ. Доказательствомъ его дѣятельности по сему предмету могутъ служить пушки, взятыя нами у Бухарцевъ въ Шриджарскомъ дѣлѣ; онѣ всѣ были коканскаго происхожденія и вылитыя при немъ. Малли-ханъ старался набирать въ офицеры формируемаго имъ войска лучшихъ людей, и между прочими, выборъ его палъ на Алимъ-Кула, который понравился хану и быстро сталъ подниматься въ чины, такъ что при

смерти его, случившейся вскорѣ, былъ уже токсабе. Алимъ-Кулъ былъ въ числѣ тѣхъ которые послѣ смерти Малли-хана провозгласили ханомъ сына его, молодаго Шаймурата. Но приверженцы Худояра, жившаго тогда въ Бухарѣ, одержали верхъ: Шаймуратъ былъ убитъ, и изгнанникъ Худояръ снова занялъ престолъ. Алимъ-Кулъ вмѣстѣ со многими долженъ былъ бѣжать; но вмѣсто того чтобы направиться въ Бухару или Кашгаръ, привычныя убѣжища кокандскихъ политическихъ изгнанниковъ, онъ ушелъ въ горы, съ однимъ изъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ прошлаго царствованія, именно съ природнымъ Ташкентцемъ Шатманъ-Датхой, котораго уму и опытности приписывали въ послѣдствіи успѣхи Амимъ-Кула. Весь тогдашній Коканъ подчинился безропотно Худояръ-хану; въ горахъ къ сѣверу все казалось спокойнымъ, какъ вдругъ съ горъ спустились толпы вооруженныхъ людей, провозгласили ханомъ малолѣтняго сына Малли-хана, Султанъ-Саида, и начали забирать деревни около Андыджана. Худояръ-ханъ вышелъ съ войскомъ противъ бунтовщиковъ, былъ разбитъ на голову и только послѣ неимовѣрныхъ трудностей спасся съ горстью приверженцевъ и возвращался въ Коканъ. Вскорѣ вся восточная часть ханства: Наманганъ, Маргелланъ и Андыджанъ были въ рукахъ Алимъ-Кула, и его разъѣзды безпрепятственно появлялись подъ стѣнами самаго Кокана.

Худояръ-ханъ обратился съ просьбой о помощи къ Бухарскому эмиру, который въ зиму 1861—1862 года явился въ Коканъ съ многочисленнымъ войскомъ. Алимъ-Кулъ избѣгалъ генеральнаго сраженія и занялъ со своими крѣпкую позицію въ предгоріи, къ сѣверу отъ Кокана, изъ которой эмиръ не въ состояніи былъ его выбить, несмотря на неоднократныя попытки. Между тѣмъ Алимъ-Кулъ не допускалъ Бухарцевъ къ прочному водворенію въ краѣ, и всюду гдѣ они встрѣчались, уничтожалъ мелкіе ихъ отряды. Весной 1862 года эмиръ удалился со всѣмъ своимъ войскомъ, а съ нимъ и Худояръ-ханъ. Тотчасъ послѣ ихъ ухода, Коканъ былъ занятъ безъ сопротивленія, и все ханство безпрепятственно признало двѣнадцатилѣтняго Султанъ-Саида своимъ ханомъ. Подъ именемъ сего малолѣтняго владыки, Алимъ-Кулъ одинъ правилъ всѣми дѣлами государства. Другу своему-Шатманъ-Датхѣ, онъ перерѣзалъ горло. На Востокѣ никакая дружба не можетъ устоять противъ соперничества въ дѣлѣ власти. Алимъ-Кулъ слѣдовалъ въ своей политикѣ видамъ покойнаго Малли-хана; онъ

водворилъ въ ханствѣ общественное спокойствіе и безопасность, что было великимъ благодѣяніемъ послѣ многихъ лѣтъ войнъ, безпорядковъ и смуты, и затѣмъ дѣятельно занялся устройствомъ войска и финансовъ; но обстоятельства помѣшали ему сдѣлать что-нибудь прочное для своего отечества. Вопреки своей воли, онъ былъ вовлеченъ народнымъ фанатизмомъ въ войну съ Русскими, и весной 1865 года, подходя съ войскомъ къ Ташкенту, принужденъ былъ принять сраженіе съ генераломъ Черняевымъ. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ ракетной команды Оренбургской казачьей артиллеріи привели въ бѣгство всю его конницу. Алимъ-Кулъ, не защищенный съ одного фланга, рѣшился съ пѣхотой и артиллеріей залереться въ Ташкентѣ и сталъ отступать. Находясь во время отступленія въ арріергардѣ, онъ былъ раненъ двумя пулями и умеръ нѣсколько дней спустя въ Ташкентѣ, всего 35 лѣтъ отъ роду. Замѣчательно что его полуживаго, собственные его солдаты бросили въ одномъ изъ домовъ Ташкентской крѣпости, ограбивъ его дочиста. Алимъ-Кулъ, предъ которымъ дрожало все Кокандское ханство, умеръ одинъ, на тростниковой циновкѣ, едва прикрытый какимъ-то рубищемъ. Вскорѣ послѣ его смерти былъ взятъ Ташкентъ, въ которомъ во время штурма не было регулярнаго кокандскаго войска. Оно все, еще за нѣсколько дней, разбѣжалось. Городъ защищали одни его жители.

Много еще мнѣ разказывалъ Евграфъ объ осадѣ Ташкента Черняевымъ; о защитѣ Ташкентской крѣпости. Онъ былъ одинъ изъ послѣднихъ которые бѣжали при началѣ штурма; самое бѣгство крайне интересно; но статья моя вышла такъ длинна, что я принужденъ во многомъ сокращать мои повседневныя путевыя записки.

Кромѣ Евграфа, въ Коканѣ было еще нѣсколько нашихъ казанскихъ Татаръ. Я постарался ихъ видѣть. Это были все люди очень тихіе, занимающіеся тамъ мелочною торговлей и бѣжавшіе изъ Россіи отъ рекрутства. Бо́льшая часть изъ нихъ мнѣ высказала глубокое сожалѣніе о лобѣгѣ. Особенно одинъ со слезами говорилъ мнѣ о своемъ желаніи вернуться на родину, гдѣ у него семейство, отецъ, мать, братья, сестры. Къ несчастію, я ничего не могъ ему сказать въ утѣшеніе. Евграфъ тотъ не вдавался въ такія нѣжности, хотя съ большимъ любопытствомъ распрашивалъ меня о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ.

— Какъ бы вотъ хотѣлось, говорилъ онъ часто, разсматривая новѣйшую карту Россіи,—прокатиться по чугункѣ; эдакъ отъ Одессы вплоть до Петербурга. Дорого бы далъ.

Я не разъ предлагалъ свое слабое заступничество при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

— Нѣтъ, отвѣтитъ всегда Евграфъ, махнувъ рукой,—меня не простятъ, а напрасно, я бы могъ не одну еще службу имъ сослужить. Противъ меня, кромѣ старыхъ грѣховъ, могутъ сказать что я ходилъ войной противъ Русскихъ. Это вѣрно, но какъ Богъ святъ, я ни одного заряда противъ Русскихъ не выпустилъ, а пользу не малую имъ принесъ. Черняеву вскорѣ послѣ взятія Ташкента далъ знать о многомъ очень важномъ. Послѣ генералу Мантейфелю—тоже. Это все у нихъ тамъ въ штабѣ должно значиться. Затѣмъ здѣсь каждому Русскому что могу, то дѣлаю. И все же кажется придется здѣсь съ этими собаками всю жизнь горе мыкать, пока Богъ не приберетъ.

Въ числѣ обстоятельствъ нарушившихъ однообразіе нашей жизни въ Коканѣ была казнь семи мущинъ и одной женщины, совершенная въ одинъ день, въ середу 27 мая. Надо сказать что въ Коканѣ смертныя казни случаются очень часто, и всегда въ базарные дни; однажды, въ недѣлю, то-есть въ четыре базара, я насчиталъ шестнадцать смертныхъ казней, и вообще рѣдкій базаръ проходилъ чтобы не казнили когонибудь. Говорятъ прежде было еще болѣе, а въ Бухарѣ и до сихъ поръ казни случаются чаще, чѣмъ въ Коканѣ. Полковникъ Носовичъ, бывшій начальникомъ посольства посланнаго въ Бухару въ нынѣшнее лѣто, разказывалъ мнѣ что и его частыя смертныя казни поразили въ Бухарѣ, и что разъ онъ въ разговорѣ замѣтилъ это состоявшему при немъ бухарскому чиновнику. Чиновникъ очень серьезно ему отвѣчалъ: „эмиръ такой высокій человѣкъ, что изъ уваженія къ своему сану, обязанъ ежедневно подписать хоть одинъ смертный приговоръ“. Въ Коканѣ также смертная казнь совершается не иначе какъ по приговору подписанному самимъ ханомъ.

Въ базаръ сей знаменитой середы, 27го мая, мы просили нашего хозяина купить намъ пудовъ 20 коконовъ; съ нимъ отправился и нашъ переводчикъ Султанъ. Часа черезъ два вернулся Султанъ, блѣдный и сильно встревоженный. Онъ своими глазами видѣлъ какъ вблизи его, на базарѣ, палачъ перерѣзалъ горло какому-то человѣку и ногой толкнулъ трупъ, въ которомъ были еще признаки жизни. Такъ большею частью

совершается смертная казнь въ Коканѣ; причемъ тѣло остается на мѣстѣ казни до слѣдующаго вечера. Впрочемъ употребляется также висѣлица, разстрѣляніе, закапываніе половины тѣла въ землю, и проч. Наказанія на Востокѣ были всегда чрезвычайно разнообразны. Чтобъ объяснить сильное впечатлѣніе произведенное на Султана, надо сказать что онъ женатъ на дочери извѣстнаго Хаджи-Назара (оренбургскаго мѣщанина), бывшаго переводчикомъ при трехъ Итальянцахъ сидѣвшихъ такъ долго въ плѣну въ Бухарѣ, который онъ съ ними раздѣлилъ, и съ ними же въ послѣдствіи былъ освобожденъ. Итальянцы, убѣдясь на дѣлѣ въ честности и добросовѣстности Хаджи-Назара, послали его одного въ Бухару съ большою суммой денегъ для покупки тамъ сѣмени шелковичныхъ червей. Это было въ 1866 году, когда мы были въ войнѣ съ Бухарой. Бухарское правительство воспользовалось непріятными съ нами дѣйствіями, чтобы схватить Хаджи-Назара и перерѣзать ему горло, подъ предлогомъ что онъ русскій шпіонъ. Такъ какъ въ Средней Азіи всюду имущество казненнаго принадлежитъ правительству, то въ кассу эмира поступили не только болѣе 20.000 р. италіянскихъ денегъ бывшихъ у Хаджи-Назара, но и значительная сумма принадлежавшая ему самому и взятая имъ для торговыхъ цѣлей. Ничего изъ этого имущества не было возвращено наслѣдникамъ Хаджи-Назара по замиреніи съ Бухарой.

— Какъ посмотрѣлъ я на этого бѣдняка, со слезами приговаривалъ Султанъ,— такъ и вспомнилъ несчастнаго моего тестя. И его также, вѣрно, толкнулъ ногой палачъ, и его тѣло валялось также на базарѣ.

Насилу могли мы его успокоить. Казнено было въ эту памятную середу семь мущинъ и одна женщина: изъ нихъ четверо за воровство, а трое мущинъ и женщина за прелюбодѣяніе. О послѣднихъ слѣдуетъ разказать подробнѣе. Жила одна женщина въ Коканѣ; мужъ ея и отецъ уѣхали торговать въ Кашгаръ, а она, одинокая, скучала въ домѣ; сосѣдомъ ея былъ старикъ Коканецъ, который, несмотря на запрещенія пророка, пропилъ все свое небольшое состояніе и принужденъ былъ, чтобы продолжать пьянствовать, прибѣгать ко всякимъ средствамъ. Примѣтилъ онъ одинокую женщину и сталъ ее соблазнять: „приходи ко мнѣ, у меня найдешь молодыхъ людей, повеселишься“, и проч. Женщина не устояла и стала ходить къ старику, гдѣ встрѣчалась съ разнымъ

народомъ. Сынъ старика, десятилѣтній мальчикъ, любимый за что-то отцомъ, въ отомщеніе, донесъ полиціи. Полицейскіе явились очень ловко и застали въ домѣ старика несчастную женщину и двухъ молодыхъ людей. По здѣшнимъ законамъ всѣхъ четырехъ казнили. Хорошъ однако сынъ!

Нашъ хозяинъ насъ очень убѣждалъ посмотрѣть на одного изъ казненныхъ,—къ стыду нашему долженъ сознаться, мы поѣхали. Долго такъ и носился предъ глазами этотъ съежившійся, обезображенный трупъ, лежавшій въ пыли на углу двухъ крытыхъ рядовъ базара; а вокругъ шумъ, крикъ, движеніе, постоянный говоръ безпрестанно мѣняющейся толпы, не обращавшей ни малѣйшаго вниманія на бренные остатки казненнаго; однимъ словомъ, рамкой смерти была живымъ потокомъ отвсюду бьющая жизнь. Тяжелое было это впечатлѣніе и нелегко было отдѣлаться отъ грустныхъ мыслей которыя оно зарождало.

Замѣчательнѣе всего что странное стеченіе обстоятельствъ связало насъ съ казненною бѣдною женщиной. Дня два послѣ памятной середы, вечеромъ пришелъ къ намъ, какъ обыкновенно, Аширъ-Ходжа и съ таинственнымъ видомъ разказалъ намъ слѣдующее, слышанное имъ, какъ онъ говорилъ, тому назадъ нѣсколько минутъ отъ вѣрныхъ людей: Мальчикъ донесъ раису что къ отцу его ходятъ на свиданіе съ женщиной двое Русскихъ, высокаго роста, живущихъ не въ караванъ-сараѣ, какъ всѣ иностранцы, а на частной квартирѣ. Во всемъ Коканѣ только мой зять и я жили въ частномъ домѣ. Указаніе на насъ было очевидно; но далѣе, раисъ, зная какъ мы были почетно приняты ханомъ, не рѣшился насъ арестовать на мѣстѣ преступленія, а послѣшилъ доложить обо всемъ хану. Ханъ якобы рѣшилъ послать чиновника сказать намъ что мы хотя и гости его, не должны однако злоупотреблять получаемымъ гостепріимствомъ; проступокъ нашъ онъ намъ прощаетъ, ибо мы не знаемъ коканскихъ законовъ; между тѣмъ приказалъ раису выслѣдить не бываютъ ли кромѣ насъ другіе на свиданіяхъ у старика, и тогда тѣхъ безжалостно арестовать и казнить. Раисъ такъ и поступилъ. Какъ только мы ушли отъ старика, вслѣдъ за нами пришло двое туземцевъ. Ихъ всѣхъ тотчасъ схватили и на другой день казнили. Народъ, прибавилъ таинственно Аширъ-Ходжа, очень негодуетъ что Русскихъ прощаютъ, оставляютъ безъ всякаго наказанія, а нашихъ казнятъ.

Послѣднія слова почтеннаго часовщика всего болѣе меня заинтересовали. Теперь объяснялось почему въ эти два дня, встрѣчаемые нами на нашихъ поѣздкахъ въ садъ были особенно дерзки. Нѣтъ нужды говорить что весь разказъ, по крайней мѣрѣ во всемъ касающемся до насъ, былъ ложенъ отъ начала до конца. Ханъ не присылалъ къ намъ никакого чиновника, и мы кромѣ поѣздокъ въ садъ, съ цѣлою свитой, никуда никогда не ѣздили; все это было отлично извѣстно самому разкащику, который бывалъ у насъ и утромъ, и вечеромъ, каждый день. Грѣшный человѣкъ, меня эта глупая сплетня несказанно взорвала, и я тутъ же объявилъ какъ Аширъ-Ходжѣ, такъ и всѣмъ присутствовавшимъ что завтра же напишу объ этой сплетнѣ хану, прося его приказать разслѣдовать такую обидную для насъ клевету, и буде возможно, оградить насъ на будущее время отъ таковыхъ незаслуженныхъ нареканій; также, прибавилъ я, — я напишу объ этомъ Мурзѣ-Хакиму въ Ташкентъ.

Такое заявленіе произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Отвсюду посылались увѣщанія не писать никому, и въ заключеніе Аширъ-Ходжа объяснилъ что онъ нѣсколько преувеличилъ разказъ который слышалъ не совсѣмъ такъ какъ передалъ, но теперь онъ совершенно все припомнилъ и можетъ положительно завѣрить что ему указывали на Русскихъ живущихъ въ караванъ-сараѣ, а никакъ не на насъ. Избави Богъ. Вся бѣда въ томъ что онъ насъ такъ любитъ и уважаетъ что всюду видитъ насъ однихъ. Я однако не сдался на эти увѣренія, и мы разошлись довольно поздно при положительномъ заявленіи съ моей стороны что завтра непремѣнно напишу и пошлю предположенныя письма. Коканцы ушли, повторяя неоднократно: „бай, бай“, что у нихъ знакъ отчаянія. На завтра однако никакихъ писемъ я не написалъ. Рано утромъ пріѣхалъ къ намъ самъ мехтаръ, съ такими положительными завѣреніями что это сплетня, и сплетня не дошедшая до хана, что я долженъ былъ принять его объясненія; тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ разказаннаго мною случая подумаютъ можалуй что строгая нравственность и полная чистота нравовъ царствуютъ въ Коканѣ, — далеко нѣтъ. Одно изъ главныхъ удовольствій въ Средней Азіи смотрѣть на танцы батчи. Батчи, мальчики отъ 12 до 15 лѣтъ которыхъ ремесло—танцовать въ частныхъ собраніяхъ, причемъ они иногда показываются и танцуютъ въ женскихъ костюмахъ и въ парикахъ, съ длинными ко-

сами, впрочемъ истинные любители ихъ танцевъ предпочитаютъ мужской костюмъ и признаютъ введеніе женскаго какъ извращеніе древняго, чистаго вкуса. Танцы сами по себѣ очень граціозны и происходятъ подъ нѣсколько монотонную музыку съ нескончаемымъ повтореніемъ одной и той же фразы, измѣняющійся только въ ритмѣ; фразы впрочемъ довольно пріятной для слуха; оркестръ состоитъ изъ нѣкотораго подобія віолончеля, бубенъ и литавръ. Зрѣлище плясокъ было бы ничего еще, но при этомъ, присутствующая публика просто отвратительна своими громкими и страстными изъявленіями восторга. Генералъ Черняевъ, вскорѣ послѣ взятія Ташкента, счелъ необходимымъ издать прокламацію въ коей на основаніи корана запрещалъ батчей, подъ страхомъ строгаго наказанія. Прокламація эта произвела чуть не возмущеніе въ Ташкентѣ, къ Черняеву явилась делутація отъ города съ просьбой отмѣнить запрещеніе. Запрещеніе однако осталось. Батчи преслѣдуются, впрочемъ, и кокандскимъ правительствомъ, и подвергаются исправительному наказанію, какъ напримѣръ, временному заключенію, отдачѣ въ работы на срокъ, а всего чаще отдачѣ въ солдаты.

Мнѣ бы слѣдовало теперь разказать мои поѣздки въ Кокандѣ и окрестныхъ его деревняхъ для наблюденія за выводомъ для насъ туземцами сѣмени шелковичныхъ червей, но онѣ имѣли чисто спеціальный интересъ, не представляли ничего особенно любопытнаго и были чрезвычайно утомительны отъ ежедневно усиливающейся жары, особенно когда приходилось ѣздить въ нѣсколько отдаленныя мѣста. Хотя выводъ сѣмени у всѣхъ производился женщинами, но мы никогда ни одной изъ нихъ не видали. Ихъ всегда тотчасъ при нашемъ появленіи куда-то прятали. Не разъ приходилось ждать у дверей сакли, на солнцѣ, пока прекрасный полъ скроется, и намъ можно будетъ безпрепятственно войти. Долженъ заявить что большею частью я не имѣлъ повода жаловаться въ этихъ поѣздкахъ; указанія мои исполнялись, тѣмъ болѣе что я не противился тѣмъ мѣстнымъ обычаямъ которые были безвредны, какъ напримѣръ обычай класть листъ яблони, даже цѣлыя вѣтки между бабочками, выходящими изъ коконъ, или отчитываніе бабочекъ выдержками изъ корана. Я добивался всего болѣе хорошей сортировки коконъ по цвѣтамъ и отбраковки дурныхъ; и въ этомъ успѣвалъ.

Прежде чѣмъ кончить эту столь длинную главу, скажу нѣ-

сколько словъ о ночахъ въ Коканѣ. Чудныя были ночи, рѣдко бывало маленькій вѣтерокъ пробѣжитъ по высокимъ тополямъ сосѣднихъ дворовъ, часто пламя свѣчи на террасѣ оставалось неподвижнымъ. Быстро, точно сразу разливалась ночная темнота, къ несчастью прохлада медленно, только къ полуночи брала окончательно верхъ надъ жаромъ, исходящимъ отъ накалившихся за день стѣнъ. Душны, томительны были ночи въ Коканѣ, но вмѣстѣ полны какой-то сладострастной нѣги. Нигдѣ не видалъ я такого яркаго свѣта луны, съ такимъ золотистымъ отливомъ какъ здѣсь. Какая притомъ мягкость въ свѣтѣ, а въ темную, безлунную ночь, какое яркое мерцаніе звѣздъ, на темно-синемъ, глубокомъ небѣ. Чудныя были ночи дѣйствительно, но за то и шумны какъ нигдѣ. Днемъ въ городѣ нигдѣ не видать собакъ, но какъ только совсѣмъ стемнѣетъ и на мечетяхъ прокричатъ призывъ на послѣднюю молитву, повсемѣстный и самый разнообразный лай поднимается надъ городомъ и продолжается до свѣта. Собаки въ Коканѣ имѣютъ ту особенность что онѣ не бѣгаютъ всюду, по улицамъ, а только по крышамъ и стѣнамъ отдѣляющимъ дворы. Часто бывало слѣдилъ я какъ онѣ искусно и скоро перебѣгали вдоль нашего двора по стѣнѣ, бывшей не болѣе четверти толщины. Непрестанному лаю вторили тоже непрестанно повторявшіеся рѣзкіе густые звуки большихъ барабановъ, въ которые коканскіе караульщики колотятъ всю ночь, раздѣляя свои удары короткими паузами. Долго смущалъ меня этотъ шумъ, но потомъ я привыкъ и сталъ даже находить нѣкоторую тоскливую прелесть въ этихъ звукахъ, звонко раздававшихся въ величавомъ спокойствіи южной ночи. Къ разсвѣту лай и барабанъ прекращались совершенно, и послѣ громогласныхъ привѣтствій дневному свѣтилу со стороны пѣтуховъ, которыхъ, мнѣ кажется, милліоны въ Коканѣ, полная тишина воцарялась надъ городомъ.

IV.

Начало послѣдней недѣли нашего пребыванія въ Коканѣ ознаменовалось однимъ происшествіемъ, которое произвело на всѣхъ насъ и на всѣхъ Русскихъ бывшихъ въ городѣ глубокое впечатлѣніе. Надо прежде сказать что въ одномъ караванъ-сараѣ, повѣренный московскаго торговаго дома

Штукенъ и Шлисъ, г. Келлеръ, съ изрядным количествомъ русскихъ прикащиковъ, занимался въ большихъ размѣрахъ выводомъ сѣмени шелковичныхъ червей изъ покупныхъ коконовъ. Онъ и его прикащики покупали коконы сотнями пудовъ на базарахъ, не только самаго города Кокана, но и окрестныхъ деревень. Полторы недѣли тому назадъ, одинъ изъ прикащиковъ Келлера, Сартъ, родомъ изъ Ташкента, получилъ въ Маргеланѣ тяжелую рану ножомъ въ горло, а въ субботу, 6го (18го) іюня, на базарѣ деревни Рештанъ (въ 25 верстахъ отъ Кокана), другой прикащикъ, Русскій, нѣкто Потуловъ, получилъ четыре сильныхъ удара ружейнымъ стволомъ по головѣ. Нападеніе на Потулова было произведено безъ малѣйшаго вызова съ его стороны, какимъ-то фанатикомъ, который открыто объявилъ что убійствомъ кафира желалъ пріобрѣсти награду въ жизни за гробомъ, и съ радостью готовъ быть казненнымъ. Народъ схватилъ преступника и передалъ его мѣстному начальству.

На другой день этого происшествія, 7го іюня, въ воскресенье утромъ пріѣхалъ ко мнѣ Келлеръ просить лѣкарства для бѣднаго Потулова. Я не зналъ что̀ дать и что̀ посовѣтовать. Раны были глубокія и притомъ на головѣ; раненый былъ въ совершенномъ безпамятствѣ и съ явными признаками горячечнаго состоянія. При такомъ положеніи лѣчить больнаго нашему брату не доктору—страшно. Я посовѣтывалъ класть ледъ на голову, далъ успокоительную примочку и прохладительное питье. Между тѣмъ извѣстіе о происшествіи въ Рештанѣ быстро разнеслось по городу, былъ базарный день, народъ замѣтно волновался, и Келлера на его пути изъ сарая ко мнѣ ругали жестоко. Въ добавокъ рабочіе его заведенія, а ихъ у Келлера было тогда до двухсотъ человѣкъ, выказывали явное неповиновеніе, а начальство ступевывалось и не принимало никакихъ мѣръ. Келлеръ, разказывая мнѣ все это, былъ очень взволнованъ и объявилъ что всѣ его прикащики еще болѣе поражены чѣмъ онъ, и многіе заявили желаніе возвратиться въ Ташкентъ, видя что здѣсь могутъ пропасть совершенно даромъ. Извѣстія эти меня крайне озадачили. Сколь возможно я старался успокоить Келлера и, кажется, онъ уѣхалъ отъ меня въ лучшемъ духѣ чѣмъ пріѣхалъ. Я ожидалъ серіознаго волненія въ городѣ въ тотъ же самый день, однако все прошло спокойно, и у насъ въ обычныхъ занятіяхъ, хотя наши Татары сильно призадумались. На другой

день утромъ явился ко мнѣ посланный отъ мехтара просить меня къ нему. По объясненію посланнаго, мехтаръ просилъ моего содѣйствія чтобы дружелюбно уладить съ Келлеромъ дѣло о нанесенныхъ прикащику его Потулову ранахъ. Я велѣлъ сѣдлать и тотчасъ же поѣхалъ съ нашимъ хозяиномъ, который вызвался меня проводить, такъ какъ кромѣ переводчика никого не было дома изъ людей.

Пріемъ былъ чрезвычайно радушный, и какъ водится по восточному обычаю, прежде чѣмъ говорить о дѣлѣ былъ продолжительный обмѣнъ самыхъ кудрявыхъ любезностей. Наконецъ мехтаръ разказалъ о нападеніи на Потулова, нисколько не отрицая что оно ничѣмъ не было вызвано.

— Преступникъ взятъ, прибавилъ онъ, — и по приказанію хана скованъ по рукамъ и ногамъ. Какъ вы думаете что̀ надо съ нимъ теперь дѣлать?

— Поступить по закону, отвѣчалъ я, — ни Келлеръ, ни я, да и никто не будетъ въ состояніи сказать что-либо противъ васъ, если преступникъ будетъ наказанъ по законамъ вашимъ.

— По шаріату у насъ сумашедшіе не наказываются смертію, а у него признаки помѣшательства.

— Достовѣрны ли они? возразилъ я.

— Тѣмъ не менѣе, продолжалъ мехтаръ, какъ бы не слыхавъ моего замѣчанія, — хану угодно казнить преступника смертью въ первый базарный день, чтобы показать всѣмъ какъ онъ дорожитъ дружбой Русскихъ, и какъ наказываетъ всякое на нихъ нападеніе. Можно даже будетъ отдать его Келлеру, если тотъ сего пожелаетъ. Пусть онъ съ нимъ дѣлаетъ что̀ ему угодно. Только одно было бы желательно чтобы не увозили раненаго въ Ходжентъ, какъ о томъ мнѣ объявилъ сегодня помощникъ Келлера. Ханъ дастъ своего доктора, велитъ отвести хорошее помѣщеніе, хотъ цѣлый домъ; дастъ денегъ на лѣкарства сколько нужно. Однимъ словомъ, мы сдѣлаемъ все что̀ только возможно для выздоровленія и успокоенія больнаго, который и безъ того, какъ я слышалъ, чувствуетъ себя сегодня гораздо лучше. Я именно о томъ и хочу просить васъ, прибавилъ мехтаръ, — уговорите пожалуста Келлера оставить Потулова здѣсь и не возить въ Ходжентъ.

— Получивъ такой пріемъ отъ хана и отъ васъ, отвѣчалъ я,—я не могу отказать въ моемъ содѣйствіи, какъ оно ни сла-

бо, но никакъ не для того чтобъ оставить Потулова здѣсь, и нахожу что вы напрасно этого желаете. Сохраненіе здоровья больнаго, можетъ-быть даже самой жизни его, зависитъ отъ перенесенія въ Ходжентъ, гдѣ есть доктора и лѣкарства, чего здѣсь, въ Коканѣ, нѣтъ.

Мехтаръ, видя что я не соглашаюсь на этотъ пунктъ, сталъ просить меня убѣдить Келлера удовольствоваться удовлетвореніемъ какое ханъ назначилъ, и вообще уладить это дѣло такъ чтобы жалобъ не было.

Я согласился ѣхать, но прежде заявилъ надежду что мехтаръ приметъ свои мѣры чтобы мы, Русскіе, впередъ не только не подвергались въ Коканѣ такого рода покушеніямъ на нашу жизнь какъ несчастное происшествіе съ Потуловымъ, но и были ограждены отъ оскорбленій которыя мы встрѣчаемъ всякій разъ какъ выходимъ на улицу, и въ доказательство послѣдняго, привелъ примѣръ Келлера.

— Мы предупреждали Келлера, отвѣчалъ мехтаръ,—чтобъ онъ и его прикащики иначе не ѣздили по деревнямъ какъ взявъ съ собой одного изъ нашихъ людей; онъ ѣздилъ одинъ и слышалъ брань. Вездѣ есть люди дурные, а у насъ въ деревняхъ еще не привыкли видѣть Русскихъ.

— Я говорю о Коканѣ городѣ, возразилъ я, — и въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе вѣрю Келлеру что самъ на себѣ испыталъ неоднократно какъ въ Коканѣ ругаютъ Русскихъ.

— И ханъ, и я, возразилъ мехтаръ, пожимая мнѣ руку,— будемъ вамъ очень благодарны, если вы съѣздите въ сарай и дадите мнѣ отвѣтъ.

Я отправился, взявъ съ собою двухъ чиновниковъ, которые должны были сообщить мехтару результатъ моего посольства. Въ сараѣ я нашелъ Келлера и всѣхъ русскихъ прикащиковъ въ большомъ волненіи. Наканунѣ вечеромъ, при раздачѣ ужина, рабочіе открыто взбунтовались, переломали всю посуду, и только вслѣдствіе вмѣшательства полиціи дѣло обошлось безъ серіозныхъ послѣдствій. Положеніе Потулова было далеко не такъ утѣшительно какъ о немъ отзывался мехтаръ. Полный упадокъ силъ, безпамятство, лихорадочное состояніе и нѣкоторое нагноеніе, начинающее показываться на глубокихъ ранахъ, предвѣщали скорый дурной исходъ, притомъ больной былъ слабаго, болѣзненнаго сложенія. Объ удержаніи его въ Коканѣ не могло быть и рѣчи, напротивъ, я посовѣтовалъ Келлеру отправить его немедля въ Ходжентъ, это была едва-

ственная надежда на его выздоровленіе. Когда же я заговорилъ о мехтарѣ, тутъ посылались со всѣхъ сторонъ самые нелестные отзывы объ этомъ сановникѣ, отказывавшемъ имъ прежде во всякой помощи и всегда сладкомъ на словахъ, на дѣлѣ оказывавшемъ имъ во всемъ противодѣйствіе. Не безъ труда убѣдилъ я всѣхъ что теперь не время считать старые грѣхи, и необходимо позаботиться объ ихъ безопасности и о предупрежденіи случаевъ подобныхъ происшествію съ Потуловымъ и вчерашнему бунту. Послѣ долгихъ разсужденій, слѣдующій отвѣтъ былъ переданъ мехтарскимъ чиновникамъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ проглотившимъ во время разговора изрядное число чашекъ зеленаго чая: Кедлеръ не имѣетъ никакого права ни требовать, ни назначать никакого наказанія виновнику въ неслыханномъ нападеніи на Потулова,—это дѣло законовъ. Также не имѣетъ права требовать вознагражденія за увѣчье Потулова,—это дѣло его самого, если выздоровѣетъ; а если умретъ—его родственниковъ, и вообще русскаго правительства. Онъ же, Кедлеръ, проситъ мехтара о томъ о чемъ всегда просилъ: о назначеніи караула къ сараю, въ которомъ занимается и въ которомъ у него сложено до четырехъ тысячъ пудовъ коконовъ, стоющихъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ рублей и принадлежащихъ его довѣрителямъ. Видя строптивость своихъ рабочихъ и волненіе царствующее въ народѣ, онъ постоянно опасается разграбленія или поджога.

Чиновники спросили сколько нужно людей; условились что четырехъ довольно, и я уѣхалъ домой. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сарая, несмотря на присутствіе чиновниковъ мехтара, какой-то прохожій съ громкими ругательствами замахнулся на меня камнемъ, его кто-то удержалъ. Оба чиновника объяснили мнѣ что это сумашедшій и вызвались проводить меня, но просили ѣхать поскорѣй. Крупною рысью поѣхали мы по базару домой; во всю дорогу, сколько я могъ замѣтить, только и видны были сердитые и дерзкіе взгляды.

Посѣщеніе сарая произвело на меня весьма тяжелое впечатлѣніе. Замѣтно было что враждебное броженіе гуляетъ по народу: при такомъ настроеніи достаточно было какого-нибудь незначительнаго случая чтобъ это броженіе высказалось грабежомъ сарая и убійствомъ всѣхъ тамъ живущихъ Русскихъ. Въ доказательство способности коканскаго городскаго населенія къ уличнымъ революціямъ, можно указать на тотъ

фактъ что въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, предшествовавшихъ взятію Ташкента Русскими, въ Коканѣ было восемьдесятъ хановъ. Рѣдкая перемѣна правленія происходила безъ грабежей и убійствъ. Собственно мы въ данномъ случаѣ врядъ ли подвергались серіозной опасности. Притомъ Потуловъ былъ первый Русскій на котораго открыто напалъ Сартъ въ Коканѣ. Прежде, особенно въ первое время пріѣзда въ Коканъ русскихъ купцовъ, они подвергались не только самымъ грубымъ ругательствамъ, но въ нихъ кидали грязью и каменьями, однако изъ-за угла, открытаго же нападенія никогда не было. Происшествіе съ Потуловымъ принадлежитъ къ такого рода фактамъ которые затягивали, такъ-сказать, заставляли наше правительство расширяться къ юго-востоку. Вопреки всему тому что говорятъ иностранные журналы о глубоко задуманномъ планѣ дѣйствій на Востокѣ и исполняемомъ со строгою послѣдовательностью, Россія распространялась почти по принужденію и противъ своей воли. Очень жаль что у насъ нѣтъ полной исторіи этого постепеннаго приращенія нашего великаго отечества съ юго-восточной стороны. Всякій желающій ознакомиться съ этимъ предметомъ долженъ довольствоваться отрывочными и разбросанными свѣдѣніями, которыя мало кому извѣстны. Только громкіе подвиги генерала Черняева, и особенно впечатлѣніе произведенное ими въ Англіи, обратило вниманіе русской публики на наши среднеазійскія пріобрѣтенія. Прежде о нихъ не зналъ почти никто, хотя въ этой дальней странѣ и до Черняева свершались подвиги, ничѣмъ не уступающіе тѣмъ которые прославили Варренъ Гастингса и Клейда въ Англійской Индіи, и извѣстные всей читающей нашей публикѣ; укажу хоть на Узань-Агачское дѣло. Я этимъ нисколько не хочу уменьшить достоинство генерала Черняева, напротивъ я нахожу что онъ недостаточно оцѣненъ у насъ. Довольно прожить хоть мѣсяцъ въ этомъ краѣ чтобъ убѣдиться что имя его еще живо въ памяти туземцевъ не только нашего Туркестана, но и Кокана, и вообще въ Средней Азіи. Черняевъ въ своихъ успѣхахъ много обязанъ тому обаянію * которое онъ

* У насъ въ Россіи думаютъ что на Востокѣ власть должна быть окружена нѣкоторымъ ореоломъ. Это, говорятъ, необходимо чтобы подѣйствовать на воображеніе Азіатцевъ. Мнѣ кажется что эти ходули совершенно ненужны. Черняевъ, который держалъ себя чрез-

умѣлъ внушить туземцамъ и которое живо сохранилось до сихъ поръ. Онъ располагалъ ничтожными силами, однако съ горстью людей онъ не только умѣлъ брать многолюдные города, но и удерживать ихъ въ полномъ и совершенномъ повиновеніи. Имя его до сихъ поръ сила въ Средней Азіи. Но и до него были скромные дѣятели, которые много работали русскому дѣлу въ этомъ отдаленномъ и неизвѣстномъ краѣ. Я упомянулъ о Узань-Агачскомъ сраженіи. Позволю себѣ разсказать о немъ со словъ пріятеля моего Евграфа, который тогда былъ помощникомъ начальника кокандской артиллеріи. Вскорѣ послѣ взятія Вѣрнаго (Алматы), осенью 1860 года, кокандское правительство вознамѣрилось отнять его у Русскихъ и послало сильную армію подъ начальствомъ Канъ-Агата противъ этой еще не вполнѣ отстроенной тогда крѣпости. Армія состояла изъ восьмидесяти тысячъ пѣхоты и кавалеріи при 40 орудіяхъ. Подходя къ укрѣпленію Кастекъ, Канъ-Агатъ не хотѣлъ останавливаться для такого ничтожнаго пункта, въ которомъ былъ весьма слабый гарнизонъ, и пройдя нѣсколько верстъ далѣе, расположился лагеремъ. Вечеромъ, въ ставкѣ кокандскаго военачальника былъ собранъ военный совѣтъ, всѣ біи и начальники собрались на немъ и наполняли всю обширную палатку. Канъ-Агатъ послалъ за Евграфомъ.

— Скажи пожалуста, обратился онъ къ нему, — выйдутъ ли къ намъ на встрѣчу Русскіе, или запрутся въ Алматахъ?

— Я думаю что выйдутъ, отвѣчалъ Евграфъ.

— Дай руку, съ живостью возразилъ Канъ-Агатъ, и крѣпко пожалъ руку Евграфу.—Ты не могъ мнѣ сказать ничего болѣе радостнаго.

Кромѣ рукоположатія Евграфъ получилъ отъ Канъ-Агата богатый халатъ и десять червонцевъ. Предсказаніе Евграфа сбылось. Комендантъ Вѣрнаго подполковникъ Колпаковскій выступилъ изъ укрѣпленія на встрѣчу непріятелю съ отрядомъ состоявшимъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и двухъ сотенъ казаковъ при четырехъ орудіяхъ. Такой отрядъ противъ такого многочисленнаго непріятеля. Предположимъ что изъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ вышедшихъ изъ Кокана, у Канъ-

---

вычайно просто, оставилъ такое имя въ Средней Азіи съ которымъ можетъ равняться только развѣ имя Ермолова на Кавказѣ. Впрочемъ и Ермоловъ былъ также очень простъ въ своей офиціальной жизни.

Агата осталась всего половина въ строю, но и съ этою силой онъ могъ легко раздавить Колпаковскаго. Русскіе однако подвигались впередъ, сформировали каре, съ пушками по угламъ, и.... но я не военный и къ несчастію не умѣю передать той картинности съ которою Евграфъ разказывалъ мнѣ это событіе. Достаточно сказать что Канъ-Агатъ былъ разбитъ на голову подъ Узань-Агачемъ, и вся многочисленная его армія уничтожена. Случись такое блестящее дѣло у Англичанъ или Французовъ, вся Европа знала бы о немъ, а у насъ никто, я думаю, и не замѣтилъ его. Но возвратимся къ Кокану.

Волненіе въ народѣ было далеко не вымышленное, хотя мѣстныя власти отвергали его, и даже нашъ хозяинъ пытался насъ увѣрить что все спокойно какъ всегда. Я уже упоминалъ что наше заведеніе вывода было въ сосѣднемъ домѣ; этотъ домъ отдѣляла отъ нашей квартиры узенькая, пустынная улица, по которой приходилось сдѣлать тридцать или сорокъ шаговъ до воротъ заведенія. Прежде мы никогда никакихъ непріятностей не имѣли на этой улицѣ при частыхъ нашихъ посѣщеніяхъ; теперь же и на этомъ коротконъ пути начали долетать до нашего слуха привычныя ругательства. Приходилось ходить вооруженными. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ чтобъ и со своей стороны подѣйствовать на кокансное правительство, которое очевидно хотѣло замять все дѣло Потулова. Я вполнѣ убѣжденъ что оно глубоко сожалѣло о случившемся и готово было дать всякое требуемое удовлетвореніе, но съ другой стороны оно связано народнымъ фанатизмомъ, котораго оно побаивается, нѣтъ сомнѣнія, и вмѣстѣ до извѣстной степени раздѣляетъ его. Что бы ни говорили кокансніе сановники, но въ глубинѣ ихъ сердецъ кроется желаніе выгнать насъ невѣрныхъ изъ Средней Азіи; у байгушей,* въ народѣ это желаніе высказывается открытѣе, вотъ вся разница. Въ Кокандѣ отъ нѣкоторыхъ моихъ благопріятелей я слышалъ такого рода разсужденія: „въ открытомъ полѣ мы не можемъ устоять противъ Русскихъ, но малою войной мы вамъ много можемъ сдѣлать вреда.“ Въ заключеніе упоминали какъ будто вскользь: „Кашгаръ былъ сто лѣтъ подъ властью Китайцевъ, однако теперь освободился.“ Рѣчь обыкновенно оканчивалась дружескими заявленіями: „мы любимъ Русскихъ“ и пр. Не думаю чтобъ эта скрытая и весьма понятная нена-

* Байгушъ—бобыль, голышъ.

висть могла быть предметомъ серіозныхъ опасеній со стороны нашего туркестанскаго начальства, тѣмъ болѣе что если Коканъ увидитъ и убѣдится что мы нисколько не намѣрены его покорить и присоединить къ нашимъ владѣніямъ, его интересъ подластъ нашему вліянію, которое болѣе усиливаетъ чѣмъ ослабляетъ его правительство. Тутъ какъ и прежде могу только повторить что постоянное пребываніе въ Коканѣ русскаго резидента было бы крайне желательно не только для безопасности нашихъ купцовъ, но и для руководства самимъ коканскимъ правительствомъ.

Ругательства прохожихъ во время нашихъ частыхъ переходовъ изъ квартиры въ заведеніе и обратно были отличнымъ предлогомъ чтобы заявить коканскому правительству о недостаточности нашей безопасности и просить о принятіи мѣръ. Я обратился къ нашему хозяину съ просьбой съѣздить къ наибу и просить чтобы намъ дали военный караулъ, который я предлагалъ содержать на свой счетъ во все время своего пребыванія. Наибъ, нѣчто въ родѣ великаго визиря въ коканской административной іерархіи, считается помощникомъ хана и вмѣстѣ военнымъ министромъ. Мурза-Керимъ, который зналъ что выставляемая мною причина ругательствъ вполнѣ справедлива, отправился въ тотъ же вечеръ и вернулся съ отвѣтомъ что наибъ доложитъ хану, безъ дозволенія котораго нельзя давать солдатъ, и завтра дастъ отвѣтъ.

На слѣдующій день, во вторникъ, 9го іюня, утромъ мимо нашей квартиры провели преступника ранившаго Потулова. Его вели всѣми главными улицами города, окруженнаго большимъ количествомъ солдатъ. И все время на пути двое палачей били его палками по обнаженной спинѣ. При этомъ на главныхъ городскихъ пунктахъ былъ прочитанъ приказъ хана въ коемъ объяснялась причина наказанія и объявлялось что если Потуловъ умретъ отъ полученныхъ ранъ, то преступникъ будетъ казненъ смертью. Я не выходилъ смотрѣть, но люди наши видѣвшіе экзекуцію говорили что спина была сильно избита. Мимо сарая его проводили два раза, и въ послѣдствіи отъ приказчиковъ Келлера я узналъ что наказанный былъ дѣйствительно тотъ самый который ранилъ Потулова. Удовлетвореніе значитъ было дано; притомъ все прошло мирно и спокойно, благодаря тому что наказаніе было сдѣлано не въ базарный день, а то врядъ ли оно обошлось бы безъ серіозныхъ волненій.

Часу во второмъ пріѣхалъ ко мнѣ секретарь мехтара и отъ его имени предложилъ джигита, который бы постоянно у насъ жилъ и охранялъ насъ дома и во время нашихъ поѣздокъ. Насчетъ военнаго караула, котораго я просилъ, мнѣ было объяснено что его дать нельзя, ибо чинъ нашего домовладѣльца такъ великъ что въ его домъ ставить солдатъ законъ запрещаетъ. Мнѣ бы слѣдовало настоять на своей просьбѣ и поѣхать самому къ наибу; но намъ оставалось такъ мало времени жить въ Кокандѣ что не стоило хлопотать, тѣмъ болѣе что преступникъ ранившій Потулова былъ наказанъ, и что̀ всего важнѣе, наказаніе обошлось безъ всякихъ безпорядковъ. Я согласился принять джигита, и мы разговорились съ секретаремъ, причемъ какъ водится, имъ было выпито нѣсколько стакановъ чаю. Секретарь былъ въ очень веселомъ расположеніи духа, совершенно противоположномъ тому въ которомъ я его видѣлъ наканунѣ, когда онъ мнѣ показался такимъ тихимъ и нѣсколько даже грустнымъ. Очень понятно, мы говорили о недавнемъ происшествіи съ Потуловымъ; секретарь съ полною увѣренностью отвергалъ что въ Кокандѣ можетъ быть хоть одинъ человѣкъ который бы осмѣлился ослушаться ханскаго приказа и даже отклониться отъ его исполненія; потомъ пошли разсужденія что сарайскіе, то-есть Келлеръ и его приказщики, сами виноваты что ихъ не любятъ, а что вотъ де я, сейчасъ видно таксырь (большой человѣкъ), отъ этого меня всѣ любятъ и мнѣ въ Кокандѣ никогда никто слова оскорбительнаго не скажетъ. Я отвѣчалъ что, несмотря на лестные его отзывы, столько наслышался брани въ рѣдкія мои поѣздки по городу что не хочу болѣе выѣзжать изъ дому. Притомъ я замѣтилъ что не понимаю причины нелюбви къ сарайскимъ, они дѣлаютъ свое дѣло, и на нихъ только тогда могли бы жаловаться, еслибъ они не платили за покупаемыя ими вещи; напротивъ, они за все платятъ, и платятъ дорого, слѣдственно приносятъ одну пользу намъ. Секретарь пустился въ длинныя увѣренія что слышанныя мною ругательства относились не ко мнѣ; если же и нашелся какой-нибудь дурной человѣкъ,—всюду они есть,—то теперь при джигитѣ ничего подобнаго никогда не будетъ. Мехтаръ поручилъ ему просить меня ѣздить всюду, куда я только пожелаю; причемъ секретарь какъ бы всколзь сказалъ: „если же вы согласились бы перемѣнить ваше платье и на-

дѣть наше, которое такъ удобно для лѣта, то положительно вы нигдѣ ни отъ кого дурнаго слова не услыхали бы."

— Потуловъ былъ одѣтъ по-кокански, отвѣчалъ я,—однако это его не спасло отъ нападенія.

Секретарь, вмѣсто того чтобъ отвѣтить на мое замѣчаніе, очень ловко перемѣнилъ разговоръ, напомнивъ мнѣ что въ началѣ нашего пребыванія прикащики Келлера очень дурно поступили съ моими на одномъ базарѣ и даже жаловались на меня мехтару, и посему мнѣ не слѣдъ за нихъ такъ горячо заступаться. Дѣйствительно было такое происшествіе; надо замѣтить что Азіатцы вообще очень искусные дипломаты въ своихъ разговорахъ.

Днемъ вторника окончилось тревожное состояніе русской небольшой колоніи въ Коканѣ. Не только водворилось полное спокойствіе въ городѣ; но ругательства совершенно прекратились, и во время нашихъ вечернихъ прогулокъ, мы никакой брани не слыхали болѣе. Чрезъ нашихъ пріятелей мы узнали что въ городѣ прошли слухи о нападеніи одного русскаго отряда на кокансихъ Киргизовъ. Я не повѣрилъ этому; но казалось что дѣйствительно было что-то похожее. На прощальномъ визитѣ у мехтара я отъ него самого услышалъ официальное подтвержденіе этого слуха, и подтвержденіе сдѣланное съ нѣкоторою торжественностью. Мехтаръ выслалъ изъ комнаты всѣхъ присутствовавшихъ, и оставшись одинъ со мною и съ переводчикомъ, передалъ мнѣ что дѣйствительно Русскіе отбили большое количество скота у Киргизовъ, подданныхъ хана, и взяли многихъ въ плѣнъ. При этомъ онъ спрашивалъ мое мнѣніе. Я высказалъ что по своему частному положенію не имѣю никакого значенія предъ туркестанскимъ русскимъ начальствомъ, причемъ надо знать всѣ обстоятельства дѣла чтобъ имѣть возможность судить: и по симъ двумъ причинамъ я бы желалъ отклонить отъ себя заявленіе какого-либо мнѣнія. Мехтаръ настаивалъ въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ; чтобы покончить этотъ разговоръ, я ему высказалъ полное убѣжденіе что нападеніе нашего отряда не могло быть иначе какъ вслѣдствіе какихъ-либо причинъ или поводовъ поданныхъ самимъ кокансимъ пограничнымъ населеніемъ. Вамъ самимъ извѣстно, прибавилъ я, генералъ-губернаторъ питаетъ самыя дружелюбныя чувства къ хану и его подданнымъ, обратитесь къ нему, если нападеніе ничѣмъ не было вызвано и это одно только недо-

разумѣніе, то вы навѣрное получите удовлетвореніе; если же была какая-нибудь причина со стороны вашихъ подданныхъ, то постарайтесь сами ее отстранить. Мехтаръ удовольствовался моимъ объясненіемъ, и мы разстались съ нимъ при долгихъ дружественныхъ заявленіяхъ съ обѣихъ сторонъ.

Нѣсколько часовъ спустя мы выѣхали изъ Кокана. Это было въ понедѣльникъ, 15го іюня, вечеромъ. Часть нашихъ знакомыхъ насъ провожала до воротъ города; нѣкоторые хотѣли даже ѣхать еще далѣе, до первой деревни; не безъ труда отклонили мы это предложеніе и распростились со всѣми въ самыхъ городскихъ воротахъ. Ночь была темная, къ тому же подялся сильный вѣтеръ, называемый гарамсиль, который особенно въ степи былъ еще сильнѣе. Пыль, песокъ, которыя хлестали насъ по лицу, дѣлали ѣзду окончательно невозможною; лошади отказывались идти, и мы принуждены были остановиться въ одной деревушкѣ до свѣта, не достигнувъ до Бишь-Арыка. Гарамсиль считается весьма вреднымъ вѣтромъ въ Кокандѣ и бываетъ всегда въ концѣ іюня. Онъ сушитъ листы и плоды на деревьяхъ, переноситъ цѣлые холмы песку въ степи (это я самъ видѣлъ) и причиняетъ лихорадки съ прибавленіемъ нѣкоторой сыпи на тѣлѣ. Коканцы въ продолженіи этого вѣтра запираются въ домахъ и ни за что не выходятъ на улицу. Первая ночь по выѣздѣ изъ Кокана, проведенная въ маленькомъ чай-ханѣ деревни Тамаша, была единственнымъ событіемъ нашего возвратнаго пути. Ѣхали мы по той же самой дорогѣ, за исключеніемъ послѣдняго перехода въ ханствѣ, гдѣ мы измѣнили путь и держались ближе къ Сыръ-Дарьѣ. На этомъ переходѣ мы сдѣлали привалъ въ пограничной кокандской крѣпости Махрамъ, одномъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ мною видѣнныхъ въ Кокандѣ. Въ середу, 17го іюня, утромъ мы въѣхали въ Ходжентъ и не безъ удовольствія увидали нашихъ солдатъ.

Въ заключеніе приведу нѣсколько данныхъ о хлѣбопашествѣ и торговлѣ въ Кокандѣ, записанныхъ мною со словъ туземцевъ.

Въ Кокандѣ нѣтъ крѣпостныхъ; прежде были невольники, рабы, состоявшіе преимущественно изъ военноплѣнныхъ, но со взятія Русскими Ташкента, торгъ невольниками прекратился; большую же часть тѣхъ которые были у частныхъ лицъ ханъ взялъ себѣ, и въ настоящее время количество невольниковъ составляющихъ частную собственность чрезвы-

чайно ограничено. Сами Коканцы всѣ свободны. Бо́льшая часть земли принадлежитъ хану (то-есть правительству) и духовенству, затѣмъ остальное частнымъ лицамъ. Какая пропорція между сими двумя собственностями, положительно я не могъ узнать ни для одного округа. Большинство указаній согласно что частная составляетъ менѣе половины всего количества. Землевладѣльцы или сами воздѣлываютъ свою землю, или отдаютъ ее крестьянамъ на слѣдующихъ условіяхъ: Если у крестьянина свой собственный рабочій скотъ, то онъ беретъ половину отъ всего производимаго его трудомъ на арендуемой имъ землѣ; если же скотъ владѣльца, то одна треть продуктовъ поступаетъ крестьянину, а двѣ трети владѣльцу. Дѣлежъ между ними происходитъ по уплатѣ въ казну хираджа,—подати, составляющей одну пятую со всѣхъ производимыхъ зерновыхъ хлѣбовъ; также по уплатѣ танапа. Танапъ собственно есть мѣра: 60 саженъ длины и столько же ширины. Этимъ именемъ называется подать взимаемая деньгами съ фруктовыхъ садовъ и которая различна, смотря по тѣмъ плодамъ которые даетъ танапъ. Напримѣръ съ танапа винограда берется ежегодно десять коканъ, то-есть 2 р. сер.; съ дынь пять, то-есть 1 р. сер.; съ урюка также 1 р.; съ юнгуручка, то-есть клевера, тоже 1 р. сер. Обѣ подати, и хираджъ и танапъ, подати государственныя и поступаютъ въ казну хана. Владѣлецъ имѣетъ право выгнать крестьянина когда ему угодно и отдать землю другому. Но обычаемъ принято отдавать земли въ аренду осенью по полной уборкѣ всего, и землевладѣльцы по большей части не злоупотребляютъ своимъ правомъ, а напротивъ дорожатъ хорошими крестьянами, и встрѣчается много крестьянскихъ семействъ которыя десятки лѣтъ живутъ на однихъ и тѣхъ же земляхъ. Величина арендуемыхъ участковъ весьма различна. Случаи аренды земли за деньги чрезвычайно рѣдки.

За право торговли и за занятіе ремеслами никакой пошлины въ пользу казны не взимается. Существующіе въ Коканѣ базары принадлежатъ: одни хану, другіе медрессе; торгующіе въ нихъ платятъ только за наемъ лавокъ. Иностранные купцы и вообще иностранцы обязаны останавливаться въ одномъ караванъ-сараѣ, называемомъ ханскій сарай и находящемся въ началѣ главнаго базара. Въ этомъ сараѣ небольшое совершенно отдѣльное помѣщеніе для Русскихъ. Со всѣхъ привозныхъ товаровъ берется заketъ, таможенная пошлина $2^1/_2$ %.

Вывозъ же всѣхъ товаровъ совершенно свободный, за исключеніемъ хлопка, который оплачивается пошлиной въ 9½ кокановъ, или 1 р. 30 к., съ каждаго верблюда, правильнѣе сказать, съ каждой верблюжьей ноши, которая большею частью вѣситъ 16 пудовъ.

Самый образъ веденія заграничной оптовой торговли въ Коканѣ имѣетъ свои особенности. Привозимые въ Коканъ товары покупаются мѣстными купцами только въ долгъ, съ уплатой въ два, три мѣсяца, даже и болѣе. При этомъ всѣ сдѣлки происходятъ не иначе какъ въ присутствіи и чрезъ посредство маклеровъ, признанныхъ правительствомъ и которыхъ имѣется опредѣленное число на каждый товаръ. На наличныя деньги трудно продать товаръ, даже если его небольшое количество, но если его много, то рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Капиталистовъ въ Коканѣ, какъ я слышалъ, нѣтъ, а если и есть, то они тщательно скрываютъ свое состояніе. Прежде въ Коканѣ, какъ и въ Бухарѣ, достаточно было прослыть богачомъ чтобы подвергнуться смертной казни, причемъ имущество казненнаго отбиралось безъ всякихъ разговоровъ въ пользу хана или эмира. Настоящее коканское правительство, говорятъ, не прибѣгаетъ болѣе къ такимъ энергическимъ средствамъ для увеличенія своихъ доходовъ, тѣмъ не менѣе скрывать свое состояніе и казаться бѣднымъ, осталось еще лока въ обычаѣ у всѣхъ Коканцевъ. Какъ бы то ни было, по отсутствію ли капиталовъ или вслѣдствіе ихъ сокрытія, большихъ операцій и на наличныя, при покупкѣ заграничныхъ товаровъ, въ Коканѣ не дѣлается. Обыкновенно вся торговая операція происходитъ слѣдующимъ порядкомъ: какъ только пріѣзжаетъ русскій купецъ или приказчикъ съ товаромъ, то тотчасъ по своемъ пріѣздѣ является къ мехтару и объявляетъ ему сколько чего онъ привезъ. Мехтаръ тутъ же сейчасъ призываетъ маклеровъ и приказываетъ имъ распорядиться чтобы товаръ гостя былъ проданъ какъ можно скорѣе и чтобы гость не былъ долго задержанъ въ городѣ. Начинается торгъ, и все малыми партіями; чрезъ нѣкоторое время у гостя вмѣсто товара остается кипа долговыхъ записокъ, засвидѣтельствованныхъ маклеромъ. Большею частью наши купцы не взыскиваютъ денегъ по этимъ записямъ, а покупаютъ хлопокъ и шелкъ въ долгъ на тѣ сроки въ которые сами должны получить деньги, и тогда происходитъ у маклеровъ обмѣнъ долговыхъ обязательствъ. Если же они не по-

купаютъ обратнаго товара, то взысканіе по тѣмъ обязательствамъ которыя засвидѣтельствованы маклеромъ происходитъ безъ всякаго затрудненія и рѣдко дѣло доходитъ до жалобъ мехтару. Въ послѣднемъ случаѣ взысканіе производится весьма быстро, и обыкновенно на другой же день маклеръ приноситъ всѣ деньги сполна. Что же касается до сдѣлокъ безъ участія маклеровъ, то онѣ очень часто оканчиваются совершенною потерей для нашихъ купцовъ.

Всѣ русскіе прикащики жившіе въ Коканѣ жаловались мнѣ на застой торговли; тотъ же отзывъ слышалъ я въ Ташкентѣ, и также отъ полковника Носовича узналъ что та же жалоба и въ Бухарѣ. Не берусь судить о причинахъ такого явленія; но мнѣ кажется это затишье торговли только временное, и съ открытіемъ путей нашимъ купцамъ далѣе на югъ и юго-востокъ, Россія найдетъ гораздо болѣе обширный сбытъ своимъ произведеніямъ.

Кн. ДМ. Д—ОЙ.

3го октября 1870.

ВЪ ЛѢСАХЪ*

I.

Лѣса покрывающіе Заволжье въ прежнія времена тянулись сплошнымъ кряжемъ между рѣками Унжей и Вяткой далеко на сѣверъ. Тамъ и соединялись они съ дебрями Великоустюжскими и Вычегодскими. Въ старые годы тѣ лѣсныя пространства заселены были только по южнымъ окраинамъ — по „раменямъ"—вдоль лѣваго берега Волги, да отчасти по берегамъ притоковъ ея Линды, Керженца, Ветлуги и Кокшаги. По этимъ рѣкамъ изрѣдка стояли маленькія деревушки, верстахъ на двадцати и больше одна отъ другой. Тамошній людъ жилъ какъ отрѣзанный отъ остальнаго крещенаго міра. Церквей тамъ вовсе почти не было и люди дикими своими обычаями совершенно почти сходствовали съ сосѣдними звѣроловами, Черемисой и Вотяками; только языкомъ и отличались отъ нихъ. Дѣтей у нихъ крестили бабушки-повитухи, свадьбы, самокрутки вѣнчали въ лѣсу вокругъракитова кустика, хоронились Заволжане зря, гдѣ попало. „Жили въ лѣсу, молились пенью, вѣнчались вкругъ ели, а черти имъ лѣли", такъ говорили въ былыя времена московскіе люди про лѣсныхъ обитателей Заволжскаго края....

* Подъ этимъ заглавіемъ помѣщаемъ продолженіе разказовъ Андрея Печерскаго, первая часть которыхъ (*За Волгой*) была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1868 года.

Наѣзжали къ нимъ иной разъ хлыновскіе попы съ Вятки, но тѣ попы были самоставленники, сплошь да рядомъ вѣнчали они шестые, седьмые браки, отъ живой жены или въ близкомъ родствѣ. „Молодецъ попъ хлыновецъ за пару лаптей на родной матери обвѣнчаетъ“, доселѣ гласитъ пословица про этихъ поповъ, которыхъ во время оно духовныя власти не признавали правильными и законными пастырями... Московскій митрополитъ, упрекая вятскихъ поповъ въ самочиніи, говорилъ: „не вѣмы како и нарицати васъ и отъ кого имѣете поставленіе и рукоположеніе.“ * Но попы хлыновцы знать не хотѣли Москвы, и пользуясь отдаленностью своего края, вели дѣла по своему, не слушая митрополита и не справляясь ни съ какими уставами и чиноположеніями. Такимъ образомъ почва для церковнаго раскола въ заволжскихъ лѣсахъ издавна была приготовлена. И нынѣшніе старообрядцы того края точно такіе же что̀ ихъ предки—духовныя чада наѣзжихъ поповъ хлыновцевъ. Они очень усердны къ православію, свято почитаютъ старые книги и обряды, но держатся своихъ самоставленныхъ или бѣглыхъ поповъ и знать не хотятъ нашихъ архіереевъ. Архіереевъ и поповъ такъ-называемой австрійской іерархіи они также знать не хотятъ.

Каковъ попъ, таковъ и приходъ, говоритъ пословица; старинные попы хлыновцы знать не хотѣли Москвы съ ея митрополитомъ, а духовныя ихъ чада — лѣсные жители Заволжья знать не хотѣли царскихъ воеводъ, уклонялись отъ платежа податей, управлялись своими выборными, судили своимъ самосудомъ и не подчинялись московскимъ законамъ. Чуть являлся на краю лѣса посланный отъ воеводы или патріаршій десятильникъ, они покидали дома и уходили въ лѣсныя трущобы, гдѣ не сыскали бы ихъ ни самъ воевода, ни самъ патріархъ.

Съ XVII столѣтія въ непроходимыя заволжскія дебри стали являться новые насельники. Остатки вольницы, что̀ во времена самозванцевъ и ляхолѣтья разбоемъ и грабежомъ исходила вдоль и поперекъ всю землю Русскую, находили здѣсь мѣста безопасныя, укрывавшія удальцовъ отъ приласенныхъ про нихъ кнутовъ и висѣлицъ. Бѣглые холопы, пашенные крестьяне не смогшіе примириться съ только-что возникшимъ

* Такъ въ восьмидесятыхъ годахъ XV столѣтія писалъ попамъ хлыновцамъ митрополитъ Геронтій (*Акты Историческіе*. I, стр. 97).

крѣпостнымъ правомъ, слобожане, отягощенные оброками и податьми, посадскіе люди, лишенные промысловъ, бѣглые рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистнаго имъ иноземнаго строя—все это валó валило за Волгу и ставило свои починки и заимки по такимъ мѣстамъ гдѣ до того времени ни одинъ человѣкъ ноги не накладывалъ. Смуты и войны XVII вѣка въ корень растатали народное хозяйство, и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того явилось множество людей задолжавшихъ въ казну и частнымъ людямъ. Имъ грозили правежъ или вѣковѣчное холопство; избѣгая того и другаго, они тоже стремились въ заволжскіе лѣса. Тогда-то и сложилась пословица: „нечѣмъ платить долгу, дай пойду за Волгу.“

Такова была закваска населенія заволжскихъ лѣсовъ когда во второй половинѣ XVII вѣка явились туда новые насельники, бѣжавшіе изъ селъ и городовъ старообрядцы.

По скитскимъ преданьямъ, начало старообрядскихъ поселеній въ заволжскихъ лѣсахъ началось чудеснымъ образомъ. Во время „Соловецкаго сидѣнья“, когда царскій воевода Мещериновъ обложилъ возмутившихся старообрядцевъ въ монастырѣ Зосимы и Савватія и не выпускалъ оттуда никого, древній старецъ инокъ схимникъ Арсеній дни и ночи проводилъ на молитвѣ предъ иконой Казанской Богородицы. А та икона, сказываютъ, была прежде комнатною царя Алексѣя, и пожалована имъ въ Соловки еще до патріаршества Никона. Наканунѣ взятія монастыря царскою ратью истомился Арсеній стоя на молитвѣ и задремалъ. И будучи въ тонкомъ снѣ слышалъ онъ гласъ отъ иконы: „гряди за мною ничто же сумняся, и гдѣ я остановлюсь, тамъ поставь обитель, и пока икона моя будетъ въ той обители, дотолѣ древлее благочестіе въ ней процвѣтать будетъ.“ И видѣлъ Арсеній что икона Богородицы поднялась вверхъ и исчезла въ небесной высотѣ.... Когда проснулся инокъ-схимникъ, иконы не было на мѣстѣ.... На другой день монастырь былъ взятъ, „соловецкихъ сидѣльцевъ“ перевезли на матерую землю, и здѣсь Арсенію удалось бѣжать изъ-подъ царскаго караула въ лѣса. Только-что онъ ступилъ въ лѣсную чащу, видитъ онъ икону предъ которою молился, грядетъ та икона поверхъ лѣса на воздусѣхъ.... Идетъ за нею изумленный и трелетный Арсеній. Предъ нимъ деревья разступаются, предъ нимъ сохнутъ непроходныя болота, предъ нимъ невидимая сила валежникъ врозь раскидываетъ. Арсеній „чудяся бывшему о

немъ" все идетъ да идетъ за иконою. И стала та икона въ лѣсахъ Чернораменскихъ, недалеку отъ починка Ларіонова, на урочищѣ Шарланъ. И поставилъ тутъ Арсеній первый скитъ. *

Съ легкой руки соловецкаго выходца Арсенія, старообрядческіе скиты одинъ за другимъ стали возникать въ лѣсахъ Заволжья. Вскорѣ ихъ появилось больше сотни въ Черной Рамени, въ лѣсахъ Керженскихъ, въ лѣсахъ Рымскихъ и за рѣкой Ветлугой.

Въ тѣхъ скитахъ селились старообрядцы разнаго званія. Въ первыя десятилѣтія существованія раскола, бѣгали отъ „Никоновыхъ новшествъ" не одни крестьяне и посадскіе люди, не одни простые монахи и сельскіе попы. Уходили и люди знатныхъ родовъ, а изъ духовенства даже одинъ архіерей сбѣжалъ въ лѣса. ** И въ Черной Рамени являлись знатные люди: туда изъ предѣловъ Смоленскихъ бѣжали Салтыковы, Потемкины и другіе. Они основали свой скитъ недалеку отъ первоначальнаго скита Шарланскаго. Давно лѣсомъ поросло старинное жилье этихъ богатыхъ и вліятельныхъ старообрядцевъ; но остатки грядъ, погребныхъ ямъ, заросшихъ бурьяномъ могилъ и двѣнадцать надгробныхъ камней до сихъ поръ видны на урочищѣ, прозванномъ „Смольяны".... Въ XVIII столѣтіи въ Комаровскомъ скиту была основана обитель Боярыкиной, названная такъ отъ того что основана была княжной Болховской и первоначально вся состояла изъ боярышень. Въ ея часовнѣ на вѣнцѣ иконы Спаса Нерукотвореннаго до послѣдняго времени висѣла Александровская лента съ орденскимъ крестомъ, которую будто бы носилъ дядя основательницы обители.... Въ Оленевскомъ скитѣ одна обитель основана была Анфисой Колычевой, родственницей Св. Филиппа митрополита.... Когда старый Улангерскій скитъ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія сгорѣлъ отъ молніи ударившей въ по-

* Шарланскій скитъ существовалъ сто семьдесятъ лѣтъ и окончательно уничтоженъ въ 1853 году. Въ 1718 году въ немъ было 7 монаховъ и 44 монахини. Въ послѣднее время мужской обители въ немъ уже не было, но женщинъ жило больше сотни. Это былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ строгихъ скитовъ. Икона Казанской Богородицы почитаемая старообрядцами чудотворною находится съ 1849 года въ мужскомъ Керженскомъ Благовѣщенскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

** Александръ, первый епископъ вятскій, бѣжалъ съ каѳедры въ 1674 году въ Вычегодскіе лѣса.

ру необычайную, въ самый крещенскій сочельникъ, галицкая ломѣщица Акулина Степановна Свѣчина съ своею племянницей Ѳедосьей Ѳедоровной Сухониной собрала разбѣжавшихся отъ ужаса улангерскихъ матерей, привела ихъ на рѣчку Козленецъ и тутъ поставила донынѣ существующій Улангерскій скитъ. Всѣ скитскіе жители съ умиленіемъ бывало вспоминали какое при „боярынѣ Степановнѣ“ въ Улангерѣ житіе было тихое да стройное, да такое пространное и небоязное что за разъ у нея по двѣнадцати половъ съ Иргиза живало, и полиція пальцемъ ихъ тронуть не смѣла.*

Пребываніе въ нѣкоторыхъ обителяхъ лицъ изъ высшихъ сословій, не прекращавшееся со временъ смоленскихъ выходцевъ, а больше того тѣсныя связи „матерей“ съ богатыми купцами обѣихъ столицъ и большихъ городовъ возвышали тѣ обители предъ другими, куда постулали почти исключительно только бѣдныя, но грамотныя крестьянки изъ окрестныхъ селеній. Такія обители считались какъ бы аристократическими, имѣли свои преданія, которыхъ крѣпко держались жившія тамъ и за сохраненіемъ которыхъ зорко смотрѣли настоятельница и старшія матери. Входъ въ такія обители, даже и въ число работницъ, „трудницъ“, былъ далеко не всѣмъ доступенъ. Нужны были извѣстнаго рода связи, чье-нибудь покровительство. Большею частью игумены и старшія матери наполняли свои обители близкими и дальними родственницами. Бѣдныя обители и небольшіе скиты не очень дружелюбно смотрѣли на эти „прегордыя“ общины, завидовали ихъ богатству, ихъ связямъ и тому почету которымъ онѣ ото всѣхъ пользовались.

Съ первоначалу скиты Керженскіе и Чернораменскіе были учрежденіями чисто религіозными, какъ и наши монастыри.

---

* Въ Улангерскомъ скиту, Семеновскаго уѣзда, лѣтъ тридцать тому назадъ жилъ раскольничій инокъ отецъ Іовъ, у котораго въ томъ же Семеновскомъ уѣздѣ, а также въ Чухломскомъ, были имѣнія съ крѣпостными крестьянами. Этотъ старикъ (Іона Михайловичъ Сухотинъ) былъ родственникъ Свѣчиной, едва ли не племянникъ ея. Въ Улангерѣ, до самой высылки изъ скитовъ посторонних лицъ (то-есть не приписанныхъ къ скиту по ревизіи), жили двѣ дворянки, одна еще молоденькая дочь прапорщика, другая старуха, которую мѣстные старообрядцы таинственно величали „дамою двора его императорскаго величества“. Дама эта дѣйствительно по мужу принадлежала къ разряду придворныхъ, но была не больше какъ вдова гофъ-фурьера.

Они служили убѣжищемъ „не хотѣвшимъ новины Никоновы пріяти“, но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ религіозный фанатизмъ ослабѣвалъ, скиты теряли первоначальный характеръ и превращались въ рабочія общины съ артельнымъ хозяйствомъ. На дѣлѣ оказалось что женскіе скиты были способнѣе усвоить такое хозяйство, чѣмъ мужскіе. Въ женскихъ твердо сохранялись и повиновеніе старшимъ и подчиненіе разъ заведеннымъ порядкамъ, тогда какъ въ мужскихъ своеволіе, непокорность старшинамъ и неподчиненіе артельнымъ уставамъ въ корень разрушали общинное устройство. По мѣрѣ того какъ женскія общежитія умножались и годъ отъ году пополнялись людьми, ряды скитниковъ рѣдѣли, обители ихъ пустѣли, и если не переходили въ руки женщинъ, разрушались сами собою, безъ всякаго вмѣшательства гражской или духовной власти. Ко времени окончательнаго уничтоженія Керженскихъ и Чернораменскихъ скитовъ * уже не оставалось ни одного мужскаго скита; оставались старообрядскіе монахи, но они жили по деревнямъ у своихъ родственниковъ и знакомыхъ, или шатались изъ мѣста въ мѣсто не имѣя постояннаго пребыванія. Искатели иноческихъ трудовъ и созерцательной жизни удалялись въ лѣсныя трущобы и жили тамъ совершенными отшельниками въ вырытыхъ землянкахъ, а иные въ срубленныхъ кое-какъ старческими руками кельяхъ. Но такихъ пустынниковъ было очень и очень немного.

Въ общежительныхъ женскихъ скитахъ хозяйство шло впереди духовныхъ подвиговъ. Правда служба въ часовняхъ и моленныхъ отправлялась скитницами усердно и неопустительно, но она была не больше какъ однимъ изъ главныхъ способовъ добыванія денежныхъ средствъ для общиннаго хозяйства женской артели. Каждая такая артель жила преимущественно подаяніями богатыхъ старообрядцевъ, щедро даваемыми за то чтобы „матери хорошенько молились“. И матери добросовѣстно исполняли свои обязанности: нелѣпостно отправляли часовенную службу, молясь о здравіи своихъ „благодѣтелей“, поминая ихъ сродниковъ за упокой, читая по покойникамъ Псалтырь, исправляя сорочины, полусорочины, годины и другія обычныя поминовенія. Подъ именемъ „каноницъ“, или „читалокъ“, скитскія артели отправляли въ

* Въ 1853 году.

Москву и въ другіе ближніе и дальніе города молодыхъ бѣлицъ къ богатымъ одновѣрцамъ „стоять негасимую свѣчу“, то-есть день и ночь читать Псалтырь по покойникамъ, „на мѣстѣ ихъ преставленія“, и учить грамотѣ малолѣтнихъ дѣтей въ домахъ „христолюбивыхъ благодѣтелей“. Отправляли также по разнымъ мѣстамъ сборщицъ съ книжками собирать подаянія на обители. Ежегодно къ празднику Пасхи такія сборщицы съѣзжались въ скитъ и привозили значительныя суммы денегъ и цѣлые возы съ припасами разнаго рода и съ другими вещами нужными въ хозяйствѣ.

Въ стѣнахъ общины каждый день кромѣ праздниковъ работа кипѣла съ утра до ночи. Пряли ленъ и шерсть, ткали новины, пестряди, сукна; занимались и бѣлоручными работами: ткали шелковые пояски, лѣстовки, вышивали по канвѣ шерстями и шелкомъ, шили золотомъ, искусно переписывали разныя тетради духовнаго содержанія, писали даже иконы. Но никто не смѣлъ работать на себя, все поступало въ общину, и по назначенію настоятельницы, развозилось въ подаркахъ и на благословеніе „благодѣтелямъ“, которые разумѣется сторицею за то отдаривали.

Главною распорядительницей работъ и всего хозяйства была игуменья. Ей помогали: уставщица, завѣдывавшая часовенною службой и всѣмъ что̀ касалось до религіозной части, казначея, у которой на рукахъ было имущество обители, деньги и всякаго рода запасы, кромѣ съѣстныхъ, тѣми завѣдывала мать-келарь, въ распоряженіи которой находилась келарня, то-есть поварня и столовая. Уставщица, казначея, келарь и еще три-четыре, иногда и больше старшихъ матерей, называвшихся „соборными“, составляли нѣчто въ родѣ совѣта настоятельницы, рѣшавшаго всѣ дѣла обительскія. При настоятельницѣ обыкновенно „ходила въ ключахъ“ особая инокиня, завѣдывавшая частнымъ ея хозяйствомъ—ибо игуменьѣ дозволялось имѣть частное имущество. Мать „ключница“ вела обительскую переписку и имѣла мѣсто въ обительскомъ совѣтѣ—„соборѣ“, какъ называли его.

Таково было внутреннее устройство скитскихъ обителей. Таково было устройство и обители матушки Манефы, богатѣйшей и многолюднѣйшей изо всѣхъ обителей Комаровскаго скита, стоявшаго на Каменномъ Вражкѣ.

II.

Въ лѣсахъ Черной Рамени, въ верхотинахъ Линды, что̀ пала въ Волгу немного повыше города Нижняго, середи лѣсовъ, промежь толкихъ болотъ выдался сухой островъ. „Каменнымъ Вражкомъ“ зовутъ его.

Въ самомъ дѣлѣ мѣсто тутъ каменистое. Бѣлоснѣжнымъ кварцовымъ пескомъ и разноцвѣтными гальками усыпаны отлогіе берега рѣчекъ, а на поляхъ и по болотамъ тамъ и сямъ торчатъ изъ земли огромные валуны гранита. То осколки Скандинавскихъ горъ занесенные сюда на плававшихъ льдинахъ въ давнія времена образованія земной коры. За Волгой иное толкуютъ про эти каменныя громады: послѣдніе де русскіе богатыри, побивъ силу татарскую, похвалялись здѣсь бой держать съ силою небесною и за такую гордыню оборочены въ камни.

Еще недавно на Каменномъ Вражкѣ стояло обширное селенье; бѣдные остатки его до сихъ поръ цѣлы. Съ виду селеніе то не было похоже на окрестныя деревеньки. Вокругъ его хоть бы крохотная полоска пашни. Не сѣяли, не жали на Каменномъ Вражкѣ, а въ каждомъ амбарѣ закромы круглый годъ ломились отъ насыпнаго хлѣба. И золотистая пшеница кубанка, и чистая рожь яранская, и отборное сызранское пшено, и крупная греча, и тяжеловѣсный вятскій овесъ до верха наполняли тамошніе сусѣки. Въ клѣтяхъ и чуланахъ тѣсно бывало отъ мѣшковъ съ пушистою казанскою крупчаткой, съ разными солодами и крупами, а между тѣмъ спокон вѣка ни въ единомъ домѣ на Каменномъ Вражкѣ ни сохи ни бороны не заводилось. Въ тамошнихъ рѣченкахъ кромѣ рыбки-молявки ничего не водилось, а въ погребахъ засѣченные въ ледъ пересѣки полнымъ полнехоньки стояли съ осетриной, съ бѣлужиной, съ сибирскими рыбами, нельмой, муксунами и другими, а въ кладовыхъ навѣшаны были жирные донскіе балыки, толстые луки визиги, вяленые судаки, лещи, сазаны. Ни какого промысла на Каменномъ Вражкѣ никогда не бывало, ни завода, ни фабрики, а всякаго добра вдоволь водилось. Люди тамъ какъ въ раю жили—никому не гребтѣлось какъ по хозяйству концы съ концами свести, откуда добыть деньгу—Богу на свѣчу, себѣ на рукавицы, на соль, на деготь, на ковъ, на приваръ, да на штофъ зелена вина. Выдайся годъ дородный, вы-

дайся голодный, стой въ межень на Волгѣ десять четвертей, бреди черезъ нее курица, на Каменномъ Вражкѣ дѣтъ ни думушки, ни заботушки: будетъ день, будетъ пища.

Внутри околицы обширнаго селенья не было ни улицы, ни односторонки, ни курмыша. Обнесенныя околицей большія жилыя строенья и разныя службы были расположены кругомъ обширной поляны, середи которой возвышалась часовня. Всѣ строенія такого круга стояли задомъ наружу, а лицомъ выходили на внутреннюю поляну. Такое расположеніе домовъ очень давнее: въ старые годы русская община всегда тамъ строилась; теперь рѣдко гдѣ сохранился круговой порядокъ стройки, всѣ почти наши селенія какъ по струнѣ вытянулись въ длинныя улицы или односторонки. За Волгой и въ сѣверныхъ лѣсныхъ пространствахъ кое-гдѣ сохранились еще круговыя поселенія, напоминающія древнюю общинную жизнь нашихъ предковъ.

На Каменномъ Вражкѣ въ послѣднее время было до двѣнадцати такихъ общинъ, „обителей“, стоявшихъ отдѣльно одна отъ другой. Между этими обителями стояли дома гдѣ жили лица не принадлежавшія ни къ одной общинѣ—„сиротами“ назывались они. Каждое сиротское строенье на свою сторону смотрѣло: дома, обыкновенной деревенской постройки, то жались въ кучу, то отдѣлялись другъ отъ друга и отъ общинъ просторными пустырями, огородами, кладбищами. Пустыри покрыты были луговиной, на ней паслись гуси, куры и другія домашнія птицы обителей, тутъ же стлали новины для бѣленья. Въ огородахъ, окружавшихъ со всѣхъ почти сторонъ каждую обитель, много было грядъ съ разными овощами, съ подсолнечниками и макомъ, но ни единаго деревца: Великоруссъ прирожденный врагъ лѣса, его дѣло рубить, губить, жечь, но не садить деревья. Кладбища среди строеній были и старыя, залущенныя, заросшія бурьяномъ, и новыя, съ покрытыми свѣжимъ дерномъ холмиками и съ деревянными почернѣвшими отъ дождей и снѣжныхъ сугробовъ столбиками къ которымъ прибиты были мѣдные кресты. Лишь изрѣдка попадались на тѣхъ кладбищахъ деревянные голубцы, еще рѣже надгробные камни.

Строенье въ обителяхъ на Каменномъ Вражкѣ не было похоже ни на городское ни на деревенское. Обыкновенно пять-шесть большихъ бревенчатыхъ избъ на высокихъ подклѣтахъ ставились одна вплоть къ другой подъ одну кровлю и соединялись

межь собой сѣнями и крытыми переходами. Такое строенье называлось „стаей“ и напоминало долетровскія городскія хоромы зажиточныхъ людей. Въ каждой стаѣ бывало по пяти, по шести, иногда до десяти теплыхъ горницъ, каждая съ перегородками чистой столярной работы, иногда ольховыми или ясеневыми. Вокругъ по стѣнамъ каждой горницы стояли вдѣланныя въ стѣны широкія деревянныя лавки, но въ иныхъ покояхъ бывали и диваны, и кресла, и стулья краснаго дерева обитые шерстяною или шелковой матеріей. Въ переднемъ углу каждой горницы была поставлена деревянная божница съ иконами и лампадами, подъ нею непремѣнно висѣла шелковая пелена съ крестами изъ лозумента. Свѣтло, сухо, тепло было въ этихъ горницахъ, а чистота и опрятность такая что развѣ только домамъ Голландіи можно было поспорить со скитскими кельями въ этомъ отношеніи.

Кромѣ теплыхъ покоевъ, въ каждой стаѣ бывало много холодныхъ сѣней съ темными чуланами и каморами, переходовъ и тайниковъ. Внизу подъ жилыми покоями были устроены теплыя повалуши, а подъ сѣнями глухіе подклѣты; на верху чердаки, теплыя свѣтелки и холодные лѣтники, вышки и смотрильни, въ которыхъ подъ самою кровлей были прорублены на всѣ четыре стороны едва видныя окошечки. Крыши дѣлались обыкновенно въ два теса со „скалой“,* утверждались на застрѣлахъ и по большей части бывали съ „полицами“ то-есть съ небольшими переломами въ видѣ полокъ для предупрежденія сильнаго тока дождевой воды. Нѣсколько высокихъ крылецъ и едва видныхъ выходовъ окружали каждую стаю.

Двѣ, три, иногда до десяти стай съ разбросанными между ними избами обычной деревенской постройки, амбарами, погребами, житницами, съ стоявшими поодаль сараями, конюшнями и скотнымъ дворомъ, съ примыкавшими къ строенью огородами, съ однимъ или двумя кладбищами обносились особою изгородью или прясламі изъ дрючковаго лѣса. Это и составляло особую общину и называлось „обителью“.

Нѣсколько такихъ обителей составляли *скитъ*.

Стоявшія среди обителей деревянныя часовни, саженъ по

* Береста, рядъ которой кладутъ между двумя рядами теса, для прочности крыши, чтобы не такъ скоро гнила. Въ городахъ запрещено употреблять скалу на крыши въ предупрежденіе пожаровъ, но по деревнямъ за Волгой она и до сихъ поръ еще въ большомъ употребленіи.

пятнадцати въ длину, по десяти въ вышину, строились на одинъ ладъ: каждая составляла огромный четырехугольный, бревенчатый, не обшитый тесомъ домъ, съ окнами въ два ряда, подъ огромною крутою на два ската тесовою кровлей съ крестомъ вмѣсто конька и съ обширною папертью на которой возвышались небольшія колокольни, давно, впрочемъ, стоявшія безъ колоколовъ. Для призыва къ часовенной службѣ запрещенные колокола замѣнялись „билами“ и „клепалами“, то-есть повѣшенными на столбахъ досками, въ которыя колотили деревянными молотками. Въ обителяхъ не имѣвшихъ часовенъ внутри главной стаи устроивались обширныя моленныя. Это были тѣ же часовни, но, такъ-сказать, домашнія, стоявшія въ одной связи съ кельями.

Вотъ что извѣстно изъ скитскихъ преданій про начало скита Комаровскаго и про обитель матери Манефы.

Вскорѣ послѣ „Соловецкаго сидѣнья“ на Каменномъ Вражкѣ поселился пришлый изъ города Торжка богатый старообрядецъ по прозвищу Комаръ. По имени его и скитъ прозвали Комаровымъ. Сначала тутъ было четыре обители, но къ концу прошлаго столѣтія ихъ было уже до сорока, а жителей считалось до двухъ тысячъ.

Долгое время, около ста лѣтъ, Комаровскій скитъ на Каменномъ Вражкѣ былъ скитомъ незнаменитымъ. Въ годъ Московской чумы и зачала старообрядскихъ кладбищъ въ Москвѣ—Рогожскаго и Преображенскаго * зачалась слава скита Комаровскаго. Въ этомъ году пришли на Каменный Вражекъ Игнатій Потемкинъ, княжна Болховская, Іона Курносый и Манефа Старая.

Еще при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ Смоленскіе старообрядцы знатныхъ родовъ, Сергій Салтыковъ, Спиридонъ и Ефремъ Потемкины и многіе другіе переселились въ Черную Рамень, неподалеку отъ первоначальнаго скита Шарпанскаго, какъ о томъ было сказано. Въ послѣдствіи родственница Сергія, Анна Ивановна сдѣлалась императрицей, родственникъ Ефрема и Спиридона сдѣлался великомощнымъ княземъ Тавриды.... Во времена силы Салтыковыхъ, въ лѣсахъ заволжскихъ не оставалось родичей Сергія, но Потемкины живали въ Черной Рамени до дней Потемкина—Таврическаго. Тамъ, сказываютъ скитскія преданія, жилъ старецъ Игнатій изъ рода Потемки-

* 1771 годъ.

ныхъ, внукъ Спиридонова племянника. Былъ онъ смолоду на службѣ, воевалъ подъ начальствомъ Миниха съ Турками и Татарами и весь израненый удалился въ Черную Рамень „спасаться“, и будучи старообрядцемъ, постригся въ иноки, съ именемъ Игнатія. Когда родичь его князь Потемкинъ возвысился, Игнатій поѣхалъ къ нему въ Петербургъ, показалъ ему какія-то бумаги и „великолѣпный князь Таврицы“ призналъ раскольничьяго инока своимъ родственникомъ. Съ богатыми дарами щедраго фаворита воротился смиренный инокъ Игнатій въ лѣса заволжскіе, и на Каменномъ Вражкѣ, въ Комаровомъ скиту построилъ обитель, прозванную по его имени Игнатьевою. Въ послѣдствіи его мужская обитель не устояла; подобно другимъ и она сдѣлалась женскою.... До послѣдняго времени существованія скитовъ Керженскихъ и Черноаменскихъ хранилась ламять о томъ будто старецъ Игнатій Потемкинъ, представленный родичемъ своимъ императрицѣ Екатеринѣ, получилъ какія-то письма императрициной руки, на основаніи которыхъ нельзя будто бы было никогда уничтожить заведенной имъ обители. По поводу этихъ мнимыхъ писемъ была немалая молва во время уничтоженія скитовъ въ 1853 году.... У настоятельницы Игнатьевой обители матери Александры ихъ требовали, но она ничего не могла представить.

Одновременно съ Игнатіемъ Потемкинымъ поселилась въ Комаровѣ перезрѣлая старая дѣва княжна Болховская, основавшая обитель Боярскихъ, составленную первоначально изъ бѣдныхъ дворянокъ и изъ ихъ крѣпостныхъ женщинъ. На родовой, древняго письма образъ Спаса Нерукотвореннаго повѣсила въ своей обители княжна орденъ Александра Невскаго, принадлежавшій какому-то ея дядѣ.

Потемкинъ!... Княжна!... Обитель Боярская!... Александровскій орденъ!... Эти слова имѣли сильное обаяніе на старообрядцевъ.... Со всѣхъ сторонъ текли новые насельники, и еще болѣе новыя насельницы на Каменный Вражекъ. И съ тѣхъ поръ Комаровъ скитъ сталъ расти, прочимъ же скитамъ оставалось малитися.

Въ числѣ знаменитыхъ пришельцевъ былъ многоначитанный старецъ Іона по прозванью Курносый, пришедшій изъ Зауралья, съ заводовъ Демидовскихъ, ублажаемый и доселѣ старообрядцами за ревность по вѣрѣ, за писанія въ пользу старообрядства и за строгую жизнь. Имя его не осталось безслѣднымъ въ исторіи русскаго раскола. Этотъ Іона былъ однимъ изъ замѣ-

чательнѣйшихъ людей московскаго старообрядскаго собора 1779 года, утвердившаго „перемазываніе“ приходящихъ отъ великороссійской церкви. Его считаютъ праведнымъ. Въ давно запустѣлой и развалившейся обители Іониной, стоявшей рядомъ съ Игнатьевою еще цѣла его могила, осѣненная огромною елью.... „Іонина ель“—предметъ почитанія старообрядцевъ: ея стволъ чуть не весь изгрызенъ. Страдающіе зубною болью приходятъ сюда, молятся за умершаго или умершему и грызутъ растущее надъ его могилой дерево въ чаяніи изцѣленія. И вѣрующіе, какъ сказываютъ, изцѣлѣваютъ.

Тогда же пришла на Каменный Вражекъ Манефа Старая. Была она изъ купеческаго рода Осокиныхъ, богатыхъ купцовъ, имѣвшихъ суконную фабрику въ Казани и мѣдиллавильные заводы на отрогахъ Урала. Управляющіе Демидовскими заводами на Уралѣ были также ей свойственники.

Эти насельники возвысили Комаровскій скитъ предъ другими. Разнеслась о немъ слава по всѣмъ мѣстамъ, отъ Петербурга до Сибири и Кубани, и въ обители его отовсюду полились щедрыя даянія „благодѣтелей.“ Но самою богатою, самою знатною обителью стала обитель Манефы, отъ того что въ ней прочно основано было общежительство, строги были уставы общины и не видано не слыхано было про какоенибудь отъ нихъ отступленіе. По имени первой настоятельницы называлась она „Минефиною“ и своимъ благосостояніемъ обязана была ряду домовитыхъ, бережливыхъ, распорядительныхъ игуменій, слѣдовавшихъ одна за другой въ продолженіе цѣлаго почти столѣтія.

Но не одна домовитость, не одна бережливость были источниками богатствъ сколенныхъ въ Манефиной обители въ первые годы ея существованія. Манефа Старая и преемница ея Назарета обогащали свою обитель иными еще способами.

Шарташъ, Уктусъ и пустыни Висимскихъ лѣсовъ* были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Манефой Старой. Во время оно нерѣдко приходили оттуда на Каменный Вражекъ въ ея обитель возы съ сибирскими осетрами и съ коровьимъ масломъ. Потрошила тѣхъ осетровъ и перетапливала масло всегда сама Манефа Старая, а когда померла, преемница ея игу-

* Шарташъ и Уктусъ большіе скиты, поблизости Екатеринбурга. Висимскіе лѣса, гдѣ было много скитовъ—недалеко отъ Нижнетагильскаго завода.

менья Назарета. Хоть ни та ни другая объ алхиміи съ роду не слыхивали, но изъ осетровыхъ лотроховъ и изъ лодонковъ растопленнаго масла умѣли добывать по нѣсколько золотниковъ, а иногда и по фунту золота. Дѣломъ этимъ занимались онѣ въ подземельѣ, куда уходили черезъ тайникъ устроенный въ игуменьской стѣ.... Назарета была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда настали французскій годъ. Разказывали что въ ту страшную пору многіе купцы, бѣжавшіе изъ Москвы отъ непріятеля, привезли Назаретѣ довольно всякаго сокровища и всякой святыни, привезли будто они это добро на пятистахъ возахъ, и Назарета самое цѣнное спрятала въ таинственное подземелье, куда только передъ большими праздниками одна опускалась и пробывала тамъ по двое, по трое сутокъ. Всѣмъ было это на удивленье. Какъ ни пытались обительскія матери развѣдать тайну игуменьи, никто не могъ развѣдать. Какъ ее ни спрашивали, какъ у ней ни допытывались, молчитъ бывало строгая старица, отмалчивается богомольница, никому своей тайны не повѣдая. Много было зависти отъ того по другимъ обителямъ и по малымъ скитамъ. Пошла недобрая молва про матушку Назарету Комаровскую.... Въ своей-то обители толковали что она черезчуръ скупа, что у ней въ подземельѣ деньги зарыты, и она ходитъ туда предъ праздниками казну считать, а за стѣнами обители говорили что мать Назарета просто-на-просто залоемъ льетъ, и какъ на нее придетъ время, она съ боченочкомъ отправляется въ подземелье, и сидитъ тамъ покамѣсть не усидитъ боченокъ. Много и другихъ нехорошихъ сплетенъ плели про Назарету... Между тѣмъ Французы ушли изъ Москвы, купцы уѣхали изъ скита домой, но пожитки оставили у Назареты до лѣта, чтобы взять ихъ когда отстроятъ погорѣлые дома въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ Пасхи Назарета умерла и благословила быть въ обители настоятельницей племянницѣ своей Вѣрѣ Іевлевнѣ, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы она постриглась. Хоть и молода была Вѣра Іевлевна, тридцати лѣтъ тогда ей еще не было, но всѣ у одра умиравшей матери согласились быть подъ ея началомъ. Хотѣли тѣмъ угодить Назаретѣ, которую очень уважали, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то на умѣ у матерей было: уйдетъ Вѣра изъ обители, тетки богатства съ собою унесетъ, а останется, такъ и все съ ней въ обители останется.... Въ самый смертный часъ, подозвала мать Назарета Вѣру Іевлевну, велѣла ей вынуть изъ-подъ подуш-

ки ключъ отъ подземелья и взяла съ нея зарокъ съ страшнымъ заклятьемъ чтобы самой туда ходить, но другихъ до времени никого не пускать. „Тамъ найдешь бумагу, въ ней все написано“, сказала умирающая, и это были послѣднія слова ея.... Когда Вѣра, схоронивъ тетку, въ первый разъ спустилась въ подземелье, воротилась она отъ страха полумертвая, но потомъ однакоже чаще да чаще стала туда похаживать.... Зачали говорить ей матери: „Вѣра Іевлевна, не пора ли тебѣ, матушка, иночество принять, черную рясу надѣть, чтобы быть настоящею игуменьей по благословенію покойницы матушки.“ Но Вѣра Іевлевна недѣлю за недѣлей откладывала, и такъ прошло мѣсяца съ три.... И вдругъ случился такой соблазнъ какого не бывало въ скитахъ Керженскихъ и Черноременскихъ съ тѣхъ поръ какъ зачались они... Молодая настоятельница ушла въ подземелье и не возвращалась нѣсколько дней... Ждутъ, пождутъ ее, съ недѣлю времени прошло, вдругъ слышутъ что Вѣра повѣнчана въ Пучежѣ съ купеческимъ сыномъ Гудковымъ, и повѣнчана-то въ православной церкви.... Прямо изъ-подъ вѣнца Вѣра Іевлевна уѣхала съ мужемъ въ Москву... Выбрали матери новую настоятельницу, мать Екатерину, ту самую при которой матушка Манефа Чапурина въ обитель поступила. Когда Екатерина, нѣсколько дней погодя, вмѣстѣ со старшими матерями чрезъ тайникъ спустилась въ подземелье, тамъ кромѣ пустыхъ сундуковъ ничего не нашли... Въ углу подземелья дверь была отыскана, отворили ее, а тамъ ходъ. Пошли тѣмъ ходомъ: шли, шли и вышли въ лѣсъ, на самое дно Каменнаго Вражка... Матери перепугались, еще исправникъ, молъ, узнаетъ, бѣда тогда; зарыли и ходъ, и подземелье. И только-что кончили онѣ это дѣло, какъ на другой же день, Богъ знаетъ отъ чего, загорѣлась келья матери Назареты, и цѣлая стая до тла сгорѣла... Пріѣхали купцы изъ Москвы за своимъ добромъ. Что въ обительскихъ кладовыхъ было спрятано, получили обратно, но золото, серебро, жемчуги и другія драгоцѣнныя вещи такъ и пропали. За то мужъ Вѣры Іевлевны переѣхалъ въ Петербургъ, богачомъ сдѣлался... коммерціи совѣтникъ, въ орденахъ весь, знатные люди у него обѣдали.... Однакожъ чужое добро въ прокъ нейдетъ: саломъ на биржѣ большія дѣла сталъ дѣлать, да разъ такъ прогорѣлъ что самъ умеръ въ недостаткахъ, а дѣти чуть не по міру ходили.

Темная исторія Вѣры Іевлевны не повредила однако Ма-

нефиной обители. Мать Екатерина, умная и строгая женщина, съумѣла поддержать былую ея славу. Ни съ Москвой, ни съ Казанью, ни съ уральскими заводами связи не были порваны. Правда, къ матери Екатеринѣ не привозили осетровъ и масла съ золотомъ, а изъ Москвы именитые купцы перестали наѣзжать за добытымъ въ скитскомъ подземельѣ песочкомъ, но подаянія не оскудѣли, потому что новая игуменья умѣла ладить съ нужными людьми.

Мать Манефа была вся въ свою предшественницу Екатерину. Обитель процвѣла при ней.

Эта обитель, какъ сказано, считалась лучшей во всемъ Комаровѣ. Середи ея на широкой полянѣ, поросшей луговиной, возвышалась почернѣвшая отъ долгихъ годовъ часовня, съ темною, поросшею бѣлесоватымъ мхомъ кровлей. До трехъ тысячъ иконъ мѣстныхъ, среднихъ и штилистовыхъ стояли въ большомъ и двухъ малыхъ придѣльныхъ иконостасахъ, а также на полкахъ по всѣмъ стѣнамъ часовни. Въ серединѣ большаго лятияруснаго иконостаса, поставленнаго у задней стѣны на возвышенной солеѣ, находились древнія царскія двери замѣчательной рѣзьбы, по сторонамъ ихъ стояли мѣстныя иконы въ серебряныхъ ризахъ съ подвѣшенными пеленами, парчевыми или бархатными расшитыми золотомъ, украшенными жемчугомъ и серебряными дробницами. * Предъ ними поставлены были огромные серебряные подсвѣчники съ лудовыми свѣчами. Великолѣпный деисусъ съ ликами апостоловъ, пророковъ и праотцевъ возвышался на тяблѣ старинной искусной рѣзьбы вызолоченной черезъ огонь. Съ потолка спускалось нѣсколько паникадилъ съ прорѣзными золочеными яблоками, съ серебряными перьями, съ рѣпьями и витыми усами. Малые образа древней иконописи разставленные по полкамъ были украшены ризами обоннаго, сканнаго и басменнаго дѣла съ жемчужными цатами и рясами. ** Тутъ были иконы

* *Дробница*, металлическая бляха съ священными изображеніями, служила въ старину украшеніемъ богослужебныхъ облаченій, пеленъ, образныхъ окладовъ, архіерейскихъ шапокъ и пр.

** *Обоннымъ дѣломъ* называлось въ старину такое металлическое производство какой-либо утвари когда посредствомъ глубокой рѣзьбы получались выпуклыя рельефныя изображенія. *Сканное* или филиграмовое дѣло объясняется самымъ названіемъ отъ слова „скать“, то-есть сучить, „сканье“—сученье, „сканный“—сученый. Въ сканномъ дѣлѣ обыкновенно свивали, или скручивали вмѣстѣ

новгородскаго лошиба, иконы строгановскихъ писемъ перваго и втораго, иконы фряжской работы царскихъ кормовыхъ зографовъ Симона Ушакова, Николы Павловца и другихъ. Все это когда-то хранилось въ старыхъ церквахъ и монастыряхъ или составляло завѣтную родовую святыню знатныхъ людей долетровскаго времени. Доброхотные датели и невѣжественные настоятели, ревнуя не по разуму о благолѣпіи дома Божія, замѣняли въ своихъ церквахъ драгоцѣнную старину живописными иконами и утварью въ такъ-называемомъ новомъ вкусѣ. Налудренные внуки бородатыхъ бояръ сбывали лежавшее въ ихъ кладовыхъ дѣдовское благословеніе, какъ ненужный хламъ, чтобы на вырученныя деньги накупить севрскаго фарфора, парижскихъ гобеленовъ, рѣдкостныхъ табакерокъ и породистыхъ рысаковъ или растранжирить ихъ съ заморскими любовницами. Старообрядцы, не жалѣя денегъ, спасали отъ истребленія неоцѣненныя сокровища родной старины, собирали ихъ въ свои домы и часовни. Не мало такихъ сокровищъ хранилось въ обители матушки Манефы. Были тутъ и комнатныя иконы старыхъ царей, и наслѣдственныя святыни знатныхъ долетровскихъ родовъ, и драгоцѣнныя рукописи, и всякаго рода древняя церковная и домашняя утварь.

Вокругъ часовни расположены были обительскія стаи. Та что стояла прямо противъ часовенной палерти была выше и обширнѣй другихъ. Здѣсь жила сама игуменья со своими палерницами. Изъ этой стаи выдавалась впередъ большая пятистѣнная * ея келья, съ пятью окнами по лицу и по два на каждой боковой стѣнѣ. Съ одной стороны въ келью вело высокое, широкое крыльцо подъ навѣсомъ, съ другой былъ

двѣ металлическія проволоки, изъ чего потомъ и составляли различные узоры въ сѣтку. Сканнымъ дѣломъ называлась вообще всякая сквозная сѣтчатая работа. Сканное дѣло—самая изящная работа изъ всѣхъ старинныхъ металлическихъ работъ. *Басменнымъ дѣломъ* называлась выбивка фигуръ и узоровъ на тонкихъ плющенныхъ металлическихъ листахъ (Забѣлина, *Металлическое производство въ Россіи до XVII вѣка*). *Цата*, полукруглая или сердцеобразная металлическая подвѣска у иконъ подъ ликомъ, прикрѣпленная къ краямъ вѣнца. *Рясно*, ожерелье или подвѣски, поднизи.

* Пятистѣнною избой, пятистѣнкымъ домомъ зовутъ строеніе состоящее изъ двухъ срубовъ, въ которомъ четыре стѣны по бокамъ, пятая внутри.

маленькій выходъ изъ подклѣта. Надъ самой игуменьиной кельей возвышалась свѣтлица въ видѣ теремка, съ двумя окнами убранными вокругъ рѣзнымъ узорочьемъ. Здѣсь въ лѣтнее время живали племянницы матушки Манефы, когда воспитывались въ обители.

По другую сторону часовни стоялъ небольшой новенькій деревянный домикъ, вовсе не похожій на скитскіе. Онъ былъ строенъ по-городскому. Пять большихъ оконъ этого домика съ бемскими стеклами и блестящимъ мѣднымъ приборомъ весело глядѣли на сумрачную обитель. Сквозь стекла виднѣлись шелковыя занавѣски съ аграмантомъ, клѣтки съ канарейками и горшки съ цвѣтами. Домикъ былъ обшитъ тесомъ, выкрашеннымъ въ дикую краску, а крыша была желѣзная ярко зеленаго цвѣта. Предъ окнами невысокимъ рѣшетчатымъ заборомъ огороженъ былъ палисадникъ, занесенный теперь сугробомъ, изъ котораго поднималось десятка полтора обверченыхъ въ кошмы и рогожи молодыхъ деревьевъ. Въ этомъ уютномъ домикѣ жила тридцатилѣтняя бездѣтная вдова изъ богатаго купеческаго дома, Марья Гавриловна Масляникова. Овдовѣвъ, поселилась она въ Манефиной обители, не поступая въ общежительство. Домъ построила на свой счетъ, и вотъ ужъ другой годъ жила въ немъ своимъ хозяйствомъ. Ее всѣ любили, уважали за строгую жизнь и доброту, а еще больше, можетъ-быть, за ея богатство.

Неподалеку отъ игуменьиной стаи стояла обширная, почернѣвшая отъ времени изба, на высокомъ подклѣтѣ, но безъ свѣтлицъ и ловалушъ. Это такъ-называемая „келарня.“ Тутъ была общая обительская трапеза, стряпущая и кладовая съ разными запасами. Рядомъ съ келарней находились погреба. Въ трапезѣ съ темными бревенчатыми стѣнами, на которыхъ по мѣстамъ разставлены были иконы съ горѣвшими предъ ними лампадами, отъ входа до самыхъ почти переднихъ оконъ въ три ряда поставлены были длинные столы, а вокругъ нихъ скамьи. Здѣсь не только могли обѣдать всѣ жительницы Манефиной обители, а было ихъ до сотни, но доставало мѣста и постороннимъ, приходившимъ изъ деревень на богомолье или просто погостить у гостепріимныхъ матерей и послаще поѣсть за иноческою трапезой. Въ переднемъ концѣ середняго стола стояли старинныя кресла, обитыя побурѣвшею отъ времени бывшею когда-то черною кожей съ мѣдными гвоздиками. Передъ креслами

на столѣ стояла кандія* съ крестомъ на верхушкѣ. Въ переднемъ углу келарни, подъ кіотомъ съ иконами, лежало нѣсколько книгъ въ старыхъ черныхъ переплетахъ, стояли кацея и ладонница.** Предъ образами поставленъ былъ складной кожаный налой, за которымъ во время трапезы читали положенное обительскимъ уставомъ на тотъ день поученіе или житіе святаго ламять котораго въ тотъ день праздновалась.

Келарня, кромѣ общей столовой, служила и сборнымъ мѣстомъ жительницъ обители. Сюда сходились старшія матери на соборы для совѣщаній о хозяйственныхъ дѣлахъ, для раздачи по рукамъ денежной милостыни присылаемой благодѣтелями, здѣсь на общемъ сходѣ игуменья съ казначеей учитывала сборщицъ и каноничицъ возвращавшихся изъ поѣздокъ, сюда сбѣгались урвавшіяся отъ „трудовъ“ бѣлицы поболтать промежь себя, здѣсь же бывали по зимнимъ вечерамъ и такъ-называемыя „супрядки“. Съ гребнями, съ прялками, съ пяльцами, съ разнымъ шитьемъ и всякимъ инымъ рукодѣльемъ собирались сюда послѣ вечерень бѣлицы и инокини которыя помоложе и работали вмѣстѣ вплоть до ужина подъ надзоромъ матушки-келаря. На супрядки иногда прихаживали дѣвицы и изъ другихъ обителей. Поэтому обители обыкновенно чередовались между собой: въ одну сбирались по понедѣльникамъ, въ другую по вторникамъ, и такъ далѣе, кромѣ субботы и тѣхъ праздничныхъ дней въ которые по вечерамъ не работали. Въ келарнѣ матушки Манефы супрядки бывали по четвергамъ.

III.

Въ одинъ изъ такихъ четвергов, незадолго предъ Масляницей, бѣлицъ до двадцати собралось въ келарнѣ Манефиной обители. Тутъ были и свои, и гостьи отъ Боярскихъ, отъ

* *Кандія*—мѣдная чашка служащая въ монастырскихъ трапезахъ колокольчикомъ. Звономъ ея назначаютъ начало и конецъ трапезы, перемѣну блюдъ и пр. Въ нее ударяетъ старшее лицо присутствующее за трапезой.

** *Кацея* или ручная кадильница — родъ жаровенки съ крестомъ на крышкѣ и длинною рукояткой. Она дѣлается изъ двухъ чашъ соединяющихся у рукоятки посредствомъ вертлюга. *Ладонница* — металлическая коробка на ножкахъ съ шатровою крышечкой. Въ ней хранится ладонъ.

Жженыхъ и изъ другихъ обителей. Рядами сидѣли онѣ по скамьямъ. Однѣ работали, кто за пяльцами, кто за кружевною подушкой, а кто и за гребнемъ, другія, отложивъ работу къ сторонкѣ, весело пересмѣивались съ подругами. Маленькая, юркая старушка, съ выразительными черными глазами, со слѣдами былой красоты, бродила взадъ и впередъ по келарнѣ и напрасно старалась унять разболтавшихся не въ мѣру бѣлицъ отъ ихъ веселыхъ криковъ и хохота. Это была мать Виринея, келарь обители. Какъ ни хотѣлось старушкѣ положить конецъ „мірской“, „грѣховной“ бесѣдѣ, какъ ни хлопотала она ходя вокругъ молодыхъ дѣвушекъ, все было напрасно. Никто и слушать ея не хотѣлъ. Мать Виринея не скупилась ни на брань, ни на угрозы, но дѣвицамъ все это было какъ къ стѣнѣ горохъ. Онѣ знали что добродушная, любящая всѣхъ и каждаго мать Виринея поворчитъ, поворчитъ, да тѣмъ и кончитъ дѣло.

— Искушеніе съ вами, дѣвицы, да и только, бранилась она.— Эти ваши бесѣды, эти ваши сулрядки—просто наказанье Господне. Чѣмъ бы изъ Пролога что почитать, аль пѣсню духовную слѣть, у васъ только смѣшки да баловство на умѣ. Этакія вы непутныя, этакія безстыжія!... Погоди, погоди вотъ, пріѣдетъ матушка, все ей доложу, все доложу, безстыдницы вы этакія!... Слышь, говорю, замолчите!... Оглохли что ль? крикнула она наконецъ, топнувъ ногой.

Дѣвицы смолкли, но шушуканье вполголоса не прекращалось.

— Завтра что? Завтра какого святаго-то? спросила мать Виринея, дергая за рукавъ бѣлицу Евдокеюшку, племянницу свою, жившую съ ней въ келарнѣ.

— Преподобнаго отца нашего Ефрема Сирина, глухо отвѣчала молчаливая и всегда, на общемъ даже весельѣ, нѣсколько сумрачная Евдокеюшка.

— Такъ. Ефрема Сирина, продолжала мать Виринея. — А знаете ли вы, сранницы, что это за святой, знаете ли что на память его дѣлать должно?

— Домоваго закармливать, бойко отвѣчала красивая, пышущая здоровьемъ и силой Марьюшка, головщица праваго клироса, послѣ Фленушки первая баловница всей обители. На рукахъ ее носили и старыя матери и молодыя бѣлицы за чудный голосъ, подобнаго которому не было по всѣмъ скитамъ Керженскимъ и Чернораменскимъ.

Дѣвицы на слова Марьюшки такъ и покатились со смѣху.

— Что-о-о?.... что ты сказала?... закричала, быстро подойдя къ ней, мать Виринея.

— На Ефрема Сирина молъ у насъ по деревнямъ домоваго закармливаютъ, каши ему на загнетокъ кладутъ, чтобы добръ во весь годъ былъ, отвѣчала Марья, смѣясь и зорко глядя въ глаза старушкѣ.

Дѣвицы захохотали луще прежняго.

— А вотъ я тебя за такія слова на поклоны поставлю, закричала мать Виринея, — да недѣли двѣ опричь черствой корки ты у меня въ келарнѣ ничего не увидишь!... Во святой обители про идольскія басни смѣетъ говорить!... А!... Вотъ постой ты у меня, непутная, погоди, дай только матушкѣ Манефѣ пріѣхать.... Ужь посидишь ты у нея въ темномъ чуланѣ, ужь посидишь!... Все скажу, все....

— Ну и посижу, бойко отвѣчала Марья.—Эка бѣда!... А кто тогда на крылосѣ запѣвы будетъ запѣвать? Ты что ли козьимъ своимъ голосомъ?...

— А вотъ я гребень-то изъ донца выну, да какъ бока-то тебѣ наломаю, такъ ты у меня не то что козой, коровой заревешь... Съ глазъ моихъ долой, безстыжая!... Чтобы духомъ твоимъ у меня въ келарнѣ не пахло!... Чтобы глаза мои на тебя, безстыжую дѣвчонку, не глядѣли!...

— Ну, и пойду, смѣясь отвѣчала Марья, накидывая на голову большой ковровый платокъ. Ну и пойду... Благодаримъ покорно за угощенье, матушка Виринея, низко поклонившись прибавила она и припрыгивая побѣжала къ двери.

— Постой, постой, Марьюшка, погоди, не уходи, ласково заговорила въ слѣдъ уходившей добродушная Виринея. — Ну полно дурить, дѣвка, образумься... Ахъ ты озорная этакая!... Гляди-ка ты!... Ну клади поклоны — простимся.

— Аль ужь въ самомъ дѣлѣ попрощаться съ матушкой-то? смѣясь сказала обращаясь къ подругамъ веселая головщица, и вдругъ принявъ степенный видъ, стала предъ образами класть земные поклоны, творя вполголоса обычную молитву прощенія. Кончивъ ее, Марьюшка обратилась къ матушкѣ Виринеѣ, чинно сотворила предъ нею два уставныя метанія, проговоривши вполголоса:

— Матушка, прости меня грѣшную, въ чемъ предъ тобой согрѣшила.... Матушка, благослови.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, чинно отвѣчала матушка Виринея.

Налускнаго гнѣва какъ не бывало на лицѣ мягкосердой старушки. Добродушно положивъ одну руку на плечо озорной головщицѣ, а другою поглаживая ее по головѣ, кротко, ласкающимъ и даже заискивающимъ нѣсколько голосомъ она спросила ее:

— Ну скажи же, Марьюшка, скажи моя голубушка, потѣшь меня, скажи про святаго отца нашего Ефрема Сирина. Чѣмъ онъ Господу угодилъ?... А?... Скажи моя дѣвонька, скажи, умница.

— Святыя книги писалъ, магушка, о пустынномъ житіи, объ антихристѣ, о послѣднихъ временахъ, скромно опустивъ глаза отвѣчала шаловливая головщица.

— То-то, дѣва, вздохнувъ, сказала мать Виринея, и сѣвъ на скамью, склонила щеку на руку.—То-то, родная моя, о пустынномъ житіи писалъ преподобный Ефремъ, какъ въ послѣдніе дни отъ антихриста станутъ люди бѣгать въ дебри и пустыни, прятаться въ вертепы и пропасти земныя. Про наше время, дѣвонька, про насъ, писалъ преподобный. Хотя мы и на каждый часъ грѣшимъ предъ Господомъ, хоть и нѣтъ на свѣтѣ грѣшниковъ паче насъ, но по вѣрѣ мы чисты и непорочны, а по держимому нами благочестію нѣтъ на всемъ свѣтѣ первѣе насъ.... За вѣру и благочестіе чаемъ и грѣховъ отпущенія и вѣчныя жизни въ селеніяхъ праведныхъ... Вѣдь и мы, бѣгая свѣтей антихристовыхъ, зашли въ сіи лѣса и пустыни, все какъ есть по слову преподобнаго Ефрема. Потому и надо намъ почитать святую его память.... Такъ-то, дѣвоньки, такъ-то, разумницы!... Вотъ вы и почитали бы отъ книгъ преподобнаго Ефрема Сирина, а я бы старуха послушала.... Подай-ка мнѣ мочку, Евдокеюшка, примолвила мать Виринея, обращаясь къ племянницѣ и садясь за гребень.

— Такъ-то, мои ластовицы, продолжала она, быстро вертя веретено, такъ-то разумницы. — Чѣмъ смѣхотворничать да празднословить, вы бы о душахъ-то своихъ подумали.... О грѣхахъ надо о своихъ помышлять, дѣвушки, сердцемъ къ молитвѣ горѣть, да свѣтей вражескихъ беречься. А вамъ все смѣшки да шутки. Не хорошо это, голубушки вы мои, больно не хорошо. Такъ не живутъ во святыхъ обителяхъ. Того развѣ не знаете что смѣхъ наводитъ на грѣхъ? Отъ малаго небреженія въ великія грѣхопаденія не токмо мы грѣшницы, но и великіе подвижники, строгіе постники, святые праведные частехонько впадали.... О, о, охъ, охъ, охъ!... Грѣхи наши, грѣхи тяжкіе!... А вы, дѣвушки, не забывъ Бога живите, не

буянно постулайте.... Да ты, Устинья, что это выдумала?... Олять хохотать!... Въ Москвѣ что ли научилась? Смотри ты у меня!

— Да я ничего, матушка, молвила едва сдерживая смѣхъ молоденькая каноничица, только-что воротившаяся изъ Москвы, гдѣ цѣлый годъ читала у богатыхъ купцовъ „негасимую“ по покойникамъ, да учила по Часослову хозяйскихъ ребятишекъ.

— То-то ничего! Сама грѣшишь да и другихъ на грѣхъ наводишь... Охъ, дѣвоньки, дѣвоньки, что-то глазыньки у меня слипаются, прибавила мать Виринея, кладя веретено и зѣвая,— хоть спѣли бы что-нибудь, а то скучно что-то.

— Мы тотчасъ, матушка, лукаво подхватила Марья головщица и переглянувшись съ подругами, начала съ ними:

Не свивайся, не свивайся трава съ повеликой,
Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей,
Хорошо было свыкаться, тошно разставаться.

— Ахъ, искушеніе!.... Ахъ вы, безлутныя!.... Очумѣли аль съ ума спятили? въ источный голосъ кричала мать Виринея, стуча изо всей силы кленовымъ гребнемъ по столу.— Да перестаньте же безстыжія, перестаньте нелутныя! Сейчасъ у меня перестаньте, не то возьму кочергу да всѣхъ изъ келарни вонъ.

Насилу-насилу добилась старушка чтобы пѣсня смолкла. За то шутливая болтовня и веселый хохотъ поднялись луще прежняго. Дѣвицы повскакали изъ-за работы, и пошла у нихъ промежь себя такая возня что хоть святыхъ вонъ нести такъ въ ту же пору.

Усталая мать Виринея, задыхаясь, сѣла на лавку и въ безсиліи опустила руки на колѣня.

— Ахъ вы безстыжія! ворчала она въ изнеможеніи. — Ахъ вы, разбойницы этакія! Уморили вы меня, старуху..... Ну какъ услышитъ Марья Гавриловна, что тогда будетъ?.... Что она про васъ подумаетъ?.... А?.... Погодите же вы у меня, дайте срокъ: все матушкѣ Манефѣ скажу, все, все.... Задастъ она вамъ, нелутныя!.... Заморитъ на поклонахъ да въ темныхъ чуланахъ....

Нашалившись до сыта, усталыя дѣвицы, черезъ силу переводя духъ, разсѣлись наконецъ по лавкамъ, кто гдѣ попало. Стали приставать къ матери Виринеѣ.

— Ну, матушка, не сердись! Преложи гнѣвъ на милость!.... М

вѣдь только маленько.... Прости Христа ради.... Да пожалуста матушка.... Мы тебѣ хорошую пѣсню споемъ, духовную, говорили дѣвицы перебивая другъ дружку и ласкаясь къ матери Виринеѣ.

— Ахъ вы злодѣйки, злодѣйки!... Совсѣмъ измучили вы меня.... Бога вы не боитесь. Совѣсти-то видно нѣтъ у васъ въ глазахъ.... Что вы деревенскія что ли, мірскія?... Ахъ вы грѣховодницы, грѣховодницы!...

Голосъ Виринеи становился все мягче и мягче, не прошло и трехъ-четырехъ минутъ, какъ она уже обычнымъ добродушнымъ своимъ голосомъ говорила пристававшимъ къ ней дѣвицамъ.

— Ну, полно же, полно.... Ну Богъ проститъ.... Слойте же хорошее что-нибудь. Живете въ обители, грѣхъ бѣса-то тѣшить безстудными пѣснями.

Головщица Марья сильнымъ грудным голосомъ завела унылую скитскую пѣсню. Прочія бѣлицы дружно покрыли ее хоромъ:

Воззримте мы людіе на сосновы гробы,
На наши превѣчные домы.
О житіе наше маловременное!
О слава, богатство суетное!
И слезы убожества, и гордость завистная
На семъ вольномъ свѣтѣ все минетъ.

Богъ намъ даетъ много, а намъ то все мало,
Не можемъ мы, людіе, ничѣмъ ся наполнить!
И ляжемъ мы въ гробы, прижемъ руки къ сердцу,
Души наши пóйдутъ по дѣламъ своимъ,
Кости наши пóйдутъ землѣ на предавіе,
Тѣлеса наши пóйдутъ червямъ на съѣденіе,
А богатство, гордость, слава куда пойдутъ?

Покинемъ же гордость,
Возлюбимъ мы кротость,
За всѣхъ потрудимся,
И тѣмъ себѣ купимъ
Небесное царство.

Стихли уныло-величавые звуки пѣсни о смертномъ часѣ, и дума какъ хмарой подернула веселыя до того лица. Никто ни одного слова. Мать Виринея, облокотясь руками и закрывъ лицо, сидѣла у края стола. Только и слышна была неустанная, однообразная пѣсня сверчка, пріютившагося за келарскою печкой.

— Спаси васъ Господи, родненькія! подымая голову, дрожащимъ сквозь слезы голосомъ сказала мать Виринея. — Ну вотъ такъ и хорошо, вотъ такъ и прекрасно... Теперь и ангелы Божіи прилетѣли на нашу бесѣду, да глядя на васъ радуются... А то все у васъ скоки да горки. Не хорошо, дѣвушки... Какъ дымъ отгоняетъ пчелы, такъ злыя безчинныя бесѣды и безстудныя пѣсни отгоняютъ ангеловъ Божіихъ. Отходящимъ же имъ приходитъ темный бѣсъ и сѣетъ злосмрадный дымъ свой посредѣ бесѣдующихъ. Слышанія же чтенія и пѣсенъ духовныхъ врагъ стерпѣти не можетъ, и далече бѣжитъ отъ бесѣдъ благочестивыхъ. Такъ-то, дѣвоньки!... Нуте-ка, спойте еще, красавицы утѣшьте меня старуху.... Зачинай, Марьюшка!

Началась новая пѣсня:

Ахъ, увы, бѣда,
Приходитъ чреда,
Не вѣмъ когда
Отсель возьмутъ, куда...
Боюся страшнаго суда
И гдѣ явлюся я тогда?...

Плоть-то моя немощна,
А душа вельми грѣшна,
Ты же, смерте, безобразна и страшна!...

Образомъ своимъ страшишь,
Скоро ты ко мнѣ спѣшишь,
Скрыты твои трубы и коса,
Ходишь всюду нага и боса.

О, смерте! Нѣтъ отъ тя обороны
И у царей отъемлешь ты короны,
Со архіереи и вельможи не медлишь,
Даровъ и посуловъ не пріемлешь;
Скоро и мою ты хощешь душу взяти
И на страшный судъ Богу отдати.

О лютѣ въ тотъ часъ и горцѣ возопію,
Когда воззрю на грознаго Судію.

Матушка Виринея пришла въ глубокое умиленіе. Ея лицо, всегда выражавшее душевную простоту и прямоту, теперь сіяло внутреннимъ ощущеніемъ сладостной жалости, смиренія и сокрушенія.

— Касатушки вы мои, милыя вы мои дѣвчурочки!... тихонько говорила она довѣрчиво и любовно окружавшимъ ее дѣ-

вицамъ, — живите-ка вы, голубушки, по-божески, а пуще всего, никого не обидьте, ссоръ да свары ни съ кѣмъ не заводите, всякому человѣку добро творите—не страшенъ тогда будетъ вамъ часъ смертный, потому что любовь всѣ грѣхи покрываетъ.

Въ порывѣ добраго, хорошаго чувства, дѣвицы ласкались къ доброй матери Виринеѣ. Озорная Марьюшка прильнула губами къ ея морщинистой рукѣ и кропила ее слезами.

Рѣзкій скрипъ полозьевъ послышался у окна.

Всѣ подняли головы и стали оглядываться.

— Взглянь-ка, Евдокеюшка, молвила мать Виринея. — Кого это Богъ принесъ? Ужь не исправникъ ли, кой грѣхъ?

Евдокеюшка, накинувъ шубейку на голову, вышла изъ келарни и тотчасъ же воротилась.

— Матушка пріѣхала! вскрикнула она.

— Ну слава Богу! Насилу-то, сказала мать Виринея, вставая со скамьи.—Идти-было къ ней. Здорова ли-то она?

Дѣвицы послѣшно стали разбирать свои рукодѣлья и скоро одна за другой разошлись. Въ келарнѣ осталась одна Евдокеюшка и стала разставлять по столамъ чашки и блюда для подоспѣвшаго ужина.

IV.

Въ игуменской кельѣ за перегородкой мать Манефа сидѣла на теплой изразцовой лежанкѣ и медленно развязывала и снимала съ себя платки и платочки, наверченные на ея шею. Рядомъ, заложивъ руки за спину и грѣя ладони о жарко натопленную печь, стояла келерша ея, Фленушка, и потопывала о полъ озябшими ногами. Предъ игуменьей съ радостными лицами стояли мать Софія, ходившая у нея въ ключахъ и жившая съ нею въ одной кельѣ, да мать Виринея, прежде другихъ матерей прибѣжавшая въ своей заячьей шубейкѣ въ накидку чтобы согрѣтить пріѣхавшую мать настоятельницу. Дверь въ келью то-и-дѣло отворялась, и морозный воздухъ клубами бѣлаго пара каждый разъ врывался въ жарко натопленную келью. Здоровенная Анафролія, воротившаяся съ игуменьей, и еще двѣ келейныя работницы, Минодора да Наталья, втаскивали ложитки пріѣхавшихъ, а вмѣстѣ съ ними узлы, мѣшки, кадочки, ставешки съ гостинцами Патапа Максимовича и его домочадцевъ. Одна за другою входили старшія обительскія матери здороваться съ игуменьей: пришла казначея, мать Та-

ифа, пришла уставщица, мать Аркадія, пришли большаго образа соборныя старицы, мать Никанора, мать Филарета, мать Евсталія. Каждая изъ нихъ при входѣ молилась иконамъ, прощалась и благословлялась у игуменьи, спрашивала объ ея здоровьѣ, и о спасеніи—все по чину, по уставу.... Вскорѣ боковушка за перегородкой наполнилась собравшимися старицами.

— Да скоро ль вы перенóсите? хлопотала мать Виринея около Анафроліи и келейныхъ работницъ.—Совсѣмъ келью-то выстудили. Матушка и безъ того съ дороги иззябла, а вы еще тутъ валандаетесь.... Иное бы что и въ сѣняхъ покинули.

— Истоплено хорошо, вступилась мать Софія. — Предъ вечерней только печи-то скутаны, боюсь развѣ только что не угарно ли.

— Угару, кажись, нѣтъ, замѣтила мать Виринея,—а ты бы, матушка Софія, чайку поскорѣе собрала. Самоварчикъ-то у тебя поставленъ что ли?

— Какъ не поставленъ? отвѣчала мать Софія, — поди, чай, скоро закипитъ.

И выйдя въ сѣни, сама притащила въ келью шипящій „самоварчикъ“ ведра въ полтора....

— Ну какъ вы, матушка, время проводили? Все ли по добру, по здорову? сладенькимъ заискивающимъ голосомъ спрашивала казначея мать Таифа едва отогрѣвшуюся на горячей лежанкѣ игуменью.

— Не больно крѣпко здоровилось, отвѣчала разбитымъ голосомъ мать Манефа.

— Что жь такъ, матушка? спросила мать Таифа.—Чѣмъ недомогали? Поясница что ли опять?

— Головушку всю разломило. Извѣстно: мірское дѣло—суета, содомъ съ утра до ночи, говорила мать Манефа.

— Много, чай, гостей-то поналѣхало на именины? спросила уставщица мать Аркадія.

— Было довольно всякихъ гостей, сухо отвѣтила мать Манефа.

— Изъ городу поди наѣхали? Купцы были? спросила мать Никанора.

— И изъ городу были, и изъ деревни были, и купцы были: всякіе были. Да ну ихъ—Господь съ ними. Вы-то какъ безъ меня ложивали? спросила мать Манефа.

— Благодареніе Господу. За вашими святыми молитвами все, кажется, было хорошо и спокойно, сказала уставщица

Аркадія.—Службу каждодневно справляли какъ слѣдуетъ. На преподобную Ксенію, по твоему приказу, матушка, утреннее бдѣніе стояли съ поліелеемъ. Канонъ пѣли преподобнымъ общій на два лика съ катавасіями.

— Съ котораго часу службу-то зачинали? спросила игуменья.

— Въ два часа за полночь велѣла я въ било-то ударить, отвѣчала мать Аркадія.—Ну, когда собрались, когда что—въ половинѣ чай третьяго пѣніе зачали. А пѣли, матушка, утреню по Минеи. У мѣстныхъ образовъ новые налѣпы горѣли что къ Рожеству ставлены, ладанки кадила черезъ свѣчу зажигали.

— А на трапезѣ, подхватила мать Ириней,—ставлено было четыре яствы: капуста съ осетриной да съ бѣлужиной, да щи съ головизной, да къ нимъ пироги съ вязигой да съ семгой, что отъ Филатовыхъ прислана была еще до вашего, матушка, отъѣзда, да еще лещи были жареные, да пшенники съ молокомъ. Браги и квасу сыченаго на трапезу тоже ставили. А на вечери три яствы горячихъ подавали.

— А трудники въ тотъ день не дѣлали, прибавила казначея мать Таифа.

— А на утріе на Григорія Богослова, тоже съ поліелеемъ служба была, икону святителя, строгановскаго письма, на поклонъ ставили, докладывала уставщица.

— Ну, Богъ васъ спасетъ, матери, поклонясь молвила игуменья.—Добро что порядокъ блюли и службу Божію справляли какъ слѣдуетъ. А что, Марья Гавриловна, здорова ли? освѣдомилась мать Манефа.

— Здорова, матушка, слава Богу, отвѣчала Таифа. —Каждый день въ часовнѣ у службъ бывала и у часовъ, и къ повечерію. Ну къ утренѣ-то лѣнивенька вставать, развѣ только что въ праздники.

— Это ея дѣло, строго замѣтила мать Манефа.—А ты бывала ли у ней въ дому-то?

— Какъ же, матушка, раза три почитай была, отвѣчала казначея,—да вотъ и мать Аркадія тоже захаживала къ ней, а Марьюшку такъ почти каждый день Марья Гавриловна къ себѣ призывала.

— Не слыхали ли чего, не гнѣвается ли она на Патала Максимыча? спросила обращаясь ко всѣмъ мать Манефа.—Такой грѣхъ случился, за хлопотами за своими совсѣмъ поза-

былъ къ ней письмо отписать, въ гости ее позвать.... Ужъ такъ онъ кручинится, такъ кручинится....

— Нѣтъ, матушка, кажись ничего, не замѣтно чтобы гнѣвалась на кого Марья Гавриловна, сказала мать Таифа.

Аркадія подтвердила слова казначеи.

— Нѣтъ, матушка, какой у ней гнѣвъ! подхватила Марья головщица.—Сколько разъ она со мной и Настенькy съ Парашей, и Патала Максимыча поминала, и все таково любовно, да пріятно.

— Надо будетъ завтра сходить къ ней послѣ часовъ, повидаться, да гостинцы снести, озабоченно говорила мать Манефа.—А вамъ, матери и дѣвицы, Аксинья Захаровна тоже гостинцевъ прислала, за то что хорошо ея ангелу праздновали, по рублю на сестру пожаловала, опричь иного прочаго. Завтра, мать Таифа, прибавила она, обращаясь къ казначеѣ,— возы придутъ. Прими все по росписи.... Фленушка, у тебя никакъ роспись-то?

Фленушка порылась въ дорожномъ мѣшкѣ и, вынувъ оттуда сложенный начетверо листъ бумаги, подала его матери Манефѣ.

— Читай-ка, мать Таифа, сказала игуменья, подавая казначеѣ роспись.—Благо всѣ почти матери здѣсь въ сборѣ, читай чтобы всѣмъ было вѣдомо какое нашей святой обители приношеніе сдѣлано.

Мать Таифа, съ трудомъ разбирая скоропись, медленно стала читать роспись:

„Рыбы осетрины свѣжей шесть пудовъ, да бѣлужины столько жь, да севрюги соленой четыре пуда. Тешки бѣлужьей, да потроховъ осетровыхъ по пуду. Икры садковой полпуда, да осетровой салфеточной пудъ. Жировъ да молокъ два пуда съ половиной, балыковъ донскихъ три. Муки круличатой четыре мѣшка, гороху четыре четверти, да ветчины окорокъ“....

Мать казначея руками только развела, дочитавшись до такаго приношенія.

— Какъ ветчинь? строго спросила игуменья.

— Ветчина лисана, матушка, отвѣчала мать Таифа, показывая Манефѣ роспись.

— Охъ, искушеніе!... послышалось между инокинями.

Бѣлицы улыбались, отворачиваясь въ сторону чтобы матушка не замѣтила и не вздумала бы началить ихъ за нескромность.

— Ты писала? нахмурившись, обратилась Манефа къ Фленушкѣ.

— Это Настенька приписала, отвѣчала Фленушка. — На смѣхъ. А какъ стали укладываться, она и въ самомъ дѣлѣ сунула въ возъ не то окорокъ, не то два.

— Охъ, верченая дѣвка! Охъ, егоза! заворчала мать Манефа, и обращаясь къ матерямъ, прибавила:—Давно ли вѣдь кажись изъ обители, а поглядѣли бы вы, матери, на мою племянёнку какая стала.

— Ну что же, матушка, дѣло молодое—шутки да смѣхи еще на умѣ.... Судьбы ей Господь не посылаетъ ли, матушка? умильно спросила мать Евсталія. — Жениха не пріискали ли родители-то?

— Нѣтъ, сухо отвѣтила мать Манефа.

— А намедни мужичокъ проѣзжалъ изъ Осиновки въ Баки за хлѣбомъ, продолжала мать Евсталія,—у Боярскихъ приставалъ, такъ сказывалъ онъ мнѣ что женихъ будто пріѣзжалъ къ Паталу Максимычу. Изъ Самары слышь, купеческій сынокъ.

— Пріѣзжать пріѣзжалъ, нехотя отвѣчала мать Манефа, — только про сватовство не то что рѣчи, и думы не было. Навралъ тебѣ, мать Евсталія, твой мужиченко съ три короба, а ты и плетешь. И похожаго ничего не было. Да.

Мать Евсталія замолчала и ушла въ уголъ, замѣтивъ что мать Манефа маленько осерчала на нее.

— Извѣстное дѣло, матушка, деревенскій народъ завсегда много пустаго городитъ, отозвалась мать Аркадія.—Только пусти уши въ люди,—чего, чего не наслушается.

— То-то и есть, внушительно молвила мать Манефа,—коли мірскихъ пустыхъ рѣчей не переслушаешь, такъ нечего и заводить разговоры съ проѣзжими.... Не логнѣвайся, мать Евсталія.

Евсталія вышла изъ угла и подойдя къ игуменьѣ смиренно поклонилась. Та молча отвѣчала малымъ поклономъ.

— Какъ благоволите, матушка, утреню править? спросила между тѣмъ мать Аркадія.—Завтра память преподобнаго Ефрема Сирина, такъ съ поліелеемъ, аль рядовую?

— А какъ допрежде сего бывало? спросила мать Манефа.

— Всяко бывало, матушка, отвѣчала уставщица.—Служили съ поліелеемъ, служили и рядовую. Въ уставѣ сказано: „аще волитъ настоятель“.

— Такъ ужь служи, мать Аркадія, рядовую, рѣшила игуменья. — Вѣдь еще послѣзавтра надо поліелей справлять да службу съ величаньемъ Тремъ Святителямъ. А у насъ и безъ того свѣчей-то кажись не ахти много, мать Таифа?

— За Пасху хватитъ, матушка, а къ лѣту надо будетъ дослѣть, отвѣчала казначея.

— То-то же, примолвила игуменья,—поберегать свѣчи-то надо, вотъ вѣдь Великій Постъ на дворѣ, службы большія, длинныя, опять же стоянія со свѣчами.

— А насчетъ ветчины-то какъ же, матушка, прикажете? спросила казначея, — собакамъ выкинуть, аль назадъ отослать? Сиротамъ бы мірскимъ подать — да молва пойдетъ про обитель.

— Спрячь подальше, соблазну чтобы не было, сказала игуменья. — Не ло́гань какая — пригодится: исправникъ пріѣдитъ, али кто изъ чиновниковъ—съѣдятъ.... А Устинья изъ Москвы пріѣхала?

— Пріѣхала, матушка, еще въ ту пятницу прибыла, отвѣчала казначея.—Разчетъ во всемъ подала какъ слѣдуетъ — сто восемьдесятъ привезла, за негасимую оставались. Да гостинцу вамъ, матушка, Силантьевы съ нею прислали: шубку бѣличью, да камлоту на рясу, да ладону роснаго пять фунтовъ съ лоходомъ, да бутыль масла, фунтовъ должно-быть съ пятнадцать вытянетъ. Завтра, матушка, обо всемъ подробно доложу, а теперь ужь не пора ли вамъ и покой дать? Устали чай съ дороги-то?

— И то устала, матери, отвѣчала Манефа,—костоньки всѣ у меня разломило.

— Матушка-то и въ Осиповкѣ совсѣмъ больнешенька была, молвила Фленушка, прибирая чайную посуду. — Послѣдніе дни больше все лежала, изъ своей боковуши и не выходила.

— Вамъ, матушка, завтра въ баньку не сходить ли? Да рѣдечкой велѣли бы распереть себя, сказала, обращаясь къ игуменьѣ, ключница, мать Софія.

— Поглядимъ что́ завтра будетъ, отвѣчала Манефа,—а къ утрени, матушка Аркадія, меня не ждите. Въ самомъ дѣлѣ что-то не можется. Ужь рада-рада что домой добралась.... Ну прощайте матери.

И стали матери одна за другой по старшинству подходить къ игуменьѣ прощаться и благословляться. За ними пошли

бывшія въ кельѣ бѣлицы. Остались въ кельѣ съ игуменьей только мать Софія, да Фленушка съ головщицей Марьей.

— Топлено ли у Фленушки-то? спросила мать Манефа у ключницы.

— Топлено, матушка, отвѣчала она.—Заразъ обѣ кельи топили, заразъ и кутали.

— Ну, спаси тебя Христосъ, Софьюшка, отвѣчала игуменья, — постели-ка ты мнѣ на лежаночкѣ, да потрика мнѣ ноги-то березовымъ маслицомъ. Ноютъ что-то. Ну, что Марьюшка, ласково обратилась мать Манефа къ головщицѣ, — я тебя и не спросила какъ ты поживала? Здорова была, голубка?

— Слава Богу, матушка, вашими святыми молитвами, отвѣчала, цѣлуя Манефину руку, головщица.

— Больно вотъ налегкѣ ходитъ, ворчала ключница, постилая на лежанку толстый киргизскій войлокъ.—Ты бы, Марьюшка, когда выходишь на волю, платокъ бы что ли на шею-то повязывала. Долго ль простудить себя? А какъ съ голосу спадешь—что мы тогда безъ тебя будемъ дѣлать?

— Э, матушка Софія, что мнѣ дѣлается? Я вѣдь не изъ нѣженокъ. Авось Богъ милостивъ? отвѣтила головщица.

— А ты такъ не говори Марьюшка, остановила ее мать Манефа.—Говорится: на Бога надѣйся, а самъ не плошай.... Ты гдѣ безъ меня-то ночевала — у матери Таифы что ли?

— Къ Таифѣ я не пускала ее, матушка, отвѣтила за головщицу мать Софія, — у ней вѣдь келья угарная, да и тѣсновато. Мы съ Марьюшкой въ твоей кельѣ домовничали, да еще Минодорушка съ Натальей ночевать къ намъ прихаживали.

— Ну ступайте-ка вы, дѣвицы, спать-ночевать, сказала мать Манефа, обращаясь къ Фленушкѣ и Марьюшкѣ.—Въ келарню-то ужинать не ходите, снѣжно вѣдь да студено. — Ѣхали мы, мать Софія, такъ лѣсомъ-то ничего, а на поляну какъ выѣхали, такая мятель подниматься зачала, что свѣту Божьяго не стало видно. Теперь поди такъ и мететъ.... Молви-ка, Фленушка, хоть Натальѣ чтобъ она принесла вамъ изъ келарни чего-нибудь поужинать, да яичекъ бы что ли сварила, или яиченку сдѣлала, молочка бы принесла. Ну, поди те со Христомъ.

Фленушка и Марьюшка простились и благословились на сонъ грядущій у матушки Манефы и пошли черезъ сѣни въ другую келью.

— Ну, матушка Софьюшка. Разказывай какъ вы безъ меня жили ложивали, спросила игуменья свою келарницу, оставшись съ нею вдвоемъ.

— Да ничего такого, матушка, не случилось, отвѣчала мать Софія.—Все слава Богу. Намедни только мать Филарета съ матерью Ларисой поцумѣли, да на другой день ничего, попроцались, смирились.

— Чего онѣ межь собой дѣлили? строго спросила мать Манефа.

— Да видишь ли ты съ чего дѣло-то зачалось, продолжала мать Софія, растирая игуменьѣ ноги березовымъ масломъ. — Проѣзжали это изъ Городца съ базара мужики Колосковскіе, матери-то Ларисы знакомые, она вѣдь сама родомъ тоже изъ Колоскова. Ну какъ водится часы у насъ мужички-то отстояли, потралезовали чѣмъ Богъ послалъ, да между разговоровъ и молвили будто ихней деревни Михайла Коряга въ попы ставленъ.

— Слышала, слышала и я, Софьюшка, про это, промолвила вздыхая мать Манефа. Экой грѣхъ-то!... Вотъ искушеніе-то!... Стяжателю этакому, корыстолюбцу священство дали!... Какой онъ попъ?.. За гривну отца роднаго продастъ.

— Ну вотъ, матушка, въ одно слово ты съ Филаретой сказала, — а мать Лариса стала за Корягу горой. Ну и пошли. Да обѣ вѣдь онѣ такія горячія, непокорливыя, другъ предъ дружкой смириться не хотятъ, и зачалась промежь нихъ свара, шумное дѣло. Ужь столько было грѣха, ужь столько грѣха, что только уласи Царь Небесный. Мать Лариса стала доказывать что не намъ дескать о такомъ великомъ дѣлѣ разсуждать, какой бы дескать Коряга ни былъ, все же онъ законно въ попы поставленъ, а матушка Филарета ей на то: „коли, говоритъ, такого сребролюбца владыко Софроній посвятилъ, такъ значитъ де что и самъ онъ того же поля ягода, не даромъ видно, говоритъ, про него молва пошла что онъ святыней ровно на базарѣ калачами торгуетъ“. А мать Лариса такая вѣдь огненная, запальчивая, развернулась, да въ ухо было матушку-то Филарету. Едва та отскочить успѣла.

— Гдѣ же это было?... Въ келарнѣ?... При мужикахъ?... вставъ съ лежанки и выпрямляясь во весь ростъ, строгимъ, твердымъ голосомъ спросила мать Манефа.

— Случилось это, матушка, у Аркадіи въ кельѣ, отвѣтила мать Софія. — Такъ и метутъ матери въ два вѣника—шумъ, гамъ, содомъ такой подняли что почитай вся обитель сбѣжалась.

Просто, матушка, сказать какъ есть вавилонское языковъ смѣшеніе!... И ужь столько было промежь нихъ сраму, столько было искушенія что и сказать тебѣ, матушка, не могу. Какъ пошли онѣ другъ дружкѣ вычитывать, такъ и Михайлу Корягу съ елисколомъ забыли, и такіе у нихъ пошли перекоры, такія дѣла стали поминать что и слушать-то грѣшно было... Что и съ молоду-то еще водилось, а чего можетъ-статься и николи не бывало—все-то онѣ подняли. Ужь судачили онѣ судачили, срамили себя срамили — съ добрый часъ времени прошло. Мать Таифа ихъ было уговаривать—чего тутъ—и слышать не хотятъ. Насилу-то насилу мать Аркадія развела ихъ, а то бы, пожалуй, и въ драку полѣзли, искровенились бы.

— Марья Гавриловна слышала? спросила игуменья.

— Какъ, матушка, не слыхать. Приходить не приходила, а дѣвицы ея прибѣгали, отвѣчала Софія.

— Злочинницы! рѣзко сказала мать Манефа, ходя взадъ и впередъ по кельѣ.—Бога не боятся, людей не стыдятся!... На короткое время нельзя обители покинуть!... Чѣмъ бы молодыхъ учить, а онѣ гляди-ко?... Какъ смирились?

— Извѣстно, миротворица наша, мать Виринея, въ дѣло вступилась... ну и помирила. На другой день цѣлое утро она сердечная то къ той, то къ другой бѣгала, стрялать даже забыла. Часа три уговаривала: ну, смирились у нея въ келарнѣ.

— То-то Филарета давича стояла глазъ не поднимаючи, а Лариса даже и не пришла игуменью встрѣтить, сказала мать Манефа.

— Хвораетъ, матушка, другой день съ мѣста не встаетъ, подхватила мать Софія,—горло у нея перехватило, и сама вся ровно въ огнѣ горитъ. Мать Виринея ее и бузиной, и малиной, и шалфеемъ поила, и калусты кочанной ей къ головѣ прикладывала, только мало облегчило.

— Не погляжу я на ея хворь, гнѣвно молвила Манефа. — Не посмотрю что соборныя онѣ старицы: на поклоны обѣихъ поставлю въ часовнѣ и за трапезой.... Въ чуланъ запру.... Изъ чужихъ обителей не было ли при томъ кого?

— Нѣтъ, матушка, никого не было.

— А толки пошли?

— Какъ толкамъ не пойдти, матушка? отвѣчала мать Софія. Извѣстно, обитель не малая: къ намъ люди бываютъ и наши къ чужимъ ходятъ. Случился грѣхъ, въ кулькѣ его не спрячешь.

— Обитель только срамятъ!... продолжала мать Манефа.— Вотъ я съ ними завтра поговорю.... А дѣвицы въ порядкѣ себя держали?

— Все слава Богу, матушка, никакого дурна не было.

— Супрядки бывали?

— Бывали, матушка, и сегодня вплоть до твоего пріѣзда у матери Виринеи дѣвки сидѣли.

— Чужія приходили?

— Бывали, матушка, и чужія, отъ Жженыхъ прихаживали, отъ Боярскихъ.

— А отъ Игнатьевыхъ? быстро спросила мать Манефа.

— Какъ можно, матушка! Статочное ли дѣло супротивъ твоего приказа идти? отвѣчала мать Софія.

— Деревенскихъ парней не пускали ли?

— Ай, что ты матушка! Да сохрани Господи и помилуй! Развѣ мать Виринея не знаетъ что на это нѣтъ твоего благословенія, сказала мать Софія.

— Хорошая она старица, да ужь добра не въ мѣру, молвила мать Манефа, нѣсколько успокоившись и ложась на войлокъ постланный на лежанкѣ. — Уластить ее не много надо. У меня луще всего чтобы негодныхъ толковъ про обитель не пошло, молвы бы не было.... А таракановъ въ скотной морозили?

— Вымерзили матушка, вымерзили. Вчера только перешли, отвѣчала мать Софія.

— А Пестравка отелилась?

— Телочку принесла, матушка, а Черногубка бычка.

— И Черногубка? Гм! Телерь что же у насъ, шестнадцать стельныхъ-то? спросила мать Манефа.

— Да должно-быть что шестнадцать, матушка, отвѣчала Софія.

— Масла много налахтали? продолжала свои хозяйственныя разспросы матушка Манефа.

— Не могу я тебѣ вѣрно доложить, отвѣчала мать Софія,—а вечоръ мать Виринея сказывала что на Сырную недѣлю масла будетъ достаточно, съ завтрашняго дня хотѣла творогъ да сметану колить.

— А салоги работникамъ купили?

— Купили матушка, еще на той недѣлѣ съ базару привезли.

— А зажилъ глазъ у матери Трифины?

— Все болитъ у сердечной, отвѣчала мать Софія,—совсѣмъ врозь глазокъ-отъ у нея разнесло.... Выльется онъ у нея, матушка, безпремѣнно выльется.

— Лѣкарство-то прикладываетъ ли? спросила мать Манефа.—Не даромъ за него деньги платили.

— Прикладываетъ, матушка, только пользы никакой не видно. Ужь одинъ бы конецъ, отвѣчала мать Софія.

— Изъ господъ не наѣзжалъ ли кто въ скитъ? спросила мать Манефа.

— Окружный третьяго дня пріѣзжалъ на короткое время, отвѣчала мать Софія.—На въѣзжую не бывалъ, напился чаю у Глафириныхъ, да и поѣхалъ въ городъ. А то еще невѣсть какіе землемѣры наѣзжали, двѣ ночи ночевали на въѣзжей.... Да вотъ что, матушка, доложу я тебѣ: намедни встрѣтилась я съ матерью Меролеей отъ Игнатьевыхъ, такъ она говоритъ что на Евдокеинъ день выйдетъ имъ срокъ въѣзжую держать, а какъ, дескать, будетъ собранье, такъ, говоритъ, ужь безпремѣнно на вашу обитель очередь наложимъ: вы, говоритъ, ужь сколько годовъ въѣзжую не держите.

— Этому не бывать, сказала мать Манефа. — Покамѣсть жива, не будетъ у меня въ обители въѣзжей. Съ ней только грѣхъ одинъ.

— Извѣстное дѣло матушка—какъ ужь тутъ безъ грѣха, сказала Софія. — И расходы лишніе, и хлопоты, и безпокойство, да и келью табачищемъ такъ прокурятъ, что въ три года изъ нея смраду не выживетъ. Иной разъ и хмѣльные чиновники-то тоже бываютъ: шумъ, безчинства....

— Нельзя, нельзя, сказала игуменья.—Можетъ-статься Настя опять пріѣдетъ погостить, опять же Марьѣ Гавриловнѣ не понравится.... Пусть Разсохины держатъ, заплачу что надо. Побывай-ка у нихъ завтра, да поговори съ Досифеей.

— Дѣвицы, матушка, говорили, закурила слышь она, матушка-то Досифея, отвѣчала мать Софія.

— Опять?

— Другую недѣлю во хмѣлю. Такой грѣхъ.

— Ну съ Евстихіей поговори, сказала мать Манефа. — На ней же вѣдь и лежитъ все у нихъ. Спроси что возьмутъ въ годъ въѣзжую держать. Деньгами не поскуплюсь, а припасы на угощенья мои. Такъ и скажи.... Да еще скажи Евстихіѣ чтобы ко мнѣ побывала: братецъ Паталъ Максимычъ по пяти цѣлковыхъ на каждую бѣдную обитель прислалъ. Разсохинымъ, Наполинымъ, Солоникеинымъ, Марѳинымъ и Зарѣчнымъ.... Всѣхъ повѣсти.... Да повѣсти еще сиротамъ чтобы къ часамъ приходили; раздача, молъ, на блины будетъ.... Охъ, Господи

помилуй, Господи помилуй!... примолвила мать Манефа, зѣвая и крестя открытый ротъ. Подай-ка мнѣ Софьюшка манатейку келейную, да лѣстовку.... Помолюсь-ка я, да и лягу, что-то ужь очень сонъ сталъ клонить.

Мать Софія подала игуменьѣ все нужное, простилась съ ней и поправивъ лампады ушла въ свою боковую.

Манефа стала на молитву.

V.

Пока Манефа распрашивала ключницу, въ сосѣдней кельѣ Фленушка сидѣла за ужиномъ съ Марьей головщицей.

Во Фленушкиной кельѣ, гдѣ предъ тѣмъ жили и дочери Патала Максимыча, было четыре небольшія комнаты, убранныя гораздо наряднѣй чѣмъ келья матушки игуменьи. Стѣны оклеены были обоями, полъ крашеный, лавокъ не было, и вмѣсто ихъ стояла разнообразная мебель, обитая шерстяной матеріей. Семь оконъ заставлены были цвѣточными горшками и убраны кисейными занавѣсками. Стояли пяльцы, швейки, кружевныя подушки и маленькій станокъ для тканья шелковыхъ поясковъ. По стѣнамъ въ крашеныхъ деревянныхъ рамкахъ висѣло нѣсколько незатѣйливыхъ картинъ. То были виды разныхъ городовъ, Аѳонской горы, Иргизскихъ монастырей и Рогожскаго кладбища; рядомъ съ ними висѣли картины изображавшія апокалипсическія видѣнія, страшный судъ и Паскевича съ Дибичемъ на коняхъ.

За столомъ, уставленнымъ келарскимъ кушаньемъ и сластями, привезенными Фленушкой изъ Осиновки, сидѣли дѣвушки и толковали о разныхъ разностяхъ. Сначала бесѣда ихъ шла вяло, Фленушкѣ не совсѣмъ было весело. Досада ее разбирала. Очень хотѣлось ей погостить въ Осиновкѣ еще недѣльку другую, третью, да не удалось. Съ первоначалу мать Манефа и соглашалась было оставить ее у Патала Максимыча до самой Пасхи, но заболѣвъ въ самый день невѣсткиныхъ именинъ и пролежавъ послѣ того три дня, заговорила другое. „Богъ знаетъ буду ли я жива до Пасхи-то, отвѣчала старица на просьбы Фленушки и племянницъ, а безъ того не хочу помереть чтобы Фленушка мнѣ глаза не закрыла.“ И никогда еще мать Манефа не была такъ ласкова, такъ нѣжна къ своей любимицѣ какъ въ эти дни. Фле-

нушкѣ хоть и очень, очень не хотѣлось ворочаться въ кельи на скуку и однообразную жизнь, но любя матушку Манефу не рѣшилась она огорчить ее. Паталъ Максимычъ также былъ не прочь чтобы боевая Фленушка поскорѣй убралась изъ его дома. Не то чтобъ онъ подозрѣвалъ что-нибудь, а сдавалось ему что она сбиваетъ съ толку его Настю. „Какая прежде тихая, какая сговорчивая была у насъ Настасья, говорилъ онъ женѣ, а какъ проявилась эта Фленушка сорочій хвостъ, такъ ее ровно перевернуло всю. Ты не думай Аксинья эту егозу удерживать, не упрашивай Манефу здѣсь ее оставлять, авось безъ нея наша дѣвка дурь-то изъ головы выкинетъ.“ Аксинья Захаровна пыталась было защищать и Фленушку и дочь, но Паталъ Максимычъ по обыкновенію цыкнулъ, и та замолчала. Наканунѣ отъѣзда Манефы Фленушка завела было рѣчь о томъ чтобъ отпустили Настю съ Парашей въ обитель погостить, да кстати ужь и поговѣть Великимъ Постомъ. Сама Аксинья Захаровна, видя что Настѣ очень хочется побывать въ скиту, сказала было мужу, отчего бы ихъ и не отпустить. Придутъ дескать великіе дни, дѣвки къ службѣ Божьей привыкли, а живучи въ деревнѣ, гдѣ помолятся, особенно же на Страстной недѣлѣ? Паталъ Максимычъ отказалъ наотрѣзъ. Настя ужь сознавала въ это время что ей стóитъ только захотѣть, такъ она переупрямитъ упрямаго отца и во всемъ поставитъ на своемъ; она хотѣла было взяться за дѣло, но Фленушка остановила. „Молчи, не приставай къ отцу, сказала она, а то чего добраго, пожалуй, все испортишь. Пусть его маленько повеличается, а ужь жива быть не хочу, коли ты не будешь у насъ въ скиту Великимъ Постомъ, а не то весною.“ Какъ ни твердо увѣрена была Фленушка въ успѣхѣ своего намѣренія, все же ей было теперь скучно и досадно. Не люба, не привѣтна казалась ей родная келья со всею ея обстановкой, такъ не похожей на убранство дома Патала Максимыча.

— Ну разказывай же все по ряду, Фленушка, какъ наши дѣвицы въ міру поживаютъ. Помнятъ насъ грѣшныхъ, аль изъ памяти выкинули? спрашивала Марьюшка.

— Какъ не помнить, отвѣчала Фленушка.—Тебѣ особенно кланяться наказывали.

— Ну, Богъ спасетъ коли и насъ изъ людей не выкинули, молвила головщица.

— Кончила подушку-то что̀ въ Казань шила? спросила Фленушка.

— Дошила, вчерась изъ лялецъ выпорола, отвѣчала Марьюшка.

— Нову начинай. Настенька тебѣ подарокъ прислала: и канвы, и шерстей, и синели, и бисеровъ всякихъ, и стекларусу. Вотъ утрѣ разберусь, отдамъ тебѣ.

— Благодаримъ покорно, отвѣчала головщица.—Только новуто подушку врядъ ли мнѣ придется шить. Матушка вѣдь омофоръ епископу хотѣла меня вышивать заставить.

— Ну, когда это будетъ, про то еще сорока на водѣ хвостомъ писала, молвила Фленушка. — Матушка еще не одинъ годъ продумаетъ, да ло всѣмъ городамъ письма будетъ отписывать, подобаетъ, молъ, аль не подобаетъ архіерею облаченье изъ шерсти строить. Покамѣсть тамъ будутъ въ книгахъ рыться, успѣешь дюжину подушекъ смастерить.

— Такъ инъ спроситься завтра надо будетъ у матушки, сказала головщица.

— Спросись, а Настенька тебѣ и узоровъ новыхъ прислала, замѣтила Фленушка.

— Ну, вотъ ужь за этотъ подарочекъ, такъ оченно благодарна, молвила Марьюшка.—А то узорами-то у насъ ужь больно бѣдно стало, все старые, да рваные.... Да что̀ жь ты, Фленушка, не разкажешь какъ дѣвицы наши у родителей ложиваютъ. Скучненько поди: дѣвицъ имъ подъ пару въ деревнѣ нѣтъ, все однѣ да однѣ.

— Параша-то не скучаетъ, молвила Фленушка.

— Что̀ такъ? спросила головщица.

— Да что̀ она? Увалень и больше ничего, отвѣтила Фленушка.—Какъ здѣсь сонуля была, такъ и въ міру. Пухнетъ инда со сна-то, глаза совсѣмъ почти заплыли.

— Что̀ жь это она? Со скуки поди? сказала Марьюшка.

— И не разберетъ ее, отвѣтила Фленушка,— молчитъ все больше. День-деньской только у нея и дѣла что поѣсть да на кровать. Каждый Божій день до обѣда проспала, встала— обѣдать стала, помолилась, да опять спать завалилась. Здѣсь-все-таки маленько поворотливѣй была. Ну къ службѣ бывало сходитъ, въ келарню, туда, сюда, а дома ровно сурокъ какой.

— Поди ты какая стала, покачивая головой молвила Марьюшка.—Ну, а Настасья-то Патаповна что̀? Все такая же думчивая да молчаливая.

— Поглядѣла бы ты на нее! усмѣхнувшись отвѣтила Фленушка. — Здѣсь бывало водой не замутишь ее, а въ деревнѣ такъ развернулась что только ой.

— Полно ты! удивилась головщица.—Больно бойка стала?

— Меня бойчѣй—вотъ какъ, отвѣтила, оживляясь, Фленушка.—Чуть не всѣмъ домомъ ворочать стала. Ужь на что родитель-то медвѣдь медвѣдемъ, и того почти совсѣмъ къ рукамъ прибрала. Такая отважная, такая удалая дѣвка вышла что бѣда.

— Поди вотъ тутъ, говорила Марьюшка.—Кажись долго ли ожила въ міру, на волѣ, а какая стала. Здѣсь-то бывало тихоней смотритъ, словечка отъ нея не часто услышишь.

— На людяхъ-то и теперь не больно говорлива, сказала Фленушка.—А ужь захочетъ что на своемъ поставить—поставитъ. Люта стала, вотъ ужь что-называется и вьется ужомъ и толорщится ежомъ.

— Платьевъ, люди, что имъ напили? спросила головщица.

— Полны сундуки, отвѣтила Фленушка.—А какія все платья-то, посмотрѣла бы ты, Марьюшка! Одно другаго приглядньѣе. И по будням въ шелку ходятъ. Отродясь не видала я такихъ нарядовъ: сережки бриллiантовыя, запонки такъ и горятъ огнями самоцвѣтными. Параша что! На нее, какъ на лень какой, что ни наляль, все кувалдой будетъ смотрѣть. А ужь Настя! надо чести приписать, разрядится, такъ просто король. Въ имянины-то, знаешь, у нихъ столы народу ставили, ста два человѣкъ кормились: день-то былъ ясный, да теплый, такъ столы-то супротивъ двора по улицѣ стояли. Ну такъ вотъ тутъ бы посмотрѣла ты на ихніе наряды, какъ онѣ съ родителями да съ гостями вышли народъ угощать.

— Въ чемъ же Настенька-та была? спросила головщица.

— Былъ на ней сарафанъ голубой шелковый съ золотымъ кружевомъ, разказывала Фленушка,—рукава кисейные, передникъ батистовый, голубой синелью разшитый, на головѣ невысокая повязка съ жемчугами. А какъ вышла она на улицу, шубейку на плечи накинула алаго бархата, на куньемъ мѣху, съ собольей опушкой. Смотрѣть заглядѣнье!

— Хоть бы глазкомъ взглянула! вздохнувъ сказала Марьюшка.

— Погоди, пріѣдутъ къ намъ въ гости, такъ увидишь, молвила Фленушка.

— Гдѣ увидать? покачавъ головой отвѣтила головщица.— Развѣ въ скиту въ такомъ уборѣ ходятъ?

— А можетъ-статься и въ міру увидишь ее когда-нибудь, сказала прищурившись и зорко глядя на головщицу Фленушка.

— Гдѣ ужь намъ, Флена Васильевна, мірскія радости видѣть, вздохнувъ съ горькимъ чувствомъ молвила Марьюшка.—Хорошо имъ при богатыхъ-то родителяхъ, а у нашей сестры что̀ въ міру? Бѣднота, лить-ѣсть нечего, тутъ не до веселья. И то денно и нощно надо Бога благодарить за то что матушка Манефа призрѣла меня сироту. По крайности не голодаешь какъ собака. А и то сказать, Флена Васильевна, развѣ легко мнѣ и у матушки-то жить: вѣдь чужой-то обѣдъ хоть и сладокъ да не споръ, чужіе-то хлѣба вѣдь пріѣдчивы. Медъ чужой и тотъ горекъ, Фленушка.

— Ну, ужь ты разрюмилась какъ радуница, подхватила Фленушка.—Чего хныкать-то, радость во времени живетъ, когда нибудь выпадетъ и на нашу долю счастливый часокъ.... Изъ Саратова нѣтъ ли вѣстей? спросила Фленушка, лукаво улыбаясь.

— А, ну, лесъ его дери! съ досадой отвѣтила Марьюшка.— Забыла я объ немъ и думать-то.

— Врешь! По глазамъ вижу что врешь! приставала Фленушка.

— Ей Богу, право, продолжала головщица.—Да что̀? Одно пустое это дѣло, Фленушка. Вѣдь безъ малаго годъ глазъ не кажетъ окаянный... Ему что̀? Чай и думать забылъ... А тутъ убивайся, сохни... Не хочу, ну его къ ляду!... Эхъ бѣднота, бѣднота, прибавила она, горько вздохнувъ.—Распроклятая жизнь!

— Полно тебѣ!... Меня не обморочишь, сказала усмѣхнувшись Фленушка.—Получила вѣсточку?... А?... По глазамъ вижу что получила....

— Ну, получила!... Ну, что̀ жь изъ этого? рѣзко отвѣтила головщица.

— Письмо что ли прислалъ?

— Ну, письмо прислалъ.... Ну, что̀ еще будетъ?... Тебѣ изъ Казани не пришло ли письма отъ черномазаго?

— Мое дѣло, голубушка, иное, усмѣхаясь отвѣтила Фленушка.—Мнѣ только слово сказать, такъ за разъ свадьбу уходомъ сыграемъ.... Матушку только жаль, прибавила она вздохнувъ,—вотъ что̀... Въ могилу это уложитъ ее.

— А мнѣ про свадьбу и гадать нечего, желчно сказала Марьюшка.—Не ровны мы съ тобой, Флена Васильевна. Тебѣ въ ларцахъ у матушки Манефы кое-что найдется, а у меня у сироты, приданаго-то голикъ лѣсу, да кузовъ земли.

— Да полно тебѣ, надоѣла съ своей бѣдностой какъ горькая рѣдька, молвила Фленушка. — Хнычетъ, хнычетъ, точно на смерть ее ведутъ. Скажи-ка лучше: сходились безъ меня на супрядки?

— Сходились, отвѣчала головщица. — И сегодня вплоть до вашего пріѣзда сидѣли.

— Ну что жь? Весело? спросила Фленушка.

— Какое веселье! Не знаешь развѣ? сказала Марьюшка.— Какъ допрежь было, такъ и безъ тебя. Побалуются маленько дѣвицы, мать Виринея ворчать зачнетъ, началить... Ну, какъ водится, подмаслимъ ее, стихеру споемъ, расхныкается старуха, смякнетъ—вотъ и веселье все. Надоѣла мнѣ эта анаѳемская жизнь.... Хоть бы умереть ужь что ли!... Одинъ бы конецъ!

— Это въ тебѣ кровь бродитъ, Марьюшка, внушительно замѣтила Фленушка.—По себѣ знаю. Иной разъ до того доходитъ, что такъ бы вотъ взяла да руки на себя и наложила.... Пріѣдетъ что ли черномазый-то?

— Обѣщался.... Да кто его знаетъ, можетъ и обманетъ; у ихняго брата завсегда такъ — на словахъ какъ на саняхъ, а на дѣлѣ какъ на колылѣ. Тутъ сиди себѣ, сохни да сокрушайся, а онъ и думать поди забылъ, сказала Марьюшка.

— Коли обѣщался такъ пріѣдетъ, утѣшала ее Фленушка.— Не кручинься.... Вѣдь завсегда пріѣзжаетъ какъ Волга вскроется, ну и пріѣдетъ послѣ Пасхи. Вотъ, Марьюшка, веселье-то у насъ по веснѣ пойдетъ: къ тебѣ черномазый пріѣдетъ, моего чучелу изъ Казани шутъ принесетъ, Настеньку залучимъ, да ея дружка приманимъ....

— Это Шибаева-то что ли? спросила головщица.

— Ну его къ лѣшему! отвѣтила Фленушка. — Поближе найдется.

— Про самарскаго жениха что ли говоришь? сказала Марьюшка.—Болтали намедни здѣсь что Снѣжковъ какой-то свататься пріѣзжалъ. Богатый, слышь такой!

— Какой тутъ Снѣжковъ! молвила Фленушка. — Не всякъ голова у кого борода, не всякъ женихъ кто присватался, иному отъ невѣстиныхъ-то воротъ кажутъ и поворотъ. Такъ и тутъ было. Погоди я тебѣ все разкажу.... Видишь ли,

Марьюшка, дѣльце у насъ затѣяно. И ло этому самому дѣлу намъ безъ тебя не обойтись. Ты вѣдь вострухa, дѣвка хитроватая, глаза отводить да концы хоронить первая мастерица, за уловками у тебя дѣло не станетъ. Какъ хочешь, а ты ужь намъ помогай, Марьюшка.

— Что жь? Я рада помогать коли въ чемъ смогу.... Для Настеньки все готова, отвѣтила Марьюшка.

— Настенька на тебя какъ на каменную гору надѣется, Марьюшка, молвила Фленушка.—Ай, батюшки!... Я и забыла тебѣ сказать.... Про шерсти да про бисера ломянула, а про самые-то первые подарки и забыла. Платокъ шелковый прислала она тебѣ, да ситцу на сарафанъ, да колечко съ бирюзой, цѣпочку.

— Напрасно это, съ ужимкой отвѣчала Марьюшка.—Развѣ я изъ корысти? А ситецъ-то какой?

— Розовый съ разводами.

— Ой ли! Такого мнѣ давно хотѣлось. А платочекъ какой?

— Голубой съ цвѣточками да съ изюминками, сказала Фленушка.

— Спаси ее Христосъ что не забываетъ меня, сироту, сказала Марьюшка, видимо довольная подарками.

— Обижена и впредь не будешь, молвила Фленушка. — Удалось бы только намъ дѣльце состряпать, такъ будутъ у тебя и шелковые сарафаны.

— Ну ужь и шелковые! улыбаясь сказала Марьюшка.

— Я тебѣ говорю, молвила Фленушка. — Только молчи, да ухо востро держи.... Видишь ли какое дѣло вышло—слушай. Только-что пріѣхали мы съ матушкой въ Осиповку, гляжу я на Настю, что такое, думаю, съ нею сталось. Ровно какъ бы и не она; заговоришь съ ней, то заревомъ вспыхнетъ, то муки бѣлѣй станетъ, глаза горятъ, а вдругъ ни съ того, ни съ сего затуманятся. Говорить зачнетъ—въ рѣчахъ путается, видимо другое что въ мысляхъ держитъ.... Ну, думаю я про себя, тутъ что-нибудь да не такъ, это, думаю, не точто съ Васькой Шибаевымъ соловьевъ у перелѣска слушать. Стала ее пытать; ну, созналась дѣвка.

— Слюбилась съ кѣмъ? живо спросила Марьюшка.

— Посмотрѣла бы ты, Марьюшка, парень-то какой, сказала Фленушка.—Ужь такой молодецъ, что хоть прямо во дворецъ. Высокій, да статный, самъ кровь съ молокомъ, а волосъ-то черный да курчавый, глаза-то какъ угли, просто за одно

поглядѣнье рубля не жаль. А умница-то какая, смышленый какой....

— Кто жь онъ таковъ, Фленушка, изъ купцовъ что ли? Заѣзжій? спрашивала Марьюшка.

— Какой изъ купцовъ! отвѣтила Фленушка. — Деревенщина, голь перекатная. И не заѣзжій вовсе, у нихъ въ дому живетъ.

— Полно ты! Да кто жь это такой? допытывалась Марьюшка.

— Токарь, въ работникахъ его Паталъ-отъ Максимычъ каналъ, отвѣчала Фленушка.—Деревнюшка отъ нихъ неподалеку есть, Паромова прозывается, такъ онъ оттуда. Незадолго до нашего пріѣзда и нанятъ-то былъ.

— Настенька-то стало-быть допрежь видалась съ нимъ? спрашивала Марьюшка.

— Слыхомъ даже не слыхала что есть на свѣтѣ Алешка Лохматый, отвѣтила Фленушка.

— Алексѣемъ зовутъ?

— Алешкой, да. Ну, а ты слушай: какъ только она его увидала, такъ у нея сердце и закипѣло, продолжала Фленушка.— Да безъ меня ничего бы не вышло, такъ бы глаза только другъ на дружку пялили.... А что въ ней, въ сухой-то любви?... Терпѣть не могу.... Ну.... надо было ихнее дѣло смастерить.... ну.... и смастерила—сладились.

— Какъ же?

— Да ужь какъ надо, сказала Фленушка.—По веснѣ безпремѣнно надо до конца доладить, прибавила она немного помолчавъ.

— Какъ же доладить-то? спросила Марьюшка.

— Окрутить Алешку съ Настасьей, отвѣчала Фленушка.

— Уходомъ значитъ? спросила Марьюшка.

— Да.

— Смотри, Фленушка, не обожгись, взявшись за такое дѣло, молвила Марьюшка.—Сама Патала Максимыча я мало знаю, а толкуютъ про него, что ежели онъ на кого ощетинится, такъ тому лучше съ бѣла свѣта долой бѣжать. Вѣдь онъ за это не то что насъ съ тобой, всю обитель вверхъ дномъ повернетъ.

— У медвѣдя лапа-то пошире чѣмъ у него, да и тотъ въ капканъ попадаетъ, подхватила, смѣючись, Фленушка.—Сноровку надо знать, Марьюшка, сноровку.... А это ужь мое дѣло, ты

только помогай. Твое дѣло будетъ одно: гляди въ два глаза, а не въ полтора, однимъ глазомъ спи, другимъ стереги, да что̀ устережешь про то мнѣ говори. Кто мигнулъ, кто кивнулъ, а ты догадывайся, да мнѣ сказывай. Вотъ и все....

— Да я готова; только боязно, говорила Марьюшка.

— Э! Полно, перестань. Прежде смерти не умрешь! сказала Фленушка.—Хоть и зубастъ Паталъ Максимычъ, да насъ съ тобой ему не съѣсть, а и захотѣлъ бы, такъ не по горлу придемся — подавится. Спрашивала я тебя, хочешь въ шелковыхъ сарафанахъ ходить?

— Да такъ-то оно такъ, Фленушка, въ раздумьи говорила Марьюшка.— Ну, а какъ Паталъ Максимычъ наперед провѣдаетъ, тогда что̀?

— А какъ ему провѣдать-то? возразила Фленушка. — Лѣтомъ вѣдь онъ на Низъ сплываетъ, тогда все и сработаемъ. Пріѣзжай послѣ на готовое-то, встрѣчай зятя съ молодой женой. Готовь пиры, сзывай гостей—это ужь дѣло его, не наше....

— Развѣ что такъ, сказала Марьюшка.

Чуть не до полночи протолковали дѣвицы какъ бы половчѣй сострялать затѣянную свадьбу.

VI.

На утро, еще до свѣта, по всей Манефиной обители поднялась обычная, не суетливая, но спорая работа. Едва сѣверовостокъ небосклона зардѣлъ тонкой розовою полосой, какъ пятеро ложилыхъ, но еще крѣпкихъ и бодрыхъ трудниковъ съ лопатами на плечахъ пришли въ обитель съ коннаго двора, стоявшаго за околицей, и начали разчищать снѣжные сугробы, нанесенные за ночь едва стихшею подъ утро метелью. Прочистили они дорожку отъ часовни къ келарнѣ, и пошли по ней только что отпѣвшія утреню инокини и бѣлицы, прочистили еще дорожки къ игуменьской кельѣ, къ домику Марьи Гавриловны и отъ одной стаи до другой, къ погребамъ, къ амбарамъ и къ другимъ обительскимъ строеньямъ. Послѣ заутрени по всѣмъ кельямъ засвѣтились огоньки. Толстыя, здоровенныя бѣлицы изъ рабочихъ сестеръ, скинувъ повязки и башмаки, въ которыхъ были обуты у часовенной службы, надѣли мужскіе сапоги и нагольные тулупы, подпоясались кушаками и обернувъ головы шерстяными платками, стали таскать охапки дровъ, ка-

ждая въ свою стаю, а всѣ вмѣстѣ въ келарню и къ крыльцу матушки-игумены. Черезъ полчаса высокіе столбы дыма стояли ужъ надъ трубами и высоко вились въ тихомъ, недвижномъ, морозномъ воздухѣ. Трудницы между тѣмъ таскали съ колодца воду по кельямъ, скоблили скребками крыльца, подтирали въ кельяхъ и въ сѣняхъ натолтанные съ вечера слѣды. Мать Виринея съ своими подручницами хлопотала въ келарнѣ, оттаивала принесенную изъ кладовой рыбу, перемывала рубленую капусту, засыпала въ чугуны горохъ и гречневую крупу. А въ обитель между тѣмъ собрался постороннiй людъ. Мать Софія еще не выходила изъ Манефиной кельи, а сироты, Богъ ужъ ихъ знаетъ какимъ образомъ, провѣдали о предстоящей раздачѣ на блины и масло, пришли къ заутрени и отслушавъ ее разбрелись по обители: кто на конный дворъ, кто въ коровью избу, а кто и въ келарню, дожидаться когда позоветъ ихъ мать игуменья и велитъ казначеѣ раздавать подаяніе присланное Паталомъ Максимовичемъ.

Совсѣмъ разсвѣло. Въ сѣняхъ уставщицы раздался серебристый звонъ небольшаго колокольчика. Ударили девять разъ, затѣмъ у часовни послышался рѣзкій звукъ деревяннаго била. Мѣрные его удары разносились по обители. Вдалекѣ по сторонамъ слышались такія же звуки била и клепалъ изъ другихъ обителей. Это былъ скитскій благовѣстъ къ часамъ.

Вскорѣ Манефина часовня наполнилась людьми. Иноки въ черныхъ мантіяхъ и креповыхъ наметкахъ чинно становились рядами предъ иконостасомъ, а лѣвицы стали по крылосамъ, впереди всѣхъ Марьюшка. Сироты тоже прибрели въ часовню, но стали въ притворѣ, мущины по одну сторону, женщины по другую. Вотъ еще раздались три удара въ колокольчикъ уставщицы, а за нимъ учащенные звуки била, и входныя двери часовни распахнулись настежь. Вошли рядомъ двѣ сгорбленныя древнія старушки, въ черной одеждѣ разшитой красными крестами и буквами молитвы „Святый Боже“. То были иноки-схимницы. Опираясь на деревянный костыль, медленно выступала за ними мать Манефа, въ длинной черной мантіи, въ апостольникѣ и камилавкѣ съ черною креповою наметкой. Ровною поступью проходила она между рядами склонившихся передъ нею до земли иноками и бѣлицами и стала на свое игуменское мѣсто. За нею склоня голову шла Фленушка и стала за правымъ клиросомъ. Вслѣдъ за Мане-

фой вошла Марья Гавриловна, высокая, стройная, миловидная женщина, въ шерстяномъ сѣромъ платьѣ и въ шелковой кофейнаго цвѣта шубейкѣ, подбитой куньимъ мѣхомъ, и въ темной бархатной шалочкѣ, отороченной соболемъ. Вдовушка прошла сторонкой подлѣ стѣнъ и стала рядомъ съ Фленушкой.

— За молитвы святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ, громко возгласила мать Манефа.

— Аминь, отвѣтила бѣлица стоявшая середи часовни за налоемъ и справлявшая должность канонарха. Неслѣшно, истово, какъ бы отчеканивая каждое слово, начала она чтеніе часовъ.

Чинно, уставно, съ полнымъ благоговѣніемъ справляли службу. Мать Аркадія, какъ уставщица, стояла у аналоя, поставленнаго середи солеи и подобно церковному престолу покрытаго со всѣхъ сторонъ дорогою парчей. Въ положенное время Аркадія, поклонясь игуменьѣ, дѣлала возгласы. Всѣ стояли рядами недвижно, всѣ погружены были въ богомысліе и молитву, никто слова не молвитъ, никто не взглянетъ на сторону—оборони Богъ увидитъ матушка Манефа, а она зоркая, даромъ что черный флеръ покрываетъ половину лица ея. Увидитъ, тутъ же при всѣхъ осрамитъ—середи часовни на поклоны поставитъ, не посмотритъ ни на лѣта, ни на почетъ провинившейся. Всѣ разомъ крестились и кланялись въ положенное уставомъ время, всѣ въ разъ бросали предъ поклонами на полъ подручники, всѣ въ разъ поднимали ихъ, всѣ въ разъ перебирали лѣствки. Часа полтора продолжалось протяжное чтеніе часовъ и медленное пѣніе на клиросахъ. Наконецъ мать Манефа сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и прочитала „прóщу“. Всѣ поклонились ей до земли и она также. Затѣмъ рядами пошли всѣ вонъ изъ часовни.

Сойдя съ паперти, шедшая впереди всѣхъ мать Манефа остановилась, пропустила мимо себя ряды инокѝнь, и когда вслѣдъ за ними пошла Марья Гавриловна, она сдѣлала три шага ей на встрѣчу. Обѣ низко поклонились другъ другу.

— Здравствуете ли, сударыня Марья Гавриловна? ласковымъ голосомъ спросила у нея мать Манефа.—Какъ васъ Богъ милуетъ, все ли по добру по здорову?

— Вашими святыми молитвами, матушка, отвѣчала Марья Гавриловна. Вы какъ съѣздили?

— Что̀ про меня старуху спрашивать? отвѣтила Манефа,— Ужъ наши годы такіе: скорби да болѣзни. Все почти время

прохворала, сударыня.... Братецъ Паталъ Максимычъ приказалъ вамъ поклониться, Аксинья Захаровна, Настя съ Парашей....

— Благодаримъ покорно, съ улыбкой отвѣтила Марья Гавриловна.—Здоровы ли всѣ они?

— Слава Богу, сударыня Марья Гавриловна, сказала Манефа, и понизивъ голосъ прибавила: — Братецъ-то скорбитъ очень что вы не посѣтили его.... Самъ себя бранитъ, желательно было ему самому пріѣхать къ вамъ позвать къ себѣ, да дѣла такія подошли, задержали. Очень ужь онъ опасается не оскорбились ли вы...

— Э, полноте, матушка, отвѣчала Марья Гавриловна,—да развѣ я затѣмъ въ обитель пріѣхала чтобы по гостямъ на пиры разъѣзжать? Мнѣ покой нуженъ, тихая жизнь... Простите, матушка, прибавила она, поклонясь игуменьѣ и намѣреваясь идти домой.

— До свиданія, сударыня, отвѣтила Манефа. — Вотъ я не на долгое время въ келарню схожу, люди тамъ меня ждутъ, а послѣ къ вамъ прибреду, коли позволите.

— Милости просимъ, удостойте, отвѣчала Марья Гавриловна.—Будемъ ждать. Фленушка, прибавила она обращаясь къ ней,—пойдемъ ко мнѣ, Марьюшка!—ко мнѣ на чашку чаю.

И поклонясь еще разъ матери Манефѣ, Марья Гавриловна пошла къ своему домику, а за нею Фленушка и головщица.

Мать Манефа со всѣми инокинями, бѣлицами и сиротами прошла въ келарню. Тамъ столы были уже накрыты, но кушанье еще не подано. Въ дверяхъ встрѣтила игуменью мать Виринея съ своими подручницами и поклонилась до земли. Клиросанки запѣли тропарь преподобному Ефрему Сирину, по окончаніи его мать Манефа проговорила „прощу“ и сѣла на свое мѣсто. Инокини разсѣлись по сторонамъ по старшинству; бѣлицы стояли за ними. Лицомъ къ игуменьѣ у самыхъ дверей рядами стояли пришедшіе сироты. Легкій шопотъ раздавался по келаркѣ. Мать Манефа ударила въ кандію, и все смолкло.

— Здравствуйте, о Христѣ Іисусѣ, сказала она, обращаясь къ сиротамъ.

Тѣ въ разъ поклонились ей до земли.

— Богъ вамъ милости прислалъ, продолжала мать Манефа, а Паталъ Максимычъ Чапуринъ кланяться велѣлъ.

Сироты еще разъ молча поклонились до земли.

— Говорила я ему про вашу бѣдность и нужды, вотъ приходитъ молъ Сырная недѣля, къ Великой Четыредесятницѣ пріуготовленіе, а сиротамъ нашимъ не на что̀ мучки купить да маслица. И Паталъ Максимычъ пожаловалъ вамъ, братія и сестры, по рублю ассигнаціями на дворъ.

— Дай Богъ многолѣтняго здравія Паталу Максимычу и всему дому его, проговорили сироты, опять кланяясь до земли.

Бабы отирали слезы, мужики гладили бороды, а ребятишки, которыхъ сироты выставили напередъ, разинувъ ротъ смотрѣли удивленными глазами на игуменью и сидѣвшихъ вокругъ нея инокинь.

— По муку да по крупу на базаръ вамъ ѣздить не надо, продолжала мать Манефа не допускающимъ противорѣчія голосомъ.—Нечего время-то попусту тратить. Отпусти, мать Таифа, сиротамъ на каждый дворъ муки да масла. Сняточковъ прибавь, судачка вяленаго, да пшеничной мучки на пряженцы. Разочти чтобы на дворъ по рублю съ четвертью обошлось. По четверти отъ нашей худости примите, промолвила мать Манефа обращаясь къ сиротамъ.

Почесалъ иной мужикъ-сирота затылокъ, а бабы скорчили губы, ровно уксусу хлебнули. Сулили по рублю деньгами—кто чаялъ шубенку починить, кто соли купить, а кто думалъ и про чару зелена вина. А все-таки надо было еще разъ земно кланяться матушкѣ Манефѣ за ея милости....

— Молитесь же за здравіе рабовъ Божіихъ Паталія, Ксеніи, Анастасіи и Параскевы, продолжала мать Манефа.—Дѣвицы возьмите по бумажкѣ да пишите сиротамъ на ламять за кого молиться. Кромѣ семьи Патала Максимыча еще благодѣтели будутъ.

Три бѣлицы принесли бумаги и стали писать „памятки“ для раздачи сиротамъ. Мать Манефа вынула изъ кармана три письма и подавъ казначеѣ, сказала:

— Читай, мать Таифа.

Надѣвъ на носъ очки въ мѣдной оправѣ, мать Таифа стала читать:

„Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Аминь. Крайняго и пресвѣтлаго, грядущаго града небеснаго Іерусалима взыскательницѣ, любозрительныхъ же и огнелучныхъ ангельскихъ силъ ревнительницѣ, плоть свою Христа ради изнурившей, твердому и незыблемому адаманту древлеблагочестивыя отеческія нашея вѣры, пресвѣтло аки луча солнечная

сіяющей во благочестіи и христоподражательномъ пребываніи, пречестной матушкѣ Манефѣ, о еже во Христѣ съ сестрами пречестныя обители Покрова Пресвятыя Богородицы земнокасательное поклоненіе и молитвенное прошеніе о еже приносити Подателю всякихъ благъ, Всевышнему Богу о насъ грѣшныхъ и недостойныхъ святыя и пріятныя ваши молитвы. По семъ возвѣщаемъ вашей любви о Божіемъ посѣщеніи на домъ нашъ бывшемъ, ибо сего января въ 8 день на память преподобнаго отца нашего Георгія Хозевита возлюбленнѣйшій сынъ нашъ Герасимъ Никитичъ отъ сего тлѣннаго свѣта отъиде и преселися въ вѣчный покой. И вамъ бы его поминати на двадцатый и на сороковой день, полугодовыя и годовыя памяти творити и вписати бы его въ сенаникъ и вѣчно поминати его, а въ день кончины его и на тезоименитство, 4го марта, кормы ставить, по четыре яствы горячихъ и квасы сыченые, и кормити опричь обительскихъ и сиротъ, которые Бога ради живутъ въ скитѣ вашемъ. Пять сотъ рублевъ на серебро вкладу на вѣчное поминовеніе пришлемъ съ Ростовской ярмарки а теперь посылаемъ двѣсти пятьдесятъ рублевъ ассигнаціями въ ручную раздачу по обители и по сиротамъ и по всѣмъ старымъ и убогимъ, которые Бога боящеся живутъ постоянно: на человѣка на каждаго по скольку придется и вы по нимъ по рукамъ раздайте. А насъ письменно увѣдомьте всѣ ли получили деньги и означьте въ письмѣ вашемъ доподлинно имена обительскихъ, а также и сиротъ которымъ раздадите наше усердное приношеніе. Только тѣмъ подавайте, которые хорошо молятся и живутъ постоянно, помолились бы хоть по три поклона на день во всѣ шесть недѣль за Гарашу покойника и за насъ, о здравіи Никиты и Евдокіи и о вдовицѣ Гарашиной Анисіи съ чадами. А здѣсь у насъ на дому молятся хорошо—негасимую и всенощную читаетъ ваша читалка, Аринушка, прилежно и усердно, все чередомъ идетъ. У Богдановыхъ она годовую отчитала и мы ее взяли къ себѣ. А какъ у насъ отчитаетъ, то мы пришлемъ въ вашу обитель еще приношеніе по силѣ возможности. За симъ прикладая къ стопамъ ногъ вашея честности и паки прося святыхъ вашихъ молитвъ, остаемся ваши доброжелатели Никита Зарубинъ съ сожительницею, снохою и внучатами.“

— Пишите, дѣвицы, сказала мать Манефа, въ рядъ послѣ Патала Максимыча семейства: „за здравіе Никиты, Евдокіи, Анисіи съ чадами“, а на затылѣ пишите „за упокой Герасима новопреставленнаго“. Читай другое письмо, мать Таифа.

„Пречестная матушка, Манефа Максимовна, съ собранными о Христѣ сестрами, здравствуйте. Когда мы видѣлись съ вами, матушка, послѣдній разъ у Макарья въ прошедшую ярмарку въ лавкѣ нашей на Стрѣлкѣ, то сказывалъ я вашей чести чтобы вы хорошенько Богу молились даровалъ бы Господь мнѣ благое послѣшеніе по рыбной части, такъ какъ я впервые

еще тогда въ рыбную коммерцію попалъ и очень боялся чтобы мнѣ въ карманъ не наклали, потому что доселѣ все больше по подрядной части маялся, а рыба для насъ было дѣло закрытое. И теперь вижу что Бога молили вы какъ не надо лучше, потому что вотъ какъ предъ самимъ истиннымъ Христомъ, вовсе не думалъ по рыбѣ займоваться, потому думалъ дѣло плевое, а вышло дѣло-то способное. И вашими святыми молитвами на судакѣ взялъ я по полтинѣ барыша съ пуда, да на коренной двадцать три колѣйки съ деньгой. А Егоръ Трифоновъ хотѣлъ перебить у меня эту часть, да и проторговался. Такъ ему хорошо въѣхала судачина, что колѣекъ по двѣнадцати съ пуда скостить должонъ, а икра вся прогоркла да почитай и совсѣмъ протухла; развѣ что въ Украйну сбуритъ, а здѣсь на Москвѣ никто такой икры и лизнуть не захочетъ. И такое Божіе милосердіе вашимъ святымъ молитвамъ приписуючи, шлю вамъ, матушка, сто рублевъ на серебро на раздачу обительскимъ да сиротамъ по рукамъ, которые хорошо Бога молили. А Игнатьевымъ въ обитель отнюдь не давайте для того что онѣ за Егорку Трифонова Бога молятъ, онъ еще у Макарья при моихъ глазахъ деньги имъ давалъ и судаками. Только ихняя-то молитва видимо не такъ до Бога доходна, какъ ваша, просимъ и впредь не оставить, молиться хорошенько чтобы Господь по нашей торговлѣ больше барышей подавалъ. А поминать за здравіе меня да супругу нашу Домну Григорьевну. За симъ пожелавъ вамъ всякаго благополучія, остаемся извѣстный вамъ Сергѣй Орѣховъ."

— Пишите, дѣвицы, „за здравіе Сергія и Домны", проговорила обычнымъ, невозмутимымъ своимъ голосомъ мать Манефа. — Читай третье письмо, мать Таифа.

„Любезненькая наша матушка Манефа, ангельскія твои уста, серафимскія твои очи, что это вы матушка давно намъ не отписываете какова въ трудахъ своихъ подвизаетесь и о здоровьѣ вашемъ и о Фленушкѣ милой ничего мы не знаемъ, какъ она голубушка наша поживаетъ, и про племянницъ вашихъ, про Пасгасью Патаповну, Прасковью Патаповну. А мы съ Дуняшей каждый день васъ поминаемъ, какъ лѣтось гостили въ вашей обители и ужъ такъ вами были обласканы, и ужъ такъ всѣмъ были удовольствованы, что остается только Богу молиться, чтобъ и еще когда сподобилъ въ вашемъ честномъ пребываніи насладиться спасительною вашею бесѣдой. Извѣщаю васъ, матушка, что Дунюшкѣ моей Богъ судьбу посылаетъ. Сосватана она за Петра Александрыча Саблукова—въ нашемъ городу что ни на есть первые люди, а Петръ Александрычъ хоша и вдовецъ, однако же бездѣтенъ, и самому всего двадцать седьмой годочекъ пошелъ. У отца у ихняго фабрика здѣсь кумачевая, два сына да дочка за мужемъ отдѣленная, а въ капиталѣ они въ хоротемъ. Одно только что по единовѣрію они, по новоблагословенной значитъ, какъ въ

Москвѣ у Салтыкова моста, аль по вашимъ мѣстамъ Медвѣдевской церкви, а впрочемъ люди хорошіе. Свадьбу сыграемъ въ пятницу предъ Масляной, хоша и не все приготовлено, да не ждать же Ѳоминой недѣли, что хорошаго томить жениха съ невѣстой. А присватался-то поздненько, въ самое Богоявленье по рукамъ били. При семъ посылаю вамъ, матушка, сто двадцать рублевъ на серебро, помолились бы вы и ваши богоугодныя сестры, а также которые сироты живутъ постоянно, за дочку за нашу и за жениха, чтобы послалъ имъ Господь бракъ честенъ, ложе нескверно и житіе безмятежно. А бисерную лѣстовку и подручникъ шитый по канвѣ получили и много за то благодарствуемъ. За симъ прося вашихъ святыхъ и до Бога доходныхъ молитвъ и уповая на милость вашу, остаюсь доброжелательница ваша Наталья Шарымова."

— Пишите: „за здравіе Петра, Евдокіи и Наталіи", сказала мать Манефа.

— Можно ли, матушка, жениха-то поминать? Вѣдь онъ не нашего согласа, наклонясь къ игуменьѣ шепотомъ спросила уставщица мать Аркадія.

— Поминайте жениха безъ сомнѣнія, громко отвѣтила мать Манефа. — Инославныхъ за упокой поминать не подобаетъ, а за здравіе можно. Молимся же за Державнаго, за боляры и за вои.

— Такъ то вѣдь власти, матушка, продолжала полушепотомъ мать Аркадія. — За всяку власть предержащую по Апостолу молимся. А Шарымовскій женихъ что намъ за власть?

— За то благодѣтель, молвила мать Манефа.— А за благодѣтелей первѣе всего подобаетъ молиться. Впрочемъ, вольному воля, прибавила немного помолчавъ мать Манефа — кому не по совѣсти молиться за Петра Александрыча тотъ не молись. Сказывайте кому не по совѣсти, того мы выключимъ изъ раздачи Шарымовскихъ денегъ.

Оказалось что всѣмъ было по совѣсти. Никто не отказался отъ части въ Шарымовской присылкѣ.

— Мать Таифа, сказала игуменья, вставая съ мѣста.—Тысячу двадцать рублевъ на ассигнаціи разочти какъ слѣдуетъ и по чемъ придется сиротамъ раздай сегодня же, и ты имъ на Масляницу сегодня же все раздай, матушка Виринея... Да голодныхъ изъ обители не отпускай, накорми сиротъ чѣмъ Богъ послалъ. А я за трапезу не сяду. Неможется что-то съ дороги-то,—лечь бы мнѣ, да боюсь: поддайся одной болѣ, да ляг—другую наживешь, ужъ какъ-нибудь бродя переможусь. Прощайте, матери, простите братія и сестры.

Провожаемая низкими поклонами и громкими благодарностями сиротъ, мать Манефа медленно удалилась изъ келарни.

Проводя игуменью, всѣ стали вокругъ столовъ. Казначея мать Таифа, какъ старѣйшая, заняла мѣсто настоятельницы. Подали въ чашкахъ кушанье, Таифа ударила въ кандію, прочитали молитву предъ трапезой, сѣли и начали обѣдать въ строгомъ молчаніи. Только одинъ рѣзкій голосъ „канонницы", на распѣвъ читавшей житіе преподобнаго Ефрема Сирина, уныло раздавался по келарнѣ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

КАКЪ ОТДАРИЛЪ
ТУРЕЦКІЙ СУЛТАНЪ
МОСКОВСКАГО ЦАРЯ*

(ИЗЪ СЕРБСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ).

Идутъ письма изъ земли Московской
Черезъ грады многіе и земли,
Идутъ, идутъ, и въ Стамбулъ приходятъ;
И везутъ ихъ въ золотыхъ каретахъ
Къ самому Турецкому султану;
А при письмахъ царскіе подарки, —

* Вукъ Кераджичъ, помѣстивъ эту пѣсню въ III томѣ своихъ *Сербскихъ пѣсенъ*, сопровождаетъ ее слѣдующимъ примѣчаніемъ:
„Вездѣ въ нашемъ народѣ живетъ убѣжденіе что всѣ бывшіе у Турокъ разныя дорогія и священныя вещи отвезены въ Россію. Такъ я слышалъ другую пѣсню, въ которой взяты лица изъ новѣйшаго времени и разказывается какъ царица Московская „госпа Елисавка“ (государыня Елисавета) писала письмо Турецкому царю Сулейману о томъ что у него находится ея „отчина“, то-есть принадлежащія ей по наслѣдству вещи:

Золотой вѣнецъ царя Симеона
И одежда святаго Іоанна,
Знамя съ крестомъ царя Константина,
Златой посохъ святаго отца Саввы,
Острая сабля Сильнаго Стефана
И икона отца Димитрія.

Для султана: — золотое блюдо,
А на немъ стоитъ мечеть златая,
А вокругъ мечети змѣй обвился,
Въ головѣ жь у змѣя — алемъ-камень,
Самоцвѣтный камень, при которомъ
Можно ночью и ходить и видѣть,
Словно днемъ, когда сіяетъ солнце.
Ибрагиму, султанскому сыну:
Дорогія острыя двѣ сабли,
По шнурку на сабляхъ, золотые,
На шнуркахъ по дорогому камню;
А султаншѣ: для румянъ сосудецъ;
Весь имѣлъ онъ видъ гнѣзда сокольи;
На гнѣздѣ — насѣдка-сокониха,
Соколята смотрятъ изъ-подъ крыльевъ.
Все изъ чиста злата, хитрой рѣзьбы.

и чтобъ онъ доставилъ ей эти вещи. Она же ему за это дастъ миръ на тридцать лѣтъ, будетъ посылать ему пшеницы чтобы продовольствовать войско въ теченіе девяти лѣтъ, и кромѣ того построитъ златую мечеть, а

На мечети тридцать минаретовъ,
А зубцы на нихъ изъ чиста злата,
И будетъ на ней еще двѣнадцать шаровъ,
Въ каждомъ шарѣ драгоцѣнный камень,
И на весь Царьградъ мечеть засвѣтитъ ночью,
Такъ какъ днемъ сіяетъ солнце.
Если жь не отдашь мнѣ моего наслѣдья,
Подымайся всей своею ратью
И иди на Кіевское поле.
Учинимъ съ тобою поединокъ;
Саблею съ тобой размѣримъ землю,
Или отчину свою добуду,
Или расплюсь свою московскую саблю.

На это султанъ отвѣчалъ очень красно и смиренно что у него больше нѣтъ ея „отчины", а что все находится въ Крыму у Татарскаго царя. Тогда она писала Татарскому царю и просила его чтобъ онъ отдалъ ея „наслѣдіе"; она же построитъ ему большую мечеть и дастъ миръ, и пришлетъ пшеницы еще больше чѣмъ сколько обѣщала Турецкому султану. Но царь Татарскій отвѣчалъ грубо и непристойно, говоря что ея наслѣдіе точно у него находится, только онъ не отдастъ, а пойдетъ на нея войной чтобы „Петриборъ" (Петербургъ) съ землей поровнять, а сыновей ея и дочерей и ее самое въ полонъ забрать и потурчить, и т. д. И началась война, и „госпа Елисавка" завладѣла Крымомъ и добыла назадъ свое наслѣдіе.

Получивъ подарки дорогіе,
Сталъ султанъ кручиниться и думать
Что̀ бъ царю московскому отправить,
Честь за честь, за дорогой подарокъ?
Думалъ, думалъ, ничего не вздумалъ.
Кто придетъ къ нему, передо всѣми
Начинаетъ хвастаться, какіе
Шлетъ ему подарки царь Московскій.
И никто сказать ему не можетъ
Чѣмъ царя бы отдарить за милость.
Вотъ паша приходитъ Соколовичъ,
Хвалится султанъ ему дарами;
За пашой пришли ходжа и кадій,
Поклонились низко, цѣловали
У султана руку и колѣно;
Имъ султанъ дарами началъ хвастать,
И потомъ сталъ спрашивать обоихъ:
„Слуги вы мои, ходжа и кадій,
„Вы вдвоемъ меня не вразумите ль
„Что̀ послать въ Московскую мнѣ землю,
„Изъ моей земли царю въ подарокъ?“
Отвѣчали и ходжа и кадій:
„Царь-султанъ! Твоя надъ нами воля,
„А мы вздумать ничего не можемъ;
„Ты позвалъ бы старца-патріарха,
„Онъ скорѣй научитъ и укажетъ
„Что̀ послать и чѣмъ доволенъ будетъ
„Государь великій царь Московскій.“
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Своего послалъ тотчасъ каваса,
Чтобы позвалъ старца-патріарха.
И когда пришелъ къ султану старецъ,
Показалъ султанъ ему какіе
Получилъ подарки, и промолвилъ:
„О слуга мой, старче патріарше!
„Ты меня не вразумишь ли, старче,
„Что̀ послать въ Московскую мнѣ землю
„Чтобы былъ подарками доволенъ
„Государь великій царь Московскій.“
Тихо старецъ отвѣчалъ султану:
„Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!

„Мнѣ ль учить твою велику мудрость?
„Въ простотѣ дозволь мнѣ слово молвить,
„Какъ Господь мнѣ на сердце положитъ.
„Есть въ твоемъ великомъ государствѣ
„Что царю Московскому отправить,
„Что тебѣ совсѣмъ не на потребу,
„А ему весьма угодно будетъ.
„Посохъ есть отъ Нѣманича Саввы,
„Златъ вѣнецъ царя есть Константина,
„Іоанна Златоуста ризы,
„Да съ святымъ крестомъ на древкѣ, знамя
„Что держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
„Никакой тебѣ въ нихъ нѣтъ потребы,
„А царю угодны будутъ, знаю.“
Полюбилась эта рѣчь султану,
И велѣлъ онъ старцу-патріарху
Чтобы справилъ для царя подарки
И вручилъ ихъ по́сланцамъ московскимъ.
Патріархъ, какъ слѣдуетъ, все справилъ,
И вручая по́сланцамъ, сказалъ имъ:
„Поѣзжайте, милые, вы съ Богомъ;
„Но большой не ѣздите дорогой,
„А идите лѣсомъ и горою,
„Будетъ вамъ во слѣдъ погоня злая
„Чтобъ отнять у васъ сіи святыни,
„Выше коихъ нѣтъ для христіанства.
„Я сложу главу свою за это,
„Грѣшное мое погибнетъ тѣло,
„Но душа моя чрезъ то спасется.
„И затѣмъ простился съ посланцами.“
И султанъ доволенъ былъ что кончилъ
Наконецъ съ такимъ мудренымъ дѣломъ,
И что все такъ дешево устроилъ;
Передъ всѣми началъ похваляться.
Вотъ паша приходитъ Соколовичъ,
И ему султанъ сказалъ, похвастался:
„Угадай, паша, слуга мой вѣрный,
„Что къ царю Московскому послалъ я?
„Далъ я посохъ Нѣманича Саввы,
„Златъ вѣнецъ царя далъ Константина,
„Іоанна Златоуста ризы,

„Да, съ святымъ крестомъ на древкѣ, знамя
„Что̀ держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.
„Въ нихъ мнѣ вовсе не было потребы,
„А царю они угодны будутъ.“
И спросилъ султана Соколовичъ:
„По чьему жъ ты сдѣлалъ такъ совѣту?“
И султанъ ему отвѣтилъ прямо:
„По совѣту старца-патріарха.“
И сказалъ на это Соколовичъ:
„Царь-султанъ, пресвѣтлое ты солнце!
„Если ты царю послалъ святыни
„Выше коихъ нѣтъ для христіанства,
„Приложилъ бы къ нимъ ужь тоже кстати
„И ключи отъ своего Стамбула!
„Все равно—отдать придется послѣ,
„И съ великимъ для тебя позоромъ!
„Вѣдь на этихъ на однѣхъ святыняхъ
„Все твое и утверждалось царство!“
Услыхалъ султанъ такія рѣчи,
Слохватился и всплеснулъ руками,
И пашѣ приказывалъ поспѣшно:
„Гой еси, паша, слуга мой вѣрный,
„Собери ты Турковъ-янычаровъ,
„Догони ты по́сланцевъ московскихъ,
„Отбери у нихъ мои подарки,
„Отбери святыни, на которыхъ
„Все мое и утверждалось царство!“

Собралъ войско храбрый Соколовичъ
И поѣхалъ по большой дорогѣ;
Ищетъ, ищетъ по́сланцевъ московскихъ,
Не нашолъ нигдѣ, домой вернулся,
Говоритъ султану что не видѣлъ,
Какъ ни бился, по́сланцевъ московскихъ.
И султанъ пришелъ въ велику ярость,
Закричалъ пашѣ онъ зычнымъ гласомъ:
„Такъ поди, паша, слуга мой вѣрный,
„И убей ты старца-патріарха.“
Побѣжалъ паша приказъ исполнить,
И схватилъ онъ старца-патріарха
И взмахнулъ надъ нимъ ужъ острой саблей.

Патріархъ же старецъ молвилъ тихо:
„Господинъ паша, остановися,
„Погоди, не обагряй, ложалуй,
„Землю кровью праведной моею,
„А не то три года быть засухѣ,
„Ничего земля родить не станетъ.“
Услыхалъ паша что̀ молвитъ старецъ
И ловелъ его на сине море,
И занесъ надъ нимъ ужь остру саблю;
Говоритъ опять великій старецъ:
„Господинъ паша, остановися,
„Не губи меня на синемъ морѣ,
„Встанетъ буря, море возмутится,
„Корабли потопитъ и галеры,
„Города зальетъ, размоетъ землю.“
Напугать пашу такъ думалъ старецъ,
Да паша не сталъ ужь старца слушать
И отсѣкъ главу его святую.
Далъ Господь въ своемъ раю небесномъ
Прославленье праведному мужу,
Намъ же, братья, радость и весселье.

А. МАЙКОВЪ.

НАШИ „ИСТИННЫЕ ПРІЯТЕЛИ“

(1740—1744).

Архивъ князя Воронцова, кн. I. Москва, 1870.

Одна изъ характеристическихъ чертъ нашей исторіи въ продолженіе значительной части XVIII вѣка есть вліяніе иностранныхъ дворовъ на наши дѣла. Это вліяніе обнаружилось вслѣдъ за смертію Петра I и прекратилось только со вступленіемъ на престолъ Екатерины II. Въ 1726 году Екатерина I заключила съ Вѣнскимъ дворомъ союзъ о взаимной помощи, весьма выгодный для послѣдняго, такъ какъ онъ могъ ожидать наладеній со многихъ сторонъ, и вовсе не выгодный для Россіи, которой никто не угрожалъ. Цесарскій посланникъ при русскомъ дворѣ былъ такъ силенъ что самъ Меншиковъ принужденъ былъ искать его дружбы, и многіе современники полагали что въ составленій духовнаго завѣщанія Екатерины I, опредѣлявшаго порядокъ престолонаслѣдія, участвовали, кромѣ князя Меншикова, голштинскій министръ Бассевичъ и цесарскій посолъ графъ Рабутинъ. Такое мнѣніе современниковъ не опровергнуто и до нынѣ, да оно подтверждается и тѣмъ что завѣщательница просила Германскаго императора наблюдать за точнымъ исполненіемъ ея послѣдней воли (л. 14). При Аннѣ вліяніе Вѣнскаго двора было едва ли

не еще болѣе сильно; графъ Остерманъ, управлявшій въ это время безраздѣльно дѣлами нашей внѣшней политики, вполнѣ подчинился этому двору. Трактатъ 1726 года былъ возобновленъ, и вслѣдствіе заключавшихся въ немъ обязательствъ, Россія едва не была вовлечена въ войну съ Франціей, не только безъ всякихъ вѣроятностей на выгоды для себя, но и безъ всякихъ причинъ. Извѣстно также что поводомъ къ избранію принца Антона Брауншвейгскаго въ супруги Аннѣ Леопольдовнѣ было родство его съ Габсбургскимъ домомъ. Такимъ образомъ этотъ дворъ надолго, казалось, обезпечилъ себѣ господство въ Россіи.

Но такое постоянное преобладаніе австрійскаго вліянія въ Петербургѣ возбудило соревнованіе и въ другихъ дворахъ. Людовикъ XV, строго слѣдовавшій въ продолженіе многихъ лѣтъ традиціонной политикѣ Франціи,—подрывать вездѣ гдѣ возможно значеніе Австріи, нашелъ удобнымъ сдѣлать между прочимъ и Петербургъ поприщемъ такой борьбы; обстоятельства же весьма тому благопріятствовали. Брачный союзъ между племянницей императрицы принцессой Мекленбургскою и Антономъ Брауншвейгскимъ хотя и могъ обезпечить престолонаслѣдіе, но извѣстія о здоровьи государыни приходившія въ Версаль подавали поводъ думать что она не доживетъ до совершеннолѣтія своего наслѣдника, а въ Версалѣ знали что переходъ русскаго престола въ потомство царя Іоанна не согласенъ съ завѣщаніемъ Екатерины I. Тамъ знали также и то что потомство Петра Великаго не пресѣклось, и что въ Россіи многіе считали неправильнымъ устраненіе цесаревны Елисаветы отъ престола. Такимъ образомъ казалось возможнымъ при кончинѣ императрицы Анны возбудить вопросъ о престолонаслѣдіи,—вопросъ, рѣшеніе котораго въ томъ или другомъ смыслѣ не могло, естественно, не интересовать европейской политики.

Но Франція и Россія находились въ продолженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ въ холодныхъ между собою отношеніяхъ; со времени устраненія отъ польскаго престола Станислава Лещинскаго и взятія въ плѣнъ французскаго отряда пришедшаго ему на помощь, Россія и Франція имѣли въ Парижѣ и Петербургѣ не посланниковъ, а второстепенныхъ резидентовъ. При русскомъ дворѣ, гдѣ господствовали Нѣмцы, не любили Францію и Французовъ, но оставляли ихъ въ покоѣ; напротивъ того, суетливая, безпокойная политика Версальскаго

двора считала обязанностію дѣятельно противоборствовать возникавшему значенію Россіи; она употребляла величайшія усилія и тратила большія деньги чтобы пересилить насъ въ Польшѣ и Швеціи, чтобы создавать намъ враговъ въ этихъ странахъ, и постоянно подстрекала противъ насъ Турцію, въ то время казавшуюся еще могущественною и гдѣ французское посольство пользовалось въ описываемое время такимъ же значеніемъ какъ нынѣ британское. Весьма замѣчательно при этомъ что въ Константинополѣ, Варшавѣ и Стокгольмѣ, французскіе дипломаты, исчисляя свои неудовольствія противъ Россіи и возбуждая противъ ней своихъ союзниковъ, довольно благосклонно отзывались о Русскомъ народѣ и выставляли предметомъ своего неудовольствія единственно „иностранное правительство“ утвердившееся въ Петербургѣ.... Не взирая однакожъ на такой недружелюбный образъ дѣйствія французскаго двора, туда по распоряженію этого „иноземнаго правительства“ назначенъ былъ въ 1738 году полномочный министръ,—князь Антіохъ Кантеміръ, а въ Петербургъ—маркизъ де-ла-Шетарди.

Двукратное посольство этого послѣдняго составляетъ очень любопытный эпизодъ въ исторіи дипломатіи и съ особенною яркостью живописуетъ ту особенность судебъ Россіи на которую было указано въ началѣ. Едва ли не одинъ маркизъ Селламаръ, — испанскій посланникъ во Франціи въ малолѣтство Людовика XV,—оставилъ міру примѣръ такой дерзкой и безцеремонной интриги какую велъ въ Россіи помянутый французскій дипломатъ; но во Франціи интриговалъ одинъ Селламаръ, а у насъ одновременно съ маркизомъ Шетарди велъ другую интригу цесарскій посолъ, маркизъ Ботта.... Мы коснемся здѣсь лишь того что̀ относится къ образу дѣйствій французскаго дипломата, пользуясь депешами его, напечатанными въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ *Архивѣ князя Воронцова*; а такъ какъ эти депеши относятся лишь ко вторичному пребыванію Шетарди въ Петербургѣ, то мы присоединимъ сюда и тѣ свѣдѣнія которыя заключаются въ прекрасномъ изданіи г. Пекарскаго *Маркизъ де-ла-Шетарди*, гдѣ собраны депеши того же дипломата во время перваго его посольства.

I.

Маркизъ Шетарди пріѣхалъ въ Петербургъ 15го декабря 1739 года. Въ инструкціи которая была ему дана, заключалось между прочимъ слѣдующее:

„Состояніе Россіи не обезпечено еще настолько чтобы не опасаться внутреннихъ переворотовъ. Иноземное правительство, чтобъ утвердиться, ничѣмъ не пренебрегало для притѣсненія и разгнанія старинныхъ русскихъ фамилій; но несмотря на всѣ усилія, все еще остаются недовольные иноземнымъ игомъ: они вѣроятно прервутъ молчаніе и оставятъ бездѣйствіе, когда будутъ въ возможности сдѣлать это съ безопасностью и успѣхомъ. Нынѣ король не можетъ, по справедливости, имѣть вѣрныя подробности объ этомъ положеніи, но вспоминая незначительность права которое возвело на русскій тронъ герцогиню Курляндскую (императрицу Анну), когда была принцесса Елисавета и сынъ герцогини Гольштейнской, трудно предполагать чтобы за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія.

„Король не имѣетъ предписывать ничего касательно этого предмета своему посланнику. Было бы даже очень опасно предпринять что-нибудь такое что̀ высказало бы какое бы то ни было любопытство или разчетъ въ этомъ случаѣ; но въ то же время весьма важно чтобы маркизъ де-ла-Шетарди, употребляя всевозможныя предосторожности, узналъ какъ возможно вѣрнѣе о состояніи умовъ, о положеніи русскихъ фамилій, о вліяніи друзей которыхъ можетъ имѣть принцесса Елисавета, о сторонникахъ дома Гольштейнскаго которые сохранились въ Россіи, о духѣ въ разныхъ корпусахъ войскъ и тѣхъ кто ими командуетъ, наконецъ обо всемъ что̀ можетъ дать понятіе о вѣроятности переворота, въ особенности если царица скончается прежде чѣмъ сдѣлаетъ какое-либо предраспоряженіе о наслѣдованіи престоломъ"....

Дѣйствительно, какъ предвидѣлъ Версальскій дворъ, Россія готова была вступить въ эпоху смутъ и переворотовъ. 17го октября 1740 года,—слѣдовательно черезъ 10 мѣсяцевъ по прибытіи Шетарди въ Петербургъ, скончалась императрица Анна, оставивъ престолъ младенцу, а регентство Бирону; три недѣли послѣ ея кончины, именно въ ночь на 8е ноября, регентъ былъ арестованъ въ самомъ дворцѣ, и мѣсто его заняла мать императора, принцесса Брауншвейгская, которая въ свою очередь была арестована въ ночь на 25е ноября 1741 года цесаревной Елисаветой... Но не станемъ опережать собы-

тій и возвратимся къ послѣднимъ мѣсяцамъ царствованія Анны. Маркизу Шетарди, по силѣ данныхъ ему инструкцій, слѣдовало прежде всего сблизиться съ цесаревной. Но это было весьма трудно. Окруженная соглядатаями, цесаревна жила тихо и уединенно, посреди немногочисленнаго своего придворнаго штата. Благодаря свѣдѣніямъ напечатаннымъ въ *Архивѣ князя Воронцова*, мы знаемъ что этотъ штатъ состоялъ изъ двухъ священниковъ и діакона, нѣсколькихъ фрейлинъ,—исключительно родственницъ цесаревны по матери, двухъ камеръ-юнкеровъ, управляющаго ея имѣніями, лѣкаря, двухъ гофъ-фурьеровъ, камеръ-пажа, трехъ камердинеровъ, нѣсколькихъ каммеръ-юнферъ и служанокъ, двухъ кафешенковъ съ нѣсколькими лакеями, четырехъ музыкантовъ и бандуриста, кухмистера съ нѣсколькими поварами, лейбъ-кучера, семерыхъ пѣвчихъ, кузнеца, нѣсколькихъ прачекъ да нѣсколькихъ солдатъ при сержантѣ. Сравнительно съ многочисленною дворней окружавшею богатыхъ частныхъ людей того времени, придворный штатъ дочери Петра Великаго можно назвать ничтожнымъ. Маркизъ Шетарди привезъ съ собою изъ Франціи, кромѣ секретаря и кавалеровъ посольства, девять лицъ духовнаго званія, 30 пажей, камердинеровъ и ливрейныхъ слугъ, шесть поваровъ подъ управленіемъ главнаго кухмистера, не считая прислуги нанятой имъ въ Петербургѣ. Но кромѣ незначительности средствъ для того чтобы жить сообразно своему сану, Елисавета Петровна должна была ограничивать свои сношенія во избѣжаніе непріятностей со стороны императрицы. Поэтому французскому послу было весьма трудно сблизиться съ нею. „Стѣсненіе здѣсь развито до такой степени, писалъ Шетарди изъ Петербурга черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи туда, и иностранные министры, мои предшественники, такъ поддались ему, что никто изъ нихъ не бывалъ у великихъ княженъ.“ Узнавъ что цесаревна и принцесса Анна слегка нездоровы, онъ поѣхалъ къ нимъ чтобы навѣдаться о нихъ; но ни та, ни другая не рѣшились принять его лока не получили на то разрѣшенія. Соизволеніе императрицы послѣдовало, но при свиданіи французскаго посла съ ихъ высочествами находился гофъ-маршалъ, что впрочемъ не помѣшало ловкому Французу вверпуть нѣсколько значительныхъ словъ сказанныхъ цесаревнѣ вполголоса..... Не иначе какъ принимая большія предосторожности и употребляя множество мелкихъ хитростей, удалось ему сблизиться съ тѣ-

ми кто считался приверженцами Елисаветы. „Вообще, доносилъ Шетарди вскорѣ послѣ своего прибытія, Русскихъ не посѣщаютъ, а тѣхъ изъ нихъ которые всего болѣе имѣли бы охоту говорить, удерживаетъ страхъ."

Эти отзывы относятся ко времени императрицы Анны. При правительницѣ стѣсненія были не такъ чувствительны. Въ депешѣ отъ 21го февраля (ст. ст.) 1741 года, Шетарди, упоминая объ опасеніяхъ насчетъ жизни младенца-императора, говоритъ: „Что касается до принцессы Елисаветы, то она мнѣ сообщала что она не безъ подозрѣнія по этому предмету, а потому и ѣздитъ постоянно къ царю pour qu'on ne lui en imposat point à cet sujet". За нѣсколько времени предъ вышеозначеннымъ числомъ онъ имѣлъ съ нею разговоръ съ глазуна-глазъ. Мы не имѣемъ его отчета объ этомъ разговорѣ, но въ помянутомъ донесеніи своемъ отъ 21го февраля Шетарди говоритъ слѣдующее: „Осторожность моя въ этомъ случаѣ была такъ велика что я избѣгалъ бы выраженія ея довѣренности ко мнѣ, еслибы тайна не оставалась до сихъ поръ постоянно только между нею, тѣмъ Французомъ-хирургомъ (Лестокомъ) отъ котораго она ничего не скрываетъ, Нолькеномъ и мною".

Итакъ, въ началѣ 1741 года установились уже тайныя сношенія между цесаревной, Лестокомъ, шведскимъ и французскимъ посланниками. Эти сношенія касались безъ сомнѣнія вопросовъ высшей политики, а политическія обстоятельства того времени были чрезвычайно важны. Въ октябрѣ предшествующаго года скончался императоръ Германскій и наслѣдственный король Венгро-Богемскій Карлъ VI. Не имѣя сыновей, онъ завѣщалъ наслѣдственныя земли своего дома старшей дочери своей Маріи-Терезіи и еще при жизни добился утвержденія своего завѣщанія (прагматической санкціи) важнѣйшими дворами Европы. Но едва закрылъ онъ глаза, какъ Пруссія, Саксонія, Испанія и Баварія предъявили претензіи на нѣкоторыя части наслѣдственныхъ владѣній Австрійскаго дома, а курфирстъ Баварскій и на императорскую корону. Вступленіемъ въ Силезію Фридрихъ II началъ такъ-называемую войну за Австрійское Наслѣдство, которая раздѣлила всю западную Европу на два враждебные и весьма неравные лагеря. Сторону Маріи Терезіи приняли лишь весьма немногіе владѣльцы, между тѣмъ какъ противъ нея вооружилась большая часть Германіи"

съ Пруссіей во главѣ и въ союзѣ съ Франціей. Что касается до Россіи, то старыя ея связи склоняли ее на сторону Австріи, въ пользу которой высказался графъ Остерманъ; но Минихъ настаивалъ на союзѣ съ Пруссіей; а такъ какъ онъ только-что доставилъ принцессѣ Аннѣ званіе правительницы, то вліяніе его превозмогло. 16го декабря 1740 года подписанъ былъ въ Петербургѣ дружественный договоръ съ Пруссіей. Это было громкое торжество Миниха надъ Остерманомъ, но торжество кратковременное. Супругъ правительницы, тайно подстрекаемый Остерманомъ, поссорился съ Минихомъ, и этотъ послѣдній принужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ. Россія осталась при дружественныхъ трактатахъ заключенныхъ какъ съ Австріей такъ и съ Пруссіей, но симпатіи двора и первенствующаго министра находились на сторонѣ Австріи, въ пользу которой можно было ожидать что Россія склонится окончательно.

Капризная и задорная политика Людовика XV никакъ не хотѣла допустить этого, и чтобъ отвратить вѣроятное содѣйствіе Россіи видамъ Австріи, вздумала занять ее со стороны Швеціи, если можно, усилить эту старую свою союзницу на нашъ счетъ. Не безъ основанія почитая „иноземное“ правительство непопулярнымъ въ Россіи, французскій посланникъ въ Стокгольмѣ началъ внушать своимъ друзьямъ что настоящее время весьма удобно для того чтобы начать войну съ Россіей. Вы пропустили, говорилъ онъ, минуту когда военныя силы этой страны были отвлечены Турками, но императоръ-младенецъ, женщина-регентша, устраненіе отъ дѣлъ графа Миниха, лучшаго въ Россіи полководца, и общее неудовольствіе противъ „иностраннаго правительства“ водворившагося въ Петербургѣ, составляютъ все-таки весьма благопріятныя еще условія. Не забудьте, продолжалъ этотъ дипломатъ, что въ Россіи существуетъ и знамя вокругъ котораго могутъ сгруппироваться всѣ недовольные, существуетъ особа которая можетъ стать во главѣ ихъ: это цесаревна Елисавета. Приготовляйте здѣсь умы къ разрыву съ Россіей и добейтесь чтобы посланникъ вашъ въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ нашимъ, далъ понять этой принцессѣ что вы и мы—ея союзники, что она должна склонить и всю свою партію видѣть въ насъ друзей своихъ и содѣйствовать успѣхамъ шведскаго оружія всѣми зависящими отъ нихъ средствами, не исключая и революціи. Низвергнуть правительницу съ ея иноземнымъ министерствомъ и возвести на престолъ дочь Петра Перваго,—

вотъ желаніе всѣхъ истинныхъ Русскихъ и вотъ что̀ должно быть желаніемъ всякаго добраго Шведа, ибо новая императрица естественно должна будетъ доказать вамъ свою признательность какимъ-нибудь существеннымъ образомъ,—можетъ-быть возвращеніемъ земель завоеванныхъ ея отцомъ. Начинайте войну съ Россіей; Франція дастъ деньги на военныя издержки, а партія Елисаветы облегчитъ вамъ побѣду.

Такъ говорила французская политика въ Стокгольмѣ, и находила тамъ много сочувствующихъ слушателей. Особенную заманчивость сообщала такимъ рѣчамъ надежда найти союзниковъ въ самой Россіи.... Но какой именно разрядъ русскихъ людей имѣли въ виду шведскіе и французскіе политики? На какія именно силы придавленныя обстоятельствами, они разчитывали опереться, и вѣренъ ли былъ ихъ разчетъ? Настойчиво говоря объ „иностранномъ“ правительствѣ и о „чужеземцахъ“ захватившихъ власть, они думали найти союзниковъ въ національныхъ чувствахъ Русскаго народа, и въ этомъ-то заключалась слабая сторона плана нашихъ враговъ, та фальшь которая должна была ниспровергнуть ихъ разчеты. Маркизъ Шетарди нашелъ союзника въ довѣренномъ хирургѣ цесаревны; но онъ сильно ошибался заключая по Лестоку о той партіи знаменемъ которой была дочь Петра. Лестокъ, уроженецъ Ганновера и Французъ по происхожденію, былъ одинъ изъ тѣхъ космополитовъ всѣ политическія убѣжденія коихъ заключаются въ афоризмѣ ubi bene ibi patria; но не таковы были другія лица окружавшія Елисавету Петровну, не такова была она сама и не такова была масса русскихъ людей, въ сочувствіи которыхъ заключалась сила цесаревны. Принять иноземную помощь для того чтобы низвергнуть своихъ домашнихъ чужестранцевъ было пожалуй можно; но согласиться на расплату за эту помощь, поступиться пріобрѣтеніями добытыми кровію предковъ, унизить и ослабить Россію,—нѣтъ, не то завѣщалъ великій царь еще такъ недавно сошедшій въ могилу, не то внушали русскимъ людямъ ихъ умъ и сердце.

Но Елисаветѣ Петровнѣ сдѣланы были предложенія въ такомъ смыслѣ. Въ какой именно формѣ сдѣланы были эти предложенія и что̀ отвѣчала она на нихъ, мы не знаемъ. Но уже въ концѣ марта Шетарди сталъ замѣчать что цесаревна уклоняется отъ принятія въ отношеніи его и Нолькена формальныхъ обязательствъ; въ депешѣ отъ 31го марта (11го апрѣля), онъ говоритъ: „мы съ Нолькеномъ предполагаемъ что

ея партія, съ которою она не можетъ не совѣтоваться, представила ей что она сдѣлается ненавистною въ глазахъ народа, если откроется что она призвала Шведовъ и привлекла ихъ въ Россію, что̀ еще болѣе въ неблагопріятномъ свѣтѣ представится, если все что̀ она сдѣлаетъ для полученія короны, будетъ имѣть малѣйшій видъ пожертвованія....“ Казалось бы, это соображеніе должно было возбудить во французскомъ послѣ нѣкоторое сомнѣніе относительно сговорчивости „русской партіи.“ Но самомнѣніе, такъ свойственное Французамъ, спѣшило нарисовать ему иныя картины. „Если принцесѣ Елисаветѣ будетъ проложена дорога къ трону, писалъ онъ три недѣли спустя, то можно быть нравственно убѣжденнымъ что претерпѣнное ею прежде, также какъ и любовь ея къ своему народу, побудятъ ее къ удаленію иноземцевъ и къ совершенной довѣрчивости къ Русскимъ. Уступая склонности своей, а также и народа, продолжалъ маркизъ Шетарди, она немедленно переѣдетъ въ Москву; хозяйственныя занятія, къ которымъ склонны знатные, побудятъ послѣднихъ тѣмъ болѣе обратиться къ нимъ что они уже лишены того съ давнихъ временъ; морскія силы будутъ пренебрежены, и Россію увидятъ постепенно обращающеюся къ старинѣ. Это, повидимому, представлялось французскому дипломату вѣрнѣйшимъ средствомъ ослабить Россію. „Въ царствованіе Елисаветы, писалъ онъ 5го (16го) іюня, при ея лѣтахъ, успѣетъ укорениться *старина* настолько что принцъ, ея племянникъ, всосетъ ее (русскую *старину*) и привыкнетъ къ ней въ такой степени что когда наслѣдуетъ корону, то будетъ въ совершенномъ невѣдѣніи о другихъ началахъ“. Мы увидимъ однако что три года спустя дипломатъ и его правительство принуждены были совершенно измѣнить свой взглядъ на значеніе національнаго духа или „старины“ относительно развитія силъ и политической системы Россіи.

Выше замѣчено было что Шетарди и Нолькенъ имѣли сношенія съ цесаревной еще зимой 1741 года. Эти сношенія происходили иногда непосредственно, но чаще при посредствѣ Лестока, который въ качествѣ врача имѣлъ благовидные предлоги посѣщать французское и шведское посольства; впрочемъ нерѣдко онъ являлся туда и тайно, переодѣтый и подъ покровомъ ночи. Елисаветѣ были съ нѣкоторою откровенностью сообщены виды французскаго и шведскаго правительствъ. Ей

было объяснено что начавъ войну противъ Россіи на французскія деньги, и выставляя себя защитниками правъ цесаревны, Шведы облегчали тѣмъ возможность „русской партіи“ низвергнуть существующее правительство и открыть путь къ престолу Елисаветѣ. Отъ нея не было скрыто и то что ожидаемыя въ Россіи волненія должны облегчить Шведамъ побѣду, и что новая императрица, достигшая короны при ихъ помощи, не откажетъ конечно выразить имъ свою признательность какимъ-либо „существеннымъ образомъ“. Изъ делешъ маркиза Шетарди можно заключить что при этомъ не было положительнымъ образомъ формулировано въ чемъ именно должны состоять эти доказательства признательности; сами дипломаты при всемъ своемъ оптимизмѣ чувствовали, кажется, что въ этомъ заключается самая щекотливая сторона ихъ негоціаціи. „Articulation expresse, пишетъ Шетарди, котораго я предполагаю требовать отъ принцессы Елисаветы, очень затрудняетъ Нолькена и меня. Намъ не хотѣлось бы устрашать эту принцессу домогательствами.“ Но этого невозможно было избѣгнуть. Въ Стокгольмѣ собрался сеймъ въ которомъ явно преобладала французская партія, и разрывъ могъ послѣдовать съ минуты на минуту.

Въ концѣ марта Нолькену удалось имѣть свиданіе съ цесаревной. Онъ былъ „обвороженъ“ благосклоннымъ ея пріемомъ и надѣялся „что ему будетъ не такъ трудно произвести впечатлѣніе.“ Ему хотѣлось поразить ее картиной опасностей которымъ она подвергается среди непріязненнаго ей и подозрительнаго двора. Елисавета, вполнѣ соглашаясь съ нимъ, начала разказывать ему дворцовыя сплетни, распространилась о дурномъ воспитаніи правительницы, объ австрійскихъ чувствованіяхъ ея супруга, и щекотливый разговоръ былъ избѣгнутъ. Черезъ нѣсколько дней Шетарди имѣлъ случай бесѣдовать съ Лестокомъ о тѣхъ же предметахъ. Въ началѣ онъ явился краснорѣчивымъ истолкователемъ сочувствія къ Елисаветѣ своего государя; объяснилъ что король намѣренъ изъ казны своей помогать Шведамъ и расположенъ дать до 100 тысячъ рублей. „Я передалъ принцессѣ, доносилъ онъ отъ 21го апрѣля (2го мая), что король, постоянно занятый мыслію содѣйствовать ея счастію, охотно доставитъ средства на покрытіе издержекъ“. „Какъ государь неограниченный въ своихъ владѣніяхъ онъ могъ бы слѣдовать

внушеніямъ своей вѣжливости (galanterie) и считать себя сугубо вознагражденнымъ достигнувъ славы возвести принцессу на престолъ, котораго она по всѣмъ правамъ такъ заслуживаетъ;" къ сожалѣнію, присовокуплялъ Шетарди, отдаленность мѣшаетъ ему принять участіе въ судьбѣ ея иначе какъ побудивъ дѣйствовать въ вашу пользу своихъ союзниковъ. Къ сожалѣнію также въ Швеціи государь пользуется лишь ограниченною властію; рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ зависитъ отъ сейма; король Франціи можетъ подвигнуть его въ пользу цесаревны лишь тогда когда она дастъ ему возможность обѣщать ея именемъ „существенныя выгоды" для Швеціи. Лестокъ отвѣчалъ что эти требованія весьма справедливы; а если такъ, возразилъ французскій дипломатъ, то пусть цесаревна сообщитъ „мнѣ письменно что̀ желала бы она уступить (Швеціи) въ случаѣ успѣха предпріятія." Повидимому, собесѣдникъ его не былъ уполномоченъ дать обѣщанія на это требованіе; а потому Шетарди счелъ не лишнимъ представить ему что правительство Анны Леопольдовны можетъ предупредить цесаревну и сдѣлать ожидаемыя отъ нея уступки, дабы цѣной ихъ купить миръ и утвердить свое положеніе; что у цесаревны есть еще соперникъ,—ея племянникъ, герцогъ Гольштейнскій, котораго Шведы могутъ предпочесть ей, и что наконецъ весьма можетъ случиться что и ему, Шетарди, и Нолькену,—единственнымъ друзьямъ ея,—придется оставить Петербургъ въ непродолжительномъ времени.

Выслушавъ все это, Лестокъ обѣщалъ возвратиться черезъ нѣсколько дней съ отвѣтомъ. Этотъ отвѣтъ былъ не утѣшителенъ: цесаревна свидѣтельствовала что какъ ни желала бы она слѣдовать совѣтамъ французскаго посла, но всегда будетъ опасаться упрековъ отъ своего народа, если станетъ уступками подкрѣплять права которыя можетъ предъявить на престолъ, и предлагала удовлетворить Швецію деньгами. Шетарди видѣлъ что дѣло не подвигается и сказалъ: „Надобно чтобъ она (Елисавета) доставила королю средства служить ей, или же совершенно бы отказалась отъ надежды царствовать". Маркизъ былъ вполнѣ убѣжденъ что безъ благословенія „короля, его господина", ничто путное не можетъ совершиться въ Россіи. Онъ ожидалъ что Лестокъ опять на дняхъ навѣдается къ нему; но Лестокъ не являлся. Между тѣмъ по случаю приближавшагося разрыва съ Россіей,

Нолькенъ долженъ былъ оставить Петербургъ. Онъ желалъ явиться въ Стокгольмъ заручившись письменнымъ „удостовѣреніемъ“ отъ цесаревны. Онъ сталъ зазывать къ себѣ Лестока, но тотъ не являлся, ссылаясь на установленный за нимъ надзоръ: „достаточно было ему, говорилъ онъ, придти къ Нолькену чтобы быть арестованнымъ по выходѣ отъ него“.... „Принцесса никогда не была такъ вынуждена къ чрезвычайной осторожности, потому что должна опасаться ни болѣе ни менѣе какъ или яда или какого-нибудь насилія противъ ея особы.“—„Признаюсь, замѣчаетъ Шетарди, передавая вышеписанное своему двору,—я находилъ нѣсколько преувеличенною эту картину“.... Рѣшено было доставить цесаревнѣ проектъ документа котораго желало шведское правительство, съ просьбой подписать оный.

Приближалось время отъѣзда Нолькена. Обязанъ будучи откланиваться всѣмъ особамъ царской фамиліи, онъ воспользовался этимъ случаемъ чтобъ имѣть еще разъ объясненіе съ цесаревной. Онъ жаловался на Лестока, который безъ сомнѣнія, говорилъ онъ, скрывалъ отъ нея часть дѣла....

— Я не помню хорошенько о чемъ шла рѣчь, отвѣтила на это Елисавета Петровна съ наивностью, которая ошеломила шведскаго дипломата.

Однако онъ оправился и вынулъ изъ кармана другой экземпляръ проекта.... Какъ быть?.... По счастію, при представленіи Нолькена присутствовалъ камергеръ; цесаревна указала на него глазами, горячо благодаря впрочемъ представителя Швеціи за выражаемое ей этой страной участіе; въ доказательство же своего довѣрія къ нему, она разказала нѣсколько свѣжихъ анекдотовъ изъ интимной жизни правительницы и обѣщала прислать своего повѣреннаго. Лестокъ явился дѣйствительно, но съ пустыми руками, къ Нолькену, который такъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Въ послѣдствіи Лестокъ увѣрялъ Шетарди что цесаревна сердилась на него когда онъ напоминалъ ей о письменномъ документѣ.

Оставшись одинъ, тѣмъ дѣятельнѣе сталъ хлопотать Шетарди. Встрѣчаясь съ повѣренными цесаревны то какъ бы случайно, на прогулкѣ, то въ лѣсу близь дачи нанятой имъ на лѣтнее время, онъ старался убѣдить ихъ въ необходимости для цесаревны принять предложенія Швеціи и Франціи, увѣряя что ей нѣтъ иного спасенія. О заявленіяхъ преданности ко-

торыя она получала отъ гвардейскихъ полковъ и о существованіи между придворными и духовенствомъ партіи готовой поддерживать ея права онъ хотя и зналъ, но не придавалъ всему этому большаго значенія. „Дѣло Елисаветы нечувствительно клонится къ упадку, писалъ онъ 18го мая; Нолькенъ высказалъ своему двору слишкомъ много надеждъ“.... Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ кругозорѣ который былъ доступенъ французскому послу, дѣло не подвигалось. Цесаревна не давала никакихъ обязательствъ, никакихъ письменныхъ документовъ, да и сношенія съ нею и съ ея приближенными сдѣлались теперь труднѣе. Она переѣхала за городъ; заранѣе условленныя съ нею встрѣчи не удавались, повѣренные ея часто не приходили. Однажды цесаревна проѣхала въ катерѣ и съ музыкой мимо дачи Шетарди съ цѣлію напомнить ему о себѣ,—такъ по крайней мѣрѣ приказала она сказать ему; она поручила увѣрить его что постоянно ищетъ случаевъ видѣться съ нимъ; что хотѣла даже купить дачу рядомъ съ тою которую онъ занималъ, — но.... усиленный надзоръ за нею причиной что все это не удается! Такъ говорилъ маркизу Шетарди присланный отъ цесаревны камеръ-лакъ, вѣроятно Воронцовъ, — и самолюбіе не позволяло послу христіаннѣйшаго государя останавливаться на мысли что его можетъ-быть дурачатъ. Однако онъ начиналъ сердиться на Елисавету: „Чрезвычайная слабость принцессы Елисаветы и нерѣшительность ея въ отношеніи тѣхъ къ которымъ она должна была бы имѣть всего болѣе довѣренности, писалъ онъ, кажется заслуживали бы чтобъ ее удалить отъ престола и призвать по преимуществу молодаго герцога Гольштейнскаго“. Все это въ нашей власти, очевидно разсуждалъ маркизъ Шетарди: захотимъ—посадимъ Елисавету, захотимъ—Петра; Московиты за счастіе почтутъ принять кого бы то ни было изъ рукъ короля Франціи....

Между тѣмъ толчокъ данный Швеціи французскою политикой возымѣлъ свое дѣйствіе. На сеймѣ собравшемся въ Стокгольмѣ признано было вполнѣ своевременнымъ объявить Россіи войну, и она была объявлена (24го іюля 1741 года). Въ обнародованномъ по этому поводу манифестѣ, между прочими причинами выставлялось преобладаніе иностранцевъ въ русскомъ правительствѣ и устраненіе Елисаветы и принца Петра Гольштейнскаго отъ русскаго престола... Эти двѣ темы были

внушены, какъ мы знаемъ, французскими дипломатами. И они, и послушные друзья ихъ были увѣрены что такое воззваніе тотчасъ же произведетъ взрывъ въ Россіи и отдастъ ее безоружную въ ихъ руки. Извѣстно что эти надежды сильно обманули ихъ, и что русскіе совѣтники цесаревны не допустили ее отдаться въ руки иноземныхъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ желаемыхъ подробностей о личномъ составѣ и дѣйствіяхъ русскихъ партизановъ Елисаветы Петровны; знаемъ что она хвалилась расположеніемъ къ ней Бирона (находившагося впрочемъ тогда въ ссылкѣ), генералъ-прокурора Трубецкаго, принца Гессенъ-Гомбургскаго, Ушакова; можно думать что Бестужевъ, ея будущій канцлеръ, передавалъ ей тайнымъ образомъ о своей преданности и, возвратясь къ дѣламъ послѣ опалы постигшей его вмѣстѣ съ Бирономъ, тайно держалъ сторону цесаревны; знаемъ, наконецъ, что между сановниками воспитанными въ школѣ ея родителя большинство готово было бы поддерживать ея права. Изъ депешъ маркиза Шетарди, равно какъ и изъ другихъ источниковъ, можно видѣть что сторонники цесаревны имѣли нѣкоторую организацію, оправдывавшую употреблявшееся въ отношеніи къ нимъ слово „партія“; такъ однажды, по случаю молвы распространившейся было между служителями Зимняго Дворца о смерти младенца-императора, Елисавета, немедленно извѣщенная о томъ, собрала ночью къ себѣ главныхъ приверженцевъ своихъ чтобы условиться какъ поступать. Мы знаемъ также что къ ней захаживали гвардейскіе офицеры и солдаты съ заявленіями о готовности умереть за нее; знаемъ что, ожидая выступленія въ походъ противъ Шведовъ, они выражали ей опасеніе оставить ее одну среди враговъ; но всего этого недостаточно чтобы рѣшить въ какой степени серіозны были ея надежды на русскихъ своихъ приверженцевъ въ тотъ или другой моментъ ея переговоровъ съ Шетарди и чтобы судить по тому, увѣренность ли въ болѣе надежной опорѣ побуждала ее избѣгать рѣшительныхъ объясненій съ французскимъ и шведскимъ посланниками или же, какъ полагали послѣдніе, причиной тому было ея легкомысліе и отвращеніе отъ всякаго рода заботъ.

Рѣшиться однакожь было необходимо. Война готова была вспыхнуть. Но это именно обстоятельство и облегчило цесаревнѣ ея рѣшеніе. Рубиконъ былъ перейденъ Шведами; они поставлены были въ необходимость дѣйствовать въ ея пользу.

Въ концѣ іюля или началѣ августа * она передала маркизу Шетарди что рѣшительно не можетъ подписать, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, требуемаго отъ нея акта, но предлагала платить Швеціи субсидію до самой смерти своей, предоставить ей тѣ же торговыя преимущества какъ и Англіи, отказаться отъ всѣхъ обязательствъ съ Англіей и Вѣнскимъ дворомъ, заключать таковыя на будущее время единственно (?) съ Франціей и Швеціей, и вообще содѣйствовать выгодамъ Швеціи. Сообщая своему двору предложенія цесаревны, Шетарди замѣчалъ что въ нихъ замѣтно стараніе „избѣгнуть всякаго намека на *уступки*“, вѣроятно поземельныя,—и съ обыкновенною въ отношеніи Россіи безцеремонностію называлъ это предразсудкомъ. Не взирая однакожъ на свои неудовольствія противъ цесаревны, Шетарди продолжалъ дѣятельнымъ образомъ переговоры то съ нею лично, то съ лицами которыя были ею уполномочены. Попрежнему онъ продолжалъ пребывать въ увѣренности что всѣ нити интриги, что главное руководство всѣмъ дѣломъ принадлежатъ ему; при одномъ изъ свиданій съ цесаревной онъ совѣтовалъ ей возбуждать и вмѣстѣ съ тѣмъ сдерживать умы „пока, сказалъ онъ, не придетъ минута когда я буду имѣть честь сказать вамъ что пора высказаться наступила“. Иногда впрочемъ маркизъ какъ будто опасался или предчувствовалъ что паутина его комбинацій можетъ быть разорвана какимъ-нибудь неожиданнымъ взрывомъ: „здѣсь, писалъ онъ 24го октября, *солдатчина* (soldatesque) и отвага нѣсколькихъ низшихъ гвардейскихъ офицеровъ производитъ и въ состояніи произвести величайшіе перевороты“, и ему было досадно на этихъ грубыхъ людей и на эту грубую страну,—точно такъ же какъ австрійскій фельдмаршалъ-лейтенантъ Альвинци досадовалъ на генерала Бонапарта разстроивавшаго его тактическія соображенія своими „неправильными“ ударами, которыхъ де никакъ нельзя предвидѣть.

Какъ извѣстно, русская *солдатчина* предупредила французскую дипломатію. Утромъ 25го ноября Шетарди узналъ что въ ночь совершился переворотъ, рычаги коего, казалось ему, онъ держалъ въ своихъ рукахъ...

---

* Депеша Шетарди объ этомъ помѣчена (въ изданіи г. Пекарскаго) 8мъ августа, безъ означенія по какому стилю. Французскій посолъ употреблялъ (сколько можно судить по помянутому изданію) оба стиля безразлично.

II.

Отнынѣ маркизу Шетарди было уже невозможно *требовать* какихъ-либо уступокъ въ пользу Швеціи, да и аргументы въ пользу Франціи были значительно ослаблены событіями 24го—25го ноября. Очевидно они произошли независимо отъ воли и участія французскаго правительства, содѣйствіе котораго ограничилось небольшими субсидіями цесаревнѣ. Еще менѣе могла претендовать на признательность Елисаветы Швеція, своекорыстные виды которой были очевидны и которая притомъ оказалась неспособною воспользоваться весьма выгодными для нея обстоятельствами; войска ея начали терпѣть пораженія какъ только переступили границу. Такимъ образомъ ничто не связывало рукъ политикѣ новаго правительства. Но предшествующія царствованія не выработали для него преданій, а безъ нихъ политика государствъ рѣдко бываетъ тверда и устойчива. Въ самомъ дѣлѣ, Петръ I, заставъ Россію въ тѣсномъ союзѣ съ императоромъ Германскимъ и съ королемъ Польскимъ для войны съ Турціей, держался нѣкоторое время этихъ союзовъ и продолжалъ эту войну. Ему удалось овладѣть ключомъ къ Азовскому морю и хотѣлось открыть выходъ изъ этого моря въ Черное; но союзники его дѣйствовали слабо, а Турція была еще слишкомъ сильна для тогдашней Россіи; война съ нею одинъ на одинъ не могла, за неимѣніемъ флота, доставить намъ положительныхъ выгодъ, каковыми могло почитаться единственно пріобрѣтеніе порта на Черноморскомъ берегу. Съ другой стороны, Польско-Саксонскій государь предлагалъ Петру самую дѣятельную помощь противъ Швеціи, отъ которой мы могли возвратить берегъ Финскаго залива, а слѣдовательно открыть себѣ доступъ къ Балтійскому морю, въ то время несравненно болѣе оживленному чѣмъ Черное. Петръ принялъ предложеніе Августа II и завоевалъ не только финское, но и балтійское прибрежье до устья Двины. Этотъ успѣхъ, хоть и дорогою цѣной купленный, опредѣлилъ политическую систему Петра. Онъ пересталъ думать о Черномъ Морѣ, о турецкихъ и иныхъ единовѣрцахъ Россіи; онъ вспоминалъ о нихъ только тогда когда вступалъ въ борьбу съ султаномъ; отношенія его къ Вѣнскому двору были холодны. Все вниманіе его обратилось на сѣ-

веро-западъ. Онъ вознамѣрился сдѣлать Россію первоклассною морскою державой и доставить ей господство на Балтійскомъ морѣ; съ этой цѣлію онъ выдалъ одну изъ своихъ племянницъ за владѣтеля Курляндіи, другую—за герцога Мекленбургскаго, а дочь—за герцога Гольштейнскаго, съ помощію извѣстныхъ претензій коего на Данію, онъ могъ держать въ уздѣ эту страну. Такимъ образомъ политика Петербургскаго двора могла господствовать почти на всемъ южномъ прибрежьѣ Балтійскаго моря, а торговля Россіи развиваться отъ устья Невы и Выборга до Любека и Киля, не выходя изъ границъ дружественныхъ странъ. Кромѣ того Петръ установилъ добрыя отношенія къ Бранденбургскому курфюрсту и подчинилъ своему вліянію, съ одной стороны, Швецію, а съ другой — Польшу, гдѣ нашелъ милліоны преданныхъ Россіи союзниковъ.

Такова была политическая система Петра Великаго, система ясная, опредѣленная и основанная на интересахъ тогдашней Россіи. Но его преемники поспѣшили ее запутать. Екатерина I заключила тѣсный союзъ съ Австріей, который еще болѣе скрѣпила Анна, а между тѣмъ въ Швеціи французское вліяніе взяло перевѣсъ надъ нашимъ; Данія перестала (при Аннѣ) опасаться голштинскихъ притязаній; сношенія наши съ Мекленбургомъ почти прекратились, а съ Пруссіей ослабѣли. Правительство императрицы Анны дѣлало значительныя усилія и тратило деньги и кровь Русскихъ чтобы сплотить Польшу съ Саксоніей, то-есть образовать рядомъ съ собою огромное государство, которое простиралось бы отъ Эльбы до Западной Двины и могло бы оспаривать у насъ значеніе какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ. Это правительство предприняло войну съ Турціей, едва ли имѣя какую-нибудь опредѣленную цѣль; по крайней мѣрѣ на нее не указываютъ ни ходъ военныхъ дѣйствій, ни послѣдовавшій за ними мирный трактатъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему Минихъ пробивался главнымъ образомъ не къ Черному, и даже не къ Азовскому морю, а къ Днѣстру? Почему, съ другой стороны, если какая-нибудь разумная цѣль руководила ходомъ операцій Миниха, дипломаты наши заключавшіе Бѣлградскій трактатъ, уступили Портѣ облитый русскою кровью Очаковъ,— пунктъ отдававшій въ наше владѣніе все теченіе Днѣпра, доставлявшій намъ опору на берегу Чернаго Моря и занимавшій центральное стратегическое положеніе между Крымскимъ ханствомъ и Турецкою имперіей? Почему взамѣнъ этого

важнаго во всѣхъ отношеніяхъ пункта, наши прославленные политики, съ графомъ Остерманомъ во главѣ, согласились взять Азовъ, не имѣющій никакого значенія безъ господства надъ Керченскимъ проливомъ, да и тамъ мы обязались срыть укрѣпленія? Потому что превознесенный иноземцами Остерманъ принялъ при заключеніи мира посредничество того самаго французскаго двора, даже того самаго дипломата,—маркиза Вильнёва, — который и подстрекалъ Порту къ разрыву съ Россіей; потому что Австрія, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ встрѣчъ съ Турками, стала тяготиться войной предпринятою вслѣдствіе обязательства ея съ Россіей и настойчиво заговорила о мирѣ.

Таковы были антецеденты которые представлялись новому русскому правительству. Независимая, самостоятельная политика Петра I была оставлена предшественниками Елисаветы, и въ пятнадцатилѣтнее управленіе Остермана внѣшними дѣлами Россіи политика наша состояла въ томъ чтобы слѣдовать указаніямъ Вѣнскаго кабинета. Срокъ обязательствамъ нашимъ съ этимъ дворомъ не истекъ еще когда вступила на престолъ Елисавета, но заключенный въ концѣ 1740 года дружественный договоръ съ Пруссіей давалъ новому правительству возможность склониться либо на ту, либо на другую сторону. Къ кому изъ соперниковъ примкнетъ она? Это былъ весьма серіозный вопросъ для всей Европы. Вотъ безъ сомнѣнія почему всѣ дворы поспѣшили признать совершившійся въ Россіи переворотъ, и есть извѣстія что дипломаты находившіеся въ Петербургѣ были очень сконфужены, узнавъ что прусскій посланникъ получилъ прежде прочихъ приказаніе поздравить новую императрицу со вступленіемъ на престолъ и первымъ имѣлъ у нея аудіенцію.

Въ этомъ случаѣ Фридриху послужила близость его столицы къ Петербургу; вслѣдъ за барономъ Мардсфельдомъ получены были вѣрительныя грамоты и другими посланниками, и Елисавета была можно сказать осаждена заявленіями сочувствія. Они не замѣдлили получиться и изъ Вѣны, причемъ маркизъ Батта выразилъ надежду что императрица не откажется, безъ сомнѣнія, поддержать права Венгро-Богемской сестры своей хотя бы однимъ русскимъ баталіономъ.... Но Швеція и Франція были озадачены. И Стокгольмскій и Версальскій дворы чувствовали что ихъ уча-

стіе въ возведеніи на престолъ Елисаветы было далеко не такъ велико какъ они желали бы, и съ досадой замѣчали что они ничѣмъ не успѣли заручиться со стороны новой императрицы. Тщеславный Шетарди, подавивъ свое смущеніе, постарался разыграть при Петербургскомъ дворѣ роль тріумфатора. Онъ испросилъ въ самый день переворота дозволеніе представиться императрицѣ и потомъ едва не всякое утро пріѣзжалъ во дворецъ, довольный, сіяющій, давая тѣмъ знать что все дѣлается здѣсь по его указаніямъ. Глядя на лобѣдоносную осанку маркиза, англійскій резидентъ Финчъ написалъ своему двору что первымъ министромъ новой императрицы — французскій посолъ.... И это было, надо признаться, не слишкомъ преувеличено въ ту минуту. Елисавета, по совѣту Шетарди, и не посовѣтовавшись съ своими министрами, отправила къ Людовику XV письмо съ просьбой о посредничествѣ между нею и Швеціей. При свиданіяхъ съ маркизомъ и чрезъ повѣренныхъ лицъ она спрашивала его мнѣнія насчетъ того какъ поступить съ Брауншвейгскою фамиліей, какъ оградить безопасность новаго правительства, какія мѣры принять чтобы доставить въ Россію молодаго принца Гольштейнскаго и пр. Отправивъ немедленно приказаніе пріостановить военныя дѣйствія противъ Шведовъ, она просила Шетарди сдѣлать подобныя же предложенія и Левенгаупту, шведскому главнокомандующему, что̀ и было немедленно исполнено.

Но посылка въ шведскій лагерь была началомъ разочарованій для самонадѣяннаго маркиза. Въ отвѣтъ на предложеніе его пріостановить военныя дѣйствія и открыть переговоры, Левенгаупть заговорилъ о гарантіяхъ и потребовалъ Кексгольма и Выборга прежде чѣмъ приступать къ обмѣну мыслей относительно примиренія. Съ другой стороны, Версальскій дворъ не чрезмѣрно тронутъ былъ исключительными знаками вниманія оказываемыми его представителю, усмотрѣвъ изъ собственныхъ его депешъ что за нѣсколько часовъ до переворота онъ воображалъ будто нить заговора находится въ его рукахъ и что слѣдовательно онъ въ сущности былъ одураченъ. Министры Людовика XV нашли также что французскому посланнику не слѣдовало вступать въ переписку съ Левенгауптомъ, и что этотъ послѣдній былъ совершенно правъ отказываясь вступать въ переговоры безъ матеріальныхъ обезпеченій. „Я былъ очень изумленъ,—

писалъ ему министръ иностранныхъ дѣлъ Амело (Amelot), отъ 15го января 1742 года,—что на другой день послѣ этого переворота вы рѣшились писать къ графу Левенгаупту о пріостановленіи военныхъ дѣйствій. Еще болѣе изумился я что вы хотѣли взять на свою отвѣтственность все что̀ могло изъ того произойти. Я не могу примирить такого образа дѣйствій съ вашей стороны съ знаніемъ которое вы имѣете касательно видовъ короля и съ постоянно сообщаемыми вами извѣстіями о худомъ состояніи московской арміи. Вы приводили въ свидѣтели тому всѣхъ генераловъ (русскихъ), когда бы они смѣли говорить. Какимъ образомъ могло случиться что въ 24 часа измѣнилось все, и Русскіе сдѣлались столь страшными что Шведы могутъ найти себѣ спасеніе единственно въ добротѣ царицы, во власти которой ихъ уничтожить!... Король думаетъ, милостивый государь, совсѣмъ иначе, и болѣе правдоподобно что поспѣшность съ которою воспользовалась царица вашимъ значеніемъ чтобъ остановить графа Левенгаупта, скорѣе основывалась на опасеніи.“ „Въ случаѣ пораженія Шведовъ, продолжалъ Амело, миръ могъ бы быть заключенъ на не менѣе выгодныхъ для нихъ условіяхъ, такъ какъ вы даже и не намекаете на готовность царицы сдѣлать какія-либо уступки; когда же, напротивъ, удалось бы предпріятіе графа Левенгаупта и онъ одержалъ бы какой-нибудь верхъ, то царица почла бы себя счастливою еслибы королю угодно было доставить ей миръ. Въ волѣ его величества было бы назначить условія.... *Король всегда желалъ переворота только какъ средства облегчить Шведамъ исполненіе ихъ напряженій, и если этотъ переворотъ произвелъ противное дѣйствіе, то должно жалѣть о всѣхъ трудахъ которые принимались для ускоренія его.*“

Невозможно было выразиться съ большею откровенностью, ни дать болѣе торжественнаго оправданія тѣмъ, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ совѣтникамъ Елисаветы Петровны которые руководили до переворота ея поведеніемъ въ отношеніи маркиза Шетарди. Въ другой депешѣ, написанной болѣе сдержаннымъ образомъ и которую предписывалось сообщить русскому правительству, Версальскій дворъ извѣщалъ что между королемъ и Швеціей существуетъ обязательство касающееся содѣйствія возвращенію сей послѣдней утраченныхъ по Ништатскому миру областей. Король надѣется, замѣчалъ Амело, что требованія Швеціи можно будетъ сократить, но желаетъ

чтобъ и царица убѣдилась въ необходимости сдѣлать нѣкоторыя уступки; только на этомъ основаніи онъ можетъ предложить Россіи свои добрыя услуги.

Шетарди, безъ сомнѣнія, понималъ что подобныя предложенія не встрѣтятъ благосклоннаго пріема у русскаго правительства; онъ зналъ, съ другой стороны, какъ ничтожны силы которыми Левенгауптъ думалъ угрожать Россіи. Но заботясь больше всего о томъ чтобы сохранить свою любѣдоносную внѣшность, онъ отправился съ полученною имъ депешей не къ вице-канцлеру, а къ самой императрицѣ. Прослушавъ французскую депешу, Елисавета распространилась въ выраженіяхъ признательности за участіе короля, но сказала положительно что объ уступкахъ не можетъ быть и рѣчи. Не болѣе счастливъ былъ Шетарди и въ объясненіяхъ съ Бестужевымъ. Послѣдній соглашался вступить въ переговоры со Шведами, но не иначе какъ на основаніяхъ Ништатскаго трактата и прибавилъ что „заслуживалъ бы потерять голову на плахѣ когда бы сталъ совѣтовать уступить хотя бы одинъ вершокъ земли".

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ французскій дипломатъ,—вамъ придется вести войну.

— Въ добрый часъ (à la bonne heure)! Мы будемъ вести ее, отвѣчалъ Бестужевъ.

Елисавета, будучи великою княгиней, могла основывать свои виды на содѣйствіи Шведовъ; войной начатою ими она могла желать воспользоваться; но сдѣлавшись императрицей ей невозможно было признавать эту войну за услугу оказанную ея государству; она становилась по необходимости солидарною съ прежнимъ правительствомъ предъ лицомъ людей переступившихъ русскую границу съ оружіемъ въ рукахъ, и это было выражено весьма положительно въ нотѣ сообщенной Бестужевымъ маркизу Шетарди 10го марта 1742 года. По приказанію своего двора, французскій посолъ пытался увѣрить русскихъ министровъ что шведская армія не такъ слаба и разстроена какъ они думаютъ; они отвѣчали на это однѣми улыбками; онъ старался прилугнуть ихъ какими-то таинственными союзниками Швеціи. Бестужевъ не вѣрилъ этому, зная что вся Европа занята войной за Австрійское Наслѣдство, и что въ самой Швеціи происходятъ большія смуты.

III.

Обширная и сложная интрига веденная въ Россіи французскою дипломатіей рѣшительно не удалась; правительство Елисаветы выскользнуло изъ-подъ вліянія Версальскаго двора, который это видѣлъ очень хорошо и возлагалъ за то отвѣтственность на маркиза де-ла-Шетарди. Но былъ ли дѣйствительно виноватъ этотъ послѣдній? Во всякомъ случаѣ цѣль которую поставили себѣ министры Людовика XV, — отдѣлить интересы Елисаветы Петровны отъ интересовъ Россіи, — была неудободостижима. Тѣмъ не менѣе Шетарди былъ наказанъ отозваніемъ его отъ русскаго двора (въ іюлѣ 1742 года), а русскій дворъ тѣмъ что представителемъ Франціи остался при немъ простой повѣренный въ дѣлахъ. Такимъ образомъ Версальскому двору удалось, какъ говорится, сорвать сердце, но не удалось ни поправить дѣлъ Швеціи, ни утвердить, какъ онъ мечталъ, „господства на Сѣверѣ". Шведская армія была раздавлена, Финляндія разорена, и партія мира, весьма недовольная Франціей, взяла въ Швеціи верхъ. Въ надеждѣ пріобрѣсть расположеніе русскаго двора, она настояла на избраніи на шведскій престолъ молодаго герцога Гольштейнскаго, племянника императрицы; это избраніе было, какъ извѣстно, отклонено, за то улучшило отношенія между воюющими державами, между которыми, весной 1743 года, открылись наконецъ мирные переговоры, окончившіеся Абоскимъ трактатомъ (7го августа 1843 года). Но этотъ трактатъ лишилъ Швецію части Финляндіи, снова возвратилъ перевѣсъ русскому вліянію въ этой странѣ надъ французскимъ и доставилъ шведскую корону родному дядѣ наслѣдника русскаго престола, Адольфу-Фридриху. Все это сильно раздражало Версальскій дворъ, и русскій посланникъ въ Парижѣ, князь Кантеміръ, постоянно доносилъ „о худыхъ его склонностяхъ" къ Россіи. Но Елисавета лично расположена была къ Франціи и ея королю, въ то время еще молодому, красивому и любезному; надѣясь что охлажденіе къ ней Людовика XV будетъ непродолжительно, она не отзывала Кантеміра, хотя и не могла, конечно, сохранить за нимъ званіе посла, а въ 1743 году уже дала знать стороной что желала бы видѣть возстановленіе добрыхъ от-

ношеній между Франціей и Россіей. Она дала знать также что ей пріятно было бы возвращеніе къ ея двору маркиза Шетарди, несомнѣнно оказавшаго ей услуги и навлекшаго на себя неудовольствіе своего правительства за излишнюю будто бы преданность интересамъ Россіи. Извѣстно что вторичное посольство его окончилось еще болѣе неудачно чѣмъ первое: онъ задался мыслію низложить Бестужева и уничтожить „русскую партію“, но вмѣсто того самъ былъ высланъ за границу подъ конвоемъ.... Историкъ французской дипломатіи, Флассанъ, говоритъ что Шетарди самъ затѣялъ эту такъ непріятно для него кончившуюся интригу, безъ вѣдома своего двора; но депеши этого дипломата напечатанныя въ *Архивѣ князя Воронцова* даютъ право сомнѣваться въ томъ. Правда въ этомъ изданіи мы не находимъ полученной маркизомъ отъ своего двора инструкціи, которая и вообще, сколько извѣстно, не была еще оглашена; но изъ содержанія депешъ которыя посылалъ маркизъ изъ Петербурга, очевидно что онъ дѣйствовалъ не безъ полномочій.

Шетарди пробылъ въ отсутствіи изъ Петербурга лишь пятнадцать мѣсяцевъ, но многое измѣнилось тамъ въ это время. Полу-успѣхъ этого дипломата возбудилъ соревнованіе въ представителѣ Вѣнскаго двора, который задумалъ низвергнуть Елисавету, такъ же какъ Шетарди низвергнулъ будто бы Брауншвейгскую династію. Едва ли можно сомнѣваться что маркизъ Ботта имѣлъ именно эту цѣль дѣлая попытки организовать такъ-называемый заговоръ Лопухиныхъ. Съ другой стороны несомнѣнно и то что вѣрный другъ Франціи и Пруссіи Лестокъ употребилъ всевозможныя усилія чтобы раздуть въ глазахъ императрицы это само по себѣ ничтожное обстоятельство. Придавъ ему видъ государственнаго дѣла, онъ достигалъ двойной цѣли: подрывалъ кредитъ и Вѣнскаго двора, и Бестужева, невѣстка котораго оказалась замѣшанною въ этомъ дѣлѣ. Разчетъ Лестока оправдался лишь на половину. Между Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами дѣйствительно произошло временное охлажденіе, но за то Бестужевъ, котораго Лестоку не удалось привлечь къ отвѣтственности, сдѣлался непримиримымъ его врагомъ. Это былъ конечно сильный и опасный врагъ, который въ послѣдствіи и сломилъ Лестока; но лейбъ-хирургъ императрицы могъ бороться съ нимъ въ описываемое время не безъ вѣроятностей успѣха,

опираясь на привычку къ себѣ государыни и на поддержку прусской политики.

Скрывался ли король Пруссіи за Лестокомъ въ дѣлѣ маркиза Ботты и Лолухиныхъ? Мы можемъ только угадывать здѣсь руку этого государя, но исторія еще не открыла ея. Съ несравненно большею увѣренностію она можетъ говорить объ участіи прусской политики въ другомъ щекотливомъ дѣлѣ обусловленномъ частыми переворотами того времени—о судьбѣ Брауншвейгской фамиліи. Начавъ дѣло ab avo, какъ мы видѣли,—съ пріобрѣтенія довѣренности и расположенія новой императрицы послѣднымъ ея признаніемъ, великій мастеръ политическихъ интригъ Фридрихъ II сумѣлъ сдѣлаться ближайшимъ совѣтникомъ ея въ вопросѣ объ уломянутой фамиліи, съ цѣлію,—какъ вскорѣ увидимъ,—утвердить на немъ рычагъ для низверженія Бестужевыхъ и національной партіи. Наконецъ онъ же воздвигъ еще другую багарею противъ этой партіи, овладѣвъ вопросомъ объ избраніи невѣсты для наслѣдника русскаго престола,—и въ обѣихъ этихъ интригахъ Лестокъ былъ его орудіемъ. Вотъ пріобрѣтенные исторіей факты, которые должны, кажется, сообщить нѣсколько новое освѣщеніе особѣ и судьбѣ лейбъ-хирурга императрицы Елисаветы. Зная какими страданіями онъ принужденъ былъ искупить свое временное величіе, мы можемъ, по человѣчески, пожалѣть о немъ; мы должны еще болѣе пожалѣть о томъ что катастрофа постигшая его случилась такъ круто и неожиданно, что приговоръ надъ нимъ не былъ произнесенъ правильнымъ судомъ, что онъ подвергся истязаніямъ; но не полагаемъ чтобы какой бы ни было судъ и какія бы ни было соображенія могли оправдать дѣйствія внушаемыя чуждою политикой, интригу, клевету, подкопы направляемые противъ „національной партіи“, имѣющіе цѣлію ея низверженіе, а слѣдовательно торжество не національныхъ, чуждыхъ, враждебныхъ цѣлей. Оставимъ иностраннымъ писателямъ защищать Лестока и оплакивать его паденіе; Лестокъ естественно сочувственнѣе Французамъ и Прусакамъ чѣмъ Бестужевъ; Остерманъ во время Анны и малолѣтняго Ивана натурально представляется друзьямъ Австріи и Саксоніи идеаломъ русскаго политика, и лордъ Мальмсбери совершенно правъ съ англійской точки зрѣнія изображая Потемкина черными красками; но мы не обязаны прилагать чужую мѣрку къ русскимъ историческимъ дѣятелямъ; напротивъ, мы должны относиться

къ этой мѣркѣ съ крайнею осмотрительностію. Похвала врага есть самая тяжелая укоризна. Мы видѣли какъ „истинные пріятели“ Россіи, выхваляли національную русскую партію; но эта партія не оправдала ихъ ожиданій; она не согласилась поступиться территоріей добытою русскою кровью,—и вотъ ихъ точка зрѣнія тотчасъ же измѣняется, и тѣ же „истинные пріятели“ наши начинаютъ хлопотать чтобы низвергнуть эту партію, очернить ее въ глазахъ верховной власти, посѣять недоразумѣнія между императрицей и ея подданными. Депеши маркиза Шетарди во время вторичнаго его пребыванія въ Россіи открываютъ всю эту коварную махинацію, пособникомъ которой былъ прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ, голштинскій оберъ-маршалъ великаго князя Бриммеръ и пресловутый лейбъ-хирургъ Лестокъ.

IV.

Маркизъ Шетарди прибылъ въ Петербургъ поздней осенью 1743 года, незадолго до отъѣзда императрицы въ Москву. Историкъ французской дипломатіи Флассанъ говоритъ что назначеніе его къ русскому двору послѣдовало вслѣдствіе косвеннымъ путемъ выраженнаго желанія императрицы. Это весьма вѣроподобно, но при этомъ желательно было бы узнать не Лестокъ ли шепнулъ государынѣ, вообще очень забывчивой, о своемъ старомъ сорзникѣ, который могъ бы быть ему очень полезенъ въ борьбѣ съ Бестужевымъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что назначеніе Шетарди состоялось путемъ тайной интриги и помимо канцлера управлявшаго внѣшними сношеніями Россіи; онъ узналъ объ этомъ назначеніи лишь тогда когда отклонить его уже было невозможно, и весьма былъ имъ недоволенъ, какъ можно заключить по слѣдующимъ словамъ, написаннымъ княземъ Кантеміромъ графу Воронцову: „Съ тѣхъ поръ какъ Шетардіевъ отъѣздъ здѣсь послѣшать начали, я примѣтилъ безсумнительно что его сіятельства графа Алексѣя Петровича ко мнѣ милость совсѣмъ въ противное отмѣнилась“. Очевидно Бестужевъ понималъ что этотъ дипломатъ ѣдетъ въ Петербургъ съ цѣлію повредить ему и подкопать франко-прусскую политику.

Въ виду новаго возбвигнутаго ему противника нашъ вице-канцлеръ принялъ свои мѣры. Воспользовавшись дѣломъ маркиза Ботты, онъ испросилъ разрѣшеніе задерживать подо-

зрительныя депеши иностранныхъ дипломатовъ и подвергать ихъ перлюстраціи,—вотъ между прочимъ почему депеши маркиза Шетарди появляются нынѣ въ русской печати. Но перлюстрація средство медленное. Бестужеву представилась возможность съ самаго же прибытія маркиза ослабить до нѣкоторой степени его значеніе. Французскій дворъ не признавалъ еще въ описываемое время русскихъ государей въ качествѣ императоровъ, а потому въ вѣрительной грамотѣ которую представилъ Шетарди императрица названа была царицей. Эта грамота не была принята, и лицу ее представившему оставалось или возвратиться или находиться въ Россіи въ качествѣ частнаго человѣка. Шетарди избралъ послѣднее. Благодаря милости къ нему государыни, онъ не только имѣлъ доступъ къ ея двору, но и былъ обласканъ ею; онъ нашелъ даже возможность принимать участіе во всѣхъ наиболѣе интересовавшихъ его дѣлахъ, но все-таки же онъ не имѣлъ прямыхъ сношеній съ русскимъ правительствомъ, не могъ претендовать на официальные знаки уваженія, и когда послѣдовала съ нимъ извѣстная катастрофа, правительство наше не сочло нужнымъ церемониться съ нимъ.

Разумѣется Шетарди не предвидѣлъ этой катастрофы, и отличный пріемъ оказанный ему Елисаветой, ея довѣренность и готовность выслушивать его совѣты не подавали ему въ первое время никакого повода сожалѣть что онъ не имѣетъ официальнаго характера. Разговаривая съ государыней о дѣлахъ, онъ постоянно говорилъ отъ имени своего государя, какъ бы признанный его посолъ, — а предметовъ для такихъ разговоровъ было достаточно. Первымъ изъ нихъ было Брауншвейгское дѣло. Въ первую минуту торжества и радости, добродушная Елисавета вознамѣрилась отправить низверженнаго императора со всѣмъ его семействомъ за границу, на родину; объ этомъ возвѣщено было манифестомъ 28го ноября 1741 года, а 12го декабря всѣ члены опальнаго семейства были вывезены изъ Петербурга подъ сильнымъ конвоемъ и направлены чрезъ Нарву и Ригу къ русской границѣ. Такое распоряженіе было очень великодушно, но едва ли согласно съ осторожностью и благоразуміемъ; видно что императрицу окружали въ то время люди которыхъ сердце не очерствѣло еще въ сферѣ практической дѣятельности и которые не привыкли соображать послѣдствія предлагаемыхъ ими мѣръ. Фридрихъ лучше ихъ понималъ что человѣкъ хотя бы только одну ми-

путу и лишь по имени бывшій государемъ можетъ весьма легко сдѣлаться причиной смутъ для страны надъ которою онъ царствовалъ. Эти замѣчанія были сообщены Фридрихомъ Елисаветѣ и приняты, разумѣется, съ признательностію. Кстати нѣкоторыя показанія сдѣланныя Остерманомъ назначенной надъ бывшими правителями коммиссіи и похищеніе нѣкоторыми приближенными правительницы государственныхъ драгоцѣнностей дали императрицѣ и благовидный предлогъ пріостановить слѣдованіе за границу опальной фамиліи; какой-то темный заговоръ, открытый въ 1742 году, въ пользу этой фамиліи заставилъ усилить за нею надзоръ, а когда въ началѣ 1743 года, открытъ заговоръ Ботты и Лолухиныхъ, семейство бывшаго императора было перевезено изъ Риги въ Динамюнде. Тѣмъ не менѣе однако до лѣта 1744 года продолжались еще колебанія, отпустить ли въ Германію или подвергнуть постоянному заключенію въ Россіи это злополучное семейство. Кто именно изъ совѣтниковъ государыни поддерживалъ въ ней великодушныя, хоть и неосторожныя стремленія, мы не знаемъ, но иностранная политика обильно эксплуатировала эти колебанія. Прусскому посланнику, писалъ Шетарди отъ 28го (17го) января 1744 года, приказано просить у государыни секретной аудіенціи, настойчиво представлять ей „о той близкой опасности“ которая будто бы ей угрожаетъ со стороны тайныхъ друзей прежняго правительства, просить „чтобъ она ради имени Божія о немедленномъ того поправленіи помышляла и формально домогаться объ удаленіи господъ Бестужевыхъ“.... Итакъ Бестужевы,—вице-канцлеръ и братъ его, бывшій посланникомъ въ Стокгольмѣ, выставлялись прусскою политикой какъ горячіе приверженцы ладшаго правительства: что могло подать къ тому поводъ? Оба они были слишкомъ умны и практичны чтобы рисковать и положеніемъ своимъ и жизнію ради такого безнадежнаго дѣла какъ будущность Брауншвейгской фамиліи; не вѣроятно также чтобъ они подавали императрицѣ тѣ благопріятные для динамюндскихъ узниковъ совѣты которые такъ тревожили будто бы Берлинскій дворъ: они не отличались ни гуманностью, ни порывами сердца. Но жена Михаила Бестужева была замѣшана въ исторію Лолухиныхъ—и это подавало нѣжной заботливости короля Прусскаго прекрасный поводъ предостерегать Елисавету противъ двухъ ея сановниковъ не соглашавшихся дѣлать уступки Швеціи и служить русскими войсками возвеличенію Пруссіи. Ба-

ронъ Мардефельдъ, продолжаетъ Шетарди въ помянутой депешѣ, „конечно вспомогаемъ будетъ господиномъ Бриммеромъ, Лестокомъ и мною“. Прусскій и французскій посланники, извѣстный уже намъ лейбъ-хирургъ и голштинскій оберъмаршалъ,—вотъ слѣдовательно истинные и, увы, единственные друзья русской императрицы, а король Прусскій ея ангелъ-хранитель! „Совѣтъ короля Прусскаго таковъ есть какого царица отъ отца ожидать могла бы“, писалъ маркизъ Шетарди, но тутъ же онъ объяснялъ причину такого въ самомъ дѣлѣ спасительнаго совѣта: король „Россіи боится“; онъ „знаетъ слабость царицы“; „онъ обнадеженъ (убѣжденъ) что въ государствованіе ея природные Русскіе предпочтеніе имѣть будутъ“, и вотъ почему необходимо разсѣять этихъ Русскихъ, лишивъ ихъ довѣрія государыни, возбудивъ сомнѣніе въ ней относительно ихъ преданности. Правда, пребываніе въ Германіи низверженнаго императора могло представить весьма важныя выгоды. Еслибы, какъ предполагалось первоначально, Брауншвейгская фамилія была выслана за границу, ею можно было бы, конечно, воспользоваться для возбужденія смутъ въ Россіи; но смуты вызванныя явнымъ иноземнымъ вмѣшательствомъ иногда служатъ лишь къ возвышенію народнаго духа, между тѣмъ какъ тайная интрига, состоящая въ томъ чтобъ отстранять людей несговорчивыхъ и открывать ходъ сговорчивымъ, подкапываетъ силу государства такъ же незамѣтно, какъ и вѣрно.

Весной 1744 года наконецъ приняты рѣшительныя мѣры противъ Брауншвейгской фамиліи; она была перевезена изъ Динамюнде въ Ораніенбаумъ; но при этомъ замѣчательно то что перемѣщеніе ея, произведенное съ соблюденіемъ величайшей тайны въ отношеніи Русскихъ, ни мало не было скрываемо отъ прусскаго и французскаго посланниковъ. Не только закупленные Берлинскимъ и Версальскимъ дворами довѣренныя лица государыни, но она сама сообщала Мардефельду и Шетарди свои распоряженія и даже предположенія касательно этой фамиліи,—откровенность которою никакъ не могли похвалиться, за самыми малыми исключеніями, ближайшіе придворные и высшіе сановники Елисаветы; всѣ тѣ которые не пользовались покровительствомъ двухъ названныхъ посланниковъ, были изображаемы ими какъ люди строптивые и подозрительные. Какъ бы то ни было, впрочемъ, судьба Брауншвейгской фамиліи была рѣшена, вопросъ исчерпанъ. Но пока о немъ шли толки и возбуждались подозрѣнія императри-

цы противъ ея министровъ, тайными путями завязывалось другое дѣло, отъ котораго наши „истинные пріятели“ могли ожидать гораздо важнѣйшихъ послѣдствій.

Императрица, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, вызвала въ Петербургъ молодаго своего племянника, дала ему титулъ великаго князя и объявила наслѣдникомъ престола. Затѣмъ она стала пріискивать ему невѣсту. Вниманіе ея обратилось прежде всего на сестру короля Прусскаго, но Фридрихъ отклонилъ переговоры объ этой принцессѣ, которая вскорѣ вышла за наслѣднаго принца Шведскаго, а вмѣсто нея предложилъ дочь своего фельдмаршала принца Ангальтъ-Цербстскаго. Партія была не особенно блестящая для русскаго великаго князя, но мать молодой принцессы происходила изъ Гольштейнскаго дома, знаменитаго своею древностію и къ которому императрица питала родственныя чувства. Въ переговорахъ объ этомъ дѣлѣ „потрачено было столько трудовъ какъ бы на дѣло величайшей важности“, говоритъ насмѣшливо Фридрихъ въ своихъ *Запискахъ*; но какъ бы ни выражался о немъ предъ потомствомъ король-философъ, онъ придавалъ ему самъ весьма большое значеніе: „Россійская великая княжна, говоритъ онъ въ тѣхъ же *Запискахъ*, вскормленная и воспитанная въ прусскихъ владѣніяхъ и обязанная счастіемъ своимъ королю, изъ чувства благодарности должна была держать его сторону.“ Послѣдствія, какъ извѣстно, не оправдали дальновидности родоначальника германской политики, но соображенія его казались тѣмъ основательнѣе что отецъ молодой принцессы былъ Германецъ крѣпкаго закала, а мать—женщина до обожанія преданная Фридриху. Сношенія о молодой принцессѣ Цербстской начались въ 1743 году, и въ концѣ этого года Фридрихъ счелъ уже возможнымъ сообщить принцессѣ-матери какіе виды имѣются на ея дочь. Онъ предложилъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ немедленно отправиться въ Россію, но безъ огласки и въ особенности тщательно скрывая свою поѣздку отъ русскаго посланника въ Берлинѣ. Императрица съ своей стороны также тщательно скрывала начатое дѣло отъ своихъ министровъ, но съ полною откровенностью говорила о немъ съ представителями Пруссіи и Франціи. Въ половинѣ января, то-есть когда принцесса едва развѣ тронулась съ мѣста, маркизу Шетарди сообщено было самою государыней не только объ ожидаемомъ ея прибытіи, но и о цѣли ея прибытія. Мало того, она сама объявила этому иностранцу что ни Бе-

стужевъ, ни даже столь близкій ей человѣкъ какъ Воронцовъ ничего не знаютъ о томъ.... Таково было въ то время положеніе русскихъ министровъ!

Естественно, оно еще должно было ухудшиться съ прибытіемъ принцессы Цербстской, женщины склонной къ интригѣ по природѣ своей, преданность которой королю Прусскому не имѣла границъ и которой внушено было что Бестужевъ поклялся не допустить брака между ея дочерью и великимъ княземъ. Дворъ находился въ это время въ Москвѣ, а со дворомъ, разумѣется, и Бестужевъ; Шетарди и Мардефельдъ между тѣмъ остались подъ благовиднымъ предлогомъ въ Петербургѣ, чтобы встрѣтить свою союзницу, дать ей нужныя наставленія и вооружить ее противъ своихъ враговъ. Къ ней назначенъ былъ камергеръ Нарышкинъ, по внушеніямъ Лестока, „который, по словамъ Шетарди, съ резономъ желалъ дабы никто изъ его (Бестужева) *вѣрныхъ* наставленій оной принцессѣ чинить не могъ, которыя, но ихъ (принцессы) новости, въ первыхъ дняхъ приняты и выслушаны безъ сомнѣнія будутъ". Принцесса, пишетъ Шетарди отъ 4го (15го) февраля 1744 года, вчера пріѣхала въ Петербургъ и уже „безъ всякаго затрудненія къ тѣмъ видамъ приступила, о которыхъ ей камергеръ Нарышкинъ, по силѣ порученной ему отъ гг. Бриммера и Лестока коммиссіи, представилъ, и она толь наипаче залотребно разсудила, вслѣдствіе того о чемъ я ей съ барономъ Мардефельдомъ говорилъ, дѣйствовать, яко до свѣдѣнія ея дошло и она въ Германіи многократно слышала *какія здѣсь противъ правленія царицы умышленія чинятся*..." Весьма любопытно сопоставить послѣднія строки и заботливость Шетарди о благѣ русской императрицы со слѣдующими словами писанными имъ же, недѣлю спустя, къ французскому посланнику въ Берлинѣ. „Пунктъ о низверженіи вице-канцлера еще въ состояніе не приведенъ, однакоже мы много отъ помоществованіи принцессы Цербстской надѣемся, которая тѣмъ толь наивящую услугу царицѣ покажетъ, яко уже тѣми коп дѣла проникаютъ, *доказано что сія принцесса* * *первая сакрификована будетъ, ежели она образа поведенія своего и своего министерства не отмѣнитъ*"....

„Принцесса Цербстская была родною сестрой отцу великаго

* Очевидно что здѣсь слово *принцесса* (princesse) должно относиться къ императрицѣ.

князя, а слѣдовательно ея дочь—двоюродною сестрой своему жениху. Кажется что такое близкое родство возбудило сомнѣнія въ нашемъ высшемъ духовенствѣ; но крайней мѣрѣ Шетарди утверждаетъ что съ этой стороны сдѣланы были императрицѣ представленія. Но вотъ что замѣчательно при этомъ: едва ли не самъ Шетарди возбуждалъ посредствомъ своихъ агентовъ наше духовенство къ подобнымъ представленіямъ! Въ депешѣ отъ 4го (15го) февраля, онъ говоритъ, правда, о необходимости подкупить членовъ синода и духовника государыни, съ цѣлію устранить препятствія къ браку между великимъ княземъ и его кузиной; но въ сообщеніи сдѣланномъ нашимъ дворомъ этому дипломату о причинахъ его высылки изъ Россіи, въ числѣ проискoвъ и интригъ въ которыхъ его обвиняли, уломянуто было о попыткахъ его *отклонить духовенство отъ его вѣрноподданническихъ обязанностей* (de corrompre la fidélité de plusieures personnes du clergé). Итакъ вотъ съ какою цѣлію онъ пробовалъ производить подкупы. Весьма вѣроятно также что дѣлая это онъ желалъ показать какъ враждебны государынѣ національные русскіе элементы и приписать сопротивленіе духовенства тайнымъ внушеніямъ Бестужева. И въ самомъ дѣлѣ французскій посланникъ доносилъ своему двору что русское духовенство служитъ лишь орудіемъ Бестужева. Что же касается этого послѣдняго, то онъ узналъ лишь изъ перлюстраціи о возбужденныхъ противъ него подозрѣніяхъ, и узнавъ о томъ предлагалъ императрицѣ спросить у самихъ духовныхъ вступалъ ли онъ съ ними въ сношенія. Бестужеву можно, кажется, повѣрить на слово въ этомъ случаѣ: онъ былъ слишкомъ уменъ и остороженъ чтобы прибѣгать къ средствамъ такого щекотливаго свойства и къ путямъ такъ мало сокрытымъ. Ему, разумѣется, горько и обидно было видѣть себя устраненнымъ въ дѣлѣ которое никакъ нельзя назвать исключительно семейнымъ императрицынымъ; но онъ покорился, и нѣсколько лѣтъ спустя сдѣлался однимъ изъ надежнѣйшихъ друзей великой княгини.

Какъ бы то ни было, но прусско-французская лига пользовалась каждымъ случаемъ чтобы припугнуть императрицу призракомъ сопротивленія и даже революціи, возбуждаемыхъ будто бы противъ нея русскою партіей съ Бестужевымъ во главѣ. Къ великому огорченію руководителей этой лиги, императрица не такъ легко однакожь поддавалась страху какъ они жела-

ли бы. Послѣ одного разговора о Брауншвейгской фамиліи, въ продолженіи коего принцесса Цербстская, Лестокъ и Шетарди употребляли, но тщетно, всѣ усилія чтобы раскрыть ей глаза на предательство ея русскихъ министровъ, французскій дипломатъ съ досадой написалъ своему двору: „Когда она такъ мало тѣмъ упражняется еже право имѣло бы всю ея атенцію наивяще возбуждать, то какую надежду ожидать, дабы ее на такія дѣла привесть которыя ей не такъ существительными покажутся!" Повидимому, она выражала иногда даже неудовольствіе за эти назойливыя полеченія о ея безопасности. Еслибы, пишетъ Шетарди, отъ 22го марта (2го апрѣля), „по крайней мѣрѣ сія принцесса, полагаясь меньше на ту безопасность которая можетъ-быть ей погибелью будетъ, не гнѣвалась о томъ еже для ея соблюденія представляется;" но, продолжалъ онъ, опасеніе навлечь наконецъ на себя ея неудовольствіе „побудило меня барону Мардефельду сказать что я инаго способа не предвижу, какъ токмо дабы король, его государь, сію принцессу партикулярнымъ отъ себя письмомъ изъ ея нечувствія вывелъ." Не знаемъ рѣшился ли Фридрихъ вступить въ столь деликатную переписку, но слухъ о страшныхъ опасностяхъ которымъ Русская императрица подвергается будто бы отъ строптивости своихъ бояръ, отъ фанатизма своего духовенства и звѣрства своего народа, пронесся по всей Европѣ и сдѣлался лозунгомъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Отъ датскаго двора присланъ былъ въ Петербургъ особый дипломатъ „дабы,—по словамъ Шетарди,—здѣсь на мѣстѣ ожидать и пристерегать происхожденій и пользоваться революціей, о которой его дворъ по сіе время уповаетъ что оная статься еще можетъ." Французскій посланникъ въ Пруссіи писалъ маркизу Шетарди отъ 20го іюня: „Одинъ изъ министровъ здѣшняго двора мнѣ говорилъ что онъ не сумнѣвается что ежели вицъ-канцлеръ низвергнутъ не будетъ, то въ непродолжительномъ времени сама царица тому подвержена будетъ.... что россійскій въ Польшѣ министръ безпрекословно (безъ сомнѣнія) больше саксонскому двору нежели своей государынѣ преданъ, и что онъ (прусскій министръ) удивляться не будетъ, когда бы революція въ Россіи пищу и подкрѣпленіе съ той стороны получала." „Надѣйтеся (будьте увѣрены), продолжалъ маркизъ Валори, что и въ Швеціи тѣ жь подозрѣнія имѣютъ, къ чему прибавлю еще что и тѣ жь желанія, дабы того человѣка (Бестужева) отъ дѣлъ отда-

ленна видѣть, котораго умышленія не могутъ быть (иначе) какъ злоключительны, ибо революція въ Россіи повлекла бы необходимо другую и въ томъ государствѣ. Возможное ли есть дѣло что царица подобнаго человѣка на жертву предать не хочетъ,— такого который толь явно извѣстенъ что онъ худъ для ея безопасности и для ея *истинныхъ пріятелей* кои въ содержаніи ея правленія наиболѣе интересованы суть?" „Я не сумнѣвался" писалъ въ заключеніе маркизъ Валори, что вы съ г. Мардсфельдомъ почасту о томъ разговариваете; постарайтесь о томъ интересѣ которымъ царица *истинныхъ своихъ пріятелей* успокоить можетъ, еже она малымъ сакрифисомъ учинить то въ состояніи, который о собственной ея безопасности, о коей пріятели ея только стараются, способствовать можетъ."

И однакожь, не взирая на столь распространенныя между нашими заграничными „истинными пріятелями" убѣжденія въ злокозненности Бестужева, имъ не удавалось добиться его „сакрифиса"; напротивъ, по нѣкоторымъ признакамъ можно было заключить что кредитъ вице-канцлера усиливается. Едва сдѣлалось извѣстнымъ что Россія приняла участіе въ Бреславскомъ трактатѣ, въ качествѣ державы гарантирующей настоящія владѣнія Австріи и Пруссіи,—въ качествѣ державы, слѣдовательно, нейтральной,—какъ заключенъ былъ ею дружественный договоръ съ королемъ Польско-Саксонскимъ. По этому поводу французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ депешѣ отъ 24го мая, замѣчалъ маркизу Шетарди: „я увѣренъ нахожусь что ежели бъ гг. Бриммеръ и Лестокъ о сей негоціаціи барона Герсдорфа (саксонскаго посланника) знали, то бъ они безъ сумнѣнія вамъ о томъ сообщить не преминули: еже новую причину къ разсужденію подаетъ, что какія бы царица оказательства къ конфиденціи вамъ персонально ни давала, то она однакожь во всемъ на вице-канцлера г. графа Бестужева въ управленіи дѣлъ ея полагается." Съ своей стороны и Шетарди, не взирая на все свое самомнѣніе, не безъ тревоги доносилъ, отъ 10го мая, своему двору что императрица какъ будто ускользаетъ изъ-подъ вліянія франко-прусской лиги. И великій князь, — ревностный сторонникъ Пруссіи, и принцесса Цербстская, писалъ онъ, „нынѣ того авантажа, дабы къ ней приближаться, лишены".

Но еще не всѣ средства были истощены, и противники Бестужева не теряли надежды. 31го марта 1744 года умеръ князь

Кантемиръ. Въ Петербургѣ стали говорить что вице-канцлеръ причтетъ на его мѣсто брата своего. Удаленіе Михаила Бестужева, съ которымъ столь ненавистный Франціи министръ нерѣдко совѣщался, было бы конечно дѣломъ весьма желательнымъ; но съ другой стороны, не странно ли было бы ежели бы царица, ко двору своего союзника „предпочтительно такого министра выбрала который явно непріятелемъ интересовъ французскихъ себя объявилъ" во время пребыванія своего въ Стокгольмѣ? Донесенія которыя онъ присылалъ бы изъ Парижа не служили ль бы подкрѣпленіемъ политикѣ его брата? Шетарди счелъ нужнымъ отклонить такое назначеніе (если только оно дѣйствительно имѣлось въ виду). Онъ обратилъ вниманіе на графа Воронцова, который въ качествѣ камеръюнкера цесаревны иногда являлся къ нему съ тайными отъ нея порученіями и оставался съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Этимъ-то молодымъ человѣкомъ, весьма близкимъ императрицѣ и по давней ея привычкѣ къ нему, и по родству ея съ его женой, урожденною Скавронской, задумалъ воспользоваться французскій дипломатъ. Однажды, обѣдая у него, Шетарди сталъ любезно выговаривать ему за то что со времени вступленія на престолъ Елисаветы онъ очень подружился съ Бестужевымъ, и спросилъ, какъ бы мимоходомъ, имѣетъ ли онъ еще, какъ прежде, желаніе посѣтить чужіе края?

— Да, отвѣчалъ Воронцовъ;—я желалъ бы побывать за границей чтобы приготовить себя для службы императрицѣ и отечеству.

— Въ такомъ случаѣ мысли наши сходятся, замѣтилъ Шетарди. Искренняя дружба, которая издавна соединяетъ насъ, заставила меня подумать объ одномъ дѣлѣ которое могло бы устроиться благодаря смерти князя Кантемира: я разумѣю назначеніе ваше на мѣсто посланника во Францію. Безъ хвастовства, я думаю что невозможно получить болѣе пріятнаго назначенія, тѣмъ болѣе что вы уже извѣстны и королю и его министрамъ, и что слѣдовательно какъ ради васъ самихъ, такъ и ради графини,—столь близкой родственницы ея величества, вамъ было бы оказано всевозможное вниманіе.

Воронцовъ поблагодарилъ за столь лестное предложеніе и скромно указывалъ на малую свою приготовленность къ такому важному назначенію.

— Скажите лучше, съ живостію возразилъ Шетарди, — что

императрица васъ такъ жалуетъ и такъ привыкла къ вамъ что не захочетъ можетъ-быть отпустить васъ отъ себя.

Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе Воронцова въ Парижъ не состоялось; но этотъ близкій императрицѣ человѣкъ могъ, разсуждалъ Шетарди, — пригодиться и на другомъ постѣ. Мѣсто первенствующаго (послѣ вице-канцлера) члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ упразднилось въ концѣ 1743 года смертію Бреверна, — стараго дѣльца остермановскихъ временъ. Шетарди неоднократно писалъ своему двору что онъ намѣренъ доставить это мѣсто или Румянцеву, отцу Задунайскаго, или одному изъ князей Трубецкихъ. Теперь благосклонное его вниманіе перешло на графа Воронцова. Съ своей стороны и Бестужевъ, дѣйствительно сблизившійся съ Воронцовымъ, желалъ имѣть его въ качествѣ ближайшаго своего помощника и товарища: это улучшило бы его положеніе при дворѣ, гдѣ онъ имѣлъ мало связей. Притомъ свойство Воронцова съ императрицей не допускало назначить его простымъ совѣтникомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; онъ могъ быть назначенъ въ эту коллегію не иначе какъ вице-канцлеромъ, а при этомъ Бестужевъ неминуемо былъ бы повышенъ въ канцлеры. Въ такомъ смыслѣ уже и велось дѣло когда Шетарди предлагалъ бывшему каммеръ-юнкеру Елисаветы назначеніе въ Парижъ. Убѣдясь что онъ вовсе не расположенъ оставить дворъ, Шетарди рѣшилъ что Воронцовъ долженъ послужить Франціи и способствовать низверженію Бестужева въ званіи вице-канцлера. Встрѣтивъ его однажды, онъ поспѣшилъ ему засвидѣтельствовать что такое назначеніе, если слухъ о немъ справедливъ, радуетъ его: „Мы васъ здѣсь сберегать и сохранять будемъ“, сказалъ онъ, „потому что вы можете истинную пользу принести ея величеству; но извѣстной къ ней преданности вы всегда той стороны держаться будете которая съ интересомъ ея сходна будетъ, ибо собственное ваше соблюденіе отъ соблюденія государыни зависитъ.“ Вы говорите, продолжалъ французскій дипломатъ, о недостаточномъ своемъ знакомствѣ съ дѣлами, опасаетесь недостатка проницательности: но какая проницательность можетъ замѣнить свойственное вамъ прямодушіе? Съ дѣлами вы не замедлите познакомиться и тогда-то узнаете „кто суть правдивые императрицы друзья, и кои таковыми быть себя являютъ“.

Шетарди воспользовался этимъ случаемъ чтобы преподать будущему вице-канцлеру первый урокъ политики: объяснилъ

ему что Австрія и Англія суть естественные враги императрицы, что одинъ король Франціи есть искренній ея доброжелатель и наконецъ что Бестужевъ „плутъ“,—съ чѣмъ, утверждаетъ Шетарди, согласился и его собесѣдникъ. Довольный такимъ началомъ, онъ поспѣшилъ сообщить о своемъ успѣхѣ Мардефельду и Лестоку, объяснивъ имъ при этомъ что „мудрость требуетъ дабы стараться его на добрый путь наставить“. Онъ убѣждалъ Лестока забыть размолвку существовавшую между нимъ и Воронцовымъ, сблизиться съ нимъ дабы тѣмъ легче ему „о вицъ-канцлерѣ глаза открыть, а потомъ можетъ-быть довольно и честолюбіе его возбудить, дабы возстановленіемъ въ немъ охоты великимъ канцлеромъ быть, его для паденія съ Бестужева орудіемъ учинить“. Лестокъ упрямился, но Шетарди и Мардефельдъ доказали ему что для столь важной цѣли онъ долженъ пожертвовать своими личными чувствами, и Бриммеръ, которому они открылись, вполнѣ согласился съ ними.

Не теряя времени, прусскій посланникъ отправился къ Воронцову.

— Я пришелъ, сказалъ онъ, — открыть вамъ всю глубину моего сердца. Оно глубоко уязвлено, и излѣчить его можетъ одно—вступленіе ваше въ министерство. Искренность вашихъ намѣреній и благость вашего сердца лучше и надежнѣе руководить васъ будутъ чѣмъ долгая опытность въ дѣлахъ. Вы сумѣете отвратить отъ императрицы опасности которыя ей угрожаютъ, и въ этомъ отношеніи найдете несомнѣнную поддержку со стороны короля, моего государя. Его стараются ссорить съ ея величествомъ; вице-канцлеръ сталъ явнымъ противникомъ нашимъ: въ добрый часъ! Но „я вамъ объявляю что и я съ моей стороны его болѣе жалѣть не буду“.

Воронцовъ флегматически замѣтилъ на эту громоносную рѣчь, что если Бестужевъ дѣйствительно таковъ, то его надо бы кажется удалить, назначивъ къ какому-нибудь двору.

— Это было бы прекрасно, отвѣчалъ Мардефельдъ,—впрочемъ я весьма далекъ чтобы желать несчастія г. Бестужеву. Позвольте, продолжалъ онъ внушительно,—моей искренней къ вамъ дружбѣ предупредить васъ чтобы великая предстоящая вамъ фортуна не ослѣпила васъ. Эта фортуна не можетъ быть прочна, если принцесса Анна снова возвратится къ правленію. Она не можетъ быть прочна и въ томъ случаѣ „когда великій князь наслѣдникомъ будетъ. Повѣрьте мнѣ что онъ

вамъ то не проститъ что вы искреннею дружбой съ непріятелемъ его дома (Бестужевымъ) обязаны находились".

При этомъ Мардефельдъ очень ловко замѣтилъ что дружба съ вице-канцлеромъ уже была однажды причиной недостатка довѣрія къ Воронцову со стороны императрицы, а именно въ дѣлѣ о выборѣ невѣсты для великаго князя.

— Другое дѣло Лестокъ, и я, прибавилъ онъ, inako не могу какъ съ крайнимъ прискорбіемъ видѣть что вы съ нимъ не въ согласіи находитесь. Вы оба одинаково преданы императрицѣ, а это должно бы васъ сблизить между собою. Что же касается до короля, моего государя, то онъ вамъ доказалъ уже отличное свое уваженіе, пожаловавъ вамъ орденъ Чернаго Орла и алмазами украшенный портретъ свой. „Но вы можете обнадежены быть что онъ тѣмъ себя не удовольствуетъ, и вы на отличнѣйшія дѣйствія его благости и признанія надѣяться можете."

Неизвѣстно что̀ отвѣчалъ Воронцовъ на эти обѣщанія, но Мардефельдъ остался очень доволенъ произведеннымъ на него впечатлѣніемъ и поспѣшилъ сообщить о томъ своему французскому союзнику. Шетарди вполнѣ апробовалъ все что̀ говорилъ его собратъ, и возлагалъ большія надежды на то что онъ пристращалъ будущаго вице-канцлера гнѣвомъ великаго князя за дружбу съ „непріятелемъ его дома". Они нашли нужнымъ просить Бримmера чтобъ онъ побудилъ этого принца заявить о томъ Воронцову лично и сказать что о непріязни Бестужева къ Гольштейнскому дому онъ слышалъ будто бы отъ самой императрицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ внушено было принцессѣ Цербстской дать почувствовать Воронцову что близость его съ вице-канцлеромъ заставляла и ее быть менѣе откровенною съ нимъ чѣмъ она желала бы.

Такимъ образомъ,—говорилъ Шетарди въ заключеніе депеши, гдѣ описывались всѣ эти интриги,—все возможное сдѣлано съ нашей стороны. „А ежели," присовокуплялъ онъ, „мы онымъ успѣха не возымѣемъ, то мы по меньшей мѣрѣ ничего себѣ нарекать не можемъ, и мы онымъ злом которое себѣ царица предуготовляетъ. не хотя о той погибели примѣтить въ которую гг. Бестужевы ее вести стараются, довольное отмщеніе получимъ."

V.

Мы уже замѣтили что Бестужевъ исходатайствовалъ себѣ негласное разрѣшеніе вскрывать депеши иностранныхъ посланниковъ если онѣ почему-либо казались ему подозрительными. Впрочемъ такъ-называемая перлюстрація входила въ обычную практику нашей дипломатіи прошедшаго вѣка. Во время процесса царевича Алексѣя, голландскій резидентъ въ Петербургѣ былъ арестованъ и высланъ за границу „за ругательныя реляціи“ вскрытыя на почтѣ; даже при Екатеринѣ II, депеши состоявшихъ при ея дворѣ посланниковъ вскрывались и доставлялись ей въ коліяхъ: перлюстрація была однимъ изъ любимыхъ ея чтеній. Но повидимому она производилась въ царствованіе императрицы Елисаветы съ особенною безцеремонностью. „Подлинно безъ всякаго стыда и предосторожности нынѣ здѣсь всѣ письма распечатываютъ,“ писалъ Шетарди вскорѣ по прибытіи своемъ въ Петербургъ. „Г. Мардефельдъ уже предъ нѣсколькими недѣлями отъ короля своего государя указъ получилъ о томъ весьма серіознымъ образомъ представлять,“ а для подкрѣпленія его представленій ему было прислано изъ Берлина нѣсколько его собственныхъ конвертовъ съ мережчурѣ неосторожно поврежденными печатями. Разумѣется, члены дипломатическаго корпуса находившіеся въ Петербургѣ снабжены были отъ своихъ дворовъ шифрами; они посылали съ особыми курьерами наиболѣе щекотливыя свои депеши; но эти предосторожности были недостаточны противъ безцеремоннаго любопытства нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ. При ней состояло нѣсколько спеціалистовъ для разбиранія шифрованныхъ депешъ, и если шифръ этихъ депешъ оказывался столько замысловатымъ что невозможно было въ скорости подобрать къ нимъ ключа, то ихъ задерживали нѣсколько дней и даже недѣль: это видно изъ объясненій самого Бестужева къ депешамъ маркиза Шетарди, напечатаннымъ въ *Архивѣ князя Воронцова*; по поводу депеши отъ 24го мая, въ которой Шетарди ссылался на предшествующее донесеніе свое отъ 7го мая, Бестужевъ сдѣлалъ слѣдующій „ремаркъ“: „Онъ здѣсь о томъ письмѣ говоритъ которое онъ особливою цифрою на трехъ листахъ кругомъ къ Амелоту своеручно писалъ и которое здѣсь удержано (въ продолженіе 17

дней), но еще за трудностію не разобрано.“ Бестужевъ дѣлалъ даже болѣе: онъ сохранялъ и нѣкоторые подлинники Шетардіевыхъ депешъ съ цѣлію уличить его современемъ и опровергнуть могущія возникнуть сомнѣнія относительно правильности перлюстраціи.

Впрочемъ перлюстрація дипломатической переписки производилась въ прошломъ вѣкѣ повсемѣстно. Екатерина, любившая читать копіи съ депешъ посылаемыхъ изъ Петербурга къ разнымъ европейскимъ дворамъ, знала очень хорошо что то же самое дѣлается за границей и съ депешами отправляемыми въ Петербургъ и даже съ ея частною перепиской. Поэтому она иногда сообщала своимъ заграничнымъ корреспондентамъ такія мысли и извѣстія какія ей нужно было довести до свѣдѣнія правительствъ столь же любопытныхъ какъ и ея собственное. Въ эпоху о которой здѣсь говорится, проживавшіе въ Петербургѣ дипломаты употребляли подобное же средство для введенія въ заблужденіе Бестужева, для внушенія ему надеждъ или опасеній которыя согласовались съ ихъ видами. Мало того: они употребляли всевозможныя неблаговидныя средства чтобы похищать тайны другъ у друга. Мы находимъ о томъ очень любопытныя извѣстія въ депешахъ Шетарди. Отправленіе курьера кѣмъ-либо изъ дипломатовъ было случаемъ которымъ пользовались и другіе члены дипломатическаго корпуса для отправленія своихъ депешъ, особенно если онѣ были важны; курьерами дипломатическаго корпуса пользовались также и частные люди находившіеся въ сношеніяхъ съ посольствами: при тогдашней неблагонадежности почтъ, этотъ путь почитался болѣе вѣрнымъ. Но французскій посланникъ въ Стокгольмѣ систематически злоупотреблялъ довѣріемъ своихъ собратовъ и знакомцевъ. Зная что шведскій посланникъ въ Россіи Баркъ не принадлежитъ къ друзьямъ Франціи и подозрѣвая что онъ способствуетъ сближенію своего правительства съ русскимъ, маркизъ Ланмари счелъ удобнымъ прочитывать посылаемую Барку въ Петербургъ и имъ изъ Петербурга корреспонденцію съ курьеромъ французскаго посольства. Въ депешѣ къ Шетарди, отъ 25го мая (5го іюня) 1744 года, этотъ дипломатъ извѣщаетъ что онъ нарочно сообщилъ своимъ знакомцамъ въ Стокгольмѣ что на дняхъ отправляетъ своего курьера въ Петербургъ „дабы г. Барку время дать письма для отправленія брату своему (посланнику) собрать. Мнѣ отъ него (курьера)

оный лакеѣ отданъ будетъ, и я оный прежде не отправлю какъ по свѣдѣніи содержанія онаго. По возвращеніи курьера, я такимъ же образомъ постулать буду, чрезъ что̀ мы всѣ корреспонденціи (противной партіи) свѣдаемъ, и я вамъ содержаніе оной сообщу; можетъ-быть что мы изъ оной нѣчто до вѣдѣнія царицына касающееся свѣдаемъ“. — „Я признаваю, писалъ въ заключеніе маркизъ Ланмари, что весьма сожалительно на такую крайность постулить и такимъ средствомъ пользоваться которое мы у другихъ хулимъ“, — но... *цѣль оправдываетъ средства*....

Точно такимъ же образомъ разсуждалъ и Бестужевъ, и на основаніи даннаго ему полномочія систематически слѣдилъ за перепиской дипломата пріѣхавшаго чтобъ его низложить. Чтеніе депешъ Шетарди было довольно затруднительно, такъ какъ онъ имѣлъ нѣсколько различныхъ шифровъ. Но трудъ и усердіе все превозмогаютъ. Статскій совѣтникъ Гольдбахъ побѣдилъ трудности французскихъ шифровъ, и Шетардіевы депеши въ точномъ, хотя и весьма въ неуклюжемъ переводѣ, тотчасъ же по прибытіи этого дипломата въ Петербургъ, стали появляться въ кабинетѣ вице-канцлера, а тотъ прочитавъ ихъ и снабдивъ надлежащими „ремарками“, отправлялъ ихъ въ Зимній Дворецъ. * Мы видѣли содержаніе этихъ депешъ. Онѣ несомнѣнно изобличаютъ со стороны французскаго дипломата интригу и вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи. Но все это, можетъ-быть, сошло бы ему съ рукъ, еслибъ онъ выражался съ большею осторожностію о самой императрицѣ. Къ удивленію, маркизъ Шетарди очень хорошо, какъ мы видѣли, зная что дипломатическая переписка не неприкосновенна въ Россіи, отзывался о государынѣ въ выраженіяхъ крайне безцеремонныхъ, говорилъ о ея неспособности къ серіознымъ занятіямъ и чрезмѣрной преданности разсѣянію, о легкомысленности ея и даже о ея „слабомысліи“. „Que peut on se promettre de la reconnaissance et de l'attention d'une prinsesse aussi légère et aussi dissipée“, писалъ онъ въ одной изъ этихъ депешъ, а въ другой, именно въ вышеупомянутой депешѣ, которую въ

* Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ „ремаркъ“ говорится что такая-то часть депеши или приложенія къ ней „еще не разобрана“, изъ чего слѣдуетъ заключить что перлюстрація депешъ французскаго дипломата производилась по мѣрѣ сдачи ея на почту.

продолженіе 17 дней не могъ разобрать усердный Гольдбахъ и которая не находится въ коллекціи депешъ маркиза Шетарди, онъ говорилъ о какой-то „персонѣ“; повидимому, очень дорогой для императрицы, ибо, по словамъ депеши отъ 24го мая (4го іюня), „приключившійся флюсъ (fluxion?) на глазу у той *персоны*.... одинъ все раченіе и всѣ часы сей принцессы захватилъ“. Можно думать что въ помянутой не дошедшей до насъ депешѣ говорились вещи весьма непріятныя для государыни и сильно ее раздражавшія. Можно думать также что пользуясь этимъ раздраженіемъ Бестужевъ поднесъ вслѣдъ за нею извлеченіе изъ другой, хотя и давно написанной, но которую онъ продержалъ, такъ какъ прежде она не могла бы произвести надлежащаго впечатлѣнія: такъ слѣдуетъ кажется заключить изъ того что она помѣщена въ *Архивѣ князя Воронцова* послѣднею, хотя и помѣчена 11го (22го) февраля. Въ этой депешѣ, жалуясь на равнодушіе государыни даже къ такимъ дѣламъ и поступкамъ которые должны были бы задѣвать ее за живое, Шетарди говорилъ: „но для того чтобъ обнаружить чувствительность въ подобныхъ случаяхъ, надо имѣть болѣе послѣдовательности въ мысляхъ, болѣе силы ума, ближе слѣдить за дѣлами своими,—а это несовмѣстимо съ разсѣянностію причиняемою пристрастіемъ къ удовольствіямъ и соблазнительною надеждой—отдаться имъ, не нарушая своего спокойствія“.

Надо не забывать что Шетарди находился не въ качествѣ официальнаго представителя французскаго короля, а въ качествѣ, по выраженію Бестужева, „безхарактернаго“, то-есть партикулярнаго человѣка; это дозволяло смотрѣть на него какъ на простаго интригана, какъ на одного изъ тѣхъ искателей приключеній съ которыми и нынѣшнія правительства не очень церемонятся. Бестужевъ, замѣтивъ, надо думать, что императрица достаточно раздражена уже отзывами о ней Шетарди, подалъ ей записку въ которой, налегая на „безхарактерность“ маркиза, онъ совѣтовалъ выслать его подъ карауломъ за границу, о чемъ и извѣстить, чрезъ русское посольство въ Парижѣ, тамошнее правительство, съ объясненіемъ ему, разумѣется, и причинъ такого образа дѣйствій. Императрица согласилась. Назначенный для этого день былъ 6е іюня 1744 года. Распорядиться съ дерзкимъ Французомъ поручено было генералу Ушакову, неизмѣнно въ четыре послѣдовательныя царствованія завѣдывавшему уголовною частію политическихъ про-

цессовъ. 6го іюня, въ сопровожденіи четырехъ ассистентовъ и секретаря, въ половинѣ шестаго утра, Ушаковъ нагрянулъ къ Шетарди. Вышедшій къ нему лакей сказалъ что господинъ его еще спитъ, но по настоятельному требованію Ушакова доложилъ о немъ. Шетарди вышелъ „въ полушафорѣ“, но въ парикѣ. Увидѣвъ Ушакова, онъ мгновенно перемѣнился въ лицѣ. Начальникъ тайной канцеляріи объяснилъ что онъ присланъ для объявленія ему нѣкотораго распоряженія, и приказалъ секретарю прочесть записку (на французскомъ языкѣ) составленную на этотъ случай въ иностранной коллегіи. Въ этой запискѣ говорилось что вмѣсто признательности за отличный сдѣланный ему пріемъ при дворѣ государыни, онъ, безъ сомнѣнія вопреки волѣ короля, усиливался нетолько „совратить съ пути вѣрности многихъ лицъ духовнаго званія, составить себѣ партію при дворѣ, низвергнуть министерство, но даже съ такою же отважностію какъ и дерзостью описывать и предавать клеветѣ въ своихъ депешахъ священную особу“ государыни, вслѣдствіи чего, говорилось въ запискѣ, вамъ предписывается выѣхать изъ Москвы, безъ дозволенія видѣться съ кѣмъ бы то ни было, въ 24 часа, при офицерѣ, который будетъ сопровождать васъ до границы. Затѣмъ, доносила государынѣ коммиссія предсѣдательствуемая Ушаковымъ, секретарь „прочиталъ экстракты изъ Шетардіевыхъ писемъ, а онъ, Шетардій, за нимъ смотрѣлъ и ничего не оспорилъ, ниже оригиналовъ смотрѣть хотѣлъ“. По окончаніи этого чтенія, Шетарди потребовалъ отъ Ушакова копій съ декларацій, или записки, и съ перлюстрованыхъ его депешъ, но на это ему было объявлено что въ этомъ нѣтъ надобности, такъ какъ у него должны быть брульйоны, а въ Парижѣ большая часть подлинниковъ. Впрочемъ копія съ декларацій была ему дана, а затѣмъ ему было сказано что къ отъѣзду его все готово. Въ квартирѣ его былъ оставленъ офицеръ, имѣвшій сопровождать его, и военная команда, но безъ ружья.

Такъ окончилась трубнымъ гласомъ возвѣщенная миссія маркиза Шетарди. Въ тотъ самый день какъ ему была объявлена извѣстная намъ декларація, дипломатическому корпусу сообщено было о распоряженіи принятомъ въ отношеніи маркиза. По словамъ чиновниковъ посланныхъ съ этими сообщеніями, бо́льшая часть членовъ этого корпуса приняли оное

довольно равнодушно; нѣкоторые даже съ одобреніемъ. Только германскій посланникъ, баронъ Нейгаузенъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ читая это сообщеніе, „непрестанно воздыхалъ и ногами топоталъ“, да баронъ Мардсфельдъ кусалъ губы.... Что касается Лестока, Бриммера и другихъ мѣстныхъ (мы не можемъ сказать *русскихъ*) пріятелей Шетарди, то они поражены были ужасомъ, и не напрасно: „они потеряли вящую часть конфиденціи ея императорскаго величества“, писалъ вскорѣ послѣ описаннаго событія саксонскій посланникъ, дѣлецъ котораго Бестужевъ перлюстровалъ изъ одного, повидимому, любопытства. Они окружили было великаго князя, надѣясь посредствомъ его и принцессы Цербстской повредить Бестужеву, но этотъ послѣдній тщательно охранялъ завоеванное имъ положеніе; Бриммеръ былъ удаленъ въ 1745 году; въ томъ же году отправилась, и отправилась не совсѣмъ произвольно, за границу принцесса, а Лестокъ хотя и продержался еще четыре года, но за то паденіе его было бѣдственно. Бестужевъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ своими противниками и черезъ нѣсколько недѣль по удаленіи Шетарди получилъ званіе канцлера.

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k. съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 k., съ перес. 50 k.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 k., съ перес. 70 k.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 k., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИСШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 k., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

ОСНОВАНІЯ СИНТАКСИСА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА. Синтаксисъ обыкновенный, преимущественно аттической прозы, д-ра К. В. Крюгера, перевелъ съ нѣмецкаго К. Мысовскій. Изданіе Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 р.

КАТОНЪ СТАРШІЙ И ЛЕЛІЙ ЦИЦЕРОНА. Объяснилъ и особымъ словаремъ снабдилъ А. Ананьевъ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. 70 коп.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ, съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. Ае. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словаря, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 k., съ пер. 1 р. 50 k.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Прадусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 k. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 k., съ перес. 2 р.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ, новое сочиненіе Жюля Верна. М. 1870. Ц. 75 k., съ перес. 1 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 k. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 k. сер.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 k., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ УДОБРЕНІЮ ПОЧВЫ. Соч. Вольфа. Переводъ профессора Калиновскаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 k.

— Въ Бенчѣ, разумѣется. А гдѣ бы ты желалъ чтобъ онъ былъ?

— Гдѣ бы я желалъ? Да еслибъ я зналъ что мой злѣйшій врагъ тамъ, то я бы послалъ ему туда полдюжины лучшаго вина изъ своего погреба.

Темпль бросилъ въ меня орѣхомъ. Я показывалъ видъ что думаю о посторонннихъ вещахъ, но въ головѣ моей кипѣла и бушевала цѣлая буря.

Затѣмъ капитанъ сказалъ:

— Ты увѣренъ что человѣкъ тотъ въ Бенчѣ?

— Еще бы, отвѣчалъ сквайръ Грегори.

— Но у него были деньги отъ жены.

— И средства спустить ихъ.

Тутъ они дѣйствительно стали шептаться.

— О, Биллинги были такъ же богаты какъ и Белтамы, громко произнесъ капитанъ.

— Почти что такъ же, Вильямъ.

— Въ этомъ-то и было наше несчастіе, Грегъ. Деньги были положены на ихъ будущихъ наслѣдниковъ мужескаго пола, да еще кромѣ того прямо въ руки давались деньги. Ей Богу! Насъ потому-то и принимали всегда за разбойниковъ, метящихъ на ихъ кошельки, тогда какъ намъ нужна была лишь одна женщина, лишь женщина, безъ копѣйки въ карманѣ, безъ платья на плечахъ, то-есть лишенная всего, могу я сказать. Кромѣ этой женщины намъ ничего не было нужно. И на каждаго изъ насъ было по одной. Грегъ, старый другъ, придется ли еще когда-нибудь нашему старому графству выставить на показъ подобную пару красавицъ! Грегъ, вы не муцина, милостивый государь, не то вы бы давно увезли ее, имѣя на своей сторонѣ всѣ ваши преимущества? Итакъ, малый тотъ въ Бенчѣ? Почему вы такъ увѣрены въ этомъ, мистеръ Грегъ?

— У насъ гости, отвѣчалъ ему тотъ, и капитанъ обратился ко мнѣ и къ Темплю, извиняясь изо всѣхъ силъ въ томъ что завелъ разговоръ о семейныхъ дѣлахъ съ братомъ своимъ, послѣ трехлѣтней раздуки. Я лишь смутно догадывался о предметѣ ихъ разговора, пока они не упомянули о Биллингахъ, фамиліи моей бабушки съ материнской стороны. Имя это, подобно огненному языку, вдругъ какъ бы разорвало дымное облако окружавшее меня. Я въ одно мгновеніе угадалъ что человѣкъ находившійся въ Бенчѣ былъ никто иной какъ мой отецъ, хотя что такое собственно Бенчъ и гдѣ онъ

находится, объ этомъ я не имѣлъ понятія и, какъ всегда когда моему воображенію предоставлялась полная воля, мною овладѣли самыя ребяческія предположенія на этотъ счетъ; въ головѣ моей мелькнула мысль о человѣкѣ въ желѣзной маскѣ, но я не смѣлъ сообщить мысли эти Темплю, мужественный здравый смыслъ котораго внушалъ мнѣ всегда страхъ, когда я находился подъ вліяніемъ такихъ смутныхъ впечатлѣній.

— Помнишь нашъ пиръ въ долинкѣ? закричалъ я ему черезъ столъ.

— Никогда не забуду его! отвѣчалъ онъ, и мы повторили нашимъ хозяевамъ повѣствованіе о гусѣ въ Риппенджеровой школѣ, возбудившее ихъ смѣхъ.

— А на другое утро Ричи убѣжалъ съ Цыганочкой, сказалъ Темпль. Я тутъ же сочинилъ разказъ о моихъ странствіяхъ съ Кіоми, вышедшій гораздо занимательнѣе моихъ дѣйствительныхъ похожденій. Капитанъ божился что желалъ бы имѣть насъ обоихъ на своемъ кораблѣ, но жалѣлъ что теперь плохія времена для службы.

— Примитесь-ка хорошенько за бутылки, говорилъ онъ,— пришелъ часъ пустить ихъ въ ходъ поусерднѣе, друзья. Это бываетъ со мной лишь разъ въ три года, *ура!* И причиной этому — жестокая женщина. Выпьемъ за ея здоровье; но чуръ не называть ее, здоровье безыменной красавицы! „Я не намѣрена выходить замужъ“, говоритъ она, а я сударыня, честный человѣкъ; не то бы я крѣпко схватилъ васъ, моя смуглая красавица, и заперъ бы васъ въ клѣтку какъ бѣлочку и заставилъ бы васъ вертѣть колесо брачной жизни. Стыдъ тому изъ насъ кто первый свалится съ ногъ!

— Это не со мной приключится, сказалъ Темпль.

— Не мнѣ, милостивый государь, мнѣ, поправилъ его капитанъ.

— Извините меня, капитанъ Бенедетъ; но въ *мнѣ* кажется слѣдуетъ употребить при этомъ случаѣ творительный падежъ, возразилъ Темпль.

— Да-да, именительный: hic.... Я скажу вамъ, я теперь нахожусь на тропинкѣ, мистеръ Тем.... Темпусъ. Я полагаю особенную честь въ томъ что никогда не забываю ничьего имени. Вашъ наставникъ былъ Риппенджеръ? Мистеръ Риппенджеръ, вы таки сумѣли снабдить познаніями сихъ молодыхъ джентльменовъ. Темпль и я, быстро согласившись другъ съ другомъ, вдругъ вскрикнули въ одинъ голосъ:

— Здоровье Джуліи Риплендженъ, самой хорошенькой, самой милой дѣвушки на свѣтѣ!

— Здоровье Джуліи! повторилъ вслѣдъ за нами капитанъ.— Я присоединяюсь къ вамъ, господа. Мистеръ Ричмондъ, мистеръ Темпусъ, здоровье Джуліи! Клянусь всѣмъ святымъ, она поддерживаетъ утопающій корабль! Джулія утѣшитъ меня въ потери прелестнѣйшей, жесточайшей женщины въ мірѣ. Суровый морякъ у вашихъ ногъ, Джулія!

Капитанъ упалъ, по всѣмъ правиламъ, головой впередъ. Сквайръ Грегори уже до того свалился. Темпль и я все старались подойти другъ къ другу, но такъ и не могли исполнить этого намѣренія до слѣдующаго утра. Два лакея перетащили насъ поочередно на верхъ, какъ бы убирая лишнюю мебель.

Этому странному вечеру я былъ обязанъ открытіемъ мѣстопребыванія моего отца, а капитанъ—сватаніемъ себѣ невѣсты.

ГЛАВА X.

Новое страстіе.

Я упомянулъ вслухъ о Бенчѣ, спрашивая что это за мѣсто, на слѣдующее утро, сидя вдвоемъ съ Темплемъ, за завтракомъ, въ столовой сквайра Грегори, въ которой мы оба съ нетерпѣніемъ ждали чаю. Онъ сказалъ мнѣ что такъ называется одно мѣсто въ Лондонѣ, не объяснивъ мнѣ однако что это собственно за мѣсто и прибавивъ только что намъ надо съѣздить вмѣстѣ въ Лондонъ. Я замѣтилъ на это:—Въ самомъ дѣлѣ? и улыбнулся ему съ видомъ безпечнаго удовольствія. Онъ началъ разказывать о театрахъ, пантомимахъ и другихъ прелестяхъ Лондона. Страхъ ощущаемый мною при одномъ названіи Бенча заставилъ меня почувствовать всю деликатность Темпля, не упоминавшаго болѣе этого имени; хотя почему я такъ боялся его, я самъ не могъ объяснить себѣ. Вѣроятно мнѣ снилось это мѣсто, предъ самымъ пробужденіемъ моимъ, потому что я такъ и горѣлъ желаніемъ узнать объ немъ что-нибудь вѣрнѣе. Темпль же слишкомъ уважалъ моего отца для того чтобы разказать мнѣ все что онъ зналъ объ этомъ предметѣ, и такъ мы пили чай, говоря о великолѣпіяхъ Лондона, гдѣ, увѣрялъ Темпль, никто никогда не чувствуетъ головной боли, прокутивъ всю ночь; это

заставило меня придти къ убѣжденію что деревня гораздо менѣе удобное мѣстопребываніе для каждаго джентльмена въ этомъ отношеніи. Мы уѣхали изъ дому, не простившись ни съ хозяиномъ, ни съ капитаномъ, среди восторженнаго удивленія лакеевъ, служанокъ и грумовъ, за то что мы напоили ихъ господъ до безчувствія, это несомнѣнно и было нашей заслугой, какъ скромно замѣтилъ Темпль, въ то время какъ мы выѣзжали изъ усадьбы, сопровождаемые взорами всѣхъ домочадцевъ. Мы довели ихъ до этого состоянія, совершенно честнымъ способомъ, безъ помощи всѣхъ хитрыхъ уловокъ, въ которыхъ обвинялъ насъ мой дѣдъ. Сквайръ не хотѣлъ или не могъ повѣрить всей этой исторіи, пока не услыхалъ полнаго признанія изъ устъ самого капитана. Тогда онъ назвалъ насъ настоящими мущинами и героями, и всунулъ намъ кое-что въ карманы, къ большому счастію для Дженеть Ильчестеръ; сквайръ былъ чрезвычайно щедръ, а деньги Темпля начали уже идти туда же куда шли и мои.

Дѣло въ томъ что Темпль отчаянно влюбился; по этой-то причинѣ ему и не хотѣлось оставлять Риверсли. Я ясно видѣлъ все это, какъ будто смотрѣлъ въ его душу сквозь стеклянную раму. Онъ постоянно думалъ теперь о собакахъ, о томъ что̀ можетъ стоить та или другая, и хорошо ли переносятъ путешествіе комнатныя собачки. Дороговизна модныхъ мосекъ приводила его въ отчаяніе.

— Боже мой! воскликалъ онъ, — ты говоришь что такая собаченка стóитъ отъ сорока до пятидесяти фунтовъ, Ричи?

Я предполагалъ что знаю приблизительно ихъ цѣну: — Да, что-то около того; но я тебѣ когда-нибудь куплю такую собачейку, если хочешь, Темпль.

Милый мальчикъ весь вспыхнулъ, онъ былъ слишкомъ погруженъ въ мысли, для того чтобы расхохотаться надъ глупымъ предположеніемъ что онъ самъ нуждается въ моськѣ; онъ сталъ расхаживать вокругъ меня, ложимая плечами и быстро дыша:

— Я вовсе не ты, не думай чтобы я нуждался въ какихъ-нибудь собакахъ, кромѣ водолазовъ и большихъ бульдоговъ, сказалъ онъ. Онъ продолжалъ ложиматься и вертѣть каблуками.

— Дѣвочки любятъ мосекъ, замѣтилъ я.

— Да, кажется, любятъ, отвѣчалъ Темпль, пытаясь говорить

равнодушно. Затѣмъ я прибавилъ: — Карманный ножичекъ очень хорошая вещь для охоты.

— Ты думаешь? отвѣчалъ Темпль и я видѣлъ что онъ ужасно боялся что я назову имя особы для которой бы таковой пригодился.

— Можно получить такой ножикъ за тридцать шиллинговъ. Мы купимъ его въ Лондонѣ. Ножики эти годятся также и для дамъ, знаешь.

— Да, конечно, если онѣ ѣздятъ на охоту, возразилъ Темпль.

— Но намъ нечего терять времени, пытался я добраться до цѣли лежавшей у меня на сердцѣ; — время охоты скоро уже пройдетъ. У насъ уже февраль, ты вспомни это.

— О, времени еще пропасть! воскликнулъ Темпль, и всякій разъ какъ я давалъ ему почувствовать что я горю нетерпѣніемъ ѣхать въ Лондонъ, онъ избѣгалъ разговора объ этомъ, просто потому только что не могъ рѣшиться разстаться съ Дженетъ Ильчестеръ. Его недогадливость касательно того что я не могъ же поступить противъ всѣхъ правилъ гостепріимства, прямо попросить его уѣхать, поражала меня. Я же видѣлъ его насквозь. Я угадывалъ каждую мысль мелькавшую въ его головѣ, каждое движеніе его души, угадывалъ также и то что онъ отчасти сознательно пользуется моей нерѣшительностью прямо объявить ему что я желаю отправиться разыскивать Бенчъ. Онъ пользовался моей смѣтливостью, за что̀ я съ своей стороны ежедневно наказывалъ его. Я чувствовалъ себя какъ бы въ правѣ проявлять свое раздраженіе противъ него, разными намеками на Дженетъ; но хотя я мучилъ его этимъ, совѣсть его оставалась непреклонна. Онъ согласился что часто уломиналъ прежде о прелестяхъ Лондонской жизни и сказалъ: — О, да, мы поѣдемъ туда какъ-нибудь вдвоемъ съ тобой, Ричи,—и затѣмъ успокоился на этотъ счетъ; въ этотъ же день онъ сталъ дѣлать новые планы свиданій съ Дженетъ; намъ предстояла вмѣстѣ съ ней прогулка верхомъ, затѣмъ танцовальный вечеръ, затѣмъ ловля карпій въ пруду; потомъ мы должны были ѣхать къ Дженетъ, потомъ она къ намъ и т. д., пока она мнѣ наконецъ такъ надоѣла что я уже не могъ болѣе возбудить въ себѣ и искры ревности къ ней, съ цѣлью хорошенько помучить Темпля. Онъ сталъ вдругъ очень догадливымъ мальчикомъ. Разъ я услыхалъ какъ Дженетъ разговаривала съ моей большой собакой Аяксомъ, обращаясь къ ней словами всегда употреб-

ляемыми ею тогда когда она желала дать понять другимъ, въ особенности же самому владѣльцу, что она желаетъ получить въ подарокъ нравящійся ей предметъ: — О, ты мой милый, безцѣнный, чудесный красавчикъ! Какъ бы я была счастлива если-бы могла кормить тебя изъ своихъ рукъ каждый день. Я присѣдаю каждый разъ какъ вижу Аякса! Еслибы я была его господиномъ, то заставила бы всѣхъ мущинъ снимать предъ нимъ шляпы, а всѣхъ женщинъ присѣдать ему, императору Аяксу, моей милой собакѣ, моему дорогому, моему безцѣнному, ненаглядному милашкѣ!—Затѣмъ она кивнула мнѣ головой: — Да я бы заставила всѣхъ! и кивнувъ Темплю, повторила: — Вотъ увидите, заставила бы.

Аяксъ служилъ мнѣ самому источникомъ гордости. Однако услыхавъ какъ Темпль пробормоталъ вовсе не свойственнымъ ему тономъ: — Онъ могъ бы служить хорошею защитой, я сказалъ ему на это: — Ты знаешь, Темпль, я завтра или на этихъ дняхъ и никакъ не позже уѣзжаю въ Лондонъ и не знаю еще когда возвращусь сюда. Я желаю чтобы ты распорядился этою собакой по твоему усмотрѣнію; достань ей добраго господина или добрую госпожу, вотъ все о чемъ я прошу тебя. Я пожертвовалъ своею собакой, въ надеждѣ образумить Темпля. Я думалъ что онъ будетъ тронутъ жертвой которую я былъ готовъ принести ему, въ извиненіе того что просилъ его уѣхать. Но онъ даже и не поблагодарилъ меня. Аяксъ скоро сталъ носить Джемстинъ ошейникъ, подобно нѣкоторымъ Риверсійскимъ собакамъ, а я имѣлъ удовольствіе слышать какъ Темпль принялъ приглашеніе моего дѣда пробыть у насъ еще недѣли двѣ. А между тѣмъ меня всѣ дразнили моимъ влюбленнымъ видомъ! Я подавлялъ въ себѣ свои чувства и размышленія о людской мудрости.

Наконецъ тетушка Дороти доставила мнѣ средство отправиться по Лондонской дорогѣ. Мы разказали ей какъ капитанъ Белстедъ пилъ за здоровье Джуліи Риппенджеръ, и оба въ шутку рѣшили что капитанъ вѣрно очень желаетъ быть ей представленнымъ. Тетушка умолчала о своихъ мысляхъ на этотъ счетъ, но какъ-то разъ вдругъ предложила намъ съѣздить къ Джуліи и пригласить ее на нѣсколько дней къ намъ въ Риверсли. Она сказала притомъ, цѣлуя меня:—Она была другомъ моего Гарри, когда онъ былъ всѣми отверженъ.

Слова эти пробудили во мнѣ прежнюю любовь къ Джуліи. Воодушевленный святымъ чувствомъ благодарности, я осы-

мать Темпля упреками за то что онъ забылъ ея доброе сердце и ея хорошенькое личико. Не защищая себя, хотя онъ бы и могъ сдѣлать это, онъ только попросилъ меня отложить нашу поѣздку на одинъ день; онъ долженъ былъ гдѣ-то видѣться съ Дженетъ. Это возбудило во мнѣ благородное негодованіе, и я рѣшился высказать ему свое мнѣніе не стѣсняясь. Въ присутствіи тетушки, я озадачилъ Темпля потокомъ истиннаго краснорѣчія, удивившаго и ее и его, да и самого меня. Такъ какъ въ душѣ онъ смутно чувствовалъ себя виноватымъ, то молча принялъ на себя также и мою собственно вину; ибо Джулія особенно отличала меня а не его своимъ расположеніемъ, а изъ насъ двухъ, я первый совсѣмъ забылъ ее, и кажется Темпль еще до меня догадался провозгласить ея здоровье за столомъ сквайра Грегори. Ничто не внушаетъ намъ такой силы краснорѣчія какъ долго сдерживаемая, сердечная тайна, то-есть въ молодости хочу я сказать. Въ позднѣйшихъ лѣтахъ, все разлагающій умственный процессъ замѣняетъ эту силу, и вмѣсто краснорѣчія появляется ироніа. Мысли мои непрерывно обращались вокругъ моего отца, имени котораго я не осмѣливался произносить, боясь услыхать объ немъ что-нибудь дурное, стали черезъ то похожи на гордое семейство, гордое своимъ происхожденіемъ, гордое своею исключительностью, а что свѣтъ не могъ угадать этихъ мыслей, было въ моихъ глазахъ доказательствомъ того что онъ стоитъ гораздо ниже уровня ихъ. Но разъ вырвавшись изъ сдерживавшихъ ихъ преградъ, онѣ были поразительно сильны, какъ нашелъ Темпль. Проявленіе моего ораторскаго таланта доставило мнѣ большое вліяніе на Темпля. Онъ обожалъ краснорѣчіе, чтобы не сказать многословіе: онъ былъ недаромъ сыномъ адвоката.

—Поѣдемъ къ ней, хоть сейчасъ же, Ричи, сказалъ онъ про Джулію. — Я готовъ ѣхать когда хочешь; я готовъ дѣлать все что тебѣ угодно.

Это была неправда а, но безполезно было бы уличать его. Я вздохнулъ о моемъ печальномъ дарѣ проницательности и причислилъ новое доказательство его къ суммѣ мірскаго тщеславія.

— Темпль, возразилъ я, немного притворялся.—Я скажу тебѣ откровенно: мнѣ вовсе не угодно чтобы ты изъ-за меня дѣлалъ что-нибудь непріятное для самого себя. Собака которую насильно тащутъ за ошейникъ плохой товарищъ. Я отправляюсь за Джуліей завтра утромъ еще до разсвѣта. Если

ты предпочитаешь оставаться въ постели, то можешь имѣть это удовольствіе, постарайся тогда хорошенько занять Дженетъ во время моего отсутствія.

— Я не хочу давать повода дѣлать сравненіе между нами, пробормоталъ Темпль.

Онъ сдѣлалъ еще около дюжины подобныхъ намековъ и иногда просто льстилъ мнѣ, такое сильное впечатлѣніе сдѣлалъ я на него.

Мы позавтракали при свѣчахъ и выѣхали верхомъ въ морозное туманное утро, съ грумомъ, находившимся въ двадцати пяти саженяхъ отъ насъ; послѣдній представлялъ уморительный видъ съ оттопыренными карманами своей верхней одежды, въ одномъ изъ которыхъ торчала пара Риверолійскихъ пироговъ съ мясомъ, а въ другомъ — бутылка шампанскаго, взятые про запасъ, на нашъ второй завтракъ на дорогѣ. Иногда, когда онъ приближался къ намъ, мы нарочно пускались въ галопъ, чтобы видѣть какъ онъ старательно придерживаетъ при этомъ бутылку. Но большею частью мы вовсе не видали его. Темплю не казалось страннымъ что мы скачемъ съ нимъ по какому-то незнакомому намъ міру, видя вокругъ себя лишь небольшое пространство на нѣсколько шаговъ; тамъ и сямъ виднѣлся то кустарникъ, то какія-то странныя, исчезающія изъ глазъ нашихъ хижины, то голыя, сѣрыя луговины, то причудливо разросшіяся сосны, то лиственницы и березы, подымающія вверхъ свои вѣтви, подобно мачтамъ какихъ-то волшебныхъ кораблей; все это словно выростало предъ нами при нашемъ приближеніи и затѣмъ въ то же мгновеніе исчезало. Сосны можно было принять за черные факелы. Тутъ, скатъ волуна приглашалъ насъ взобраться на его вершину; порой мы подъѣзжали къ перекресткамъ, не заботясь выбирать настоящую дорогу и слѣдуя первой встрѣчной; тамъ вдругъ, висѣла, казалось, въ воздухѣ сельская церковь; колокольня ея высоко поднималась надъ нею; затѣмъ внезапно, какъ бы исходя изъ самой среды тумана, лился мимо насъ ручей, и странно-чарующее впечатлѣніе производило на слухъ его нежданное журчаніе, въ ту же минуту замирающее въ суровомъ, холодномъ молчаніи, стоявшемъ вокругъ насъ. Все это волновало мой мозгъ; въ головѣ моей точно кто перебрасывалъ вилами сѣно. Я забылъ о существованіи всего на свѣтѣ, кромѣ того что такъ страстно

любимъ; но это не имѣло опредѣленнаго образа, было похоже на мимолетный вѣтеръ.

На поросшемъ соснами холмикѣ, среди стели лежавшей румянымъ свѣтомъ на морозѣ, мы сдѣлали привалъ, и прислонясь къ теплымъ сѣдламъ нашихъ лошадей, принялись за завтракъ всѣ трое, то-есть Темпль, я и нашъ грумъ Эберли, напоминавшій мнѣ нѣкотораго знакомаго бродягу, своимъ рѣшительнымъ предпочтеніемъ пива шампанскому; онъ однако выпилъ и послѣдняго, и весь просіялъ послѣ перваго же глотка. Какъ скоро мы опять были на лошадяхъ, не давъ еще хорошенько остыть бокамъ нашихъ милыхъ друзей-лошадокъ, Темпль восторженно воскликнулъ:

— Ричи, мы еще все устроимъ! Я поступилъ какъ подлецъ, но мы еще устроимъ это дѣло. Дженетъ говорила: очень мнѣ нужно пріѣзжать къ обѣду въ Риверсаи, если вы съ Гарри Ричмондомъ не возвратитесь туда прежде десяти или одиннадцати часовъ. Я обѣщалъ ей возвратиться къ обѣду. Неужели ты не любишь Дженетъ, Ричи? Только бы наши лошади не поломали себѣ ногъ на дорогѣ,—этомъ жесткомъ существительномъ женскаго рода. Не правда ли, мы съ тобой точно опять обѣдаемъ съ капитаномъ Ричи? Дательный: huic, говорилъ старый сквайръ Грегори. На него непріятно смотрѣть за обѣдомъ, потому что видно какъ онъ наслаждается запахомъ своего вина. О! Тутъ нечѣмъ хвастаться, но мы-таки напоили ихъ до безчувствія, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Дженетъ слышала объ этомъ. Ты говорилъ мнѣ объ охотничьемъ ножѣ. А что ты скажешь о парѣ коньковъ? Теперь у насъ будетъ морозъ недѣль на шесть. Мнѣ это вдругъ пришло въ голову: пара коньковъ.....

Это говорило въ Темплѣ шампанское. Меня оно не подстрекало къ болтовнѣ, и я такъ пустился сказать что разговоръ сталъ невозможенъ. Эберли кричалъ намъ вслѣдъ чтобы мы пожалѣли ноги нашихъ лошадей. Мы два раза слышали его голосъ изъ-за тумана все болѣе сгущавшагося. Я закричалъ Темплю что онъ правъ, что мы устроимъ это дѣло. Темпль крикнулъ: ура! едва переводя дыханіе. Черезъ часъ мы остановились у городскаго трактира, въ которомъ я оставилъ лошадей, велѣлъ вычистить и накормить ихъ, и сейчасъ же затѣмъ пошелъ дальше, дѣлая видъ что отлично знаю этотъ городъ; Темпль шелъ за мною полный довѣрія, и дѣй-

ствительно я не намѣревался обманывать его. Мы пришли на новую станцію желѣзной дороги.

— О! сказалъ Темпль,—а вижу теперь, остальное пространство мы проѣдемъ по желѣзной дорогѣ.

Когда кассиръ спросилъ меня куда я хочу взять билеты, губы мои быстро какъ бы сами собой пробормотали: въ Лондонъ; взявъ билеты я отвѣчалъ Темплю:

— Остальное пространство мы проѣдемъ по желѣзной дорогѣ, Эберли наѣрно остановится въ томъ трактирѣ; но сердце сильно забилось во мнѣ когда поѣздъ тронулся, увозя насъ съ собой. Я почувствовалъ въ душѣ нѣжное сожалѣніе къ Темплю, услыхавъ какъ онъ разчитывалъ попасть въ Риверсли еще во-время чтобы переодѣться къ обѣду.

Онъ громко разсмѣялся при мысли какъ мы точно съ неба свалимся на Рилтенджерову школу, выпросимъ мальчикамъ праздникъ, обдаримъ ихъ всѣхъ и затѣмъ уѣдемъ домой, увозя съ собой Дживію; совершенно подобно двумъ богамъ изъ миѳологіи: Аполлону и Меркурію.

— Мнѣ часто казалось что веселіе ихъ жизни не было на свѣтѣ, прибавилъ онъ. Стараясь разпознать страну по которой мы ѣхали, раздумывая и напѣвая лѣсенки, онъ продолжалъ чувствовать себя въ душѣ однимъ изъ этихъ блаженныхъ боговъ, пока имъ не овладѣло удивленіе насчетъ продолжительности времени. Онъ онѣмѣлъ отъ изумленія, взглянувъ на мои часы. Черезъ десять минутъ мы очутились среди желтаго тумана, затѣмъ среди темнаго. Темпль гладѣлъ то въ оба окна, то на меня; онъ вскочилъ съ своего сидѣнія и снова опустился на него бормоча: Нѣтъ, нѣтъ; это вздоръ, говорю я! Но онъ отлично узналъ лондонскій туманъ. Я оставилъ его безъ отвѣта, предоставляя ему собраться съ мыслями, приведенными въ безпорядокъ ѣздой по желѣзной дорогѣ, погруженный самъ въ сознаніе факта что мы оба достигли наконецъ города Лондона.

ГЛАВА XI.

Туманъ и ночной пожаръ.

Да, это былъ Лондонъ, и центромъ его представлялся мнѣ Бенчъ. Во мнѣ все кипѣло отъ волненія, хотя я смирно и неподвижно сидѣлъ у окна, смотря какъ бы на подземную атмосферу вокругъ. Когда мы долго, нераздѣльно думаемъ о

какомъ-нибудь предметѣ, то онъ является въ нашемъ воображеніи какъ бы окруженнымъ свѣтомъ, но какъ скоро мы имѣемъ его предъ глазами, то насъ поражаетъ въ немъ именно отсутствіе этого свѣта. Однако когда я среди этого непроницаемаго тумана приближался къ предмету моихъ мечтаній, то думалъ объ немъ еще горячее прежняго, и онъ, напротивъ, превратился въ моихъ глазахъ изъ свѣтлаго въ лучезарный. Но такъ какъ въ то же время я никакъ не могъ вообразить себѣ Бенчъ радостнымъ мѣстомъ, то невольно измѣнилъ характеръ этого свѣта и придалъ отблескамъ его мрачный блескъ пламени смоляныхъ факеловъ; я окружилъ его въ своемъ воображеніи крѣпкою стѣной и повѣсилъ надъ нимъ наклоненное знамя Англіи, какъ бы оплакивающее свою славу. Затѣмъ представляя его себѣ какимъ-то чуждымъ мѣстомъ, не похожимъ на знакомую намъ съ колыбели Лондонскую башню, я снабдилъ его множествомъ турбановидныхъ и тыквообразныхъ куполовъ, похожихъ на купола Московскаго кремля, вспыхнувшаго подобно милліону смоляныхъ факеловъ и бросавшаго отблески пожара подобно огненнымъ копьямъ по клубящимся чернымъ облакамъ дыма. Но что значитъ кремль, свидѣтель гибели цѣлаго города предъ этимъ Бенчемъ, въ которомъ томился мой отецъ! Ихъ нельзя было и сравнивать, относительно трагическаго ужаса. Кремль въ воображеніи моемъ былъ окруженъ пространными снѣжными равнинами; но Бенчъ былъ скрытъ отъ общихъ взоровъ, заключенъ въ атмосферу душнѣе той которой дышалъ Харонъ, онъ находился какъ бы въ подземномъ царствѣ.

— О! Это Лондонъ, продолжалъ Темпль, побѣждая въ себѣ всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ. Онъ выскочилъ на платформу; мы должны были подавать другъ другу голосъ чтобы не потерять одинъ другаго изъ виду.—Это Лондонъ, говорю тебѣ Ричи, сказалъ онъ, взявъ меня подъ руку;—я узнаю его по величинѣ этой станціи и кромѣ того по туману. О! Это Лондонъ! Мы нечаянно доѣхали до него, мы навѣрное въ Лондонѣ теперь.

Мнѣ было не до него, и я даже не отвѣчалъ на его вопросительные взгляды. Разъ очутившись здѣсь, я пожелалъ быть подальше отсюда, хотя бы ни за что не отступилъ назадъ добровольно; въ настоящую минуту я даже радовался всѣмъ неудобствамъ съ которыми предстояло намъ бороться;

я шелъ бодро впередъ. Намъ пришлось идти пѣшкомъ, а прогулка эта означала ничто иное какъ пробиваніе себѣ пути по скользкому тротуару, сквозь какіе-то воздушные круги, то темно-коричневаго, то коричневато-краснаго цвѣта, переходившіе иногда въ блѣдно-желтые круги побольше прежнихъ; цвѣтомъ и даже запахомъ, они напоминали о какихъ-то раздавленныхъ плодахъ, тыквахъ, дыняхъ и пр. Нельзя было себѣ представить что-либо унылѣе этого вида. Ни одинъ изъ насъ не зналъ гдѣ мы находимся или куда мы идемъ. Мы пробирались чрезъ безконечную вереницу грязныхъ улицъ, отъ одного фонаря мелькавшаго во мракѣ до другаго: глядя на послѣдніе, можно было принять ихъ за изображенія какихъ-то старыхъ святыхъ, выглядывающихъ съ заколтѣлаго полотна; это было скорѣе отраженіе свѣта, нежели настоящій свѣтъ. Мимо насъ шныряли разныя фигуры; но лицъ мы не видали. Темпль торжественно проговорилъ:—Дома у насъ всегда обѣдаютъ въ половинѣ седьмаго.

Уличный мальчишка подслушалъ эти слова и расхохотался надъ нами; ему досталось отъ Темпля, которому было это однако полезно, такъ какъ онъ имѣлъ кротчайшій характеръ отъ природы. Мы отказались отъ услугъ факельщиковъ; это бы помѣшало нашему сознанію независимости. Воодушевленный непоколебимою вѣрой что посредствомъ твердаго рѣшенія я непремѣнно проникну чрезъ толстую стѣну окружающую Бенчъ, я шелъ съ видомъ человѣка знающаго наизусть карту Лондона и могущаго отыскать въ немъ дорогу ощупью. Вслѣдствіе этого Темпль воображалъ что я почему бы то ни было знаю направленіе по которому иду, хотя каждый разъ какъ я останавливался и оглядывался вокругъ, въ немъ подымались подозрѣнія на мой счетъ, и онъ спрашивалъ кого-нибудь, о названіи мѣста въ которомъ мы находились; иногда онъ бормоталъ: люди часто пропадаютъ въ Лондонѣ. Теперь онъ ясно видѣлъ что я съ намѣреніемъ пріѣхалъ съ нимъ въ Лондонъ; онъ не могъ не знать цѣли моего прибытія сюда, но я былъ слишкомъ гордъ, а онъ все еще слишкомъ деликатенъ, чтобы прямо намекнуть на нее.

Туманъ душилъ насъ. Можетъ-быть онъ въ то же время притупилъ въ насъ чувство голода; мы точно будто бы съѣли цѣлый обѣдъ изъ сажи. Намъ не хотѣлось ѣсть еще долго послѣ того какъ часъ обѣда въ домѣ Темпля прошелъ, да и потомъ я бы предпочелъ скорѣе окунуться въ воду, а затѣмъ

лечь въ постель, нежели усѣсться за пиръ; Темпль, кажется, былъ того же мнѣнія. Мы оба видѣли что заблудились, хотя и не говорили объ этомъ. Темпль сказалъ: лучше бы мы не пили этого шампанскаго. Мнѣ же казалось что прошли годы съ той минуты какъ я ощутилъ во рту чудесный вкусъ его сладкой пѣны. Но я не сваливалъ всю вину на шампанское; я шелъ отыскивать моего отца; онъ же, бѣдный мальчикъ, руководился чисто лишь преданностью мнѣ; вѣроятно совѣсть упрекала его немного въ его недавнемъ поведеніи относительно меня, и этого было достаточно чтобы удержать его отъ прямыхъ жалобъ на меня. Онъ все только жаловался что это за Лондонъ безъ магазиновъ и безъ свѣта, удивлялся кому охота пріѣзжать въ него въ туманные дни и т. д.; затѣмъ снова начиналъ жалѣть о томъ что пилъ утромъ шампанское; я отъ души прощалъ ему эти невольно вырывавшіяся жалобы, зная его въ сущности славное сердце. Я рѣшился въ знакъ моего снисхожденія остановить ради Темпля перваго встрѣчнаго, будь это мущина, или женщина. Разъ рѣшившись на этотъ подвигъ, оскорбляющій мою гордость, ибо онъ долженъ былъ служить признаніемъ въ томъ что я завелъ его самъ не зная куда, я сталъ жадно дожидаться звука чьихъ-либо шаговъ. Мы находились въ лабиринтѣ темныхъ улицъ, въ которыхъ никто не показывался. Какая-то жалкая собака заковыляла было къ намъ, прошла вслѣдъ за нами нѣсколько шаговъ и затѣмъ оставила насъ, какъ бы не чуя около насъ ничего хорошаго, всѣ наши ласки не были въ состояніи удержать этого жалкаго товарища.

— Синбадъ выбрался изъ подземелья, слѣдуя за рысью, случайно замѣтилъ я. Темпль и слышать не хотѣлъ о Синбадѣ.

— О, поди ты! Мы не мусульмане, сказалъ онъ;—знаешь, Ричи, если я увижу какую-нибудь отпертую церковь, то войду въ нее и залягу тамъ спать. А ты развѣ хотѣлъ идти вслѣдъ за тою собакой? Гдѣ-нибудь да можно же вѣдь добыть пива. Надо будетъ отыскать какую-нибудь гостинницу. Сколько теперь можетъ быть часовъ?

Я обязанъ былъ сказать ему это и взобрался на фонарный столбъ чтобы разглядѣть циферблатъ моихъ часовъ. Когда я слѣзъ съ него, насъ оказалось трое. Какой-то человѣкъ положилъ обѣ руки на плеча Темпля, пристально разглядывая его черты. Я хотѣлъ было вступиться за него, но Темпль закричалъ мнѣ:

— Ничего, Ричи, насъ двое на одного.

Человѣкъ этотъ застоналъ. Я спросилъ чего ему нужно?

— Сына моего! Я потерялъ своего сына, отвѣчалъ онъ и ушелъ дальше, не отвѣчая на наши вопросы.

Я, не помня себя, ухватился за фонарный столбъ. Я хотѣлъ сказать Темплю въ отвѣтъ на утѣшительное прикосновеніе его руки что надѣюсь что бѣдняку этому удастся найти своего сына, но вмѣсто того сказалъ:

— Я бы желалъ взглянуть еще сегодня на Бенчъ.

Темпль воскликнулъ „А!“ такимъ тономъ какъ будто бы мы сейчасъ лишь только толковали объ этомъ предметѣ, и затѣмъ рѣшился замѣтить мнѣ что слышалъ какъ-то что мѣсто это запираютъ въ извѣстный часъ вечера.

У меня точно бремя свалилось съ сердца и оно, дрогнуло любовью къ Темплю.

— Хорошо, Темпль, сказалъ я, — подождемъ до завтра и пойдемъ теперь искать какую-нибудь гостиницу.

Мы отправились, шагая изо всѣхъ силъ. Мы помянули Саддльбенкова гуся, увѣряя другъ друга что непремѣнно найдемъ ему товарища прежде чѣмъ отойдемъ ко сну.

— Что же касается до подобной жизни, сказалъ я, какъ скоро могъ хорошенько вздохнуть послѣ быстрой ходьбы,— то въ такихъ приключеніяхъ-то и есть только по моему жизнь.

Темпль согласился со мной.

— Приключенія отличная вещь, если только знаешь чѣмъ они кончатся.

Мы заговорили объ Улиссѣ и о Пенелопѣ. Темпль осуждалъ его за то что онъ покинулъ Калипсо. Я же считалъ Улисса правымъ, ибо не сдѣлай онъ этого, не было бы и избіенія женщинъ; но Темпль робко замѣтилъ что когда васъ любитъ богиня (а она вѣрно была красивѣе Пенелопы, бывшей вѣроятно въ то время уже пожилою женщиной), то это должно быть чувство въ родѣ того какое мы испытываемъ утромъ предъ охотой, когда мимо насъ мелькаетъ съ полдюжины длинныхъ амазонокъ, и мы знаемъ что намъ предстоитъ провести среди нихъ цѣлый чудный день! Это сравненіе показалось мнѣ весьма привлекательнымъ, хотя меня смущало нѣсколько то обстоятельство что я представлялъ себѣ богинь статуями. Онѣ говорили и двигались правда, но прикосновеніе ихъ было ничто иное какъ мраморъ; онѣ улыбались и хмурились,

но это не измѣнило ихъ къ нимъ никогда не проявлялась теплота.

— И я то же думалъ, прошепталъ Темпль, отдуваясь среди суроваго тумана.

Онъ потомъ согласился что думалъ совершенно противное, но что холодъ внушилъ ему внезапную мысль о безуміи любить богиню.

— Слушай, Темпль, началъ я.—Тебѣ никогда не приходило это въ голову? Я не говорю что я похожъ на него. Правда, я всегда восхищался Улиссомъ, онъ умѣлъ лучше всѣхъ сражаться и говорить, и пахать, и драться на кулакахъ, да еще какъ былъ уменъ при этомъ! Сообразивъ все это, я думаю, каждый желалъ бы имѣть отцомъ скорѣе его, чѣмъ Ахилла. И въ него были влюблены также прошлой женщины, какъ и въ того.

— Еще больше, отвѣчалъ Темпль.

— Ну, хорошо, продолжалъ я, поблагодаривъ его въ душѣ, зная что ему вѣрно-таки стоило чего-нибудь поставить Улисса выше Ахилла.—Я говорю о Телемакѣ. Онъ отправился отыскивать своего отца, и нашелъ его наконецъ. Клянусь честью, Темпль, когда я вспомню объ этомъ, то мнѣ становится стыдно что я ждалъ такъ долго. Роскошь среди которой я жилъ была унизительна для меня. Да! ибо я не зналъ есть ли у моего отца достаточно пищи.

— Молчи, говорю я тебѣ, прошепталъ Темпль, видимо страдая отъ подобныхъ намековъ.—Ричи! Теперь скайръ вѣрно докончилъ свою бутылку; теперь онъ принялся за бутылку номеръ второй. Онъ не догадается о нашемъ отсутствіи до утра, но миссъ Белтамъ догадается. Она навѣрно будетъ подходить къ двери твоей спальни раза три, четыре въ ночь, я ужъ знаю это. Становится все темнѣе да темнѣе, мы вѣрно находимся въ какой-нибудь ужасной части Лондона.

Противоположность, представившаяся при его словахъ моему воображенію, между нашимъ уютнымъ домомъ и туманною пустыней вокругъ насъ, заставила мое сердце сжаться отъ тоски. Я отступилъ отъ моей любимой, прямой дороги, которая, казалось, вела насъ въ самыя нѣдра земли, и круто повернулъ направо. Вскорѣ ли, нѣтъ ли послѣ того, навѣрное я не могу сказать, мы очутились среди густой толпы народа, состоявшей большею частію изъ мальчиковъ и молодыхъ женщинъ, идущихъ ускоренными шагами, кричавшихъ и виз-

жавшихъ подобно выпущеннымъ на волю животнымъ, хотя и не совсѣмъ такъ пріятно; но никогда еще животныя не гнались по лучшему слѣду. Сдѣлавъ вслѣдъ за ними до дюжины поворотовъ, мы увидали себя лицомъ къ лицу съ пожаромъ. Пламя охватило два дома; казалось будто левъ захватилъ въ свои лапы два человѣческія существа, пожирая ихъ; мы, казалось, слышали стукъ его челюстей, трескъ сокрушенныхъ костей и прожорливое, прерываемое бѣшенствомъ дыханіе его. Стоявшая возлѣ меня дѣвушка воскликнула:

— Да это вовсе не Бенчъ горитъ! Стоило бѣжать сюда чтобы видѣть какъ вспыхнули какія-то дрянныя, двухъэтажныя прачешныя; да на шесть пенсовъ пороху, ракетъ да колесъ, были бы вдвое забавнѣе!

Я обратился къ ней, едва въ силахъ говорить:

— Скажите мнѣ пожалуста гдѣ Бенчъ?

Она указала мнѣ пальцемъ. Я взглянулъ на огромную, высокую стѣну. Зловѣщее пламя пожара озаряло ее мрачнымъ отблескомъ.

Дѣвушка продолжала:

— Не заводите себѣ долговъ, юный воробушекъ, а не то вы входъ туда скорѣе узнаете чѣмъ выходъ.

Около нея стояла ея подруга, упрекавшая ее за эти смѣлыя рѣчи.

— Что̀ сегодня уже поздно будетъ идти туда? спросилъ я.

Она отвѣчала что да, но что она и подруга ея сумѣютъ отлично показать мнѣ дорогу туда. Подруга ея отвѣчала съ большимъ участіемъ:

— Вамъ нельзя попасть туда до завтрашняго утра.

Я узналъ отъ нея что Бенчъ есть долговая тюрьма. Дерзкая дѣвочка попросила у меня денегъ. Я далъ ей крону.

— А моей подругѣ вы не дадите такую же монетку? сказала она.

У меня не было больше мелочи, учтивая дѣвочка проспла меня не заботиться объ этомъ, дерзкая же приставала чтобъ я кромѣ того еще угостилъ ихъ. Ея болтовня обо всѣхъ видѣнныхъ ею пожарахъ была очень забавна; она видала также трупы случайно умершихъ людей, но никогда еще не видывала самоубійцъ и жалѣла о своемъ недостаточномъ опытѣ въ этомъ отношеніи. Подобный разговоръ въ устахъ хорошенькой дѣвушки поразилъ меня. Вдругъ Темпль закричалъ:

— Смотри, еще третій домъ загорѣлся, а все еще нѣтъ

пожарныхъ трубъ! Ричи, видишь ты тамъ старуху въ ночной одеждѣ! Надо помочь ей.

Дерзкая дѣвочка смѣялась надъ бѣдною, полураздѣтою старухой. Темпль пожимался и подергивалъ плечами точно кошка, готовая прыгнуть. Обѣ дѣвушки старались удержать насъ. Та которая нравилась мнѣ больше ухватилась за мои часы, говоря: „Оставьте мнѣ ихъ, я ихъ сберегу вамъ“; я не имѣлъ времени толковать объ этомъ. Бѣглый взглядъ на ея лицо убѣдилъ меня что она не хочетъ надуть меня, цѣпочка слетѣла съ моей шеи, Темпль и я пробрались сквозь толпу зѣвакъ. Мы очутились въ самомъ жару пламени, ставшимъ вскорѣ нестерпимымъ. Трое людей стояли подъ окномъ; они кричали старухѣ чтобъ она сбросила имъ простыню, она вмѣсто того выбросила кувшинъ. Ее спасла простыня одного изъ сосѣдей. Темпль и я схватили каждый по концу ея чтобы поймать на нее старуху. Она слетѣла внизъ, „похожая на обгорѣлаго индюка“, говорили люди вокругъ насъ. Пламя озаряло ее при этомъ. Въ толпѣ раздавался хохотъ, но мнѣ точно что-то сдавило горло. На Темпля это произвело такое же тяжелое впечатлѣніе какъ и на меня. Я не могу выразить отраднаго чувства испытаннаго нами при видѣ старухи, обвернутой простыней и стоявшей въ ней точно столбъ, а не человѣческая фигура. Я далъ золотой этимъ тремъ людямъ, похваливъ ихъ за ихъ человѣколюбіе. Они закричали намъ *ура*, и вся толпа подхватила ихъ восклицаніе; мы съ Темплемъ пробирались между тѣмъ назадъ къ дѣвушкамъ; мы оба потеряли наши носовые платки, а Темпль къ тому же и перочинный ножикъ. Въ это время подоспѣли пожарныя трубы и принялись заливать горящіе дома. Мы всѣ были окружены багряною мглой; мальчишки курили, дѣвушки глазѣли вокругъ и хохотали, мущины кричали, шляпы и шапки взлетали на воздухъ, кругомъ происходили драки, люди выбрасывали изъ оконъ мебель. Огромная стѣна Бенча страшно возвышалась, озаренная блескомъ разрастающагося пламени, порой она исчезала въ огненныхъ столбахъ, пока водяныя струи не разсѣевали ихъ. Я думалъ о моемъ отцѣ и о моихъ часахъ. Дѣвушекъ ни той, ни другой не было видно.

— Славно быть пожарнымъ! сказалъ Темпль.

Пожарные стояли на кровляхъ домовъ, прекрасные какъ герои Греціи; казалось они старались побѣдить огромнаго дракона, шипящаго и грозящаго имъ своимъ языкомъ, махаю-

щаго хвостомъ, хлопающаго своими разбитыми, громадными, красными крыльями, среди развалинъ и дыму, извивающагося и постепенно темнѣющаго—славная цѣль побѣды, согласился и я съ Темплемъ.

Невольное отвращеніе при мысли что люди изъ этой толпы украли у насъ платки заставило насъ поскорѣе выбраться изъ ихъ среды, не ловѣдавъ никому о нашихъ затрудненіяхъ насчетъ ужина и ночлега. Насъ теперь томила страшная жажда. Мнѣ все представлялись бутылки бургундскаго, хранимыя до моего совершеннолѣтія подъ ключомъ у Джона Трешера, и я бы охотно отдалъ ихъ всѣ чтобы получить одну изъ нихъ сейчасъ же. Побродивъ вокругъ толпы, ища двухъ дѣвушекъ, мы пошли дальше; печальное настроеніе наше было не настолько сильно чтобы глотокъ портера не могъ разсѣять его. Темпль острилъ надъ пропажей моихъ часовъ и затѣмъ извинялся что пошутилъ, когда мы не были расположены смѣяться. Только-что успѣлъ я проговорить, взглянувъ въ послѣдній разъ на пожаръ:—Все равно, они пропали бы въ толпѣ, какъ милая, добрая дѣвочка побѣжала за нами, крича: „вотъ они“, и набросила часовую цѣпочку на мою шею.

— Видишь, Темпль, сказалъ я,—не говорилъ ли я тебѣ?

Темпль кивнулъ головой.

Дѣвушка сказала:

— Я ужь боялась что потеряла васъ въ толпѣ, мой маленькій другъ, и что вы сочтете меня за воровку, а я еще не воровка, слава Богу. Я побѣжала въ самую средину толпы къ вамъ на встрѣчу, послѣ того какъ вы подхватили ту бѣдную старушку; мнѣ хотѣлось разцѣловать васъ обоихъ, такіе вы были славные!

— Мы всегда вездѣ вмѣстѣ, сказалъ Темпль.

Я предложилъ дѣвушкѣ золотую монету.

— О, я такъ бѣдна, воскликнула она, отводя однако свою руку,—какъ птичка спускающаяся на землю, не за добычей.

Когда я насильно навязалъ ей деньги, она вздохнула.

— Еслибъ я не была такъ бѣдна, мнѣ не нужно было бы вашего золота. Отчего вы такъ поздно здѣсь?

Мы разказали ей о нашемъ пріѣздѣ изъ деревни и о нашихъ странствіяхъ среди тумана.

— Я знаю, вы захотите меня увѣрить что вовсе не устали, замѣтила дѣвушка, и я засмѣялся услыхавъ какъ вѣрно угадала она наши мысли.

Жажда и голодъ томившіе насъ внушили ей сочувствіе, потому что она видѣла что мы не привыкли еще переносить ихъ подобно ей, а вокругъ не было открыто никакого мѣста могущаго удовлетворить наши потребности. Ея подруга, дерзкая дѣвочка, присоединилась къ намъ въ сопровожденіи какого-то человѣка, очевидно матроса. Они всѣ трое стали о чемъ-то совѣщаться тайкомъ отъ насъ съ Темплемъ, и затѣмъ матросъ, котораго звали Джо, поднялъ ногу кверху, какъ бы танцуя, и прищелкнулъ намъ пальцами. Мы подали ему руки и поняли, безъ всякаго удивленія, что онъ приглашалъ насъ на свой корабль, чтобы тамъ угостить насъ. Мы бы, кажется, не удивились еслибъ онъ пригласилъ насъ на воздушный шаръ. Пробравшись сквозь густой, немного просвѣтлѣвшій туманъ, мы пошли по узкому переулку ведущему къ набережной, на которой стояли два человѣка, скрестивъ руки на груди, покуривая изъ трубокъ и божась. Насъ посадили въ лодку и подвезли къ кораблю. Я не замѣчалъ насколько всѣ мои мысли и чувства были заморожены и отуманены, пока не сдѣлалъ долгаго, отчаяннаго глотка дымнаго рому съ водой, и тогда-то всѣ приключенія бывшія съ нами съ утра до полуночи, начиная съ сосенъ среди деревенскаго тумана, съ фонарей среди лондонскаго тумана, съ человѣка потерявшаго своего сына, съ ложара, съ Бенча, со старухи съ ея дикимъ, птичьимъ крикомъ и распростертыми по воздуху членами, и кончая ѣздой по окутанной мглой рѣкѣ, быстро промелькнули предъ моими глазами; я закричалъ дѣвушкамъ поливавшимъ изъ одного стакана съ матросомъ Джо, нашимъ хозяиномъ:

— Теперь, наконецъ, я проснулся!

И въ то же мгновеніе крѣпко заснулъ.

ГЛАВА XII.

Мы отправляемся неизвѣстно куда въ морское путешествіе.

Мнѣ казалось что я едва успѣлъ повернуться справа налѣво или обойти вокругъ какого-то колеса, когда, повторивъ эти слова, я услыхалъ что Темпль шепчетъ тоже нѣчто подобное. Онъ глубоко вздохнулъ; я послѣдовалъ его примѣру; затѣмъ мы оба вдругъ откашлянулись и прочистили себѣ горло. Наслажденіе которое мы чувствовали лежа смирно на мѣстѣ, освѣ-

женные сномъ, никѣмъ не тревожимые, ничѣмъ не волнуемые, находясь въ то же время въ бодромъ, оживленномъ настроеніи духа, перебирая въ умѣ все пережитое нами и мечтая о послѣднихъ нашихъ похожденіяхъ, все это было причиной тому что мы оставались спокойны и несообщительны. Порой мы испускали глубочайшій вздохъ, а затѣмъ начинали таловливо посмѣиваться. Я поднялъ ногу, и увидавъ на ней салогъ, объяснилъ себѣ его присутствіемъ непріятное ощущеніе пробѣгавшее по моему тѣлу.

Я тихонько сказалъ:

— Какъ должно-быть хорошо лошадямъ когда ихъ чистятъ.

— Я только-что думалъ объ этомъ! отвѣчалъ Темпль.

Мы приподнялись на локтяхъ и одинъ изъ насъ закричалъ:

— Да тутъ морская карта! А тутъ вотъ боченки. Слышишь какой надъ нами гулъ! Мы на кораблѣ! Корабль плыветъ! Что сегодня такой же туманъ? Пора вставать. Да я спалъ одѣтый. Ахъ еслибы теперь окунуться въ воду! Какъ отъ меня пахнетъ дымомъ! Какой шумъ отъ паровой трубы. А сквайръ-то, въ Риверсли, что скажетъ! Вообрази себѣ разказъ Эберли о насъ!

Темпль спросилъ меня, не смотря мнѣ въ лицо, намѣренъ ли я возвратиться сегодня въ Риверсли. Я увѣрилъ его честью что сдѣлаю это сегодня же, если это будетъ только возможно, а тогда, разумѣется, и онъ воротится со мной туда.

— Вѣдь у тебя назначено было свиданіе тамъ съ Дженетъ Ильчестеръ, сказалъ я,—а мы можетъ-быть найдемъ ей моську; купимъ также охотничій ножикъ и коньки. Она также узнаетъ что ты спасъ жизнь одной старушкѣ.

— Нѣтъ, лучше не говори объ этомъ, просилъ Темпль, кусая себѣ губы.—Ричи, какъ мы быстро плывемъ по водѣ. Мнѣ это напомнило объ завтракѣ. Теперь должно-быть часовъ девять утра.

Мои часы не могли ничего сообщить ему; стрѣлки ихъ остановились на четырехъ часахъ. Мы побѣжали на палубу. Смотря черезъ корму корабля, мы увидали за струей блестящей, искрящейся, золотисто-багряной воды, солнце, низко покоящееся на великолѣпныхъ, пушистыхъ облакахъ; тумана не оставалось и слѣда; надъ нашей головой сіяло голубое небо, а вокругъ вѣялъ легкій вѣтерокъ.

— Солнце восходитъ, сказалъ я.

Темпль весьма нерѣшительно отвѣчалъ: „да“.

Мы оглянулись. Маленькій пароходъ взялъ нашъ корабль на буксиръ и тащилъ его по волнамъ, въ которыхъ отражались багряныя облака и отъ которыхъ вѣяло морскимъ воздухомъ.

— Да вѣдь востокъ тамъ вонъ! воскликнулъ Темпль.

Мы оглянулись на солнце и увидали что оно заходило.

— Вздоръ! воскликнули мы въ одинъ голосъ.

Мы стояли смотря въ недоумѣніи то на видъ моря, то на это непонятное захожденіе солнца. Рѣка все расширялась. Надъ сѣрою водой лорхали чайки, виднѣлась морская трава, и морская лѣна брызнула намъ на встрѣчу.

— Клянусь Юпитеромъ! сказалъ задумчиво Темпль.—Изъ нашей жизни вычеркнутъ цѣлый день.

— Этого быть не можетъ! возразилъ я, ибо мнѣ казалось ни съ чѣмъ не сообразной мысль что можно подобнымъ образомъ украсть часть жизни у разумнаго существа.

Но видъ исчезающихъ на западѣ водяныхъ мельницъ, тѣни простирающіяся на востокъ, необозримыя волны вокругъ насъ и соленый воздухъ убѣдили меня что мы оба проспали цѣлый день, и что наша родная страна быстро исчезала изъ нашихъ глазъ.

— Надо заставить этихъ людей высадить насъ на берегъ, сказалъ Темпль.—Мы не будемъ ждать здѣсь чтобы намъ дали поѣсть. Тамъ вотъ недалеко есть городъ; насъ довезутъ туда въ лодкѣ въ полчаса. Тамъ мы и умоемся. Мнѣ кажется здѣсь нѣтъ ничего чистаго. Чортъ бы побралъ этихъ дураковъ что у нихъ не стало учтивости сказать намъ что корабль сейчасъ тронется.

Мы были нѣсколько раздосадованы; отчасти же насъ забавляло это, но положеніе наше не внушало намъ ни малѣйшей тревоги. Одинъ изъ матросовъ, котораго мы просили представить насъ капитану, сказалъ что ему некогда. Другой отвѣчалъ намъ то же самое, сопровождая свои слова чудовищною гримасой, совершенно непонятною для насъ. Матроса Джо нигдѣ не было видно. Казалось никто изъ матросовъ не хотѣлъ насъ слушать, хотя они и останавливались на бѣгу около насъ, прислушиваясь однимъ ухомъ къ нашимъ словамъ.

На кораблѣ происходило какое-то особенное движеніе. Темпль первый замѣтилъ что пароходецъ отцѣпили отъ насъ и закричалъ:

— Мы можемъ сѣсть на него и доѣхать на немъ до Лондонскаго моста, закричимъ!

Онъ крикнулъ: „Го-го! Эге!“ Я между тѣмъ увидалъ Джо.

— Ну-съ, молодые господа, обратился онъ ко мнѣ, выразивъ надежду что я хорошо выслался.

При моей учтивой просьбѣ остановить пароходецъ для того чтобы мы могли сѣсть на него, онъ принялъ страшно серіозный видъ.

— Вы-таки умѣете спать, чортъ возьми, сказалъ онъ.—Видите ли, намъ нужно было рано сняться съ якоря, чтобы наверстать цѣлыхъ сорокъ часовъ, пролавшихъ изъ-за тумана. Я хотѣлъ было разбудить васъ обоихъ; да куда; такъ я и оставилъ васъ храпѣть. Капитанъ нашъ сѣлъ къ намъ на ходу, среди рѣки, а теперь вы въ его рукахъ, онъ можетъ сдѣлать съ вами что захочетъ; это вѣрно, и я такъ думаю что вамъ придется побывать на чужестранномъ берегу, прежде чѣмъ вы снова вернетесь къ своимъ.

При этихъ словахъ, я съ ужасомъ почувствовалъ что мы взяты въ плѣнъ, да еще кромѣ того, отправляемся въ ссылку.

Я настаивалъ на томъ чтобы видѣть капитана. Большая, яркая, красная луна сіяла надъ носомъ корабля, и видъ ея, вмѣстѣ съ исчезающимъ вдали пароходомъ и убѣгающей отъ насъ землей, внушалъ, вмѣстѣ съ бѣшенствомъ, какое-то удушливое отчаяніе.

Моей просьбѣ не отказывали болѣе. Меня подвели къ высокому человѣку въ платьѣ лоцмана, очень широкому въ плечахъ и все косившему глаза въ сторону, какъ будто онъ постоянно противостоялъ головой вѣтру. Онъ кивнулъ мнѣ въ отвѣтъ на мой почтительный поклонъ.

— Въ каюту, проговорилъ онъ, поворачивая ко мнѣ спину.

Я обратился къ нему:

— Извините меня, но мнѣ нужно сойти на берегъ, капитанъ. Я долженъ уйти отсюда и уйду. Я попалъ сюда случайно; вы случайно взяли меня съ собой. Я желаю обращаться съ вами какъ съ джентльменомъ, но пожалуста не удерживайте меня здѣсь.

Джо сказалъ что-то капитану, который все время стоялъ обративъ ко мнѣ свою широкую спину, подобно школьной доскѣ на которой чертятъ географическія карты и геометрическія фигуры.

Я хотѣлъ обойти вокругъ него, съ цѣлью сказать ему въ

лицо какое-нибудь грозное изреченіе, видя что невозможно произвести какое-либо впечатлѣніе на слину его, но онъ занималъ своею особой проходъ заваленный канатами, парусиной и ящиками, и было бы смѣшно съ моей стороны вскарабкаться на эту баррикаду, тогда какъ однимъ поворотомъ онъ могъ бы заставить меня слетѣть внизъ въ пустое пространство.

Джо прикоснулся къ моей рукѣ, но я попросилъ его, насколько могъ ласково, не дѣлать этого впредь; я едва могъ сдерживать себя и готовъ былъ на всякую дерзость при мысли что насъ надули и поймали въ западню! Я едва могъ вынести видъ Темпля, встрѣтившагося мнѣ на пути моемъ въ каюту.

— Капитанъ Джасперъ Вельшъ, повторилъ онъ, какъ бы желая открыть какое-нибудь особенное значеніе въ звукѣ этого имени; это было имя капитана, узнанное имъ отъ одного изъ матросовъ.

Раздраженный повтореніемъ этого имени, я сказалъ, самъ не зная почему и какъ у меня вырвались эти слова:

— Разбойникъ, извѣстный своими грабежами въ окрестностяхъ города Бристоля.

Слова эти заставили Темпля расхохотаться.

— Итакъ, онъ купилъ себѣ корабль и разставилъ вокругъ его западни чтобы ловить въ нихъ молодыхъ людей и требовать за нихъ потомъ выкупъ.

Я попросилъ Темпля бросить свои шутки, но въ слѣдующую же минуту отправилъ самъ капитана Джаспера Вельша на разбойничью экспедицію; Темпль приподнялъ завѣсу съ его исторіи, накрывъ его среди оргіи каннибальскаго пира. Я повлекъ его въ британскій судъ присяжныхъ; Темпль повѣсилъ его, въ глазахъ взволнованной толпы народа. Въ ту минуту какъ онъ провозгласилъ конецъ капитана Вельша, я отрѣзалъ веревку. Но Темпль испортилъ все торжество мое, лишивъ его при паденіи употребленія нижнихъ членовъ, такъ какъ онъ былъ очень тяжелый господинъ. Этому я не могъ уже помочь, но заставилъ за то сбѣжаться весь экипажъ его корабля къ висѣлицѣ, для спасенія его. Темпль допустилъ чтобы вѣрные разбойники утащили его, сказавъ при этомъ однако что въ другой разъ ничто не спасетъ капитана отъ веревки палача. Вслѣдствіе этого онъ скрывалъ съ тѣхъ поръ днемъ лицо свое приподнятыми до ушей воротничками рубашки, а ночью закутывался съ головой въ простыню, такъ что жена его

говорила что она несчастная, обманутая женщина и умерла отъ любопытства.

Болтаніе подобнаго вздора служило намъ все-таки нѣкоторымъ утѣшеніемъ среди нашего нетерпѣнія и безсилія, между тѣмъ какъ земные огни кивали издали нашимъ смутнымъ взорамъ, блистая чрезъ окна каюты.

Какъ скоро пришла очередь говорить разумно, мы потерпѣли неудачу. Капитанъ Вельшъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей которые прямо показываютъ вамъ, хотите ли вы видѣть или нѣтъ, весь процессъ какимъ они доходятъ до окончательнаго заключенія объ васъ, по которому они затѣмъ и поступаютъ съ вами. Такимъ образомъ, придя въ нашу каюту, онъ взялъ въ руку лампу и сталъ разсматривать съ помощью ея наши лица; онъ ничего не отвѣчалъ на наши возраженія и просьбы. „Гмъ, вѣроятно вы оба джентльмены по рожденію", вотъ все что сказалъ онъ намъ, и затѣмъ продолжалъ дѣлать свои наблюденія надъ нами, не обращая никакого вниманія на наши замѣчанія.

Мы просили, нѣсколько повелительнымъ тономъ, поворотить назадъ корабль и высадить насъ въ лодкѣ на землю. Онъ разинулъ ротъ, произнеся: „Знаютъ грамматику; вѣрно привыкли говорить съ конюхами.... гмъ." Мы обѣщали хорошо заплатить ему. „Въ карманѣ пусто", замѣтилъ онъ при этомъ. Онъ тѣмъ болѣе приводилъ насъ въ отчаяніе что вовсе не смотрѣлъ дурнымъ человѣкомъ; онъ, казалось, былъ только заряженъ дурнымъ мнѣніемъ объ насъ. Я старался уничтожить это мнѣніе; я сталъ говорить привѣтливѣе. Темпль сдѣлался, подражая мнѣ, сладокъ какъ сахаръ. Мы вполнѣ оправдывали капитана, извиняли его заблужденіе, говорили что тутъ была ошибка съ обѣихъ сторонъ. Нашъ безконечный сонъ, говорили мы, былъ дѣйствительно смѣшонъ; мы смѣялись, приломиная его: печальный поводъ для шутокъ. Наконецъ вся наша хитрость и все наше терпѣніе истощились, ибо капитанъ все еще не удостоивалъ насъ прямаго отвѣта, и я сказалъ:

— Капитанъ Вельшъ, мы теперь на вашемъ кораблѣ, не скажите ли вы намъ наконецъ что̀ намѣрены вы дѣлать съ нами?

Онъ коротко отвѣтилъ:

— Да.

— Вы поступите съ нами какъ честный человѣкъ? продолжалъ я, и онъ громко крикнулъ:

— Да.

— Если такъ, то велите, пожалуста, приготовить лодку; намъ хочется возвратиться домой.

— Вы и возвратитесь! заоралъ капитанъ, — на кораблѣ, на моей баркѣ *Присциллѣ*, и затѣмъ на ней останутся еще люди получше васъ, не будь я христіаниномъ.

Темпль быстро проговорилъ:

— Благодарю васъ, капитанъ.

— Можете еще подождать благодарить меня, пріятель, отвѣчалъ онъ, и затѣмъ, къ удивленію нашему, предложилъ намъ пойти умыться и приготовиться напиться чаю за его столомъ.

— Мы очень вамъ благодарны, капитанъ, мы все это устроимъ прибывъ на землю, сказали мы.

— Ну, у васъ будутъ-таки черномазыя лица и пустые желудки къ тому времени, замѣтилъ онъ.

Мы увидали что онъ сталъ перелистывать Библію. Видъ Библіи внушилъ мнѣ чувство довѣрія и въ то же время понятіе о нѣкоторомъ притворствѣ свойственномъ его нраву; увидавъ что мы обманулись въ смыслѣ его словъ, обѣщавшихъ доставить насъ на землю, на кораблѣ, на его баркѣ *Присциллѣ*, я закричалъ въ сильномъ гнѣвѣ:

— Какъ! Такъ мы плѣнники? Вы смѣете насильно держать насъ здѣсь!

Темпль вторилъ мнѣ въ томъ же тонѣ. Въ совершенномъ бѣшенствѣ мы накинулись на него, не соблюдая ни малѣйшаго слѣда того что я считалъ краснорѣчіемъ. Капитанъ пробѣгалъ глазами столбцы Библіи.

Мною овладѣла мысль что мы похожи на двухъ маленькихъ барсучковъ, наладающихъ на большаго, смирнаго быка. Наконецъ онъ произнесъ:

— Исторія *Блуднаго сына*.

— О! простоналъ Темпль при имени этого истасканнаго стараго юноши, постоянно запряженнаго въ тему для проповѣди, съ тѣхъ поръ какъ онъ поѣлъ откормленнаго тельца.

Но капитанъ не обратилъ никакого вниманія на этотъ вздохъ.

— Молодые люди, я прочелъ эту исторію, пока вы лаяли на меня. Еслибъ онъ въ раннемъ возрастѣ попалъ ко мнѣ на корабль,—надѣюсь въ словахъ моихъ нѣтъ высокомѣрія, да проститъ мнѣ его Господь,—то я удержалъ бы его отъ его будущихъ преступленій, направивъ его въ настоящую сторону.

Господь, молодые люди, не безъ цѣли вручилъ васъ въ мои руки. Возблагодарите Его за это сегодня вечеромъ, на колѣняхъ, а возставъ съ нихъ, поблагодарите Джорджа Дебля, моего матроса, ибо онъ былъ орудіемъ спасшимъ васъ отъ дурнаго общества. Еслибы мой корабль былъ изъ тѣхъ на которомъ слышится божба и разносится запахъ водки, то я бы далъ вамъ убѣжать съ него, пока твердая земля была у насъ предъ глазами. Я взошелъ на него и увидалъ васъ обоихъ сляцихъ съ этими знаками разсѣянной жизни вокругъ глазъ вашихъ, и поклялся именемъ Господа, замѣтьте, что вытащу васъ изъ пропасти въ которую вы вступили пока одною лишь ногой. Итакъ все сказано! Нечего лаяться. Меня нельзя раздражить этимъ. Діаволъ во мнѣ закованъ среди тѣла, и къ его языку привязана двадцати-фунтовая гиря. Съ вашимъ содѣйствіемъ я сдѣлаю то же самое съ діаволомъ обитающимъ въ васъ. Такъ какъ вы достаточно пользовались сномъ, то я прошу васъ запомнить наизусть исторію *Блуднаго сына* до завтрашняго разсвѣта. Когда трудъ этотъ будетъ оконченъ, мы займемся поясненіемъ этой исторіи. Здѣсь, на моемъ кораблѣ, вы будете работать надъ спасеніемъ вашихъ душъ. И позвольте посовѣтывать вамъ не разговаривать; въ вашемъ положеніи разговоръ часто ведетъ ко лжи. Вы сдѣлаете мнѣ одолженіе пользоваться моимъ столомъ. Когда я передамъ васъ на руки вашихъ родителей, то они поблагодарятъ меня за васъ, если вы сами не поблагодарите. Но я не дѣлаю это въ ожиданіи благодарности; я слѣдую лишь своему христіанскому долгу. Я спасаю двухъ заблудшихъ агнцевъ, равняющихся одной пропадшей овцѣ.

Капитанъ поднялъ руку вверхъ и торжественно воскликнулъ: „Клянусь“, но тутъ вдругъ запнулся.

— Вы хотѣли сейчасъ побожиться, сказалъ Темпль съ дикимъ презрѣніемъ.

— Клянусь благословеніемъ Всемогущаго! Я спасу двухъ младенцевъ готовыхъ сдѣлаться волками. А я слабый смертный, это истинная правда.

— Онъ-таки хотѣлъ побожиться, шепнулъ мнѣ Темпль.

Я счелъ лишнимъ выводить на чистую воду притворство капитана Вельша; мнѣ казалось это какъ бы шагомъ къ сближенію съ нимъ. Но гнѣвъ кипѣвшій въ груди моей былъ такъ силенъ что мнѣ было невозможно излить наружу весь потокъ

краснорѣчія обременявшій меня. Вскорѣ я сталъ стараться подкупить этого человѣка своими деньгами и часами.

— Кто подарилъ вамъ эти часы? спросилъ онъ.

— Дѣдъ мой, отвѣчалъ я.

Голова капитана качалась подобно механическому молоту, съ цѣлью выразить нѣчто невыразимое.

— Дѣдъ мой, продолжалъ я, — хорошо заплатитъ вамъ за всякую услугу оказанную вами мнѣ и моему другу.

— Теперь они начинаютъ надувать меня, сказалъ капитанъ, какъ бы желая выразить своимъ тономъ что мы были испорчены съ ногъ до головы.

Я видѣлъ какъ волны катились мимо окна его каюты. Тоска, чувство униженія, сдержанное бѣшенство, все это соединилось вмѣстѣ и выразилось въ слѣдующей рѣчи:

— Капитанъ, поступите съ нами какъ джентльменъ, и вамъ не придется раскаиться въ этомъ. Наши родные будутъ страшно тревожиться объ насъ. Они, капитанъ, не знаютъ гдѣ мы. Съ нами нѣтъ даже ни одной перемѣны платья. Мы конечно знаемъ что находимся въ вашей власти, но просимъ васъ поступить съ нами какъ честный человѣкъ. Мы вамъ заплатимъ или нѣтъ, какъ вамъ угодно, но во всякомъ случаѣ будемъ вѣчно благодарны вамъ. Конечно вы имѣете на нашъ счетъ добрыя намѣренія, мы видимъ это.

— Благодарю за это, господа! прервалъ онъ меня.

— Но вы находитесь въ заблужденіи. Это право удивительно. Вы вѣроятно имѣете на этотъ счетъ совершенно превратное мнѣніе; вы точно будто,—я не желаю выразиться неучтиво, — вы какъ будто, какъ говорится у насъ на твердой землѣ, помѣшаны на этомъ пунктѣ.

— Рехнулись немножко, какъ говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ? замѣтилъ онъ вопросительнымъ тономъ.

Нѣсколько ободрившись при мысли что я дѣлаюсь краснорѣчивымъ, я сталъ дѣйствовать на его великодушіе. Я старался задѣть за живое предполагаемыя мною въ немъ родительскія чувства. Въ какой тоскѣ должны теперь находиться наши родные! „Да, боченокъ воды можетъ замѣнить вовремя цѣлый Океанъ“, ввернулъ онъ свое слово. Я сталъ наконецъ просить его съ патетическимъ достоинствомъ подумать объ ужасномъ пробѣлѣ который это должно сдѣлать въ нашемъ научномъ образованіи.

— Вы учитесь по-латыни или по-гречески? спросилъ онъ.

Я не могъ отвѣчать на этотъ хладнокровный вопросъ. Онъ замѣтилъ что Новый Завѣтъ написанъ по-гречески, и что счастливъ тотъ кто можетъ читать его въ оригиналѣ.

— Ну, а какимъ же образомъ можемъ мы достичь этого, находясь на вашемъ кораблѣ? возразилъ Темпль, и замѣчаніе это привело меня въ отчаяніе, ибо оно вело къ цѣли гораздо ближе моей длинной рѣчи и доказало мнѣ что и онъ былъ того же мнѣнія, однако я продолжалъ въ этомъ смыслѣ.

— Какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать надлежащую карьеру, оставаясь на вашемъ кораблѣ, капитанъ Вельшъ? Скажите намъ пожалуста.

Онъ наигрывалъ что-то, стуча суставами пальцевъ по столу. Только-что сталъ я надѣяться что изъ безсмысленной мелодіи этой выдетъ что-нибудь благопріятное, какъ Темпль закричалъ:

— Скажите намъ ваши настоящія намѣренія относительно насъ, капитанъ Вельшъ? Что хотите вы дѣлать съ нами?

— Хочу взять васъ съ собой въ наше плаваніе, туда и назадъ, если на то будетъ воля Провидѣнія, сказалъ капитанъ вставая.

Мы отказались отъ предлагаемаго имъ чая, хотя кажется рады были поглодать хоть какую-нибудь кость.

— Больше объ этомъ и говорить нечего, сказалъ онъ,—вы будете дѣлить со мной мою каюту, пока вы мои гости, мои матросы и ученики на пути истины; вы будете дѣлить со мной мою каюту и мою пищу, какъ бы мои собственныя дѣти; у меня нѣтъ ихъ. Жена моя была безплодная женщина. Дома у меня осталась лишь одна старуха мать. Перестаньте ворчать, мальчики: вы скоро повернетесь въ надлежащую сторону, какъ и моя *Присцилла*, и увидите что это вамъ принесло пользу.

Мы вышли изъ каюты, свысока поклонившись ему.

Темпль увѣрялъ что старикъ Риппенджеръ и тотъ былъ лучше этого богобоязненнаго негодяя.

Вокругъ насъ было море: лишь далекая желтоватая полоса напоминала намъ о землѣ.

— Его жена была безплодною женщиной! Да намъ-то что до этого! воскликалъ повременамъ Темпль, лишая негодованіемъ.—Такова была и Сарра. Онъ хочетъ дѣлить съ нами свою каюту и свою пищу, говоритъ какъ проповѣдникъ, а не мо-

рякъ. Я бы желалъ видѣть его во время бури. Да онъ вовсе и не морякъ. Матросы терпѣть его не могутъ. Не трудно было бы возмутить противъ него весь экипажъ. Ричи, я теперь понимаю все: ему нужны прислужники въ его каютѣ. Негодяй этотъ завладѣлъ нами. Мы должны будемъ прислуживать ему пока не выдемъ на берегъ. Но слава Богу, повсюду есть британскіе консулы; я говорю это серіозно. Я люблю свою родину; да будетъ она всегда сильна и могущественна! Моя жизнь всегда принадлежитъ ей... Чувствовалъ ты этотъ толчокъ корабля? Изо всѣхъ именъ данныхъ когда-либо кораблю, *Присцилла* безъ сомнѣнія самое что ни на есть противное, О! Вотъ теперь опять. Нѣтъ, это будетъ черезчуръ досадно, Ричи, если насъ одолѣетъ что-нибудь подобное.

— Если *тебя* одолѣетъ, сказалъ я, едва рѣшаясь говорить изъ боязни что сейчасъ заплачу или что мнѣ сдѣлается дурно.

Мы оба чувствовали что корабль нашъ замышлялъ лишить насъ всякаго самоуваженія. Я заставлялъ себя приломинать изо всѣхъ силъ латинскіе стихи (вѣроятно я инстинктивно избралъ это средство, какъ родъ умственнаго сухаря обмоченнаго въ спиртѣ, крѣпкаго, успокоительнаго, совершенно противоположнаго моему дѣйствительному настроенію; иначе я никакъ не могу себѣ объяснить привлекательность этого средства), они помогли мнѣ на время, поддерживая во мнѣ какую-то машинальную умственную дѣятельность. Они такъ-сказать подняли меня превыше коварно вздыхающей *Присциллы*. Но вскорѣ я съ трескомъ свалился снова внизъ на нее; никакія умственныя хитрости и уловки не могли меня избавить отъ коноплянаго корабельнаго запаха; мнѣ не помогало также стоять перевѣсившись черезъ бортъ, ни лежать свернувшись подъ пропитанными смолой парусами. Матросы прикрывали насъ цѣлыми кучами лоцманской одежды. На этомъ кораблѣ плохо хворать, говорили они, потому что ничего подобнаго водкѣ не допускалось на старой *Присциллѣ*. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется я попробовалъ чего-то въ этомъ родѣ, прежде нежели впалъ въ полубезсознательное состояніе. Точно въ бреду слышалъ я стоны Темпля и голосъ капитана раздававшійся среди бури и тоскливый скрипъ корабля среди высокихъ волнъ. Фигура капитана порой наклонялась надъ нами; на насъ набросили еще

цѣлую кучу верхняго платья; порой ветеръ гудѣлъ еще провзительнѣе, казалось, нежели звучали голоса людей погибшихъ отъ голода и усталости и испустившихъ душу въ безконечномъ стонѣ, какъ разказываютъ нянюшки. Корабль заключилъ какъ бы перемиріе съ волнами и глухо ворчалъ; затѣмъ мы получили два или три игривые толчка, насъ обрызгала морская пѣна, мы стали пробивать себѣ путь вверхъ по волнамъ, луна задрожала какъ пойманная въ сѣти нашихъ парусовъ, мы нырнули внизъ; поднялись, для того чтобы снова нырнуть, и затѣмъ опять снова. Я все упрекалъ въ умѣ нашъ корабль въ какомъ-то воображаемомъ непостоянствѣ. Воспоминанія прошлаго звучали въ моей груди подобно тяжелому гулу, катившемуся вдаль вмѣстѣ съ морскими волнами.

ГЛАВА XIII.

Мы вступаемъ въ различныя ученыя разсужденія съ капитаномъ *Присциллы*.

Капитанъ Вельшъ скоро побѣдилъ насъ. Послѣдній разъ вкушали мы пищу на холодной лужайкѣ подъ соснами. Послѣ продолжительнаго поста, къ которому присоединилась еще морская болѣзнь, яица и ветчина и привѣтливо благоухающій чай на капитанскомъ столѣ были приманками непреодолимыми для двухъ здоровыхъ мальчиковъ только-что вышедшихъ изъ-подъ ледяной морской воды, которою обливалъ насъ веселый морякъ. Доступность къ новымъ впечатлѣніямъ пробудилась въ умѣ нашемъ, когда, надѣвъ платье, мы стали согрѣваться. Мы ѣли сознавая себя внутренно притѣсненною невинностью, что однако не заглушало въ насъ чувство признательности, и послѣ благодарственной молитвы капитана, весьма продолжительной, мы благопристойно преклонили головы. Славный былъ завтракъ: и суша и море почти въ одинаковой степени подготовили насъ къ нему. Признаюсь, какъ выскочилъ я изъ каюты, я чувствовалъ себя какъ бы рожденнымъ къ новой жизни. Мы стали совѣщаться съ Темплемъ, и рѣшили что дуться было бы смѣшно, недостойно, неприлично. Мы попались въ руки капитану словно въ лапы льву; онъ очевидно человѣкъ благонамѣренный, только вовлеченный относительно насъ въ роковое заблужденіе; *Присцилла*

направляется къ германской пристани, куда и прибудетъ черезъ нѣсколько дней; почему не прокатиться весело, такъ какъ съ нами ласково обращаются? Ни дѣдъ мой, ни отецъ Темпля не въ правѣ осуждать наше поведеніе. Мы не болѣе какъ жертвы недоразумѣнія, которое доставляетъ намъ случай обогатить свои познанія, что весьма желательно для юношей.—Наконецъ мы не будемъ умирать съ голоду, сказалъ Темпль.

Я улыбнулся; безуспѣшность моей вчерашней рѣчи объяснилась мнѣ, и я рѣшился никогда впредь не приводить гордость въ столкновеніе съ голодомъ. Завтракъ совершенно преобразилъ насъ. Мы сочли себя обязанными потребовать объясненій отъ Джорджа Дебля.

Выслушавъ его объясненія, исполненныя такой откровенной искренности, что мы вполнѣ повѣрили бы имъ, еслибъ онъ не завѣрялъ что не думалъ подносить намъ рому съ горячею водой, мы вписали наши имена и адресы въ капитанову книгу и тотчасъ же попросили позволенія отправиться къ мачтѣ. Капитанъ засмѣялся. Внѣ каюты въ немъ не было и тѣни проповѣдника. Люди его говорили что онъ закаленный морякъ, помѣшанный на грогѣ и дѣвочкахъ. Ради грога и дѣвочекъ онъ и угощаетъ насъ соленою водой, чтобы освѣжить насъ. Грогъ и дѣвочки! вскричали мы. Мы клялись честью что отвѣдали грогу въ первый разъ въ жизни на *Присциллѣ*. „А что о дѣвочкахъ?“ спросили они. Мы увѣдомили ихъ что знаемъ дѣвочекъ только хорошаго рода и благовоспитанныхъ. На это одинъ морякъ кивнулъ головой, другой свистнулъ, третій сказалъ: „въ томъ то и бѣда что всѣ дѣвочки такъ ужасно благовоспитанны“, а четвертый заговорилъ крайне неприличнымъ языкомъ, обвиняя насъ что мы считаемъ *Присциллу* притономъ дурнаго общества и напоминая что онъ былъ въ числѣ гребцовъ доставившихъ меня съ берега на корабль.

— Бѣдный мистеръ Дебль, говорилъ онъ, — одинъ только и былъ у него способъ вытащить васъ изъ омута въ который вы попали; онъ и заманилъ васъ на корабль, пользуясь дурнымъ средствомъ для хорошей цѣли. Помню я эту ночь, ибо я позволилъ себѣ неприличныя слова и предался пьянству. Остальные моряки громко хохотали. Мы имъ дали денегъ, чтобы не казаться оскорбленными ихъ подозрѣніями. Мы

считали ихъ всѣхъ притворщиками, и ошибались точно такъ же какъ еслибы видѣли во всѣхъ нихъ людей честныхъ.

Дѣла шли недурно, за исключеніемъ уроковъ изъ Писанія. Работа наша была лишь игра въ мореходство; мы помогали свертывать паруса, натягивать канаты, исполнять порученія и тому подобное. Темпль замысловато-выразительнымъ голосомъ объяснилъ капитану что эта работа намъ нравится, но что такими уроками какіе задавались намъ изъ Писанія набиваютъ только головы матушкинымъ сынкамъ.

— Такіе уроки не имѣютъ, можетъ-быть, на сушѣ того значенія какое получаютъ на морѣ, отвѣчалъ капитанъ.—Матушкины сынки, о которыхъ вы говорите, не призваны бросить свѣтъ на тексты. Я могу васъ научить морскому дѣлу на моемъ суднѣ, но предъ этою книгой мы всѣ дѣти.

Онъ глубоко вздохнулъ, услышавъ что предметомъ занятій нашихъ были языческіе боги и богини, древніе историки и поэты.

— Не ново мнѣ это, прибавилъ онъ. — Можетъ-быть отъ этого такъ и идетъ все на свѣтѣ. И не дивлюсь я что вы убѣжали отъ этихъ грязныхъ занятій въ Лондонѣ. Это точно такъ же естественно какъ то что паръ поднимается отъ кучи навоза.

Темпль увѣрялъ что несправедливая строгость капитана принуждаетъ его вступиться за Венеру, онъ сказалъ, какъ мнѣ казалось, довольно остроумно:

— Моряки должны бы уважать ее, такъ какъ она родилась среди моря и направилась къ землѣ, что̀ доказываетъ что у ней было удовлетворительное понятіе о мореплаваніи. Но капитанъ отвѣчалъ весьма рѣзко:

— Она умѣла направляться, какъ всегда умѣетъ лукавый дьяволъ въ ту сторону гдѣ больше можно надѣлать зла; она учитъ; юноша, тому мореплаванію которое ведетъ въ бездну, зіяющую подъ нами.

Можетъ-быть онъ былъ правъ; однако заучиваніе текстовъ приходилось намъ не по душѣ, и несмотря на всю смѣтливость капитана Вельша, мы не могли растолковать ему причинъ нашего неудовольствія. Лучше бы, по нашему, онъ былъ дикій капитанъ, подстрекающій духъ нашъ къ непреклонному сопротивленію, а не добродушный, благонамѣренный человѣкъ, который давалъ намъ свое бѣлье, кормилъ насъ со своего стола и вынуждалъ насъ невольно пріискивать ему оправданія. Чтобы мстить ему прилично, мы принялись хвалить героевъ древности, какъ будто они вполнѣ владѣютъ

нашими умами и составляютъ для насъ предметъ поклоненія. Всякій разъ какъ капитанъ Вельшъ восклицалъ: „отлично!“ или: „вотъ мысль!“ мы указывали ему на Плутарха, какъ на собраніе великихъ образцовъ. Алкивіадъ, изящно съѣдавшій черную кашу, заслужилъ одобреніе капитана; также Телемакъ, приноравливавшійся къ причудамъ дельфина, когда приходилось добираться до земли на дельфиновой спинѣ. Капитанъ Вельшъ не признавалъ въ Темплѣ представителя Алкивіада, ни Телемака во мнѣ, но онъ прозрѣвалъ непоколебимое упорство подъ нашею уступчивостью. Это, по его словамъ, былъ дьяволъ свернувшійся змѣей на зимній сонъ. Онъ открыто разилъ его текстами, или вдругъ невзначай пускалъ какой-нибудь особенно полновѣсный, надѣясь нанести врагу смертельный ударъ. Мы видали какъ онъ отыскивалъ въ Библіи тексты могущіе излѣчить насъ и убить дьявола въ насъ. Поэтому мы держались на оборонѣ: отрывки изъ Цицерона, отрывки изъ Сенеки, полные высокой нравственности, служили на защиту язычества. Мы приломинали ихъ какъ будто дѣйствительно какой-то чертенокъ принесъ намъ ихъ издалека. Впрочемъ мы не желали становиться въ оппозицію къ дѣлу которое онъ отстаивалъ. Мы возмущались только противъ догматической нетерпимости честнаго, но не свѣдущаго человѣка, предлагавшаго ото всего одно лишь лѣченіе и видѣвшаго лагубный ядъ во всѣхъ другихъ лѣкарствахъ и забавахъ.

Темпль замѣтилъ ему:

— Еслибъ архіепископъ Кентерберійскій сказалъ мнѣ что греческіе и латинскіе авторы вредны для меня, я бы его послушалъ, потому что онъ ученый, знаетъ языки и литературу ихъ.

Капитанъ Вельшъ отвѣчалъ:

— Еслибъ архіепископъ Кентерберійскій ходилъ въ море, а на берегу жилъ бы въ Фоульгалли, да чувствовалъ бы что значитъ носиться по волнамъ погибели, онъ понялъ бы что большой, чистый, хорошо оснащенный корабль лучше вашихъ нарядныхъ лодокъ, барокъ, не выносящихъ прилива, яхтъ, убѣгающихъ въ пристань при первомъ дуновеніи бури, и всѣхъ вашихъ вычурныхъ затѣй.

— Такъ по вашему слѣдуетъ пускать на воду одного только вида корабли, вотъ въ чемъ и разница между вами и ученымъ, сказалъ я.

— По моему, отвѣчалъ капитанъ,—всякаго юношу, такого какъ вы, слѣдуетъ воспитать на большомъ кораблѣ, тогда онъ бы не лутался и не лолалъ бы въ просакъ, понадѣявшись на свои слабыя снасти. Выдержите ученіе на великомъ кораблѣ Господа нашего, а потомъ принимайте лодъ свое начальство что̀ придется.

— Нѣтъ, нѣтъ, капитанъ Вельшъ, сказалъ Темпль,—надо долбить латынь и греческій съ малыхъ лѣтъ, иначе никогда не научитесь азбукѣ. Надо, увѣряю васъ честью. Если хотите лопробовать и не прочь приняться для опыта за греческій языкъ, мы поможемъ вамъ, сколько будемъ въ силахъ, преодолѣть аористы. Онъ кажется труднѣе латыни, но потомъ становится легче. Только боюсь воспитаніе-то ваше на большомъ кораблѣ послужитъ помѣхой.

— Греческій языкъ другіе поймутъ за меня. Я могу заплатить ученымъ людямъ, и они растолкуютъ мнѣ что̀ нужно, сказалъ капитанъ.—А знаніе и любовь добродѣтели я самъ долженъ усвоить себѣ, и во избѣжаніе крушенія, долженъ усвоить рано.

— Да вѣдь это не наука и не природа, сказалъ я.

— Это знаніе истинныхъ правилъ для природы человѣческой.

— Вы способны были бы обманомъ залучить молодыхъ людей на вашъ корабль, капитанъ?

— Я благословилъ бы вѣтеръ занесшій ихъ ко мнѣ, откуда бы онъ ни дулъ.

— И лолавъ въ ваши руки, такъ бы они и остались у васъ, капитанъ?

— Я счелъ бы волею Божьею чтобъ они на время остались у меня, да!

— А ихъ родители?

— Для юношей, носимыхъ вѣтромъ какъ былинки летучія, родители тамъ гдѣ они опустятся.

— Это однако тяжело для ихъ настоящихъ родителей, сказалъ Темпль.

— Еще болѣе тяжело что родители воспитываютъ такихъ вѣтрениковъ, юноша.

Мы все горячились, лускали въ ходъ все, какое имѣлось у насъ, краснорѣчіе. Капитанъ наклонился надъ столомъ, безсознательно сложивъ руки на лодобіе лроловѣдника, мы съ своей стороны облокотившись на столъ не давали ему вздох-

нуть. Темпль блестѣлъ. Онъ хотѣлъ обратить капитана и сознавался въ этомъ.

— Вы, говорилъ онъ,—не такой какъ тѣ нравоучители. Вы человѣкъ заслуживающій уваженія, хорошій морякъ, начальникъ корабля, искренній, безъ притворства и ханжества. Мы понимаемъ и извиняемъ ваше заблужденіе относительно насъ. Но у меня дома отецъ; онъ человѣкъ хорошій и въ то же время человѣкъ свѣтскій; читаетъ и Библію, и классиковъ, и ничего отъ этого не теряетъ, увѣряю васъ.

— А гдѣ былъ сынъ его въ ту туманную ночь.

— Ну, что жь? случилось что онъ былъ не дома.

— А гдѣ былъ бы онъ еслибы не одинъ изъ моихъ людей?

— Кто можетъ отвѣтить на это, капитанъ Вельшъ?

— Я отвѣчу, юноша. Онъ жарился бы въ одномъ изъ преддверій ада, безъ сомнѣнія.

Темпль вздохнулъ надъ упрямствомъ капитана и сказалъ:

— Послушайте, у насъ въ школѣ былъ мальчикъ, звали его Дрю. Онъ былъ лучшій ученикъ Риппенджера изъ богословія, всегда получалъ за богословіе награды. И что жь? Онъ былъ отъявленная дрянь. Я разъ увелъ его въ уголъ и описалъ ему мученія смерти: такъ на него отвратительно было глядѣть. Потъ выступилъ у него на лицѣ. — Полно! Полно! кричалъ онъ. Вотъ именно такіе какъ ты и мучатся всего больше, говорилъ я ему. Что жь придумалъ онъ, чтобъ избѣгнуть мученій? Выучить наизусть все Второзаконіе и всѣ Дѣянія Апостольскія. Страшный судъ представлялся ему полугодовымъ экзаменомъ у стараго Риппенджера. Это все факты, капитанъ Вельшъ.

Я подтвердилъ.

Капитанъ сказалъ странную вещь:

— Мы встрѣтимся съ вами въ пасти Левіаѳана въ бурную ночь, юноша.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Темпль.

— Пошли Богъ! воскликнулъ капитанъ.

Онъ наклонилъ голову впередъ и закатилъ глаза подъ брови. Не успѣли мы опомниться, какъ онъ уже пустился въ разказъ о кончившемъ курсъ въ одномъ изъ университетовъ. Мы разъсѣянно слушали, какъ молодой человѣкъ постепенно ладалъ съ вершины счастія до бѣлой горячки, пока капитанъ не заговорилъ о темной ночи на Темзѣ. Голосъ его прерывался; мы тщательно старались уловить нить разказа. Двое

мущинъ и дѣвушка въ лодкѣ. Мущины подрались; дѣвушка кричала; лодка опрокинулась; всѣ трое утонули.

Все это разразилось такъ внезапно что лишь тяжелый ударъ капитана кулакомъ по столу удержалъ насъ отъ смѣха.

Онъ былъ рѣшительно не въ состояніи разказать дѣло какъ слѣдуетъ. Мы принуждены были соображать что̀ могли изъ его восклицаній.

Одинъ изъ мущинъ служилъ на кораблѣ, стоявшемъ въ Темзѣ и только наканунѣ бросившемъ якорь. Дѣвушка была его возлюбленная. Другой мущина когда-то былъ изящнымъ питомцемъ университета и сдѣлался льянымъ агентомъ подрядчика. Добрый морякъ во время пріѣздовъ своихъ часто принималъ его къ себѣ, а онъ вкрадчивымъ языкомъ своимъ, наловчившимся въ школѣ, ввелъ дѣвушку въ грѣхъ въ отсутствіи ея возлюбленнаго. Какъ бы то ни было, они отправились вмѣстѣ встрѣчать его, не подозрѣвая что тайна ихъ была сообщена Роберту Вельшу. Однако Робертъ привѣтствовалъ ихъ радушно, и они отправились въ каюту, и сидѣли тамъ и пили до полуночи.

— Три погибшія души, сказалъ капитанъ.

— Вотъ вамъ и штука, пролѣлъ Темпль въ полголоса, и тотчасъ же весь покраснѣлъ, устыдившись себя самого.

— Мнѣ пришлось принести вѣсть матери, продолжалъ капитанъ,—и тяжелая была обязанность, юноши, ибо рюмка былъ единственный недостатокъ Роберта, и онъ былъ одинъ братъ у меня.

Я протянулъ руку капитану. Онъ сильно пожалъ ее.

— Такой экипажъ въ лодкѣ, и можетъ ли дьяволъ не быть рулевымъ! воскликнулъ онъ, и опустилъ голову на руки.

— Нѣтъ, прибавилъ онъ, поднявъ глаза на насъ.—Я не прошу бури; я только прошу у Бога доступа къ сердцамъ вашимъ, огнемъ ли, или водою. А теперь, юноши, на палубу, пока оправляютъ вамъ постели.

Совѣсть угрызала Темпля за неумѣстную выходку. Онъ сталъ извиняться.

— Да, сказалъ капитанъ,—такъ и быть должно. Сознайтесь. Легкомысліе есть плодъ ученія плотскаго. Но погрузитесь въ книги что̀ стоятъ здѣсь на полкахъ, научитесь видѣть живаго человѣка скелетомъ, замѣчать въ немъ свѣтъ и темноту, и никогда не придется вамъ извиняться предъ человѣкомъ, юноша.

Силой своего характера онъ внушилъ намъ уваженіе къ себѣ. Хотя на палубѣ мы замѣтили другъ другу что онъ весьма нескладно разсказалъ свою исторію, она произвела на насъ впечатлѣніе. Мы не такъ уже чувствовали себя въ силахъ бороться съ нимъ и не такъ нетерпѣливо призывали бурю.

— Буря придетъ конечно, сказалъ Темпль, стараясь принять равнодушный видъ, и поглядывая на небо.

Я опасался того же и сталъ хвалить судно.

— О, *Присцилла* именно названіе свойственное кораблю утопающему со всѣмъ экипажемъ и отправляющему на берегъ бутылку, сказалъ Темпль.

— Да бутылки нѣтъ на всемъ кораблѣ, сказалъ я, и эта шутка помогла намъ отослаться отъ овладѣвшаго нами уныніе.

ГЛАВА XIV.

Я встрѣчаю старыхъ знакомыхъ.

Несмотря на наши предчувствія, путешествіе было благополучно. Въ ясное, холодное воскресное утро мы плыли по иностранной рѣкѣ, и Темпль и я поочередно читали собранному экипажу мѣста изъ Библіи въ ожиданіи капитанова поученія. Мы перестали разбирать свои ощущенія, и поэтому положеніе наше почти не казалось намъ страннымъ. Но сердца наши бились желаніемъ взглянуть на большой торговый городъ, который называется вольнымъ городомъ, и слѣдовательно, замѣтилъ Темпль, долженъ имѣть сходство со старою Англіей. Итакъ мы рѣшили что городъ этотъ намъ понравится.

— Отличные тутъ ливные погреба, замѣтилъ замысловато одинъ морякъ.

Тутъ во всякомъ случаѣ можно купить бѣлья. Для этой цѣли, капитанъ Вельшъ сдалъ насъ съ рукъ на руки своему надежному помощнику Джорджу Деблю, и скоро мы очутились въ улицахъ города, желая закупить чуть не все что въ нихъ находилось. У меня недовольно было денегъ для покупки всего что я считалъ необходимымъ. Темпль изорвалъ платье; мое было испачкано; видъ у насъ былъ не изящный, а мы намѣревались отобѣдать въ хорошей гостиницѣ, а потомъ отправиться въ театръ. Мнѣ однако не хотѣлось спустить часы. Мистеръ Дебль сказалъ что это можно уладить. Мы заложили часы въ одной лавкѣ за сумму равняющуюся на ан-

глійскія деньги двѣнадцати фунтамъ, и Темпль былъ такъ добръ что взялъ билетъ къ себѣ на сбереженіе. Такъ мы получили средства одѣться прилично и лообѣдать пріятно, и сверхъ того, какъ замѣтилъ мистеръ Дебль, я уже не рискова̀лъ что у меня украдутъ золотые часы. Мы посѣтили два-три пивныхъ погреба, чтобъ отвѣдать народное питье, и встрѣтили трехъ изъ нашихъ матросовъ, явившихся съ тою же цѣлью. Я вызвался угостить ихъ. Они хвалили своего капитана, но спрашивали насъ какъ людей благовоспитанныхъ и ученыхъ, благоразумно ли вооружаться противъ крѣпкихъ напитковъ на томъ основаніи что братъ утонулъ во время прилива? Мистеръ Дебль совѣтовалъ имъ не забывать умѣренности; они же совершенно спокойно отвѣчали что имѣютъ законное право на чрезмѣрное количество вина.

— Эти негодяи, увѣдомилъ насъ мистеръ Дебль, — не пользуются довѣренностью капитана, однако они ловкіе моряки, на кораблѣ подчиняются капитановымъ правиламъ, а на сушѣ пользуются свободой.

Мы спросили въ чемъ состоятъ преимущества его самого предъ ними?

— Вотъ видите ли, сказалъ онъ, — если только обвинятъ ихъ въ непослушаніи, они прогоняются съ корабля и теряютъ хорошее жалованье и добраго капитана. А пусть-ка кто-нибудь изъ нихъ попробуетъ обвинить меня; онъ только броситъ резиновымъ мячикомъ въ стѣну; ударъ который хотѣлъ онъ нанести падетъ на него же. Заслужите только довѣріе начальника, а потомъ уже не бойтесь ничего.

Мы молчали, а могли бы кое-что сказать. Мистеръ Дебль не питалъ нравственной враждебности къ театрамъ. „Если представленіе не занимательно, такъ можно выкурить трубочку на воздухѣ“, сказалъ онъ, и вскорѣ удалился. Еслибы мы не обязались честнымъ словомъ дождаться лока онъ придетъ за нами, мы тоже ушли бы отъ представленія, изъ котораго понимали одно только слово: „Ja“. Утомительно было постоянно ждать возвращенія этого слова. Мы испытывали что-то похожее на чувство которое должно овладѣвать собаками, когда къ нимъ обращаются съ человѣческою рѣчью. Поэтому мы не стѣсняясь заявили что театръ этотъ надоѣлъ намъ ужасно. Я напомнилъ Темплю поговорку императора Карла V относительно знанія языковъ.

— Гм! отозвался онъ критически. — Нѣмцу позволительно

такъ говоритъ, но если вы иностранецъ, такъ нельзя вамъ лять разъ сдѣлаться Англичаниномъ.

Мы услышали подлѣ насъ англійскій смѣхъ, и затѣмъ Англичанинъ подошелъ къ намъ.

— Мистеръ Вилье, если не ошибаюсь? поклонился онъ мнѣ.

— Мое имя Ричмондъ.

Онъ опять поклонился, извиняясь, заговорилъ о представленіи и подалъ знакъ дамѣ сидѣвшей въ ложѣ противъ насъ. Я видѣлъ что она что-то пишетъ на клочкѣ бумаги; она позвала рукой незнакомца, онъ отошелъ отъ насъ и вскорѣ затѣмъ вручилъ мнѣ свернутую записочку. Она была слѣдующаго содержанія: „Миссъ Гудвинъ (по имени Клара) весьма желаетъ знать что̀ подѣлывалъ мистеръ Гарри Ричмондъ съ тѣхъ поръ какъ оставилъ Венецію?“

Я пробрался черезъ множество недовольныхъ ногъ, стараясь на пути къ ея ложѣ живо припомнить ее, но мнѣ едва удалось припомнить ее сколько-нибудь, пока я не просидѣлъ подлѣ нея пяти минутъ. Полковникъ Гудвинъ спалъ въ углу ложи. Пробужденный звукомъ роднаго языка, онъ тотчасъ же узналъ меня.

— Вы на пути къ отцу? сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку.

Я изумился какъ онъ угадалъ это.

— Вы знаете гдѣ онъ? спросилъ я.

— Мы его видѣли. Когда, бишь, Клара? Съ недѣлю или дней десять тому назадъ.

— Да, сказала миссъ Гудвинъ.—Мы объ этомъ еще поговоримъ.

И она принялась толковать о моей наружности, приступала ко мнѣ съ вопросами, а на мои не отвѣчала.

Я привелъ Темпля въ ложу чтобы представить его. Потомъ насъ познакомили съ капитаномъ Малетомъ, который подходилъ ко мнѣ въ партерѣ.

— Такъ вы, стало-быть, знаете по-нѣмецки? спросила миссъ Гудвинъ.

Она изумилась, когда мы отвѣчали ей что знаемъ одно только слово *ja*. Наше появленіе въ Германіи становилось непонятнымъ.

— Это самое опасное слово изъ всѣхъ, сказалъ полковникъ Гудвинъ и просилъ насъ всегда послѣ него твердить *nein*, какъ противоядіе.

— Вы видѣли моего отца? шепнулъ я миссъ Гудвинъ.—

Мы давно разлучены. Пожалуста, разкажите мнѣ все про него. Не глядите на сцену; они тамъ такія глупости говорятъ. Какъ вы меня вспомнили? Какъ я счастливъ что встрѣтился съ вами! О! Я не забылъ Венеціи. Съ отцомъ мы вскорѣ затѣмъ разстались, и я не видалъ его съ тѣхъ поръ.

Она коснулась руки отца.

— Сейчасъ, если тебѣ угодно, сказалъ онъ, вскакивая на ноги.

— Вы въ Германіи его видѣли? приставалъ я. Она серьезно кивнула головой и слегка опершись на мою руку, пока шли мы изъ театра въ ея гостиницу. Я былъ въ такомъ восхищеніи, смѣшанномъ съ изумленіемъ и нетерпѣніемъ, что громко закричалъ бы, еслибы не гордился слишкомъ своею дамой. За ея чайнымъ столомъ я разказалъ всѣ свои приключенія съ того времени какъ разстались мы въ Венеціи, торопясь сколько возможно и заключилъ жаднымъ восклицаніемъ:—Ну, теперь вы разкажите!

Имъ почему-то видимо не хотѣлось исполнить съ своей стороны договоръ нашъ. Миссъ Гудвинъ поглядѣла на капитана Малета. Онъ раскланялся. Затѣмъ она сказала:

— Какъ я рада что вы бросили это противное имя Рой. Мы съ папенькой часто объ васъ говорили. Особенно въ послѣднее время. Я хотѣла писать вамъ, Гарри Ричмондъ. И написала бы, какъ только мы вернулись бы въ Англію.

— Надо вамъ знать, сказалъ полковникъ,—что я охотникъ осматривать крѣпости, и моей бѣдной Кларѣ приходится странствовать со мной по Европѣ, собирая новѣйшія открытія по артиллеріи и другія свѣдѣнія, за которыя начальство и не думаетъ благодарить меня, но все же я служу по своему странѣ моей, пока оружіе ржавѣетъ въ покоѣ. Мы теперь направляемся домой чрезъ Парижъ. Надѣюсь что вы и другъ вашъ будете намъ сопутствовать. Я повидаюсь съ этимъ капитаномъ Вельшемъ предъ отъѣздомъ. Клара, ты сегодня опять доказала свой необыкновенный инстинктъ, потащивъ меня въ театръ.

Я напомнилъ Миссъ Гудвинъ что отецъ мой въ Германіи.

— Да, онъ при одномъ дворѣ, очень далеко отсюда, сказала она постѣпно. Такъ вы случайно попали на купеческое судно. Вы одинъ изъ людей предназначенныхъ къ необыкновеннымъ приключеніямъ. Признайтесь, вы не узнали

бы меня. Это просто чудо что я встрѣтилась съ маленькимъ другомъ моимъ Гарри; уже не маленькимъ теперь, а все-таки другомъ моимъ, неправда ли?

Я съ жаромъ отвѣчалъ утвердительно.

Она прибавила очень вкрадчиво:—Такъ поѣдемте съ нами! Докажите что вы вѣрите нашей дружбѣ!

Въ отчаяніи я воскликнулъ:—Но надо же, надо мнѣ непремѣнно услышать объ отцѣ!

Она поглядѣла въ нерѣшительности на полковника.

— Конечно! сказалъ онъ, и принялся хвалить любящаго сына.—Клара поговоритъ съ вами. Я иду спать. Какъ зовутъ льесу которую мы видѣли сегодня? Да, Струензе. Мы не видали плахи.

Онъ пожелалъ намъ покойной ночи, назначивъ встрѣтиться на другой день за завтракомъ, и приказалъ приготовить намъ постели въ гостиницѣ.

Миссъ Гудвинъ начала:—Да вѣдь мнѣ право нечего разсказывать вамъ, или очень мало. Вы знаете, у папеньки всюду знакомства; мы все равно что жители материка, говоримъ на разныхъ языкахъ, я сама почти сдѣлалась иностранкой, такъ много живемъ мы за границей. Но я думаю что мальчикамъ слѣдуетъ воспитываться дома. Надѣюсь, вы поступите въ англійскій университетъ.

Замѣтивъ огорченное выраженіе лица моего, она сказала съ такимъ движеніемъ, будто чувствовала боль въ бровяхъ:—мы видѣли его при дворѣ принца Эппенвельцена. Съ нимъ тамъ очень ласковы. Онъ былъ тамъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Это къ Ганноверу, далеко отсюда. Онъ мнѣ сказалъ что вы у своего дѣдушки. Мнѣ хочется видѣть Риверсли. Свезите меня туда. Вамъ вѣрно надо будетъ мириться съ дѣдушкой, можетъ-быть я помогу вамъ и окажусь настоящею Перибану. Мы ѣдемъ чрезъ Амстердамъ, Гагу, Брюссель, Парижъ, прямо въ Лондонъ. Какъ вы однако непостоянны: вы ни разу не назвали меня Перибану.

Ея болтовнѣ удалось отклонить мои вопросы прежде чѣмъ я успѣлъ сложить ихъ. Я переходилъ смутно отъ одной мысли къ другой, то думая о темнокрасномъ Бенчѣ, то о дворѣ германскаго принца.

— Вы сегодня больше ничего мнѣ не скажете? спросилъ я когда она остановилась.

— Право мнѣ нечего больше говорить вамъ, увѣряла она.

Мнѣ стало ясно что она присоединилась къ таинственному заговору противъ моего отца. Я началъ чувствовать удушье въ горлѣ. Я поблагодарилъ ее и пожелалъ ей доброй ночи пока еще былъ въ силахъ улыбаться. Въ слѣдующее свиданіе полковникъ Гудвинъ говорилъ со мной о моихъ странствіяхъ. Я въ такихъ лѣтахъ, говорилъ онъ, что долженъ самъ понимать свои выгоды. Конечно сыновняя любовь вещь прекрасная, но въ сущности весьма сомнительно находится ли еще отецъ мой при дворѣ этого принца. Онъ собирался посѣтить Англію, чтобы повидаться съ сыномъ, я могу разъѣхаться съ нимъ, гоняясь за нимъ по Германіи. Сверхъ того, не огорчаю ли я дѣда и тетку, которымъ такъ многимъ обязанъ? Они заслуживаютъ всю теплоту моей привязанности. Теперь именно совершается поворотъ въ моей судьбѣ. Рѣшительно не поведетъ ни къ чему хорошему если я явлюсь къ принцу, и встрѣча съ отцомъ доставитъ мнѣ только горе.

— Вы конечно понимаете всю цѣну хорошаго воспитанія, заключилъ онъ.—Подъ присмотромъ дѣда предъ вами открывается карьера, въ виду у васъ прекрасное состояніе, все чего только можетъ желать молодой человѣкъ. И скажу вамъ откровенно, вы рискуете лишиться всего этого, упорно гоняясь за вашимъ отцомъ. Дайте себѣ время подумать хорошенько.

— Я уже подумалъ! воскликнулъ я.—Я выѣхалъ его отыскивать и отыщу!

Полковникъ повторялъ свои доводы и увѣренія, пока не утомился. Я безпрестанно благодарилъ его за его доброту. Клара Гудвинъ съ необыкновенною настойчивостью умоляла меня ѣхать съ ней въ Англію; называла себя Перибану и этимъ именемъ вызвала предъ моимъ воображеніемъ живой образъ отца. Она говорила, какъ говорилъ полковникъ, что теперь мнѣ предстоитъ рѣшить мою будущность; выражала опасеніе что я попаду въ бѣду отъ упрямаго своеволія, въ которомъ видѣла искреннюю, но безразсудную привязанность. Она говорила что должно-быть сама судьба свела ее со мной, чтобы дать ей случай оказаться истиннымъ другомъ, двадцати-шестилѣтней Перибану, которая не будетъ требовать чтобъ я женился на ней, когда заслужитъ мою признательность.

Натравили на меня Темпля. Это было очень смѣшно.—Послушай, Ричи, говорилъ онъ,—вѣдь въ самомъ дѣлѣ всему бываетъ конецъ. Отецъ твой знаетъ что ты въ Риверсли, и пріі-

ѣдетъ къ тебѣ, когда будетъ время. Подумай что дѣлается со сквайромъ.

Я не могъ слушать его безъ смѣха. Ему хотѣлось вернуться домой, или по крайней мѣрѣ въ Риверсли. Я предложилъ его въ спутники миссъ Гудвинъ.

Она пеняла мнѣ; ласкала меня. Она была очень нѣжна.—Ну, сказала она со страннымъ смиреніемъ,—останьтесь по крайней мѣрѣ одинъ день съ нами. Неужели вы мнѣ въ этомъ откажете? Я согласился. Она и не подозрѣвала чего мнѣ это стоило. Мы пошли осматривать лавки и зданія. Я купилъ два легкихъ мѣшка, чтобы привязать за плечи, двѣ ночныя рубашки, зубныхъ щетокъ, карманныхъ гребней и большую карту Германіи. Настойчивыми просьбами я заставилъ ее указать мнѣ владѣнія принца Эппенвельценъ Саркельдъ.—Доходовъ у него нѣсколько меньше чѣмъ у вашего дѣдушки, другъ Гарри, замѣтила она. Я глядѣлъ на это мѣсто такъ долго и пристально что наконецъ могъ бы зажмурясь указать его пальцемъ.

Два-три генеральныхъ сраженія привели насъ къ дружескому соглашенію. Полковникъ взялъ съ меня обѣщаніе что если я увижу отца въ Саркельдѣ, то останусь съ нимъ не долѣе семи дней, а если его тамъ нѣтъ, то поѣду домой тотчасъ же. Когда я скрѣпилъ это обѣщаніе честнымъ словомъ, онъ представилъ меня одному банкиру, который взялся выдать мнѣ денегъ для поѣздки въ Англію, если потребуется. Дилижансъ долженъ былъ довезти меня до окрестностей Саркельда. Я написалъ письмо тетушкѣ Дороти, сообщая ей факты, и другое сквайру, которое начиналось такъ:—„По пріѣздѣ въ Лондонъ мы были захвачены самымъ густымъ туманомъ какой случался на памяти человѣческой,“ какъ будто напередъ было рѣшено и извѣстно что мы съ Темплемъ ѣдемъ изъ Риверсли въ Лондонъ. Миссъ Гудвинъ взялась доставить мои письма. Она сказала послѣ обѣда, часа за два до отхода дилижанса:—Не сходить ли вамъ проститься съ капитаномъ судна на которомъ вы пріѣхали. Я попался въ западню на столько что пошелъ на набережную и отыскалъ корабль. Но въ немъ представилась мнѣ тюрьма моя. Я послалъ поцѣлуй мачтамъ капитана Вельша, не безъ насмѣшки, но и не безъ уваженія къ нему. Миссъ Гудвинъ съ удивленіемъ подняла брови, когда мы появились снова. Но она не призналась въ своемъ предательствѣ; я не сталъ уличать ея, и можетъ-быть вслѣдствіе

угрызенія совѣсти, она, прощаясь, привлекла меня къ себѣ такъ близко, что поцѣлуй воспослѣдовалъ самъ собою.

Двадцать четыре нѣмецкихъ слова, необходимыхъ для путешественника по Германіи, составляли все наше знаніе языка. Они были написаны на бумажкѣ рукой Миссъ Гудвинъ. Пріятно было учить эти слова, сидя во мракѣ дилижанса между Нѣмцами такого роста къ какому даже Тацитъ не приготовилъ меня, безпрерывно обкуривающими насъ со всѣхъ сторонъ. Мы съ Темплемъ передавали другъ другу бумажку каждые полчаса, пока было видно. Когда стемнѣло, ничто уже не помогало намъ бороться съ ощущеніемъ что мы заключены въ кучѣ навоза: окна были затворены, табачный дымъ густѣлъ, отъ шкуръ въ которыя кутались наши громадные спутники поднимались испаренія; поврменамъ огонь мерцалъ въ трубкахъ; всѣ молчали и только безпрерывно испускали изъ себя дымъ и жаръ, какъ неодушевленныя силы природы. Мнѣ приходили самыя фантастическія мысли: что я посаженъ въ грядку и зрѣю, и что вотъ, вотъ голова моя отвалится; что я укорененъ глубоко въ твердомъ грунтѣ земли. Но незачѣмъ передавать эти мысли, въ нихъ сказывались лишь физическія мои страданія. При появленіи тусклаго свѣта, когда уже я пересталъ на него надѣяться, мы казались преступниками неудачно повѣшенными или несчастными утопающими въ замкнутой каютѣ подъ водой. Одинъ колоссъ привалился къ моему плечу. Темпль былъ задавленъ; лицо его, выглядывавшее изъ-подъ груды медвѣжьяго мѣха, изображало оцѣпенѣлое изумленіе. Снаружи талый снѣгъ лежалъ на высокихъ холмахъ; надъ нами висѣли синевато-сѣрыя облака; мы ѣхали по долинѣ среди сосноваго лѣса.

ГЛАВА XV.

Мы встрѣчаемъ въ лѣсу прекрасную дамочку.

Большія чашки горячаго кофе съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ возвратили намъ силы въ лѣсной гостиницѣ. Нѣсколько минутъ послѣ воспріятія этой пищи мы съ Темплемъ разговаривали, обмѣниваясь клубами пара, но скоро впали снова въ оцѣненѣніе. Трубки снова закурились. Рѣчи раздававшіяся вокругъ казались намъ языкомъ утесовъ и скалъ и вырван-

ныхъ съ корнями деревъ, языкомъ пирующихъ обжоръ. Слово *ja* безпрерывно звучало отовсюду словно скрипучая дверь. Пухлыя дѣти, неуклюжіе муцины, съежившіяся старухи, со сморщеннымъ, точно испеченнымъ лицомъ, виднѣлись повременамъ въ селеніяхъ. Мы замѣтили одного мальчика сидящаго на камнѣ рядомъ съ собакой: они поочередно откусывали куски пирога, который мальчикъ держалъ обѣими руками. Насъ занималъ вопросъ хватала ли иногда собака больше чѣмъ приходилось на ея долю. Это былъ для нея урокъ доброприличнаго поведенія, и сидя за обѣдомъ съ нашими спутниками, мы пожалѣли что они не воспользовались подобными же уроками. Они питались уткнувъ головы въ тарелки, громко жевали и брызгались кругомъ, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, такъ что намъ досталась Лазарева часть. Однако они были очень добры и позволили разостлать у нихъ на колѣняхъ часть моей большой карты Германіи, пока мы съ Темплемъ въ дилижансѣ разсматривали по ней теченіе рѣкъ. Одинъ тыкалъ толстымъ пальцемъ въ названіе какого-нибудь города и произносилъ его; другой училъ насъ произношенію гласныхъ со смягченіемъ ихъ, причемъ намъ представлялось будто намъ преподаютъ пріемы какъ взять въ ротъ яйцо и потомъ обнаружить въ этомъ раскаяніе. „Саркельдъ!“ воскликнули мы оба, и они выразили рукой скаканіе лошади, указывая на отдаленныя горы. Саркельдъ оказывался то справа, то слѣва, смотря по поворотамъ дороги. Саркельдъ очутился впереди, когда кондукторъ, согласно даннымъ ему наставленіямъ, пригласилъ насъ выйти изъ дилижанса и идти чрезъ этотъ безконечный сосновый лѣсъ. Сначала рука его выражала скаканіе, потомъ спускъ, далѣе виноградники и наконецъ возвышеніе, у подножія котораго лежитъ Саркельдъ. Пантомима была не дурна. Мы махнули рукой дилижансу на прощаніе, бодро отправились въ путь, съ сумками за спиной, и вступили въ поросшую соснами долину среди горъ, задавая себѣ вопросъ: кажется ли солнце чужимъ на чужой сторонѣ?

— Да, кажется, сказалъ Темпль. Такъ думалъ и я; но не соглашался, потому что надѣялся увидѣть отца въ эту же ночь и радостно привѣтствовать Аполлона по утру. Надежда укрѣплялась во мнѣ по мѣрѣ того какъ члены мои приходили въ движеніе. Прекрасные водопады темно-блестящей воды низвергались въ долину. Мы гнались за невидимою дичью. Вдругъ одинъ изъ насъ воскликнулъ: „мы въ нѣмецкомъ лѣсу!“ и мы

приломнили мрачные разказы объ этихъ лѣсахъ, о ихъ грозныхъ замкахъ, баронахъ, рыцаряхъ, дамахъ, длиннобородыхъ карликахъ, гномахъ и привидѣніяхъ. Я тотчасъ же началъ разказывать легенду.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ Темпль, удерживая меня.

— Назовемъ это мѣсто устьемъ Гадеса. Отъ греческихъ ловѣрій не становится жутко.

Я засмѣялся громче чѣмъ слѣдовало, и замѣтилъ что никогда не имѣлъ я ко всему греческому такого пристрастія какъ на суднѣ капитана Вельша.

— Именно потому что онъ тянулъ совсѣмъ въ другую сторону, я постоянно и ввертывалъ цитаты, сказалъ Темпль.—Я бывало читалъ съ отцомъ по праздникамъ, а тебя подготовилъ какъ слѣдуетъ твой достолочтенный Симонъ; ну, дѣло-то и шло. Мы не можемъ упрекнуть себя что надували капитана относительно нашихъ знаній.

— Нѣтъ, и я этому очень радъ, сказалъ я. Темпль продолжалъ:

— Что бы ни случилось, все ничего, пока можешь сказать себѣ: я поступалъ какъ честный человѣкъ. А эти нѣмецкія сказки, онѣ только тебя разстраиваютъ. Не видишь причины. За что человѣка преслѣдуютъ привидѣнія полжизни? Ну, положимъ, онъ совершилъ преступленіе. Ну, а если не совершилъ, развѣ нельзя пройти по старому замку, или по лѣсу, не встрѣтивъ привидѣній?

Туманная картина чужой земли дѣйствовала на Темпля. Она дѣйствовала и на меня. Я сталъ выбивать клинъ клиномъ.

— Вообрази что эти сосны шелчутъ: „вотъ опять идутъ двое“, Темпль. Ну, и вообрази карлика шириной въ мой ростъ, а вышиной мнѣ по плечо. Однажды онъ встрѣтился съ самою хорошенькою дѣвушкой во всей странѣ, и она обѣщала выйти за него замужъ черезъ двадцать лѣтъ, за мѣшокъ драгоцѣнностей, на которыя можно бы купить всю Германію и половину Англіи. Представь какъ она тащила ихъ домой. Люди принимали ихъ за уголь. Она вышла замужъ за любимаго человѣка, и двадцать лѣтъ прошло, и какъ только пробилъ часъ въ который встрѣтилась она съ карликомъ, тысячи колокольчиковъ зазвенѣли по лѣсу, и мужъ ея вскричалъ: что это значитъ? Они поѣхали въ лѣсъ, и вотъ вѣнокъ свѣжихъ цвѣтовъ упалъ ей на голову, и золотое кольцо замкнулось вкругъ ея пальца и... смотри, Темпль! Смотри!

— Что такое? спросилъ милый малый, озираясь весьма вни-

мательно, ибо примѣшавъ мою нелѣпую исторію къ мраку мѣстности, я возмутилъ хладнокровіе его наружности, какъ возмущается гладкая поверхность озера, если бросить въ нее камень.

Мы обогнули скалистый уголъ долины слегка ускореннымъ шагомъ, въ мертвомъ молчаніи. Мы вышли опять на дневной свѣтъ, и вздохнули свободнѣе и смѣялись другъ надъ другомъ, и увидѣвъ домъ обвитый золотистымъ виноградомъ, похвалили выразительную пантомиму кондуктора. Представлялся случай напиться вина, но мы предпочли воду, и выпили за здоровье *Присциллы* ладонями изъ ручья, журчавшаго словно шелестъ осиновыхъ листьевъ и пріятно напомнившаго мнѣ журчаніе Риверслійскихъ ручьевъ.

Въ виду было нѣсколько возвышенностей, частію лѣсистыхъ, частію обнаженныхъ. Мы выбрали ближайшую чтобы посмотрѣть на закатъ солнца, и единодушно рѣшили что онъ не похожъ на англійскіе закаты, хотя и не такъ страненъ какъ тотъ который мы приняли за восхожденіе на *Присциллъ*. Холмистая зеленая страна, гдѣ лѣсные склоны смѣнялись лужайками, тянулась къ западу; а западъ пылалъ надъ нею ярко-желтымъ, а потомъ темно-багровымъ свѣтомъ.—Гляди на самое солнце, сказалъ мнѣ Темпль, оно такое же какъ въ Англіи. Дѣйствительно, глядя на окружность свѣтила мы могли вообразить себя дома; но едва зашло оно за гору, какъ это чувство въ насъ исчезло. Цвѣтныя облака отогнали далеко воспоминанія родины.

Башня на отдаленной горѣ, бѣлѣвшая среди сосенъ, навела насъ на предположеніе что Саркельдъ лежитъ гдѣ-нибудь подъ тою горой. Поэтому мы, не возвращаясь къ дорогѣ, стали смѣло спускаться къ городу по крутой тропинкѣ. Недавнія событія убѣдили меня что само Провидѣніе руководитъ мною въ поискахъ за отцомъ. Я пробирался въ Бенчъ, и не попалъ; я увезенъ былъ за море, и столкнулся съ друзьями, которые его видѣли и могли сказать мнѣ что я безсознательно попалъ на настоящій слѣдъ, по которому теперь уже сознательно иду.

— Иди по тропинкѣ, сказалъ я, когда Темпль остановился для совѣщанія.

— Такъ шли мы и въ Лондонскомъ туманѣ, отозвался онъ нѣсколько мрачно.

— А развѣ не добрались мы благополучно сюда, отвѣтилъ я и заставилъ его замолчать.

Настала темная ночь. Каждое возвышеніе представлялось намъ развалиной, каждое углубленіе бездной. Становилось страшно темно, но тропинка намъ не измѣняла, и мы надѣялись: вотъ, вотъ еще полчаса, и предъ нами заблестятъ огни Саркельда, и мы примемся громко стучаться въ дверь какой-нибудь гостиницы, требуя ночлега и ужина. Я слышалъ какъ Темпль твердитъ нѣмецкія слова, пока пробирались мы по тропинкѣ: „Brod, Butter, Wasser, Fleisch, Bett“; потомъ: Brod, Wasser, Bett; а наконецъ одно только Bett, явное уже доказательство его усталости. Наша тропинка часто принимала характеръ водомоины, и спускаться по ней было особенно утомительно, ибо когда идешь въ гору, болѣе всего страдаютъ колѣни, а они для пѣшехода не такъ важны какъ лодыжки и щиколки, которыя на спускѣ рискуешь вывихнуть. Я шелъ по болѣе ровному мѣсту, наклонивъ голову впередъ и закрывъ на половину глаза, какъ вдругъ отблескъ огня въ ручьѣ подъ моими ногами заставилъ меня взглянуть наверхъ. Башня которую мы замѣтили на закатѣ солнца стояла надъ нами вся освѣщенная. Благоразуміе заставляло прилисать свѣтъ этотъ факеламъ, но суевѣріе подсказывало намъ другое, нелѣпое толкованіе, пока не разглядѣли мы множества людей съ раскрасившимися лицами.

— Разбойники! воскликнулъ одинъ изъ насъ; но оба мы подумали:—Нѣтъ, разбойники не стали бы такъ собираться на высотѣ. Мы рѣшились подняться на верхъ и просить ихъ помощи.

Насупротивъ башни, сложенной изъ бѣлаго мрамора, высокая палатка была разбита на зеленой площадкѣ окруженной на половину соснами. Факелы были воткнуты въ трещины деревъ, въ промежутки сучьевъ, кругомъ стояли мальчики съ факелами; подъ палаткой очевидно усердно работали люди. Мы слышали тяжкое дыханіе землекоповъ. Позади факельщиковъ стояла длинная повозка, запряженная двѣнадцатью лошадьми. Всѣ люди казались слишкомъ заняты для болтовни и смѣха. Что тамъ дѣлалось подъ палаткой? Видя что одинъ мальчикъ повременамъ приподнимаетъ край палатки, мы осмѣлились послѣдовать его примѣру, чтобъ удовлетворить наше любопытство. Тамъ стояла бронзовая лошадь, поднявшаяся на дыбы. Рабочіе врывали въ землю ея пьедесталъ.

Удовлетворивъ любопытство, мы стали совѣщаться о нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Весьма трудно добывать себѣ

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1871 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоитъ въ 1871 году въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **тринадцать рублей пятьдесятъ коп.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **пятнадцать рублей.**

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—16 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—17 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую и Азіятскую Турцію—18 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—19 р. 50 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ П. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1871 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1871 годъ, съ казенными объявленіями и еженедѣльными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, **двѣнадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **пятнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ.

1871

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ПОСОЛЬСТВО ВЪ ХИВУ И БУХАРУ ПОЛКОВНИКА ИГНАТЬЕВА ВЪ 1858 ГОДУ. Н. Г. Залѣсова.

II. НА НОЖАХЪ. Романъ. Часть третья. Гл. I—V. Н. С. Лѣскова. (Стебницкаго.)

III. ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Эпизодъ второй. Барона Ѳ. А. Бюлера.

IV. ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ПАРИЖА.

V. БѢСЫ. Романъ. Часть первая. Гл. III—IV. Ѳ. М. Достоевскаго.

VI. МОСКОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ НАЧАЛА XVIII ВѢКА И СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ. Гл. III—IV. Н. С. Тихонравова.

VII. НЕОБЫЧНЫЙ СЛУЧАЙ. Разказъ. Н. Боева.

VIII. ЛЕЙБЪ-КАМПАНЕЦЪ. Разказъ. Г. П. Данилевскаго.

IX. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СЕРБСКОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ. А. И. Лебедева.

X. НИНЕВІЯ И ВАВИЛОНЪ. Изъ чтеній Ваттенбаха.

XI. ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ ГЕРЦЕНА. Д.

XII. НОВЫЯ КНИГИ. I. *Историческія Письма*, П. Л. Миртова. II. *Исторія Императорской Академіи Наукъ*, П. Пекарскаго. П. Щ.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГАРРИ РИЧМОНДА. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. XVI—XIX.

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1871 году стоитъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ *.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. **, и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р. ***.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

---

* ** *** Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почтѣ 10% подписной цѣны (безъ доставки), и сверхъ того за бандероль и печатный адресъ, при подпискѣ на годъ 15 к., на полгода 30 к., на 3 мѣсяца 26 к.

	Р.	К.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	16	—
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію	17	—
Въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую и Азіятскую Турцію.	18	50
Въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты . . .	19	50

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Желающіе пріобрѣсти *Русскій Вѣстникъ* за прежніе годы, могутъ покупать его въ конторѣ Университетской типографіи или выписывать его изъ редакціи по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

Отдѣльно за каждый годъ.	Съ перес.	Безъ перес.
За второе полугодіе 1857 года 12 книгъ	5 руб.	4 р. 25 коп.
„ 1858 годъ . . . . . 24 книги	10 „	8 „ 50 „
„ 1859 „ . . . . . 24 „	10 „	8 „ 50 „
„ 1860 „ . . . . . 24 „	10 „	8 „ 50 „
„ 1861 „ . . . . . 12 книгъ	8 „	6 „ 50 „
„ 1862 „ . . . . . 12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1863 „ . . . . . 12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1864 „ . . . . . 12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1865 „ . . . . . 12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1866 „ . . . . . 12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1867 „ . . . . . 12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1868 „ . . . . . 12 „	8 „	6 „ 50 „
„ 1869 „ . . . . . 12 „	8 „	6 „ 50 „

За нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ.	Съ перес.	Безъ перес.
За два года, какіе угодно	15 р.	12 р. — к.
„ три года	22 „	17 „ 50 „
„ четыре года	28 „	22 „ — „
„ пять лѣтъ	33 „	25 „ 50 „
„ шесть лѣтъ	37 „	28 „ — „
„ семь „	40 „	29 „ 50 „
„ восемь „	43 „	31 „ — „
„ девять „	46 „	32 „ 50 „
„ десять „	49 „	34 „ — „
„ одиннадцать лѣтъ.	52 „	35 „ 50 „
„ двѣнадцать „	55 „	37 „ — „
„ двѣнадцать съ половиною лѣтъ . .	56 „ 50 к.	37 „ 75 „

Иногородные адресуютъ свои требованія въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Гг. книгопродавцамъ дѣлается уступка: съ пересылкой 5%, безъ пересылки 10%.

Тутъ же отпускаются и отдѣльныя книжки *Русскаго Вѣстника*, для пополненія разрозненныхъ годовыхъ экземпляровъ, за второе полугодіе 1857 года, за 1858, 59 и 60 годы по 40 к. за книжку безъ пересылки, а съ перес. по 50 к., и за 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68 и 69 годы по 60 к. за книжку безъ пересылки, а съ пересылкой по 75 коп. За 1870 и текущій 1871 годъ отдѣльныя книжки отпускаются по 1 руб. 50 коп. за книжку.

ПОСОЛЬСТВО
ВЪ ХИВУ И БУХАРУ
ПОЛКОВНИКА ИГНАТЬЕВА
ВЪ 1858 ГОДУ

I.

Въ статьяхъ о сношеніяхъ Россіи съ государствами Средней Азіи, помѣщенныхъ нами въ *Военномъ Сборникѣ* 1861, 1863 и 1866 годовъ, мы разказали какъ безплодно кончилось дипломатическое порученіе Бутенева въ Бухарѣ и какихъ результатовъ добились въ 1841—42 годахъ отъ Хивы миссіи Никифорова и Даниловскаго. Прошло шестнадцать лѣтъ, не разъ въ продолженіи этого времени появлялись внезапно предъ кордонами Оренбургской линіи посыльные люди владѣтелей Турана, представляли своихъ аргамаковъ и шали; случалось доѣзжали до Петербурга, чтобъ излить и тамъ, въ сотый разъ, цвѣты восточнаго краснорѣчія, и затѣмъ, нагрузившись подарками, преблагополучно возвращались восвояси, не принеся никакой пользы русскому дѣлу въ Средней Азіи.

Наступилъ 1857 годъ, до сосѣдей нашихъ дошли слухи о вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя, и вотъ 20го іюля является въ Оренбургъ хивинскій посланецъ Фазиль-Ходжа-Ислямъ-Ходжинъ, съ двумя аргамаками прислан-

ными въ даръ къ Высочайшему двору, и свитой изъ 16 человѣкъ. Посланцу наняли квартиру и назначили содержанія по 2 руб. въ сутки, почетнымъ Хивинцамъ по 75, а простымъ по 25 копѣекъ на человѣка.

Не успѣли еще порядочно опомниться въ Оренбургѣ отъ пріема этихъ гостей, какъ пришло новое донесеніе изъ Орской крѣпости о прибытіи туда, 10го августа, бухарскаго посланца миръ-ахура (оберъ-шталмейстера) Мулладжанъ Ашурбаева, съ четырьмя аргамаками и 40 человѣками свиты. И кого только не было въ этой свитѣ! Тутъ находились и комендантъ бухарскаго двора, совѣтникъ и секретари посольства, адъютанты, походные полицеймейстеры, стража, конюхи и даже флейтистъ, барабанщикъ, швейцаръ и четыре камердинера, словомъ все что̀ угодно. Доставили и эту компанію въ Оренбургъ, наняли домъ и назначили содержанія: посланцу по 2 руб., коменданту двора и совѣтнику по 1 р. 25 к., восьми почетнымъ лицамъ по 50, а остальнымъ по 25 к. въ сутки; на лошадей же приказано отпускать ежедневно по два гарнца овса и по 20 фунт. сѣна на каждую.

Отдохнувъ послѣ дальняго пути, посланцы принялись по старому просить чтобъ ихъ немедленно отправили къ Высочайшему двору для личнаго представленія данныхъ имъ грамотъ отъ владѣтелей Хивы и Бухары, и писемъ отъ разныхъ своихъ сановниковъ, заявивъ при этомъ что цѣль ихъ посольства заключается въ принесеніи поздравленія Государю съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ. Въ грамотѣ Хивинскаго хана дѣйствительно кромѣ означеннаго порученія ничего и не говорилось, но за то во всѣхъ письмахъ лицъ хивинскаго правительства выражалось желаніе о назначеніи рѣки Сыръ-Дарьи границей между Хивинскимъ владѣніемъ и Русскимъ государствомъ.

Не такова была грамота владѣтеля Бухары. Выразивъ вначалѣ соболѣзнованіе о кончинѣ императора Николая Павловича и поздравивъ со вступленіемъ на престолъ Его Преемника, эмиръ счелъ необходимымъ увѣдомить тутъ же о своихъ побѣдахъ въ Шахрисябзѣ, и съ важностію могущественнаго государя извѣстить о занятіи небольшихъ городковъ этого владѣнія, лежащихъ, какъ извѣстно, на пространствѣ 10—15 квадратныхъ верстъ; въ заключеніе было высказано желаніе видѣть въ Бухарѣ русскаго посла. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести вполнѣ этотъ любопытный доку-

кетъ въ приложеніи къ этой статьѣ,* какъ образецъ восточнаго краснорѣчія и хвастливости. Такого же характера были письма сановниковъ бухарскихъ, хотя и болѣе краткаго содержанія.

Чтобы познакомиться поближе съ самыми посланцами, будетъ не лишнее сказать объ нихъ нѣсколько словъ. Къ сожалѣнію, документы того времени говорятъ очень мало о хивинскомъ послѣ: извѣстно только что онъ былъ крайне скупъ на разговоры. Что же касается бухарскаго посланнаго, то вотъ что писалъ о немъ знатокъ восточныхъ народовъ В. В. Григорьевъ въ азіятскій департаментъ: „Мулладжанъ Ашурджановъ, титулуемый въ грамотѣ эмира на Высочайшее имя и въ письмахъ бухарскихъ сановниковъ миръ-ахуромъ, то-есть штальмейстеромъ, такой почетной должности при дворѣ эмира не занималъ, и титулъ этотъ получилъ вѣроятно лишь съ назначеніемъ въ посланцы къ россійскому двору; до того же времени находился въ должности миръ-шеба или ночнаго полицеймейстера города Бухары и никакимъ особымъ довѣріемъ эмира Нафуллаха не пользовался. Совѣтникъ и секретарь посольства—лица также не соотвѣтствующія тому понятію какое соединяется въ Европѣ съ обоими этими званіями: посланецъ обращается съ ними скорѣе какъ со слугами, нежели какъ съ чиновниками, имѣющими свое значеніе. На дняхъ, разсердившись на нихъ *за то что они спали когда онъ проснулся*, посланецъ собственноручно отколотилъ ихъ нагайкой, равно какъ и сына своего (коменданта бухарскаго двора)". Далѣе говоря что посланецъ очень любознателенъ и охотно вступаетъ въ разговоры о своей странѣ, г. Григорьевъ присовокупляетъ: „Скупъ же онъ, а потому должно-быть и корыстолюбивъ, подобно прочимъ Азіятцамъ; доказательствомъ чему можетъ служить то что онъ отказался сдѣлать на собственный счетъ теплое платье для свиты своей, необходимое ей по позднему времени отправленія въ С.-Петербургъ, вслѣдствіе чего шубами совѣтникъ и секретарь посольства и тулупами прислуга снабжены по распоряженію генералъ-губернатора на счетъ нашего правительства".

Таковы были лица которыя на этотъ разъ явились въ Россію представителями Хивы и Бухары.

По полученіи въ Петербургѣ донесеній о прибытіи послан-

* *Приложеніе* I.

цевъ, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о допускѣ ихъ ко двору, и 9го сентября хивинскій, а 23го октября бухарскій посланные, съ ограниченною весьма свитой, выѣхали въ Петербургъ.

Пребываніе пословъ въ столицѣ не было продолжительно. Удостоившись представленія Государю Императору, они получили отвѣтныя грамоты и письма * къ своимъ ханамъ и сановникамъ, затѣмъ насмотрѣвшись вдоволь балетовъ и другихъ диковинокъ, а главное набравъ достаточное число подарковъ, покойно вернулись въ Оренбургъ въ январѣ 1858 года. Обратный отъѣздъ посланцевъ изъ Оренбурга на родину послѣдовалъ: хивинскаго 28го февраля, а бухарскаго 24го мая.

Отвѣтомъ на эти посольства послужило со стороны Россіи снаряженіе весной 1858 года въ ханства Хиву и Бухару особой миссіи подъ начальствомъ флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества, генеральнаго штаба полковника Игнатьева, ** описаніе дѣйствій которой и составляетъ предметъ настоящей статьи.

Еще прежде чѣмъ послы успѣли прибыть въ Петербургъ, высшее правительство, а также оренбургскій генералъ-губернаторъ, одновременно пришли къ убѣжденію въ необходимости отправить въ Туранъ нашего агента. Дѣйствительно, съ 1842 года никто изъ русскихъ чиновниковъ не ѣздилъ въ Среднюю Азію. Свѣдѣнія доставленныя о ханствахъ прежними миссіями уже не могли удовлетворять современнымъ потребностямъ, и притомъ въ топографическомъ отношеніи они касались только ближайшихъ къ городамъ Хивѣ и Бухарѣ мѣстностей, не говоря почти ничего о главной артеріи Средней Азіи, такъ важной въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ, о рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Наконецъ, съ 1853 года, примкнувъ къ рѣкѣ Сыру линіей нашихъ фортовъ, мы вошли въ непосредственное сношеніе съ Хивинскимъ владѣніемъ, а между тѣмъ у насъ не только не было вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи государствъ Средней Азіи, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о территоріи Бухарскаго ханства и другихъ владѣній прилегающихъ къ верховьямъ Аму, но даже, къ крайнему сожалѣнію, мы имѣли весьма смутное понятія о мѣстности лежащей по ту сторону Сыра. Эти обстоятельства уже сами по себѣ были на столько важны чтобы заставить обратить

* *Приложеніе* II и III.

** Нынѣ генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, посолъ при его величествѣ султанѣ.

вниманіе на изученіе пограничной черты и ближайшихъ прилегающихъ къ ней, со стороны Средней Азіи, мѣстностей. Но кромѣ того стѣсненіе Азіятцами торговли нашихъ купцовъ непомѣрными пошлинами, рѣшеніе вопроса о возможности доставлять товары наши по Аму-Дарьѣ, задержка плѣнныхъ и пр., невольно вынуждали насъ еще разъ попытаться склонить владѣтелей Турана къ болѣе умѣренному и болѣе полезному для нихъ самихъ образу дѣйствій въ отношеніи Россіи.*

Придя къ такой мысли, правительство наше тѣмъ скорѣе рѣшилось привести ее въ исполненіе что получило словесныя заявленія хивинскаго посла и просьбу эмира о желаніи видѣть нашего агента въ среднеазіятскихъ ханствахъ.

Съ полученіемъ Высочайшаго повелѣнія объ отправленіи нашего агента въ ханства, въ Оренбургѣ дѣятельно начались приготовленія къ снаряженію миссіи и къ долженствовавшему произойти одновременно съ ея движеніемъ походу по степи оренбургскаго генералъ-губернатора, слѣдовавшаго для обозрѣнія Сыръ-Дарьинскаго края.

Путь миссіи былъ избранъ чрезъ бывшее Эмбенское укрѣпленіе, по западному берегу Арала и далѣе въ Хиву, Бухару, а отсюда обратно чрезъ Хиву въ Россію. Для охраненія въ походѣ по степи назначенъ особый казачій отрядъ, а для содѣйствія въ пути вдоль берега Арала и въ ханствахъ, какъ относительно перевозки тяжестей, такъ и съ цѣлію наилучшаго изученія Аму-Дарьи, въ вѣдѣніе агента поступила часть Аральской флотиліи, а потому прежде чѣмъ приступить къ подробному описанію снаряженія миссіи, скажемъ нѣсколько словъ о предоставленныхъ агенту сухопутныхъ и морскихъ средствахъ.

Въ то время степь Оренбургскаго вѣдомства, особенно западная ея половина, по которой именно пролегалъ путь миссіи, была далеко не покойна. Два года сряду предъ этимъ отряды наши неустанно гонялись здѣсь за шайкой извѣстнаго киргизскаго батыря Исета Кутебарова, и все напрасно; неуловимый сынъ степи каждый разъ откочевывалъ въ глубину Усть-Урта, куда отряды по совершенному истомленію лошадей, отъ недостатка корма и воды, не могли за нимъ слѣдовать. Въ 1858 году порядокъ вещей въ степи оставался тотъ же, а слѣдовательно миссію по необходимости нужно было оградить какимъ-нибудь конвоемъ, дабы не подвергнуть

* О томъ каковы были наши торговыя отношенія къ ханствамъ, см. *Приложеніе IV*.

наладенію Кутебарова. Въ этихъ видахъ долженствовавшій слѣдовать по одному пути съ миссіей до рѣки Эмбы, оренбургскій генералъ-губернаторъ, кромѣ назначенной для состоянія при агентѣ въ ханствахъ почетной стражи, въ числѣ 57 человѣкъ, долженъ былъ назначить ему до перваго хивинскаго населеннаго пункта изъ своего конвоя 75 человѣкъ, и сдѣлать распоряженіе чтобы рекогносцировавшій лѣтомъ этого же года западную окраину Усть-Урта, корпуса топографовъ поручикъ Скрябинъ, ко времени прохода миссіи по западному берегу Арала, направилъ поперегъ Усть-Урта на встрѣчу агента, и въ случаѣ нужды на помощь ему, летучую партію изъ 120 казаковъ. Что касается до Аральской флотиліи, то къ началу 1858 года, силы ея составляли, не считая деревянныхъ старыхъ судовъ и такихъ которые исключительно могли плавать только по рѣкѣ: 40ка-сильный желѣзный пароходъ *Перовскій*, построенный въ 1851 году, сидѣвшій съ 3.500 пудовъ груза въ водѣ 4 фута 1 д., 12ти-сильный желѣзный паровой баркасъ *Обручевъ*, 390 пуд. груза, осадка въ водѣ 2 фута 3 д., желѣзный баркасъ годный для плаванія по морю, съ грузомъ 300 пуд., и двѣ желѣзныя баржи поднимающія грузу въ морѣ до 2.500 пуд. Донося о состояніи судовъ, начальникъ флотиліи находилъ вполнѣ возможнымъ приспособить какъ пароходъ *Перовскій*, такъ и желѣзныя баржи къ морскому плаванію, сдѣлавъ имъ выдвижные кили и разныя другія улучшенія. Онъ полагалъ также все посольство съ почетнымъ конвоемъ размѣстить удобно на пароходѣ *Перовскій* и двухъ баржахъ, изъ коихъ одна должна была слѣдовать на буксирѣ парохода, и дойдя до Хивы, вернуться на Сыръ, а на пароходѣ съ другою баржей доставить посольство до Чарджуя, гдѣ, оставивъ баржу до обратнаго возвращенія миссіи изъ Бухары въ Хиву, сдѣлать въ это время рекогносцировку по Аму на пароходѣ до Балха. Указывая на трудности входа въ Аму и на происходящія отъ камышей задержки плаванія по ней до начала главнаго русла, начальникъ флотиліи тѣмъ не менѣе не сомнѣвался въ возможности провести посольство наше не только до Хивы, но даже и выше по рѣкѣ. Въ послѣдствіи мы увидимъ до какой степени всѣ эти надежды оказались несбыточными.

Снаряжая миссію, правительство не жалѣло издержекъ. Кромѣ того, самый выборъ въ начальники миссіи флигель-адъютанта Императора, не говоря уже о личныхъ достоинствахъ полковника Игнатьева, свидѣтельствовалъ о важномъ значе-

кіи русскаго посольства долженствовавшаго пріобрѣсти особую цѣну въ глазахъ азіятскихъ владѣтелей.

Составъ миссіи былъ слѣдующій: Кромѣ агента, секретарь, два переводчика, два офицера генеральнаго штаба, два офицера корпуса топографовъ, два доктора, флотскій офицеръ астрономъ, фотографъ, чиновникъ отъ генералъ-губернатора и три топографа; кромѣ того при миссіи находился чиновникъ посланный академіей наукъ для изученія восточныхъ нарѣчій, іеромонахъ слѣдовавшій въ Аральскую флотилію и студентъ С.-Петербургскаго университета, отправившійся по собственному желанію до хивинскихъ владѣній для изученія степи. Конвой миссіи, выбранный изъ отборныхъ людей, состоялъ изъ 23 конныхъ стрѣлковъ, 17 казаковъ Оренбургскаго Войска и 17 Уральскаго и 9 нестроевыхъ, съ прекраснымъ нарѣзнымъ оружіемъ, и 7 офицеровъ.

На пребываніе миссіи въ ханствахъ полагалось отъ 8—12 мѣсяцевъ, всѣмъ чинамъ ея повелѣно сохранить все содержаніе получаемое ими въ Россіи, и со дня выхода изъ Оренбурга по день возвращенія въ оный, производить такое же содержаніе изъ суммъ кибиточнаго съ Киргизовъ сбора, и кромѣ того отпускать порціонныя деньги: начальнику миссіи по 3 червонца, секретарю и чиновнику генералъ-губернатора по $1^1/_2$, драгоману, офицерамъ генеральнаго штаба, фотографу, флотскому офицеру и одному медику по 1, другому доктору и офицерамъ корпуса топографовъ по 2 руб. сер. въ сутки. Начальнику конвоя и начальнику оренбургской казачьей команды по 2 руб., переводчику и прочимъ офицерамъ конвоя по 1 р., фельдшеру и топографамъ по 50 к. въ сутки. Миссія была снабжена до хивинскихъ владѣній всѣми продовольственными припасами, въ томъ числѣ 24 пудами прессованныхъ овощей, спиртомъ и сухимъ фуражемъ на два мѣсяца; всѣ чины ея съ выходомъ изъ Оренбурга должны были получать отъ казны усиленное степное продовольствіе. Въ миссію были также отпущены разныя хозяйственныя принадлежности, астрономическіе, фотографическіе и геодезическіе инструменты, чертежные припасы, равно и съемки какъ степной мѣстности, такъ и произведенныя въ прежнее время въ ханствахъ.

Для поднятія двухъ-мѣсячнаго довольствія и фуража было нанято 220 верблюдовъ, съ платой по 6 р. въ мѣсяцъ за каждаго, и кромѣ того 110 верблюдовъ собственно для постояннаго багажа чиновъ миссіи, съ платой отъ Оренбурга до Хи-

вы по 15 р. за каждаго, съ должнымъ числомъ верблюдовожатыхъ при караванѣ-башѣ, четырехъ посыльныхъ Киргизахъ и двухъ вожакахъ.

На заготовленіе подарковъ было ассигновано 11.000 руб., на эти деньги по распоряженію азіятскаго департамента были куплены разныя вещи, къ сожалѣнію весьма мало соотвѣтствовавшія характеру и вкусу Азіятцевъ; кромѣ того миссіи было отпущено при выступленіи изъ Оренбурга: двойное жалованье всѣмъ чинамъ посольства и почетнаго конвоя и порціоны за годъ, а на наемъ верблюдовъ и вожаковъ до Хивы и на чрезвычайные и другіе расходы въ Средней Азіи 30.000 руб., а всего 74.972 руб. звонкою монетой. Въ почетный конвой отпущено по 200 патроновъ на человѣка и 20 револьверовъ съ 100 патронами для вооруженія нестроевыхъ; въ составѣ конвоя находились: портной, саложникъ, хлѣбопекъ и слесарь.

На каждыхъ двухъ чиновъ миссіи позволено было взять по одной троечной степной фурѣ, что составило вмѣстѣ съ повозками агента 11 экипажей; присоединивъ къ этому походную кузницу, фуры для больныхъ, медикаментовъ, канцеляріи и денегъ, и для конвоя семь телѣгъ, получимъ что миссія выступили въ походъ, черезъ пески Барсуки и безплодную безводную равнину Усть-Урта, съ 23 повозками и почти съ 200 лошадьми, не считая добавочнаго конвоя въ 75 человѣкъ, назначеннаго изъ отряда генерала Катенина. Дѣло доселѣ неслыханное и считавшееся до такой степени невозможнымъ что открывая въ 1839 году экспедицію противъ Хивы, генералъ Перовскій рѣшился лучше подвергнуть свои войска всѣмъ случайностямъ суровой безпощадной зимы, нежели рискнуть съ отрядомъ при которомъ находилось много лошадей и тяжестей двинуться чрезъ Усть-Уртъ лѣтнею порой.

Одновременно со снаряженіемъ миссіи дѣлались распоряженія и по приготовленію судовъ Аральской флотиліи къ плаванію по Аралу и Аму-Дарьѣ. Начальникъ флотиліи, для ближайшихъ указаній, былъ вызванъ въ Оренбургъ и потомъ въ Петербургъ. Для укомплектованія флотиліи назначено три флотскихъ и пять штурманскихъ офицеровъ изъ Балтійскаго флота и 85 матросовъ изъ Астраханской флотиліи; заказаны паруса и такелажныя вещи въ Петербургѣ, баржи вооружены каждая двумя $^1/_4$ пудовыми единорогами на американскихъ станкахъ, заготовленъ антрацитъ и проч.

Съ приближеніемъ похода выяснились болѣе точно и самыя дѣйствія флотиліи при миссіи, равно отношенія начальника флотиліи къ агенту, доселѣ остававшіяся крайне неопредѣленными. По представленію начальника флотиліи было рѣшено что „къ 5му іюня пароходъ *Перовскій*, двѣ желѣзныя баржи и желѣзный барказъ спустятся къ устью Сыръ-Дарьи. Пароходъ *Обручевъ* присоединяется къ эскадрѣ, между 12мъ и 15мъ іюля, тогда пароходъ *Перовскій* отправится съ баржами въ заливъ Чернышева. По прибытіи туда посольства, отправляется баржа съ его депешами и съ приказаніемъ пароходу *Обручевъ* и барказу идти къ Талдыкскому устью Аму-Дарьи. У сего устья они ожидаютъ пароходъ *Перовскій*. Дойдя съ посольствомъ до юго-западнаго угла моря, означенный пароходъ и баржа перейдутъ къ Талдыкскому устью.“ Разсмотрѣвъ эти соображенія, Высочайше учрежденный въ Петербургѣ особый комитетъ, между прочимъ, находилъ: „Дѣйствія флотиліи нашей на Аральскомъ морѣ неизбѣжно подвержены многимъ случайностямъ. Они будутъ зависѣть отъ того, дозволитъ ли ханъ Хивинскій подняться вверхъ по Аму-Дарьѣ и въ какое время получится это увѣдомленіе; отъ большей или меньшей глубины водъ въ устьѣ рѣки и наконецъ отъ самыхъ непогодъ на Аральскомъ морѣ. Всѣ эти условія предусмотрѣть заранѣе нельзя, а потому комитетъ полагалъ бы: съ той поры когда *Перовскій* вступитъ въ Чернышевскій заливъ, гдѣ долженъ перейти на него полковникъ Игнатьевъ съ сопровождающими его лицами, всю флотилію предоставить въ полное распоряженіе полковника Игнатьева; такъ какъ миссія наша выѣдетъ изъ Оренбурга позже чѣмъ предполагалось, то весь разчетъ и соображеніе времени которымъ первоначально руководился комитетъ подвергается совершенному измѣненію. Самое возвращеніе экспедиціи изъ Аму-Дарьи до наступленія зимы становится сомнительнымъ, а потому необходимо предоставить мѣстному усмотрѣнію флигель-адъютанта Игнатьева и капитана 1го ранга Бутакова должно ли подвергнуть флотилію случайностямъ зимовки въ Чарджуѣ или другомъ мѣстѣ бухарскихъ владѣній, или во всякомъ случаѣ вернуться до зимы въ Аральское море, и такимъ образомъ подняться по Аму-Дарьѣ на столько на сколько дозволитъ время, и всею ли флотиліей или съ однимъ пароходомъ *Обручевъ*, буде воды не спадутъ въ то время когда получится разрѣшеніе двинуться въ устья рѣки, и пароходъ *Перовскій*

не въ состояніи будетъ проникнуть въ оныя. Комитетъ во всякомъ случаѣ не можетъ не выразить при этомъ своего желанія чтобы флотилія, по мѣрѣ возможности, не раздроблялась, а держалась вмѣстѣ, чтобы она употребила всѣ старанія изслѣдовать главнѣйшее устье Аму-Дарьи и потомъ на сколько возможно самую рѣку, и во всякомъ случаѣ не подвергла непріятнымъ послѣдствіямъ нашу миссію во время пребыванія ея въ Хивѣ, какими-либо преждевременными дѣйствіями въ Аму-Дарьѣ, близь хивинскихъ владѣній." Такое положеніе комитета было Высочайше утверждено.

Мы увидимъ въ послѣдствіи что рѣшенія комитета не могли быть выполнены вслѣдствіе разныхъ недоразумѣній.

Отправляя агента въ ханства, военное министерство поручило ему собрать по возможности болѣе топографическихъ свѣдѣній, не только объ этихъ мало извѣстныхъ намъ земляхъ, но и о Киргизской степи, съемку которой приказано провѣрить. Оно предписало вести во время похода топографическій журналъ, составлять географическое и статистическое описаніе пройденныхъ странъ; собрать свѣдѣнія о старомъ руслѣ Аму въ Каспійское море, о Туркменахъ, ихъ военныхъ силахъ и отношеніяхъ къ сосѣдямъ, о дорогахъ пролегающихъ изъ ханства въ сосѣднія съ ними азіятскія страны, о военныхъ силахъ ханствъ и сосѣднихъ съ ними владѣній, въ особенности же изучить во всѣхъ отношеніяхъ рѣку Аму-Дарью.

II.

Къ концу апрѣля, лица предназначенныя въ составъ миссіи собрались въ Оренбургѣ, куда 1го мая пріѣхалъ и флигель-адъютантъ Игнатьевъ. Приготовленія къ походу шли день и ночь. Здѣсь нельзя не замѣтить о трудностяхъ снаряженія войскъ въ степь, которыя людямъ служившимъ постоянно внутри Россіи и привыкшимъ къ европейскимъ передвиженіямъ едва ли могутъ быть и понятны. Дѣйствительно, чтобы снарядить и отправить съ небольшимъ сто человѣкъ, нужно было своевременно позаботиться о самыхъ послѣднихъ мелочахъ одежды, продовольствія и передвиженія посылаемыхъ чиновъ. Генералъ-адъютантъ Катенинъ, при дѣятельной помощи всѣхъ подвѣдомственныхъ ему управленій и лицъ, и послѣ усиленныхъ трудовъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ, едва-едва могъ приготовить миссію къ походу въ половинѣ мая.

Прекраснымъ весеннимъ утромъ начался день 15го мая, и въ 8 часовъ, вся миссія уже благоговѣйно слушала путевой молебенъ на обширной равнинѣ за рѣкой Ураломъ: пронеслось послѣднее благословеніе священника, раздалась команда, и караванъ посольства длинною нитью потянулся въ невѣдомую даль, не зная навѣрно что̀ ждетъ его впереди.

Весна 1858 года особенно благопріятствовала степнымъ движеніямъ. Подножный кормъ былъ вездѣ превосходный, и первые переходы миссія сдѣлала, сопутствуемая дождями и прохладой. Осмотрѣвшись нѣсколько въ походѣ, устроивъ порядокъ движенія охраннаго своего каравана, начальникъ миссіи могъ вполнѣ предаться обсужденію своихъ будущихъ дѣйствій. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, въ Оренбургѣ чины миссіи окончательно разстались съ европейскою жизнью, съ ея обычаями и законами, затѣмъ сразу слѣдовало забыть все прошедшее и подготовить себя къ встрѣчѣ съ самымъ дикимъ варварствомъ, съ отсутствіемъ всякаго понятія о международномъ правѣ вообще и о правѣ человѣка въ особенности. Не легкій переходъ предстоялъ нашему агенту. Много надо имѣть любви къ интересамъ отечества, много самоотверженія, энергіи и молодаго, пылкаго честолюбія, чтобы промѣнять службу въ Россіи на томительный, тяжелый походъ по степямъ, на жизнь исполненную лишеній и на столкновеніе съ среднеазіятскими владѣтелями, у которыхъ игра въ жизнь и смерть человѣка есть не болѣе какъ шутка.

Кому не извѣстна исторія съ Стодардтомъ, полномочнымъ посланнымъ лорда Пальмерстона и, конечно, ни одинъ человѣкъ близко знавшій азіятскія страны не могъ поручиться чтобъ и 1858 году не свершилась такая же катастрофа со всякимъ другимъ агентомъ, какая нѣкогда постигла англійскаго резидента.

Подтвержденіемъ словъ нашихъ всего лучше можетъ служить поступокъ Бухарскаго эмира съ посланнымъ отъ генерала Черняева не далѣе какъ въ 1865—66 годахъ дипломатическимъ чиновникомъ Струве и сопровождавшими его лицами, которыхъ Бухарцы продержали болѣе полугода въ плѣну, подвергали разнымъ истязаніямъ и едва не лишили жизни, и все это дѣлалось почти въ виду русскихъ войскъ, стоявшихъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Самарканда. Въ 1858 году мы не были какъ нынѣ повелителями чуть не половины Средней Азіи, и вмѣсто многочисленныхъ баталіоновъ и укрѣпленій,

раскинутыхъ нынѣ отъ Арала до верховьевъ Нарыка и Заревшана, занимали только частичку устьевъ Сыра тремя ничтожными фортами, съ гарнизономъ въ 1½ баталіона пѣхоты съ 2—3 сотнями казаковъ.

Разумѣется все это очень хорошо зналъ агентъ и тѣмъ не менѣе принялъ на себя тяжелую миссію, посвятивъ ей свою дѣятельность. Перебирая въ умѣ всѣ возможныя случайности положенія своего въ ханствахъ, представляя всю изворотливость Азіятцевъ въ переговорахъ, полковникъ Игнатьевъ на первыхъ же переходахъ, съ бивуака у урочища Бишъ-Тамакъ, писалъ, 24го мая, директору азіятскаго департамента: * „Идучи по степи обдумываю я предстоящее мнѣ въ Хивѣ и Бухарѣ дѣло и рѣшился высказать вашему превосходительству нѣкоторыя мысли родившіяся у меня при сличеніи свѣдѣній находящихся въ Оренбургскомъ краѣ о Средней Азіи съ данною мнѣ инструкціей.... Жертвуя собою для пользы службы, не боюсь откровенности. Когда настанетъ время переговоровъ съ ханами, въ случаѣ сомнѣнія и противорѣчія мѣстныхъ обстоятельствъ съ указаніями мнѣ данными, рѣшусь на то что̀ по крайнему моему разумѣнію почту за наиболѣе для насъ выгодное и сообразнѣйшее съ общими видами министерства.“ Вопросы поднятые полковникомъ Игнатьевымъ главнымъ образомъ касались нашихъ торговыхъ сношеній съ ханствами и возможности участія нашего въ войнахъ Бухары съ Коканомъ. Мы приводимъ эту любопытную бумагу въ приложеніи, ** но не можемъ не указать здѣсь на одну мысль агента, исполненіе которой послѣдовало лишь въ послѣднее время: „Едва ли выгодно для насъ,“ писалъ полковникъ Игнатьевъ, „въ случаѣ еслибъ эмиръ Бухарскій попросилъ помощи Россіи въ войнѣ съ Коканомъ, отказать ему въ этомъ и не воспользоваться симъ случаемъ чтобы связать Сыръ-Дарьинскую линію съ Сибирскою, занявъ Туркестанъ и Ташкентъ.“ Въ отвѣтъ на это представленіе послѣдовали указанія министерства, полученныя агентомъ лишь 26го сентября, уже по прибытіи въ Бухару. Съ того же бивуака полковникъ Игнатьевъ послалъ нарочнаго къ начальнику Аральской флотиліи, капитану 1го ранга Бутакову, съ просьбой войти въ связь съ миссіей когда она при-

* *Приложеніе V.*

** *Приложеніе VI.*

будетъ къ Аралу, и именно къ заливу Чернышева, мотивируя такую просьбу слѣдующими побужденіями: „Необходимость ясно и положительно опредѣлить обоюдныя дѣйствія какъ вѣренной мнѣ миссіи, такъ и Аральской флотиліи при дальнѣйшемъ ихъ направленіи къ предѣламъ Хивинскаго ханства, и уяснить тѣ затрудненія которыя могутъ ожидать флотилію въ случаѣ входа ея въ устье Аму-Дарьи указываетъ на неотлагательную надобность въ личномъ моемъ свиданіи и совѣщаніяхъ съ вашимъ высокоблагородіемъ прежде чѣмъ мы рѣшимся на какое-либо дѣйствіе.“

31го мая миссія благополучно достигла рѣки Эмбы, пройдя со своимъ огромнымъ обозомъ въ семнадцать дней 458 верстъ. Мы имѣли уже случай замѣтить о томъ взволнованномъ состояніи въ которомъ находилась степь вслѣдствіе разбоевъ извѣстнаго наѣзднка Исета Кутебарова. Оренбургскій генералъ-губернаторъ, употребляя всѣ мѣры къ умиротворенію кочевниковъ, нашелъ наконецъ полезнымъ объявить амнистію всѣмъ бунтовавшимъ Киргизамъ и завести поэтому косвенные переговоры съ самимъ Исетомъ, съ цѣлію заставить его явиться съ повинной. Какъ ни убѣдительно дѣйствовали въ этомъ случаѣ посредники, но Исетъ, слѣдуя внушенію своей матери, сначала положительно отказался войти въ какія-либо сношенія съ оренбургскимъ начальствомъ и думалъ уже откочевать въ глубь Усть-Урта, когда неожиданно получилъ извѣстіе о движеніи миссіи подъ начальствомъ флигель-адъютанта Императора, и намѣренія его перемѣнились. Онъ рѣшился прежде свиданія съ генералъ-губернаторомъ отдать себя въ руки агента, какъ лица, по мнѣнію его, довѣреннаго у Государя, а слѣдовательно совершенно безпристрастнаго. Черта характерная и назидательная для нашихъ изслѣдователей причинъ частыхъ бунтовъ Киргизскаго народа. 4го іюня Исетъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ уже стоялъ безоружный въ палаткѣ полковника Игнатьева.

„Послѣ первыхъ привѣтствій, пишетъ агентъ, Исетъ принесъ полную покорность правительству, прося меня, какъ посланца Государя Императора, засвидѣтельствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ его покорность и готовность загладить прежнія свои вины ревностною и вѣрною службой. При этомъ онъ высказалъ мысль что, по недобросовѣстности посылавшихся доселѣ въ степь чиновниковъ и начальниковъ его преслѣдовавшихъ, онъ не могъ изъявить

имъ своего раскаянія и дожидался для сего пріѣзда въ степь человѣка который могъ бы лично засвидѣтельствовать Его Императорскому Величеству объ его покорности и вмѣстѣ съ тѣмъ поручиться въ безопасности при поѣздкѣ къ генералъ-губернатору." Такъ принесена была повинная знаменитымъ киргизскимъ батыремъ, за которымъ безполезно гонялись три года наши отряды. И этотъ недавній бунтовщикъ, не далѣе какъ черезъ четыре дня послѣ повинной, провожалъ уже нашу миссію по своимъ ауламъ съ тѣмъ гостепріимствомъ на которое такъ способны Азіятцы, далъ ей надежныхъ вожаковъ для прохода черезъ пески Барсуки, и наконецъ для сопровожденія агента въ Хиву, отдалъ ему любимаго сына, какъ доказательство предъ Хивинцами полной его покорности русскому правительству.

Дойдя 7го іюня до рѣки Чегана, начальникъ миссіи, согласно сношенію своему съ капитаномъ Бутаковымъ, выслалъ немедленно къ заливу Чернышева топографа, съ двумя вожаками, для открытія сообщенія съ флотиліей, и затѣмъ, замедливъ движеніе каравана по пескамъ, 12го числа самъ выѣхалъ на берегъ Арала, нетерпѣливо поджидая появленія судовъ.

Грандіозная картина открылась предъ чинами миссіи когда они поднялись на гору у бухты Кумъ-Суатъ: послѣ песчаныхъ, безжизненныхъ степей яркая синева Арала казалась невыразимо отрадною и поразительною. Слѣва, какъ бы въ туманѣ, виднѣлись слабыя очертанія сѣверо-восточнаго берега моря, прямо синева водъ сливалась съ горизонтомъ, справа же высился скалистый, угрюмый западный берегъ, спускаясь прихотливыми обрывами къ морю и придавая всей картинѣ своеобразный и дикій характеръ. Напрасно нѣсколько часовъ миссія простояла на берегу моря, на прекрасной синей поверхности его не отдѣлилось ни одной точки которую можно было принять за парусъ или за судно: повсюду была гладь и тишь. Оставаться долѣе у Чернышевскаго залива оказалось невозможнымъ, по совершенному отсутствію подножнаго корма и недостатку прѣсной воды. Отрядъ долженъ былъ снятся и сдѣлать ночной, усиленный и утомительный переходъ для достиженія ближайшихъ колодцевъ. Поздняя присылка изъ Оренбурга матеріаловъ для флотиліи удержала капитана Бутакова въ Фортѣ № 1 долѣе чѣмъ онъ предполагалъ, и онъ не могъ уже поспѣть къ Чернышевскому заливу ко времени прихода туда агента. 14го іюня, предъ миссіей, расположивше-

юся у мыса Бай-Губетъ, чернѣлся пароходъ *Перовскій*; но прошелъ мимо, не замѣтивъ сигналовъ дѣлаемыхъ съ берега миссіей. 19го, послѣ долгихъ попытокъ войти въ сношеніе съ полковникомъ Игнатьевымъ, капитанъ Бутаковъ былъ наконецъ радостно встрѣченъ на пустынномъ берегу Арала начальникомъ миссіи.

III.

По мѣрѣ приближенія къ хивинскимъ владѣніямъ, до полковника Игнатьева начали доходить болѣе и болѣе положительныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ ханствѣ. Такъ онъ узналъ что Аму-Дарья въ этомъ году разлилась до такой степени сильно какъ не помнили и старожилы, но что къ началу іюня ожидался уже спадъ воды; что борьба Хивинцевъ съ Туркменами продолжалась, и города Кунь-Ургенчъ и Ходжейли, чрезъ которые пролегалъ путь миссіи, содержались въ тѣсной блокадѣ Туркменскимъ ханомъ Ата-Муратомъ; что Хивинцы, предугадывая желаніе наше ввести флотилію въ Аму, не хотятъ на это согласиться. Извѣстія эти были настолько важны, что начальникъ миссіи вынужденъ былъ измѣнить первоначальный планъ своихъ дѣйствій въ Хивинскомъ ханствѣ. Придавая, какъ это и слѣдовало, огромное значеніе изученію топографіи ханства вообще, и главнымъ образомъ Аму-Дарьи, полковникъ Игнатьевъ видѣлъ что замедленіе флотиліи, съ одной стороны, и нежеланіе хана пустить наши суда въ рѣку, съ другой, могли совершенно лишить его возможности, особенно при слѣдованіи миссіи на Кунь-Иргенчъ не только изслѣдовать низовья Аму, но даже близко взглянуть на эту рѣку. Въ то же время движеніе на Кунь-Ургенчъ ставило миссію въ самыя щекотливыя отношенія какъ къ Хивинцамъ, такъ и къ Туркменамъ; ибо къ первымъ миссія шла для заключенія дружественнаго трактата, а послѣдніе еще недавно присылали къ оренбургскому генералъ-губернатору генералу Катенину пословъ съ предложеніемъ подданства своего Россіи.

Всѣ эти извѣстія и соображенія заставили флигель-адъютанта Игнатьева принять слѣдующее рѣшеніе. „Дабы не потерять времени, доносилъ онъ, и хотя сколько-нибудь отстранить невыгоды слишкомъ поздняго прибытія нашего въ хивинскія владѣнія, а также не подвергаться неминуемому отказу хана на пропускъ флотиліи нашей въ рѣку и воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ ханства, я

рѣшился, принявъ въ соображеніе вышеизложенное, нагрузить въ Чернышевскомъ заливѣ нѣкоторыя изъ подарочныхъ вещей и тяжестей лосольства и отправить оныя съ двумя офицерами (одинъ морской, другой генеральнаго штаба), съ баржей на буксирѣ, прямо въ Аму-Дарью до города Куняграда. О вышеизложенномъ я намѣреваюсь предупредить мехтара письмомъ,* и отправить оное съ посланцемъ прямо въ Хиву съ такимъ разчетомъ времени чтобы пароходъ нашъ успѣлъ войти въ устье *до* полученія ханскаго распоряженія изъ Хивы." ** Затѣмъ, послѣ уже свиданія съ Бутаковымъ, въ томъ же донесеніи, агентъ излагаетъ: „Я предъявилъ капитану 1го ранга Бутакову журналъ комитета препровожденный мнѣ вашимъ превосходительствомъ при письмѣ отъ 15го апрѣля, и отговариваю его отъ производства предварительной рекогносцировки рѣки Аму до Куняграда, признаваемой имъ необходимою. По свѣдѣніямъ собраннымъ капитаномъ 1го ранга Бутаковымъ о состояніи въ настоящее время устьевъ рѣки Аму, Талдыкъ обмелѣлъ, а главная масса воды преимущественно обратилась въ старое, самое восточное устье.... Сборнымъ мѣстомъ всей флотиліи назначено капитаномъ 1го ранга Бутаковымъ устье Талдыка. Флотилія состоящая изъ пароходовъ *Перовскій*, *Обручевъ* и двухъ баржъ соберется на этотъ пунктъ 23го числа.... Капитанъ 1го ранга Бутаковъ, взявъ два изъ судовъ флотиліи и наложивъ на нихъ подарочныя вещи, отправится въ устье Аму и поднимется до Куняграда, дѣйствуя въ смыслѣ изложеннаго мною въ письмѣ куняградскому градоначальнику, отправленномъ сегодня съ разсыльнымъ. Я просилъ капитана Бутакова не обращать вниманія на частныя непріязненныя дѣйствія Хивинцевъ и на какія-либо попытки остановить пароходъ, сообщая мнѣ по возможности чаще свѣдѣнія о плаваніи судовъ, въ особенности въ случаѣ какой-либо остановки, и прибыть въ Куняградъ 25го числа. Въ случаѣ еслибы встрѣтились непредвидимыя препятствія для плаванія нашихъ судовъ, то подарочныя вещи будутъ переложены въ хивинскія барки, съ тѣмъ чтобы на оныхъ постоянно находились Можайскій (морской офицеръ) и Салацкій (офицеръ генеральнаго штаба) и два матроса, въ видѣ прислуги этихъ офицеровъ."

Принявъ такое рѣшеніе въ отношеніи флотиліи, флигель-

* *Приложеніе* VII.

** *Приложеніе* VIII.

адъютантъ Игнатьевъ, въ видахъ достиженія той же цѣли, то-есть, главнымъ образомъ, изслѣдованія рѣки Аму-Дарьи, рѣшился измѣнить и самый путь миссіи, — направивъ ее вмѣсто Кунь-Ургенча на городъ Кунградъ. Какъ съ извѣстіемъ къ хивинскимъ властямъ о причинахъ входа нашихъ судовъ въ Аму и измѣненія маршрута миссіи на Кунградъ, такъ и для разузнанія впечатлѣнія произведеннаго этими дѣйствіями на хивинское правительство, былъ посланъ находившійся при миссіи съ товарами купца Зайчикова приказчикъ Панфиловъ, одна изъ тѣхъ бывалыхъ въ Средней Азіи личностей простаго русскаго люда которые мастера на все, все узнаютъ, все разсудятъ своимъ простымъ, но здравымъ умомъ и нигдѣ не потеряются.

Мотивируя доводы по которымъ миссія должна была избрать путь на Кунградъ, агентъ доносилъ между прочимъ: „На этомъ пути (то-есть къ Кунграду) я могу сохранить несравненно бо́льшую независимость дѣйствій въ отношеніи къ Хивинцамъ и въ особенности Туркменамъ, и скорѣе принять, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, роль посредника, нежели при движеніи чрезъ Кунь-Ургенчъ, гдѣ я могу быть поставленъ въ затруднительное положеніе къ Туркменамъ и возбудить противъ себя нечаяннымъ образомъ недоброжелательность и подозрѣнія Хивинцевъ.

„При слѣдованіи миссіи чрезъ Кунь-Ургенчъ, высылка для меня въ этомъ городѣ почетнаго хивинскаго конвоя могла только подать поводъ къ весьма непріятной для насъ схваткѣ узбековъ съ Туркменами.

„Мнѣ представляется возможность при слѣдованіи на Кунградъ прибыть восемью днями ранѣе къ хивинскимъ владѣніямъ и попытаться ввести нашу флотилію нѣсколько ранѣе до окончательнаго сладенія воды.

„Направляясь на Кунградъ, я могъ быть ближе съ караваномъ миссіи къ флотиліи и болѣе сосредоточить такимъ образомъ свои средства, а личнымъ моимъ присутствіемъ въ Кунградѣ отстранить тѣ важныя недоразумѣнія которыя могли бы произойти при отдѣльномъ отъ меня слѣдованіи,—при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Хивѣ,—или флотиліи, или каравана.

„Въ случаѣ ежели бы наши суда не вошли своевременно въ сношеніе съ миссіей, а также ежели бы они встрѣтили непреодолимыя препятствія ко входу въ рѣку или для дальнѣйшаго по рѣкѣ плаванія, то, слѣдуя на Кунградъ, я имѣю бо-

лѣе возможности нежели изъ Кунь-Ургенча принять иныя мѣры чтобъ изучить хотя часть рѣки или выручить изъ бѣды флотилію.

„Слѣдованіе миссіи чрезъ Айбугирскій заливъ на Кунградъ и оттуда на Хиву на баркахъ или сухимъ путемъ доставляетъ намъ случай изучить вполнѣ Айбугирскій заливъ, пройти малоизвѣстнымъ до сихъ поръ путемъ и обозрѣть съ пользой для науки низовую часть Хивинскаго ханства."

Сдѣлавъ сообразно съ этимъ всѣ распоряженія и направивъ миссію къ Айбугирскому заливу, къ урочищу Ургѣ, полковникъ Игнатьевъ счелъ необходимымъ, кромѣ словесныхъ объясненій, снабдить начальника флотиліи особымъ предписаніемъ, * изъ котораго, для разъясненія дѣйствій миссіи, считаемъ необходимымъ привести слѣдующія выдержки: „Признаваемую вами необходимою предварительную рекогносцировку самаго устья рѣки можно бы было допустить только въ такомъ случаѣ ежели она будетъ произведена вами со всевозможною осмотрительностію и не повлечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій для достиженія общей цѣли миссіи и флотиліи, то-есть свободнаго плаванія вверхъ по Аму-Дарьѣ; во всякомъ случаѣ я предоставляю обозрѣніе это вашему ближайшему усмотрѣнію и соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ, лишь бы только въ рѣкѣ не находилось ни подъ какимъ предлогомъ одновременно болѣе двухъ судовъ, что противорѣчило бы извѣщенію, сдѣланному мною о флотиліи кунградскому начальнику.... Если же, какъ вы мнѣ сообщали словесно, вы найдете болѣе удобнымъ для судовъ нашихъ подняться по рѣкѣ не по Талдыкскому устью, а по вновь прорытому рѣкой восточному, то въ такомъ случаѣ я прошу ваше высокоблагородіе остановиться съ судами вошедшими въ рѣку въ мѣстѣ соединенія этого новаго рукава съ главнымъ русломъ рѣки, гдѣ и ожидать отъ меня дальнѣйшихъ извѣщеній. Какъ при проходѣ чрезъ одно русло рѣки, такъ равно и чрезъ другое, я покорнѣйше васъ прошу стараться прибыть къ Кунграду не ранѣе 25го числа сего іюня и не позже утра 26го, а если вы остановитесь нѣсколько выше означеннаго города, то не ранѣе 27го числа, то-есть ко времени прибытія миссіи въ окрестности мѣста вашей стоянки."

Разставшись съ флотиліей и сдѣлавъ еще два перехода по

* *Приложеніе* IX.

западной сторонѣ Арала, миссія 21го іюня расположилась на урочищѣ Ургѣ, на берегу Айбугирскаго озера, сплошь поросшаго камышами и составляющаго рукавъ моря.

Во время этого движенія, рекогносцировочный отрядъ поручика Скрябина пересѣкъ Усть-Уртъ и вошедъ въ связь съ миссіей, но не встрѣчая въ немъ особой надобности, флигель-адъютантъ Игнатьевъ предписалъ Скрябину продолжать возложенную на него работу.

На пути къ Ургѣ миссія была встрѣчена посыльными Киргизцами ѣздившими въ Хиву отъ оренбургскаго генералъ-губернатора съ предупрежденіемъ о пріѣздѣ посланника. Киргизы эти, имѣвшіе свиданіе съ мехтаромъ и самимъ ханомъ, первые передали вѣсть агенту нашему что Хивинцы очень встревожены движеніемъ по степи генералъ-губернатора и разныхъ отрядовъ, а также значительнымъ конвоемъ миссіи, вслѣдствіе чего весьма боятся чтобы Русскіе не вступили противъ нихъ въ союзъ съ Туркменами и не перевели къ себѣ Киргизовъ населяющихъ южную часть ханства и имѣвшихъ во главѣ своей батыря Азбергена, близкаго родственника и сподручника Исета. Чрезъ этихъ же Киргизовъ и въ виду того же опасенія за союзъ съ Туркменами, ханъ просилъ направить миссію не на Кунь-Ургенчъ, а на Кунградъ. Вслѣдствіе чего желаніе хана какъ нельзя кстати совпало съ предположеніями самого агента. Для встрѣчи миссіи былъ назначенъ кунградскій правитель и почетный конвой во 100 всадниковъ подъ начальствомъ кунградскихъ чиновниковъ, а въ качествѣ постояннаго пристава Диванъ-Баба, братъ Дивана-Беги, ханскаго секретаря и казначея. Не доходя верстъ 6 до урочища Урги, миссію встрѣтили начальники хивинскаго конвоя, которые въ разговорѣ старались издалека разузнать о цѣли посольства и о связяхъ его съ Туркменами.

Четыре дня миссія совершала тяжелую переправу на хивинскихъ лодкахъ черезъ Айбугиръ; причемъ плаваніе по сплошнымъ камышамъ въ продолженіи 8ми часовъ, при страшной жарѣ, составило первый опытъ тѣхъ мученій которыя привелось перенести въ послѣдствіи при плаваніи по Аму.

Съ урочища Урги былъ отправленъ обратно въ Уральское Укрѣпленіе добавочный конвой, и здѣсь же, за невозможностію вести огромный обозъ по пересѣченной мѣстности ханства, были сожжены офицерскія и другія лишнія повозки, четыре повозки отправлены съ добавочнымъ конвоемъ, и затѣмъ при миссіи

оставлены только подъ заболѣвающихъ двѣ легкія, крѣпкія телѣги. Здѣсь было уменьшено число нестроевыхъ, отдѣлены всѣ слабосильные, и убыль пополнена уральскими казаками изъ добавочнаго конвоя въ числѣ 10 человѣкъ. Верблюды миссіи, для обхода Айбугирскаго озера, были направлены въ бродъ у слiянія этого озера съ моремъ.

Сдѣлавъ переходъ отъ Айбугира до мѣста жительства родственника Исета Кутебарова, Азбергеня, явившагося къ полковнику Игнатьеву съ повинною, миссія на другой день, то-есть 28го іюля, вступила въ Кунградъ при огромномъ стеченіи народа, и слѣдуя грязными улицами, дошла до назначеннаго для ея пребыванія ханскаго дворца, очень похожаго на тюремный замокъ. Въ Кунградѣ слышанные отъ посыльныхъ Киргизовъ на Усть-Уртѣ разказы объ опасеніи Хивинцевъ оказались справедливыми, и очевидны стали боязнь и недовѣріе которыми прониклись хивинскіе чиновники въ отношеніи миссіи и ея порученія. Вотъ что между прочимъ доносилъ въ шифрованной депешѣ изъ Кунграда нашъ агентъ министерству иностранныхъ дѣлъ. „28го прибыли въ Кунградъ благополучно. Встрѣча хороша. Положеніе наше становится затруднительнымъ. Любезное письмо посланное генералъ-адъютантомъ Катенинымъ Туркменамъ перехвачено Хивинцами, считающими сіе уликой въ двойственности нашихъ дѣйствій“ (письмо заключало въ себѣ извѣстіе о слѣдованіи миссіи). „Изъ четырехъ разсыльныхъ Киргизовъ посланныхъ съ письмомъ, перехвачены и приведены въ Хиву трое, а четвертый пріѣхалъ ко мнѣ съ жалобой. Отрядъ нашъ и движеніе генералъ-губернатора встревожили ханство, такъ что собралась вездѣ милиція. Пароходъ усилилъ дурное впечатлѣніе. Торопятъ слѣдованіемъ въ Хиву, но я медлю, первоначально для парохода, а теперь для разъясненія обстоятельствъ. Пароходъ пытался войти въ различныя устья, надѣлавъ тревоги выстрѣлами и изысканіями, и съ 22го по 28е число не могъ войти, такъ что я вынужденъ согласиться на настоятельныя требованія Хивинцевъ перегрузить подарки на хивинскія барки.... Медлю для выигранія времени, но иду впередъ. Сажусь въ Кунградѣ на хивинскія лодки“. Дѣйствительно всѣ обстоятельства сложились такъ чтобы возможно больше напугать и безъ того недовѣрчивыхъ Хивинцевъ. Начать съ того что хивинское правительство, получивъ извѣстіе съ Сыръ-Дарьи о приготовленіи къ плаванію флоти-

ліи, прежде всего рѣшило во что бы то ни стало не пропускать судовъ нашихъ въ Аму, такъ что правитель Кунграда, подъ страхомъ потерять голову, уже съ 24го іюня сталъ приступать къ полковнику Игнатьеву съ просьбой о запрещеніи судамъ входить въ рѣку. Между тѣмъ агентъ отдавши приказаніе судамъ пройти къ Кунграду, вынужденъ былъ медлить какъ своимъ движеніемъ, такъ и распоряженіемъ объ остановкѣ флотиліи, что конечно не успокоивало Хивинцевъ; а капитанъ Бутаковъ, съ 22го по 28е іюня тщетно ища прохода въ рѣку по различнымъ устьямъ, естественно обратилъ на себя вниманіе хивинскихъ чиновниковъ, имѣвшихъ положительное приказаніе хана не пускать его въ Аму-Дарью, и наконецъ привелъ ихъ въ совершенное отчаяніе и усилилъ еще болѣе подозрѣніе, когда 29го іюня пароходъ Перовскій съ баржей открылъ новое восточное русло Аму-Дарьи, Улькунъ-Дарью, перешелъ баръ и поплылъ вверхъ къ Кунграду; причемъ баржа, отдавая честь брейдъ-вымпелу Бутакова, произвела пальбу изъ пушекъ, которая окончательно убѣдила Хивинцевъ въ непріязненности нашихъ дѣйствій. Если къ этому прибавить предшествовавшее приходу миссіи въ хивинскія владѣнія движеніе нашихъ отрядовъ, въ особенности по Усть-Урту, прибытіе съ огромною свитой генералъ-губернатора на Сыръ, и перехватъ письма писаннаго по приказанію генералъ-адъютанта Катенина султаномъ-правителемъ къ Туркменамъ, то мы поймемъ причину страха Хивинцевъ и ихъ подозрѣнія относительно союза нашего съ Туркменами, этими заклятыми ихъ врагами. При такихъ обстоятельствахъ, окруженный недовѣрчивостію и недоброжелательствомъ кунградскихъ властей, получивъ извѣстіе что письма миссіи въ Россію захватываются и читаются, флигель-адъютантъ Игнатьевъ, снисходя на убѣдительныя настоянія хивинскихъ чиновниковъ, просившихъ именемъ хана слѣдовать скорѣе въ Хиву, рѣшился, не дожидаясь Бутакова въ Кунградѣ, сѣсть на хивинскія лодки, что давало ему возможность обозрѣть бо́льшую часть теченія Аму, и 1го іюля отплыть въ Хиву. Лошади миссіи съ частью конвоя, по настоянію Хивинцевъ, были направлены, подъ начальствомъ Уральскаго Войска есаула Бородина, при топографскомъ офицерѣ Зелевинѣ, отъ Кунграда къ Хивѣ сухопутно, по правой сторонѣ Аму. Въ то же время агентъ отправилъ одного изъ состоявшихъ при немъ офицеровъ, лейтенанта Можайскаго,

навстрѣчу Бутакову, подъ благовиднымъ предлогомъ принятія съ парохода подарковъ, но съ цѣлію осмотрѣть рукавъ Талдыка, войти въ сообщеніе съ Аральскою флотиліей, узнать что̀ случилось съ нашимъ пароходомъ и извѣстить Бутакова о положеніи дѣлъ. Можайскій спустился внизъ по Талдыку, но ошибся въ другой рукавъ, принужденъ былъ возвратиться къ Куграду, гдѣ уже и нашелъ наши суда на якорѣ.

IV.

Оставивъ на время миссію тянуться бичевой вверхъ по Аму-Дарьѣ, обратимся къ плаванію нашей флотиліи. Подойдя къ Талдыкскому устью Аму, флотилія напрасно искала прохода въ рѣку въ продолженіи четырехъ дней, и капитанъ Бутаковъ пришелъ наконецъ къ убѣжденію что осмотрѣнныя имъ въ 1848—49 годахъ устья Аму совершенно засорены и даже заросли камышомъ. Лишь 27го числа, направляясь съ баржей къ восточному устью Аму, онъ увидѣлъ противъ мыса Кара-Джара далеко выходившую въ море прѣсную воду, и послалъ шлюпку осмотрѣть нѣтъ ли тутъ новаго протока.

„Посланные офицеры“,—писалъ Бутаковъ,—„донесли мнѣ что протокъ есть, широкій и глубокій, называемый киргизами Улькунъ-Дарья (большая рѣка); что въ него направилась главная масса воды Аму; что на барѣ не было нигдѣ трехъ футовъ глубины. Вслѣдствіе чего, такъ какъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ сообщилъ мнѣ что Хивинцы соглашаются на плаваніе двухъ нашихъ судовъ по Аму-Дарьѣ, лишь только вѣтръ стихнетъ, я перегружаю тяжести съ парохода на баржу и вхожу въ Улькунъ-Дарью“.

29го іюня Бутаковъ вошелъ въ рѣку, а 30го, имѣя на буксирѣ баржу, пошелъ вверхъ по Улькунъ-Дарьѣ, несмотря на увѣренія подъѣзжавшаго къ нему каракаллакскаго бія что ханъ не велѣлъ пускать судовъ нашихъ вверхъ, и требованіе его возвратиться въ море.

Идя по протоку Кульдень, ведущему изъ Улькунъ-Дарьи въ Талдыкъ, Бутаковъ былъ прижатъ теченіемъ на крутомъ поворотѣ къ берегу, въ это время появились хивинскіе чиновники изъ Куграда и собралось человѣкъ 20 простыхъ Хивинцевъ, кричавшихъ чтобъ онъ не шелъ далѣе, но Бутаковъ, отговорясь тѣмъ что везетъ подарки хану и не можетъ остановиться, продолжалъ свой путь. При проходѣ Талдыкомъ, яви-

лись вооруженные Хивинцы и требовали чтобъ ихъ впустили на пароходъ, но Бутаковъ приказалъ объявить имъ „что послѣ солнечнаго заката на суда Русскаго царя чужихъ не пускаютъ, и чтобъ они лучше отправлялись спать“. Ночью опять множество лодокъ окружило пароходъ, и Хивинцы требовали впуска, но также безуспѣшно.

Въ 6 часовъ утра 3го іюля суда наши наконецъ стали на якорь противъ Кунграда, и Бутаковъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ отправился къ правителю города. При свиданіи, начальникъ флотиліи выразилъ желаніе слѣдовать за миссіей, но правитель наотрѣзъ объявилъ что, по ханскому повелѣнію, онъ ни за что не пропуститъ суда и откроетъ непріязненныя дѣйствія; ибо иначе ему самому грозитъ висѣлица. При этомъ правитель выразилъ желаніе чтобъ офицеры жили на берегу, но Бутаковъ весьма благоразумно отклонилъ такое предложеніе. Утромъ 6го іюля прибылъ къ флотиліи лейтенантъ Можайскій, успѣвъ сдѣлать сондировку и съемку Талдыку, и извѣстилъ Бутакова, по приказанію флигель-адъютанта Игнатьева, что Хивинскій ханъ не соглашается на плаваніе нашихъ судовъ вверхъ по рѣкѣ; въ тотъ же день вечеромъ возвратилась въ Кунградъ и команда наша съ лошадьми, по невозможности двигаться по дорогѣ указанной Хивинцами, претерпѣвъ въ пути многія бѣдствія. * 7го іюля пріѣхалъ въ Кунградъ съ письмомъ посланный изъ Хивы Киргизъ отъ приказчика Панфилова; правитель отнялъ это письмо и задержалъ посланнаго, но когда Бутаковъ чрезъ одного изъ своихъ офицеровъ объявилъ правителю что флотилія такими поступками вынуждена будетъ идти вверхъ по рѣкѣ, тогда все дѣло устроилось, и правитель, испугавшись, опять сталъ ласковъ и предупредителенъ къ Русскимъ.

11го іюля команда съ лошадьми вновь выступила изъ Кунграда и отправилась по новой дорогѣ въ Хиву.

17го іюля вечеромъ пріѣхалъ на пароходъ посланный отъ кунградскаго правителя съ вопросомъ: что значитъ появленіе третьяго русскаго судна (лейтенанта Колокольцова) въ Аму-Дарьѣ?

„Я отвѣчалъ“,—пишетъ Бутаковъ,—„что оно везетъ ко мнѣ каменный уголь и провизію, и что имъ опасаться совершенно нечего.

„— Правитель хочетъ остановить его.

* *Приложеніе* X.

„— Оно не остановится безъ моего приказанія.

„— Правитель непремѣнно велитъ остановить его, и если оно не послушаетъ, то будетъ дракa.

„Посланный къ правителю нашъ офицеръ для объясненія прихода баржи не могъ его успокоить, и правитель на всѣ доводы отвѣчалъ что онъ непремѣнно остановитъ судно".

На слѣдующее утро баржа подъ всѣми парусами шла по протоку Кульдень, и Бутаковъ подалъ ей сигналъ „не салютовать".

„Колокольцевъ,—пишетъ Бутаковъ,—„быстро подвигался впередъ, и ему оставалось до выхода въ Талдыкъ всего версты двѣ, какъ вдругъ его прижало къ берегу на крутомъ заворотѣ у Измаилъ-баге-Тубади. Еще верстъ за 10 до того мѣста онъ былъ встрѣченъ верховыми Хивинцами, кричавшими чтобъ онъ остановился; онъ отвѣчалъ имъ съ привѣтливыми поклонами: якши, якши (хорошо, хорошо), и продолжалъ идти. Потомъ встрѣтилась ему лодка съ хивинскими чиновниками, хотѣвшими пристать: ей нарочно бросили неловко конецъ, за который они не ухватились, разумѣется, и баржа пролетѣла мимо. Верховые между тѣмъ продолжали скакать вслѣдъ за нею, крича свое, а лейтенантъ Колокольцевъ продолжалъ улыбаться и кланяться, притворяясь что не понимаетъ чего они хотятъ—потому что не знаетъ языка, а переводчикъ очень плохъ. Наконецъ когда баржу прижало къ берегу, Хивинцы ухватились за ванты, за снасти, кто за что могъ, и объявили что пусть имъ хоть отрубятъ руки, но они не отстанутъ и не пустятъ баржу дальше".

Вечеромъ 19го іюля прибылъ на пароходъ самъ правитель и передалъ предписаніе полковника Игнатьева, отъ 16го іюля, объ отправленіи подарковъ и всѣхъ чиновниковъ миссіи съ парохода въ Хиву, объ отплытіи флотиліи къ устью Улькунъ-Дарьи. Правитель былъ принятъ на пароходѣ ласково, но отказался отъ предложеннаго въ честь его салюта изъ 5 выстрѣловъ; за то съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на поднятый сигнальный флагъ, когда ему объявили что это флагъ губернаторскій и поднятъ въ честь его прибытія.

21го іюля отправилась вверхъ по рѣкѣ хивинская лодка съ чинами миссіи и подарками; въ тотъ же день и флотилія пошла обратно къ устью Улькунъ-Дарьи.

Такъ кончилось плаваніе судовъ нашихъ въ устьяхъ Аму, не мало надѣлавшее хлопотъ агенту во время пребыванія его въ Хивѣ, но за то, благодаря смѣлости капитана Бутакова, флотилія изслѣдовала прихотливыя устья Аму, составила про-

красную карту дельты рѣки, а главное, доказала Хивинцамъ возможность добраться хотя до Кунграда не только сухопутьемъ, но и водой, и притомъ на страшныхъ, невиданныхъ ими доселѣ судахъ, которыя безъ паруса, безъ бичевы, извергая дымъ и огонь, идутъ безостановочно вверхъ по рѣкѣ.

V.

Выше было сказано что 1го іюля миссія, въ сопутствіи своего пристава Диванъ-Баба, потянулась на хивинскихъ лодкахъ бечевой вверхъ по Аму. Какъ берега на большомъ протяженіи были еще затоплены, а во многихъ мѣстахъ сплошь покрыты камышами, то можно судить какимъ мученіямъ подвергалась миссія во время плаванія, при постоянной температурѣ 36° Реомюра, безъ малѣйшаго вѣтерка. День и ночь въ усиленной испаринѣ, подъ страшнымъ палящимъ солнцемъ, въ открытой лодкѣ, и притомъ подвигаясь на бичевникѣ какъ раки. Для знакомства съ этимъ способомъ передвиженія, считаемъ не лишнимъ привести выдержки изъ частнаго письма одного изъ офицеровъ сопровождавшихъ флигель-адъютанта Игнатьева.

„Плаваніе на хивинскихъ лодкахъ представлялось въ началѣ въ высшей степени для насъ интереснымъ; при неизвѣстности Аму-Дарьи, мы готовились точно къ какому-то открытію въ новомъ свѣтѣ, но увы, наши иллюзіи скоро разсѣялись... Лодки тянулись лямкой по четыре человѣка каждая и дѣлали отъ двухъ до трехъ верстъ въ часъ; плаваніе бичевой, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, неутѣшительно, а съ хивинскими лодочниками просто мученье. Паруса Хивинцы страшно боятся, и когда наши растягивали полога, лодочники бросали бичеву и сидѣли сложа руки пока не снимали этого, по ихъ понятіямъ, „шайтана“ (чорта). Путь отъ Кунграда до Ургенча, мимо городовъ Хаджейли и Килчака, то пролегалъ по самой рѣкѣ, то входилъ въ узкія дефиле, пробитыя водой въ густыхъ камышахъ, то тянулся искусственными каналами, которыя вслѣдствіе сильнаго напора воды размылись и обратились въ цѣлые каналы. Вообще вода въ настоящемъ году чрезвычайно велика, и по словамъ туземцевъ, они давно не помнятъ такого громаднаго разлива рѣки. Разливы эти нерѣдко представлялись намъ на 4—5ти-верстномъ простран-

ствѣ, затопляя прибрежные сады и жилища. Ночевали мы по большей части въ густыхъ камышахъ выше человѣческаго роста. Мученіе страшное. Днемъ въ одномъ бѣльѣ лежимъ почти безъ движенія въ открытыхъ лодкахъ, совершенно мокрые отъ испарины, съ закатомъ же солнца появляются милліоны комаровъ и за ночь такъ уродуютъ наши физіономіи и даже тѣло, прокусывая бѣлье и кителя, что насъ узнать нельзя; подъ пологомъ задохнешься; открыться невозможно, и такъ каждый день. Даже лодочники, люди привыкшіе, ставятъ себѣ полога. Переправы съ одного берега на другой мы дѣлали очертя голову. Хивинцы пускаютъ лодки на произволъ теченія, и куда прибьетъ ихъ, то и хорошо. Въ двухъ мѣстахъ мы попали на страшные водовороты, и если не пошли на дно Аму, то такъ было угодно Богу. Рѣка все-таки грандіозна, почти вездѣ отъ 400 до 600 саж. ширины."

Въ то время когда наши суда успѣли уже пробиться къ Кунграду, миссія тянулась на лодкахъ вверхъ по рѣкѣ, и агентъ находился въ совершенной неизвѣстности того что дѣлала флотилія, что однакоже хорошо знали сопровождавшіе лодку хивинскіе чиновники, получая свѣдѣнія при каждомъ сообщеніи съ берегомъ. Только 15го числа, подходя уже къ городу Ургенчу, полковникъ Игнатьевъ получилъ чрезъ сына Исета и чрезъ хивинскаго разсыльнаго письма изъ Кунграда отъ капитана Бутакова и отъ офицеровъ сопровождавшихъ нашихъ лошадей. Изъ писемъ этихъ вполнѣ обнаружилась неблагонамѣренность кунградскаго правителя, Есаула-баши, по распоряженію котораго у нашихъ посыльныхъ, отнимали письма и прочитывали. Достоинство агента требовало не оставлять подобныхъ поступковъ безъ вниманія, и флигель-адъютантъ Игнатьевъ, по полученіи писемъ, тотчасъ рѣшился высказать неудовольствіе окружавшимъ его Хивинцамъ: „Желая проучить хотя нѣсколько Хивинцевъ, доносилъ нашъ посланникъ, и показать имъ что я не намѣренъ сносить подобныя дѣйствія, я остановилъ не доходя Урченча лодки, позвалъ къ себѣ Диванъ-Бабу (приставъ), объявилъ ему сколь непристойны и непростительны поступки Хивинцевъ, и что если до свѣдѣнія хана не будетъ доведено немедленно мое неудовольствіе на Есаулъ-баши и требованіе чтобы тотчасъ было сдѣлано распоряженіе объ облегченіи слѣдованія лошадей и половины конвоя въ Хиву, то я не только не буду продолжать плаванія своего далѣе, но вернусь

тотчасъ же въ Кунградъ. Диванъ-Баба извинялся, упрашивая меня доѣхать хотя до Ургенской пристани, говорилъ что я его приведу на плаху послѣ возвращенія въ Кунградъ, послалъ тотчасъ донесеніе хану и ручался въ томъ что всѣ мои требованія будутъ исполнены.

„16го мы простояли у Ургенской пристани, я весь день не выходилъ изъ лодокъ и въ лодкѣ же принялъ высланныхъ ханомъ изъ Хивы для принятія насъ даргу (въ родѣ гофмаршала), одного изъ шести самыхъ приближенныхъ лицъ къ хану, шарграукъ-бія (должность соотвѣтствующая церемоній-мейстеру) и миръ-башу, съ большою свитой и съ почетнымъ конвоемъ. Дарга разсыпался въ учтивостяхъ, въ любезностяхъ и увѣреніяхъ дружбы и пріязни; выразилъ мнѣ что дѣйствія Есаула-баши не одобряются ханомъ, и что послано немедленно изъ Хивы приказаніе принять мѣры къ ускоренію слѣдованія лошадей, которыя должны быть уже на походѣ, по болѣе удобному и кратчайшему пути. Долго уговаривалъ меня дарга выйти на берегъ и слѣдовать въ Хиву на высланныхъ отъ хана лошадяхъ, нагрузивъ тяжести на 200 арбъ, также присланныхъ изъ Хивы на берегъ. Имѣя въ виду затруднительность и неприличность такой перевозки, а также желая имѣть случай изслѣдовать подробнѣе прежняго каналы протекающіе изъ рѣки Аму внутрь ханства, и заставить Хивинцевъ озаботиться скорѣйшимъ прибытіемъ нашихъ лошадей въ Хиву, я объявилъ хивинскимъ посланцамъ что пока мои лошади и часть конвоя не присоединятся ко мнѣ, я не могу явиться къ хану и не отойду отъ лодокъ. Вслѣдствіе чего послѣдовало ханское разрѣшеніе везти насъ на лодкахъ вплоть до загороднаго дворца намъ отведеннаго.“

„Вы не можете представить“, писалъ въ это же время одинъ изъ сопровождавшихъ полковника Игнатьева офицеровъ, „какое волненіе поднялось въ нашей маленькой флотиліи когда разнеслась вѣсть что мы повернемъ внизъ по теченію рѣки. Большинство, а оно конечно не знало ничего о ходѣ переговоровъ и всѣхъ обстоятельствахъ миссіи, положительно недоумѣвало: кто говорилъ что оскорбили нашихъ чиновъ на флотиліи, другіе разсказывали что посланникъ нашъ не надѣется на наши средства, въ случаѣ открытаго нападенія Хивинцевъ, которое неминуемо, что нашихъ лошадей всѣхъ утопили и пр. Тяжело было все это слушать: какъ, думали мы, прогуляться три мѣсяца по степи по жару, переиспытать все-

возможныя лишенія чтобы увидать эти невѣдомыя страны, достичь почти цѣли, и назадъ! Нѣтъ, это невозможно; и что могутъ сдѣлать намъ Хивинцы? Мы всѣ тогда почувствовали въ себѣ тройныя силы (насъ всего на всего было человѣкъ 40), но каждый казакъ проникся тѣмъ же духомъ и объявилъ во всеуслышаніе что пойдетъ хоть на 100 Хивинцевъ, что это сволочь нестоящая и вниманія и пр. Офицерство кучкой ходило около лодки начальника миссіи, и видя его всегда ласковое, доброе лицо озабоченнымъ, съ нетерпѣніемъ ждало конца переговоровъ съ даргой. Наконецъ сомнѣніе разрѣшилось. Дарга вылѣзъ изъ лодки агента красный, распотѣвшій, видно было что ему досталась недаромъ аудіенція, и затѣмъ мы услышали приказаніе идти дальше."

Убѣждаясь изъ безпрерывныхъ переговоровъ съ Хивинцами что одною изъ самыхъ важныхъ причинъ ихъ подозрительности къ нашимъ дѣйствіямъ составляло пребываніе судовъ аральской флотиліи въ рѣкѣ Аму, постоянно раздражавшее хана, и получивъ предъ Ургенчемъ отъ Бутакова донесеніе отъ 3го и письмо * отъ 7го іюля, въ которомъ начальникъ флотиліи, увѣдомляя о мелководьѣ и недостаткѣ у него топлива и продовольствія, просилъ у агента разрѣшенія уйти въ Улькумъ-Дарью ближе къ морю, за мелкія мѣста,—флигель-адъютантъ Игнатьевъ, на основаніи такихъ данныхъ, вынужденъ былъ предписать, 16го іюля, капитану Бутакову, по отправленіи подарковъ и нашихъ чиновниковъ на хивинской лодкѣ вверхъ по рѣкѣ, отвезти флотилію ближе къ морю и послать къ р. Сыру за запасомъ угля (о прибытіи второй баржи въ миссіи тогда не было извѣстно) и провіанта и ожидать дальнѣйшихъ отъ агента извѣщеній въ Улькунъ-Дарьѣ.

„Еще на Усть-Уртѣ", доноситъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ, „обсуждали мы съ капитаномъ 1го ранга Бутаковымъ вопросъ о плаваніи нашей флотиліи въ р. Аму въ нынѣшнемъ году, и онъ мнѣ объяснилъ что на пароходѣ *Обручевѣ* нечего разчитывать, ибо это судно можетъ плавать по морю только при самой благопріятной погодѣ, идти же свободно противъ теченія такой широкой и быстрой рѣки какъ Аму на немъ невозможно; а что пароходъ *Перовскій* едва ли можетъ идти далеко вверхъ по рѣкѣ, ибо при обмеленіи можетъ засѣсть въ оной на зиму; подвергаться же случайностямъ зимовки въ рѣкѣ съ флотиліей капитанъ 1го ранга Бутаковъ считалъ

* *Приложенія* XI и XII.

едва ли возможнымъ. Имѣя въ виду вышеизложенное и безполезность парохода въ рѣкѣ, при недостаточности топлива, и не считая себя въ правѣ принять на свою отвѣтственность, вопреки мнѣнія начальника флотиліи, опасность которой могъ подвергаться въ рѣкѣ пароходъ *Перовскій* съ баржей при пребываніи въ Кунградѣ и плаваніи вверхъ по рѣкѣ до Чарджуя и до высоты Балха, до поздней осени, я согласился на предложеніе капитана 1го ранга Бутакова, тѣмъ болѣе что можно было предвидѣть что переговоры въ Хивѣ продолжатся не менѣе мѣсяца, то-есть до конца августа, а по нѣкотсрымъ свѣдѣніямъ осенняя прибыль воды бываетъ незначительна и непродолжительна; плаваніе же по Аральскому морю позже 1го октября начальникъ аральской флотиліи считалъ для своихъ судовъ крайне опаснымъ.... Совершенно возвратить пароходъ на р. Сыръ я считалъ преждевременнымъ, тѣмъ болѣе что присутствіе нашихъ судовъ въ устьѣ рѣки можетъ быть весьма полезно въ случаѣ совершенной неудобности и невозможности пройти прямо въ Бухару. Въ послѣдствіи, 2го августа, получилъ я бумагу отъ капитана 1го ранга Бутакова, который увѣдомилъ меня что хотя, съ прибытіемъ второй баржи подошедшей къ Кунграду, у него образовался достаточный запасъ антрацита чтобы подняться до Чарджуя и даже выше, но что онъ все-таки полагаетъ благоразумнѣе спуститься къ устью рѣки, ибо опасается что пока въ Хивѣ будутъ длиться переговоры, вода, упавшая уже на два дюйма, успѣетъ понизиться на столько что судамъ нашимъ затруднится возвращеніе изъ Аму. *

17го іюля миссія поплыла далѣе и, слѣдуя разными каналами проведенными изъ Аму, 18го числа подошла по каналу Полванъ-Ата къ загородному дворцу отведенному для ея пребыванія въ Хивѣ. Восемь дней прожила она во дворцѣ, уничтожая безпощадно разные фрукты и хивинскія сласти, прежде чѣмъ дождалась своихъ лошадей, прибывшихъ въ Хиву 26го іюля. Наконецъ 28го числа было назначено первое представленіе къ хану, и часовъ въ 5 пополудни миссія узрѣла повелителя Ховарезма.

(До слѣд. №).

Н. ЗАЛѢСОВЪ.

---

* См. *Приложеніе* XIII.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо Бухарскаго эмира къ Государю Императору. *

Извѣстіе о переселеніи изъ тлѣннаго міра въ вѣчный могущественнаго государя и о возшествіи на императорскій престолъ Великаго Монарха дошло до высокаго нашего слуха въ то время когда высокосвященное существо наше было занято завоеваніемъ владѣнія Шагаръ-Кишъ, благодаря Всевышняго и благости Его, при моленіи святыхъ знаменитаго царства, повѣялъ зефиръ побѣды и славы, и по неисчерпаемой милости и щедротамъ Создателя, владѣнія Шагаръ-Кишъ, Китабъ, Утракурганъ и Шаматанъ, со всѣми подвѣдомственными округами, покорены и подпали подъ власть всепобѣждающаго государства. Вслѣдствіе сихъ причинъ поставлено въ обязанность отправить посольство для того чтобы помолиться объ упокоеніи души доблестнаго государя, принести поздравленіе съ возшествіемъ на престолъ Монарха по достоинствамъ равнаго Джемшиду, и доставить радостное извѣстіе о завоеваніи названныхъ владѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно отправлено для бо́льшаго скрѣпленія узъ существующихъ еще со временъ предковъ, и для упроченія взаимныхъ отношеній предшествовавшихъ великихъ царей. Почему повелѣно нами ѣхать въ качествѣ посланника почтенному и уважаемому искреннему доброжелателю нашего могущества миръ-ахуру Мулладжану, который извѣстенъ правотой и справедливостію между нашими вельможами. Когда онъ удостоится благосклоннаго царскаго пріема, то мы надѣемся что будутъ оказаны ему разныя царскія ласки, и увѣренія его милостиво выслушаны, а затѣмъ будетъ ему даровано позволеніе возвратиться. Потомъ да обратятъ драгоцѣнный и свѣтлый умъ на отправленіе изъ той стороны посольства. Кромѣ сего другихъ желаній не будетъ. Итакъ, да будетъ открыта дорога къ дружбѣ и взаимнымъ отношеніямъ между обоими высокими государствами, дабы караваны и купцы двухъ державъ приходили и уходили спокойно. Въ ламать посланы: одинъ коверъ кашемирской ткани, двѣ шали резаи-мѣшкинъ, пара вороныхъ и пара чубарыхъ лошадей. Да сіяетъ вѣчно солнце могущества въ предѣлахъ государства. Затѣмъ привѣтствіе тому который послѣдуетъ истинѣ.

---

* См. выше стр. 423.

II.

Высочайшій отвѣтъ эмиру. *

Обладателю Бухары эмиру Наф-Улѣ-Бегадуръ-Хану нашего Императорскаго Величества дружеское привѣтствіе:

Посланецъ вашъ миръ-ахуръ Мулладжанъ, по прибытіи сюда, былъ Намъ, Великому Государю, представленъ и вручилъ грамоту вашего высокостепенства. Выраженныя въ оной намѣренія ваши сохранять дружественныя связи съ Россіей приняты Нами съ благоволеніемъ. Съ своей стороны можемъ увѣрить васъ въ Нашемъ миролюбивомъ расположеніи, желаемъ только чтобы вы устраняли поводы къ неудовольствію, оказывали у себя Нашимъ подданнымъ то же покровительство какимъ пользуются ваши купцы пріѣзжающіе по торговымъ дѣламъ въ Россію, и возвратили всѣхъ русскихъ плѣнныхъ находящихся въ неволѣ въ вашемъ ханствѣ. Согласно просьбѣ изъявленной вами, Мы въ скоромъ времени отправимъ къ вамъ, для лучшихъ переговоровъ о всѣхъ дѣлахъ, Нашего посланца, надлежащимъ образомъ уполномоченнаго. Надѣемся что вы его примете съ тою честію которая подобаетъ довѣренному лицу отъ Высокой Особы Нашей.

За симъ желаемъ вамъ успѣха въ добрыхъ вашихъ начинаніяхъ.

Дано въ престольномъ Нашемъ градѣ С.-Петербургѣ, 24го декабря 1857, царствованія же Нашего въ третье лѣто.

III.

Отвѣтное письмо министра иностранныхъ дѣлъ бухарскому визирю. **

Дружеское письмо ваше, отправленное съ посланцемъ высокостепеннаго эмира Бухарскаго, миръ-ахуромъ Мулладжамомъ, я получилъ и съ удовольствіемъ прочелъ въ немъ выраженіе вашихъ ко мнѣ чувствованій. Мнѣ пріятно увѣрить васъ въ томъ же дружескомъ къ вамъ расположеніи.

Посланецъ вашего эмира, допущенный къ Высочайшему двору, удостоенъ былъ благосклоннаго пріема Его Императорскаго Величества. Пріемъ этотъ уже показываетъ миролюбивость намѣреній Всемилостивѣйшаго Государя нашего. Бухарскому правительству остается только своимъ поведеніемъ оправдать тѣ надежды которыя на него возлагаетъ Его Величество Императоръ.

Если намѣренія хана дѣйствительно таковы какъ выражены они въ грамотѣ на Высочайшее имя, если Бухара искренно ищетъ дружбы съ Россіей, то надобно: 1) чтобы Русскіе пріѣзжающіе къ вамъ по торговымъ дѣламъ пользовались

* См. выше, стр. 424.

** См. выше, стр. 424.

точно такимъ же покровительствомъ какое нами оказывается Бухарцамъ; 2) чтобы всѣ русскіе плѣнные, которые содержатся у васъ, были немедленно возвращены, и чтобы впредь строго было запрещено держать въ неволѣ и пріобрѣтать русскихъ плѣнныхъ.

Впрочемъ, для лучшаго переговора обо всѣхъ дѣлахъ и скорѣйшаго ихъ рѣшенія, Великій Государь нашъ соизволилъ снизойти на просьбу изъявленную самимъ эмиромъ вашимъ и повелѣлъ въ скоромъ времени отправить къ вамъ своего посланника. Надѣюсь что вы примете его съ честью и будете ему содѣйствовать къ достиженію благихъ предначертаній нашего правительства, одинаково полезныхъ для Россіи и Бухары

Письмо это доставитъ вамъ посланецъ миръ-ахуръ Мулладжанъ, съ которымъ отправлена также часть подарковъ пожалованныхъ высокостепенному эмиру вашему Его Императорскимъ Величествомъ. Остальную часть подарковъ привезетъ съ собою нашъ посланецъ.

При семъ препровождаются къ вамъ нѣкоторыя издѣлія нашихъ фабрикъ; я прошу принять ихъ въ знакъ моей дружбы къ вамъ.

Въ заключеніе желаю вамъ всякаго благополучія и успѣха.

Писано въ престольномъ градѣ С.-Петербургѣ, декабря 24го дня 1857 года.

IV.

Краткая записка о невыгодномъ для Россіи положеніи торговли ея съ Среднею Азіей. *

Торговля Россіи съ владѣніями Средней Азіи находится съ нѣкотораго времени въ положеніи совершенно для насъ невыгодномъ: среднеазіятскіе торговцы почти исключительно овладѣли какъ закупкой русскихъ товаровъ на мѣстѣ производства и распродажей ихъ въ Азіи, такъ закупкой на мѣстѣ среднеазіятскихъ произведеній и распродажей ихъ въ Россіи. Отъ этого происходятъ для насъ двѣ невыгоды: вопервыхъ, всѣ купеческіе барыши отъ производства торговли достаются на долю однимъ среднеазіятскимъ купцамъ; вовторыхъ, русскіе товары обходятся среднеазіятскимъ потребителямъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ, тогда какъ русскіе потребители среднеазіятскихъ произведеній пріобрѣтаютъ ихъ, за отсутствіемъ соперничества со стороны русскихъ купцовъ и по причинѣ стачекъ между среднеазіятскими, относительно дорого.

Русскіе торговцы не могли сдѣлать того что сдѣлали среднеазіятскіе, то-есть не могли забрать въ свои руки оборотовъ среднеазіятскими товарами въ Россіи и русскими въ Средней Азіи. Не отъ нихъ зависѣло даже соперничествовать съ среднеазіятскими торговцами, дѣля торговые барыши, хотя на половину. Многіе изъ русскихъ торговцевъ и въ томъ числѣ люди съ большими капиталами, предпріимчивые и

* См. выше, стр. 425. *Записка* исправлена рукою В. В. Григорьева.

понимавшіе дѣло не хуже Бухарцевъ или Хивинцевъ, долго и постоянно стремились къ упроченію за собою и своими соотечественниками выгодъ отъ среднеазіятской торговли, но всѣ усилія ихъ окончились тѣмъ что они выжиты были туземцами со среднеазіятскихъ рынковъ и больше туда не показываются.

Этому были двѣ причины: во первыхъ, покровительство оказываемое въ Россіи среднеазіятскимъ торговцамъ; во вторыхъ, стѣсненія коимъ русскіе торговцы изъ христіанъ подвергаются въ Средней Азіи отъ тамошнихъ правительствъ, и неудобства терпимыя ими тамъ вслѣдствіе фанатизма обитателей и происковъ туземныхъ купцовъ. Русское правительство, не поставляя никакого различія между подданными своими и Среднеазіятцами, взимаетъ съ тѣхъ и другихъ за привозимые изъ Азіи товары одинаковую пошлину, а за отпускаемые почти никакой, и на одинаковыхъ съ Русскими правахъ, дозволяетъ Среднеазіятцамъ торговать повсюду внутри Имперіи, при безопасности у насъ личности и собственности каждаго и болѣе или менѣе устроенныхъ путяхъ и средствахъ сообщенія, они пользуются этимъ правомъ съ такою же свободой и удобствомъ какъ сами Русскіе.

Правительства среднеазіятскія, за людей почитая однихъ магометанъ, а христіанъ унижая всѣми мѣрами, взимаютъ съ послѣднихъ за ввозимые въ Азію и вывозимые оттуда товары двойную (какъ въ Хивѣ) и даже четверную (какъ въ Бухарѣ) пошлину противъ платимой магометанами; въ Коканскомъ же ханствѣ, при двойной съ христіанскихъ торговцевъ пошлинѣ, по истеченіи полугода, взимается она вновь со всѣхъ оставшихся не распроданными товаровъ.

Затѣмъ, при фанатизмѣ, шаткости правительственной власти и частыхъ внутреннихъ междоусобіяхъ повсюду въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ, христіанскій торговецъ въ самыхъ столицахъ тамошнихъ долженъ жить въ постоянномъ опасеніи за жизнь свою и собственность, не говоря уже о личныхъ оскорбленіяхъ; во внутренности же означенныхъ владѣній не можетъ онъ производить съ удобствомъ почти никакихъ оборотовъ по затруднительности средствъ сообщенія и отсутствію безопасности на дорогахъ. Наконецъ, видя явную для себя выгоду въ вытѣсненіи русскихъ купцовъ съ рынковъ своихъ, среднеазіятскіе купцы нерѣдко прибѣгаютъ для этого къ возбужденію невѣжественныхъ и подозрительныхъ и даже нелѣпыхъ опасеній противъ Русскихъ, вслѣдствіе чего караваны нашихъ купцовъ много разъ были задерживаемы безпричинно, съ огромными отъ того для нихъ убытками; сверхъ того среднеазіятскіе торговцы завлекаютъ соотечественниковъ нашихъ въ разныя непріятности, которыми мѣстные чиновники пользуются для вымогательства отъ нихъ взятокъ, тогда какъ въ Азіи и безъ того шагу нельзя ступить безъ разорительныхъ подарковъ.

По изложеннымъ обстоятельствамъ, съ 1852 года русскіе торговцы христіане не ѣздятъ болѣе въ Среднюю Азію и со-

вершенно прекратили торговлю съ нею или ведутъ ее уже чрезъ коммиссіонеровъ-магометанъ, казанскихъ Татаръ и Киргизовъ Зауральской Орды. Это представляетъ два главныя неудобства: во-первыхъ, рискъ потерять затраченный на покупку товаровъ капиталъ, ибо коммиссіонеру-магометанину ничто не мѣшаетъ, присвоивъ себѣ эти товары, остаться въ Азіи навсегда, чему и бывали примѣры, тогда какъ съ русскими прикащиками этого никогда не случалось; во-вторыхъ, невозможность предпринимать чрезъ этихъ невѣждъ-коммиссіонеровъ, годныхъ только для самыхъ обычныхъ операцій, какіе-либо новые обороты, безъ чего торговля съ Среднею Азіей будетъ постоянно находиться въ теперешнемъ ея жалкомъ состояніи.

Къ измѣненію такого невыгоднаго и, можно сказать, унизительнаго для насъ положенія дѣлъ представляются два средства:

Одно—требовать и настоять чтобы въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ съ русскихъ торговцевъ-христіанъ пошлина товарная взималась въ такомъ же размѣрѣ какъ съ магометанъ. Религіозныхъ препятствій къ этому не имѣется: уставы ислама опредѣляютъ только долю закята какая должна вноситься съ имущества торговцами изъ магометанъ; сборъ же въ томъ или другомъ размѣрѣ пошлины съ товаровъ принадлежащихъ христіанамъ установленъ повсюду въ Азіи свѣтскою властію, слѣдовательно тою же властію можетъ быть и отмѣненъ. Но зная коварный характеръ Азіятцевъ, должно ожидать что еслибы всѣ среднеазіятскія правительства, или какое-либо изъ нихъ, и согласились на означенную уступку офиціальнымъ образомъ, то на дѣлѣ всѣми мѣрами станутъ затруднять ея осуществленіе, и результатомъ права, добытаго съ трудомъ на бумагѣ, будутъ въ сущности лишь новыя потери для русскихъ торговцевъ, которые, понадѣясь на договоръ, вновь рискнутъ отправиться съ товарами въ Среднюю Азію. Поэтому одного пріобрѣтенія означеннаго права на бумагѣ недостаточно, а пользованіе имъ должно быть обезпечено какою-либо, въ случаѣ нарушенія его азіятскими правительствами, возможною и удобною къ исполненію угрозой. Такою угрозой могло бы быть объявленіе что въ случаѣ основательной жалобы русскихъ купцовъ на какія-либо уклоненія среднеазіятскихъ властей отъ точнаго исполненія вышеобъявленной уступки, торговцамъ той страны въ которой допустятся такія уклоненія воспрещено будетъ впредь ѣздить съ товарами своими внутрь Россіи, и дозволится имъ торговать у насъ лишь на мѣновыхъ дворахъ Оренбургской и Сибирской линій.

Другое, привести въ исполненіе воспрещеніе Среднеазіятцамъ торговать внутри Россіи и ограничить дѣйствія ихъ или мѣновыми дворами означенныхъ линій, или городами въ составъ этихъ линій входящими, каковы: Гурьевъ, Уральскъ, Оренбургъ, Орскъ, Верхнеуральскъ, Троицкъ, Петропавловскъ, не домогаясь уже въ такомъ случаѣ помянутаго выше равенства

правъ по уплатѣ пошлинъ въ самой Средней Азіи. Мѣрой этою купечество русское уравнится съ среднеазіятскимъ относительно возможности пріобрѣтенія выгодъ отъ торговли съ Среднею Азіей. Среднеазіятскіе купцы, торгуя на Оренбургской и Сибирской линіяхъ, все-таки въ предѣлахъ Россіи же будутъ сбывать свои товары и покупать русскіе, а нашимъ торговцамъ послѣ этого будетъ еще менѣе возможности показаться въ среднеазіятскихъ владѣніяхъ; но по крайней мѣрѣ тогда среднеазіятскіе купцы не станутъ закупать русскихъ произведеній изъ первыхъ рукъ, и русскіе торговцы получатъ возможность сбывать имъ эти произведенія по гораздо выгоднѣйшимъ чѣмъ теперь цѣнамъ, вслѣдствіе чего для русскихъ потребителей должна наоборотъ понизиться цѣнность среднеазіятскихъ товаровъ.

Что касается до способа осуществленія первой изъ двухъ предложенныхъ мѣръ, равенства пошлинъ въ Средней Азіи для мусульманъ и христіанъ, то всего вѣрнѣе и проще было бы воспользоваться для этого осеннимъ отходомъ каравановъ изъ Оренбурга, и здѣсь, въ пограничной коммиссіи или окружной таможнѣ, собравъ наличное число бухарскихъ и хивинскихъ торговцевъ, предъявить означенное требованіе караванбашамъ,* и письменно обязавъ послѣднихъ довести объ этомъ требованіи до свѣдѣнія ихъ правительствъ, предувѣдомить что безъ положительнаго письменнаго по сему предмету отвѣта, среднеазіятскіе караваны въ предѣлы Россіи впущены не будутъ. Можно смѣло ручаться что если караванбаши и прочее среднеазіятское купечество увидятъ со стороны нашего правительства рѣшительное намѣреніе настоять на своемъ требованіи, то изъ опасенія лишиться крайне выгоднаго для нихъ права торговать на Нижегородской ярмаркѣ и закупать металлическіе товары изъ первыхъ рукъ на заводахъ Оренбургскаго края, сами явятся усерднѣйшими предъ правительствомъ своимъ ходатаями о требуемомъ уравненіи пошлинъ, сколько мѣра эта ни будетъ горестна для ихъ магометанской надменности и непріятна въ другимъ отношеніяхъ.

Такимъ же образомъ можно было бы повѣстить среднеазіятскихъ владѣльцевъ и о положительномъ воспрещеніи ихъ подданныхъ торговать внутри Россіи далѣе Оренбургской линіи, еслибы правительство рѣшилось принять эту мѣру.

„Но“, могутъ возразить на всѣ изложенныя соображенія, „что станемъ мы дѣлать если на требованія и угрозы наши среднеазіятскіе владѣльцы отвѣтятъ прекращеніемъ всякихъ съ нами торговыхъ сношеній?“

На такой вопросъ должно возразить вопросомъ же: „Если мелкіе среднеазіятскіе владѣльцы окажутся оскорблены въ такой мѣрѣ справедливыми требованіями и угрозами нашими,

* Караванбаши суть родъ торговцевъ-консуловъ, ибо званіе это получаютъ отъ своихъ правительствъ, съ обязанностію по всѣмъ дѣламъ единоземцевъ своихъ въ Россіи служить посредниками между ними и Русскими.

то въ какой же мѣрѣ должны оскорбляться честь и достоинство Россіи дѣйствительнымъ уже существованіемъ въ Средней Азіи такихъ унизительныхъ для насъ установъ каковы тамъ пошлинные?"

Далѣе: не можетъ этого случиться, потому что не допустятъ до того свои правительства, подъ угрозой возстанія, сами среднеазіятскіе торговцы, превосходно понимающіе что не Россія нуждается въ торговлѣ съ Среднею Азіей, а Средняя Азія въ торговлѣ съ Россіей, что для насъ временное прекращеніе этой торговли будетъ почти нечувствительно, тогда какъ ихъ разоритъ оно въ конецъ.

Главныя статьи привоза къ намъ изъ Средней Азіи суть хлопокъ, бумажныя издѣлія и мерлушка. Послѣдняя составляетъ для насъ предметъ преимущественно транзитнаго торга; прекращеніе ввоза среднеазіятскихъ бумажныхъ тканей было бы даже выгодно, ибо дало бы большій сбытъ такимъ же тканямъ собственнаго нашего производства, а хлопокъ привозимый изъ Средней Азіи составляетъ лишь $^1/_{20}$ долю того количества хлопчатой бумаги которое получаемъ мы изъ Америки и Ость-Индіи: что же значило бы уменьшеніе привоза на столь малую долю? Второе мѣсто послѣ означенныхъ главныхъ статей занимаютъ въ привозѣ изъ Средней Азіи сухіе фрукты и марена. Первые такого дурнаго качества что не стоятъ даже издержекъ доставки на Нижегородскую ярмарку и потребляются единственно низшимъ классомъ народонаселенія въ Оренбургскомъ и сосѣднемъ Сибирскомъ краѣ; а марена, и притомъ гораздо лучшая среднеазіятской, разводится съ возрастающимъ успѣхомъ въ нашемъ Закавказьѣ. Всѣ означенные товары Среднезіятцы не могутъ сбывать съ выгодой никуда, кромѣ Россіи: ни въ Персію, ни въ Авганистанъ, ни въ Индію, ни въ китайскій Туркестанъ товары эти не требуются, ибо страны эти производятъ ихъ въ изобиліи. Наоборотъ, отъ насъ Среднезіятцы вывозятъ преимущественно такого рода товары которыхъ, по цѣнамъ за какіе эти товары пріобрѣтаются въ Россіи, не могутъ они получать ни откуда въ мірѣ, и которые составляютъ при этомъ насущную потребность Средней Азіи. Таковы металлы: желѣзо, мѣдь, чугунъ и издѣлія изъ нихъ; товаръ кожевенный и деревянный. Безъ нашихъ произведеній, Среднезіятцу не въ чемъ будетъ сварить себѣ пищу, не во что ноги обуть; сверхъ сего, сбытомъ намъ хлопка своего и фруктовъ пріобрѣтаютъ они и наличныя деньги, на которыя покупаютъ потомъ отъ Персіянъ и Авганцевъ то немногое что пригодно имъ изъ произведеній британской промышленности. Послѣднее обстоятельство не выгодно для насъ въ особенности. Взамѣнъ своихъ привозимыхъ въ Россію товаровъ, Бухарцы берутъ нашими только $^5/_7$, а остальныя $^2/_7$ увозятъ звонкою монетой, вслѣдствіе чего въ приличныхъ городахъ Оренбургскаго края ощущается крайній въ ней недостатокъ, съ большими отъ того затрудненіями для всѣхъ внутреннихъ оборотовъ.

И зачѣмъ же терпимъ мы эти затрудненія?

Затѣмъ чтобы доставить Бухарцамъ возможность пріобрѣтать англійскія издѣлія, покупаемыя почти исключительно на чистыя деньги.

Всѣ изложенныя обстоятельства могутъ быть подтверждены обнародованными отчетами таможенъ Оренбургской линіи и другими уважительными свидѣтельствами.

Такимъ образомъ нѣтъ никакой причины опасаться чтобы вслѣдствіе справедливыхъ требованій нашего правительства объ уменьшеніи таможенной пошлины съ христіанъ въ Средней Азіи, или распоряженій его объ ограниченіи правъ среднезіятскихъ торговцевъ въ Россіи, могли произойти какія-либо вредныя для насъ торговыя потрясенія. Уменьшить же означенныя пошлины или ограничить права среднеазіятскихъ торговцевъ требуютъ и честь и выгоды Россіи.

V.

Письмо полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому, отъ 24го мая 1858. *

Идучи по стези, обдумываю я предстоящее мнѣ въ Хивѣ и Бухарѣ дѣло и рѣшился высказать вашему превосходительству нѣкоторыя мысли, родившіяся у меня при сличеніи свѣдѣній находящихся въ Оренбургскомъ краѣ о Средней Азіи съ данною мнѣ инструкціей. Примите ваше превосходительство эти строки за откровенную съ вами бесѣду, на которую вы меня сами неоднократно вызывали предъ отъѣздомъ моимъ изъ С.-Петербурга, а не почтите сіе къ вамъ обращеніе за выраженіе недоумѣнія. Жертвуя собою для пользы службы, не боюсь откровенности. Когда настанетъ время переговоровъ съ ханами, въ случаѣ сомнѣнія и противорѣчія мѣстныхъ обстоятельствъ съ указаніями мнѣ данными, рѣшусь на то что̀ по крайнему моему разумѣнію почту за наиболѣе для насъ выгодное и сообразнѣйшее съ общими видами министерства, но я долгомъ почелъ предувѣдомить васъ о моемъ взглядѣ на обстоятельства касающіяся до порученій Высочайше на меня возложенныхъ, въ томъ вниманіи что если вы увидите что я ошибаюсь, то еще есть время сообщить мнѣ положительныя приказанія министерства.

Въ моей инструкціи сказано что въ случаѣ согласія на всѣ наши требованія бухарскаго правительства, обѣщать ему исполненіе просьбъ предъявленныхъ посланцемъ миръ-ахуромъ Мулладжановымъ. Первая изъ этихъ просьбъ состоитъ въ томъ чтобы бухарскимъ купцамъ дозволено было ѣздить во всѣ, безъ исключенія, города и ярмарки Россійской Имперіи; а вторая, чтобы на Нижегородской ярмаркѣ отводимо было для куп-

* См. выше стр. 432.

цовъ бухарскихъ нѣсколько лавокъ, съ постояннымъ взносомъ за нихъ платы, будутъ ли лавки эти заняты или нѣтъ. Оренбургское начальство старалось убѣдить меня что уже много лѣтъ какъ Бухарцы ѣздятъ по всѣмъ городамъ и ярмаркамъ Имперіи, и что уже издавна разрѣшено оставлять за ними въ Нижегородской ярмаркѣ 19 лавокъ, съ постоянною платой за оныя впередъ. Еще въ 1841 и 1842 годахъ они воспользовались этимъ позволеніемъ, внеся впередъ слѣдующую плату за нѣсколько лавокъ, которыя и были за ними оставлены. Затѣмъ Бухарцы перестали уплачивать за лавки впередъ, и ярмарочная контора стала отдавать ихъ другимъ торговцамъ. Въ ноябрѣ прошлаго 1857 года они представили въ пограничную коммиссію 810 р. сер. за девять лавокъ на сей 1858 годъ. Коммиссія препроводила деньги къ г. нижегородскому военному губернатору, и лавки будутъ оставлены за Бухарцами. Сколько я могъ понять изъ разговоровъ съ бухарскимъ посланцемъ, Бухарцы желаютъ чтобы нѣкоторое число лавокъ было для нихъ предоставлено разъ навсегда, на подобіе того какъ въ Нижегородской ярмаркѣ устроены отдѣльныя лавки для китайскихъ торговцевъ. Что же касается до просимаго права торговать вездѣ въ Россіи безпрепятственно, то, какъ кажется, Бухарцы подразумѣваютъ освобожденіе отъ обязанности брать купеческія свидѣтельства съ опредѣленнымъ платежемъ, что дозволено имъ только до сего времени на Нижегородской, Ирбитской, Тюменьской и Коренной ярмаркахъ. Мнѣ не извѣстно сходится ли толкованіе это бухарскихъ просьбъ съ видами министерства; чтобы не обѣщать лишняго, употреблю по возможности въ проектѣ обязательнаго акта, который я долженъ представить эмиру, тѣ же самыя слова которыми выражены въ моей инструкціи обѣщанія наши, но опасаюсь что Бухарцы не оцѣнятъ этихъ даруемыхъ льготъ, и что эмиръ не сочтетъ себя достаточно удовлетвореннымъ для подписанія акта.

Сомнительно чтобы Бухарскій и Хивинскій ханы согласились на присутствіе въ Бухарѣ и въ Хивѣ нашихъ торговыхъ агентовъ; но можетъ-быть что соглашаясь на наши требованія, они положатъ условія чтобы во время ярмарки находились такіе же агенты изъ ихъ ханствъ. Соглашаться ли на сіе или нѣтъ? Я полагаю что первое было бы для насъ небезвыгодно, и что не только слѣдовало бы включить въ обязательные акты дозволеніе на пребываніе въ Оренбургѣ бухарскихъ и хивинскихъ торговыхъ агентовъ, но даже намѣренъ во время переговоровъ объ учрежденіи нашихъ агентствъ въ ханствахъ намекнуть ханамъ что въ случаѣ принятія нашихъ требованій будетъ соблюдена взаимность и съ нашей стороны, а также постараюсь выставить имъ ту пользу которую имъ могутъ принести постоянные представители въ Оренбургѣ.

Такъ какъ вообще обѣщанія наши взамѣнъ требуемыхъ нынѣ отъ правителей Бухары и Хивы будутъ въ сущности

ничтожны и преимущественно должны заключаться въ громкихъ, но пустыхъ фразахъ, то не лучше ли для убѣжденія хановъ въ необходимости принять и подписать предлагаемые имъ акты, угрожать въ случаѣ отказа отнять существующія доселѣ для Азіятцевъ торговыя льготы, выразивъ имъ при этомъ что мы безъ азіятскихъ товаровъ обойтись можемъ. Одобритъ ли министерство мои дѣйствія и поддержитъ ли въ случаѣ надобности мои угрозы? Во всякомъ случаѣ я намѣренъ, при крайности, испытать сей способъ убѣжденія.

Въ инструкціи мнѣ данной сказано также что въ случаѣ просьбы Бухарскаго хана помочь ему въ войнѣ противъ Коканцевъ, не давать ему положительнаго отвѣта; съ выходцами же и съ посланцами изъ Кокана и Ташкента быть осмотрительнѣе. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Коканцы не перестаютъ дѣйствовать тайно, а часто и явно, враждебно въ отношеіи къ намъ. Мнѣ кажется что достоинство Россіи требуетъ чтобы мы обращались съ Коканцами какъ съ людьми заслуживающими справедливаго наказанія, и не только не входили бы съ ними въ переговоры, но и въ Бухарѣ, гдѣ вполнѣ извѣстны безнаказанныя враждебныя дѣйствія Коканцевъ въ отношеніи къ намъ, мы не иначе о нихъ выражались какъ о разбойникахъ, съ которыми не стоитъ имѣть дѣла и которыхъ мы, при первомъ новомъ преступленіи, намѣрены наказать. Едва ли выгодно для насъ, въ случаѣ еслибъ эмиръ Бухарскій попросилъ помощи Россіи въ войнѣ съ Коканомъ, отказать ему въ этомъ и не воспользоваться симъ случаемъ *чтобы связать Сыръ-Дарьинскую линію съ Сибирскою, занявъ Туркестанъ и Ташкентъ*. Бухарское ханство, даже еслибы оно усилилось на счетъ Коканскаго, не можетъ сдѣлаться для насъ опаснымъ, по невоинственности народа и потому что эмиру трудно будетъ, какъ этому уже были неоднократно примѣры, удержать завоеванную часть Кокана въ покорности. Содѣйствовать даже только нравственно Коканцамъ противъ Бухарцевъ было бы совершенно противно нашимъ выгодамъ. Надежда эта на нашу помощь съ этой стороны заставила бы вѣроятно эмира быть сговорчивѣе на принятіе всѣхъ нашихъ требованій. Не видя никакой прямой пользы себѣ отъ союза съ Россіей, хитрый, опытный эмиръ едва ли поступитъ въ отношеніи ко мнѣ иначе какъ поступилъ съ нашею миссіей въ 1841 году, которая была принята весьма дурно, имѣла совершенный неуспѣхъ и не только не могла согласить эмира на удовлетвореніе хотя одного изъ нашихъ требованій, но подверглась различнымъ непріятностямъ.

Для убѣжденія хана Хивинскаго въ пользѣ дать русскимъ судамъ право свободнаго плаванія по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, необходимо обѣщать ему какія-либо денежныя выгоды; можно бы сказать хану что теперь караваны идущіе въ Бухару и изъ Бухары въ Россію не доставляютъ ему никакихъ доходовъ, но что съ допускомъ торговаго судоходства по рѣкѣ Аму-Дарьѣ, все движеніе товаровъ обратится преимущественно

чрезъ хивинскія владѣнія, и что Россія согласна допустить сборъ двухъ-процентной пошлины съ дѣйствительной цѣнности проходящихъ на судахъ мимо хивинскихъ владѣній внизъ и вверхъ по рѣкѣ товаровъ, что̀ очевидно принесетъ приращеніе ханской казнѣ. Намъ же пошлина будетъ не обременительна.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ допустить взиманіе этой пошлины на первые два или три года, а потомъ, съ развитіемъ судоходства на Аральскомъ морѣ и рѣкѣ Аму-Дарьѣ, легче будетъ намъ потребовать отъ Хивинцевъ уничтоженіе пошлины съ судовъ не выгружающихъ свои товары въ хивинскихъ владѣніяхъ.

VI.

Предписаніе министра иностранныхъ дѣлъ флигель-адъютанту Игнатьеву, 19го іюля 1858. *

Въ письмѣ къ директору азіятскаго департамента, отъ 24го мая, вы изложили нѣкоторыя мысли относительно возложеннаго на васъ порученія. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Изъ отзывовъ оренбургскаго начальства и вашихъ разговоровъ съ бывшимъ здѣсь бухарскимъ посланцемъ, оказывается что послѣдній не ясно изложилъ ходатайство своего правительства о предоставленіи въ Россіи подданнымъ эмира нѣкоторыхъ преимуществъ по торговлѣ. Какъ вы должны обѣщать удовлетвореніе сего ходатайства, если эмиръ исполнитъ наши требованія, то необходимо разъяснить сомнѣніе.

2) Домогаясь права имѣть агентовъ въ Хивѣ и Бухарѣ, мы должны допустить пребываніе агентовъ обоихъ хановъ въ Оренбургѣ.

3) Угроза что бухарскіе и хивинскіе купцы лишатся льготъ которыми пользуются у насъ, если ихъ правительства отвергнутъ наши требованія, была бы дѣйствительнымъ средствомъ къ побѣжденію ихъ упорства.

4) Намъ надлежало бы помогать Бухарскому эмиру въ его войнѣ съ Коканомъ и воспользоваться случаемъ для соединенія Сыръ-Дарьинской линіи съ Сибирскою занятіемъ Туркестана и Ташкента.

5) Вы полагаете что ваше обращеніе съ Коканцами и ваши отзывы о нихъ, особенно въ Бухарѣ, должны быть выраженіемъ мнѣнія нашего правительства о сихъ хищническихъ племенахъ, продолжающихъ оказывать враждебное къ намъ расположеніе.

6) Хивинскій ханъ охотно предоставитъ намъ право плаванія по Аму-Дарьѣ, если мы объявимъ что согласны на взиманіе въ его пользу 2½ процентовъ, съ цѣнности русскихъ товаровъ которые будутъ провозимы по сей рѣкѣ.

Я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору о воз-

* См. выше стр. 432.

бужденныхъ вами вопросахъ, и въ разрѣшеніе ихъ послѣдовала Высочайшія резолюціи, которыя сообщаю вамъ къ исполненію:

1) Удостовѣрьтесь на мѣстѣ какихъ именно торговыхъ преимуществъ хотятъ Бухарцы. Нѣтъ другаго средства разъяснить сей предметъ.

2) Если намъ будетъ предоставлено право имѣть агентовъ въ Хивѣ и Бухарѣ, то мы допустимъ пребываніе въ Оренбургѣ торговыхъ агентовъ обоихъ хановъ.

3) Отъ вашего усмотрѣнія зависитъ, въ случаѣ нужды, намекнуть ханамъ о возможности отмѣны торговыхъ преимуществъ которыми пользуются у насъ ихъ подданные, но не прибѣгайте къ явной угрозѣ, которой мы не могли бы исполнить безъ вреда для нашей торговли, и которая при недѣйствительности оной, поставила бы насъ въ затруднительное положеніе.

4) Не желая, съ одной стороны, въ настоящее время распространенія нашихъ азіятскихъ владѣній вооруженною рукой, и будучи убѣждены, съ другой, что Бухарскій эмиръ не можетъ быть намъ надежнымъ союзникомъ, мы не имѣемъ повода къ принятію участія въ его войнѣ съ Коканомъ.

5) Ваше благоразуміе и ближайшія соображенія на мѣстѣ укажутъ вамъ какъ вы должны обращаться съ Коканцами, которыхъ вы встрѣтили въ хивинскихъ и бухарскихъ владѣніяхъ, и до какой степени могутъ быть откровенны ваши отзывы о нихъ.

6) Вопросъ, можно ли допустить установленіе въ пользу Хивинскаго хана пошлины съ русскихъ товаровъ которые были бы провозимы по Аму-Дарьѣ, въ случаѣ предоставленія намъ права плаванія по сей рѣкѣ, долженъ быть предварительно разсмотрѣнъ въ министерствѣ финансовъ.

VII.

Письмо полковника Игнатьева къ мехтару. *

Посланцы высокостепеннаго хана передали просьбу Великому Государю моему о присылкѣ въ Хиву довѣреннаго лица для переговоровъ.

Избранный для сего лестнаго назначенія и облеченный довѣріемъ Государя, я снабженъ Высочайшими грамотами и подарками для хана, а также подарками къ высшимъ сановникамъ ханства.

Вамъ не безызвѣстно вѣроятно что примѣру всѣхъ народовъ свѣта, прославшихъ посольства къ Великому Государю моему съ поздравленіями, по случаю восшествія на прародительскій престолъ, и съ просьбой о дружбѣ и благорасположеніи, послѣдовалъ не одинъ ханъ Ховарезмскій, но также и Бухарскій. Въ отвѣтъ на сіе мнѣ Высочайше поручено быть

* См. выше стр. 436.

уполномоченнымъ посланцемъ, для веденія переговоровъ какъ въ Хивѣ такъ и въ Бухарѣ. Впрочемъ объ этомъ вы уже поставлены въ извѣстность письмомъ отъ господина оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора. Исполняя данное мнѣ порученіе, я отправился изъ Оренбурга, но несмотря на все мое стараніе прибыть наиспѣшнѣйшимъ образомъ въ Хиву, мнѣ стоило много усилій, по множеству и громоздкости подарковъ и тяжести моего обоза, дойти до Аральскаго моря, тѣмъ болѣе что я постоянно опасался чтобы драгоцѣнные подарки везомые мною въ Хиву не были испорчены при вьючкѣ и развьючкѣ верблюдовъ. Дойдя такимъ образомъ 18го іюня до Аральскаго моря, я нашелся вынужденнымъ отказаться отъ своего намѣренія везти подарки сухимъ путемъ, и нагрузилъ эти вещи, а также часть тяжестей посольства, на два судна, изъ числа плавающихъ по Аральскому морю.

Желая какъ можно скорѣе представиться хану и опасаясь потерять время въ перелискѣ, а также убѣжденный въ дружелюбномъ расположеніи хана и въ намѣреніи его поддержать и укрѣпить существующія уже пріязненныя сношенія между Хивой и Россіей, я поставилъ себѣ обязанностію, продолжая слѣдовать лично съ моею свитой сухимъ путемъ въ Хиву, отправить безотлагательно двухъ изъ моихъ чиновниковъ съ подарками Его Величества къ хану и съ частью вещей посольства на двухъ судахъ въ рѣку Аму-Дарью, предписавъ имъ идти прямо въ городъ Кунградъ, гдѣ ожидать для дальнѣйшаго плаванія по рѣкѣ Аму, до ближайшаго въ Хивѣ удобнаго мѣста для выгрузки подарковъ, прибытія ханскаго чиновника коему поручено будетъ сопровождать означенныя суда. Считаю нужнымъ васъ предувѣдомить что посылаемыя мною суда нужны мнѣ будутъ въ рѣкѣ Аму-Дарьѣ также для того чтобы плыть рѣкой въ бухарскія владѣнія и избѣгнуть такимъ образомъ, бѣдственнаго лѣтомъ и осенью, для каждаго путешественника, а для большаго посольства невозможнаго, странствованія изъ Хивы безводными песками Кизиль-Кума, въ Бухару.

Письмомъ отъ оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора предупреждены вы что важныя обязанности на меня возложенныя лишаютъ меня удовольствія оставаться такъ долго какъ желалъ бы я этого въ счастливой столицѣ Хивы и принуждаютъ меня, пробывъ въ ханствѣ только нужное для веденія переговоровъ время, поспѣшить отъѣздомъ въ Бухару. Обязанностью вмѣняю себѣ увѣдомить васъ также что опрашивая попадавшіеся мнѣ навстрѣчу караваны шедшіе изъ Хивы, а также Киргизовъ бывшихъ недавно въ ханствѣ, съ соболѣзнованіемъ узналъ я о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Туркменовъ противъ владѣній высокостепеннаго хана и объ осадѣ въ которой находятся теперь города Кунь-Ургенчъ и Ходжейли. Хотя Туркмены неоднократно обращались къ Великому Государю моему съ просьбой о принятіи ихъ въ наше подданство, а Атамуратъ ищетъ нашего покровительства, но

я, зная пріязненное расположеніе Государя моего къ высокостепенному хану и желая доказать всѣмъ желаніе наше заключить съ высокостепеннымъ ханомъ дружественный актъ,—избѣгаю близкихъ сношеній съ Туркменами, несмотря на ихъ пламенное желаніе видѣться со мною, и рѣшаюсь чтобы не встрѣтиться съ Атамуратомъ, несмотря на удобства представляемыя путемъ пролегающимъ чрезъ Кунь-Ургенчъ и Ходжейли,—не слѣдовать на эти города, а избрать болѣе трудный путь на Хиву, ведущій чрезъ Кунградъ,—ежели только окажется возможнымъ переправиться моему каравану чрезъ Айбугирскій заливъ.

Нахожусь въ убѣжденіи что высокостепенный ханъ сумѣетъ оцѣнить вниманіе оказанное ему Императоромъ Россійскимъ отправленіемъ моимъ въ Хиву и побужденія заставившія меня, изъ желанія угодить хану, пренебречь трудностями пути мною теперь избраннаго, и пожелаетъ доказать свои мирныя и дружелюбныя намѣренія скорымъ заключеніемъ со мною письменнаго трактата.

Въ заключеніе прошу васъ, почтенный и уважаемый мехтаръ, довести до свѣдѣнія хана все то изъ моего письма что почтете за нужное и испросить у хана приказаніе:

1) Отмѣнивъ отправленіе почетнаго конвоя для моей встрѣчи въ Кунь-Ургенчъ (исполненіе сего было бы для васъ теперь едва ли и возможно), командировать довѣреннаго чиновника въ Кунградъ, для встрѣчи посольства и сопровожденія меня по ханству.

и 2) Предписать сему лицу имѣть особенное раченіе о безпрепятственномъ плаваніи судовъ моихъ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ и о доставленіи всякаго пособія командированнымъ мною на оныхъ чиновникамъ для доставленія въ цѣлости упомянутыхъ подарковъ и вещей въ Хиву.

За симъ прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и пріязненныхъ чувствахъ и въ твердомъ моемъ намѣреніи употребить всевозможное стараніе содѣйствовать скрѣпленію дружбы и пріязни между Россіей и Хивой.

VIII.

Письмо полковника Игнатьева къ кунградскому градоначальнику. *

Уполномоченный для веденія переговоровъ въ Хивѣ, вслѣдствіе просьбы высокостепеннаго хана Харезмскаго, я долгомъ считаю увѣдомить васъ что, по невозможности везти сухопутьемъ, чрезъ Усть-Уртъ, великолѣпныя и громоздкія подарочныя вещи, посланныя Великимъ Государемъ моимъ высокостепенному хану, а также нѣкоторыя изъ тяжестей посольства, я былъ поставленъ въ необходимость, дойдя изъ

* См. выше стр. 436.

Оренбурга съ большими затрудненіями до Аральскаго моря, приказать нагрузить помянутыя вещи, которыя могутъ быть доставлены безвредно въ Хиву только водой, на два изъ нашихъ судовъ плавающихъ по Аральскому морю и отправить при нихъ двухъ изъ моихъ чиновниковъ. Этимъ довѣреннымъ чиновникамъ предписано, войдя на упомянутыхъ судахъ въ рѣку Аму-Дарью, подняться по рѣкѣ безостановочно прямо до города Кунграда и выждать въ этомъ городѣ для дальнѣйшаго плаванія по рѣкѣ Аму, до ближайшаго къ Хивѣ удобнаго мѣста для выгрузки подарковъ, прибытія ханскаго чиновника, о высылкѣ котораго для сопровожденія судовъ, съ цѣлію безпрепятственнаго слѣдованія оныхъ выше Кунграда, а также для оказанія пособія моимъ чиновникамъ, я просилъ почтеннаго мехтара письмомъ отъ 12го іюня, посланнымъ съ урочища Каска-Джула, по Аральскому морю, съ нарочнымъ прямо въ Хиву.

Нахожусь въ убѣжденіи что вы, зная дружелюбныя отношенія хана къ Россіи и пріязненныя отношенія существующія между Хивой и Россіей, постараетесь содѣйствовать общимъ усиліямъ всѣхъ благомыслящихъ людей скрѣпить еще болѣе эту дружбу новыми доказательствами благорасположенія двухъ государствъ другъ къ другу, сдѣлавъ не только надлежащія распоряженія для воспрепятствованія кому-либо поступать недружелюбно въ отношеніи нашихъ двухъ чиновниковъ и судовъ на коихъ они находятся, но и примете ихъ какъ слѣдуетъ, то-есть привѣтливо и дружелюбно, а также окажете имъ всякое содѣйствіе, какъ для безпрепятственнаго плаванія по рѣкѣ, такъ и для отправленія, въ случаѣ надобности, извѣщеній ко мнѣ, и будете содѣйствовать доставленію моихъ приказаній на эти суда, ежелибы я встрѣтилъ въ томъ надобность.

Наслышавшись про ваше благоразуміе и мудрость, я убѣжденъ что вы остережетесь подать поводъ къ какому-либо неудовольствію относительно пріема чиновниковъ и плаванія судовъ, несущихъ драгоцѣнные подарки высокостепенному хану, и вашими дѣйствіями заслужите вполнѣ мою личную благодарность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшаю васъ увѣдомить что я, лично, со ввѣренною мнѣ миссіей, слѣдую сухимъ путемъ по Усть-Урту, и затѣмъ, переправившись черезъ Айбугирскій заливъ, имѣю намѣреніе идти чрезъ Кунградъ прямо въ Хиву. Надѣюсь, такимъ образомъ, имѣть въ скоромъ времени удовольствіе съ вами лично познакомиться.

Долгомъ почелъ поставить васъ въ извѣстность о вышеизложенномъ на тотъ случай ежелибы вы не успѣли до прибытія моихъ чиновниковъ получить отъ мехтара предписаніе относительно пріема судовъ нашихъ и принятія мѣръ для встрѣчи посольства и безпрепятственнаго слѣдованія онаго въ Хиву.

IX.

Предписаніе капитану 1го ранга Бутакову, 20го іюня 1858. *

На основаніи Высочайше утвержденнаго и извѣстнаго вашему высокоблагородію положенія комитета о дѣйствіяхъ въ Хивѣ Аральской флотиліи и посольства, предполагалось подчиненнымъ вамъ судамъ войти въ рѣку Аму-Дарью не иначе какъ съ предварительнаго на это согласія Хивинскаго хана. Имѣя въ виду, съ одной стороны, что подобное согласіе, по свойственной Азіятцамъ подозрительности, или могло быть вовсе не получено, или еслибъ и получилось, то въ такое позднее время когда проходъ судовъ былъ бы невозможенъ, а съ другой, то что въ морскомъ отношеніи особую важность имѣетъ изслѣдованіе фарватера рѣки, преимущественно до города Кунграда, я рѣшился, вслѣдствіе настоящаго положенія дѣлъ въ ханствѣ, направить два изъ судовъ флотиліи, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ рѣку Аму-Дарью до города Кунграда, одновременно съ движеніемъ туда миссіи по сухому пути. Собственно предлогъ будетъ состоять въ порученіи судамъ нашимъ перевезти водой подарки Хивинскому хану, которые, по своей драгоцѣнности и громоздкости, ни подъ какимъ видомъ не могли быть подвергнуты случайностямъ сухопутнаго передвиженія. Объяснивъ подробно въ письмѣ къ мехтару, содержаніе коего вамъ извѣстно, причины вынудившія меня дать приказаніе двумъ судамъ нашимъ войти въ рѣку Аму-Дарью, и просивъ его, съ доклада хану, выслать для встрѣчи и препровожденія этихъ судовъ довѣреннаго чиновника, я обращаюсь къ вашему высокоблагородію съ покорнѣйшею просьбой исполнить слѣдующее: По нагрузкѣ на пароходъ *Перовскій* всѣхъ сдаваемыхъ туда миссіей подарочныхъ и другихъ вещей, какъ это будетъ объяснено ниже, отправиться завтра, то-есть 21го іюня, къ устьямъ рѣки Аму-Дарьи, откуда съ двумя какими-либо судами флотиліи, которые вы сочтете наиболѣе удобнѣйшими для плаванія, слѣдовать вверхъ по рѣкѣ до города Кунграда.

Признаваемую вами необходимою предварительную рекогносцировку самаго устья рѣки можно бы было допустить только въ такомъ случаѣ ежели она будетъ произведена вами со всевозможною осмотрительностію и не повлечетъ за собой никакихъ дурныхъ послѣдствій для достиженія общей цѣли миссіи и флотиліи, то-есть свободнаго плаванія вверхъ по Аму-Дарьѣ; во всякомъ случаѣ я предоставляю обозрѣніе это вашему ближайшему усмотрѣнію и соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ, лишь бы только въ рѣкѣ не находилось ни подъ какимъ предлогомъ одновременно болѣе двухъ судовъ, что̀

* См. выше, стр. 438.

противорѣчило бы извѣщенію сдѣланному мною о флотиліи кунградскому начальнику.

Если же, какъ вы мнѣ сообщали словесно, вы найдете болѣе удобнымъ для судовъ нашихъ подняться по рѣкѣ не по Талдыкскому устью, а по вновь прорытому рѣкой восточному руслу, то въ такомъ случаѣ я прошу ваше высокоблагородіе остановиться съ судами вошедшими въ рѣку въ мѣстѣ соединенія этого новаго рукава съ главнымъ русломъ рѣки, гдѣ и ожидать отъ меня дальнѣйшихъ извѣщеній.

Какъ при проходѣ чрезъ одно русло рѣки, такъ равно и чрезъ другое, я покорнѣйше прошу васъ стараться прибыть къ Кунграду не ранѣе 25го числа сего іюня и не позже утра 26го, а если вы остановитесь нѣсколько выше означеннаго города, то не ранѣе 27го числа, то-есть времени прибытія миссіи въ окрестности мѣста вашей стоянки. Для доставки сухопутьемъ отъ мѣста высадки и до Хивы ящиковъ съ подарочными вещами, я назначаю гвардіи генеральнаго штаба штабсъ-капитана Салацкаго и топографа Недорѣзова, которымъ предписано немедленно явиться на пароходъ *Перовскій*.

Затѣмъ желательно было бы относительно производства самаго плаванія по Аму-Дарьѣ придержаться нижеслѣдующихъ правилъ, если только по мѣстнымъ обстоятельствамъ исполненіе для флотиліи окажется удобнымъ и возможнымъ.

1. Сообразовать плаваніе флотиліи по Аму-Дарьѣ съ содержаніемъ изложеннаго въ письмѣ моемъ къ кунградскому начальнику, въ копіи у сего прилагаемомъ.

2. Въ случаѣ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій Хивинцевъ противъ судовъ которые будутъ слѣдовать по Аму-Дарьѣ, и если эти дѣйствія будутъ производимы мѣстными жителями и притомъ въ видѣ какихъ-либо ничтожныхъ попытокъ задержать флотилію, то, не обращая на нихъ вниманія, продолжать путь къ Кунграду.

3. Въ случаѣ остановки плаванія флотиліи какимъ-либо офиціальнымъ лицомъ изъ Хивинцевъ, предъявить ему открытое предписаніе данное мною штабсъ-капитану Салацкому и отвѣчать прямо что инымъ способомъ подарочныя вещи, какъ имѣющія особую драгоцѣнность, направлены быть не могли, въ особенности изъ опасенія порчи ихъ при перевозкѣ сухимъ путемъ, и что поэтому, безъ особаго моего разрѣшенія, вещи эти, а слѣдовательно и самое плаваніе судовъ остановлено быть не можетъ. Если же, несмотря на это, хивинскій чиновникъ будетъ требовать положительно остановки судовъ, то въ такомъ случаѣ просить его послать за приказаніемъ на этотъ счетъ ко мнѣ нарочнаго, объяснивъ однакоже при этомъ что, задерживая подарки, чиновникъ тѣмъ самымъ вредитъ интересамъ хана, оказывая на первыхъ же порахъ недовѣріе къ такой могущественной державѣ какъ Россія, дружественно расположенной къ Хивѣ.

4. Наконецъ, еслибы Хивинцы допустили перевозку вещей водой, но неиначе какъ на собственныхъ хивинскихъ судахъ,

то въ крайнемъ случаѣ, согласясь на это предложеніе, слѣдуетъ однакоже настоять всѣми мѣрами чтобы на судахъ этихъ для надзора за вещами непремѣнно слѣдовали штабсъ-капитанъ Салацкій, одинъ изъ морскихъ офицеровъ и два матроса въ видѣ прислуги. Морской офицеръ командируемый для этой цѣли выбирается начальникомъ флотиліи и долженъ получить инструкцію для общаго обозрѣнія и возможно подробнаго изслѣдованія фарватера рѣки.

5. При отправкѣ ко мнѣ нарочнаго, штабсъ-капитану Салацкому, испросивъ предварительно согласіе ваше, стараться присоединить къ нему подъ какимъ-либо предлогомъ, и если не будетъ угрожать особой опасности, топографа Недорѣзова, дабы такимъ образомъ доставить Недорѣзову возможность набросать топографическій очеркъ той прибрежной части ханства по которой онъ будетъ проѣзжать. Вообще оказаніе со стороны морской содѣйствія, при всякомъ удобномъ случаѣ, штабсъ-капитану Салацкому или состоящему при немъ топографу, для обзора различныхъ мѣстностей, я считалъ бы крайне полезнымъ.

Сообщая о вышеизложенномъ вашему высокоблагородію, считаю нужнымъ покорнѣйше просить васъ набросать на основаніи всѣхъ извѣстныхъ вамъ данныхъ о плаваніи судовъ по Аму-Дарьѣ краткую программу для дѣйствій отправляемой въ эту рѣку нашей флотиліи, и какъ эту программу, такъ равно инструкцію которою вы снабдите того изъ гг. морскихъ офицеровъ который въ случаѣ необходимости будетъ посланъ на хивинскихъ судахъ, препроводить ко мнѣ при удобномъ случаѣ.

Кромѣ поименованныхъ уже лицъ, на пароходъ *Перовскій* поступаютъ нынѣ же іеромонахъ Фотинъ, назначенный на Аральскую флотилію и состоящій при миссіи фотографъ подпоручикъ Муренковъ, долженствующій слѣдовать на судахъ по Аму-Дарьѣ впредь до новаго распоряженія. Относительно же тяжестей, кромѣ сданныхъ уже вамъ семи вьюковъ съ различными вещами, на пароходѣ имѣютъ быть помѣщены также шесть вьюковъ съ фотографическими инструментами, два вьюка съ различными мелочными казенными вещами (вѣсомъ около 40 пудовъ) и пятидневное запасное продовольствіе на всю миссію, вѣсомъ приблизительно около 215 пудовъ. Для облегченія же парохода, взамѣнъ имѣющихъ поступить на него вещей, я прошу ваше высокоблагородіе находящіеся въ вѣдѣніи вашемъ 60 пудовъ прессованнаго сѣна приказать сдать начальнику конвоя миссіи, войсковому старшинѣ Буренину, а находящіяся на пароходѣ 25 четвертей овса переложить на одну изъ имѣющихъ отправиться съ вами вверхъ по Аму-Дарьѣ барокъ, съ тѣмъ чтобъ овесъ этотъ былъ переданъ миссіи въ городѣ Кунградѣ или въ другомъ какомъ-либо удобномъ пунктѣ.

Находящихся на пароходѣ пять уральскихъ казаковъ и пять пѣхотинцевъ прошу оставить на суднѣ впредь до особаго моего извѣщенія.

X.

Донесеніе есаула Бородина полковнику Игнатьеву, 7го іюля 1858. *

По выступленіи моемъ съ конвоемъ миссіи изъ Кунграда, для препровожденія лошадей, первоначально шелъ я внизъ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Въ пяти верстахъ ниже Кунграда переправился черезъ Талдыкъ-Дарью на двухъ лодкахъ, а лошадей переправили вплавь; переправа продолжалась внизъ по теченію означенной рѣки; чиновники хивинскіе, провожавшіе меня, были впереди и наконецъ и совсѣмъ скрылись изъ виду, такъ что къ вечеру я шелъ совершенно одинъ, отыскивая себѣ дорогу, и не дошедши до назначеннаго ночлега, принужденъ былъ остановиться въ 10 часовъ вечера, гдѣ привелось. На пути отъ переправы до ночлега у меня пало три казенныя лошади; причины отношу къ затруднительной переправѣ черезъ Талдыкъ-Дарью. Въ этотъ день люди и лошади остались безъ продовольствія.

На слѣдующій день увидѣлъ я на Аму-Дарьѣ пароходъ, который оказался отъ ночлега только въ одной верстѣ; Хивинцы, увидѣвъ что идетъ пароходъ, объявили мнѣ что и насъ переправятъ черезъ рѣку здѣсь же и поведутъ меня сухимъ путемъ; для чего уѣхали въ Кунградъ за лодками, и я долженъ былъ ожидать ихъ возвращенія; они же вернулись только на слѣдующій день къ вечеру, съ извѣстіемъ что есаулъ-баши лодокъ не даетъ, а поведутъ насъ другою дорогой, вслѣдствіе чего я, 4го іюля, въ 4 часа утра, выступилъ на дальнѣйшее слѣдованіе къ тому мѣсту откуда нужно идти водой; прошедши до 12ти верстъ, хивинскіе чиновники бывшіе при мнѣ, по собраннымъ ими свѣдѣніямъ отъ кочующихъ въ этихъ мѣстахъ Каракалпаковъ, узнали что дорога по которой намъ слѣдовало идти вся затоплена водой, почему мы повернули въ обходъ и направились опять къ Талдыкъ-Дарьѣ, и продолжая идти вдоль ея теченія до 6 часовъ вечера, остановились близъ разливовъ, на безплодномъ мѣстѣ. Въ этотъ день пройдено слишкомъ 52 версты; день былъ жаркій; лошади и люди утомились, а провожавшіе Хивинцы объявили что продовольствія у нихъ какъ для лошадей, такъ и на людей нѣтъ, и что я долженъ идти безъ продовольствія до тѣхъ поръ пока не встрѣтимъ на Аму-Дарьѣ какой-то базаръ, гдѣ они обѣщались сыскать все нужное, а до него ходу не менѣе четырехъ сутокъ, и сами уѣхали въ аулъ.

Я же между тѣмъ узналъ отъ Каракалпаковъ что вода постоянно прибываетъ, и что нѣкоторые изъ нихъ откочевываютъ и они окапываются дабы ихъ не затопило, въ чемъ я лично удостовѣрился во время слѣдованія пройденнаго перехода,

* См. выше, стр. 443.

какъ вода заливала канавы бывшія сухими, которыя мы переходили, гдѣ вода была до сѣдельнаго вальтрала.

На слѣдующій день я снова долженъ былъ обходить разливы и потомъ уже идти цѣлый день водой, доходящею до сѣдла лошади, а по словамъ кочующихъ Каракалпаковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вплавь. Они прибавляли, мы въ одинъ день никакъ не успѣемъ пройти воду, а для ночлега сухаго мѣста не найдется.

Сообразивъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, я никакъ не могъ идти далѣе, вопервыхъ, не имѣя продовольствія на людей и фуража на лошадей; вовторыхъ, нѣкоторые изъ конвойныхъ людей, не умѣющіе плавать и притомъ имѣя по пяти и шести заводскихъ лошадей, могли подвергнуться гибели при глубокихъ мѣстахъ или рытвинахъ; и втретьихъ, еслибъ я пошелъ водой и не успѣлъ въ одинъ день пройти ее, вода, постоянно прибывая, затопила бы и послѣднія мѣста гдѣ можно имѣть ночлегъ; тогда я подвергалъ какъ людей, такъ и лошадей всего отряда неизбѣжной гибели. То мѣсто гдѣ я ночевалъ съ отрядомъ находится не далѣе 15 верстъ отъ моря; повсемѣстно разливы покрытые камышемъ весьма затруднительны для перехода и въ обыкновенное время, а въ настоящее нахожу болѣе затрудненія ихъ перейти съ такимъ количествомъ людей и лошадей какъ у меня.

Вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ, я вернулся обратно въ Кунградъ и видѣлся съ есауломъ-баши, который обѣщался отыскать другую дорогу, но также съ тѣмъ что за цѣлость людей и лошадей онъ не ручается; о чемъ почтительнѣйше имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего высокоблагородія и доложить что въ продовольствіи моего конвоя я вездѣ встрѣчаю весьма ощутительный недостатокъ, который меня ставитъ въ совершенную невозможность идти такимъ трактомъ кромѣ какъ только на лодкахъ по слѣдамъ вашимъ, на что буду ожидать вашего разрѣшенія.

XI.

Изъ донесенія капитана Бутакова полковнику Игнатьеву отъ 3го іюля. *

Въ 8 часовъ утра сошелъ я на берегъ въ мундирѣ и эполетахъ, взявъ съ собой гг. Салацкаго, Муренко и топографа Недорѣзова. Я былъ принятъ съ большимъ почетомъ, но на всѣ мои доводы, кунградскій губернаторъ положительно объявилъ что онъ не можетъ позволить намъ пройти далѣе, что запрещеніе хана формальное, и что онъ долженъ будетъ отвѣчать своею головой. Тогда, принявъ въ соображеніе неутѣшительное состояніе въ которомъ находятся лейтенантъ Можай-

* См. выше стр. 448.

скій, лейтенантъ Зеленинъ, съ своими лошадьми, и даже вы сами съ вашимъ посольствомъ, въ совершенной зависимости у Хивинцевъ, я счелъ неосторожнымъ, ворвавшись почти силой въ Кунградъ, раздражать ихъ еще болѣе и увеличивать ужасъ который и такъ уже овладѣлъ ими при моемъ появленіи. Итакъ, имѣю честь ожидать вашихъ дальнѣйшихъ приказаній.

Считаю долгомъ представить на ваше усмотрѣніе слѣдующія обстоятельства:

1. Не могу скрыть отъ васъ что я добрался сюда съ большимъ трудомъ, и *единственно* только благодаря изобилію воды въ нынѣшнемъ году; каракалпакскіе старшины увѣряли меня что они не запомнятъ такого года, что въ обыкновенное время намъ было бы невозможно добраться до Кунграда, что тамъ гдѣ прежде воды было только по брюхо лошади, теперь можно переплывать.

2. Что у меня не болѣе 700 пудовъ угля, такъ какъ лейтенанту Колокольцову нѣтъ *никакой* физической возможности, по случаю затопленія береговъ Аму, передать мнѣ грузъ съ своей баржи.

3. На пути своемъ я встрѣчалъ одни только фруктовыя деревья, такъ что я не могу сдѣлать запаса дровъ *чтобъ имѣть возможность подняться вверхъ по Аму.*

4. Въ случаѣ если вы не позволите мнѣ пренебречь приказаніями хана и если политическія событія помѣшаютъ вамъ идти въ Бухару, и вы рѣшитесь возвратиться моремъ, а меня съ судами отослать въ Сыръ, мнѣ должно будетъ вернуться какъ можно скорѣе и ожидать васъ на самомъ глубокомъ мѣстѣ Улькунъ-Дарьи; иначе, если спадетъ вода, я буду какъ въ западнѣ, безъ малѣйшей возможности двинуться назадъ или впередъ, безъ возможности запастись провіантомъ, потому что ханство Хива опустошено Туркменами, а еще болѣе алчностію самихъ хивинскихъ начальниковъ: какъ же найти возможность прокормить болѣе 100 человѣкъ, если я принужденъ буду зимовать въ Хивинскомъ ханствѣ, и если Хивинцы, видя насъ въ ихъ власти, не захотятъ помочь намъ? Я увѣренъ что при малѣйшемъ ихъ нерасположеніи они могутъ заставить насъ умереть съ голоду. Что же касается до васъ и до нашего посольства, вамъ будетъ легко соединиться со мной хоть на хивинскихъ лодкахъ, а я беру на себя помѣстить все посольство съ конвоемъ на *Перовскомъ*.

5. Что главная цѣль посланныхъ судовъ достигнута, вы же съ своей стороны тоже измѣряете рѣку по пути къ Хивѣ.

Итакъ, если я не долженъ подыматься по Аму, то имѣю честь просить вашего разрѣшенія вернуться, покуда вода еще не слишкомъ замѣтно убавляется, и позволить мнѣ остановиться на самомъ глубокомъ мѣстѣ Аму, нагрузить судно углемъ, послать одну изъ баржъ въ Сыръ за провіантомъ, и имѣть возможность сопровождать васъ (если вы не пойдете въ Бухару). Я сильно опасаюсь чтобы вы не лишились всѣхъ

вашихъ лошадей, и можетъ случиться что вы не найдете верблюдовъ чтобы вернуться сухимъ путемъ въ Россію.

Имѣю честь ожидать вашихъ распоряженій относительно лейтенанта Можайскаго, которому я посылаю съ нарочнымъ приказаніе вернуться въ Кунградъ, и если онъ увидитъ въ Талдыкѣ Колокольцова, сказать тому чтобы онъ вошелъ въ Улькунъ-Дарью и тамъ ожидалъ меня.

XII.

Выдержка изъ письма капитана Бутакова къ полковнику Игнатьеву отъ 7го іюля.

Какъ я уже писалъ вамъ, баржа лейтенанта Колокольцова не имѣетъ ни малѣйшей физической возможности пройти на Улькунъ-Дарью; берега совершенно затоплены, такъ что невозможно идти бичевой; быстрота теченія простирается отъ $3^1/_2$ до $5^1/_2$ верстъ въ часъ. Угля у меня на 1.500 или 1.700 пудъ менѣе того насколько я разчитывалъ. Въ настоящее время у меня его не болѣе 700 пудъ; съ этимъ я могу дойти до Хивы, но никакъ не далѣе. Вотъ почему я и просилъ вашего разрѣшенія, которое и возобновляю теперь,—позволить мнѣ *возвратиться*, какъ только отправлю лодарки, и ожидать васъ на самомъ глубокомъ мѣстѣ Улькунъ-Дарьи, если вы не отправитесь въ Бухару. Вы можете вернуться на хивинскихъ баркахъ до флотиліи, а тамъ моремъ до Форта № 1. Что же касается до вашихъ лошадей, то большая часть должна погибнуть. Если вы позволите мнѣ вернуться на Сыръ, я пошлю одну изъ баржъ за провіантомъ, иначе придется положиться на добрую волю Хивинцевъ, а вы знаете какова она.

Я не могъ никакъ сообщаться съ вами. Киргизскіе и каракалпакскіе рыбаки не имѣютъ лошадей, а береговые жители Улькунъ-Дарьи боятся служить намъ. Когда вы будете посылать мнѣ ваши приказанія, прошу васъ послать одного изъ вашихъ вожаковъ или посыльныхъ.

Донесеніе мое отъ 3го іюля, писанное изъ осторожности по-французски, должно было быть отправлено 4го, но я боюсь чтобы эти негодяи не удержали его нарочно. Я объявилъ имъ что если черезъ 8 дней не получу отъ васъ отвѣта, то пойду за нимъ самъ, что ихъ чрезвычайно напугало. Чтобы вѣрнѣе получить отвѣтъ вашъ, я выжидалъ случая когда пошлютъ съ подарками Можайскаго, Салацкаго и другихъ. Что же касается до того чтобы послать какого-нибудь моряка сопровождать ихъ, то я думаю достаточно одного Можайскаго; изъ остальныхъ же каждый нуженъ на своемъ постѣ. Я говорилъ объ этомъ съ Ковалевскимъ, и онъ сказалъ мнѣ что считаетъ подобное назначеніе, какъ будто отрѣшеніе отъ должности, имъ вовсе незаслуженное.

Прошу васъ увѣдомить меня получили ли вы мой рапортъ отъ 3го іюля, въ которомъ находилось и письмо къ г. Струве, полученное мною изъ Казани желѣзнымъ барказомъ (я разказалъ вамъ его исторію въ моемъ рапортѣ). Дайте мнѣ также знать for God's sake, отправляетесь ли вы въ Бухару? Я полагаю что безъ особеннаго случая вы не найдете средствъ къ перевозкѣ. Извѣстите меня также о полученіи настоящаго письма. Народъ вашъ ведетъ себя отлично, и я совершенно имъ доволенъ.

XIII.

Письмо полковника Игнатьева къ генералу Ковалевскому отъ 20го августа. *

Изъ краткихъ шифрованныхъ донесеній моихъ изъ Кунграда, отъ 29го іюня, № 24, изъ Хивы, 25го іюля, № 26, а также изъ донесеній г. оренбургскому генералъ-губернатору, отъ 25го іюля, № 27, и 10го августа, № 29, вашему превосходительству уже извѣстно отчасти положеніе дѣлъ. Пользуюсь настоящимъ вѣрнымъ случаемъ чтобы представить вамъ болѣе полный отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ.

23го іюня, какъ извѣстно вашему превосходительству изъ донесенія моего № 18, посланнаго того же числа, переѣхалъ я на хивинскій берегъ. Еще наканунѣ стали являться ко мнѣ посланные отъ есаула-баши, временнаго начальника города Кунграда, и было наконецъ доставлено письмо отъ него, съ просьбою остановить пароходъ и запретить ему входить въ устье рѣки Аму, такъ какъ ханомъ запрещено впускать русскія суда въ рѣку, а разрѣшеніе пропустить ихъ еще не прибыло изъ Хивы. Съ переѣздомъ моимъ чрезъ Айбугиръ, эти просьбы участились. Чтобы выиграть время и дать возможность пароходу дойти до Кунграда, не нарушая пріязненныхъ отношеній съ Хивинцами, я сначала отвѣчалъ что сдѣлаю распоряженіе согласно желанію есаулъ-баши, какъ только переѣду на хивинскій берегъ и съ нимъ свижусь, потомъ объяснилъ я Хивинцамъ что продолжать немедленно путь въ Кунградъ не могу только потому что весь караванъ мой еще не переправился, по нерадѣнію хивинскихъ чиновниковъ завѣдующихъ переправой, пароходъ же остановить готовъ, но не знаю куда и какимъ образомъ отправить для сего своего чиновника, ибо не имѣю свѣдѣнія гдѣ пароходъ въ настоящее время находится и къ какому именно устью направился. Простоявъ на переправѣ до 27го утра, объявилъ что если окажется справедливымъ что пароходъ еще не въ Кунградѣ, то я по прибытіи въ этотъ городъ, ежели и получится до того времени ханское разрѣшеніе на пропускъ судовъ, о которомъ я про-

* См. выше стр. 449.

силъ мехтара, сдѣлаю распоряженіе о командированіи русскаго чиновника, совмѣстно съ хивинскимъ, для принятія съ пароходовъ подарковъ на хивинскую барку. Тотчасъ по пріѣздѣ на хивинскій берегъ, начали стекаться къ намъ со всѣхъ сторонъ неблагопріятныя извѣстія. Хивинскіе чиновники, принявшіе меня во главѣ почетнаго конвоя, при выходѣ изъ лодки, увѣряли что Бухарскій эмиръ возвратилъ караваны свои шедшіе въ Россію, и объявили намъ что прислано о томъ мнѣ извѣщеніе въ Хиву отъ коменданта Форта № 1го, что большія отмели воспрелятствуютъ пароходу войти въ устье, и что онъ можетъ-быть войдетъ въ рѣку тогда только когда получится въ Кунградѣ ханское повелѣніе и будетъ расчищенъ для пропуска нашихъ судовъ фарватеръ, что пароходъ нашъ пробовалъ уже войти въ устье, дѣлалъ промѣры на лодкахъ и отказался отъ сего предпріятія. Въ народѣ и въ почетномъ ханскомъ конвоѣ распространился внезапно слухъ что пароходъ нашъ открылъ непріязненныя дѣйствія противъ хивинскаго отряда посланнаго наблюдать за пароходомъ, и что мой караванъ не что иное какъ враждебный авангардъ, прикрывающій движеніе войскъ находящихся еще на Усть-Уртѣ. Относительно дѣйствій парохода, слова Хивинцевъ какъ бы подтвердились тѣмъ что я самъ явственно, со всѣми моими спутниками, слышалъ 24го числа пушечные выстрѣлы по направленію къ Талдыкскому заливу. Объясненія мои что эти выстрѣлы не что иное какъ салютъ, употребляемый нами для почета при всѣхъ встрѣчахъ, не разсѣивали ихъ опасеній. 28го числа вступили мы въ Кунградъ. Я старался собрать свѣдѣнія о флотиліи; всѣ подтвердили одно, что пароходъ переходитъ отъ одного устья къ другому, дѣлаетъ промѣры, но не можетъ войти въ рѣку. Нерасположеніе народонаселенія и въ особенности городскаго начальства возрастало. Есаулъ-баши, посѣтившій меня въ день моего прибытія, хотя принялъ меня съ почетомъ, но выразилъ свое недовѣріе и позволилъ было себѣ говорить со мною высокомѣрно. Въ то же время получилъ я свѣдѣніе что встревоженный движеніями нашихъ отрядовъ по стели и по Усть-Урту, а также извѣстіемъ полученнымъ съ Сыра о приготовленіяхъ Аральской флотиліи къ экспедиціи, ханъ Хивинскій убѣжденъ что приближеніе миссіи служитъ только благовиднымъ предлогомъ для внезапнаго нападенія войскъ нашихъ и судовъ, и что мы дѣйствуемъ заодно съ Туркменами, ибо принятіе депутаціи туркменской генералъ-губернаторомъ не осталось для него неизвѣстнымъ. Въ ханствѣ стали собирать милицію, а на случай моего отправленія къ Кунь-Ургенчъ, былъ высланъ трехъ-тысячный отрядъ съ однимъ орудіемъ, для враждебной встрѣчи и прегражденія дороги, и безъ того почти непроходимой въ настоящее время. Пароходы приказано мѣстнымъ властямъ лодъ страхомъ смертной казни остановить, если они вошли въ рѣку, и не впускать, ежели они еще не проникли въ устье. Въ подтвержденіе своихъ сомнѣній относительно цѣли миссіи

и предложенія что мы намѣрены принять сторону Туркменовъ, Хивинцы приводили письмо перехваченное ими и посланное, по ихъ словамъ, генералъ-губернаторомъ Атамурату, предводителю Туркменовъ племени Ямудовъ. Впослѣдствіи въ Хивѣ оказалось что это было письмо отъ султана, правителя Западной Орды, писанное Атамурату, по приказанію генералъ-адъютанта Катенина, по поводу извѣщенія о слѣдованіи миссіи. На случай моего согласія на движеніе миссіи чрезъ Кунградъ въ Хиву, было приказано отъ хана принять меня съ почетомъ и выпроводить какъ можно скорѣе изъ Кунграда въ Хиву, чтобы не дать завладѣть городомъ и помѣшать совокупному враждебному дѣйствію флотиліи съ моимъ конвоемъ, увеличеннымъ чрезмѣрно въ глазахъ Хивинцевъ. Для сопровожденія миссіи и для доставленія ей средствъ безпрепятственно прослѣдовать до Хивы, былъ присланъ довѣренный ханскій чиновникъ Диванъ-Баба, человѣкъ очень хитрый, умный, пронырливый и ловкій. Со времени моего прихода въ Кунградъ, ханскіе чиновники неотступно стали просить меня отправиться въ Хиву, намекая что ханъ будетъ въ случаѣ замедленія моего думать что я пришелъ не мирнымъ посломъ, а непріятелемъ въ ханство и желаю выждать подхода десанта чтобы произвести нападеніе.

Предполагая что мелководье въ устьѣ воспрепятствовало Бутакову дойти до Кунграда, желая успокоить Хивинцевъ и добровольнымъ распоряженіемъ предупредить развитіе вреднаго для насъ убѣжденія что ханство, по свойству рѣки Аму, недосягаемо для нашей флотиліи, я послалъ вечеромъ 29го числа лейтенанта Можайскаго съ хивинскимъ чиновникомъ внизъ по Талдыку, въ Талдыкскій заливъ, принять отъ калитана 1го ранга Бутакова подарочныя вещи, привезти оныя въ Хиву по рѣкѣ и сдѣлать подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ рекогносцировку рѣки.

НА НОЖАХЪ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КРОВЬ.

I. Кипятокъ.

Хуторъ Починокъ, любимый пріютъ генеральши Синтяниной, отстоитъ отъ города въ восьми верстахъ. Справа отъ него, въ трехъ верстахъ, богатое Бодростинское подгородное имѣніе, влѣво торговое село Рыбацкое и Ребровъ хуторъ, куда майоръ Фелитеръ Ивановичъ Форовъ постоянно ходилъ къ другу своему, отцу Евангелу. Починокъ стоялъ въ низменности, между двумя плоскогорьями занятыми селомъ Рыбацкимъ и обширною барскою Бодростинскою усадьбой, старый англійскій паркъ которой достигалъ до самаго рубежа Починковскихъ полей. Починокъ, которымъ владѣли Синтянины, и Ребровъ хуторъ, на которомъ жилъ при церкви отецъ Евангелъ, были маленькіе поселки, ихъ почти и не видать было между селами Бодростинымъ и Рыбацкимъ. Весной, когда полевые злаки еще не поднялись надъ землей выше чѣмъ прячется грачъ, хуторки еще чуть-чуть обозначались, словно забытыя коленки прошлогодняго сѣна, но чуть лишь нива забирала

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870, №№ 10, 11 и 12, и № 1й 1871.

силу и шла въ ростъ, отъ ветхаго купола ребровской колокольни только мелькалъ крестикъ. Что же касается до Синтянинскаго хутора, то его и совсѣмъ нельзя было видѣть, пока къ нему не подъѣдешь по неширокой, малопроѣзжей дорожкѣ, которая отбѣгала въ сторону отъ торной и пыльной дороги, соединяющей два большія села на крайнихъ точкахъ нагорнаго амфитеатра.

Хуторъ Починокъ возникъ потому что протекающій здѣсь небольшой ручеекъ подалъ одному однодворцу мысль поставить тутъ утлую мельницу, изъ разряда извѣстныхъ въ серединной Россіи „колотовокъ“, и въ такомъ видѣ съ одною мельничною избой, этотъ хуторъ - невидимка былъ купленъ генераломъ Синтянинымъ, жена котораго свила себѣ здѣсь гнѣздышко. Хуторокъ и теперь такой же невидимка, но онъ уже не тотъ бобыльникъ, какимъ былъ въ однодворческихъ рукахъ, на него легла печать раченія и вкуса. Никакихъ затѣй и претензій здѣсь нѣтъ и слѣда, но какъ только вы обогнули маленькій зигзагъ по мало-проѣзженой дорожкѣ, предъ вами вырастаютъ исправныя соломенныя крыши очень дружественно расположившихся строеній. Небольшой ручеекъ, бѣгущій съ горъ изъ-подъ лѣса по ржавымъ потовинамъ, здѣсь перехваченъ плотинкой и образуетъ чистый, блестящій прудокъ, въ которомъ вода тиха какъ въ чашѣ; на этомъ прудѣ стоитъ однопоставная меленка съ маленькою толчеей для льна. Это центральное мѣсто, къ которому всѣ другія строенія поселка какъ будто бы чувствуютъ почтеніе: сараи, сарайчики, амбары, амбарушки, хлѣвки и закутки, все это съ разныхъ сторонъ обступило мельницу, поворотилось къ ней лицомъ, смотритъ на ея вращающееся колесо, какъ безграмотные односельчане глядятъ на старушку сотый разъ повторяющую имъ по складамъ старую, тихоструйную повѣсть.

Господскаго домика вовсе не видно и его собственно здѣсь и нѣтъ, потому что небольшая, оштукатуренная пристройка при высокомъ, сосновомъ амбарѣ, никакъ не имѣетъ права претендовать на званіе самаго скромнаго господскаго домика, но эта пристройка и есть жилье Александры Ивановны Синтяниной. Здѣсь двѣ небольшія комнаты, подъ окнами которыхъ разбитъ маленькій цвѣтникъ, засѣянный неприхотливыми душистыми цвѣтками. Небольшой плодовой садикъ полонъ густаго вишняка и малины; за этимъ садикомъ есть небольшой, очень стройный молодой осинникъ, въ которомъ бьетъ

студеный родникъ прекрасной воды и предъ нимъ устроены небольшая деревянная бесѣдочка и качели. Растительность на хуторѣ вообще довольно сильная; все свѣжо, сильно, бодро, зелено, но не высоко: прибрежныя лозы пруда, ракиты окружающія всѣ пристройки и владимірскія вишни, и сливы, и груши, и все это какъ будто рѣшилось скрываться и не тянулось вверхъ. Только однѣ осинки выбѣжали немножко повыше, и постоянно шелчутъ своими трепещущими листками о томъ что̀ видятъ за каймой этой маленькой усадьбы.

Стояли послѣдніе жаркіе дни августа, на дворѣ былъ пятый часъ, но солнце, несмотря на свое значительное уклоненіе къ западу, еще жгло и палило немилосердно. Въ небольшой комнаткѣ оштукатуренной пристройки, составлявшей жилье Александры Ивановны Синтяниной, ставни обоихъ оконъ были притворены, а дверь на высокое крыльцо выходившее на тѣневую сторону раскрыта настежь. Здѣсь въ небольшой комнатѣ, уставленной старинною мебелью, ломѣцались теперь два знакомыя намъ лица, сама генеральша и другъ ея, майорша Катерина Астаѳьевна Форова. Александра Ивановна писала предъ старинным овальнымъ столомъ, утвержденнымъ на толстой тумбѣ, служившей маленькимъ книжнымъ шкафомъ, а майорша Катерина Астаѳьевна Форова, завернутая кое-какъ въ узенькое платье, безъ шейнаго платка и безъ чепца, сидѣла на полу, лицомъ къ открытой двери и сматывала на клубокъ нитки, натянутыя у нея на выгнутыхъ колѣнахъ. Она очевидно была не въ духѣ, постоянно скусывала зубами узелки, сердилась и ворчала.

— Ахъ, чтобы вамъ совсѣмъ пусто было! повторила она въ двадцатый разъ, бросивъ на полъ клубокъ и принимаясь теребить на колѣнахъ залутанныя нитки.

Этимъ восклицаніемъ нарушилась царствовавшая въ комнатѣ глубокая тишина, и Александра Ивановна остановила свое перо, и приподнявъ лицо, взглянула на майоршу.

— Чего ты на меня смотришь? спросила Форова, не видя, но чувствуя на себѣ взглядъ своего друга.

— Я все слушаю съ кѣмъ ты это перебраниваешься?

— Сама съ собою бранюсь, — съ кѣмъ же мнѣ больше браниться?

Синтянина замолчала и снова взялась за перо.

Прошла минута, и щелканье наматываемой нитки вдругъ

опять оборвалось, и опять послышался восклик Форовой: „Пусто бъ вамъ было!“

— Перестань, Катя, браниться, отозвалась Синтянина.—Не стыдно ли тебѣ срывать свою досаду на клиткахъ?

— Я, милая, вѣдь сказала тебѣ что я на себѣ ее срываю.

— И на себя тебѣ не за что злиться.

— Да вотъ забыла о чемъ съ мужемъ послѣ свадьбы говорила, оттого и клокъ не распутаю. На свою память сержусь, и съ этимъ майорша, отбросивъ клубокъ, схватила жестянку изъ-подъ сардинокъ, въ которой у нея лежали ея самодѣльныя папироски и спички, и закурила.

— А я между тѣмъ, пока ты злилась, кончила письмо, сказала Синтянина, пробѣгая глазами листокъ.

— Ну, и прекрасно что кончила, я очень рада: конецъ всему дѣлу вѣнецъ.

— Ты хочешь послушать что я ему написала?

— М....м....м.... это, мой другъ, какъ тебѣ угодно.

— Да полно тебѣ въ самомъ дѣлѣ дуться! Что это за вздоръ такой: дуешься на меня, дуешься на своего мужа и на весь свѣтъ, и все изъ-за посторонняго дѣла. Глупо это, Катя!

— Вопервыхъ, я не дуюсь на весь свѣтъ, потому что хоть я, по твоимъ словамъ, и глупа, но знаю что весь свѣтъ моего дугья не боится, и вовторыхъ, я не въ тебя и не въ моего муженька, и дѣлъ близкихъ мнѣ людей чужими не считаю.

Синтянина встала, подошла къ Форовой, опустилась возлѣ нея на полъ, покрывъ половину комнаты волнами своего свѣтлаго ситца, и обнявъ майоршу, нѣжно поцѣловала ее въ сѣдую голову.

— Катя, сказала она,—ты сердишься понапрасну, и когда ты одумаешься, ты увидишь что ты была очень неправа и предо мной и предъ твоимъ мужемъ.

— Никогда я съ этимъ не соглашусь, отвѣчала Форова,— никогда не стану такъ думать, я не стану такъ жить чтобы молчать, видючи какъ моихъ родныхъ.... близкихъ людей мутятъ, путаютъ. Нѣтъ, никогда этого не будетъ; я не перестану говорить, я не замолчу; не стану по вашему хитрить, лукавить и отмалчиваться.

— Но постой же ты, пламень огненный, вѣдь ты же и не молчала, и вѣдь ты не молчишь, ты все говоришь Ларисѣ, а что изъ этого проку?

— Да и не молчу, и не молчу, а говорю!

— И ужь разсорилась съ ней?

— Да, и разсорилась, и что же такое что разсорилась? И она не велика персона чтобъ я ее боялась, да и съ меня отъ ея словъ позолота не слиняла: мы свои люди, родные, побранились да и только. Она меня выгнала изъ дома, ну и прекрасно: на что дура-тетка въ домѣ, когда новые друзья есть?

— Ну, и что же изъ этого вышло хорошаго?

— Хорошаго? Ничего не вышло хорошаго, да и быть нечему, потому что я только одна и говорю, а всѣ потакаютъ, молчатъ. Что же дѣлать? Одинъ въ полѣ не воинъ. Да; а ты вотъ молчишь.... ты, которой поручала ее мать, которою покойница можно сказать клялась и божилась въ послѣдніе дни жизни, ты молчишь; Форовъ, этотъ ненавистный человѣкъ, который.... все-таки ей по-мнѣ приходится дядя, тоже молчитъ, да свои нигилистическія рацеи разводитъ; полъ Евангелъ, эта ваша кротость сердечная, который, по вашимъ словамъ, живой Бога узритъ, съ которымъ Лора бывало обо всемъ говоритъ, и онъ теперь только и знаетъ что бородой трясетъ, да своими широкими рукавицами размахиваетъ; а этотъ.... этотъ Андрей.... ахъ пропади онъ, не помянись мнѣ его ненавистное имя!...

— Боже, Боже, какъ ослѣпляетъ тебя гнѣвливость!

— Не говори! Не уговаривай меня и не говори, а то меня еще хуже злость разбираетъ. Вы бросили мою бѣдную дѣвочку, бросили ее на произволъ ея дѣвичьему разуму, и отошли къ сторонкѣ, и любуются: дескать наша хата съ краю, я ничего не знаю, иди себѣ бѣдняжка въ болото и заливайся.

Форова быстро сорвала съ колѣней мотокъ нитокъ, швырнула его отъ себя далеко прочь, въ уголъ, и закрывъ руками лицо, начала тихо всхлипывать.

— Катя! перестань плакать, Бога ради перестань! начала успокоивать ее Синтянина, отводя ея руки и стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Нельзя мнѣ, Саша, перестать, нельзя, нельзя, потому что моя Лора.... моя бѣдная дѣвочка.... пропала! Моя бѣдная, бѣдная дѣвочка!

— Не преувеличивай; ничего худаго съ Ларисой не сталось, и время еще не ушло ее воротить.

— Нѣтъ, нѣтъ; я плачу не напрасно: сталось плохое и скверное, да, да.... я знаю о чемъ я плачу, отвѣчала Форова, то-

ропливо обтирая рукой глаза.—Время, Саша, ушло, ушло золотое времячко, когда она была съ нами.

— Ну, и что же съ этимъ дѣлать? Ты, Катя, чудиха право: вѣдь она дѣвушка, ужь это такой народъ неблагодарный: какъ ихъ ни люби, а придетъ пора, онѣ не церемонятся и отшатнутся, но потомъ и опять вспомнятъ друзей.

— Да я дура что ли въ самомъ дѣлѣ что я этого не понимаю? Нѣтъ, я плачу о томъ что она точно искра въ соломѣ, такъ и гляжу что вспыхнетъ. Это все та, все та, и Форова заколотила по ладони пальцемъ.—Это все оттого что она предалась этой змѣѣ Бодростинихѣ.... Эта подлая Глафирка никогда, никого ни до чего добраго не доведетъ.

— Ахъ, Катя! Это даже непріятно! Ну, какъ тебѣ не стыдно такъ браниться!

— А что же мнѣ остается дѣлать какъ не браниться? Вы вѣдь умныя, воспитанныя, и я не мѣшаю вамъ молчать, а я дура, и вы не мѣшайте мнѣ браниться.

— Ты въ самомъ дѣлѣ говоришь Богъ знаетъ что.

Форова обтерла глаза, и низко поклонясь, сказала смиреннымъ голосомъ:

— Да, я говорю Богъ знаетъ что, простите Христа ради меня дуру что я вамъ досаждаю. Я вамъ скоро не стану болѣе докучать. Я вижу что я точно стала глупа, и я уйду отъ васъ.

И Катерина Астаѳьевна въ самомъ дѣлѣ встала, подняла изъподъ стула свой заброшенный мотокъ и начала его убирать.

— Куда же ты уйдешь? спросила ее улыбаясь Синтянина.

— Это мое дѣло: куда ни пойду, а ужь мѣшать вамъ не стану; слава Богу еще на свѣтѣ монастыри есть.

— Но ты замужемъ, тебя въ монастырь не примутъ.

— Я разводъ возьму.

Синтянина разсмѣялась.

— Нечего, нечего потѣшаться! Нынче всѣмъ даютъ разводы, Саша, на себя грѣхъ взведу и разведусь.

— И тебѣ не стыдно нести такой вздоръ?

— Ну, такъ я безъ развода пойду на бѣдныя церкви собирать.

— Вотъ это другое дѣло!

— Да, „другое“. Нечего, нечего тебѣ на меня смотрѣть да улыбаться.

— Я теперь вовсе не улыбаюсь.

— Это все равно: я вижу что̀ у тебя на душѣ, да Богъ съ тобой, я тебѣ очень благодарна, ты была ко мнѣ добра, но теперь ты совсѣмъ перемѣнилась. Богъ съ тобой, Саша, Богъ съ тобой!

— Неправда Катя, неправда!

— Нѣтъ, я все вижу, я все вижу. Я прежде для тебя не была глупа.

— Ты и теперь для меня не глупа. Кто тебѣ сказалъ что ты глупа? Ты это сама себѣ сочинила.

— Да, я сама сочинила, я все сама себѣ сочиняю. Я сочинительница: *Петербургскія Трущобы* это я написала. И я тоже счастливая женщина; очень счастливая, какъ же не счастливая? Всѣ видятъ что я поперекъ себя шире, это всѣ видятъ, а что̀ дѣлается у меня въ сердцѣ, до этого никому дѣла нѣтъ.

— Да что̀ тамъ дѣлается-то, въ твоемъ сердцѣ? Этого даже не разобрать за твоимъ кипяченьемъ.

— А что̀ дѣлается? Ты думаешь мнѣ легко что я хожу да ругаюсь какъ Гаврилка въ расшивочной? Нѣтъ, другъ мой, одинъ Богъ видитъ какъ мнѣ самой это противно, но не могу: какъ вспомню что это сдѣлалось, что Подозеровъ отказался, что она живетъ у Бодростиной, гдѣ этотъ воръ Гордановъ, и не могу удержаться. Помилуй и сама посуди: жили мы всѣ вмѣстѣ, были друзья-пріятели; годы цѣлые прошли какъ мы иначе и не располагались что Лариса будетъ за Подозеровымъ, и весь городъ объ этомъ говорилъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего разрывъ, и какой разрывъ: ни сѣло, ни пало и разошлись. Кто это сдѣлалъ? Какъ ты хочешь, а это не само же собой случилось: онъ ее любилъ безъ понятія, и всѣ капризы ея зналъ, и самовольство, и все любилъ; всякій кто его знаетъ долженъ сказать что онъ человѣкъ хорошій, она тоже.... показывала къ нему расположеніе, и вдругъ поворотъ: она дома не живетъ, а все у Бодростиной; онъ прячется, запирается, говорятъ уѣхать хочетъ.... Что̀ же это такое?

— Ты говорила объ этомъ съ Ларисой?

— Обо всемъ въ подробности. Я ужь взяла на себя такое терпѣнье, одна въ домѣ недѣлю сидѣла и дождалась ее на минуту, но что̀ же съ ней говорить: она вся въ себя завернулась, а внутри какъ искра въ соломѣ, вотъ-вотъ да и вспыхнетъ. „Я уважаю, говоритъ, Подозерова, но замужъ за него

идти не хочу.“ Я съ нею сцѣпилась и говорю: какого же еще, какого тебѣ, царевна съ мѣсяцемъ подъ косой, мужа нужно? Вычитываю ей: онъ человѣкъ трудящій, трезвый, честный, образованный, нрава прекраснаго, благородный, всѣмъ нравится, а она вдругъ отвѣчаетъ что она очень рада что онъ всѣмъ нравится и желаетъ ему счастія.

— Она сказала это искренно?

— Совершенно искренно, съ полнымъ спокойствіемъ и даже съ радостью объявила что Андрей Иванычъ самъ отъ нея отказался. Я просто этому сначала не повѣрила. Помилуй, что же это за скачки такіе? Я пошла къ нему, но онъ три дня запертъ какъ кукимора, и видѣть его нельзя; мужа посылала— нейдетъ, лопъ—нейдетъ; тебя просила написать, ты не писала....

— Я написала, вотъ слушай что я ему написала.

Синтянина вынула изъ незаклееннаго конверта листокъ и прочитала:

„Уважаемый Андрей Ивановичъ! Вы не одинъ разъ говорили мнѣ что вы дружески расположены ко мнѣ и даже меня уважаете, мнѣ всегда было пріятно этому вѣрить, тѣмъ болѣе что я и сама питаю къ вамъ и дружбу и расположеніе, безъ этого я и не рѣшилась бы сказать вамъ того что̀ пишу вамъ во имя нашей испытанной дружбы. Меня удивляетъ ваше поведеніе по отношенію ко всѣмъ намъ, свыкшимся съ мыслію что мы друзья. Зачѣмъ вы насъ покинули, заключились подъ замокъ и избѣгаете встрѣчи съ нами какъ съ злѣйшими своими врагами? Я васъ не понимаю. Я знаю что вы переносите незаслуженныя непріятности, но развѣ это поводъ оскорблять людей искренно къ вамъ расположенныхъ? Говорятъ что вы хотите совсѣмъ уйти отъ насъ? и слухи эти, повидимому, имѣютъ основаніе. Катерина Астаѳьевна Форова узнала что вы продаете вашу мебель и вашу лошадку“....

— Нѣтъ; этого не нужно ему писать, перебила Форова.

— Отчего же?

— Такъ, не нужно; я не хочу чтобъ онъ зналъ что я имъ интересуюсь, ѣдетъ, и пусть ему скатертью дорожка.

Александра Ивановна пожала плечами, и обмочивъ въ чернила перо, тщательно зачеркнула все что̀ касалось Форовой, и затѣмъ продолжала:

„Если непріятности выпадающія здѣсь на вашу долю такъ велики, или если вы такъ слабы что не можете долѣе переносить ихъ, то конечно все что̀ мы можемъ сказать, это: дай Богъ вамъ лучшаго. Мое мнѣніе таково что нѣтъ на свѣтѣ обитаемаго уголка гдѣ бы не было людей умѣющихъ и жела-

ющихъ досаждать ближнему, и потому я думаю что въ этомъ отношеніи всѣ перемѣны не стоятъ хлопотъ, но всякій чувствуетъ и переноситъ досаду и горести по своему, и оттого въ подобныхъ дѣлахъ никто никому не указчикъ. Одно чего въ правѣ желать отъ васъ и что можетъ себѣ позволить высказать вамъ наша дружба, это чтобы вы не огорчали ее сомнѣніями. Прошу васъ прекратить свое заключеніе и пріѣхать ко мнѣ на хуторокъ, гдѣ наша тишь постарается успокоить ваши расходившіеся нервы, а наша скромность, конечно, не станетъ укорять васъ за отчужденіе отъ любящихъ васъ людей. Я васъ жду потому что у меня есть дѣло по которому я непремѣнно должна поговорить съ вами".

— Хорошо? спросила Синтянина, докончивъ чтеніе.

— Прескверно.

— Отчего?

— Да что же тутъ написано?—ничего. Ты его еще и ублажаешь.

— А ты хочешь чтобъ я его бранила въ письмѣ? Ну извини меня, милая Катя, я этого не сдѣлаю.

— Я этого и ожидала: я знаю что онъ тебѣ дороже....

Синтянина слегка смутилась, но тотчасъ же поправилась и отвѣчала:

— Да; ты отгадала: я не раздѣляю къ нему твоихъ нынѣшнихъ чувствъ, я его.... считаю достойнымъ.... полнаго уваженія.

— И любви.

— Да; и любви. Я сейчасъ посылаю это письмо, — посылаю его при тебѣ безъ всякихъ добавокъ, и увѣрена что не пройдетъ двухъ часовъ какъ Подозеровъ пріѣдетъ, и я буду говорить съ нимъ обо всемъ, и получу на все отвѣты самые удовлетворительные.

Съ этимъ Александра Ивановна подошла къ окну, и толкнувъ рукой закрытую ставню, произнесла:

— Ба! вотъ сюрпризъ: онъ здѣсь.

— Кто? гдѣ?

— Подозеровъ! И посмотри ты на него какъ онъ бѣдняга измученъ и блѣденъ!

Форова подошла и стала молча за плечомъ хозяйки. Подозеровъ сидѣлъ на земляной насыпи погреба, и держа въ лѣвой рукѣ своей худую и блѣдную ручку глухонѣмой Вѣры, правою быстро говорилъ съ ней глухонѣмою азбукой. Онъ спрашивалъ Вѣру какъ она живетъ и что дѣлала въ то время какъ они не видались.

— Вы учились? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала грустно дѣвочка, глядя на него глазами полными мучительной тоски.

— Отчего?

— Меня оставила память.

Подозеровъ крѣпко сжалъ блѣдную ручку ребенка, и поцѣловавъ ее, остался наклоненнымъ къ нѣжной головкѣ Вѣры.

— Какъ онъ постарѣлъ! шепнула Форова.

— Ужасно, просто ужасно, отвѣчала Синтянина и громко позвала гостя по имени.

Подозеровъ поднялъ голову и улыбнулся. На блѣдно-желтомъ лицѣ его лежала печать тяжелаго страданія только-что осиленнаго мучительною борьбой.

— Пріодѣнься немножко здѣсь, а я выйду къ нему туда и мы пройдемъ въ осинникъ, проговорила Синтянина, выходя и пряча въ карманъ ненужное теперь письмо.

Форова быстрымъ движеніемъ остановила ее у двери и съ глазами полными слезъ заботливо ее перекрестила.

— Хорошо, хорошо, отвѣчала Синтянина,—я обо всемъ переговорю.

Форова прижалась горячими губами къ ея щекѣ и прошептала:—Онъ мнѣ ужасно жалокъ, Саша.

— Всѣ жалки, другъ мой, всѣ кто живетъ живою душой: такъ суждено; и съ этими словами Синтянина вышла на крыльцо и привѣтливо протянула обѣ руки Подозерову.

II. Женскій умъ послѣ многихъ думъ.

Прошло болѣе часа. Александра Ивановна, сидя съ Подозеровымъ вдвоемъ въ своемъ осиновомъ лѣсочкѣ, вела большіе дружескіе переговоры. Она начала съ гостемъ безъ большихъ прелюдій и тономъ дружбы и участія довольно прямо спросила его что̀ за слухи носятся будто онъ оставляетъ городъ.

— Это совершенная правда, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Можно спросить что̀ же этому за причина?

— Причинъ, Александра Ивановна, цѣлая область и, пожалуй, нѣтъ ни одной: это зависитъ отъ того какъ кто захочетъ смотрѣть на дѣло.

— А вы какъ на него смотрите?

— Я? я просто усталъ.

— Отъ борьбы?

— Нѣтъ, скорѣе отъ муки. Мучился, мучился и усталъ.

— Это, значитъ, что называется: не справился?

— Какъ хотите называйте: нельзя противъ рожна прать.

— Вы въ самомъ дѣлѣ имѣете очень измученный видъ.

— Да; я не особенно хорошо себя чувствую.

Синтянина вздохнула.

— Я знаю только ваши служебныя столкновенія съ губернаторомъ, съ Бодростинымъ, начала она послѣ паузы,—и болѣе не вижу предъ вами никакихъ рожновъ, отъ которыхъ бы надо бѣжать. Служба безъ непріятностей никому не обходится, на это ужь надо быть готовымъ, и честный человѣкъ, если онъ будетъ себя выдерживать, въ концѣ концовъ всегда выиграетъ; а въ васъ, я вижу, нѣтъ совсѣмъ выдержки; цѣлкости нѣтъ!

— Какъ во всѣхъ русскихъ людяхъ.

— Не во всѣхъ; люди дурныхъ намѣреній въ наше время очень цѣлки и выдержанны, а вотъ добрые люди, какъ вы, у насъ на наше горе кипятятся и даютъ всякой дряни переѣсть надъ собою.

— Это правда.

— Такъ надо исправиться, а не сдаваться безъ боя. Я женщина, но я, признаюсь вамъ, такой уступчивости не понимаю. Вы человѣкъ умный, честный, сердечный, чуткій, но вы фантазеръ. Ненужно забывать что свѣтъ не нами начался, не нами и кончится: il faut prendre le monde comme il est.

— Повѣрьте я можетъ-быть меньше всѣхъ на свѣтѣ думаю о передѣлкѣ міра. Скажу вамъ болѣе: мнѣ такъ опостылѣли всѣ эти направленія и настроенія что я не вспоминаю о нихъ иначе какъ съ омерзеніемъ.

— Вѣрю.

— У меня нѣтъ никакихъ пристрастій, и я не рабъ никакихъ партій: я уважаю и люблю всѣхъ искреннихъ и честныхъ людей на свѣтѣ, лишь бы они желали счастія ближнимъ и вѣрили въ то о чемъ говорятъ.

— Знаю; но вы виноваты не предъ міромъ, а прежде всѣхъ предъ самимъ собою и предъ близкими вамъ людьми. Вы сами съ собою очень перемудрили.

Подозеровъ наморщилъ брови.

— Позвольте, сказалъ онъ, — „самъ предъ собою“ — это ни-

чево, но „предъ близкими вамъ людьми“.... Предъ кѣмъ же я виноватъ? Это меня очень интересуетъ.

— Я удовлетворю ваше любопытство: напримѣръ, здѣсь у меня мой другъ, Катерина Астаѳьевна, вы предъ ней виноваты.

— Я, предъ Катериной Астаѳьевной?

— Да; она на васъ рветъ и мечетъ.

— Я это знаю.

— Знаете?

— Да; мы съ ней недавно встрѣтились, она мнѣ не хотѣла поклониться, и отвернулась.

— Да; она уже такая неуёмная; а между тѣмъ она васъ очень любитъ.

— Она очень добра ко всѣмъ.

— Нѣтъ; она васъ любитъ больше чѣмъ другихъ, и знаете за что и почему?

— Не знаю.

— Ну, такъ я вамъ скажу: потому что она любитъ Ларису.

Произнеся эту фразу, Синтянина потупилась и покраснѣла.

Подозеровъ молчалъ.

Прошла минутная пауза, и Синтянина, разбиравшая въ это время рукой оборки своего платья, вскинула наконецъ свои большіе глаза и проговорила ровнымъ, спокойнымъ тономъ:

— Андрей Иванычъ, что вы любите Ларису, это для насъ съ Катей, разумѣется, давно не тайна, на то женщины чтобы разумѣть эти вещи; что ваши намѣренія и желанія честны, и въ этомъ тоже, зная васъ, усомниться невозможно.

— Не сомнѣвайтесь пожалуста, уронилъ Подозеровъ, сбивая щелчками пыль съ своей фуражки.

— Но вы вели себя по отношенію къ любимой вами дѣвушкѣ очень нехорошо.

— Чѣмъ, напримѣръ, Александра Ивановна?

— А хоть бы тѣмъ, Андрей Иванычъ, что вы очень долго медлили.

— Я медлилъ потому что хотѣлъ удостовѣриться: раздѣляютъ ли хоть мало мою склонность.

— Да; извините меня, я васъ буду допрашивать немножко какъ слѣдователь.

— Сдѣлайте милость.

— Но не скрою отъ васъ что дѣлаю это для того чтобы потомъ, убѣдясь въ правотѣ вашей, стать горячимъ вашимъ

адвокатомъ. Дѣло зашло такъ далеко что близкимъ людямъ молчать долѣе нельзя: всѣмъ тѣмъ кто имѣетъ какое-нибудь право вмѣшиваться пора вмѣшаться.

— Нѣтъ, Бога ради, не надо! вскрикнулъ, вскочивъ на ноги, Подозеровъ.—Это все уже ушло, и не надо этого трогать.

— Вы ошибаетесь, отвѣтила, сажая его рукой на прежнее мѣсто, Синтянина:—вы говорите „не надо", думая только о себѣ, но мы имѣемъ въ виду и другую мучающуюся душу, съ которою и я, и Катя связаны большою и долгою привязанностію. Не будьте же эгоистомъ и дозвольте намъ наши заботы.

Подозеровъ молчалъ.

— Лариса вѣдь не счастливѣе васъ, если вы хотите бѣжать куда глаза глядятъ, то она тоже бѣжитъ ни вѣсть куда, и вы за это отвѣчаете.

— Я! я за это отвѣчаю?

— А непремѣнно! Конечно отвѣчаете не суду человѣческому, но суду Божію и суду своей совѣсти. Вы дѣлали ей не такъ давно предложеніе?

— Да, дѣлалъ.

— Значитъ вы убѣдились что она раздѣляетъ вашу склонность?

— М.... м.... не знаю что̀ вамъ отвѣтить.... мнѣ такъ казалось.

— Да, и вы не ошиблись: Лариса, конечно, отличала и отличаетъ васъ какъ прекраснаго человѣка, вниманіе котораго дѣлаетъ женщинѣ и честь, и удовольствіе; но что̀ же она вамъ отвѣтила на ваши слова?

— Она сначала хотѣла подумать, проговорилъ, подавая вздохъ, Подозеровъ.

— Не припомните ли когда именно это было?

— Очень помню: это было за день до внезапнаго пріѣзда ея брата и Горданова.

— И Горданова,—это такъ; но что̀ же она вамъ сказала подумавъ?

— Потомъ, подумавъ, она сказала мнѣ... что она готова отдать мнѣ свою руку, но....

— Но что̀ такое *но?*

— Но что она чувствуетъ, или какъ это вамъ выразить?... Что она не чувствуетъ въ себѣ того что̀ она хотѣла бы или, лучше сказать, что̀ она считала бы нужнымъ чувствовать, давая человѣку такое согласіе.

Генеральша подумала, сдвинувъ брови, и проговорила:

— Что же это такое ей надо было чувствовать?

— Дѣло очень просто: она меня не любитъ.

— Вы можете и ошибаться.

— Только не на этомъ случаѣ.

— Ну такъ я повторяю вамъ и даже ручаюсь что здѣсь возможна большая ошибка, и во всемъ томъ что случилось виноваты вы, и вы же виноваты будете если впередъ случится что-нибудь нежеланное. Вы что ей отвѣтили при этомъ разговорѣ?

— Я тоже просилъ времени подумать.

Синтянина разсмѣялась.

— Да нельзя же было, Александра Ивановна, ничего иного сказать на такой отвѣтъ какой она дала мнѣ.

— Конечно, конечно! Онъ „сказалъ“, „она сказала“, и все на разговорахъ и кончили. Что такое въ этихъ случаяхъ значатъ слова? Слова, остроумно кѣмъ-то сказано, даны затѣмъ чтобы скрывать за ними то что мы думаемъ, и женскія слова таковы бываютъ по преимуществу. Добейтесь *чувства* женщины, а не ея словъ.

— Добиться?... Мнѣ, признаюсь, это и слово не нравится.

— Да, да; добиться, настойчиво добиться. Добиваетесь же вы почестей, вліянія, а женщина одна всего этого стóитъ. Такъ добивайтесь ея.

— Я вѣрю въ одни свободныя, а не внушенныя чувства.

— А я вамъ по секрету сообщу что это никуда не годится. Если каждый случай требуетъ своей логики отъ человѣка, то тѣмъ болѣе каждый живой человѣкъ требуетъ чтобъ относились къ нему какъ именно *къ нему* слѣдуетъ относиться, а не какъ ко всѣмъ на свѣтѣ. Простите пожалуста что я, женщина, позволяю себѣ читать такія наставленія. Вы умнѣе меня, образованнѣе меня, конечно, ужь безъ сравненія меня ученѣе и вы наконецъ мущина, а я почитательница умственныхъ преимуществъ вашего пола, но есть дѣла которыя мы, женщины, разбираемъ гораздо васъ терпѣливѣе и тоньше: дѣла сердца по нашему департаменту.

— Пожалуста, говорите не стѣсняясь, я васъ внимательно слушаю.

— Очень вамъ благодарна за терпѣніе; я вамъ кромѣ добра ничего не желаю.

Подозеровъ протянулъ свою руку и пожалъ руку генеральши.

— Позвольте сказать вамъ что вы много виноваты предъ Ларой своими необыкновенными къ ней отношеніями: я разумѣю необыкновенно благоразумными, такими благоразумными что бѣдная дѣвушка, по милости ихъ, свертѣлась и не знаетъ что ей дѣлать. Вы задались необыкновенно высокою задачей, довести себя до неслыханнаго благородства.

— То-есть до возможнаго.

— Да; вся ваша жизнь проходившая здѣсь, на нашихъ глазахъ, была какое-то штудированье себя. Скажите что до всего этого молодой дѣвушкѣ? Что же вы дѣлали для того чтобъ обратить къ себѣ ея сердце?. Ничего!

— Вы правы.... Я, кажется, ничего не дѣлалъ.

— Кажется! Нѣтъ Андрей Иванычъ, это не кажется, а вы дѣйствительно ничего не дѣлали того что должны бы были дѣлать. Вы были всегда безукоризненно честны, но за это только почитаютъ; всегда были очень умны, но.... женщины учителей не любятъ, и.... кто развиваетъ женщину, тотъ работаетъ на другихъ, тотъ готовитъ ее другому; вы наконецъ не скрывали, или плохо скрывали что вы ее боготворите, что вы живете и дышите однимъ созерцаніемъ ея дѣйствительно очаровательной красоты, ея загадочной, какъ Катя Форова говоритъ, *роковой* натуры; вы кажется восторгались ея безпрерывными порываніями и тревогами, но....

Тотъ сердце женщинъ знаетъ плохо,
Тотъ вовсе ихъ не могъ понять,
Кто лишь мольбой и силой вздоха
Старался чувства имъ внушать.

До побѣжденныхъ женщинамъ нѣтъ дѣла! Видите какая я предательница для женщинъ; я вамъ напоминаю то о чемъ должна бы стараться заставить васъ позабыть, потому что Байронъ этими словами дѣйствительно говоритъ ужасную правду, и даетъ совѣты противъ женщинъ.

Не рабствуй женщинѣ!
Умѣй сдержать порывы ласки,
Подъ внѣшнимъ льдомъ наружной маски,
Умѣй въ ней чувства разбудить,
Тогда она начнетъ любить!

— Это все учитъ хитрости, а я ее ненавижу и не хочу.

— Это учитъ житейскому такту, Андрей Иванычъ. Вы такъ мило боитесь хитрости и рветесь къ прямотѣ.... Да кто, ка-

кая честная душа не хотѣла бы летѣть къ своимъ цѣлямъ прямо какъ стрѣла? Но, на каждомъ шагу есть свои но, и стрѣлѣ приходится дѣлать зигзаги чтобы не воткнуться въ дерево. Кто говоритъ противъ того что съ полною искренностію жить лучше, но надо знать съ кѣмъ можно такъ жить и съ кѣмъ нѣтъ? Скажу примѣромъ: еслибы дѣло шло между мною и вами, я бы вамъ смѣло сказала о моихъ чувствахъ, какъ бы они ни были глубоки, но я сказала бы это вамъ потому что въ васъ есть великодушіе и прямая честь, потому что вы не употребили бы потомъ мою искренность въ орудіе противъ меня чтобы щеголять властью, которую дало вамъ мое сердце; но съ другимъ человѣкомъ, напримѣръ съ Іосафомъ Платоновичемъ, я никогда бы не была такъ прямодушна, какъ бы я его ни любила.

— Вы бы даже кокетничали?

— Еслибы любила его и хотѣла удержать? непремѣнно! Я бы ему дала столько сколько онъ можетъ взять для своего счастія, и не ввела бы его въ искушеніе промотать остальное.

— Такъ и я долженъ былъ поступать?

— Такъ и вы должны были поступать, и это было бы полезно не для одного вашего, но и для ея счастія.

— Но это мнѣ не было бы легко.

— И очень, на томъ и ловятся мущины—хорошіе: негодяи гораздо умнѣй, тѣ владѣютъ собой гораздо лучше. Вы позвольте мнѣ васъ дружески спросить въ заключеніе нашей долгой бесѣды: вы знаете ли Ларису?

— Мнѣ кажется.

— Вы ошибаетесь: вы ее любите, но не знаете, и не смущайтесь этимъ: вы въ этомъ случаѣ далеко не исключеніе, бо́льшая часть людей любитъ не зная за что́ любитъ, и это слава Богу, потому что если начать разбирать, то полюбить некого было бы и любить.

— Сдѣлайте исключеніе хоть для героя или для поэта.

— Богъ съ ними — ни для кого; къ тому же я терпѣть не могу поэтовъ и героевъ: первые очень прозаичны, докучаютъ самолюбіемъ и во всемъ помнятъ однихъ себя, а вторые... они совсѣмъ не для женщинъ.

— Вы однако же не самолюбивы.

— Напротивъ, я безмѣрно самолюбива, но я прозаична; я люблю тишь и согласіе, и въ нихъ моя поэзія. Что́ мнѣ въ поэтѣ, который приходитъ домой брюзжать да дуться, или

на что мнѣ годенъ герой, которому я нужна какъ забава, который черпаетъ силу въ своихъ, мнѣ чуждыхъ бореніяхъ? Нѣтъ, добавила она,—нѣтъ; я простая, мирная женщина; дома немножко деспотка: я не хочу удивляться и не хочу удивлять, но только ужь если ты, милый другъ, *мой*, если ты выбралъ меня, потому что я тебѣ нужна, потому что тебѣ не благо одному безъ меня, такъ (Александра Ивановна улыбаясь показала къ своимъ ногамъ), такъ ты вотъ ложалуй сюда; вотъ здѣсь ищи поэзію и силы, у меня, а не гдѣ-нибудь и ни въ чемъ-нибудь другомъ, и тогда у насъ будетъ поэзія безъ поэта и героизмъ безъ Александра Македонскаго.

Подозеровъ молча смотрѣлъ во всѣ глаза на свою собесѣдницу и лицо его выражало: „ого, вотъ ты какая!“

— Вы меня такой никогда себѣ не представляли? спросила Синтянина.

— Да; но вѣдь слова, по вашему, даны за тѣмъ чтобы скрывать за ними чувства.

— Нѣтъ; я серіозно, серіозно, Андрей Иванычъ, такова.

— Вы утверждаете что за достоинства нельзя любить?

— Нѣтъ можно, но это рискованно и непрочно.

— Pour rien вѣрнѣй?

— О, несравненно! Въ достоинствахъ можно ошибиться; притомъ, добавила она вздохнувъ, — одинъ всегда достойнѣе другаго, пойдутъ сравненія и выводы, а это смерть любви; тогда какъ тотъ или та которые любимы просто потому что ихъ любятъ, они ничего ужь не потеряютъ ни отъ какихъ сравненій.

— Итакъ....

— Итакъ, перебила его весело глядя генеральша,—мы любимъ pour rein, и должны добиваться того что намъ мило.

— А если оно перестанетъ быть мило?

Синтянина зорко посмотрѣла ему въ глаза и отвѣчала:

— Тогда не добиваться; но чѣмъ же будетъ жизнь полна? Нѣтъ, милое, ужь какъ хотите, будетъ мило.

— Тогда любить.... что совершеннѣе, что выше и любить какъ любятъ совершенство.

— Только?

— Да.

— Такъ дайте мнѣ такого героя который бы умѣлъ любить такою любовью.

— Не вѣрите?

— Нѣтъ, вѣрю, но такой герой быть-можетъ только... тотъ... кто лучше всѣхъ мущинъ.

— Да, то-есть женщина?

Александра Ивановна кивнула молча головой.

— Итакъ программа въ томъ: любить pour rein и попросту, что̀ называется, держать человѣка въ рукахъ?

— Непремѣнно! Да вѣдь вы и сами не знаете къ чему вамъ всѣмъ ваша „постылая свобода", какъ называлъ ее Онѣгинъ? Взять въ руки это вовсе не значитъ убить свободу дѣйствій въ мущинѣ, или подавить ее капризами. Взять въ руки просто значитъ *приручить* человѣка, значитъ дать ему у себя дома силу, какой онъ не можетъ найти нигдѣ за домомъ: это иго которое благо, и бремя которое легко. На это есть тысячи пріемовъ, тысячи способовъ, и ихъ на словахъ не перечтешь и не передашь,—это дѣло практики, докончила она, и засмѣявшись сжала свои руки на колѣнахъ и заключила:— вотъ еслибы вы попали въ эти сжатыя руки, такъ я бы давно заставила васъ позабыть всѣ ваши муки и сомнѣнія, съ которыми съ одними очень легко съ ума сойти.

Подозеровъ всталъ, и бросивъ на землю свою фуражку, воскликнулъ:

— О, умоляю васъ, позвольте же мнѣ за одно это доброе желаніе ваше поцѣловать ваши руки, которыя хотѣли бы снять съ меня муки.

Подозеровъ нагнулся и съ чувствомъ поцѣловалъ обѣ руки Александры Ивановны. Она сдѣлала было движеніе чтобы поцѣловать его въ голову, но тотчасъ отпрянула и выпрямилась. Предъ нею стояла блѣдная Вѣра и положила обѣ свои руки на голову Подозерова, крѣпко прижала его лицо къ колѣнамъ мачихи и вдругъ тихо ихъ перекрестила, закрыла ладонью глаза и засмѣялась.

Александра Ивановна нѣжно прижала падчерицу къ плечу и жарко поцѣловала ее въ обѣ щеки. Она была немножко смущена этою шалостью Вѣры, и яркій румянецъ игралъ на ея свѣжихъ щекахъ. Подозеровъ въ первый разъ видѣлъ ее такою оживленною и молодою, какой она была теперь, словно въ свои осьмнадцать лѣтъ.

— Такъ какъ же? спросила она не глядя на него и расправляя кудри Вѣры.—Такъ вы побѣждены?

— Да, я немножко разбитъ.

— Вы согласны что вы дѣйствовали до сихъ поръ непрактично.

— Согласенъ; но иначе дѣйствовать не буду.

— Такъ вы наказаны за это: вы непремѣнно женитесь на Ларѣ.

— Я!

— Да; вы обвѣнчаетесь съ Ларисой.

— Помилуйте! какими же судьбами?

— Женскими! Вы будете ея мужемъ по ея желанію, если только вы этого хотите.

Подозеровъ промолчалъ.

— Держите же себя какъ я говорила, и я васъ поздравлю съ самою хорошенькою женой.

Съ этимъ Александра Ивановна встала, оправила платье и воскликнула:

— А вотъ и Катя идетъ сюда! Послушай, брачивое созданье, отнеслась она къ подходившей Форовой. — Я беру Андрея Иваныча въ нашъ заговоръ противъ Ларисы. Ты разрѣшаешь?

— Разумѣется.

— Но я беру съ условіемъ чтобъ онъ спряталъ на время свои чувства въ карманъ.

— Ну да, ну да! утвердила Форова. — Ни слова ей... А я пришла вамъ сказать что мнѣ изъ окна показалось будто рубежемъ ѣдутъ два тюльбюри: это конечно Бодростина съ кампаніей и наша Лариса Платоновна съ ними.

— Не можетъ быть!

Но въ это время послышался трескъ колесъ, и два легкихъ экипажа промелькнули за канавой и частоколомъ.

— Они! воскликнула Форова.

— Какова наглость? тихо, закусивъ губу, проронила Синтянина и сейчасъ же добавила: — а впрочемъ это прекрасно, и пошла на встрѣчу гостямъ.

Форова тотчасъ же быстро повернулась къ Подозерову, и взявъ его за обѣ руки, торопливо проговорила: а ты, Андрей Ивановичъ, на меня сдѣлай милость не сердись.

— Нѣтъ, я не сержусь, отвѣчалъ не глядя на нее Подозеровъ.

— Скажи мнѣ: домъ Ларисинъ уже заложенъ?

— И деньги даже взяты вынче.

— Ахъ Боже мой! И кто же ихъ получалъ?

— Конечно братъ владѣлицы.

— Разбойникъ!

— Ужъ это какъ хотите?

— На что же, на что все это сдѣлано? зачѣмъ заложенъ домъ?

— Да думаю что просто Іосафу деньги нужны.

— На что жь, голубчикъ, нужны?

— Ну, я въ эти соображенія не входилъ.

— Не входилъ! Гмъ! очень глупо дѣлалъ. А сколько выдано?

— Немного, менѣе пятя тысячъ.

— Господи! и если домъ за это пропадетъ? Вѣдь это послѣднее, Андрюша, послѣднее что у нея есть.

— Что же дѣлать? Да что вы все о деньгахъ: оставьте это. Ужъ не поправить ничего. Это все ужасно опротивѣло.

— Ахъ, опротивѣло! Не рада кажется и жизни все это видя.

— Ну, такъ скажите мнѣ о чемъ-нибудь другомъ.

— О чемъ?

— О чемъ хотите,—хоть объ Александрѣ Ивановнѣ.

— О Сашѣ? да что о ней.... Она святая! отвѣчала, махнувъ рукой, Форова.

— Какъ она могла выйти такъ странно замужъ?

— Мой милый другъ: не надобно про это говорить, — это большая тайна....

— Однако вы ее знаете?

— Догадываюсь, но не знаю.

— Она несчастлива?

— Была несчастлива превыше всякихъ словъ.... А вонъ и гости жалуютъ. Пойду на встрѣчу. Прошу же тебя, ложалуста, веселое лицо и чтобы не очень съ нею.... Не стóитъ она ничьей жалости!...

Подозеровъ не тронулся съ мѣста, и стоя у дерева со сложенными руками, думалъ: какое ненавистное, тупое состояніе! Я ничего, ровно ничего не чувствую, хотя не хотѣлъ бы быть въ такомъ состояніи за десять часовъ до смерти. Между тѣмъ въ этой тупости чувствую въ себѣ.... какой-то переломъ.... словомъ, какое-то иго отпадаетъ предъ готовой могилой.... Какая разница въ ощущеніяхъ вносимыхъ въ душу этими двумя женщинами? Какой сладкій покой льетъ въ душу ея трезвое, отъ сердца сказанное слово. Да! я радъ что я пріѣхалъ къ ней проститься предъ смертью, потому.... что иначе.... не знаю о комъ бы вздохнулъ я завтра, умирая.

III. Положеніе дѣлъ объясняющее почему Подозеровъ заговорилъ о близкой смерти.

Крѣпкая броня Гордѣнова оказалась недостаточно прочною: ее пробила красота Ларисы. Эта дѣвушка, съ ея чарующею и характерною красотой, обѣщавшею чрезвычайно много и можетъ-быть невластною дать ничего, понравилась Гордѣнову до того что онъ не могъ скрыть этого отъ зоркихъ глазъ и тонкаго женскаго чутья. Бодростина видѣла это яснѣе всѣхъ, — она видѣла какъ дѣйствуетъ на Гордѣнова красота Лоры. Это было немножко больше того чѣмъ хотѣла Глафира Васильевна. Читатели благоволятъ вспомнить что Бодростина не только разрѣшила Гордѣнову волочиться за Ларисой, но что это входило въ данную ему программу, даже болѣе — ему прямо вмѣнялось въ обязанность соблазнить эту дѣвушку, или Синтянину, или еще лучше, обѣихъ вмѣстѣ. Послѣднее, впрочемъ, было сказано Бодростиной вѣроятно лишь для красоты слога, потому что она сама не вѣрила ни въ какія силы соблазна по отношенію къ молодой генеральшѣ. О какомъ-нибудь не только серіозномъ успѣхѣ, но о самомъ легенькомъ волокитствѣ за Синтяниной не могло быть и рѣчи. Гордѣновъ видѣлъ это и рѣшилъ въ первый же день пріѣзда, въ домѣ Висленевыхъ, тогда же сказавъ себѣ: „ну объ этой нечего и думать!“

Іосафа онъ шутя подтравливалъ, говоря:—прозѣвалъ любчикъ, просвисталъ жену рѣдкую, — ужь эта бы роговъ не прилѣпила.

— А Богъ еще знаетъ, отвѣчалъ Висленевъ.

— Не велика штука это знать, когда это всякому видно у кого чердакъ не совсѣмъ пустъ.

— Она однако бойкая....

— Ну, это, милый, ничего не значитъ, — бойкія-то у насъ часто бываютъ крѣпче тихонь. А только впрочемъ она тебѣ бы не годилась,—она тебя непремѣнно въ рукахъ бы держала, и даже по оброку бы не пустила, а заставила бы тебя вмѣсто революцій-то юбки кроить.

— Ну, ты наскажешь: ужь и юбки кроить.

— Да, а что же ты думаешь, да ей Богу заставитъ. Но я, знаешь, все-таки теперь на твоемъ мѣстѣ маленечко бы по-

лытался: какъ она отзовется? Право, съ этого Гибралтара хоть одинъ камушекъ оторвать, и то, чортъ возьми, лестно.

— Ни мало мнѣ это не лестно, отвѣчалъ Висленевъ.

— Ну, какъ же, — разказывай ты: „нимало.“ Врешь, другъ мой, лестно и очень лестно, а ты трусишь на Гибралтары-то ходить, тебѣ бы что̀ полегче, вотъ въ чемъ дѣло! Приступить къ ней не умѣешь и боишься, а не то что нимало не лестно. Вотъ она на балѣ-то скоро будетъ у губернатора: ты у нея хоть цвѣточекъ, хоть бантикъ, хоть какой-нибудь трофейчикъ выпроси, да покажи мнѣ, и я тогда повѣрю что ты не трусъ и даже скажу что ты мальчикъ не безъ опасности для нѣжнаго пола.

— И что̀ же: ты думаешь не выпрошу?

— Ну, да выпроси!

— И выпрошу!

Взявшись за это дѣло, Висленевъ сильно былъ имъ озабоченъ: онъ не хотѣлъ ударить себя лицомъ въ грязь, а между тѣмъ по мѣрѣ того какъ день губернаторскаго бала приближался, Іосафа Платоновича все болѣе и болѣе покидала рѣшимость.

— Чортъ знаетъ что̀ она отвѣтитъ? думалъ онъ. А ну, какъ расхохочется?... Вишь она сгала какая находчивая и острая! Да и не вижу я ея почти совсѣмъ, а если говорить когда приходится, такъ все о пустякахъ.... Точно чужіе совсѣмъ....

А балъ все приближался и наконецъ наступилъ. Вотъ освѣщеный залъ, толпа гостей, и генеральша входитъ подъ руку съ мужемъ. Ея платье убрано букетами изъ васильковъ.

— Василекъ, шепчетъ Гордановъ на ухо Висленеву, и за мной пара шампанскаго.

— Непремѣнно, отвѣчаетъ Висленевъ, и выпросивъ у Александры Ивановны третью кадриль, тихонько, робко и неловко спустилъ руку къ юбкѣ ея платья, и началъ ощипывать цвѣтокъ. Александра Ивановна, славу Богу, не слышитъ, она даже подозвала къ себѣ мужа и шепчетъ ему что-то на ухо. Тотъ уходитъ. Но проклятая проволока искусственнаго цвѣтка крѣпка неимовѣрно. Висленевъ уже безъ церемоніи теребитъ его на удалую, но нѣтъ.... Между тѣмъ генералъ возвращается къ женѣ, и скоро надо опять начинать фигуру, а цвѣтокъ все не поддается.

— Позвольте я вамъ помогу, говоритъ ему въ эту роковую минуту Александра Ивановна, и взявъ изъ рукъ мужа тайкомъ

принесенныя имъ ножницы, отрѣзала съ боку своей юлки большой букетъ и ловко приколола его къ фраку смущеннаго Висленева, межъ тѣмъ какъ генералъ подъ самый носъ ему говорилъ:

— Не забудь этого, мой свѣтъ!

Висленевъ не зналъ какъ онъ дотанцовалъ кадриль съ мотавшимся у него на груди букетомъ, и даже не поѣхалъ домой, а ночевалъ у Гордановa, который напоилъ его по обѣщанію шампанскимъ и ломирая со смѣху говорилъ:

— А все-таки ты молодецъ! Сказалъ: „выпрошу“ и выпросилъ.

Это несчастье Висленева чуть съ ума не свело, но уже за то съ тѣхъ поръ о побѣдахъ надъ Александрой Ивановной они даже и въ шутку не шутили, а Висленевъ никогда не произносилъ ея имени, а называлъ свою прежнюю любовь просто: „эта проклятая баба“.

Лариса же была иная статья: ея неровный, неясный и неопредѣлившійся характеръ, ея недовольство всѣмъ и вѣрно опредѣленная Форовымъ дѣтская порывчивость то въ пустынники, то въ гусары, давали Бодростиной основанія допускать что ловкій, умный, разчетливый и безсердечный Гордановъ могъ тутъ не даромъ поработать. Притомъ же Бодростина, если не знала сердца Ларисы больше чѣмъ знаемъ мы до сего времени, то отлично знала ея голову и характеръ, и называла ее „пустышкой“. Но тутъ опять была задача: по малосодержательности Ларисы, защищенной отъ наблюдателей ея многоговорящею красотой, Бодростина сама не знала какой бы планъ можно было порекомендовать Гордanову для обхожденія съ нею съ бо́льшимъ успѣхомъ. Одному плану мѣшала гордость Ларисы, другому ея непредвидимые капризы; третьему ея иногда быстрая сообразительность и непреклонность ея рѣшеній. Но Бодростина надѣялась что Гордановъ самъ найдетъ дорогу къ сердцу Ларисы, и вдругъ ей показалось что она ошиблась: Гордановъ сталъ и стоялъ упорно на одномъ мѣстѣ. Красота Лоры ошеломила его; хмѣль обаянія туманилъ его голову, но не лишилъ ее силы надъ страстью. Онъ подходилъ разчетливо, всматривался, соображалъ и только нервно содрогался при видѣ Ларисы. Бодростиной даже мелькнуло въ умѣ: не зашло бы дѣло до свадьбы! Ларису оберегали двѣ женщины: Синтянина и Форова, изъ которыхъ каждую обмануть трудно. Но Гордановъ не могъ жениться; Бодростина знала

что ему былъ одинъ путь къ спасенію: устроить ея обезпеченное вдовство и жениться на ней. Гордановъ и самъ дѣйствительно такъ думалъ и держалъ этотъ планъ на первомъ мѣстѣ, но это была его ошибка: Бодростина и въ помышленіи не имѣла быть когда-нибудь его женой. Она хотѣла отблагодарить его когда будетъ свободна и потомъ распорядиться своею дальнѣйшею судьбой, не стѣсняясь никакими обязательствами въ прошломъ. Бодростина отдыхала на другой сладкой мечтѣ, которая невѣдомо когда и какъ вперилась въ ея голову: она хотѣла быть женой человѣка, повидимому, самаго ей неподходящаго. Она мечтала о мужѣ вполнѣ добромъ и честномъ: она мечтала какъ бы ей было пріятно осчастливить такого человѣка, скрывъ и забывъ прошлое. Въ натурѣ Глафиры Васильевны была своего рода честность, она была бы честна и даже великодушна еслибы видѣла себя самовластною царицей, но она интриговала бы и боролась, и честно и безчестно со всѣми, еслибы царственная власть ея не была полною и независимою въ ея рукахъ. „Страстямъ поработивъ души своей достоинства“, она была безсильна, когда страсть диктовала ей безчестныя мысли, но она не любила зла для зла: она только не пренебрегала имъ какъ орудіемъ, и не могла остановиться. Прошлое ея ей самой представлялось чрезмѣрною, непростительною глупостью, изъ которой она выдѣляла только свое замужество. Тутъ она немножко одобряла свои дѣйствія, но все затѣмъ происходившее, опять, въ собственныхъ ея глазахъ, было рядомъ ошибокъ, жертвой страстямъ и увлеченіямъ. Продолжительное пассивное выжиданіе послѣднихъ лѣтъ было, положимъ, сообразно положенію дѣлъ, но оно было не въ характерѣ Глафиры, живомъ и предпріимчивомъ, и притомъ оно до сихъ поръ ни къ чему не привело и даже грозило ей бѣдой: Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ болѣе не вѣрилъ ей, и новымъ его распоряженіемъ она лишалась мужниного имѣнія въ полномъ его составѣ, а наслѣдовала одну только свою законную вдовью часть. Этого Глафира Васильевна не могла перенести. Она опять призвала весь свой умъ и рѣшилась ниспровергнуть такое посягательство на ея благосостояніе. Съ этою цѣлію, какъ мы помнимъ, былъ вызванъ изъ Петербурга Гордановъ, дѣла котораго тоже въ это время находились въ положеніи отчаянномъ. Глафира Васильевна знала что Павелъ Николаевичъ человѣкъ коварный и трусъ, но трусъ ко-

торый такъ дальновидно разчетливъ что обдумаетъ все и пойдетъ на все, а ея планъ былъ столько же простъ, сколько отчаянъ. Онъ заключался въ томъ чтобъ уничтожить новое завѣщаніе, лишавшее ее полнаго наслѣдованія имѣній мужа, и затѣмъ не дать Бодростину времени оставить иного завѣщанія кромѣ того которымъ онъ въ первую минуту старческаго увлеченія, за обладаніе свѣжею красотой ловкой Глафиры, отдалъ ей все. Гордановъ былъ человѣкъ которому не нужно было много разказывать что ему нужно дѣлать. У Глафиры тоже вся партитура была расписана; обстоятельства имъ помогали. Мы видѣли какъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ взялъ и увезъ къ себѣ съ поля смоченнаго дождемъ Висленева. Глафирѣ Васильевнѣ не стоило никакого труда завертѣть эту верченую голову; она безъ труда забрала въ свои руки его волю, въ чужихъ рукахъ побывалую. Она обласкала Жозефа, сдѣлалась жаркою его сторонницей, говорила съ нимъ же самимъ о его честности, которая будто бы устояла противъ всѣхъ искушеній и будто бы не шла ни на какіе компромиссы. Красивая и хотя уже не очень молодая, но любѣдоносная женщина эта говорила съ Висленевымъ такимъ сладкимъ языкомъ, отъ котораго этотъ бѣднякъ, тершійся въ петербургскомъ вертелѣ сорока разбойниковъ, давно отвыкъ и словно обрѣлъ потерянный рай. Висленевъ ожилъ. Бодростинъ его тоже ласкалъ. Въ ихъ домѣ Іосафъ Платоновичъ пріютился какъ въ тихой каюткѣ, во время всеобщаго штурма, а штурмъ, большой штурмъ заходилъ вокругъ. Едва Висленевъ сталъ ло легкомысленности своей забывать о своемъ оброчномъ положеніи и о другихъ своихъ петербургскихъ обязательствахъ, какъ его ударяла новая волна: Гордановскій портфель, который Висленевъ не могъ представить своему другу иначе какъ съ извѣстнымъ намъ надрѣзомъ. Это была тоже очень тяжкая минута въ жизни Іосафа Платоновича, минута, которую онъ тщетно старался облегчить всякимъ лебезеньемъ и вызовомъ лололнить все, если хоть капля изъ цѣнностей хранящихся въ портфелѣ пропала.

Гордановъ только засмѣялся, и отбросивъ въ сторону портфель, сказалъ Висленеву:—Молодецъ мальчикъ, и впередъ такъ старайся.

— Что же, ты думаешь, можетъ-быть что это а?...

— Ничего я не думаю, сухо отвѣчалъ Гордановъ, отходя и запирая портфель въ комодъ.

— Нѣтъ, если ты что подозрѣваешь, такъ ты лучше скажи. Вѣдь я тебѣ говорилъ, я говорилъ тебѣ....

— Что такое ты мнѣ говорилъ? Я всего говореннаго тобою въ памятную книжку не записываю.

— Я говорилъ тебѣ въ ту ночь, или въ тотъ вечеръ: возьми, Паша, отъ меня свой портфель! А ты не взялъ. Зачѣмъ ты его не взялъ? Я вѣдь былъ тогда съ дороги, уставши какъ и ты, и потомъ....

— Продолжайте, Іосафъ Платоновичъ.

— Потомъ я не знаю образа жизни сестры.

Гордановъ обернулся, посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ.

— Чортъ его знаетъ, кто это могъ сдѣлать? продолжалъ оправляясь Висленевъ.—Мнѣ кажется я утромъ видѣлъ платье въ саду.... Не сестрино, а чье-то другое, зеленое платье. Портфель лежалъ на столѣ у самаго окна, и я производилъ дознаніе....

— Ну, такъ и поди же ты къ чорту со своимъ дознаніемъ! Ты готовъ сказать что твоей сестрѣ кто-нибудь дѣлаетъ ночные визиты.

— Неправда, я этого не скажу.

— Неправда?... Полно другъ, я тебя знаю, и отдавая тебѣ портфель, хотѣлъ нарочно еще разъ допытать тебя: можно ли на тебя хоть въ чемъ-нибудь положиться?

— И что же — ни въ чемъ?

— Рѣшительно ни въ чемъ.

— Ну послѣ этого, Павелъ Николаичъ....

— Намъ съ вами остается раскланяться?

— Да, предварительно разчитавшись, разумѣется. Не безпокойся, я мои долги всегда помню и плачу. Я во время моихъ нуждъ забралъ у тебя до девятисотъ рублей.

— Не помню, не считалъ.

— Что жь, ты развѣ думаешь что больше?

— Я говорю тебѣ: не помню, не считалъ.

— Ну такъ я тебя увѣряю что всего девятьсотъ, у меня каждый грошъ записанъ, и вотъ тебѣ росписка.

Висленевъ схватилъ перо, оторвалъ полулистъ бумаги и написалъ росписку въ тысячу восемьсотъ рублей.

— Это зачѣмъ же вдвое? спросилъ Гордановъ, когда тотъ приподнесъ ему листокъ.

— Да такъ ужь и бери пожалуста, я не знаю когда я тебѣ отдамъ....

— Полно, милый другъ! Гдѣ тебѣ отдавать?

— Павелъ Николаичъ, не говори этого! Я безчестнаго дѣла сдѣлать не хочу, я пишу вдвое потому что.... такъ писалъ, такъ и привыкъ; но я отдамъ тебѣ все что перехватилъ.

— Перехватилъ! засмѣялся Гордановъ.

— Да перехватилъ и еще перехвачу и разочтусь.

— Нѣтъ ужь негдѣ тебѣ, братъ, перехватывать, всѣ перехваты пересохли.

— Негдѣ! Ошибаешься, я у сестры перехвачу и вывернусь.

Гордановъ снова разсмѣялся и проговорилъ:

— Ты бы себѣ и фамилію у кого-нибудь перехватилъ. Тебѣ такъ бы и зваться не Висленевъ, а Перехватаевъ.

— А вотъ увидишь ты: перехвачу.

— Перехвати, съ моей стороны препятствій не будетъ, а ужь самъ я тебѣ не дамъ болѣе ни одного гроша, и Гордановъ взялъ шляпу и собирался выйти.—Ну выходи, любезный другъ, сказалъ онъ Висленеву,—а то тебя рисковано оставить.

— Папа!

Гордановъ засмѣялся.

— Тебѣ не грѣхъ меня такъ обижать?

— Да пропади ты совсѣмъ съ грѣхами и со спасеньемъ: мнѣ некогда. Идемъ. Сестра твоя дома?

— Да, кажется дома.

— Надѣюсь, она про эту гадость не знаетъ?

— Не знаетъ, не знаетъ!

— Очень радъ за нее.

— Она тебѣ нравится?

— Да, она не тебѣ чета. Сестра красавица, а братъ....

— Ну врешь; я недуренъ.

— Недуренъ, да типъ у тебя совсѣмъ не тотъ; ты совсѣмъ Японецъ.

— А вѣдь братъ любили насъ, и очень любили!

— Да я самъ тебя люблю: гдѣ же еще такого шута найдешь?

— И ты на меня не сердишься?

— Ни мало, ни мало. Чего на тебя сердиться: ты невмѣняемъ.

— Ну и миръ.

— Миръ, отвѣчалъ Гордановъ, лѣниво подавая ему руку и

въ то же время отдавая послѣднія распоряженія остающемуся слугѣ.

Висленевъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ такимъ исходомъ дѣла, и тотчасъ же направился къ Бодростинымъ, съ рѣшимостью пріютиться у нихъ еще плотнѣе; но онъ хотѣлъ превзойти себя въ благородствѣ и усиливался славить Горданова и въ струнахъ, и въ органѣ, и въ гласѣхъ и въ восклицаніяхъ. Заставъ Глафиру Васильевну за ея утреннимъ кофе, онъ сейчасъ же началъ осуществлять свои намѣренія и заговорилъ о Гордановѣ, хваля его умъ, находчивость, таланты и даже честность. Бодростина насупила брови и возразила. Висленевъ спорилъ жарко и фразисто. Въ это время въ будуаръ жены вошелъ Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ. Разговоръ было на минуту прервался, но Висленевъ постарался возобновить его и отнесся къ старику съ вопросомъ о его мнѣніи.

— Я объ этомъ человѣкѣ имѣлъ множество различныхъ мнѣній, отвѣчалъ Бодростинъ, играя своею золотою табакеркой,— теперь не хочу высказать о немъ никакого мнѣнія.

— Но вотъ Глафира Васильевна отрицаетъ въ немъ честность. Можно ли такъ жестоко?

— Что же, можетъ-быть она о немъ что-нибудь больше насъ съ вами знаетъ, сказалъ Бодростинъ.

Глафира Васильевна не шевельнула волоскомъ и продолжала сосать своими полными коралловыми губами смоченный сливками кусочекъ сахара, который держала между двумя пальцами по локоть обнаженной руки.

— А я говорю то, продолжалъ Михаилъ Андреевичъ,—что я только не желалъ бы дожить до того времени когда женщины будутъ судьями.

— Вы до этого и не доживете, весело отвѣчала своимъ густымъ контральтомъ Глафира.

— Право! У женщины какой судъ? сдѣлалъ разъ человѣкъ что-нибудь нехорошее, и уже это ему никогда не позабудутъ, или опять, согрѣши разъ праведникъ,—не ломянутся всѣ его правды.

— Гордановъ и праведники.... это оригинально! воскликнула Глафира Васильевна, и расхохотавшись, вышла въ другую комнату.

— А я столкнулся сейчасъ съ Гордановымъ у губернатора, продолжалъ Бодростинъ, не обращая вниманія на выходъ же-

ны, — и знаете, я не люблю руководиться чужими мнѣніями, и я самъ Горданова бранилъ и бранилъ жестоко, но какъ вы хотите, у этого человѣка еще очень много сердца.

— И ума, онъ очень уменъ, поддержалъ Висленевъ.

— Объ умѣ ужь ни слова: какъ онъ каналья третируетъ нашихъ дворянъ и особенно нашего вице-губернаторишку, это просто слушаешь и не наслушаешься. Заговорилъ онъ намъ о своихъ намѣреніяхъ насчетъ ремесленной школы, которую хочетъ устроить въ своемъ имѣньишкѣ. Дѣльная мысль! Знаете, это человѣкъ-съ который не химеры, да направленія показываетъ....

— Да; онъ очень уменъ!

— Кромѣ того говорю и о сердцѣ. Мы съ нимъ вѣдь старые знакомые и между нами были кое-какіе счетцы. Что же вы думаете? Вѣдь онъ въ глаза мнѣ не могъ взглянуть! А когда губернаторъ рекомендовалъ ему обратиться ко мнѣ какъ предводителю, и разказать затрудненія которыя онъ встрѣтилъ въ столкновеніяхъ съ Подозеровымъ, такъ онъ-съ не зналъ какъ со мной заговорить!

— И вы его великодушно ободрили? спросила снова вошедшая Глафира Васильевна.

— Да, представьте, ободрилъ, продолжалъ Бодростинъ.—Подозеровъ честный, честный человѣкъ, но онъ въ самомъ дѣлѣ какой-то маньякъ. Я его всегда уважалъ, но я ему всегда твердилъ: перестаньте вы Бога ради настраиваться этими газетными подъусканіями. Что за болѣзненная мысль такая что все крестьянъ обижаютъ? Вздоръ! А между тѣмъ задавшись такими мыслями въ самомъ дѣлѣ станешь видѣть не вѣдомо что, и вотъ оно такъ и вышло. Гордановъ хлопочетъ о школѣ для самихъ же крестьянъ, а тотъ противодѣйствуетъ. Потомъ агитаторъ этотъ вашъ Форовъ является, и съ нимъ попъ Евангелъ, и возмущаютъ крестьянъ.... Вѣдь это-съ.... вѣдь это же нетерпимо! Я сейчасъ заѣхалъ къ Подозерову и говорю: мой милый другъ, vous êtes entièrement hors du chemin, и что же-съ? — кончилось тѣмъ что мы съ нимъ совсѣмъ разошлись?

— Вы разошлись съ Подозеровымъ? воскликнулъ, не скрывая своей радости, Висленевъ.

— Даже жалѣю что я съ нимъ когда-нибудь сходился. Этотъ человѣкъ спокоенъ и скроменъ только по внѣшности; бросьте искру, онъ и дымитъ и пламенѣетъ: готовъ на укоризны цѣ-

лому обществу зачѣмъ принимаютъ того, зачѣмъ не такъ ласкаютъ другаго. Позвольте же наконецъ, милостивый государь, всякому самому про себя знать кого ему какъ принимать въ своемъ домѣ! Всѣ люди грѣшны и я самъ грѣшенъ, такъ и меня не будутъ принимать. Да это надо инквизицію послѣ этого установить! Общество должно исправлять людей, а не отлучать ихъ.

— О, вы совершенно правы, поддержалъ Висленевъ, натягивая на руку перчатку.

— По крайней мѣрѣ я никого не отлучаю отъ общенія съ людьми, и знаю что человѣкъ не вѣчно коснѣетъ въ своихъ порокахъ, и для каждаго настаетъ своя минута исправиться.

— Михаилъ Андреичъ, вы божественно говорите! воскликнулъ Висленевъ и началъ прощаться. Его немножко удерживали, но онъ сказалъ что ему необходимо нужно и улетѣлъ домой, засталъ тамъ Горданова съ сестрой, которая была какъ то смѣшана, и тутъ же разсказалъ новости объ обращеніи Бодростина на сторону Павла Николаевича.

Межъ тѣмъ Глафира Васильевна тотчасъ же по выходѣ Висленева спросила мужа:

— И неужто это дойдетъ до того что Гордановъ снова будетъ принятъ у насъ въ домѣ?

— Да; я полагаю, отвѣчалъ Бодростинъ. — Онъ имѣетъ во мнѣ нужду, да и самъ интересуетъ меня своею предпріимчивостью. Развѣ ты не хочешь чтобъ онъ былъ принятъ?

— Мнѣ все равно.

— О чемъ же и говорить! Мнѣ тоже все равно, произнесъ онъ, и взявъ Глафиру за обнаженный локоть, добавилъ: — я совершенно обезпеченъ: за моею женой столько ухаживателей, что они другъ за другомъ смотрятъ лучше всякихъ аргусовъ.

— Что же вы этимъ хотите сказать? спросила Глафира, но Бодростинъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ нѣсколько разъ кряду ея руку и проговорилъ:

— Какая у васъ сегодня свѣжая и ароматная кожа. А впрочемъ, чортъ возьми! добавилъ онъ взглянувъ на часы: j'ai plusieurs visites à faire!

Съ этимъ онъ повернулся и вышелъ, часто скрипя своими сіяющими саложками.

— Ароматная кожа! подумала Глафира, прислонясь устами къ своей собственной рукѣ. И предъ ней вдругъ пронеслась вся ея прошлая жизнь. Въ дѣтствѣ ее любили и ря-

дили; въ юности выставляли какъ куколку; Гордановъ нуждался въ ея красотѣ; ею хотѣли орудовать какъ красавицей; вышла замужъ она черезъ красоту; по своей винѣ пренебрежена какъ человѣкъ, но еще и теперь цѣнима въ мѣру своей красоты. И между тѣмъ никто никогда не остановился на душѣ ея, никто не полюбилъ ее за ея сердце, не сказалъ ей что онъ ей вѣряется, что онъ ей вѣритъ и хочетъ слиться съ нею не въ одномъ узкомъ объемѣ чувственной любви!

Бодростина насупилась, и въ большихъ глазахъ ея сверкнули досада и презрѣніе.

— Неужто же такъ будетъ вѣчно? Нѣтъ, еще одно послѣднее сказанье, и я начну новую лѣтопись. Я хочу и я буду любима!

Между тѣмъ Гордановъ въ ожиданіи дѣла съ Бодростиной сдѣлалъ для себя очень важныя открытія въ Ларисѣ. Онъ изучилъ и понялъ ее основательно, и результаты его изученія были яснѣе результатовъ долгихъ размышленій о ней Форовой, Синтяниной и Бодростиной. У Гордановъ Лариса выходила ни умна, ни глупа, но это была, по его точному выводу, прекрасная „собака и ея тѣнь“. Вся суть ея характера заключалась въ томъ что все то что̀ ей принадлежитъ ей ненужно. Гордановъ такъ рѣшилъ и не ошибся. Теперь надо было дѣйствовать сообразно этому опредѣленію. Онъ ходилъ къ Ларисѣ въ домъ, но, повидимому, вовсе не для нея; онъ говорилъ съ нею мало, небрежно и неохотно. Онъ видѣлъ ея разрывъ съ Подозеровымъ, предъ которымъ Гордановъ постоянно обнаруживалъ къ Ларисѣ полнѣйшее невниманіе, и не уставалъ хвалить достоинства Андрея Ивановича. Это дѣйствовало прекрасно: Лариса едва преодолѣвала зѣвоту при имени Подозерова.

Городская сплетня между тѣмъ утверждала что Лариса не идетъ за Подозерова, что ему не везетъ, что онъ въ отставкѣ, а занята она Гордановымъ, но ей тоже не везетъ, потому что Гордановъ не удостоиваетъ ее вниманія, а занятъ, кажется, красивою купчихой Волдевановой, въ домѣ которой Гордановъ дѣйствительно бывалъ не даромъ и не скрывалъ этого, умышленно пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ. Горданову, съ его понятіями о Ларисѣ, нужно было совсѣмъ не то что̀ думала Бодростина; онъ не былъ на то чтобы поиграть Ларисой и бросить ее. Онъ, правда, смотрѣлъ на нее какъ на пре-

красный и нужный ему комфортъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ чтобъ эта прекрасная красивая дѣвушка принадлежала ему на самомъ нерушимомъ крѣпостномъ правѣ, противъ котораго она никогда не смѣла бы и подумать возмутиться. Но что же могло ему дать такое право? Бракъ; но бракъ не сдержитъ такихъ какъ Лариса; да и къ тому же онъ не могъ жениться на Ларисѣ, у него на плечахъ было большое дѣло Бодростиной, которую надо было сдѣлать богатою вдовой, и жениться на ней чтобы самому быть богатымъ; но Ларису надо было закрѣпить за собой, потому что она очень ему нравится и нужна для полнаго комфорта.

— Съ точки зрѣнія дураковъ—это вздоръ, но съ моей точки это не вздоръ, размышлялъ Гордановъ,—женщина которая мнѣ нравится должна быть моею, потому что безъ этого мнѣ не будетъ хорошо. Но мнѣ нужна и одна, и другая, я гонюсь за двумя зайцами, и по глупой пословицѣ, я долженъ не поймать ни одного. Но это вздоръ!

И у Павла Николаевича созрѣлъ планъ по которому онъ смѣло надѣялся закрѣпить за собою Ларису, еще крѣпче чѣмъ Глафиру Васильевну, и былъ вполнѣ увѣренъ что ни Бодростина и никто на свѣтѣ этого плана не проникнутъ.

Такимъ образомъ у него предпріятіе нагромождалось на предпріятіе, и духъ его кипѣлъ и волновался. Надо было помирить петербургскіе долги; упрочить здѣсь за собою репутацію человѣка крайне интереснаго и страшнаго; добыть большія деньги, сживя со свѣта Бодростина и женившись на его вдовѣ, и закабалить себѣ Ларису такъ чтобъ она была ему до гроба крѣпка, крѣпче всякихъ законныхъ узъ. Всего этого онъ надѣялся достигнуть безъ риска и опасностей. На долги онъ выслалъ проценты и былъ увѣренъ что Кишенскій и его разчетливая подруга не станутъ на него налегать въ виду заяснившейся для него возможности поправиться и расплатиться; губернское общество онъ уже успѣлъ собою заинтересовать безъ малѣйшаго труда и даже самъ нерѣдко дивовался своему успѣху. Еще недавно ненавидившій его втайнѣ Ропшинъ позвалъ его на именинный вечеръ, гдѣ былъ весь сокъ губернской молодежи, и Гордановъ войдя едва кивнулъ всѣмъ головой, и тотчасъ же, отведя на два шага въ сторону хозяина, сказалъ ему почти вслухъ: „однакоже какая сволочь у васъ, мой милый Ропшинъ.“ Хозяинъ сконфузился, гости присмирѣли; потомъ выходка эта съ хохотомъ была раз-

несена ло городу. Добыть большія деньги Гордановъ давно зналъ какимъ образомъ: дѣло это стояло за сорока тысячами, которыя нужны были для разчета съ долгами и начала милліонной операціи, надо было только освободить отъ мужа Бодростину и жениться на ней, но изъ этихъ двухъ дѣлъ послѣднее несомнѣнно устраивалось само-собою какъ только устроилось бы первое. Гордановъ въ этомъ былъ увѣренъ, Бодростина говорила правду что у него была своя каторжная совѣсть: у него даже былъ свой каторжный point d'honneur, не дозволявшій ему сомнѣваться въ существованіи такой совѣсти въ Глафирѣ Васильевнѣ, женщинѣ умной, которую онъ, какъ ему казалось, зналъ въ совершенствѣ. Затѣмъ оставалось прикрѣпить къ себѣ Ларису. Это дѣло было не легкое: жениться на Ларисѣ, повторимъ еще разъ, Гордановъ не думалъ, а любовницей его она не могла быть по своему гордому характеру. Онъ очень просто и ясно предвидѣлъ съ ея стороны такую логику: если онъ меня любитъ — пусть на мнѣ женится, если же не хочетъ жениться, значитъ не любитъ. При томъ же около Ларисы стояли Синтянины, Форова, Подозеровъ, всѣ эти люди не могли благопріятствовать планамъ Горданова. Еще онъ могъ, можетъ-быть, увлечь Ларису, но рисковалъ не удержать ее надолго въ своей власти. Могла настать минута разочарованія, а Гордановъ былъ дальнозорокъ; онъ хотѣлъ чтобы Лариса была неотдѣлима отъ него нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не исключая даже тѣхъ при которыхъ законъ освобождаетъ жену отъ слѣдованія за мужемъ. Но понятно что всѣ эти сложные планы требовали времени, и Гордановъ, сдѣлавшись снова вхожъ въ домъ Бодростиныхъ, въ удобную минуту сказалъ Глафирѣ что онъ не истратилъ одной минуты даромъ, но что при всемъ этомъ ему еще нужно много времени.

— Не торопи меня, говорилъ онъ ей: дай мнѣ годъ времени, годъ не вѣкъ, и я тебѣ за то ручаюсь что къ концу этого года ты будешь и свободна и богата.

— Но завѣщаніе написано!

— Оставь ты эти письмена.

Глафира Васильевна сама знала что нужно время, нужно оно было не для нея, а для Павла Николаевича, который хотѣлъ дѣйствовать осторожно и раздувъ огонь, собрать жаръ чужими руками. На это и былъ здѣсь Висленевъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Михаилъ

Андреевичъ Бодростинъ, разсорясь съ Подозеровымъ, ввелъ къ себѣ снова въ домъ Горданова, и плѣняясь его умомъ, его предпріимчивостью и сообразительностью, вдругъ задумалъ ѣхать въ Москву и оттуда въ Петербургъ, чтобъ уладить кое-что по земству и вступить въ большія компанейскія торговыя дѣла, къ которымъ его тянуло, и которыхъ такъ опасалась Глафира Васильевна. При этомъ кстати Бодростинъ везъ въ Москву и духовное завѣщаніе, съ тѣмъ чтобы положить его на храненіе въ опекунскій совѣтъ. Бодростину сопутствовали въ его поѣздкѣ его наслѣдникъ, племянникъ, уланъ Владиміръ Кюлевейнъ и секретарь Ропшинъ. День отъѣзда былъ назначенъ. Молодой рослый камердинеръ Михаила Андреевича и два лакея укладывали чемоданы и несессеры, Ропшинъ вмѣстѣ съ самимъ Бодростинымъ собиралъ въ кабинетѣ дорожный портфель. Дѣло было послѣ обѣда предъ вечернимъ чаемъ: осталось провести дома послѣдній прощальный вечеръ и завтра ѣхать.

— Подай мнѣ завѣщаніе! спросилъ сидя за столомъ Бодростинъ у стоявшаго съ другой стороны стола Ропшина.

Секретарь порылся и поднесъ листъ исписанный красивымъ французскимъ почеркомъ Михаила Андреевича.

Бодростинъ пробѣжалъ нѣсколько строкъ этого документа, взглянулъ на свидѣтельскія подписи Подозерова и Ропшина и сказалъ: не худо бы сюда еще одну подпись священника.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Ропшинъ.

— Но впрочемъ кажется довольно по закону и двухъ.

— Совершенно довольно, и вдобавокъ завѣщаніе писано вашею собственною рукой и вѣроятно самими вами будетъ подано на храненіе?

— А разумѣется самимъ.

— Въ такомъ случаѣ оно болѣе чѣмъ гарантировано отъ всякихъ оспариваній.

— Ты правъ, нечего тутъ вмѣшивать поповъ: еще все разблаговѣстятъ. Ты вѣдь конечно никому ни звука не подалъ.

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться, отвѣчалъ краснѣя Ропшинъ.

— Я, братъ, всѣмъ вѣрю и во всѣхъ сомнѣваюсь.

— Я не знаю какъ господинъ Подозеровъ, началъ было Ропшинъ, но Бодростинъ перебилъ его:

— Ну въ Подозеровѣ то я не сомнѣваюсь.

Ропшинъ еще покраснѣлъ, такъ что багрецъ пробилъ сквозь

его жиденькіе тщательно причесанные чухонскіе бакенбарды, но Бодростинъ, укладывавшій въ это время бумагу въ конвертъ, не замѣтилъ его краски.

— Надпиши, сказалъ онъ секретарю, и продиктовавъ ему надпись, велѣлъ запечатать конвертъ гербовою печатью и уложить въ портфель.

Позже вечеромъ Бодростина не было дома: онъ былъ у губернатора, потомъ у Горданова и вернулся за полночь. Глафира Васильевна безъ него въ сумерки приняла только Висленева, но рано сказалась больною и рано ушла къ себѣ на половину. Дѣла ея съ Висленевымъ шли вяло. Іосафъ Платоновичъ сдѣлался ея адъютантомъ, но только разводилъ ей рацеи о женщинѣ, о женскихъ правахъ и т. п. Гордановъ, наблюдавшій все это, находилъ что вокругъ удалой Бодростиной какъ будто становилось старо и вяло, но врядъ ли онъ въ этомъ не ошибался. По крайней мѣрѣ еслибы Гордановъ видѣлъ Глафиру Васильевну въ сумерки того дня когда Бодростинъ запечаталъ свое завѣщаніе, онъ не сказалъ бы что около нея стало старо. Она была вся оживлена: чорныя брови ея то подымались, то опускались, взоръ то щурился и угасалъ, то быстро сверкалъ и пронизывалъ; античныя ея руки горѣли и щилали въ лепестки мягкую шамахинскую кисть отъ пояса распашнаго калота изъ букетной матеріи азіятскаго рисунка. Въ организмѣ ея было какое-то лихорадочное безпокойство, и потому несмотря на едва замѣтную свѣжесть лѣтняго вечера, въ кабинетѣ ея были опущены густыя суконныя занавѣсы, и въ каминѣ пылали бѣловатымъ огнемъ сухія березовыя дрова.

Глафира Васильевна помѣщалась полусидя на низкомъ мягкомъ табуретѣ и упиралась въ бѣлый мраморный откосъ камина ногой, обутой въ простую, но изящную туфлю изъ алаго сафьяна.

Огонь ей былъ не лишній: она въ самомъ дѣлѣ зябла, но вдругъ чуть только всколыхнулась дверная портьера, и вошедшая дѣвушка произнесла: „Генрихъ Иванычъ“, Бодростина сейчасъ же вскочила, велѣла просить того о комъ было доложено и пошла по комнатѣ, высоко подавъ голову со взглядомъ ободряющей и смущающей ласки.

Въ портьерѣ показался секретарь Ропшинъ: бѣдный и блѣдный, нескверный и неблазный молодой человѣкъ, предки котораго, происходя отъ ревельскихъ чухонъ, напрашивались въ

нѣмецкіе бароны, но ко дню рожденія этого Генриха не приготовили ему ничего кромѣ имени Ролликюль, которое онъ самъ перемѣнилъ на Ролшинъ чтобы не походить на Чухонца. Онъ былъ воспитанъ пристойно и съ удовольствіемъ несъ свои секретарскія обязанности при Бодростинѣ, который его отыскалъ гдѣ-то въ петербургской завали, и въ угоду одной изъ сердобольныхъ дамъ не знавшихъ куда пристроить этого бѣлобрысаго юношу, взялъ его къ себѣ въ секретари.

Очутившись въ этомъ старомъ, богатомъ и барскомъ домѣ, Ролшинъ немедленно влалъ въ силки, которые стояли здѣсь по всѣмъ угламъ и закоулкамъ. У Глафиры Васильевны была своя партія и свои агенты повсюду: въ конторѣ, въ оранжереяхъ, въ поварскихъ, на застольной и въ прачешной. Глафира Васильевна не пренебрегала ни сплетней, ни доносомъ. Ролшинъ, въ качествѣ лица поставленнаго однимъ рангомъ выше камердинера и дворецкаго, тоже былъ взятъ на барынину сторону, и онъ самъ вначалѣ едва зналъ какъ это случилось, но потомъ.... потомъ когда онъ увидалъ себя на ея сторонѣ, онъ проникся благоговѣйнымъ восторгомъ къ Глафирѣ Васильевнѣ: онъ началъ тупить взоры при встрѣчѣ съ нею, краснѣть, конфузиться и худѣть. Глафира Васильевна не пренебрегала и этимъ: мальчикъ могъ быть полезенъ, и ему былъ брошенъ крючокъ. Годъ тому назадъ этотъ двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ впервые взошелъ въ кабинетъ Глафиры для передачи какого-то незначащаго порученія ея мужа. Въ кабинетѣ на ту пору сидѣли Лариса Васильевна и генеральша Синтянина. Юноша пришелъ въ смущеніе при видѣ трехъ красивыхъ женщинъ: онъ замялся, сталъ говорить, ничего не выговорилъ, полерхнулся, чихнулъ, и его маленькій галстучекъ papillon сорвался съ пуговки и улетѣлъ въ невѣдомыя страны. У Ролшина задрожали колѣна и навернулись слезы. Синтяниной и Ларисѣ стало и смѣшно и жалко, но Глафирѣ Васильевнѣ это дало поводъ бросить крючекъ. Она, секунду не думая, оторвала одинъ изъ бантиковъ своего капота и подавая его Ролшину сказала: прекрасно! съ этихъ поръ вы за это будете носить мой цвѣтъ!

Юноша поцѣловалъ ея руку и вылетѣлъ бомбой, зацѣпившись за нѣсколько стульевъ....

По прошествіи десяти мѣсяцевъ, Ролшинъ доставилъ Глафирѣ Васильевнѣ копію съ завѣщанія Бодростина, вѣреннаго

его скромности, и былъ награжденъ за это прикосновеніемъ бѣлаго пальца Глафиры Васильевны къ его подбородку.

Теперь онъ предсталъ къ ней съ другимъ докладомъ.

Онъ вошелъ, поклонился и застѣнчиво пролепеталъ банальную французскую привѣтственную фразу. Она окинула его бровью, ласково улыбнулась, и взявъ его за руку, подвела къ стулу.

— Садитесь, Генрихъ, сказала она, выпуская его руку и проходя далѣе по ковру своею развалистою походкой.—Что нового у насъ?

— Михаилъ Андреевичъ везетъ завѣщаніе въ Москву.

— Да-а?

— Онъ запечаталъ его въ конвертъ и сдалъ мнѣ.

— Вамъ? какъ это мило съ его стороны.

Ролшинъ всталъ и хотѣлъ раскланяться.

— Куда же вы? остановила его Бодростина.

— Я все сказалъ вамъ, отвѣчалъ Ролшинъ и отозвался что у него много дѣлъ.

— Ахъ полноте пожалуста съ вашими дѣлами: всѣхъ дѣлъ во вѣкъ не передѣлаешь. Скажите лучше мнѣ: вы можете меня удостовѣрить что эта бумага дѣйствительно приготовлена и везется въ Москву.

— О, къ сожалѣнію ничего нѣтъ легче: она со мной въ моемъ портфелѣ. Вы можетъ-быть желали бы ее видѣть.... я нарочно взялъ съ собою.

— Да; я даже прошу васъ объ этомъ.

Ролшинъ вышелъ, и явясь черезъ минуту, засталъ Глафиру Васильевну снова предъ каминомъ: ее опять кажется знобило, и она грѣлась въ той же позѣ и на томъ же табуретѣ на которомъ сидѣла до прихода Ролшина.

— Вы нездоровы? робко спросилъ молодой человѣкъ, кинувъ на нее взюбленный, участливый взглядъ.

— Немножко зябну.

— Вечеръ свѣжъ, отвѣчалъ секретарь, доставая конвертъ изъ портфеля.

— Oui; le feu est un bon compagnon ce soir, уронила она зѣвая.

— Вотъ и конвертъ.

Глафира Васильевна взяла конвертъ, внимательно прочла надпись и замѣтила что она никогда не знала какъ подобные документы надписываются.

— Вотъ тамъ на столѣ есть карандашъ,—прошу васъ, спишите мнѣ эту надпись.

Ролшинъ всталъ и хотѣлъ взять конвертъ.

— Нѣтъ вы пишите, я продиктую вамъ, сказала Бодростина, и когда секретарь взялъ карандашъ и бумагу, Глафира Васильевна прочитала ему надпись и затѣмъ бросила конвертъ въ огонь и вставъ заслонила собою пылающій каминъ.

Ролшинъ остолбенѣлъ, но потомъ быстро бросился къ ней, но былъ остановленъ тихимъ таинственнымъ „т-сс“, между тѣмъ какъ въ то же самое время правая рука ея схватила его за руку, а бѣлый мизинецъ лѣвой руки во всю свою длину легъ на его испуганныя уста.

— Вы не употребите же противъ меня силы, да и это теперь было бы безполезно, вы видите конвертъ сгорѣлъ. Берите скорѣе точно такой другой и дѣлайте на немъ ту же надпись. Онѣ должны быть похожи какъ двѣ капли воды.

— Что же я положу въ другой конвертъ?

— Вы положите въ него.... листъ чистой бумаги.

— Великій Боже!

— Не ужасайтесь, бываютъ дѣла гораздо страшнѣе, и ихъ люди безтрепетно дѣлаютъ для женщинъ и за женщинъ,—это, надѣюсь, еще далеко не готъ кубокъ который пили юноша, царь и пастухъ въ замкѣ Тамары.

— Вы можете еще шутить!

— Ни мало, вамъ не грозитъ никакая опасность! что бы ни случилось, вы можете отвѣчать что это ошибка и только.

— Я потеряю мое мѣсто.

— Очень можетъ-быть, но о такихъ вещахъ предъ женщиной не говорятъ.

И съ этимъ Бодростина, не давая опомниться Ролшину, достала изъ его портфеля пачку конвертовъ, и сунула въ одинъ изъ нихъ заготовленный исписанный листъ, — этотъ листъ было старое завѣщаніе.

— Не стойте посреди луги: минуты дороги. Гдѣ печать? спросила она живо.

Ролшинъ молча вынулъ изъ кармана гербовую печать, которою Глафира Васильевна собственною рукой запечатала конвертъ и сказала: надпишите!

Секретарь сѣлъ и взялъ перо, но рука его тряслась и измѣняла ему.

— Прежде немножко успокойтесь,—вы очень взволнованы,

васъ надо вылѣчить, бѣдный ребенокъ, и съ этимъ она обняла его и поцѣловала.

Ролшинъ закрылъ рукой глаза и зашатался.

Бодростина отвела его руку и взглянула ему въ глаза спокойнымъ, ничего не говорящимъ взглядомъ:

— Comptez vous cela pour rien? спросила она его строго и твердо.

— О, я давно, давно люблю васъ, воскликнулъ Ролшинъ, и я готовъ на все.

— Вы любите! Tant mieux pour vous et tant pis pour les autres, берегите же мою тайну. Вамъ поцѣлуй данъ только въ задатокъ, но щедрый разчетъ впереди. И съ этимъ она сжала ему руку, и подавъ портфель, тихонько *направила* его къ двери, въ которую онъ и вышелъ.

Бодростинъ вернулся домой за полночь и засталъ своего молодаго секретаря сидящимъ за работой въ его кабинетѣ.

— Иди спать, сказалъ онъ Ролшину,—чего ты сидѣлъ? Я запоздалъ, а мы завтра утромъ ѣдемъ.

— Мнѣ что-то не хотѣлось спать, отвѣтилъ Ролшинъ.

— Не хочетъ спать? Соскучился, и тянетъ въ Питеръ. Что-же, погоди, братъ, покутишь: но ты въ какомъ-то восторженномъ состояніи! Отчего это?

— Вамъ это кажется,—я тотъ что и всегда.

— Ты не плѣненъ ли горничной Настей?... А хороша! хоть бы и не тебѣ, ревельской килькѣ. Да ты, братецъ, не скромничай,—я самъ былъ молодъ, а теперь все-таки иди спать.

И предводитель съ своимъ секретаремъ разошлись. Бодростинскій домъ весь погрузился въ спокойный сонъ, не исключая даже самой Глафиры, уснувшей съ увѣренностію что послѣдніе шаги ея сдѣланы блистательно. Бодростинъ самъ лично отдастъ на храненіе завѣщаніе, которымъ предоставлялось все ей и одной ей; это не можетъ никому придти въ голову; этого не узнаетъ и Гордановъ, а Ролшинъ.... онъ не выдастъ никогда того что онъ знаетъ, не выдастъ потому что онъ замѣшанъ въ этомъ самъ и еще болѣе потому что.... Глафира Васильевна знала юношескую натуру.

Такъ уѣхалъ Бодростинъ, увѣренный что ему нечего безпокоиться ни за что: что даже супружеская честь его въ полной безопасности, ибо у жены его такъ много поклонниковъ что они сами уберегутъ ее другъ отъ друга. Ему и въ голову не приходило что онъ самое свѣжее свое безчестіе везъ съ

самимъ собою, да и кто бы рѣшился заподозрѣть въ этомъ влаственную красоту Глафиры, взглянувъ на прилизаннаго Ролшина, въ душѣ котораго теперь было столько живой, трепещущей радости, столько юношеской гордости и тайной злорадной насмѣшки надъ Висленевымъ, надъ Гордановымъ и надъ всѣми смѣлыми и ловкими людьми, чья развязность такъ долго и такъ мучительно терзала его юное, безъ правъ ревновавшее сердце. Теперь онъ, по своей юношеской неопытности, считалъ себя связаннымъ *съ нею* крѣпчайшими узами и удивлялся только одному какъ его счастье не просвѣчиваетъ наружу, и никто не видитъ гдѣ скрытъ высшій счастливецъ. „Tant mieux pour vous, tant pis pour les autres," шелчутъ ему полныя лунсовыя губы, дыханія, которыхъ ему не забыть никогда, никогда! И воспоминанія эти лорхаютъ роемъ въ головѣ и въ сердцѣ счастливца, ломѣщающагося въ вагонѣ желѣзной дороги возлѣ блаженнаго Бодростина, и мчатся они вдаль къ сѣверу. А въ то же время Глафира Васильевна покинула свой городской домъ и сокрылась въ цвѣтущихъ садахъ и темныхъ паркахъ села Бодростина, гдѣ ее въ первый же день ея переѣзда не замедлили навѣстить Висленевъ съ сестрой и Гордановъ. И въ тотъ же день вечеромъ, въ позднія сумерки, совершенно некстати, нежданно и нескладно, появился Михаилъ Андреевичъ въ коротком кирасирскомъ мундирѣ съ распоротою спинкой. и столь же внезапно, нежданно и нескладно исчезъ.

Странный, пустой, но непріятный случай этотъ подѣйствовалъ на Глафиру Васильевну очень непріятно, — она тяготилась мертвымъ безмолвіемъ залъ, гдѣ тревожному уху ея съ пустынныхъ хоръ слышалась тихая рѣчь и таинственный шорохъ, ее пугалъ сумракъ сонныхъ кленовъ, крехтящихъ подъ вѣтеръ надъ сонным далекимъ прудкомъ стариннаго парка; ее пугалъ даже всплескъ золотистаго карася на поверхности этой сонной воды. Ея состояніе было созерцательное и болѣзненное; она опять перебирала не совѣсть свою, но свои поступки, и была недовольна собою. Даже недавно казавшійся ей столь необходимымъ вызовъ Горданова представлялся ей теперь въ иномъ свѣтѣ. По ея мнѣнію, все ея прошлое было ошибка на ошибкѣ. Ей, выйдя замужъ, нужно было держать себя строго, и тогда.... она конечно могла бы овдовѣть безъ всякой сторонней помощи, какъ безъ помощи Горданова она овладѣла завѣщаніемъ и даже болѣе: подмѣнила его дру-

гимъ. Надо было выдержать себя, какъ выдерживаетъ Сингянина, и тогда ни на что не нужны были бы никакіе помощники.... Да; Гордановъ ей дорого стоитъ, и за то теперь, послѣ исторіи съ завѣщаніемъ, цѣна ему сильно упала, но онъ все-таки еще нуженъ..... Глафира не могла ни на кого кромѣ него положиться, но теперь она видѣла необходимость сдѣлать нѣчто и съ самою собою, надо было поправить свою репутацію, такъ чтобы ко времени когда ударитъ роковой часъ, на нее не могло пасть даже и тѣни подозрѣнія въ искусственномъ устройствѣ вдовства. Надо было *поправить свою репутацію.*

— Начать молиться? — но кто же мнѣ повѣритъ. За что же, за что же взяться чтобы меня забыли во мнѣ самой?

Это ее занимало постоянно, и она оставаясь сама съ собою не могла отрѣшиться отъ этой мысли.

IV. Сумашедшій Бедуинъ.

Верстахъ въ тридцати отъ села Бодростина, въ большихъ имѣніяхъ одного изъ князей древняго русскаго рода жилъ оригинальный человѣкъ, Свѣтозаръ Владеновичъ Водопьяновъ. Крестьяне въ окружности называли его „чернымъ бариномъ,“ а сосѣди помѣщики „сумашедшимъ Бедуиномъ.“ Онъ происходилъ откуда-то изъ южныхъ Славянъ; служилъ когда-то безъ году недѣлю въ русской артиллеріи, и выйдя въ отставку, управлялъ съ очень давнихъ поръ княжескими имѣніями. Послѣднее было нѣсколько удивительно. Водопьяновъ казалось бы не могъ управлять ни чѣмъ, но между тѣмъ онъ управлялъ очень обширными землями и заводами, и владѣтель этихъ большихъ мѣстностей не искалъ случая разстаться съ Свѣтозаромъ Владеновичемъ. Напротивъ, всѣмъ было извѣстно что князь, занимавшій въ Петербургѣ важную государственную должность, дорожилъ безалабернымъ Водопьяновымъ, и каждый годъ выписывая его къ себѣ съ отчетами, удерживалъ его при себѣ долго, и ласкалъ, и дарилъ его. Сановникъ любилъ Водопьянова, и въ этой любви его было что-то нѣжное и даже почтительное. Управитель былъ человѣкъ честный и даже очень честный: это знали всѣ, но главная черта характера привязывавшая къ нему людей заключалась въ непосредственности его натуры и въ оригинальности его характера. Названіе „черный баринъ“ очень ясно выра-

жало внѣшность Водольянова: онъ былъ великъ ростомъ, неуклюжъ, массивенъ, теменъ лицомъ, съ весьма крупными чертами лица; толстыми, черными съ просѣдью волосами, лоростими мхомъ ушами и яркими, сверкающими карими глазами. Ноги и руки его были просто ужасны по своимъ громаднымъ размѣрамъ, и притомъ руки всегда были красны, какъ окунутые въ свекольный разсолъ, а ноги до того костисты, что суставы словно были покрыты наростами, выпиравшими подъ кожей салога наружу. Ко всему этому Водольяновъ постоянно смазывался чѣмъ-то камфарнымъ, носилъ въ карманѣ коробочку съ камфарными шариками, глоталъ камфару, посыпалъ камфарой постель, курилъ камфарныя сигаретки и вообще весь былъ пропитанъ камфарой. Это была его гигіена по Распайлю, — единственному врачу которому онъ вѣрилъ. Ходилъ онъ и двигался быстро, говорилъ голосомъ необыкновенно кроткимъ и мягкимъ и находился въ постоянной задумчивости. Нравъ и образъ жизни Водольянова были до крайней степени причудливы: къ нему очень шли слова поэта:

Онъ страненъ, исполненъ несбыточныхъ думъ,
Бываетъ онъ веселъ ошибкой;
Онъ къ людямъ на праздникъ приходитъ угрюмъ,
Къ гробамъ ихъ подходитъ съ улыбкой.
Всеобщій кумиръ ихъ ему не кумиръ,
Не даромъ безумцемъ зоветъ его міръ.

Водольяновъ былъ безконечно добръ и участливъ: онъ былъ готовъ служить всѣмъ и каждому чѣмъ только могъ, но всѣ горести людскія при этомъ ни мало его не поражали и не тревожили. Отъ этого многимъ казалось что онъ лишенъ чувства, и поступаетъ добро и благородно только по принципу. Самъ онъ тоже всякую скорбь переносилъ не удостоивая ее ни малѣйшаго вниманія, — не смущался ничѣмъ и не боялся ничего. Онъ былъ холостъ, но имѣлъ на своихъ рукахъ женатаго брата съ дѣтьми и замужнюю сестру съ ея потомствомъ. Все это были люди плохіе, нагло сѣвшіе на шею Водольянова, и не помышлявшіе сойти съ нея, какъ онъ не помышлялъ ихъ слугивать.

Есть или по крайней мѣрѣ были у насъ на Руси сострадательныя барышни, одну изъ каковыхъ авторъ вспоминаетъ въ эту минуту: въ ея дѣвической комнатѣ постоянно можно было найти какую-нибудь калѣчку: на окнѣ, напримѣръ,

сидѣлъ цыпленокъ съ переломленною, перевязанною въ лубокъ ногой, въ шляпной коробкѣ помѣщался гадостный больной котенокъ; подъ комодомъ прыгалъ на ниткѣ улавшій изъ гнѣзда желтоносый галченокъ: все это подбиралось сюда откуда попало и воспитывалось здѣсь до поправленія силъ, безъ всякаго разчета на чью бы то ни было благодарность. Домъ Свѣтозара Владеновича въ своемъ родѣ былъ совершенно то самое что̀ описанная комната, съ тою единственною разницей, что вмѣсто галчатъ, котятъ и цыплятъ, здѣсь обитали калѣки и уроды человѣческой породы. Помимо лѣниваго и тупаго брата и его злой жены, съ ихъ малоумнымъ и злымъ потомствомъ, и сестры съ ея пьянымъ мужемъ и золотушными дѣтьми, у Водопьянова былъ кучеръ нигдѣ нетерпимый пьяница, кухарка забитая мужемъ идіотка, комнатный мальчикъ калѣка, у котораго ноги стояли иксомъ въ разныя стороны: все это придавало всему дому характеръ какого-то нестроенія. Почти то же самое было и въ сельскомъ хозяйствѣ которымъ управлялъ Водопьяновъ, но ко всеобщему удивленію и домъ „чернаго барина“ не оскудѣвалъ, и полевое и фабричное хозяйство у него шло часто даже удачнѣе чѣмъ у многихъ самыхъ рачительныхъ сосѣдей. Отъ этого въ народѣ ходила молва что „черный баринъ что-то знаетъ,“—и онъ дѣйствительно нѣчто зналъ: онъ зналъ агрономію, химію, механику, зналъ силы природы въ многоразличныхъ ихъ проявленіяхъ, наблюдалъ ихъ и даже умѣлъ немножко прозрѣвать ихъ тайны. Кромѣ того онъ зналъ нѣчто такое что̀ по общераспространенному мнѣнію даже и нельзя знать: онъ зналъ (не вѣрилъ, а зналъ) что есть міръ живыхъ существъ не нуждающихся ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни въ одеждѣ; міръ чуждый низменныхъ страстей и всѣхъ треволненій міра земнаго. Водопьяновъ былъ спиритъ и медіумъ, хотя не давалъ никакихъ медіумическихъ сеансовъ. Рука его не писала, но ухо что-то слышало, и это слышаніе было поводомъ ко множеству странностей, по которымъ образованные сосѣди не въ шутку признавали его немножко помѣшаннымъ и назвали „сумашедшимъ Бедуиномъ.“ Заподозрить въ Водопьяновѣ нѣкоторую ненормальность душевныхъ отправленій было весьма возможно: въ его поступкахъ была бездна странностей: онъ часто говорилъ повидимому совершенную нескладицу, и нерѣдко вдругъ останавливался посреди рѣчи, прислуши-

вался къ чему-то такому чего никто не слыхалъ, иногда онъ даже быстро кому-то отвѣчалъ и вдругъ внезапно вскакивалъ и внезапно уходилъ или уѣзжалъ. Нерѣдко онъ вдругъ появлялся, прежде невхожій, въ домахъ людей очень мало ему знакомыхъ и отдаленныхъ: появлялся Богъ знаетъ для чего, а черезъ короткое время снова уѣзжалъ. Словомъ, носился какъ сумашедшій Бедуинъ по пустынѣ, почти не замѣчая живыхъ людей и говоря съ призраками.

Мѣсяцъ спустя послѣ отъѣзда Михаила Андреевича въ столицу, въ одинъ августовскій темный вечеръ прерывистый звонъ поддужнаго колокольчика возвѣстилъ гостя обитателямъ села Бодростина, и лакеи отворившіе дверь парадnаго подъѣзда встрѣтили „чернаго барина".

Водопьяновъ пользовался за свою оригинальность и честность расположеніемъ Михаила Андреевича, но Глафира Васильевна, прежде очень интересовавшаяся этимъ оригиналомъ, вдругъ разжаловала его изъ своихъ милостей. Сумашедшій Бедуинъ, по ея словамъ, тяжело дѣйствовалъ ей на нервы. Водопьяновъ бывалъ у Бодростиныхъ очень рѣдко и предъ симъ не показывалъ къ нимъ глазъ болѣе года, но такъ какъ подобныя странности были въ его натурѣ, то внезапный пріѣздъ его не удивилъ Глафиру. Она напротивъ въ этотъ разъ, страдая немножко скукой была даже рада посѣщенію Водопьянова, и отдавъ приказаніе слугѣ просить пріѣзжаго въ гостиную, живо обратилась къ находившимся у нея гостямъ, Ларисѣ, Висленеву и Горданову, и сказала: рекомендую вамъ, господа, сейчасъ войдетъ оригиналъ, подобнаго которому едва ли кто-нибудь изъ васъ видѣлъ: онъ мистикъ и спиритъ.

— И даже медіумъ, мнѣ кажется, дополнила Лариса.

— И натурально шарлатанъ, прибавилъ Гордановъ.

— Нимало, отвѣтила Бодростина.

По залѣ между тѣмъ уже раздавались тяжелые шаги Свѣтозара Владеновича.

Водопьяновъ былъ одѣтъ очень хорошо, даже немножко щеголевато для деревни, держался скромно, но развязно и съ самоувѣренностью, но черные огненные глаза его вмѣстѣ съ непостижимою блѣдностію щекъ дѣлали его и съ виду человѣкомъ выходящимъ изъ ряду вонъ.

Глафира Васильевна встрѣтила его очень радушно, отрекомендовала его своимъ гостямъ и назвала ему гостей. Водопьяновъ изо всѣхъ трехъ зналъ одну Ларису, но подавъ всѣмъ

руку и обмѣнявшись привѣтствіями съ послѣднимъ по очереди, Висленевымъ, сказалъ:

— Васъ зовутъ Іосафъ, очень рѣдкое имя. Впрочемъ всѣ имена прекрасны, но не сообщаютъ человѣку своего значенія.

— Это хорошо или дурно? заговорила съ нимъ Бодростина.

— Ни то ни другое: человѣкъ значитъ только то что онъ значитъ, все остальное къ нему не пристаетъ. Я сегодня цѣлый день мучусь заставляя мою память сказать мнѣ имя того нѣмаго который въ одну изъ персскихъ войнъ заговорилъ, когда его отцу угрожала опасность. Ѣду мимо васъ и вздумалъ...

— Что у насъ объ этомъ знаютъ?

— Да! Я думаю здѣсь непремѣнно есть люди которые должны это знать.

— Господа! обратилась съ вопросомъ Бодростина.

Всѣ молчали.

— Я каюсь въ моемъ невѣжествѣ, продолжала она, — я не знаю ни этого факта, ни этого имени.

— Фактъ несомнѣненъ, утвердилъ Водольяновъ.

— Онъ есть въ исторіи: это было въ одну изъ войнъ Кира, мнѣ помнится, замѣтилъ Гордановъ.

— Ахъ, вамъ это помнится! Я очень радъ, очень радъ что вы это помните. Не правда ли странный случай? Мнѣ одинъ медикъ говорилъ что это совсѣмъ невозможно, почему же? не правда ли?

— Не знаю какъ вамъ отвѣтить: почему?

— Да; это смѣшно въ какомъ младенчествѣ еще естественныя науки. Я предлагалъ премію тому кто скажетъ почему пѣтухъ въ полночь поетъ: никто до сихъ поръ не взялъ ея. Поэтому я вѣрю что нѣмой могъ заговорить. Въ природѣ все возможно!

— Но возможно чтобы курица ходила по улицѣ, но чтобы улица ходила по курицѣ, это невозможно!

— Кто знаетъ? А какъ вы полагаете: возможно ли чтобы щука выскочила сама изъ рѣки, вспрыгнула человѣку въ ротъ и задушила его?

— Не думаю.

— А между тѣмъ въ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ восьмомъ году, двадцать третьяго іюля, на Днѣпрѣ, подъ Кіевомъ, щука выпрыгнула изъ воды, воткнулась въ ротъ хохлу, который плевалъ въ рѣку, и лока ее вытащили, бѣднякъ задохнулся. И слѣдствіе было и въ газетахъ писали. Что? от-

несся онъ и не дождавшись отвѣта, продолжалъ: — Ужасны странности природы, и намъ, докуда мы сидимъ въ этомъ кожаномъ футлярѣ, нельзя никакъ утвердительно говорить что возможно и что невозможно. У меня есть сильно дѣйствующее средство отъ зубной боли, мнѣ далъ его въ Выборгѣ одинъ Шведъ, когда я ѣздилъ туда искать комнату гдѣ Державинъ дописалъ двѣ послѣднія строфы оды *Богъ*, то-есть: „Въ безмѣрной радости теряться и благодарны слезы лить....“ Я хотѣлъ видѣть эти стѣны, но не нашелъ комнаты: у насъ этимъ не дорожатъ.... Да; но я говорю о лѣкарствѣ. Это сильное средство уничтожаетъ нервъ, и его можно калнуть только на нижній зубъ, а для верхняго считалось невозможнымъ, но я взялъ одну бабу у которой болѣлъ верхній зубъ, обвязалъ ей ноги платкомъ и поставилъ ее въ углѣ кверху ногами и калнулъ, и она потомъ меня благословляла. Я сообщалъ этотъ способъ въ газеты,—не печатаютъ, тоже говорятъ „невозможно“. Въ нашихъ понятіяхъ невозможное смѣшано съ тѣмъ что мы считаемъ невозможнымъ. Есть люди которые увѣрены что человѣкъ есть кожаный мѣшокъ, а имъ однако кажется невозможнымъ допустить что даровитый человѣкъ царствовавшій въ Россіи подъ именемъ Димитрія былъ совсѣмъ не Лжедмитрій, хотя кожаный мѣшокъ былъ похожъ какъ двѣ капли воды.

— Вы, кажется, къ Лжедимитрію неравнодушны? молвила Бодростина.

— Да; бѣдный духъ до сей поры безпокоится такою клеветой.

Бодростина переглянулась съ гостями.

— Онъ кто жь такой?

— Когда онъ былъ духомъ, онъ не хотѣлъ этого ясно сказать, теперь же онъ опять воплощенъ, отвѣчалъ спокойно Водопьяновъ.

— Вы не скрываете что вы спиритъ? отнесся къ нему Висленевъ.

— Нѣтъ, не скрываю, для чего жь скрывать?

— Я тоже не скрываю что не вѣрю въ спиритизмъ.

— Вы прекрасно дѣлаете, но вы вѣдь спиритизма не знаете.

— Положимъ; но я знаю то что въ немъ есть смѣшнаго: его таинственная сторона. Вы вѣрите въ переселеніе душъ?

— Да, въ перевоплощеніе духа.

— И въ чудеса?

— Да, если чудесами называть все то чего мы не научились еще понимать, или не можемъ понимать по несовершенству нашего понимательнаго аппарата.

— А чему вы приписываете его несовершенства?

— Природѣ этой плохой планеты. Плохая планета, очень плохая, но что̀ дѣлать: надо потерпѣть, на это была конечно высшая воля.

— Вы стало-быть изъ недовольныхъ міромъ?

— Какъ вѣчный житель лучшихъ сферъ, я разумѣется не могу восхищаться темницей, но зная что я по заслугамъ посаженъ въ карцеръ, я не ропщу.

— И вы видали сами чудеса? тихо вопросила его Лариса.

— О, очень много!

— Какія напримѣръ? Не можете ли вы намъ что-нибудь разказать?

— Могу охотно: я видѣлъ болѣе всего нежданныя побѣды духа злобы надъ чувствами добрѣйшихъ смертныхъ.

— Но тутъ ничего нѣтъ чуднаго.

— Вы думаете?

— Да.

— О, ошибаетесь! Зло такъ гадко и противно, что духъ не могъ бы самъ идти его путемъ, еслибы не велъ его сильнѣйшій и злѣйшій.

— Нѣтъ, вы скажите видимое чудо.

— Я видѣлъ Русь расшатанную, неученую, неопытную и неискусную, преданную ученьямъ злымъ и коварнымъ, и устоявшую!

— Ну что̀ это опять за чудо?

— Какихъ же вы желаете чудесъ?

— Видимыхъ во очію, слышимыхъ, ощущаемыхъ.

— О, ихъ числа нѣтъ, они и въ Библіи, и въ сказаніяхъ, въ семейныхъ хроникахъ и всюду гдѣ хотите. Если это васъ интересуетъ, въ англійской литературѣ есть очень хорошая книжка Кроу, прочтите.

— Но вы сами ничего не видѣли, не слышали, не обоняли и не осязали?

— Видѣлъ, слышалъ, обонялъ и осязалъ.

— Скажите что̀?

— Я въ дѣтствѣ видалъ много свѣтлыхъ бабочекъ зимой.

— Галлюцинація! воскликнулъ Висленевъ.

— Ну, понятно, поддержалъ Гордановъ.

ломинаю: мнѣ часто кажется что во мнѣ шевелится что-то чужое, но только вовсе не лестное, добавила она съ улыбкой къ гостямъ. Не была ли я, Свѣтозаръ Владеновичъ, Аспазіей или Фриной, во мнѣ прегадкіе инстинкты.

— Что вы за вздоры говорите? воскликнулъ слегка шокированный Висленевъ и вставши началъ ходить.

Но Водопьяновъ отвѣчалъ Бодростиной что все это очень возможно, и что онъ самъ былъ воръ и безжалостный злодѣй.

— Во мнѣ тоже, отвѣчалъ онъ, нѣтъ нимало врожденнаго добра.

— А между тѣмъ вѣдь вы добрякъ.

— Нѣтъ; я очень золъ, но не хочу быть злымъ,—мнѣ это стоило работы.

— А вы конечно знаете такихъ которые переволощаются изъ честныхъ душъ и все честнѣютъ?

— Да, я знаю одинъ такой духъ.

— Скажите, скажите о немъ, — кто это такой?

— Его здѣсь звали на землѣ донъ Цезарь де-Базанъ.

— Испанскій Дворянинъ! воскликнули всѣ, неисключая лѣниво дремавшаго Горданова.

— Да; онъ былъ испанскій дворянинъ и онъ сдѣлалъ это слово кличкой. Вы помните его разумѣется по театральной піесѣ.

— Да; помнимъ, помнимъ: благороденъ, бѣденъ, гордъ и честенъ.

— И ко всему тому изрядно глупъ, подсказалъ Висленевъ.

— Оставимъ, господа, кому онъ чѣмъ кажется. Пусть лучше Свѣтозаръ Владеновичъ разкажетъ намъ какъ Испанскій Дворянинъ переселялся и въ комъ онъ жилъ.

— Онъ жилъ въ студентѣ Спиридоновѣ, который въ свою очередь жилъ въ Москвѣ, въ маленькомъ переулкѣ возлѣ Цвѣтнаго бульвара. По крайней мѣрѣ я тамъ его узналъ.

— И пусть отсюда вашъ разказъ начнется уже безъ перерыва.

— Разказывать я долженъ начиная съ дней давнихъ.

— Мы слушаемъ. Я люблю всякій мистическій бредъ, заключила Бодростина обращаясь къ гостямъ. Въ немъ есть очень пріятная сторона: онъ молодитъ насъ, переноситъ на минуту въ дѣтство. Сидишь, слушаешь, не вѣришь, и между тѣмъ невольно ноги подъ себя подбираешь.

Водопьяновъ началъ.

V. Разказъ Водопьянова.

— Студентъ Спиридоновъ по множеству пороковъ былъ неспособенъ къ семейной жизни, а между тѣмъ онъ былъ женатъ, и женатъ по собственному побужденію и противъ своей воли, и съ этихъ поръ.....

— Позвольте! съ этихъ поръ конечно не начнется безтолковщина?

— Зачѣмъ же? и съ этихъ поръ въ студентѣ Спиридоновѣ сказался его хозяинъ, но впрочемъ его надо было бы узнать гораздо прежде. Спиридоновъ мнѣ разъ все разсказалъ и самъ надъ собою смѣялся, хотя въ его словахъ не было никакого смѣха. Испанскій Дворянинъ ему являлся много разъ.

— И въявь?

— Конечно въявь и въ старомъ своемъ видѣ: съ безвременною сѣдиной въ черныхъ кудряхъ, съ безпечнѣйшимъ лицомъ, отмѣченнымъ печатью доброты и кротости, съ глазами лыкими, но кроткими, въ плащѣ изъ бархата забывшаго свой цвѣтъ и съ тонкою длинною шпагой въ протертыхъ ножнахъ. Являлся такъ какъ Спиридоновъ видѣлъ его на балаганной сценѣ, когда ярмарочная труппа давала свои представленія.

— Ну слава Богу—это обѣщаетъ кажется быть интереснымъ, и если исторія эта не кончится въ пять словъ, то надо приказать дать свѣчу, чтобы послѣ насъ не прерывали.

— Исторія довольно велика, отвѣтилъ Водопьяновъ.

Бодростина позвонила и велѣла дать огонь, хоть на дворѣ едва лишь смеркалось. Когда люди поставили лампы и вышли, опустя шторы у оконъ, Водопьяновъ продолжалъ:

— У студента Спиридонова былъ отецъ, — бѣдняк какихъ не мало на этой планетѣ, гдѣ такая бездна потребностей; но ему наконецъ улыбнулось счастіе. Онъ служилъ въ гусарахъ на счетъ богатой тетки,—это конечно не особенно честно, но она этого хотѣла, и онъ это дѣлалъ для поддержанія ея фамильной гордости. Онъ, говорятъ, былъ красивъ: я его не видалъ, — когда я познакомился съ его сыномъ, его уже не было на этомъ свѣтѣ. Въ него влюбилась красавица, помѣщица одного села гдѣ онъ стоялъ. Она была богата, молода, и годъ какъ овдовѣла послѣ мужа-старика, которому ее продали

ради выгодъ и который безумно ревновалъ ее ко всѣмъ. Вдова, хотя имѣла дѣтей, пошла за Спиридонова. Ее проклялн. За что и почему, не знаю, но проклялъ ее родной отецъ, а за нимъ и мать. Потомъ ее бѣдняжку начали клясть всѣ родные. По общему мнѣнію она была не въ правѣ ни любить, ни называть супругомъ кого любила, но она все-таки вышла замужъ и родила моего пріятеля студента Спиридонова, и потомъ жила лять лѣтъ и хворала. Спиридоновъ говорилъ что его мать съ отцемъ жили душа въ душу, отецъ его боготворилъ жену, но несмотря на то она сохла и хирѣла. Отецъ его тоже часто былъ смущенъ и угрюмъ. Спиридоновъ тогда не зналъ чему это приписывать, жили они довольно уединенно въ городѣ, куда однажды заѣхали ярмарочные актеры....

— И дали здѣсь *Испанскаго Дворянина*? подсказала Бодростина.

— Вы отгадали: актеры объявили что они сыграютъ здѣсь *Испанскаго Дворянина*. Мать Спиридонова, желая развечь и позабавить сына, взяла ложу и повезла его въ театръ. И вотъ въ то время, когда донъ Цезарь де-Базанъ въ отчаянной бѣдѣ воклнкнулъ: „пусть гибнетъ все кромѣ моей чести и счастья женщины!“ и театръ зарыдалъ и захлопалъ плохому актеру, который однако моръ быть прекрасенъ; мать Спиридонова тоже заплакала, и сынъ....

— Тоже заплакалъ, съострилъ Висленевъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ нимало этимъ невозмущаясь Водопьяновъ,—сынъ не заплакалъ. Сынъ нѣчто почувствовалъ, и сжавъ материны руки, шепнулъ ей: — пускай живетъ у насъ бѣдный Испанскій Дворянинъ.

— Прекрасно, дитя мое,—мы позовемъ его, пускай живетъ.

И тѣмъ актъ кончился, но дитя и завтра и послѣзавтра все докучало матери своею просьбой принять въ домъ бездомнаго Цезаря де-Базана, и мать ему на это отвѣчала: да, хорошо, дитя мое, онъ къ намъ придетъ, придетъ.

— И будетъ жить?

— И будетъ жить.

— Когда же мама? когда же онъ придетъ и будетъ жить у насъ? тосковало дитя. А какъ же звать его. Я позову.

— А дѣло было въ сумерки, осеннимъ вечеромъ.

Мать любовалась сыномъ и пошутила:—нагнись, говоритъ, къ печкѣ и позови его, чрезъ трубу — онъ будетъ слышать.

Спиридоновъ прыгнулъ и крикнулъ: донъ Цезарь де-Базанъ, идите сюда!

— Гу-гу-гу-иду! загудѣло въ трубѣ такъ что мальчикъ въ услугѣ отскочилъ.

Но прошелъ день, другой, и онъ опять пристаетъ: когда же?

— А вотъ теперь ужь скоро: я за нимъ сама схожу и приведу его, отвѣчала мать и вслѣдъ затѣмъ умерла.

— Умерла? воекликнула Лариса.

— Да; то-есть ушла отсюда, переселилась, народъ это прекрасно выражаетъ словомъ „побывшилась на землѣ“. Она кончила экзаменъ, и ее не стало.

— А что-же Испанскій Дворянинъ, котораго она обѣщала прислать?

— О, она сдержала слово! Она его послала, вы это сейчасъ увидите. Дѣло было въ томъ же маленькомъ городѣ на крещенскія святки. Гробъ съ тѣломъ матери стоялъ въ нетопленой залѣ, у гроба горѣли свѣчи, и не было ни одного человѣка. Отецъ Спиридонова долженъ былъ выслать даже чтеца, потому что въ смежной комнатѣ собрались родные перваго мужа покойной и укоряли Спиридонова въ присвоеніи себѣ принадлежащихъ имъ достатковъ. Былъ часъ девятый. Мой другъ, студентъ Спиридоновъ, тогда маленькій мальчикъ, въ черной траурной рубашечкѣ, пришелъ къ отцу чтобы поцѣловать его руку и взять на сонъ его благословеніе, но отецъ его былъ гнѣвенъ и суровъ; онъ говорилъ съ одушевленіемъ ему: „будь тамъ,“ и указалъ ему вмѣсто дверей въ спальню на двери въ залу. Дитя вошло въ холодную залу, и оробѣвъ при видѣ всѣми брошеннаго гроба, прилало въ уголокъ мягкаго дивана ближе къ двери той гостинной гдѣ шла обидная и тягостная сцена. Онъ мнѣ отъ слова и до слова повторялъ колючія рѣчи его отца; я ихъ теперь забылъ, но смыслъ ихъ тотъ что укоризны ихъ самимъ имъ принесутъ позоръ; что онъ любилъ жену не состоянья ради, и что для одного того чтобы ихъ рѣчи не возмущали покоя ея новой жизни онъ отрекается отъ всего что могъ по ней наслѣдовать и онъ и сынъ его, онъ отдаетъ свое что нажито его трудомъ при ней и.... Тутъ далѣе мой пріятель не слышалъ ничего кромѣ слитнаго гула, потому что вниманье его отвлекъ очень странный предметъ: сначала въ отпертой передней послышался легкій шорохъ и мягкая неровная поступь, а затѣмъ въ темной двери передней заколебалась и стала фигура. Стояла фигура ясная, опредѣленная во всѣхъ чертахъ; лицо веселое и доброе съ оттѣнкомъ легкой грусти, въ плащѣ изъ бархата забыв-

шаго свой цвѣтъ, въ широкихъ толковыхъ панталонахъ, въ огромныхъ сапогахъ съ раструбами изъ полинявшей желтой кожи и съ широчайшею шляпой съ леромъ, которое было изломано въ стеблѣ, и шевелясь какъ будто перемигивалось съ бѣдностью глядѣвшей изъ всѣхъ прорѣхъ одежды и изъ самыхъ глазъ незнакомца. Одимъ словомъ, это пришелъ....

— Пьяный, святочный ряженый, рѣшилъ Висленевъ.

— Испанскій Дворянинъ! возразилъ строгимъ тономъ Водольяновъ. Онъ плохъ былъ на ногахъ, но подошелъ къ стоявшей у стѣны крышкѣ гроба и осязалъ ее. Тщательно осязалъ, вотъ такъ.

И „сумашедшій Бедуинъ“ всталъ на ноги, разставилъ руки и медленно обозначая ими опредѣленное пространство на стѣнѣ подъ портретомъ Бодростина, показалъ какъ ощупывалъ гробовую крышу Испанскій Дворянинъ.

— Потомъ онъ подошелъ къ трупу и сталъ у изголовья гроба, и въ это время вдругъ отецъ Спиридонова вбѣжалъ рыдая въ залъ, упалъ предъ гробомъ на колѣни и закричалъ: „О, кто же имъ отвѣтитъ за тебя, что я тебя любилъ а не твое богатство.“ И тихій голосъ отвѣтилъ скромно: „Я.“

— И это былъ Испанскій Дворянинъ?

— Нѣтъ, пьяный святочный ряженый, отвѣтилъ почти гнѣвно Водольяновъ. — Взять его вонъ! Кто пустилъ сюда этого пьянаго святочнаго ряженаго? Неужели ужь до того дошло что и у ея гроба нѣтъ раченія и присмотра? Вонъ, вонъ выгнать сейчасъ этого пьянаго ряженаго! кричалъ огорченный вдовецъ и рванулся къ *тому*, но его не было.

— Удралъ?

— Да; такъ всѣ думали, и Спиридоновъ очень разсердился на слугъ и сталъ взыскивать зачѣмъ такъ долго не запираютъ калитки.

— И выходитъ очень простая исторія, сказалъ Висленевъ.

— Да простая и есть, только оказалось что калитка была заперта, и отецъ Спиридонова вернулся и вдругъ увидалъ что родные хотятъ проститься съ покойницей.—Нѣтъ! закричалъ онъ,—нѣтъ, вы ее такъ обижали что вамъ съ нею не нужно прощаться! и схватилъ крышу и хотѣлъ закрыть гробъ, а крыша сдѣлалась такъ легка какъ будто ее кто-нибудь еще другой несъ впереди и сама упала на гробъ, и мой пріятель Саша Спиридоновъ видѣлъ что Испанскій Дворянинъ вскочилъ и сѣлъ на крышѣ гроба.

— И только? Онъ это видѣлъ во снѣ и болѣе ничего.

— Да, болѣе ничего.

— Испанскій Дворянинъ болѣе не являлся?

— Да, въ это время не являлся. Послѣ они очень бѣдно гдѣ-то жили въ Москвѣ, въ холодномъ домѣ. Однажды, оставивъ сына съ нянькой въ комнатѣ потеплѣе, Спиридоновъ самъ легъ въ залѣ на стульяхъ. Утромъ пришли, а тамъ лежитъ одинъ трупъ: видъ покойный, и пальцы правой руки сложены въ крестъ. Женины родные хотѣли его схоронить съ парадомъ, но Испанскій Дворянинъ этого не позволилъ.

— Какимъ же образомъ?

— Онъ приснился молодому Спиридонову и сказалъ: „тамъ, подъ клеенкой“, и Спиридоновъ нашелъ подъ клеенкой завѣщаніе отца, ничего ни отъ кого на погребеніе его не принимать, а схоронить его въ четырехъ доскахъ на тѣ деньги какія дадутъ за его золотую медаль, да за Георгіевскій крестъ.

— И это все!

— А вы ничего здѣсь не видите особеннаго?

— Признаемся, ничего не видимъ: случайности да сны, сны да случайности, и больше ничего.

— Конечно. Что же можетъ быть проще того что всѣ люди по случайностямъ не доживаютъ на землѣ своего времени! Вѣкъ человѣческій здѣсь, по библейскому указанію, семьдесятъ лѣтъ и даже восемьдесятъ, а по случайностямъ человѣчество въ общемъ итогѣ не доживаетъ одной половины этого срока, и васъ ни мало не поражаетъ эта ужасная случайность. Я желалъ бы чтобы мнѣ указали естественный законъ по которому человѣческому земному организму естественно такъ скоро портиться и разрушаться. Я полагаю что случайности имѣютъ законъ.

— Но этотъ сумасшедшій бредъ несносно долго слушать, шепнулъ на ухо Бодростиной Висленевъ.

— Нѣтъ, я люблю, отвѣчала она тоже тихо,—въ его нескладныхъ словахъ всегда есть какіе-то штришки дѣлающіе картину, это меня занимаетъ.... Свѣтозаръ Владеновичъ, отнеслась она громко: а гдѣ же вашъ Испанскій Дворянинъ?

— Онъ продолжаетъ-съ дебютировать. Студентъ Спиридоновъ жилъ въ ужасной бѣдности на мезонинчикѣ у чиновника Знаменосцева, разумѣется, платилъ дешево и то не аккуратно, потому что, учась, самъ содержалъ себя уроками, а ни роду, ни племени до него не было дѣла. При этомъ же студентъ

Спиридоновъ былъ добрякъ превыше описанія, истинно рубашку послѣднюю готовъ былъ отдать, и не разъ отдавалъ, и вдобавокъ былъ не прочь покутить и приволокнуться. Онъ былъ медикъ. Не знаю какъ онъ учился, но думаю что плохо, потому что больше всего онъ тратилъ времени на кутежи съ веселыми людьми, однако окончилъ курсъ и получилъ степень лѣкаря, да все забывалъ хлопотать о мѣстѣ. Судьба, впрочемъ, была къ нему такъ милостива что онъ безъ всякихъ собственныхъ хлопотъ получалъ два раза назначеніе, но всякій разъ онъ находилъ кого-нибудь изъ товарищей который, по его мнѣнію, гораздо болѣе его нуждался въ должности. Въ Спиридоновѣ пробуждался Испанскій Дворянинъ, и онъ оба свои назначенія уступалъ другимъ, а самъ кутилъ да гулялъ и догулялся до того что остались у него рыжій плащъ, гитара да трубка съ чубукомъ. У хозяина же его, Знаменосцева, была восьмнадцатилѣтняя дочь Валентина, дѣвочка съ мудренымъ характеромъ. Много читала и начиталась до того что сама себя перестала понимать: всѣ думали что это отъ того что она очень умна, а это было кажется совсѣмъ наоборотъ. Спиридоновъ съ Валентиной былъ и знакомъ, и нѣтъ: онъ съ нею случалось разговаривалъ, но никогда долго не говорилъ. Прислужится ей книжкой, она прочитаетъ и отдастъ ее назадъ, а онъ спроситъ: „хорошо?“ она отвѣтитъ „хорошо“. Спиридоновъ, разумѣется, о другой спроситъ: „дрянь книга?“ она отвѣтитъ: „эта мнѣ не нравится“, онъ опять разсмѣется. „Вы, Лётушка, говоритъ онъ ей, лучше бы не читали книгъ, а то труднѣе жить станетъ“. Она однако не слушала и читала. Жизнь этой дѣвушки была обыкновенная жизнь въ домѣ мелкаго чиновника, пробивающагося въ Москвѣ на девятнадцать рублей мѣсячнаго жалованья и рублей пять, шесть какихъ-нибудь срывковъ съ просителей. Отецъ ходилъ утромъ на службу, послѣ обѣда спалъ, въ сумерки для моціона голубей пугалъ, а вечеромъ пилъ; мать сплетничала да кропотала и сварилась то съ сосѣдями, то съ работницей; дѣвушка скучала. Она была ни хороша, ни дурна: остролиценькая, черненькая, быстрая и характерная, говорила много, домашнимъ ничѣмъ не занималась, сплетень не слушала и къ нарядамъ обнаруживала полнѣйшее равнодушіе. Вдругъ этого Знаменосцева выгнали со службы за какую-то маленькую плутню. Семья такъ и взвыла, а дѣтей у нихъ, кромѣ Лётушки, была еще цѣлая куча и все малъ-мала меньше. Въ домикѣ у нихъ

всего было двѣ квартиры, съ которыхъ съ обѣихъ выходило доходца въ мѣсяцъ рублей двѣнадцать, да и то одна подъ эту пору пустовала, а за другую Спиридоновъ мѣсяца три уже не платилъ. Пришлось семьѣ хоть послѣдній домикъ продавать, проѣсть деньги, а потомъ идти по міру или стать у Иверской. Въ такихъ случаяхъ люди всегда ищутъ виноватыхъ, и у Знаменосцева нашлась виноватою старшая дочь: зачѣмъ она о сію пору замужъ не вышла? Показывали ей что и тотъ-то приказный хорошъ, а того-то заловить бы можно, и начались черезъ это дѣвушкѣ страшныя огорченія, а какъ бѣда никогда не ходитъ одна, то явилось ей и подспорье. Приказному Знаменосцеву отъ времени до времени помогалъ помѣщикъ Поталѣевъ, изъ одной изъ далекихъ губерній. Такіе благодѣтели встарь важивались у московскихъ сенатскихъ приказныхъ. Знаменосцевъ сообщалъ Поталѣеву справочки по опекунскому совѣту, по сенату, дѣлалъ закупки, высылалъ книги, а Поталѣевъ за то давалъ ему рублей сто денегъ въ годъ, да пришлетъ бывало къ Рождеству провизіи да живности, и считался онъ у нихъ благодѣтелемъ. Какой это человѣкъ былъ по правиламъ и по характеру вы скоро увидите, а имѣлъ онъ въ ту пору состояніе большое, а на плечахъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, и былъ такъ дуренъ, такъ дуренъ собою что и разказать нельзя: маленькій, толстый, голова какъ пивной котелъ, сѣдой съ рыжиною, глаза какъ у кротика, и рябъ отъ оспы до того что даже ни усы, ни бакенбарды у него совсѣмъ не росли, а такъ только щетинка между желтыхъ рябинъ кое-гдѣ торчала; простыя женщины крестьянки, и тѣ его ужасались....

— Какая прелесть! прошелтала Бодростина.

— Да; но онъ впрочемъ и самъ боялся женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ.

— Чудо! чудо! Гдѣ онъ этотъ рѣдкій смертный?

— Онъ умеръ! отвѣчалъ сконфузясь Водопьяновъ, и тотчасъ продолжалъ:—Вотъ онъ и пріѣхалъ въ ту пору въ Москву и сталъ у Знаменосцевыхъ на ихъ пустую квартиру, которую они для него прибрали и обрядили, и началъ онъ давать имъ деньги на столъ, и самъ у нихъ сталъ кушать, приглашая всю ихъ семью, и вдругъ при этихъ обѣдахъ приглянулась ему Валентина; онъ взялъ да за нее и посватался. Знаменосцевы отъ радости чуть съ ума не сошли что будутъ имѣть такого зятя — и богатаго, и родовитаго; онъ ихъ возьметъ

въ деревню, сдѣлаетъ стараго приказнаго управителемъ, и начнется имъ не житье, а колыванье. Сразу они и слово дали, и всѣмъ людямъ свою радость объявили, забыли только дочь объ этомъ спросить, а въ этомъ-то и была вся штука. Лётушка спокойно, но твердо наотрѣзъ объявила что она за Поталѣева замужъ не пойдетъ. Ее побили, и больно побили, а она и сбѣжала, и пропадала дня съ три. Родители, разумѣется, страшно перепугались, не сдѣлала бы она чего съ собою, да и отъ Поталѣева этого нельзя было скрыть, онъ самъ отгадалъ въ чемъ дѣло и, надо отдать ему честь, не похвалилъ ихъ, онъ прямо сказалъ имъ что ни въ какомъ случаѣ не хочетъ чтобы дѣвушку неволили идти за него замужъ. У семьи явилось новое горе: всѣ надежды сразу оборвались и рухнули. А тѣмъ временемъ Валентина вдругъ къ исходу третьяго дня вечеркомъ и является. Вернулась она домой никѣмъ незамѣченная въ сумерки и сѣла у окошка. Ее ужь не бранили, куда тутъ до брани! Ее начинаютъ просить, да вѣдь какъ просить: отецъ съ матерью и со всею мелкотой на колѣни предъ нею становятся, „мы, говорятъ, всѣ тебя, Лётушка, любимъ, пожалѣй же и ты насъ“, а она имъ въ отвѣтъ: „какая же, говоритъ, ваша любовь, когда вы хотите моего несчастія? Нѣтъ, я васъ не должна жалѣть послѣ этого.“ А тутъ Поталѣева пригласили, и тотъ говоритъ: „Бога ради не думайте, я никакого насилія не хочу, но я богатъ, я хотѣлъ бы на васъ жениться чтобы такимъ образомъ васъ обезпечить. Я любви отъ васъ не потребую, но я самъ люблю васъ.“ Но Лётушка вдругъ встала и что же сдѣлала: „Любите, говоритъ, меня? Не вѣрю вамъ что вы меня любите, но такъ и быть, пойду за васъ, а только знайте же, впередъ вамъ говорю что я дурно себя вела и честною дѣвушкой назваться не могу.“ Отецъ съ матерью такъ и грохнули на полъ, а Поталѣевъ назадъ, но назадъ съ выдержкой, прикрывая свою ретираду великодушіемъ: „во всякомъ случаѣ, говоритъ, чтобы доказать вамъ что я васъ любилъ и жалѣю, скажите вашему обольстителю чтобъ онъ на васъ женился, и я буду о немъ хлопотать, если онъ нуждается, и всегда буду помогать вамъ.“ А Лёта отвѣчаетъ: „Нѣтъ моего обольстителя, онъ меня бросилъ.“ Ну такъ и дѣлать было нечего, и старикъ отецъ сказалъ: „иди же ты, проклятая, иди откуда ты сегодня пришла, теперь на тебѣ никто не женится, а сраму я съ тобою не хочу.“ И повернулъ онъ домой къ двери, и она пошла, но

на порогѣ вдругъ предъ всѣми явился Спиридоновъ въ своемъ рыжемъ плащѣ: онъ былъ пьянъ, качался на ногахъ и, разставивъ руки въ притолки, засмѣялся и закричалъ:

— Кто смѣетъ гнать изъ дому дѣвушку? Ха-ха-ха! Не смѣть! Я этого не позволю.

— Я васъ самихъ выгоню! отвѣчалъ приказный.

— Тс-съ! Ха-ха-ха! Что такое выгоню?.... Не смѣть!... тсъ!... Ему погрозили полиціей.

— Не смѣть! отвѣчалъ шатаясь Спиридоновъ, — полицію?... Сокрушу полицію! Вотъ! и онъ хлопнулъ кулакомъ по столу и отбилъ уголъ. Да! За все плачу, а дѣвушку гнать не смѣете! Я ей покровительствую.... да! Чѣмъ вы, Лёта, проштрафились, а? Да; я все слышалъ, я ключъ подъ окномъ уронилъ и искалъ и все слышалъ.... Обольститель!... Негодяй!... онъ виновенъ, а не вы.... васъ нельзя вонъ, *онъ*.... продолжалъ Спиридоновъ, указывая на Поталѣева, и подумавъ съ минуту, добавилъ: онъ тоже негодяй.... Тссъ? никто ни слова не смѣть: я на ней женюсь, да! У меня есть чести на двухъ: и на свою и на ея долю. Хотите, Лёта, быть моей женой, а? Я васъ серіозно спрашиваю: хотите?

— Хочу, вдругъ неожиданно отвѣчала Валентина.

— Руку вашу! Давайте мнѣ вашу бѣдную руку.

Валентина смѣло подошла и не глядя на Спиридонова подала ему обѣ свои руки.

— Браво! закричалъ Спиридоновъ: браво! Вотъ вы.... какъ васъ.... обратился онъ къ Поталѣеву.—Ха-ха-ха, не умѣли сдѣлать, а теперь.... теперь эта невѣста моя. Да, чортъ возьми, моя! Мы съ нею будемъ пѣть дуэтомъ: „у меня всего три су, у жены моей четыре: семь су, семь су, что намъ дѣлать на семь су?“ Но ничего, моя Лёга, не робѣй, будемъ живы и будемъ пить и веселиться, вино на радость намъ дано. Не робѣй! Александръ Спиридоновъ Испанскій Дворянинъ, онъ уважаетъ женщину, хотя у него двадцать тысячъ пороковъ. Забудется онъ, ты скажи ему: „Сашка стой!“ и все опять будетъ въ порядкѣ. Родители, я оставляю вамъ дочь вашу на три дня подъ сохраненіе, и черезъ три дня буду съ нею вѣнчаться! Да! Беречь ее! Я строгъ: беречь, ни въ чемъ ей не смѣть отказывать: пусть ходитъ куда хочетъ, пусть дѣлаетъ что хочетъ, потому что это я такъ хочу, я ея будущій мужъ, глава и повелитель! Ха-ха-ха, слышишь, Лёта, я твой повелитель; да! А приданаго не смѣть;... Боже сохрани, а то.... ха-ха-ха.... а то

прибью если кто подумаетъ о приданомъ. Ну и все теперь, спите, добрые граждане, ужь одиннадцать часовъ, и я хочу спать, аминь.

И съ этимъ онъ поцѣловалъ при всѣхъ невѣсту въ голову, еще разъ велѣлъ ей не робѣть и ушелъ.

Поталѣевъ тоже отправился въ свое помѣщеніе и раздѣлся, но еще не гасилъ огня и, сидя у открытаго окна, курилъ трубку. Въ закрытыя ставнями окна хозяевъ ничего не было видно, но мезонинная канура Спиридонова была освѣщена свѣчкой, воткнутой въ пустую бутылку. Изъ этого мезонина неслись по двору звуки гитары, и звучный баритонъ пѣлъ пѣсню за пѣсней.

— Вотъ оно настоящій-то сорви голова! думалъ Поталѣевъ.— Такъ вотъ оно на комъ она споткнулась? да и ничего нѣтъ мудренаго живучи на одномъ дворѣ. Мудрено только одно что мнѣ это прежде не пришло въ голову. Да полно и женится ли онъ на ней вправду? вѣдь онъ сегодня совсѣмъ пьянъ, а мало ли что̀ спьяна говорится.

И Поталѣевъ опять взглянулъ въ мезонинное окно, и видитъ что Спиридоновъ стоитъ въ просвѣтѣ рамы, головой доставая до низенькаго потолка, и держа предъ собою гитару, поетъ. Слова звучныя, мотивъ плавучій и страстный, не похожій на новыя шансонетки:

Самъ умѣю я пѣть,
Мнѣ не нужно октавъ,
Мнѣ не нужно руки,
Хладныхъ сердцу отравъ....
Одного жажду я: поцѣлуя!

но тутъ лѣкарь быстро подвинулся къ окну и, взявъ другой аккордъ, запѣлъ грустную и разудалую:

Что̀ бъ мы были безъ вина?
Жизнь печалями полна;
Все грозитъ бѣдой и зломъ,
Но если есть стаканъ съ виномъ....

Онъ опять не докончилъ пѣсни и быстро исчезъ отъ окна, и комната его осталась пустою, по ней только мерцало пламя свѣчи, колеблемое легкимъ ночнымъ вѣтромъ; но за то по двору какъ будто прошла темная фигура, и черезъ минуту въ двери Поталѣева послышался легкій стукъ.

— Кто тамъ стучитъ? освѣдомился Поталѣевъ, бывшій въ своемъ помѣщеніи безъ прислуги, которая ночевала отдѣльно.

Но вмѣсто отвѣта за дверью раздался звукъ гитары и знакомый голосъ запѣлъ:

Кто тамъ стучится смѣло?
Со гнѣвомъ я вскричалъ.
„Согрѣй обмерзло тѣло,"
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.

— Испанскій Дворянинъ дѣлаетъ вамъ честь своимъ посѣщеніемъ, добавилъ Спиридоновъ.

Поталѣевъ былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи что̀ ему сдѣлать, и не отвѣчалъ.

— Что̀ же? отозвался Спиридоновъ.—Дайте отвѣтъ. Я

Исполненъ отваги, закутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой стою подъ окномъ.

— Войдите, прошу васъ, отвѣчалъ совсѣмъ смѣшавшійся Поталѣевъ и отперъ двери.

На порогѣ показался Спиридоновъ, въ туфляхъ, накинутомъ на плечи фланелевомъ одѣялѣ и съ гитарой въ рукахъ.

— Ха-ха-ха, началъ онъ,—я васъ обезпокоилъ, но простите ложалуста, бываютъ гораздо худшія безпокойства: напримѣръ очень многихъ голодъ безпокоитъ....

— Ничего-съ, отвѣтилъ Поталѣевъ и хотѣлъ попросить Спиридонова садиться, но тотъ уже самъ предупредилъ его.

— Не безпокойтесь, говоритъ, я самъ сяду, а я вотъ что̀.... помогите мнѣ ложалуста допѣть мою пѣсню, а то я совсѣмъ спать не могу.

Поталѣевъ выразилъ недоумѣніе.

— Вы меня не понимаете, я это вижу.

Все грозитъ бѣдой и зломъ
Но если есть стаканъ съ виномъ....

а стакана-то съ виномъ и нѣтъ. Все спущено, все.... кромѣ чести и аллетита.

— Очень радъ что могу вамъ служить, отвѣтилъ Поталѣевъ, вынимая изъ шкафа откупоренную бутылку хереса.

— У васъ я вижу благородное сердце. Вино хересъ.... это благородное вино моей благородной родины, оно соединяетъ крѣпость съ ароматомъ. Пью, милостивый государь, за ваше здоровье, лью за ваше благородное здоровье.

— Да! это настоящій хересъ! продолжалъ онъ, выливъ рюмку и громко стукнувъ по столу.

Все грозитъ бѣдой и зломъ,
Но если есть стаканъ съ виномъ,
Выпьемъ, выпьемъ, все забыто!
Выпьемъ, выпьемъ, все забыто!

Да; я пью теперь за забвеніе.... за забвеніе всего что̀ было тамъ. Понимаете тамъ... Не тамъ гдѣ море вѣчно плещетъ, а вонъ тамъ у нашего приказнаго.

— Вы кажется не должны и не имѣете права забыть всего что̀ тамъ было?

— Тсъ! Не смѣть! Ни слова! Кто сказалъ что я хочу забыть? Спиридоновъ Испанскій Дворянинъ.... онъ ничѣмъ не дорожитъ кромѣ чести, но его честь.... тсъ!... Онъ женится, да.... Кто смѣетъ обижать женщину? Мы всѣ хуже женщинъ, да.... непремѣнно хуже.... А пришелъ я къ вамъ вотъ зачѣмъ: я вамъ, кажется, тамъ что-то сказалъ?

— Право не помню.

— Тсъ!... ни слова!... Не выношу хитростей и становлюсь дерзокъ. Нѣтъ; я васъ обидѣлъ, это подло, и я оттого не могъ пѣть, и я Испанскій Дворянинъ, не гнущій шеи предъ рокомъ, склоняю ее предъ вами и говорю: простите мнѣ, сеньйоръ, я васъ обидѣлъ.

И съ этимъ онъ низко поклонился Поталѣеву и протянулъ ему руку и вдругъ крайне ему понравился. Чѣмъ Поталѣевъ болѣе въ него всматривался и вникалъ, тѣмъ болѣе и болѣе онъ располагался въ пользу веселаго, безпечнаго, искренняго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чувствующаго Спиридонова.

— Послушайте, сказалъ онъ,—будемъ говорить откровенно.

— Всегда радъ и готовъ и иначе не умѣю.

— У васъ вѣдь должно-быть никакихъ нѣтъ опредѣленныхъ плановъ насчетъ вашего самаго ближайшаго будущаго?

— Никакѣйшихъ! отвѣчалъ Спиридоновъ смакуя во рту хересъ.

— Что̀ же вы будете дѣлать?

— А бисъ его знаетъ! и съ этимъ Спиридоновъ всталъ и хлопнувъ по плечу Поталѣева проговорилъ: — а вести ли чли: „не печытеся объ утреннемъ, утреннее бо само о себѣ печется“. Тсъ! ни слова мнѣ, я одного терпѣть не могу, знаете чего? Я терпѣть не могу знать что я бѣденъ!

И съ этимъ онъ еще выпилъ рюмку хереса и ушелъ.

На другой день Поталѣевъ заходитъ къ Спиридонову и сообщаетъ ему что у нихъ въ городѣ есть вакантное мѣсто

врача, причемъ онъ ему предлагаетъ шестьсотъ рублей жалованья за свое лѣченье и лѣченіе его крестьянъ.

— Что же и брависсимо! отвѣчалъ Спиридоновъ.—Если Лёта согласна, такъ и я согласенъ.

— Она согласна.

— Ну и валяйте, опредѣляйте меня, я ѣду.

Черезъ два дня была свадьба Спиридонова съ Лёт[illegible]шкой, а черезъ недѣлю они поѣхали въ крытомъ рагожномъ тарантасикѣ, въ черноземную глушь, въ уѣздный городокъ, къ которому прилегали большія владѣнія Поталѣева.

— Не наскучилъ ли я вамъ съ моею исторіей Испанскаго Дворянина? спросилъ остановясь Водольяновъ.

— Нимало, нимало! Это теперь именно только и становится интересно, и я хочу знать какъ этотъ буфонъ уживется съ женой? отвѣчала Бодростина.

— Въ такомъ случаѣ я продолжаю.

Супруги эти съ первой же поѣздки показали какъ они заживутъ. На триста рублей подаренныхъ Поталѣевымъ молодой, они накупили подарковъ всѣмъ, начиная съ самихъ приказныхъ и кончая стрялухой, рублей пятьдесятъ выдали во вспомоществованіе какому-то семейству, остальное истратили въ Москвѣ и остались совсѣмъ безъ денегъ.

Поталѣевъ ужь самъ нанялъ имъ лошадей и снабдилъ ихъ деньгами черезъ Лётушку. Спиридонова ни мало не занимало откуда берутся у жены деньги,— онъ объ этомъ даже не полюбопытствовалъ узнать у нея. Дорогой они опять пожировили, и извощикъ везъ, везъ ихъ, да надокучило ему наконецъ съ ними путаться, а деньги забраны, онъ завернулъ въ поле во время грозы, сталъ на ларинѣ, да выпрягъ потихоньку коней и удралъ. Такъ гроза прошла, а они стоятъ въ кибиткѣ и ломаютъ-хохочутъ. Ѣдетъ дорогой исправникъ и смотритъ что за кибитка такая безъ лошадей посреди поля стоитъ? Свернулъ къ нимъ, спрашиваетъ, они ему и говорятъ кто они такіе: новый докторъ съ женой. Пріѣхалъ исправникъ въ городъ, выслалъ за ними земскихъ лошадей, ихъ и перевезли, и перевезли прямо на постоялый дворъ, а они тутъ и расположились. Говорятъ Спиридонову: „вы бы къ кому-нибудь явились“, а онъ только рукой машетъ. „Да ну ихъ, говоритъ, захотятъ сами ко мнѣ явятся“. И точно, что же вы думаете, ждали, ждали его къ себѣ различныя городскія вла-

сти, и сами стали къ нему являться, а онъ преспокойно всѣхъ угоститъ, всѣхъ разсмѣшитъ, и всѣ его полюбили.

— Ищите же, говорятъ, себѣ квартиры, и тотъ указываетъ на одно, другой на другое помѣщеніе, а онъ на все рукой машетъ: „успѣемъ, говоритъ, еще и на квартирѣ нажиться“.

И тутъ опять спѣшитъ ему въ подмогу случай: городскаго головы тещa захворала. Сто лѣтъ прожила и никогда не болѣла и не лѣчилась, а вдругъ хворьба пристигла. Позвали Нѣмца-доктора, тотъ ощупалъ ее и говоритъ: „издохни разъ“, а она ему: „самъ, говоритъ, нехристь издохни, а я умирать хочу“. Вотъ и послали за новымъ лѣкаремъ. Спиридоновъ посмотрѣлъ на больную и говоритъ:

— Вы, бабушка, сколько пожили?

Та отвѣчаетъ:

— Сто лѣтъ.

— Чудесно, похвалилъ ее Спиридоновъ,—вы вѣрно родителей своихъ почитали?

Старуха посмотрѣла на него и говоритъ своимъ окружающимъ:—вотъ умный человѣкъ! Перваго такого вижу! А потомъ оборотилась къ нему:—именно, говоритъ, почитала, меня тятенька тридцатилѣтнюю разъ веревкой съ ушата хлесталъ.

— И вамъ еще сколько лѣтъ хочется жить? спросилъ ее Спиридоновъ.

— Да нисколько мнѣ не хочется, мнѣ ужь это совсѣмъ надоѣло.

— Вотъ и чудесно, отвѣчаетъ Спиридоновъ,—мнѣ и самому надоѣло.

Старуха даже заинтересовалась: отчего это человѣку такъ рано жить надоѣло?

— Жена что ли у тебя лиха?

— Нѣтъ, жена хорошая, а я самъ плохъ.

Старуха раздивовалась что̀ такое за человѣкъ, который только пріѣхалъ и самъ себя на первыхъ же порахъ порочитъ.

— Не выпьешь ли, говоритъ, батюшка водочки и не закусишь ли ты? Ты мнѣ что-то по-сердцу пришелъ.

— Извольте, отвѣчалъ Спиридоновъ,—и закушу и выпью.

И точно, и закусилъ, и выпилъ, и старуха ему сама серебряный рубль дала.

— Еще, говоритъ, и завтра приходи ко мнѣ, если доживу. Пока жива все всякій день ко мнѣ приходи, мнѣ съ тобой очень занятно.

И опять пришелъ Спиридоновъ, и опять старуха его залотчивала, и опять ему рубль дала, и пошло такимъ образомъ съ мѣсяцъ, каждый день кряду, и повалила Спиридонову практика, заговорили о немъ что онъ чуть не чудотворецъ, столѣтнихъ, полумертвыхъ старухъ и тѣхъ на ноги ставитъ! Лѣчилъ онъ пресчастливо, да и не диво: человѣкъ былъ умный и талантливый, а такому все дается. Не щупавши и не слушавши узнавалъ болѣзнь, что̀ даже другихъ сердило. Разъ жандармскій офицеръ проѣздомъ заболѣлъ и позвалъ его. Спиридоновъ ему сейчасъ рецептъ. Тотъ обидѣлся, „что̀ это, говоритъ, за невниманіе, что вы даже языкъ не попросили меня вамъ показать?“ А Спиридоновъ отвѣчаетъ: „что̀ же мнѣ вашъ языкъ смотрѣть? Я и безъ того знаю что языкъ у васъ скверный.“ Однимъ словомъ все видѣлъ. Пьяненекъ иногда прихаживалъ, и то не бѣда. Напротивъ, слава такая прошла что лѣкарь какъ пьянъ такъ вдвое видитъ, и куда Спиридоновъ не придетъ его все подлаиваютъ: все двойной удали добиваются. Такимъ манеромъ и просылъ онъ гулякой, и даже пріятельница его, головина теща, ему сказала:

— Вижу, говоритъ, я чѣмъ ты отецъ лѣкарь плохъ-то называешься! Ты совсѣмъ пить не умѣешь.

— Истинно, говоритъ, вы это вправду сказали: совсѣмъ пить не умѣю.

— То-то, ты вина-то не любишь, все его сразу выпить хочешь. А ты бы лучше его совсѣмъ бросилъ.

— Да какъ, отвѣчаетъ, бросить-то? А неравно какъ хорошій человѣкъ подниметъ, за что̀ онъ тогда будетъ за меня мучиться.

Старуха расхохоталась.

— Охъ, пусто тебѣ будь, говоритъ, пей ужь, пей, да только дѣло разумѣй.

Но Спиридоновъ, давши такимъ образомъ, конечно скоро пересталъ разумѣть и дѣло. Однако ему все-таки везло. Головина теща предъ смертью такъ его полюбила что отказала ему домикъ на Провальѣ, въ который онъ наконецъ и переѣхалъ съ постоялаго двора, а Потапѣевъ какъ только прибылъ, такъ началъ производить Спиридонову жалованье и помогалъ ему печенымъ и вареньемъ, даже и прислуга и та вся была Потапѣевская, лошади и тѣ Потапѣевскія, и все это по истинѣ предлагалось въ высшей степени деликатно и совершенно безкорыстно. Потапѣевъ оберегалъ Лётушку и любилъ Спири-

донова какъ прекраснѣйшаго человѣка. Въ городѣ и всѣ впрочемъ его любили, да и нельзя было не любить его: доброта безмѣрная, веселость постоянная и ничѣмъ не смущаемая; безкорыстіе полное: „есть—носитъ, нѣтъ—обноситъ“, и ни о чемъ не тужитъ. Жена ему тоже вышла подъ пару. Никто ей надивиться не могъ; никто даже не зналъ страдаетъ она или нѣтъ отъ мужниныхъ кутежей. Всегда она чистенькая, опрятная, спокойная. Про несогласія у нихъ и не слыхивано; хозяйка во всемъ она была полновластная, но хозяйства-то никакого не было: сядутъ обѣдать, съѣдятъ одинъ супъ, кухарка имъ щи подаетъ.

— Это что же такое? воскликнетъ Спиридоновъ,—зачѣмъ два горячихъ?

— А, барыня, молъ, такъ приказала.

А Лёта и расхохочется.

— Извини, скажетъ, Саша, это я книги зачиталась.

И хохочутъ оба какъ сумасшедшіе, и ѣдятъ щи послѣ супа.

Гости у Лёты были вѣчные и всѣ были отъ нея безъ ума, и старики, и молодые. Обо всемъ она имѣла понятіе, обо всемъ говорила и оригинально, и смѣло. У нея завелись и поклонники: инвалидный начальникъ ей объяснялся въ прозѣ и предлагалъ ей свое „сердце, которое можетъ замѣнить милліоны“; протопоповскій сынъ, пріѣзжавшій на каникулы, сочинялъ ей стихи, въ которыхъ плакалъ что во все междуканикулярное время онъ

Повсюду бросалъ жаждущій взоръ,
Но нигдѣ не встрѣчалъ свой небесный метеоръ.

Соборный дьяконъ, вдовецъ, весь ея дворъ собственною рукой взрылъ заступомъ, подѣлалъ клумбы и насажалъ левкоевъ; но это все далекіе обожатели, а то и Поталѣевъ сидѣлъ у нея по цѣлымъ днямъ и все назывался въ крестные отцы, только крестить было некого. Такъ прошелъ годъ, два и три: Лётушка выросла, выровнялась и расцвѣла, а мужъ ее подувялъ: въ наружности его и въ одеждѣ, во всемъ уже видѣнъ былъ лѣяница. Отъ общества онъ сталъ удаляться и началъ вести компанію съ однимъ дьякономъ, съ которымъ они пѣли дуэтомъ: „Нелюдимо наше море“ и крѣпко напивались. Въ это время и случись происшествіе: Ѣхала чрезъ ихъ городъ почтовая карета, лопаулъ въ ней съ горы тормазъ, ломчало ее внизъ, лошадей передушило и двухъ пассажировъ искалѣчило: одному ногу переломило, другому руку. Были это лю-

ди молодые, только-что окончившіе университетскій курсъ и ѣхавшіе въ губернскій городъ на службу, одинъ товарищемъ предсѣдателя, другой чиновникомъ особыхъ порученій къ губернатору. Спиридоновъ забралъ ихъ обоихъ къ себѣ въ домъ и началъ лѣчить, и лѣчилъ хорошо, и вылѣчилъ, и пока они были опасны, самъ не пилъ, а какъ тѣ стали обмогаться, онъ опять за свое. „Теперь Лётѣ, говоритъ, не скучно, ее есть кому забавлять“, и точно нарочно отъ нея сталъ отдаляться; а изъ паціентовъ богатый молодой человѣкъ, по фамиліи Рулышевъ, этимъ временемъ страстно влюбился въ Лётушку. Уже оба эти больные и выздоровѣли, а все не ѣдутъ: одного магнитъ держитъ, другой для товарища сидитъ, да и самъ тоже неравнодушенъ. Но наконецъ стали они собираться ѣхать, и захотѣли поблагодарить хозяина, а его нѣтъ, нѣтъ и день, и два, и три, и ночевать домой не ходитъ, все сидитъ у дьякона. Ну, просто самъ руками наводитъ жену Богъ вѣсть на что.

— На что же онъ ее наводилъ? перебила Бодростина смѣясь и тихо дернувъ подъ столомъ за полу сюртука Висленева. Но Водопьяновъ словно не слыхалъ этого вопроса и продолжалъ:

— Въ городѣ давно уже это такъ и положили что Лёта мужа не любитъ и потому ей все равно, а онъ ее радъ бы кому съ рукъ сбыть. Чѣмъ же онъ занимается у дьякона? Рулышевъ уѣзжая пошелъ къ нимъ чтобы посмотрѣть, проститься и денегъ ему дать за лѣченіе и за хлѣбъ за соль. Приходитъ; на дворѣ никого, въ сѣняхъ никого и въ комнатахъ никого, все вокругъ отперто, а живой души нѣтъ. Но только вдругъ слышитъ онъ тулые шаги, какъ босикомъ ходятъ, и видитъ идетъ лѣкарь, какъ мать родила, на плечѣ держитъ палку отъ щетки, а на ней наверху трезубецъ изъ хворостинки. Идетъ и не смотритъ на гостя, и обошелъ вокругъ печки и скрылся въ другую комнату, а чрезъ двѣ минуты опять идетъ сзади и опять проходитъ такимъ же манеромъ. „Докторъ! зоветъ Рулышевъ, докторъ! Александръ Иванычъ!“ а Спиридоновъ знай совершаетъ свое теченіе. Рулышевъ опять къ нему, да ужь съ докукой, а тотъ не останавливаясь и не оборачиваясь въ его сторону отвѣчаетъ: „Оставьте меня, я Нибелунгъ“, и пошелъ далѣе. „Фу ты, чортъ возьми, до чего человѣкъ допился!“ думаетъ гость, а его между тѣмъ изъ подъ стола кто-то дергъ за ногу. Смотритъ Рулышевъ, а подъ столомъ сидитъ дьяконъ.

— Дразните, говоритъ, меня, я медвѣдь.

Гость-то его и утѣшь, и подразни.

— „Р-р-р-р-ръ!“ говоритъ, да ногой и мотнулъ, а дьяконъ его какъ хватитъ за ногу, да до кости и прокусилъ, и стало опять его нужно лѣчить отъ дьяконова укушенія. Тутъ-то Рупышевъ съ Лётушкой и объяснился. Она его выслушала спокойно и говоритъ: „Не ожидала чтобы вы это сдѣлали.“— Да будто, говоритъ, вы вашего мужа любите? „А я, отвѣчаетъ Лётушка, развѣ вамъ про это позволяла что-нибудь говорить?“ И при этомъ попросила чтобъ онъ объ этомъ больше никогда и рѣчи не заводилъ. Вотъ этотъ Рупышевъ и поѣхалъ, да не надолго: сталъ онъ часто наѣзжать и угожденіямъ его Лётушкѣ и конца не было. Чего онъ ей не дарилъ, чего не присылалъ, и наконецъ въ отставку вышелъ и переѣхалъ жить къ нимъ въ городъ, и всѣ знали что это для Лётушки. Спиридоновъ его принималъ радушно и самъ къ нему хаживалъ, и жизнь шла опять по-старому. Придетъ Спиридоновъ ночью домой, прокрадется тихонько чтобы не разбудить Лётушку и уснетъ въ кабинетикѣ, та и не знаетъ какова онъ вернулся.

Но вдругъ Лёта заподозрѣла что Рупышевъ ея мужа нарочно спаиваетъ, потому что Спиридоновъ ужь до того сталъ пить что началъ себя забывать и разъ приходитъ при всѣхъ въ почтовую контору къ почтмейстеру и проситъ: „у меня, говоритъ, сердце очень болитъ, пропишите мнѣ какую-нибудь микстуру.“ Рупышевъ дѣйствительно нарочно его спаивалъ, и Лёта въ этомъ не ошибалась. Пошелъ разъ лѣкарь къ Рупышеву, и нѣтъ его, и нѣтъ, а ночь морозная и по улицамъ носится поземная метель. Не въ рѣдкость это случалось, но только у Лёты вдругъ стала душа не на мѣстѣ. Цѣлую ночь она и спитъ и не спитъ: то кто-то стучитъ, то кто-то царапается и вдругъ тяжелый претяжелый человѣкъ вошелъ и прямо повалился въ кресло у ея кровати и захрапѣлъ. Лётушка такъ и обмерла, проснулась, а возлѣ постели никого нѣтъ, но за то на порогѣ стоитъ человѣкъ въ плащѣ, весь насквозь какъ туманъ свѣтится и весело кланяется. Она его въ просоньи спросила: „кто вы и что вамъ нужно?“ А онъ ей покивалъ и говоритъ: „Не робей, я полправился!“ Это было предъ разсвѣтомъ, а на зарѣ пришли люди и говорятъ: „Лѣкаря неживаго нашли, заблудился и въ канавѣ замерзъ.“

— Ну-съ, подогнала разкащика Бодростина.

— Ну-съ, тутъ и увидѣли Лёту какая она. Она окаменѣла: „нѣтъ, говоритъ, нѣтъ, это благородство не могло умереть,— оно живо. Саша, мой Саша! приди ко мнѣ, мой честный Саша!“

Схоронили-съ Спиридонова. Лёта осталась безъ всякихъ средствъ; Поталѣевъ ее впрочемъ не допускалъ до нужды, отъ него она брала, а Рулышеву и всѣ его прежніе подарки отослала назадъ. Рылушевъ долго выбиралъ время какъ ей сдѣлать предложеніе и наконецъ сдѣлалъ, но сдѣлалъ его письменно. Лётушка что же ему отвѣтила? „Было время, написала она, что вы мнѣ нравились, и я способна была увлечься вами, а увлеченіямъ моимъ я не знаю мѣры, но вы не умѣли уважать благороднѣйшаго моего мужа, и я никогда не пойду за васъ. Не возвращайтесь ко мнѣ ни съ какимъ предложеніемъ: я вѣчно его, я исполню мой долгъ, если только въ силахъ буду сравняться съ его мнѣ одной извѣстнымъ безконечнымъ великодушіемъ и благородствомъ.“

Послѣ этого Лётушка ни самого Рулышева не приняла, ни одного его письма не распечатала и вскорѣ же при содѣйствіи Поталѣева уѣхала къ своимъ въ Москву. А въ Москвѣ все та же нужда, да нужда, и всѣ только и живы что Поталѣевскими подаяніями. Поталѣевъ ѣздитъ, останавливается и благодѣтельствуетъ. Проходитъ годъ, другой, Лёта все вдовѣетъ. Вотъ Поталѣевъ ей и дѣлаетъ вновь предложеніе. Лёта только усмѣхнулась. А Поталѣевъ и говоритъ:

— Что это значитъ? Какъ я долженъ понимать вашу улыбку?

— Да вѣдь мнѣ вамъ отказать нельзя, отвѣчаетъ Лёта, вы всѣмъ намъ помогали.... да.... да.... вы моего Сашу любили....

— Именно-съ любилъ.

Лёта повѣсила голову и проговорила:—Саша мой, научи меня что я сдѣлаю, чтобы быть достойною тебя?

И съ этимъ она вдругъ вздрогнула, какъ будто кого увидала, и рука ея, точно брошенная чужою рукой, упала въ руку Поталѣева.

— Иду! прошептала она: вы меня купили! Да такъ-съ и вышла за Поталѣева и стала госпожей Поталѣевой, да тѣмъ и самаго Поталѣева перепугала.

Онъ жилъ съ нею не радовался, а плакалъ, да служилъ панихиды по Спиридоновѣ и говорилъ: какъ могло, какъ могло это статься! Нѣтъ, съ нимъ нельзя бороться, онъ мертвый побѣждаетъ. Лётушка! Лёта! допрашивалъ онъ жену: кто же

онъ былъ для васъ? Гдѣ же тотъ вашъ проступокъ о которомъ вы дѣвушкой сказали въ Москвѣ?

— Старину вспомнилъ! Напрасно тогда не женился на ней на дѣвушкѣ? вставилъ Висленевъ!

— Нѣтъ-съ, дѣло-то именно въ томъ что онъ женился на ней на *дѣвушкѣ*-съ! отвѣтилъ съ удареніемъ Водопьяновъ. Скоро Лёта нагнала ужасъ на весь деревенскій домъ своего втораго мужа: она все ходила, ломала руки, искала и шептала: „Саша! Пустите меня къ Сашѣ!“ Есть у Лётушки и кофточки шитыя и шубки дорогія, всего много, но ничто ея не тѣшитъ. Ночью встанетъ, сидитъ на постели и шепчетъ: „здравствуй, милый мой, здравствуй!“ Поталѣевъ не знаетъ что̀ и дѣлать! Прошло такъ съ годъ. Вотъ и съѣхались разъ къ Поталѣеву званые гости, Лётушку къ нимъ, разумѣется, не выпустили, но она вдругъ является и всѣмъ кланяется. „Здравствуйте, говоритъ, не видали ли вы моего Сашу?“

Гости, понятно, смутились.

— Впрочемъ Саша идетъ ужь, идетъ, идетъ, лепетала тоскуя Лёта.

— Поди къ себѣ на верхъ! сказалъ ей строго мужъ, но она отворотилась отъ него и подойдя къ одному старому гостю, который въ это время нюхалъ табакъ, говоритъ: дайте табаку!

Тотъ ей подалъ.

— Вы богаты?

— Богатъ, отвѣчаетъ гость.

— Такъ купите себѣ жену и....

— Но нѣтъ-съ, заключилъ разсказчикъ, я эту послѣднюю сцену долженъ пояснить вамъ примѣромъ.

При этомъ Водопьяновъ всталъ, вынулъ изъ боковаго кармана большую четырехъугольную табакерку краснаватаго золота и сказалъ: это было такъ: она стояла какъ я теперь стою, а гости отъ нея въ такомъ же разстояніи какъ вы отъ меня, Поталѣевъ, который хотѣлъ взять ее за руку, былъ ближе всѣхъ, вотъ какъ отъ меня г. Висленевъ. Старикъ гость держалъ въ рукѣ открытую табакерку.... Теперь Лёта смотритъ туда.... въ окно.... тамъ ничего не видно кромѣ неба, потому что это было на верху въ павильонѣ. Ровно ничего не видно. Смотрите, Лариса Платоновна, вонъ туда... въ темную дверь гостиной.... Вы не боитесь глядѣть въ темноту?

Есть люди которые этого боятся, оно немножко и понятно.... Впрочемъ, вы ничего не видите?

— Ничего не вижу, отвѣчала улыбаясь Лариса.

— Она точно также ничего не видала, и вдругъ Лёта рукой щелкъ по рукѣ старика, и съ этимъ сумашедшій Бедуинъ неожиданно ударилъ Висленева по рукѣ, въ которой была табакерка, табакъ взлетѣлъ; всѣ, кромѣ отворотившейся Ларисы, невольно закрыли глаза. Водольяновъ же въ эту минуту пронзительно свистнулъ и сумашедшимъ голосомъ крикнулъ: „сюда малютка! здѣсь Испанскій Дворянинъ!“ и съ этимъ онъ сверкнулъ на Ларису безумными глазами, сорвалъ ее за руку съ мѣста и бросилъ къ раскрытой двери, на порогѣ которой стоялъ Подозеровъ.

Лариса задрожала и бросилась опрометью вонъ, а Водольяновъ спокойно закончилъ: Вотъ какъ все это было! и съ этимъ вышелъ въ гостиную, оттуда на балконъ и исчезъ въ саду.

Н. ЛѢСКОВЪ.

(До слѣд. №).

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

Эпизодъ второй.

XII.

Catherine à Czerkassow.

Ce 30 May 1773.

Monsieur le Baron Czerkassow! Je vous croyais mort et enterré déjà, n'ayant pas eu de vos nouvelles depuis votre dernière dattée du 21 de ce mois, lorsque dans ce moment je reçois celle que vous m'avez écrit le 25, et, par laquelle vous m'annoncez la réception de ma grosse dépêche. Le Comte Panin me cache jusqu' à l'heure qu'il est sa lettre, puisqu'il ne veut pas que je voye qu'il a espérance de mener sa barque, et qu'il me connâit trop pour croire que cela puisse me plaire. Mais j'espère d'avoir la préférence, pour peu que vous exécutiez bien exactement mes ordres. Si le Comte Rasoumofsky vous demande de venir dans la suite de la Landgrave, vous direz que vous n'avez là-dessus point d'ordre de ma part; que j'ai fait moi-même les régistres des personnes et des chevaux à donner, et que voux n'osez et que tout ce que vous pouvez faire, c'est de lui permettre d'user d'une couple de chevaux destinés à la suite de la Landgrave, quand elle et sa suite seront parties. Et la Landgrave, si elle vous en parlait ou fairait parler, vous direz aussi que j'ai nommé et fait les registres moi-même et que vous lui deconseillez cela. Pour les lettres

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1870, №№ 1, 2, 3, 9 и 10 и 1871 № 1.

de Pétersbourg et d'autres lieux ne vous en mellez point. Vous éviterez aussi de marquer de la défiance sur les personnes qui pourraient s'approcher et s'adresser en particulier. Mais observez tout et faites m'en un rapport exacte; et par vos conseils, écartez toute partialité, si vous pouvez. Впрочемъ я не намѣрена завести у ландграфини и ея дочерей ни какого рода тайной канцеляріи. Wenn Sie guten Rath von mir nicht hören wollen, so können Sie zum Henker gehen. Continuez à me faire des questions autant que vous voudrez, cela ne m'ennuiera pas; je suis accoutumée à répondre et je connais vos bonnes intentions et sais que vous m'êtes fidèle. Ceci n'est pas la première affaire compliquée de laquelle je suis sortie avec honneur et satisfaction. J'en ai une véritable à vous dire, que le Prince Orlow est rentré le 20 de ce mois dans l'exercice de toutes ses charges. Je suis bien aise qu'enfin vous voilà établi à Catherinendahl et j'approuve les arrangements que vous avez fait, sans les avoir vû. Nous parlerons de Kœlchen quand vous serez ici. La montre de milord Buckingham est charmante. C'est un vrai bijoux: à présent il y faut une chaîne, car la mienne n'y convient point du tout: elle est maussade vis-à-vis de la montre. Le 18 May on n'avait non plus entendu parler de ma frégate à Berlin, comme si elle n'existait pas; ainsi il faut qu'elle aye mise depuis Kronstadt jusqu'à Lubeck plus de huit jours. J'ai vu ce matin une lettre du Prince Dolgorouky de cette date qui ne touche cette matière ni de près ni de loin, ni n'en fait aucune mention. Je joins dans ce paquet les Gazettes Anglaises et prie le Ciel de vous maintenir en joie et en santé.

Caterine.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: „Я уже считала васъ умершимъ и похороненнымъ." — Графы Панинъ и Разумовскій. — Не оказывать ландграфинѣ недовѣрія и не заводить при ней тайной канцеляріи. — Привычка отвѣчать на вопросы. — Вступленіе князя Орлова въ отправленіе всѣхъ его прежнихъ званій. — Похвала. — Карманные часы лорда Букингама. — Письмо князя Долгорукова не упоминающее объ эскадрѣ. — Англійскія газеты. — Веселіе и здоровье.

Сего 30го мая 1773.

Г. баронъ Черкасовъ! Я уже считала васъ умершимъ и похороненнымъ, не получая отъ васъ извѣстій послѣ вашего послѣдняго письма, отъ 21го числа сего мѣсяца, когда сейчасъ получила то которое вы мнѣ написали 25го и которымъ вы меня увѣдомляете о полученіи моей толстой депеши. Графъ Панинъ до сихъ поръ отъ меня скрываетъ свое письмо, потому что не хочетъ чтобъ я узнала что онъ надѣется повести свою ладью и что слишкомъ хорошо меня знаетъ чтобы полагать что это могло бы мнѣ понравиться. Но я надѣюсь имѣть преимущество, лишь бы вы только исполнили въ точности мои приказанія. Если графъ Разумовскій будетъ просить вашего позволенія прибыть сюда въ свитѣ ландграфини, вы отзоветесь что не имѣете на

этотъ счетъ отъ меня приказаній; но что я составила сама списки лицъ и числа лошадей которыя должны быть отпущены, и что вы не смѣете, и наконецъ что все что вы можете сдѣлать, это позволить ему взять нѣсколько лошадей, назначенныхъ для свиты ландграфини, когда она и ея свита уже уѣдутъ. Если же ландграфиня стала бы говорить вамъ объ этомъ или бы поручила кому-нибудь съ вами о семъ переговорить, вы ей тоже скажете что я назначила и составила сама всѣ списки, и что вы ей это не совѣтуете. Что касается до писемъ изъ Петербурга и иныхъ мѣстъ, то не вмѣшивайтесь въ это. Избѣгайте также оказывать недовѣріе относительно тѣхъ которые бы могли обращаться или адресоваться лично (къ ландграфинѣ). Но наблюдайте за всѣмъ и доносите мнѣ исправно, и своими совѣтами удаляйте всякое пристрастіе, буде можете. *Впрочемъ я не намѣрена завести у ландграфини и ея дочерей никакого рода тайной канцеляріи* (русскій текстъ). Если онѣ не хотятъ слушать отъ меня добрыхъ совѣтовъ, то могутъ убираться къ чорту (нѣмецкій текстъ).... Продолжайте дѣлать мнѣ вопросы сколько хотите; это мнѣ не наскучитъ; я привыкла отвѣчать и знаю вашу благонамѣренность и то что вы мнѣ преданы. Это не первое запутанное дѣло изъ котораго я вышла съ честью и къ моему удовольствію. Съ истинною радостью сообщаю вамъ что 20го числа князь Орловъ вступилъ снова въ отправленіе всѣхъ своихъ званій. Мнѣ пріятно знать что наконецъ-таки вы поселились въ Екатеринталѣ и заочно одобряю сдѣланныя вами распоряженія. Мы потолкуемъ о Кёльхенѣ по возвращеніи вашемъ сюда. Карманные часы лорда Букингама[2] очаровательны. Это настоящая драгоцѣнность. Теперь къ нимъ нужна цѣпочка. Моя тутъ вовсе не пригожа и очень невзрачна въ сравненіи съ часами. 20го мая въ Берлинѣ также еще ничего не было слышно о моемъ фрегатѣ, какъ будто бы онъ вовсе не существовалъ; значитъ, плаваніе его отъ Кронштадта до Любека продолжалось болѣе недѣли. Я видѣла нынче утромъ письмо князя Долгорукова,[3] въ которомъ не заключается ни близкаго, ни даже отдаленнаго намека на этотъ предметъ и даже вовсе объ немъ нѣтъ помину. Препровождаю при семъ англійскія газеты и молю Бога чтобы Онъ васъ хранилъ въ веселіи и здравіи.

Екатерина.

Примѣчанія:

[1] Мы перевели слово въ слово, *свое письмо* (sa lettre), то-есть то конфиденціальное письмо барона Ассебурга Панину, содержаніе котораго только стороной дошло до императрицы и прописано въ № VIII.

[2] Букингамъ, великобританскій посолъ въ С.-Петербургѣ, см. *Русскій Вѣстникъ* за мартъ 1870 года, стр. 181—186.

[3] Кн. Долгоруковъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, см. предисловіе къ этой перепискѣ.

XIII.

Czerkassow à l'Impératrice.

De Catherinendahl, le 1 de Juin 1773.

Madame!

Me voilà au mois de Juin vieux style et point des nouvelles de mes Princesses. Ne se seraient-Elles pas ravisées sur le trajet par mer? Il y a un bruit qui court à Réval, comme si quelqu'un a écrit de Hambourg qu'Elles avaient résolu de poursuivre leur route par terre.

Quoique ce ne soit qu'un bruit vague, il ne laisse cependant que de me déplaire beaucoup, à présent que je suis armé jusqu'aux dents pour les bien recevoir à Catherinendahl. Il y a mille bagatelles auxquelles j'ai songé (n'ayant rien de mieux à faire) pour elles. Jusqu'aux Clarinets. Elles en auront pendant leurs repas. J'ai aussi choisi une place dans le jardin entre sept tilleuils très vénérables où elles pourront venir déjeuner si bon leur semblera. Et je crois qu'Elles y viendront pour faire leur Cour à V. M. en Vous imitant, ne fût-ce qu'en cela.

Il n'y a point d'autre nouvelle à Catherinendahl, excepté que le vent a changé et de favorable qu'il était pour les Princesses il en souffle un depuis deux jours, qui ne l'est point trop. Mais Elles viendront pourtant tôt ou tard, et alors je ne manquerai pas de dire à V. M. I. ce qu'Elles me paraîtront au premier coup d'oeil, pour ce qui est de leur extérieur; et je le ferai d'autant plus franchement, que je me suis accoutumé à penser tout haut vis-à-vis de Vous. Mais pour ce qui est de Leurs humeurs et de Leurs habitudes tant de l'esprit que du corps, je ne puis pas prendre sur moi d'en juger, dûssai-je rester six mois auprès d'Elles: car Elles tâcheront sûrement de me montrer toujours leur meilleur côté, et je ne pourrai jamais avoir l'occasion de les voir autrement que sous les armes. Pour parvenir donc à la connaissance de ce qu'Elles sont dans leurs appartemens et lorsqu'Elles ne se genent point, il me semble qu'il ne serait pas mal-à-propos de se servir de quelque personne affidée du Sexe, comme d'une Kammer-Mädchen, sur la sagacité et la probité de laquelle on puisse faire fonds. J'ai pour cette place une personne en vuë, et je me réserve d'en parler à V. M. à mon retour. Ayez la grâce, Madame, de laisser une pareille place vacante, sauf à la remplir après cela par une autre personne, en cas que celle que je proposerai n'aura pas Votre approbation. Et comme V. M. m'avez déjà fait savoir par le dernier article de mes instructions que je resterai auprès de Madame la Landgrave pendant qu'elle séjournera à Votre Cour, je me flatte qu'à l'aide d'une pareille personne je pourrai tirer toutes les informations néces-

saires ou au moins des indices suffisans pour faire des observations ultérieures. Ce sera alors mon tour de vous proposer des paris, que Vous n'accepterez pas.

J'ai l'honneur d'être, etc.

P. S. La disposition que j'ai faite pour le voyage me paraît la meilleure possible et je tâcherai de la faire agréer à Madame la Landgrave. Je la laisserai pourtant maitresse du tems qu'elle voudra employer à ce voyage. Après diné en partant de Catherinendahl, nous irons souper et coucher à Kolk chez le Comte de Steinbock. Il y a là une maison de pierre belle et spacicuse bâtie depuis six ou sept ans. Elle est éloignée de 48 Werstes de Catherinendahl et de 2 de la Poste de Kagale. Le lendemain matin nous irons dîner à Yess, grande maison de pierre, qui appartient à Madame de Delwig, mère du Major-Général de ce nom: elle est éloignée de Kolk 40 Werstes et d'une de la Poste de Pédrus. Après y avoir dîné, nous irons souper et coucher à Hackoff, grande maison qui appartient à une Madame de Wangersheim. Entre celle-ci et celle de Yess, il y a 47 Werstes. Le lendemain matin nous irons dîner à la Poste de Fokenhoff. La maison est un peu plus grande que les antres maisons de Poste. Faute de meilleure, il faudra bien s'en servir pour le dîner seulement. Cela est éloigné de Hackoff de trente cinq Werstes, puisque pour éviter un vilain passage nous serons obligé de faire un détour d'environ 7 à 8 Werstes. Après dîné nous irons souper et coucher au château de Narva. La distance de Fokenhoff à Narva est trente-sept Werstes. Le lendemain il nous faudra aussi dîner à Narva, et à fin que le tems nê paraisse pas trop long aux Princesses, je leur proposerai, s'il fait beau, une promenade à la Cascade. Après avoir dîné à Narva nous irons souper et coucher à Yambourg. Le lendemain nous irons dîner à Seltzo, où il y a uue grande Maison de bois du Comte Sievers.

Черкасовъ императрицѣ.

Содержаніе: Нѣтъ извѣстій о принцессахъ, между тѣмъ какъ Черкасовъ совершенно готовъ принять ихъ.—Ревельскіе слухи.—Музыка за столомъ.—Завтраки подъ липами въ подражаніе императрицѣ.—Противный вѣтеръ.—Черкасовъ обѣщаетъ откровенно высказать свое мнѣніе о принцессахъ.—Намѣреніе помѣстить при нихъ преданную служанку.—„Тогда въ свою очередь стану предлагать пари.“—Распоряженія относительно пути.—Предположенные роздыхи у графа Стенбока, у баронессы Дельвигъ, у графа Сиверса и пр.—Нарвскій водопадъ.

Изъ Екатеринентала, 1го іюня 1773.

Всемилостивѣйшая государыня!

Вотъ уже и іюнь мѣсяцъ по старому стилю, а нѣтъ извѣстій отъ моихъ принцессъ. Не отказались ли онѣ отъ поѣздки моремъ? Въ

Ревелѣ носится слухъ будто кто-то написалъ изъ Гамбурга что онѣ рѣшились продолжать свое путешествіе сухимъ путемъ.

Хотя это только смутный слухъ, онъ однакожь мнѣ очень не нравится, такъ какъ я теперь вполнѣ приготовился хорошо принять ихъ въ Екатеринталѣ. За неимѣніемъ иныхъ занятій, я вспомнилъ о тысячѣ бездѣлицахъ, даже о кларнетахъ, которые будутъ играть во время стола. Я также выбралъ мѣсто въ саду между семи очень почтенныхъ липъ, гдѣ имъ можно будетъ завтракать, если захотятъ. И я думаю что онѣ это станутъ дѣлать для того чтобъ угодить В. И. В—ству, подражая вамъ хоть въ семъ случаѣ.

Въ Екатеринталѣ нѣтъ ничего новаго, кромѣ развѣ того что вѣтеръ перемѣнился и изъ попутнаго для принцессъ обратился, тому дня два, въ нѣсколько противный имъ. Но онѣ все-таки рано или поздно прибудутъ, и тогда я не премину донести В. И. В—ству какъ онѣ мнѣ покажутся съ перваго взгляда по наружности. И я сдѣлаю это съ тѣмъ большею откровенностью, что я привыкъ вслухъ думать при васъ. Но что касается до ихъ обхожденія и привычекъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, то я не могу взять этого на себя, оставайся я хоть шесть мѣсяцевъ при нихъ, такъ какъ онѣ конечно всегда будутъ стараться выказать себя предо мною съ выгоднѣйшей стороны и мнѣ никогда не удастся видѣть ихъ иначе какъ наготовѣ. Вслѣдствіе сего, дабы узнать каковы онѣ въ своемъ домашнемъ обиходѣ и когда ничѣмъ не стѣснены, мнѣ казалось бы не лишнимъ прибѣгнуть къ какой-либо личности женскаго пола, какъ напримѣръ къ каммеръ-медхенъ, на проницательность и преданность которой можно бы было надѣяться. Я имѣю въ виду одну дѣвушку на это мѣсто и собираюсь доложить объ этомъ В. В—ству по возвращеніи моемъ. Будьте столь добры, всемилостивѣйшая государыня, повелите оставить эту должность вакантною, съ тѣмъ однакоже чтобы замѣстить ее другою личностью, если та которую я предложу не будетъ вамъ угодна. А такъ какъ В. В—ство уже изволили мнѣ дать знать послѣднею статьей моей инструкціи что я останусь при ландграфинѣ, пока она будетъ находиться при вашемъ дворѣ, я ласкаю себя надеждой что при помощи такой горничной мнѣ удастся добиться всевозможныхъ свѣдѣній или по крайней мѣрѣ достаточныхъ указаній для дальнѣйшихъ наблюденій. Тогда, въ свою очередь, стану предлагать вамъ пари, отъ которыхъ вы будете отказываться.

Честь имѣю быть, и пр.

P. S. Мнѣ кажется что я распорядился путешествіемъ какъ только могъ лучше, и я надѣюсь что ландграфиня одобритъ мой маршрутъ. Впрочемъ, я предоставляю ей привести его въ исполненіе въ болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Выѣхавъ послѣ обѣда изъ Ека-

терингенталя, мы найдемъ ужинъ и ночлегъ въ Колкѣ, у гр. Стенбока. Тамъ есть прекрасный и обширный каменный домъ, выстроенный тому лѣтъ шесть или семь. Онъ отстоитъ на 48 верстъ отъ Екатерингенталя, и на двѣ отъ станціи Кагаль. На слѣдующій день мы отправимся обѣдать въ Іевѣ, гдѣ находится большой каменный домъ, принадлежащій г-жѣ Дельвигъ, матери генералъ-майора Дельвига, въ 40 верстахъ отъ Колка и въ одной отъ станціи Педрусъ. Отобѣдавъ тамъ, мы отправимся для ужина и ночлега въ Гакгофъ, гдѣ есть большой домъ, принадлежащій какой-то г-жѣ Ваггерсгеймъ.[1] Оттуда до Іеве[2] 48 верстъ. На другой день мы будемъ обѣдать на станціи Фокенгофъ. Домъ тамъ нѣсколько просторнѣе другихъ почтовыхъ домовъ. За неимѣніемъ лучшаго надо будетъ имъ воспользоваться, но единственно для обѣда. Отъ Гакгофа[3] до туда 35 верстъ, такъ какъ для избѣжанія одного дурнаго проѣзда, мы принуждены будемъ дать крюку верстъ семь или восемь. Послѣ обѣда мы отправимся къ ужину и на ночлегъ въ Нарвскій замокъ.[4] Отъ Фокенгофа до Нарвы 37 верстъ. На слѣдующій день намъ придется отобѣдать въ Нарвѣ, и для того чтобы принцессы не соскучились, я имъ предложу, если погода будетъ хороша, совершить прогулку къ водопаду. Отобѣдавъ въ Нарвѣ, мы отправимся къ ужину и на ночлегъ въ Ямбургъ. На другія сутки мы будемъ обѣдать въ Сельцѣ, гдѣ есть большой деревянный домъ, принадлежащій гр. Сиверсу.[5]

Примѣчанія:

Письмо это сохранилось въ государственномъ архивѣ, но безъ приписки (*P. S.*), заключающей маршрутъ.

[1] Фамилія Ваггерсгеймъ принадлежитъ къ эстляндскому дворянству съ 1547 года, владѣетъ имѣніями съ 1634 и внесена въ матрикулъ въ 1746 году.

[2] Не знаемъ почему Черкасовъ писалъ *Yess* вмѣсто *Yeve*.

[3] Гакгофъ очевидно составленъ изъ словъ Hof (дворъ) и Hacken (десятина), точно такъ же какъ Фокенгофъ означаетъ дворъ г. Фока.

[4] Екатерина II отмѣтила ночлегъ въ Нарвѣ. См. № XX.

[5] Баронесса Икскуль, дочь графа Якова Ефимовича Сиверса (см. *Рус. Вѣстн.* за январь 1870 года, стр. 16, 22, 23, 31, 91, 105 и 134), продала Сельцо генералу отъ артиллеріи барону Н. И. Корфу, скончавшемуся въ С.-Петербургѣ въ 1869 году. Деревянный домъ о которомъ здѣсь идетъ рѣчь сгорѣлъ тому уже нѣсколько времени.

XIV.

Czerkassow à l'Impératrice.

Catherinendahl, le 2 de Juin 1773, à midi.

Madame!

Hier vers minuit j'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de V. M. I. écrite le 30 de May. Je ne puis pas comprendre, comment ma lettre du 25, que j'ai envoyé ce jour là à la poste à 2 heures après-midi avec ordre de l'expédier aussitôt avec une estafette, ne soit parvenue à Czarskoésélo que le 30. Le maître de Poste de Reval, Hoffman, m'assure qu'il l'a expediée aussitôt qu'il l'eût reçue. Ayez la grâce, Madame, d'ordonnér au Directeur de Poste à Pétersbourg d'examiner le Postillon, qui lui a remis ma dépêche. Ainsi, de Postillon à l'autre, il decouvrira où était la faute. J'espère pourtant que le paquet qui contenait ma lettre était bien cacheté.

Le C-te Panine a grand tort de vouloir conduire vos affaires à sa façon. A peine peut-il se conduire lui-même et cela assez mal, Dieu sçait. Mais n'y a-t-il pas moyen de lui faire produire la Lettre d'Assebourg? Autant que je puis juger par la lettre du Roi de Prusse au C-te Solms, dont V. M. m'avez envoyé la copie, il me semble que le C-te Panine est allé dans cette affaire beaucoup plus loin qu'il ne devait. Cela pourrait bien être une raison pourquoi il ne veut pas vous montrer la lettre en question. Je souhaite de me tromper dans ma conjecture. Cela vous epargnerait un deplaisir.

Je suivrai ponctuellement les ordres de V. M. au sujet du C-te André: comme aussi dans les autres points de ma conduite vis-à-vis des Princesses; je tâcherai de leur faire adopter avec moi une façon d'agir franche et sans détour. Sie müſſen recht wunderlich ſeyn, wenn Sie Sich damit begnügen wollen: und mögen Sie gehen wo Ihro Majeſtät Sie in dem Fall vorweiſen. Je n'ose pas me servir de l'expression énergique de V. M.

Je suis très charmé, Madame, de ce que le Prince Orlow est remis dans l'exercice de toutes ses charges. Surement il s'en acquittera aussi bien que par le passé, c'est-à-dire tres-bien. J'ai déjà prié l'autre jour Monsieur Kosmyn de lui dire de ma part, que j'étais fort aise de ce qu'il cesserait *Бакшишъ Бить*. Il n'est pas né pour ce metier-là et il s'y prenait mal à mon avis.

Hier j'ai marqué à V. M. quelques une des bagatelles que j'ai préparées pour les Princesses à Catherinendahl. Ce matin j'ai commencé à déjeûner publiquement. J'ai donné à quelques Dames et Cavaliers de Reval, du chocolat, du café et du thé; et cela sur le balcon du château. Il en coutera peut-être quel-

ques soupirs à *mon Oncle*: mais aussi de quoi s'avise-t-il d'être avare?...

Votre volonté soit faite à l'égard de Koelchen. Il est plus ancien que Beck, et sans comparaison plus habile.

Спаси Богъ Лорда Букингама! Не ударилъ меня лицомъ въ грязь. Votre Majesté pouvez-être sûre d'avoir aussi la châine pour ce bijou. J'ai encore 2.800 et quelques Roubles de Votre argent. Je suis seulement fâché que la châine ne soit déjà faite. On peut donc se fier à Mylord Buckingham, même dans des choses de goût! Qui l'eut pourtant crû à son encolûre? Et puis, fiez-vous aux apparences....

En vérité, je ne sais que pensez de ce que le 18 de May on n'a encore rien sû à Berlin que Votre Fregate était arrivée à Travemünde le 14. Le Prince Dolgorouky est-il toujours bien informé de ce qui se passe dans le Monde?

Je supplie V. M. I. de vouloir bien Vous rappeller un moment, que j'ai un goût decidé pour les balcons, qui donnent sur la Néwa, et que Vous m'avez promis de me faire l'honneur de diner chez moi à côté d'une cheminée Anglaise, dont Vous m'avez fait présent.

J'ai l'honneur d'être, etc.

Черкасовъ императрицѣ.

Содержаніе: Полученіе письма отъ 30го мая. — Запоздавшая эстафета Черкасова.—Графъ Панинъ.—Предположенія. — Какъ Черкасовъ будетъ держать себя въ отношеніи принцессъ.—Кн. Орловъ не былъ рожденъ для того чтобы баклуши бить. — Завтракъ предъ публикой въ Екатерингенталѣ отъ котораго не поздоровится оберъ-гофмаршалу.—Д-ра Кёльхенъ и Бекъ.—„Итакъ, на лорда Букингама можно положиться и въ дѣлахъ якуса! Кто бы это подумалъ, судя по его наружности?"—Предпочтеніе къ балконамъ выходящимъ на Неву и къ англійскимъ печамъ. — Обѣщаніе давнее императрицей обѣдать у Черкасова.

Изъ Екатерингенталя, 2го іюня 1773, въ полдень.

Всемилостивѣйшая государыня!

Вчера около полуночи имѣлъ я честь получить письмо В. И. В—ства, написанное 30го мая. Не могу понять какимъ образомъ письмо мое отъ 25го, которое я въ этотъ день отослалъ на почту въ два часа пополудни, приказавъ отправить оное сейчасъ съ эстафетой, прибыло въ Царское Село только 30го. Ревельскій почтмейстеръ Гофманъ увѣряетъ меня что отправилъ его немедленно по полученіи. Будьте столь добры, всемилостивѣйшая государыня, прикажите с.-петербургскому почтъ-директору [1] допросить почтальйона который ему вручилъ мою депешу. Обращаясь затѣмъ отъ одного почтальйона къ другому, онъ откроетъ по чьей винѣ это случилось. Однакожъ надѣюсь что печать не была попорчена [2] на конвертѣ въ который вложено было мое письмо.

Гр. Панинъ горько ошибается, думая вести дѣла на свой ладъ. Онъ едва-едва умѣетъ вести себя самого и то, Богу извѣстно, довольно плохо. Но неужто нѣтъ средства заставить его показать письмо

Ассебурга? Сколько я могу судить по письму короля Прусскаго гр. Сольмсу, съ котораго В. В—ство изволили мнѣ прислать копію, мнѣ кажется что гр. Паникъ черезчуръ далеко зашелъ по этому дѣлу. Вотъ вѣроятно почему онъ и не хочетъ показать помянутое письмо. Я желалъ бы ошибиться въ своемъ предположеніи. Это избавило бы васъ отъ непріятности.

Съ величайшею точностью выполню приказанія В. В—ства какъ касательно гр. Андрея, такъ и въ другихъ пунктахъ моихъ отношеній съ принцессами. Постараюсь пріучить ихъ поступать со мною откровенно и безъ обиняковъ. Онѣ должно-быть ужъ слишкомъ причудливы если этимъ не удовольствуются, и пусть онѣ отправятся въ такомъ случаѣ туда куда В. В—ство указать изволили (нѣмецкій текстъ).... Не смѣю употребить энергическое выраженіе В. В—ства. Я очень радъ, всемилостивѣйшая государыня, что князь Орловъ снова введенъ въ отправленіе всѣхъ своихъ должностей. Безъ сомнѣнія, онъ станетъ отправлять ихъ точно такъ же какъ и прежде, то-есть очень хорото. Я уже намѣдни просилъ г-на Козьмина сказать ему отъ меня сколь я радуюсь что онъ перестаетъ *баклуши бить*. Онъ не рожденъ для подобнаго ремесла и, по-моему, принимался за него дурно.

Вчера писалъ я В. В—ству о нѣкоторыхъ бездѣлушкахъ которыя я приготовилъ въ Екатерингенталѣ для принцессъ. Нынче утромъ я началъ завтракать въ присутствіи публики. Я угостилъ нѣсколькихъ ревельскихъ дамъ и кавалеровъ шоколатомъ, кофеемъ и чаемъ. Это происходило на дворцовомъ балконѣ. Быть-можетъ *мой дядюшка* поплачетъ надъ этимъ; но кто же его просить скряжничать?

Да будетъ воля ваша относительно Кёльхена. Онъ старше Бека и безъ сравненія искуснѣе.

Спаси Богъ лорда Букингама! Не ударилъ меня лицомъ въ грязь (русскій текстъ).... В. В—ство можете быть увѣрены что получите и цѣлочку къ этимъ часамъ. У меня еще есть слишкомъ 2.800 руб. вашихъ денегъ. Сожалѣю только что цѣлочка еще не сдѣлана. Итакъ, можно положиться на лорда Букингама [3] даже въ дѣлахъ вкуса! Кто бы это однакожь подумалъ глядя на его неуклюжую шею? Послѣ этого, вѣрьте наружности....

Въ самомъ дѣлѣ, я ужь не знаю что думать о томъ что 18го мая еще ничего не знали въ Берлинѣ о прибытіи вашего фрегата 14го мая въ Травемюнде. Князь-то Долгоруковъ всегда ли знаетъ [4] то что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ?

Убѣдительнѣйше прошу В. И. В—ство изволить вспомнить когда-нибудь что я чрезвычайно люблю балконы имѣющіе видъ на Неву, и что вы мнѣ обѣщали удостоить меня чести отобѣдать у меня возлѣ англійскаго камина который вы мнѣ подарили въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ.

Честь имѣю быть и пр.

Примѣчанія:

Сохранившійся у насъ черновой отпускъ этого письма провѣренъ и исправленъ по подлиннику находящемуся въ государственномъ архивѣ. Надъ первымъ написано: „à 8 h. du matin", а надъ вторымъ: „à midi".

[1] С.-петербургскимъ почтъ-директоромъ былъ, чуть ли не въ продолженіе всего царствованія Екатерины, тайный совѣтникъ Авг. Ѳед. Ганъ, съ которымъ она, несмотря на зависимость его отъ вице-канцлера (см. примѣчанія къ №№ I—IV), очень часто сносилась непосредственно и большею частію письменно. Собственноручныя записочки ея къ нему хранились какъ драгоцѣнность у сына его, сперва бывшаго его помощникомъ, а потомъ членомъ упраздненнаго нынѣ почтоваго совѣта, дѣйств. ст. сов. Ѳед. Авг. Гана. Старшій изъ трехъ сыновей его, Евгеній Ѳедоровичъ, состоитъ нынѣ сенаторомъ. Очень можетъ быть что Авг. Ѳед. Ганъ доставилъ императрицѣ депешу Фридриха II къ гр. Сольмсу и вообще обо многомъ увѣдомлялъ ее мимо гр. Панина.

[2] Въ письмѣ своемъ отъ 25го мая (№ IX) баронъ Черкасовъ далеко не дружелюбно отзывался о вице-канцлерѣ; а такъ какъ оно запоздало, то очень естественно безпокоился о цѣлости печати на своемъ конвертѣ и о томъ не попало ли оно въ руки угодниковъ графа.

[3] О князѣ Орловѣ, статсъ-секретарѣ Козьминѣ, о д-рѣ Кѣльхенѣ и лордѣ Букингамѣ см. примѣчанія къ предшествующимъ №№ I, IX и XII.

[4] Эскадра прибыла въ Травемюнде только 17го мая, и 18го князь Долгоруковъ, находясь въ Берлинѣ, дѣйствительно не могъ этого знать. (См. предисловіе къ настоящей корреспонденціи.)

XV.

Catherine II à Czerkassow.

Ce 2 Juin 1773.

Monsieur le Baron Czerkassow! J'ai reçu avant-hier au soir votre lettre du 29 et n'y trouvant rien de bien pressé pour m'obliger à y répondre sur le champ, jai différé de l^e faire jusqu'à l'arrivée de la Poste, tant pour voir ce qu'elle m'apporterait, que pour vous envoyer les Gazettes Anglaises que vous trouverez ci jointes. Cette poste m'a apporté effectivement une lettre du Prince Dolgorouky de Berlin dont je vous envoye une copie: j'y ai trouvé jointe une lettre de la Landgrave en réponse à la mienne par laquelle elle me confirme ce que me dit le susdit Prince; d'après ces lettres et ayant calculé tant

bien que mal, je compte que cette Princesse est en mer depuis cinq jours et peut-être vous arrivera-t-elle avec cette lettre en même temps. J'attendrai de vous le registre de la route; mais je souhaiterais que vous puissiez régler la route de telle façon que Madame la Landgrave puisse arriver à l'improviste; mais motus sur cet article. Je suis toute decidée de leur faire éviter Krasnoé-Sélo; parce qu'outre le camp, je crains que toute la ville ne s'y trouve par un mouvement de curiosité et sans s'être concertée. Adieu, portez-vous bien. Nous avons été hier manger du lait chez Tatiana et crainte que la compagnie n'en emporta une indigestion, je suis revenue à pied avec la plus grande partie de mon monde.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Полученіе его донесенія отъ 29го мая. — Присылка англійскихъ газетъ и копіи съ депеши князя Долгорукова, россійскаго посланника въ Берлинѣ.—Еще письмо ландграфини.—Маршрутъ.—Лагерь въ Красномъ Селѣ.—Прогулка на ферму къ Татьянѣ.—*Приложеніе.* Описаніе аудіенціи князя Долгорукова у ландграфини.

Сего 2го іюня 1773.

Г. баронъ Черкасовъ! Я получила третьяго дня, вечеромъ, ваше письмо отъ 29го и такъ какъ не нашла въ немъ ничего что бы требовало отъ меня немедленнаго отвѣта, я отложила оный до прибытія почты, на случай не привезетъ ли она мнѣ чего и дабы вамъ переслать англійскія газеты. Почта дѣйствительно привезла мнѣ изъ Берлина письмо князя Долгорукова. съ котораго посылаю вамъ копію и къ которому приложенъ былъ отвѣтъ ландграфини на мое письмо. Она пишетъ мнѣ то же самое что и вышепоименованный князь. По приблизительному разчету, основанному на сихъ письмахъ, полагаю что эта принцесса уже дней пять на морѣ и, бытьможетъ, достигнетъ Ревеля одновременно съ сими строками. Буду ожидать отъ васъ маршрута; но я желала бы чтобы вы могли устроить путешествіе такимъ образомъ чтобы ландграфиня могла бы пріѣхать (какъ бы) внезапно; но держите эту статью въ секретѣ. Я вполнѣ рѣшилась устроить такъ чтобы онѣ (принцессы) миновали Красное Село, такъ какъ кромѣ находящагося тамъ лагеря, я боюсь какъ бы весь городъ (всѣ петербургскіе жители) не перебрался туда изъ простаго любопытства и даже не сговорившись объ этомъ. Мы были вчера у Татьяны, ѣли у ней простоквашу и изъ опасенія чтобъ это не отозвалось нашей компаніи разстройствомъ желудка, я возвратилась пѣшкомъ съ большею частію приглашенныхъ.

Примѣчаніе. Для гг. военныхъ любопытно будетъ узнать что уже тому почти сто лѣтъ устраивался лагерь въ Красномъ Селѣ. Нельзя не сожалѣть что ни въ этомъ, ни въ послѣдующихъ письмахъ не заключается ни малѣйшаго намека на тогдашній составъ

его. Что же касается до фермы Татьяны, то у насъ въ настоящее время нѣтъ подъ рукой гофъ-фурьерскаго журнала и никакого историческаго описанія Царскаго Села, по которымъ, быть-можетъ, удалось бы опредѣлить была ли эта молочная ферма казенная или частная. Сколько намъ извѣстно, въ настоящее время тамъ ничего подобнаго нѣтъ; а есть фермы въ Павловскѣ, Гатчинѣ и т. п. Manger du lait мы не могли перевести выраженіемъ *пить* молоко; ибо еслибы тутъ не была очевидно рѣчь о густомъ молокѣ, то сказано бы было *boire* du lait.

Приложеніе къ № XV.

Копія съ письма князя Долгорукова изъ Берлина, отъ 21го маія 1773.

По титулѣ.

Собственноручное В. І. В—ства высочайшее писаніе, отъ 28го минувшаго апрѣля, удостоился получить исправно вчерась по-утру, черезъ флота лейтенанта Шубина; при письмѣ г. Г. М. Ребиндера, который по десяти-дневномъ пути съ тремя фрегатами 17го (28го) сего мѣсяца благополучно прибылъ въ Любекъ.

Я немедленно ѣздилъ къ владѣющей ландграфинѣ Гессенъ-Дармштадтской и вручилъ ея свѣтлости В. И. В—ства грамоту, на которую при семъ прилагаю отвѣтъ. Она мнѣ показалась очень чувствительна и благодарна за всѣ В. І. В—ства къ ней милости; и сказала что она камѣрека спѣшить своимъ отъѣздомъ какъ возможно скорѣе, и что конечно въ будущую пятницу отправится въ Любекъ, куда прибыть надѣется въ воскресенье.

XVI.

Catherine II à Czerkassow.

Ce 3 Iuin 1773.

Monsieur le Baron Czerkassow! Ce matin par une estafette de Berlin du Prince Dolgorouky est arrivée la lettre et le registre dont ci-jointe vous trouverez la copie. Je n'ai rien de plus pressé que de vous envoyer cette nouvelle et j'attends à présent de moment en moment de votre parti celle de l'arrivée de la Cour de Darmstadt à Réval. Au reste, je vous réitère de faire de votre mieux, pour que mes intentions en tout point soyent remplies. Adieu, portez-vous bien.

Caterine.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Присылка другаго всеподданнѣйшаго донесенія князя Долгорукова.—Приближающееся прибытіе принцессъ.—Приказанія. *Приложеніе:* Болѣзнь принцессы Луизы Гессенской. — Отъѣздъ ландграфини въ Любекъ.—Ея свита.

Сего 3го іюня 1773.

Г. баронъ Черкасовъ! Нынче утромъ, съ эстафетой князя Долгорукова, изъ Берлина, получила я препровождаемыя при семъ въ конціяхъ письмо и списокъ. Спѣшу переслать вамъ ихъ и ожидаю теперь отъ васъ съ часу на часъ извѣстія о прибытіи Дармштадтскаго двора въ Ревель. Впрочемъ, повторяю: всячески старайтесь чтобы мои намѣренія были, во всѣхъ отношеніяхъ, приведены въ исполненіе. Прощайте, будьте здоровы.

Екатерина.

Приложеніе къ № XVI.

Отъ князя Долгорукова изъ Берлина отъ 24го майя (4го іюня) 1773.

Владѣющая ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская, сего утра въ шесть часовъ отсюда съ тремя принцессами ея дочерьми, хотя меньшая еще нѣсколько слаба въ своемъ здоровьи, поѣхать изволила въ Любекъ, куда прибыть намѣрена въ будущее воскресенье, и отправится въ море какъ скоро заблагоразсудитъ главнокомандующій фрегатами ея императорскаго величества туда на сихъ дняхъ прибывшими, а какъ статься можетъ что ея свѣтлости вѣтеръ послужитъ и она потому скорѣе сего письма въ Россію прибудетъ, то почелъ я за нужное оное отправить чрезъ нарочную эстафету, дабы заблаговременно о томъ довесть, и ея свѣтлости прибытіе къ намъ предупредить симъ моимъ донесеніемъ. Для любопытства прилагаю при семъ списокъ по которому усмотрѣть изволите въ чемъ свита и экипажъ ея свѣтлости состоитъ.

XVII.

Czerkassow à Catherine II.

De Catherinendahl, ce 4 de Juin 1773.

Madame!

Profitant du depart du Comte Tiesenhausen, qui aura l'honneur de Vous presenter cette lettre, j'ai cru de mon devoir de vous demander les ordres de V. M. I. au sujet des denrées, que la noblesse de l'Esthonie s'est engagée à fournir pour la table de Madame la Landgrave, à son passage entre Catherinendahl et Narva. Les payerai-je ou non? En tout cas, je leur

ai demandé la taxe; mais je m'y comporterai conformément à Vos ordres. En general, je puis assurer V. M. I. qu'il n'y a rien, relativement à ma commission, à quoi cette Noblesse ne se pretât de tres-bonne grace, jusqu'à me prevenir sur quantité de choses, auxquelles je n'aurai jamais songé. Témoin la sœur du porteur de cette lettre Madame d'Ungern-Sternberg, qui a offert un fort beau lit de Damas verd, des fauteuils de même et sa Toilette d'argent, pour les placer dans la Chambre à coucher de Madame la Landgrave. Ils disent que Vous voulez apparemment que cette Princesse soit très-bien reçue, puisque vous avez envoyé à sa rencotre *un personnage de mon importance*. Comme ils changeraient de ton, s'ils savaient les belles epithètes, dont vous m'honorez quelquefois, lorsque vous avez du guignon, au Cribbage surtout.

J'ai l'honneur, etc.

Черкасовъ Екатеринѣ II.

Содержаніе: Гр. Тизенгаузенъ. — Эстляндское дворянство будетъ доставлять припасы во время путешествія ландграфини.—Баронесса Унгернъ прислала свою мебель въ Екатериненталь.—Заключенія выводимыя изъ присылки важной особы на встрѣчу ландграфини. — Воспоминанія о криббиджной игрѣ.

Изъ Екатериненталя, сего 4го іюня 1773.

Всемилостивѣйшая государыня!

Пользуясь отъѣздомъ графа Тизенгаузена,[1] который будетъ имѣть честь представить вамъ это письмо, считаю своею обязанностью испросить приказаній вашихъ о съѣстныхъ припасахъ которые эстляндское дворянство обязалось доставлять для стола ландграфини въ проѣздъ ея отъ Екатериненталя до Нарвы. Долженъ ли я буду за нихъ платить или нѣтъ? На всякій случай я спросилъ у нихъ (дворянъ) таксу; но поступлю согласно указаніямъ которыя получу отъ васъ. Вообще, могу увѣрить В. И. В—ство что во всемъ что̀ касается возложеннаго на меня порученія, это дворянство усердно старается мнѣ помочь, напоминая мнѣ даже о множествѣ вещей о которыхъ я бы никогда и не подумалъ. Такъ, баронесса Унгернъ-Штернбергъ, сестра подателя сихъ строкъ, прислала, для опочивальни ландграфини, прекрасную кровать съ зелеными штофными занавѣсами, нѣсколько такихъ же креселъ и туалетъ изъ чистаго серебра. Они говорятъ что вы должно-быть хотите чтобъ эта принцесса была очень хорошо принята, ибо выслали ей на встрѣчу *такую важную особу как*ъ *я*.... О, какъ бы они перемѣнили тонъ еслибы знали какими прозвищами вы меня порой чествуете, особенно когда вамъ не везетъ въ криббиджной игрѣ!

Честь имѣю, и пр.

Примѣчанія:

Это письмо провѣрено по сохранившемуся въ государственномъ архивѣ подлиннику.

[1] Здѣсь идетъ рѣчь о графѣ Конрадѣ-Владимірѣ Тизенгаузенѣ. Его родная сестра, Дарья Андреевна, была за барономъ Унгернъ-Штенбергомъ (см. *Росс. Род. Кн.* т. III, С.-Петербургъ 1856, стр. 268). Бароны Унгерны владѣльцы острова Даго, близъ Гапсаля. Одинъ изъ нихъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, производилъ контрабанду самымъ постыднымъ образомъ, за что и былъ сосланъ въ Сибирь. Онъ устроилъ на островѣ Даго маякъ съ подводными камнями, о которые разбивались привлеченныя такимъ образомъ и искавшія у него убѣжища купеческія суда.

XVIII.

Czerkassow à l'Impératrice.

Catherinendahl, le 5 Juin 1773.

Madame!

Hier après minuit ou plutôt ce matin à une heure, j'ai reçu la lettre de V. M. I. écrite le 2 de ce mois. Ses calculs pourraient être justes, si le voyage n'était pas par mer, mais les vents contraires qui soufflent depuis quelques jours, pourraient bien y porter du retardement. Ainsi je suis tout-à fait incertain sur le moment de l'arrivée des Princesses. Mais je me tiens prêt à les recevoir le jour ou la nuit: c'est à Elles de choisir le tems du débarquement. Hier j'ai eu l'honneur d'écrire à V. M. par le Comte de Tiesenhausen et outre ma lettre, je lui ai encore donné un billet par lequel le Maître de Poste d'ici m'avertit du jour du départ des Princesses de Berlin. J'arrangerai le voyage en sorte que Madame la Landgrave puisse venir diner à Gatschina, si elle n'aura rien à redire à mon projet; Le voilà tel que je l'ai conçu: Après avoir dîné ici, nous irons souper et coucher à Kolck. Le lendemain nous dînerons à Yévé, souperons et coucherons à Hackhof. Le troisième jour nous dinerons à Fockenhof et irons souper et coucher au château de Narva. Le quatrième jour nous dînerons aussi à Narva et irons souper et coucher à Yambourg. Le cinquième jour nous dînerons à Czircovitz, souperons et coucherons à Seltzo. Le sixième jour nous viendrons dîner à Gatschina. Le séjour un peu long à Narva est absolument nécessaire pour la commodité des voyageurs et du transport des choses nécessaires pour leur table. Je joins ici une copie de toute la route depuis Catherinendahl jusqu'à Kipen.

Ayez la grâce, Madame, d'ordonner que l'on nous montrât s'il y a là un chemin particulier de Kipen à Gatschina sans toucher à Krasnoe-Celo. Afin que le Comte André ne nous causât quelque embarras imprévu, ordonnez, Madame, au Comte Ivan Czernischeff de lui expédier un ordre du Collège de l'Amirauté qu'il ait à se rendre à Czarsco-Celo, aussitôt qu'il

aura débarqué ici. On peut lui faire entendre ensuite que c'était par impatience de lui demander des nouvelles relatives aux Princesses et à leur trajet.

J'ai l'honneur d'être, etc.

P. S. Au moment où j'allais cacheter ma lettre, on m'apporte celle que V. M. m'avez écrite le 3 de ce mois, avec les incluses copies: 1°, De la lettre du Prince Dolgorouky, 2°, De la liste de la suite des Princesses à leur départ de Berlin. Je souhaite pouvoir dans quelques heures d'ici, expédier une estafette avec la nouvelle tant souhaitée (au moins par moi), de leur heureuse arrivée ici. De mon côté, j'ose réitérer à V. M. que je ferai tout ce qui dependera de moi pour bien remplir Vos ordres en tout. Si je n'y réussis pas, ne Vous en prenez qu'à Vous-même, Madame, pour avoir chargé un maladroit d'une pareille commission. Y ai-je jamais songé avant que V. M. m'en ayez parlé pour la première fois, le 22 Avril, pendant que l'on servait à dîner dans Votre Galerie à Czarsko-Célo? J'y ai aspiré encore moins. Je sais que ce qui Vous plâit est bon et honnête, etc.

Черкасовъ императрицѣ.

Содержаніе: Полученіе письма отъ 2го іюня. — Противный вѣтеръ, вслѣдствіе коего нельзя опредѣлить день прибытія ландграфини.—Гр. Тизенгаузенъ.—Маршрутъ ландграфини, разчитанный на 7ми-суточное путешествіе.—Графы Разумовскій и Чернышевъ. *Приписка* (P. S.). Полученіе письма отъ 3го іюня.—„Если потерплю неудачу, пеняйте сами на себя.“—Черкасовъ никогда и не помышлялъ объ этомъ порученіи до камеръ сдѣланнаго ему императрицей.—Онъ знаетъ что она любитъ лишь доброе и честное.

Екатеринентальъ, 5го іюня 1773.

Всемилостивѣйшая государыня!

Вчера послѣ полуночи, или, вѣрнѣе сказать, нынче въ 1 ч. утра, имѣлъ я честь получить письмо В. И. В—ства написанное 2го числа сего мѣсяца. Вашъ разчетъ могъ бы быть вѣренъ еслибы путешествіе не совершалось моремъ; но дующіе уже нѣсколько дней противные вѣтры могутъ произвести задержку. Вслѣдствіе этого я въ совершенномъ недоумѣніи касчетъ времени пріѣзда принцессъ. Я готовъ принять ихъ и днемъ и ночью: пусть же сами выбираютъ время прибытія. Вчера я имѣлъ честь писать В. В—ству чрезъ графа Тизенгаузена и кромѣ письма моего къ вамъ вручилъ ему записочку, которою здѣшній почтмейстеръ увѣдомилъ меня о днѣ отъѣзда принцессъ изъ Берлина. Я дорогой распоряжусь такъ чтобы ландграфиня, если она ничего не будетъ имѣть противъ проектированнаго мною маршрута, прибыла въ Гатчину къ самому обѣду. Вотъ какъ я это придумалъ: отобѣдавъ здѣсь, мы отправимся для ужина

и ночлегъ въ Колкѣ; на другой день мы пообѣдаемъ въ Іевѣ, поужинаемъ и будемъ имѣть ночлегъ въ Гакговѣ. На третій день мы пообѣдаемъ въ Фокенгофѣ и проберемся къ ужину и ночлегу въ Нарвскій замокъ. Въ четвертый день мы также пообѣдаемъ въ Нарвѣ и найдемъ ужинъ и ночлегъ въ Ямбургѣ. Въ пятый день мы отобѣдаемъ на станціи Чарковицы и будемъ имѣть ужинъ и ночлегъ въ Сельцѣ. Въ шестой день мы пріѣдемъ къ обѣду въ Гатчину. Нѣсколько продолжительная остановка въ Нарвѣ совершенно необходима для удобства путешественницъ и перевозки съѣстныхъ припасовъ къ ихъ столу. Представляю при семъ описаніе (копію?) всей дороги, отъ Екатериненталя до Киленя.

Будьте столь добры, всемилостивѣйшая государыня, прикажите, въ случаѣ если есть отъ Киленя до Гатчины особенная дорога, минуя Красное Село, чтобы намъ ее показали. Для того чтобы графъ Андрей (Разумовскій) не поставилъ насъ какъ-нибудь неожиданно въ затрудненіе, прикажите, всемилостивѣйшая государыня, графу Ивану Чернышеву выслать ему сюда приказаніе отъ адмиралтействъ-коллегіи, немедленно по прибытіи сюда ѣхать въ Царское Село. Можно будетъ его послѣ увѣрить что причиной этого приказанія было нетерпѣніе имѣть чрезъ него извѣстія о принцессахъ и объ ихъ рейсѣ.

Честь имѣю, и пр.

P. S. Въ ту минуту когда я собирался запечатать мое письмо, мнѣ привезли письмо написанное мнѣ В. В—ствомъ 3го числа сего мѣсяца съ приложенными къ нему коліями: 1) письма князя Долгорукова, 2) списка лицамъ составлявшимъ свиту принцессъ, при отъѣздѣ ихъ изъ Берлина. Мнѣ бы очень хотѣлось черезъ нѣсколько часовъ отправить эстафету со столь желаннымъ (по крайней мѣрѣ мною) извѣстіемъ о благополучномъ пріѣздѣ ихъ сюда. Съ своей стороны осмѣливаюсь повторить В. В—ству что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, дабы во всѣхъ отношеніяхъ хорошо выполнить ваши приказанія. Еслиже я потерплю неудачу, то ужь пеняйте сами на себя за то что дали такое порученіе человѣку неловкому. Помышлялъ ли я когда-либо объ этомъ порученіи до того времени когда В. В—ство мнѣ сдѣлали первый намекъ на оное, 22го апрѣля, въ то время какъ вы изволили обѣдать въ своей царскосельской галлереѣ?... Я еще менѣе его домогался. Я знаю что вы любите лишь доброе и честное.

Примѣчаніе.

Въ 1мъ примѣчаніи къ № XIII сказано было что маршрутъ приложенный будто бы къ нему въ видѣ приписки не сохранился въ государственномъ архивѣ. На это донесеніе отъ 1го іюня Екатерина II отвѣчала 7го числа (№ XIX), одновременно и довольно глухо увѣдомляя Чоркасова о полученіи еще двухъ другихъ его писемъ,

но такъ какъ настоящій, написанный 6го іюня, маршрутъ (№ XVIII) заключаетъ сокращенное повтореніе прежняго, да еще съ приложеніемъ списка станцій (см. № XX), и такъ какъ имѣнно въ отвѣтъ на это самое донесеніе (№ XVIII) Екатерина II отмѣнила предположенный ночлегъ въ Нарвѣ (ср. № XX), то кажется надо полагать что первоначальный маршрутъ вовсе не былъ посланъ императрицѣ. Если не ошибаемся, имѣніе *Чиркомцы* прежде принадлежало покойному государственному контролеру А. З. Хитрово и отдано было въ приданое его дочери, бывшей въ замужествѣ за сенаторомъ Домауровымъ.

XIX.

Catherine II à Czerkassow.

Ce 7 Juin 1773.

Monsieur le Baron Czerkassow! J'ai aujourdhui à repondre à trois de vos lettres et à vous envoyer les gazettes Anglaises. Dans celle du 1er Juin vous me dîtes que vous attendez vos Princesses et que vous êtes armé jusqu'au dents pour les recevoir. Vraiment, je suis charmé que votre esprit ait fait une aussi grande déployade d'attention, que de préparer jusqu'à des Clarinettes et un lieu pour déjeuner; j'ai toujours dit qu'avec le temps vous diviendriez un joli garçon et je vois avec plaisir que vous allez être poli et ferme comme un morceau d'acier, mais n'allez pas au moins vous rouiller comme les piliers de mon faéton, auquel j'ai donné le noble nom de pâté. Je compte que vous aurez vos princesses ce jourd'hui entre vos bras, car les voilà depuis quatorze jours parties de Berlin pour Lübeck, en dépit des Politische Kannengießer de Réval qui les faisaient changer de route. La place de Kammer-Mädchen restera vacante; c'est apparemment une de vos maîtresses que vous prétendez fourrer là. Voilà ce que c'est que de hanter des gens médisans, comme vous: on le devient aussi. Par votre lettre du 2 de Juin vous prétendez avoir donné le 25 de May une lettre à la poste, mais le régistre que j'ai vû nie le fait. *La maladie n'est pas de conséquence, et le jeu ne vaut pas la chandelle.* Prononcez cette tirade à la Lew Alexandrovitsch, quand il contrefait Lévascheff, entendez-vous? Comment va votre santé? Vous traitez donc les Dames de Réval à mes dépens avec du chocolat, du café et du thé, mais voyez donc ce verd galand qui ruine ses amis pour se faire des conquêtes; *mon Oncle* grognera sans faute. et il aura deux peines, l'une de se fâcher, et l'autre de se défâcher, car jamais on ne pourra lui faire rendre le chocolat avalé. Hier le Comte Tiesenhausen m'a apporté votre lettre du 4 de ce mois, où vous me demandez des ordres au sujet des denrées que la noblesse de l'Esthonie s'est engagée à fournir pour la table des Princesses depuis Catherinendahl

jusqu'à Narva, si vous devez les payer ou non. Voici mon avis. La chancellerie de la cour a, je crois, fait ses arrangements pour le défrayement des Princesses, plus que elle nous n'avons rien à payer, et il dépend de la noblesse de faire un extra à ses frais si elle le juge à propos; vous ne vous en mêlerez point. Mais entre nous soit dit, ces Princesses deviendront grasses comme des poulardes en chemin, si on les nourrira à chaque pas. Ainsi soit il: tenez-vous en à mes prescriptions, *Monsieur le personnage d'importance*, et laissez la Province faire ce qui lui plaît, pourvu qu'elle ne fasse point de bêtises. Adieu, portez-vous bien, а я купаться пойду à votre santé. Bonjour mon cœur! Que dira la posterité quand elle verra cette lettre. Elle fera des conjectures et elle se trompera.

Caterine.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Увѣдомленіе о полученіи отъ него трехъ донесеній.— Одобреніе и шутки по поводу приготовленій въ Екатериненталѣ.—Ландграфиня пріѣдетъ несмотря на ревельскія сплетни.—Мѣсто придворной горничной останется не занятымъ. — Злословіе заразительно. — Потерянное письмо.—Совѣтъ попробовать передразнивать Нарышкина.—Онъ будетъ ворчать насчетъ завтраковъ даваемыхъ ревельскимъ дамамъ, и будетъ имѣть разомъ двойной трудъ...—Графъ Тизенгаузенъ.—„Пусть провинція дѣлаетъ что̀ хочетъ, лишь бы она не дѣлала глупостей." - Принцессы рискуютъ разтолстѣть какъ пулярки.—*Важная особа.*—„Что̀ скажетъ потомство, увидя это письмо?"

Сего 7го іюня 1773.

Г. баронъ Черкасовъ! Мнѣ приходится отвѣчать сегодня на три вашихъ письма и выслать вамъ англійскія газеты. Отъ 1го числа іюня вы мнѣ пишете что ожидаете своихъ принцессъ и совершенно приготовились ихъ принять. Я, право, въ восхищеніи что вы изощрили свой умъ до такой степени вниманія что даже приготовили кларнеты ко времени стола. Я всегда говорила что современемъ вы сдѣлаетесь премилымъ мальчикомъ и вижу, съ радостію, что вы отполировались и затвердѣли какъ сталь; но пожалуста не покрывайтесь ржавчиной какъ рессоры моего фаэтона, которому я дала благородное названіе пирога. Надѣюсь что сегодня ваши принцессы будутъ въ вашихъ объятіяхъ, такъ какъ вотъ уже двѣ недѣли что онѣ выѣхали изъ Берлина въ Любекъ, несмотря на ревельскихъ *сплетниковъ по части политики*, которые отправляли ихъ инымъ путемъ. Мѣсто *придворной горничной* останется не занятымъ. Вы, вѣроятно, хотите сунуть туда одну изъ своихъ любовницъ... Вотъ что̀ значитъ вести знакомство съ людьми склонными къ злословію, какъ вы: въ свою очередь становишься злоязычнымъ. Въ письмѣ своемъ отъ 2го іюня, вы утверждаете будто 25го мая [1] отдали на почту письмо, кототорое однакожь не оказалось въ реестрѣ, видѣнномъ мною. *Бѣда не велика и игра не сто́итъ свѣчъ.* Произнесите эту тираду на манеръ Льва Александровича, когда онъ передразниваетъ Левашева, слышите?... Каково ваше здоровье? Итакъ, вы угощаете ре-

вельскихъ дамъ на мой счетъ шоколатомъ, кофеемъ и чаемъ; ну, посмотрите пожалуста на этого весельчака-волокиту, который раззоряетъ своихъ друзей для того чтобъ одерживать побѣды надъ прекраснымъ поломъ: *мой дядюшка* непремѣнно поворчитъ, и ему предстоитъ разомъ двойной трудъ: посердиться и уходиться, такъ какъ ему никогда не вернуть уже выпитый шоколатъ. Вчера графъ Тизенгаузенъ привезъ мнѣ письмо ваше отъ 4го числа сего мѣсяца, коимъ вы спрашиваете моего приказанія должны ли вы платить или нѣтъ за съѣстные припасы которые эстляндское дворянство обязалось доставлять для стола принцессъ на разстояніи отъ Екатериненталя до Нарвы. Вотъ мое мнѣніе. Полагаю что придворная контора приняла мѣры для продовольствованія принцессъ; за симъ мы не обязаны дѣлать никакихъ иныхъ издержекъ; если же дворянство хочетъ сдѣлать что-нибудь особенное, отъ него зависѣть будетъ сдѣлать это на свой счетъ, и вы въ это не вмѣшивайтесь. Но, между нами будь сказано, эти принцессы дорогой растолстѣютъ какъ пулярки, если ихъ станутъ кормить на каждомъ шагу. Аминь: сообразайтесь съ моими наставленіями, *важная особа*,—и предоставьте провинціи дѣлать что она хочетъ, лишь бы она не дѣлала глупостей. Прощайте, будьте здоровы; а я купаться пойду, на ваше здоровье... Прощай, душа моя!... Что скажетъ потомство, когда увидитъ это письмо... Оно станетъ дѣлать предположенія... и—ошибется!

Екатерина.

Примѣчанія:

Изо всѣхъ писемъ императрицы къ барону Черкасову это самое шутливое и остроумное. Видно что почти все оно написано было подъ вліяніемъ самаго веселаго расположенія духа. Болѣе всѣхъ оно и представляло затрудненій по причинѣ множества галлицизмовъ (joli garçon, verd-galant) и нѣсколькихъ приведенныхъ въ немъ французскихъ поговорокъ. Мы чувствуемъ что намъ не удалось вполнѣ удовлетворительно передать выраженіе verd-galant словами „весельчакъ-волокита“; что же касается до игры словомъ *rendre*, то такую нѣсколько тривіальную остроту не возможно перевести иначе какъ напомнивъ что этотъ глаголъ, кромѣ смысла *отдачи*, имѣетъ еще другое значеніе, медицинское,—рвать, тошнить.

[1] О письмѣ Черкасова отъ 25го мая Екатерина II очевидно забыла. Она не только его получила, но и отвѣчала на него 30го числа. Она либо не хотѣла сознаться въ своей забывчивости, либо не желала того рода изслѣдованія которое предлагалъ Черкасовъ (№ XIV), вообразивъ себѣ, быть-можетъ, что отъ него пострадаетъ одинъ изъ почтальйоновъ С.-Петербургскаго почтамта. Она вообще не любила слѣдствій которыя обрушивались на мелкомъ людѣ.

XX.

Catherine II à Czerkassow.

Ce 8 Juin 1773.

Monsieur le Baron de Czercassow! J'ai reçu votre lettre du 5 de ce mois, à la quelle j'ai trouvé jointe la liste des stations; tout le reste serait assez bien, mais la couchée à Narva est de trop. Vous irez, s'il vous plaît, coucher très commodément le jour que vous dînerez à Narva, de là à Yambourg, où vous serez beaucoup plus à votre aise, je pense, et par là vous épargnerez une nuit de plus que les Princesses auraient à passer en chemin, car il n'y a rien de plus fatiguant que de se traîner ainsi longtems de station en station. Vous règlerez en conséquence votre route à moins de quelque difficulté insurmontable, ou bien que la Landgrave ne le veuille autrement. A Kipen vous trouverez quelqu'un qui vous montrera le chemin pour Gatschina. Adieu, portez-vous bien, je compte qu'à l'heure qu'il est vous avez vos Princesses.

Caterine.

Je reviens dans ce moment du déjeuner.

Екатерина II Черкасову.

О полученіи его донесенія отъ 5го іюня.—Измѣненія въ маршрутѣ.—Предположенія относительно пріѣзда ландграфини въ Ревель.—Приписка.

Сего 8го іюня 1773.

Г. баронъ Черкасовъ! Я получила ваше письмо отъ 5го числа сего мѣсяца, къ которому приложенъ былъ списокъ станцій; все остальное было бы хорошо; но ночлегъ въ Нарвѣ лишній. Въ тотъ день когда будете обѣдать въ Нарвѣ, прошу васъ отправиться преспокойно спать въ Ямбургъ. Думаю что вамъ будетъ тамъ гораздо лучше, и вы чрезъ это выиграете лишнюю ночь, которую бы принцессамъ пришлось провести въ дорогѣ; ибо ничего не можетъ быть утомительнѣе какъ таскаться такъ долго со станціи на станцію. Вы устроите согласно съ симъ ваше путешествіе, развѣ бы къ этому встрѣтилось непреодолимое препятствіе или еслибы ландграфина пожелала чтобы поступлено было иначе. Въ Кипени вы найдете нарочнаго, который вамъ послужитъ проводникомъ по дорогѣ оттуда въ Гатчину. Прощайте; будьте здоровы; надѣюсь что уже теперь ваши принцессы пріѣхали.

Екатерина.

Я только-что позавтракала.

БАРОНЪ Ѳ. БЮЛЕРЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ

ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ПАРИЖА

Подъ этимъ заглавіемъ въ декабрьской книжкѣ *Revue des deux Mondes* (къ сожалѣнію мы не получаемъ его со времени обложенія Парижа, то-есть съ сентября прошедшаго года) напечатана статья о воздухоплаваніи, которую мы заимствуемъ изъ *Indépendance belge*, куда она пробралась воздушнымъ путемъ. Авторъ ея, г. Симоненъ, неоднократно, еще до обложенія Парижа, совершавшій воздушныя путешествія, поставилъ себѣ задачей изложить все что до сихъ поръ сдѣлано по части воздухоплаванія, которое пріобрѣло въ послѣдніе мѣсяцы такое важное значеніе.

I.

Всякому извѣстно что воздушнымъ шаромъ или аэростатомъ называется сфера, пустая внутри, сдѣланная изъ самой легкой ткани, болѣе или менѣе непроницаемой. Аэростатъ наполняется газомъ который легче воздуха. Оболочка изъ которой онъ нынѣ дѣлается есть бумажная ткань, бѣлая или крашеная, носящая въ торговлѣ названіе коленкора, миткаля или перкаля. Ткань должна быть самая крѣпкая безъ всякаго изъяна при выдѣлкѣ. Непроницаемость сообщается

ей посредствомъ лака, выдѣлываемаго главнымъ образомъ изъ льняного масла съ примѣсью свинцовой окиси, отъ которой скорѣе высыхаетъ масло. Лакъ налагается не кистью, а посредствомъ мягкой втулки (tampon), чтобы удобнѣе закрыть всѣ отверстія ткани. Лакомъ покрывать необходимо два или три раза. Лучше было бы покрывать аэростатъ лакомъ и внутри и снаружи, но это не всегда исполняется; обыкновенно покрываютъ его только снаружи.

Кромѣ коленкору, главнѣйшія ткани которыя можно употреблять для воздушныхъ шаровъ суть: шелкъ, ткань однородная, очень плотная, единственный недостатокъ которой тотъ что она слишкомъ дорога, и животная перепонка (baudruche), которая очень легка, совершенно непроницаема, но не плотна и которую обыкновенно употребляютъ для аэростатовъ малаго объема. Въ 1867 году г. Жиффаръ, инженеръ, предлагалъ для выдѣлки аэростатовъ двойную оболочку изъ двухъ отдѣльныхъ кусковъ тика съ переложеннымъ между ними листомъ каучука. Посредствомъ крѣпкаго прессованія эти три слоя превращались въ одинъ. Этимъ способомъ г. Жиффаръ достигалъ почти абсолютной непроницаемости, но пріобрѣталъ оболочку довольно тяжелую. Посѣщавшіе Парижскую всемірную выставку 1867 года видѣли какъ дѣйствовалъ аэростатъ г. Жиффара на Марсовомъ полѣ передъ окончаніемъ выставки. Одинъ изъ аэронавтовъ, г. Дюпюи Делькуръ, предлагалъ сдѣлать для баллона очень тонкую металлическую оболочку, напримѣръ изъ мѣди, которая имѣла бы полную непроницаемость и съ которою можно бы путешествовать неопредѣленное время. Различныя случайности помѣшали г. Дюпюи Делькуру осуществить свою оригинальную идею.

Двѣ мастерскія, гдѣ въ настоящую минуту выдѣлываются воздушные шары вылетающіе изъ Парижа, находятся одна на станціи Сѣверной желѣзной дороги, другая на станціи Орлеанской. Первая состоитъ подъ управленіемъ гг. Йона и Дартуа, хорошо извѣстныхъ воздухоплавателямъ, вторая управляется тремя братьями Годаръ, представляющими въ искусствѣ воздухоплаванія нѣчто въ родѣ династіи. Обѣ мастерскія работаютъ подъ надзоромъ почтовой администраціи, которая воспользовалась воздухоплаваніемъ для потребностей обороны. На Сѣверной станціи для воздушныхъ шаровъ употребляютъ бѣлый коленкоръ, на Орлеанской крашеный. Обѣ ткани одинаково пригодны. Геометрическій рисунокъ аэростата дѣлает-

ся въ натуральную величину, на горизонтальномъ планѣ, по правиламъ устройства сферъ употребляемыхъ при преподаваніи географіи. На рисункѣ вырѣзываютъ каждый бокъ или полотнище шара, и бока тщательно сшиваются, посредствомъ машины на Сѣверной станціи, и посредствомъ ручной работы на Орлеанской. Каждый изъ строителей имѣетъ достаточныя основанія чтобъ отстаивать свою методу: бо́льшая быстрота и менѣе рукъ въ первомъ случаѣ, бо́льшая правильность и часто гораздо болѣе значительная плотность шитья во второмъ.

Какъ только сшитъ шаръ, его покрываютъ лакомъ, наполняютъ воздухомъ посредствомъ маленькой надувающей машины или вентилятора, похожаго на мельничную вѣялку. Это надуваніе шара воздухомъ имѣетъ назначеніемъ обнаружить всѣ отверстія, которыя могли бы остаться незамѣченными и которыя при этомъ тщательно задѣлываются; сверхъ того отъ него лакъ сохнетъ скорѣе. Подойдемъ къ аэростату пока онъ весь наполненный воздухомъ лежитъ на полу мастерской. Форма его не совсѣмъ круглая, и онъ имѣетъ видъ колоссальнаго яйца. На толстомъ концѣ находится тщательно закрытый клапанъ, дѣйствіе котораго мы опишемъ ниже. Тонкій конецъ, который обыкновенно остается открытымъ, оканчивается нѣкотораго рода цилиндрическою муфтой, или рукавомъ (называется *appendice*). Снаружи оболочка шара покрыта сѣтью осмоленныхъ леньковыхъ веревокъ, изготовляемыхъ въ однихъ мастерскихъ съ шаромъ. Къ этой сѣткѣ и къ оканчивающему ей деревянному обручу прикрѣплена канатомъ ивовая корзина или лодочка, въ которую садятся воздухоплаватели. Въ лодочку кладутся также мѣшки съ балластомъ, которые руководятъ движеніемъ во время переѣзда, снаряды для спуска на землю, желѣзный якорь, который вливаясь въ почву, долженъ остановить баллонъ на ходу, и висячая веревка, толстый леньковый канатъ, *sport*, который, касаясь земли задолго до остановки аэростата, облегчаетъ его ладеніе и задерживаетъ движеніе какъ настоящій тормазъ.

Мастерскія гдѣ строятся аэростаты представляютъ, особенно на Орлеанской станціи, чрезвычайно одушевленный видъ. Компанія охотно предоставила въ ихъ распоряженіе свои обширныя залы, ставшія вслѣдствіе войны пустынными и безмолвными. Различными операціями этого дѣла главнымъ образомъ занимаются женщины: разстилка и глаженіе тканей для

разсмотрѣнія всѣхъ ихъ свойствъ, мытье уничтожающее глянецъ и остроту краски, послѣ чего перкаль высушивается на воздухѣ, на высокихъ стропилахъ станціи, потомъ разрѣзывается по чертежу. Тогда только его покрываютъ первымъ слоемъ лака. Деликатная и мелочная ручная работа передается многочисленнымъ швеямъ, подъ руководствомъ г-жи Эженъ Годаръ; онѣ сидятъ тамъ молчаливыя, внимательныя, въ числѣ ста человѣкъ, размѣчая булавкой и заранѣе вырѣзаннымъ картономъ математическое разстояніе стежковъ. Эту часть мастерской неохотно показываютъ посѣтителямъ, потому что ходьба взадъ и впередъ стѣсняетъ работу швей.

Послѣ шитья, ткань покрывается вторымъ слоемъ лака. Затѣмъ производится операція просушиванія посредствомъ надуванія шара. Эти операціи, а равно и послѣдующія предоставляются мущинамъ. Работаютъ при этомъ моряки, которыхъ правительство національной обороны предоставило въ распоряженіе гг. Годаръ, а равно и прочихъ аэронавтовъ. Моряки здѣсь какъ у себя дома. Красить, покрывать лакомъ, сплетать свѣти, управлять канатами, якорями и даже плавать по воздуху, дѣло совершенно имъ подручное. „Стеньги немножко высоки,—говорилъ одинъ изъ нихъ своему адмиралу, который смотрѣлъ на его отправленіе,—и никакъ нельзя съ ними брать рифъ. Все равно, съ этою машиной все-таки плыть можно, и съ Божіею помощью добраться на мѣсто.“

На Сѣверной станціи, дѣятельность мастерскихъ, хотя по наружности и не столь значительная какъ на Орлеанской, потому что шитье производится машиной, также не менѣе замѣчательна. Любопытное зрѣлище представляютъ всѣ эти залы, нѣкогда столь шумныя, а нынѣ покрытыя безконечными полосами коленкора, спускающимися со стропилъ или сшиваемыми быстрою иглой или надутыми въ видѣ аэростатовъ. Здѣсь мастерскія раздѣлены, между тѣмъ какъ на Орлеанской станціи всѣ сосредоточены въ огромной пассажирской залѣ, и эти длинныя полосы разноцвѣтныхъ тканей, желтыхъ, синихъ, черныхъ, зеленыхъ, развѣшенныя для просушки на верху и низладающія въ средину громаднаго зданія заставляютъ—увы!—мечтать о знаменахъ взятыхъ у непріятеля и украшающихъ капеллу дома инвалидовъ.

Для того чтобъ аэростатъ поднялся, необходимо чтобы наполняющій его газъ былъ легче атмосферы. Газъ обыкновенно употребляемый для надуванія, есть газъ освѣтительный,

или углеводородный, который въ одинаковомъ объемѣ почти вдвое легче воздуха. Можно также употреблять чистый водородъ, плотность котораго въ 15 разъ менѣе плотности воздуха, но приготовленіе послѣдняго медленно и дорого, тогда какъ при освѣтительномъ газѣ, стоитъ только провести трубу къ одному изъ главныхъ городскихъ проводовъ и трубу эту поставить подъ рукавъ аэростата. Въ нѣсколько часовъ, при среднемъ давленіи, наполняется аэростатъ въ 2.000 кубическихъ метровъ. Это количество газа всего охотнѣе употребляетъ почта.

Шаръ наполненъ; остается маневръ отбытія. Пассажиры въ лодочкѣ съ мѣшками балласта, сложеннаго у нихъ въ ногахъ. Якорь, канатъ-тормазъ, мѣшки съ дележами прикрѣплены къ бокамъ корзины. Почтовые голуби, которые будучи выпущены по прибытіи, принесутъ въ голубятню вѣсть о перелетіяхъ переѣзда, сидятъ въ клѣткѣ рядомъ съ мѣшками дележъ. Аэростатъ, сдерживаемый множествомъ рукъ, покачивается по вѣтру, подражая правильному колебанію маятника и порываясь взлетѣть. Мѣшокъ или два балласта выбрасываются; затѣмъ обычное „пускайте!“ произносится кормчимъ воздушнаго судна, и шаръ медленно поднимается на высоту отъ 1.000 до 1.200 метровъ. Тамъ онъ вступаетъ въ потокъ воздуха въ средѣ плотность которой равняется его собственной; онъ принимаетъ скорость этого атмосферическаго теченія и слѣдуетъ за его изгибами, какъ пробочный поплавокъ на поверхности воды. Путешественникъ не замѣчаетъ движенія, часто очень быстраго, которое его увлекаетъ, какъ не замѣчаемъ мы сами на землѣ движенія вращающаго насъ около солнца съ такою ужасающею быстротой. Никакого головокруженія, никакого непріятнаго чувства не ощущаютъ воздухоплаватели на громадныхъ высотахъ, которыхъ повременамъ достигаютъ; мы можемъ говорить такъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, такъ какъ поднимались сами и достигали высоты 4.000 метровъ. Мало этого: если путешественникъ отъ души предается такому новому положенію и не допускаетъ до себя никакого чувства страха, то онъ испытываетъ какое-то особое наслажденіе, какое-то новое чувство собственной индивидуальности; онъ съ сожалѣніемъ смотритъ на этотъ бѣдный шаръ земной, надъ которымъ онъ носится, и шумъ котораго долетаетъ до него. Если онъ не узнаетъ страны надъ которою летитъ, то у него нѣтъ иного сред-

ства опозваться, какъ разспрашивая дорогу съ высоты лодочки, и отмѣчая на картѣ каждый получаемый имъ отвѣтъ. На аэростатѣ компасъ ни къ чему не служитъ, потому что нѣтъ ни одного опредѣленнаго неподвижнаго пункта, такъ какъ воздушная ладья безпрерывно вращается около самой себя.

У ногъ своихъ воздухоплаватель видитъ водные потоки, разстилающіеся длинными серебристыми лентами, желѣзныя дороги, протягивающія свои параллельныя линіи, города, коихъ кирпичныя и черепичныя кровли и острые шпицы колоколенъ освѣщаются солнцемъ, и повсюду кругомъ ихъ пестрыми пластинками мелькаютъ поля, луга, обработанныя земли, на которыя люди полагаютъ столько труда и за обладаніе которыми они такъ часто сражаются. Все это мелькаетъ предъ нимъ какъ на планѣ большихъ размѣровъ, оттушеванное, раскрашенное невѣдомымъ геометромъ, въ предѣлахъ обозначенныхъ кругомъ горизонта. По временамъ еще онъ вступаетъ въ гряду облаковъ, и тогда предъ нимъ исчезаютъ разомъ и небо и земля. Вы буквально погружены въ безконечный слой чего-то бѣлаго, волокнистаго, что̀ физики такъ удачно назвали пузырчатымъ паромъ. Когда выплываешь изъ этого савана, то съ восторгомъ привѣтствуешь солнце, или луну и звѣзды, если послѣднія заступили уже мѣсто дневнаго свѣтила.

Какъ ни непроницаема оболочка, сквозь нее все-таки просачиваются частицы газа, заключающагося въ аэростатѣ, и вылетающее количество замѣняется одинаковою долей окружающаго воздуха, входящаго въ скважины ткани. На основаніи физическаго начала экзосмоза и эндосмоза, или просачиванія изнутри наружу и снаружи внутрь, происходитъ это интересное явленіе, которое, впрочемъ, встрѣчается всегда когда сопоставлены два жидкія тѣла, капельныя или газообразныя. Такъ какъ рукавъ остается открытымъ, именно для избѣжанія разрывовъ, которые неизбѣжно произошли бы объ быстраго растягиванія оболочки вслѣдствіе расширенія внутренняго газа въ разрѣженной средѣ (густота воздуха уменьшается по мѣрѣ возвышенія надъ землей), нѣкоторая часть газа вылетаетъ также изъ нижней части шара и замѣняется соотвѣтственнымъ количествомъ воздуха. Очевидно что рукавъ играетъ здѣсь роль предохранительнаго клапана, подобнаго клапану паровато котла. Впрочемъ потеря газа этимъ отверстіемъ про-

исходила бы во всякомъ случаѣ, даже безъ внутренняго расширенія, ибо другой принципъ физики—смѣшеніе газовъ—научаетъ насъ что газообразныя тѣла различныхъ плотностей, приведенные въ прикосновеніе, тотчасъ же смѣшиваются между собою. Вслѣдствіе этихъ двухъ явленій случается что въ данный моментъ,—моментъ роковой, который необходимо предвидѣть, шаръ оказывается наполненнымъ смѣсью газовъ, уравновѣшивающейся съ окружающимъ воздухомъ, или, если угодно, вѣсъ которой таковъ что общій вѣсъ воздушнаго шара нѣсколько превышаетъ вѣсъ вытѣсненнаго воздуха. Съ этой-то минуты начинается спускъ и даже паденіе, если не сбросить мѣшковъ съ балластомъ чтобы подняться. При новомъ положеніи которое пріобрѣтается, вскорѣ повторяется то же явленіе эндосмоза, экзосмоза и диффузіи, и тогда надо ослабить паденіе, выбрасывая балластъ не мѣшками, а почти щелотка за щелоткой.

По приближеніи къ землѣ, необходимы вѣрность взгляда и присутствіе духа, чтобы съ пользой маневрировать якоремъ и канатомъ-тормазомъ. Люди сбѣгаются скоро (въ воздухѣ аэростатъ виденъ издалека), и хватаясь за веревки, которыя всегда должны висѣть съ большаго горизонтальнаго круга или экватора сѣти, останавливаютъ воздушное судно. Если вѣтеръ силенъ, то шаръ подпрыгиваетъ, какъ бѣшеный конь, вырывается изъ удерживающихъ его рукъ, и если объемъ и вслѣдствіе этого поверхность аэростата значительны, то можно опасаться весьма опаснаго дрейфованія. То которое вытерпѣлъ *Великанъ* въ Ганноверѣ въ 1863 году осталось знаменитымъ въ лѣтописяхъ воздухоплаванія. Само собою разумѣется что при спускѣ должно тщательно избѣгать лѣсовъ, озеръ, рѣкъ, городовъ, даже отдѣльныхъ домовъ, которые дѣлаютъ невозможнымъ бросаніе якоря и подвергаютъ даже опасности жизнь путешественниковъ: все это подводные камни воздушнаго моря. Опасности спуска суть дѣйствительно единственныя которымъ подвергаются воздухоплаватели, но и эти опасности значительно уменьшаются, если при однихъ и тѣхъ же атмосферическихъ условіяхъ, объемъ шара менѣе значителенъ, если оболочка и такелажъ въ хорошемъ состояніи, и если кормчій умѣетъ сохранить хладнокровіе. Клапанъ, закрывающій верхнюю часть шара, есть также спасительный снарядъ, которымъ надо умѣть пользоваться. Онъ служитъ для введенія воздуха во внутренность оболочки и управляется веревкой, которая проходитъ внутри аэростата и спускается

сквозь рукавъ въ лодочку. Если путешественникъ поднялся слишкомъ высоко, или опасается разрыва вслѣдствіе слишкомъ быстраго расширенія газа, которому не соотвѣтствуетъ достаточно отверстіе рукава остающееся свободнымъ, или наконецъ желаетъ сдѣлать паденіе болѣе правильнымъ, онъ открываетъ клапанъ, воздухъ проникаетъ въ шаръ, газъ болѣе легкій вылетаетъ, шаръ становится тяжеле, и совершается нормальный спускъ, направляемый по желанію кормчаго.

Высоты гдѣ происходятъ описанные феномены находятся между 1.000 и 4.500 метрами. Послѣдняя цифра изображаетъ высоту Монъ-Блана. Аэронавтамъ не слѣдуетъ подниматься выше, разумѣется если они не имѣютъ въ виду чисто научныхъ изслѣдованій. На высотахъ болѣе 5.000 метровъ появляются тѣ столь замѣчательные физіологическіе феномены, производимые разряженіемъ воздуха, изслѣдованіемъ коихъ прославились у насъ Гей-Люссакъ, и въ Англіи Глэшеръ. Значительное пониженіе пульса, истеченіе крови изъ носа и ушей, болѣзненное ощущеніе въ сердцѣ, въ легкихъ, въ желудкѣ, наконецъ обморокъ и онѣмѣніе, вотъ что ожидаетъ воздухоплавателя, не всегда на высотѣ 7.000 метровъ, на которую поднялся Гей-Люссакъ, но ужъ непремѣнно на высотѣ 11.000 метровъ, до которой достигъ однажды Глэшеръ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ шары наполнены были водородомъ, ибо освѣтительный газъ, вслѣдствіе значительной своей тяжести, не позволяетъ подниматься такъ высоко. Это высота 11.000 метровъ—самая значительная какой когда-либо достигалъ человѣкъ (высочайшія вершины Гималайскаго хребта не превышаютъ 8.000 метровъ), и вѣроятно знаменитый англійскій воздухоплаватель не скоро найдетъ себѣ подражателей.

Таковы различныя перипетіи воздушнаго путешествія, таковы утлыя ладьи которымъ въ послѣднее время Парижане ввѣряли свои письма, а правительство свои депеши. Вѣрные голуби приносятъ отвѣты. Извѣстно какимъ чудомъ фотографическаго процесса эти отвѣты доходили до насъ, въ такомъ большомъ количествѣ разомъ, на четвертушкѣ бумаги, почти микроскопической, въ ширину не болѣе дюйма, и привязанной къ хвосту голубя въ стволѣ пера. Да благословенна будетъ наука, давшая возможность переписываться такимъ образомъ и замѣнять почту и телеграфъ тѣмъ что

считалось самымъ ненадежнымъ изъ человѣческихъ изобрѣтеній—аэростатомъ!

Хотя мастерскія на станціяхъ Сѣверной и Орлеанской, при числѣ рукъ и инструментовъ которыми онѣ располагали, могли выдѣлывать по аэростату въ день, причемъ, если принять въ соображеніе таксу письма этимъ путемъ (20 сантимовъ за 4 грамма) почтовая администрація далеко не въ убыткѣ, но эти воздушные курьеры все-таки отправлялись не ежедневно съ начала осады. Тѣмъ не менѣе надо отдать справедливость почтовому управленію за то усердіе которое оно оказало при устройствѣ воздушныхъ сообщеній: новый директоръ почтъ такъ ревностно занимался этимъ дѣломъ, что письма назначаемыя къ отправленію не оставались болѣе одного или двухъ дней въ парижскихъ почтовыхъ ящикахъ.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь нѣсколько статистическихъ данныхъ. Съ 23го сентября, когда отправленъ былъ первый воздушный шаръ почтовою администраціей, до конца ноября, тридцать аэростатовъ было выпущено изъ Парижа, и въ каждомъ было среднимъ числомъ по два пассажира, отъ 200 до 300 килограммовъ депешъ и по нѣсколько паръ голубей. Наибольшее пространство которое они пролетали не превышало 200 километровъ, за исключеніемъ, однако, чудеснаго путешествія одного изъ этихъ шаровъ, который, вылетѣвъ изъ Парижа, опустился близъ Христіаніи, въ Норвегіи. Другой упалъ въ Голландіи, третій за Мецемъ. Кромѣ этихъ случаевъ, путешествіе обыкновенно ограничивалось нѣсколькими часами. Большое число голубей не возвратилось, и воспитатели ихъ утверждаютъ что главною причиной того время года; впрочемъ участь половины вылетѣвшихъ аэростатовъ неизвѣстна. Говорятъ что нѣкоторые изъ нихъ попали въ руки къ Прусакамъ, и что г. фонъ-Бисмаркъ возымѣлъ странную идею подвергать воздухоплавателей самымъ строгимъ наказаніямъ по приговору своихъ военныхъ судовъ. Международное право не предусмотрѣло однако случаевъ перелета черезъ непріятельскія линіи, но канцлеръ Германскаго Союза, вѣрный своему пренебреженію ко всѣмъ человѣческимъ законамъ, считаетъ беззащитныхъ аэронавтовъ шпіонами. О томъ какимъ потрясающимъ испытаніямъ подвергаются аэронавты вылетающіе изъ Парижа, сообщилъ намъ голубь отправившійся 12го октября съ аэростатомъ *Вашингтонъ* съ Орлеанской станціи. Замѣтимъ прежде всего что голубь этотъ воротился въ Парижъ

только 5го декабря, то-есть черезъ два мѣсяца. Шаръ полетѣлъ изъ Парижа по направленію къ сѣверу, со скоростію 15 льё въ часъ. Онъ миновалъ прусскіе аванпосты преслѣдуемый частыми выстрѣлами. Снаряды достигали отъ 800 до 900 метровъ, и путешественники были въ безопасности только на высотѣ 1.100 метровъ. Тотъ же самый пріемъ встрѣтилъ ихъ въ Шантильи, Сакли, Компьенѣ и Найонѣ. Непріятельскіе выстрѣлы прекратились только на нѣкоторомъ разстояніи отъ Гама. Около половины 12го, аэростатъ опустился въ Корньерѣ, близъ Камбре, при страшномъ вѣтрѣ. Аэронавты получили сильные ушибы. Жители съ полною готовностію поспѣшили къ нимъ на помощь; меръ Камбре принялъ ихъ къ себѣ, и вечеромъ они были уже въ Дуэ.

Въ видахъ предохраненія аэронавтовъ, которыхъ прусская армія преслѣдовала какъ шпіоновъ, почтовая администрація, по соглашенію съ парижскимъ губернаторомъ, рѣшила отправлять свои воздушные шары ночью и въ величайшей тайнѣ. Этимъ она думала пріобрѣсти ту выгоду что непріятели не замѣтятъ полета шаровъ, но не обратила вниманія на то обстоятельство что въ нашемъ климатѣ ночью воздушные токи становятся гораздо слабѣе чѣмъ днемъ. Сверхъ того ночью очень трудно производить воздухоплавательныя операціи; наблюденіе барометра, этого чудеснаго инструмента съ такою вѣрностію опредѣляющаго высоты, и который можно по справедливости назвать компасомъ воздухоплавателя, рѣшительно невозможно въ темнотѣ ночныхъ путешествій, а на аэростатѣ нельзя зажечь никакой лампы, даже Девисовой, по причинѣ опасности взрыва. Мы не упоминаемъ о другихъ невыгодахъ ночныхъ отправленій, хотя администрація можетъ представить намъ въ возраженіе полеты въ Норвегію и Голландію случившіеся съ шарами отправленными днемъ. Надо припомнить что всякое путешествіе на воздушномъ шарѣ совершается по волѣ Божіей: летишь туда куда несетъ воздушный токъ, и когда наступаетъ предѣлъ полета, когда приходится падать, то паденіе совершается, несмотря на всѣ усилія продолжить путешествіе. Во время одного изъ нашихъ полетовъ, два аэростата, поднявшіеся вмѣстѣ, летѣли все время въ одномъ направленіи и опустились въ одно и то же мѣсто. Въ подобномъ случаѣ можно быть увѣреннымъ что если одинъ изъ двухъ аэростатовъ спустится прежде другаго, то конечно по какому-нибудь несчастію или неудачному маневру.

II.

До сихъ поръ мы говорили о свободномъ воздухоплаваніи; теперь бросимъ взглядъ на воздухоплаваніе несвободное, которое представляетъ такой важный интересъ для военныхъ наблюденій. Несвободные аэростаты отличаются отъ свободныхъ тѣмъ что они удерживаются канатами, которыми управляютъ люди. Въ этомъ видѣ, баллоны, едва изобрѣтенные, уже употреблялись для военныхъ цѣлей.

Въ 1794 году они впервые употреблены въ дѣло во время битвы при Флерюсѣ; физикамъ Кутелю и Конте поручено было основать въ Медонѣ *школу аэростьеровъ*, которая существовала до 1803, когда первый консулъ рѣшилъ распустить ее, съ цѣлью, какъ говорятъ, разогнать офицеровъ занимавшихся въ ней преподаваніемъ и внушавшихъ своимъ ученикамъ республиканскія идеи. Какъ бы то ни было, но, чтобы прослѣдить связь аэростатовъ съ нашими военными операціями, намъ нужно сдѣлать скачокъ къ сраженію при Сольферино, во время котораго г. Эженъ Годаръ находился при французской арміи въ качествѣ воздухоплавателя и очень удачно высмотрѣлъ приближеніе непріятеля. Во время послѣдней американской войны воздушные шары употреблялись также для военныхъ рекогносцировокъ. Легко понять какъ полезенъ можетъ быть аэростатъ для наблюденія за непріятелемъ, особенно въ плоской мѣстности. Такимъ образомъ можно тотчасъ же подняться на высоту 300 метровъ, равняющуюся высотѣ довольно значительной горы. Посредствомъ такого взлета, если только онъ совершится мгновенно, можно съ успѣхомъ высмотрѣть движеніе непріятеля, и пользуясь заранѣе условленною системой телеграфныхъ знаковъ, направлять шаръ и передавать свои наблюденія на землю. Таковы достоинства военнаго воздухоплаванія. Конечно съ этимъ соединены и различнаго рода неудобства. Во первыхъ, непріятельскій выстрѣлъ можетъ пробить шаръ и ранить воздухоплавателя, что и случилось въ 1795 году въ Рейнской арміи, но это неудобство можно отнести къ числу болѣе или менѣе несчастныхъ случайностей какія нерѣдки во время войны; во вторыхъ, часто бываетъ опасно держаться на воздухѣ во время сильнаго вѣтра, наконецъ иногда затруднительно доставать нужный для этого газъ.

Насколько свободный полетъ пріятенъ для воздухоплавателя, который безъ всякихъ заботъ и тревогъ отдается движенію уносящему его въ пространство, настолько несвободное воздухоплаваніе возбуждаетъ непріятное ощущеніе при малѣйшемъ колебаніи воздуха. Въ послѣднемъ случаѣ чувствуешь что борешься противъ вѣтра, что малѣйшее усиліе можетъ вырвать аэростатъ изъ рукъ людей удерживающихъ его. Этотъ аэростатъ не что иное какъ буй, хрупкость коего очевидна, такъ что онъ можетъ изорваться даже въ борьбѣ съ воздушнымъ теченіемъ, иногда очень быстрымъ, въ которомъ его пытаются укрѣпить. Впрочемъ средства для достиженія послѣдняго вполнѣ первобытны. Теперь уже не употребляютъ болѣе, какъ г. Жиффаръ въ 1867, парового ворота для несвободнаго шара. Аэростатъ управляется при помощи прикрѣпленныхъ къ прочному основанію блоковъ на шейкѣ которыхъ пропускаются канаты шара, или при помощи воротовъ, на которые наматываются канаты. Въ моментъ подъема, люди держащіе веревки мало-по-малу выпускаютъ ихъ изъ рукъ до извѣстной высоты и потомъ представляютъ дѣйствовать блокамъ и воротамъ. Посредствомъ морскаго свистка, рожка, или заранѣе условленныхъ знаковъ, какъ напримѣръ разноцвѣтныхъ флаговъ, или же посредствомъ телеграфной проволоки можно сноситься съ людьми оставшимися на землѣ, и распоряжаться маневрами. Но чего недьзя отвратить,—такъ это дѣйствія атмосферическихъ теченій на хрупкую оболочку которая уноситъ васъ, равно какъ и потерю газа, въ особенности если шаръ нѣсколько дней сряду остается на своемъ наблюдательномъ посту. Въ послѣднемъ случаѣ, необходимо прибавлять, каждое утро, такое количество газа какое шаръ потерялъ въ предыдущія сутки.

Трудность съ какою сопряжено было добываніе освѣтительнаго газа, необходимаго при военныхъ полетахъ, подала мысль употреблять для этой цѣли чистый водородъ, какъ то дѣлали первые воздухоплаватели; для этого они брали съ собою снаряды необходимые для добыванія означеннаго газа. Самый процессъ добыванія довольно труденъ, но снаряды устроить легко. Если дѣйствовать сѣрною кислотой, разведенною водой и налитою въ бочкахъ на металлическій цинкъ, или пропустить струю водянаго пара надъ желѣзною полосой раскаленною до красна въ глиняной трубочкѣ, то можно получить водо-

ны, приводитъ на мысль на монгольфьеры, которые и были первыми воздушными шарами. Всѣмъ извѣстно что монгольфьеры наполняются нагрѣтымъ воздухомъ, что они поднимаются вверхъ именно вслѣдствіе разности въ плотности нагрѣтаго воздуха ихъ наполняющаго съ воздухомъ обыкновенной температуры, разности доходящей до половины, если нагрѣть воздухъ до 100 градусовъ, и дающей этому нагрѣтому воздуху, употребляемому для наполненія шара, всѣ преимущества освѣтительнаго газа. Приложены были всевозможныя старанія чтобъ избѣжать при нагрѣтомъ воздухѣ могущаго произойти ожара, а также и потери тепла вслѣдствіе лучеиспусканія; равнымъ образомъ устранена необходимость продолжать подогрѣваніе во все время полета. По этой системѣ, наполненіе одного баллона въ 14.000 кубическихъ метровъ, подобнаго баллону *Орелз*, взлетѣвшему надъ Парижемъ въ 1864 году и до настоящаго времени представляющему собою шаръ наибольшаго объема, наполненіе это, говорю я, требуетъ менѣе часа времени, тогда какъ освѣтительный газъ требуетъ нѣсколько часовъ времени при значительномъ давленіи и широкихъ газопроводныхъ трубахъ. Вслѣдствіе всего этого, монгольфьеръ считается у старыхъ воздухоплавателей царемъ аэростатовъ. „Опять примутся за монгольфьеры“, говаривалъ Эженъ Годаръ, только и мечтавшій о монгольфьерахъ и противъ воли летавшій въ аэростатахъ.

Употребленіе въ дѣло монгольфьера и обычай прибѣгать къ баллонамъ во время войны, въ особенности во время осады, наводятъ насъ на одну мысль, которую лелѣютъ нѣкоторые воздухоплаватели,—о возможности возвратиться въ блокируемый городъ.

Съ перваго взгляда проектъ этотъ покажется несбыточнымъ, въ особенности если поразмыслить что въ воздухѣ баллонъ дѣлается игралищемъ вѣтра; но если осторожно и втихомолку приблизиться съ монгольфьеромъ къ блокируемому городу до непріятельскихъ линій обложенія, и если при этомъ поспѣшить воспользоваться благопріятнымъ потокомъ воздуха, то, принимая во вниманіе незначительность времени потребнаго для наполненія монгольфьера и необыкновенную легкость этой операціи, можно быстро подняться на воздухъ надъ блокируемымъ городомъ, даже такъ что васъ не замѣтитъ непріятель. Послѣ этого можно, посредствомъ

ловкихъ маневровъ, спуститься въ городъ, и послѣднее тѣмъ возможнѣе чѣмъ значительнѣе пространство занимаемое городомъ. Единственная при этомъ и довольно серіозная опасность ожидаетъ воздухоплавателей при спускѣ на землю. Деревья, трубы, крыши домовъ, полоса воды, какъ напримѣръ Сена, разныя преграды на улицахъ, на гуляньяхъ, могутъ подвергнуть опасности жизнь воздухоплавателя. Такимъ образомъ г-жа Бланшаръ, отправившаяся въ 1819 году изъ садовъ Тиволи въ Парижѣ, самымъ ужаснымъ образомъ погибла на Прованской улицѣ. Ея баллонъ зацѣпился за уголъ крыши и несчастную подняли съ мостовой мертвою.

Намъ остается сказать еще два слова о роли какую могутъ играть баллоны во время войны, а именно о разрывныхъ бомбахъ которыми можно было бы наполнять свободные аэростаты; послѣдніе, при помощи благопріятнаго вѣтра, стали бы метать сверху бомбы въ непріятельскіе ряды. Сомнительно чтобы подобное средство нападенія было допущено международнымъ правомъ, но вѣрно то что объ этомъ помышляли съ самаго введенія въ употребленіе баллоновъ во время военныхъ дѣйствій. До сихъ поръ еще портфели правительства наполнены разными сообщеніями по поводу проектовъ этого рода, которые обложеніе Парижа возбудило въ умѣ изобрѣтателей, патріотовъ, болѣе ревностныхъ нежели разумныхъ. Кто при этомъ не мечталъ о проектѣ метанія гремучаго серебра. Къ сожалѣнію, если отбросить въ сторону всякій вопросъ о гуманности и законности, то все-таки окажется что возможность успѣха въ высшей степени сомнительна. Положимъ, напримѣръ, что изъ Парижа вылетитъ шаръ заряженный разрывными гранатами, и что благопріятный вѣтеръ направитъ его на Версаль, гдѣ сосредоточены непріятельскія силы. Развѣ будутъ непріятельскія войска на смотру или на маневрахъ именно въ тотъ моментъ когда пролетитъ аэростатъ? И если, по необычайному, стеченію обстоятельствъ, это и случилось бы, то можно ли предположить что баллонъ понесется именно надъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ будутъ находиться войска, и что успѣютъ сообразить и соразмѣрить быстроту баллона съ быстротой гранатъ, для того чтобы послѣднія попали въ самой средѣ нѣмецкихъ солдатъ. Случайность крайне сомнительная! Предположимъ что даже всѣ благопріятныя условія соединились бы вмѣстѣ, все-таки пришлось бы отказаться отъ такихъ средствъ къ уничтоже-

нію своихъ враговъ, и хотя въ эту самую минуту Прусаки далеко не являютъ намъ собою примѣра честности и великодушія, которыми цивилизованныя націи обязаны одна по отношенію къ другой, но мы должны уступить доводамъ благоразумія и отвергнуть даже мысль о средствахъ уничтоженія противныхъ человѣческому чувству.

III.

Въ 1783 году изобрѣтеніе аэростата братьями Монгольфьерами дало новую жизнь самымъ старинным изслѣдованіямъ, коими безъ устали занимались нѣкоторые мечтатели; мы говоримъ о средствахъ летать по воздуху на подобіе птицъ. Мало того, съ тѣхъ поръ стали изощряться въ средствахъ плаванія по воздуху такъ чтобъ управлять аэростатомъ какъ бы настоящимъ кораблемъ. Съ перваго же дня различные проекты появились сотнями: всякій думалъ что ему удалось открыть тайну управленія баллонами. Одинъ изъ ученыхъ того времени, Менье (Meusnier), инженерный офицеръ, представилъ даже рисунокъ воздухоплавательнаго снаряда, которымъ можно управлять, и его мысль вдохновила значительное число изобрѣтателей. Ослѣпленіе ихъ было такъ сильно и такъ продолжительно, совершенное забвеніе математическихъ условій проблемы дошло до того, что Парижская Академія Наукъ, которой изобрѣтатели слѣпили представить свои планы и надоѣли своими химерами, объявила что она не станетъ болѣе заниматься подобными проектами. Академія высказала мнѣніе что управлять полетомъ аэростата дѣло невозможное, и потому надлежитъ причислить тѣхъ кои продолжаютъ заниматься рѣшеніемъ столь неразрѣшимой проблемы къ категоріи безумцевъ которые воображали себѣ что открыли вѣчное движеніе или квадратуру круга. И дѣйствительно, въ условіяхъ при которыхъ ставился вопросъ объ управленіи аэростатовъ, проблема эта была неразрѣшимою. Баллонъ, рипутый въ воздухъ, какъ мы уже сказали, есть настоящій поплавокъ пущенный на произволъ теченія, и онъ до такой степени участвуетъ во всѣхъ движеніяхъ, во всѣхъ изгибахъ воздушнаго потока, что аэронавтъ часто не сознаетъ быстраго движенія его увлекающаго. Нерѣдко быстрота воздуха превышаетъ быстроту локомотива пущеннаго на всѣхъ парахъ, напримѣръ по 80 километровъ въ часъ, и многіе воздушные шары летѣли съ

этою скоростью и между тѣмъ казались неподвижными воздухоплавателямъ *. Въ 1867 году, менѣе чѣмъ въ два часа мы перелетѣли на аэростатѣ изъ Парижа въ Провенъ, по прямому разстоянію 125 километровъ. Каково бороться противъ подобной быстроты вѣтра, если мечтать объ абсолютномъ направленіи шаровъ и если готовиться идти прямо противъ вѣтра? Всякому извѣстна сила урагановъ, которые, на сушѣ опрокидываютъ зданія, съ корнемъ вырываютъ деревья, и на морѣ потопляютъ суда, предварительно разбивъ и изломавъ ихъ. Кому неизвѣстно что, на югѣ, знаменитый мистраль или сѣверо-западный вѣтеръ, *этотъ бичъ Прованса*, какъ называли его наши отцы, иногда до того бываетъ страшенъ что даже локомотивы, идущіе изъ Марселя въ Арль, въ равнинѣ Кро задерживаются на своемъ пути мистралемъ и часто оказывается необходимость во вспомогательномъ локомотивѣ? Какимъ образомъ, въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, легкій баллонъ, наполненный газомъ менѣе тяжелымъ чѣмъ воздухъ, можетъ устоять противъ бурь въ воздушномъ пространствѣ?

Когда задача поставлена такъ, то не можетъ быть спора о ея неразрѣшимости, и не трудно понять почему Академія Наукъ, съ самаго начала отказалась долѣе заниматься ею. Сколько ни представляли изобрѣтатели рулей, веселъ, лопатокъ, парусовъ и даже винтовъ,—имъ неизмѣнно отвѣчали что изобрѣтеніе ихъ одна химера.

Вотъ каково было положеніе дѣлъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда составилось общество воздухоплавателей, ученыхъ, инженеровъ и простыхъ любителей, искавшихъ средства къ улучшенію воздухоплаванія, и возымѣло мысль дать вопросу надлежащій видъ, т.-е употребить при плаваніи по воздуху снаряды болѣе тяжелые нежели воздухъ, и пустить въ ходъ, для

---

* Самый быстрый, если не самый дальній полетъ аэростата изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ (самымъ дальнимъ должно считать полетъ аэростата совершенный на дняхъ изъ Парижа въ Христіанію) есть полетъ свободнаго баллона пущеннаго въ Парижѣ въ день коронаціи Наполеона I въ 1804 году. На другой день утромъ этотъ баллонъ опустился на гробницу Нерона въ Римѣ императорскую корону, которую везъ съ собою и утопилъ въ озеро Браччіано. Перелетъ совершенъ въ 20 часовъ. Такъ какъ самое близкое разстояніе отъ Рима до Парижа 1.200 километровъ, то стало-быть онъ летѣлъ со скоростью 60 километровъ въ часъ.

движенія въ атмосферѣ системы на которыя естественно указывала новѣйшая механика, а въ особенности полетъ птицъ, столь удивительно изученный въ послѣднее время. „Такъ какъ употребляютъ машину для того чтобы давать толчокъ судамъ на водѣ, то устройте себѣ таковую на вашихъ воздушныхъ судахъ“, гласилъ новый ареопагъ многочисленнымъ изобрѣтателямъ, представлявшимъ ей свои планы. „Такъ какъ птицы, гласилъ онъ далѣе, двигаются по волѣ въ атмосферѣ, причемъ наиболѣе тяжелыя и сильныя изъ нихъ взлетаютъ всѣхъ выше, дальше и быстрѣе, какъ напримѣръ альбатросъ, фрегатъ американскій, кондоръ, альпійскій орелъ и т. д., то не бойтесь, когда будете строить свои воздушныя машины, увеличить объемъ ихъ и вѣсъ“. И вотъ при этомъ ставили на видъ маленькій снарядъ, изобрѣтенный для дѣтскихъ игръ, спиралиферъ, который поднимается на воздухъ, летитъ, и даже брошенный особеннымъ способомъ, возвращается на прежнее мѣсто, все это вслѣдствіе первоначальной силы, исходящей изъ быстраго спусканія тесемки, предварительно обмотанной вокругъ оси маленькой машины. Одинъ изъ изслѣдователей возымѣлъ мысль устроить основанный на этомъ принципѣ воздухоплавательный снарядъ. Съ помощію пружины, установленной какъ пружина вертела, онъ закручивалъ маленькій винтъ, а послѣдній, вращаясь, поднималъ на воздухъ клѣтку, гдѣ сидѣла мышь. Какъ скоро винтъ переставалъ вертѣться, клѣтка переставала подниматься и двигаться, и упадала на землю вслѣдствіе своей тяжести. Еслибы въ эту минуту можно было дать новое напряженіе винту, то процессъ вертикальнаго восхожденія и горизонтальнаго движенія впередъ продолжился бы столько времени на сколько поддерживалась бы и возобновлялась первоначальная сила закручиванія. Проблема казалась разрѣшенною. А между тѣмъ, капиталовъ необходимыхъ для постройки большаго снаряда по миніатюрному образцу, о которомъ мы сейчасъ упоминали, не удалось собрать, и общество составившееся съ цѣлью довести до окончательнаго результата попытку воздухоплаванія и выходившее отъ истинныхъ данныхъ, на коихъ необходимо должны основываться подобныя изслѣдованія, разошлось, не переведя своей теоріи въ практику.

Осада Парижа дала новый толчокъ всѣмъ опытамъ, всѣмъ аэростатическимъ изслѣдованіямъ и снова подняла на ноги

легіонъ изобрѣтателей воздушныхъ судовъ, легіонъ безчисленный и повидимому умолкнувшій только на время. И вотъ въ настоящую минуту строятъ подвижныя воздушныя суда на многихъ станціяхъ, во многихъ мастерскихъ Парижа. Напримѣръ Западная станція уступила нѣкоторыя изъ своихъ залъ одному изобрѣтателю, а заводъ Кайля принялъ нѣкоего г. Вера въ свои свободныя мастерскія. Даже публикѣ дозволено было присутствовать при нѣкоторыхъ опытахъ. Одну минуту можно было видѣть какъ на Италіянскомъ бульварѣ приведенъ былъ въ дѣйствіе миніатюрный снарядъ г. Вера. Маленькій аэростатъ *en baudruche*, въ формѣ рыбы, снабженный сзади винтомъ и треугольнымъ парусомъ въ формѣ руля, двигался помощію пружинъ въ воздухѣ вокругъ обширной залы, къ великому изумленію зрителей, — но при этомъ изобрѣтатель забылъ сообщить публикѣ что снарядъ его плавалъ въ безусловно спокойномъ воздухѣ, и что малѣйшее дуновеніе, даже такое которое произошло бы отъ дыханія зрителей еслибъ они всѣ вмѣстѣ стали дуть, значительно измѣнили бы ходъ снаряда. Демонстраторъ конечно не обнаружилъ этой тайны, и говорилъ о томъ какъ онъ съ такимъ воздушнымъ судномъ отправится метать бомбы гремучаго серебра въ тылъ прусской арміи, и монеты сыпались градомъ на постройку подвижнаго военнаго аэростата. Дѣло было при началѣ осады Парижа; вскорѣ стало извѣстно что воздухоплаватель, болѣе или менѣе всемогущественный правительствомъ національной обороны, принялся за постройку огромнаго снаряда на заводѣ Кайля.

Въ это-то самое время, членъ Института, одинъ изъ самыхъ опытныхъ нашихъ кораблестроителей, г. Дюпюи де-Ломъ, рѣшился искать разрѣшенія задачи, получившей такую важность въ виду блокады Парижа. Здѣсь имѣемъ дѣло съ настоящимъ ученымъ практикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, котораго академія, отрѣшившись на минуту отъ своего недовѣрія къ выдумкамъ въ области воздухоплаванія, согласилась выслушать, и всѣ сообщенія котораго помѣщены были въ *Comptes rendus*. Г. Дюпюи де-Лому она оказала особенное благоволеніе, объявивъ что сообщенія эти будутъ напечатаны всѣ сполна, „хотя объемомъ своимъ превосходятъ положенныя границы“. Въ свою очередь, правительство отбросило въ отношеніи къ нему свою обычную холодность къ изобрѣтателямъ, особенно

по вопросамъ такого рода, и не долго думая, вручило г. Дюпои де-Лому сумму въ 40.000 франковъ, которую послѣдній требовалъ для осуществленія своего проекта. Въ настоящую минуту изобрѣтатель уже принялся за это дѣло и можетъ-быть по прошествіи нѣсколькихъ недѣль снарядъ его будетъ готовъ.

При разсмотрѣніи столь спорнаго вопроса, г. Дюпои де-Ломъ является предъ нами въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Всю свою жизнь онъ занимался постройкой судовъ; всѣ знаютъ и высоко цѣнятъ его качества какъ инженера, и ученый міръ и моряки. Для человѣка хорошо знакомаго съ морскимъ судостроеніемъ, перейти отъ мореплаванія къ воздухоплаванію значило разобрать новый случай той же задачи. Въ чемъ же состоитъ проектъ Дюпои де-Лома? Въ томъ чтобы направить не судно, а аэростатъ, болѣе тяжелый нежели воздухъ. Представляемые намъ рисунки (изобрѣтатель не скрываетъ ихъ) тѣ же самые какіе мы можемъ встрѣтить во всѣхъ сочиненіяхъ о воздухоплаваніи, со времени изобрѣтенія монгольфьеровъ, т.-е. они изображаютъ аэростатъ въ формѣ рыбы, снабженный сзади парусомъ вмѣсто руля и винтомъ какъ двигательнымъ снарядомъ (въ прежнее время вмѣсто этого употреблялись лопатки). Внутри аэростата, во избѣжаніе потери газа и для сохраненія аэростату первоначальнаго его положенія, равно какъ для восхожденія и для спуска, находится шаръ наполненный воздухомъ и представляющій собою какъ бы плавательный пузырь, какимъ снабжены рыбы. Все это было уже извѣстно со времени Мёнье, который даже предоставилъ рисунки подобные рисункамъ Дюпои де-Лома; но научную собственность Дюпои де-Лома составляетъ подчиненіе вопроса строгому алгебраическому исчисленію съ опредѣленіемъ главныхъ неизвѣстныхъ задачи. Такимъ образомъ Дюпои де-Ломъ объявляетъ намъ теперь что аэростатъ его никакъ не будетъ въ состояніи бороться съ вѣтромъ, но будетъ двигаться, образуя съ направленіемъ атмосферическаго теченія уголъ измѣняющійся смотря по обстоятельствамъ и довольно острый, однимъ словомъ нажимая на вѣтеръ, какъ выражаются моряки. Кромѣ того, наибольшая скорость его воздушнаго судна не будетъ превышать восьми километровъ въ часъ, для чего необходима сила шести человѣкъ, которые должны управлять воротомъ при-

водящимъ въ движеніе винтъ. При этомъ употребляться будетъ для наполненія аэростата чистый водородъ. Аэростатъ и всѣ его снасти, сѣтка, канаты и т. д. должны изготовляться изъ шелку, такъ какъ это вещество предоставляетъ наиболѣе однородности и прочности. Подъ тафтой подложена будетъ бумажная матерія, а въ срединѣ между ними будутъ находиться семь слоевъ каучука, для того чтобы воспрепятствовать потерѣ водорода, особенно легко освобождающагося сквозь поры оболочки. Много нужно было времени и труда изобрѣтателю, въ виду парижской блокады, чтобы достать потребное количество одинаково прочной тафты, хотя нѣкоторые куски были различныхъ цвѣтовъ. Наибольшая длина аэростата 36 метровъ, внутренній объемъ до 450 кубическихъ метровъ; баллонъ можетъ поднять девять человѣкъ, изъ коихъ шестеро правятъ аэростатомъ, потомъ около 200 килограммовъ балласта, не считая при этомъ тяжести лодки, ворота, вентилятора, винта, якоря и т. д.

Таково въ общихъ чертахъ устройство одного изъ аэростатическихъ снарядовъ которые строятся въ настоящую минуту. Опытъ скоро произнесетъ свой приговоръ объ этомъ новомъ способѣ употребленія винта, и о возможности приложенія къ дѣлу системы изобрѣтенной Дюпюи де-Ломомъ. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать что еще съ 1852 года инженеръ, можетъ быть менѣе извѣстный, но также близко знакомый съ опытами механики, г. Жиффаръ, тоже придумалъ подвижной аэростатъ. Около этого времени г. Жиффаръ отважно поднялся на воздухъ съ паровою машиной въ три лошадиныя силы. Онъ леталъ въ продолженіе часа, и съ помощью своей машины, нагрѣтой каменнымъ углемъ и снабженной котломъ, давалъ какое хотѣлъ направленіе винту и парусу-рулю своего баллона. Такимъ образомъ ему изъ первыхъ быть-можетъ принадлежитъ честь дѣйствительнаго осуществленія на практикѣ идеи плаванія въ воздухѣ. Можно сказать что съ этого дня сдѣланъ былъ первый шагъ и что начался уже переходъ отъ мечтаній къ дѣйствительности. Заключимъ ли мы изъ этого что наступаетъ окончательное рѣшеніе этой задачи и что завтра можетъ-быть мы будемъ свободно двигаться въ воздухѣ? Никто не осмѣлится отвѣчать утвердительно, ибо, основываясь на свидѣтельствѣ какое даетъ воздушное судно Дюпюи де-Лома, видимъ сколь слаба бу-

детъ скорость перемѣщенія, и сколь ограниченъ уголъ или секторъ въ которомъ можно будетъ двигаться. Но и въ этихъ границахъ, если опытъ произведенный въ этотъ разъ подъ полнымъ ручательствомъ испытанной науки, подтвердитъ предположенія изобрѣтателя, то можно будетъ сказать что онъ достигъ успѣха и тѣмъ оказалъ великую услугу и своей странѣ и всему человѣчеству.

БѢСЫ*

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чужіе грѣхи.

I.

Прошло съ недѣлю, и дѣло начало нѣсколько раздвигаться. Замѣчу вскользь что въ эту несчастную недѣлю я вынесъ много тоски, — оставаясь почти безотлучно подлѣ бѣднаго сосватаннаго друга моего, въ качествѣ ближайшаго его конфидента. Тяготилъ его, главное, стыдъ, хотя мы въ эту недѣлю никого не видали и все сидѣли одни; но онъ стыдился даже и меня, и до того что чѣмъ болѣе самъ открывалъ мнѣ, тѣмъ болѣе и досадовалъ на меня за это. По мнительности же подозрѣвалъ что все уже всѣмъ извѣстно, всему городу, и не только въ клубѣ, но даже въ своемъ кружкѣ боялся показаться. Даже гулять выходилъ, для необходимаго моціону, только въ полныя сумерки, когда уже совершенно темнѣло.

Прошла недѣля, а онъ все еще не зналъ женихъ онъ или нѣтъ и никакъ не могъ узнать объ этомъ навѣрно, какъ ни бился. Съ невѣстой онъ еще не видался, даже не зналъ невѣста ли она ему; даже не зналъ есть ли тутъ во всемъ этомъ хоть что-нибудь серіозное! Къ себѣ почему-то Варвара Пет-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

ровна рѣшительно не хотѣла его допустить. На одно изъ первоначальныхъ писемъ его (а онъ написалъ ихъ къ ней множество) она прямо отвѣтила ему просьбой избавить ее на время отъ всякихъ съ нимъ сношеній, потому что она занята, а имѣя и сама сообщить ему много очень важнаго, нарочно ждетъ для этого болѣе свободной, чѣмъ теперь, минуты, и сама дастъ ему *современемъ* знать когда къ ней можно будетъ придти. Письма же обѣщала присылать обратно нераспечатанными, потому что это „одно только баловство“. Эту записку я самъ читалъ; онъ же мнѣ и показывалъ.

И однако всѣ эти грубости и неопредѣленности, все это было ничто въ сравненіи съ главною его заботой. Эта забота мучила его чрезвычайно, неотступно; отъ нея онъ худѣлъ и ладалъ духомъ. Это было нѣчто такое чего онъ уже болѣе всего стыдился и о чемъ никакъ не хотѣлъ заговорить даже со мной; напротивъ при случаѣ лгалъ и виллялъ предо мной какъ маленькій мальчикъ; а между тѣмъ самъ же посылалъ за мною ежедневно, двухъ часовъ безъ меня пробыть не могъ, нуждаясь во мнѣ какъ въ водѣ или въ воздухѣ.

Такое поведеніе оскорбляло нѣсколько мое самолюбіе. Само собою разумѣется что я давно уже угадалъ про себя эту главную тайну его и видѣлъ все насквозь. По глубочайшему тогдашнему моему убѣжденію, обнаруженіе этой тайны, этой главной заботы Степана Трофимовича, не прибавило бы ему чести, и потому я, какъ человѣкъ еще молодой, нѣсколько негодовалъ на грубость чувствъ его и на некрасивость нѣкоторыхъ его подозрѣній. Сгоряча, — и признаюсь отъ скуки быть конфидентомъ,—я можетъ-быть слишкомъ обвинялъ его. По жестокости моей я добивался его собственнаго признанія предо мною во всемъ, хотя впрочемъ и допускалъ что признаваться въ иныхъ вещахъ пожалуй и затруднительно. Онъ тоже меня насквозь понималъ, то-есть ясно видѣлъ что я понимаю его насквозь и даже злюсь на него, и самъ злился на меня за то что я злюсь на него и понимаю его насквозь. Пожалуй раздраженіе мое было мелко и глупо; но взаимное уединеніе чрезвычайно иногда вредитъ истинной дружбѣ. Съ извѣстной точки онъ вѣрно понималъ нѣкоторыя стороны своего положенія и даже весьма тонко опредѣлялъ его въ тѣхъ пунктахъ въ которыхъ таиться не находилъ нужнымъ.

— О, такова ли она была тогда! проговаривался онъ иногда мнѣ о Варварѣ Петровнѣ.—Такова ли она была прежде, ког-

да мы съ нею говорили.... Знаете ли вы что тогда она умѣла еще говорить? Можете ли вы повѣрить что у нея тогда были мысли, свои мысли. Теперь все перемѣнилось! Она говоритъ что все это одна только старинная болтовня! Она презираетъ прежнее.... Теперь она какой-то прикащикъ, экономъ, ожесточенный человѣкъ, и все сердится....

— За что же ей теперь сердиться, когда вы исполнили ея требованіе? возразилъ я ему.

Онъ только посмотрѣлъ на меня.

— Cher ami, еслибъ я не согласился, она бы разсердилась ужасно, ужа-а-сно! но все-таки менѣе чѣмъ теперь, когда я согласился.

Этимъ словечкомъ своимъ онъ остался доволенъ, и мы роспили въ тотъ вечеръ бутылочку. Но это было только мгновеніе; на другой день онъ былъ ужаснѣе и угрюмѣе чѣмъ когда-либо.

Но всего болѣе досадовалъ я на него за то что онъ не рѣшался даже пойти сдѣлать необходимый визитъ пріѣхавшимъ Дроздовымъ, для возобновленія знакомства, чего, какъ слышно, они и сами желали, такъ какъ спрашивали уже о немъ, о чемъ и онъ тосковалъ каждодневно. О Лизаветѣ Николаевнѣ онъ говорилъ съ какимъ-то непонятнымъ для меня восторгомъ. Безъ сомнѣнія, онъ вспоминалъ въ ней ребенка, котораго такъ когда-то любилъ; но кромѣ того онъ, неизвѣстно почему, воображалъ что тотчасъ же найдетъ подлѣ нея облегченіе всѣмъ своимъ настоящимъ мукамъ и даже разрѣшитъ свои важнѣйшія сомнѣнія. Въ Лизаветѣ Николаевнѣ онъ предполагалъ встрѣтить какое-то необычайное существо. И все-таки къ ней не шелъ, хотя и каждый день собирался. Главное было въ томъ что мнѣ самому ужасно хотѣлось тогда быть ей представленнымъ и отрекомендованнымъ, въ чемъ могъ я разчитывать единственно на одного лишь Степана Трофимовича. Чрезвычайное впечатлѣніе производили на меня тогда частыя встрѣчи мои съ нею, разумѣется на улицѣ,—когда она выѣзжала прогуливаться верхомъ, въ амазонкѣ и на прекрасномъ конѣ, въ сопровожденіи такъ называемаго родственника ея, красиваго офицера, племянника покойнаго генерала Дроздова. Ослѣпленіе мое продолжалось одно лишь мгновеніе, и я самъ очень скоро потомъ создалъ всю невозможность моей мечты,—но хоть мгновеніе, а оно существовало дѣйствительно, а потому можно себѣ представить какъ негодовалъ я

иногда въ то время на бѣднаго друга моего за его упорное затворничество.

Всѣ наши еще съ самаго начала были официально предувѣдомлены о томъ что Степанъ Трофимовичъ нѣкоторое время принимать не будетъ и проситъ оставить его въ совершенномъ покоѣ. Онъ настоялъ на циркулярномъ предувѣдомленіи, хотя я и отсовѣтывалъ. Я же и обошелъ всѣхъ, по его просьбѣ, и всѣмъ наговорилъ что Варвара Петровна поручила нашему „старику“ (такъ всѣ мы между собою звали Степана Трофимовича), какую-то экстренную работу, привести въ порядокъ какую-то переписку за нѣсколько лѣтъ; что онъ заперся, а я ему помогаю и пр. и пр. Къ одному только Лилутину я не успѣлъ зайти и все откладывалъ,—а вѣрнѣе сказать я боялся зайти. Я зналъ впередъ что онъ ни одному слову моему не повѣритъ, непремѣнно вообразитъ себѣ что тутъ секретъ, который собственно отъ него одного хотятъ скрыть, и только-что я выйду отъ него, тотчасъ же пустится по всему городу разузнавать и сплетничать. Пока я все это себѣ представлялъ, случилось такъ что я нечаянно столкнулся съ нимъ на улицѣ. Оказалось что онъ уже обо всемъ узналъ отъ нашихъ, мною только-что предувѣдомленныхъ. Но, странное дѣло, онъ не только не любопытствовалъ и не разспрашивалъ о Степанѣ Трофимовичѣ, а напротивъ самъ еще прервалъ меня, когда я сталъ было извиняться что не зашелъ къ нему раньше, и тотчасъ же перескочилъ на другой предметъ. Правда, у него накопилось что разказать; онъ былъ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи духа и обрадовался тому что поймалъ во мнѣ слушателя. Онъ сталъ говорить о городскихъ новостяхъ, о пріѣздѣ губернаторши „съ новыми разговорами“, объ образовавшейся уже въ клубѣ оппозиціи, о томъ что всѣ кричатъ о новыхъ идеяхъ, и какъ это ко всѣмъ пристало, и пр. пр. Онъ проговорилъ съ четверть часа, и такъ забавно что я не могъ оторваться. Хотя я терпѣть его не могъ, но сознаюсь что у него былъ даръ заставить себя слушать и особенно когда онъ очень на что-нибудь запался. Человѣкъ этотъ, по моему, былъ настоящій и прирожденный шпіонъ. Онъ зналъ во всякую минуту всѣ самыя послѣднія новости и всю подноготную нашего города, преимущественно по части мерзостей, и дивиться надо было до какой степени онъ принималъ къ сердцу вещи иногда совершенно до него не касавшіяся. Мнѣ всегда казалось что главною чертой его

характера была зависть. Когда я, въ тотъ же вечеръ, передалъ Степану Трофимовичу о встрѣчѣ утромъ съ Лилутинымъ и о нашемъ разговорѣ, — тотъ, къ удивленію моему, чрезвычайно взволновался и задалъ мнѣ дикій вопросъ: „знаетъ Лилутинъ или нѣтъ.“ Я сталъ ему доказывать что возможности не было узнать такъ скоро, да и не отъ кого; но Степанъ Трофимовичъ стоялъ на своемъ:

— Вотъ вѣрьте или нѣтъ,—заключилъ онъ подъ конецъ неожиданно,—а я убѣжденъ что ему не только уже извѣстно все со всѣми подробностями о *нашемъ* положеніи, но что онъ и еще что-нибудь сверхъ того знаетъ, что-нибудь такое чего ни вы, ни я еще не знаемъ, а можетъ-быть никогда и не узнаемъ, или узнаемъ когда уже будетъ поздно, когда уже нѣтъ возврата!...

Я промолчалъ, но слова эти на многое намекали. Послѣ того, цѣлыхъ пять дней мы ни слова не упоминали о Лилутинѣ; мнѣ ясно было что Степанъ Трофимовичъ очень жалѣлъ о томъ что обнаружилъ предо мною такія подозрѣнія и проговорился.

II.

Однажды поутру,—то-есть на седьмой или восьмой день послѣ того какъ Степанъ Трофимовичъ согласился стать женихомъ, — часовъ около одиннадцати, когда я спѣшилъ, по обыкновенію, къ моему скорбному другу, дорогой произошло со мной приключеніе.

Я встрѣтилъ Кармазинова, „великаго писателя“, какъ величалъ его Лилутинъ. Кармазинова я читалъ съ дѣтства. Его повѣсти и разсказы извѣстны всему прошлому и даже нашему поколѣнію; я же упивался ими; онѣ были наслажденіемъ моего отрочества и моей молодости. Потомъ я нѣсколько охладѣлъ къ его перу; повѣсти съ направленіемъ, которыя онъ все писалъ въ послѣднее время, мнѣ уже не такъ понравились, какъ первыя, первоначальныя его созданія, въ которыхъ было столько непосредственной поэзіи; а самыя послѣднія сочиненія его такъ даже вовсе мнѣ не нравились.

Вообще говоря, если осмѣлюсь выразить мое мнѣніе въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, всѣ эти наши господа таланты средней руки, принимаемые по обыкновенію при жизни ихъ чуть не за геніевъ,—не только исчезаютъ чуть не безслѣдно

и какъ-то вдругъ изъ ламатя людей, когда умираютъ, но случается что даже и при жизни ихъ, чуть лишь подростетъ новое поколѣніе, смѣняющее то при которомъ они дѣйствовали,—забываются и пренебрегаются всѣми непостижимо скоро. Какъ-то это вдругъ у насъ происходитъ, точно перемѣна декораціи на тетрѣ. О, тутъ совсѣмъ не то что съ Пушкинымъ, Гоголями, Мольерами, Вольтерами, со всѣми этими дѣятелями приходившими сказать свое новое слово! Правда и то что и сами эти господа таланты средней руки, на склонѣ почтенныхъ лѣтъ своихъ, обыкновенно самымъ жалкимъ образомъ у насъ исписываются, совсѣмъ даже и не замѣчая того. Нерѣдко оказывается что писатель которому долго приписывали чрезвычайную глубину идей и отъ котораго ждали чрезвычайнаго и серіознаго вліянія на движеніе общества обнаруживаетъ подъ конецъ такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки что никто даже и не жалѣетъ о томъ что онъ такъ скоро умѣлъ исписаться. Но сѣдые старички не замѣчаютъ того и сердятся. Самолюбіе ихъ, именно подъ конецъ ихъ поприща, принимаетъ иногда размѣры достойные удивленія. Богъ знаетъ за кого они начинаютъ принимать себя,—по крайней мѣрѣ за боговъ. Про Кармазинова разказывали что онъ дорожитъ связями своими съ сильными людьми и съ обществомъ высшимъ чуть не больше души своей. Разказывали что онъ васъ встрѣтитъ, обласкаетъ, прельститъ, обворожитъ своимъ простодушіемъ, особенно если вы ему почему-нибудь нужны и, ужъ разумѣется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первомъ князѣ, при первой графинѣ, при первомъ человѣкѣ котораго онъ боится, онъ почтетъ священнѣйшимъ долгомъ забыть васъ съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, какъ щепку, какъ муху, тутъ же, когда вы еще не успѣли отъ него выйти; онъ серіозно считаетъ это самымъ высокимъ и прекраснымъ тономъ. Несмотря на полную выдержку и совершенное знаніе хорошихъ манеръ, онъ до того, говорятъ, самолюбивъ, до такой истерики, что никакъ не можетъ скрыть своей авторской раздражительности даже и въ тѣхъ кругахъ общества гдѣ мало интересуются литературой. Если же случайно кто-нибудь озадачивалъ его своимъ равнодушіемъ, то онъ обижался болѣзненно и старался отмстить.

Съ годъ тому назадъ я читалъ въ журналѣ статью его, на-

писанную съ страшною претензіей на самую наивную поэзію и при этомъ на психологію. Онъ описывалъ гибель одного парохода гдѣ-то у англійскаго берега, чему самъ былъ свидѣтелемъ и видѣлъ какъ спасали погибавшихъ и вытаскивали утопленниковъ. Вся статья эта, довольно длинная и многорѣчивая, написана была единственно съ цѣлію выставить себя самого. Такъ и читалось между строками: „Интересуйтесь мною, смотрите каковъ я былъ въ эти минуты. Зачѣмъ вамъ это море, буря, скалы, разбитыя щелки корабля? Я вѣдь достаточно описалъ вамъ все это моимъ могучимъ перомъ. Чего вы смотрите на эту утопленницу съ мертвымъ ребенкомъ въ мертвыхъ рукахъ? Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ слизой; вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ; я жмурю глаза — не правда ли какъ это интересно?“ Когда я передалъ мое мнѣніе о статьѣ Кармазинова Степану Трофимовичу, онъ со мной согласился.

Когда пошли у насъ недавніе слухи что пріѣдетъ Кармазиновъ, я, разумѣется, ужасно пожелалъ его увидать и, если возможно, съ нимъ познакомиться. Я зналъ что могъ бы это сдѣлать чрезъ Степана Трофимовича; они когда-то были друзьями. И вотъ вдругъ я встрѣчаюсь съ нимъ на перекресткѣ. Я тотчасъ узналъ его, мнѣ уже его показали дня три тому назадъ, когда онъ проѣзжалъ въ коляскѣ съ губернаторшей.

Это былъ очень не высокій, чолорный стиричокъ, лѣтъ впрочемъ не болѣе пятидесяти пяти, съ довольно румянымъ личикомъ, съ густыми сѣденькими локончиками, выбившимися изъ-подъ круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около чистенькихъ, розовенькихъ, маленькихъ ушковъ его. Чистенькое личико его было не совсѣмъ красиво, съ тонкими, длинными, хитро сложенными губами, съ нѣсколько мясистымъ носомъ и съ востренькими, умными, маленькими глазками. Онъ былъ одѣтъ какъ-то ветхо, въ какомъ-то плащѣ въ накидку, какой напримѣръ носили бы въ этотъ сезонъ гдѣнибудь въ Швейцаріи или въ сѣверной Италіи. Но по крайней мѣрѣ всѣ мелкія вещицы его костюма: запоночки, воротнички, луговки, черепаховый лорнетъ на черной тоненькой ленточкѣ, перстенекъ, непремѣнно были такія же какъ и у людей безукоризненно хорошаго тона. Я увѣренъ что лѣтомъ онъ ходитъ непремѣнно въ какихъ-нибудь цвѣтныхъ, плюшелевыхъ ботиночкахъ съ перламутровыми луговками съ боку. Когда

мы столкнулись, онъ пріостановился на поворотѣ улицы и осматривался со вниманіемъ. Замѣтивъ что я любопытно смотрю на него, онъ медовымъ, хотя нѣсколько крикливымъ голоскомъ спросилъ меня:

— Позвольте узнать какъ мнѣ ближе выйти на Быкову улицу?

— На Быкову улицу? Да это здѣсь, сейчасъ же, вскричалъ я въ необыкновенномъ волненіи.—Все прямо по этой улицѣ и потомъ второй поворотъ налѣво.

— Очень вамъ благодаренъ.

Проклятіе на эту минуту: я кажется оробѣлъ и смотрѣлъ подобострастно! Онъ мигомъ все это замѣтилъ и конечно тотчасъ же все узналъ, то-есть узналъ что мнѣ уже извѣстно кто онъ такой, что я его читалъ и благоговѣлъ предъ нимъ съ самаго дѣтства, что я теперь оробѣлъ и смотрю подобострастно. Онъ улыбнулся, кивнулъ еще разъ головой и пошелъ прямо какъ я указалъ ему. Не знаю для чего я поворотилъ за нимъ назадъ; не знаю для чего я пробѣжалъ подлѣ него десять шаговъ. Онъ вдругъ опять остановился.

— А не могли бы вы мнѣ указать гдѣ здѣсь всего ближе стоятъ извощики? прокричалъ онъ мнѣ опять.

Скверный крикъ; скверный голосъ!

— Извощики? Извощики всего ближе отсюда... у собора стоятъ, тамъ всегда стоятъ,—и вотъ я чуть было не повернулся бѣжать за извощикомъ. Я подозрѣваю что онъ именно этого и ждалъ отъ меня. Разумѣется, я тотчасъ же опомнился и остановился, но движеніе мое онъ замѣтилъ очень хорошо и слѣдилъ за мною все съ тою же скверною улыбкой. Тутъ случилось то чего я никогда не забуду.

Онъ вдругъ уронилъ крошечный сакъ, который держалъ въ своей лѣвой рукѣ. Впрочемъ это былъ не сакъ, а какая-то коробочка, или, вѣрнѣе, какой-то портфельчикъ, или еще лучше, ридикюльчикъ, въ родѣ старинныхъ дамскихъ ридикюлей, впрочемъ не знаю что это было, но знаю только что я, кажется, бросился его поднимать.

Я совершенно убѣжденъ что я его не поднялъ, но первое движеніе сдѣланное мною было неоспоримо; скрыть его я уже не могъ и покраснѣлъ какъ дуракъ. Хитрецъ тотчасъ же извлекъ изъ обстоятельства все что ему можно было извлечь.

— Не безпокойтесь, я самъ, очаровательно проговорилъ онъ, то-есть когда уже вполнѣ замѣтилъ что я не подниму

ему рядикюль, поднялъ его, какъ будто предупреждая меня, кивнулъ еще разъ головой и отправился своею дорогой, оставивъ меня въ дуракахъ. Было все равно какъ бы я самъ поднялъ. Минутъ съ пять я считалъ себя вполнѣ и на вѣки опозореннымъ; но подойдя къ дому Степана Трофимовича, я вдругъ расхохотался. Встрѣча показалась мнѣ такъ забавною что я немедленно рѣшилъ потѣшить разказомъ Степана Трофимовича и изобразить ему всю сцену даже въ лицахъ.

III.

Но на этотъ разъ, къ удивленію моему, я засталъ его въ чрезвычайной перемѣнѣ. Онъ, правда, съ какою-то жадностію набросился на меня только-что я вошелъ, и сталъ меня слушать, но съ такимъ растеряннымъ видомъ, что сначала видимо не понималъ моихъ словъ. Но только-что я произнесъ имя Кармазинова, онъ совершенно вдругъ вышелъ изъ себя.

— Не говорите мнѣ, не произносите! воскликнулъ онъ чуть не въ бѣшенствѣ,—вотъ, вотъ смотрите, читайте! читайте!

Онъ выдвинулъ ящикъ и выбросилъ на столъ три небольшіе клочка бумаги, писанные наскоро карандашомъ, всѣ отъ Варвары Петровны. Первая записка была отъ третьяго дня, вторая отъ вчерашняго, а послѣдняя пришла сегодня, всего часъ назадъ; содержанія самаго пустаго, всѣ о Кармазиновѣ и обличали суетное и честолюбивое волненіе Варвары Петровны отъ страха что Кармазиновъ забудетъ ей сдѣлать визитъ. Вотъ первая, отъ третьяго дня (вѣроятно была и отъ четвертаго дня, а можетъ-быть и отъ пятаго):

„Если онъ наконецъ удостоитъ васъ сегодня, то обо мнѣ прошу ни слова. Ни малѣйшаго намека. Не заговаривайте и не напоминайте.

„В. С.“

Вчерашняя:

„Если онъ рѣшится, наконецъ, сегодня утромъ вамъ сдѣлать визитъ, всего благороднѣе, я думаю, совсѣмъ не принять его. Такъ по-моему, не знаю какъ по-вашему.

„В. С.“

Сегодняшняя, послѣдняя:

„Я убѣждена что у васъ сору цѣлый возъ и дымъ столбомъ отъ табаку. Я вамъ пришлю Марью и Ѳомушку; они въ пол-

часа приберутъ. А вы не мѣшайте и посидите въ кухнѣ пока прибираютъ. Посылаю бухарскій коверъ и двѣ китайскія вазы; давно собиралась вамъ подарить, и сверхъ того моего Теньера (на время). Вазы можно поставить на окошко, а Теньера повѣсьте справа надъ портретомъ Гете, тамъ виднѣе и по утрамъ всегда свѣтъ. Если онъ наконецъ появится, примите утонченно вѣжливо, но постарайтесь говорить о пустякахъ, объ чемъ-нибудь ученомъ, и съ такимъ видомъ какъ будто вы вчера только разстались. Обо мнѣ ни слова. Можетъ-быть зайду взглянуть у васъ вечеромъ.

„В. С.

„P. S. Если и сегодня не пріѣдетъ, то совсѣмъ не пріѣдетъ."

Я прочелъ и удивился что онъ въ такомъ волненіи отъ такихъ пустяковъ. Взглянувъ на него вопросительно, я вдругъ замѣтилъ что онъ, пока я читалъ, успѣлъ перемѣнить свой всегдашній бѣлый галстукъ на красный. Шляпа и палка его лежали на столѣ. Самъ же былъ блѣденъ и даже руки его дрожали.

— Я знать не хочу ея волненій! изступленно вскричалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ.—Je m'en fiche! Она имѣетъ духъ волноваться о Кармазиновѣ, а мнѣ на мои письма не отвѣчаетъ! Вотъ, вотъ нераспечатанное письмо мое которое она вчера воротила мнѣ, вотъ тутъ на столѣ, подъ книгой, подъ *l'Homme qui rit*. Какое мнѣ дѣло что она убивается о Ни-ко-ленькѣ! Je m'en fiche et je proclame ma liberté! Au diable le Karmazinoff! Au diable la Lembke! Я вазы спряталъ въ переднюю, а Теньера въ комодъ, а отъ нея потребовалъ чтобъ она сейчасъ же приняла меня. Слышите: потребовалъ! Я послалъ ей такой же клочокъ бумаги, карандашомъ, незапечатанный, съ Настасьей, и жду. Я хочу чтобы Дарья Павловна сама объявила мнѣ изъ своихъ устъ и предъ лицомъ неба, или по крайней мѣрѣ предъ вами. Vous me seconderez, n'est-ce pas, comme ami et temoin. Я не хочу краснѣть, я не хочу лгать, я не хочу тайнъ, я не допущу тайнъ въ этомъ дѣлѣ! Пусть мнѣ во всемъ признаются, откровенно, простодушно, благородно, и тогда.... тогда я можетъ-быть удивлю все поколѣніе великодушіемъ!... Подлецъ я или нѣтъ, милостивый государь? заключилъ онъ вдругъ, грозно смотря на меня, какъ будто я-то и считалъ его подлецомъ.

Я попросилъ его выпить воды; я еще не видалъ его въ такомъ видѣ. Все время пока говорилъ, онъ бѣгалъ изъ угла

въ уголъ по комнатѣ, но вдругъ остановился предо мной въ какой-то необычайной позѣ.

— Неужели вы думаете, началъ онъ опять съ болѣзненнымъ высокомѣріемъ, оглядывая меня съ ногъ до головы,— неужели вы можете предположить что я, Степанъ Верховенскій, не найду въ себѣ столько нравственной силы чтобы, взявъ мою коробку,—нищенскую коробку мою!—и взваливъ ее на слабыя плечи, выйти за ворота и исчезнуть отсюда на вѣки, когда того потребуетъ честь и великій принципъ независимости? Степану Верховенскому не въ первый разъ отражать деспотизмъ великодушіемъ, хотя бы и деспотизмъ сумашедшей женщины, то-есть самый обидный и жестокій деспотизмъ какой только можетъ осуществиться на свѣтѣ, несмотря на то что вы сейчасъ, кажется, позволили себѣ усмѣхнуться словамъ моимъ, милостивый государь мой! О, вы не вѣрите что я смогу найти въ себѣ столько великодушія чтобы сумѣть кончить жизнь у купца гувернеромъ или умереть съ голоду подъ заборомъ! Отвѣчайте, отвѣчайте немедленно: вѣрите вы или не вѣрите?

Но я смолчалъ нарочно. Я даже сдѣлалъ видъ что не рѣшаюсь обидѣть его отвѣтомъ отрицательнымъ, но не могу отвѣчать утвердительно. Во всемъ этомъ раздраженіи было нѣчто такое что рѣшительно обижало меня, и не лично, о, нѣтъ! Но.... я потомъ объяснюсь.

Онъ даже побѣднѣлъ.

— Можетъ-быть вамъ скучно со мной, Г—въ (это моя фамилія), и вы бы желали.... не приходить ко мнѣ вовсе? проговорилъ онъ тѣмъ тономъ блѣднаго спокойствія который обыкновенно предшествуетъ какому-нибудь необычайному взрыву. Я вскочилъ въ испугѣ; въ то же мгновеніе вошла Настасья и молча протянула Степану Трофимовичу бумажку на которой написано было что-то карандашомъ. Онъ взглянулъ и перебросилъ мнѣ. На бумажкѣ рукой Варвары Петровны написаны были всего только два слова: „сидите дома“.

Степанъ Трофимовичъ молча схватилъ шляпу и палку и быстро пошелъ изъ комнаты; я машинально за нимъ. Вдругъ голоса и шумъ чьихъ-то скорыхъ шаговъ послышались въ корридорѣ. Онъ остановился какъ пораженный громомъ.

— Это Липутинъ, и я пропалъ! прошепталъ онъ, схвативъ меня за руку.

Въ ту же минуту въ комнату вошелъ Липутинъ.

IV.

Почему бы онъ пропалъ отъ Лилутина, я не зналъ, да и цѣны не придавалъ слову; я все прилисывалъ нервамъ. Но все-таки испугъ его былъ необычайный, и я рѣшился пристально наблюдать.

Ужь одинъ видъ входившаго Лилутина заявлялъ что на этотъ разъ онъ имѣетъ особенное право войти, несмотря на всѣ запрещенія. Онъ велъ за собою одного неизвѣстнаго господина, должно-быть пріѣзжаго. Въ отвѣтъ на безсмысленный взглядъ остолбенѣвшаго Степана Трофимовича, онъ тотчасъ же и громко воскликнулъ:

— Гостя веду, и особеннаго! Осмѣливаюсь нарушить уединеніе. Господинъ Кириловъ, замѣчательнѣйшій инженеръ-строитель. А главное сынка вашего знаютъ, многоуважаемаго Петра Степановича; очень коротко-съ; и порученіе отъ нихъ имѣютъ. Вотъ только-что пожаловали.

— О порученіи вы прибавили, рѣзко замѣтилъ гость, — порученія совсѣмъ не бывало, а Верховенскаго я, вправдѣ, знаю. Оставилъ въ Х—ской губерніи, десять дней предъ нами.

Степанъ Трофимовичъ машинально подалъ руку и указалъ садиться; посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ на Лилутина, и вдругъ, какъ бы опомнившись, поскорѣе сѣлъ самъ, но все еще держа въ рукѣ шляпу и палку и не замѣчая того.

— Ба, да вы сами на выходѣ! А мнѣ-то вѣдь сказали что вы совсѣмъ прихворнули отъ занятій.

— Да, я боленъ, и вотъ теперь хотѣлъ гулять, я.... Степанъ Трофимовичъ остановился, быстро откинулъ на диванъ шляпу и палку, и—покраснѣлъ.

Я между тѣмъ наскоро разсматривалъ гостя. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ около двадцати семи, прилично одѣтый, стройный и сухощавый брюнетъ, съ блѣднымъ, нѣсколько грязноватаго оттѣнка лицомъ и съ черными глазами безъ блеску. Онъ казался нѣсколько задумчивымъ и разсѣяннымъ, говорилъ отрывисто и какъ-то не граматически, какъ-то странно переставлялъ слова и путался если приходилось составить фразу подлиннѣе. Лилутинъ совершенно замѣтилъ чрезвычайный испугъ Степана Трофимовича и видимо былъ доволенъ. Онъ усѣлся на плетеномъ стулѣ, который вытащилъ чуть не

на средину комнаты, чтобы находиться въ одинаковомъ разстояніи между хозяиномъ и гостемъ, размѣстившимися одинъ противъ другаго на двухъ противоположныхъ диванахъ. Острые глаза его съ любопытствомъ шныряли по всѣмъ угламъ.

— Я.... давно уже не видалъ Петрушу.... Вы за границей встрѣтились? пробормоталъ кое-какъ Степанъ Трофимовичъ гостю.

— И здѣсь и за границей.

— Алексѣй Нилычъ сами только-что изъ-за границы, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, подхватилъ Липутинъ; — ѣздили для усовершенствованія себя въ своей спеціальности, и къ намъ прибыли, имѣя основаніе надѣяться получить мѣсто при постройкѣ нашего желѣзнодорожнаго моста, и теперь отвѣта ожидаютъ. Они съ господами Дроздовыми, съ Лизаветой Николаевной знакомы чрезъ Петра Степановича.

Инженеръ сидѣлъ какъ будто нахохлившись и прислушивался съ неловкимъ нетерпѣніемъ. Мнѣ показалось что онъ былъ на что-то сердитъ.

— Они и съ Николаемъ Всеволодовичемъ знакомы-съ.

— Знаете и Николая Всеволодовича? освѣдомился Степанъ Трофимовичъ.

— Знаю и этого.

— Я.... я чрезвычайно давно уже не видалъ Петрушу и.... такъ мало нахожу себя въ правѣ называться отцомъ.... c'est le mot; я.... какъ же вы его оставили?

— Да такъ и оставилъ.... онъ самъ пріѣдетъ, опять послѣшилъ отдѣлаться господинъ Кириловъ. Рѣшительно онъ сердился.

— Пріѣдетъ! Наконецъ-то я.... видите ли, я слишкомъ давно уже не видалъ Петрушу! завязъ на этой фразѣ Степанъ Трофимовичъ; — жду теперь моего бѣднаго мальчика, предъ которымъ.... о, предъ которымъ я такъ виноватъ! То-есть, я собственно хочу сказать что, оставляя его тогда въ Петербургѣ, я.... однимъ словомъ, я считалъ его за ничто, quelque chose dans ce genre. Мальчикъ, знаете, нервный, очень чувствительный и.... боязливый. Ложась спать, клалъ земные поклоны и крестилъ подушку, чтобы ночью не умереть.... je m'en souviens. Enfin, чувства изящнаго никакого, то-есть чего-нибудь высшаго, основнаго, какого-нибудь зародыша будущей идеи.... c'était comme un petit idiot. Впрочемъ, я самъ кажется слутался, извините, я.... вы меня застали....

— Вы серіозно что онъ лодушку крестилъ? съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ вдругъ освѣдомился инженеръ.

— Да, крестилъ....

— Нѣтъ, я такъ; продолжайте.

Степанъ Трофимовичъ вопросительно поглядѣлъ на Лилутина.

— Я очень вамъ благодаренъ за ваше посѣщеніе, но признаюсь я теперь.... не въ состояніи.... Позвольте однако узнать гдѣ квартируете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Ахъ, это тамъ же гдѣ Шатовъ живетъ, замѣтилъ я невольно.

— Именно, въ томъ же самомъ домѣ, воскликнулъ Лилутинъ,—только Шатовъ на верху стоитъ, въ мезонинѣ, а они внизу помѣстились, у капитана Лебядкина. Они и Шатова знаютъ, и супругу Шатова знаютъ. Очень близко съ нею за границей встрѣчались.

— Comment! Такъ неужели вы что-нибудь знаете объ этомъ несчастномъ супружествѣ de ce pauvre ami и эту женщину? воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ, вдругъ увлекшись чувствомъ,—васъ перваго человѣка встрѣчаю, лично знающаго; и если только....

— Какой вздоръ! отрѣзалъ инженеръ весь вспыхнувъ,—какъ вы, Лилутинъ, прибавляете! Ни какъ я не видалъ жену Шатова; разъ только издали, а вовсе не близко.... Шатова знаю. Зачѣмъ же вы прибавляете разныя вещи?

Онъ круто повернулся на диванѣ, захватилъ свою шляпу, потомъ опять отложилъ, и снова усѣвшись попрежнему, съ какимъ-то вызовомъ уставился своими черными вспыхнувшими глазами на Степана Трофимовича. Я никакъ не могъ понять такой странной раздражительности.

— Извините меня, внушительно замѣтилъ Степанъ Трофимовичъ,—я понимаю что это дѣло можетъ-быть деликатнѣйшимъ....

— Никакого тутъ деликатнѣйшаго дѣла нѣтъ и даже это стыдно, а я не вамъ кричалъ что „вздоръ“, а Лилутину, зачѣмъ онъ прибавляетъ. Извините меня если на свое имя приняли. Я Шатова знаю, а жену его совсѣмъ не знаю.... совсѣмъ не знаю!

— Я понялъ, понялъ и если настаивалъ, то потому лишь что очень люблю нашего бѣднаго друга, notre irascible ami,

и всегда интересовался.... Человѣкъ этотъ слишкомъ круто измѣнилъ, на мой взглядъ, свои прежнія, можетъ-быть слишкомъ молодыя, но все-таки правильныя мысли. И до того кричитъ теперь объ notre sainte Russie разныя вещи что я давно уже приписываю этотъ переломъ въ его организмѣ— иначе назвать не хочу—какому-нибудь сильному семейному потрясенію и именно неудачной его женитьбѣ. Я, который изучалъ мою бѣдную Россію какъ два мои пальца, а Русскому народу отдалъ всю мою жизнь, я могу васъ завѣрить что онъ Русскаго народа не знаетъ, и въ добавокъ....

— Я тоже совсѣмъ не знаю Русскаго народа и.... вовсе нѣтъ времени изучать! отрѣзалъ опять инженеръ и опять круто повернулся на диванѣ. Степанъ Трофимовичъ осѣкся на половинѣ рѣчи.

— Они изучаютъ, изучаютъ, подхватилъ Липутинъ, — они уже начали изученіе и составляютъ любопытнѣйшую статью о причинахъ участившихся случаевъ самоубійства въ Россіи и вообще о причинахъ учащающихъ или задерживающихъ распространеніе самоубійства въ обществѣ. Дошли до удивительныхъ результатовъ.

Инженеръ страшно взволновался.

— Это вы вовсе не имѣете права, гнѣвно забормоталъ онъ,—я вовсе не статью. Я не стану глупостей. Я васъ конфиденціально спросилъ совсѣмъ нечаянно. Тутъ не статья вовсе; я не публикую, а вы не имѣете права....

Липутинъ видимо наслаждался.

— Виноватъ-съ, можетъ-быть и ошибся называя вашъ литературный трудъ статьей. Они только наблюденія собираютъ, а до сущности вопроса или такъ-сказать до нравственной его стороны совсѣмъ не прикасаются, и даже самую нравственность совсѣмъ отвергаютъ, а держатся новѣйшаго принципа всеобщаго разрушенія для добрыхъ окончательныхъ цѣлей. Они уже больше чѣмъ сто милліоновъ головъ требуютъ, для водворенія здраваго разсудка въ Европѣ, гораздо больше чѣмъ на послѣднемъ конгрессѣ мира потребовали. Въ этомъ смыслѣ Алексѣй Нилычъ дальше всѣхъ пошли.

Инженеръ слушалъ съ презрительною и блѣдною улыбкой. Съ полминуты всѣ помолчали.

— Все это глупо, Липутинъ, проговорилъ наконецъ г. Кириловъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ.—Если я нечаянно сказалъ вамъ нѣсколько пунктовъ, а вы подхватили, то какъ

хотите. Но вы не имѣете права, потому что я никогда никому не говорю. Я презираю чтобы говорить.... Если есть убѣжденія, то для меня ясно.... а это глупо что вы сдѣлали. Я не разсуждаю объ тѣхъ пунктахъ гдѣ совсѣмъ кончено. Я терпѣть не могу разсуждать. Я никогда не хочу разсуждать....

— И можетъ-быть прекрасно дѣлаете, не утерпѣлъ Степанъ Трофимовичъ.

— Я вамъ извиняюсь, но я здѣсь ни на кого не сержусь, продолжалъ гость горячею скороговоркой;—я четыре года видѣлъ мало людей.... Я мало четыре года разговаривалъ и старался не встрѣчать, для моихъ цѣлей, до которыхъ нѣтъ дѣла, четыре года. Липутинъ это нашелъ и смѣется. Я понимаю и не смотрю. Я не обидливъ, а только досадно на его свободу. А если я съ вами не излагаю мыслей, заключилъ онъ неожиданно и обводя всѣхъ насъ твердымъ взглядомъ, то вовсе не съ тѣмъ что боюсь отъ васъ доноса правительству; это нѣтъ; пожалуста не подумайте пустяковъ въ этомъ смыслѣ....

На эти слова уже никто ничего не отвѣтилъ, а только переглянулись. Даже самъ Липутинъ позабылъ хихикнуть.

— Господа, мнѣ очень жаль, съ рѣшимостью поднялся съ дивана Степанъ Трофимовичъ, — но я чувствую себя нездоровымъ и разстроеннымъ. Извините.

— Ахъ это чтобъ уходить, спохватился господинъ Кириловъ, схватывая картузъ, — это хорошо что сказали, а то я задумчивъ.

Онъ всталъ и съ простодушнымъ видомъ подошелъ съ протянутою рукой къ Степану Трофимовичу.

— Жаль что вы нездоровы, а я пришелъ.

— Желаю вамъ всякаго у насъ успѣха, отвѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, доброжелательно и неторопливо пожимая его руку.—Понимаю что если вы, по вашимъ словамъ, такъ долго прожили за границей, чуждаясь для своихъ цѣлей людей и— забыли Россію, то конечно вы на насъ, коренныхъ Русаковъ, поневолѣ должны смотрѣть съ удивленіемъ, а мы равномѣрно на васъ. Mais cela passera. Въ одномъ только и затрудняюсь: Вы хотите строить нашъ мостъ и въ то же время объявляте что стоите за принципъ всеобщаго разрушенія. Не дадутъ вамъ строить нашъ мостъ!

— Какъ? Какъ это вы сказали.... ахъ чортъ! воскликнулъ пораженный Кириловъ и вдругъ разсмѣялся самымъ веселымъ и яснымъ смѣхомъ. На мгновеніе лицо его приняло самое

дѣтское выраженіе и, мнѣ показалось, очень къ нему идущее. Лилутинъ потиралъ руки въ восторгѣ отъ удачнаго словца Степана Трофимовича. А я все дивился про себя: чего Степанъ Трофимовичъ такъ испугался Лилутина и почему вскричалъ: „я пропалъ“, услыхавъ его.

V.

Мы всѣ стояли на порогѣ въ дверяхъ. Былъ тотъ мигъ когда хозяева и гости обмѣниваются наскоро послѣдними и самыми любезными словечками, а затѣмъ благополучно расходятся.

— Это все оттого они такъ угрюмы сегодня, ввернулъ вдругъ Лилутинъ, совсѣмъ уже выходя изъ комнаты и такъ сказать на лету,—оттого что съ капитаномъ Лебядкинымъ шумъ у нихъ давича вышелъ изъ-за сестрицы. Капитанъ Лебядкинъ ежедневно свою прекрасную сестрицу, ломѣшанную, нагайкой стегаетъ, настоящей казацкой-съ, по утрамъ и по вечерамъ. Такъ Алексѣй Нилычъ въ томъ же домѣ флигель даже заняли, чтобы не участвовать. Ну-съ, до свиданья.

— Сестру? Больную? Нагайкой? такъ и вскрикнулъ Степанъ Трофимовичъ,—точно его самого вдругъ охлеснули нагайкой, какую сестру? Какой Лебядкинъ?

Давешній испугъ воротился въ одно мгновеніе.

— Лебядкинъ? А это отставной капитанъ; прежде онъ только штабсъ-капитаномъ себя называлъ....

— Э, какое мнѣ дѣло до чина! Какую сестру? Боже мой.... вы говорите Лебядкинъ? Но вѣдь у насъ былъ Лебядкинъ....

— Тотъ самый и есть, *нашъ* Лебядкинъ, вотъ, помните, у Виргинскаго?

— Но вѣдь тотъ съ фальшивыми бумажками попался?

— А вотъ и воротился, ужь почти три недѣли и при самыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

— Да вѣдь это негодяй!

— Точно у насъ ужь и не можетъ завестись негодяя? осклабился вдругъ Лилутинъ, какъ бы ощупывая своими воровательскими глазками Степана Трофимовича.

— Ахъ, Боже мой, я совсѣмъ не про то.... хотя впрочемъ о негодяѣ съ вами совершенно согласенъ, именно съ вами. Но что жь дальше, дальше? Что вы хотѣли этимъ сказать?.. Вѣдь вы непремѣнно что-то хотите этимъ сказать!

— Да все это такіе пустяки-съ.... то-есть этотъ капитанъ, по всѣмъ видимостямъ, уѣзжалъ отъ насъ тогда не для фальшивыхъ бумажекъ, а единственно затѣмъ только чтобъ эту сестрицу свою розыскать, а та будто бы отъ него пряталась въ неизвѣстномъ мѣстѣ; ну а теперь привезъ, вотъ и вся исторія. Чего вы точно испугались, Степанъ Трофимовичъ? Впрочемъ я все съ его же пьяной болтовни говорю, а трезвый онъ и самъ объ этомъ прималчиваетъ. Человѣкъ раздражительный и, какъ бы такъ сказать, военно-эстетическій, но дурнаго только вкуса. А сестрица эта не только сумашедшая, но даже хромоногая. Была будто бы кѣмъ-то обольщена въ своей чести, и за это вотъ господинъ Лебядкинъ, уже многіе годы, будто бы съ обольстителя ежегодную дань беретъ, въ вознагражденіе благородной обиды, такъ по крайней мѣрѣ изъ его болтовни выходитъ—а по моему, пьяныя только слова-съ. Просто хвастается. Да и дѣлается это гораздо дешевле. А что суммы у него есть, такъ это совершенно ужь вѣрно; полторы недѣли назадъ на босу ногу ходилъ, а теперь, самъ видѣлъ, сотни въ рукахъ. У сестрицы приладки какіе-то ежедневные, визжитъ она, а онъ-то ее „въ порядокъ приводитъ“ нагайкой. Въ женщину, говоритъ, надо вселять уваженіе. Вотъ не пойму какъ еще Шатовъ надъ ними уживается. Алексѣй Нилычъ только три денька и простояли съ ними, еще съ Петербурга были знакомы, а теперь флигелекъ отъ безпокойства занимаютъ.

— Это все правда? обратился Степанъ Трофимовичъ къ инженеру.

— Вы очень болтаете, Липутинъ, пробормоталъ тотъ гнѣвно.

— Тайны, секреты! Откуда у насъ вдругъ столько тайнъ и секретовъ явилось! не сдерживая себя восклицалъ Степанъ Трофимовичъ.

Инженеръ нахмурился, покраснѣлъ, вскинулъ плечами и пошелъ было изъ комнаты.

— Алексѣй Нилычъ даже нагайку вырвали-съ, изломали и въ окошко выбросили и очень поссорились, прибавилъ Липутинъ.

— Зачѣмъ вы болтаете, Липутинъ, это глупо, зачѣмъ? мигомъ повернулся опять къ нимъ Алексѣй Нилычъ.

— Зачѣмъ же скрывать, изъ скромности, благороднѣйшія движенія своей души, то-есть вашей души-съ, я не про свою говорю.

— Какъ это глупо.... и совсѣмъ не нужно.... Лебядкинъ глупъ и совершенно пустой—и для дѣйствія безполезный и.... совершенно вредный. Зачѣмъ вы болтаете разныя вещи? Я ухожу.

— Ахъ какъ жаль! воскликнулъ Лилутинъ съ ясною улыбкой,—а то бы я васъ, Степанъ Трофимовичъ, еще однимъ анекдотцемъ насмѣшилъ-съ. Даже и шелъ съ тѣмъ намѣреніемъ чтобы сообщить, хотя вы впрочемъ навѣрно ужь и сами слышали. Ну да ужь въ другой разъ, Алексѣй Нилычъ такъ торопятся.... До свиданья-съ. Съ Варварой Петровной анекдотикъ-то вышелъ, насмѣшила она меня третьяго дня, нарочно за мной посылала, просто умора. До свиданья-съ.

Но ужь тутъ Степанъ Трофимовичъ такъ и вцѣпился въ него: онъ схватилъ его за плечи, круто повернулъ назадъ въ комнату и посадилъ на стулъ. Лилутинъ даже струсилъ.

— Да какъ же съ? началъ онъ самъ, осторожно смотря на Степана Трофимовича съ своего стула, — вдругъ призвали меня и спрашиваютъ „конфиденціально“ какъ я думаю въ собственномъ мнѣніи: помѣшанъ ли Николай Всеволодовичъ или въ своемъ умѣ? Какъ же не удивительно?

— Вы съума сошли! пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ, и вдругъ точно вышелъ изъ себя:

— Лилутинъ, вы слишкомъ хорошо знаете что только за тѣмъ и пришли чтобы сообщить какую-нибудь мерзость въ этомъ родѣ и.... еще что-нибудь хуже!

Въ одинъ мигъ приломилась мнѣ его догадка о томъ что Лилутинъ знаетъ въ нашемъ дѣлѣ не только больше нашего, но и еще что-нибудь, чего мы сами никогда не узнаемъ.

— Помилуйте, Степанъ Трофимовичъ! бормоталъ Лилутинъ будто бы въ ужасномъ испугѣ,—помилуйте....

— Молчите и начинайте! Я васъ очень прошу, господинъ Кириловъ, тоже воротиться и присутствовать, очень прошу! Садитесь. А вы, Лилутинъ, начинайте прямо, просто.... и безъ малѣйшихъ отговорокъ!

— Зналъ бы только что это васъ такъ фрапируетъ, такъ я бы совсѣмъ и не началъ-съ.... А я-то вѣдь думалъ что вамъ уже все извѣстно отъ самой Варвары Петровны!

— Совсѣмъ вы этого не думали! Начинайте, начинайте же, говорятъ вамъ!

— Только сдѣлайте одолженіе, присядьте ужь и сами, а то

что же я буду сидѣть, а вы въ такомъ волненіи будете передо мною.... бѣгать. Не складно выйдетъ-съ.

Степанъ Трофимовичъ сдержалъ себя и внушительно опустился въ кресло. Инженеръ ласмурно наставился въ землю. Лилутинъ съ неистовымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Да что же начинать.... такъ сконфузились....

VI.

— Вдругъ третьяго дня присылаютъ ко мнѣ своего человѣка: просятъ дескать побывать васъ завтра въ двѣнадцать часовъ. Можете представить? Я дѣло бросилъ, и вчера ровнешенько въ полдень звоню. Вводятъ меня прямо въ гостиную; подождалъ съ минутку—вышли; посадили, сами напротивъ сѣли. Сижу и вѣрить отказываюсь; сами знаете какъ она меня всегда третировала! Начинаютъ прямо безъ изворотовъ, по ихъ всегдашней манерѣ: Вы помните, говоритъ, что четыре года назадъ Николай Всеволодовичъ, будучи въ болѣзни, сдѣлалъ нѣсколько странныхъ поступковъ, такъ что недоумѣвалъ весь городъ, пока все объяснилось. Одинъ изъ этихъ поступковъ касался васъ лично. Николай Всеволодовичъ тогда къ вамъ заѣзжалъ по выздоровленіи и по моей просьбѣ. Мнѣ извѣстно тоже что онъ и прежде нѣсколько разъ съ вами разговаривалъ. Скажите откровенно и прямодушно какъ вы.... (тутъ замялись немного)—какъ вы находили тогда Николая Всеволодовича.... Какъ вы смотрѣли на него вообще.... какое мнѣніе о немъ могли составить и.... теперь имѣете?...

Тутъ ужь совершенно замялись, такъ что даже переждали полную минутку и вдругъ покраснѣли. Я перепугался. Начинаютъ опять не то чтобы трогательнымъ, къ нимъ это нейдетъ, а такимъ внушительнымъ очень тономъ:

„Я желаю, говоритъ, чтобы вы меня хорошо и безошибочно, говоритъ, поняли. Я послала теперь за вами, потому что считаю васъ прозорливымъ и остроумнымъ человѣкомъ, способнымъ составить вѣрное наблюденіе (каковы комплименты!). Вы, говоритъ, поймете конечно и то что съ вами говоритъ мать.... Николай Всеволодовичъ испыталъ въ жизни нѣкоторыя несчастія и многіе перевороты. Все это, говоритъ, могло повліять на настроеніе ума его. Разумѣется, говоритъ, я не говорю про помѣшательство, этого никогда быть не можетъ!

(твердо и съ гордостію высказано). Но могло быть нѣчто странное, особенное, нѣкоторый оборотъ мыслей, наклонность къ нѣкоторому особому воззрѣнію (все это точныя слова ихъ, и я подивился, Степанъ Трофимовичъ, съ какою точностію Варвара Петровна умѣетъ объяснить дѣло. Высокаго ума дама!) По крайней мѣрѣ, говоритъ, я сама замѣтила въ немъ нѣкоторое постоянное безпокойство и стремленіе къ особеннымъ наклонностямъ. Но я мать, а вы человѣкъ посторонній, значитъ способны, при вашемъ умѣ, составить болѣе независимое мнѣніе. Умоляю васъ наконецъ (такъ и было выговорено: умоляю) сказать мнѣ всю правду, безо всякихъ ужимокъ, и если вы при этомъ дадите мнѣ обѣщаніе не забыть потомъ никогда что я говорила съ вами конфиденціально, то можете ожидать моей совершенной и впредь всегдашней готовности отблагодарить васъ при всякой возможности. Ну-съ, каково-съ!

— Вы.... вы такъ фрапировали меня.... пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ,—что я вамъ не вѣрю....

— Нѣтъ замѣтьте, замѣтьте, подхватилъ Лилутинъ, какъ бы и не слыхавъ Степана Трофимовича,—каково же должно быть волненіе и безпокойство, когда съ такимъ вопросомъ обращаются съ такой высоты къ такому человѣку какъ я, да еще снисходятъ до того что сами просятъ секрета. Это что же-съ? Ужь не получили ли извѣстій какихъ-нибудь о Николаѣ Всеволодовичѣ неожиданныхъ?

— Я не знаю.... извѣстій никакихъ.... я нѣсколько дней не видался, но.... но замѣчу вамъ.... лепеталъ Степанъ Трофимовичъ, видимо едва справляясь со своими мыслями,—но замѣчу вамъ, Лилутинъ, что если вамъ передано конфиденціально, а вы теперь при всѣхъ....

— Совершенно конфиденціально! Да разрази меня Богъ если я.... А коли здѣсь.... такъ вѣдь что же-съ? Развѣ мы чужіе, взять даже хоть бы и Алексѣя Нилыча?

— Я такого воззрѣнія не раздѣляю; безъ сомнѣнія, мы здѣсь трое сохранимъ секретъ, но васъ, четвертаго, я боюсь и не вѣрю вамъ ни въ чемъ!

— Да что вы это-съ? Да я луще всѣхъ заинтересованъ, вѣдь мнѣ вѣчная благодарность обѣщана! А вотъ я именно хотѣлъ, по сему же поводу, на чрезвычайно странный случай одинъ указать, болѣе такъ-сказать психологическій, чѣмъ просто странный. Вчера вечеромъ, подъ вліяніемъ разговора у Вар-

вары Петровны (сами можете представить какое впечатлѣніе на меня произвело), обратился я къ Алексѣю Нилычу съ отдаленнымъ вопросомъ: вы, говорю, и за границей, и въ Петербургѣ еще прежде знали Николая Всеволодовича; какъ вы, говорю, его находите относительно ума и способностей? Они и отвѣчаютъ этакъ лаконически, по ихъ манерѣ, что дескать тонкаго ума и со здравымъ сужденіемъ, говорятъ, человѣкъ. А не замѣтили ли вы, въ теченіи лѣтъ, говорю, нѣкотораго, говорю, какъ бы уклоненія идей, или особеннаго оборота мыслей, или нѣкотораго, говорю, какъ бы такъ-сказать помѣшательства? Однимъ словомъ, повторяю вопросъ самой Варвары Петровны. Представьте же себѣ: Алексѣй Нилычъ вдругъ задумались и сморщились вотъ точно такъ какъ теперь: „Да, говорятъ, мнѣ иногда казалось нѣчто странное". Замѣтьте при этомъ что если ужь Алексѣю Нилычу могло показаться нѣчто странное, то что же на самомъ-то дѣлѣ можетъ оказаться, а?

— Правда это? обратился Степанъ Трофимовичъ къ Алексѣю Нилычу.

— Я желалъ бы не говорить объ этомъ, отвѣчалъ Алексѣй Нилычъ, вдругъ подымая голову и сверкая глазами,—я хочу оспорить ваше право, Лилутинъ. Вы никакого не имѣете права на этотъ случай про меня. Я вовсе не говорилъ моего всего мнѣнія. Я хоть и знакомъ былъ въ Петербургѣ, но это давно, а теперь хоть и встрѣтилъ, но мало очень знаю Николая Ставрогина. Прошу васъ меня устранить и.... и все это похоже на сплетню.

Лилутинъ развелъ руками въ видѣ угнетенной невинности.

— Сплетникъ! Да ужь не шпіонъ-ли? Хорошо вамъ, Алексѣй Нилычъ, критиковать, когда вы во всемъ себя устраняете. А вы вотъ не повѣрите, Степанъ Трофимовичъ, чего ужь кажется-съ капитанъ Лебядкинъ, вѣдь ужь кажется глупъ какъ.... то-есть стыдно только сказать какъ глупъ; есть такое одно русское сравненіе, означающее степень; а вѣдь и онъ себя отъ Николая Всеволодовича обиженнымъ почитаетъ, хотя и преклоняется предъ его остроуміемъ: „Пораженъ, говоритъ, этимъ человѣкомъ: премудрый змій" (собственныя слова). А я ему (все подъ тѣмъ же вчерашнимъ вліяніемъ и уже послѣ разговора съ Алексѣемъ Нилычемъ), а что, говорю, капитанъ, какъ вы полагаете съ своей стороны: помѣшанъ вашъ премудрый змій или нѣтъ? Такъ вѣрите-ли, точно я его вдругъ

сзади кнутомъ охлестнулъ, безъ его позволенія; просто привскочилъ съ мѣста: „Да, говоритъ.... да, говоритъ, только это, говоритъ, не можетъ повліять....“ на что повліять, не досказалъ; да такъ потомъ горестно задумался, такъ задумался что и хмѣль соскочилъ. Мы въ Филипповомъ трактирѣ сидѣли-съ. И только черезъ полчаса развѣ ударилъ вдругъ кулакомъ по столу: „да, говоритъ, пожалуй онъ и помѣшанъ, только это не можетъ повліять....“ и опять не досказалъ на что повліять. Я вамъ, разумѣется, только экстрактъ разговора передаю, но вѣдь мысль-то понятна; кого ни спроси, всѣмъ одна мысль приходитъ, хотя бы прежде никому и въ голову не входила: „да, говорятъ, помѣшанъ; очень уменъ, но можетъ-быть и помѣшанъ.“

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ въ задумчивости и усиленно соображалъ.

— А почему Лебядкинъ знаетъ?

— А объ этомъ не угодно ли у Алексѣя Нилыча справиться, который меня сейчасъ здѣсь шпіономъ обозвалъ. Я шпіонъ и—не знаю, а Алексѣй Нилычъ знаютъ всю подноготную и молчатъ-съ.

— Я ничего не знаю, или мало, съ тѣмъ же раздраженіемъ отвѣчалъ инженеръ,—вы Лебядкина пьянымъ поите чтобъ узнавать. Вы и меня сюда привели чтобъ узнать, и чтобъ я сказалъ. Стало-быть вы шпіонъ!

— Я еще его не поилъ-съ, да и денегъ такихъ онъ не стóитъ, со всѣми его тайнами, вотъ что онѣ для меня значатъ, не знаю какъ для васъ. Напротивъ, это онъ деньгами сыплетъ, тогда какъ двѣнадцать дней назадъ ко мнѣ приходилъ пятнадцать копѣекъ выпрашивать, и это онъ меня шампанскимъ поитъ, а не я его. Но вы мнѣ мысль подаете, и коли надо будетъ, то и я его напою, и именно чтобы разузнать, и можетъ и разузнаю-съ.... секретики всѣ ваши-съ, злобно отгрызнулся Лилутинъ.

Степанъ Трофимовичъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на обоихъ спорщиковъ. Оба сами себя выдавали и главное нецеремонились. Мнѣ подумалось что Лилутинъ привелъ къ намъ этого Алексѣя Нилыча именно съ цѣлью втянуть его въ нужный разговоръ чрезъ третье лицо, любимый его маневръ.

— Алексѣй Нилычъ слишкомъ хорошо знаютъ Николая Всеволодовича, раздражительно продолжалъ онъ,—но только скрываютъ-съ. А что вы спрашиваете про капитана Лебяд-

кина, то тотъ раньше всѣхъ насъ съ нимъ познакомился въ Петербургѣ, лѣтъ пять или шесть тому, въ ту малоизвѣстную, если можно такъ выразиться, эпоху жизни Николая Всеволодовича, когда еще онъ и не думалъ насъ здѣсь пріѣздомъ своимъ осчастливить. Нашъ принцъ, надо заключить, довольно странный тогда выборъ знакомства въ Петербургѣ около себя завелъ. Тогда вотъ и съ Алексѣемъ Нилычемъ, кажется, познакомились.

— Берегитесь, Лилутинъ, предупреждаю васъ что Николай Всеволодовичъ скоро самъ сюда хотѣлъ быть, а онъ умѣетъ за себя постоять.

— Такъ меня-то за что же-съ? Я первый кричу что тончайшаго и изящнѣйшаго ума человѣкъ, и Варвару Петровну вчера въ этомъ смыслѣ совсѣмъ успокоилъ. „Вотъ въ характерѣ его, говорю ей, не могу поручиться.“ Лебядкинъ тоже въ одно слово вчера: „отъ характера его, говоритъ, пострадалъ“. Эхъ, Степанъ Трофимовичъ, хорошо вамъ кричать что сплетни да шпіонство, и замѣтьте когда уже сами отъ меня все выпытали, да еще съ такимъ чрезмѣрнымъ любопытствомъ. А вотъ Варвара Петровна такъ та прямо вчера въ самую точку: „вы, говоритъ, лично заинтересованы были въ дѣлѣ, потому къ вамъ и обращаюсь“. Да еще же бы нѣтъ-съ! Какія ужь тутъ цѣли когда я личную обиду при всемъ обществѣ отъ его превосходительства скушалъ! Кажется имѣю причины и не для однихъ сплетень поинтересоваться. Сегодня жметъ вамъ руку, а завтра ни съ того, ни съ сего, за хлѣбъ-соль вашу, васъ же бьетъ по щекамъ при всемъ честномъ обществѣ, какъ только ему полюбится. Съ жиру-съ! А главное у нихъ женскій полъ: мотыльки и храбрые лѣтушки! Помѣщики съ крылушками, какъ у древнихъ амуровъ, Печорины сердцеѣды! Вамъ хорошо, Степанъ Трофимовичъ, холостяку завзятому, такъ говорить, и за его превосходительство меня сплетникомъ называть. А вотъ женились бы, такъ какъ вы и теперь еще такой молодецъ изъ себя, на хорошенькой да на молоденькой, такъ пожалуй отъ нашего принца двери крючкомъ заложите, да баррикады въ своемъ же домѣ выстроите! Да чего ужь тутъ: вотъ только будь эта M-lle Лебядкина, которую сѣкутъ кнутьями, не сумашедшая и не кривоногая, такъ ей Богу подумалъ бы что она-то и есть жертва страстей нашего генерала, и что отъ этого самаго и пострадалъ капитанъ Лебядкинъ „въ своемъ фамильномъ достоинствѣ“,

какъ онъ самъ выражается. Только развѣ вкусу ихъ изящному противорѣчитъ, да для нихъ и то не бѣда. Всякая ягодка въ ходъ идетъ, только чтобы попалась подъ извѣстное ихъ настроеніе. Вы вотъ про сплетни, а развѣ я это кричу, когда ужь весь городъ стучитъ, а я только слушаю да поддакиваю: поддакивать-то не запрещено-съ.

— Городъ кричитъ? Объ чемъ же кричитъ городъ?

— То-есть это капитанъ Лебядкинъ кричитъ въ пьяномъ видѣ на весь городъ, ну, а вѣдь это не все ли равно что вся площадь кричитъ? Чѣмъ же я виноватъ? Я интересуюсь только между друзей-съ, потому что я все-таки здѣсь считаю себя между друзей-съ, съ невиннымъ видомъ обвелъ онъ насъ глазами.—Тутъ случай вышелъ-съ, сообразите-ка: выходитъ что его превосходительство будто бы выслали еще изъ Швейцаріи съ одною наиблагороднѣйшею дѣвицей, и такъ-сказать скромною сиротой, которую я имѣю честь знать, триста рублей для передачи капитану Лебядкину. А Лебядкинъ немного спустя получилъ точнѣйшее извѣстіе, отъ кого не скажу, но тоже отъ наиблагороднѣйшаго лица, а стало-быть достовѣрнѣйшаго, что не триста рублей, а тысяча была выслана!... Стало-быть, кричитъ Лебядкинъ, дѣвица семьсотъ рублей у меня утащила, и вытребовать хочетъ чуть не полицейскимъ порядкомъ, по крайней мѣрѣ угрожаетъ и на весь городъ стучитъ....

— Это подло, подло отъ васъ! вскочилъ вдругъ инженеръ со стула.

— Да вѣдь вы сами же и есть это наиблагороднѣйшее лицо которое подтвердило Лебядкину отъ имени Николая Всеволодовича что не триста, а тысяча рублей были высланы. Вѣдь мнѣ самъ капитанъ сообщилъ въ пьяномъ видѣ.

— Это.... это несчастное недоумѣніе. Кто-нибудь ошибся и вышло... Это вздоръ, а вы подло!...

— Да и я хочу вѣрить что вздоръ и съ прискорбіемъ слушаю, потому что, какъ хотите, наиблагороднѣйшая дѣвушка замѣшана, волервыхъ, въ семистахъ рубляхъ, а вовторыхъ, въ очевидныхъ интимностяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Да вѣдь его превосходительству что стóитъ дѣвушку благороднѣйшую осрамить или чужую жену обезславить, подобно тому какъ тогда со мной казусъ вышелъ-съ? Подвернется имъ полный великодушія человѣкъ, они и заставятъ его прикрыть

своимъ честнымъ именемъ чужіе грѣхи. Такъ точно и я вѣдь вынесъ-съ; я про себя говорю-съ....

— Берегитесь, Лилутинъ! привсталъ съ кресель Степанъ Трофимовичъ и поблѣднѣлъ.

— Не вѣрьте, не вѣрьте! Кто-нибудь ошибся, а Лебядкинъ лганъ.... воскликалъ инженеръ въ невыразимомъ волненіи,—все объяснится, а я больше не могу.... и считаю низостью...: и довольно, довольно!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Такъ что же вы? Да вѣдь и я съ вами! всполохнулся Лилутинъ, вскочилъ и побѣжалъ вслѣдъ за Алексѣемъ Нилычемъ.

VII.

Степанъ Трофимовичъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, какъ-то не глядя посмотрѣлъ на меня, взялъ свою шляпу, палку, и тихо пошелъ изъ комнаты. Я опять за нимъ какъ давеча. Выходя изъ воротъ, онъ, замѣтивъ что я провожаю его, сказалъ:

— Ахъ да, вы можете служить свидѣтелемъ.... de l'accident. Vous m'accompagnerez n'est ce pas?

— Степанъ Трофимовичъ, неужели вы опять туда? Подумайте что можетъ выйти?

Съ жалкою и потерянною улыбкой,—улыбкой стыда и совершеннаго отчаянія, и въ то же время какого-то страннаго восторга, прошепталъ онъ мнѣ, на мигъ пріостанавливаясь:

— Не могу же я жениться на „чужихъ грѣхахъ", vous comprenez?

Я только и ждалъ этого слова. Наконецъ-то это завѣтное, скрываемое отъ меня словцо, было произнесено послѣ цѣлой недѣ и виляній и ужимокъ. Я рѣшительно вышелъ изъ себя:

— И такая грязная, такая.... низкая мысль могла появиться у васъ, у Степана Верховенскаго, въ вашемъ свѣтломъ умѣ, въ вашемъ добромъ сердцѣ и.... еще до Лилутина!

Онъ посмотрѣлъ на меня, не отвѣтилъ и пошелъ тою же дорогой. Я не хотѣлъ отставать. Я хотѣлъ свидѣтельствовать предъ Варварой Петровной. Я бы простилъ ему, еслибъ онъ повѣрилъ только Лилутину, по бабьему малодушію своему, но теперь уже ясно было что онъ самъ все выдумалъ еще гораздо прежде Лилутина, а Лилутинъ только теперь подтвердилъ

его лодозрѣнія и подлилъ масла въ огонь. Онъ не задумался заподозрить дѣвушку съ самаго перваго дня, еще не имѣя никакихъ основаній, даже Лилутинскихъ. Деспотическія дѣйствія Варвары Петровны онъ объяснилъ себѣ только отчаяннымъ желаніемъ ея поскорѣе замазать свадьбой съ почтеннымъ человѣкомъ дворянскія грѣшки ея безцѣннаго Nicolas! Мнѣ непремѣнно хотѣлось чтобъ онъ былъ наказанъ за это.

— О, Dieu qui est si grand et si bon!... О, кто меня успокоитъ! воскликнулъ онъ, пройдя еще шаговъ сотню и вдругъ остановившись.

— Пойдемте сейчасъ домой, и я вамъ все объясню! вскричалъ я, силой поворачивая его къ дому.

— Это онъ! Степанъ Трофимовичъ, это вы? Вы? раздался свѣжій, рѣзвый, юный голосъ, какъ какая-то музыка подлѣ насъ.

Мы ничего не видали, а подлѣ насъ вдругъ появилась наѣздница, Лизавета Николаевна, со своимъ всегдашнимъ провожатымъ. Она остановила коня.

— Идите, идите же скорѣе! звала она громко и весело,—я двѣнадцать лѣтъ не видала его и узнала, а онъ.... Неужто не узнаете меня?

Степанъ Трофимовичъ схватилъ ея руку, протянутую къ нему, и благоговѣйно поцѣловалъ ее. Онъ глядѣлъ на нее какъ бы съ молитвой и не могъ выговорить слова.

— Узналъ и радъ! Маврикій Николаевичъ, онъ въ восторгѣ что видитъ меня! Что же вы не шли всѣ двѣ недѣли? Тётя убѣждала что вы больны, и что васъ нельзя потревожить; но вѣдь я знаю, тётя лжетъ. Я все топала ногами и васъ бранила, но я непремѣнно, непремѣнно хотѣла чтобы вы сами первый пришли, потому и не посылала. Боже, да онъ нисколько не перемѣнился! разсматривала она его, наклоняясь съ сѣдла,—онъ до смѣшнаго не перемѣнился! Ахъ нѣтъ, есть морщинки, много морщинокъ у глазъ и на щекахъ, и сѣдые волосы есть, но глаза тѣ же! А я перемѣнилась? Перемѣнилась? Но что же вы все молчите?

Мнѣ вспомнился въ это мгновеніе разказъ о томъ что она была чуть не больна, когда ее увезли одиннадцати лѣтъ въ Петербургъ; въ болѣзни будто бы плакала и спрашивала Степана Трофимовича.

— Вы... я.... лепеталъ онъ теперь обрывавшимся отъ радости голосомъ,—я сейчасъ вскричалъ: „кто успокоитъ меня!“

и раздался вашъ голосъ.... Я считаю это чудомъ et je commence à croire.

— En Dieu? En Dieu qui est là haut et qui est si grand et si bon? Видите, я всѣ ваши лекціи наизусть помню. Маврикій Николаевичъ, какую онъ мнѣ тогда вѣру преподавалъ en Dieu, qui est si grand et si bon! А помните ваши разказы о томъ какъ Колумбъ открывалъ Америку, и какъ всѣ закричали: земля, земля! Няня Алена Фроловна говоритъ что я послѣ того ночью бредила и во снѣ кричала: земля, земля! А помните какъ вы мнѣ исторію принца Гамлета разказывали? А помните какъ вы мнѣ описывали какъ изъ Европы въ Америку бѣдныхъ эмигрантовъ перевозятъ? И все-то неправда, я потомъ все узнала какъ перевозятъ, но какъ онъ мнѣ хорошо лгалъ тогда, Маврикій Николаевичъ, почти лучше настоящаго! Чего вы такъ смотрите на Маврикія Николаевича? Это самый лучшій и самый вѣрный человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, и вы его непремѣнно должны полюбить какъ меня! Il fait tout ce que je veux. Но, голубчикъ Степанъ Трофимовичъ, стало-быть вы опять несчастны, коли среди улицы кричите о томъ кто васъ успокоитъ? Несчастны, вѣдь такъ? Такъ?

— Теперь счастливъ....

— Тётя обижаетъ? продолжала она не слушая, — все та же злая, несправедливая и вѣчно намъ безцѣнная тётя! А помните какъ вы бросались ко мнѣ въ объятія въ саду, а я васъ утѣшала и плакала,—да не бойтесь же Маврикія Николаевича; онъ про васъ все, все знаетъ, давно, вы можете плакать на его плечѣ сколько угодно, и онъ сколько угодно будетъ стоять!... Приподнимите шляпу, снимите совсѣмъ на минутку, протяните голову, станьте на цыпочки, я васъ сейчасъ поцѣлую въ лобъ, какъ въ послѣдній разъ поцѣловала, когда мы прощались. Видите та барышня изъ окна на насъ любуется.... Ну ближе, ближе. Боже, какъ онъ постарѣлъ!

И она, привставши въ сѣдлѣ, поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, теперь къ вамъ домой! Я знаю гдѣ вы живете. Я сейчасъ, сію минуту буду у васъ. Я вамъ, улрямцу, сдѣлаю первый визитъ и потомъ на цѣлый день васъ къ себѣ затащу. Стулайте же, приготовьтесь встрѣчать меня.

И она ускакала съ своимъ кавалеромъ. Мы воротились. Степанъ Трофимовичъ сѣлъ на диванъ и заплакалъ.

— Dieu! Dieu! воскликалъ онъ, — enfin une minute de bonheur!

Не болѣе какъ черезъ десять минутъ она явилась по обѣщанію, въ сопровожденіи своего Маврикія Николаевича.

— Vous et le bonheur, vous arrivez en même temps! поднялся онъ ей на встрѣчу.

— Вотъ вамъ букетъ; сейчасъ ѣздила къ M-me Шевалье, у ней всю зиму для именинницъ букеты будутъ. Вотъ вамъ и Маврикій Николаевичъ, прошу познакомиться. Я хотѣла было пирогъ вмѣсто букета; но Маврикій Николаевичъ увѣряетъ что это не въ русскомъ духѣ.

Этотъ Маврикій Николаевичъ былъ артиллерійскій капитанъ, лѣтъ тридцати трехъ, высокаго росту господинъ, красивой и безукоризненно порядочной наружности, съ внушительною и на первый взглядъ даже строгою физіономіей, несмотря на его удивительную и деликатнѣйшую доброту, о которой всякій получалъ понятіе чуть не съ первой минуты своего съ нимъ знакомства. Онъ, впрочемъ, былъ молчаливъ, казался очень хладнокровенъ и на дружбу не напрашивался. Говорили потомъ у насъ многіе что онъ не далекъ; это было не совсѣмъ справедливо.

Я не стану описывать красоту Лизаветы Николаевны. Весь городъ уже кричалъ объ ея красотѣ, хотя нѣкоторыя наши дамы и дѣвицы съ негодованіемъ не соглашались съ кричавшими. Были изъ нихъ и такія которыя уже возненавидѣли Лизавету Николаевну, и вопервыхъ, за гордость: Дроздовы почти еще не начинали дѣлать визитовъ, что оскорбляло, хотя виной задержки дѣйствительно было болѣзненное состояніе Прасковьи Петровны. Вовторыхъ, ненавидѣли ее за то что она родственница губернаторши; втретьихъ, за то что она ежедневно прогуливается верхомъ. У насъ до сихъ поръ никогда еще не бывало амазонокъ; естественно что появленіе Лизаветы Николаевны, прогуливавшейся верхомъ и еще не сдѣлавшей визитовъ, должно было оскорблять общество. Впрочемъ, всѣ уже знали что она ѣздитъ верхомъ по приказанію докторовъ и при этомъ ѣдко говорили объ ея болѣзненности. Она дѣйствительно была больна. Что выдавалось въ ней съ перваго взгляда—это ея болѣзненное, нервное, безпрерывное безпокойство. Увы! бѣдняжка очень страдала, и все объяснилось въ послѣдствіи. Теперь, вспоминая прошедшее, я уже не скажу что она была красавица, какою казалась мнѣ тогда.

Можетъ-быть она была даже и совсѣмъ не хороша собой. Высокая, тоненькая, но гибкая и сильная, она даже поражала неправильностью линій своего лица. Глаза ея были поставлены какъ-то по-калмыцки, криво; была блѣдна, скулиста, смугла и худа лицомъ; но было же нѣчто въ этомъ лицѣ побѣждающее и привлекающее! Какое-то могущество сказывалось въ горящемъ взглядѣ ея темныхъ глазъ; она являлась „какъ побѣдительница и чтобы побѣдить“. Она казалась гордою, а иногда даже дерзкою; не знаю удавалось ли ей быть доброю; но я знаю что она ужасно хотѣла и мучилась тѣмъ чтобы заставить себя быть нѣсколько доброю. Въ этой натурѣ, конечно, было много прекрасныхъ стремленій и самыхъ справедливыхъ начинаній; но все въ ней какъ бы вѣчно искало своего уровня и не находило его, все было въ хаосѣ, въ волненіи, въ безпокойствѣ. Можетъ-быть она уже со слишкомъ строгими требованіями относилась къ себѣ, никогда не находя въ себѣ силы удовлетворить этимъ требованіямъ.

Она сѣла на диванъ и оглядывала комнату.

— Почему мнѣ въ эдакія минуты всегда становится грустно, разгадайте, ученый человѣкъ? Я всю жизнь думала что и Богъ знаетъ какъ буду рада, когда васъ увижу и все припомню, и вотъ совсѣмъ какъ будто не рада, несмотря на то что васъ люблю.... Ахъ, Боже, у него виситъ мой портретъ! Дайте сюда, я его помню, помню!

Превосходный миніатюрный портретъ акварелью двѣнадцатилѣтней Лизы былъ высланъ Дроздовыми Степану Трофимовичу изъ Петербурга еще лѣтъ девять назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно висѣлъ у него на стѣнѣ.

— Неужто я была такимъ хорошенькимъ ребенкомъ? Неужто это мое лицо?

Она встала и съ портретомъ въ рукахъ посмотрѣлась въ зеркало.

— Поскорѣй, возьмите! воскликнула она, отдавая портретъ,— не вѣшайте теперь, послѣ, не хочу и смотрѣть на него.—Она сѣла опять на диванъ.—Одна жизнь прошла, началась другая, потомъ другая прошла—началась третья, и все безъ конца. Всѣ концы точно какъ ножницами обрѣзываетъ. Видите какія я старыя вещи разказываю, а вѣдь сколько правды!

Она усмѣхнувшись посмотрѣла на меня; уже нѣсколько разъ она на меня взглядывала, но Степанъ Трофимовичъ въ своемъ волненіи и забылъ что обѣщалъ меня представить.

— А зачѣмъ мой портретъ виситъ у васъ подъ кинжалами? И зачѣмъ у васъ столько кинжаловъ и сабель?

У него, дѣйствительно, висѣли на стѣнѣ, не знаю для чего, два ятагана на-крестъ, а надъ ними настоящая черкесская шашка. Спрашивая, она такъ прямо на меня посмотрѣла что я хотѣлъ-было что-то отвѣтить, но осѣкся. Степанъ Трофимовичъ догадался наконецъ и меня представилъ.

— Знаю, знаю, сказала она,—я очень рада. Мама объ васъ тоже много слышала. Познакомьтесь и съ Маврикіемъ Николаевичемъ, это прекрасный человѣкъ. Я объ васъ уже составила смѣшное понятіе: вѣдь вы конфидентъ Степана Трофимовича?

Я покраснѣлъ.

— Ахъ, простите пожалуста, я совсѣмъ не то слово сказала; вовсе не смѣшное, а такъ.... (Она покраснѣла и сконфузилась.)—Впрочемъ, что же стыдиться того что вы прекрасный человѣкъ? Ну, пора намъ, Маврикій Николаевичъ! Степанъ Трофимовичъ, черезъ полчаса чтобы вы у насъ были. Боже, сколько мы будемъ говорить! Теперь ужъ я вашъ конфидентъ, и обо всемъ, *обо всемъ*, понимаете?

Степанъ Трофимовичъ тотчасъ же испугался.

— О, Маврикій Николаевичъ все знаетъ, его не конфузьтесь!

— Что же знаетъ?

— Да чего вы! вскричала она въ изумленіи. — Ба, да вѣдь и правда что они скрываютъ! Я вѣрить не хотѣла. Дашу тоже скрываютъ. Тётя давеча меня не пустила къ Дашѣ, говоритъ что у ней голова болитъ.

— Но.... но какъ вы узнали?

— Ахъ, Боже, такъ же какъ и всѣ. Эка мудрость!

— Да развѣ всѣ?...

— Ну да какъ же? Маманя, правда, сначала узнала черезъ Алену Фроловну, мою няню; ей ваша Настасья прибѣжала сказать. Вѣдь вы говорили же Настасьѣ? Она говоритъ что вы ей сами говорили.

— Я.... я говорилъ однажды.... пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ, весь покраснѣвъ,—но.... я лишь намекнулъ.... j'etais si nerveux et malade et puis....

Она захохотала.

— А конфидента подъ рукой не случилось, а Настасья подвернулась,—ну и довольно! А у той цѣлый городъ кумушекъ! Ну да полноте, вѣдь это все равно; ну пусть знаютъ,

даже лучше. Скорѣе же приходите, мы обѣдаемъ рано.... Да, забыла, усѣлась она опять,—слушайте, что такое Шатовъ?

— Шатовъ? Это братъ Дарьи Павловны....

— Знаю что братъ, какой вы право! перебила она нетерпѣніи.—Я хочу знать что онъ такое, какой человѣкъ?

— C'est un panse creux d'ici. C'est le meilleur et le plus irascille homme du monde.

— Я сама слышала что онъ какой-то странный. Впрочемъ, не о томъ. Я слышала что онъ знаетъ три языка, и англійскій, и можетъ литературною работой заниматься. Въ такомъ случаѣ у меня для него много работы; мнѣ нуженъ помощникъ и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Возьметъ онъ работу или нѣтъ? Мнѣ его рекомендовали....

— О, непремѣнно, et vous ferez un bienfait....

— Я вовсе не для bienfait, мнѣ самой нуженъ помощникъ.

— Я довольно хорошо знаю Шатова, сказалъ я,—и если вы мнѣ поручите передать ему, то я сію минуту схожу.

— Передайте ему чтобъ онъ завтра утромъ пришелъ въ двѣнадцать часовъ. Чудесно! Благодарю васъ. Маврикій Николаевичъ, готовы?

Они уѣхали. Я, разумѣется, тотчасъ же побѣжалъ къ Шатову.

—Mon ami! догналъ меня на крыльцѣ Степанъ Трофимовичъ,—непремѣнно будьте у меня въ десять или въ одиннадцать часовъ, когда я вернусь. О, я слишкомъ, слишкомъ виноватъ предъ вами и.... предъ всѣми, предъ всѣми.

VIII.

Шатова я не засталъ дома; забѣжалъ черезъ два часа—опять нѣтъ. Наконецъ уже въ восьмомъ часу я направился къ нему чтобъ или застать его, или оставить записку; опять не засталъ. Квартира его была заперта, а онъ жилъ одинъ безо всякой прислуги. Мнѣ-было подумалось, не толкнуться ли внизъ къ капитану Лебядкину чтобы спросить о Шатовѣ; но тутъ было тоже заперто и ни слуху ни свѣту оттуда, точно пустое мѣсто. Я съ любопытствомъ прошелъ мимо дверей Лебядкина, подъ вліяніемъ давешнихъ разказовъ. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ зайти завтра пораньше. Да и на записку, правда, я не очень надѣялся; Шатовъ могъ пренебречь. онъ

былъ такой упрямый, застѣнчивый. Проклиная неудачу и уже выходя изъ воротъ, я вдругъ наткнулся на господина Кирилова; онъ входилъ въ домъ и первый узналъ меня. Такъ какъ онъ самъ началъ расспрашивать, то я и разсказалъ ему все въ главныхъ чертахъ и что у меня есть записка.

— Пойдемте, сказалъ онъ,—я все сдѣлаю.

Я вспомнилъ что онъ, по словамъ Липутина, занялъ съ утра деревянный флигель на дворѣ. Въ этомъ флигелѣ, слишкомъ для него просторномъ, квартировала съ нимъ вмѣстѣ какая-то старая, глухая баба, которая ему и прислуживала. Хозяинъ дома въ другомъ новомъ домѣ своемъ и въ другой улицѣ содержалъ трактиръ, а эта старуха, кажется родственница его, осталась смотрѣть за всѣмъ старымъ домомъ. Комнаты во флигелѣ были довольно чисты, но обои грязны. Въ той куда мы вошли мебель была сборная, разнокалиберная и совершенный бракъ: два ломберныхъ стола, комодъ ольховаго дерева, большой тесовый столъ изъ какой-нибудь избы или кухни, стулья и диванъ съ рѣшетчатыми спинками и съ твердыми кожаными подушками. Въ углу ломѣщался старинный образъ, предъ которымъ баба еще до насъ затеплила лампадку, а на стѣнахъ висѣли два большихъ, тусклыхъ, масляныхъ портрета, одинъ покойнаго императора Николая Павловича, снятый, судя по виду, еще въ двадцатыхъ годахъ столѣтія; другой изображалъ какого-то архіерея.

Господинъ Кириловъ, войдя, засвѣтилъ свѣчу, и изъ своего чемодана, стоявшаго въ углу и еще не разобраннаго, досталъ конвертъ, сургучъ и хрустальную печатку.

— Запечатайте вашу записку и надпишите конвертъ.

Я было возразилъ что не надо, но онъ настоялъ. Надписавъ конвертъ, я взялъ фуражку.

— А я думалъ вы чаю, сказалъ онъ,—я чай купилъ. Хотите?

Я не отказался. Баба скоро внесла чай, то-есть большущій чайникъ горячей воды, маленькій чайникъ съ обильно завареннымъ чаемъ, двѣ большія каменныя, грубо разрисованныя чашки, калачъ и цѣлую глубокую тарелку колотаго сахару.

— Я чай люблю, сказалъ онъ,—ночью, много; хожу и пью; до разсвѣта. За границей чай ночью неудобно.

— Вы ложитесь на разсвѣтѣ?

— Всегда; давно. Я мало ѣмъ; все чай. Липутинъ хитеръ, но нетерпѣливъ.

Меня удивило что онъ хотѣлъ разговаривать; я рѣшился воспользоваться минутой.

— Давеча вышли непріятныя недоразумѣнія, замѣтилъ я.

Онъ очень нахмурился.

— Это глупость; это большіе пустяки. Тутъ все пустяки, потому что Лебядкинъ пьянъ. Я Липутину не говорилъ, а только объяснилъ пустяки; потому что тотъ перевралъ. У Липутина много фантазіи, вмѣсто пустяковъ горы выстроилъ. Я вчера Липутину вѣрилъ.

— А сегодня мнѣ? засмѣялся я.

— Да вѣдь вы уже про все знаете давеча. Липутинъ или слабъ, или нетерпѣливъ, или вреденъ, или.... завидуетъ.

Послѣднее словцо меня поразило.

— Впрочемъ, вы столько категорій наставили, не мудрено что подъ которую-нибудь и подойдетъ.

— Или ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Да, и это правда. Липутинъ — это хаосъ! Правда, онъ вралъ давеча что вы хотите какое-то сочиненіе писать?

— Почему же вралъ? нахмурился онъ опять уставившись въ землю.

Я извинился и сталъ увѣрять что не выпытываю. Онъ покраснѣлъ.

— Онъ правду говорилъ; я пишу. Только это все равно.

Съ минуту помолчали; онъ вдругъ улыбнулся давешнею дѣтскою улыбкой.

— Онъ это про головы самъ выдумалъ изъ книги и самъ сначала мнѣ говорилъ, и понимаетъ худо, а я только ищу причины почему люди не смѣютъ убить себя; вотъ и все. И это все равно.

— Какъ не смѣютъ? Развѣ мало самоубійствъ?

— Очень мало.

— Неужели вы такъ находите?

Онъ не отвѣтилъ, всталъ и въ задумчивости началъ ходить взадъ и впередъ.

— Что же удерживаетъ людей, по вашему, отъ самоубійства? спросилъ я.

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ, какъ бы припоминая объ чемъ мы говорили.

— Я.... я еще мало знаю.... два предразсудка удерживаютъ, двѣ вещи; только двѣ; одна очень маленькая, другая очень большая. Но и маленькая тоже очень большая.

— Какая же маленькая-то?

— Боль.

— Боль? Неужто это такъ важно.... въ этомъ случаѣ?

— Самое первое. Есть два рода: тѣ которые убиваютъ себя или съ большой грусти, или со злости, или сумашедшіе, или тамъ все равно,... тѣ вдругъ. Тѣ мало о боли думаютъ, а вдругъ. А которые съ разсудка—тѣ много думаютъ.

— Да развѣ есть такіе что съ разсудка?

— Очень много. Еслибъ предразсудка не было, было бы больше; очень много; всѣ.

— Ну ужь и всѣ?

Онъ промолчалъ.

— Да развѣ нѣтъ способовъ умирать безъ боли?

— Представьте, остановился онъ предо мною,—представьте камень такой величины какъ съ большой домъ; онъ виситъ, а вы подъ нимъ; если онъ упадетъ на васъ, на голову—будетъ вамъ больне?

— Камень съ домъ? Конечно страшно.

— Я не про страхъ; будетъ больно?

— Камень съ гору, милліонъ пудовъ? Разумѣется ничего не больно.

— А станьте вправду, и пока виситъ, вы будете очень бояться что больно. Всякій первый ученый, первый докторъ, всѣ, всѣ будутъ очень бояться. Всякій будетъ знать что не больно и всякій будетъ очень бояться что больно.

— Ну а вторая причина, большая-то?

— Тотъ свѣтъ.

— То-есть наказаніе?

— Это все равно. Тотъ свѣтъ; одинъ тотъ свѣтъ.

— Развѣ нѣтъ такихъ атеистовъ что совсѣмъ не вѣрятъ въ тотъ свѣтъ?

Опять онъ промолчалъ.

— Вы можетъ-быть по себѣ судите?

— Всякій не можетъ судить какъ по себѣ, проговорилъ онъ покраснѣвъ.—Вся свобода будетъ тогда когда будетъ все равно жить или не жить. Вотъ всему цѣль.

— Цѣль? Да тогда никто можетъ и не захочетъ жить?

— Никто, произнесъ онъ рѣшительно.

— Человѣкъ смерти боится, потому что жизнь любитъ, вотъ какъ я понимаю, замѣтилъ я,—и такъ природа велѣла.

— Это подло и тутъ весь обманъ! глаза его засверкали. —

Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ. Теперь все боль и страхъ. Теперь человѣкъ жизнь любитъ, потому что боль и страхъ любитъ. И такъ сдѣлали. Жизнь дается теперь за боль и страхъ, и тутъ весь обманъ. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ тотъ самъ Богъ будетъ. А тотъ Богъ не будетъ.

— Стало-быть тотъ Богъ есть же по вашему?

— Его нѣтъ, но онъ есть. Въ камнѣ боли нѣтъ, но въ страхѣ отъ камня есть боль. Богъ есть боль страха смерти. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ станетъ Богъ. Тогда новая жизнь, тогда новый человѣкъ, все новое..... Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ Гориллы до уничтоженія Бога, и отъ уничтоженія Бога до.....

— До Гориллы?

— .....До перемѣны земли и человѣка физически. Будетъ Богъ — человѣкъ и перемѣнится физически. И міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли и всѣ чувства. Какъ вы думаете, перемѣнится тогда человѣкъ физически?

— Если будетъ все равно жить или не жить, то всѣ убьютъ себя, и вотъ въ чемъ можетъ-быть перемѣна будетъ.

— Это все равно. Обманъ убьютъ. Всякій кто хочетъ главной свободы, тотъ долженъ смѣть убить себя. Кто смѣетъ убить себя, тотъ тайну обмана узналъ. Дальше нѣтъ свободы; тутъ все, а дальше нѣтъ ничего. Кто смѣетъ убить себя тотъ богъ. Теперь всякій можетъ сдѣлать что Бога не будетъ и ничего не будетъ. Но никто еще ни разу не сдѣлалъ.

— Самоубійцъ милліоны были.

— Но все не за тѣмъ, все со страхомъ и не для того. Не для того чтобы страхъ убить. Кто убьетъ себя только для того чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ.

— Не успѣетъ можетъ-быть, замѣтилъ я.

— Это все равно, отвѣтилъ онъ тихо, съ покойною гордостью, чуть не съ презрѣніемъ.—Мнѣ жаль что вы какъ будто смѣетесь, прибавилъ онъ черезъ полминуты.

— А мнѣ странно что вы давеча были такъ раздражительны, а теперь такъ спокойны, хотя и горячо говорите.

— Давеча? Давеча было смѣшно, отвѣтилъ онъ съ улыбкой; — я не люблю браниться и никогда не смѣюсь, прибавилъ онъ грустно.

— Да, не весело вы проводите ваши ночи за чаемъ.—Я всталъ и взялъ фуражку.

— Вы думаете? улыбнулся онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, —почему же? Нѣтъ, я..... я не знаю, смѣшался онъ вдругъ,— не знаю какъ у другихъ, и я такъ чувствую, что не могу какъ всякій. Всякій думаетъ и потомъ сейчасъ о другомъ думаетъ. Я не могу о другомъ, я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучилъ, заключилъ онъ вдругъ съ удивительною экспансивностью.

— А скажите, если позволите, почему вы не такъ правильно по-русски говорите? Неужели за границей въ пять лѣтъ разучились?

— Развѣ я неправильно? Не знаю. Нѣтъ не потому что за границей. Я такъ всю жизнь говорилъ.... мнѣ все равно.

— Еще вопросъ болѣе деликатный: я совершенно вамъ вѣрю, что вы не склонны встрѣчаться съ людьми и мало съ людьми говорите. Почему вы со мной теперь разговорились?

— Съ вами? Вы давеча хорошо сидѣли и вы..... впрочемъ все равно.... вы на моего брата очень похожи, много, чрезвычайно, проговорилъ онъ покраснѣвъ; — онъ семь лѣтъ умеръ; старшій, очень, очень много.

— Должно-быть имѣлъ большое вліяніе на вашъ образъ мыслей.

— Н-нѣтъ, онъ мало говорилъ; онъ ничего не говорилъ. Я вашу записку отдамъ.

Онъ проводилъ меня съ фонаремъ до воротъ, чтобы запереть за мной. „Разумѣется помѣшанный“, рѣшилъ я про себя. Въ воротахъ произошла новая встрѣча.

IX.

Только-что я занесъ ногу за высокій порогъ калитки, вдругъ чья-то сильная рука схватила меня за грудь.

— Кто сей? — взревѣлъ чей-то голосъ,—другъ или недругъ? Кайся!

— Это нашъ, нашъ! завизжалъ подлѣ голоскомъ Лилутина, —это господинъ Г—въ, классическаго воспитанія и въ связяхъ съ самыхъ высшимъ обществомъ молодой человѣкъ.

— Люблю коли съ обществомъ, кла-сси-чес....значитъ о-бразо-о-ванѣшій..... отставной капитанъ Игнатъ Лебядкинъ, къ

услугамъ міра и друзей.... если вѣрны, если вѣрны, подлецы!

Капитанъ Лебядкинъ, вершковъ десяти росту, толстый, мясистый, курчавый, красный и чрезвычайно пьяный едва стоялъ предо мной и съ трудомъ выговаривалъ слова. Я впрочемъ его и прежде видалъ издали.

— А, и этотъ! взревѣлъ онъ опять, замѣтивъ Кирилова, который все еще не уходилъ съ своимъ фонаремъ; онъ поднялъ было кулакъ, но тотчасъ опустилъ его.

— Прощаю за ученость! Игнатъ Лебядкинъ—обра-зо-о-ванѣйшій.....

Любви пылающей граната
Лопнула въ груди Игната.
И вновь заплакалъ горькой мукой
По Севастополю безрукій.

— Хоть въ Севастополѣ не былъ и даже не безрукій, но каковы же рифмы! лѣзъ онъ ко мнѣ съ своею пьяною рожей.

— Имъ некогда, некогда, они домой пойдутъ, уговаривалъ Липутинъ,—они завтра Лизаветѣ Николаевнѣ перескажутъ.

— Лизаветѣ!.... заволилъ онъ опять;—Стой-нейди! Варьянтъ:

И порхаетъ звѣзда на конѣ
Въ хороводѣ другихъ амазонокъ;
Улыбается съ лошади мнѣ
Ари-сто-кратическій ребенокъ.

„Звѣздѣ - амазонкѣ.“

— Да вѣдь это же гимнъ! Это гимнъ, если ты не оселъ! Бездѣльники не понимаютъ! Стой! уцѣпился онъ за мое пальто, хотя я рвался изо всѣхъ силъ въ калитку,—передай что я рыцарь чести, а Дашка..... Дашку я двумя пальцами..... крѣпостная раба и не смѣетъ.....

Тутъ онъ упалъ, потому-что я съ силой вырвался у него изъ рукъ и побѣжалъ по улицѣ. Липутинъ увязался за мной.

— Его Алексѣй Нилычъ подымутъ. Знаете ли что я сейчасъ отъ него узналъ? болталъ онъ вполыхахъ;—стишки-то слышали? Ну вотъ онъ эти самые стихи къ „Звѣздѣ-амазонкѣ“ запечаталъ и завтра посылаетъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ за своею полною подписью. Каковъ!

— Бьюсь объ закладъ что вы его сами подговорили.

— Проиграете! захохоталъ Липутинъ,—влюбленъ, влюбленъ какъ кошка, а знаете ли что началось вѣдь съ ненависти. Онъ до того сперва возненавидѣлъ Лизавету Николаевну за

то что она ѣздитъ верхомъ, что чуть не ругалъ ее вслухъ на улицѣ; да и ругалъ же! Еще третьяго дня выругалъ, когда она проѣзжала;—къ счастью она не разслышала, и вдругъ сегодня стихи! Знаете ли что онъ хочетъ рискнуть предложеніе? Серіозно, серіозно!

— Я вамъ удивляюсь, Липутинъ, вездѣ-то вы вотъ гдѣ только этакая дрянь заведется, вездѣ-то вы тутъ руководите! проговорилъ я въ ярости.

— Однакоже вы далеко заходите, господинъ Г—въ; не сердчитко ли у насъ ёкнуло испугавшись соперника,—а?

— Что-о-о? закричалъ я останавливаясь.

— А вотъ же вамъ въ наказаніе и ничего не скажу дальше! А вѣдь какъ бы вамъ хотѣлось услышать! Ужь одно то что этотъ дуралей теперь не простой капитанъ, а помѣщикъ нашей губерніи, да еще довольно значительный, потому что Николай Всеволодовичъ ему все свое помѣстье, бывшія свои двѣсти душъ на дняхъ продали, и вотъ же вамъ Богъ не лгу! сейчасъ узналъ, но за то изъ наивѣрнѣйшаго источника. Ну а теперь дощупывайтесь-ка сами; больше ничего не скажу; до свиданья-съ!

X.

Степанъ Трофимовичъ ждалъ меня въ истерическомъ нетерпѣніи. Уже съ часъ какъ онъ воротился. Я засталъ его какъ бы льянаго; первыя пять минутъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ что онъ льянъ. Увы, визитъ къ Дроздовымъ сбилъ его съ послѣдняго толку.

— Mon ami, я совсѣмъ потерялъ мою нитку.... Lise.... я люблю и уважаю этого ангела попрежнему; именно попрежнему; но, мнѣ кажется онѣ ждали меня обѣ единственно чтобы коечто вывѣдать, то-есть по просту вытянуть изъ меня, а тамъ и ступай себѣ съ Богомъ.... Это такъ.

— Какъ вамъ не стыдно! вскричалъ я не вытерпѣвъ.

— Другъ мой, я теперь совершенно одинъ. Enfin c'est ridicule. Представьте что и тамъ все это наличкано тайнами. Такъ на меня и накинулись объ этихъ косахъ и ушахъ и еще о какихъ-то петербургскихъ тайнахъ. Онѣ вѣдь обѣ только здѣсь въ первый разъ провѣдали объ этихъ здѣшнихъ исторіяхъ съ Nicolas четыре года назадъ: „Вы тутъ были, вы ви-

дѣли, правда ли что онъ сумашедшій?“ И откуда эта идея вышла, не понимаю. Почему Прасковьѣ непремѣнно такъ хочется чтобы Nicolas оказался сумашедшимъ? Хочется этой женщинѣ, хочется! Ce Maurice, или какъ его, Маврикій Николаевичъ, brave homme tout de même, но неужели въ его пользу, и послѣ того какъ сама же первая писала изъ Парижа къ cette pauvre amie.... Enfin, эта Прасковья, какъ называетъ ее cette chère amie, это типъ, это безсмертной памяти Гоголева Коробочка, но только злая Коробочка, задорная Коробочка и въ безконечно увеличенномъ видѣ.

— Да вѣдь это сундукъ выйдетъ; ужь и въ увеличенномъ?

— Ну, въ уменьшенномъ, все равно, только не перебивайте, потому что у меня все это вертится, тамъ онѣ совсѣмъ расплевались; кромѣ Lise; та все еще: „Тётя, тётя;“ но Lise хитра и, тутъ еще что-то есть. Тайны. Но со старухой разсорились. Cette pauvre тётя правда всѣхъ деспотируетъ.... а тутъ и губернаторша и нелочтительность общества и „нелочтительность“ Кармазинова; а тутъ вдругъ эта мысль о помѣшательствѣ, ce Lipoutine, ce que je ne comprends pas.... и-и говорятъ голову уксусомъ обмочила, а тутъ и мы съ вами, съ нашими жалобами и съ нашими письмами.... О, какъ я мучилъ ее и-въ такое время! Je suis un ingrat! Вообразите, возвращаюсь и нахожу отъ нея письмо; читайте, читайте! О какъ неблагородно было съ моей стороны.

Онъ подалъ мнѣ только-что полученное письмо отъ Варвары Петровны. Она кажется раскаялась въ утрешнемъ своемъ: „сидите дома.“ Письмецо было вѣжливое, но все-таки рѣшительное и немногословное. Послѣ завтра, въ воскресенье, она просила къ себѣ Степана Трофимовича ровно въ двѣнадцать часовъ и совѣтовала привести съ собой кого-нибудь изъ друзей своихъ (въ скобкахъ стояло мое имя). Съ своей стороны, обѣщалась позвать Шатова, какъ брата Дарьи Павловны. „Вы можете получить отъ нея окончательный отвѣтъ, довольно ли съ васъ будетъ? Этой ли формальности вы такъ добивались?“

— Замѣтьте эту раздражительную фразу въ концѣ о формальности. Бѣдная, бѣдная, другъ всей моей жизни! Признаюсь это *внезапное* рѣшеніе судьбы меня точно придавило.... Я, признаюсь, все еще надѣялся, а теперь, tout est dit, я ужь знаю что кончено; c'est terrible. О, кабы не было со-

всѣмъ этого воскресенья, а все постарому, вы бы ходили, а я бы тутъ....

— Васъ обили съ толку всѣ эти давешнія Лилутинскія мерзости, сплетни.

— Другъ мой, вы сейчасъ попали въ другое больное мѣсто, вашимъ дружескимъ пальцемъ. Эти дружескіе пальцы вообще безжалостны, а иногда безтолковы, pardon, но, вотъ вѣрите ли, а я почти забылъ обо всемъ этомъ, о мерзостяхъ-то, то-есть я вовсе не забылъ, но я, по глупости моей, все время пока былъ у Lise старался быть счастливымъ и увѣрялъ себя что я счастливъ. Но теперь.... о, теперь я про эту великодушную, гуманную, терпѣливую къ моимъ подлымъ недостаткамъ женщину,—то-есть хоть и не совсѣмъ терпѣливую, но вѣдь и самъ-то я каковъ, съ моимъ пустымъ, скернымъ характеромъ! Вѣдь я блажной ребенокъ, со всѣмъ эгоизмомъ ребенка, но безъ его невинности. Она двадцать лѣтъ ходила за мной какъ нянька, cette pauvre тётя, какъ граціозно называетъ ее Lise.... И вдругъ, послѣ двадцати лѣтъ, ребенокъ задумалъ жениться, жени да жени, письмо за письмомъ, а у ней голова въ уксусѣ и.... и, вотъ и достигъ, въ воскресенье женатый человѣкъ, шутка сказать.... И чего самъ настаивалъ, ну зачѣмъ я письма писалъ? Да, забылъ: Lise боготворитъ Дарью Павловну, говоритъ по крайней мѣрѣ; говоритъ про нее: „c'est un ange, но только нѣсколько скрытный.“ Обѣ совѣтовали, даже Прасковья.... впрочемъ Прасковья не совѣтовала. О, сколько яду залерто въ этой Коробочкѣ! Да и Lise собственно не совѣтовала: „къ чему вамъ жениться; довольно съ васъ и ученыхъ наслажденій.“ Хохочетъ. Я ей простилъ ея хохотъ, потому что у ней у самой скребетъ на сердцѣ. Вамъ, однако, говорятъ онѣ, безъ женщины невозможно. Приближаются ваши немощи, а она васъ укроетъ, или какъ тамъ.... Ma foi я и самъ, все это время съ вами сидя, думалъ про себя что Провидѣніе посылаетъ ее на склонѣ бурныхъ дней моихъ, и что она меня укроетъ или какъ тамъ.... enfin понадобится въ хозяйствѣ. Вонъ у меня такой соръ, вонъ смотрите, все это валяется, давеча велѣлъ прибрать, и книга на полу. La pauvre amie все сердилась что у меня соръ.... О, теперь ужь не будетъ раздаваться голосъ ея! Vingt ans! И-и у нихъ кажется анонимныя письма, вообразите, Nicolas продалъ будто бы Лебядкину имѣніе. C'est un monstre; et enfin кто-такой Лебядкинъ? Lise слушаетъ, слушаетъ, ухъ какъ она

слушаетъ! Я простилъ ей ея хохотъ, я видѣлъ съ какимъ лицомъ она слушала, и се Maurice.... я бы не желалъ быть въ его теперешней роли, brave homme tout de même, но нѣсколько застѣнчивъ; впрочемъ Богъ съ нимъ....

Онъ замолчалъ; онъ усталъ и сбился и сидѣлъ понуривъ голову, смотря неподвижно въ полъ усталыми глазами. Я воспользовался промежуткомъ и разказалъ о моемъ посѣщеніи дома Филиппова, при чемъ рѣзко и сухо выразилъ мое мнѣніе что дѣйствительно сестра Лебядкина (которую я не видалъ) могла быть когда-то какой-нибудь жертвой Nicolas, въ загадочную пору его жизни, какъ выражался Липутинъ, и что очень можетъ-быть что Лебядкинъ почему-нибудь получаетъ съ Nicolas деньги, но вотъ и все. Насчетъ же сплетень о Дарьѣ Павловнѣ, то все это вздоръ, все это натяжки мерзавца Липутина, и что такъ по крайней мѣрѣ съ жаромъ утверждаетъ Алексѣй Нилычъ, которому нѣтъ основаній не вѣрить. Степанъ Трофимовичъ прослушалъ мои увѣренія съ разсѣяннымъ видомъ, какъ будто до него не касалось. Я кстати уломянулъ и о разговорѣ моемъ съ Кириловымъ и прибавилъ что Кириловъ можетъ-быть сумашедшій.

— Онъ не сумашедшій, но это люди съ коротенькими мыслями,—вяло и какъ бы нехотя промямлилъ онъ. Ces gens là supposent la nature et la societé humaine autres que Dieu ne les a faites et qu'elles ne sont réellement. Съ ними заигрываютъ, но по крайней мѣрѣ не Степанъ Верховенскій. Я видѣлъ ихъ тогда въ Петербургѣ, avec cette chère amie (о, какъ я тогда оскорбляъ ее!) и не только ихъ ругательствъ,—я даже ихъ похвалъ не испугался. Не испугаютъ и теперь, mais parlon d'autre chose.... я кажется ужасныхъ вещей надѣлалъ; вообразите, я отославъ Дарьѣ Павловнѣ вчера письмо и.... какъ я кляну себя за это!

— О чемъ же вы писали?

— О, другъ мой, повѣрьте что все это съ такимъ благородствомъ. Я увѣдомилъ ее что я написалъ къ Nicolas, еще двей пять назадъ и тоже съ благородствомъ.

— Понимаю теперь! вскричалъ я съ жаромъ,—и какое право имѣли вы ихъ такъ сопоставить?

— Но, mon cher, не давите же меня окончательно, не кричите на меня; я и то весь раздавленъ какъ.... какъ тараканъ. и наконецъ я думаю что все это такъ благородно. Предположите что тамъ что-нибудь дѣйствительно было.... en Suisse....

или начиналось. Долженъ же я спросить сердца ихъ предварительно чтобы.... enfin чтобы не помѣшать сердцамъ и не стать столбомъ на ихъ дорогѣ.... Я единственно изъ благородства.

— О Боже, какъ вы глупо сдѣлали! невольно сорвалось у меня.

— Глупо, глупо! подхватилъ онъ даже съ жадностію; никогда ничего не сказали вы умнѣе, c'était bête, mais que faire, tout est dit. Все равно женюсь, хоть и на „чужихъ грѣхахъ“, такъ къ чему же было и писать? Не правда ли?

— Вы опять за то же!

— О теперь меня не испугаете вашимъ крикомъ, теперь предъ вами уже не тотъ Степанъ Верховенскій; тотъ похороненъ; enfin tout est dit. Да и чего кричите вы? Единственно потому что не сами женитесь и не вамъ придется носить извѣстное головное украшеніе. Опять васъ коробитъ? Бѣдный другъ мой, вы не знаете женщину, а я только и дѣлалъ что изучалъ ее. „Если хочешь побѣдить весь міръ, побѣди себя“, единственно что̀ удалось хорошо сказать другому такому же какъ и вы романтику, Шатову, брату супруги моей. Охотно у него заимствую его изрѣченіе. Ну, вотъ и я готовъ побѣдить себя, и женюсь, а между тѣмъ что̀ завоюю, вмѣсто цѣлаго-то міра? О другъ мой, бракъ—это нравственная смерть всякой гордой души, всякой независимости. Брачная жизнь развратитъ меня, отниметъ энергію, мужество въ служеніи дѣлу, пойдутъ дѣти, еще пожалуй не мои, — то-есть разумѣется не мои; мудрый не боится заглянуть въ лицо истинѣ.... Лилутинъ предлагалъ давеча спастись отъ Nicolas баррикадами; онъ глупъ, Лилутинъ. Женщина обманетъ само всевидящее око. Le bon Dieu, создавая женщину, ужъ конечно зналъ чему подвергался, но я увѣренъ что она сама помѣшала Ему; сама захотѣла участвовать въ своемъ созданіи и сама заставила себя создать въ такомъ видѣ и.... съ такими атрибутами; иначе кто же захотѣлъ наживать себѣ такія хлопоты даромъ? Настасья, я знаю, можетъ и разсердится на меня за вольнодумство, но.... Enfin tout est dit.

Онъ не былъ бы самъ собою, еслибы обошелся безъ дешевенькаго, каламбурнаго вольнодумства, такъ процвѣтавшаго въ его время, по крайней мѣрѣ теперь утѣшилъ себя каламбурчикомъ, но не надолго.

— О, почему бы совсѣмъ не быть этому послѣ завтра, это-

му воскресенью! воскликнулъ онъ вдругъ, но уже въ совершенномъ отчаяніи,—почему бы не быть хоть одной этой недѣлѣ безъ воскресенья—si le miracle existe? Ну что бы стоило Провидѣнію вычеркнуть изъ счета хоть одно воскресенье, ну хоть для того чтобы доказать атеисту свое могущество et que tout soit dit! И замѣтьте мой другъ, замѣтьте что всѣ то мы знаемъ что все это совершенный вздоръ, и вотъ самые-то умнѣйшіе изъ насъ ломинутно произносятъ такія желанія.... О, какъ я любилъ ее! двадцать лѣтъ, всѣ двадцать лѣтъ, и никогда-то она не понимала меня!

— Но про кого вы говорите; и я васъ не понимаю! вскричалъ я съ удивленіемъ.

— Vingt ans! И ни разу не поняла меня, о это жестоко! И неужели она думаетъ что я женюсь изъ страха, изъ нужды? О, позоръ! тётя, тётя, я для тебя!... О, пусть узнаетъ она, эта тётя, что она единственная женщина, которую я обожалъ двадцать лѣтъ! Она должна узнать это, иначе не будетъ, иначе только силой потащутъ меня подъ этотъ ce qu'on appelle le вѣнецъ!

Я въ первый разъ слышалъ это признаніе и такъ энергически высказанное. Не скрою что мнѣ ужасно хотѣлось засмѣяться. Я былъ не правъ.

— Одинъ, одинъ онъ мнѣ остался теперь, одна надежда моя! всплеснулъ онъ вдругъ руками, какъ бы внезапно пораженный новою мыслію, — теперь одинъ только онъ, мой бѣдный мальчикъ спасетъ меня и,—о, что же онъ не ѣдетъ! О сынъ мой, о мой Петруша.... и хоть я недостоинъ названія отца, а скорѣе тигра, но.... laissez moi mon ami, я немножко полежу чтобы собраться съ мыслями. Я такъ усталъ, такъ усталъ, да и вамъ, я думаю, пора спать, voyez vous, двѣнадцать часовъ....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хромоножка.

I.

Шатовъ не заупрямился и, по запискѣ моей, явился въ полдень къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Мы вошли почти вмѣстѣ; я тоже явился сдѣлать мой первый визитъ. Они всѣ, то-есть Лиза, мама и Маврикій Николаевичъ, сидѣли въ большой залѣ и спорили. Мама требовала чтобы Лиза сыграла ей какой-то вальсъ на фортепіано, и когда та начала требуемый

вальсъ, то стала увѣрять что вальсъ не тотъ. Маврикій Николаевичъ, по простотѣ своей, заступился за Лизу и сталъ увѣрять что вальсъ тотъ самый; старуха со злости расплакалась. Она была больна и съ трудомъ даже ходила. У ней распухли ноги, и вотъ уже нѣсколько дней только и дѣлала что капризничала и ко всѣмъ придиралась, несмотря на то что Лизу всегда лобаивалась. Приходу нашему обрадовались. Лиза покраснѣла отъ удовольствія, и проговоривъ мнѣ mercі, конечно за Шатова, пошла къ нему, любопытно его разсматривая.

Шатовъ неуклюже остановился въ дверяхъ. Поблагодаривъ его за приходъ, она подвела его къ мама.

— Это господинъ Шатовъ, про котораго я вамъ говорила, а это вотъ господинъ Г—въ, большой другъ мнѣ и Степану Трофимовичу. Маврикій Николаевичъ вчера тоже познакомился.

— А который профессоръ?

— А профессора вовсе и нѣтъ, мама.

— Нѣтъ есть, ты сама говорила что будетъ профессоръ; вѣрно вотъ этотъ, она брезгливо указала на Шатова.

— Вовсе никогда я вамъ не говорила что будетъ профессоръ. Господинъ Г—въ служитъ, а господинъ Шатовъ—бывшій студентъ.

— Студентъ, профессоръ, все одно изъ университета. Тебѣ только бы спорить. А швейцарскій былъ въ усахъ и съ бородкой.

— Это мама сына Степана Трофимовича все профессоромъ называетъ, сказала Лиза и увела Шатова на другой конецъ залы на диванъ.

— Когда у ней ноги распухнутъ, она всегда такая, вы понимаете, больная, шепнула она Шатову, продолжая разсматривать его все съ тѣмъ же чрезвычайнымъ любопытствомъ и особенно его вихоръ на головѣ.

— Вы военный? обратилась ко мнѣ старуха, съ которою меня такъ безжалостно бросила Лиза.

— Нѣтъ-съ, я служу....

— Господинъ Г—въ большой другъ Степана Трофимовича, отозвалась тотчасъ же Лиза.

— Служите у Степана Трофимовича? Да вѣдь и онъ профессоръ?

— Ахъ, мама, вамъ вѣрно и ночью снятся профессора, съ досадой крикнула Лиза.

— Слишкомъ довольно и на яву. А ты вѣчно чтобы матери противорѣчить. Вы здѣсь когда Николай Всеволодовичъ пріѣзжалъ были, четыре года назадъ?

Я отвѣчалъ что былъ.

— А Англичанинъ тутъ былъ какой-нибудь вмѣстѣ съ вами?

— Нѣтъ, не былъ.

Лиза засмѣялась.

— А видишь что и не было совсѣмъ Англичанина, стало-быть враки. И Варвара Петровна и Степанъ Трофимовичъ оба врутъ. Да и всѣ врутъ.

— Это тётя и вчера Степанъ Трофимовичъ нашли будто бы сходство у Николая Всеволодовича съ принцемъ Гарри, у Шекспира въ Генрихѣ IV, и мама на это говоритъ что не было Англичанина, объяснила намъ Лиза.

— Коли Гарри не было, такъ и Англичанина не было. Одинъ Николай Всеволодовичъ куролесилъ.

— Увѣряю васъ что это мама нарочно, нашла нужнымъ объяснить Шатову Лиза,—она очень хорошо про Шекспира знаетъ. Я ей сама первый актъ *Отелло* читала; но она теперь очень страдаетъ. Мама, слышите, двѣнадцать часовъ бьетъ, вамъ лѣкарство принимать пора.

— Докторъ пріѣхалъ, появилась въ дверяхъ горничная.

Старуха привстала и начала звать собачку: „Земирка, Земирка, пойдемъ хоть ты со мной.“

Скверная, старая, маленькая собачонка Земирка не слушалась и залѣзла подъ диванъ, гдѣ сидѣла Лиза.

— Не хочешь? Такъ и я тебя не хочу. Прощайте, батюшка, не знаю вашего имени, отчества, обратилась она ко мнѣ.

— Антонъ Лаврентьевичъ....

— Ну все равно, у меня въ одно ухо вошло, въ другое вышло. Не провожайте меня, Маврикій Николаевичъ, я только Земирку звала. Слава Богу еще и сама хожу, а завтра гулять поѣду.

Она сердито вышла изъ залы.

— Антонъ Лаврентьевичъ, вы тѣмъ временемъ поговорите съ Маврикіемъ Николаевичемъ, увѣряю васъ что вы оба выиграете если поближе познакомитесь, сказала Лиза и дружески усмѣхнулась Маврикію Николаевичу, который такъ весь и просіялъ отъ ея взгляда. Я, нечего дѣлать, остался говорить съ Маврикіемъ Николаевичемъ.

II.

Дѣло у Лизаветы Николаевны до Шатова, къ удивленію моему, оказалось въ самомъ дѣлѣ только литературнымъ. Не знаю почему, но мнѣ все думалось что она звала его за чѣмъ-то другимъ. Мы, то-есть я съ Маврикіемъ Николаевичемъ, видя что отъ насъ не таятся и говорятъ очень громко, стали прислушиваться; потомъ и насъ пригласили въ совѣтъ. Все состояло въ томъ что Лизавета Николаевна давно уже задумала изданіе одной полезной, по ея мнѣнію, книги, но по совершенной неопытности нуждалась въ сотрудникѣ. Серіозность съ которою она принялась объяснять Шатову свой планъ даже меня изумила. „Должно-быть изъ новыхъ, подумалъ я, не даромъ въ Швейцаріи побывала.“ Шатовъ слушалъ со вниманіемъ, уткнувъ глаза въ землю, и безъ малѣйшаго удивленія тому что свѣтская, разсѣянная барышня берется за такія, казалось бы, не подходящія ей дѣла.

Литературное предпріятіе было такого рода. Издается въ Россіи множество столичныхъ и провинціальныхъ газетъ и другихъ журналовъ, и въ нихъ ежедневно сообщается о множествѣ происшествій. Годъ отходитъ, газеты повсемѣстно складываются въ шкапы, или сорятся, рвутся, идутъ на обертки и колпаки. Многіе опубликованные факты производятъ впечатлѣніе и остаются въ памяти публики, но потомъ съ годами забываются. Многіе желали бы потомъ справиться, но какой же трудъ разыскивать въ этомъ морѣ листовъ, часто не зная ни дня, ни мѣста, ни даже года случившагося происшествія? А между тѣмъ еслибы совокупить всѣ эти факты за цѣлый годъ въ одну книгу, по извѣстному плану и по извѣстной мысли, съ оглавленіями, указаніями, съ разрядомъ по мѣсяцамъ и числамъ, то такая совокупность въ одно цѣлое могла бы обрисовать всю характеристику русской жизни за весь годъ, несмотря даже на то что фактовъ публикуется чрезвычайно малая доля въ сравненіи со всѣмъ случившимся.

— Вмѣсто множества листовъ выйдетъ нѣсколько толстыхъ книгъ, вотъ и все, замѣтилъ Шатовъ.

Но Лизавета Николаевна горячо отстаивала свой замыселъ, несмотря на трудность и неумѣлость высказаться. Книга должна быть одна, даже не очень толстая—увѣряла она. Но

положимъ хоть и толстая, но ясная, потому что главное въ планѣ и въ характерѣ представленія фактовъ. Конечно не все собирать и перелечатывать. Указы, дѣйствія правительства, мѣстныя распоряженія, законы, все это хоть и слишкомъ важные факты, но въ предполагаемомъ изданіи этого рода факты можно совсѣмъ выпустить. Можно многое выпустить и ограничиться лишь выборомъ происшествій болѣе или менѣе выражающихъ нравственную личную жизнь народа, личность Русскаго народа въ данный моментъ. Конечно все можетъ войти: куріозы, ложары, ложертвованія, всякія добрыя и дурныя дѣла, всякія слова и рѣчи, пожалуй даже извѣстія о разливахъ рѣкъ, пожалуй даже и нѣкоторые указы правительства, но изо всего выбирать только то что рисуетъ эпоху; все войдетъ съ извѣстнымъ взглядомъ, съ указаніемъ, съ намѣреніемъ, съ мыслію, освѣщающею все цѣлое, всю совокупность. И наконецъ, книга должна быть любопытна даже для легкаго чтенія, не говоря уже о томъ что необходима для справокъ. Это была бы такъ-сказать картина духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ. „Нужно чтобы всѣ покупали, нужно чтобы книга обратилась въ настольную," утверждала Лиза, — „я понимаю что все дѣло въ планѣ, а потому къ вамъ и обращаюсь," заключила она. Она очень разгорячилась и, несмотря на то что объяснялась темно и не полно, Шатовъ сталъ понимать.

— Значитъ выйдетъ нѣчто съ направленіемъ, подборъ фактовъ подъ извѣстное направленіе, пробормоталъ онъ все еще не поднимая головы.

— Отнюдь нѣтъ, не надо подбирать подъ направленіе, и никакого направленія не надо. Одно безпристрастіе, вотъ направленіе.

— Да направленіе и не бѣда, зашевелился Шатовъ,—да и нельзя его избѣжать чуть лишь обнаружится хоть какой-нибудь подборъ. Въ подборѣ фактовъ и будетъ указаніе какъ ихъ понимать. Ваша идея не дурна.

— Такъ возможна стало-быть такая книга? обрадовалась Лиза.

— Надо посмотрѣть и сообразить. Дѣло это—огромное. Сразу ничего не выдумаешь. Опытъ нуженъ. Да и когда издадимъ книгу, врядъ ли еще научимся какъ ее издавать.

Развѣ послѣ многихъ опытовъ; но мысль наклевывается. Мысль полезная.

Онъ поднялъ наконецъ глаза, и они даже засіяли отъ удовольствія, такъ онъ былъ заинтересованъ.

— Это вы сами выдумали? ласково и какъ бы стыдливо спросилъ онъ у Лизы.

— Да вѣдь выдумать не бѣда, планъ бѣда, улыбалась Лиза,— я мало понимаю и не очень умна и преслѣдую только то что̀ мнѣ самой ясно....

— Преслѣдуете?

— Вѣроятно не то слово? быстро освѣдомилась Лиза.

— Можно и это слово; я ничего.

— Мнѣ показалось еще за границей что можно и мнѣ быть чѣмъ-нибудь полезною. Деньги у меня свои и даромъ лежатъ, почему же и мнѣ не поработать для общаго дѣла? Къ тому же мысль какъ-то сама собой вдругъ пришла; я нисколько ее не выдумывала и очень ей обрадовалась; но сейчасъ увидала что нельзя безъ сотрудника, потому что ничего сама не умѣю. Сотрудникъ, разумѣется, станетъ и соиздателемъ книги. Мы пополамъ: вашъ планъ и работа, моя первоначальная мысль и средства къ изданію. Вѣдь окупится книга?

— Если отколаемъ вѣрный планъ, то книга пойдетъ.

— Предупреждаю васъ что я не для барышей, но очень желаю расходу книги и буду горда барышами.

— Ну а я тутъ при чемъ?

— Да вѣдь я же васъ и зову въ сотрудники.... пополамъ. Вы планъ выдумаете.

— Почемъ же вы знаете что я въ состояніи планъ выдумать?

— Мнѣ о васъ говорили, и здѣсь я слышала... я знаю что вы очень умны и... занимаетесь дѣломъ и... думаете много; мнѣ о васъ Петръ Степановичъ Верховенскій въ Швейцаріи говорилъ, торопливо прибавила она.—Онъ очень умный человѣкъ, не правда ли?

Шатовъ мгновеннымъ, едва скользнувшимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, но тотчасъ же опустилъ глаза.

— Мнѣ и Николай Всеволодовичъ о васъ тоже много говорилъ....

Шатовъ вдругъ покраснѣлъ.

— Впрочемъ вотъ газеты, торопливо схватила Лиза со стула приготовленную и перевязанную пачку газетъ, — я здѣсь попробовала на выборъ отмѣтить факты, подборъ сдѣлать и нумера поставила... вы увидите.

Шатовъ взялъ свертокъ.

— Возьмите домой, посмотрите, вы вѣдь гдѣ живете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Я знаю. Тамъ тоже, говорятъ, кажется какой-то капитанъ живетъ подлѣ васъ, господинъ Лебядкинъ? все попрежрему торопилась Лиза.

Шатовъ съ пачкой въ рукѣ, на отлетѣ, какъ взялъ, такъ и просидѣлъ цѣлую минуту безъ отвѣта, смотря въ землю.

— На эти дѣла вы бы выбрали другаго, а я вамъ вовсе не годенъ буду, проговорилъ онъ наконецъ, какъ-то ужасно странно понизивъ голосъ, почти шелотомъ.

Лиза вспыхнула.

— Про какія дѣла вы говорите? Маврикій Николаевичъ! крикнула она,—пожалуйте сюда давешнее письмо.

Я тоже за Маврикіемъ Николаевичемъ подошелъ къ столу.

— Посмотрите это, обратилась она вдругъ ко мнѣ, въ большомъ волненіи развертывая письмо. — Видали ли вы когда что-нибудь похожее? Пожалуста прочтите вслухъ; мнѣ надо чтобъ и господинъ Шатовъ слышалъ.

Съ немалымъ изумленіемъ прочелъ я вслухъ слѣдующее посланіе:

Совершенству дѣвицы Тушиной.

Милостивая государыня
Елизавета Николаевна!

О какъ мила она,
Елизавета Тушина,
Когда съ родственникомъ на дамскомъ сѣдлѣ летаетъ,
А локонъ ея съ вѣтрами играетъ,
Или когда съ матерью въ церкви падаетъ ницъ,
И зрится румянецъ благоговѣйныхъ лицъ!
Тогда брачныхъ и законныхъ наслажденій желаю
И вслѣдъ ей, вмѣстѣ съ матерью, слезу посылаю.

Составилъ неученый за споромъ.

„Милостивая государыня!

„Всѣхъ болѣе жалѣю себя что въ Севастополѣ не лишился руки для славы, не бывъ тамъ вовсе, а служилъ всю кампанію по сдачѣ подлаго провіанта, считая низостью. Вы богиня въ древности, а я ничто и догадался о безпредѣльности. Смотрите какъ на стихи, но не болѣе, ибо стихи все-таки вздоръ и оправдываютъ то что въ прозѣ считается дерзостью. Можетъ ли солнце разсердиться на инфузорію, если та сочинитъ ему изъ капли воды, гдѣ ихъ множество, если въ микроскопъ? Даже самый клубъ человѣколюбія къ крупнымъ скотамъ въ Петербургѣ при высшемъ обществѣ, сострадая по

праву собакѣ и лошади, презираетъ кроткую инфузорію, не упоминая о ней вовсе, потому что не доросла. Не дорось и я. Мысль о бракѣ показалась бы уморительною; но скоро буду имѣть бывшія двѣсти душъ чрезъ человѣконенавистника, котораго презирайте. Могу многое сообщить и вызываюсь по документамъ даже въ Сибирь. Не презирайте предложенія. Письмо отъ инфузоріи разумѣть въ стихахъ.

„Капитанъ Лебядкинъ, покорнѣйшій
другъ и имѣетъ досугъ.“

— Это писалъ человѣкъ въ пьяномъ видѣ и негодяй! вскричалъ я въ негодованіи,—я его знаю!

— Это письмо я получила вчера, покраснѣвъ и торопясь стала объяснять намъ Лиза,—я тотчасъ же и сама поняла что отъ какого-нибудь глупца и до сихъ поръ еще не показала maman, чтобы не разстроить ее еще болѣе. Но если онъ будетъ опять продолжать, то я не знаю какъ сдѣлать. Маврикій Николаевичъ хочетъ сходить запретить ему. Такъ какъ я на васъ смотрѣла какъ на сотрудника, обратилась она къ Шатову,—и такъ какъ вы тамъ живете, то я и хотѣла васъ разспросить чтобы судить чего еще отъ него ожидать можно.

— Пьяный человѣкъ и негодяй, пробормоталъ какъ бы нехотя Шатовъ.

— Что жь, онъ все такой глупый?

— И, нѣтъ, онъ не глупый совсѣмъ, когда не пьяный.

— Я зналъ одного генерала который писалъ точь въ точь такіе стихи, замѣтилъ я смѣясь.

— Даже и по этому письму видно что себѣ на умѣ, неожиданно ввернулъ молчаливый Маврикій Николаевичъ.

— Онъ, говорятъ, съ какой-то сестрой? спросила Лиза.

— Да, съ сестрой.

— Онъ, говорятъ, ее тиранитъ, правда это?

Шатовъ опять поглядѣлъ на Лизу, насупился и проворчавъ: „какое мнѣ дѣло!“ подвинулся къ дверямъ.

— Ахъ, постойте, тревожно вскричала Лиза,—куда же вы? Намъ такъ много еще остается переговорить....

— О чемъ же говорить? Я завтра дамъ знать....

— Да о самомъ главномъ, о типографіи! Повѣрьте же что я не въ шутку, а серіозно хочу дѣло дѣлать, увѣряла Лиза все въ возрастающей тревогѣ. — Если рѣшимъ издавать, то гдѣ же печатать? Вѣдь это самый важный вопросъ, потому что въ Москву мы для этого не поѣдемъ, а въ здѣшней ти-

лографіи невозможно для такого изданія. Я давно рѣшилась завести свою типографію, на ваше хоть имя, и мама, я знаю, позволитъ, если только на ваше имя....

— Почему же вы знаете что я могу быть типографщикомъ? угрюмо спросилъ Шатовъ.

— Да мнѣ еще Петръ Степановичъ въ Швейцаріи именно на васъ указалъ, что вы можете вести типографію и знакомы съ дѣломъ. Даже записку хотѣлъ отъ себя къ вамъ дать, да я забыла.

Шатовъ, какъ припоминаю теперь, измѣнился въ лицѣ. Онъ постоялъ еще нѣсколько секундъ и вдругъ вышелъ изъ комнаты.

Лиза разсердилась.

— Онъ всегда такъ выходитъ? повернулась она ко мнѣ.

Я пожалъ было плечами, но Шатовъ вдругъ воротился, прямо подошелъ къ столу и положилъ взятый имъ свертокъ газетъ:

— Я не буду сотрудникомъ, не имѣю времени....

— Почему же, почему же? Вы кажется разсердились? огорченнымъ и умоляющимъ голосомъ спрашивала Лиза.

Звукъ ея голоса какъ будто поразилъ его; нѣсколько мгновеній онъ пристально въ нее всматривался, точно желая проникнуть въ самую ея душу.

— Все равно, пробормоталъ онъ тихо,—я не хочу....

И ушелъ совсѣмъ. Лиза была совершенно поражена, даже какъ-то совсѣмъ и не въ мѣру; такъ показалось мнѣ.

— Удивительно странный человѣкъ! громко замѣтилъ Маврикій Николаевичъ.

III.

Конечно „странный“, но во всемъ этомъ было чрезвычайно много неяснаго. Тутъ что-то подразумѣвалось. Я рѣшительно не вѣрилъ этому изданію; потомъ это глупое письмо, но въ которомъ слишкомъ ясно предлагался какой-то доносъ „по документамъ“ и о чемъ всѣ они промолчали, а говорили совсѣмъ о другомъ, наконецъ эта типографія и внезапный уходъ Шатова именно потому что заговорили о типографіи. Все это навело меня на мысль что тутъ еще прежде меня что-то произошло и о чемъ я не знаю; что стало-быть я лишній и что все это не мое дѣло. Да и пора было уходить, довольно

было для перваго визита. Я подошелъ откланяться Лизаветѣ Николаевнѣ.

Она, кажется, и забыла что я въ комнатѣ и стояла все на томъ же мѣстѣ у стола, очень задумавшись, склонивъ голову и неподвижно смотря въ одну выбранную на коврѣ точку.

— Ахъ и вы, до свиданія, пролепетала она привычно-ласковымъ тономъ.—Передайте мой поклонъ Степану Трофимовичу и уговорите его придти ко мнѣ поскорѣй. Маврикій Николаевичъ, Антонъ Лаврентьевичъ уходитъ. Извините, мама не можетъ выйти съ вами проститься....

Я вышелъ и даже сошелъ уже съ лѣстницы, какъ вдругъ лакей догналъ меня на крыльцѣ:

— Барыня очень просили воротиться....

— Барыня или Лизавета Николаевна?

— Онѣ-съ.

Я нашелъ Лизу уже не въ той большой залѣ гдѣ мы сидѣли, а въ ближайшей пріемной комнатѣ. Въ ту залу, въ которой остался теперь Маврикій Николаевичъ одинъ, дверь была притворена наглухо.

Лиза улыбнулась мнѣ, но была блѣдна. Она стояла посреди комнаты въ видимой нерѣшимости, въ видимой борьбѣ; но вдругъ взяла меня за руку и молча, быстро подвела къ окну.

— Я немедленно хочу *ее* видѣть, прошептала она, устремивъ на меня горячій, сильный, нетерпѣливый взглядъ, не допускающій и тѣни противорѣчія;—я должна *ее* видѣть собственными глазами и прошу вашей помощи.

Она была въ совершенномъ изступленіи и—въ отчаяніи.

— Кого вы желаете видѣть, Лизавета Николаевна? освѣдомился я въ испугѣ.

— Эту Лебядкину, эту хромую... Правда что она хромая?

Я былъ пораженъ.

— Я никогда не видалъ ея, но я слышалъ что она хромая, вчера еще слышалъ, лепеталъ я съ торопливою готовностію и тоже шепотомъ.

— Я должна ее видѣть непремѣнно. Могли бы вы это устроить сегодня же?

Мнѣ стало ужасно ее жалко.

— Это невозможно и къ тому же я совершенно не понималъ бы какъ это сдѣлать, началъ было я уговаривать, — я пойду къ Шатову...

— Если вы не устроите къ завтраму, то я сама къ ней пойду, одна, потому что Маврикій Николаевичъ отказался. Я надѣюсь только на васъ и больше у меня нѣтъ никого; я глупо говорила съ Шатовымъ... Я увѣрена что вы совершенно честный и, можетъ-быть, преданный мнѣ человѣкъ, только устройте.

У меня явилось страстное желаніе помочь ей во всемъ.

— Вотъ что я сдѣлаю, подумалъ я какъ-нибудь,—я пойду самъ и сегодня навѣрно, *навѣрно* ее увижу! Я такъ сдѣлаю что увижу, даю вамъ честное слово; но только — позвольте мнѣ ввѣриться Шатову.

— Скажите ему что у меня такое желаніе и что я больше ждать не могу, но что я его сейчасъ не обманывала. Онъ можетъ-быть ушелъ потому что онъ очень честный и ему не понравилось что я какъ будто обманывала. Я не обманывала; я въ самомъ дѣлѣ хочу издавать и основать типографію....

— Онъ честный, честный, подтверждалъ я съ жаромъ.

— Впрочемъ если къ завтраму не устроится, то я сама пойду, что бы ни вышло и хотя бы всѣ узнали.

— Я раньше какъ къ тремъ часамъ не могу у васъ завтра быть, замѣтилъ я нѣсколько оломавшись.

— Стало-быть въ три часа. Стало-быть правду я предположила вчера у Степана Трофимовича что вы—нѣсколько преданный мнѣ человѣкъ? улыбнулась она, торопливо ложимая мнѣ на прощаньи руку и спѣша къ оставленному Маврикію Николаевичу.

Я вышелъ подавленный моимъ обѣщаніемъ и не понималъ что такое произошло. Я видѣлъ женщину въ настоящемъ отчаяніи, не побоявшуюся скомпрометтировать себя довѣренностію почти къ незнакомому ей человѣку. Ея женственная улыбка въ такую трудную для нея минуту и намекъ что она уже замѣтила вчера мои чувства точно рѣзнулъ меня по сердцу; но мнѣ было жалко, жалко,—вотъ и все! Секреты ея стали для меня вдругъ чѣмъ-то священнымъ и еслибы даже мнѣ стали открывать ихъ теперь, то я бы кажется заткнулъ уши и не захотѣлъ слушать ничего дальше. Я только нѣчто предчувствовалъ... И однакожь я совершенно не понималъ какимъ образомъ я что-нибудь тутъ устрою. Мало того, я все-таки и теперь не зналъ что именно надо устроить: свиданье, но какое свиданье? Да и какъ ихъ свести? Вся надежда была на Шатова, хотя я и могъ знать заранѣе что онъ ни въ чемъ не поможетъ. Но я все-таки бросился къ нему.

IV.

Только вечеромъ, уже въ восьмомъ часу, я засталъ его дома. Къ удивленію моему, у него сидѣли гости—Алексѣй Нилычъ и еще одинъ полузнакомый мнѣ господинъ, нѣкто Шигалевъ, родной братъ жены Виргинскаго.

Этотъ Шигалевъ должно-быть уже мѣсяца два какъ гостилъ въ нашемъ городѣ; не знаю откуда пріѣхалъ; я слышалъ про него только что онъ напечаталъ въ одномъ прогрессивномъ петербургскомъ журналѣ какую-то статью. Виргинскій познакомилъ меня съ нимъ случайно, на улицѣ. Въ жизнь мою я не видалъ въ лицѣ человѣка такой мрачности, нахмуренности и пасмурности. Онъ смотрѣлъ такъ какъ будто ждалъ разрушенія міра, и не то чтобы когда-нибудь, по пророчествамъ, которыя могли бы и не состояться, а совершенно опредѣленно, такъ-этакъ послѣ завтра утромъ, ровно въ двадцать пять минутъ одиннадцатаго. Мы впрочемъ тогда почти ни слова и не сказали, а только пожали другъ другу руки съ видомъ двухъ заговорщиковъ. Всего болѣе поразили меня его уши неестественной величины, длинныя, широкія и толстыя, какъ-то особенно врозь торчавшія. Движенія его были неуклюжи и медленны. Если Липутинъ и мечталъ когда-нибудь что фаланстера могла бы осуществиться въ нашей губерніи, то этотъ навѣрное зналъ день и часъ когда это сбудется. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе зловѣщее; встрѣтивъ же его у Шатова теперь, я подивился, тѣмъ болѣе что Шатовъ и вообще былъ до гостей не охотникъ.

Еще съ лѣстницы слышно было что они разговариваютъ очень громко, всѣ трое разомъ, и кажется спорятъ; но только-что я появился, всѣ замолчали. Они спорили стоя, а теперь вдругъ всѣ сѣли, такъ что и я долженъ былъ сѣсть. Глупое молчаніе не нарушалось минуты три полныхъ. Шигалевъ хотя и узналъ меня, но сдѣлалъ видъ что не знаетъ, и навѣрно не по враждѣ, а такъ. Съ Алексѣемъ Нилычемъ мы слегка раскланялись, но молча и почему-то не пожали другъ другу руки. Шигалевъ началъ наконецъ смотрѣть на меня строго и нахмуренно, съ самою наивною увѣренностію что я вдругъ встану и уйду. Наконецъ Шатовъ привсталъ со стула, и всѣ тоже вдругъ вскочили. Они вышли не прощаясь, только Шигалевъ уже въ дверяхъ сказалъ провожавшему Шатову:

— Помните что вы обязаны отчетомъ.

— Наплевать на ваши отчеты и никакому чорту я не обязанъ, проводилъ его Шатовъ и заперъ дверь на крюкъ.

— Куликъ! сказалъ онъ поглядѣвъ на меня и какъ-то криво усмѣхнувшись.

Лицо у него было сердитое, и странно мнѣ было что онъ самъ заговорилъ. Обыкновенно случалось прежде, всегда когда я заходилъ къ нему (впрочемъ очень рѣдко), что онъ нахмуренно садился въ уголъ, сердито отвѣчалъ и только послѣ долгаго времени совершенно оживлялся и начиналъ говорить съ удовольствіемъ. За то, прощаясь, опять, всякій разъ, непремѣнно нахмуривался и выпускалъ васъ точно выживалъ отъ себя своего личнаго непріятеля.

— Я у этого Алексѣя Нилыча вчера чай пилъ, замѣтилъ я;— онъ кажется ломѣшанъ на атеизмѣ.

— Русскій атеизмъ никогда дальше каламбура не заходилъ, проворчалъ Шатовъ, вставляя новую свѣчу вмѣсто прежняго огарка.

— Нѣтъ, этотъ, мнѣ показалось, не каламбурщикъ; онъ и просто говорить кажется не умѣетъ, не то что каламбурить.

— Люди изъ бумажки; отъ лакейства мысли все это, спокойно замѣтилъ Шатовъ, присѣвъ въ углу на стулѣ и упершись обѣими ладонями въ колѣни.

— Ненависть тоже тутъ есть, произнесъ онъ помолчавъ съ минуту;—они первые были бы страшно несчастливы, еслибы Россія какъ-нибудь вдругъ перестроилась, хотя бы даже на ихъ ладъ, и какъ-нибудь вдругъ стала безмѣрно богата и счастлива. Некого было бы имъ тогда ненавидѣть, не на кого левать, не надъ чѣмъ издѣваться! Тутъ одна только животная, безконечная ненависть къ Россіи, въ организмъ въѣвшаяся.... И никакихъ невидимыхъ міру слезъ изъ-подъ видимаго смѣха тутъ нѣту! Никогда еще не было сказано на Руси болѣе фальшиваго слова какъ про эти незримыя слезы! вскричалъ онъ почти съ яростью.

— Ну ужь это вы Богъ знаетъ что! засмѣялся я.

— А вы—„умѣренный либералъ“, захохоталъ вдругъ и Шатовъ. — Знаете, подхватилъ онъ вдругъ, — я можетъ и сморозилъ про „лакейство мысли“; вы вѣрно мнѣ тотчасъ же скажете: „Это ты родился отъ лакея, а я не лакей“.

— Вовсе я не хотѣлъ сказать.... что вы!

— Да вы не извиняйтесь, я васъ не боюсь. Тогда я только отъ лакея родился, а теперь и самъ сталъ лакеемъ, такимъ же какъ и вы. Нашъ русскій либералъ прежде всего лакей и только и смотритъ какъ бы кому-нибудь сапоги вычистить.

— Какіе сапоги? Что за аллегорія?

— Какая тутъ аллегорія! Вы, я вижу, смѣетесь.... Степанъ Трофимовичъ правду сказалъ что я подъ камнемъ лежу, раздавленъ, да не задавленъ и только корчусь; это онъ хорошо сравнилъ.

— Степанъ Трофимовичъ увѣряетъ что вы ломѣлись на Нѣмцахъ, смѣялся я,—мы съ Нѣмцевъ все же что-нибудь да стащили себѣ въ карманъ.

— Двугривенный взяли, а сто рублей своихъ отдали.

Съ минуту мы помолчали.

— А это онъ въ Америкѣ себѣ належалъ.

— Кто? Что належалъ?

— Я про Кирилова. Мы съ нимъ тамъ четыре мѣсяца въ избѣ на полу пролежали.

— Да развѣ вы ѣздили въ Америку? удивился я; — вы никогда не говорили.

— Чего разказывать. Третьяго года мы отправились втроемъ на эмигрантскомъ пароходѣ въ Американскіе Штаты на послѣднія деньжишки „чтобы испробовать на себѣ жизнь американскаго рабочаго и такимъ образомъ *личнымъ* опытомъ провѣрить на себѣ состояніе человѣка въ самомъ тяжеломъ его общественномъ положеніи“. Вотъ съ какою цѣлью мы отправились.

— Господи! засмѣялся я,—да вы бы лучше для этого куда-нибудь въ губернію нашу отправились въ страдную пору „чтобъ испытать личнымъ опытомъ“, а то понесло въ Америку!

— Мы тамъ нанялись въ работники къ одному эксплуататору; всѣхъ насъ Русскихъ собралось у него человѣкъ шесть,— студенты, даже ломѣщики изъ своихъ ломѣстій, даже офицеры были, и все съ тою же величественною цѣлью. Ну и работали, мокли, мучились, уставали, наконецъ я и Кириловъ ушли—заболѣли, не выдержали. Эксплуататоръ-хозяинъ насъ при разчетѣ обсчиталъ, вмѣсто тридцати долларовъ по условію, заплатилъ мнѣ восемь, а ему пятнадцать; тоже и бивали насъ тамъ не разъ. Ну тутъ-то безъ работы мы и пролежали съ Кириловымъ въ городишкѣ на полу четыре мѣсяца рядомъ; онъ объ одномъ думалъ, а я о другомъ.

— Неужто хозяинъ васъ билъ, это въ Америкѣ-то? Ну какъ должно-быть вы ругали его!

— Ничуть. Мы напротивъ тотчасъ рѣшили съ Кириловымъ что „мы Русскіе предъ Американцами маленькіе ребятишки, и нужно родиться въ Америкѣ или по крайней мѣрѣ сжиться долгими годами съ Американцами чтобы стать съ ними въ уровень“. Да что: когда съ насъ за копѣечную вещь спрашивали по доллару, то мы платили не только съ удовольствіемъ, но даже съ увлеченіемъ. Мы все хвалили: спиритизмъ, законъ Линча, револьверы, бродягъ. Разъ мы ѣдемъ, а человѣкъ лѣзъ въ мой карманъ, вынулъ мою головную щетку и сталъ причесываться; мы только переглянулись съ Кириловымъ и рѣшили что это хорошо и что это намъ очень нравится....

— Странно что это у насъ не только заходитъ въ голову, но и исполняется, замѣтилъ я.

— Люди изъ бумажки, повторилъ Шатовъ.

— Но однакожь переплывать Океанъ на эмигрантскомъ пароходѣ, въ неизвѣстную землю, хотя бы и съ цѣлью „узнать личнымъ опытомъ“ и т. д.—въ этомъ ей Богу есть какъ будто какая-то великодушная твердость.... Да какъ же вы оттуда выбрались?

— Я къ одному человѣку въ Европу написалъ, и онъ мнѣ прислалъ сто рублей.

Шатовъ, разговаривая, все время по обычаю своему упорно смотрѣлъ въ землю, даже когда и горячился. Тутъ же вдругъ поднялъ голову:

— А хотите знать имя человѣка?

— Кто же таковъ?

— Николай Ставрогинъ.

Онъ вдругъ всталъ, повернулся къ своему липовому письменному столу и началъ на немъ что-то шарить. У насъ ходилъ неясный, но достовѣрный слухъ, что жена его нѣкоторое время находилась въ связи съ Николаемъ Ставрогинымъ въ Парижѣ и именно года два тому назадъ, значитъ когда Шатовъ былъ въ Америкѣ,—правда, уже давно послѣ того какъ оставила его въ Женевѣ. „Если такъ, то зачѣмъ же его дернуло теперь съ именемъ вызваться и размазывать?“ подумалось мнѣ.

— Я еще ему до сихъ поръ не отдалъ, оборотился онъ ко мнѣ вдругъ опять, и поглядѣвъ на меня пристально, усѣлся на

прежнее мѣсто въ углу и отрывисто спросилъ совсѣмъ уже другимъ голосомъ:

— Вы конечно зачѣмъ-то пришли; что вамъ надо?

Я тотчасъ же разказалъ все, въ точномъ историческомъ порядкѣ, и прибавилъ что хоть я теперь и устѣлъ одуматься послѣ давешней горячки, но еще болѣе спутался: понялъ что тутъ что-то очень важное для Лизаветы Николаевны, крѣпко желалъ бы помочь, но вся бѣда въ томъ что не только не знаю какъ сдержать данное ей обѣщаніе, но даже не понимаю теперь что именно ей обѣщалъ. Затѣмъ внушительно подтвердилъ ему еще разъ что она не хотѣла и не думала его обманывать, что тутъ вышло какое-то недоразумѣніе и что она очень огорчена его необыкновеннымъ давешнимъ уходомъ.

Онъ очень внимательно выслушалъ.

— Можетъ-быть я, по моему обыкновенію, дѣйствительно давеча глупость сдѣлалъ.... Ну, если она сама не поняла отчего я такъ ушелъ, такъ.... ей же лучше.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и сталъ слушать на лѣстницу.

— Вы желаете эту особу сами увидѣть?

— Этого-то и надо, да какъ это сдѣлать? вскочилъ я обрадовавшись.

— А просто пойдемте, пока одна сидитъ. Онъ придетъ, такъ изобьетъ ее коли узнаетъ что мы приходили. Я часто хожу потихоньку. А я его давеча прибилъ, когда онъ опять ее бить началъ.

— Что вы это?

— Именно; за волосы отъ нея отволокъ; онъ было хотѣлъ меня за это отколотить, да я испугалъ его, тѣмъ и кончилось. Боюсь пьяный воротится, приломитъ—крѣпко ее за то исколотитъ.

Мы тотчасъ же сошли внизъ.

V.

Дверь къ Лебядкинымъ была только притворена, а не заперта, и мы вошли свободно. Все помѣщеніе ихъ состояло изъ двухъ гаденькихъ небольшихъ комнатокъ, съ закоптѣлыми стѣнами, на которыхъ буквально висѣли клочьями грязные обои. Тутъ когда-то нѣсколько лѣтъ содержалась харчевня, пока хозяинъ Филипповъ не перенесъ ее въ новый домъ. Осталь-

ныя, бывшія подъ харчевней комнаты, были теперь залерты, а эти двѣ достались Лебядкину. Мебель состояла изъ простыхъ лавокъ и тесовыхъ столовъ, кромѣ одного лишь стараго кресла безъ ручки. Во второй комнатѣ въ углу стояла кровать подъ ситцевымъ одѣяломъ, принадлежавшая m-lle Лебядкиной, самъ же капитанъ, ложась на ночь, валился каждый разъ на полъ, нерѣдко въ чемъ былъ. Вездѣ было накрошено, насорено, намочено; большая, толстая, вся мокрая тряпка лежала въ первой комнатѣ посреди пола и тутъ же въ той же лужѣ старый истолтанный башмакъ. Видно было что тутъ никто ничѣмъ не занимается; печи не топятся, кушанье не готовится; самовара даже у нихъ не было, какъ подробнѣе разсказалъ Шатовъ. Капитанъ пріѣхалъ съ сестрой совершенно нищимъ и, какъ говорилъ Лилутинъ, дѣйствительно сначала ходилъ по инымъ домамъ побираться; но получивъ неожиданно деньги, тотчасъ же запилъ и совсѣмъ отвалѣлъ отъ вина, такъ что ему было уже не до хозяйства.

M-lle Лебядкина, которую я такъ желалъ видѣть, смирно и неслышно сидѣла во второй комнатѣ въ углу, за тесовымъ кухоннымъ столомъ, на лавкѣ. Она насъ не окликнула, когда мы отворяли дверь, не двинулась даже съ мѣста. Шатовъ говорилъ что у нихъ и дверь не запирается, а однажды такъ настежь въ сѣни всю ночь и простояла. При свѣтѣ тусклой тоненькой свѣчки въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, я разглядѣлъ женщину лѣтъ можетъ-быть тридцати, болѣзненно худощавую, одѣтую въ темное старенькое ситцевое платье, съ ничѣмъ не прикрытою длинною шеей и съ жиденькими темными волосами, свернутыми на затылкѣ въ узелокъ, толщиной въ кулачокъ двухлѣтняго ребенка. Она посмотрѣла на насъ довольно весело; кромѣ подсвѣчника, предъ нею на столѣ находилось маленькое деревенское зеркальце, старая колода картъ, истрепанная книжка какого-то пѣсенника и нѣмецкая бѣлая булочка, отъ которой было уже разъ или два откушено. Замѣтно было что m-lle Лебядкина бѣлится и румянится и губы чѣмъ-то мажетъ. Сурмитъ тоже брови и безъ того длинныя, тонкія и темныя. На узкомъ и высокомъ лбу ея, несмотря на бѣлила, довольно рѣзко обозначались три длинныя морщинки. Я уже зналъ что она хромая, но въ этотъ разъ при насъ она не вставала и не ходила. Когда-нибудь, въ первой молодости, это исхудавшее лицо могло быть и недурнымъ; но тихіе, ласковые, сѣрые глаза ея были и теперь

еще замѣчательны; что-то мечтательное и искреннее свѣтилось въ ея тихомъ, почти радостномъ взглядѣ. Эта тихая, спокойная радость, выражавшаяся и въ улыбкѣ ея, удивила меня послѣ всего что я слышалъ о казацкой нагайкѣ и о всѣхъ безчинствахъ братца. Странно что вмѣсто тяжелаго и даже боязливаго отвращенія, ощущаемаго обыкновенно въ присутствіи всѣхъ подобныхъ, наказанныхъ Богомъ существъ—мнѣ стало почти пріятно смотрѣть на нее, съ первой же минуты, и только развѣ жалость, но отнюдь не отвращеніе, овладѣла мною потомъ.

— Вотъ такъ и сидитъ, и буквально по цѣлымъ днямъ одна одинешенька, и не двинется, гадаетъ или въ зеркальце смотрится, — указалъ мнѣ на нее съ порога Шатовъ, — онъ вѣдь ея и не коомитъ. Старуха изъ флигеля принесетъ иной разъ чего-нибудь Христа ради; какъ это со свѣчой ее одну оставляютъ!

Къ удивленію моему Шатовъ говорилъ громко, точно бы ея и не было въ комнатѣ.

— Здравствуй, Шатушка! привѣтливо проговорила м-lle Лебядкина.

— Я тебѣ Марья Тимоѳеевна гостя привелъ, сказалъ Шатовъ.

— Ну гостю честь и будетъ. Не знаю кого ты привелъ, чтой то не помню этакого, поглядѣла она на меня пристально изъза свѣчки и тотчасъ же опять обратилась къ Шатову, (а мною уже больше совсѣмъ не занималась во все время разговора, точно бы меня и не было подлѣ нея).

— Соскучилось что ли одному по свѣтелкѣ шагать? засмѣялась она, причемъ открылись два ряда превосходныхъ зубовъ ея.

— И соскучилось и тебя навѣстить захотѣлось.

Шатовъ подвинулъ къ столу скамейку, сѣлъ и меня посадилъ съ собой рядомъ.

— Разговору я всегда рада, только все-таки смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, точно ты монахъ. Когда ты чесался-то? Дай я тебя еще причешу, вынула она изъ кармана гребешокъ, — небось съ того раза какъ я причесала и не притронулся?

— Да у меня и гребенки-то нѣтъ, засмѣялся Шатовъ.

— Вправду? Такъ я тебѣ свою подарю, не эту, а другую, только напомни.

Съ самымъ серіознымъ видомъ принялась она его причесывать, провела даже съ боку проборъ, откинулась немножко

назадъ, погладѣла хорошо ли, и положила гребенку опять въ карманъ.

— Знаешь что, Шатушка, покачала она головой,—человѣкъ ты, ложалуй, и разсудительный, а скучаешь. Странно мнѣ на всѣхъ васъ смотрѣть; не понимаю я какъ это люди скучаютъ. Тоска не скука. Мнѣ весело.

— И съ братцемъ весело?

— Это ты про Лебядкина? Онъ мой лакей. И совсѣмъ мнѣ все равно, тутъ онъ, или нѣтъ. Я ему кричу: Лебядкинъ, принеси воды, Лебядкинъ, подавай башмаки, онъ и бѣжитъ; иной разъ согрѣшишь, смѣшно на него станетъ.

— И это точь въ точь такъ, опять громко и безъ церемоніи обратился ко мнѣ Шатовъ;—она его третируетъ совсѣмъ какъ лакея; самъ я слышалъ какъ она кричала ему: „Лебядкинъ, подай воды“ и при этомъ хохотала; въ томъ только разница что онъ не бѣжитъ за водой, а бьетъ ее за это; но она нисколько его не боится. У ней какіе-то припадки нервные, чуть не ежедневные, и ей ламять отбиваютъ, такъ что она послѣ нихъ все забываетъ что сейчасъ было и всегда время перелутываетъ. Вы думаете она помнитъ какъ мы вошли; можетъ и помнитъ, но ужъ навѣрно передѣлала все по своему и насъ принимаетъ теперь за какихъ-нибудь иныхъ, чѣмъ мы есть, хоть и помнитъ что я Шатушка. Это ничего что я громко говорю; тѣхъ которые не съ нею говорятъ она тотчасъ же перестаетъ слушать и тотчасъ же бросается мечтать про себя; именно бросается. Мечтательница чрезвычайная; по восьми часовъ, по цѣлому дню сидитъ на мѣстѣ. Вотъ булка лежитъ, она ее можетъ съ утра только разъ закусила, а докончитъ завтра. Вотъ въ карты теперь гадать начала....

— Гадаю-то я гадаю, Шатушка, да не то какъ-то выходитъ, подхватила вдругъ Марья Тимоѳеевна, разслышавъ послѣднее словцо и не глядя протянула лѣвую руку къ булкѣ (тоже вѣроятно разслышавъ и про булку). Булочку она наконецъ захватила, но, продержавъ нѣсколько времени въ лѣвой рукѣ и увлекшись возникшимъ вновь разговоромъ, положила не примѣчая опять на столъ, не откусивъ ни разу.

— Все одно выходитъ: дорога, злой человѣкъ, чье-то коварство, смертная постеля, откудова-то письмо, нечаянное извѣстіе—враки все это я думаю, Шатушка, какъ по твоему? Коли люди врутъ, почему картамъ не врать? смѣшала она

вдругъ карты.—Это самое я матери Прасковьѣ разъ говорю, почтенная она женщина, забѣгала ко мнѣ все въ келью въ карты погадать, потихоньку отъ мать-игуменьи. Да и не одна она забѣгала. Ахаютъ онѣ, качаютъ головами, судятъ-рядятъ, а я-то смѣюсь: „ну гдѣ вамъ, говорю, мать Прасковья, письмо получить, коли двѣнадцать лѣтъ оно не приходило?“ Дочь у ней куда-то въ Турцію мужъ завезъ, и двѣнадцать лѣтъ ни слуху ни духу. Только сижу я это на завтра вечеромъ за чаемъ у мать-игуменьи (княжескаго рода она у насъ), сидитъ у ней какая-то тоже барыня заѣзжая, большая мечтательница, и сидитъ одинъ захожій монашекъ аѳонскій, довольно смѣшной человѣкъ по моему мнѣнію. Что жь ты думаешь, Шатушка, этотъ самый монашекъ въ то самое утро матери Прасковьѣ изъ Турціи отъ дочери письмо принесъ,—вотъ тебѣ и валетъ бубновый—нечаянное-то извѣстіе! Пьемъ мы это чай, а монашекъ аѳонскій и говоритъ мать-игуменьѣ: „всего болѣе, благословенная мать-игуменья, благословилъ Господь вашу обитель тѣмъ что такое драгоцѣнное, говоритъ, сокровище сохраняете въ нѣдрахъ ея“. „Какое это сокровище?“ спрашиваетъ мать-игуменья. „А мать-Лизавету блаженную“. А Лизавета эта блаженная въ оградѣ у насъ вдѣлана въ стѣну, въ клѣтку въ сажень длины и въ два аршина высоты, и сидитъ она тамъ за желѣзною рѣшеткой семнадцатый годъ, зиму и лѣто въ одной посконной рубахѣ и все аль соломинкой али прутикомъ какимъ ни на есть въ рубашку свою, въ холстину тычетъ, и ничего не говоритъ и не чешется и не моется семнадцать лѣтъ. Зимой тулупчикъ просунутъ ей, да каждый день корочку хлѣба и кружку воды. Богомольцы смотрятъ, ахаютъ, воздыхаютъ, деньги кладутъ. „Вотъ нашли сокровище, отвѣчаетъ мать-игуменья (разсердилась; страхъ не любила Лизавету): Лизавета съ одной только злобы сидитъ, изъ одного своего упрямства, и все одно притворство“. Не понравилось мнѣ это; сама я хотѣла тогда затвориться: „А по моему, говорю, Богъ и природа есть все одно“. Они мнѣ всѣ въ одинъ голосъ: „вотъ на!“ Игуменья разсмѣялась, зашепталась о чемъ-то съ барыней, подозвала меня, приласкала, а барыня мнѣ бантикъ розовый подарила, хочешь покажу? Ну а монашекъ сталъ мнѣ тутъ же говорить поученіе, да такъ это ласково и смиренно говорилъ и съ такимъ надо быть умомъ; сижу я и слушаю. „Поняла ли?“ спрашиваетъ. „Нѣтъ, говорю, ничего я не поняла, и оставьте, говорю, меня въ поко-

комъ покоѣ". Вотъ съ тѣхъ поръ они меня одну въ полномъ покоѣ оставили, Шатушка. А тѣмъ временемъ и шепни мнѣ, изъ церкви выходя, одна наша старица, на покаяніи у насъ жила за пророчество: „Богородица что̀ есть, какъ мнишь?" „Великая мать, отвѣчаю, упованіе рода человѣческаго". „Такъ, говоритъ, Богородица—великая мать сыра земля есть, и великая въ томъ для человѣка заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная — радость намъ есть; а какъ напоишь слезами своими подъ собой землю на поларшина въ глубину, то тотчасъ же о всемъ и возрадуешься. И никакой, никакой, говоритъ, горести твоей больше не будетъ, таково, говоритъ, есть пророчество". Запало мнѣ тогда это слово. Стала я съ тѣхъ поръ на молитвѣ, творя земной поклонъ, каждый разъ землю цѣловать, сама цѣлую и плачу. И вотъ я тебѣ скажу, Шатушка: ничего-то нѣтъ въ этихъ слезахъ дурнаго; и хотя бы и горя у тебя никакого не было, все равно слезы твои отъ одной радости побѣгутъ. Сами слезы бѣгутъ, это вѣрно. Уйду я бывало на берегъ къ озеру: съ одной стороны нашъ монастырь, а съ другой наша острая гора, такъ и зовутъ ее горой острою. Взойду я на эту гору, обращусь я лицомъ къ востоку, припаду къ землѣ, плачу, плачу и не помню сколько времени плачу, и не помню я тогда и не знаю я тогда ничего. Встану потомъ, обращусь назадъ, а солнце заходитъ, да такое большое, да пышное, да славное, — любишь ты на солнце смотрѣть, Шатушка? Хорошо да грустно. Повернусь я опять назадъ къ востоку, а тѣнь-то, тѣнь-то отъ нашей горы далеко по озеру какъ стрѣла бѣжитъ, узкая, длинная-длинная и на три версты дальше, до самаго на озерѣ острова, и тотъ каменный островъ совсѣмъ какъ есть пополамъ его перерѣжетъ, и какъ перерѣжетъ пополамъ, тутъ и солнце совсѣмъ зайдетъ и все вдругъ погаснетъ. Тутъ и я начну совсѣмъ тосковать, тутъ вдругъ и ламять придетъ, боюсь сумраку, Шатушка. И все больше о своемъ ребеночкѣ плачу....

— А развѣ былъ? подтолкнулъ меня локтемъ Шатовъ, все время чрезвычайно прилежно слушавшій.

— А какже: маленькій, розовенькій, съ крошечными такими ноготочками, и только вся моя тоска въ томъ что не помню я мальчикъ аль дѣвочка. То мальчикъ вспомнится, то дѣвочка. И какъ родила я тогда его, прямо въ батистъ да въ кружево завернула, розовыми его ленточками обвязала,

цвѣточками обсыпала, снарядила, молитву надъ нимъ сотворила, некрещеного понесла, и несу это я его черезъ лѣсъ, и боюсь я лѣсу и страшно мнѣ, и всего больше я плачу о томъ что родила я его, а мужа не знаю.

— А можетъ и былъ? осторожно спросилъ Шатовъ.

— Смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, съ своимъ разсужденіемъ. Былъ-то можетъ и былъ, да что въ томъ что былъ, коли его все равно что и не было? Вотъ тебѣ и загадка не трудная, отгадай-ка! усмѣхнулась она.

— Куда же ребенка-то снесла?

— Въ прудъ снесла, вздохнула она.

Шатовъ опять подтолкнулъ меня локтемъ.

— А что коли и ребенка у тебя совсѣмъ не было и все это одинъ только бредъ, а?

— Трудный ты вопросъ задаешь мнѣ, Шатушка, раздумчиво и безо всякаго удивленія такому вопросу отвѣтила она,— на этотъ счетъ я тебѣ ничего не скажу, можетъ и не было; по-моему одно только твое любопытство; я вѣдь все равно о немъ плакать не перестану, не во снѣ же я видѣла? И крупныя слезы засвѣтились въ ея глазахъ.—Шатушка, Шатушка, а правда что жена отъ тебя сбѣжала? положила она ему вдругъ обѣ руки на плечи и жалостливо посмотрѣла на него.—Да ты не сердись, мнѣ вѣдь и самой тошно. Знаешь, Шатушка, я сонъ какой видѣла: приходитъ онъ опять ко мнѣ, манитъ меня, выкликаетъ: „котечка, говоритъ, моя, котечка, выйди ко мнѣ!“ Вотъ я „котечкѣ“-то пуще всего и обрадовалась: любитъ, думаю.

— Можетъ и на яву придетъ, вполголоса пробормоталъ Шатовъ.

— Нѣтъ, Шатушка, это ужь сонъ.... не придти ему на яву. Знаешь пѣсню:

„Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ,
Я останусь въ этой келейкѣ,
Ужь я стану жить-спасатися,
За тебя Богу молитися.“

— Охъ, Шатушка, Шатушка, дорогой ты мой, что ты никогда меня ни о чемъ не спросишь?

— Да вѣдь не скажешь, оттого и не спрашиваю.

— Не скажу, не скажу, хоть зарѣжь меня не скажу, быстро подхватила она,—жги меня не скажу. И сколько бы я ни терпѣла, ничего не скажу, не узнаютъ люди!

— Ну вотъ видишь, всякому значитъ свое, еще тише проговорилъ Шатовъ, все больше и больше наклоняя голову.

— А попросилъ бы, можетъ и сказала бы; можетъ и сказала бы! восторженно повторила она. — Почему не попросишь? Попроси, попроси меня хорошенько, Шатушка, можетъ я тебѣ и скажу; умоли меня, Шатушка, такъ чтобъ я сама согласилась.... Шатушка, Шатушка!

Но Шатушка молчалъ; съ минуту продолжалось общее молчаніе. Слезы тихо текли по ея набѣленнымъ щекамъ; она сидѣла, забывъ свои обѣ руки на плечахъ Шатова, но уже не смотря на него.

— Э, что мнѣ до тебя, да и грѣхъ! поднялся вдругъ со скамьи Шатовъ.—Привстаньте-ка! сердито дернулъ онъ изъ-подъ меня скамью, и взявъ, поставилъ ее на прежнее мѣсто.

— Придетъ такъ чтобъ не догадался; а намъ пора.

— Ахъ, ты все про лакея моего! засмѣялась вдругъ Марья Тимоѳеевна,—боишься! Ну прощайте, добрые гости; а послушай одну минутку что я скажу. Давеча пришелъ это сюда этотъ Нилычъ съ Филипповымъ, съ хозяиномъ, рыжая бородища, а мой-то на ту пору на меня налетѣлъ. Какъ хозяинъ-то схватитъ его, какъ дернетъ по комнатѣ, а мой-то кричитъ: „Не виноватъ, за чужую вину терплю!“ Такъ вѣришь ли, всѣ мы какъ были такъ и покатились со смѣху....

— Эхъ, Тимоѳеевна, да вѣдь это я былъ замѣсто рыжей-то бороды, вѣдь это я его давеча за волосы отъ тебя отволокъ; а хозяинъ къ вамъ третьяго дня приходилъ браниться съ вами, ты и смѣшала.

— Постой, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ смѣшала, можетъ и ты. Ну чего спорить о пустякахъ; не все ли ему равно кто его оттаскаетъ, засмѣялась она.

— Пойдемте, вдругъ дернулъ меня Шатовъ,—ворота заскрипѣли; застанетъ насъ, изобьетъ ее.

И не успѣли мы еще взбѣжать на лѣстницу какъ раздался въ воротахъ пьяный крикъ и посыпались ругательства. Шатовъ, впустивъ меня къ себѣ, заперъ дверь на замокъ.

— Посидѣть вамъ придется съ минуту, если не хотите исторіи. Вишь кричитъ какъ поросенокъ, должно-быть опять за порогъ зацѣпился; каждый-то разъ растянется.

Безъ исторіи однако не обошлось.

VI.

Шатовъ стоялъ у запертой своей двери и прислушивался на лѣстницу; вдругъ отскочилъ.

— Сюда идетъ, я такъ и зналъ! яростно прошепталъ онъ,— пожалуй до полночи теперь не отвяжется.

Раздалось нѣсколько сильныхъ ударовъ кулакомъ въ двери.

— Шатовъ, Шатовъ, отопри! заволилъ капитанъ,—Шатовъ, другъ!...

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Р-разказать что солнце встало,
Что оно гор-р-рьячимъ свѣтомъ
По.... лѣсамъ.... затр-р-репетало.
Разказать тебѣ что я проснулся, чортъ тебя дери,
Весь пр-р-роснулся подъ.... вѣтвями....

Чортъ возьми точно подъ розгами, ха-ха!

Каждая птичка.... проситъ жажды.
Разказать что̀ пить я буду,
Пить.... не знаю пить что̀ буду.

Ну да и чортъ побери съ глупымъ любопытствомъ! Шатовъ, понимаешь ли ты какъ хорошо жить на свѣтѣ!

— Не отвѣчайте, шепнулъ мнѣ опять Шатовъ.

— Отвори же! Понимаешь ли ты что есть нѣчто высше чѣмъ драка.... между человѣчествомъ; есть минуты блага-а-роднаго лица.... Шатовъ, я добръ; я прощу тебя.... Шатовъ, къ чорту прокламаціи, а?

Молчаніе.

— Понимаешь ли ты, оселъ, что я влюбленъ, я фракъ купилъ, посмотри, фракъ любви, пятнадцать цѣлковыхъ; капитанская любовь требуетъ свѣтскихъ приличій.... Отвори! дико заревѣлъ онъ вдругъ и неистово застучалъ опять кулаками.

— Убирайся къ чорту! заревѣлъ вдругъ и Шатовъ.

— Р-р-рабъ! Рабъ крѣпостной, и сестра твоя раба и рабыня.... вор-ровка!

— А ты свою сестру продалъ.

— Врешь! Терплю напраслину, когда могу однимъ объясненіемъ.... понимаешь ли кто она такова?

— Кто? съ любопытствомъ подошелъ вдругъ къ дверямъ Шатовъ.

— Да ты понимаешь ли?

— Да ужь пойму, ты скажи кто?

— Я смѣю сказать! Я всегда все смѣю въ публикѣ сказать!...

— Ну наврядъ смѣешь, поддразнилъ Шатовъ и кивнулъ мнѣ головой чтобъ я слушалъ.

— Не смѣю?

— По-моему не смѣешь.

— Не смѣю?

— Да ты говори если барскихъ розогъ не боишься.... Ты вѣдь трусъ, а еще капитанъ!

— Я.... я.... она.... она есть.... залепеталъ капитанъ дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Ну? подставилъ ухо Шатовъ.

Наступило молчаніе по крайней мѣрѣ на полминуты.

— Па-а-адлецъ! раздалось наконецъ за дверью, и капитанъ быстро отретировался внизъ, пыхтя какъ самоваръ, съ шумомъ оступаясь и чуть не падая на каждой ступени.

— Нѣтъ, онъ хитеръ, и пьяный не проговорится, отошелъ отъ двери Шатовъ.

— Что же это такое? спросилъ я.

Шатовъ махнулъ рукой, отперъ дверь и сталъ опять слушать на лѣстницу; долго слушалъ, даже сошелъ внизъ потихоньку нѣсколько ступеней. Наконецъ воротился.

— Не слыхать ничего, не дрался; значитъ прямо повалился дрыхнуть. Вамъ пора идти.

— Послушайте, Шатовъ, что же мнѣ теперь заключить изо всего этого?

— Э, заключайте что хотите! отвѣтилъ онъ усталымъ и брезгливымъ голосомъ, и сѣлъ за свой письменный столъ.

Я ушелъ. Одна невѣроятная мысль все болѣе и болѣе укрѣплялась въ моемъ воображеніи. Съ тоской думалъ я о завтрашнемъ днѣ....

VII.

Этотъ „завтрашній день“, то-есть то самое воскресенье въ которое должна была уже безвозвратно рѣшиться участь Степана Трофимовича, былъ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ дней въ моей хроникѣ. Это былъ день неожиданностей, день развязокъ прежняго и завязокъ новаго, рѣзкихъ разъясненій и еще пущей путаницы. Утромъ, какъ уже извѣстно читате-

лю, я обязанъ былъ сопровождать моего друга къ Варварѣ Петровнѣ, по ея собственному назначенію, а въ три часа пополудни я уже долженъ былъ быть у Лизаветы Николаевны, чтобы разказать ей—я самъ не зналъ о чемъ, и способствовать ей — самъ не зналъ въ чемъ. И между тѣмъ все разрѣшилось такъ какъ никто бы не предположилъ. Однимъ словомъ, это былъ день удивительно сошедшихся случайностей.

Началось съ того что мы со Степаномъ Трофимовичемъ, явившись къ Варварѣ Петровнѣ ровно въ двѣнадцать часовъ, какъ она назначила, не застали ее дома; она еще не возвращалась отъ обѣдни. Бѣдный другъ мой былъ такъ настроенъ или, лучше сказать, такъ разстроенъ что это обстоятельство тотчасъ же сразило его; почти въ безсиліи опустился онъ на кресло въ гостиной. Я предложилъ ему стаканъ воды; но несмотря на блѣдность свою и даже на дрожь въ рукахъ, онъ съ достоинствомъ отказался. Кстати, костюмъ его отличался на этотъ разъ необыкновенною изысканностію: почти бальное, батистовое съ вышивкой бѣлье, бѣлый галстухъ, новая шляпа въ рукахъ, свѣжія соломеннаго цвѣта перчатки и даже, чуть-чуть, духи. Только-что мы усѣлись, вошелъ Шатовъ, введенный камердинеромъ, ясное дѣло, тоже по офиціальному приглашенію. Степанъ Трофимовичъ привсталъ было протянуть ему руку, но Шатовъ, посмотрѣвъ на насъ обоихъ внимательно, поворотилъ въ уголъ, усѣлся тамъ и даже не кивнулъ намъ головой. Степанъ Трофимовичъ опять испуганно поглядѣлъ на меня.

Такъ просидѣли мы еще нѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи. Степанъ Трофимовичъ началъ было вдругъ мнѣ что-то очень скоро шептать, но я не разслушалъ; да и самъ онъ отъ волненія не докончилъ и бросилъ. Вошелъ еще разъ камердинеръ поправить что-то на столѣ; а вѣрнѣе—поглядѣть на насъ. Шатовъ вдругъ обратился къ нему съ громкимъ вопросомъ:

— Алексѣй Егорычъ, не знаете, Дарья Павловна съ ней отправилась?

— Варвара Петровна изволили поѣхать въ соборъ однѣ-съ, а Дарья Павловна изволили остаться у себя на верху, и не такъ здоровы-съ, назидательно и чинно доложилъ Алексѣй Егорычъ.

Бѣдный другъ мой опять бѣгло и тревожно со мной переглянулся, такъ что я наконецъ сталъ отъ него отворачи-

ваться. Вдругъ у подъѣзда прогремѣла карета и нѣкоторое отдаленное движеніе въ домѣ возвѣстило намъ что хозяйка воротилась. Всѣ мы привскочили съ креселъ, но опять неожиданность: послышался шумъ многихъ шаговъ, значило что хозяйка возвратилась не одна, а это дѣйствительно было уже нѣсколько странно, такъ какъ сама она назначила намъ этотъ часъ. Послышалось наконецъ что кто-то входилъ до странности скоро, точно бѣжалъ, а такъ не могла входить Варвара Петровна. И вдругъ она почти влетѣла въ комнату запыхавшись и въ чрезвычайномъ волненіи. За нею, нѣсколько пріотставъ и гораздо тише, вошла Лизавета Николаевна, а съ Лизаветой Николаевной рука въ руку Марья Тимоѳеевна Лебядкина! Еслибъ я увидѣлъ это во снѣ, то и тогда бы не повѣрилъ.

Чтобъ объяснить эту совершенную неожиданность, необходимо взять часомъ назадъ и разсказать подробнѣе о необыкновенномъ приключеніи происшедшемъ съ Варварой Петровной въ соборѣ.

Волервыхъ, къ обѣднѣ собрался почти весь городъ, то-есть разумѣя высшій слой нашего общества. Знали что пожалуетъ губернаторша въ первый разъ, послѣ своего къ намъ прибытія. Замѣчу что у насъ уже пошли слухи о томъ что она вольнодумка и „новымъ правилъ“. Всѣмъ дамамъ извѣстно было тоже что она великолѣпно и съ необыкновеннымъ изяществомъ будетъ одѣта; а потому наряды нашихъ дамъ отличались на этотъ разъ изысканностью и пышностью. Одна лишь Варвара Петровна была скромно и по всегдашнему одѣта во все черное, такъ безсмѣнно одѣвалась она въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Прибывъ въ соборъ, она помѣстилась на обычномъ своемъ мѣстѣ, налѣво, въ первомъ ряду, и ливрейный лакей положилъ предъ нею бархатную подушку для колѣнопреклоненій, однимъ словомъ, все по обыкновенному. Но замѣтили тоже что на этотъ разъ она, во все продолженіе службы, какъ-то чрезвычайно усердно молилась; увѣряли даже потомъ, когда все припомнили, что даже слезы стояли въ глазахъ ея. Кончилась наконецъ обѣдня, и нашъ протоіерей, отецъ Павелъ, вышелъ сказать торжественную проповѣдь. У насъ любили его проповѣди и цѣнили ихъ высоко; уговаривали его даже напечатать, но онъ все не рѣшался. На этотъ разъ проповѣдь вышла какъ-то особенно длинна.

И вотъ, во время уже проповѣди подкатила къ собору одна

дама, на легковыхъ извощичьихъ дрожкахъ прежняго фасона, то-есть на которыхъ дамы могли сидѣть только съ боку, придерживаясь за кушакъ извощика и колыхаясь отъ толчковъ экипажа какъ полевая былинка отъ вѣтра. Эти ваньки въ нашемъ городѣ до сихъ поръ еще разъѣзжаютъ. Остановясь у угла собора, гдѣ у вратъ стояло множество экипажей и даже жандармы, дама съ легкостью соскочила съ дрожекъ и подала ванькѣ четыре копѣйки серебромъ.

— Что жь, мало развѣ, Ваня! вскрикнула она, увидавъ его гримасу,—у меня все что есть, прибавила она жалобно.

— Ну да Богъ съ тобой, не радясь садилъ, махнулъ рукой ванька и поглядѣлъ на нее какъ бы думая: „Да и грѣхъ тебя обижать-то“; затѣмъ сунулъ за пазуху кожаный кошель, тронулъ лошадь и укатилъ, салютствуемый насмѣшками близъ стоящихъ извощиковъ. Насмѣшки и даже удивленіе сопровождали и даму все время пока она пробиралась къ соборнымъ вратамъ между экипажами и ожидавшимъ скораго выхода господъ лакействомъ. Да и дѣйствительно было что-то необыкновенное и неожиданное для всѣхъ въ появленіи такой особы вдругъ откуда-то на улицѣ средь народа. Она была болѣзненно худа и прихрамывала, крѣпко набѣлена и нарумянена, съ совершенно оголенною длинною шеей, безъ платка, безъ бурнуса, въ одномъ только старенькомъ, тонкомъ платьѣ, несмотря на холодный и вѣтряный, хотя и ясный сентябрьскій день; съ совершенно открытою головой, съ волосами подвязанными въ крошечный узелокъ на затылкѣ, въ которые съ праваго боку воткнута была одна только искусственная роза, изъ такихъ которыми украшаютъ вербныхъ херувимовъ. Такого вербнаго херувима въ вѣнкѣ изъ бумажныхъ розъ я именно замѣтилъ вчера въ углу, подъ образами, когда сидѣлъ у Маріи Тимоѳеевны. Къ довершенію всего, дама шла хоть и скромно опустивъ глаза, но въ тоже время весело и лукаво улыбаясь. Если бъ она еще капельку прожедлила, то ее бы можетъ-быть и не пропустили въ соборъ.... Но она успѣла проскользнуть, а войдя во храмъ, протискулась незамѣтно впередъ.

Хотя проповѣдь была на половинѣ, и вся сплошная толпа наполнявшая храмъ слушала ее съ полнымъ и беззвучнымъ вниманіемъ, но все-таки нѣсколько глазъ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ покосились на вошедшую. Она упала на церковный помостъ, склонивъ на него свое набѣленое лицо, лежала долго и повидимому плакала; но поднявъ опять голову и

привставъ съ колѣнъ, очень скоро оправилась и развлекалась. Весело, съ видимымъ чрезвычайнымъ удовольствіемъ, стала скользить она глазами по лицамъ, по стѣнамъ собора; съ особеннымъ любопытствомъ вглядывалась въ иныхъ дамъ, прилодымаясь для этого даже на цыпочки, и даже раза два засмѣялась, какъ-то странно при этомъ хихикая. Но проповѣдь кончилась и вынесли крестъ. Губернаторша пошла къ кресту первая, но не дойдя двухъ шаговъ пріостановилась, видимо желая уступить дорогу Варварѣ Петровнѣ, съ своей стороны подходившей слишкомъ ужь прямо и какъ бы не замѣчая никого впереди себя. Необычайная учтивость губернаторши, безъ сомнѣнія, заключала въ себѣ явную и остроумную въ своемъ родѣ колкость; такъ всѣ поняли; такъ поняла должнобыть и Варвара Петровна; но попрежнему никого не замѣчая и съ самымъ непоколебимымъ видомъ достоинства приложилась она ко кресту и тотчасъ же направилась къ выходу. Ливрейный лакей расчищалъ предъ ней дорогу, хотя и безъ того всѣ разступались. Но у самаго выхода, на паперти, тѣсно сбившаяся кучка людей, ни мгновеніе загородила путь. Варвара Петровна пріостановилась и, вдругъ странное, необыкновенное существо, женщина съ бумажной розой на головѣ, протиснувшись между людей, опустилась предъ ней на колѣни. Варвара Петровна, которую трудно было чѣмъ-нибудь озадачить, особенно въ публикѣ, поглядѣла важно и строго.

Поспѣшу замѣтить здѣсь, по возможности вкратцѣ, что Варвара Петровна, хотя и стала въ послѣдніе годы излишне, какъ говорили, разчетлива и даже скупенька, но иногда не жалѣла денегъ, собственно на благотворительность. Она состояла членомъ одного благотворительнаго общества въ столицѣ. Въ недавній голодный годъ, она отослала въ Петербургъ, въ главный комитетъ для пріема пособій потерпѣвшимъ, пятьсотъ рублей, и объ этомъ у насъ говорили. Наконецъ, въ самое послѣднее время, предъ назначеніемъ новаго губернатора, она было совсѣмъ уже основала мѣстный дамскій комитетъ, для пособія самымъ бѣднѣйшимъ родильницамъ въ городѣ и въ губерніи. У насъ сильно упрекали ее въ честолюбіи; но извѣстная стремительность характера Варвары Петровны и въ то же время настойчивость чуть не восторжествовали надъ препятствіями; общество почти уже устроилось, а первоначальная мысль все шире и шире развивалась въ восхищенномъ умѣ основательницы: она уже мечтала

объ основаніи такого же комитета въ Москвѣ, о постепенномъ распространеніи его дѣйствій по всѣмъ губерніямъ. И вотъ съ внезапною перемѣной губернатора, все пріостановилось; а новая губернаторша, говорятъ, уже успѣла высказать въ обществѣ нѣсколько колкихъ и, главное, меткихъ и дѣльныхъ возраженій насчетъ будто бы непрактичности основной мысли подобнаго комитета, что, разумѣется съ прикрасами, было уже передано Варварѣ Петровнѣ. Одинъ Богъ знаетъ глубину сердецъ, но полагаю что Варвара Петровна даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ пріостановилась теперь въ самыхъ соборныхъ вратахъ, зная что мимо должна сейчасъ же пройти губернаторша, а затѣмъ и всѣ, и „пусть сама увидитъ какъ мнѣ все равно что бы она тамъ ни подумала и что бы ни сострила еще насчетъ тщеславія моей благотворительности. Вотъ же вамъ всѣмъ!“

— Что вы милая, о чемъ вы просите? внимательнѣе всмотрѣлась Варвара Петровна въ колѣнопреклоненную предъ нею просительницу. Та гладѣла на нее ужасно оробѣвшимъ, застыдившимся, но почти благоговѣйнымъ взглядомъ и вдругъ усмѣхнулась съ тѣмъ же страннымъ хихиканьемъ.

— Что она? Кто она? Варвара Петровна обвела кругомъ присутствующихъ повелительнымъ и вопросительнымъ взглядомъ. — Всѣ молчали.

— Вы несчастны? Вы нуждаетесь во восломоженіи?

— Я нуждаюсь.... я пріѣхала.... лепетала „несчастная“ прерывавшимся отъ волненія голосомъ.—Я пріѣхала только чтобы вашу ручку поцѣловать.... и опять хихикнула. Съ самымъ дѣтскимъ взглядомъ, съ какимъ дѣти ласкаются что-нибудь выпрашивая, потянулась она схватить ручку Варвары Петровны, но какъ бы испугавшись, вдругъ отдернула свои руки назадъ.

— Только за этимъ и прибыли? улыбнулась Варвара Петровна съ сострадательною улыбкой, но тотчасъ же быстро выхватила изъ кармана свой перламутровый портмоне, а изъ него десятирублевую бумажку и подала незнакомкѣ. Та взяла. Варвара Петровна была очень заинтересована и видимо не считала незнакомку какою-нибудь простонародною просительницей.

— Вишь десять рублей дала, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Ручку-то пожалуйте, лепетала „несчастная“, крѣпко прихвативъ пальцами лѣвой руки за уголокъ полученную десяти-

рублевую бумажку, которую свивало вѣтромъ. Варвара Петровна почему-то немного нахмурилась и съ серіознымъ, почти строгимъ видомъ протянула руку; та съ благоговѣніемъ поцѣловала ее. Благодарный взглядъ ея заблисталъ какимъ-то даже восторгомъ. Вотъ въ это-то самое время подошла губернаторша и прихлынула цѣлая толпа нашихъ дамъ и старшихъ самовниковъ. Губернаторша поневолѣ должна была на минутку пріостановиться въ тѣснотѣ; многіе остановились.

— Вы дрожите, вамъ холодно? замѣтила вдругъ Варвара Петровна, и сбросивъ съ себя свой бурнусъ, на лету подхваченный лакеемъ, сняла съ плечъ свою черную (очень не дешевую) шаль и собственными руками окутала обнаженную шею все еще стоявшей на колѣнахъ просительницы.

— Да встаньте же, встаньте съ колѣнъ, прошу васъ! Та встала.

— Гдѣ вы живете? Неужели никто наконецъ не знаетъ гдѣ она живетъ? снова нетерпѣливо оглянулась кругомъ Варвара Петровна. Но прежней кучки уже не было; виднѣлись все знакомыя, свѣтскія лица, разглядывавшія сцену, одни съ строгимъ удивленіемъ, другіе съ лукавымъ любопытствомъ и въ то же время съ невинною жаждой скандальчика, а третьи начинали даже посмѣиваться.

— Кажется это Лебядкиныхъ-съ, выискался наконецъ одинъ добрый человѣкъ съ отвѣтомъ на запросъ Варвары Петровны, нашъ почтенный и многими уважаемый купецъ Андреевъ, въ очкахъ, съ сѣдою бородой, въ русскомъ платьѣ и съ круглою цилиндрическою шляпой, которую держалъ теперь въ рукахъ;—они у Филипповыхъ въ домѣ проживаютъ, въ Богоявленской улицѣ.

— Лебядкинъ? Домъ Филиппова? Я что-то слышала.... благодарю васъ, Никонъ Семенычъ, но кто этотъ Лебядкинъ?

— Капитаномъ прозывается, человѣкъ, надо бы такъ-сказать, неосторожный. А это ужь завѣрное ихъ сестрица. Она, полагать надо, изъ-подъ надзору теперь ушла, сбавивъ голосъ проговорилъ Никонъ Семенычъ и значительно взглянулъ на Варвару Петровну.

— Понимаю васъ; благодарю Никонъ Семенычъ. Вы, милая моя, госпожа Лебядкина?

— Нѣтъ; я не Лебядкина.

— Такъ можетъ братъ вашъ Лебядкинъ?

— Братъ мой Лебядкинъ.

— Вотъ что я сдѣлаю, я васъ теперь, моя милая, съ собой

возьму, а отъ меня васъ уже отвезутъ къ вашему семейству; хотите ѣхать со мной?

— Ахъ, хочу! сплеснула ладошками г-жа Лебядкина.

— Тётя, тётя? Возьмите и меня съ собой къ вамъ! раздался голосъ Лизаветы Николаевны. Замѣчу что Лизавета Николаевна прибыла къ обѣднѣ вмѣстѣ съ губернаторшей, а Прасковья Ивановна, по предписанію доктора, ѣхала тѣмъ временемъ покататься въ каретѣ, а для развлеченія увезла съ собой и Маврикія Николаевича, Лиза вдругъ оставила губернаторшу и подскочила къ Варварѣ Петровнѣ.

— Милая моя, ты знаешь я всегда тебѣ рада, но что скажетъ твоя мать? начала было осанисто Варвара Петровна, но вдругъ смутилась, замѣтивъ необычайное волненіе Лизы.

— Тётя, тётя, непремѣнно теперь съ вами,—умоляла Лиза, цѣлуя Варвару Петровну.

— Mais qu'avez vous donc, Lise! съ выразительнымъ удивленіемъ проговорила губернаторша.

— Ахъ простите, голубчикъ, chère cousine, я къ тётѣ, — на лету повернулась Лиза къ непріятно-удивленной своей chère cousine и поцѣловала ее два раза.

— И maman тоже скажите чтобы сейчасъ же пріѣзжала за мной къ тётѣ; maman непремѣнно, непремѣнно хотѣла заѣхать, она давеча сама говорила, я забыла васъ предувѣдомить, — трещала Лиза,—вообразите, не сердитесь Julie.... chère cousine.... тётя, я готова!

— Если вы, тётя, меня не возьмете, то я за вашею каретой побѣгу и закричу,— быстро и отчаянно прощебетала она совсѣмъ на ухо Варварѣ Петровнѣ; хорошо еще что никто не слыхалъ. Варвара Петровна даже на шагъ отшатнулась и пронзительнымъ взглядомъ посмотрѣла на сумасшедшую дѣвушку. Этотъ взглядъ все рѣшилъ: она непремѣнно положила взять съ собой Лизу!

— Этому надо положить конецъ, вырвалось у ней. — Хорошо, я съ удовольствіемъ беру тебя, Лиза, тотчасъ же громко прибавила она,—разумѣется если Юлія Михайловна согласится тебя отпустить, съ открытымъ видомъ и съ прямодушнымъ достоинствомъ повернулась она прямо къ губернаторшѣ.

— О, безъ сомнѣнія я не захочу лишить ее этого удовольствія, тѣмъ болѣе что я сама.... съ удивительною любезностью залепетала вдругъ Юлія Михайловна, — я сама....

хорошо знаю какая на нашихъ плечикахъ фантастическая и всевластная головка (Юлія Михайловна очаровательно усмѣхнулась)....

— Благодарю васъ чрезвычайно,—отблагодарила вѣжливымъ и осанистымъ поклономъ Варвара Петровна.

— И мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, — почти уже съ восторгомъ продолжала свой лепетъ Юлія Михайловна, даже вся покраснѣвъ отъ пріятнаго волненія,—что кромѣ удовольствія быть у васъ, Лизу увлекаетъ теперь такое прекрасное, такое, могу сказать, высокое чувство.... состраданіе.... (она взглянула на „несчастную“).... и.... на самой паперти храма....

— Такой взглядъ дѣлаетъ вамъ честь, великолѣпно одобрила Варвара Петровна. Юлія Михайловна стремительно протянула свою руку, и Варвара Петровна съ полною готовностью дотронулась до нея своими пальцами. Всеобщее впечатлѣніе было прекрасное, лица нѣкоторыхъ присутствовавшихъ просіяли удовольствіемъ, показалось нѣсколько сладкихъ и заискивающихъ улыбокъ.

Однимъ словомъ, всему городу вдругъ ясно открылось что это не Юлія Михайловна пренебрегала до сихъ поръ Варварой Петровной и не сдѣлала ей визита, а сама Варвара Петровна напротивъ „держала въ границахъ Юлію Михайловну, тогда какъ та пѣшкомъ бы можетъ побѣжала къ ней съ визитомъ, еслибы только была увѣрена что Варвара Петровна ея не прогонитъ“. Авторитетъ Варвары Петровны поднялся до чрезвычайности.

— Садитесь же, милая, указала Варвара Петровна m-lle Лебядкиной на подъѣхавшую карету; „несчастная“ радостно побѣжала къ дверцамъ, у которыхъ подхватилъ ее лакей.

— Какъ! Вы хромаете! вскричала Варвара Петровна совершенно какъ въ услугѣ, и побѣднѣла. (Всѣ тогда это замѣтили, но не поняли....)

Карета покатилась. Домъ Варвары Петровны находился очень близко отъ собора. Лиза сказывала мнѣ потомъ что Лебядкина смѣялась истерически всѣ эти три минуты переѣзда, а Варвара Петровна сидѣла „какъ будто въ какомъ-то магнетическомъ снѣ“, собственное выраженіе Лизы.

Ѳ. ДОСТОЕВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОСКОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ

НАЧАЛА XVIII ВѢКА

И

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ.*

III.

Возвращаясь въ Москву, Тверитиновъ, конечно, никакъ не могъ ожидать что ему предстоятъ тамъ новыя тяжелыя испытанія: царскій указъ, рѣзко выдѣливъ лѣкаря изъ всей „компаніи“ обвиненной въ ереси, обязывалъ Яворскаго „въ торжественный“ день всенародно объявить что Дмитрій имѣетъ духовныхъ отцовъ, которые сказали что въ церковныхъ догматахъ противленія никакого они за нимъ не признавали, что въ Петербургѣ онъ пріобщенъ былъ Святыхъ Таинъ; затѣмъ слѣдовало *учинить* Тверитинова *свободна*. Дѣло лѣкаря считалось оконченнымъ; указъ не упоминалъ ни о какомъ новомъ изслѣдованіи образа мыслей Дмитрія, требуя въ то же время положительно чтобы школьникъ Максимовъ и торговый человѣкъ Мартыновъ „освидѣтельствованы были духовнѣ, истинно ли православную вѣру содержатъ твердо, и чтобы Ѳома Ивановъ *духовно* былъ исправленъ, дабы онъ позналъ самую истину

* См. *Русск. Вѣстн.* 1870, № 9.

безъ всякаго сомнѣнія". Самая обязанность *всенародно* объявить о православіи Тверитинова возлагалась на Яворскаго указомъ въ интересахъ лѣкаря, обнесеннаго ересичествомъ, „дабы тѣмъ объявленіемъ о немъ, Дмитріи, *прежнее всенародное мнѣніе* искоренить". Стефанъ не могъ не сознавать что „прежнее всенародное" мнѣніе о Тверитиновѣ было и его собственнымъ мнѣніемъ, что оно сложилось не безъ вліянія его всенародной проповѣди въ седьмую недѣлю по Пасхѣ * и той огласки которую далъ Яворскій первому доносу префекта словено-латинскихъ школъ на Максимова.

17го іюля 1714 года Тверитиновъ привезенъ былъ въ Москву. Заключивъ его, наравнѣ съ его товарищами, подъ строгимъ карауломъ въ колодничьей палатѣ духовнаго приказа, Яворскій, вопреки указу, потребовалъ отъ него письменнаго исповѣданія вѣры. Тверитиновъ исполнилъ требованіе мѣстоблюстителя патріаршаго престола, но не упустилъ случая намекнуть ему что это требованіе противорѣчило царскому указу. „О томъ моемъ *православномъ* исповѣданіи вашему архіерейству *извѣстно именнымъ* царскаго величества *указомъ*, чрезъ явное свидѣтельство о мнѣ отцовъ моихъ духовныхъ и приходскаго священника", писалъ лѣкарь въ своемъ исповѣданіи. На другой же день, по представленіи исповѣданія, ** Тверитиновъ написалъ на имя Петра слѣдующее прошеніе: „Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Въ нынѣшнемъ 1714 году, по вашему царскаго величества указу, присланъ я изъ С.-Петербурга къ Москвѣ къ преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, для объявленія въ соборной церкви всенароднаго мнѣнія что я нижеименованный, по свидѣтельству отцовъ моихъ духовныхъ, святой соборной церкви повинуюсь; а нынѣ я удержанъ въ патріаршемъ духовномъ приказѣ. Всемилостивѣйшій государь! прошу ваше величество да повелитъ державство ваше меня изъ духовнаго приказу свободить подъ росписку." Этому прошенію Яворскій не далъ хода; онъ только приказалъ „взять его къ *дѣлу*". Итакъ, новое слѣдственное дѣло поднималось надъ Тверитиновымъ *черезъ три дня* послѣ того какъ онъ пріѣхалъ въ Москву съ оправдательнымъ указомъ царя. По-

* Въ первой статьѣ нашей ошибочно напечатано на стр. 51: *по Святомъ Духѣ*.

** Въ слѣдственномъ дѣлѣ это прошеніе, не имѣющее на себѣ числа, помѣщено *предъ* 21мъ іюля.

водомъ къ преслѣдованію дѣла о Тверитиновѣ Яворскій выставилъ то обстоятельство что уже *послѣ распоряженія его* относительно времени всенароднаго объявленія еретиковъ, именно 21го іюля, дошелъ до церковнаго суда листъ въ рамахъ, уставомъ писанный, содержавшій извлеченіе изъ извѣстныхъ тетрадей Тверитинова, и самыя тетради лѣкаря, и что кромѣ того „безумные еретики, въ исповѣданіяхъ ими поданныхъ, ни единымъ словомъ не изнесили правды, но точію лукаво извинялись якобы никогда въ томъ своемъ безуміи противленіи были".

Трудно вѣрить что въ теченіи цѣлаго года, отданнаго первоначальному московскому и петербургскому слѣдствію надъ Тверитиновымъ, Яворскій не зналъ пресловутыхъ тетрадей обвиненнаго. Еще въ февралѣ 1713 года эти тетради принесъ къ Мусину-Пушкину Магницкій, тотъ самый который устраивалъ у себя обѣдъ съ цѣлію обнаружить при свидѣтеляхъ мнѣнія Тверитинова и который на другой же день послѣ этой неудавшейся трапезы пришелъ къ Яворскому съ докладомъ, „особенно на Дмитрія что онъ ереси учитель". Ѳеофилактъ Лопатинскій, „вѣрный эмиссаръ Яворскаго", познакомился съ тетрадями Тверитинова также въ 1713 году. * Въ то же самое время тетради разбиралъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ Поликарповъ, человѣкъ также очень близкій Стефану. Неужели никто изъ этихъ людей не сообщилъ ихъ въ свое время мѣстоблюстителю? Въ самомъ слѣдственномъ дѣлѣ проскользнуло доказательство что тетради уже прежде извѣстны были Яворскому. „21го іюля 1714 года, говоритъ офиціальный актъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, дошли до рукъ церковнаго суда тетради; въ тетратехъ нумѣты собиралъ Тверитиновъ, *въ чемъ и самъ онъ не отрицался очевидно предъ графомъ И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ*". Откуда узналъ объ этомъ церковный судъ того же 21го іюля, въ день полученія тетрадей? Конечно отъ тѣхъ которые сообщили тетради суду и видѣли ихъ прежде у графа,—отъ Поликарпова или отъ Ѳеофилакта Лопатинскаго. ** Какъ бы то ни было, 21го іюля Яворскій сдѣлалъ распоряженіе „отца его, Тверитинова, духовнаго и приходскаго священника, также духовниковъ школьника Ивана Макси-

* Показаніе Лопатинскаго въ слѣдственномъ дѣлѣ, л. 152.

** Магницкій, какъ извѣстно, устранялъ себя отъ разговоровъ съ Тверитиновымъ въ присутствіи Мусина-Пушкина.

мова, и Никиты Мартынова, и *фискала Михайла Андреева*, сыскавъ, поставить къ вопрошенію *истинному* предъ его архіерейство; также съ которыми духовнаго и мірскаго чина людьми имѣли тѣ еретики обхожденіе и знакомство, изыскуя таковыхъ, повѣщати имъ *подъ запрещеніемъ церковнымъ*, дабы, аще кто на нихъ вѣдаетъ ко святой церкви сопротивленіе, износили ревностію самую истину, ламатуя въ томъ месть и воздаяніе отъ самого Предвѣчнаго и конца не имущаго Архіерея и Вседержителя Владыки Христа Бога."

Вызванныя къ отвѣту духовныя лица въ сущности не показали ничего новаго или неблагопріятнаго о Тверитиновѣ. Спасскій попъ Поталій въ допросѣ сказалъ: „Вышеписанный Димитрій, прежь сего, тому лѣтъ четырнадцать, сталъ жить въ приходѣ ево на отдаточной стрѣлецкой землѣ и, какъ жилъ въ приходѣ ево, учинился быть у нево въ духовности тому лѣтъ седмь, и на исповѣди былъ трижды, а Святыхъ Таинъ не пріобщался; а противности святѣй церкви онъ въ немъ не припозналъ, а въ церковь Божію временно приходилъ, и онъ, попъ Поталій, со всякими потребами въ домъ къ нему прихаживалъ и молебное пѣніе отправлялъ. А въ домѣ дѣ ево, Дмитріевѣ, онъ, попъ Поталій, видѣлъ: въ рамахъ поставлена на стѣнѣ картина, написана по черной землѣ златыми литеры заповѣдь вторыхъ книгъ Моисеовыхъ, главы двадесятыя: *Азъ есмь Господь Богъ твой* и *Не сотвориши себѣ кумира и всякаго подобія, елико на небеси горѣ* и протчее той заповѣди. А для чего токмо тѣ двѣ заповѣди написавъ у себя онъ, Дмитрей, держалъ, того онъ, попъ Поталій, не вѣдаетъ и прежь его, попа, у кого онъ, Дмитрей, былъ въ духовности, того онъ, попъ, не знаетъ."* Успенскій священникъ Іоаннъ сказалъ: „Оный Дмитрей въ приходѣ его сталъ жить до лобѣгу своего только года съ полтора и въ томъ маложитіи въ церковь приходилъ временно, а въ духовности у него не бывалъ, и противности святѣй церкви въ немъ не присмотрилъ, потому что никакихъ съ нимъ, Дмитріемъ, разговоровъ о церковныхъ догматахъ не бывало."** Всѣ призванныя къ допросу духовныя лица показали что видѣли въ домѣ Тверитинова „картину" съ изображеніемъ на ней только двухъ первыхъ заповѣдей.

---

* Слѣдственное дѣло, л. 149.

** Тамъ же, л. 149 об.

Яворскій и духовное начальство обратились къ тетрадямъ лѣкаря чтобы тамъ найти доказательства опаснаго для церкви и правительства образа мыслей обвиненнаго. Еще въ 1713 году, когда слѣдствіе надъ Максимовымъ и его товарищами перенесено было въ Петербургъ, Стефанъ въ письмѣ къ царю такъ объяснялъ свое приказаніе пытать школьника: „Понеже то дѣло *государственное*, послалъ его *для лутчаго испытанія* съ распросными рѣчьми въ Преображенскъ.“* Въ тетрадяхъ Тверитинова духовныя власти открыли отдѣлъ на основаніи котораго выписки изъ Библіи имъ показалось возможнымъ возвести также въ государственное дѣло. Въ „надписаніи“, озаглавленномъ *о идолѣхъ языческихъ, имже многажды покланяхуся сынове Израилевы и сего ради различными казнями пострадаша*, Тверитиновымъ выписанъ былъ слѣдующій текстъ изъ Апостольскихъ Дѣяній (VII, 43): *Воспріясте* (говоритъ Господь Израильтянамъ) *скинію Молохову и звѣзду Бога вашего Ремфана, образы, яже сотвористе поклонятися имъ: и преселю вы далѣе Вавилона.* Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены были слѣдующія слова изъ книги пророка Іереміи: *Зане се азъ созову вся царства земная отъ сѣвера, рече Господь: и пріидутъ и поставятъ кійждо престолъ свой въ преддверіяхъ вратъ Іерусалимскихъ* (I, 15—16). Духовное начальство постановило что въ этомъ отдѣлѣ библейскихъ текстовъ Тверитиновъ „идолами иконы нарицаетъ, ихъ же ради содержащимъ я лагубою погибнути глаголетъ и въ невѣдущія страны изриновеннымъ быти въ служеніе чуждимъ богомъ въ безлюкойство дне и нощи и мерзостію ихъ быти повѣствуетъ и кумирами и потребленнымъ имъ быти претитъ. Такожде *порицаетъ содержащихъ я племень странъ сѣверныхъ.* Потомъ *глаголетъ на царей*, и князей и на люди *гнѣву Божію быти* съ клятвою и запустѣніемъ земли, яко не быти живущимъ на ней за кажденіе Царицѣ Небесной и идоломъ;** въ церкви же не именуется Царица Небесная, токмо Пресвятая Богородица, ей же вси вѣрніи кадило приносимъ. И глаголетъ, яки бы образы въ боги имѣемъ и за сотвореніе ихъ преселеннымъ

* Слѣдственное дѣло, л. 48 об.

** Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщенъ былъ отрывокъ изъ 44 главы прор. Іереміи: „И отвѣщаша Іереміи вси мужіе разумѣющіи, яко кадятъ жены ихъ богомъ инымъ... глаголюще: не послушаемъ тебе.... кадити Царицѣ Небесной....“

быти далѣе Вавилона." * Такъ свободно читали духовные слѣдователи между строками тетрадей Тверитинова.

Но Яворскій не удовольствовался данными извлеченными по указанной нами методѣ изъ тетрадей лѣкаря. 29го іюля по всей Москвѣ опубликовано было соборное увѣщаніе православнымъ—письменно доносить о еретичествѣ Тверитинова. Вступая въ открытую борьбу съ рѣшеніемъ сената и волей царя, Стефанъ искалъ себѣ поддержки въ средѣ находившихся тогда въ Москвѣ архіереевъ: увѣщаніе подписали митрополитъ Іоанникій, епископы Алексій и Игнатій и самъ мѣстоблюститель. „Любимцы Яворскаго—учителя московскихъ славяно-латинскихъ школъ" ** готовы были поддержать смѣлое начинаніе рязанскаго митрополита. Префектъ школъ Гавріилъ Бужинскій и ректоръ Ѳеофилактъ Лопатинскій, называвшій Яворскаго своимъ батюшкой, *** первые явились въ духовный приказъ подать обличительныя сказки на Тверитинова и написали свои показанія въ то время когда самое увѣщаніе православнымъ о подачѣ сказокъ не было еще обнародовано, а только предполагалось. **** Между тѣмъ сказка префекта Гавріила начинается словами: „По сему церкве святыя православныя восточныя увѣщанію съ клятвою, нижеписанный іеромонахъ Гавріилъ сказалъ"; Лопатинскій же, также показавшій „противъ сего церкве нашея увѣщанія и клятвы прещенія", подписалъ свою сказку такъ: „Сіе ради своего спасенія, етоже никтоже кромѣ сущихъ въ православной церкви, яже вѣдущихъ о развращеніи еретика Димитрія, а не возвѣщающимъ тяжкою анаѳемою претитъ, наслѣдити не можетъ, сказую и своею рукою подписую". †

Обнародованіемъ соборнаго увѣщанія сдѣлавъ рѣшительный шагъ къ неисполненію царскаго указа, Яворскій приказалъ, 11го августа, разослать виновныхъ по московскимъ

---

* *Православное Обозрѣніе*, 1863, августъ, стр. 327.

** *Возраженіе на пашквиль лютеранскій, надписанный Молотокъ.*

*** Чистовичъ, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 465.

**** Сказка Гавріила записана въ слѣдственномъ дѣлѣ на оборотѣ 150 листа, тотчасъ за показаніемъ діакона Алексѣя Ананьева, даннымъ 21го іюля; въ концѣ сказки написано: *августа*, по скобленому мѣсту, прежде стояло: *іюля*. Въ показаніи Лопатинскаго, *августа* также написано по скобленому.

† Слѣдственное дѣло, л. 150, 152.

монастырямъ и снова потребовалъ у нихъ „истиннаго о тѣхъ своихъ ересяхъ покаянія“, угрожая имъ въ противномъ случаѣ церковною анаѳемой и смертною казнію. На это новое приглашеніе мѣстоблюстителя Тверитиновъ отвѣчалъ слѣдующимъ доношеніемъ: „Въ прошломъ 1713 году, апрѣля въ послѣднихъ числѣхъ, вице-губернаторъ, господинъ Василій Семеновичъ Ершовъ, принудилъ меня диспуты имѣть отъ лица лютерскаго чиномъ школьнымъ о призываніи отошедшихъ святыхъ въ помощь, * и таковые диспуты имѣлъ я со архимандритомъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, оговорясь съ нами что я въ согласіи восточной церкви и съ вами единомудрствую. И послѣ тѣхъ диспутовъ обнесенъ я къ вашему архіерейству, будто держу преданіе лютерскаго согласія, а не восточной церкви, и для того разоренъ напрасно. А о мнѣ вашему архіерейству доношу самую истину, какъ предъ Содѣтелемъ Богомъ, такъ и вашей святынѣ что я въ согласіи святыя соборныя апостольскія церкви, какъ и вси вы, и всякія потребы отъ нея пріемлю, и о почитаніи святыхъ иконъ, и святыхъ мощей, и о призываніи святыхъ угодниковъ Божіихъ, и о молитвѣ за умершихъ и о пріятіи святаго причащенія за самую истину, и о всѣхъ преданіяхъ святыя соборныя церкви, какъ намъ предала она мать наша, тако и держу и во всемъ ей повинуюся, а въ иконоборствѣ, и въ непочитаніи креста святаго, и святыхъ мощей, и о непризываніи святыхъ угодниковъ Божіихъ, ни о какихъ противностяхъ къ святѣй соборной апостольской церкви никогда не бывалъ, и проклинаю иконоборную ересь и всякую противность къ святѣй соборной апостольской церкви, и другихъ никакой противности не учивалъ, и противниковъ никого не знаю, и о утвержденіи ереси никакихъ не писалъ. А которые диспуты были у меня съ учеными людьми чиномъ школьнымъ отъ лица лютерскаго о нашихъ уставѣхъ святыя церкви—не для какой ереси, но для лучшаго знанія, чтобъ я былъ го-

* Справщикъ типографіи, монахъ Ѳеологъ показалъ: „Въ прошломъ 1713 году, въ домѣ вице-губернатора московскаго В. С. Ершова, отъ самого его, Димитрія, въ разговорѣ слышалъ глаголюща его, якобы онъ отъ иновѣрцевъ слышалъ, бывая въ Нѣмецкой слободѣ, у нихъ совопротенія и разумѣнія ихъ, предлагалъ о поклоненіи иконамъ и о прочихъ вышеписанныхъ догматахъ, которыхъ де намъ недостоитъ творити, и приводилъ о томъ свидѣтельства отъ Библіи по ихъ еретическому лютеро-кальвинскому разумѣнію.“ Слѣдств. дѣло, л. 215.

товъ къ отвѣту, кто меня вопроситъ отъ иновѣрныхъ. А съ кѣмъ такіе диспуты были, также и которые слушали обносятъ меня вашему архіерейству будто я держалъ такіе диспуты за правду и противлюсь святѣй церкви,—и то они затѣваютъ напрасно, не справясь съ моими отцы духовными и не обыскавъ гдѣ я въ приходѣ; а и сами они о мнѣ свѣдомы что я всякія потребы принимаю отъ святыя церкви, какъ и они. А ежели я вашему архіерейству доношу и исповѣдаю неправду или подъ какою кондиціею, да буду подъ вѣчною анаѳемою и подъ постиженіемъ праведнаго суда Божія и вѣчнаго осужденія." * „Многострадальный колодникъ," ** школьникъ Иванъ Максимовъ, въ свою очередь каялся Яворскому, „что въ прошедшее время нѣкакъ опознахся съ пасторы люторскими (бывши въ Нарвѣ, посолѣ и на Москвѣ), и они имѣли со мною разговоры о догматахъ церковныхъ, а именно о непоклоненіи святыхъ иконъ, и о непризываніи святыхъ на помощь и о постѣхъ отъ стараго и новаго завѣта мнѣ доводили, и на то отпоръ имъ, елико могъ чинилъ; однако не возмогохъ тогда ихъ хитро-сплетенныхъ подлоговъ разрушити. И оттолѣ смутихся и начахъ день отъ дне о томъ размышляти, како бы и гдѣ добрѣ на отпоръ противнымъ научитися, и отъ нѣкоторыхъ увѣдѣхъ: пріидохъ того ради въ школы латинскія. И егда пріучихся латинскимъ языкомъ разглагольствовати, начахъ вышереченныхъ пасторовъ слышанные отъ нихъ противные доводы нѣкоторымъ учителемъ къ разрѣшенію подлагати, о томъ же и прочіимъ ученымъ людемъ, въ высшихъ наукахъ пребывающимъ; они же возмнѣша за то быти мя подъ сумнѣніемъ. Нынѣ же познахъ себѣ, яко воистину человѣколюбецъ Богъ, приводя мя ко спасенію, благоизволи нанести на мя грѣшнаго сію настоящую бѣду и терпѣніе, и въ послѣднюю нищету пріидохъ, *а паче всего уже вторый годъ и свободныхъ наукъ всѣхъ обнажихся.* *** Эти покаянныя донесенія написаны были 20го августа. На измѣненіе участи заключенныхъ они не произвели никакого вліянія. Запиской Тверитинова слѣдователи воспользовались лишь для того чтобы найти новыя противъ него улики. Лѣкарь увѣрялъ въ ней что велъ диспуты „не для какой ереси, но для

* *Слѣдств. дѣло*, л. 128—л. 128 об.

** Такъ подписался Максимовъ подъ своею показанною записью.

*** Слѣдств. дѣло, л. 126 об. — 127. Въ *Прав. Обозр.* 1863, іюнь, стр. 122, эта сказка напечатана съ ошибками.

лучшаго знанія, чтобы всегда быть готовымъ отвѣчать иновѣрнымъ"; духовное начальство, съ своей стороны, разборомъ тетрадей Тверитинова, старалось доказать что онѣ составлены не для обличенія иноземцевъ, но для того „чтобъ удобнѣе отторгнуть простой народъ отъ соединенія вѣры;" * что Тверитиновъ составилъ ихъ „отъ себя по самой только злобѣ своей на церковь;" ** что вообще пункты тетрадей не имѣютъ полемическаго характера: „не словопрительно, но увѣщательно" *** написаны. Свидѣтельскія показанія, вызванныя соборнымъ увѣщаніемъ, должны были доставить церковному суду важнѣйшія доказательства зловредной еретической пропаганды, въ которой обвинялся Тверитиновъ. Еще въ 1713 году Яворскій писалъ царю что Максимовъ на пыткѣ „объявилъ прочихъ своихъ сообщниковъ и учителей своего раскольничества, иже, ничтоже сумняшеся, глаголютъ себе быти въ проклятыхъ своихъ ересяхъ паче всѣхъ мудрѣйшихъ и смысленнѣйшихъ и яко бы они паче наричутся христіане б....мъ своимъ расколомъ, нежели мы; расширяютъ бо адская своя уста на правовѣрный, истиннаго благочестія народъ, и богохульнымъ своимъ языкомъ дерзаютъ его прельщати, еже бы превратити на богомерзкое свое раскольничество и вкупѣ съ ними погибнути: ибо сами въ немъ вѣчно погибаютъ и хотящимъ въ православіи неподвижно пребывати, погибнути желаютъ. *И уже мнози суть въ Москвѣ, ихже прельщени суть ядовитымъ ихъ прельщеніемъ на богомерзкое раскольничество.*" **** Сказки поданныя Яворскому не открыли однако новыхъ послѣдователей или учениковъ Тверитинова, кромѣ тѣхъ которые уже были извѣстны по первому слѣдственному дѣлу. Увлекшійся толками лѣкаря, архимандритъ Антоній писалъ между прочимъ въ своей сказкѣ: „Въ нынѣшнемъ въ 1714 году, іюлія въ 17й день, былъ у мене въ кельѣ шуринъ ево Димитріевъ, Матвѣй Алексѣевъ и, обѣдавъ, говорилъ за столомъ про зятя своего Димитрія, и сказывалъ какъ у него бывали многіе съ нимъ разговоры, и онъ де сущей еретикъ и противникъ святой церкви *и нынѣ де наполненъ его учениками Серпуховъ.* А при томъ, какъ онъ сіе говорилъ, были изъ Переславля-Залѣсскаго, Николаевскаго монастыря игу-

* *Правосл. Обозр.* 1863, августъ, стр. 327.

** Тамъ же, стр. 326.

*** Тамъ же, стр. 333.

**** Слѣдств. дѣло, л. 48 об. 49.

менъ Питиримъ, іеродіаконъ Авраамій, туринъ же его Димитріевъ, а Матвѣевъ родной братъ, монахъ Пафнутій." * Но это показаніе Матвѣя Алексѣева, который давно, вмѣстѣ съ Пафнутіемъ, разошелся съ Тверитиновымъ и сталъ въ ряды его обличителей, не подтвердилось ничѣмъ: указаній на сношенія Тверитинова съ Серпуховымъ никакихъ не уцѣлѣло; едва ли они и существовали. Взводя на лѣкаря обвиненіе въ пропагандѣ, Матвѣй Алексѣевъ, повидимому, желалъ выставить себя въ выгодномъ свѣтѣ предъ архимандритомъ Антоніемъ. „И въ другое время бывши онъ Матвѣй (продолжаетъ Антоній) при братѣ своемъ Пафнутіи, говорилъ про него Димитрія что онъ есть въ лютерскомъ ученіи и имѣетъ учениковъ, и ученики де его всѣ живутъ во всякомъ довольствѣ, потому что де они другъ друга снабдѣваютъ: *есть ли бы де и мнѣ къ нимъ склониться, то бы де и меня обогатили.*" ** Со словъ того же Матвѣя Алексѣева доносилъ объ ученикахъ Тверитинова и игуменъ Питиримъ, но онъ не упоминалъ о Серпуховѣ. „Пафнутій (говорилъ онъ въ своемъ показаніи) противу его лютерскихъ подлоговъ сдѣлалъ книгу со всякимъ свидѣтельствомъ Святаго Писанія и, сдѣлавъ, ему отдалъ во уврачеваніе. Да туринъ же его Димитріевъ, Матвѣй Алексѣевъ, мнѣ сказывалъ что де Димитріевы лютерскія догмы есть многіе ученики. Да мнѣ же сказывалъ нашего же монастыря монахъ Самсонъ что онъ же, Димитрій, ходитъ за Москву-рѣку въ Овчинники къ посадскому человѣку въ домъ, къ Ѳедоту Терентьеву и учитъ де святымъ иконамъ не покланятися и прочая лютерская мудрованія, и тотъ монахъ Самсонъ звалъ меня къ тому Ѳедоту въ домъ для обличенія его, Димитріева, еретическаго ученія; однакожъ мнѣ въ тотъ домъ сходить никогда не приключилося." *** Самъ Матвѣй Алексѣевъ, въ сказкѣ поданной имъ согласно соборному увѣщанію, ни слова не сказалъ объ ученикахъ Тверитинова въ Серпуховѣ; ****

* Слѣдств. дѣло, л. 168.

** Тамъ же, 168 л. об.

*** Тамъ же, л. 170 и слѣд.

**** Вотъ сказка Матвѣя: „По увѣщанію всего освященнаго собора вельно сказать сказку людемъ всякаго чина и объявить имянно про лѣкаря Димитрія Евдокимова и за его противныя слова въ разговорахъ на православную церковь. И азъ грѣшный не хощу быти подъ соборною клятвою, извѣщаю имянно что у него слышалъ въ словѣхъ его со отцомъ моимъ, и съ братомъ и со мною говорилъ всякія слова

ничего не упомянулъ о нихъ и ревностный обличитель лѣкаря, сочинитель *Рожнца*—Пафнутій, въ обвиненіяхъ на своего Нѣмчина родственника заходившій, какъ увидимъ, далеко за предѣлы справедливости. Почему же молчалъ онъ о такомъ важномъ для обличителей Тверитинова фактѣ какъ совращеніе въ „новый расколъ“ чуть не цѣлаго Серпухова, еслибъ этотъ фактъ существовалъ не въ воображеніи только Матвѣя Алексѣева?

Несомнѣннымъ остается то что Тверитиновъ, какъ человѣкъ глубоко убѣжденный, не скрывалъ своихъ мыслей и, въ пылу увлеченія реформой, рѣзко порицалъ старый порядокъ вещей, невѣжество и суевѣріе массы и тѣхъ въ которыхъ, казалось ему, эта старина находила себѣ поддержку. „Прежде начатія объ нихъ розыска (писалъ въ своей сказкѣ Ершовъ) въ Москвѣ, во многія времяна разговоры его еретическіе слыхивалъ многіе, между которыми онъ, еретикъ, говаривалъ именно о святыхъ соборахъ и о нынѣшнихъ духовныхъ властяхъ сице: „дадутъ де они отвѣтъ предъ Богомъ; сколько де народу пролало и пропадаетъ!“ * Отданный всѣмъ сердцемъ успѣхамъ новаго просвѣщенія, Тверитиновъ относился къ старой Россіи такъ же презрительно и враждебно какъ иностранцы московской Нѣмецкой слободы, какъ самъ Преобразователь. „До розыскнаго о нихъ дѣла (показывалъ тотъ же Ершовъ) имѣли они еретическій свой голосъ такъ смѣло, *яко бы заграничной иноземецъ, но еще и погаднѣе гораздо*, чего и лютеры сущіе такъ не мудрствуютъ.“ ** Запальчивыя рѣчи Тверитинова касались церкви, духовенства, вѣрованій, и всегда такъ или иначе разрѣшались сѣтованіемъ на скудость просвѣщенія народнаго. „Од-

---

безъ зазору и спасенія противность на нашу вѣру христіанскую и на церковь. Первое разсуждалъ неправымъ своимъ разсужденіемъ поклоненіе святыхъ иконъ, второе, не призывати святыхъ, третіе, и мощей святыхъ честь, четвертое, Креста Господня поклоненіе и честь, пятое, священство и монашество, и прочіе что содержится въ нашей православной соборной и апостольской церкви, все отрицалъ: не право де сіе все. А сущее де правда сіа что у себя держалъ книгу *Катихизисъ* лютерской: что въ ней написано, то де въ ней правда, надобно де содержать сіе всякому человѣку и будетъ де оправдалъ предъ Богомъ. Сіе все слышахъ азъ, шуринъ его Матвѣй Алексѣевъ, и довожу въ правду. Слѣдств. дѣло, *л.* 188.

* Слѣдств. дѣло, *л.* 181.

** Тамъ же, *л.* 183, об. 184.

нажды въ разговорѣ съ лѣкаремъ Корнѣемъ Мининымъ, Тверитиновъ „называлъ тѣхъ которые кланяются святымъ иконамъ идололоклонниками и приводилъ на то слово: *не сотвориши себѣ кумира*“ и проч.; потомъ сталъ говорить: „какъ де того безумнѣе—пророку Иліи о дождѣ молятся, а не Богу; а тотъ де пророкъ въ подаяніи дождя и ни въ чемъ силы не имѣетъ“. „Вы еще питаетеся млекомъ, заключилъ Тверитиновъ, а твердой пищи не пріяли.“ * Занятый вопросомъ о „твердой умственной пищѣ“, Дмитрій смѣло бросалъ свои обличенія на духовенство и открыто высказывалъ скептическія мысли, жестоко оскорблявшія чтителей старины. „Въ разныя времена (пишетъ Ершовъ) оному еретику лѣкарю я говаривалъ съ прошеніемъ и прещеніемъ, дабы онъ такъ буйствовать пересталъ или уже хотя *бъ* другихъ въ тое злую еретическую гибель не вводилъ, а ежели не перестанетъ, то погибнетъ. И оный мнѣ отвѣтствовалъ: „сказано де во Евангеліи: *не бойся, малое мое стадо*: *Азъ есмь съ вами*. То то де мы сущія его овцы и надѣемся де на одного ходатая на Него, Христа, а не на иныхъ ходатаевъ.“ ** Тверитиновъ зналъ какъ должны были отнестись къ его рѣчамъ въ обществѣ воспитавшемся подъ вѣковою опекой византійской догмы. „Вы сами о себѣ мудрствуете“, говорилъ онъ въ домѣ Александра Петровича Лопухина, окруженный приверженцами старины, племянницами первой супруги Петра Великаго: „и кто де съ вами станетъ говорить правду отъ Святаго Писанія и вы де грозите мучительствомъ“. *** „Только де у васъ и разума—грозите кнутомъ и огнемъ.“ **** Лѣкарь тѣмъ не менѣе любилъ откровенно говорить о занимавшихъ его вопросахъ, если къ тому представлялся случай. Когда въ Москвѣ дѣлали новую земляную крѣпость, во рвахъ выкопали нѣсколько умершихъ, „въ томъ числѣ находили тѣлеса неистлѣнныя и съ одеждами монашескими“. Тверитиновъ въ это время пришелъ въ овощной рядъ въ лавку къ своему знакомому торговцу Ерофею Андрееву (Мѣщанской слободы). Ерофей, съ которымъ лѣкарь часто бесѣдовалъ о святыхъ мощахъ, сталъ говорить о недавно выкопанныхъ нетлѣнныхъ тѣлесахъ и „подставлялъ ему видимое въ свидѣтельство на

* Слѣдственное дѣло, *л.* 175, 176.

** Тамъ же, *л.* 181 об.

*** Тамъ же, *л.* 171, об.

**** Тамъ же.

его невѣріе". Тверитиновъ горячо заспорилъ и „между многими своими о святыхъ иконахъ и святыхъ мощахъ противными разговорами утвержденіе соборное называлъ бабьимъ соборомъ", а благовѣрную царицу Ѳеодору сталъ бранить полуумянемъ. *

Сказки поданныя Яворскому проливаютъ новый свѣтъ на личность Тверитинова, на его общественныя связи и отношенія и дополняютъ живыми чертами тотъ отвлеченный образъ который обрисовывается предъ внимательнымъ читателемъ тетрадей Дмитрія. Фискалъ Степанъ Васильевъ показывалъ: „Съ лѣкаремъ Дмитріемъ Тверитиновымъ у него разговоры были. И въ этихъ разговорахъ онъ, Дмитрій, говорилъ про святыя иконы что почитаютъ де люди *народъ простой боготворно*. И говорилъ: откуда де иконы и имъ поклоны взяты? О томъ де въ Завѣтахъ, въ Ветхомъ и въ Новомъ, повелѣнія не написано. Поминовеніе де усопшихъ отколѣ взято? Того де нигдѣ нѣтъ же написаннаго, а вездѣ де значитъ что по смерти покаянія никому нѣтъ, и что де кто живой сдѣлалъ, то де на страшномъ судѣ и пріиметъ, для того что и святымъ, и грѣшнымъ указу еще нѣтъ до страшнаго суда Христова. Про евхаристію святую говорилъ: въ евхаристіи де называютъ самимъ Богомъ, а тутъ де только тайна, а не божество. Тако же де и мощамъ святыхъ отшедшихъ поклоненіе и служба святымъ отколѣ взята, о томъ де нигдѣ не написано жь. И что де на заступленіе ихъ уповаютъ и причитаютъ де къ нимъ божескую силу? А Богъ де и самъ всѣхъ святыхъ милостивѣе и заступниковъ де никого Богъ не требуетъ и всевидецъ де Богъ всему Самъ. А что де свѣчи ставятъ предъ иконы люди и тѣмъ де будто Бога увеселяютъ, а Богу что въ огнѣ треба? для того что де Богъ всѣмъ свѣтъ далъ Самъ. О постахъ онъ же говорилъ что де и то приложено что во вторникъ и въ четвертокъ ѣдятъ мяса, а въ среду и въ пятокъ не ѣдятъ; и то де дѣлаютъ напрасно, для того что де во уста не скверниттъ ничто. И монашество де сдѣлано отъ умышленія старческаго, а не отъ повелѣній Божіихъ; вселенскіе соборы сдѣланы по ихъ соборнымъ изволамъ, а не по ученію пророкъ и апостолъ." **

Изъ слѣдственныхъ сказокъ не видно чтобы Тверитиновъ

* Слѣдственное дѣло, л. 204, 183 об.

** Тамъ же, л. 207 об.

распространялъ свои тетради; онъ немногимъ давалъ и читать ихъ. Результатъ долговременной уединенной работы, онѣ ввѣрялись Тверитиновымъ лишь тѣмъ отъ которыхъ онъ имѣлъ основаніе ожидать и ожидалъ основательнаго разъясненія вопросовъ, матеріалъ для которыхъ собранъ былъ въ тетрадяхъ. Съ своими тетрадями и лютеранскими книжками онъ приходитъ къ ученымъ наставникамъ славяно-латинскихъ школъ, къ священникамъ, къ учителю нѣмецкой школы; съ ними особенно любилъ онъ говорить о православныхъ догматахъ, у нихъ беретъ книги для чтенія. Священникъ церкви Вознесенія Господня и Ипатія чудотворца, Кириллъ Васильевъ, сказалъ: „Жилъ въ моемъ приходѣ, въ дому Устины Осиповны Украинцовой, лѣкарь Дмитрей и со мною въ разглагольствѣ о поклоненіи святымъ иконамъ и о почитаніи святыхъ противныя слова многія говорилъ, яко поклонятися святымъ иконамъ и святыхъ почитати не подобаетъ и нигдѣ того въ Библіи, въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, не написано—поклонятися святымъ иконамъ. И я ему говорилъ: церковь святая пріяла поклонитися иконамъ, и есть написано: *Пречистому образу* Твоему *покланяемся, Благій* весь до конца; и онъ говорилъ: „сіе недавно написано“. И давалъ азъ ему книгу *Катихизисъ* новолечатную *, въ ней же о поклоненіи святыхъ иконъ и о почитаніи святыхъ писано, и онъ сказалъ: „сіе недавно писано“. И выѣхалъ онъ изъ моего прихода въ приходъ Успенія Богородицы на Покровку, и былъ я у него въ домѣ со святынею и показывалъ онъ мнѣ лютеранскій молитвенникъ, напечатанный въ Стекольнѣ, на русскомъ діалектѣ. И онъ читалъ оныя молитвы лютеранскія съ великимъ почитаніемъ и зѣло хвалилъ и цѣловалъ я; и я у него просилъ тоя книги для прочитанія, и онъ не далъ. И на дорогѣ я съ нимъ сошедшися, просилъ его чтобъ онъ, выписавъ изъ книгъ святыхъ, далъ мнѣ писаніе о поклоненіи святымъ иконамъ на посрамленіе противъ лютерановъ, и онъ сказалъ: „нигдѣ такого писанія не обрящетъ.“ ** Духовныя лица къ которымъ обращался Тверитиновъ со своими мудрствованіями и запросами не всегда были въ состояніи разсѣять сомнѣнія лѣкаря и возвратить его къ признанію отвергнутыхъ имъ догматовъ; и Тверитиновъ оставлялъ ихъ разочарованный и неудовле-

* Здѣсь разумѣется *Православное исповѣданіе вѣры.*

** Слѣдственное дѣло, л. 154 об.

творенный. Симоновскій архимандритъ Петръ Смиляничъ, Сербъ, показалъ между прочимъ: „Какъ я пришелъ на дворъ (гдѣ жилъ Тверитиновъ), сталъ о томъ говорить и его спрашивать о чемъ у него съ полковникомъ (Божичемъ) споръ учинился, и онъ, Дмитрій, мнѣ сказалъ: „не понравилося господину полковнику что мы спирались съ нѣкоторыми людьми о вѣрѣ: которіи люди, изъ христіанъ именуеміи, лучше содержатъ вѣру! А я ему сказалъ: „Или ты того не знаешь что наша вѣра православная греческая лучше всѣхъ и утверждена на твердомъ фундаментѣ седмими соборами вселенскими“? А онъ такой отвѣтъ учинилъ: „Вы твердость свою полагаете на вселенскіе соборы; а есть люди разумные, которые свою вѣру и заповѣди содержатъ отъ самого Христа Спасителя изъ Евангелія и изъ Апостола, и вамъ со своими соборами нечего будетъ говорить противъ ихъ правдѣ“. А потомъ вопрошалъ: „Откуда у васъ поклоненіе иконамъ? Откуда поминовеніе мертвымъ? По смерти что его будетъ пользовать? Только де то выдумали попы ради своего прибытку, а иного свидѣтельства нигдѣ нѣту, чтобы возможно кому, дабы польза была отъ поминовенія, что творится послѣ смерти“. Также и о евхаристіи говорилъ: „Пожалуй, дай мнѣ отвѣтъ: какo можетъ единъ Христосъ быть повсюду раздѣляемъ, и раздробляемъ, и раздаваемъ и снѣдаемъ въ службахъ, которыя бываютъ во всемъ свѣтѣ въ единъ день и въ единъ часъ? ибо въ томъ де я вельми усомнѣваюсь“; и прочія безумныя укоризненныя и противныя слова. И я ему по возможности своей о томъ отвѣщалъ. И онъ сказалъ: „Тому я не могу повѣрить; развѣ изволь мнѣ написать на листѣ, и я покажу учителю нѣмецкой школы, для того что онъ вельми умѣетъ о томъ противно отвѣщать“. * Златоустовскій архимандритъ Антоній, „не весьма читатель божественнаго Писанія“, купилъ у Тверитинова рукописную колію лютеранскаго катихизиса, чрезъ Пафнутія досталъ себѣ (еще въ 1710 году) его тетради и велѣлъ списать для себя. „А когда ихъ у меня списывали (показываетъ Антоній), и онъ, Дмитрій, ко мнѣ пришелъ и, увидѣвъ, говорилъ: „О, если кто въ сихъ тетратѣхъ писанія выразумѣетъ, добръ тотъ будетъ“. Съ Антоніемъ Тверитиновъ былъ откровенъ, но относился къ нему свысока. „Да онъ же, Дмитрій (говорилъ архимандритъ въ своей сказкѣ),

* Слѣдственное дѣло, л. 155.

называлъ соборъ который былъ при Ѳеодорѣ царицѣ бабіимъ: царица де Ѳеодора восхотѣла свою догму уставити чтобы иконамъ поклонялися, и собрала изъ лѣсовъ и изъ пустынь черноцовъ, и они де по ея воли и утвердили поклоненіе иконамъ, а вы де ево и слушаете и еретиковъ проклинаете, а клясти не подобаетъ никого. Да и всѣ де ваши соборы между собою несогласны, единъ другаго собора порицали, глаголюще: не добрѣ разумѣша того собора отцы; и на сицевыхъ несогласіяхъ кто можетъ утверждатися? Да онъ же Дмитрій говорилъ многажды о праздницѣ Пресвятыя Богородецы Казанскія, что̀ бываетъ іюля въ 8й день: „сей де праздникъ у васъ дѣвочей; дѣвка де еще имене себе не могла знать, а вы де, ей повѣривши, и праздникъ составили; и то де у васъ догма, якоже и другіе неизвѣстные ваши догматы. И добрѣ де о васъ апостолъ глаголетъ, якоже не вѣстѣ яже чтете и яже утверждаете“ *. Объ извѣстномъ обѣдѣ у Магницкаго Антоній показалъ: „Да еще въ прошломъ въ 713 году, въ мѣсяцѣ генварѣ, былъ я у Леонтія Магницкаго въ домѣ, видѣлъ и слышалъ ево Димитрія, какъ онъ пространно разговаривалъ *аки бы отъ иноземческаго лица* съ нимъ, Леонтіемъ, и съ Иваномъ Коротким и съ шуриномъ своимъ, монахомъ Пафнутіемъ; а съ сторону его былъ фискалъ Михайло Андреевъ. А въ той разговоркѣ отрицалъ онъ, Димитрій, въ постѣхъ различіе брашенъ, и во святомъ причащеніи говорилъ просту быти хлѣбу и вину, а не сущу тѣлу и крови Христовой; а приводы онъ на сіе приводилъ тѣ же *которые мнѣ наединѣ и кромѣ иноземческаго лица говаривалъ*“. **

Листъ содержавшій въ себѣ сокращеніе тетрадей Тверитинова постоянно висѣлъ у него въ домѣ: его видѣли всѣ навѣщавшіе лѣкаря. Священникъ церкви Успенія Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца Большаго Креста, Георгій Кириловъ, показалъ: „И видѣлъ я у него, Дмитрея, въ палатѣ листъ къ стѣнѣ прилѣпленъ, на немъ же написано: *Азъ есмь Господь Богъ твой, изведый тя изъ работы Египетскія; не будутъ тебѣ бози иніи, разве Мене. Не сотвориши себѣ кумира, ни всякаго подобія; елика на небеси горѣ, и елика на земли низу и елика въ водахъ подъ землею, да не поклонишися имъ. Азъ есмь Господь Богъ твой.* И сіе изъ

* Слѣдственное дѣло, л. 166 об.—167.

** Тамъ же, л. 168.

посланія Павла апостола: *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногъ и гадъ;* и прочая подобная на листу томъ писана изъ разныхъ книгъ. И слышалъ я отъ него словеса, яко поминовеніе по умершихъ не пользуетъ, которое свое разумѣніе онъ, противное святѣй церкве, утверждалъ апостольскими словесы сими: *кійждо пріиметъ мзду по своему труду.* И поклоненіе святымъ иконамъ отрицалъ, глаголя: *Слыши, Израиле! Господь Богъ твой—Господь единъ есть; Господу Богу твоему поклонишися и тому единому послужиши.* А кланятися глаголалъ не на иконное изображеніе зря, но въ небо, и утверждалъ то Христовыми словесы: *Духъ есть Богъ и духомъ кланятися подобаетъ, ибо таковыхъ покланяющихся ему ищетъ Богъ*". * Антоній показывалъ: „Да въ томъ же (1710) году въ мѣсяцѣ сентябрѣ звалъ онъ, Дмитрій, меня въ домъ къ себѣ; и я видѣлъ у него въ домѣ, въ переднемъ углу, листъ большой въ рамахъ, писанъ уставнымъ письмомъ, такимъ же чиномъ какъ и въ тетрати, токмо мало посокращеннѣе. Да и въ другое время онъ, Дмитрій, звалъ меня на имянины къ себѣ въ домъ. И я, будучи у него вечернемъ временемъ, вышеписаннаго листа не видѣлъ, и спросилъ у него: „гдѣ у тебя листъ который стоялъ въ переднемъ углу"? И онъ сказалъ: „отдалъ де я его Михайлу Андрееву"; и говорилъ мнѣ: „лущай де и другіе пользуются, а у меня де есть и другой маленькой". И взявши съ стола шендалъ съ свѣщею и повелъ меня къ дверямъ и показывалъ надъ дверьми стоящую картину, а на ней написано золотыми литерами двѣ заповѣди, которыя писаны выше сего, а прочихъ заповѣдей не писано". **

Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня обнародованія соборнаго увѣщанія православнымъ, тридцать девять человѣкъ отчасти сами принесли сказки на Тверитинова, отчасти привлечены были, для этой же цѣли, къ допросу въ духовный приказъ. ***

---

* Слѣдственное дѣло, л. 153—153 об.

** Тамъ же, л. 167 об.

*** Ершовъ показалъ что „купецкой Ероѳей Андреевъ вѣдаетъ *многое сопротивленіе* о Тверитиновѣ" (Слѣдст. дѣло, л. 183 об.), и Ероѳей долженъ былъ дать сказку о своихъ разговорахъ съ лѣкаремъ. Священникъ Козьма Елисеевъ написалъ что теща и турья Тверитинова желаютъ дать сказки объ его еретичествѣ: ихъ заставили написать *свидѣтельства* что лѣкарь еретикъ. Вотъ ихъ по-

[redacted]

Изъ числа подавшихъ сказки и допрошенныхъ, почти половина (восемнадцать) принадлежала къ духовенству; изъ свѣтскихъ лицъ самыя обширныя донесенія представлены были вице-губернаторомъ Ершовымъ, * Магницкимъ и Поликарповымъ; надъ разъясненіемъ дѣла о Тверитиновѣ снова работали съ особенною ревностію люди устраивавшіе обѣды и диспуты въ 1713 году. Соборное увѣщаніе скудно пополнило ряды прежнихъ обличителей и не прибавило почти ничего къ тому что̀ зналъ о Тверитиновѣ Мусинъ-Пушкинъ до отъѣзда своего въ Петербургъ.

5го сентября (въ недѣлю 16ю по Святомъ Духѣ) Яворскій сказалъ новую обличительную проповѣдь на Тверитинова и его „богопротивную компанію". Въ ней раскрывалась та ис-

---

казанія: „1714 года, мѣсяца сентября 25й день, гостиные сотни Алексѣя Олисова жена ево Ѳекла Кондратьева дочь дала сіе свидѣтельственное письмо о зятѣ своемъ лѣкарѣ Дмитрее Евдокимове въ томъ что онъ разные разговоры имѣлъ съ мужемъ моимъ, а съ своимъ тестемъ, которые явились противны святѣй соборной и апостольской церкви. Еще слышала отъ мужа моего о немъ, что онъ не поклоняется святымъ иконамъ и святыхъ мощи имѣлъ за простыя тѣлеса мертвыхъ". Стефанъ Олисовъ написалъ почти то же: „1714 года, мѣс. сентября въ 25й день, лѣкарскихъ и аптекарскихъ дѣлъ ученикъ Стеѳанъ Алексѣевъ сынъ Олисовъ далъ сіе свидѣтельство за моею рукою о зятѣ моемъ, лекарѣ Дмитре Евдокимовѣ въ томъ что онъ имѣлъ разные разговоры со отцемъ моимъ и съ братьями моими такожде и со мною о разныхъ вещахъ. И противъ его разговоровъ явился онъ, Димитрій, противенъ нашей вѣрѣ и св. соборной и апостольской церкви, потому что онъ имѣлъ святыя иконы за самое простое древо; и сказывалъ мнѣ что не надобно де имъ поклоняться; такожде и о святыхъ говорилъ что по смерти ихъ нѣтъ отъ нихъ помощи". Слѣдств. дѣло, л. 188 об.—189. Ершовъ же донесъ что о Косомъ знаютъ Дмитрій Марьинецъ и садовникъ Воронинъ; того и другаго сыскали для дачи сказокъ.

* Показаніе Ершова, написанное на восьми полулистахъ, начинается такъ: „Аще и грѣшенъ есмь, обаче есмь сынъ матере нашея святыя благочестивѣйшія седмисоборныя апостольскія церкве и святаго ея матерня гласа, якоже самого жениха ея, Спасителя нашего, Христа Бога, трепещу и во всемъ доброхотно повинуюся. И того ради по вышеписанному ея всежелательному увѣщанію представляю къ ней, всесладчайшей моей матери, совѣсть мою нагу сущу, безъ всякаго пристрастія, тако ми Христа, развѣ забвенія суща днесь, въ чемъ отъ нея и прощенія прошу." Слѣд. дѣло, л. 177.

тина православной церкви что Священное Писаніе повелѣваетъ хранить преданія *. Въ началѣ проповѣдникъ приломинаетъ слушателямъ слова изъ прочтеннаго Евангелія: *Человѣкъ нѣкій, отходя, призва своя рабы и предаде имъ имѣнія своя* (Матѳ. 25, 14); такъ и Христосъ,—продолжаетъ онъ,—„отходя на страну далече, до онаго т.-е. небеси, идѣже престолъ славы Его, вручилъ намъ таланты, т.-е. различныя дарованія". „Боязненны и святымъ Божіимъ эти таланты!" Но еретики, какъ древніе такъ и новѣйшіе, получивши отъ Бога талантъ—мудрость, употребляютъ ее во зло и тѣмъ готовятъ себѣ вѣчную гибель. Святое крещеніе дѣлаетъ ихъ сынами церкви православно-каѳолической; но они, омрачившись своею треклятою ересью, крещеніе свое ругаютъ, дѣлаются врагами Божіими, отродками и ругателями православной церкви. Въ самомъ началѣ проповѣди, приломивая нѣкоторые пункты тетрадей Тверитинова, Яворскій даетъ понять слушателямъ противъ кого будетъ направлено его слово. „Церковь содержитъ седмь таинъ; изверги же ея глаголютъ быти токмо два. Церковь повелѣваетъ творити благая дѣла, посты, молитвы, милостыни; изверги ея глаголютъ вся тыя быти вымыслы человѣческіе и преданія: не должно хранити я; и глаголютъ: *„Богъ сего творити не повелѣваетъ; нѣсть сіе въ божественномъ писаніи писано*". Или не вѣсте, о прегрубѣйшіи невѣжди! яко церковь есть тѣло, Богъ же есть душа тѣла того: тѣмъ же что церковь повелѣваетъ, Богъ повелѣваетъ" ** Не въ первый разъ всходилъ проповѣдникъ на церковную каѳедру чтобъ обличать вольнодумныя рѣчи и еретическія тетради Тверитинова: еще въ 1713 году онъ опровергалъ его толки объ угодникахъ Божіихъ; *** въ другомъ по-

* Проповѣди Стефана Яворскаго, II, 32. Проповѣдь относится къ концу 1714 года, когда обвиненные были заключены въ разныхъ монастыряхъ. Яворскій намекаетъ на ихъ заключеніе слѣдующими словами: „О противницы! видѣсте и *слышасте*, яко... преисполнены суть посланія апостольскія. *Аще же они* (т.-е. обвиненные) *не услышатъ*" и т. д. Проп. II, 37.

** Тамъ же, стр. 31.

*** Слово въ недѣлю седьмую по пасцѣ, въ Проповѣдяхъ Яворскаго I, стр. 138—162. Въ сборникѣ прошлаго вѣка, принадлежавшемъ Ундольскому, нынѣ Московскаго Публичнаго Музея, № 658. л. 68, оно озаглавлено: *Слово въ недѣлю седьмую по пасцѣ противу лютеранов, и кальвинистов, и раскольников о призываніи святыхъ*

ученіи онъ доказывалъ еретикамъ, желавшимъ опираться на одно лишь Священное Писаніе, важность преданій 1) ихъ древностію и 2) свидѣтельствами самаго Священнаго Писанія. * Во время новаго слѣдствія надъ Тверитиновымъ, когда соборное увѣщаніе о подачѣ обличительныхъ на него оказокъ висѣло у церковныхъ дверей, Яворскій снова обращается къ опроверженію пунктовъ заключеннаго. Тонъ новой проповѣди мѣстоблюстителя сдѣлался рѣзче и суровѣе чѣмъ прежде. Повидимому, мысль о составленіи подробнаго опроверженія на тетради Тверитинова и затѣмъ на протестантскую догму вообще, мысль о *Камнѣ вѣры* уже созрѣла въ головѣ Яворскаго. Приведя въ доказательство важности преданій церковныхъ слова апостола Павла: „Тѣмъ же убо, братія, стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ", проповѣдникъ восклицаетъ: „О, упорства и нелокорства еретическаго! Вопрошаютъ отъ насъ свидѣтельства отъ Писанія, и Писанію не вѣруютъ! Се вамъ *камень*, его же поглотити не возможете". ** Но Яворскій думалъ не объ одномъ „духовномъ исправленіи" присланныхъ къ нему съ царскимъ указомъ „новыхъ еретиковъ"; въ поученіи онъ намекнулъ на необходимость иной мѣры относительно ихъ. Разбирая свидѣтельства Священнаго Писанія о преданіяхъ, онъ останавливается на словахъ апостола Павла въ посланіи къ Тимоѳею: „О, Тимоѳее! преданіе сохрани, уклоняйся сквернымъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума". (Посл. I, 5.) „Апостолъ Павелъ, продолжаетъ проповѣдникъ, предвѣдяше яко имѣяху возстати безглавни еретицы, хотящіи разграбити сіе сокровище.... Почто же тако искренно наказуетъ хранити преда-

---

и приписано префекту Гавріилу. Мы не имѣли возможности провѣрить справедливость этого указанія.

* Въ разбираемомъ словѣ Яворскій говоритъ: „На сія вся отвѣщахомъ имъ въ прежнемъ моемъ словѣ, ово отъ древности хранимыхъ преданій, ово отъ писанія самаго божественнаго худоумное ихъ мнѣніе обличающе и ложь ихъ являюще". Проп. II, 32. Въ другомъ мѣстѣ той же проповѣди сказано: „Аще кому случися на семъ святомъ мѣстѣ недостойныя моея слушати проповѣди, вспомянути можетъ како противницы церкви святой, еретицы кальвины и лютеры, злохульнымъ еще аріанскимъ дышуще ядомъ, о преданіяхъ, всеусердно держимыхъ, оглашаютъ церковь православную". Сколько намъ извѣстно, это поученіе не было напечатано.

** Проповѣди Яворскаго II, 37.

кія? Сего ради, яко Фингелъ и Ермогенъ, уже отвратившеся, противная сумазбродствоваху.“ „Павле святый! (восклицаетъ Яворскій) аще бы возсталъ еси нынѣ и посмотрѣлъ еси, нетокмо во всемъ мірѣ, но во градѣ семъ не двоихъ, но безчисленныхъ за новымъ Фигелломъ—Лютеромъ и Ермогеномъ—Кальвиномъ развратившихся увидѣлъ бы еси. Во истинну треба бы нынѣ развѣ съ тою лампадою показатися ея же нѣкогда на Галатѣхъ употребити хотѣлъ еси!....“ *

Разсматривая преимущественно вопросъ о преданіяхъ церковныхъ, Яворскій касается въ своей проповѣди и другихъ отдѣловъ тетрадей Тверитинова, стоявшихъ въ связи съ вопросомъ о преданіяхъ и отчасти имъ обусловленныхъ: числа таинствъ, постовъ, поклоненія иконамъ, таинства евхаристіи. Разговоры извѣстные изъ поданныхъ въ духовный приказъ сказокъ, и тетради лѣкаря ** составляютъ исключительный предметъ обличеній Стефана. Еретики „помышляютъ, мню, вопросити: аще и можно хранити преданія, но не вѣмы кія суть правыя и почему познати правость ихъ?“ И вотъ вторая часть проповѣди посвящается указанію признаковъ истинныхъ преданій церкви. Грозное будущее предсказываетъ Яворскій „неблагодарнымъ чадамъ церкви, ехиднамъ, снѣдающимъ утробу матери своей, Авессаломамъ, звѣронеистовѣйшимъ отцеговителямъ“: „увидите, о противницы, прельщеніе и худоуміе ваше“! Проповѣдь заключается слѣдующимъ молитвеннымъ обращеніемъ ко Святой Троицѣ: „Изми отъ правовѣрія раздоры, *разруши совѣты*, паче же сихъ иже въ православіи родишася братія наши, нынѣ же воюющія на насъ суть и на вѣру нашу православную, *изми ихъ отъ среды насъ*, потреби гордость вселившуюся.... Изми надмѣніе, Боже нашъ, отъ умовъ ихъ, иже херувима отъ небеси сверже въ преисподнюю. Но даждь имъ умъ съ нами единомудрствовати, даждь намъ миръ

* Проповѣди Яворскаго, стр. 39—40.

** Касаясь 25 надписанія тетрадей о ложныхъ учителяхъ, Яворскій говоритъ: „Что имутъ (еретицы) противу глаголати? Не что иное, токмо яко неблагодарніи сынове отцовъ святыхъ укорати и матерь свою православную церковь злословити. О, злохитріи хулницы! укоряете отцовъ святыхъ, кто *вамъ* вѣру имать? Како хощете истиніи предъ *учениками* своими явитися, имъ же совѣтуете да *учителемъ* не вѣруютъ?“ Проп. II, 36. Противъ 25 надписанія тетрадей Яворскій написалъ: Propter se scripsit, rejicientem doctrinam patrum et doctorum. *Православное Обозрѣніе* 1863, августъ, стр. 332.

оный, его же, отходя отъ насъ, оставилъ еси намъ. Не терли, Господи, да яже на крестѣ распростертыма дланьма собралъ еси, паки расточенныя лестію змія адскаго быти.... но да будетъ множество вѣрующихъ сердце едино и душа едина; да будемъ вси едино стадо, Ты же намъ единъ пастырь; въ семъ же градѣ да не будетъ беззаконіе и пререканіе, да не презираетъ рука око, ниже око руку, да не возстаютъ козѣ на главу, ниже да речетъ глава ногамъ: не требѣ ми есте." * Но миръ еще далекъ былъ и отъ обвиненныхъ, и отъ обвинителя....

Уже два мѣсяца тянулось вновь начатое Яворскимъ слѣдствіе надъ Тверитиновымъ; о товарищахъ его заключенія какъ будто забыли. Все вниманіе и митрополита, и подававшихъ сказки занято было дѣкаремъ и отчасти ускользнувшимъ отъ рукъ церковнаго суда Косымъ. Между тѣмъ Ѳома Ивановъ, вмѣстѣ съ Максимовымъ и Мартыновымъ, привезенъ былъ изъ Петербурга еще 5го іюля. Въ августѣ, когда обвиненнымъ, предъ разсылкой въ монастыри, предложено было написать истинное покаяніе, Ѳомѣ Иванову мелькнула надежда на скорое освобожденіе. Смѣлая и непреклонная натура цирюльника, которой не могъ отказать въ правдивости ни сенатъ, ни самъ Яворскій, лопатилась въ монастырскомъ заключеніи. Уступая требованію мѣстоблюстителя, Ѳома написалъ: „1714 года августа въ „ " день противъ присланнаго великаго государя указу, каковъ присланъ изъ патріаршаго духовнаго приказу въ Чудовъ монастырь ко архимандриту Геннадію, подначальный цирюльникъ Ѳома Ивановъ приноситъ истинное покаяніе святѣй соборной и апостольской церкви, и ему, преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и всему священному собору что я, Ѳома, ни отъ кого никакихъ ересей не учился, и самъ никого ересемъ не училъ же и никакихъ еретиковъ не знаю, нынѣ и впредь еретиковъ проклинать буду и соединитися святой православной, восточной, соборной, апостольской церкви и догматомъ ея православно-вѣрнымъ и святымъ иконамъ, образу Спасителя, Пресвятей Богородицы, кресту Христову, мощамъ святымъ, призываніе святыхъ, молитвы за умершихъ безъ сумнѣнія пріемлю, евхаристію истинно быти тѣло и кровь Христову. А буде я, Ѳома, нынѣ и впредь святой православной, восточной, соборной и апостольской церкви и догматомъ ея православно-

* Проповѣди Яворскаго, II, 48.

вѣрнымъ, святымъ иконамъ, кресту Христову и мощамъ святымъ честь и поклоненіе творити не буду и призываніе святыхъ, и молитвы за умершихъ, евхаристію истинно быти тѣло и кровь Господню вѣровать не стану и противныхъ еретиковъ проклинать не стану жь и впредь ересемъ держатца: и я, Ѳома, да буду подъ вечною анаѳемою и постиженіемъ праведнаго суда Божія и вѣчныя муки, здѣ же привременною смертію и казнію." * Надеждамъ Ѳомы не суждено было осуществиться. На его покаяніи Стефанъ написалъ обычное: „взять къ дѣлу", и только; въ отношеніи къ нему не думали исполнять царскаго указа „духовнѣ исправить и *взявъ у него исповѣданіе на письмѣ за его рукою*, учинить свободна", хотя никакихъ новыхъ данныхъ о Ѳомѣ, къ которымъ бы можно было придраться для переизслѣдованія его дѣла, не было подъ руками у Яворскаго. Вмѣсто *духовнаго исправленія*, Ѳому велѣли держать въ Чудовѣ монастырѣ „на цѣпи со стуломъ" ** и скованаго приводить къ церкви Божіей во время пѣнія"; *** вокругъ него раздавались слова: „анаѳема! анаѳема!" **** Ѳома не вынесъ всенароднаго позора; дикіе инстинкты поднялись въ душѣ его: подъ одеждой принесъ онъ съ собою въ церковь желѣзный косарь, и послѣ заутрени, уединяся, бросился къ образу чудотворца Алексія митрополита, стоявшему за желѣзною рѣшеткой у самой раки святителя, предъ правымъ клиросомъ, и сталъ его рубить. Стоячій, рѣзной на серебрѣ образъ Ѳома „перерубилъ, святаго его лица брови, и уста, и носъ, и браду, и на главѣ клобукъ и правое плечо перерубилъ." † Разъяренный цирюльникъ до тѣхъ поръ „ломалъ и рубилъ", пока не прибѣжали старшіе братья и лампадчики, привлеченные необычнымъ стукомъ и „нуждою ухватя его, Ѳомку, удержали." †* Это было 5го октября 1714 года. Въ тотъ же день чудовскій архимандритъ Геннадій донесъ о случившемся Яворскому; митрополитъ приказалъ: „взять иконоборца въ патріаршъ духовный приказъ и допросить его о семъ лукавомъ дѣлѣ и *о прочихъ, которые его на то поду-*

---

* Слѣдственное дѣло, *л.* 129 об.—130.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

*** Слѣдственное дѣло, *л.* 1.

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

† Слѣдственное дѣло, *л.* 1.

†* *Тамъ же* и *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

цали; и како вѣруетъ; и для чего прежде на письмѣ подавалъ исповѣданіе и покаяніе приносилъ, а нынѣ противно сотворилъ." 6го октября Ѳому привели въ патріаршій духовный приказъ къ допросу. Судьба Ѳомы была рѣшена; онъ это понималъ. Прежняя твердость возвратилась къ нему, и въ духовномъ приказѣ онъ показалъ: „Отецъ де у него былъ Иванъ Яковлевъ, посадской человѣкъ, жилъ въ городѣ Твери. А онъ, Ѳомка, родился въ томъ же городѣ Твери и крещенъ у приходской церкви Илья Пророка, а крестилъ его, Ѳомку, той же церкви попъ Петръ; а воспріемники отъ святаго крещенія кто ему, Ѳомкѣ, были, того онъ сказать не упомнитъ. И отецъ его Ѳомкинъ въ томъ же городѣ Твери умре; а онъ, Ѳомка, остался послѣ отца своего въ малыхъ лѣтехъ и жилъ при матери своей въ домѣ Татьянѣ Юрьевы дочери во Твери жь. И у вышеупомянутого попа Петра онъ, Ѳомка, учился грамотѣ; да онъ же, попъ Петръ, ему, Ѳомкѣ, былъ и отецъ духовный, и по исповѣди святыхъ таинъ причащался. А многажды ль у него, попа Петра, на исповѣди онъ, Ѳомка, былъ, того онъ не упомнитъ; и тотъ де попъ Петръ нынѣ живъ ли, того онъ, Ѳомка, не вѣдаетъ. А мать де его и донынѣ жива и живетъ въ Твери жь. И тому двадцать два года онъ, Ѳомка, пріѣхалъ изо Твери къ Москвѣ.... И по пріѣздѣ своемъ изо Твери и на Москвѣ ни у кого священниковъ на исповѣди онъ, Ѳомка, не бывалъ и въ церкви де святыя божественнаго лѣнія онъ, Ѳомка, хаживалъ и молился истинному Богу, а святымъ иконамъ не покланялся. И въ прошломъ 713 году, по указу великаго государя велѣно его, Ѳомку, сыскать въ Преображенской приказъ, и онъ де, Ѳомка, услышавъ тотъ великаго государя указъ въ домѣ ближняго стольника, князя Ѳеодора Юрьевича Ромодановскаго, явился собою предъ нимъ, княземъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ. И изъ дому своего онъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, отослалъ его, Ѳомку, въ Преображенскій приказъ." Разказавъ свою послѣдующую судьбу, Ѳома Ивановъ продолжалъ: „И въ Чудовѣ монастырѣ, по приказу архимандрита Геннадія, отданъ онъ, Ѳомка, въ подначальство гробовому іеромонаху Варсонофію. И онъ, Варсонофій, говорилъ ему, Ѳомкѣ, что чудотворецъ Алексѣй митрополитъ въ бѣдахъ человѣкомъ помощникъ, и поучалъ его, Ѳомку, чтобъ онъ образу чудотворца Алексѣя покланялся и цѣловалъ бы, — которой образъ Алексѣя чудотворца стоячей рѣзной на серебрѣ поставленъ въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы предъ

правымъ крылосомъ. И сегожь октября 5го числа, какъ онъ, Ѳомка, пошелъ изъ кельи іеромонаха Варсонофія къ утрени въ вышепомянутую церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и взялъ съ собою онъ, Ѳомка, тайно изъ той кельи косарь желѣзной. И по отпѣваніи утреннаго пѣнія въ той церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, тотъ вышеупомянутый образъ чудотворца Алексія онъ, Ѳомка, тѣмъ косаремъ желѣзнымъ изрубилъ, лицо, и брови, и уста, и носъ, и браду, и на главѣ клобукъ и правое плечо, для того что святыхъ иконъ, и животворящаго креста, и мощей угодниковъ Божіихъ онъ, Ѳомка, не почитаетъ, что святыя иконы и животворящій крестъ—дѣла рукъ человѣческихъ, а мощи его, Ѳомку, не милуютъ. И догматы, и преданія церковныя, и въ призываніи святыхъ и молитвы за умершихъ не пріемлетъ, и во евхаристіи не вѣруетъ быти истинное тѣло и кровь Христову, но просвира и вино церковное просто» И какъ онъ, Ѳомка, пріѣхалъ изо Твери къ Москвѣ и читалъ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, святое Евангеліе и Алостолъ, и въ тѣхъ книгахъ не нашелъ чтобы покланяться святымъ иконамъ и животворящему кресту, и о призываніи святыхъ, и о евхаристіи истинное быти тѣло и кровь Христову. А тотъ де образъ чудотворца Алексѣя митрополита изрубилъ онъ, Ѳомка, собою, а ни съ кѣмъ о томъ не умышлялъ, и никто на то его, Ѳомку, не научилъ. А нынѣ и впредь святымъ иконамъ и животворящему кресту онъ, Ѳомка, покланяться не хочетъ, и содержитъ о евхаристіи и о догматахъ церковныхъ и о прочеемъ какъ у него, Ѳомки, сказано въ семъ допросѣ выше. А того иконоборства и противности церковной ни у кого онъ, Ѳомка, не учился, а творитъ то иконоборство собою и никого людей того иконоборства онъ, Ѳомка, не училъ же и иныхъ иконоборцовъ и противниковъ церковныхъ таковыхъ какъ онъ, Ѳомка, содержитъ, никого не знаетъ. А какъ де онъ, Ѳомка, по присылкѣ изъ Санктъ-Петербурга держанъ въ патріаршѣ духовномъ приказѣ и на листѣ онъ, Ѳомка, подалъ за рукою своею православное исповѣданіе и покаяніе преосвященному Стефану митрополиту чрезъ судію іеродіакона Трифилія, хотя себѣ онъ, Ѳомка, получить свободу. А какъ бы онъ, Ѳомка, получилъ бы себѣ свободу, и онъ бы, Ѳомка, творилъ о иконоборствѣ такожде какъ писано въ семъ допросѣ выше.“ Относительно Тверитинова, Максимова и

Мартынова Ѳома показалъ что не вѣдаетъ есть ли за вышеупомянутыми людьми иконоборство. *

Поступокъ Ѳомы ускорилъ развязку дѣла о другихъ подсудимыхъ; онъ обрушилъ на голову Тверитинова новое и самое тяжелое обвиненіе: святотатственное посягновеніе цирюльника на святыню не было ли практическимъ результатомъ смѣлыхъ толковъ лѣкаря, на словахъ и на письмѣ, о небоготвореніи иконъ? 11го октября, когда православная церковь празднуетъ память седьмаго вселенскаго собора, Яворскій сказалъ новую проповѣдь противъ московскихъ вольнодумцевъ.** Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ иконоборства Ѳомы о чемъ могъ говорить Стефанъ въ день церковнаго воспоминанія о соборѣ на иконоборцевъ какъ не о поклоненіи святымъ иконамъ? Основой своей проповѣди онъ избралъ слова церковнаго канона: „Пречистому ти образу поклоняемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеніямъ нашимъ, Христе Боже!“ Тетради Тверитинова, „учителя ереси“, составляютъ попрежнему предметъ обличеній Яворскаго. Высказавъ убѣжденіе что „православные сынове восточной церкви готовы страдать и кровь свою изліять за честь иконъ святыхъ“, онъ переходитъ къ объясненію различія между идоломъ и иконой. Онъ обращается къ Тверитинову съ вопросомъ: „И что же послѣ рекши, седмиглавный змію иконоборныя ереси, иконы святыя отметающая?“ И продолжаетъ такъ: „Слышу, слышу, рожденіе ехидниво, что глаголеши! Отрыгаеши отъ устъ твоихъ богомерзкихъ ядъ аспидовъ неисцѣленъ, нарицающи насъ православныхъ идолопоклонниками, а иконы святыя нарицающи идолами. Вѣлервыхъ вопрошаю, аспиде ядовитый: что есть идолъ и что есть икона? и какое разнствіе имѣетъ икона отъ идола? И ты еси *мерзкій учитель* во Израили и сихъ ли не вѣси? Образъ или икона есть изображеніе и подобіе вещи *истинныя*, которая вещь либо есть, либо была, либо будетъ. Изобразуетъ кто Святую Троицу лицами трехъ ангеловъ? то въ самой истинѣ было, когда три ангела явишася Аврааму у дуба Мамврійскаго. Изобразуетъ кто Бога Отца лицемъ старца нѣкоего пречестна? когда пророкъ Даніилъ и пророкъ Исаія

* Слѣдственное дѣло, *л.* 2 об.—5 об.

** Это неизданное слово Яворскаго *О поклоненіи иконамъ* находится, съ именемъ автора, въ рукописномъ сборникѣ Ундольскаго, Московскаго Публичнаго Музея № 658, *л.* 251—254.

видѣша Ветхаго деньми, сѣдящаго на престолѣ высоцѣ, превознесеннѣ и серафими окрестъ Его.... Тожде и о прочихъ иконахъ разумѣти подобаетъ, которыя всегда съ своимъ первообразнымъ согласуютъ и суть изображеніемъ и подобіемъ истинныхъ вещей. А идолъ чтò есть и коль велико имать разнствіе отъ иконы? Икона есть изображеніемъ *истинныя* вещи, а идолъ есть изображеніемъ *прелести*. А чтò ми изобразуютъ идолы Діа, Ерміа, Аполина, Артемиды и прочая безчисленная бѣсовская капища? А чтò ми изобразуютъ идолы солнца и мѣсяца, Купала, Лады, Перуна? Рецеши яко вся сія изобразуютъ боговъ; но о семъ вопросъ есть: истинны ли бози суть они, яже суть идолами изображенны?..." * Объяснивъ разницу между идоломъ и иконой, ** Яворскій заключаетъ эту часть проповѣди слѣдующими словами: „А чтò жь прочее дерзнетъ иконы идолами нарицати, не слышите ли страшнаго грома отъ собора святаго, нынѣ празднуемаго вселенскаго седьмаго, аки облака превознесенна происходящаго и велегласно гремяща: *иконы святыя глаголющимъ быти идолами анавема, анавема, анавема!*" Не примѣная лока этого постановленія восхваляемаго церковію собора къ Тверитинову и его единомышленникамъ, Яворскій косвенно задѣваетъ обвиненныхъ, касаясь Льва Исаврянина, бывшаго какъ бы виновникомъ того собора на которомъ уничтожено было поклоненіе святымъ иконамъ. Извѣстно что Левъ Исаврянинъ (725) сдѣлалъ первый шагъ къ уничтоженію почитанія иконъ, и что сынъ и преемникъ его Константинъ Копронимъ, въ 754 году, созвалъ многочисленный соборъ, который отмѣнилъ поклоненіе иконамъ, ссылаясь на постановленія шести предшествующихъ вселенскихъ соборовъ. Но соборъ Константина Копронима не получилъ въ православной церкви каноническаго значенія и не былъ внесенъ въ число вселенскихъ соборовъ. Ни изъ тетрадей Тверитинова, ни изъ всего слѣдственнаго дѣла о немъ не видно чтобы самъ лѣкарь или кто-нибудь изъ его „компаніи" называлъ соборъ Копронима седьмымъ вселенскимъ и ссылался на его постановленія; Тверитиновъ, какъ мы видѣли, отвергалъ авторитетъ вселенскихъ соборовъ вообще. Яворскій въ своемъ *Камнѣ вѣры* говоритъ что „противники воллятъ"

---

* Сборникъ Ундольскаго, № 658, *л.* 251.

** Эту разницу Яворскій подробнѣе развиваетъ въ *Камнѣ вѣры*, часть 1, глава 6 (по 2 изданіи., стр. 79).

что „*ихъ соборъ*, отъ гноименитаго Копронима въ церковь Влахернскую собранъ, *есть соборомъ святымъ вселенскимъ седьмымъ* (тако бо его иконоборцы нарекоша); того убо собора, иконы отметающаго, слушати подобаетъ". * Въ проповѣди произнесенной въ день церковнаго празднованія седьмаго вселенскаго собора, Яворскій сопоставляетъ московскихъ вольнодумцевъ съ Константиномъ Копронимомъ и Львомъ Исаврянином. „Кто почитаетъ образъ (говоритъ Стефанъ), почитаетъ изображеннаго въ немъ. И тымъ побѣдилъ иконоборцовъ Стефанъ святый, за иконы святыя пострадавшій, о которомъ извѣщаетъ житіе его. Приведутъ его предъ самого иконоборцовъ начальника, злочестиваго Льва Исавра, повелѣвающаго ему попрати ногами икону Спасителеву. Что же творитъ мужъ святый? Проситъ кинсонной ** златицы и вопроситъ: „чій сей образъ и написаніе?" Егда рекоша ему яко кесаревъ есть, ударитъ о землю златицу и начнетъ ногами попирати, плевати, образъ кесаревъ, на златицѣ изображенный, предъ лицемъ самого кесаря уничижати и обезчещати. Разгнѣвался, на тое смотря, царь и всѣ его старѣйшины; а мужъ святый съ дерзновеніемъ рече. Тако ли, безумныи, разсуждаете? Гнѣваетеся яко азъ попралъ вашего царя земнаго, иже прахъ есть и пепелъ; како убо не имать гнѣватися Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Его же вы образъ скверными вашими попираете ногами? Нѣсте ли чли апостольское правило: *его же сами не хощете, прочимъ не творите.* Не хощете иконамъ вашимъ, васъ изображающимъ, поправнымъ быти; почто убо попираете иконы самого Спаса нашего и Его угодниковъ изобразующія?"

Яворскій не хочетъ входить въ подробный разборъ пунктовъ Тверитинова о поклоненіи иконамъ. „Все мудрствованіе ваше богомерзкое (обращается онъ къ „еретикамъ") на двѣ части раздѣляется. Въ первой части мудрствовасте яко поклоняющіися иконамъ святымъ суть идолопоклонниками;... въ другой части суемудрствуете, мерзкіи, *гноименитые Копронимчики*, яко мы православные заповѣдь Господню преступаемъ иконамъ поклоненіемъ нашимъ; писано бо въ десятиточисленныхъ заповѣдяхъ Господнихъ: *не сотвориши себѣ*

* *Камень вѣры*, часть 1, гл. 3, стр. 24 и слѣд.

** Кинсонъ—census, оцѣнка имѣнія по которой расположенъ былъ платежъ податей; *кинсонъ* не иное что значитъ какъ дань. Алексѣева, *Церковный словарь*.

кумира, ни всякаго подобія.“ Яворскій не хочетъ теперь посвящать времени на опроверженіе мудрствованій „богопротивной компаніи“, какъ дѣлалъ въ прежнихъ поученіяхъ; онъ торопится всенародно высказать отъ своего лица то что̀ готовился постановить относительно обвиненныхъ, опираясь на авторитъ всѣхъ находившихся тогда въ Москвѣ архіереевъ. „Но что̀ съ безумными и упорчивыми прочее глаголати? Скверняйся да скверенится. Отверзите мерзкія свои гортани со всѣмъ адомъ преисподнимъ. Церкви есть столпомъ, утвержденіе истины, съ котораго мы, чада ея, со всѣми отцами святыми, свѣтилами вселенскими: Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, Іоанномъ Златоустымъ, Аѳанасіемъ и Кирилломъ и прочіими безчисленными, со всѣмъ соборомъ святымъ вселенскимъ, на иконоборцовъ собравшимся, вси единогласно глаголемъ и кровію нашею готовы подписатися: *Пречистому ти образу покланяемся, Благій!* Васъ же мерзкихъ еретиковъ, гноименитыхъ Копронимчиковъ, съ тѣмъ же соборомъ святымъ седьмымъ вселенскимъ проклинаемъ: анаѳема, анаѳема, анаѳема!“ *

Итакъ, грозное слово проклятія прогремѣло надъ Тверитиновымъ и его компаніей прежде чѣмъ церковный судъ окончилъ свое слѣдствіе и изрекъ, на основаніи церковныхъ правилъ, свой приговоръ обвиненнымъ. Сказки еще продолжали подаваться вслѣдствіе соборнаго увѣщанія; но Стефанъ не медлилъ. Во второй половинѣ октября онъ велѣлъ изъ тридцати девяти находившихся у него подъ руками допросовъ и показаній сдѣлать подробный экстрактъ и положилъ на немъ слѣдующую резолюцію: „выписать изъ правилъ святыхъ и изъ указовъ государевыхъ, и изъ гражданскихъ статей и изъ примѣровъ“. Зачѣмъ нужны были мѣстоблюстителю эти справки со святыми правилами и съ царскими указами, когда онъ сказалъ уже свое послѣднее слово относительно обвиненныхъ, когда его проловѣдь уже предварила „соборное“ опредѣленіе? Осторожному митрополиту нужно было, на всякій случай, подготовить доказательства что дѣло о Тверитиновѣ возобновилось въ Москвѣ, велось и завершилось цѣлымъ соборомъ. Долгоруковъ еще продолжалъ гостить въ Москвѣ; онъ выжидалъ исполненія царскаго указа... Для Яворскаго наступала рѣшительная минута, когда онъ долженъ былъ собрать результаты

* Сборникъ Undольскаго, № 658, л. 254.

возобновленнаго надъ Тверитиновымъ слѣдствія и противупоставить ихъ выводамъ и рѣшенію о лѣкарѣ петербургскаго сената. Въ слѣдственномъ дѣлѣ осталася слѣдующій документъ, написанный (вѣроятно, самимъ Яворскимъ) съ очевидною цѣлью доказать несостоятельность петербургскаго слѣдствія надъ Тверитиновымъ и тѣмъ косвенно оправдать возобновленіе дѣла о немъ, вопреки царскому указу: „Лѣкарь Дмитрей Евдокимовъ сынъ Тверитиновъ—еретикъ, и ереси учитель и народа развратникъ ѣсть сущей, потому: 1) ученикъ его, школникъ Иванъ Максимовъ, въ еретичествѣ показанъ явно сказками многихъ своей братьи школниковъ и отца ево Иванова роднова и по извѣту отъ учителя. 2) Къ розыску въ Преображенскомъ и тое за собою ересь, и учителя своего той ереси—онаго еретика, лѣкаря Дмитрія Тверитинова и другихъ учениковъ его еретическихъ, которые въ то дѣло написаны, показалъ онъ Максимовъ, а именно жь. 3) Подобно ему, школнику Максимову, и другой его товарищъ, еретикъ же купецкой Никита Мартиновъ, того ереси учителя — лѣкаря Тверитинова и другихъ учениковъ его еретическихъ показалъ же имянно. 4) Цырюликъ Ѳома Ивановъ, который и образъ святаго Алексія митрополита обругалъ, ту свою ересь показалъ же иже и сущею вещію того. А что они тѣ свои Преображенскія рѣчи въ Санктъпитербурхе перемѣняли, что будто тѣ рѣчи въ Преображенскомъ говорили они отъ страха, и *тому вѣрить нѣчему*, потому: *пытанъ изъ нихъ одинъ школникъ Максимовъ*, который еще и до пытки въ той винѣ былъ явенъ подлинно (какъ чрезъ многихъ свидѣтелей, такъ и чрезъ его языкъ); а еретики жь вышеписанные, купецкой Никита Мартиновъ, цырюликъ Ѳома *и не пытаны*. Да и не токмо чтобы имъ то говорить отъ страха, цырюликъ Ѳома безумною своею еретическою ревностію и къ розыску въ Преображенское самъ явился.

„А и въ Санктъпитербурхе въ сенатѣ въ такихъ ихъ наружныхъ и перемѣнчивыхъ ихъ рѣчахъ, *какъ гражданство лежитъ*, и не розыскивано. А по нынѣшнему церковному суду, и безъ всякова розыску, тотъ еретикъ лѣкарь Тверитиновъ какъ въ той ереси, такъ и въ ученіи своемъ и развратѣ народа наружно явенъ, потому:

„1) тому своему еретическому, народоразвратному злому ученію и книгу сдѣлалъ, чего и самъ не отрицается;

„2) а что отъ своей еретической книги оттоваривается тѣмъ

что въ тѣхъ его еретическихъ пунктахъ написано изъ Священнаго Писанія, и то ему не во оправданіе, потому: и древніе еретики развратъ во святой правой вѣрѣ чинили и злоумышленныя душелагубныя свои ереси разсѣвали, утверждая отъ Писанія.

„3) А что онъ, еретикъ-лѣкарь Тверитиновъ, отъ тѣхъ своихъ собранныхъ еретическихъ пунктовъ отговаривается жь тѣмъ что выписалъ де онъ тѣ пункты для знанія противныя стороны, а не для какова противоборнаго утвержденія, и та его отговорка и всего паче показуетъ его явно православію противника, злодѣя суща, потому: тѣ свои на явное еретичество и на развратъ народа собранные пункты и самъ называетъ противными, а собственно своими прелестными надписаніями надписалъ и утверждаетъ православными. *И тѣмъ своимъ еретичествомъ* злодѣйски тѣми своими на явную простымъ прелесть собранными пунктами *наводитъ поношеніе ругательное на всякую власть безобходно, да и всему государству въ примѣръ показываетъ погибели древнихъ государствъ за идолопоклоненіе, о чемъ ему и въ мысли своей держать было страшно и не подобало.* А которыя православныя догмы,—какъ святый животворящій вещественный Христовъ крестъ, такъ и самыя иконы, и святую Богородицу, и святыхъ отшедшихъ угодниковъ Божіихъ и прочая—ругательно тотъ еретикъ отмещетъ, и какою умышленною прелестью простыхъ развращаетъ и свою ересь утверждати тщится и утверждаетъ,—и то явно показуютъ тѣ его еретическіе пункты и надъ ними по главамъ надписи его народоразвратныя именно; въ чемъ явно показуется народоразвратная его злодѣйская прелесть, явная тѣми его злодѣйскими пунктами именно.

„А народомятежство его явно безъ всякаго его извиненія, потому что тѣ свои еретическіе народоразвратные пункты не про одного про себя онъ имѣлъ, а росписалъ ихъ на листы уставомъ со тщаніемъ и надписьми красными и раздавалъ въ другіе домы, которое именно въ дѣлѣ показуетъ. *

„Да и свидѣтелевы сказки какъ духовнаго, такъ и мір-

---

* Изъ сказокъ и слѣдственнаго дѣла открылось что у Тверитинова былъ *одинъ только* экземпляръ листа содержавшаго сокращеніе пунктовъ, и что этотъ единственный экземпляръ онъ отдалъ Косому; тетради давалъ онъ *только* Антонію, архимандриту.

скаго чину многихъ знатныхъ людей, которыхъ число 39 человѣкъ, ереси его, злаго еретика, и въ народъ расѣяніе его безстрашное показуютъ, по церковному вопрошенію, самовидно подлинно; въ томъ числѣ есть и свойственники его еретическіе ближніе, а именно шурья родные; въ томъ числѣ монахъ Пахнутей въ прельщеніи его еретическомъ былъ, которое въ крайнюю вѣрность утверждаютъ оба законы, какъ духовной, такъ и гражданской именно, что всякъ глаголъ при двою и трехъ свидѣтеляхъ вѣренъ да станетъ. А что тотъ еретикъ съ товарыщи своими утверждаютъ себѣ во оправданіе что они возымѣли себѣ отцовъ духовныхъ, и исповѣдывались, и пріобщались Святыхъ Таинъ, и то имъ, еретикамъ, не во оправданіе, потому что, по ихъ еретической безстрашной замерзѣлости, чинить имъ такую богопротивную дерзость, защищая свое зло, за долготерпѣніемъ Божіимъ невозбранно, на что и древніе есть образы: раскольники и другіе тому подобные противники, за страхъ гражданства, уподобляяся добрымъ людямъ, такія богопротивныя дерзости чинили; которое и въ самой той ихъ еретической куплянье нынѣ явилось, а именно: товарыщъ ихъ Ѳома и по обращеніи явился паки въ противности, и въ [illegible]ъ тотъ Ѳома и явился именно, что покаяніе свое онъ, Ѳома, приносилъ лестное, изыскуя себѣ живота, а впредь хотѣлъ онъ именно то жь еретичество чинить, какъ о томъ о всемъ въ дѣлѣ есть и изъяснено право и нелорочно въ церковномъ декретѣ." *

23го октября Яворскій приказалъ привезти заключенныхъ изъ монастырей по которымъ они были разосланы, и помѣстить за крѣпкимъ карауломъ скованныхъ: Тверитинова—въ Чудовѣ монастырѣ, Максимова—въ патріаршемъ домѣ въ хлѣбнѣ, Никиту Мартинова—въ духовномъ приказѣ. **

На другой день, въ воскресенье, 24го октября, въ патріаршей крестовой палатѣ собрались всѣ присутствовавшіе тогда въ Москвѣ архіереи, многіе архимандриты, протопопы, господа и иныхъ чиновъ люди: *** обвиненные должны были быть поставлены для увѣщанія и соборнаго суда. Долгорукову, которому заранѣе послано было извѣстіе объ этомъ соборѣ, не являлся. Яворскій отправилъ къ нему судью духовнаго при-

* Слѣдственное дѣло, л. 255—256 об.
** Тамъ же, л. 292 об.
*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

каза, іеродіакона Трифилія, съ новымъ приглашеніемъ „пожаловать къ таковому дѣйствію“. Долгоруковъ велѣлъ Трифилію сказать архіереямъ: „Я не поѣду и имъ сего чинить не велю безъ государева указа.“ Съ этимъ суровымъ, лаконическимъ отвѣтомъ возвратился посланецъ Яворскаго въ крестовую палату.* Архіереи рѣшили общимъ совѣтомъ что начатое дѣло не терпитъ отлагательства** и приказали поставить предъ соборомъ сначала Тверитинова, а за нимъ по одиночкѣ и двухъ другихъ обвиняемыхъ „для увѣщанія къ покаянію“. Тверитиновъ, Максимовъ и Мартиновъ предъ лицомъ собора утверждали что еретиками не бывали, а обвинены въ еретичествѣ по клеветѣ и ложно.*** „По многомъ испытаніи“ Стефанъ, архіереи и весь освященный соборъ осудили ихъ.**** Отославши подсудимыхъ изъ крестовой палаты, „архіереи начали дѣйствовать по Чиновнику и всякому особенно на имя возгласили пѣніемъ троекратно: *анаѳема!*“ † Яворскій не остановился на этомъ: архіерей и прочимъ неявившимся въ Москву еретикамъ, фискаламъ Косому и Михайлѣ Минину, чеботарю, трижды же возгласили: *анаѳема! да и всѣмъ, явно и тайно тѣмъ еретикамъ помогающимъ трижды же возгласили: анаѳема!* †* Обсужденію собора подвергаѣтъ былъ и постулокъ

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Тамъ же.

*** Тамъ же.

**** Слѣдственное дѣло, л. 292 об.

† *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

†* Тамъ же. Въ соборномъ приговорѣ сказано: „Еретиковъ... анаѳемѣ предаемъ, именно: ересемъ начальника... Тверитинова и ученика его Михайла Андреева Косова... и Ѳому Иванова... Да будутъ убо сіи... еретики прокляты отъ седми соборовъ вселенскихъ и отъ нашего смиренія, и имена ихъ да напишутся въ церковную роспись съ предними еретиками. Двоихъ же отъ оныхъ еретиковъ... Максимова и Мартинова паки подобаетъ взяти на увѣщаніе церковное.“ *Православное Обозрѣніе*, 1863, іюнь, стр. 132. Между тѣмъ Макаровъ писалъ изъ Москвы Яковлеву, секретарю придворной конторы: „Здѣсь архіерей рязанской и прочія всѣ духовныя персоны имѣли совѣтъ о противникахъ церкви, на которомъ положили что предать ихъ проклятію, что прошла воскресенья учинили и публично ихъ анаѳемовали, а именно Дмитрія Тверитинова, Ѳому (который изрубилъ въ Чудовѣ образъ чудотворца Алексѣя), *Ивашку Максимова*; также и сообщниковъ ихъ—Мишку Косова и *Мишку сапожника* (*Минина*), которые нынѣ въ Санктпетербургѣ, также предали проля-

любимца царскаго, александроневскаго архимандрита Ѳеодосія: за то что онъ не только безъ вѣдома собора, но и не доложивъ ни одному изъ архіереевъ, исповѣдалъ и пріобщилъ Тверитинова, зная что онъ оглашенъ еретичествомъ, соборъ закрѣпилъ приговоръ, по которому Ѳеодосій отчуждался отъ божественнаго служенія до особеннаго о томъ исправленія. * Бѣгло перечисливши „богомерзкія и богохульныя ереси“ обвиненныхъ, соборный приговоръ останавливался на тѣхъ „многихъ достовѣрныхъ доводахъ“ которые послужили къ обличенію подсудимыхъ. Въ числѣ этихъ доводовъ соборнымъ приговоромъ указаны: 1) лютеранскій катихизисъ; 2) тетради Тверитинова; 3) листъ; 4) картина на которой изображены были лишь двѣ первыя заповѣди десятословія; 5) свидѣтельскія сказки; 6) обруганіе Ѳомой иконы Алексія митрополита, и 7) наконецъ показанія данныя въ Преображенскомъ. Соборный приговоръ коснулся и петербургскаго слѣдствія, но осторожно и двусмысленно: „въ Петербургѣ (сказано въ приговорѣ) аще еретики измѣнили словеса свои, обаче тѣмъ злобы своея явныя не токмо не покрыли, но и сугубому суду человѣческому и Божію повинны явилися; человѣческому, яко судъ гражданскій (то-есть сенатъ) обольстили,—которую ихъ еретическую лесть явно показало *сіе духовное дѣло* (то-есть новое московское слѣдствіе) многими достовѣрными свидѣтельствы, и *санктпетербургскій сенатъ открыто въ присланномъ оттуда о нихъ указѣ*.“ ** Истолковавъ такимъ образомъ смыслъ и содержаніе извѣстнаго намъ сенатскаго указа, соборъ не рѣшился внести въ свой приговоръ ни имени Ѳеодосія, отнести свое отлученіе отъ божественнаго служенія къ „недобрымъ онымъ строителямъ божественныхъ таинъ“, *** ни троекратнаго проклятія тѣмъ которые явно или тайно помогали обвиненнымъ; но имя Ѳеодосія произнесено

тію.“ Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 64. Въ указахъ разосланныхъ Яворскимъ во всѣ московскіе соборы также сказано что „соборнымъ ихъ архіерейскимъ суженіемъ“ Тверитиновъ, Ѳома Ивановъ, Михайло Косой, *чеботарь Михайло Митинъ* и *Иванъ Максимовъ* осуждены и проклятію преданы“. Слѣдственное дѣло, л. 250 и слѣд.

* Слѣдственное дѣло, *Правосл. Обозр.*, 1863, іюнь, стр. 131, *Записка о дѣлѣ Тверитинова*.

** Слѣдств. дѣло и *Православное Обозрѣніе*, 1863, іюнь, стр. 130.

*** Тамъ же, стр. 131.

было на соборѣ * точно такъ же какъ и проклятіе прогремѣло надъ явными и тайными покровителями обвиненныхъ... Максимова и Мартинова соборъ постановилъ снова взять на церковное увѣщаніе и предать суду гражданскому въ томъ случаѣ только если они не обратятся съ истиннымъ покаяніемъ къ святой церкви: „они по дѣлу являются лишь учениками Тверитинова, а не ересеначальниками и не излиха ревнителями сего злоумствованія". Передавая затѣмъ отлученныхъ отъ церкви, Тверитинова, Косаго и Ѳому Иванова, суду гражданскому, соборъ „именемъ Господа нашего Іисуса Христа и воздаяніемъ его въ семъ и будущемъ вѣкѣ" молилъ гражданскій судъ и „страшнымъ судомъ Божіимъ претилъ" чтобъ онъ „сотворилъ о томъ свято по закону истинну, *не отлагая церковнаго суда*, ниже въ свободу чрезъ какія оныхъ еретиковъ коварства лопускающи". Соборъ умолялъ „благочестивое всероссійское гражданство сія богоненавистныя еретическія плевелы *конечно* истребити". „Сіе же сотворити повелѣваетъ (прибавлялось въ соборномъ приговорѣ) не токмо нужда духовная, но и гражданская: ибо не можетъ царство стати раздѣлившееся на ся, по словеси Христову. Царство же ничто же тако раздѣляетъ, яко же раздѣленіе въ вѣрѣ: *идѣже не едина вѣра къ Богу, тамъ не едина вѣрность и человѣкомъ*." **

24го же октября, по окончаніи соборнаго суда, Тверитиновъ, Максимовъ и Мартиновъ снова разосланы были въ монастыри служившіе для нихъ мѣстами заключенія, съ тѣмъ чтобы „въ тѣхъ вышеупомянутыхъ монастыряхъ держать ихъ скованныхъ въ цѣпи и въ желѣзахъ, и караулить накрѣпко, и караульщиковъ у нихъ было бы не малое число, чтобъ они изъ монастырей не ушли и надъ собою чего не учинили, и къ нимъ никого отнюдь не припускать." *** Ѳому Иванова предписано „попрежнему скована за крѣпкимъ карауломъ держать въ духовномъ приказѣ." ****

Яворскій не считалъ впрочемъ дѣла о Тверитиновѣ и его компаніи оконченнымъ въ отношеніи къ духовному суду. На соборѣ 24го октября постановлено было возобновить *увѣща-*

---

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** *Православное Обозрѣніе*, 1863, іюнь, стр. 132.

*** Слѣдственное дѣло, *л.* 296.

**** Тамъ же. *л.* 296 об.

ніе православнымъ, приглашавшее подавать сказки на еретиковъ. Соборный приговоръ признавалъ это необходимымъ, „понеже и *въ первомъ указномъ письмѣ* за подписаніемъ высокородныхъ сенаторовъ изъ С.-Петербурга, февраля 5го сего лѣта, *написано* дабы о вышеписанномъ еретикѣ Дмитріѣ по вопрошенію приходскаго священника *вопросить и всѣхъ прихожанъ*.“ * Въ письмѣ сенаторовъ ** дѣйствительно излагался указъ царя „освидѣтельствовать Тверитинова *приходскими людьми* подлинно“, и на основаніи этого указа спрошены были священникъ, діаконъ, пономарь и церковный сторожъ указанныхъ въ письмѣ приходовъ. Такъ понятъ былъ тогда царскій указъ. *** Но теперь Яворскому хотѣлось, во что̀ бы то ни стало, подвять противъ Тверитинова и „учениковъ“ его „всенародное мнѣніе“ и въ случаѣ нужды опереться на него. Въ ноябрѣ во всѣ московскіе сороки разосланы были указы предписывавшіе „раздать вышеупомянутое соборное увѣщаніе ко всѣмъ церквамъ и тщатися о семъ всеусердно священному чину и всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ православнымъ, дѣтемъ святыя церкве, дабы о тѣхъ и другихъ, аще какіе явятся еретики, подавали бы о томъ сказки приходскимъ священникамъ“. Прежнее соборное увѣщаніе и новый указъ, объявлявшій о проклятіи Тверитинова, Ѳомы Иванова, Косаго, Минина и Максимова, разосланы были по всѣмъ московскимъ церквамъ. Священникамъ предписано было, каждому въ своей приходской церкви, читать и увѣщаніе, и указъ „въ воскресные и праздничные дни неотлагательно, и у сѣверныхъ, и у южныхъ, и у западныхъ дверей выставить на листахъ списки жь и требующимъ давать списывать, *дабы о всемъ о томъ всѣмъ церковнымъ дѣтямъ было извѣстно*.“ **** Приходскимъ священникамъ которые „о всемъ вышеупомянутомъ вознерадѣютъ“ указъ Яворскаго грозилъ „*вѣчнымъ извержені-емъ*.“ † „А ежели (прибавлялъ блюститель патріаршаго пре-

---

* *Православное Обозрѣніе*, 1863, іюнь, стр. 138.

** Этотъ сенатскій указъ подписанъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, Тихономъ Стрѣшневымъ и княземъ Григоріемъ Волконскимъ (вмѣсто князя Михаила Долгорукова).

*** Слѣдственное дѣло, л. 26—28.

**** Слѣдственное дѣло, л. 252 об.—253.

† Тамъ же, л. 253 об.

стола) въ приношеніяхъ тѣхъ сказокъ и во всякихъ о томъ случаяхъ дому святѣйшаго патріарха или его преосвященства какіе служители по мздѣ или по дружбѣ или по какой-либо иной страсти станутъ чинить священному и мірскому чину людямъ какое нелюбленіе или хотя малое пречкоженіе, и таковые отъ святыя православныя церкве да вмѣняются съ тѣми жь вышеписанными еретиками." *

Сказки подавались на осужденныхъ и послѣ собора; ** Яворскій попрежнему писалъ на нихъ: „взять къ дѣлу." Въ томъ же ноябрѣ, Тверитиновъ, Ѳома Ивановъ и Максимовъ отосланы были къ гражданскому суду, въ губернскую канцелярію. *** Лѣкаря должна была постигнуть суровая казнь; въ „соборномъ" приговорѣ онъ былъ выставленъ „начальникомъ ереси, учителемъ" Ѳомы Иванова; соборный приговоръ дѣлалъ его отвѣтственнымъ за грубое святотатство развращѣвшаго цирюльника, помѣщая въ числѣ обличительныхъ доводовъ на обвиненныхъ „страшную и ужасную и едва когда слышанную, звѣрскую и нечеловѣческую *имъ* дерзость на святую апостольскую церковь и на святыхъ Божіихъ, ею же *единъ отъ нихъ* возбѣшенъ, обругалъ святую икону Алексія митрополита." **** Ждали что Тверитиновъ поплатится головой за вины взведенныя на него духовною властію. † Но Долгоруковъ не дре-

* Тамъ же, л. 253.

** Послѣ 24го октября подано было девять сказокъ: 1) комиссаромъ Александромъ Сергѣевымъ, 2) гостиной сотни Никитой Васильевымъ, 3) городскимъ человѣкомъ Потаповымъ, 4) прихожанами церкви Успенія: Андреемъ Евстафьевымъ Филатьевымъ и 5) Дмитріемъ Алексѣевымъ Филатьевымъ, 6) священникомъ Іосифомъ Никифоровымъ, 7) иконнаго ряду торговымъ человѣкомъ Гр. Васильевымъ, 8) княземъ Яковомъ Семеновымъ Баратинскимъ и 9) огородной слободы Аѳанасіемъ Павловымъ.

*** Слѣдственное дѣло, л. 252 об.

**** *Православное Обозрѣніе* 1863, іюнь, стр. 130.

† Пристрастная къ Яворскому *Записка о дѣлѣ Тверитинова* говоритъ: „Заступники ихъ (обвиненныхъ), противящеся совѣсти своей, не престала имъ помогати: ибо потомъ положиша совѣтъ онаго Ѳому разыскивать и по розыскѣ казнить смертію;... во другихъ отъ того тщалися сохранити, того ради при томъ розыскѣ стоять Димитрію и увѣщевати его, Ѳому, ко благочестію и тѣмъ его, Димитрія, одобрити, яко бы возмогъ его, Ѳому, обратить ко благочестію". По словамъ автора *Записки*, заступники обвиненныхъ „хотѣли спасти Димитрія отъ *смерти* и вины".

малъ. Онъ рѣшился показать Яворскому что преступленіе Ѳомы нельзя было переносить на голову Тверитинова, что нельзя было *всѣхъ* подсудимыхъ обвинить въ „неслыханной, звѣрской и нечеловѣческой дерзости на церковь“, и что между сборникомъ библейскихъ текстовъ въ тетрадяхъ лѣкаря и святотатственнымъ посягновеніемъ Ѳомы на святыню существовала огромная разница. Когда Ѳому Иванова прислали на Житный дворъ въ застѣнокъ, князь Долгоруковъ потребовалъ чтобы туда же приведенъ былъ и Тверитиновъ и чтобы послѣдній во время розыска увѣщевалъ Ѳому раскаяться въ своемъ поступкѣ. На таковую „факцію“ поѣхалъ и самъ Долгоруковъ. Но за княземъ слѣдили люди расположенные къ Яворскому и вице-губернатору Ершову, который принималъ, какъ видно, горячее участіе въ ходѣ дѣла московскихъ еретиковъ. Къ князю Долгорукову былъ вхожъ стольникъ Михайло Петровичъ Измайловъ меньшой. Узнавши о распоряженіи князя относительно застѣнка, Измайловъ бросился „скорымъ теченіемъ“ къ „другу своему“ Ершову и объявилъ ему о поступкѣ Долгорукова. Ершовъ въ то время былъ боленъ ногами; но при первомъ извѣстіи о случившемся отправился на Житный дворъ. Онъ пріѣхалъ въ застѣнокъ въ то самое время когда Ѳома висѣлъ на дыбѣ, а Тверитиновъ, двоюродный братъ цирюльника, увѣщевалъ его раскаяться. Услыхавши рѣчи Димитрія, Ершовъ „голосно возопилъ: Что сіе творится? Сатана дьявола приводитъ въ благочестіе! Сіе дѣло есть смѣху достойное и на свѣтѣ неслыханное! Или нѣтъ духовныхъ и учительныхъ персонъ, кому бы удобнѣе и приличнѣе увѣщевати, а не сему *главному* еретику? По всему видно что сія факція есть не прямое дѣло“. Долгоруковъ тотчасъ же вышелъ изъ застѣнка, не сказавши ни слова. *

30го ноября, Ѳома Ивановъ, по царскому указу, сожженъ былъ въ срубѣ на Красной площади. ** Сторонники Яворскаго увѣряютъ что „духовныя и учительныя персоны увѣщали Ѳому принять соединеніе церкви святой и проклясть свою ересь и пріобщили его Святыхъ Таинъ“, *** что онъ „загладилъ свое лукавое дѣло сущимъ покаяніемъ, исповѣданіемъ

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** *Записка о дѣлѣ Твер.* По Веберу, который невѣрно называетъ Ѳому священникомъ, онъ былъ казненъ въ началѣ декабря. Das veränderte Russland, 1744, I, 57—58.

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

грѣховъ своихъ и всенароднымъ жалѣніемъ о своей дерзости". * По другимъ, болѣе правдоподобнымъ извѣстіямъ, Ѳома остался вѣренъ убѣжденіямъ высказаннымъ на допросѣ 6го октября, не принесъ покаянія, ** на мѣстѣ казни съ величайшею твердостію держалъ надъ огнемъ свою преступную руку съ косаремъ и до послѣдней минуты всенародно исповѣдывалъ свои вѣрованія. ***

Мечъ снова висѣлъ надъ Тверитиновымъ; но прежде чѣмъ гражданскій судъ произнесъ свой приговоръ надъ нимъ и его „богопротивною компаніей," дѣло о немъ опять потребовано было въ Петербургъ; самого Яворскаго звали къ отвѣту за „соборъ;" роли мѣнялись: московскіе обвинители становились обвиненными; Ершова и Магницкаго также требовали въ Петербургъ къ суду; ихъ коснулось страшное дѣло о „казенныхъ подрядахъ," о расхищеніи казеннаго интереса.

IV.

Въ 1703 году Петръ Великій ввелъ новый порядокъ снабженія провіантомъ арміи и гарнизона. Доставленіе провіанта войску натурой составляло одну изъ тяжелыхъ повинностей низшаго сословія, вслѣдствіе обширнаго пространства государства. Желая облегчить эту повинность, Петръ учредилъ особыхъ коммиссаровъ, на обязанности которыхъ лежало доставлять войску провіантъ; самая же подать натуральная замѣнена была денежною. Недостатки этой новой системы снабженія войскъ провіантомъ вскорѣ обнаружились, благодаря застарѣлой язвѣ русскаго общества — лихоимству и казнокрадству. Люди сильные и знатные начали принимать на себя, подъ чужимъ именемъ, подряды, скупали хлѣбъ по провинціямъ, назначали ему высокую цѣну, договариваясь о томъ съ коммиссарами. Зло всею тяжестію упало на народъ и государственную казну. Войско не получало во-время жалованья, цѣлыя тысячи рабочихъ, согнанныхъ въ Петербургъ, часто лишены были опредѣленнаго имъ хлѣба и денегъ. Во

---

* *Камень вѣры.* Вина и случай писанія сея книги.

** *Молотокъ на Камень вѣры.*

*** Das veränderte Russland, I, 58.

время войны войско особенно чувствовало недостатокъ провіанта. *

Въ 1714 году, Петръ одинъ; безъ помощи своихъ союзниковъ, продолжалъ затянувшуюся войну съ Швеціей. 20го мая царь съ своимъ флотомъ отплылъ отъ Кронштота; 22го на кораблѣ *Св. Екатерины* былъ консиліумъ о начатой кампаніи, ** и въ тотъ же день Петръ послалъ въ Москву генералъ-майору Ушакову слѣдующее приказаніе: „1) Смотрѣть подрядовъ, которые почитай всѣ на Москвѣ чинятся, и невозможно статься чтобъ безъ великой кражи государственной казны было и чтобъ хотя про одно такое дѣло провѣдать подлинно. 2) Въ канцеляріи военной такожъ сборовъ много, а денегъ, сказываютъ, нѣтъ; а наипаче въ мундирномъ дѣлѣ разсмотрѣть, понеже, чаю, и тутъ не безъ того жъ; также и о денежныхъ дворахъ. 3) Въ Московской губерніи, въ ратушныхъ и иныхъ дѣлахъ, сколько возможно, провѣдывать зѣло тайно, чрезъ постороннiй способъ, и чтобъ никто не зналъ что сіе тебѣ приказано". *** На корабляхъ оказались во время Петрова поста пагубныя слѣдствія дурнаго и скуднаго провіанта, и 22го іюня Петръ еще шутливо писалъ изъ Ревеля адмиралтейству А. В. Кикину: „Провіанту только до августа мѣсяца; ибо святое ваше расположеніе,—на пять недѣль снятковъ ржавыхъ и воду,—солдаты двѣ недѣли употребляли, отчего безъ невелика 1.000 человѣкъ заболѣло и службы лишились; отчего принужденъ я законъ вамъ оставить и давать масло и мясо, и для того по вашему расположенію мѣсяцъ убылъ. Правда, когда бъ Шведовъ такъ кормить, зѣло бъ изрядно было, а нашимъ я не вотчимъ." **** Разбивши шведскій флотъ при Гангудѣ и овладѣвши островомъ Аландомъ, царь возвратился 9го сентября въ Петербургъ съ плѣнными Шведами и захваченными кораблями; онъ былъ встрѣченъ торжественно и „сія кампанія съ тріумфомъ конецъ свой воспріяла". Побѣдитель Шведовъ, возведенный сенатомъ въ званіе вице-адмирала, долженъ былъ раздѣлываться теперь съ внутренними врагами государства. Къ его пріѣзду фискалы

---

* Weber, Das veränderte Russland I, 32–41.

** Походный журналъ 1714 года, стр. 22.

*** *Дѣяніе Петра Великаго*, IV, 335.

**** *Собраніе писемъ Петра Великаго къ разнымъ лицамъ*. Спб. 1829, I, 246.

успѣли подготовить доносъ по тому вопросу о подрядахъ и казнокрадствѣ который жегъ душу Петра во время только что окончевной морской кампаніи.

Пока Яворскій неослабно велъ въ Москвѣ слѣдствіе надъ Тверитиновымъ и его „богопротивною компаніей", одинъ изъ наиболѣе ненавистныхъ Стефану членовъ этой компаніи, фискалъ Михайло Косой, въ свою очередь, усердно работалъ въ Петербургѣ, надъ разъясненіемъ дѣла о казенныхъ подрядахъ, о коммиссарахъ.... Москов скій вице-губернаторъ Ершовъ, до опредѣленія въ эту должность, былъ оберъ-коммиссаромъ. Одинъ изъ его прежнихъ сослуживцевъ, коммиссаръ Сергѣевъ, явился въ домъ Косаго въ Москвѣ и насильно увезъ оттуда листъ въ рамахъ, уставомъ писанный, чтобы передать его церковному суду. * Этотъ листъ и послужилъ для Яворскаго поводомъ къ возобновленію дѣла о московскихъ еретикахъ: духовныя власти отдали справедливость „благочестивой ревности" коммиссара. Когда соборъ произнесъ проклятіе надъ отсутствовавшимъ Косымъ, тотъ же Сергѣевъ подалъ въ духовномъ приказѣ ** сказку, въ которой между прочимъ писалъ: „Въ моемъ и въ другихъ домахъ егда случалось мнѣ случатися со онымъ Михаиломъ Косымъ, то едва безъ противности его когда было ль; а именно порицалъ поносно, ругательски на святыя иконы, на святыхъ Божіихъ угодниковъ отшедшихъ и на священнической и на монашеской чины и на всю церковную службу. Нѣкогда случилось мнѣ съ товарыщи моими сидѣть за вѣдомостьми въ мундирной канцеляріи съ недѣлю и больше безвыѣздно, и во образцовой палатѣ говорилъ многія на святыя иконы поносныя слова, а какія за долготою времени не упомню; притомъ тогда были старшей мой товарищъ оберъ-коммиссаръ, что нынѣ вицъ-губернаторъ, господинъ Ершовъ да, мнитъ ми ся, были жъ тутъ коммиссаръ Степанъ Варакснпъ, дьякъ Иванъ Лебедевъ да другіе, о нихъ же не упомню. Да при немъ же, Косомъ, въ домѣ моемъ приключилось быть чудовскимъ старцамъ Каріону да Ѳеологу,—а о другихъ не припомню; — которой Косой съ тѣми старцами чинилъ многій споръ, въ томъ числѣ помню что отрицалъ ихъ монашество. Да слышалъ я *отъ фискала Алексѣя*

---

* Самъ Сергѣевъ пишетъ въ сказкѣ что листъ увезъ онъ „сильно" Слѣдственное дѣло, л. 227.

** Сказка Сергѣева подана 28го октября 1714 года.

Нестерова: въ домѣ де Кіевскаго коммиссара Ивана Ѳедорова сына Контажкина тотъ Михайло Косой говорилъ худу о святыхъ иконахъ и за то де ево оный коммиссаръ и бить хотѣлъ, о чемъ могутъ именно сказать оные фискалъ и коммиссаръ". * Оберъ-фискалъ Алексѣй Нестеровъ не любилъ Косаго; онъ донесъ что Михайло Андреевъ утаилъ пошлины. Косой былъ обвиненъ и отданъ на росписку знатнымъ людямъ. Его призвали въ коллегію юстиціи „для прикладыванія руки къ роспискѣ; и онъ, Косовъ, со измѣнительнымъ лицомъ и съ крикомъ великимъ, приблизясь къ президентскому столу, ударя въ столъ рукой, говорилъ что онъ не послушенъ будетъ никакому суду до прибытія государя". ** Нестеровъ былъ въ недобрыхъ отношеніяхъ съ графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ и княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгоруковымъ, у котораго Косой „былъ первымъ фаворитомъ", у котораго нашелъ себѣ заступничество Тверитиновъ съ своею компаніей: Нестеровъ доносилъ на Долгорукова три года сряду въ 1712, 13 и 14; *** представлялъ доносы и на Мусина-Пушкина. **** За то Нестеровъ держалъ постоянно сторону бывшаго оберъ-коммиссара, а потомъ вице-губернатора московскаго Ершова. Послѣдній постоянно ссорился съ московскимъ губернаторомъ Салтыковымъ. Еще въ декабрѣ 1713 года подано было подметное письмо, обвинявшее Мусина-Пушкина, „извѣстнаго коварнаго лукавца и гонителя всякой правды", Долгорукихъ, „иконоборца Самарина", оказавшаго въ Петербургѣ покровительство Тверитинову, и наконецъ „стараго плута и всесвѣтнаго труса" губернатора Салтыкова, „вставленнаго на это мѣсто сенаторами, а больше Мусинымъ и Долгорукимъ". Письмо наполнено было похвалами Ершову и совѣтывало поручить ему розыскъ о лихоимствахъ: „ибо онъ, никого не боясь, ни для какой корысти неправды не сдѣлаетъ". † Въ по-

* Слѣдственное дѣло, *л.* 226 об.

** Соловьева, *Исторія Россіи*, XVI, 249. Въ 1719 году Нестеровъ слова донесъ на Косаго что онъ чинитъ противности святой церкви и не почитаетъ святыхъ иконъ. Въ доносѣ Нестеровъ разказывалъ о тѣхъ же рѣчахъ Косаго у коммиссара Контажкина которыя передалъ Сергѣевъ въ сказкѣ своей Яворскому. *Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. синода*, I, 157.

*** Соловьева, *Исторія Россіи*, XVI, 232, 233, 242.

**** Тамъ же, XVI, 241.

† Тамъ же, XVI, 237.

слѣдствіи, въ 1715 году, Нестеровъ доносилъ что Салтыковъ потерялъ казны тысячъ съ 50, что Ершовъ упрекалъ его за это и въ лицо ему говорилъ съ укоризной не малою: что̀ де ты ворамъ потакаешь? *

Таковы были отношенія фискала Косаго къ знатнымъ персонамъ, когда поднято было дѣло о коммиссарахъ, о расхищеніи казеннаго интереса.

Косой, пока его товарищи сидѣли въ Москвѣ въ монастырскомъ заключеніи, успѣлъ „изыскать надъ многими господами петербургскими жителями нѣкоторыя *интересныя* вины въ похищеніи казны разными виды: ища себѣ пользы, прислуживался таковыми царскому величеству". ** Въ числѣ обвиненныхъ были: генералъ-адмиралъ Апраксинъ, Меньшиковъ, петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ, оберъ-адмиралъ-тейтсъ Кикинъ (къ которому царь писалъ о ржавыхъ снятках съ корабля *Св. Екатерины*), оберъ-коммиссаръ адмиралтейства Синявинъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ, сенаторъ князь Волконскій. *** Въ ноябрѣ начались въ Петербургѣ страшные розыски; Петръ самъ разыскивалъ это государственное дѣло, нити котораго онъ наконецъ чувствовалъ въ своихъ рукахъ. **** „27го ноября его величество былъ на конюшенномъ дворѣ: подымали Волконскаго князя Григорья и Якова Корсакова". † Въ то же время Петръ писалъ новгородскому коменданту Татищеву: „Понеже вамъ уже вѣдомо что Яковъ Корсаковъ явился въ великихъ преступленіяхъ, того для надобно тебѣ всѣ его пожитки, которыя есть у тебя, такожь и у другихъ, у кого знаешь, собравъ, прислать сюда немедленно; такожь объявить всѣмъ публично указъ: ежели у кого есть его пожитки, дабы объявляли именно; будежь кто утаитъ, а послѣ въ томъ будетъ извѣтъ, и за то такіе кото

* Тамъ же, XVI, 243.

** *Записка о дѣлѣ Тевритинова*, изъ которой видно это указаніе, прибавляетъ что Косой затѣялъ это дѣло „разумѣвъ яко дѣло ихъ (то-есть обвиненныхъ въ ереси) не безъ большаго опасенія, и не тмится ихъ вина, но паче изъясняется".

*** Weber, *Das veränderte Russland*, I, 40.

**** *Походный Журналъ* 1714 года, стр. 146, 147, 148, 149.

† Тамъ же, стр. 144. Подъ 27мъ ноября записано въ другомъ мѣстѣ: „Сего числа былъ розыскъ вицъ-губернатору Корсакову и сенатору князю Григорію Волконскому". Тамъ же стр. 79.

рые утаятъ будутъ казнены смертію". * За Корсакова явился одинъ ходатай и заступникъ—новгородскій митрополитъ Іовъ, тотъ самый который далъ Ѳеофилакту Лопатинскому письмо къ царевичу съ просьбой помочь ему въ дѣлѣ московскихъ еретиковъ. ** Іовъ „приносилъ теперь моленіе" Ѳ. М. Апраксину „о господинѣ честнѣйшемъ и сынѣ своемъ Яковѣ Корсаковѣ: милость христіаннѣйшую въ прошеніяхъ его да подаси ему". „Покажи ему (убѣждалъ митрополитъ Апраксина) всякую благость и человѣколюбіе, силу же и дерзость ко благочестивому монарху; во уловленіи Божіи да сотвориши о немъ, и Господь поможетъ вамъ всѣмъ воистину, яко Іисуса Христа возъимѣеши присно помощника." ***

Косой не забылъ и московскихъ жителей; въ Москвѣ было довольно лицъ съ которыми фискалу хотѣлось посчитаться. Въ Москвѣ, по доносу Косаго, дѣло началось гораздо раньше нежели въ Петербургѣ: московскіе приказы всполошились въ концѣ августа 1714 года. Графъ Головкинъ писалъ 30го августа изъ Петербурга: „Иванъ Губинъ! По полученіи сего собирайся съ дѣлами принадлежащими къ счетному дѣлу, немедленно, а возьми съ собою приходныя и расходныя книги всѣхъ ловытей двухъ годовъ 1710 и 1711, а ежели можно скоро управиться, то и 1712 и 1713 году. И притомъ забери у всѣхъ подлинные расходные тѣхъ годовъ указы и письма мои, господина подканцлера, которыя о какихъ дачахъ кому въ тѣхъ годѣхъ изъ похоту были писаны; такожде остаткамъ и приходамъ всѣмъ документы, а именно отписки изъ губерніи и вѣденія: ибо безъ того здѣсь невозможно того дѣла изслѣдовать. Подъячихъ возьми съ собою двухъ человѣкъ, которые къ сему дѣлу способнѣе, а объ отправленіи твоемъ сюда писалъ я секретарямъ обстоятельно. И ты, какъ можешь, съ послѣшеніемъ убрався, пріѣзжай сюда, пока еще осень глубокая не наступила и конечно всякія извѣстія съ собою привези: ибо на тебѣ то здѣсь спрашивать станутъ, и ты имѣешь въ томъ во всемъ отвѣтъ давать, для того что я тебя къ тому счетному дѣлу опредѣлилъ." **** Едва успѣлъ возвратиться царь изъ морской кампаніи, а кабинетъ-секретарь Алексѣй

---

* *Дѣянія Петра Великаго*, IV, 395.

** См. первую нашу статью, стр. 56.

*** *Странникъ*, 1861. I. 161.

**** Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Васильевичъ Макаровъ уже поѣхалъ 26го сентября въ Москву. Въ концѣ октября онъ писалъ секретарю придворной конторы Яковлеву: „Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей что помянутые Митка Косой и Митка сапожникъ * великіе плуты и злодѣи, и для того надобно на нихъ смотрѣть чтобъ они не сдѣлали какой бѣды по дѣламъ тѣмъ которыя отсель изъ приказовъ забраны по ихъ доношенію.“ ** Ожиданія Макарова сбылись: письмо за письмомъ посылалъ царь къ Ушакову, *** который давно долженъ былъ тайно провѣдывать о подрядахъ Петръ приказалъ прислать въ Петербургъ за карауломъ: Леонтія Магницкаго, вице-губернатора Василія Ершова, коммиссаровъ и секретарей артиллерійскаго приказа, судей Соловьева и Сергѣева, фискаловъ Желябужскаго и Нестерова, со всѣми ихъ фискальскими книгами, и многихъ другихъ. **** Оговоренныхъ Косымъ постигли „великая турбація и страхъ, и убытки“. † Въ декабрѣ затребованныя лица привезены были въ Петербургъ; въ началѣ слѣдующаго года (1715), Петръ учредилъ для изслѣдованія дѣла о подрядахъ особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-поручика князя Василія Владиміровича Долгорукаго. Между тѣмъ 27го декабря 1714 года публикованъ былъ царскій указъ: „чтобы всѣхъ губерній и приказовъ и канцелярій, всякаго чина люди, кто своимъ именемъ, или на имя посторонняго подряжался, о всѣхъ своихъ, какъ о провіантскихъ, такъ и о другихъ подрядахъ, какова званія оные и какіе ни были, которые поставлены въ адмиралтейство, во артиллерію и въ протчія мѣста, объявили въ сенатѣ таковымъ образомъ, въ которомъ году, кто какой под-

---

* Михайло Митинъ, сапожникъ, тоже былъ фискалъ. Слѣдственное дѣло, л. 46. Вмѣстѣ съ Косымъ онъ оставался съ 1713 года въ Петербургѣ; это не спасло его впрочемъ отъ новаго московскаго слѣдствія и соборнаго проклятія.

** Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, стр. 64. Г. Чистовичъ, печатая письмо Макарова, принялъ слово *сапожникъ* за фамилію Михайлы, и у него явился Михайла *Сапожниковъ*; кромѣ того подъ письмомъ невѣрно поставлено: *18* октября; оно писано послѣ собора *24* октября.

*** Петръ писалъ къ Ушакову 22го и 27го октября, 18го, 20го, 25го и 29го ноября и 3го декабря. *Дѣянія Петра Великаго* IV, 396.

**** *Записка о дѣлѣ Творитинова. Дѣянія Петра Великаго*, IV, 395—396.

† *Записка о дѣлѣ Творитинова.*

рядъ имѣлъ и съ кѣмъ, съ губернаторомъ или съ другими знатными персонами и судьями имяны договаривался". Не объявившимъ грозило жестокое наказаніе съ разореніемъ движимыхъ и недвижимыхъ ихъ имѣній. *

Говорятъ, царь не нашелъ никакой вины за Магницкимъ, и онъ содержался за карауломъ одинъ только день; но его оставили въ Петербургѣ какъ свидѣтеля по дѣлу Тверитинова. ** 14го декабря, сенаторы Мусинъ-Пушкинъ, Стрѣшневъ и Самаринъ объявили Яворскому царскій указъ—пріѣхать въ Петербургъ къ суду и привезти съ собою дѣло о Тверитиновѣ *** и главныхъ противъ него свидѣтелей. **** Стефанъ не хотѣлъ ѣхать „къ отвѣту о бывшемъ соборѣ: † онъ ссылался на свое нездоровье и на то что ему нужно было ѣхать въ Нѣжинъ для освященія церкви. Но воля царя была неизмѣнна; указъ былъ повторенъ. †* Яворскій медлилъ.

Магницкій трусилъ не меньше Стефана. Въ ожиданіи сенатскаго суда, онъ сталъ заранѣе приготовляться къ отвѣту: припомнилъ свои диспуты и разговоры съ Тверитиновымъ, пункты его тетрадей, положилъ все это на бумагу, сталъ заучивать наизусть: „прочелъ нѣсколько кратъ." †** При первой встрѣчѣ съ своимъ прежнимъ пріятелемъ, александроневскимъ архимандритомъ Ѳеодосіемъ, Магницкій не подошелъ къ нему подъ благословеніе, не отдалъ поклона и не сказалъ ни одного слова, какъ съ человѣкомъ котораго на московскомъ соборѣ отлучили отъ божественнаго служенія. Префектъ московскихъ славяно-греко-латинскихъ школъ, архимандритъ Гавріилъ (Бужинскій), жилъ въ это время на Невскомъ подворьѣ; онъ былъ также въ числѣ свидѣтелей на Тверитинова. Ѳеодосій сталъ говорить Гавріилу: „Что это Магницкому сдѣлалось? Старый мой другъ, а какъ будто не знаетъ. Хоть глазъ на глазъ улучишь, онъ пойдетъ прочь или мимо, а по знакомству и не поклонится, ни благословенія потребуетъ." Гавріилъ зналъ почему Магницкій избѣгалъ разговоровъ съ Ѳеодосіемъ, но

* *Полное Собраніе Законовъ*, V, № 2.872.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

*** Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 64.

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

† Съ этою цѣлью онъ вызванъ былъ въ Петербургъ. Устряловъ, *Исторія царствованія Петра Великаго*, VI, 506.

†* Чистовича, *Ѳеофанъ Прокоповичъ*, стр. 64—65.

†** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

онъ не объяснилъ ему что Магницкій „гнушается имъ, какъ еретикомъ“, а отозвался незнаніемъ и сказалъ Ѳеодосію: „можетъ-быть что Магницкій взятъ сюда нечестно подъ арестомъ, и, стыдяся, не приступаетъ къ тебѣ за свою мизирность, а васъ вѣдаетъ что въ крайней государевой милости.“ Ѳеодосій не повѣрилъ объясненію Гавріила: „Что ни есть иное, — сказалъ онъ,—а не того ради: онъ мое понравіе знаетъ.“

Нужно было разсѣять подозрѣнія вліятельнаго невскаго архимандрита. Магницкій очутился между двухъ огней; куда идти? къ еретику ли Ѳеодосію, который былъ въ крайней государевой милости, или къ Яворскому, дѣлу котораго служилъ Магницкій въ Москвѣ? Гавріилъ пріѣхалъ къ Ершову и передалъ свой разговоръ съ Ѳеодосіемъ; Магницкій былъ тутъ же. Гавріилъ не разъ толковалъ что Ѳеодосій „по всему есть Лютеръ: и трапезу благословляетъ лютерскимъ чиномъ и другіе многіе поступки по лютерску отправляетъ.“ Но на совѣщаніи у Ершова положили что Магницкій долженъ просить у Ѳеодосія благословенія, „хотя лица ради, *пока не будетъ низложенъ церковію.*“ Вскорѣ, послѣ этого совѣщанія, Ѳеодосій гдѣ-то встрѣтился съ Магницкимъ, пригласилъ его къ себѣ въ монастырь: Магницкій прожилъ у „еретика“ пять дней, и въ это время между ними не разъ завязывались „опасные и неправедные разговоры.“

Вскорѣ и другой „великій гонитель“ на московскихъ еретиковъ сошелся съ архимандритомъ Ѳеодосіемъ и даже попалъ подъ его начальство. По именному указу Петра Великаго, вслѣдствіе желанія невскаго архимандрита, іеродіакона Пафнутій, шуринъ Тверитинова, перемѣщенъ былъ въ Невскій монастырь. * Встрѣтившись въ Петербургѣ съ Магницкимъ, Пафнутій „плакалъ великими слезами“, боясь что Ѳеодосій уморитъ его какимъ-нибудь образомъ. Магницкій успокоивалъ своего прежняго клеврета; говорилъ что Ѳеодосій „политикъ, зла явно не сотворитъ, только надобно съ нимъ обхожденіе имѣть опасное и жить съ нимъ не явно въ противность, но лицемѣрно, когда уже такъ учинилось что у него подъ командою быти.“ Магницкій вызвался отвезти Пафнутія къ Ѳеодо-

* Въ послѣдствіи Пафнутій, оставаясь іеродіакономъ Невскаго монастыря, былъ протоинквизиторомъ и близко сошелся съ Ѳеодосіемъ. Въ указателѣ къ *Описанію дѣлъ синодальнаго архива* находимъ Пафнутія, іеродіакона Невскаго монастыря, и Пафнутія, іеродіакона Переяславльскаго монастыря (стр. 33); но это одно и то же лицо.

сію; архимандритъ принялъ ихъ „любезно“, помѣстилъ въ кельѣ которая отдѣлялась отъ архимандричьей одними сѣнями; Магницкій снова остался гостить въ Невскомъ монастырѣ у „еретика“, „опасные“ разговоры возобновились.... Магницкій рѣшился наконецъ высказать Ѳеодосію то что лежало у него на душѣ; Пафнутій удерживалъ Магницкаго отъ этого признанія: „статное ли дѣло объявить? онъ де не токмо меня погубитъ, но и тебѣ бѣду наведетъ.“ Однако за обѣдомъ у Ѳеодосія Магницкій обратился къ хозяину съ такими словами: „Отецъ архимандритъ! Хочу тебѣ объявить вину свою, надѣясь на твое великодушіе что не возъимѣешь на меня гнѣва.“ „Какая вина и есть ли за что гнѣваться?“ спросилъ Ѳеодосій. „Есть за что гнѣваться,—продолжалъ Магницкій, — но токмо отъ тебя надѣюся разсужденія, а не гнѣва; и буду говорить, однако за паролемъ чтобы не гнѣватися.“ Ѳеодосій сказалъ: „Не буду гнѣвенъ, а паче за паролемъ.“ „Въ память ли вамъ,—спросилъ тогда Магницкій, — что я мѣсяца съ два къ тебѣ не приходилъ, и благословенія не просилъ и поклона не отдавалъ?“ „Памятую, — отвѣчалъ Ѳеодосій: скажи что за причина?“ „Всѣ мы имѣемъ тебя за еретика,—выговорилъ Магницкій,—и оттого я не хотѣлъ сказать тебѣ: здравствуй!“ „Почему вы меня признали за еретика?“ спрашивалъ Ѳеодосій. Въ отвѣтъ архимандриту Магницкій повторилъ между прочимъ слова о немъ недавняго соборнаго приговора: „По двумъ причинамъ,—отвѣчалъ онъ Ѳеодосію, — первая, о тебѣ эхо великое въ Москвѣ что не любишь святыхъ иконъ и свѣчи предъ иконы ставить запрещаешь,—которому эху и вѣрити, и не вѣрити можно; но другая явная и достовѣрная, что ты вѣдомаго еретика, отъ розыску бѣжавшаго Димитрія Тверитинова, не токмо мимо соборнаго повелѣнія, но ни единому архіерею не доложивъ, принялъ въ сообщеніе святой церкви, и это твоя правильная вина.“ Замѣтивши что Ѳеодосій разсердился, Магницкій „для сокращенія его гнѣва“ прибавилъ: „Но вотъ я имѣлъ съ тобою разговоры два раза дней по пяти, а еретичества въ тебѣ не присмотрѣлъ.“ Ѳеодосій началъ будто бы „извиняться всею силою.“ * Уѣзжая изъ Невскаго

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова*, очевидно желая выставить въ выгодномъ свѣтѣ Магницкаго, прибавляетъ: „Ѳеодосій говорилъ: „Димитрій врагъ меня обольстилъ, и есть де моя вина, о которой буду прилежно просить прощенія.“ И по многимъ разговорамъ, Магницкій рекъ: „пожалуй де, отче святый, не имѣй сихъ моихъ словесъ въ

монастыря, Магницкій убѣждалъ Пафнутія жить у Ѳеодосія „*лицемѣрно, вмѣсто шпика* (шпіона), *и, усмотря, объявлять его, Ѳеодосіево, состояніе.*“ * Но Пафнутій не исполнилъ завѣта своего пріятеля. **

Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, также обвиненный по дѣлу о подрядахъ, былъ на сторонѣ Яворскаго и въ своемъ домашнемъ кругу высказывалъ убѣжденіе что мѣстоблюститель невинно обвиненъ былъ предъ царемъ. Въ февралѣ 1715 года Апраксинъ пріѣхалъ къ Юрію Нелединскому и, оставшись съ нимъ наединѣ, съ „сожалѣніемъ и великою тугою“ говорилъ: „Охъ! многія невинныя и препростыя души погибаютъ. Я подлинно знаю что напрасно къ царскому величеству оклеветаны митрополитъ рязанскій и съ нимъ человѣкъ со сто; подлинно напрасно пропадаютъ“. Апраксинъ при этомъ „сидя, падалъ на столъ и довольно плакалъ“. Дневальный подъячій, бывшій въ то время у Нелединскаго, подслушалъ этотъ разговоръ и келейно передалъ его одному только изъ свидѣтелей по дѣлу Тверитинова. Слова Апраксина сдѣлались извѣстны изъ всѣхъ Москвичей вызванныхъ въ Петербургъ только Ершову, Магницкому, Пафнутію и златоустовскому архимандриту Антонію; отъ другихъ свидѣтелей скрывали чтобъ ихъ не залугать.

Дни три спустя послѣ этого разговора Магницкій пришелъ къ Апраксину; у него собралась большая компанія. Увидавши Магницкаго, адмиралъ началъ жалѣть о немъ и спрашивалъ: „Для чего ты вступилъ въ дѣла не по своей должности? ты не попъ, не архимандритъ, а въ церковныя дѣла вступаешь. Что тебѣ за нужда?“ Магницкій началъ оправдываться и слагалъ свой поступокъ на соборное увѣщаніе православнымъ. „Первая нужда, государь, отвѣчалъ онъ Апраксину,—по увѣ-

---

досаду.“ Ѳеодосій же противорекъ: „не токмо де гнѣвъ на тебя имѣть, но еще и любить тебя надобно весьма что ты мною гнушался, понеже я въ крайней государевой милости; а ты о томъ по ревности своей небрегъ.“ Такое смиреніе не въ характерѣ было Ѳеодосія, павшаго жертвой своей завистливости и неосторожныхъ изліяній самолюбія.

* Свидѣтельство расположенной къ Магницкому *Записки о дѣлѣ Тверитинова.*

** Записка замѣчаетъ: „Потомъ уже Богъ вѣсть, не прельщенъ ли самъ Пафнутій: ибо въ монашеской своей должности весьма развратенъ учинился.“

щанію матери нашея святыя церкви свидѣтельствовалъ, другое что и моя должность есть.“ „Да тебѣ какая должность, продолжалъ адмиралъ,—ты не митрополитъ, ни иной архіерей.“ Магницкій повелъ такую рѣчь: „Христосъ Спаситель не митрополитамъ, ни другимъ архіереямъ, но вообще всякому христіанину сказалъ: *Иже нѣсть со мною на мя есть и иже не собираетъ со мною, расточаетъ.* Ежели кто и плотскую чью-нибудь мать начнетъ ругать, и за то родныя ея дѣти должны стоять. А они, еретики, вѣчную нашу матерь, церковь святую, поносятъ нечестными хулами, — въ которой церкви мы надѣялись въ будущемъ вѣкѣ жити во вѣки вѣковъ: того ради какъ за нее не стоять?“ Алраксинъ снова замѣтилъ Магницкому: „Да ты послѣдній человѣкъ, и не того чина, а сіе должно чинить великимъ людямъ.“ Магницкій отвѣчалъ: „Ежели ты, великій адмиралъ, изволишь быть на кораблѣ, гдѣ и матросовъ множество, и когда случится тому кораблю какой страхъ къ потопленію, прикажетъ ли и всякому матросу трудиться, дабы охранить корабль отъ потопленія? Да хотя бы ты и не приказывалъ, то всякъ и самъ потщится, потому что и его жизнь въ томъ же кораблѣ.“ Алраксинъ кончилъ разговоръ словами: „Ну, какъ хочешь; только бы не пропасть.“ Магницкій съ товарищами поняли что царь не былъ на сторонѣ Яворскаго, и были въ страхѣ. *

Въ началѣ Великаго Поста, почти черезъ три мѣсяца послѣ перваго вызова по царскому указу, Стефанъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ свидѣтелями. **

Сначала онъ думалъ лично объясниться съ Петромъ относительно бывшаго „собора“; но царь не прикялъ митрополита. Яворскій рѣшился написать ему письмо; онъ заговорилъ теперь другимъ языкомъ чѣмъ въ Москвѣ: полновластный Никонъ смѣнялся угодливымъ іезуитомъ. „Державнѣйшій царь, государь всемилостивѣйшій! (писалъ Стефанъ царю) Ожидалъ я не малое время имѣти аудіенцію у вашего царскаго величества, идѣже возмогль бых приласти къ стопамъ вашего царскаго величества и съ блуднымъ сыномъ возопити: *отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою.* Но не могъ такъ благополучнаго времени, за грѣхи мои, дождатися, понужденъ симъ писаніемъ моимъ, слезами, не черниломъ писаннымъ, отъ

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Тамъ же.

глубины сердца моего отозватися и сію плачевную мою челобитную на милостивое отеческое лоно положити.“ Стефанъ приломиналъ царю свою долгую службу. „Шестьнадесять лѣтъ уже, отнелиже понужденъ есмь отъ вашея царскія, Богомъ данныя власти въ приставникахъ быти дому Божія. Сіе послушаніе, аще и не по силѣ моей, но, надѣяся на милость Божію и на милость вашего царскаго величества, воспріяхъ и толикія тяжести по нуждѣ не отрекохся. Службы же моя и трудишка на семъ послушаніи единому Богу совершенно вѣдомы суть, а отчасти и вашему царскому величеству, мню, быти не тайны, на которыхъ силу, здравіе, бодрость, а близко того и житіе погубихъ: чувства вся, а наипаче зрѣніе потемнѣло, ноги зѣло ослабѣша, въ рукахъ персты хирагра покривила, кашель замучилъ; прочая же оскудѣнія здравія моего неприлично мнѣ являти. Обаче во всѣхъ сихъ бѣдствахъ моихъ единою точію милостію вашего царскаго величества и благопризрѣніемъ отеческимъ утѣшахся и вся горести моя тѣмъ сахаромъ услаждахъ. Нынѣ же, егда вижду лице вашего царскаго величества отъ мене отвращено и милость не по прежнему, истинно глаголю яко отъ печали сокрушихся и къ болѣзни болѣзнь умножися и умножатися не престаетъ. Гдѣ суть милости Твоя древнія, Господи? откуда сія измѣна? отъ свѣта во мракъ преложихся и низринухся! Казаніе ли мое виновно есть? * или дѣло настоящее раскольническое, о немъ же по званію моему дерзнухъ воздвигнутися и геройть, и *языкомъ*? Но обоя сія, аще пріидутъ на праведное мѣрило, не имутъ толикія тяжести коликуѣ для тѣхъ тяжестей терплю на сердцѣ моемъ.“ Яворскому, какъ видно, ставили особенно въ вину то что онъ заочно отлучилъ Михайлу Косаго и Минина, не говоря уже о царскомъ любимцѣ, архимандритѣ Ѳеодосіи. „Въ дѣлѣ же раскольническомъ (отвѣчаетъ митрополитъ) надѣялся благодарствія, а не гнѣва, понеже не безъ трудовъ мнѣ было книги противу ихъ писати и съ непокорствомъ тѣхъ братися и *толикая тщательства ко утоленію бури и къ тишинѣ церкви Божія и всего государства воспріимати*. Сія не есть моя вина, а званіе пастырское Господне.... Двѣ наипаче вины моя въ сей дѣлѣ глаголются быти, якоже извѣстихся отъ правительствующихъ сената. Пер-

* Стефанъ разумѣетъ здѣсь извѣстную проповѣдь о разбитіяхъ закона Божія, о учрежденіи фискаловъ и царевичѣ.

вая, *яко не описавшися сія сотворихъ*. Не подобаетъ ли, не описуючися, пожаръ гасити и *всенародный мятежъ* укроцати? Описываться дѣло есть продолжительное, а нужда не терпитъ продолженія; довлѣетъ, мнится мнѣ, единою данная власть на храненіе словеснаго стада и на безмятежное церкви Божіей чинолравленіе. Вторая моя вина глаголется быти, *яко и безъ допросу и неприсущіи нѣціи отъ церкви святыя*, общимъ совѣтомъ духовнымъ, *отчуждишася*. Но и въ томъ прошу милостиваго разрѣшенія. Сіе дѣло есть *не ново*: на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ проклинали еретиковъ и присущихъ, множайшихъ же и неприсущихъ, увѣрившеся достовѣрно въ ихъ ереси. Чтò же речемъ о допросахъ? Допросы обычно бываютъ ради извѣстія истины. Аще же вопрошаемый начнетъ запиратися, ту надобно или достовѣрныхъ свидѣтельствъ (или пытка): * пытка не наше есть дѣло.“ Яворскій не былъ искренекъ когда писалъ эти строки: и Максимовъ, и Ѳома Ивановъ были, по его приказу, пытаны. Неполноту петербургскаго слѣдствія и его невѣрные результаты Стефанъ именно объяснялъ тѣмъ что изъ обвиненныхъ пытанъ былъ *одинъ* Максимовъ. Яворскій пыталъ, и пыталъ иногда жестоко. Человѣкъ вполнѣ преданный ему, митрополитъ новгородскій Іовъ, писалъ троицкому архимандриту Сильвестру, подъ строгимъ секретомъ: „За озлобленіе, и досаду и великіе обиды господина превысочайшаго, іерарха святѣйшаго, митрополита рязанскаго, двѣнадцать человѣкъ въ великій Новградъ взяты и многіе изъ нихъ *зѣло жестоко пытаны и рваны, даже внутреннимъ ихъ являтися*. А съ пытокъ въ *самомъ маломъ* въ нѣчесомъ винилися, и на брата архіерейскаго ** многія вины и несносныя обиды себѣ въ распросѣхъ сказали; въ томъ хотятъ и умертвитися. И судьямъ сіе подъ сомнѣніемъ, чего ради хощутъ распросныя рѣчи послать

* Эти два слова въ рукописи пропущены; изъ хода рѣчи очевидно что ихъ должно вставить.

** Братъ Стефана, Ѳедоръ Яворскій, человѣкъ весьма мало ученый, опредѣленъ былъ для наученія и испытанія лицъ желавшихъ получить священство. „Всякій желающій священства (разказываетъ *Молотокъ на Камень вѣры*) безъ довольныхъ на то денегъ со всѣмъ его прилежаніемъ въ читаніи и наукою не годился, о чемъ вси, посвященные при немъ, со слезами свидѣтельствовать могутъ.“ Ѳедоръ Яворскій пріобрѣлъ на этомъ мѣстѣ значительное богатство.

лодъ разсудокъ здравый ко архіерею рязанскому.“ * Такъ пыталъ Стефанъ. Его новое столкновеніе съ царемъ было именно результатомъ его религіозной нетерпимости, его „кровежаждущей утробы“ (какъ выразился *Молотокъ на Камень вѣры*), которая хотѣла довести обвиненныхъ до суровой гражданской казни и подняла въ Москвѣ толки и споры въ то время когда царь требовалъ успокоить „всенародное мнѣніе“ насчетъ Тверитинова и товарищей его участи. Въ письмѣ къ царю, Яворскій оправдываетъ себя и соборный приговоръ именно тѣмъ что онъ желалъ своевременно *угасить* всенародный мятежъ! „Достовѣрныхъ свидѣтельствъ (объяснялъ онъ въ томъ же письмѣ) имамы по премногу, понеже убо въ настоящемъ дѣлѣ вси запираются и тіи которые въ Преображенскомъ съ пытки винилися....“ другіе „прежде допросовъ изъ Москвы угонзнули; и вторицею такожде, егда услышали объ общемъ на нихъ совѣтѣ духовномъ, совѣтующемъ на нихъ, и въ то время въ Москвѣ не явилися. Какъ же ихъ было допрашивать? А хотя бы и сбѣжавшіи допрашиваны были, тожь бы говорили что и здѣсь и вездѣ говорятъ.... Въ такомъ случаѣ что было чинить? какъ *всенародную молву укротить?* Едино точію возмнѣхомъ прибѣжище, во еже бы, достовѣрными свидѣтельствы въ ихъ расколѣ совершенно увѣрившеся, вершити дѣло, еже и совершихомъ, егда не точію отъ свидѣтельствъ, но и отъ тетрадей, *тѣми* писанныхъ, и отъ катихизису противниковъ нашихъ, и отъ листа *который раздавали въ народѣ къ развращенію*, подлинно извѣстихомся. И хотяще *всенародную молву и мятежъ утолити*, по общему всѣхъ изволенію, власти нашея, отъ Бога и отъ васъ, государя нашего, данныя употребити дерзнухомъ, видяще яко еретики въ допросахъ не истинствуютъ.“ Яворскій, повидимому, самъ чувствовалъ слабость своихъ доводовъ и заключилъ свое письмо къ царю слѣдующимъ образомъ: „Но что много о семъ писати? Противу рѣчному стремленію нельзя плавати. Буди тако якоже о мнѣ глаголется. Виноватъ есмь въ неопасствѣ и дерзновеніи моемъ, за которую вину, падши къ стопамъ вашего царскаго величества, прошу милостиваго прощенія. „Отпущайте, аще что на кого имате, да и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ.“ И аще инако быти не можетъ, подлежу, по волѣ вашей, наказанію, даже и до отчуж-

* *Странникъ*, 1861, I, 84.

денія архіерейства отъ тѣхъ кому вручено будетъ. То мнѣ паче всѣхъ тягчайше, яко отвращенно лицо вашего царскаго величества вижду; и не тако мнѣ докучаетъ нищета моя, въ ней же нынѣ обрѣтаюся, яко лишенъ прежнія милости царскія. Однакожь „идѣже умножися грѣхъ, тамо преизобилуетъ благодать“, его же яко нечаемый, но не отчаяваемый ожидаю негли по сей бури паки превожделѣнное возсіяетъ ведро.“ *

Петръ именнымъ указомъ повелѣлъ быть по дѣлу Яворскаго „генеральному суду“, устранившись самъ отъ изслѣдованія этого дѣла. Въ Петербургѣ поднялись толки и предположенія объ исходѣ новаго слѣдствія; „весь всякаго чина народъ во всякихъ компаніяхъ и вездѣ непрестанно о томъ разговоры имѣли, что у митрополита и у свидѣтелей съ еретиками судъ будетъ, а которые ладутъ, неизвѣстно; только не безъ крови, не безъ казни будетъ.“ **

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

* Рукопись Рязанской семинаріи, № 58, л. 1.042. Ср. *Прибавленія къ Твореніямъ святыхъ отцовъ*, часть XXI, стр. 469—473.

** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

НЕОБЫЧНЫЙ СЛУЧАЙ

РАЗКАЗЪ.

Я тогда только-что вырвался изъ заведенія и былъ въ томъ возрастѣ который принято называть „счастливымъ“. Хотя я не помню чтобъ особенно счастливымъ чувствовалъ себя въ этомъ несносномъ возрастѣ неустановившагося голоса, крайне путаныхъ и шаткихъ понятій и постояннаго чувства очень неловко одѣтаго человѣка. Для дѣвочки раньше наступаетъ и скорѣе проходитъ этотъ періодъ, въ который она такъ исключительно тянется вверхъ, чувствуетъ что руки какъ-то будто длиннѣе чѣмъ надо, донашиваетъ послѣднія короткія платьица и ждетъ не дождется минуты когда оглянувшись увидитъ наконецъ за собою „настоящій“ шлейфъ.

Послѣдній годъ въ нашемъ выпускномъ классѣ вошла въ большую моду „смѣлость“ и воинственность. Мы по нѣсколько разъ переписывали въ тетрадки безъ всякой видимой надобности „Хаджи-Абрека“, ходили очень раскачиваясь и нѣсколько засучивъ рукава и старались возможно грубымъ голосомъ декламировать „Великъ, богатъ аулъ Джематъ“ или „Не гулялъ съ кистенемъ я въ лѣсу“. Для показанія смѣлости я даже, рискуя быть наказаннымъ, ходилъ ночью на чердакъ, куда всѣ боялись почему-то ходить, и сдѣлалъ тамъ совершенно безполезное въ научномъ отношеніи открытіе: именно: что тамъ навѣшано очень много веревокъ, за которыя можно за-

цѣпиться, упасть и получить шишку на лобъ. Мало того, когда одинъ воспитанникъ младшаго класса, завернувшись въ простынѣ, и представляя собою привидѣніе, явился къ намъ въ полночь, мы не только не испугались, а напротивъ, сорвавъ съ него личину, обратили въ бѣгство и побили его такъ что непринадлежность его къ міру духовъ была неоспоримо доказана. Предъ самымъ отъѣздомъ мы устроили цѣлымъ отдѣленіемъ побоище на эспадронахъ въ фехтовальномъ классѣ, причемъ я мужественно, хотя и нечаянно, разбилъ носъ второму ученику пробковымъ наконечникомъ эспадрона.

При такихъ блестящихъ задаткахъ, понятно, меня не могла пугать мысль ѣхать совершенно одному по глухому торговому тракту въ В. Напротивъ меня тревожило страстное желаніе какого-нибудь приключенія. Что бы напримѣръ, какъ въ недавно прочтенномъ мною „Дубровскомъ“ Пушкина, изъ лѣсу на красивой лошади выскочилъ разбойникъ съ ногъ до головы вооруженный и крикнулъ „стой!“ или съ кинжалами въ зубахъ Черкесы.... Почему непремѣнно чтобы лошадь была у разбойника красива и откуда Чéркесы? Мнѣ все представлялось какъ бы я храбро повелъ себя и сталъ бы стрѣлять изъ своего пистолета, весьма тяжелаго, но который, къ сожалѣнію, все осѣкался и на второй взводъ взводился не всегда. Днемъ, яснымъ и солнечнымъ, хотя мы часто ѣхали лѣсомъ, конечно думалось не о томъ. Кругомъ было такъ тихо, свѣжо и зелено. Темные дубы и березы такъ мирно дремали, раскидываясь вершинами въ голубомъ небѣ. На зеленыхъ лужайкахъ, въ тѣни кустовъ такъ ярко пестрѣли цвѣты и мелькали красными крыльями, треща, лѣсные кузнецы, что конечно воображеніе настраивалось совсѣмъ иначе. Лошадки плелись тихо, помахивая хвостами и позвякивая кольцомъ дуги безъ колокольчика. Мужичокъ маленькій, сѣденькій, свисходительно и какъ бы нѣсколько лукаво улыбаясь, едва дергалъ возжами и сидя въ полуоборотѣ ко мнѣ покуривалъ трубочку, и дымокъ голубой струйкой таялъ въ воздухѣ. Что бы этотъ мужичокъ мнѣ ни разказывалъ, все мнѣ онъ старался, къ моей обидѣ, объяснить очень подробно, питая кажется довольно основательное подозрѣніе что я еще не зналъ многихъ, самыхъ обыкновенныхъ вещей.

— Станція тутъ сорокъ верстъ—большая станція, говорилъ онъ,—потому это не почта. На почтовомъ тракту—тамъ станціи коротки. А здѣсь путь вольный, торговый путь. Кони на

постоялыхъ дворахъ и кибитки — все есть. Купцы все и ѣздятъ. Когда въ своей экипажѣ, а когда и принаймутъ....

— Ты бы ѣхалъ скорѣй, замѣтилъ я.

Онъ покачалъ головой только и усмѣхнулся.

— Какъ ѣхать? Тутъ ѣхать скорѣй нельзя. А почему? Потому: пойдетъ сосна, песокъ; лошадки пристанутъ. Куда торопиться? Богъ дастъ къ ночи поспѣемъ полегоньку. Лѣсной дорогой трудно — какъ можно? Тутъ нельзя скоро ѣхать....

Мы тащились до вечеру. Когда солнце зашло и стало постепенно темнѣть и меркнуть въ лѣсу, воображеніе мое опять заработало въ прежнемъ направленіи. За кустами мнѣ чудилось кто-то идетъ. И иногда въ самомъ дѣлѣ шелъ кто-нибудь лѣсною тропинкой, стороной, и приглядываясь къ нашей телѣгѣ, приподнималъ шапку и, встряхивая, поправлялъ на плечѣ котомку. Птицы, перелетая, хлопали крыльями и шумѣли вздрагивающими вѣтвями. Вдали заслышался долгій, протяжный свистъ....

— Кто это свиститъ?

— Такъ идетъ кто-нибудь. Соскучился, вотъ и свиститъ. Господь его знаетъ....

— А что бывало здѣсь чтобы нападали на кого-нибудь? не утерпѣлъ я спросить.

— Нѣтъ, оборони Господи, нѣтъ, не бывало. Зачѣмъ нападать?... Разъ, правда, мнѣ прилучилось — вотъ съ версту еще проѣдемъ, ложбинка будетъ—лѣтъ восемь тому, ѣхалъ я ночью съ купцомъ. Вдругъ выходитъ эдакъ изъ куста человѣкъ съ дубинкой, къ намъ. Купецъ толкаетъ меня — „пошелъ, говоритъ, пошелъ, очень я, ямщикъ, говоритъ, испугался!“ А какъ тамъ пойдешь? Песокъ! Я „ну“, да „ну“. А человѣкъ подошелъ—темно, не видать его — и говоритъ тихо таково, ровно давится. „Вымай, говоритъ, ты теперь деньги, господинъ купецъ“. А самъ какъ шаркнетъ дубинкой, да попалъ-то по кибиткѣ. Батюшки мои! Какъ осердился мой купецъ! Что ты меня, разбойникъ, говоритъ, напримѣръ, грабить? А? И диву я дался: какъ выскочитъ изъ кибитки мой купецъ, къ земи пригнулъ и ужь сидитъ на немъ. Вожжи, кричитъ, давай! Вяжи его! Бѣда! Такой-то здоровый! А тотъ ничего не говоритъ, только хрипитъ подъ нимъ. Связали мы его, сердечнаго, теперь, въ телѣгу. Хорошо: поѣхали. Только и взмолился этотъ самый человѣкъ. Ахъ, говоритъ, не погуби ты меня, господинъ купецъ! Смерть, говоритъ, моя, разоренье то-есть та-

кое — горе мое, говоритъ, такое! А то я тебя вотъ предъ Богомъ даже бы, говоритъ, пальцемъ бы не тронулъ. Я, говоритъ, нарочно и по кибиткѣ ударилъ. Не погуби, да не погуби! Слушалъ его, слушалъ кулецъ и кричитъ вдругъ: стой! Развязалъ онъ этого самаго человѣка, въ зашей съ телѣги столкнулъ, „иди, говоритъ, иди скорѣй—Богъ съ тобой!“ Тотъ слѣзъ да въ ноги. Храни тебя, говоритъ, Богъ, добрый человѣкъ....

— Ну и что же?

— Ничего. Такъ мы и уѣхали.

Я остался, конечно, неудовлетвореннымъ и по юности не могъ тогда вполнѣ почувствовать смысла этого простаго разсказа. Я глядѣлъ кругомъ. Прозрачныя облака неслись надъ лѣсомъ. Между темными кустами кое-гдѣ потянулся бѣловатый туманъ. Вдали слышался лай собакъ и колокольчикъ.

— Скоро и постоялый, замѣтилъ старикъ. — Тамъ и заночуете, а утромъ съ Богомъ и дальше.

— Что это? Слышишь? вдругъ спросилъ я, тревожно озираясь.

— А что? Нѣтъ, ничего....

— Слышишь, слышишь? настаивалъ я,—что это?

Въ сторонѣ, довольно еще далеко, въ кустахъ, раздался сначала какой-то шумъ.... потомъ разговоръ, потомъ протяжный заглушенный стонъ и все затихло.... Захрустѣли по лѣсной тропинкѣ чьи-то торопливо удаляющіеся шаги....

— Да, да! подтвердилъ и старикъ, прислушиваясь и пріостановливаясь,—да, да! Господи! Что бы это такое? Бьютъ кого что ли.... Господи! Какъ застонало!

— Пойдемъ, пойдемъ — что тамъ? спросилъ я старика въ тревогѣ.

— Пойдемъ.... Куда пойдемъ? Не бросить же все середь дороги. Что тамъ дѣлать-то будемъ!

— Можетъ кого убиваютъ....

— Что же сдѣлаешь?... Можетъ ихъ тамъ много. Да оборони Господи, не бывало у насъ никогда этого. Что за притча? Вотъ поѣдемъ—увидимъ....

Онъ покачалъ головой и тронулъ лошадей.

Не проѣхали мы и четверти версты какъ справа, въ кустахъ, очень близко, послышалось тяжелое и странное хрипѣніе. Лошадки подняли уши.

— Стой, стой! закричалъ я внѣ себя, соскакивая съ телѣги и таща за собой старика, — иди, иди же — что тамъ такое?

Мы пробѣжали къ лѣсу. На тропинкѣ, въ сторонѣ отъ дороги, въ набѣгающихъ вечернихъ сумеркахъ мы разглядѣли лежащаго небольшаго мужика. Армякъ валялся около. Мужикъ былъ въ рубашкѣ изорваной и окровавленой. Голова была закинута назадъ; спутанные и свѣже-окровавленные волосы залѣпляли лицо. Онъ лежалъ безъ движенія. Кругомъ никого не было. Очевидно, мы были на мѣстѣ только-что совершеннаго преступленія....

— Убитый! повторялъ я въ ужасѣ, наклоняясь надъ лежащимъ.

— О, Господи Боже мой, что за притча такая! Ишь, все лицо кровью залито. О, Господи! Сходить за водой—никакъ живъ... Тутъ колодецъ есть у дороги....

Пройдя въ кусты, старикъ скоро воротился, неся осторожно обѣими руками воду въ шапкѣ и едва донеся до лежащаго, вдругъ пролилъ ему на голову. Тотъ простоналъ, зашевелился и тяжело открылъ глаза, но въ сознаніе, казалось, не приходилъ.

Когда лицо отмылось отъ крови, можно было разсмотрѣть его. Жидкая, небольшая борода всклочилась кругомъ очень худаго и какъ мѣлъ блѣднаго лица. И вдругъ старикъ всплеснулъ руками.

— Антипушка! Что это ты? Какъ это?

— У-бил-ся, глухо и трудно простоналъ тотъ,— све-зи домой....

— Ахъ, ты, Господи! Ахъ, грѣхъ какой! повторялъ старикъ, хлопоча около него и съ моей посильною помощію таща его въ телѣгу,—да какъ ты убился-то, какъ это такъ?

— О де-рево у-бил-ся, опять пробормоталъ тотъ и продолжалъ охать и стонать кое-какъ уложенный въ солому телѣги, видимо мучаясь отъ тряски, когда мы ѣхали.

Полчаса еще тащились мы лѣсомъ шагомъ. Мелькнули огоньки, залаяли собаки, и мы остановились у воротъ небольшаго, одинокаго постоялаго двора. Кругомъ было странно-лусто. Ни привороченныхъ коней обоза, ни работниковъ. На окликъ моего старика изъ воротъ вышелъ высокій, сѣдой, бородатый хозяинъ съ фонаремъ и поклонился.

— Сидорычъ, гляди, Сидорычъ! соскакивая торопливо съ облучка, сказалъ мой старикъ,—сынъ-то, сынъ-то твой. Вотъ нашли въ лѣсу... Сказываетъ, убился... Внести въ избу что ли? Въ кустахъ нашли...

— О, Господи помилуй, въ испугѣ перекрестился хозяинъ, становясь на чеку телѣги,—Антипъ! Что ты?

— Убился, опять неизмѣнно повторилъ Антипъ.

— Помоги-ка, братъ, внести въ избу-то, захлопоталъ напуганный отецъ,—что за дѣло такое? Господи! Ахъ, ты, Господи! Гдѣ же сноха-то! Анна! крикнулъ онъ.

На зовъ его никто не откликнулся. Они вдвоемъ внесли больнаго въ сѣнцы, и оттуда хозяинъ, какъ бы спохватившись что не занялся мною, крикнулъ:

— Пожалуйте, баринъ, въ избу-то. Прямо сюды вотъ. Фонарь-то возьмите, не споткнитесь въ сѣнцахъ. Ахъ, ты, Господи!

Въ сѣнцахъ слышался необычно-торопливый стукъ сапогъ. Старики внесли Антипа и въ первой же горенкѣ положили его на лежанку. Горенка была грязная и скудно освѣщалась со стола кривымъ и тонкимъ сальнымъ огаркомъ. Въ углу видны были темные образа на полкѣ и кругомъ ихъ кривo приклеенные обрывки зеленыхъ обоевъ и лубочныхъ картинокъ. Углы иногда тонули во мракѣ и по темнымъ бревенчатымъ стѣнамъ качались черезъ всю комнату огромныя человѣческія тѣни.

Старикъ-ямщикъ съ хозяиномъ озабоченно и тихо говорили, укладывая и укрывая переставшаго уже стонать Антипа. Я смутно разслышалъ что рѣчь шла о какой-то старухѣ, за которой надо съѣздить чтобы перевязала ушибенную голову, и о женѣ Антипа Аннѣ, которая еще не возвращалась съ села....

— Пожалуйте сюда, указалъ мнѣ хозяинъ въ горенку проходную, рядомъ съ этою за перегородкой.—Извольте отдохнуть пока коней покормятъ. О, Господи, Господи, дѣло какое!

— Его ограбили, убили? А? тихо и въ тревогѣ спросилъ я.

— Кто это, оборони Господи, кому у насъ грабить? Попустилъ Господь... Объ дерево сказываетъ что ли....

Оба ушли, и хозяинъ и ямщикъ, а я отправился за перегородку. Сильно уставъ отъ дороги и взволнованный, и отказавшись даже отъ самовара, предложеннаго хозяиномъ, лежалъ закинувъ руки за голову. Тревожно прислушиваясь къ тяжелому дыханію и хрипѣнію больнаго за тонкою перегородкой, я не помню какъ заснулъ крѣпкимъ и безпокойнымъ сномъ.

Спалъ я должно-быть долго, и приходилъ ли кто въ это время къ больному или нѣтъ не слышалъ. Только подъ утро проснулся я, услыхавъ что кто-то входитъ. Въ маленькомъ, тускломъ окошечкѣ уже свѣтало. Заслоняя одною рукой сальную свѣчу въ желѣзномъ свѣтцѣ, вошла высокая, молодая баба. Свѣтъ прямо упадалъ на ея блѣдное лицо и можно было ясно разглядѣть какъ оно было красиво. Особенно запомнились мнѣ темные и глубокіе глаза съ длинными рѣсницами, тревожные и заплаканные.

Очевидно не замѣчая меня, она осторожно шла мимо (комната моя была проходная) туда гдѣ лежалъ больной, который должно-быть или совсѣмъ не спалъ, или тоже при ея входѣ проснулся. Онъ безпокойно зашевелился, дыханіе его стало еще прерывистѣе и еще похожѣе на хрипѣніе. Я взглянулъ въ щель. Къ удивленію моему, онъ вдругъ приподнялся, шатаясь, и сѣлъ на лежанкѣ, свѣсивъ ноги. Голова была теперь уже старательно перевязана краснымъ платкомъ, и изъ-подъ перевязки маленькіе глаза засвѣтились ужасно и онъ захрипѣлъ съ силой:

— А-а! Ан-на! Ты—вотъ какъ!

Женщина сильно вздрогнула всѣмъ тѣломъ, едва не уронила свѣчи, но справилась, опустила ее на столъ и не говоря ни слова зарыдала.

— Этто ты как-же? Ты вотъ какъ! Не могла ты стерпѣть отъ меня! Не убить ли хотѣла? продолжалъ больной, съ трудомъ, глухо. И неожиданно сорвалъ съ головы повязку. Кровь тихо, двумя темными струйками покатилась по блѣдному лбу и щекѣ.

— Этто чтò? Это чтò? съ силой, глухо хрипѣлъ онъ, указывая на голову.

Анна вдругъ, всхлипывая, повалилась ему въ ноги, все не говоря ни слова...

— Богу-то молись! хрипѣлъ больной, — Богу-то молись! Не у меня милости проси! Молись! почти крикнулъ онъ и въ изнеможеніи отъ чрезмѣрнаго усилія опять запрокинулся, тяжело дыша, на лежанку.

Анна встала и порывисто было поднялась къ нему, но онъ тихо отвелъ ее рукой.

— Уйди, ты, уйди! забормоталъ онъ,—уйди отъ меня!

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ дверь скрипнула и на

порогѣ показался Сидорычъ. Онъ взглянулъ на сноху и помолчалъ.

— Гдѣ была? А? Видѣла мужа-то?

Молчаніе.

— Чего ты тутъ? Иди отсюдова! Ну! гнѣвно крикнулъ онъ,— что̀ стоишь какъ пень?...

Когда дверь за ней скрипнула, старикъ подошелъ къ неподвижно лежащему сыну. Онъ укрылъ его свѣсившимся полушубкомъ; поднялъ платокъ, неловко и неумѣло завязалъ голову опять своими потрескавшимися руками и заботливо наклонясь, поглядѣлъ съ минуту на больнаго. Тотъ, не открывая глазъ, лежалъ не двигаясь....

Со двора послышалось ржаніе лошади и звонъ подвязываемаго къ дугѣ колокольчика. И точно, это напомнило старику объ мнѣ. Онъ растворилъ дверь въ мою горенку и постоялъ на порогѣ, вглядываясь.

— Не спите, баринъ? сказалъ онъ. — Самоваръ прикажете? Лошадей вамъ ужь закладаютъ....

Черезъ полчаса я уѣхалъ. Ямщикъ былъ уже другой. Полусонный, онъ потеплѣе окутался и все молчалъ, даже не отвѣчая на мои вопросы.... Никогда больше не приводилось быть потомъ на этомъ постояломъ дворѣ и конечно никогда ужь больше не приведется. Гремятъ поѣзды В—ской желѣзной дороги по тому лѣсу гдѣ стоялъ одинокій постоялый дворъ, и навсегда остался для меня тайной странный случай котораго я былъ нечаяннымъ свидѣтелемъ.

Н. БОЕВЪ.

ЛЕЙБЪ-КАМПАНЕЦЪ

(ИЗЪ ДНЕВНИКА ПРАДѢДУШКИ.)

РАЗКАЗЪ.

Въ дневникѣ моего прадѣда Якова Евстафьича, подъ 1776 годомъ, между прочимъ, написано: „13го іюня, въ понедѣльникъ, заложилъ хуторъ Азовской губерніи, на рѣчкѣ Богатой.“ А черезъ два лѣта, подъ 1778 годомъ, въ дневникѣ написано: „іюля 24го, во вторникъ, въ полночь пріѣхали въ хуторъ на Богатую—я, Ашенька, Иванушка и учитель Григоревской. Тогда во оныхъ пустошахъ селяне бѣжали, а сосѣду моему по тому хутору, лейбкампанцу г. Увакину, по его впрочемъ квалитету и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго же поступкамъ, его подданными тогда же содѣянъ сей неподобной и ужести наводящій афронтъ....“

Прадѣдъ мой Яковъ Евстафьичъ очутился сосѣдомъ лейбъ-кампанца Увакина вслѣдствіе того обстоятельства что пожелалъ, въ первые годы женитьбы на моей прабабкѣ Аннѣ Петровнѣ, сдѣлать ей отмѣнный презентъ. А именно: подъ

вліяніемъ недавнихъ преданій о заселеніи этого края, онъ задумалъ сперва населить, а потомъ сюрпризомъ за нею укрѣпить плодородную дикую степь въ 7.000 десятинъ, купленную имъ съ торговъ, за четыре тысячи рублей ассигнаціями, отъ генерала Штоффельна. Земля же эта находилась въ тогдашней Азовской, нынѣ Екатеринославской губерніи, между рѣчекъ Богатой, Богатѣнькн и Лозовой, и болѣе чѣмъ въ ста верстахъ отъ Пришиба, родоваго помѣстья прадѣда.

Затѣявши поселить для жены хуторъ, Яковъ Евстафьичъ изъ сыромятины соорудилъ кожаную калмыцкую кибитку, взялъ съ собой изъ Пришиба крѣпостныхъ рабочихъ и купленнаго предъ тѣмъ въ Москвѣ у Архарова прикащика Михайлу Портянаго, перваго развѣдчика и доглядчика выбранной степи, и въ ожиданіи купленныхъ же гдѣ-то подъ Тулой крестьянъ, переѣхалъ готовить для переселенцевъ избы, сараи для скота и водолой.

Постройка зданій, по тогдашнимъ затрудненіямъ въ добычѣ припасовъ, приподзала. Сверхъ того при переводѣ купленныхъ крестьянъ въ началѣ случились также какія-то непредвидѣнныя преграды. А потому въ первые два лѣта, по покупкѣ земли, Яковъ Евстафьичъ, несмотря на слабое здоровье, повременамъ наѣзжая на Богатую и проживая въ калмыцкой кибиткѣ, разбитой у опушки круглаго степнаго лѣска, значительно скучалъ.

Вѣчно озабоченный хозяйствомъ обширныхъ имѣній и тяжбами съ казной и съ сосѣдями, Яковъ Евстафьичъ хотя безпрестанно ѣздилъ то въ губернскій городъ, то въ столицы, и съ виду былъ угрюмъ, но ничего онъ такъ не любилъ какъ сидѣнья дома, въ зеленомъ шелковомъ халатѣ на бѣлыхъ мерлушкахъ, да слушанья разказовъ Аненьки, на которую онъ, впрочемъ, дома то и дѣло ворчалъ. А тутъ, вмѣсто лѣсныхъ береговъ Донца и густонаселеннаго Пришиба, дикопорожняя и глухая степь.

Яковъ Евстафьичъ любилъ когда въ комнатѣ гдѣ онъ спитъ водятся сверчки. И если они иной разъ оттуда исчезали, онъ отряжалъ Аненьку къ кому-либо изъ сосѣдей. Анна Петровна останется въ гостяхъ ночевать, разстелетъ на полъ простыню, станетъ водить шпилькой по зубьямъ роскаго гребня, подманитъ изъ-за печки и изъ щелей нѣсколько сверчковъ и привезетъ ихъ въ коробочкѣ мужу. А иной разъ и самъ Яковъ Евстафьичъ наловитъ лѣвушковъ у кого-ни-

будь изъ дворовыхъ и налуститъ къ себѣ въ опочивальню. И по цѣлымъ вечерамъ, особенно зимой, бывало сидитъ онъ у окошка и слушаетъ, приговаривая: „эка хорошая музыка! Точно скрипачи! Славно сладились! Семь человѣкъ сегодня пѣло!“ Прикащикъ Портяной зналъ обычай барина и, разбивши кибитку у лѣснаго круглячка, въ первое же лѣто и прежде всего то сухарями, то кашей привадилъ туда цѣлую пѣвческую разнообразнѣйшихъ полевыхъ сверчковъ, которымъ въ заливахъ рѣки вторили тысячи лягушекъ.

Во второе лѣто Яковъ Евстафьичъ сталъ брать на побывку на Богатую учителя Иванушки, Григоревскаго. Это былъ рослый и худой бурсакъ, вѣчно потѣвшій, робкій и молчаливый, разъ въ мѣсяцъ акуратно напивавшійся мертвецки и ходившій въ длинномолой нанковой парѣ ярко-желтаго цвѣта, такъ что издали казался огромною канарейкой. Яковъ Евстафьичъ любилъ съ нимъ послорить о философіи и о тайнахъ природы, такъ какъ Ѳедоръ Степановичъ былъ только мистикъ, а Яковъ Евстафьичъ къ тому же еще и масонъ изъ мѣстной ложи барона Рейхеля. За учителемъ водилась сверхъ того одна странность, доставлявшая много веселости Якову Евстафьичу. Еще изъ бурсы учитель вынесъ привычку самъ мыть себѣ не только бѣлье, но и платье. Какъ заноситъ бывало то и другое, выждетъ время и шмыгнетъ въ садъ къ пруду, либо на донецкія озера въ лѣсъ. Сниметъ платье и бѣлье, осмотритъ все, отстегнетъ изъ-подъ лацкана заласную иглу, заштолаетъ что надо, да тутъ же и вымоетъ, какъ слѣдуетъ, и развѣситъ сушиться по кустамъ, а самъ разляжется въ прохладныхъ струяхъ на лескѣ и думаетъ: „Вотъ кабы сюда еще да бутылочку токайскаго! либо пивца!“ Яковъ Евстафьичъ подглядѣлъ его нагишомъ за такими упражненіями и съ тѣхъ поръ не могъ на него смотрѣть безъ смѣха.

Учитель пріѣхалъ на Богатую не одинъ. Онъ привезъ съ собою еще и любимаго Якова Евстафьича ручнаго журавля, по имени генеральсъ-адъютанта. Нѣсколько лѣтъ этотъ журавль жилъ въ Пришибѣ и такъ привыкъ къ людскому обиходу и суетѣ, что зимой не выходилъ изъ птични, а лѣтомъ, съ прочими домашними пернатыми, весь день гордою поступью шагалъ по двору, клюя всякую всячину и воюя за ломоть съ собаками и свиньями. За то осенью, когда по небу тянулись вереницы его дикихъ товарищей, сѣрый журка по цѣлымъ днямъ стоялъ задумавшись и затѣмъ вдругъ начиналъ ногами

и крыльями выдѣлывать [неистовые и уморительные прыжки. Но какъ генеральсъ-адъютантъ ни старался подняться въ воздухъ, его манило снова назадъ на землю, въ знакомый дворъ, и обогнувши садъ и выгонъ, онъ кругами опускался опять либо на крышу кухни, либо на погребъ и, какъ бы для развлеченія, усердно принимался долбить носомъ какую-нибудь кухонную дрянь или бабье тряпье. „Что, братъ, журка, не полетишь? подтрунивалъ при этомъ Яковъ Евстафьичъ, стоя на крыльцѣ и воспоминая собственные молодые годы и службу въ забубенномъ пѣхотномъ Псковскомъ полку: видно не до товарищей теперь, дурачина! Привыкъ, обабился, вотъ и сиди!“

Но едва учитель привезъ эту птицу на Богатую, на другой же день около вечера, заслыша въ камышахъ звонкіе окліки привольной и дикой журавлиной стаи, генеральсъ-адъютантъ исполнился тревогой, пересталъ ѣсть, а на утренней зарѣ какъ-то особенно бойко и лѣвуче затурлыкалъ, взмылъ и улетѣлъ безъ возврата....

Скука на Богатой окончательно стала заѣдать Якова Евстафьича, особенно къ концу второй осени, когда въ чернѣ постѣли жилья для переселенцевъ и, разчистивши подъ горой три самородныхъ ключа, онъ занялся лахотью и посѣвомъ подъ зябь. Ничто не помогало: ни еженедѣльныя каракульки сына, ни ласковыя цидулки къ милу-дружку отъ самой Аненьки, „что де пора вамъ, свѣтикъ, возвратиться и ужь не полонила ль вашего сердца какая-нибудь захожая степнячка?“ „Гм! донынѣ ревнуетъ!“ подумалъ Яковъ Евстафьичъ, почесывая въ затылкѣ. Даже не веселили его поспѣвшія господскія горницы а наконецъ и большой табунъ лошадей, съ восемью жеребцами, переведенный сюда съ луговъ изъ Пришиба.

И вотъ, чтобы развлечь барина, прикащикъ Портяной однажды ему сказалъ:

— Что, ваша милость? Послушайте-ка вы мои рабскія рѣчи. Сѣсть-то поселкомъ мы сѣли, строимъ жилья, варыли колодезей и насѣяли хлѣба до вешняго теплаго дня. А сосѣдей-то и не почествовали. Не купи двора, купи сосѣда! Съ сосѣдомъ жить въ миру, все тебѣ къ добру.

— Такъ, такъ, Михайлушка. Да кто же тутъ у насъ, скажи ты мнѣ, стоющіе сосѣди?

— А хоть бы и г. Увакинъ, лейбъ-кампанецъ. Я ужь вамъ не

однова про него докладывалъ. Онъ въ Питерѣ служилъ, и сами чай изволили слыхать, тетку нонѣшней царицы, покойную царицу Лизавету Петровну, съ товарищами посадилъ на царство. Онъ было съѣзжалъ куда-то, а нонѣ съ Покрова опять тутъ оказался въ своемъ владѣніи.

— Ой ли? Далече ли его зимовникъ и отъ кого ты про него узналъ?

— Верстахъ въ пятнадцати сидитъ, внизъ по Лозовой, промежь трехъ яровъ, коли слышали. Чунихинскій полъ про него сказывалъ. Баринъ старый уже, начетчикъ такой и пребѣдовый. Всѣ его тутъ боятся, особенно женскій полъ. И коли ваша милость пожелаете его узрѣть, надоть поосторожнѣе; какъ бы не изобидѣлъ... Гордости великой человѣкъ, хоть и изъ простыхъ рядовыхъ, извините, въ столбовые вышелъ!

Якова Евстафьича, впрочемъ, трудно было испугать кѣмъ бы то ни было. А потому, не долго думая, онъ сперва отписалъ къ Увакину вѣжливое письмо, увѣряя его въ дружбѣ и въ уваженіи, а затѣмъ снарядилъ и послалъ къ нему учителя Григоревскаго, съ порученіемъ просить его „лейбъ-кампанское благородіе“ къ себѣ на побывку въ гости. Семинариста отъ сосѣда привезли подъ такимъ сильнымъ подозрѣніемъ въ презнатной выпивкѣ, что прежде всего надо было уложить его спать. А потомъ отъ него узнали слѣдующее: „Я де Увакинъ тоже старъ и хотя былъ дѣйствительно когда-то рядовымъ, но ко мнѣ нонѣ ѣздятъ нетокма знатные дворяне, а и генералы, да и самъ г. азовскій губернаторъ неоднова де являлся ко мнѣ на рандеву и, какъ слѣдъ, отдавалъ решпектъ по всей, то-есть, подобающей аттенціи! Инъ пусть же господинъ прапорщикъ Яковъ Астафьичъ самъ первый ко мнѣ пожалуетъ!“ — „Фанфаронъ“! фыркнулъ на это Яковъ Евстафьичъ. Однакоже дѣлать нечего, перегодя, велѣлъ запречь четверню вороноперыхъ, и, предъ возвращеніемъ въ Пришибъ, самъ съѣздилъ съ решпектомъ на рандеву къ сосѣду лейбъ-кампанцу: „Побалую его, пса; можетъ когда и пригодится. Вонъ тятенька мой, Евстафій Даниловичъ, занималъ на бандурѣ Никиту Юрьича Трубецкаго и за то полкъ Изюмскій получилъ въ команду!“

Было свѣтлое, съ легкимъ морозцемъ октябрьское утро. Калина Савичъ Увакинъ встрѣтилъ Якова Евстафьича на завалинкѣ бѣлаго глинянаго домика, гдѣ онъ, въ волчьемъ тулупѣ и въ рысьей шапкѣ, грѣлся на солнцѣ и изъ кувши-

на просомъ кормилъ голубей, и сперва показался гостю такимъ сгорбленнымъ и невзрачнымъ старикашкой.

— Милостивѣйшему патрону и сосѣду привѣтъ! искательно заявилъ о себѣ, слѣзая съ коляски, Яковъ Евстафьичъ.

— Прошу и меня нижайшаго жаловать; вашъ слуга! съ аттенціей принялъ гостя и хозяинъ: спасибо что навѣстили меня Калину! Собачья старость вотъ пришла. Вишенье развожу, птичекъ кормлю, да вѣдомости про конѣшнія времена читаю. Не могу не благословлять Господа что теперича, по волѣ ея величества, моей покойной императрицы Лизаветъ Петровны, (тутъ Увакинъ всталъ и снялъ шапку), тридцать пять лѣтъ на спокоѣ состою и довольствѣ, въ пречестномъ потомственномъ россійскомъ дворянствѣ помѣщикъ!

Гость и хозяинъ церемонно обнялись и присѣли на завалинкѣ.

Шестидесятилѣтній и медвѣдеобразный, съ бѣлыми кустоватыми бровями и усами, но еще желѣзнаго здоровья, старикъ Увакинъ, родомъ изъ новгородскихъ поповскихъ дѣтей, какъ всталъ, говоря о Елизаветѣ Петровнѣ, да выпрямился, то оказался великаномъ сравнительно съ щедушнымъ, лысенькимъ, слабымъ и невысокимъ гостемъ. Крупный и красный носъ Калины Савича показывалъ что онъ полюбилъ украинскую терновку и часто прикладывался къ ея бутылямъ, укромно глядѣвшимъ наружу чуть не изъ каждаго его окна. А громкія побранки съ которыми онъ раза два прикрикнулъ на вѣрнаго слугу, горбатаго Васильца, распоряжаясь пріемомъ гостя, говорили что лейбъ-кампанецъ спозаранку уже былъ на второмъ взводѣ. Отсылавъ другъ другу съ три короба изысканныхъ привѣтствій и комплиментовъ, новые знакомцы перешли въ вишневую куртину, гдѣ въ ту пору подсаживались новыя деревца, а оттуда въ горницу, и здѣсь Увакинъ началъ бесѣду о прошломъ и главное о великой перемѣнѣ приснопамятнаго 1741 года.

— Не тѣ нонѣ времена, Яковъ Астафьичъ, не тѣ! То ли были дни, милостивый патронъ мой, какъ мы матушку красавицу нашу, Лизаветъ Петровну, становили на царство! А наипаче и особливо, сказала она, лейбъ-гвардіи нашей полковъ по прошенію, престолъ родителя нашего мы воспріять изволили! А? Слышите? И гдѣ у людей уши и глаза? Такъ, именно такъ и этими словами она о насъ и прорекла всему свѣту въ манифестѣ! Наипаче же и особливо!... Всему царству сказала!... Да вѣдь этихъ словъ, отцы родные, не стерѣть вамъ

и не вырубить во вѣки! Вотъ онъ, вотъ манифестъ! читайте! потащилъ онъ гостя къ стѣнѣ, на которой лодъ стекломъ висѣлъ сѣрый, въ большой листъ, манифестъ 25го ноября 1741 года.

Яковъ Евстафьичъ, видя волненіе Уваkина, заговорилъ было о хозяйствѣ и о своей семьѣ, о томъ что вотъ и онъ не безызвѣстенъ двору, что царь Петръ былъ въ гостяхъ у его дѣда и самого его крестилъ на походѣ, а по матери онъ сродни знатному роду Никиты Юрьевича Трубецкаго.

Не тутъ-то было. Уваkинъ ушелъ въ спальню, воротился оттуда съ трубками кнастеру, одну далъ гостю, а другую самъ закурилъ, и на вопросъ гостя, какъ же онъ попалъ въ столь счастливый случай, началъ:

— Дѣло было, коли хотите знать, милостивый патронъ мой, таково. Спали наши Преображенцы въ свѣтлицахъ своихъ на Литейной. Ночь была ухъ! какова морозная. Я былъ на часахъ, и только-что вышелъ изъ караульни, слышу: скрилъ полозьевъ; летятъ шибко, но безъ шуму, трое саней по Литейной перспективѣ, да прямо-то къ нашей съѣзжей избѣ; на ея мѣстѣ послѣ Спасъ Преображенія царица поставила. Изъ первыхъ саней выходитъ сама царевна Лизаветъ Петровна, съ дохтуромъ Лестокомъ, а за кучера у нея графъ Воронцовъ; изъ другихъ саней вышли кое-кто изъ вельможъ, и гренадеры у нихъ на залаткахъ. Въ рукахъ у царевны крестъ, черезъ плечо кавалерія, въ лисьей шубѣ, а сама сердечная такъ и дрожитъ, зубъ на зубъ не попадетъ, не то отъ мороза, не то отъ страха. Барабанщикъ было ударилъ тревогу; только дохтуръ кинулся къ нему и пропоролъ кожу на барабанѣ. Я бросился въ казармы, а ужь здѣсь и вся наша рота бѣжитъ. „Что, ребята?“ крикнула тутъ яснымъ такимъ да смѣлымъ голосомъ царевна: „знаете ли вы кто я?“—„Знаемъ, матушка, знаемъ!“—„Готовы ли идти за мной и готовы ли дочку самого царя Петра Перваго на престолъ возвратить?“—„Готовы жизнь положить! Давно тебя ждали!“—„Или вамъ, скажите, лучше быть подъ годовалымъ робенкомъ, да подъ Нѣмцами?“ — „Смерть молокососу! Нѣмцамъ смерть!“ загалдѣла вся рота: „будетъ имъ надъ Рассеей командовать!“ — „Никого, солдатушки, не убивайте, прошу я васъ; а лучше за мной въ тихости маршируйтѣ, мы и такъ съ ними и съ ихъ партизантами справимся!“ сказала царевна, а изъ-подъ шапочки русыя косы выбились; рослая, да статная такая. „Лебедка ты наша!“ гаркнула опять рота, и давай у ней крестъ цѣловать. Ружья зарядили,

штыки завинтили, да за нею тихо по морозцу прямо въ Зимній Дворецъ. Кое-кого по пути отрядили супротивныхъ министровъ брать подъ караулъ.... Мнѣ же съ товарищами, Кокорюкинымъ, Клюевымъ, Першуткинымъ и другими, пришлось брать подъ арестъ самого младенца-императора. И никогда я того не забуду, милостивый государь мой! Вбѣжали это мы во дворецъ, да прямо къ нему въ спаленку. Нѣмецкую няньку связали возлѣ, въ сосѣдней горницѣ. А здѣсь у него-то, смотримъ, колыбель подъ занавѣсочками, лампадка предъ кіотомъ. Я хоть въ солдаты за увѣчье дьякона попалъ, но все же самъ былъ изъ церковниковъ и маленько, знаете, тутъ было позамялся, да опомнился и кинулся далѣе. У колыбели вскочила вся въ золотѣ и красивая такая мама-Голландка, ломитъ руки, лопочетъ по ихнему и, ниже мертвая отъ страху, во всѣ глаза глядитъ, что это мы солдатьё вскочили такъ безъ указу, гремя ружьями и въ шапкахъ. Я съ Клюевымъ прямо къ колыбели; отдернули положокъ, пообождали чуточку и взяли на руки младенца. Онъ съ перепугу такъ и залился. А изъ дворца, слышимъ, товарищи уже шумно сносятъ на рукахъ самое регентшу Анну Леопольдовну, и кричитъ принцесса черезъ всѣ царскіе аппартаменты: „Іоаннесъ! сынъ мой, названный императоръ! гдѣ ты?“ Отвезли регентшу съ мужемъ въ домъ царевны, а потомъ въ крѣпость, императора же младенца Ивана Лизаветъ Петровна взяла къ себѣ въ сани и сперва его вотъ какъ пожалѣла и даже надъ нимъ заплакала. Проводили мы этакъ же бережно царевну опять въ ея дворъ, гдѣ прислуга подъ замкомъ оставалася. А здѣсь уже и всѣ новые фавориты налицо. И видѣлъ я какъ старые фавориты набѣгали и предъ новыми на коленкахъ въ сенаторскихъ мундирахъ ползали, а тѣ надъ ними громко смѣялись, били въ ладоши и грозилися: „Что, молъ, нѣмецкая сволочь, измѣнники? теперь оробѣли?“ А на улицѣ всю ночь говоръ, крики *виватъ*, сходятся и строятся полки, столичная знать въ саняхъ въ перегонку подъѣзжаетъ, народъ валитъ и костры горятъ отъ дворца вплоть до Невской перспективы. Лизаветъ Петровна тутъ опять вышла къ генералитету въ шелковой дымчатой робѣ, на большихъ фижменахъ, объявилась самодержицей и сказала: „Съ нами Богъ! Забываю старымъ старое; только служите вѣрою по новому!“ Наутро по воеводствамъ поскакали курьеры, столица присягнула и вышелъ манифестъ. Простаго народа поламъ къ присягѣ

звать не велѣно. Всѣ возликовали. А ужь о нашей братьи, Преображенцахъ, и говорить нечего. „Ну, сосѣдушка, перебилъ Яковъ Евстафьичъ,—извините, только слышно что ваша рота вела себя не очень-то по приличію...“—Оно точно, милостивый патронъ мой, слервоначала солдаты наши маленько побуянили. Бросились по кабакамъ. Не обошлось безъ драки, буйства и непокорства шквадронным властямъ. Кое-кому изъ знатныхъ ломяли и бока. Въ эту же ночь спьяну не мало растеряли по улицамъ шапокъ, сумокъ и всякой тебѣ амуниціи, а кто и ружей. Да и какъ было не лображничать! Самые знатные баре намъ въ ту пору въ поясъ кланялись... Въ разъясненіе же милосердыхъ сентиментовъ ея величества скажу такое слово. Она еще и царевной добротой прослыла и по простотѣ въ гвардіи крестила, не токма у начальства, но и у солдатъ, и на именины къ нашимъ солдаткамъ хаживала. Въ первую же годовщину вшествія, Лизаветъ Петровна объявила такія милости намъ, учрежденной своей лейбъ-компаніи: поручиковъ роты произвела въ генералъ-лейтенанты, прапорщиковъ въ полковники, барабанщиковъ въ сержанты и всѣхъ, какъ есть, двѣсти пятьдесятъ восемь рядовыхъ въ потомственные дворяне. А капитанское мѣсто въ той ротѣ, объявила: мы соизволяемъ сами содержать и оною ротой командовать! И подарила намъ солдатамъ матушка царица въ Пошехонской волости отписныя ломѣстья осыльнаго князя Меньшикова, на каждаго рядоваго по двадцать девять душъ; повелѣла всѣхъ насъ вписать въ столбовыя книги и сама опробовала и утвердила каждому гербъ, съ гранатами и съ дворянскимъ шлемомъ, а поверхъ его съ лейбъ-компанской шапкой. Вотъ онъ тоже виситъ на стѣнѣ... Но и другіе прислужники царевны были награждены какъ слѣдуетъ, не токма что вельможи: комнатные слуги Скворцовъ и Лялинъ пожалованы деревнями и дворянствомъ, а метердотель Фуксъ въ вѣдомостяхъ за урядъ переписанъ въ бригадиры. И стали на вѣчную память по Россіи новые дворяне: Увакины, Кокорюкины, Мухлынины, Першуткины, Клюевы и другіе.... И никто намъ, жалованнымъ, не указъ!

— Какъ же вы, Калина Савичъ, попали сюда изъ Пошехонья въ Украйну на Лозовую? перебилъ опять Увакина Яковъ Евстафьичъ.

— Сманилъ меня сюда какъ былъ у насъ генералъ Штоффельнъ, у коего и вы землицу съ торговъ купили. Былъ у насъ

съ нимъ за картами разговоръ; я съ его совѣта и выпросилъ себѣ чрезъ питерскихъ милостивцевъ обмѣнъ грунтовъ и перевелъ сюда своихъ подданныхъ.

— Давно?

— Годовъ уже съ двадцать. Да что! Мѣста тутошнія хороши; только не ладно здѣсь конѣ жить въ степи, хоть и сказывали затѣйники что здѣшніе берега кисельные, а рѣки медомъ текутъ....

— Чѣмъ же не ладно тутъ жить?

— Не тотъ конѣ штиль и не тѣ волче времена. Статское искусство верхъ взяло, а военное теперича въ забросѣ. Прожектисты въ гору пошли, и всѣ кто былъ долрежде сего въ авантажѣ вездѣ стали забыты. А въ Питеръ намъ, знатному шляхетству, видно и не показываться. Дѣла тамъ теперича, милостивый патронъ мой, рѣшаются не по закону, а по партикулярнымъ страстямъ. Да вотъ.... подавалъ я, примѣромъ, туда черезъ одного благодѣтеля нѣкоторое нужное письмо и къ оному пункты. Что жъ? Ничего какъ есть, никакой резолюціи и до сегодни не добился....

— Какіе же это вы подавали пункты?

— Доношеніе, государь мой, доношеніе на одного здѣшняго непотребнаго озорника, и сказать къ слову, извините,—моего же сосѣда....

— Что же онъ сдѣлалъ за провинность?

— Изъ злой дурости выпустилъ на телерешнюю царицу, на матерь-то опять нашу Екатерину Алексѣевну, преострой и преподлой пашквиль....

Яковъ Евстафьичъ даже поблѣднѣлъ и сказавши: „Съ нами крестная сила!“ спросилъ: „какой пашквиль?“

— Увѣряетъ, представьте, не стѣсняясь долгомъ присяги, якобы новому нашему, въ семъ году затѣянному, городу Екатеринославу будто не сдобровать. Бабьи де города не стоятъ! И какое де конѣ житье за бабою, коли женской полъ опять царствомъ завладѣлъ и своимъ фаворитамъ отдалъ насъ всѣхъ подъ суверенство. А? какова? И такихъ фармазоновъ терпятъ.

— А кто сей пашквилянтъ, осмѣлюсь спросить? перебилъ Яковъ Евстафьичъ, не безъ тревоги, подвигаясь къ двери и поглядывая гдѣ его коляска.

— Кому же имъ и быть, какъ не гулякѣ и картежнику, однодворцу Фролкѣ Рындину? Ну, да пусть уже теперича вся-

кая мелкота сильна и чинна стала. Только я ему дурость-то и обиды его пособью. У меня случай есть въ новомъ фаворитѣ Зоричѣ. И ужь коли конѣшніе потентаты не изведутъ его, злого ласкудника, такъ я самъ, за его качествы, на него лихъ пойду и силой покорю подъ ноги сего супостата.... Такъ-то, милостивецъ мой и сосѣдъ! И вѣрь ты моему лейбъ-кампанскому слову.... Говорю я это и тебѣ и всякому не на вѣтеръ; кто моихъ властей не уважилъ, я того за рога. Послѣдніе дни, видно, приходятъ, и все тутъ!...

Не понравился лейбъ-кампанецъ Якову Евстафьевичу, и онъ уѣхалъ отъ него, повторяя про себя: „фанфаронъ, какъ есть, и знать презавистливый хвастунъ!“

Похвальбу свою лейбъ-кампанецъ, однако, вскорѣ выполнилъ дѣйствительно.

Только поссорился Увакинъ съ Рындинымъ, какъ оказалось послѣ, не за преострый пашквиль на „новое бабье царство“, а по другой причинѣ, и кровавая развязка этой ссоры надолго взволновала тихія захолустья по Богатой.

Настала весна 1778 года.

Яковъ Евстафьичъ въ этомъ году прибылъ въ хуторъ на Богатую ранѣе, такъ какъ сюда, въ концѣ апрѣля, ожидали прихода кулленныхъ подъ Тулой крестьянъ. Получивши письмо отъ довѣреннаго, что первый отрядъ переселенцевъ уже двинулся, онъ, оставя калмыцкую кибитку, помѣстился въ новомъ барскомъ домикѣ, выстроенномъ тутъ же на взгорьѣ надъ Богатой.

Это была въ полномъ смыслѣ дѣвственная роскошная степь, какими девяносто лѣтъ назадъ еще обладала тогдашняя Азовская губернія. Плугъ еще рѣдко взрывалъ ея тучную почву, а стада мериносовъ мало топтали ея дикіе цвѣты. Близь новаго поселка не было почти никакихъ дорогъ, кромѣ стариннаго чумацкаго тракта на Таганрогъ, проходившаго оттуда въ нѣсколькихъ верстахъ. На хуторѣ стало оживленнѣе. По ночамъ въ окна барскаго домика долетало звонкое ржаніе осьми жеребцовъ, сторожившихъ на свободѣ косяки своихъ кобылицъ. Тихія рѣченки Богатая, Богатѣнька и Лозовая протекали здѣсь среди густыхъ камышей, храня въ полноводныхъ плёсахъ множество рыбы и раковъ, а по толкимъ берегамъ неисчислимыя стада чаекъ, кроншнеповъ и дупелей.

Долина Богатой, у одного изъ лѣсовъ которой, на самородныхъ ключахъ, расположился новый хуторъ, отличалась особою чисто степною красотой. Одинъ берегъ рѣки упирался въ высокій зеленый горбъ, изрѣзанный красноглинистыми провальями и обрывами. Противоположный же берегъ представлялъ гладкую, какъ скатерть, сперва зеленую, а потомъ синѣющую равнину, надъ которою вдали, въ жаркій день, точно струи водъ, откуда-то протягивались и играли волнистыя марева, а въ облакахъ съ клектомъ кружили орлы, заставляя недавно закрѣпощенныхъ украинцевъ, работниковъ прадѣда, со вздохомъ слѣдить за ихъ вольнымъ полетомъ и задумываться надъ недалекимъ временемъ, когда ихъ отцы и дѣды такими же орлами носились надъ этими пустырями.

Девятилѣтній сынъ Якова Евстафьича, мой дѣдъ Иванъ Яковлевичъ, ходившій еще въ курточкѣ и воротничкахъ и взятый теперь отцомъ на Богатую, ясно помнилъ и эту весну и приходъ перваго отряда переселенцевъ, и любилъ объ этомъ въ послѣдствіи разказывать.

Къ началу мая были готовы всѣ избы и другія строенія для крестьянъ. Невдалекѣ же отъ небольшаго домика, потомъ обращеннаго въ кухню, стали строить изъ навезеннаго, сплавнаго днѣпровскаго лѣса большой липовый господскій домъ, а возлѣ, на утѣху барынѣ Аннѣ Петровнѣ, разбили и насадили садъ.

Иванушкѣ теперь была предоставлена полная свобода. И въ то время какъ учитель бесѣдовалъ съ Яковомъ Евстафьичемъ или читалъ *Утренній Свѣтъ* Новикова, Иванушка съ прикащикомъ Портянымъ, страстнымъ охотникомъ, урывался съ ружьемъ или съ дудочкой и съ сѣтью въ степь, или съ удочкой и съ острогой къ синимъ лесамъ рѣки.

Въ лѣсномъ круглячкѣ, у котораго вначалѣ была разбита кибитка прадѣда, Иванушка намѣтилъ старый высокій дубъ, а на его вершинѣ орлиное гнѣздо. Сперва онъ, тайкомъ и безъ провожатаго, бѣгалъ туда слѣдить за жизнью и кормленіемъ еще безпёрыхъ орлятъ, а потомъ сталъ просить Портянаго добыть ему и выносить для охоты орленка. Долго отнѣкивался прикащикъ. „И зачѣмъ вамъ, батюшка барченокъ, мучить вольную Божью тварь!“ Наконецъ, уступая настояніямъ барченка и не безъ опасности быть заклеванным освирѣпѣлою орлицей, Портяной взялъ ружье и ножъ и, выглядѣвши передвечерній отлетъ на добычу старыхъ орловъ,

полѣзъ ко гнѣзду. Долго Иванушка стоялъ внизу, замирая отъ волненія, ломая руки и прислушиваясь какъ въ тишинѣ лѣска, подъ руками и ногами Михайлы, трещали вѣтви дуба и сыпался мелкій сучникъ. Но вотъ Портяной добрался до орлинаго гнѣзда и затихъ.

— Что, Михайлушка? внѣ себя спросилъ снизу мальчикъ:— сколько ихъ? да говори же!

Михайло молчалъ.

— Ни одного! крикнулъ онъ со смѣхомъ:—проворонили! Всѣ разлетѣлись.... Вонъ желтоносые полырхиваютъ по верхамъ! За то погодите, молчите! опять отозвался сверху дуба Михайло:— слышите пѣсни? это наши переселенцы подходятъ. Отсюда видно ихъ какъ на ладони: много, много телѣгъ; идутъ и лѣшо; лыль клубомъ, дѣтей несутъ на рукахъ и пѣсни играютъ.... Бабы въ красныхъ паневахъ, мужики въ бѣлыхъ полстяныхъ шапкахъ.... Такъ и есть: наша арава! Пойдемте, барчукъ, имъ на встрѣчу...

И прикащикъ съ Иванушкой бѣгомъ пустились по полю.

Когда Иванушка подбѣжалъ къ передовой толпѣ переселенцевъ, и тѣ узнали кто онъ такой, старики и парни стали брать его на руки, ласкать и приговаривать: „соколъ ты нашъ! надежа наша и покровъ!“ а бабы тутъ же наклали ему за пазуху тульскихъ пряниковъ и глиняныхъ дѣтскихъ игрушекъ. А кто-то барченку подарилъ пойманнаго дорогой, мохнатаго и жирнаго сурка. Не доходя съ полверсты до усадьбы, переселенцы разбили таборъ, поставили возы кругомъ, загнали туда рогатину и лошадей, разложили костры и отрядили къ барину стариковъ.

— Что, ребята, притомились? Милости прошу на хлѣбъ на соль и на послушаніе! сказалъ Яковъ Евстафьичъ, выйдя къ нимъ въ сумерки на крыльцо:—жильё вамъ полажено, хлѣбъ посѣянъ, земли и воды вдоволь! Дѣдъ мой, коли слышали, Даниила Даниловичъ, населилъ два лѣсныхъ помѣстья; а я вотъ съ Богомъ населяю степное! Будете чливы да радѣтельны, подарю васъ въ награду женѣ моей, Аннѣ Петровнѣ Портяной! угости ихъ и распоряжайся....

Мужики поклонились въ землю, понурили головы и пошли. И съ утра таборъ сталъ размѣщаться по отведеннымъ ему дворамъ. Дня черезъ три съ поля, и опять подъ вечеръ, чуткій слухъ Портяного заслышалъ новыя пѣсни и скрипъ телѣгъ. Подошелъ и разбилъ костры другой отрядъ переселен-

цевъ. Къ концу же мая населился весь хуторъ; красныя панёвы и бѣлыя полстяныя шалки замелькали по полю, по рѣкѣ и по вновь окопаннымъ огородамъ; засверкали въ травѣ косы, зачернѣла новая лахоть, а по свѣже-натолтанной, широкой улицѣ посёлка загремѣли, не то отъ радости, не то отъ горя, еще болѣе дружно звонкія пѣсни дѣвокъ и парней, не прекращаясь отъ сумерокъ вплоть до раннихъ, навезенныхъ изъ-подъ Тулы пѣтуховъ.

Такъ населился новый хуторъ прадѣда на Богатой.

Въ то же лѣто Яковъ Евстафьичъ, наконецъ, рѣшился показать женѣ этотъ поседокъ и прибылъ сюда, какъ сказано въ его дневникѣ, 24го іюля, въ полночь, вмѣстѣ съ нею, съ Иванушкой и съ учителемъ.

Это былъ вторникъ. А въ четвергъ онъ объѣздилъ съ Ашенькой поля, луга и всѣ границы имѣнія, показалъ ей свѣженакошенные стоги сѣна, волны новаго жита и послѣвавшій клинъ великолѣпной пшеницы-бѣлотурки, и только-что усѣлся съ семьей за борщъ съ дикою уткой и за пироги съ перепелами, какъ подъѣхалъ гость, Калина Савичъ.

На этотъ разъ Уваkинъ, узнавши что сосѣдъ прибылъ не одинъ, а съ женой, да еще съ былою фрейлиной настоящей императрицы, — явился въ полной прежней преображенской формѣ, въ зеленомъ кафтанѣ и въ камзолѣ, въ лоясной лортулеѣ съ сумкой, въ шарфѣ черезъ плечо, съ откладнымъ воротникомъ, въ нѣсколько поѣденной молью треугольной лейбъ-камланской шапкѣ, въ штиблетахъ и въ башмакахъ. Сѣдые усы старика были густо нафабрены и вздернуты къ вискамъ, а въ рукѣ его была офицерская трость — эспантонъ.

Хозяйка, бывшая запросто по домашнему, но имѣвшая обычай строго придерживаться приличій свѣта, ушла и явилась опять за столъ въ бѣломъ матерчатомъ робронѣ, съ кружевами и лентами, не забывши налѣпить на щеки нѣсколько мушекъ, и, представленная мужемъ гостю, сдѣлала церемонный и, по всѣмъ правиламъ моды, поклонъ.

— Гдѣ изволили, матушка, сшить эту робу? началъ послѣ первыхъ привѣтствій съ учтивствомъ былаго щеголя, снимая огромныя перчатки, Уваkинъ.

— Къ генеральшѣ Херасковой въ Харьковъ посылала! зардѣвшись, отвѣтила Анна Петровна.

— Знатный вашъ городокъ Харьковъ, коли такія модныя швеи завелися. А почемъ дали за фалбары?

— Восемь рублевъ.

— Отмѣнно сшиты и къ лицу. Особенно сіи фестоны на лифѣ и сіи же отмѣнные на плечахъ буфики.

— За учтивствы благодарю! сказалъ и налилъ гостю наливки Яковъ Евстафьичъ.

Разговоръ перешелъ на хозяйство.

Увакинъ между прочимъ доложилъ что у нихъ въ околоткѣ что ни день, становится все хуже и хуже. Передалъ шепотомъ и озираясь что вездѣ стали отъ злыхъ навѣтчиковъ бѣжать крестьяне и что у него также сбѣжали, недѣлю назадъ, семь лучшихъ подданныхъ, и хотя трехъ изъ нихъ онъ лично поймалъ на воскресномъ базарѣ въ Бахмутѣ, заковалъ въ кандалы, привезъ обратно и посадилъ ихъ въ погребъ, но четверо остальныхъ все-таки безъ вѣсти пропали.

— Жаль ослушниковъ. Знатные были работники. И одна только теперь надежда у меня, матушка сударыня, это мой вѣрный Василецъ! прибавилъ Увакинъ:—все добро мое у него на рукахъ. И теперь вотъ, примѣромъ, я къ вамъ уѣхалъ, а онъ, я уже знаю, спустилъ собакъ и съ ружьемъ будетъ рабъ кругомъ усадьбы ходить, пока не обращуся вспять! Что дѣлать? Я вдовый, жениться полагаю поздно, хоть и скучно такъ-то одному, а все-таки жаль своего добра!

— Кого же вы боитесь, Калина Савичъ, спросила Анна Петровна, читавшая уже энциклопедистовъ, Гольбаха и Дюмарсе, и не любившая старческихъ жалобъ на новизну.—Вы, можно сказать, имперію спасли, а тутъ неспокойны и сумнительны.

— Ничего я, матушка, не сумнителенъ! Только мало ли злыхъ людей! Фармазоновъ все болѣе и болѣе разводится. Вотъ хоть бы и сосѣдъ мой Рындинъ.... Ну, да я ли до него не доберусь....

— Ахъ, всѣ-то вы, муцины, погляжу я, неважны таковы! рѣшила Анна Петровна,—сваритесь и грозитесь, а ничуть это не славно! Лучше бы жили въ миру. И какіе тутъ у насъ фармазоны?

— И то правда, Калина Савичъ! подтвердилъ хозяинъ:—бросьте вы этого Рындина, да разкажите намъ лучше что новаго?

— Вотъ, началъ Увакинъ,—какъ намедни гнался я за моими бѣглецами, прочиталъ я, доложу, у капитанъ-исправника листъ

вѣдомости петербургской, и въ этой вѣдомости прописано якобы на Невской перспективѣ нѣкій щеголь-гусаръ г. Волокитинъ раздавилъ рысаками нѣкую простую бабу, и потомъ якобы у насъ скоро опять быть войнѣ....

— Довольно съ насъ погрома и Емельки Пугачева, да хоть бы и походовъ Задунайскаго! съ сердцемъ отрѣзалъ Яковъ Евстафьичъ: повысосали съ насъ денежекъ! Пора бы намъ всласть отдохнуть....

— И еще въ той же вѣдомости, продолжалъ Увакинъ: изъ амстердамскихъ курантовъ прописываютъ якобы у Французскаго короля при дворѣ преставляли преотмѣнное итальянское дѣйствіе, именуемое пастораль, а потомъ его величество забавлялся машкарадой.

— Что вы мнѣ, Калина Савичъ, все про Французскаго короля, да про его машкараду! еще съ большею досадой перебилъ и даже закашлялся Яковъ Евстафьичъ: ваши же витязи милостивцы Шуваловы у насъ эту французскую дурость въ общую моду ввели. Я въ перепискѣ съ Трубецкими.... Дай-ка, Иванушка, письмо отъ князя Сергія, что мы привезли съ собою.

— Что же пишетъ князь Сергій?

— А вотъ прислушайте... „А у его дѣйствительства, у бывшаго гетмана Разумовскаго, давали презнатную комедію *La foire de Hizim*; такожде были у него оперы, и на тѣхъ операхъ дѣвки Итальянки и кастраты пѣли съ музыкой....“ Вотъ вамъ и бывшій гетманъ всея Украйны! кастратовъ слушаетъ! Тьфу! А еще римскими доблестями величаются. То ли дѣло здѣсь у насъ на Украйнѣ, по простотѣ! Не такъ ли, Калина Савичъ?

Увакинъ задумался и вздохнулъ.

— Мѣста, повторяю, здѣшнія хороши! отвѣтилъ онъ:—слова нѣтъ! Только, милостивый патронъ мой, повторяю вамъ, мало все-таки защиты намъ здѣсь отъ озорниковъ.... Того и гляди тебя изобидятъ!

„Ну, тебя обидишь!“ подумалъ Яковъ Евстафьичъ, „найдется такой человѣкъ!“

Послѣ обѣда гость и хозяинъ соснули, потомъ опять угощались наливкой и сластями. А вечеромъ Яковъ Евстафьичъ велѣлъ пригнать ко двору табунъ на показъ сосѣду.

— Смотрите вы у меня, повелительно сказалъ при этомъ Увакинъ табунщикамъ Якова Евстафьича,—межи вамъ указаны, а ходите вы инова и по моимъ владѣніямъ. Ой, бере-

гитесь, лютъ я, Калина, за свое добро! Разъ пригрожу, два, а тамъ и стрѣлять по васъ изъ винтовки стану, какъ раскочу, либо батогами до полужива задеру....

„Не стѣсняется его лейбъ-кампанское благородіе!“ подумалъ и покраснѣлъ отъ досады Яковъ Евстафьичъ. „Сущій волкъ, волкомъ и умретъ. Ну да посмотримъ! И я тебя изловлю; овцы твои на водопой ко мнѣ на луга, слышно, перебѣгаютъ. Только я стрѣлять тебя не стану, а свяжу своими молодцами, да прямо въ судъ, хоть ты и чванишься что царство спасъ.“

Послѣ ужина хозяева заговорились съ гостемъ за полночь: Увакинъ собирался въ новооснованный Екатеринославъ, и Анна Петровна надавала ему порученій по дому: купить чаю, сахару и вина. Но едва собесѣдники разошлись по горницамъ и заснули, какъ отъ двора Увакина прискакалъ на взмыленномъ конѣ чуть живой отъ страха Василецъ и объявилъ въ окошко разбуженному Калинѣ Савичу, что на его усадьбу въ эту самую ночь напалъ съ неизвѣстными людьми Рындинъ и насильно выкралъ и увезъ къ себѣ во дворъ его рабыню, молодую и весьма смазливую ключницу Улиту.

Бѣшенству старика не было предѣловъ. Онъ выскочилъ на крыльцо въ одномъ бѣльѣ и прежде всего ухватилъ за горло и чуть не задавилъ вѣстника.

— Коня! заревѣлъ онъ,—коня! Какъ? Меня обидѣть? Гдѣ же были другіе молодцы? Гдѣ были, собаки? Ты, вражій сынъ, выдалъ и живъ? Меня, жалованнаго-то?...

И какъ буря онъ понесся сперва къ себѣ на хуторъ, побудилъ и созвалъ уцѣлѣвшихъ Пошехонцевъ, далъ имъ самопалы и топоры, посадилъ ихъ верхами на коней и съ разсвѣтомъ поскакалъ къ усадьбѣ Рындина. Однодворца, разумѣется, дома не засталъ, перевязалъ его небольшую дворню и съ четырехъ концовъ зажегъ его дворъ, овечьи загоны и хлѣбный токъ.

Вѣтеръ мигомъ разнесъ пожаръ, а Увакинъ до поздняго вечера, рыча какъ дикій вепрь, ходилъ и бѣгалъ кругомъ, подкладывая огонь тамъ гдѣ плохо горѣло. На другое же утро онъ опять явился сюда съ плугами и съ боронами, перепахалъ испепеленное дворище, изъ собственныхъ рукъ засѣялъ его гречихой и, заборонивши, отъѣхалъ во свояси.

— Пусть песій сынъ помнитъ меня, лейбъ-кампанца, до вѣка.

Песій сынъ, однако, тоже не дремалъ.

Онъ подалъ на Увакина въ судъ челобитную, отрекаясь

отъ похищенія Улиты, якобы волей отошедшей къ нему, и отыскивая съ обидчика тысячу рублей за убытки отъ поджога и за обиду.

Явилась полиція. Начался окрестный допросъ. Яковъ Евстафьичъ, втайнѣ радуясь грозѣ надъ самовластнымъ сосѣдомъ, который изъ-за личной ссоры выдавалъ въ доносѣ Рындина за франмасона, тѣмъ не менѣе навѣстилъ его, съ участіемъ сталъ совѣтовать ему помириться съ Рындинымъ и даже отпустилъ къ нему для писанія отвѣтовъ учителя Иванушки.

Но не таковъ былъ Калина Савичъ чтобы мириться со всякою мелкотой.

Вслѣдъ за началомъ розыска, видя что безуспѣшно бросаетъ чиновникамъ послѣдніе рубли, Уваkинъ черезъ Васильца провѣдалъ что Рындинъ съ его рабыней-бѣглянкой скрывается у попа, въ слободѣ Чунихиной, и рѣшился расплатиться съ нимъ дочиста.

Подъѣхалъ онъ въ сумерки верхомъ къ задамъ попова огорода, залегъ въ капустникѣ, у садоваго плетня, выждалъ, да собственноручно изъ винтовки, въ присутствіи похитителя, наповалъ и убилъ Улиту....

Слѣдствіе возгорѣлось съ новою силой. Власти переполошились. Дали знать даже знакомцу Уваkина губернатору, спрашивая какъ быть съ такимъ казусомъ со стороны столь важной особы, обитавшей въ ихъ губерніи? Но ни суду, ни губернатору не удалось изречь своего приговора надъ Уваkинымъ.

Улита была женой одного изъ тѣхъ трехъ бѣглецовъ которыхъ Калина Савичъ незадолго изловилъ и, несмотря на передряги по слѣдствію, продолжалъ держать въ кандалахъ въ подвалѣ.

Затворники отбили кандалы, вырвались ночью изъ подвала, взяли еще кое-кого изъ своихъ, вѣрнаго Васильца утопили въ колодцѣ, а лейбъ-кампанца, у котораго въ то время ночевалъ и опять сильно подгулялъ семинаристъ Григоревскій, стащили съ постели и сказали: „Ну, господине, теперь и тебѣ разчетъ!“

И какъ Уваkинъ ни молилъ ихъ и ни клялся даже въ ноги, вынимая изъ сундука какія-то бумаги и крича о помощи въ окно и обѣщая всѣхъ выпустить на волю, отдать имъ все добро и отъѣхать въ невѣдомыя земли; Пошехонцы

вытащили его изъ комнатъ и повѣсили, въ полной формѣ, на его любимой и имъ же нѣкогда посаженной грушѣ, а сами, связавши полумертваго отъ страха учителя, разбѣжались.

И хотя, по словамъ дневника прадѣдушки, „сей неподобной афронтъ“ отъ подданныхъ былъ содѣянъ лейбъ-кампанцу „по его же квалитету и по бездѣльнымъ и противнымъ онаго же постулкамъ,“ тѣмъ не менѣе Яковъ Евстафьичъ, вспоминая ли собственныя волокитныя прегрѣшенія продъ Анной Петровной, или въ самомъ дѣлѣ жалѣя сосѣда, тогда же разлюбилъ новый хуторъ на Богатой и болѣе въ немъ никогда не бывалъ.

А за полчаса до кончины, умирая отъ чахотки и удивившись что не видитъ свѣчи и не слышитъ болѣе любимыхъ сверчковъ, понялъ что приходитъ смерть, не безъ чувства простился съ женой и съ семнадцатилѣтнимъ сыномъ и затѣмъ первую выслалъ изъ комнаты, а второму сказалъ слѣдующее: „Берегись ложныхъ друзей и тяжебъ, а такожде смѣлыхъ прожектистовъ, охотниковъ до дворскихъ и всякихъ перемѣнъ. Красивыхъ же женщинъ берегись и удаляйся луще всего. Ихъ аллiянцъ не радость, а лагуба, тлѣнъ и залустѣніе души!“

Г. ДАНИЛЕВСКІЙ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О

СЕРБСКОМЪ ДУХОВЕНСТВѢ*

Прежніе священники сербскіе, до основанія семинаріи въ Бѣлградѣ, получали образованіе главнымъ образомъ въ монастыряхъ. ** Не высоко было это образованіе, но народъ и до сихъ поръ съ любовью и уваженіемъ вспоминаетъ о старыхъ попахъ своихъ, и до сихъ поръ онъ любитъ разказывать „какъ старые попы со святой водой ходили, какъ въ теченіи нѣсколькихъ дней постомъ переходили они изъ села въ село для наставленія и исповѣди народа, какъ при этомъ носили съ собой книги *старославныя* и разказывали по нимъ что должно быть при концѣ міра, что спасаетъ и что судитъ человѣческія души и какъ нужно молиться Богу.“ „Я какъ сейчасъ помню, приводится въ газетѣ *Пастир* разказъ одного пожилаго человѣка о старыхъ попахъ, какъ пришелъ въ нашъ домъ въ первый разъ попъ Нѣша, чтобы переночевать у насъ

* Пособіями для составленія статьи служили: 1) газета *Пастир*, издаваемая въ Бѣлградѣ съ 1868; 2) *Реформе у Сербіи* 1860; 3) *О нашемъ свештенству* у Бѣлграду 1861; 4) *Црква и друштва*, у Новомъ Саду, 1861; 5) *Сербия и нъено свештенство*, у Бѣлграду, 1863

** См. нашу статью *О Бѣлградской семинаріи*, въ № 11 *Русскаго Вѣстника* 1870.

и на утро исповѣдывать въ нашемъ селѣ. Онъ не хотѣлъ съ вечера лечь спать, не научивъ предварительно меня и всѣхъ домашнихъ какъ нужно правильно креститься и выговаривать: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Когда соединялъ у „насъ три перста на рукѣ, говорилъ: „три перста значитъ у „насъ Св. Троица; а что они соединяются, это значитъ что „всѣ три лица Св. Троицы—одной славы.“ Разказывалъ онъ намъ много и о жизни многихъ знаменитыхъ святыхъ, и почему въ одни дни работаютъ, въ другіе—нѣтъ; затѣмъ говорилъ намъ чтобы мы всю нашу заботу обратили на чистоту душевную и тѣлесную. „Не всякій, говорилъ онъ, можетъ быть „богатъ, но всякій можетъ быть честенъ, а честный человѣкъ „не умретъ съ голоду; не всякій можетъ имѣть дорогую одеж„ду, но всякій можетъ имѣть одежду чистую и опрятную.“ Народъ этихъ поповъ слушалъ и внималъ въ то что они ему говорили, ибо въ нихъ самихъ прежде всего видѣлъ образецъ честности, трудолюбія и заботливости о народномъ благѣ.

Многіе изъ священниковъ ходили вмѣстѣ съ народомъ на боевое поле, участвовали въ ратныхъ подвигахъ народа за освобожденіе отечества; здѣсь было новое побужденіе народу любить и уважать поповъ своихъ. „Между священствомъ и народомъ было полное согласіе. По самому образу жизни священники мало отличались отъ народа: попъ точно такъ же занимался хлѣбопашествомъ какъ и прихожане, и самая одежда его ничѣмъ не отличалась отъ одежды народа.“ „И намъ еще приходилось въ дѣтствѣ видѣть, говоритъ авторъ одной статьи въ названной газетѣ *Пастир*, какъ зимой нѣкоторые старые попы носили „чакширъ“, „турчу“ и „шубаръ“ на головѣ, а лѣтомъ красные „доколѣнцы“, „кошулью“ и „феску“,* и это нисколько не было зазорно въ глазахъ нашего народа. Ему мало было нужды до того какую одежду носитъ попъ, когда онъ былъ увѣренъ что попъ честный и старательный человѣкъ, что умѣетъ растолковать каждому чему научился онъ въ монастырскихъ *глубокихъ* книгахъ.“

Что касается способовъ содержанія, то народъ въ прежнее время не давалъ попамъ за труды по какой-нибудь сверху учрежденной таксѣ, и попы не усиливались просить отъ своихъ прихожанъ больше. Давалъ Богъ народу, а народъ отъ всей души давалъ своему священнику. Нужно замѣтить что

* То-есть, носили то же самое что и простой народъ.

и численность приходовъ весьма благопріятствовала безбѣдному существованію духовенства. По меньшей мѣрѣ въ приходѣ было отъ 300 до 400 домовъ, а случалось и по 600.

При такихъ условіяхъ священники, особенно если взять еще во вниманіе не широкія потребности ихъ въ прежнее время, могли, безъ сомнѣнія, жить въ довольствѣ, не имѣя нужды пускаться въ какія-либо сторонніе занятія, несоотвѣтственныя ихъ званію.

Нельзя сказать чтобъ и теперешнее священство порвало связь съ народомъ. Священство по крайней мѣрѣ и до сихъ поръ совершенно чуждо въ Сербіи кастическаго характера. Духовенство сербское — чисто народное. Всякій, какого бы званія онъ ни былъ, можетъ изучать духовныя науки и сдѣлаться священникомъ. Отсюда и пословица въ народѣ: „попъ родилъ ковача, а ковачъ—попа“. Эту пословицу народъ сложилъ тогда когда онъ смотрѣлъ еще презрительно на занятія кузнеца (теперь не такъ), и кромѣ Цыганъ мало было охотниковъ заниматься этимъ ремесломъ. Означенною пословицей народъ выражалъ такимъ образомъ мысль что родовыя заслуги сами по себѣ ничего не значатъ, а важны заслуги личныя. Хочетъ кто учиться и трудиться, никакой нѣтъ помѣхи чтобъ отъ ковача дошелъ онъ до попа; не хочетъ учиться и трудиться,—пусть и попъ родилъ его,—можетъ попасть въ ковачи. Изъ этого же отсутствія кастичности въ сербскомъ духовенствѣ происходитъ и то что прежде поступленія въ „богословію“ (въ семинарію), сербскіе юноши должны пройти четыре класса гимназіи, чтобы не отстать имъ издѣтства отъ народа и народныхъ обычаевъ, и не быть такимъ образомъ по выходѣ изъ богословіи чуждыми для своего народа.

Въ Сербіи священникъ такой же гражданинъ, такой же „становникъ“ того или другаго села или города, какъ и всѣ его прихожане. Поэтому онъ и не идетъ къ прихожанину только тогда когда его позовутъ для совершенія какой-либо требы, онъ идетъ къ нему и безъ приглашенія, какъ сосѣдъ къ сосѣду, пріятель къ пріятелю, другъ къ другу, онъ бываетъ вмѣстѣ съ прихожанами и на крестинахъ, и на свадьбахъ, и на славѣ, * и на похоронахъ; онъ не боится переночевать у

* „Слава“, это фамильный праздникъ въ честь святаго патрона дома. У насъ каждый празднуетъ особо день своего ангела. Въ Сербіи вся семья имѣетъ одного патрона. Имя патрона есть, по выраженію Сербовъ, „крестное имя для всей фамиліи“. Такое значеніе

кого-либо изъ прихожанъ, не стѣсняется быть прихожанину кумомъ, старымъ сватомъ,* лѣть и вообще веселиться съ ними. Въ свою очередь и онъ готовъ при всякомъ случаѣ лозвать къ себѣ кого-либо изъ прихожанъ своихъ чтобы раздѣлить съ нимъ радости или какія занятія.

И по одеждѣ до сихъ поръ еще не всѣ попы, по крайней мѣрѣ въ селахъ, отличаются отъ прихожанъ своихъ. То же отчасти нужно сказать и объ образѣ ихъ жизни. Они ѣздятъ на коняхъ, носятъ оружіе, не считаютъ зазорнымъ бывать въ трактирахъ, гостиницахъ и даже въ театрѣ; а равно и со стороны не приходитъ кому-либо на мысль осуждать ихъ за это; „ибо по этому случаю, замѣчаетъ *Пастир*, попъ не монахъ, чтобъ отречься ему отъ всего что позволительно для остальныхъ честныхъ христіанъ.“

Кромѣ частныхъ собраній въ своемъ приходѣ, священники сербскіе участвуютъ и въ другихъ, бо́льшихъ и важнѣйшихъ собраніяхъ государственныхъ, бываютъ выборными отъ своихъ общинъ, на скупщинахъ, на которыхъ рѣшаются государственные вопросы.

Нравственной связи священства съ народомъ помогаетъ въ значительной степени и то обстоятельство что оно, почти безъ исключенія, осѣдло, не переходитъ съ одного мѣста на другое; зная что на одномъ мѣстѣ, въ одномъ приходѣ ему нужно жить до своей смерти, священникъ устрояетъ для себя, по своему вкусу, домъ и другія зданія, покупаетъ, если въ состояніи, нивы, луга и другія угодья ** и такимъ образомъ, сдѣлавшись обыкновеннымъ членомъ извѣстнаго села или общины, дѣлитъ съ ними всѣ ихъ радости и невзгоды, борется за права ихъ, заботится объ общемъ благосостояніи. Онъ хорошо знаетъ мѣстные обычаи и личныя качества каждаго изъ сво-

---

у Сербовъ имѣютъ главнымъ образомъ святые: Николай Чудотворецъ (Никола), Іоаннъ Креститель, Архангелъ Михаилъ. Къ празднованію фамильнаго патрона обыкновенно заранѣе приглашаются всѣ родные и близкіе знакомые дома. Главную роль въ религіозной части праздника играетъ рѣзаніе священникомъ, и затѣмъ преломленіе имъ же, вмѣстѣ съ главой семейства, хлѣба, приготовленнаго для праздника, что на языкѣ Сербовъ называется „рѣзаніе“ или „сѣченіе колача“.

* Старый сватъ соотвѣтствуетъ нашему простонародному „дружко“.

** Сербское духовенство совершенно не имѣетъ никакого надѣла землею.

ихъ прихожанъ, что конечно, само въ себѣ, составляетъ весьма благопріятное условіе для того чтобъ имѣть ему широкое вліяніе на паству. По большей части бываетъ даже, въ силу древняго обычая, что священники поставляются на приходы въ тѣ именно мѣста откуда они родомъ, гдѣ у нихъ есть родительскіе дома и наслѣдство, или покрайней мѣрѣ по близости этихъ мѣстъ: это обстоятельство, безъ сомнѣнія, еще болѣе скрѣпляетъ связь ихъ съ прихожанами.

Итакъ, повторяемъ, сербское духовенство и теперь, какъ и прежде, чуждо кастическаго духа; но условія жизни, въ какихъ оно находится теперь сравнительно съ тѣми въ какихъ были прежніе священники, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя отношенія къ народу много измѣнились.

Съ 1853 года источниками содержанія для духовенства служатъ: а) плата за совершеніе требъ по установленной правительствомъ таксѣ; б) такъ-называемый *бира*, поборы натурой, также въ количествѣ установленномъ отъ правительства. Архіереи имѣютъ отъ правительства жалованье, именно: митрополитъ 6.000 фл. (5.000 р.), епископы по 3.000 фл. (2.500 р.), но кромѣ этого, въ видѣ субсидій къ жалованью, имѣютъ право брать, по положенію, за рукоположеніе 50 піастровъ, за ставленную грамоту столько же, за освященіе церкви, когда епископъ лично совершаетъ его—100 піастровъ, за освященіе антиминса 12 піастровъ. Всѣ остальные поборы, перешедшіе въ Сербскую церковь изъ Константинопольской, съ 1822 года прекращены. Эти источники содержанія съ каждымъ разомъ оказываются болѣе и болѣе недостаточными, не потому только, что, послѣ 1853 года, потребности народа вообще возросли и, сообразно съ этимъ, цѣнность денегъ понизилась, но и потому что въ силу этой же впрочемъ причины, источники эти не даютъ священникамъ всего что они должны бы давать по закону.

Въ настоящее время священникамъ было бы затруднительно жить еслибъ они получали и сполна все что слѣдуетъ имъ по положенію 53 года, а между тѣмъ это положеніе далеко не выполняется во всей точности. Дающая рука народа замѣтно оскудѣваетъ. Названная нами сербская газета наполнена жалобами на необезпеченное состояніе духовенства. Вотъ какъ, напримѣръ, въ одной изъ статей, помѣщенной въ ней, описывается сборъ *бира:* „По селамъ *бира* обыкновенно собирается въ Митровъ день и Рождественскій постъ.

По установленію, общинная власть безъ участія священника собираетъ *биръ* отъ всякой головы и шлетъ ему на домъ; но можетъ ли быть гарантированъ священникъ что ему соберутъ *биръ* въ должномъ количествѣ и удовлетворительномъ качествѣ безъ его собственнаго старанія?... Не бываетъ ли часто ему настоятельная нужда ходить изъ дома въ домъ при этомъ сборѣ? Да можетъ ли и тогда онъ съ веселымъ сердцемъ дѣлать свое дѣло? Когда годъ бываетъ урожайный, тогда ему, слова нѣтъ, даютъ все по положенію, а нѣкоторые изъ наиболѣе благочестивыхъ, пожалуй, даютъ и сверхъ положеннаго, хотя, съ другой стороны, нужно сказать, и въ это урожайное время бываютъ такіе прихожане которые сбываютъ своему священнику жито похуже, а когда онъ замѣтитъ имъ это, то говорятъ: „нѣтъ лучше.“ Что дѣлать въ такомъ случаѣ священнику? Не дѣлать же ему обыска для ловѣрки словъ прихожанина что нѣтъ у него лучшаго жита. Это было бы несообразно съ достоинствомъ священника. А что сказать о неурожайномъ годѣ? Положеніе священника тогда поистинѣ плачевно. Идетъ, напримѣръ, священникъ за *биромъ*. Кметъ (старшина) созываетъ народъ и проситъ чтобъ онъ далъ должное своему священнику. Кто въ состояніи, даетъ или платитъ деньгами. А что говоритъ бѣдный? „Нѣтъ у меня! Знаешь самъ, попъ, что я сумой кормлю и себя и дѣтей....“

Такимъ образомъ священнику значится извѣстный доходъ отъ *бира*, и обыкновенно говорятъ: „довольно, довольно ему!“ ибо на 300 „порезскихъ“ (платящихъ подати) душъ ему приходится 3.600 окъ * жита. Куда жь ему больше?

А между тѣмъ не хотятъ знать что этому бѣдняку цѣлая половина остается недоплаченною. Въ силу такого положенія дѣлъ, у сербскихъ священниковъ постоянно выходятъ непріятныя столкновенія съ прихожанами. Изъ донесенія коммиссіи 1859 года видно что нѣкоторые изъ поповъ прямо отказывались совершать требы, отвѣчая безъ всякой церемоніи тому или другому изъ приглашающихъ: „Не пойду, заплати прежде старое, вотъ ужь двадцать лѣтъ какъ не платишь за требы.“

Средство выйти изъ своего необезпеченнаго положенія ду-

* Oko—3 фунта.

ховенство, говоря вообще, видитъ одно—жалованье, или, употребляя выраженіе самихъ Сербовъ, *плату* * отъ правительства. Объ этомъ постоянно и настойчиво вопіетъ сербское духовенство къ правительству. Вотъ образцы его просьбъ по этому предмету.

Въ просьбѣ поданной 1858 года 25го іюля „высокославному совѣту княжества Сербіи“ за подписомъ 25 священниковъ сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Всѣ должностныя лица получаютъ отъ правительства помѣсячно опредѣленную плату, только священники должны просить и получать плату какъ милостыню отъ народа, за что народъ же и злословитъ ихъ. Отсюда-то и происходитъ что не имѣютъ ни малѣйшаго желанія поступать въ званіе священника тѣ которые приготовляются къ нему на правительственный счетъ въ Россіи, ибо естественно предпочесть нищенской жизни священника 400—500 и 600 талеровъ годичной платы въ мірскомъ званіи.

„Что священство находится у насъ въ такомъ жалкомъ положеніи, въ этомъ поистинѣ вина правительства отъ начала Карагеоргіева времени, когда Сербія стала стремиться къ свободѣ которою теперь мы пользуемся. Священство осталось позади другихъ должностныхъ лицъ относительно награды, такъ какъ бо оно слабо за свободу боролось или плохо заботилось о спасеніи своего словеснаго стада, или допускало искаженіе народной вѣры и языка.... Ничего подобнаго на дѣлѣ однакожь не было. Священство, напротивъ, только и держало народъ въ вѣрѣ и законѣ; оно также храбро за свободу и народность боролось и словомъ и дѣломъ, оно одно съ народомъ и было при народѣ когда всѣ мірскіе старѣйшины, въ новое уже время, отъ турецкаго страха бѣжали въ Австрію. Священство дѣлило съ народомъ и счастье и несчастье; много вынесло оно отъ Турокъ: священниковъ били и убивали, сажали на колъ, сѣкли, давили и отдавали въ рабство, они скрывались днемъ, пробирались съ шубаромъ на головѣ по околицамъ, откуда и произошла существующая у насъ поговорка: „поповская тропинка“ („поповско путанѣ“). Священники въ то лютое для народа время были и наставниками, и

* Сербы знающіе русскій языкъ, по крайней мѣрѣ могу сказать о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ съ которыми приходилось мнѣ встрѣчаться, не любятъ слово *жалованье*, находя его несообразнымъ съ понятіемъ о *правѣ* трудящагося на вознагражденіе.

учителями, и крестителями, и утѣшителями, судьями и правителями.

„Безъ священника изъ Буковика, какъ извѣстно, не могъ бы возстать на Турокъ и государь Георгій, безъ священниковъ Матвея Ненадовича и Хаджи-Суфима, равно и многихъ другихъ, не могъ бы воевать и Карагеоргіевичъ, безъ священника не могъ бы возстать на Турокъ и князь Милошъ Обреновичъ. Архимандритъ Мелентій, въ послѣдствіи митрополитъ сербскій, былъ ему храбрымъ и искреннимъ помощникомъ; священники крестили и вѣнчали на дому, въ полѣ, въ горахъ, долинахъ, у ліней, подъ липами и орѣшниками, подъ бѣлымъ и чернымъ боярышникомъ *; не знали они опредѣленныхъ часовъ для своихъ занятій, днемъ и ночью постоянно были въ трудѣ, только бы поддержать законъ и вѣру и помочь достиженію свободы.

„Теперь, когда съ помощію Божіею достигнута эта свобода, началось у насъ внутреннее устройство, явились у насъ разныя служебныя должности и опредѣленная плата должностнымъ лицамъ. Это устройство страны совершается свѣтскими лицами, а потому они и позаботились только о себѣ, а священниковъ совсѣмъ забыли. Пусть де содержатся такъ какъ содержались въ то время когда они носили шубары на головахъ и ходили въ рубашкахъ и портахъ, крестили и вѣнчали въ поляхъ и ущельяхъ, и когда не было ни науки, ни порядка, ни свободы.

„Вотъ причины почему священство наше не имѣетъ опредѣленной платы, что оно плохо образовано и подвергается нареканію, чему не мало способствовало и то обстоятельство что около 1863 года заведены при церквахъ протоколы крещаемыхъ, вѣнчаемыхъ и умирающихъ. Съ этого времени стали при церквахъ и монастыряхъ составляться и провѣряться отчеты, стали давать кому слѣдуетъ выписки изъ протокола, стали дѣлать желающимъ вступить въ брачную жизнь „испытъ“ ** и прежде вѣнчанія троекратно оглашать имена ихъ въ церкви, стали брать за протоіерейскую печать *** два

* Crataegus.

** Обрядъ предшествующій бракосочетанію и состоящій, между прочимъ, въ *испытаніи* священникомъ намѣревающихся вступить въ брачную жизнь, дѣйствительно ли они имѣютъ къ тому доброе произволеніе, откуда и самое названіе *испытъ*.

*** Протоіерей въ Сербіи соотвѣтствуетъ нашему благочинному.

цванцига, * требовать медицинскаго свидѣтельства о прививаніи оспы и запрещать хоронить мертвецовъ прежде 24 часовъ, стали запрещать вдовицамъ и „лущевицамъ“ (разведшимся), прежде 6—9 мѣсяцевъ выходить замужъ, а молодымъ людямъ и дѣвицамъ прежде 17 и 15 лѣтъ вступать въ бракъ.

„Все это простому народу казалось измышленіемъ, затѣями священства, особенно когда и мірскіе и чиновники поддерживали его въ этомъ мнѣніи, и вотъ народъ сталъ говорить: „Эти новые попы-богословы выдумали какія-то свои книги, „въ старыхъ книгахъ не было писано того что они теперь дѣ„лаютъ.“ Вотъ почему духовенство подвергается нареканію отъ народа. Народъ не знаетъ откуда идутъ всѣ эти распоряженія, онъ думаетъ что все это выдумало духовенство чтобы больше получать денегъ, и дѣйствительно, таить нечего, есть довольно священниковъ которые за взятки хоронятъ прежде 24 часовъ, вѣнчаютъ безъ троекратнаго оглашенія и ранѣе узаконеннаго возраста, но всѣ эти неурядицы находятъ себѣ объясненіе опять-таки въ томъ же способѣ какимъ содержится у насъ духовенство.

„Священство Крагуевацкаго округа (такъ заключаютъ свою просьбу подписавшіеся) нижайше просятъ высокославное правительство позаботиться о назначеніи опредѣленной и достаточной платы; тогда оно не будетъ вести спорные счеты съ народомъ и высокообразованные не будутъ удаляться отъ священническаго званія.“

Подобную же просьбу, въ томъ же 1858 году, представило на Свято-Андреевской скупщинѣ все сербское духовенство, чрезъ своихъ представителей. Изложивъ подобнымъ же образомъ заслуги духовенства для народа, въ бѣдственное для послѣдняго время и указавъ на несообразность съ этими заслугами настоящаго необезпеченнаго состоянія духовенства, просители заключаютъ: „Великая нужда гнетъ духовенство, ибо „живая душа много проситъ, а приходъ столько не даетъ.“ Не бываетъ ли священникъ вынужденъ горькою необходимостію жаловаться властямъ на то что не даютъ ему положенный *бирз*, или не платятъ за священнодѣйствія? Не бываетъ

Протоіерейская печать означаетъ письменное удостовѣреніе отъ протоіерея что нѣтъ препятствій тому или другому лицу ко вступленію въ бракъ.

* Цванцигъ—20 коп.

онъ вынужденъ просить *бира* и платы за священнодѣйствія и отъ сирыхъ вдовъ, оставшихся съ малыми дѣтьми? Представьте же теперь, любезные братья (обращеніе къ скупщинѣ), какъ было бы хорошо и утѣшительно, еслибы всему духовенству была положена опредѣленная годичная плата, еслибы напримѣръ окружные архіереи имѣли плату равную платѣ предсѣдателя окружныхъ судовъ, городскіе священники — равную платѣ членовъ окружныхъ судовъ, а сельскіе имѣли бы надѣлъ земли, точно также и монастырямъ дана была бы плата, большимъ по 600, а меньшимъ по 400 талеровъ. * Представьте какъ было бы пріятно нашему народу, когда бы онъ услышалъ: „Отселѣ вы не будете платить ни монастырямъ, ни мірскимъ священникамъ, ни за крещенье, ни за вѣнчанье, ни за отпѣваніе ни за три парастоса ** въ году, ни за водоосвященіе „на славѣ“. Духовенство со всею охотой отправляло бы тогда свою должность, зная что оно имѣетъ за то приличное вознагражденіе, кончились бы тогда всѣ споры и тяжбы у прихожанъ съ священниками, и была бы между ними та святая любовь какую заповѣдалъ въ Евангеліи Іисусъ Христосъ и о водвореніи которой мы молимъ васъ во имя цѣлаго духовенства.

Въ слѣдующемъ 1859 году митрополитъ Сербіи Михаилъ представилъ князю и соображеніе касательно способа улучшенія быта духовенства, посредствомъ опредѣленной годичной платы.... Именно, по его вычисленію выходитъ что при теперешнемъ способѣ содержанія духовенства, на долю каждаго платящаго подати Серба падаетъ круглымъ числомъ въ уплату за разныя священнодѣйствія, совершаемыя священникомъ, пять цванциговъ въ годъ. А для опредѣленной годичной платы, которая обезпечила бы безбѣдное существованіе духовенства, полагая:

а) На 17 окружныхъ протоіереевъ по 200 талеровъ — 3.400 талеровъ.

б) На 700 священниковъ (включая сюда и протоіереевъ какъ приходскихъ священниковъ) *** 210.000 талеровъ, нужно

* Монастырскія церкви въ Сербіи въ то же время и приходскія церкви, и монахи также исполняютъ по селамъ всѣ требы, какъ и приходскіе священники.

** Великія, торжественно совершаемыя панихиды.

*** Въ проектѣ митрополита Михаила протоіереямъ назначается такимъ образомъ 300 талеровъ годичной платы наравнѣ съ другими приходскими священниками и 200 тал. собственно за протоіерейство

было бы чтобы каждый изъ таковыхъ Сербовъ платилъ по 6 цванциговъ въ годъ.

При такой годичной платѣ духовенство должно бы совершать, уже не требуя вознагражденія отъ прихожанъ, все что необходимо для православнаго христіанина, какъ-то: а) крещеніе; б) сороковую молитву родильницѣ; в) испытъ; г) печать; д) вѣнчаніе; е) отпѣваніе и провожаніе тѣла покойника; ж) поминовеніе въ родительскія недѣли; з) четыре „водицы" въ посты (кропленіе святою водой), также водица „о крестномъ имени" съ рѣзаніемъ калача, * и Богоявленская.

Платили бы только прихожане за молитвы надъ больными, особыя мѣсячныя водицы, чтеніе надъ мертвымъ и провожаніе покойника не приходскими священниками.

„Когда возьмемъ во вниманіе, говоритъ митрополитъ, что при этомъ новомъ способѣ содержанія духовенства, не было бы болѣе попрошайства (просячена) и непріятностей для духовенства при сбираніи *бира* и платы за священнодѣйствія, и что только такимъ образомъ могъ бы быть устраненъ поводъ къ раздорамъ между народомъ и священниками, когда подумаемъ что священство, имѣя обезпеченіе, не будетъ имѣть нужды заниматься (какъ теперь дѣлаетъ) черными работами и охотнѣе и цѣльнѣе можетъ отдаться обязанностямъ своего служенія; когда подумаемъ что въ священническое званіе, само по себѣ столь важное, при матеріальномъ обезпеченіи священниковъ опредѣленною платой, будутъ поступать лица съ лучшими дарованіями, и что это несомнѣнно будетъ имѣть огромное значеніе для церкви, правительства и народа, когда, говоримъ, взвѣсимъ все это, то должны будемъ признаться что въ виду такой цѣли, подлинно не велика будетъ отъ народа денежная жертва, которая только пятью гротами на каждую голову будетъ превышать настоящую плату.

„Никакъ нельзя бояться того что священники, когда будутъ получать опредѣленную плату, не будутъ какъ слѣдуетъ исполнять своихъ обязанностей, ибо таковыхъ строго судитъ законъ, и духовная власть будетъ внимательно наблюдать за тѣмъ чтобы всякій нерадивый въ исполненіи своей священнической должности былъ наказываемъ сообразно со своею виной, какъ это бываетъ и съ неисправными по службѣ чи-

* См. выше примѣчаніе о праздникѣ „Слава."

новниками. Но мы скорѣе расположены думать что при бо́льшемъ обезпеченіи, священство наше ревностнѣе будетъ исполнять свои обязанности.... Къ сказанному считаемъ не лишнимъ присовокупить еще слѣдующее: когда въ отечествѣ нашемъ еще не было никакихъ другихъ званій кромѣ земледѣльческаго, священническій чинъ существовалъ уже изначала. Сербскіе священники стараго времени, хотя и простые люди, но одушевленные крѣпкою вѣрой, оживляли ею и свою паству и тѣмъ не мало способствовали къ поддержанію праотеческой вѣры и сербской народности. Въ настоящее время, благодареніе Богу, у насъ много разныхъ чиновъ и всѣ они, по достаткамъ страны, достаточно обезпечены. Грѣхъ былъ бы отъ Бога и стыдъ отъ людей, еслибы при очевидномъ по разнымъ частямъ совершенствованіи нашего отечества и заботливости объ обезпеченіи всѣхъ чиновниковъ, одинъ священническій чинъ, столько послужившій отечеству, оставленъ былъ безъ всякаго вниманія."

Параллельно съ этимъ проектомъ улучшенія быта духовенства, идетъ въ Сербіи другое заявленіе не изъ среды духовенства и, какъ кажется, мало находящее себѣ сочувствія въ немъ, заявленіе о несообразности государственной платы священникамъ съ характеромъ самаго служенія священническаго. Заявленіе это въ сербской печати, сколько извѣстно мнѣ, сдѣлано однимъ г. Жуевичемъ, учившимся у насъ въ Россіи, по замѣчанію газеты *Пастир*, помѣстившей его на своихъ страницахъ, хотя и не согласной съ нимъ, оно раздѣляется и многими другими (почему и дано ему мѣсто въ газетѣ). Г. Жуевичъ находитъ нужнымъ сократить только число духовенства, замѣстить священническія мѣста лицами достойными, вступающими въ духовное званіе по призванію, для чего непремѣннымъ условіемъ полагаетъ, между прочимъ, то чтобы въ семинарію принимались только окончившіе полный курсъ гимназіи. * Касательно же платы отъ правительства онъ съ

* Вслѣдствіе того обстоятельства что въ Бѣлградскую семинарію обыкновенно поступаютъ не окончившіе курса, часто притомъ плохо успѣвающіе въ наукахъ и гонимые нуждой (см. замѣчаніе объ этомъ въ нашей статьѣ „Бѣлградская семинарія") гимназисты, многіе изъ воспитанниковъ семинаріи, по замѣчанію газеты *Пастир*, выходятъ какъ какіе-нибудь *полутани* (слово соотвѣтствующее нашему простонародному: „ни рыба ни мясо") которые не то богословы, не то свѣтскіе люди, сердце ихъ влечетъ къ одному, а положе-

рѣзкостію выражается: „Священники хотятъ быть чиновниками! Что общаго между церковью и канцеляріей? Между столомъ покрытымъ зеленымъ сукномъ и священною трапезой и плащаницей?“

Но этому заявленію само духовенство, какъ уже мы замѣтили, мало сочувствуетъ. Въ послѣдніе годы оно было въ напряженномъ ожиданіи, не разрѣшится ли этотъ вопросъ на скупщинѣ желаемымъ для него образомъ. Мы не имѣемъ свѣдѣній насколько подвинулось дѣло въ настоящее время, но кажется вопросъ все еще ждетъ рѣшенія.

То что составляло и можетъ-быть еще составляетъ *pium desiderium* сербскаго духовенства въ княжествѣ Сербскомъ достигнуто въ недавнее время духовенствомъ у Сербовъ австрійскихъ.... Но объ этомъ мы скажемъ нѣсколько словъ особо.

А. ЛЕБЕДЕВЪ.

ніе къ другому. Такимъ образомъ они и колеблются каждую минуту вѣтромъ въ ту и другую сторону, хромаютъ на оба колѣна: то они съ какимъ-нибудь прогрессистомъ хотятъ отречься отъ всего, даже отъ самаго неба, то, встрѣтившись съ какимъ-нибудь ретроградомъ, готовы изъ текстовъ Писанія доказывать какъ нельзя человѣческому обществу обойтись безъ деспотизма, безусловной покорности властямъ *не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ*; то готовы съ первымъ попавшимся гулякой есть поросенка постомъ, то съ какимъ-нибудь истымъ постникомъ готовы и въ простую середу ѣсть безъ масла. Отъ такихъ-то учениковъ, которыхъ неволя загоняетъ въ богословію, и происходитъ безпорядочность въ жизни нѣкоторыхъ священниковъ, которые своимъ поведеніемъ бросаютъ мрачную тѣнь на все священство.

НИНЕВІЯ И ВАВИЛОНЪ

ИЗЪ ЧТЕНІЙ ВАТТЕНБАХА.*

I.

Пророки Евреевъ изображаютъ въ самыхъ яркихъ краскахъ роскошь и пышность, гордость и непреодолимую силу древнихъ Ассиріянъ. По словамъ пророка Исаіи, они „не взалчутъ, ни утрудятся, ни воздремлютъ ни поспятъ, ни распояшутъ поясовъ своихъ отъ чреслъ своихъ, ниже расторгнутся ремени салоговъ ихъ: ихже стрѣлы остры суть и луцы ихъ напряжени, копыта коней ихъ яко твердъ камень вмѣнишася, колеса колесницъ ихъ яко буря. Ярятся яко львове, и предсташа яко львичища: и иметъ, и возоліетъ яко звѣрь, и извержетъ и не будетъ отъемлющаго ихъ. И возоліетъ ихъ ради въ той день, яко шумъ моря волнующася: и воззрятъ на землю, и се тма жестока въ недоумѣніи ихъ.“

Описаніе это не преувеличено,—ему соотвѣтствовалъ успѣхъ сопровождавшій всѣ дѣйствія Ассиріянъ. Царство Израильское пало предъ могуществомъ ихъ, столица сдѣлалась жертвой пламени и весь народъ уведенъ былъ въ плѣнъ.

Но и величію Ассиріянъ наступилъ конецъ. Пророкъ Софонія говоритъ: „И простретъ (Богъ) руку Свою на сѣверъ и погубитъ Ассиріянина, и положитъ Ниневію во исчезнове-

* Профессоръ въ Гейдельбергѣ.

ніе безводно, яко пустыню: и пожируютъ посредѣ ея стада, и вси звѣріе земніи, и хамелеоны, и ежеве во гнѣздахъ ея возгнѣздятся: и звѣріе возвыютъ въ разсѣлинахъ ея, и вранове во вратѣхъ ея, зане кедръ возношеніе ея. Сей градъ презорливый, живяй на улованіи, глаголяй въ сердцы своемъ: азъ есмь, и нѣсть ло мнѣ еще. Како бысть во исчезновеніе, лажить звѣремъ; всякъ мимо ходяй сквозѣ его позвиждетъ, и воздвигнетъ руцѣ свои".

Греки и Римляне также разказываютъ о величіи Ассиріи и о быстромъ паденіи этого царства. Они говорятъ о великихъ завоеваніяхъ Нина и его супруги Семирамиды, завоеваніяхъ распространявшихся на западѣ по всей Малой Азіи, на востокѣ же до Бактріи и Индіи. Погруженныя въ миѳическій полусвѣтъ, эти личности являются предъ нами въ какихъ-то нечеловѣческихъ размѣрахъ. Исторія ихъ—сплетеніе басенъ; боги древнихъ Ассиріянъ заступили мѣсто дѣйствительно существовавшихъ царей,—но могущество и величіе царства, блескъ Ниневіи, вотъ факты которые останутся несомнѣнными, хотя бы даже исчезла вѣра въ существованіе царственной четы. Подъ Нином и Семирамидой мы можемъ представить себѣ тѣхъ великихъ героевъ которые основали царство, воздвигли столицу, хотя, можетъ-быть, имена ихъ были и совсѣмъ иныя, и хотя бы даже поэтическое сказаніе своими прикрасами превратило простыхъ смертныхъ въ боголодобныя существа.

Но вслѣдъ за этими первыми основателями царства,—такъ повѣствуютъ далѣе древніе писатели,—преемники ихъ погрузились въ праздность и изнѣженность. Они жили въ тиши своихъ дворцовъ, и никто не смѣлъ ихъ видѣть. Однажды удалось Арбаку, правителю Мидіи, проникнуть внутрь дворца. Онъ засталъ царя сидящаго посреди своихъ женъ, наряженнаго въ женскую одежду и занятаго женскимъ рукодѣліемъ. То былъ Сарданапалъ, презреннѣйшій изъ всѣхъ царей, онъ же и послѣдній изъ нихъ, ибо негодованіе побудило Арбака къ возмущенію, Ниневія падаетъ послѣ долгой обороны; тогда Сарданапалъ вступаетъ на костеръ, окруженный своими женами и сокровищами, а съ ними вмѣстѣ погибаетъ и Ниневія.

Еврейскіе источники ни однимъ словомъ не упоминаютъ объ этихъ женоподобныхъ царяхъ, равно какъ и о Нинѣ и Семирамидѣ. Въ лѣтосчисленіи встрѣчаются еще бо́льшія

противорѣчія. По Ктезію, которому мы обязаны сохраненіемъ греческихъ сказаній объ Ассиріи, кончина Сарданапала совпадаемъ съ началомъ девятаго столѣтія до Р. Х., между тѣмъ какъ еврейскіе историки показываютъ намъ Ассирійское царство въ слѣдующемъ за симъ столѣтіи стоящимъ на высшей точкѣ своего могущества.

Эти противорѣчія казались необъяснимыми до послѣдняго времени. Никто не зналъ слѣдовало ли просто отвергнуть какъ ложь извѣстія сообщаемыя Ктезіемъ, или же допустить вторичное разрушеніе Ниневіи. Лишь одно было вполнѣ достовѣрно, это то, что Ниневія исчезла съ лица земли; никто не вѣдалъ гдѣ она прежде находилась. Никто не зналъ подробностей ассирійской исторіи, положенія и устройства державы, нравовъ, культуры, образа жизни народа.

Какъ все измѣнилось теперь! Если вы вступите въ обширныя залы Британскаго музея, этого послѣдняго пріюта стольких исчезнувшихъ племенъ, то васъ встрѣтятъ тѣ громадные крылатые быки и львы съ человѣческими головами которые сторожили когда-то входы ассирійскихъ царскихъ дворцовъ. Вы идете между двумя длинными рядами барельефовъ, изображающихъ царей во всемъ ихъ блескѣ, то во время похода во главѣ ихъ непобѣдимаго войска, то въ мирное время за веселымъ пиромъ, гдѣ они изъ полной чаши упиваются радостью и наслажденіемъ. Длинною вереницей слуги ведутъ богато разукрашенныхъ лошадей; другіе несутъ яства и питье, куропатокъ, зайцевъ, саранчу, нанизанную на длинные шесты. Плѣнные уводятся въ дальнія страны; униженно приближаются послы покоренныхъ народовъ, неся богатые дары. Въ парижскомъ Луврѣ вы встрѣчаете подобную же коллекцію, и снимки, въ большихъ и малыхъ размѣрахъ, даютъ возможность и вдали получить ясное понятіе объ этомъ древнемъ народѣ. Но даже и странныя письмена, сопровождающія снимки, уже не тайна болѣе, мы читаемъ лѣтописи древнихъ царей, мы понимаемъ донесенія о ихъ побѣдахъ, и исторія Ассирійскаго царства возсоздается изъ развалинъ ассирійскихъ дворцовъ.

Современная намъ наука одержала въ этомъ случаѣ побѣду, которая прочнѣе всѣхъ побѣдъ Тиглатъ-Пилезара и Салманасара. Къ разгадкѣ іероглифовъ присоединяется новое открытіе, еще болѣе чудесное. Древнее Египетское царство было намъ уже и прежде знакомо, почва Египта покрыта гро-

мадными памятниками, не безызвѣстными въ Европѣ, и даже самый смыслъ іероглифовъ поясняался указаніями старыхъ писателей. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій человѣческій разумъ занимался разрѣшеніемъ этой задачи. Здѣсь же напротивъ все ново; все безмятежно покоилось въ нѣдрахъ земли, пока наступилъ наконецъ часъ открытія. Но что̀ мы теперь видимъ предъ собою, было вполнѣ неизвѣстно Грекамъ и Римлянамъ.

Какъ интересно прослѣдить исторію этихъ открытій! Ровно столѣтіе прошло со времени появленія въ этихъ странахъ стараго Карстена Нибура, отца знаменитаго историка, человѣка смѣлаго, предпріимчиваго, путешественника достойнаго вѣры во всѣхъ своихъ сообщеніяхъ. Онъ посѣтилъ развалины Персеполиса и вернулся оттуда съ первыми точными свѣдѣніями о величественныхъ сооруженіяхъ древнихъ персидскихъ царей, Ахеменидовъ. Съ неимовѣрнымъ трудомъ и добросовѣстностью онъ срисовалъ непонятныя надписи, которыя лишь долгое время послѣ его смерти должны были принести столь блестящіе плоды. Нибуръ проникъ еще въ 1766 году до Багдада и Моссула, но еслибъ онъ даже и догадывался что окружающіе его курганы скрываютъ невѣдомыя сокровища, то было бы совершенно невозможно предпринять раскопки, прежде нежели европейское вліяніе тверже установилось въ этихъ странахъ. Здѣсь ничто не выдается на поверхность земли, какъ въ Египтѣ; всякое же изслѣдованіе встрѣчаетъ препятствіе въ зависти и жадности мѣстныхъ жителей и турецкой администраціи, которые не могутъ предположить никакой другой побудительной причины для раскопокъ, кромѣ надежды на матеріальную выгоду, на добываніе золота и серебра.

Лишь полстолѣтіе спустя обстоятельства сложились болѣе благопріятно. Англо-индійская компанія назначила въ качествѣ политическаго представителя въ Багдадѣ г-на Рича, который и велѣлъ производить раскопки въ Гилла близъ Багдада, на мѣстѣ прежняго Вавилона. Обломки надписей, кирпичи съ клеймами клинообразнаго письма, рѣзные цилиндрическіе камни появились на свѣтъ. Въ 1820 году г.Ричъ прибылъ въ Моссулъ, гдѣ ему разказали о какихъ-то странныхъ изваяніяхъ недавно выкопанныхъ. Все народонаселеніе стеклось чтобы поглядѣть на чудо, но улемы пояснили что это были идолы невѣрующихъ, и вслѣдствіе религіознаго рвенія,

статуи были уничтожены. Г-нъ Ричъ изслѣдовалъ курганы и нашелъ нѣсколько обломковъ, нечаянно обнаружившихся.

Развалины Ниневіи были найдены, но все не доставало средствъ для серіозныхъ изслѣдованій, и прошло двадцать лѣтъ, прежде нежели что-либо было сдѣлано по указанному пути.

Въ 1842 году французское правительство опредѣлило Эмиля Ботту, сына извѣстнаго италіянскаго историка, въ качествѣ консула въ Моссулѣ, и ему-то удались первыя значительныя открытія. Сначала его попытки были тщетны, пока однажды какой-то крестьянинъ сказалъ ему: „Вы ищите старыя стѣны и старые камни? Пріѣзжайте же въ Корсабадъ, гдѣ я живу; вы тамъ найдете ихъ сколько угодно.“ Крестьянинъ былъ правъ. Въ Корсабадѣ, часахъ въ четырехъ отъ Моссула, Ботта открылъ, въ 1843 году, первый ассирійскій дворецъ, дворецъ царя Саргона. Когда слухъ объ этомъ достигъ Парижа, французское правительство отпустило ему денегъ для произведенія раскопокъ, и въ то же время отрядило художника Евгенія Фландена чтобы срисовать открытые памятники. Это было тѣмъ болѣе необходимо что разрыхлѣвшія отъ огня алебастровыя плиты нередко распадались въ прахъ вскорѣ послѣ открытія ихъ. Кромѣ того часть добычи погибла во время переправы черезъ Тигръ, но рисунки Фландена были спасены и *Monuments de Niniveh*, изданные въ 1847 году Боттой и Фланденомъ въ пяти фоліантахъ, впервые познакомили свѣтъ съ ассирійскимъ искусствомъ. Въ то же время страны эти посѣтилъ Генри Лейярдъ, человѣкъ неутомимому усердію, рѣдкому умѣнью и дарованіямъ котораго мы обязаны величайшимъ успѣхомъ этихъ открытій. При видѣ французскихъ работъ, онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе произвести собственныя изслѣдованія въ этомъ богатомъ мірѣ развалинъ, до котораго коснулись лишь съ одной стороны и который представлялъ поле дѣйствій для столькихъ силъ. Его пламенному порыву удалось преодолѣть всѣ препятствія и получить чрезъ посредничество сэра-Стрэдфорда Каннинга, англійскаго посла въ Константинополѣ, средства и необходимое дипломатическое содѣйствіе, такъ что въ 1847 году онъ могъ приступить къ началу работъ, которыя повели къ такимъ блестящимъ результатамъ. Во время своего двухлѣтняго посѣщенія страны, онъ до 1850 года производилъ ра-

боты съ поразительною энергіей, большимъ умѣньемъ, не меньшимъ счастіемъ, и обогатилъ Британскій музей тою рѣдкою коллекціей, которая, благодаря позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, получила въ послѣдствіи значительныя дополненія.

Путевыя записки Лейярда отличаются необыкновенною живостью описаній, читатель всецѣло переносится на мѣсто дѣйствія и принимаетъ участіе во всѣхъ радостяхъ и страданіяхъ автора. Лейардъ умѣлъ мастерски обращаться съ мѣстнымъ населеніемъ; онъ въ высокой степени пользовался довѣріемъ и привязанностью туземцевъ, тѣмъ болѣе что благодаря своему вліянію на турецкое правительство, онъ могъ оказывать имъ значительныя благодѣянія. Его сочиненія весьма поучительны, не только благодаря сдѣланнымъ имъ открытіямъ, но и вслѣдствіе сообщаемыхъ имъ свѣдѣній о природѣ и свойствѣ страны, и настоящаго ея населенія.

Между людьми которые послѣ возвращенія Лейярда отличались на томъ же поприщѣ я упомяну только о полковникѣ сэръ-Генри Роллинсонѣ, который, бывъ генеральнымъ консуломъ въ Багдадѣ съ 1853 по 1855 годъ, производилъ раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ и сдѣлалъ снимки съ большаго числа весьма важныхъ надписей.

Съ своей стороны, французское правительство снарядило въ 1851 году, подъ начальствомъ Фюльжанса Френеля, новую экспедицію, результаты которой были изданы въ свѣтъ послѣ смерти Френеля, однимъ изъ участниковъ экспедиціи, Юліемъ Оппертомъ. Цѣлью этого предпріятія былъ, главнѣйшимъ образомъ, Вавилонъ. Въ 1852 году французскій архитекторъ Плась (Place) продолжалъ раскопки въ Корсабадѣ, открылъ стѣны и ворота стараго города Саргона и проникъ въ винный погребъ царя, гдѣ длинными рядами стояли еще большія кружки, на днѣ которыхъ красноватый осадокъ служилъ признакомъ вина, когда-то наполнявшаго ихъ.

Итакъ, мало-по-малу обнаружилось большое количество ассирійскихъ древностей, и положеніе, объемъ, и самый видъ царскихъ дворцовъ—сдѣлались извѣстными. Но глубокій мракъ покрывалъ еще самое происхожденіе этихъ предметовъ. Никто не вѣдалъ когда возникли эти памятники, но желаніе познакомиться съ ассирійскою исторіей было сильно возбуждено.

Свѣдѣнія наши по древней исторіи Азіи получили конечно

значительное приращеніе, благодаря армянскому переводу утраченной хроники Евсевія, переводу найденному въ 1818 году Анжело Маіемъ. Она заключала въ себѣ значительные отрывки изъ вавилонской исторіи Бероза, который, послѣ завоеванія Персидскаго царства Александромъ Великимъ, составилъ ее по мѣстнымъ источникамъ, на греческомъ языкѣ, для поученія Грековъ. Но въ ней объ Ассиріи все-таки говорилось мало. Поэтому любознательность съ еще большею силой устремилась на тѣ загадочныя письмена которыя открывались въ большомъ количествѣ и, вслѣдствіе своей странной формы, получили названіе *клинообразныхъ письменъ*. Подобно іероглифамъ, эти знаки состояли первоначально изъ различныхъ изображеній, гораздо болѣе сокращенныхъ чѣмъ іероглифы, такъ что въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можно было узнать изображаемый предметъ. Въ Вавилонѣ, откуда происходятъ эти письмена, матеріаломъ для письма служила влажная глина; буквы, выводимыя на ней маленькою палочкой, невольно принимали клинообразную форму. Высушенная на солнцѣ или же выжженная въ огнѣ, эта глина получала большую прочность. Писали частью на дощечкахъ, частью на призмахъ, неправильно названныхъ цилиндрами, вышиной отъ одного до двухъ футовъ, съ шестью или осьмью боковыми поверхностями. Это были ихъ книги, и количество весьма тѣсно сопоставленныхъ знаковъ, которое они вмѣщали въ себѣ, было весьма значительно; долговыя свидѣтельства, сдѣлки, росписки и т. д. писались на четырехугольныхъ дощечкахъ и скрѣплялись приложеніемъ кольца съ печатью или, за неимѣніемъ его, отпечаткомъ ногтя.

Во дворцѣ Сенахериба, гдѣ въ послѣдствіи жилъ внукъ его Сарданапалъ, на время постройки его собственнаго дворца, была найдена вся библіотека Сарданапала. Провалившійся потолокъ произвелъ страшное опустошеніе, и обломки лежали на цѣлый футъ вышины. Къ несчастію работники были одни и сложили все въ большія корзины, такъ что обломки безвозвратно перемѣшались между собою. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя доски и цилиндры остались болѣе или менѣе неприкосновенными; кромѣ того многія надписи были высѣчены на камнѣ и наконецъ нѣкоторыя изъ упавшихъ громадныхъ статуй покрыты надписями съ боку и на плечахъ. Напротивъ того, все что написано было на кожѣ и на папирусѣ, разсыпалось въ прахъ, и отъ государственныхъ договоровъ, най-

денныхъ во дворцѣ Сенахериба, сохранились только оттиснутыя въ глинѣ печати.

Но какимъ же образомъ разобрать эти письмена, понять этотъ языкъ? Дѣло это не было вполнѣ невозможнымъ. Одинъ видъ клинообразныхъ письменъ былъ уже извѣстенъ. Принесенныя Карстеномъ Нибуромъ изъ Персеполиса надписи Ахеменидовъ были также клинооразнаго письма, и блестящему уму Гротефенда, Лассена и Бюрнуфа удалось ихъ разобрать. Персидскіе цари имѣли благую привычку возвѣщать свою волю тремъ главнымъ народностямъ ихъ державы, на трехъ различныхъ ихъ языкахъ. Итакъ, рядомъ съ персидскою надписью находятся двѣ другія, также клинообразныя, но другаго вида. Одна изъ нихъ обращена къ Туранцамъ, другая къ народамъ семитическаго племени, и этотъ послѣдній видъ письменъ тотъ же самый что встрѣчается и въ Ассиріи. Разобрать эти письмена гораздо труднѣе чѣмъ разобрать персидскія, такъ какъ эти послѣднія состоятъ изъ 37 знаковъ, между тѣмъ какъ ассиріійская азбука состоитъ изъ 400 различныхъ буквъ; но тѣмъ не менѣе весьма важно уже то что существовали длинные тексты, смыслъ которыхъ былъ извѣстенъ. Всѣ знали что Ассиріяне народъ семитическаго племени, и еврейскій языкъ послужилъ орудіемъ для изученія ассиріійскаго. Сэръ-Генри Ролинсонъ, г. Фоксъ Тальботъ, докторъ Гинксъ и живущій въ Парижѣ Нѣмецъ Юлій Оппертъ представили разрѣшенія задачи, которыя сначала были встрѣчены весьма недовѣрчиво, уже потому что нерѣдко несогласія во мнѣніяхъ оказывались даже между немногими посвященными, и что зачастую опрометчивыя предположенія опровергались ихъ же виновниками.

Это общее недовѣріе дало поводъ, въ 1857 году, къ весьма оригинальному опыту. Литографированные снимки, снятые съ цилиндра находившагося въ Британскомъ музеѣ, были разосланы къ вышеупомянутымъ четыремъ ученымъ, съ приглашеніемъ прислать толкованія ихъ въ залечатанныхъ конвертахъ. Такъ и случилось; и что же? толкованія были вполнѣ согласны въ главныхъ пунктахъ. Второй опытъ привелъ къ еще болѣе поразительнымъ результатамъ. Въ лѣтописи Сарданапалла сэръ-Генри Ролинсонъ нашелъ указаніе на статую Тиглатъ-Пилезара I, высѣченную въ скалѣ близъ источниковъ восточнаго Тигра и рядомъ съ которою Сарданапалъ поставилъ свое собственное изображеніе. Ролинсонъ просилъ

г. Джона Тейлора, находившагося въ то время въ тѣхъ странахъ, поискать эту статую, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось найти въ лещерѣ гдѣ беретъ свое начало Тигръ это древнѣйшее изъ извѣстныхъ намъ произведеній ассирійскаго искусства, подъ которымъ находилась надпись съ именемъ царя; рядомъ съ этимъ помѣщалось изображеніе Сарданапала.

Послѣ подобныхъ доказательствъ почти невозможно долѣе сомнѣваться въ точности толкованій. И если многіе вопросы остались пока нерѣшенными, то лѣтописи, съ повторяющимися въ нихъ однообразными отчетами о побѣдахъ и походахъ, всего доступнѣе нашему пониманію. Всего болѣе трудностей представляютъ имена боговъ и царей, и это обстоятельство много способствовало поддержанію въ душѣ непосвященныхъ чувства недовѣрія и сомнѣнія. Цари и жрецы, которымъ мы обязаны составленіемъ этихъ памятниковъ, любили дѣлать изъ правописанія собственныхъ именъ настоящую загадку, и потому-то одно и то же имя читается многими весьма различно. Иногда это обстоятельство весьма вредно для историческаго изслѣдованія, въ большинствѣ же случаевъ это только маленькое неудобство. Мы знаемъ что̀ дѣлалъ царь, когда онъ царствовалъ, произносимъ ли мы его имя вполнѣ правильно или нѣтъ, не такъ важно. Въ большинствѣ случаевъ я буду придерживаться греческаго и еврейскаго правописанія этихъ именъ, и въ то время какъ одинъ ученый пишетъ Ассуръ-иданна-палла, другой же Ассуръ-бани-палъ, я назову его просто Сарданапаломъ, тѣмъ словомъ которое употребляли Греки для опредѣленія этого имени.

Впрочемъ то же самое явленіе встрѣчается и у египетскихъ царей, и если мы не хотимъ сравнивать съ этимъ фактомъ неразборчивыя подписи встрѣчающіяся въ наши дни, то во всякомъ случаѣ развѣ турецкій султанъ и прочіе восточные правители не задаютъ и нынѣ довольно трудной задачи мудренымъ каллиграфическимъ сплетеніемъ своихъ вензелей: могущественный властитель долженъ непремѣнно во всѣхъ подробностяхъ отличаться отъ простыхъ смертныхъ.

Совершенно лишнее было бы упоминать что собственныя имена народовъ и странъ представляютъ также значительныя трудности, и что точность опредѣленія ихъ нерѣдко весьма сомнительна; въ этомъ отношеніи пространныя тройныя подписи Дарія дали весьма важныя указанія.

Небольшое число труженниковъ неутомимо старается раз-

сѣять этотъ мракъ и озарить его новымъ свѣтомъ. Назовемъ доктора Іоанна Брендиса въ Пруссіи, Француза Менана и Джорджа Ролинсона, брата сэра-Генри и профессора въ Оксфордѣ, который, пользуясь богатою коллекціей брата своего и его неоцѣнимыми совѣтами, рѣшился написать первую правдивую исторію Ассиріи и Вавилона.

Въ настоящее время не слѣдуетъ еще принимать на вѣру всякое предположеніе, но точность главнѣйшихъ фактовъ подтверждается не только сходствомъ мнѣній различныхъ изслѣдователей этихъ предметовъ, но главнѣйшимъ образомъ гармоніей которая царствуетъ между вновь разбираемыми памятниками и результатами прежнихъ изысканій. Здѣсь нельзя бы избѣжать противорѣчій еслибъ основа была ложная. Матеріалъ такъ обиленъ что разобранныя надписи взаимно дополняютъ и поясняютъ другъ друга.

Итакъ, мало-по-малу сколился цѣлый рядъ вполнѣ новыхъ свѣдѣній объ этомъ древнемъ мірѣ, но все еще была одна важная трудность. Сдѣлалось извѣстнымъ *что* сдѣлалъ такой-то царь въ такомъ-то году своего царствованія, но никто не зналъ *когда* онъ царилъ. Для этого существовали только предположенія весьма сомнительнаго достоинства; для позднѣйшихъ царей прибѣгали къ свѣдѣніямъ сообщаемымъ Ветхимъ Завѣтомъ, но и здѣсь хронологія была весьма затруднительна. Однако и это затрудненіе было устранено: Ассиріяне имѣли своего Бредова и своего Кольрауша, и вопросъ, если не цѣликомъ, то въ значительной части разрѣшенъ удовлетворительно.

При всѣхъ изслѣдованіяхъ древней хронологіи, главнымъ препятствіемъ оказывалось отсутствіе какой-либо опредѣленной эры. Годы въ ту пору не считались какъ нынѣ, начиная съ какого-нибудь извѣстнаго пункта; тогда находили достаточнымъ отмѣтить число лѣтъ правленія царей, о порядкѣ царствованія которыхъ одного за другимъ сохранились свѣдѣнія.

Ассиріяне, напротивъ того, рано почувствовали потребность опредѣленнаго лѣтосчисленія и поэтому назначили *эпонимовъ*, то-есть ежегодно смѣнявшихся должностныхъ лицъ, именами которыхъ отличались различные годы, какъ въ Аѳинахъ именами архонтовъ, въ Римѣ же консуловъ. Длинный списокъ подобныхъ эпонимовъ, съ обозначеніемъ годовъ царствованія царей, былъ найденъ въ Ниневіи, и упомянутое въ этомъ спискѣ

солнечное затмѣніе, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ другихъ указаній, дало возможность опредѣлить довольно точную хронологію. Таблица эта обнимаетъ время съ 909 по 666 годъ. Къ гораздо ранней эпохѣ относятся нѣкоторые отрывки синхронистическихъ таблицъ, равно какъ и случайныя свѣдѣнія о старинѣ, встрѣчающіяся въ надписяхъ позднѣйшаго происхожденія.

Мы нѣсколько промедлили на этомъ вступленіи, но поистинѣ трудно рѣшить что̀ важнѣе и болѣе достойно привлечь наше вниманіе—походы ли и постройки древнихъ ассирійскихъ царей, или же мирныя завоеванія человѣческаго духа, благодаря которымъ это давно минувшее прошлое воскресло къ новой жизни. Тѣмъ не менѣе мы плохо вознаградили бы исполинскій трудъ положенный на это дѣло, еслибы не дали достаточной цѣны самому предмету и результатамъ изслѣдованій.

Ассирія или Атурія была не очень обширная страна, которая простиралась на лѣвомъ берегу средняго Тигра по склону Иранскихъ горъ, обнимая обѣ стороны большаго Цаба, одного изъ важнѣйшихъ притоковъ Тигра, граница съ юга малымъ Цабомъ, который Греки прозвали за быстроту съ которою онъ низвергается съ горъ *Капросомъ*, то-есть козломъ; большой же Цабъ они звали *Ликосомъ*, то-есть волкомъ.

Съ высокаго горнаго хребта Цагроса стремятся многочисленные потоки, орошающіе склоны горъ. Лѣса пересѣкаются богатыми лугами, фруктовыя деревья цвѣтутъ роскошно, и плодородіе увеличивается по мѣрѣ того какъ горный хребетъ превращается въ рядъ холмовъ, приближаясь къ Тигру. Въ равнинахъ зной очень силенъ, но все же не такъ душно какъ въ Вавилоніи; здѣсь уже не зрѣютъ финики, и съ горъ дуетъ освѣжающій вѣтеръ. Жители этихъ странъ, Ассиріяне, были, судя по изображеніямъ, весьма сильны, тѣлосложеніе ихъ было очень развито и дѣянія ихъ говорятъ въ пользу точности этихъ изображеній.

Съ одной стороны они подвергались нападенію обитателей горныхъ странъ, со стороны Месопотаміи имъ угрожало нашествіе кочующихъ племенъ, которыя въ то время какъ и нынѣ любили поживиться на счетъ обитателей земледѣльческихъ мѣстностей. Это поддерживало въ Ассиріянахъ воинственный духъ. Согласно съ этимъ главнѣйшій ихъ богъ Ас-

суръ, воплощеніе всего народа, былъ богъ воинственный, который, вооруженный лукомъ и стрѣлами, поражалъ враговъ Ассиріи и своихъ собственныхъ.

Самые ранніе источники показываютъ намъ Вавилонянъ обладателями этой страны. На правомъ берегу Тигра, со стороны степи, находился Ассуръ, бывшій столичный городъ, называемый нынѣ Киле-Шергатомъ; находясь совершенно въ сторонѣ, этотъ городъ представлялъ всѣ условія крѣпости, откуда Вавилоняне могли держать въ зависимости народъ. Въ 1800 году до Р. Х., какой-то царскій сынъ основалъ здѣсь храмъ. Но вскорѣ наступилъ конецъ зависимости; властители Ассура становятся равноправными съ властителями Вавилона. Изъ слѣдующихъ за симъ столѣтій намъ извѣстны лишь нѣкоторыя разрозненныя событія. Тогда наступили тяжелыя времена для Вавилонскаго царства. Фараоны египетскіе возстали: они свергли иго семитическаго пастушескаго народа, который сдѣлался властелиномъ ихъ страны, и преисполненные жажды битвъ, во время долгой борьбы за независимость, они далеко переступили за свои старыя границы, покорили Вавилонъ и обложили его данью, быть-можетъ они дошли даже до Ассиріи. Изъ XIV столѣтія намъ извѣстенъ царь Салманасаръ I, основатель города Кала, новой столицы царства; построеніе это приписывается въ книгѣ *Исходъ* Ассуру; нынѣ этотъ городъ называется Нимродомъ. Находясь на лѣвомъ берегу Тигра вверхъ по теченію рѣки, еще выше того мѣста гдѣ вливается Цабъ, этотъ городъ былъ болѣе другихъ огражденъ отъ нападеній, но тѣмъ не менѣе Ассуръ все-таки сохранилъ свое значеніе, какъ напримѣръ въ Египтѣ Мемфисъ наряду съ Ѳивами, или Москва съ Петербургомъ. Однако еще не совсѣмъ выяснено дѣйствительно ли Нимродъ назывался встарину Калой. О Нинѣ и Семирамидѣ и ихъ великихъ завоеваніяхъ или о какомъ-либо замѣчательномъ событіи которое дало бы намъ право отнести, съ Геродотомъ, къ 1273 году начало Ассирійской монархіи, не встрѣчается нигдѣ никакого слѣда, и намъ приходится отказаться навсегда отъ этого общепринятаго мнѣнія.

Всего яснѣе выступаетъ предъ нами царь Тиглатъ-Пилезаръ I. Мы имѣемъ даже въ двухъ экземплярахъ лѣтописи пяти первыхъ годовъ его царствованія. Эти лѣтописи начинаются во имя бога Ассура. Для него-то, для его прославленія борются Ассиріяне, какъ египетскіе фараоны для прославленія

Аммонъ-Ра. Казалось бы что они поставили себѣ цѣлью распространить поклоненіе ихъ богу и у другихъ народовъ.

Первый походъ былъ направленъ противъ обитателей горныхъ странъ лежащихъ къ сѣверу отъ степей Месопотаміи. Уже 50 лѣтъ они не платили слѣдуемой съ нихъ дани и наконецъ напали на ассирійскія владѣнія, въ числѣ 20.000 человѣкъ, но были разбиты и покорены царемъ. За симъ слѣдуютъ походы противъ множества мелкихъ царствъ которыя въ то время существовали въ большомъ количествѣ въ Сиріи и верхней Месопотаміи. Съ величайшею подробностью описываются разные отдѣльные случаи, битвы и побѣды, число убитыхъ и плѣнныхъ, число взятыхъ крѣпостей, добыча; въ заключеніе говорится что царь покорилъ 42 страны съ ихъ царями, отъ береговъ Цаба до Евфрата, отъ земли Катти до верхняго Океана, гдѣ заходитъ солнце.

Не менѣе подробно описывается добыча взятая царемъ на охотѣ, упоминается о буйволахъ, шкуры и рога которыхъ онъ принесъ съ собой, и говорится о четырехъ животныхъ взятыхъ живьемъ. Львовъ же онъ убилъ до 920 штукъ, съ помощію боговъ Нина и Нергала. Должно-быть въ то время мѣстность эта была переполнена дикими животными, такъ что истребленіе ихъ могло считаться настоящимъ благодѣяніемъ. Въ позднѣйшихъ памятникахъ мы не встрѣчаемъ болѣе упоминанія о буйволахъ, и число львовъ тоже очевидно уменьшилось. Тиглатъ-Пилезаръ сообщаетъ далѣе какіе храмы онъ построилъ и обновилъ, что сдѣлалъ онъ для культуры страны, для ея орошенія и обработки, и какія чужеземныя животныя и растенія онъ привезъ изъ своихъ походовъ.

Объ этихъ походахъ сохранился еще памятникъ, а именно упомянутая выше статуя, высѣченная въ скалѣ близъ источниковъ Тигра, о которой говорится въ лѣтописи Сарданапала I и которую открылъ г. Тейлоръ. Въ подписи находящейся подъ статуей, встрѣчаются указанія на походы самого Тиглатъ-Пилезара и упоминается о его отцѣ и дѣдѣ, какъ о царяхъ ассирійскихъ. Но къ какому времени относятся эти походы? И на этотъ вопросъ мы получаемъ отвѣтъ. Сеннахерибъ, извѣстный намъ изъ іудейской исторіи, велѣлъ вырѣзать въ скалѣ, находящейся близъ Бавіана въ гористой части Ассиріи, надпись гласящую что на десятомъ году своего правленія онъ привезъ обратно изъ Вавилона нѣкоторыя статуи боговъ, которыя были отняты царемъ Вавилонскимъ у

Тиглатъ-Пилезара ассирійскаго, 418 лѣтъ тому назадъ, во время войны. Эта вполнѣ опредѣленная цифра дѣлаетъ несомнѣннымъ то что̀ прежде было только однимъ предположеніемъ, а именно что царь Сеннахерибъ обладалъ древнѣйшими хронологическими таблицами, по которымъ исчислялись годы, между тѣмъ какъ таблицы сохранившіяся до нашихъ дней начинались лишь съ 909 года. Итакъ, благодаря занимающей насъ надписи, мы узнаемъ что Тиглатъ-Пилезаръ, несмотря на побѣдоносные походы отличившіе начало его царствованія, велъ въ послѣдствіи неудачную войну противъ царя Вавилона, а именно въ 1111 году. Послѣ опредѣленія времени царствованія Тиглатъ-Пилезара, одно мѣсто лѣтописи получаетъ большое значеніе; въ немъ упоминается о храмѣ возобновленномъ имъ, послѣ того какъ одинъ изъ его предшественниковъ разрушилъ его по ветхости, лѣтъ 60 тому назадъ; храмъ этотъ стоялъ 641 годъ, построенъ онъ былъ Шамасъ-Ивой, сыномъ вавилонскаго царя Изми-Дагона. Это самое раннее извѣстіе изъ ассирійской исторіи; мы узнаемъ что еще до 1800 года вавилонскій царевичъ былъ строителемъ храма въ Ассурѣ.

Пораженіе Тиглатъ-Пилезара Вавилонянами, очевидно, имѣло серіозныя послѣдствія, ибо въ слѣдующихъ за симъ двухъ столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ имена царей, но не видимъ никакихъ замѣчательныхъ событій. Это было то время когда Іудейское царство получило такое значительное развитіе при царяхъ Давидѣ и Соломонѣ, и распространилось до Евфрата. Нигдѣ на своемъ пути Іудеи не встрѣчаются съ Ассиріянами, и потому мы убѣждаемся что старыя завоеванія Тиглатъ-Пилезара были утрачены. Подобныя превратности судьбы лежатъ въ самой природѣ деспотическихъ державъ; при всякомъ несчастіи постигшемъ царя, покоренные силой народы пользуются случаемъ для сверженія ига, и только появленіе новаго воинственнаго правителя въ силахъ возстановить прежній порядокъ вещей. Такимъ-то правителемъ былъ въ 886 году для Ассиріи Сарданапалъ I; блестящее и сильное правленіе его продолжалось до 858 года и открыло новую эру ассирійскаго могущества. До насъ дошли не только его лѣтописи, но и художественныя изображенія его дѣяній, сохранившіяся во дворцѣ, основанномъ имъ въ городѣ Калѣ. Это зданіе, извѣстное намъ подъ именемъ сѣверо-западнаго дворца въ Нимродѣ, — древнѣйшее изъ всѣхъ открытыхъ доселѣ, къ тому

же оно единственное уцѣлѣвшее отъ пламени. Въ старой столицѣ, Ассурѣ, мы не видимъ ничего подобнаго, и намъ кажется что постройки древнѣйшихъ царей были проще, и что въ особенности употребленіе алебастровыхъ плитъ для выпуклыхъ изображеній было впервые введено царемъ Сарданапаломъ I.

Безъ сомнѣнія и прежніе цари строили каждый свой собственный дворецъ. На Востокѣ всегда существовалъ оригинальный обычай воспрещавшій преемнику продолжать дѣло начатое его предшественникомъ, но предписывающій ему начать новое предпріятіе. Этотъ обычай можно прослѣдить и въ настоящее время, не только у государей, но и у богатыхъ гражданъ и высокопоставленныхъ чиновниковъ. Что было начато предшественникомъ съ великою затратой, остается не докончено и подвергается разрушенію. Такъ каждый персидскій царь строилъ въ Сузскомъ дворцѣ особое помѣщеніе для себя и особую сокровищницу; тотъ же обычай существовалъ и въ Ассиріи. Зная нынѣ близко эти дворцы, мы не можемъ особенно удивляться этому обычаю. Большія дворцовыя палаты были украшаемы изображеніемъ подвиговъ строителя: какъ же могъ бы жить въ нихъ его преемникъ и принимать въ нихъ своихъ подданныхъ или давать аудіенціи покорнымъ и униженнымъ посольствамъ чужестранныхъ державъ? Всѣ стѣны и даже полъ были покрыты надписями, восхвалявшими имя строителя; царствующій же государь желалъ такого же восхваленія своего имени. Поэтому никто не стыдился лишать старые, покинутые дворцы ихъ убранства, срывать со стѣнъ алебастровыя плиты и передѣлывать ихъ для новыхъ построекъ или совсѣмъ срывать развалины старыхъ зданій и на ихъ мѣстѣ возводить новыя. Если же новый строитель умиралъ прежде окончанія работъ, то и его недовершенное зданіе оставалось въ запущенномъ видѣ. Бывали, впрочемъ, случаи когда необходимость заставляла воспользоваться старымъ дворцомъ или приспособить часть его къ новымъ потребностямъ.

Еслибъ я имѣлъ намѣреніе перечислить по порядку имена царей и сообщить о дѣлахъ каждаго изъ нихъ, насколько они намъ извѣстны, мнѣ не достало бы времени, и терпѣніе моихъ слушателей истощилось бы. Лѣтописи ихъ дѣяній безконечно однообразны; кромѣ перечисленія добычи царскихъ охотъ и описанія построекъ, они постоянно перечисляютъ многочис-

ленные походы. Покоренные и страдающіе подъ тяжкимъ ярмомъ народы стараются освободиться отъ гнета и подлаются подъ тягчайшія наказанія, когда имъ не удается отразить натискъ свирѣпыхъ ассирійскихъ полководцевъ. Сотни населенныхъ мѣстъ уничтожаются; цари ставятъ даже себѣ въ заслугу опустошеніе цѣлыхъ областей. „Изъ числа жителей, говоритъ Сарданапалъ, нѣкоторые были распяты, другіе сожжены, у остальныхъ же обрѣзаны носы и уши". Послѣ взятія другаго города онъ разказываетъ: „Я взялъ въ плѣнъ всѣхъ жителей, и старыхъ и молодыхъ; инымъ я обрѣзалъ руки и ноги, другимъ носы, уши и губы. Изъ ушей юношей я сложилъ цѣлую груду, изъ головъ старцевъ сложилъ я башню. Я выставилъ эти головы предъ городомъ въ знакъ побѣды. Дѣтей обоихъ половъ я сжегъ; городъ я разорилъ и предалъ потомъ пламени".

Въ египетскихъ военныхъ сказаніяхъ мы не встрѣчаемъ упоминанія о подобныхъ жестокостяхъ; ассирійскіе же цари украшали изображеніемъ ихъ стѣны своихъ палатъ. Съ потрясающею подробностью изображаются пытки и казни мятежниковъ: ихъ пилятъ на части, обрѣзаютъ имъ члены, царь собственными руками ослѣпляетъ ихъ.

Въ большихъ размѣрахъ прилагалось къ дѣлу и послѣднее средство одолѣть враговъ, переселеніе цѣлыхъ народовъ изъ одной части государства въ другую,—средство давно уже извѣстное намъ изъ исторіи Евреевъ. Число переселяющихся указывается въ подробности; часто оно достигаетъ 200.000 человѣкъ. Я не буду подробно упоминать о каждомъ усмиреніи отпадавшихъ провинцій и укажу лишь въ общихъ чертахъ размѣры завоеваній.

Походы Сарданапала I достигали до источниковъ Тигра въ горахъ Наири, гдѣ онъ водрузилъ вмѣсто изображенія Тиглатъ-Пилезара, свое собственное. Онъ проникъ далѣе за Эвфратъ и покорилъ сѣверную Сирію; финикійскіе города воздали ему почести и были обложены налогами; горные народы, живущіе къ сѣверу отъ Ассиріи, также подверглись его нападенію. Наиболѣе славнымъ его дѣломъ было проведеніе большаго канала отъ Цаба въ Калу, пробитаго частью сквозь горный кряжъ, частью проведеннаго туннелемъ и имѣвшаго цѣлью снабдить столицу свѣжею горною водой, и произвести орошеніе значительной полосы земли между Тигромъ и Цабомъ. Сеннахерибъ, возстановившій этотъ каналъ, прямо приписы-

ваетъ его проведеніе Сарданапалу, который и упоминаетъ о немъ въ своей лѣтописи.

Салманассаръ II (858—823) послѣ долголѣтней и напряженной борьбы присоединилъ къ завоеваніямъ своего отца южную Сирію, Дамаскъ и Гаматъ на Оронтѣ; цари іудейскіе были тогда уже обложены податями. Въ противоположной окраинѣ были покорены Мидяне и Персы, но ихъ подчиненіе было непродолжительно. Въ Вавилонѣ Салманассаръ былъ судьей между двумя претендентами; халдейскіе князья, владѣнія коихъ простирались южнѣе, вплоть до моря, были покорены имъ. Ему принадлежитъ замѣчательный небольшой обелискъ изъ чернаго базальта, находящійся нынѣ въ Британскомъ музеумѣ и позволяющій судить о приношеніяхъ и налогахъ какими облагались покоренные народы. Такъ, ассирійскіе цари очень любили населять свои пространные звѣринцы чужеземными животными: на изображеніяхъ обелиска мы видимъ какъ ихъ подводятъ къ царю. Предъ нами проходятъ двугорбый бактрійскій верблюдъ, носорогъ, слонъ и нѣсколько обезьянъ, привезенныхъ изъ Индіи, изъ чего мы однакоже не должны заключить что завоеванія Салманассара II распространялись на эти страны, такъ какъ нигдѣ, ни въ одной надписи мы не встрѣчаемъ малѣйшаго намека на Бактрію или Индію и, напротивъ, очевидно что Ассиріяне не заходили далеко въ глубь иранскихъ горныхъ странъ.

Преемникъ Салманассара Шамасъ-Ива (823—810) обложилъ Вавилонъ. За нимъ слѣдуетъ сынъ его Ива-Лутъ (810—791), который, къ удивленію, названъ вмѣстѣ съ женой *Саммурамитой*. Кажется что она принесла мужу въ приданое Вавилонъ, и это обстоятельство дало, вѣроятно, поводъ къ вымысламъ Ктезія, столь распространеннымъ между Греками. Онъ, вѣроятно, смѣшивалъ эту царицу съ богиней, которую народное преданіе ставило во главѣ династіи. Что касается Геродота, то онъ, кажется, слышалъ о настоящей Семирамидѣ и видѣлъ въ Вавилонѣ нѣкоторыя ея сооруженія.

Сто лѣтъ продержалось царство на высотѣ могущества, время долгое для деспотическаго правленія, гдѣ цари окружены опасностями и соблазнами гарема. Естественныя послѣдствія изнѣженности и слабости не заставили себя ждать. Мало по малу меркнетъ слава Ассура, а съ этимъ вмѣстѣ возстановляется самостоятельность князей Дамаска, и царства Іудейское и Израильское получаютъ значительное развитіе. Тиглатъ-Пи-

лезару II (745—727) было суждено воскресить павшее царство, покорить отдѣлившіяся провинціи и распространить свое владычество до береговъ Персидскаго залива. Противъ обыкновенія того времени, онъ ни въ одной надписи не упоминаетъ о своемъ отцѣ, и потому надо думать что онъ вступилъ на престолъ не по наслѣдію, а насильственно. Преемникъ его Саманассаръ IV (727—722) извѣстенъ своимъ походомъ противъ царя Оссіи и осадой славнаго, богатаго и могущественнаго въ то время города Тира. Но пока онъ старался распространять свои владѣнія вдаль, престолъ его, вѣроятно, былъ занятъ насильственно Саргономъ (722—704), который какъ и Тиглатъ-Пилезаръ II не называетъ своего отца. Это былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ и страшнѣйшихъ царей ассирійскихъ; въ 721 году онъ положилъ конецъ царству Израильскому, разорилъ Самарію и отвелъ народъ въ Арменію и Мидію. Онъ первый прочно покорилъ Мидію и, водвореніемъ въ ней чужеземныхъ колонистовъ и выселеніемъ изъ нея цѣлыхъ народностей, упрочилъ свое владычество въ этой странѣ. То же средство онъ употребилъ въ отношеніи злополучныхъ обитателей Халдеи и Сузіаны. Вавилонъ также повиновался ему, и власть его распространилась до самой Аравіи. Асдодъ и Газа пали послѣ геройскаго сопротивленія, и цари Кипра прислали ему дань и подарки. Власть его надъ этимъ островомъ доказывается статуей изъ чернаго базальта, найденною тамъ и находящеюся теперь въ Берлинѣ. Всего труднѣе было для Ассиріянъ покореніе горныхъ жителей Арменіи; многіе походы были направлены въ эту сторону, хвастливо описываются страшныя опустошенія тамъ произведенныя; но подъ конецъ Саргонъ вынужденъ былъ помириться съ царемъ Вана, заключилъ съ нимъ союзъ и возвратилъ ему часть отнятыхъ земель. Между тѣмъ какъ Саргонъ только однажды упоминается Исаіей, Сеннахерибъ (704—680) хорошо извѣстенъ, благодаря той катастрофѣ о которой одновременно упоминаютъ Евреи и Египтяне. Исполненный гордости царь прибижался во главѣ своихъ страшныхъ полчищъ, но гнѣвъ Божій поразилъ его, и все его войско погибло. Объ этомъ пораженіи не говорится въ ассирійскихъ лѣтописяхъ; походъ этотъ также изображается побѣдоноснымъ. Впрочемъ очевидно что несмотря на пораженіе, Сеннахерибъ былъ еще очень силенъ, и мнѣніе господствующее до сихъ поръ будто это пораженіе потрясло до основанія Ассирійское царство, и что за нимъ послѣдовало

убійство самого Сеннахериба его сыновьями, вполнѣ невѣрно. Дѣйствительно, таковъ былъ его конецъ, но до этого онъ царствовалъ еще 20 лѣтъ и выстроилъ въ Ниневіи, на томъ мѣстѣ гдѣ стоитъ нынѣ село Куюнджикъ, дворецъ, который пышностью и великолѣпіемъ превосходилъ всѣ прежніе. Теперь уже открыты 71 комната, на стѣнахъ изображены, кромѣ походовъ царя, и самое сооруженіе дворца, приготовленіе насыпи для террасы, поддерживающей дворецъ, принесеніе колоссальныхъ статуй для его украшенія. Плѣнные, частью въ цѣпяхъ, производятъ эти работы; всюду мы видимъ надсмотрщиковъ съ поднятою палкой. Ни одно вьючное животное не облегчаетъ работы, только нѣкоторыя машины помогаютъ усиліямъ трудящихся. Самъ Сеннахерибъ слѣдитъ за ходомъ дѣла, сидя въ колесницѣ, въ которую запряжены люди.

Ассаргаддонъ (680—667) отнялъ власть изъ рукъ убійцъ Сеннахериба. Это былъ могущественный военачальникъ который съ большою энергіей и не меньшею жестокостью подавлялъ постоянно возобновлявшіяся возстанія. Онъ разорилъ извѣстный торговый городъ Сидонъ и взялъ въ плѣнъ жителей; онъ основалъ новый городъ, который назвалъ своимъ именемъ и заселилъ жителями Халдеи и Сузіаны. Но въ то время какъ Сидонъ возродился изъ своихъ развалинъ, новое населеніе исчезло безслѣдно. Деспотическая власть можетъ разрушать, но для того чтобы создавать, требуются иныя силы.

Такимъ же образомъ относился онъ и къ Армянамъ, Киликійцамъ и Халдеямъ; за симъ онъ переступилъ за предѣлъ старыхъ границъ и вступилъ во внутренность Аравіи, покорилъ Идумейцевъ и завоевалъ Египетъ. Онъ принялъ титулъ царя царей египетскихъ и умирителя Эѳіоповъ, и украсилъ свой дворецъ въ Калѣ сфинксами, сдѣланными въ Ассиріи по образцу египетскому.

До открытія лѣтописи Ассаргаддона, господствовало мнѣніе будто съ его правленія начался упадокъ Ассирійской монархіи. Полагали что сыномъ и преемникомъ его былъ пресловутый, изнѣженный Сарданапалъ. Но открытіе его дворца и лѣтописи вполнѣ опровергло это мнѣніе; напротивъ того Сарданапалъ IV (667—?) былъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный правитель, смѣлый завоеватель, неутомимый и неустрашимый охотникъ; великолѣпіе и пышность его построекъ безъ сомнѣнія доказываютъ нисколько не уменьшившееся процвѣтаніе царства.

Ему также приходилось подавлять возстанія, преимущественно въ недавно покоренномъ Египтѣ; первый изъ всѣхъ ассирійскихъ монарховъ онъ перешелъ черезъ Тавръ и вступилъ въ Малую Азію, покорилъ народы имена которыхъ до того времени были неизвѣстны Ассиріянамъ, получилъ дары отъ лидійскаго царя Гигеса и сопровождалъ всѣ свои походы страшными опустошеніями. Палачъ съ плетью всегда сопутствовалъ ему; стѣны дворца его покрыты были картинами изображающими плѣнныхъ которымъ выкалываютъ глаза и вырываютъ языки. Онъ былъ страстный и смѣлый охотникъ; стрѣлами онъ поражалъ льва въ чащѣ лѣсной; звѣриный садъ его былъ всегда наполненъ клѣтками, изъ которыхъ выпускали львовъ для охоты. Намъ даже извѣстны его любимыя собаки, изображенія которыхъ сдѣланы изъ жженой глины съ подписью ихъ именъ. Этому-то Сарданапалу принадлежала библіотека о которой упомянуто выше.

Но уже приближался конецъ Ассирійской монархіи. Однако прежде чѣмъ перейти къ этому событію, мы взглянемъ еще разъ на нѣкоторыя изъ построекъ того времени.

Недалеко отъ Куюнджика, въ предѣлахъ древней Ниневіи, находится груда развалинъ, называемая нынѣ Небби-Юномъ. Полагаютъ что тутъ была могила пророка Іоны, и находящіяся тутъ же магометанскія могилы дѣлаютъ это мѣсто священнымъ. Поэтому невозможно въ точности изслѣдовать находившійся здѣсь дворецъ Ассаргаддона, и мы должны довольствоваться тѣмъ описаніемъ его которое встрѣчается въ лѣтописяхъ. Дворецъ этотъ былъ воздвигнутъ на мѣстѣ стараго дворца ассирійскихъ царей. Мы узнаемъ имена двадцати двухъ покоренныхъ монарховъ, которые доставили необходимый матеріалъ, кедровое, кипарисовое и другое цѣнное дерево, каменныя статуи и всевозможныя металлическія издѣлія. Всѣ эти цари поименованы, напримѣръ Манассія царь Іудеи, цари Тира, Аскалоны, Газы и десять царей кипрскихъ. „Потолокъ“, говоритъ Ассаргаддонъ, „былъ сдѣланъ изъ рѣзныхъ кедровыхъ балокъ; колонны изъ кипарисоваго дерева, соединенныя серебряными и желѣзными кольцами, поддерживали его. Входы сторожили каменные львы и быки; ворота, изъ чернаго дерева и кипариса, были украшены желѣзомъ, серебромъ и слоновою костью.“

Перевозка цѣнныхъ строительныхъ матеріаловъ съ Ливана и Тавра нерѣдко описывается; сохранилась даже интереснѣйшая

доска, на которой изображена сплавка лѣса вдоль сирійскихъ береговъ, подъ покровительствомъ ассирійскихъ божествъ.

Недовольный однимъ дворцомъ въ Ниневіи, Ассаргаддонъ воздвигнулъ второй въ Вавилонѣ и третій въ Калѣ или Нимродѣ, мѣстопребываніи старыхъ царей. Для этой цѣли онъ безпощадно грабилъ дворцы Сарданапалла I и Салманассара I, снималъ со стѣнъ драгоцѣнныя алебастровыя плиты и обращалъ ихъ лицевою стороной къ стѣнѣ, состоящей изъ высушенныхъ кирпичей. Плиты эти должны были покрыться новою живописью, но работа эта никогда не была окончена. Позднѣе, пламя разрушило весь дворецъ, а сохранившіяся плиты разсыпались въ прахъ вскорѣ послѣ открытія ихъ.

Само собой разумѣется что Сарданапалъ IV покинулъ постройки Ассаргаддона. Въ началѣ онъ жилъ въ Ниневіи, во дворцѣ своего дѣда Сеннахериба, и занимался постройкой на той же террасѣ своего собственнаго большаго дворца, которымъ онъ хотѣлъ превзойти всѣхъ своихъ предшественниковъ. И дѣйствительно, при равной пышности замысловъ, украшенія такъ богаты, такъ тонки и нѣжны, какъ нигдѣ. Въ особенности отличаются красотой и разнообразіемъ охотничьи картины; въ изображеніи животныхъ ассирійское искусство отступило на этотъ разъ отъ свойственной ему принужденности и условности; въ особенности умирающая львица изображена съ полнѣйшею, неподражаемою истиной. Въ другихъ покояхъ, принадлежавшихъ вѣроятно къ гарему, царь представленъ гуляющимъ въ саду, деревья, виноградныя аллеи и цвѣты котораго изображены съ тщательнымъ подраженіемъ природѣ. Музыканты и ручные львы виднѣются между деревьями, и здѣсь впервые мы видимъ ассирійскую женщину. Въ бесѣдкѣ, украшенной виноградною лозой, лежитъ царь съ полнымъ кубкомъ въ рукѣ, а рядомъ съ нимъ, на высокомъ стулѣ, сидитъ царица, закутанная вплоть до лица въ богатыя и широкія одѣянія и держитъ также кубокъ, изъ котораго она какъ будто пьетъ за здоровье царя. Евнухи навѣваютъ имъ прохладу и отгоняютъ мухъ, между тѣмъ какъ на нѣкоторомъ разстояніи многочисленные музыканты исполняютъ концертъ. Матеріалъ которымъ мы теперь располагаемъ для изученія нравовъ и исторіи древнихъ Ассиріянъ весьма обиленъ. Если мы сравнимъ его съ памятниками египетскаго искусства, то увидимъ что храмы боговъ, которые стоятъ тамъ на первомъ планѣ, здѣсь удалены на задній. Числомъ ихъ

было довольно много, и надписи царей говорятъ о постройкѣ многочисленныхъ храмовъ; иногда мы даже встрѣчаемъ скульптурное изображеніе ихъ, на заднемъ планѣ картинъ. Но все это ничтожно и составляетъ прибавку, незначительную часть самаго дворца. Если боготвореніе царя не доходило до такихъ размѣровъ какъ въ Египтѣ, если довольствовались куреніемъ, то въ дѣйствительности царь былъ здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, главнымъ лицомъ, и прославленіе его было важнѣйшею цѣлью всего государства. Самъ богъ Ассуръ имѣлъ главнымъ назначеніемъ покровительствовать царю. Одаренный крыльями, съ лукомъ и стрѣлой въ рукахъ, онъ всюду паритъ надъ головой царя и поражаетъ его враговъ.

Поистинѣ цари могли почитать свои дворцы памятниками побѣдъ: рукой побѣжденнаго непріятеля воздвигались они. Дворцы эти сооружались на искусно насыпанныхъ и укрѣпленныхъ террасахъ, которыя сами по себѣ требовали долголѣтней работы тысячи лицъ. Не желая, очевидно, удаляться отъ береговъ рѣки, цари пользовались этимъ способомъ построекъ, который мы встрѣчаемъ и у Вавилонянъ, чтобы подняться надъ уровнемъ наводненія, лихорадочныхъ испареній и стай комаровъ, которые составляютъ язву мѣстностей лежащихъ близъ рѣки. На верху обширной, просторной террасы, къ которой вели широкія лѣстницы, сильнѣе ощущался свѣжій воздухъ, дующій съ горъ. Входы сторожились могучими быками и львами съ человѣческими головами, украшенными нѣсколькими парами роговъ, символомъ силы по семитическимъ представленіямъ. Стѣны зданія нерѣдко украшались изваяніями даже снаружи. Покои были расположены вокругъ многочисленныхъ дворовъ; всюду, преимущественно же въ большихъ залахъ, назначенныхъ для пировъ, мы встрѣчаемъ часто уломянутые нами барельефы, прославляющіе подвиги властелина; между ними попадаются иногда фигуры боговъ, предъ которыми преклоняются цари. Большія плиты имѣютъ семь футовъ вышиной; плиты меньшаго размѣра расположены обыкновенно двумя рядами, одинъ надъ другимъ; надписи клинообразнаго письма наполняютъ промежутки между ними и нерѣдко покрываютъ самый полъ. Письмена выложены иногда мѣдью и служатъ какъ бы украшеніемъ. Глаза, волосы и нѣкоторыя другія части статуй носятъ еще слѣды красокъ. Надъ этими алебастровыми плитами мы видимъ на стѣнахъ украшенія изъ цвѣтной глины, покрытой глазурью; попадаются

также фрески, выведенныя на самой штукатуркѣ, отъ которыхъ сохранилось только небольшое число обломковъ.

Въ архитектурѣ большихъ залъ насъ поражаетъ отсутствіе пропорціональности между длиной и шириной; при 145 футахъ въ длину, они имѣютъ только отъ 30 до 45, рѣдко до 60 футовъ въ ширину. Въ то время не умѣли еще наводить крышу надъ болѣе обширными пространствами; длина балокъ изъ кедроваго дерева служила мѣриломъ ширины. Своды, правда, были извѣстны въ ранюю пору, но не примѣнялись въ большихъ размѣрахъ. Колонны, которыя могли бы принести большую пользу, встрѣчаются рѣдко, и то болѣе въ новѣйшихъ постройкахъ, но и тамъ не въ парадныхъ залахъ, а преимущественно въ погребахъ Саргона. Такъ какъ всюду верхнія части зданій пострадали отъ огня и въ послѣдствіи обрушились, то можно дѣлать только одни предположенія относительно ихъ устройства; однако отсутствіе камня въ наколившемся мусорѣ и большое количество земли даютъ право думать что ограничивались однимъ этажемъ и засыпали плоскую кровлю землей, что̀ дѣлается и понынѣ въ этихъ странахъ для защиты отъ жара. Весьма вѣроятно что легкія деревянныя постройки возвышались на крышѣ, чтобы дать возможность насладиться ночною прохладой. Надо думать что большія залы были частію открыты и защищались отъ солнца посредствомъ занавѣсей, между тѣмъ какъ маленькія комнаты имѣли очевидно куполообразную крышу, какія попадаются и нынѣ въ тѣхъ странахъ и встрѣчаются въ ассирійской скульптурѣ. Нигдѣ не видать оконъ въ уцѣлѣвшихъ частяхъ стѣнъ, что̀ впрочемъ легко объясняется. Въ то время знали уже стекло, но примѣненіе его къ окнамъ очевидно позднѣйшее изобрѣтеніе. Впрочемъ это было совершенно излишне; было вполнѣ достаточно сдѣлать наверху, около потолка, небольшія, открытыя окна, которыя, не пропуская лишней жары и давая довольно много свѣта, представляли барельефы въ самомъ лучшемъ освѣщеніи. Однако нужно было найти средства уберечься также отъ рѣзкаго холода и проливныхъ дождей; климатъ былъ не таковъ какъ въ Египтѣ. Поэтому стѣны сложенныя изъ высушенныхъ кирпичей имѣли отъ пяти до пятнадцати футовъ въ ширину, и такъ какъ верхняя часть ихъ обрушилась, то образовался, надъ погребенными тутъ сокровищами, толстый слой, на которомъ возвышаются жалкія села нынѣшняго населенія и лахотныя ихъ земли. Изображенія, о

которыхъ была нѣсколько разъ рѣчь, искусно сдѣланы въ видѣ довольно плоскаго рельефа; очевидно что искусство это было доведено съ раннихъ поръ до извѣстной степени совершенства. Со временемъ исполненіе улучшается; на заднемъ планѣ стараются изобразить мѣсто дѣйствія, что, впрочемъ, зачастую выходитъ довольно плохо, по причинѣ весьма неудовлетворительной перспективы: одежда и сосуды представлены съ постоянно увеличивающеюся отчетливостью, но стиль остается неизмѣннымъ. Въ то время какъ второстепенныя фигуры и животныя изображены съ весьма точнымъ подражаніемъ природѣ, главныя лица удерживаютъ свой условный характеръ. Все находилось подъ надзоромъ жрецовъ, которые не допускали ни малѣйшаго отступленія отъ старыхъ преданій.

Царь изображенъ всегда въ богатой одеждѣ, въ заостренной или округленной тіарѣ на головѣ, окруженный евнухами, которые держатъ ему зонтикъ и навѣваютъ ему прохладу. Зонтикъ въ то время, какъ и нынѣ еще въ Сіамѣ, считался знакомъ отличія, подобающимъ одному царю. Евнухи, частое появленіе которыхъ даже въ качествѣ военачальниковъ служитъ весьма неблагопріятнымъ симптомомъ ассирійской жизни, были тучныя, безбородыя личности и рѣзко отличались отъ прочихъ Ассиріянъ, которые представлены съ необыкновенно развитыми мышцами, густыми, тщательно расчесанными и завитыми волосами и бородами. Одежда знатныхъ дѣлалась изъ весьма цѣнныхъ тканей, узоры которыхъ часто легко узнать, и обшивалась густою бахромой. Всѣ предметы роскоши, рукоятки сабель и кинжаловъ, сбруя лошадей, всѣ домашніе сосуды богато украшены и отличаются вкусомъ, который могъ бы служить образцомъ и нынѣ.

Обыкновенно царь имѣлъ дѣло только съ начальникомъ евнуховъ и однимъ изъ главныхъ чиновниковъ, отличавшимся отъ прочихъ своею одеждой и служившимъ посредникомъ между царемъ и внѣшнимъ міромъ, которому онъ передавалъ царскія повелѣнія. Тѣмъ не менѣе царь вовсе не жилъ въ боязливомъ уединеніи; онъ приглашалъ на пиры въ свои хоромы знатныхъ подданныхъ своихъ, онъ самъ творилъ судъ, былъ страстнымъ охотникомъ и предводительствовалъ войскомъ на войнѣ, ведя его часто къ побѣдѣ.

Армія часто встрѣчается въ изображеніяхъ; на нее цари, очевидно, обращали большое вниманіе. Организація ея постоянно смѣнялась; каждый царь вводилъ новые мундиры и ору-

жіе. Сначала употреблялись военныя колесницы, около возницы сидѣлъ обыкновенно стрѣлокъ съ лукомъ, его охранялъ нерѣдко щитоносецъ. Судя по изображеніямъ можно бы думать что на колесницахъ ѣздили только одни военачальники, но Іудеи сообщаютъ что колесницы входили въ составъ самой арміи и внушали большой страхъ врагамъ. Онѣ были очень удобны для сраженій въ равнинахъ Месопотаміи, но не годились для употребленія въ горахъ, и потому весьма рано вошло въ употребленіе ѣздить верхомъ на лошадяхъ. При полнѣйшемъ неумѣніи это было весьма не легко; изображенія показываютъ намъ всадниковъ цѣпляющихся голыми ногами за лошадь; колѣни ихъ подтянуты къ самой шеѣ лошади чтобы не упасть. Всадника обыкновенно сопровождалъ другой воинъ, который держалъ его лошадь, пока онъ употреблялъ свое оружіе. Современемъ стали ѣздить лучше, и второй воинъ исчезаетъ, лошадь покрывается одѣяломъ, ноги всадника обуваются въ высокіе сапоги и кожаные штаны; прочія части тѣла окутываются войлокомъ, чтобы крѣпче сидѣлось. Стремянъ невидать совсѣмъ. Когда усовершенствовалась верховая ѣзда, военныя колесницы стали выходить изъ употребленія и на нихъ продолжали ѣздить одни цари.

Пѣхота отличалась разнообразнымъ и часто смѣняющимся оружіемъ; здѣсь встрѣчаемъ шлемы, чешуйчатые панцыри, лукъ и стрѣлы, сабли, копья, пращи, топоры и палицы. Для переправы черезъ рѣки употреблялись лодки; иногда переплывали ихъ посредствомъ наполненныхъ воздухомъ кожаныхъ мѣховъ. Кромѣ лодокъ мы встрѣчаемъ у Ассиріянъ также и большіе корабли. Искусство вести осаду было у нихъ очень усовершенствовано; чтобъ овладѣть крѣпостью они дѣлали насыпи, подвигали къ нимъ подвижныя башни и оттуда старались разрушить стѣны; если этого было мало, они располагались лагеремъ, старались отрѣзать непріятеля отъ воды и подкопаться подъ его стѣны.

Такое превосходство и развитіе военнаго искусства ставитъ Ассиріянъ въ рядъ великихъ державъ. Всѣ вопросы касающіеся правъ народовъ, они рѣшали весьма просто, силой своей арміи. Впрочемъ, рядомъ съ этимъ, они отличались также весьма значительнымъ развитіемъ въ техническомъ отношеніи, и дошедшіе до насъ и разобранные уже обломки библіотеки Сарданапала показываютъ что ученыя занятія были въ большомъ ходу у нихъ. Безъ сомнѣнія,

все это находилось въ рукахъ жрецовъ. Уже простое пониманіе и употребленіе письменъ требовало значительной подготовки, такъ какъ письмена эти назначались первоначально для другаго языка, для туранскаго, и не могли быть понимаемы безъ знанія этого языка. Поэтому существовали лексиконы, гдѣ сопоставлялись слова этихъ двухъ нарѣчій. Вообще вполнѣ ясно что утонченная часть образованія Ассиріянъ была чужеземнаго происхожденія и заимствовалась ими у Вавилонянъ, но въ послѣдствіи укоренилась у нихъ и получила значительное развитіе.

По примѣру Грековъ, мы называемъ Ассиріей все царство; но великолѣпіе, о которомъ мы говорили сейчасъ, встрѣчается только въ томъ небольшомъ клочкѣ земли который и составлялъ собственно Ассирію или Атурію. За этимъ предѣломъ не встрѣчается ровно ничего замѣчательнаго, и это вовсе не удивительно при той системѣ правленія о которой мы говорили. Кругомъ лежало множество мелкихъ царствъ, имѣющихъ своеобразное развитіе. Этого не могли потерпѣть Ассиріяне; они подчиняли себѣ все окружающее, разоряли города, опустошали страны, выселяли жителей, облагали обнищавшее населеніе постоянно возраставшими налогами, которые тратили на содержаніе своего блестящаго войска и на поддержаніе безумной пышности царскихъ дворцовъ. Царь и войска какъ центръ всей державы, и рядомъ съ этимъ всегда готовые къ услугамъ жрецы—вотъ та форма правленія которую приняла Ассирія. Это было такое уродливое созданіе которое должно было погибнуть даже безъ всякаго внѣшняго толчка. Все это держалось только страхомъ; одинъ ударъ, и большое, могущественое царство пало.

Ударъ этотъ былъ нанесенъ Мидянами; этотъ горный народъ, сначала побѣжденный, вскорѣ свергнулъ иго и окрѣпнулъ подъ управленіемъ своихъ туземныхъ царей. Ціаксару удалось разбить ассирійское войско, но вскорѣ походъ его противъ Ниневіи былъ прерванъ нападеніемъ Скиѳовъ, равно опасныхъ для обѣихъ сторонъ. Но лишь только миновала опасность, Мидяне вновь напали на Ниневію, за ними поднялись Вавилоняне. Набополассаръ, посланный противъ нихъ, соединился съ непріятелемъ. Ниневія была обложена со всѣхъ сторонъ.

Царемъ въ то время былъ Саракъ (?—625), преемникъ Сарданапала. Ни одна изъ ассирійскихъ лѣтописей не говоритъ

объ этихъ послѣднихъ временахъ царства, однако намъ извѣстенъ дворецъ этого царя Сарака. Строилъ ли онъ его потому что того требовалъ обычай, или можетъ-быть прежніе дворцы были сожжены во время несчастныхъ войнъ съ Мидянами и Скиѳами, намъ неизвѣстно. Но дворецъ Сарака говоритъ объ упадкѣ царства; онъ весьма ничтоженъ и лишенъ всякихъ украшеній. Вмѣсто дорогаго алебастра мы видимъ известковыя плиты, на которыхъ нѣтъ ни малѣйшихъ изображеній.

Когда Саракъ убѣдился что сопротивленіе невозможно, онъ предалъ пламени свою столицу и погибъ вмѣстѣ съ ней, вѣроятно, въ 625 году. Вотъ все что̀ есть достовѣрнаго въ разказахъ Грековъ. Послѣдній царь Ассиріи не назывался Сарданапаломъ, и ничто не даетъ намъ права думать что его собственная изнѣженность повлекла за собой паденіе монархіи. Совершенно понятно что нашествіе сильнаго непріятеля должно было порвать всѣ связи въ странѣ исторія которой состоитъ изъ ряда постоянно подавляемыхъ возмущеній.

Огонь разрушилъ дворцы ассирійскихъ царей, земля покрывавшая плоскія кровли наполнила комнаты; толстыя стѣны обрушились. На этой грудѣ мусора можно было вскорѣ начать пахать. Жилища народа, еще менѣе прочныя, вѣроятно также погибли отъ огня. Ни Мидяне, ни Вавилоняне не могли допустить чтобы Ниневія обновилась. Для Мидянъ въ особенности она была пунктомъ первой важности, такъ какъ чрезъ нее лежала дорога соединявшая равнину съ ихъ гористою отчизной. Въ этомъ-то и состояла стратегическая важность этого города и этимъ объясняется успѣхъ его торговли. Чрезъ него шли индійскіе товары, караваны соединяли его съ сирійскимъ берегомъ, продукты Аравіи и Вавилона проходили чрезъ него, направляясь къ Черному Морю. Вмѣстѣ съ придворною жизнью исчезъ конечно одинъ изъ важныхъ рычаговъ торговли, но допустить чтобы столь удобное мѣсто могло вполнѣ обезлюдѣть невозможно. Скудныя и рѣдкія свѣденія древнихъ весьма противорѣчивы. Иногда они говорятъ о полнѣйшемъ разрушеніи Ниневіи, иногда же упоминаютъ о городѣ Ниносѣ, названіе даваемое ими прежней столицѣ Ассиріи.

Послѣ нашествія Арабовъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о городѣ Моссулѣ, то-есть *соединеніе*; имя это произошло вѣроятно отъ моста перекинутаго въ этомъ мѣстѣ черезъ Тигръ. Со

временемъ Моссулъ сдѣлался центромъ значительнаго царства и имѣетъ понынѣ значеніе въ торговомъ отношеніи.

Этимъ объясняются всѣ противорѣчія. Воинственная часть народонаселенія вѣроятно погибла въ битвахъ или поступила на службу въ войско Мидянъ. Купцы же и ремесленники перешли черезъ рѣку и нашли тамъ убѣжище. Туда же были занесены нѣкоторые остатки построекъ древней Ниневіи. Что касается арабскаго имени города, то мы ему обязаны тѣмъ что надолго исчезъ всякій слѣдъ древней столицы, пока наконецъ въ наши дни были открыты какимъ-то чудомъ забытыя сокровища минувшаго.

II.

Послѣ паденія Ниневіи возродился къ новому блеску Вавилонъ, самое имя котораго могущественно дѣйствуетъ на нашу фантазію, такъ какъ оно тѣсно связано съ преданіями о самыхъ раннихъ дѣяніяхъ человѣчества. Если новѣйшія открытія показываютъ намъ Ниневію стоящею на высокой степени культуры, то начало ея вполнѣ своеобразнаго искусства и развитія слѣдуетъ искать не въ ней, а въ древнемъ городѣ Халдеевъ. Въ Вавилонѣ и Халдеѣ были вполнѣ обыденны тѣ громадныя террасы, служившія фундаментомъ зданій, которыя составляли въ Ассиріи какъ бы роскошь; здѣсь встрѣчаются древнѣйшія формы клинообразнаго письма, сохранившія ясные слѣды первобытныхъ изображеній. Языкъ лѣтописей двухъ народовъ не представляетъ значительной разницы.

Мы приступаетъ теперь къ осмотру страны гдѣ впервые зародилось человѣческое знаніе и наука, и потому должны прежде всего ознакомиться съ географіей этой мѣстности. Тигръ и Евфратъ — вотъ два могучіе потока которые какъ бы создали эту почву; они берутъ свое начало въ Арменскихъ горахъ, недалеко другъ отъ друга, но съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Тигръ отличается необыкновенно быстрымъ теченіемъ и имя его значитъ *стрѣла*. Евфратъ, напротивъ, течетъ медленно и въ жаркое время такъ высыхаетъ что едва достигаетъ моря. Между этими двумя рѣками и находящеюся на сѣверѣ горною страной лежитъ Месопотамія, то-есть *междурѣчье*. Страна эта безводная и перерывается только

небольшими холмами; весной она покрывается прекрасною зеленью и цвѣтами, но вскорѣ все это высыхаетъ отъ сильнаго зноя. Поэтому здѣсь жили только кочующіе народы, хотя уцѣлѣвшія развалины доказываютъ что въ глубокую старину степь, благодаря искусственному орошенію, имѣла постоянныхъ жителей.

Нѣсколько далѣе, миль на 60 отъ устья рѣкъ, степь опускается нѣсколькими ступенями къ низменности, которая образовалась изъ ила наносимаго водой, и расширяется по мѣрѣ приближенія къ Персидскому заливу; еще на человѣческой памяти Тигръ и Евфратъ достигали порознь моря, не соединяясь, какъ нынѣ, подъ общимъ названіемъ Шатъ-аль-Араба. Страна же, простирающаяся въ этомъ мѣстѣ между обѣими рѣками, которыя отстоятъ другъ отъ друга на 25 миль, называлась Синеаромъ или Вавилоніей, и отличалась такимъ поразительнымъ плодородіемъ что Геродотъ прерываетъ свое описаніе говоря что все-таки никто ему не повѣритъ кто самъ не видалъ этихъ чудесъ.

Плодородіе это и нынѣ существуетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ обращаютъ нѣсколько вниманіе на обработку земли; и теперь еще финиковыя пальмы, рѣдкой красоты, окружаютъ Багдадъ и другія мѣста, и образуютъ чудные лѣса вдоль теченія рѣкъ, но бо́льшая часть страны превратилась въ степь или болото; наносный песокъ покрываетъ обширныя пространства, ибо столѣтія гнета уничтожили всякій слѣдъ земледѣлія. Тотъ же близорукій и безпощадный деспотизмъ привелъ въ упадокъ грандіозную и въ высшей степени художественную сѣть каналовъ, изъ которыхъ иные засыпаны пескомъ и землей, другіе же исполняютъ свое назначеніе весьма неисправно.

Здѣсь, какъ и на берегахъ Нила, періодическія наводненія оплодотворяютъ землю и облегчаютъ трудъ человѣка; однако наводненія эти не имѣютъ спокойнаго характера нильскихъ наводненій; они отличаются неправильностію и стремительностію и время отъ времени поглощаютъ тысячи, даже десятки тысячъ жертвъ. Поэтому вполнѣ естественно что именно въ этой мѣстности утвердилось преданіе о потопѣ потопившемъ все живущее, о чемъ ничего не знаютъ Египтяне. Послѣдніе могли, сначала, прежде чѣмъ увеличилось народонаселеніе, спокойно жить на возвышенной окраинѣ пустыни, между тѣмъ какъ Вавилоняне должны были съ раннихъ поръ прибѣгать къ искусственнымъ насыпямъ и плотинамъ. Иныхъ же странъ

вовсе не касалось наводненіе, поэтому туда нужно было проложить каналы, провести воду на поля посредствомъ водоподъемнаго колеса. Объ этихъ дѣяніяхъ мы узнаемъ не только изъ твореній древнихъ писателей, но мы всюду встрѣчаемъ и понынѣ слѣды старыхъ каналовъ и плотинъ и фундаменты городовъ, давно уже обратившихся въ груды мусора.

Европейская любознательность произвела и здѣсь изслѣдованія и раскопки, послѣ того какъ въ 1850 году Лофтусъ и Черчиль посѣтили считавшіяся до той поры недоступными, населенныя хищными номадами равнины и болота. Здѣсь также дѣйствовалъ и Лейардъ, и наука многимъ обязана трудамъ этихъ замѣчательныхъ людей. Правда, нигдѣ усилія ихъ не были вознаграждены такою богатою добычей какъ въ Ассиріи. Изданна существовалъ въ Вавилоніи обычай отмѣчать на каждомъ кирпичѣ клинообразнымъ письмомъ имя того царя который производилъ постройку, и такихъ кирпичей было найдено много, точно также какъ и плитъ и цилиндровъ, покрытыхъ клинообразными письменами древней и новѣйшей формы. Но такія лѣтописи какъ въ Ниневіи не найдены нигдѣ, точно также не попадается почти скульптурныхъ украшеній.

Кто же былъ тотъ народъ которому мы обязаны этими старинными работами? Намъ указываютъ на Халдеевъ, какъ на господствующее населеніе Вавилоніи, и мѣстность налѣво отъ нижняго теченія Евфрата назвали по имени Халдеей. По всей вѣроятности, они пришли съ горъ Арменіи вмѣстѣ съ одноплеменными имъ Израильтянами, съ которыми они имѣютъ общія преданія о началѣ міра и человѣка. Но были ли Халдеи первыми обитателями страны? Создали ли они сами ту культуру которую мы въ послѣдствіи видимъ у нихъ? Они сами разсказываютъ что когда-то люди жили на подобіе животныхъ, не имѣя ни разума, ни дара слова. Тогда поднялись изъ моря божественныя существа, на половину люди, на половину рыбы; первыхъ изъ нихъ они прозвали *Оанъ*. Въ скульптурѣ Ассиріи встрѣчаются подобныя существа. Они-то, говорилъ Берозъ, научили человѣка наукамъ и искусствамъ. Были ли это, можетъ быть, чужеземные мореплаватели, которымъ они были обязаны знаніемъ, подобно тому какъ Греки научались отъ Финикіянъ? Нельзя отрицать что историческое воспоминаніе могло лечь въ основу мнѣнія, однако это довольно сомнительно. Изученіе клинообразныхъ письменъ на-

водитъ на совершенно другой слѣдъ. Ученые занимающіеся этими изслѣдованіями положительно доказываютъ, какъ мы уже замѣтили, что письмена эти назначались сперва для другаго языка, для туранскаго, и слѣдовательно употреблялись народомъ который намъ извѣстенъ подъ именемъ Скиѳовъ или Татаръ. Что Скиѳы жили въ Вавилоніи, на это указываютъ многіе признаки, какъ напримѣръ надписи Персовъ на трехъ различныхъ языкахъ и сравнительныя грамматики и словари найденные въ Ниневіи. Если эти предположенія подтвердятся, то сдѣлается несомнѣннымъ что Халдеи нашли въ своей новой отчизнѣ народъ отъ котораго они многое заимствовали. Письмена же всегда указываютъ на довольно значительную степень развитія.

Весьма вѣроятно что соприкосновеніе съ различными народами и раннее развитіе мореплаванія имѣли благодѣтельное вліяніе на эти страны; по всему видно что мѣстности лежащія южнѣе Багдада, вдоль морскаго берега, развились всего раньше, пока наконецъ ихъ затмилъ могущественный Вавилонъ. Тамъ встрѣчаются громадные фундаменты изъ кирпича, для сооруженія которыхъ требовалось нѣсколько тысячъ человѣкъ, но остатки самыхъ зданій попадаются рѣдко. Самая замѣчательная развалина находится близъ *Мугейра*; зданіе возвышалось на искусственной террасѣ и поддерживалось колоннами; кругомъ находилась кирпичная стѣна, толщиной въ 10 футовъ; надъ этимъ возвышался, нѣсколько отступя отъ края, второй этажъ. Въ Варкѣ мы видимъ подобную же развалину, Арабы называютъ ее *Бувріею*, то-есть *тростниковою цинковой*, потому что она была выстроена по методѣ о которой говоритъ Геродотъ, и состояла изъ нѣсколькихъ рядовъ кирпичей, между которыми положены слои тростника. Для построекъ этихъ требовалось нѣсколько милліоновъ кирпичей, и число рукъ человѣческихъ необходимыхъ для этихъ работъ было также весьма значительно. Вершину подобнаго зданія занималъ, по всему вѣроятію, храмъ божества. Халдеи, на родинѣ поклонявшіеся высшему божеству своему, Белу, на вершинахъ горъ, спустившись въ равнину, стали воздвигать искусственныя горы. Такъ были построены, очевидно, всѣ ихъ храмы, если судить по сохранившимся неуклюжимъ грудамъ развалинъ. Въ этихъ древнѣйшихъ развалинахъ нѣтъ слѣда изваяній или какихъ-нибудь архитек-

турныхъ украшеній; но капище божества богато убрано по образцу вавилонскихъ капищъ. На это указываютъ многочисленные золотые листья, мѣдные гвозди съ золотыми головками и кирпичи съ голубою глазурью. Между тѣмъ какъ строители этихъ храмовъ были знакомы съ употребленіемъ письменъ, есть основаніе думать что они еще не умѣли употребить желѣза при своихъ постройкахъ. Они обходились лишь каменными и мѣдными инструментами. Но гончарное искусство, сообразно условіямъ представляемымъ самою страной, доходило до замѣчательнаго совершенства. При раскопкахъ находятъ прекрасно выдѣланныя и искусно прилаженныя трубки изъ обожженной глины, которыми отводилась дождевая вода съ поверхности этихъ кирпичныхъ построекъ, точно такъ же искусно сдѣланы изъ той же глины гробы.

Въ срединѣ опустѣвшей нынѣ страны, лежащей на западъ отъ нижняго Евфрата, путешественника поражаетъ своею неожиданностью видъ ярко сіяющаго и сплошь вызолоченнаго купола, замѣтнаго днемъ еще издали; два также позолоченные минарета виднѣются по бокамъ. Рано утромъ, когда на нихъ ладаютъ первые лучи восходящаго солнца, и вся окрестность еще погружена въ туманъ, куполы эти производятъ волшебное впечатлѣніе. Это—Мешедъ-Али, то-есть могила Али, цѣль всѣхъ странствій шіитскихъ богомольцевъ. До 80.000 Персіянъ ежегодно приходятъ сюда; они везутъ съ собой отъ 5.000 до 8.000 труповъ. По дорогѣ тянется вереница муловъ, на каждомъ изъ нихъ прикрѣплено по бокамъ по гробу; наверху сидитъ скорчившись погонщикъ, беззаботно покуривая свою трубку. Быть погребеннымъ въ этомъ мѣстѣ значитъ уготовить себѣ мѣсто въ раю, и многіе правовѣрные мусульмане ведутъ весь вѣкъ свой бѣдную жизнь полную лишеній, для того чтобы скопить значительныя суммы необходимыя для переправки ихъ праха въ священное мѣсто и для покупки могильнаго мѣста у начальнаго духовенства. Вслѣдствіе ужасныхъ испареній, подымающихся съ кладбищъ, зараждаются болѣзни, которыя даже въ хорошіе годы, когда не бываетъ эпидеміи, истребляютъ все-таки пятую часть богомольцевъ, но все это кажется ничтожно предъ обѣщаніемъ награды въ небесахъ.

Мы говорили о современномъ обычаѣ, но къ удивленію, этотъ обычай ведетъ свое начало изъ древнѣйшей старины. Въ то время какъ въ Ассиріи не найдено старыхъ гробницъ

и, по словамъ Арріана, ассирійскіе цари погребались въ халдейскихъ болотахъ, вся страна, отъ Нифра до Мугхейра, полна гробницъ. Глиняные гробы, поставленные другъ на друга, покрыты наносным песком; на это нагромождены другіе ряды, пока образовались наконецъ высокіе холмы. Иные изъ нихъ относятся ко временамъ Парфянъ, что доказывается найденными въ нихъ монетами, другіе же носятъ слѣды самой глубокой старины. Многія тысячи этихъ гробницъ находятся въ окрестностяхъ Мугхейра и Синксары, но нигдѣ нѣтъ такого большаго количества ихъ какъ близъ Варки, гдѣ часть развалинъ очевидно состоитъ изъ остатковъ гробницъ. Весьма значительныя развалины находятся также нѣсколько выше, между двумя рѣками, и называются нынѣ Нифферъ. Въ клинообразныхъ надписяхъ имя это встрѣчается въ нѣсколько измѣненной формѣ, оно составляло прозвище Бела, и служило первообразомъ слова Нимродъ, что значило *преслѣдователь*. Имя это и понынѣ хорошо знакомо обитателямъ тѣхъ странъ, потому ли что его вызвали изъ забвенія разказы Корана или, можетъ-быть, оно не переставало жить въ памяти народной, несмотря ни на какія превратности судьбы. Блестящее созвѣздіе Ориона называется Арабами Нимродомъ, о Нимродѣ же существуютъ между ними многочисленные разказы, о томъ, напримѣръ, какъ онъ хотѣлъ вознестись къ небу на крыльяхъ орла. Событіе это, по разказамъ, совершилось около самаго Ниффера. Въ то время когда Лейярдъ производилъ раскопки близъ Нимрода, случилось однажды что въ его отсутствіе работники напали на слѣдъ громаднаго крылатаго льва, съ серіозною, бородатою человѣческою головой. Лишь одна голова была еще выкопана изъ земли, но уже она превышала человѣческій ростъ. Лейярдъ находился на дорогѣ къ раскопкамъ, когда былъ встрѣченъ двумя Арабами, несущимися во весь опоръ. „Торопись, бей, закричалъ ему одинъ изъ нихъ, послѣши къ своимъ работникамъ, ибо они открыли самого Нимрода. Клянусь Аллахомъ! это чудесное событіе, но вполнѣ вѣрное, мы убѣдились въ этомъ собственными глазами! Нѣтъ другаго Бога кромѣ нашего Бога!“ Съ этимъ они ускакали во весь духъ, отправляясь къ расположившемуся лагеремъ племени своему. Вскорѣ появился шейхъ во главѣ цѣлой толпы Арабовъ. При видѣ громадной головы они воскликнули: „нѣтъ другаго Бога кромѣ нашего Бога, и Магометъ Его пророкъ!“ Съ большимъ трудомъ удалось уговорить шей-

ха спуститься въ яму чтобъ убѣдиться что фигура эта сдѣлана изъ камня. Тогда онъ воскликнулъ: „Это не дѣло рукъ человѣческихъ, это созданье тѣхъ невѣрующихъ великановъ о которыхъ пророкъ нашъ (да будетъ миръ съ нимъ) сказалъ что они выше самаго высокаго финиковаго дерева. Это одинъ изъ тѣхъ идоловъ которыхъ Ной (да будетъ съ нимъ миръ) проклялъ еще до потопа.“ Толпа все увеличивалась чтобы посмотрѣть на чудо; поспѣшили закодоть овцу, призвали музыку и вся ночь прошла въ пляскѣ и ликованіи.

Одинъ изъ работниковъ поспѣшилъ въ Моссулъ и возвѣстилъ на базарахъ объ открытіи великаго Нимрода. Кади созвалъ по этому поводу улемовъ и муфти, которые нашли не безопаснымъ потревожить великаго Нимрода. Цѣлою процессіей они отправились къ намѣстнику, требуя прекращенія работъ. Волненіе умовъ было такъ сильно что нужно было на время пріостановить раскопки.

Нимродъ, Соломонъ и Александръ—вотъ тѣ немногія имена которыя живутъ еще въ устахъ народа и съ которыми онъ связываетъ всѣ нѣсколько необычайныя явленія, въ особенности же это часто дѣлается въ отношеніи Нимрода, и такъ какъ развалины находящіяся на мѣстѣ древней Кады называются Нимродомъ, то вполнѣ понятно почему Арабы, съ ихъ легко воспламеняющеюся фантазіей, были вполнѣ увѣрены что самъ старый Нимродъ вышелъ наконецъ на свѣтъ изъ своего долгаго заключенія.

Въ отдаленной Арменіи возвышается на берегу озера Вана громадная гора, носящая имя Нимрода-Даго; находящаяся тамъ же группа скалъ, странной формы, называется *верблюдами Нимрода*; говорятъ что Нимродъ превратилъ ихъ въ камни оттого что хотѣлъ основать горную крѣпость для борьбы съ Богомъ и всѣмъ міромъ. Ему же приписывается вавилонское столпотвореніе, и понынѣ существуютъ развалины которыя носятъ названіе башни Нимрода.

Вавилонъ былъ тотъ городъ которому суждено было затмить собою всѣ другіе, болѣе древніе города Сингара. Дѣйствительно, онъ былъ необыкновенно удобенъ для складочнаго мѣста азіятской торговли. Между тѣмъ какъ произведенія Индіи и Аравіи привозились туда съ юга по Евфрату, изъ Арменіи приплывали корабли нагруженные строевымъ лѣсомъ, виномъ и другими произведеніями. Стада Месопотаміи давали матеріалъ для дорогихъ ковровъ и пестрыхъ тканей, ко-

торыми Вавилонъ славился издревле. Вавилоняне съ раннихъ поръ отличались особеннымъ искусствомъ въ ремеслахъ; караванный путь ведущій въ Сирію соединялъ Месопотамію и Синеаръ съ заладомъ. Все это давало Вавилонянамъ великое значеніе; тѣмъ не менѣе, несмотря на большіе торговые обороты, на громадную прибыль, доставляемую плодородною и хорошо воздѣлаккою почвой, въ Вавилоніи чувствовался недостатокъ ничѣмъ не замѣнимый: ему недоставало хорошихъ естественныхъ границъ и воинственнаго народонаселенія. Трудолюбивые Вавилоняне чувствовали отвращеніе къ воинственной жизни, а въ то же самое время благосостояніе ихъ возбуждало алчность сосѣднихъ народовъ. Климатъ тѣхъ странъ чрезвычайно жаркій; зимой однако температура понижается до точки замерзанія, и холодные вѣтры, дующіе въ степяхъ Месопотаміи и въ пустынныхъ нынѣ равнинахъ Халдеи, пронизываютъ человѣка насквозь, такъ что легко одѣтые Арабы безсильно падаютъ съ лошади. Въ хорошо воздѣланной, обильной лѣсами части страны, сила вѣтра, вѣроятно, была менѣе чувствительна. Конечно въ былое время Вавилоняне обнаружили неутомимую храбрость при защитѣ своей столицы, но тѣмъ не менѣе они не могли сравниться стойкостью и воинственнымъ духомъ съ ихъ сосѣдями, кочующими жителями аравійскихъ степей на заладѣ и съ обитателями горныхъ странъ лежащихъ на востокѣ, которые всегда съ алчностью взирали на богатства низменныхъ странъ. Поэтому не удивительно что въ историческихъ преданіяхъ Вавилонянъ встрѣчается упоминаніе о тарамахъ мидійскаго и аравійскаго происхожденія, которые прерываютъ собою рядъ туземныхъ халдейскихъ царей. На подобные же случаи указываютъ и еврейскія лѣтописи. Время этихъ событій вполнѣ неопредѣленно. Болѣе положительныя свѣдѣнія даютъ намъ ассирійскія надписи. Мы уже знаемъ что въ 1800 году до Р. Х. вавилонскій царевичъ основалъ храмъ въ Ассурѣ. Имя отца его, Исми-Дагона, встрѣчается на многихъ кирпичахъ найденныхъ въ низменностяхъ. Но вскорѣ наступили тяжелыя времена. Египетскія надписи говорятъ намъ что послѣ изгнанія азіятскихъ номадовъ, исполненные воинственнаго духа и окрѣпшіе въ борьбѣ за независимость Египтяне переступили за свои границы. Подъ управленіемъ могучей 18й династіи и въ особенности царей Тутмозиса и Аменофиса, власть ихъ распространилась далеко вглубь Азіи. Кажется что они утвердились въ

Арбавѣ у Кабура, въ мѣстности гдѣ и понынѣ встрѣчаются богатыя пастбища среди развалинъ, не имѣющія постоянныхъ жителей; здѣсь наряду со старинными произведеніями ассирійскаго искусства попадаются египетскія вещи. Повидимому Вавилонъ былъ обложенъ данью, и власть царей его была потрясена до основанія. Вѣроятно вслѣдствіе этого и Ассирія получила ту степень самостоятельности которая выразилась въ сооруженіи новой столицы Калы, на противоположномъ берегу Тигра.

Въ ней-то развилось могущество перваго изъ извѣстныхъ намъ ассирійскихъ завоевателей, Тиглата-Пилезара, который однако въ послѣдствіи былъ побѣжденъ во время похода противъ Вавилонянъ въ 1111 году. Три столѣтія спустя, владычество надъ Вавилонянами перешло въ руки ассирійскихъ царей, и если и случались возстанія, то тѣмъ не менѣе самостоятельность Вавилона не возстановилась вплоть до паденія Ниневіи; цари Ассиріи строили тамъ дворцы и поручали управленіе страны своимъ намѣстникамъ. Послѣ длиннаго ряда кровавыхъ возстаній, отчаяніе и сознаніе собственнаго безсилія усмирили наконецъ Вавилонянъ, но чувство ненависти не умирало въ ихъ сердцахъ. Тогда-то до нихъ дошли слухи о пораженіяхъ ассирійскаго войска Мидянами и о набѣгахъ Скиѳовъ, которые наказанію опустошали Ассирію. Извѣстіе это попало какъ искра въ порохъ. Вскорѣ въ Ниневіи узнали что съ нижнихъ странъ движутся великія толпы народа, и что самъ Набополоссаръ, посланный противъ нихъ, измѣнилъ падающему царству. Во главѣ мятежниковъ, онъ явился предъ стѣнами столицы, нанесъ ей послѣдній ударъ. Киаксаръ и Набополоссаръ заключили между собой добычу, и для скрѣпленія союза, Навуходоносоръ, сынъ Набополоссара, женился на дочери царя мидійскаго. Вавилонъ еще разъ сдѣлался столицей самостоятельнаго царства.

Но какова было сила этого царства? Кровавыя опустошенія народа ослабили его. Никто не знаетъ какими средствами Набополоссаръ упрочилъ новую власть надъ Вавилономъ и Эламомъ. Вскорѣ ему пришлось обратить вниманіе на Сирію, которою завладѣли египетскіе фараоны, пользуясь слабостью Ассиріи. Сынъ Набополоссара, Навуходоносоръ, двинулся противъ Египтянъ и разбилъ ихъ при Каркемишѣ въ 605 году. Въ послѣдствіи Сирія старалась возстановить свою самостоятельность, но при существовавшемъ порядкѣ вещей

это было совершенно невозможно, и Сирія могла только быть игрушкой въ рукахъ Египтянъ или Вавилонянъ. На чьей сторонѣ была сила, это ясно доказала битва при Кархемишѣ. Не менѣе опасно было положеніе маленькаго Іудейскаго царства; оно было часто союзникомъ Египта и этимъ вызвало гнѣвъ Навуходоносора. Внутреннія дѣла Іудеевъ были также весьма печальны; царь Іоакимъ поклонялся идоламъ; по примѣру сильныхъ властелиновъ, онъ строилъ себѣ дворецъ, и несмотря на страшную нужду, облагалъ налогами обнищавшій народъ. Іерусалимъ палъ предъ могуществомъ Навуходоносора, всѣ лучшіе люди были уведены въ плѣнъ, въ 586 году.

Самыя подробныя свѣдѣнія о Навуходоносорѣ дошли до насъ изъ Ветхаго Завѣта. Но не должно забывать что Іудеи не имѣли причинъ любить этого царя. Своею дурною славой онъ обязанъ преимущественно книгѣ пророка Даніила, но слѣдуетъ замѣтить что написанная четыре столѣтія спустя, книга эта направлена вовсе не противъ самого Навуходоносора, а только прикрывается его именемъ, чтобы наносить удары Антіоху Епифану.

Въ лѣтописи Бероза сохранились нѣкоторые отрывки относящіеся къ Навуходоносору, не всего болѣе свидѣтельствуютъ о немъ его же собственныя постройки. Дѣйствительно, во всей Вавилоніи трудно найти хотя бы одинъ кирпичъ который не носилъ бы его клейма; онъ возобновилъ всѣ сооруженія древнихъ халдейскихъ царей, городъ же Вавилонъ, извѣстный намъ изъ разказовъ Грековъ, можетъ положительно считаться его созданіемъ. Лишь принудительная работа плѣнныхъ дѣлала возможными подобныя громадныя сооруженія; въ отношеніи побѣжденныхъ враговъ Навуходоносоръ былъ такой же тиранъ какъ и другіе; что же касается его собственной страны, то о ней онъ заботился отечески.

Геродотъ съ восторгомъ говоритъ о гидравлическихъ сооруженіяхъ которымъ страна была обязана своею безопасностью и плодородіемъ. Сооруженія эти онъ приписываетъ нѣкоей царицѣ Никотрисѣ, которая, судя по его словамъ, никто иная какъ супруга Навуходоносора, мидійская царевна Амитисъ. Къ сѣверу отъ Вавилона были придамы теченію Евфрата искусственные изгибы, которые умѣряли напоръ водъ во время наводненія. Близъ Сиппары было вырыто громадное озеро, имѣвшее 10 миль въ окружности и 85 футовъ глубины и слу-

жившее резервуаромъ для излишней воды. Вырытая земля была обращена въ насыпь. Судоходный каналъ соединялъ Тигръ съ Евфратомъ и назначался для уравненія поверхности воды въ обѣихъ рѣкахъ. Эту послѣднюю работу Берозъ исключительно приписываетъ Навуходоносору. Другой каналъ служилъ преимущественно для судоходства, такъ какъ воды Евфрата почти всѣ расходились на орошеніе полей. Третій каналъ отводилъ лишнюю воду въ халдейскія озера. Въ мѣстностяхъ лежащихъ близъ моря много земли было выгодано посредствомъ искусственныхъ насыпей и осушенія болотъ, и вновь основанная гавань Тередонъ вскорѣ достигла большаго значенія и благосостоянія. Эти гидравлическія сооруженія служили также для обороны страны; для отраженія же Мидянъ и кочующихъ степныхъ народовъ возвышалась громадная *Мидійская стѣна*, находившаяся между Тигромъ и Евфратомъ, тамъ гдѣ начиналась плодородная полоса земли. Стѣна эта имѣла 20 футовъ въ толщину, 100 футовъ въ ширину и простиралась на 15 миль.

Въ самой столицѣ Навуходоносоръ возобновилъ старый развалившійся храмъ Бела и украсилъ его добычей взятою въ Іерусалимѣ и Ниневіи. На восточномъ берегу Евфрата онъ воздвигъ дворецъ; рѣка протекала посреди города и надъ нею возвышался мостъ, устои котораго были сдѣланы изъ тѣльнаго камня,—вещь небывалая въ этой странѣ, гдѣ употреблялись одни только кирпичи. Изъ любви къ своей супругѣ, Амитисѣ, Навуходоносоръ построилъ знаменитые висячіе сады, состоявшіе изъ искусственной горы, которая должна была напоминать ей ея гористую родину и перенести ее изъ удушливаго зноя равнинъ въ болѣе прохладный воздухъ. Крѣпкіе своды поддерживали террасы обсаженныя большими деревьями, и искусственнымъ способомъ воды Евфрата поднимались на вершину зданія.

Храмы, дворцы, жилища народа, обширныя пашни и пастбища были обнесены громадною стѣной, на верху которой двѣ колесницы запряженныя четверней могли свободно разъѣхаться,—чудо, подобное которому не встрѣчается нигдѣ.

Недалеко отъ Вавилона, въ Борсиппѣ возвышался храмъ, развалины коего называемыя нынѣ Биръ-и-Нимродомъ, дадутъ намъ всего ясное понятіе объ оригинальныхъ вавилонскихъ храмахъ, описываемыхъ Греками и попадающихся въ весь-

рійскихъ изображеніяхъ; такъ-называемая пирамида Нина, въ Нимродѣ, очевидно была также нѣкогда храмомъ. Зданія эти имѣли видъ ступеньчатой пирамиды, на высотѣ которой помѣщалось обитадище божества; каждая ступень была обложена покрытыми глазурью камнями или какимъ-нибудь металломъ, цвѣтъ котораго изображалъ одну изъ семи планетъ, которыя, по понятіямъ Вавилонянъ, управляли днями, недѣлями и судьбой человѣка. Планетами этими они считали Луну, Меркурія, Венеру, Солнце, Марса, Юпитера и Сатурна. Въ фундаментѣ зданія найденъ былъ, согласно древне-вавилонскому обычаю, цилиндръ покрытый клинообразными письменами, которыя гласили что Навуходоносоръ возобновилъ этотъ обветшалый храмъ.

Діодоръ описываетъ намъ картины которыя украшали дворецъ, онъ справедливо замѣчаетъ что онѣ были нарисованы яркими красками на самомъ кирпичѣ, и это показаніе подтверждается найденными обломками. Въ техническомъ отношеніи эта живопись была доведена до значительной степени совершенства. На сырой глиняной плитѣ были изображены металлическими красками цѣлыя картины; за симъ все это разрѣзалось на части и выжигалось. Немногіе сохранившіеся обломки ясно показываютъ что характеръ этихъ изображеній былъ вполнѣ схожъ съ характеромъ ассирійской живописи. Діодоръ упоминаетъ о большихъ охотничьихъ картинахъ, гдѣ дѣйствующія лица были вышиной въ четыре локтя, тутъ же виднѣлась царица Семирамида, верхомъ на лошади, поражающая копьемъ пантеру. Эта послѣдняя подробность такъ несогласна съ нравами Востока что вѣроятно изображеніе представляло какую-нибудь богиню, если вообще разказъ достовѣренъ. Насколько Діодоръ небреженъ въ своихъ показаніяхъ, доказывается всего лучше его описаніемъ памятника въ честь побѣдъ царя Дарія, на которомъ не видать ни одной женщины. Это обстоятельство нисколько не помѣшало Діодору узрѣть на этой картинѣ Семирамиду съ ея тѣлохранителями. Греки всюду видѣли одну только Семирамиду и приписывали ей всѣ важнѣйшія сооруженія въ тѣхъ мѣстностяхъ; за это ихъ не мало поднимали на смѣхъ болѣе свѣдущіе Вавилоняне. Однако Геродоту много разказывали въ Вавилонѣ о какой-то Семирамидѣ, которая впрочемъ не была супругой Нина, ему также говорили о Никтрисѣ, не упоминая ни однимъ словомъ о Навуходоносорѣ. Чрезъ это, имя великаго

царя было какъ будто отодвинуто на задній планъ и въ высшей степени несправедливо забыто.

Сорокъ три года царилъ Навуходоносоръ въ Вавилонѣ (604—561). Это было время высшаго процвѣтанія царства. Когда наступили тяжелые дни, образъ его преобразился въ памяти народной. Подобно тому какъ было въ послѣдствіи съ Карломъ Великимъ и Гарунъ-аль-Рашидомъ, имя его сдѣлалось для позднѣйшихъ потомковъ, въ годину бѣдствій, символомъ добраго стараго времени. Никто не вѣрилъ въ его смерть, всѣ ждали его возвращенія. И какъ Франки разказывали въ послѣдствіи о Карлѣ Великомъ что онъ, будучи уже на склонѣ лѣтъ, предвѣщалъ, глядя на море, тѣ бѣдствія которыя ожидали его любимую родину со стороны Норманновъ, такъ и Вавилоняне сообщаютъ что Навуходоносоръ, озирая съ кровли своего дворца лежащія вокругъ плодородныя земли, обратился къ сѣверу и предсказалъ грозившую оттуда опасность. Послѣ чего онъ скрылся и никто не видалъ его болѣе.

Такова участь деспотическихъ правленій что никакія добрыя качества одного правителя не служатъ ручательствомъ мудраго образа дѣйствій со стороны его преемника. Сынъ Навуходоносора жилъ въ роскоши и изнѣженности и былъ умерщвленъ послѣ двухлѣтняго царствованія; преемники его царствовали также не долго.

Въ это время на персидскій престолъ вступилъ Киръ; царь Лидійскій Крезъ обратился къ Вавилонянамъ и Египтянамъ, прося ихъ содѣйствія противъ Персовъ; но прежде чѣмъ могла быть оказана помощь, Крезъ умеръ. Однако Киръ не забылъ этого обѣщаннаго содѣйствія, да и вообще, по словамъ Геродота, Вавилонъ былъ помѣхой его замысламъ. Онъ лежалъ между вновь завоеванною Персами Малою Азіей и Персеполисомъ и мѣшалъ сообщеніямъ между ними. Съ увѣренностью можно было предсказать нападеніе со стороны Персовъ. Можно ли было его предупредить? Врядъ ли Вавилоняне были стойки во время обороны, но не годились для наступательнаго движенія. Походъ въ Иранскую возвышенность былъ труденъ, опасенъ, да къ тому же онъ не велъ къ цѣли. Могущество Кира коренилось не въ Персеполисѣ, не въ Экбатанѣ, а въ храбрости и въ воинственномъ духѣ самого народа и союзниковъ его Мидянъ, которымъ не въ силахъ были противостоять Вавилоняне. Лучше всего было ожидать осады,

усовершенствовать укрѣпленія, можетъ-быть, даже припасти наемниковъ.

Лишь въ 538 году появился Киръ предъ Вавилономъ, Мидійская стѣна не удержала его. Идя съ востока, онъ переправился чрезъ Тигръ, разбилъ войско царя Набунита и осадилъ Вавилонъ. Но Вавилоняне не страшились его, вѣдь они имѣли свои непреодолимыя стѣны. Ни одна стрѣла не достигала вершины ихъ; онѣ были окружены широкими рвами, которые не допускали приближенія осадныхъ башенъ; да къ тому же вскорѣ слѣдовало ждать наводненія. Дѣйствительно не много времени спустя удалилось главное войско Персовъ, и Вавилоняне беззаботно предались веселію и пьянству, они праздновали торжество въ честь одного изъ ихъ боговъ.

Между тѣмъ Киръ не отдыхалъ; съ помощью великолѣпныхъ гидравлическихъ сооруженій, искусственнаго резервуара и каналовъ, ему удалось отвести воды Евфрата, такъ что рѣчное ложе было на нѣсколько часовъ осушено. По этому пути Персы вторгнулись въ городъ, стѣны котораго лежавшія вдоль рѣки были еще не додѣланы. Торжественное настроеніе смѣнилось тогда грустью и жалобами, и Вавилонское государство перестало существовать.

Очевидно Киръ не разорилъ Вавилона, напротивъ того, онъ, кажется, сдѣлалъ его своею резиденціей, къ чему онъ былъ весьма пригоденъ, благодаря своему географическому положенію. Но ничто не могло помирить Вавилонянъ съ ихъ судьбой; они поочередно возмущались противъ Дарія, противъ Ксеркса, и бородись съ мужествомъ отчаянія, но всегда безуспѣшно. Отъ этой борьбы стѣны ихъ пострадали, храмъ Бела былъ разрушенъ, но несмотря на это Вавилонъ попрежнему оставался богатымъ, значительнымъ торговымъ городомъ. Ихъ ковры, благовонныя мази и духи продавались за дорогую цѣну; этими мазями они натирали свое тѣло, носили длинную одежду, не рѣзали волосъ и покрывали голову повязкой. Всякій изъ нихъ украшалъ себя кольцомъ съ печатью и, опирался на высокую трость, конецъ которой былъ вырѣзанъ въ видѣ птицы, орла или цвѣтка, или чего-нибудь подобнаго. Это предписывалось закономъ, вѣроятно съ цѣлію удобнѣе узнавать участниковъ во время какихъ-либо безпорядковъ.

Въ такомъ видѣ засталъ Геродотъ Вавилонянъ, такими же видѣлъ ихъ и Александръ, который тамъ же и кончилъ жизнь.

Никогда Вавилонъ не былъ разоренъ какъ Ниневія; онъ погибъ, говоря словами Плинія, истощенный сосѣдствомъ Селевкіи. Это была столица вновь основанная на Тигрѣ; туда перевели дворъ и туда же мало-по-малу перешло народонаселеніе и торговля. Ктезифонъ, Гилла, Куфа, самъ Багдадъ существовали крохами отнятыми у Вавилона, и наконецъ истощили его до основанія. Все сколько-нибудь годное было вывезено оттуда, и потому-то раскопки въ Вавилонѣ даютъ такъ мало результатовъ, хотя они сопряжены съ величайшими трудностями. Дворцы и храмы сдѣлались жертвой пламени и употребляемая при постройкахъ горная смола превратилась въ кору, которая, подъ вліяніемъ вавилонскаго солнца, сдѣлалась непроницаемою. Въ грудахъ мусора, на которыхъ не произрастаетъ ни одной соломинки и которыя представляютъ грустную картину запустѣнія, попадаются тамъ и сямъ кирпичи съ надписями, обломки лепныхъ картинъ изъ глазурной глины, рѣзные камни, но такія плиты съ изображеніями, такія колоссальныя статуи, какъ въ Ниневіи, не встрѣчаются нигдѣ. Опустошеніе такъ велико, все въ такой степени утратило свою первобытную форму, что здѣсь гораздо труднѣе, чѣмъ въ Ассиріи, получить ясную картину прошлаго, опредѣлить направленіе стѣнъ и точное названіе каждой отдѣльной груды мусора.

Такимъ образомъ померкла слава Вавилона, такъ погибли его храмы и дворцы. Халдеи, эти когда-то высокопочитаемые, могущественные жрецы, скитались по Римской имперіи въ качествѣ предсказателей и толкователей знаменій. Наконецъ и они исчезли, и знаніе ихъ перешло въ другія руки. Имъ мы обязаны возникновеніемъ астрономіи. Чудесно разстилается усѣянное звѣздами небо надъ безконечными равнинами прибрежныхъ странъ Евфрата; поразительнымъ блескомъ сверкаютъ созвѣздія, и движенія планетъ, перемѣны мѣсяца, различные метеоры тѣмъ болѣе привлекаютъ на себя вниманіе что по причинѣ сильнаго дневнаго жара, многое совершается исключительно ночью; и поэтому, съ захожденіемъ солнца, всѣ покидаютъ прохладные, подземные *сердабы*, чтобы на плоскихъ кровляхъ наслаждаться ночнымъ воздухомъ. Для Вавилонянъ созвѣдія были божественными существами, предъ которыми они преклонялись, но въ то же время они изучали и ихъ движенія. Ихъ наблюденія послужили основаніемъ астрономическихъ занятій ученыхъ Александрійцевъ.

И нынѣ, когда мы дѣлимъ кругъ на 360 градусовъ, дробимъ день на 24 часа, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 60 минутъ, считаемъ семь дней въ недѣлѣ и называемъ ихъ именемъ одной изъ планетъ, когда мы дѣлимъ видимый путь солнца на изображенія зодіака, то этимъ самымъ мы идемъ по стопамъ древнихъ Халдеевъ, научная точность которыхъ оставила по себѣ много слѣдовъ, преимущественно же въ астрономіи, которая обязана имъ своимъ существованіемъ. Если мы вспомнимъ что первообразы іонической колонны и другихъ украшеній греческаго искусства встрѣчаются въ ассирійской скульптурѣ, то мы увидимъ что постройки и воинскіе подвиги царей были преходящи, но что духовныя сокровища древнихъ Халдеевъ остались вѣчно неизмѣнными.

ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ ГЕРЦЕНА

(ПИСЬМО ИЗЪ БЕРЛИНА.)

....Хочу сказать вамъ нѣсколько словъ о книгѣ которая вотъ уже нѣсколько недѣль красуется въ витринахъ здѣшнихъ книжныхъ магазиновъ, а именно о *Сборникѣ посмертныхъ статей А. И. Герцена*. Книга эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ: она содержитъ интересный матеріалъ для характеристики покойнаго автора и кромѣ того въ ней разсѣяны драгоцѣнныя замѣтки о пресловутой русской эмиграціи, которая неизвѣстно зачѣмъ и почему оторвалась отъ родной почвы и влачитъ за границей самое жалкое существованіе.

Въ *Сборникъ* вошли статьи писанныя Герценомъ по большей части (какъ видно изъ помѣтокъ) лѣтъ за десять, или даже прежде, до его кончины. Отчего же только теперь появляются онѣ въ свѣтъ? Почему авторъ, при своей жизни, такъ тщательно хранилъ ихъ подъ спудомъ? Не трудно отвѣчать на этотъ вопросъ, ознакомившись съ обнародованными нынѣ произведеніями его пера. Какъ ни увлекался Герценъ, стараясь увѣрить себя будто бы онъ занятъ какимъ-то серіознымъ дѣломъ, какъ ни дорожилъ онъ своими связями съ коноводами европейской революціи, у него сохранилось однако настолько чутья и здраваго смысла, что не могъ онъ не сознавать всю пустоту и фальшь той среды въ которой безплодно тратилъ свои силы. Повременамъ овладѣвало имъ, повидимому, грустное раздумье. Не укрывалось отъ него крайнее ничтожество людей съ которыми столкнула его судьба; съ омерзеніемъ отворачивался онъ отъ нашихъ

доморощенныхъ „Собакевичей нигилизма,“ только и заботившихся о томъ чтобы нагло эксплуатировать его; недовѣрчиво относился онъ и къ актерамъ и къ самой пiесѣ, которая разыгрывалась при непосредственномъ его участiи.... Въ эти минуты давалъ онъ полную волю накипѣвшему въ немъ чувству озлобленiя и желчи, и изъ-подъ пера его вылилось нѣсколько мѣткихъ очерковъ, которые по силѣ и иронiи, безспорно принадлежатъ къ лучшему что было когда-нибудь писано имъ. Но публично сказать правду у Герцена не хватило мужества; онъ тщательно приберегалъ свои разоблаченiя для потомства; изъ малодушной боязни чтобы не остаться въ одиночествѣ, онъ поддѣлывался подъ тонъ своихъ жалкихъ сотоварищей и старался утѣшить себя тѣмъ что втихомолку предавалъ ихъ безпощадному бичеванiю. Можетъ ли быть что-нибудь печальнѣе подобной участи?...

Читая разказы Герцена о сношенiяхъ его съ разношерстною эмиграцiей, избравшею своимъ притономъ Лондонъ, невольно задаешь себѣ вопросъ какъ не задохнулся онъ въ этой почтенной компанiи! Конечно, между европейскими ея вожаками находится нѣсколько не дюженныхъ личностей, которыхъ, какъ ни мало сочувствуешь ихъ сумасбродству, нельзя, по крайней мѣрѣ, заподозрить въ недостаткѣ искренности. Эти люди играли когда-то роль, но затѣмъ родное общество выбросило ихъ изъ своей среды и они усиленно стараются, взамѣнъ настоящей, создать для себя искусственную дѣятельность, безпрерывно колошась надъ какою-то работой и обольщая себя мыслью что каждый ихъ часъ дорогъ для человѣчества. Герценъ весьма ловко схватилъ смѣшныя стороны этого кружка. Онъ сообщаетъ множество забавныхъ анекдотовъ о Кошутѣ, посадившемъ у себя предъ кабинетомъ адъютантовъ и сдѣлавшемся почти недоступнымъ, потому что онъ съ утра до ночи поглощенъ занятiями,—сегодня „оканчиваетъ американскую почту,“ завтра принимаетъ депутацiю отъ Италiи и т. п.; о Полякѣ Ворцелѣ, имѣвшемъ у себя „дневные доклады;“ о секретарѣ Маццини, Маццолетти, котораго Герценъ называетъ „статсъ-секретаремъ по революцiи,“ чиновникѣ-бюрократѣ по натурѣ, поражавшемъ министерскою важностью и дипломатическими манерами.... Но все это еще свѣтлая сторона эмиграцiи. Какая грустная картина если отъ первыхъ сюжетовъ обратиться къ хору! Что за бездон-

ное море самыхъ мизерныхъ побужденій, мелкой зависти, отчаянныхъ попытокъ набить себѣ карманъ и неразборчивости въ средствахъ.... Замѣчаніе это особенно относится къ Полякамъ. Въ книгѣ Герцена находимъ мы серіозныя подробности о морской экспедиціи задуманной имъ въ 1863 году, во время послѣдняго мятежа, къ берегамъ Россіи. Начальникомъ ея избрали нѣкоего Лапинскаго. Вотъ что говоритъ о немъ нашъ авторъ: „Лапинскій былъ въ полномъ смыслѣ словѣ кондотьеръ. Твердыхъ политическихъ убѣжденій у него не было никакихъ. Онъ могъ идти съ бѣлыми и красными, съ чистыми и грязными; принадлежа по рожденію къ галиційской шляхтѣ, по воспитанію къ австрійской арміи, онъ сильно тянулъ къ Вѣнѣ, Россію и все русское онъ ненавидѣлъ дико, безумно, неисправимо.“ Таковъ былъ главный дѣятель, но что сказать о воинствѣ, собравшемся подъ его знаменемъ? Герценъ посвятилъ слѣдующую яркую страницу описанію того, какимъ образомъ это воинство снаряжалось въ походъ:

„Приготовленія шли тихо; слухъ объ экспедиціи все больше и больше распространялся. Компанія дала сначала пароходъ, оказавшійся негоднымъ по осмотру хорошаго моряка, графа С. Надобно было начать перегрузку. Когда все было готово, и часть Лондона знала обо всемъ, случилось слѣдующее: Цверцаковичъ и Демонтовичъ повѣстили всѣхъ участниковъ экспедиціи чтобъ они собирались къ десяти часамъ на такомъто амбаркадерѣ желѣзной дороги, чтобъ ѣхать до Гуля въ особомъ train, который давала имъ компанія. И вотъ къ десяти часамъ стали собираться будущіе воины. Въ ихъ числѣ были и Италіянцы, и нѣсколько Французовъ: бѣдные, отважные люди, которымъ надоѣло бездомное скитаніе, и люди истинно любившіе Польшу. И десять, и одиннадцать часовъ проходятъ, но train нѣтъ какъ нѣтъ. По домамъ, изъ которыхъ таинственно вышли наши герои, мало-по-малу распространяются слухи о дальнемъ лугѣ, и часовъ въ двѣнадцать, къ будущимъ бойцамъ за независимость присоединилась въ сѣняхъ амбаркадера стая женщинъ, неутѣшныхъ Дидонъ, оставленныхъ свирѣпыми поклонниками, и свирѣпыхъ хозяекъ домовъ, которымъ они не заплатили, вѣроятно, чтобъ онѣ не дѣлали огласки. Растрепанныя, онѣ неистово кричали, хотѣли жаловаться въ полицію; у нѣкоторыхъ были дѣти; всѣ они кричали, и всѣ матери кричали. Англичане стояли кругомъ и съ удивленіемъ смотрѣли на картину „исхода“. Напрасно старшіе изъ ѣхавшихъ спрашивали скоро ли пойдетъ особый train и показывали свои билеты. Служители желѣзной дороги не слыхали ни о какомъ train. Сцена становилась шумнѣе и шумнѣе... Какъ вдругъ прискакалъ гонецъ отъ шефовъ ска-

зать ожидавшимъ что они всѣ съума сошли, что отъѣздъ назначенъ въ 10 часовъ вечеромъ, а не утромъ, и что это до того понятно что они и не написали. Пошли съ узелками и котомочками къ своимъ оставленнымъ Дидонамъ и смягченнымъ хозяйкамъ бѣдные воины..."

Экспедиція, какъ извѣстно, не удалась. Она была задержана въ Стокгольмѣ. Лапинскій, тотчасъ по возвращеніи назадъ, сталъ собираться въ Америку.

„— Буду, братья, за республику, говорилъ онъ въ присутствіи Герцена. Кстати, гдѣ здѣсь можно завербоваться? Со мною нѣсколько товарищей и всѣ они безъ куска насущнаго хлѣба.

„— Просто у консула.

„— Да нѣтъ, мы хотимъ на Югъ: у конфедератовъ теперь недостатокъ въ людяхъ и къ тому же они предлагаютъ *болѣе выгодныя условія*."

Все это весьма характеристично, но я не хочу останавливаться подробно на томъ что сообщаетъ Герценъ объ европейской эмиграціи. Во всякомъ случаѣ эта эмиграція имѣетъ какой-нибудь raison d'être. Она порождена политическими переворотами въ различныхъ государствахъ, и люди обреченные на скитанье, представляли когда-то дѣйствительную силу, съ которою нужно было вести борьбу. Даже эти жалкіе польскіе выходцы, ничтожные сами по себѣ, служили и вѣроятно послужатъ еще не разъ опаснымъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ людей, которые эксплуатируютъ ихъ для собственныхъ цѣлей. Съ этой точки зрѣнія набросанная Герценомъ картина ихъ отплытія въ лоходъ наводитъ на поучительныя размышленія: мы видимъ предъ собою толпу оборванцевъ, искателей приключеній, не имѣвшихъ даже средствъ заплатить за наемъ квартиры, и все имущество которыхъ помѣщается въ маленькихъ котомочкахъ, а между тѣмъ открыта имъ возможность отправиться въ дальній путь, какая-то компанія даетъ имъ пароходы и устраиваетъ для нихъ особые поѣзды желѣзныхъ дорогъ, и все это совершается безпрепятственно на глазахъ англійскаго правительства... Не ясно ли видна тутъ таинственная рука, управляющая, какъ маріонетками, этимъ несчастнымъ людомъ? Но если печальна судьба польской эмиграціи, то что сказать объ эмиграціи россійской? Изъ кого состоитъ она и какія цѣли имѣетъ предъ собою? Изъ всего этого маленькаго кружка, избравшаго своею резиденціей сначала туманный Лондонъ, а потомъ берега Лемана,

только Герценъ и Огаревъ пользовались литературною извѣстностію; что же касается до остальныхъ, мы полагаемъ что ничье ухо не слыхивало никогда именъ этихъ господъ, которые были обречены самою судьбой на ничтожество и вдругъ прониклись мыслію что Россія черезчуръ тѣсна для того чтобы могли развернуться въ ней могучія ихъ силы. Не трудно понять причины заставившія какого-нибудь Италіянца или Венгерца „вкушать черствый хлѣбъ изгнанія“, но нѣтъ такого хитраго ума который былъ бы въ состояніи объяснить что̀ побудило нашихъ туземныхъ друзей прогресса записаться въ цехъ эмигрантовъ. Что̀ же это, повторяемъ еще разъ, за кружокъ и какимъ образомъ суждено было ему возникнуть?

Мы находимъ у Герцена довольно обстоятельный отвѣтъ на наши вопросы. Вотъ прежде всего его отзывъ о русской революціонной молодежи:

„....Сначала новые гости (Герценъ говоритъ объ юношахъ присоединившихся къ нему и Огареву) оживили насъ разсказами о петербургскомъ движеніи (подъ „петербургскимъ движеніемъ“ подразумѣвается здѣсь студентская исторія начала 60хъ годовъ), о процессахъ и преслѣдованіяхъ, объ университетскихъ и литературныхъ партіяхъ; потомъ, когда все это было передано съ тою скоростію съ которою торолятся въ этихъ случаяхъ все сообщить, наступили паузы, гіатусы; бесѣды наши сдѣлались скучны, однообразны....

„Неужели, думалъ я, это въ самомъ дѣлѣ старость, разводящая два поколѣнія, — холодъ, вносимый лѣтами, усталью, испытаніями?

„Какъ бы то ни было, я чувствовалъ что съ появленіемъ новыхъ людей горизонтъ нашъ не расширился... а сузился; діаметръ разговоровъ сталъ короче; намъ иной разъ нечего было сказать другъ другу. Ихъ занимали подробности ихъ кружковъ, за границей которыхъ ихъ ничто не занимало. Однажды передавъ все интересное объ этихъ кружкахъ, приходилось повторять—и они повторяли. Наукой или дѣлами они занимались мало, даже мало читали и не слѣдили правильно за газетами. Поглощенные воспоминаніями и ожиданіями, они не любили выходить въ другія области, а намъ недоставало воздуху въ этой спертой атмосферѣ. Мы, избаловавшись другими размѣрами, задыхались въ ней. Къ тому же если они и знали извѣстный слой Петербурга, то Россіи вовсе не знали, и искренно желая сблизиться съ народомъ, сближались съ нимъ книжно и теоретически. Общее между ними было слишкомъ обще. Вмѣстѣ идти, *служить*, по французскому выраженію, вмѣстѣ что-нибудь дѣлать мы могли (!), но вмѣстѣ стоять и жить сложа руки было трудно. О серіозномъ вліяніи и

думать было нечего. Болѣзненное и очень безцеремонное ихъ самолюбіе давно закусило удила. Иногда, правда, они требовали программы, руководства, но при всей искренности это было не въ самомъ дѣлѣ. Они ждали чтобы мы формулировали ихъ собственное мнѣніе и только въ томъ случаѣ соглашались когда высказанное нами нисколько не противорѣчило имъ.... Большею частью они не имѣли той выправки которую даетъ воспитаніе и той выдержки которая пріобрѣтается научными знаніями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкнуть всѣ каучуковыя подушки мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ. Это затрудняло всѣ простѣйшія отношенія съ ними. Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо явились какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. Вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружились печальные слѣды наслѣдственнаго худосочья, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ....“

Куріозныя личности, выдѣлившіяся изъ русской общественной среды, постоянно волили противъ ея невѣжества и застоя, но вотъ въ какой формѣ выражался ихъ протестъ:

„Вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь не уважая, мы будемъ толкаться не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur. Но съ другой стороны эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежительства личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго Пѣтуха, и притомъ не сохраняя лозы Венеры Медицейской. Нагота не скрыла, а раскрыла кто они. Она раскрыла что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣютъ ничего общаго съ неоскорбительною и простодушною грубостью крестьянина и очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской ломѣщичьяго дома.... Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть С. Милля *ракальей*, забывая всю службу его, развѣ это не барская замашка, которая „стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло?..“ Самая проказа взятокъ уцѣлѣла въ вымогательствѣ денегъ нахраломъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ пололзновеніи кормиться на счетъ службы и мстить кляузами и клеветами за отказъ.“

Вотъ каковы, по выраженію Герцена, эти „шершавые представители новаго поколѣнія“, эти „Собакевичи и Ноздревы нигилизма“, эти Нечаевцы о которыхъ въ послѣднее время у насъ было не мало толковъ.

Не все же, однако, негодяи. Попадаются между ними и просто тупоумные люди, поражающіе своею дѣтскою наивностью. Одного изъ нихъ, какъ самый замѣчательный экземпляръ, изображаетъ Герценъ, и я не могу удержаться чтобы не привести здѣсь его разказъ, ибо онъ даетъ весьма удовлетворительное объясненіе изъ какихъ элементовъ слагалась наша „эмиграція“:

„Однажды утромъ я получилъ записку, очень короткую, отъ какого-то незнакомаго Русскаго; онъ писалъ мнѣ что имѣетъ необходимость меня видѣть и просилъ назначить время. Я шелъ въ Лондонъ, а потому, вмѣсто всякаго отвѣта, зашелъ самъ въ Саблоньеръ-отель и спросилъ его. Онъ былъ дома. Молодой человѣкъ съ видомъ кадета, очень невеселый и съ особою наружностью, довольно толорно отдѣланною, седьмыхъ-восьмыхъ сыновей стелныхъ ломѣщиковъ. Очень неразговорчивый, онъ почти все молчалъ; видно было что у него что-то на душѣ, но онъ не дошелъ до возможности высказать что. Я ушелъ, пригласивъ его для черезъ два-три обѣдать. Прежде этого я встрѣтилъ его на улицѣ.

„— Можно съ вами идти? спросилъ онъ.

„— Конечно, не мнѣ съ вами опасно, а вамъ со мною, по Лондонъ великъ.

„— Я не боюсь, и тутъ вдругъ, закусивъ удила, онъ быстро проговорилъ:—я никогда не возвращусь въ Россію, нѣтъ, нѣтъ, я рѣшительно не возвращусь въ Россію....

„— Помилуйте, вы такъ молоды?

„— Я Россію люблю, очень люблю, но тамъ люди.... тамъ мнѣ не житье. Я хочу завести колонію на совершенно соціальныхъ основаніяхъ; это все я обдумалъ и теперь ѣду прямо туда.

„— То-есть куда?

„— На Маркизскіе острова.

„Я смотрѣлъ на него съ нѣмымъ удивленіемъ.

„— Да, это дѣло рѣшеное. Я плыву съ первымъ пароходомъ и потому очень радъ что васъ встрѣтилъ сегодня: могу я вамъ сдѣлать нескромный вопросъ?

„— Сколько хотите.

„— Имѣете вы выгоду отъ вашихъ публикацій?

„— Какая же выгода! Хорошо еще что теперь печать окупается. *

* Это было въ 1858 году. Герценъ говоритъ что упадокъ *Колокола* начинается съ 1863 года.

„— Ну, а если не будетъ окупаться?
„— Буду приплачивать.
„— Стало-быть въ вашу пропаганду не входятъ никакія торговыя цѣли?
„Я расхохотался.
„— Ну да какъ же вы будете одни приплачивать? А пропаганда ваша необходима. Вы меня простите, я не изъ любопытства спрашиваю: у меня была мысль, оставляя Россію навсегда, сдѣлать что-нибудь полезное для нея (!), и я рѣшился оставить у васъ немного денегъ. На случай если вашей типографіи нужно или для русской пропаганды вообще, такъ вы бы и распорядились.... Это дѣло рѣшеное. У меня пятьдесятъ тысячъ франковъ, тридцать я беру съ собой на острова, а двадцать отдаю вамъ....“

И дѣйствительно, онъ отдалъ двадцать тысячъ. Черезъ нѣсколько дней Герценъ зашелъ проститься съ этимъ оригиналомъ. „Онъ былъ совсѣмъ готовъ. Маленькій кадетскій или студентскій, вытертый, растертый чемоданчикъ, шинель перевязанная ремнемъ и.... и.... тридцать тысячъ франковъ *золотомъ*, завязанные въ толстомъ платкѣ, какъ завязываютъ фунтъ крыжовника или орѣховъ.... Такъ ѣхалъ этотъ человѣкъ на Маркизскіе острова....“

Деньги употребленныя столь разумнымъ образомъ замѣчательны еще въ томъ отношеніи что они-то собственно и послужили, какъ выражался одинъ изъ героевъ Гоголя, „нитью завязки романа“ между Герценомъ и русскою эмиграціей. Голодные друзья прогресса, лишь только пронюхали о двадцати тысячахъ франковъ, стали тотчасъ же точить на нихъ зубы. Герценъ не давалъ.

„Но вѣдь онъ (то-есть піонеръ соціализма на Маркизскихъ островахъ) навѣрно умеръ, приставали къ нему со всѣхъ сторонъ.
„— А какъ на зло вамъ живъ?
„— Да вѣдь онъ деньги далъ на пропаганду?
„— Пока мнѣ на нее не нужно.
„— Да намъ нужно.
„— На что именно?
„— Надо послать кого-нибудь на Волгу, кого-нибудь въ Одессу....
„— Не думаю чтобъ очень было надо.
„— Такъ вы не вѣрите въ необходимость послать?
„— Не вѣрю.“

Эмиграція приходила въ ярость противъ своего кумира и „продергивала“ его въ брошюрахъ, въ сравненіи съ которы-

ми даже полемическія статьи *Колокола* должны были считаться образцомъ умѣренности, вѣжливости и хорошаго тона.

Остановимся здѣсь на минуту. Герценъ былъ человѣкъ блестящаго ума, образованный и талантливый. До какого же было нужно дойти паденія чтобы сдѣлаться героемъ кружка состоявшаго изъ круглыхъ невѣждъ, негодяевъ и бездомныхъ искателей приключеній, кружка въ которомъ личности въ родѣ добродушнаго и глупаго кадета съ Маркизскихъ острововъ принадлежатъ еще къ самымъ утѣшительнымъ явленіямъ! А между тѣмъ Герценъ презиралъ этихъ людей—и находился съ ними въ сношеніяхъ; онъ самъ говоритъ что они были совершенно чужды и Русскому народу, и образованнымъ классамъ русскаго общества, что они служили лишь представителями крайняго невѣжества и дикой грубости нравовъ, и все-таки былъ готовъ „идти вмѣстѣ съ ними и вмѣстѣ что-нибудь дѣлать“. Мнѣ кажется что трудно было бы придумать болѣе страшное наказаніе для человѣка который сбился съ пути и потерялъ почву подъ своими ногами! Самолюбіе не допускало его сознаться въ громадныхъ своихъ заблужденіяхъ, сознаться въ томъ что всѣ рѣшительно отшатнулись отъ него, и вотъ, чтобы сохранить за собою титулъ вождя партіи, онъ окружаетъ себя жалкими пройдохами, толкуетъ съ ними о какомъ-то общемъ дѣлѣ, показываетъ видъ что относится къ нимъ вполнѣ серіозно, до тѣхъ поръ пока не завязъ въ омутѣ мелкихъ дрязгъ и ссоръ изъ-за грошей....

Герценъ вводитъ насъ въ закулисную жизнь лондонскаго кружка: онъ рисуетъ какимъ образомъ въ головѣ престарѣлыхъ вождей русской эмиграціи зарождались и созрѣвали планы пропаганды. Вотъ предъ нами одинъ изъ нихъ, „бездомный Bohemien, занимающій деньги направо и налѣво, съ тою простотой, съ которою дѣти берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ“. Мы рѣшительно не понимаемъ почему эта личность не названа по фамиліи, а обозначена только буквою Б. Авторъ сообщаетъ столько біографическихъ о ней подробностей что всякій узнаетъ въ ней тотчасъ же Бакунина. Итакъ Бакунинъ засѣдаетъ въ квартирѣ своей, Paddington-Street, № 10, съ нѣсколькими самыми близкими друзьями. Скука одолѣваетъ ихъ невыносимая. Вдругъ кто-то объявляетъ что вчера пріѣхалъ въ Лондонъ бывшій русскій офицеръ, „прекраснѣйшій человѣкъ, но къ несчастію, увлекающійся нѣсколько конституціонализмомъ“. Прибытіе новаго

гостя лораждаетъ всегда неистовый восторгъ, ибо оно вноситъ хоть какое-нибудь разнообразіе въ эту среду, томящуюся отъ пустой болтовни и бездѣлья. Не удивительно что и на этотъ разъ рѣшено не дожидаться прихода бывшаго офицера, а немедленно отправить за нимъ гонца и, если нужно, притащить его даже силой. Между тѣмъ Б. принимаетъ озабоченный видъ и бросается писать какія-то письма.

„Является офицеръ скромно и тихо. Б. le met à l'aise, говоритъ какъ товарищъ, какъ молодой человѣкъ, увлекаетъ, журитъ за конституціонизмъ, и вдругъ спрашиваетъ:

„— Вы навѣрно не откажетесь сдѣлать что-нибудь для общаго дѣла?

„— Безъ сомнѣнія.

„— Васъ здѣсь ничего не удерживаетъ?

„— Ничего, я только-что пріѣхалъ....

„— Можете вы отправиться завтра или послѣзавтра съ этимъ письмомъ въ Яссы?

Этого не случалось съ офицеромъ ни въ дѣйствующей арміи во время войны, ни въ генеральномъ штабѣ; однако, помолчавши, онъ говоритъ несовсѣмъ своимъ голосомъ: о, да!

„— Я такъ и зналъ. Вотъ письмо совсѣмъ готовое.

„— Да я хоть сейчасъ, только.... (офицеръ конфузится) я никакъ не разчитывалъ на эту поѣздку.

„— Что, денегъ нѣтъ? Ну такъ и говорите. Это ничего не значитъ. Я возьму для васъ у Герцена, *а вы ему потомъ отдадите*. Что тутъ, всего какіе-нибудь 20 фунтовъ. Я сейчасъ напишу ему. Въ Яссахъ вы деньги найдете. Оттуда вы проберетесь на Кавказъ. Тамъ намъ нуженъ особенно вѣрный человѣкъ.

„Пораженный, удивленный офицеръ уходитъ. Маленькая дѣвочка, бывшая у Б. на большихъ дипломатическихъ посылкахъ, летитъ ко мнѣ по дождю и слякоти съ запиской. Я для нея нарочно завелъ шоколатъ en losenges, чтобы чѣмъ-нибудь ее утѣшить въ климатѣ и отечествѣ, а потому даю ей большую горсть и прибавляю: „скажите высокому gentleman'y, что я лично съ нимъ переговорю.“ Дѣйствительно, перелиска оказывается излишнею. Къ обѣду, то-есть черезъ часъ, является Б.

„— Зачѣмъ 20 фунтовъ для **?

„— Не для него, а для дѣла. А что, братъ, ** прекраснѣйшій человѣкъ?

„— Я его знаю нѣсколько лѣтъ. Онъ бывалъ прежде въ Лондонѣ.

„— Это такой случай что пропустить его грѣшно. Я его посылаю въ Яссы, а потомъ онъ осмотритъ Кавказъ.

„— Въ Яссы? И оттуда на Кавказъ?

„— Ну, ты пойдешь сейчасъ острить. Каламбурами ничего не докажешь.

„— Да вѣдь тебѣ ничего не нужно въ Яссахъ?

„— Ты почему знаешь?

„— Знаю, потому, во-первыхъ, что никому ничего не нужно въ Яссахъ, и во-вторыхъ, еслибы нужно было, ты цѣлую недѣлю постоянно говорилъ бы мнѣ объ этомъ. Тебѣ просто попался человѣкъ молодой, застѣнчивый, хотящій доказать свою преданность.... вотъ ты и придумалъ послать его въ Яссы. Онъ хочетъ видѣть выставку, а ты ему покажешь Молдо-валахію. Ну скажи зачѣмъ?

„— Какой любопытный! Ты въ эти дѣла со мною не входишь, какое же ты имѣешь право спрашивать?

„— Это правда, и я даже думаю что этотъ секретъ ты скроешь ото всѣхъ. Ну, а только давать денегъ на гонцовъ въ Яссы и Бухарестъ я ни-сколько не намѣренъ.

„— Вѣдь онъ отдастъ, у него деньги будутъ....

„— Такъ пусть умнѣе употребитъ ихъ. Полно, полно, письмо пошлешь съ какимъ-нибудь Петреско-Манон-Лескa, а теперь пойдемъ обѣдать.

„И Б., самъ смѣясь и качая головой, которая его все-таки перетягивала, внимательно и усердно принимался за трудъ обѣда, послѣ котораго всякій разъ говорилъ: „теперь настала счастливая минута," и закуривалъ папиросу"....

По моему, это такое мастерское tableau de genre что нельзя достаточно на него налюбоваться. Но позволю себѣ взглянуть на предметъ съ другой стороны. Вся эта исторія чрезвычайнаго посольства „бывшаго офицера" разстроилась только потому что не удалось нигдѣ перехватить деньжонокъ. Предположимъ, однако, что счастливый случай помогъ бы найти деньги, и что „бывшій офицеръ" отправился бы въ Яссы, а затѣмъ „осматривать" Кавказъ; предположимъ что въ этомъ послѣднемъ пунктѣ своего странствованія онъ былъ бы захваченъ съ какимъ-нибудь письмомъ Бакунина въ карманѣ.... Какой переполохъ былъ бы произведенъ этимъ событіемъ! Вотъ, послышалось бы изъ извѣстнаго лагеря, какъ дѣйствуетъ русская революціонная пропаганда; она протекаетъ даже на Кавказъ; всюду разсѣяны ея эмиссары,—не ясно ли что мы сидимъ на волканѣ?... А между тѣмъ какъ забавны становятся эти опасенія, когда изъ собственныхъ, посмертныхъ признаній Герцена узнаемъ мы что творилось въ закулисномъ мірѣ нашей жалкой эмиграціи....

Она сама сознавала вполнѣ ясно свое безсиліе. *Колоколъ* постоянно разглагольствовалъ о какомъ-то обществѣ *Земля и Воля*, которое, какъ сѣтью, покрыло будто бы всю Россію, но чтобы судить сколько было серіознаго въ этихъ толкахъ, стоитъ лишь прислушаться къ тому какъ самъ Герценъ и

его друзья отзывались объ упомянутомъ Обществѣ въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ.

„Въ самый разгаръ польскаго возстанія, досказываетъ нашъ авторъ, прибылъ въ Лондонъ уполномоченный *Земли и Воли*. Онъ трактовалъ насъ такъ какъ коммиссары конвента 1793 года трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ это не понравилось.

„— А много васъ? спросилъ я.

„— Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ, и тысячи три въ провинціяхъ.

„— Ты вѣришь? спросилъ я потомъ Огарева. Онъ промолчалъ. Ты вѣришь? спросилъ я Бакунина.

„— Конечно, онъ прибавилъ.... Ну, нѣтъ теперь столько, такъ потомъ будетъ, и онъ расхохотался....“

Вотъ какого мнѣнія былъ Герценъ о силахъ нашей мнимой революціонной партіи, мы знаемъ также приговоръ его о людяхъ изъ которыхъ она вербовалась, и теперь раждается вопросъ что же была она въ состояніи произвести? Отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ: польская эмиграція находилась въ услуженіи у европейской политики, когда та считала нужнымъ пользоваться ею для своихъ цѣлей, а нашъ несчастный кружокъ выходцевъ подслуживался къ Полякамъ, ибо самъ по себѣ онъ не имѣлъ ровно никакого значенія. Но ужаснѣе всего то что Герценъ нисколько не вѣрилъ въ польское дѣло и не могъ искренно сочувствовать ему: „частно, лично, говоритъ онъ, мы могли любить того или другаго изъ Поляковъ, быть съ ними близкими, но вообще единаковаго пониманья между нами было мало, и оттого отношенія наши были натянутыми, добросовѣстно неоткровенными. Договориться до единаковаго пониманія было невозможно. Мы шли съ разныхъ точекъ.... Формы нашего мышленія, уложенія не тѣ; весь геній нашъ, весь складъ не имѣетъ ничего общаго. Наше соединеніе съ ними казалось намъ то mesaillance, то разсудочнымъ бракомъ. Съ нашей стороны было больше искренности, но не больше глубины“....

Если Герценъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ на людей съ которыми пришлось ему идти однимъ путемъ, если сознавалъ онъ жалкое ихъ безсиліе, если, какъ говоритъ онъ самъ, у него „на сердцѣ скребли кошки“ въ то время когда его товарищи упивались поэзіей „констрацій, консультацій, несланныхъ ночей, заговоровъ, договоровъ, ратификацій, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ,“ то почему же такъ упорно принималъ

онъ участіе въ этой игрѣ? Чѣмъ объяснить эту задачу?... Самъ Герценъ счелъ нужнымъ разрѣшить наше недоумѣніе. Вотъ признаніе вырвавшееся у него прямо изъ сердца и поражающее своею искренностью:

„Здѣсь я останавливаюсь на грустномъ вопросѣ, говоритъ онъ, разказавъ о безплодной агитаціи Бакунина и ему подобныхъ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ролотомъ, эта слабость съ мятежомъ и протестомъ? Съ одной стороны, увѣренность что постулать надо такъ; съ другой—готовность постулать иначе. Эта шаткость, эта поспѣшность, dieses Zoegernde, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабую утѣху въ сознаніи ошибки невольной, несознанной; я дѣлалъ промахи à contre coeur; вся отрицательная сторона была у меня предъ глазами. Я разказывалъ въ одной изъ предыдущихъ частей мое участіе въ 13 іюнѣ 1849 года (парижское возстаніе). Это типъ того о чемъ я говорилъ. Ни на одну минуту не вѣрилъ я въ успѣхъ 13го іюня; я видѣлъ нелѣпость движенія и его безсиліе, народное равнодушіе, освирѣпѣлость реакціи и мелкій уровень революціонеровъ. Я писалъ объ этомъ, и все же пошелъ на площадь, смѣясь надъ людьми которые шли....

„Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, еслибъ я имѣлъ, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, силу слушаться самого себя. Меня упрекали въ увлекающемся характерѣ: увлекался я, но это не составляетъ главнаго. Отдаваясь по впечатлительности, я тотчасъ останавливался; мысль, рефлексія и наблюдательность всегда почти брали верхъ въ теоріи, но не въ практикѣ. Тутъ и лежитъ вся трудность задачи, почему я давалъ себя вести nolens volens.

„Причиной быстрой сговорчивости былъ ложный стыдъ, а иногда и лучшія побужденія любви, дружбы, снисхожденія, но почему же все это лобѣждало логику?...“

Что могли бы мы прибавить къ этому откровенному признанію?... Не умолкаетъ ли всякое слово порицанія въ виду строгаго приговора который Герценъ произнесъ надъ собою сходя въ могилу?...

Д.

НОВЫЯ КНИГИ

I.

Историческія Письма, П. Л. Миртова. Спб. 1870.

Подъ скромнымъ названіемъ *Историческихъ Писемъ* вышла въ прошломъ году небольшая книжечка, касающаяся, хоть и слегка, самыхъ важныхъ вопросовъ философіи и общественной физіологіи. Въ ней заключается, если не ошибаемся, самый полный на русскомъ языкѣ, хоть и состоящій изъ 265ти маленькихъ страничекъ, очеркъ тѣхъ теорій которыя пользуются названіемъ „передовыхъ“; а такъ какъ передовое есть въ глазахъ весьма многихъ синонимъ хорошаго, заслуживающаго преимущественнаго вниманія, то г. Миртовъ справедливо удивляется, въ предисловіи къ своимъ *Письмамъ*, что при первоначальномъ ихъ появленіи, кажется въ 1869 году, никто не обратилъ на нихъ вниманія. Можетъ-быть, впрочемъ это произошло потому что они увидѣли свѣтъ въ весьма мало извѣстномъ изданіи.

Прежде всего мы постараемся познакомить читателей *Русскаго Вѣстника* съ содержаніемъ *Историческихъ Писемъ*.

Послѣ нѣкоторыхъ соображеній о связи между науками естественными и соціальными и о первенствующей важности въ кругѣ человѣческихъ знаній исторіи, какъ изображенія прогрессивнаго движенія человѣчества, авторъ естественно останавливается на мысли: что̀ такое это прогрессивное движеніе и въ чемъ его цѣль? „Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости“ (стр.

30),—вотъ формула которою авторъ отвѣчаетъ на поставленный имъ вопросъ. Но эта формула слишкомъ обща и неопредѣленна: „Истина и справедливость болѣе или менѣе безусловно лишутся на всѣхъ знаменахъ нашего времени, но партіи расходятся въ томъ—гдѣ истина? въ чемъ справедливость?“ (262). По этому авторъ развиваетъ первоначальную свою формулу слѣдующимъ образомъ:

„Развитіе личности, говоритъ онъ, въ *физическомъ* отношеніи лишь тогда возможно, когда она пріобрѣла нѣкоторый минимумъ гигіеническихъ и матеріальныхъ удобствъ, ниже котораго вѣроятность страданія, болѣзней, постоянныхъ заботъ далеко превосходитъ вѣроятность какого-либо развитія, дѣлаетъ послѣднее долей лишь исключительныхъ личностей, а всѣ остальныя обрекаетъ на вырожденіе въ ежеминутной борьбѣ за существованіе, безъ всякой надежды на улучшеніе своего положенія.

„Развитіе личности въ *умственномъ* отношеніи лишь тогда прочно, когда личность выработала въ себѣ потребность критическаго взгляда на все ей представляющееся, увѣренность въ неизмѣнности законовъ управляющихъ явленіями и пониманіе что справедливость въ своихъ результатахъ тождественна съ стремленіемъ къ личной пользѣ.

„Развитіе личности въ *нравственномъ* отношеніи лишь тогда вѣроятно, когда общественная среда дозволяетъ и поощряетъ въ личностяхъ развитіе самостоятельнаго убѣжденія, когда личности имѣютъ возможность отстаивать свои различныя убѣжденія и тѣмъ самымъ принуждены уважать свободу чужаго убѣжденія; когда личность сознала что ея достоинство лежитъ въ ея убѣжденіи и что *уваженіе достоинства чужой личности есть уваженіе собственнаго достоинства* (это мы просимъ замѣтить).

„Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости предполагаетъ прежде всего для ученаго и мыслителя возможность высказать положенія считаемыя имъ за выраженія истины и справедливости; затѣмъ оно предполагаетъ въ обществѣ нѣкоторый минимумъ общаго образованія, дозволяющій *большинству* (это тоже надо замѣтить) *понять эти положенія* и оцѣнить аргументы приводимые въ ихъ пользу; наконецъ оно предполагаетъ такія общественныя формы которыя допускали бы измѣненіе, лишь только окажется что эти формы перестали служить воплощеніемъ истины и справедливости.“

Вполнѣ раздѣляемъ заключающійся въ приведенныхъ строкахъ взглядъ автора что современность далеко не соотвѣтствуетъ тому состоянію о которомъ онъ говоритъ. Весьма не много еще, продолжаетъ онъ, людей изъ числа обитателей всего земнаго ша-

ра которые пользуются обезпеченнымъ существованіемъ и жизнь которыхъ поставлена въ правильныя гигіеническія условія; еще меньше людей выработавшихъ себѣ „критическій взглядъ на вещи“, усвоившихъ пониманіе „неизмѣнности законовъ природы и утилитарнаго значенія справедливости“ (35); что же касается до развитія въ нравственномъ отношеніи, то оно едва замѣтно; лишь ничтожная доля людей „живетъ въ общественной средѣ которая не смотритъ на самостоятельность убѣжденій какъ на нравственный порокъ, не старается искоренить его съ дѣтства воспитаніемъ внушающимъ покорность общепринятому, не гонитъ его всѣми средствами въ жизни, какъ неприличіе вредящее общему спокойствію“.... (38). Тутъ солидарность наша съ авторомъ слабѣетъ и мы предоставляемъ ему говорить далѣе отъ одного своего имени. Мысли его принимаютъ весьма мрачное направленіе. Онъ полагаетъ что лишь „самомалѣйшей части человѣчества въ каждомъ поколѣніи возможенъ нравственный прогрессъ“ (38), и обращается къ изслѣдованію условій замедляющихъ прогрессъ. Правда, говоритъ онъ, „первое изъ нихъ — возможность высказать свои научныя знанія и философскія убѣжденія выполнена“ (39), но личностей критически мыслящихъ весьма еще мало, а для обсужденія и измѣненія отжившихъ общественныхъ формъ хотя и существуютъ узаконенные органы въ странахъ съ парламентарнымъ правленіемъ, но въ парламентахъ преобладаютъ рѣшенія „на основаніи исключительныхъ, эгоистическихъ интересовъ меньшинства поставленнаго обстоятельствами у двигателя законодательной машины“ (40), къ чему надо еще присовокупить силу косности, усвоенныхъ массами привычекъ и высоко чтимыхъ преданій: „еще и въ наше время въ парламентахъ иныхъ народовъ можно спокойно обсуждать тарифы и займы, а радикальное обсужденіе вопроса о распредѣленіи богатствъ невозможно. Прения объ отвѣтственности министровъ допускаются, но предложеніе о замѣнѣ одной династіи другою, или династіи выборнымъ на время президентомъ не могло бы имѣть мѣста“ (41).

Итакъ „критически мыслящихъ“ людей очень мало; они подавлены вообще нерасположеніемъ къ нимъ большинства, а потому оказывается что „обществу угрожаетъ (кто бы это подумалъ!) опасность застоя“ (65). Какъ же быть этимъ „критически-мыслящимъ людямъ,“ этимъ „единственнымъ оруді-

ямъ человѣческаго прогресса“ (66)? Бо́льшая ихъ часть бѣдняки, которые бьются изъ-за куска хлѣба, хотя въ сердцахъ ихъ горитъ священный огонь; они суть невѣдомые міру герои: „Изъ этихъ-то незамѣтныхъ героевъ создается во всякую историческую минуту почва для преобразованій. Они хранятъ въ себѣ возможность будущаго. Безъ нихъ жизнь человѣческаго общества и ничѣмъ не отличалась бы въ нравственномъ отношеніи отъ жизни другихъ общественныхъ животныхъ“ (68); а потому всякій изъ нихъ, кто избавился отъ самой гнетущей заботы о насущномъ хлѣбѣ, если только онъ въ самомъ дѣлѣ „критически-мыслящій“ человѣкъ, „можетъ осуществить прогрессъ въ человѣчествѣ.“ Да всякій, настаиваетъ г. Миртовъ. „Не говорите мнѣ пожалуста о недостаткѣ таланта и знанія. Для этого не нужно ни особеннаго таланта, ни обширнаго знанія“ (69). Притомъ же вопросъ о способности или неспособности своей двинуть человѣчество, рѣшаетъ каждая личность принадлежащая къ фалангѣ „критически-мыслящихъ“ сама: „Прежде всего она должна отнестись критически къ себѣ, къ своему знанію, къ своимъ силамъ“; каждый изъ этихъ избранныхъ долженъ поставить самъ себѣ и самъ же рѣшить вопросъ: „что̀ именно могу я сдѣлать въ этой сферѣ съ моими знаніями и при моихъ силахъ“ (78)? Затѣмъ, продолжаетъ г. Миртовъ, слѣдуетъ уяснить себѣ „какіе элементы въ сложномъ строѣ общества представляютъ почву дѣйствія и какіе—орудія дѣятельности“ (86). Но при этомъ, вопреки отмѣченному нами въ первоначальной формулѣ нашего автора, вовсе не слѣдуетъ, утверждаетъ онъ, принимать во вниманіе настроенія и воззрѣнія большинства среди котораго придется дѣйствовать; весьма неосновательно было бы останавливаться предъ соображеніемъ что большинство современнаго общества не раздѣляетъ воззрѣній „критически-мыслящихъ“ людей, что духъ народа не съ нами: „народный духъ въ данную эпоху есть духъ критически-мыслящихъ личностей этой эпохи“ (105), говоритъ г. Миртовъ, заранѣе устраняя возраженія которыя можно было бы ему сдѣлать. Разумѣется при стремленіи насиловать убѣжденія и инстинкты большинства могутъ произойти смуты, но что̀ нужды: „весьма часто лишь временнымъ волненіемъ и безпорядкомъ можно купить лучшее обезпеченіе спокойствія и порядка для большинства въ будущемъ.“ (91) Скажутъ, оговаривается г. Миртовъ: „это *преступно*, потому что единица предъ массой правъ не имѣетъ; это

вредно, потому что блаженство массы, довольной общественными формами, важнѣе страданій единицы отрицающей ихъ какъ зло; это *безсмысленно*, потому что рядъ поколѣній выработавшихъ данныя общественныя формы, въ суммѣ умнѣе всякой отдѣльной личности; это *безумно*, потому что личность безсильна предъ обществомъ и его исторіей" (98).... Но всѣ эти возраженія не останавливаютъ г. Миртова, который переходитъ къ изслѣдованію „почвы и орудій" предлагаемаго имъ „дѣйствія." Въ настоящемъ случаѣ, вопреки замѣчанію своему о ничтожности числа тѣхъ кто требуютъ радикальныхъ преобразованій, онъ говоритъ: „многое множество личностей подъ тяжестію этихъ формъ (нынѣшнихъ общественныхъ) страждетъ и ропщетъ, мечется и гибнетъ" (107). Эти личности можетъ-быть не отдаютъ себѣ хорошенько отчета почему имъ такъ тяжко; но стоитъ человѣку болѣе развитому объяснить имъ свою мысль, они поймутъ ее „если она вѣрна, и онъ не будетъ одинокъ." Такимъ образомъ возникаетъ „растущая общественная сила", которую слѣдуетъ организовать, поставить во главѣ ея „энергическихъ, фанатическихъ людей", а затѣмъ должна начаться борьба между организованною такимъ образомъ партіей и людьми внѣ ея стоящими: „кто изъ личностей внѣ ея стоящихъ расходится съ нею въ существенныхъ вопросахъ, тотъ ея врагъ. Противъ этихъ враговъ партія направляетъ и должна направить всю силу своей организаціи, борясь какъ одинъ человѣкъ *всѣми своими средствами*, сосредоточивая свои удары".... (118).

Здѣсь мы останавливаемся съ тѣмъ чтобы выяснить себѣ о какого рода борьбѣ, о какихъ ударахъ говоритъ г. Миртовъ: объ ударахъ ли ломомъ, о борьбѣ ли въ парламентахъ и на митингахъ, или о дѣйствіи штыкомъ и рогатиной. Это очень важно. Всякую борьбу въ сферѣ мысли и слова современное общество должно допустить и допускаетъ, по собственному сознанію автора; но оно не можетъ оставаться равнодушнымъ когда толпа, хотя бы и съ „критически-мыслящими" личностями во главѣ, начнетъ хватать на улицѣ людей за то что они не довольно критически мыслятъ. Посмотримъ же что говоритъ г. Миртовъ объ этомъ любопытномъ предметѣ. Онъ говоритъ о партіи, объ организованной партіи, объ энергическихъ и даже фанатическихъ предводителяхъ: зачѣмъ все это для мирной борьбы? Какую пользу можетъ принести фанатизмъ не только при серіозномъ обсужденіи вопросовъ,

но даже при самой раздражительной полемикѣ? Можетъ-быть впрочемъ г. Митровъ имѣетъ въ виду устроивать сходки (митинги), производить мирныя манифестаціи, которыя можно назвать полемикой en action и которыя тоже почти во всѣхъ странахъ почитаются дѣломъ законнымъ? Но предводители партій должны умѣть сказать что-нибудь на сходкахъ, а для этого все-таки нужнѣе умъ, чѣмъ фанатизмъ; фанатикъ во главѣ мирной демонстраціи весьма легко дастъ ей характеръ агрессивный и вызоветъ противъ себя вмѣшательство вооруженной силы. Нѣтъ, г. Миртовъ, вопреки миролюбивой своей фамиліи, имѣетъ въ виду борьбу иного рода. Онъ положительно отдѣляетъ пропаганду отъ „борьбы“; онъ самъ, какъ мы видѣли, соглашается что „возможность высказать свои научныя знанія и философскія убѣжденія“ допускается въ наше время. Но этого ему не достаточно; онъ имѣетъ въ виду такую борьбу которую иные называютъ *преступною*; (108) онъ говоритъ о страданіяхъ, которыя могутъ произойти для сопротивляющихся и утѣшается тѣмъ что и „во всѣ времена большинство страдало“, что слѣдовательно „страданіе не есть что-либо небывалое въ человѣчествѣ“ (100) и наконецъ что „число гибнущихъ не важно“ (109); онъ говоритъ что борьба о которой идетъ рѣчь „временно возмутитъ спокойствіе“ общества (99), но что весьма часто „временнымъ волненіемъ можно купить лучшее обезпеченіе въ будущемъ“ (91), въ подтвержденіе чего приводитъ между прочимъ примѣры Тразивула, явившагося съ аѳинскими изгнанниками возмущать отечество противъ олигархіи тридцати тирановъ, и Гарибальди, сдѣлавшаго вооруженное вторженіе въ Неаполитанское королевство,—факты которыхъ нельзя конечно отвести къ категоріи мирныхъ манифестацій.

Революція! Междуусобіе! Это страшныя средства, но исторія доказываетъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были неизбѣжны и что даже иногда они измѣняли положеніе дѣлъ къ лучшему. Вматриваясь однакоже въ эти случаи мы замѣчаемъ что они были вызваны совершенно реальными, а не умозрительными причинами. Революція Швейцарцевъ противъ германскаго ига была мгновенно разразившеюся бурей, которую произвели не теоріи, а осязательныя притѣсненія иноземной власти; революція освободившая Нидерланды произошла вслѣдствіе религіозныхъ гоненій тоже чужеземной власти;

греческая революція подготовлена была, правда, тайными обществами, но и здѣсь причины были не теоретическаго свойства и, точно такъ же какъ въ предшествующихъ примѣрахъ, оружіе поднято было не противъ сограждан, единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Вотъ три примѣра относящіеся къ революціямъ наиболѣе счастливымъ по своимъ послѣдствіямъ; можно было бы привести и множество другихъ подобныхъ же примѣровъ, тогда какъ примѣровъ такихъ междуусобныхъ войнъ послѣдствія коихъ не были бы самыя плачевныя привести можно очень мало. Въ старинной Польшѣ междуусобіе и революція были возведены въ законъ (конфедераціи): но за то какова былъ и конецъ этого государства! Во Франціи революція и междуусобіе сдѣлались предметомъ очень распространеннаго ученія и обычной практики: но за то эта страна, начиная съ 1792 года, спускаясь все ниже и ниже, и дошла до Седанской катастрофы и до двукратной капитуляціи Парижа!

И это естественно. Первое условіе процвѣтанія и благодѣнствія человѣческихъ обществъ, это нравственная и умственная развитость людей составляющихъ общество; а сколько ихъ необходимо привить имъ, какъ сильно надобно извратить ихъ понятія чтобы возстановить одну часть народа противъ другой, чтобы заставить людей считать врагами тѣхъ кого учили ихъ считать братьями, чтобы, — какъ во Франціи,— заставить говорить: лучше Прусаки чѣмъ красные! Въ этомъ именно заключается роковая необходимость для теоретическихъ революціонеровъ, для тѣхъ подготовителей революціи которыхъ г. Миртовъ называетъ критически-мыслящими личностями. Прежде всего, говоритъ онъ, „нужны энергическіе, фанатическіе люди, рискующіе всѣмъ и готовые жертвовать всѣмъ, нужны мученики, *легенда коихъ переросла бы далеко ихъ истинное достоинство, ихъ дѣйствительную заслугу. Имъ припишутъ энергію которой у нихъ не было. Въ ихъ уста вложатъ лучшую мысль, лучшее чувство, до котораго доработаются ихъ послѣдователи*“ (108). Вотъ рецептъ по которому приготовлялись теоретическія революціи Франціи и новѣйшей Польши. Вотъ коментаріи на польскія мартирологіи, на канонизацію Боденовъ, Викторовъ Нуаровъ и т. п... Можетъ-быть къ подобнымъ же ухищреніямъ прибѣгали и не одни революціонеры-теоретики для доставленія торжества своимъ идеямъ, можетъ-быть и многимъ другимъ героямъ припи-

сывались слова которыхъ они никогда не произносили и поддвиги которыхъ они не совершали, но едва ли часто это дѣлалось сознательно: легенды *создавались* по большей части, но не были *сочиняемы* съ предвзятою цѣлію. Вы хотите быть вождями,—такъ заслужите прежде всего довѣріе къ себѣ; вы скликаете людей подъ свое знамя, — такъ не объявляйте имъ заранѣе: мы будемъ васъ обманывать.... Но послѣдуемъ далѣе за нашимъ авторомъ. Онъ говоритъ что, во имя общаго дѣла и съ цѣлію организовать партію, вожди должны дѣлать другъ другу нѣкоторыя уступки въ вопросахъ второстепенныхъ. Но, продолжаетъ онъ, „за предѣлами не существеннаго прекращается свобода дѣйствій членовъ партіи и ея терпимость относительно лицъ внѣ ея стоящихъ. Кто изъ членовъ ея переступитъ этотъ предѣлъ, тотъ болѣе не членъ ея, *а ея врагъ*. Кто изъ личностей внѣ ея стоящихъ расходится съ нею въ существенныхъ вопросахъ, *тотъ тоже ея врагъ*“ (118). Итакъ, *врагомъ* почитается всякій кто не членъ партіи о которой говоритъ г. Миртовъ или кто втайнѣ не сочувствуетъ ей, — то-есть огромное большинство человѣческаго рода, и противъ большинства человѣческаго рода, слѣдовательно, партія обязана дѣйствовать „какъ одинъ человѣкъ, всѣми своими средствами (!), сосредоточивая свои удары“!... Не черезчуръ-ли это ужасно и потому не смѣшно ли немножко?... „Какъ каждый членъ партіи, продолжаетъ нашъ радикалъ, есть естественный адвокатъ своихъ дѣйствительныхъ и возможныхъ сообщниковъ (то-есть обязанный возводить ихъ въ герои или мученики), такъ онъ есть естественный прокурорскій надзоръ за всѣми признанными врагами.... и упустить изъ виду ошибки противниковъ, дать имъ средство скрыть свои проступки совершенно несогласно съ задачей человѣка партіи. Внимательная и неуклонная борьба съ врагами есть проявленіе жизни партіи, какъ единство мысли есть основа этой жизни, а взаимная адвокатура ея членовъ—связь партіи“ (119).... Мы окончательно предупреждены теперь. Все человѣчество раздѣляется, по ученію г. Миртова, *на своихъ* и *на не своихъ*; надо лгать въ пользу первыхъ и во вредъ вторыхъ, когда не имѣется болѣе дѣйствительныхъ средствъ; надо прославлять своихъ quand-même; надо возводить ихъ въ герои и мученики, сочинять имъ легенды, выдумывать имъ *слова*, и точно также quand-même клеветать на своихъ противниковъ, выдумывать о нихъ легенды другаго

рода, сочинять никогда не говоренныя ими слова, имѣть за ними неослабный прокурорскій (почему не сказать полицейскій?) надзоръ. Мало того, надо внести эту же ложь во всѣ функціи умственной жизни, въ самую науку. Г. Миртовъ оказываетъ, повидимому, уваженіе наукѣ; но онъ ищетъ въ исторіи не того что въ ней есть, а того что ему „желательно знать“; онъ требуетъ неумолимой критики въ дѣлѣ религіи, но охотно допускаетъ фанатическую вѣру къ своимъ словамъ; говоритъ объ уваженіи къ личности человѣка, и возводитъ въ принципъ борьбу за несогласіе съ своими мнѣніями, за непріятіе его политическихъ идеаловъ...

... Такова *теорія революціи*,—ученіе широко развившееся во Франціи и если не произведшее переворота 1789 года, то значительно повліявшее на его ходъ и послѣдствія, наложившее на него свою печать и существенно отличающее этотъ переворотъ отъ другихъ предшествующихъ. Недаромъ иные Французы съ гордостью говорятъ: „quand on dit *révolution* tout court, c'est notre grande revolution de 1789 que l'on entend!“ Свергнуть слишкомъ тяжелое иго, доставить торжество своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, замѣнить власть иноземную другою, природною, національною, наконецъ возвести на престолъ одного властителя вмѣсто другаго, — вотъ обыкновенные мотивы революцій и потрясеній до конца XVIII вѣка. Эти мотивы иногда заслуживаютъ, а иногда не заслуживаютъ похвалы, послѣдствія переворотовъ бывали иногда полезны, а иногда и пагубны, но во всякомъ случаѣ они имѣли опредѣленную цѣль и побужденія ихъ были практическаго свойства. Надо замѣтить при этомъ и то что до конца XVIII вѣка оружіе было единственнымъ надежнымъ способомъ рѣшать споры и добывать свое право; наконецъ, государства не были тогда такъ сплочены какъ теперь, между людьми одной націи не существовало той солидарности какая существуетъ нынѣ; Бретонецъ смотрѣлъ на Провансала не какъ на земляка, а потому война съ нимъ могла не казаться ему братоубійственною. Но къ концу XVIII вѣка средневѣковыя воззрѣнія и феодальный сепаратизмъ всюду ослабѣли; вездѣ сила слова и мысли получила небывалое дотолѣ значеніе, и нигдѣ эта новая сила не обнаружила такого могущества какъ во Франціи. Ея поэтовъ читалъ весь образованный міръ, ея мыслители обнаруживали вліяніе на всю Европу. Но спрашивается, все ли что могла сдѣлала эта сила

чтобы улучшить положеніе страны гдѣ она возникла? Нѣтъ. Она приняла съ самаго начала характеръ отрицательный и раздражительный; она обнаружила стремленіе къ разрушенію, а не къ созиданію. Явились геніи сатиры, явились и серіозные политическіе мыслители, еще болѣе явилось политическихъ фразеровъ, но въ критическую минуту, въ минуту величайшаго государственнаго кризиса не явилось ни одного государственнаго человѣка. Гражданскаго смысла, мудрости, самообладанія рѣшительно не обнаружила французская нація. Напрасно всю вину за потрясенія 1789—94 годовъ приписываютъ одному правительству; оно виновато во многомъ, но не во всемъ, и во всякомъ случаѣ не во всемъ виноваты были Людовикъ XVI и его министры. Не они обременили Францію долгами, но они созвали нотаблей, то-есть цвѣтъ французскаго дворянства, чтобы пригласить ихъ къ пожертвованіямъ наряду съ другими сословіями. Что же сдѣлали нотабли? Низвергли министра который собралъ ихъ, и больше ничего. Правительство пошло далѣе; черезъ два года оно рѣшилось созвать такъ-называемые генеральные штаты, то-есть представителей дворянства, духовенства и средняго сословія: это было весьма важное рѣшеніе. Болѣе 150 лѣтъ уже не были собираемы генеральные штаты, а среднее сословіе не было допущено къ представительству съ XVI вѣка. Но что же? Какъ только правительство настояло, вопреки дворянству и духовенству, на возстановленіи такъ давно утраченнаго права средняго сословія, аббатъ Сіесъ пустилъ въ свѣтъ брошюру въ которой говорилъ: „Что такое среднее сословіе? Ничто. А чѣмъ оно должно быть? *Всѣмъ!*...“

Вотъ образцикъ самообладанія и благоразумія, съ какими приступала французская нація къ важнѣйшему акту въ ея жизни за послѣднія сто лѣтъ! За то болѣе мѣсяца прошло въ *предварительныхъ* спорахъ о ловѣркѣ головомочій; за то съ перваго же шага среднее сословіе похитило власть у двухъ прочихъ, объявило себя *національнымъ собраніемъ* и заговорило съ королемъ повелительнымъ тономъ. Затѣмъ.... затѣмъ начались *дни: день* 12го іюля, когда на улицахъ Парижа раздались первые выстрѣлы, *день* 14го іюля, когда разрушена была Бастилія, *день* 4го августа, когда въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ было опрокинуто все зданіе старой французской монархіи; *дни* сентябрьскіе, *дни* ноябрьскіе, январьскіе; явилась декларація о правахъ человѣка, низвергнутъ

былъ престолъ, декретомъ отмѣнена и запрещена христіанская религія, весь міръ былъ взбудораженъ.... а главная цѣль, для которой созваны были представители народа,—поправить финансы страны, была забыта.

Говорятъ, французская революція выработала такіе принципы которые составляютъ эпоху въ публичномъ правѣ. Но для этого теоретическаго занятія представителямъ французской націи не нужно было собираться; эти принципы точно такъ же распространились бы и облетѣли бы міръ еслибы возвѣщены были обыкновеннымъ порядкомъ, какимъ возвѣщаются всѣ успѣхи въ области мысли. Успѣхъ ихъ былъ бы въ послѣднемъ случаѣ даже вѣрнѣе и вліяніе несравненно благотворнѣе, ибо они не возбудили бы противъ себя ничьего недовѣрія и ненависти. Вспомнимъ съ какою благосклонностью принимали и усвоивали мысли Монтескьё не только просвѣщенные люди всей Европы, но и могущественные монархи XVIII вѣка; вспомнимъ какіе успѣхи дѣлала въ свое время вѣротерпимость, благодаря вліянію Вольтера. Но тѣ же самые монархи и государственные люди которые словомъ и дѣломъ возворяли гуманность, просвѣщеніе и свободу, натянули поводья, когда посыпались камни съ разрушенной Бастиліи и когда государь-народъ увѣнчалъ фригійскимъ колпакомъ государя-гражданина. Много благихъ началъ внесла революція 1789 года въ публичное право, это справедливо; но и много глубокаго зла причинила она Европѣ. Слово свобода получила на многія десятилѣтія значеніе страшилища въ глазахъ всѣхъ правительствъ европейскаго материка; просвѣщеніе стало подозрительно, полицейская власть была повсюду усилена; въ каждомъ заявленіи хоть сколько-нибудь независимаго мнѣнія—правителямъ помнившимъ судьбу Лудовика XVI и его министровъ стала мерещиться революція. И она мерещилась не однимъ людямъ у власти стоящимъ; реакція послѣдовавшая за прекращеніемъ Наполеоновскихъ войнъ находила одобреніе въ значительной части тогдашняго просвѣщеннаго общества, не говоря уже о народныхъ массахъ.

А что выиграла Франція въ конечномъ результатѣ? Увы, ея счеты оказались еще гораздо хуже чѣмъ въ остальной Европѣ; итоги ея подведены рукой иностраннаго министра въ старинномъ замкѣ ея королей! Если справедливо что на Рейнѣ, подъ Мецемъ и Парижемъ, побѣждалъ *школьный учитель* Германіи, то видно французская школа, служившая

нѣкогда образцомъ всей Европѣ, упала съ тѣхъ поръ очень низко; если въ войнолюбивой Франціи не нашлось ни одного генерала, а въ ея парламентахъ и министерствахъ ни одного политическаго человѣка чтобы дать хоть какой-нибудь отпоръ графу Бисмарку и генералу Мольтке, то видно и политическая жизнь и воинственный духъ также оскудѣли въ ней какъ и наука.... Все это сдѣлалъ, говорятъ, *человѣкъ Седана*. Но не вѣрнѣе ли сказать что *человѣкъ Седана* и его система были сами послѣдствіемъ того порядка вещей который господствуетъ во Франціи въ продолженіе почти цѣлаго вѣка? Кто опоэтизировалъ *маленькаго капрала*, кто создалъ *императорскую эпопею*? Не сами ли Французы? Что жь удивительнаго если племянникъ этого голубога Франціи пожелалъ занять и занялъ его мѣсто? Семь милліоновъ голосовъ высказалось въ его пользу, и нѣсколько разъ потомъ его правительственная сила получала санкцію Французскаго народа. Въ послѣднее время, правда, опубликованы документы дающіе поводъ думать что избраніе Наполеона и плебесциты стоили ему очень большихъ суммъ; но кто больше заслуживаетъ порицанія — дающій или принимающій деньги за нехорошее дѣло? Какъ бы впрочемъ ни было, Наполеонъ Бонапартъ сталъ у власти. Въ странѣ гдѣ въ продолженіе съ небольшимъ пятидесяти лѣтъ совершились три большія революціи, не считая маленькихъ и безчисленнаго множества *дней*, гдѣ колошится несчетное множество партій ни предъ чѣмъ не останавливающихся и, подобно г. Миртову, почитающихъ врагами всѣхъ „внѣ партіи состоящихъ“, гдѣ государь или президентъ,—кто бы онъ ни былъ,—становится по необходимости въ положеніе главы партіи, и партіи противъ которой готовы соединиться всѣ прочія,—можетъ ли, спрашиваемъ, въ такой странѣ государь или президентъ, при всей доброй волѣ своей, избѣгнуть фаворитизма и не искать въ своихъ помощникахъ прежде всего личной себѣ преданности? Вотъ та роковая необходимость которая заставила *человѣка Седана* окружить себя гг. Лебёфомъ, Базеномъ, Рувромъ, Гаусманомъ и пр. Но чтобы такіе люди не предали, чтобъ они не продали своего господина, надо постоянно питать ихъ алчность, надо питать ее тѣмъ обильнѣе чѣмъ человѣкъ способнѣе, потому что тѣмъ сильнѣе стараются переманить его другія партіи.

Наполеонъ III палъ, и вѣроятно позоръ которымъ онъ покрылъ себя заслонитъ путь къ престолу и ему и его потомству.

Можетъ-быть какая-нибудь другая династія займетъ его мѣсто, а можетъ-быть Франція еще разъ пожелаетъ испробовать республиканской формы правленія. Во всякомъ случаѣ она въ состояніи будетъ занять высокое положеніе въ политическомъ и интеллектуальномъ отношеніи лишь когда серіознымъ образомъ измѣритъ глубину причинъ своего паденія. Этихъ причинъ очень много; но главная изъ нихъ не финансовое разстройство, открывшее въ ней революціонную эру, — потому что въ послѣдніе сто лѣтъ французскіе финансы вообще не были въ разстройствѣ; эта причина не постыдный образъ жизни нѣсколькихъ ея правителей, на которую не безъ основанія жаловались въ прошломъ вѣкѣ, — потому что семейство Луи-Филиппа было образцомъ чистоты нравовъ. Эта причина заключается даже не въ личности и правительственной системѣ Наполеона III. Главная причина политическаго и нравственнаго упадка Франціи состоитъ въ томъ что въ продолженіе цѣлаго вѣка она не давала управлять и не умѣла сама управлять собою. А кто виноватъ въ томъ? Не тѣ ли яко бы „критически-мыслящія личности“ которыя ставили себя на мѣсто всего народа и, говоря какъ Людовикъ XIV, — Франція это я, — преслѣдовали свои идеалы не обращая вниманія ни на что и ни на кого? Не тѣ ли которые прославляли іюльскую революцію за то что она совершилась *вопреки всѣмъ*? Не тѣ ли которые умѣли только раздражать народъ, но не умѣли взяться ни за какое практическое дѣло? которые, какъ пресловутый Рошфоръ, настроили въ Парижѣ баррикадъ, помѣшавшихъ гарнизону въ послѣдней вылазкѣ? Не тѣ ли которые и въ самое послѣднее время, принявъ названіе „правительства національной обороны“, лукаво подготовляли торжество одной своей партіи и запрещали защищать Францію людямъ „внѣ ихъ партіи стоящимъ?“ Не тѣ ли наконецъ которые уже послѣ паденія Парижа и безпримѣрнаго униженія своего отечества, разсуждали о контрибуціи какъ о прекрасномъ предлогѣ для того чтобы произвести насильственный заемъ и „разорить жирную буржуазію?“

Но возвратимся къ г. Миртову и постараемся уяснить политическіе и соціальные идеалы во имя которыхъ онъ находитъ справедливымъ и безобиднымъ произвести нѣкоторые безпорядки. Изображенію этихъ идеаловъ посвящена вторая половина книжки (письма 10 — 16) нашего автора. Первенствующее требованіе его, какъ читатель могъ уже замѣ-

тить, заключается въ критическомъ мышленіи, которому онъ противополагаетъ „идеализацію“ господствовавшую и еще господствующую надъ человѣчествомъ. „Волервыхъ, говоритъ онъ, явленія представлялись человѣку какъ дѣйствія сверхъестественныхъ внѣ-міровыхъ личностей, одаренныхъ сознаніемъ, разумомъ, волей. Вовторыхъ, явленія представлялись ему какъ проявленія единой сознательной и разумной сущности міра. Наконецъ, втретьихъ, явленія представлялись ему какъ дѣйствія совокупности реальныхъ существъ одаренныхъ сознаніемъ, разумомъ и волей и составляющихъ міръ.“ (142). Такая идеализація несовмѣстима съ прогрессомъ. Точно такъ же какъ высшія силы міра, идеализована была семья, и „результатомъ этой ложной идеализаціи семьи явилось страшное злоупотребленіе власти главы семьи“ (151). Подобнымъ же образомъ, говоритъ г. Миртовъ, идеализована была и собственность: „И здѣсь мы видимъ поэтическую, религіозную (?), метафизическую идеализацію этого строя. Богатство, роскошь, хищничество, завоеванія, наслѣдственная аристократія, жирная буржуазія имѣли своихъ лѣвцовъ, своихъ теоретиковъ-хвалителей, свои заповѣди для ихъ охраны и свои te-deum, ихъ прославлявшіе“ (157). Впрочемъ о религіозныхъ понятіяхъ, о началѣ семейномъ и о собственности авторъ говоритъ лишь вскользь. Онъ останавливается долѣе на понятіяхъ о государствѣ и національности. „Какъ продуктъ природы и исторіи, говоритъ онъ, національность есть начало совершенно правомѣрное, но прозрачная (?) идеализація незамедлила обработать по своему этотъ *великій принципъ*“ (курсивъ въ подлинникѣ).... „Такъ какъ бо́льшая часть исторіи національностей прошла во взаимной рѣзнѣ и во взаимномъ лоѣданіи“, то явилось ученіе „ложнаго патріотизма“, которое состоитъ въ томъ будто бы „чтобъ его національность поѣла всѣ прочія“ (161). Нынѣ требуется другое, говоритъ нашъ авторъ: требуется разрѣшить вопросъ совмѣстимъ ли принципъ національностей съ принципомъ прогресса, и какъ согласовать между собою эти принципы, подчиняя разумѣется первый второму? Но такъ какъ здѣсь встрѣчается препятствіе со стороны правительствъ, которыя стоятъ на стражѣ проведенныхъ исторіей границъ, болѣе или менѣе совпадающимъ съ границами этнографическими, то нашъ авторъ переходитъ къ вопросу о „государственномъ договорѣ“. Всякій договоръ, говоритъ онъ, справедливъ

лишь тогда, вопервыхъ, когда онъ заключенъ между людьми одинаково сильными, равно могущими отстоять свое право, когда онъ касается имущественныхъ предметовъ и „распространяется лишь на лицъ непосредственно заключавшихъ этотъ договоръ.“ (178—182). Тѣмъ не менѣе законъ ограждаетъ въ настоящее время договоры заключенные и не на подобныхъ началахъ; а въ такомъ случаѣ и договоръ и законъ являются принципами анти-прогрессивными; ихъ поддерживаетъ „существованіе сильной организаціи, или значительнаго большинства лицъ, для которыхъ договоръ выгоденъ и которые.... заставляютъ насильно подчиняться государственному договору всѣхъ тѣхъ которые имъ недовольны. Выйди изъ государства или исполняй государственный договоръ—такова дилемма которая стоитъ предъ каждымъ подданнымъ государства“ (199). Такое положеніе дѣлъ, говоритъ г. Миртовъ, далеко не соотвѣтствуетъ идеалу государства. „Идеалъ государственнаго строя есть такое общество въ которомъ всѣ члены смотрятъ на законъ какъ на взаимный договоръ сознательно принятый всѣми, допускающій измѣненія по общему согласію договаривающихся и принудительный лишь для тѣхъ которые на него согласились“ (201). Но чѣмъ можетъ быть достигнута такая цѣль? „Увеличеніемъ участія общества въ законодательствѣ:“ тогда только „государство принимаетъ характеръ союза лицъ заключавшихъ свободный договоръ и свободно его измѣняющихъ“ (205). Къ несчастію, современныя общества весьма далеки еще отъ такого идеала; даже въ Сѣверной Америкѣ все еще существуетъ „подчиненіе значительнаго числа личностей договору который они не обсуждали“ (207). Итакъ, по мнѣнію г. Миртова, въ Сѣверо-Американской республикѣ все еще недостаточно велико число участвующихъ въ законодательствѣ, хотя въ число законодателей тамъ можетъ попасть, какъ извѣстно, всякій гражданинъ имѣющій не менѣе 25 лѣтъ отъ роду. Но г. Миртовъ смотритъ на свой предметъ несравненно шире и либеральнѣе чѣмъ республиканцы Сѣверной Америки. „Человѣкъ родился, говоритъ онъ, на данной мѣстности. Эта мѣстность входитъ въ данную территорію.... Родясь здѣсь, онъ подчинекъ и здѣшнимъ законамъ, которые онъ не обсуждалъ, не принималъ“. (207). Это конечно очень прискорбно, но какъ же быть? Повергать государственную конституцію на разсмотрѣніе каждаго новорожденнаго? Нѣтъ; надо разбить государство на мельчайшія общины,

на мельчайшіе центры съ самостоятельнымъ внутреннимъ законодательствомъ и управленіемъ: тогда всякій гражданинъ въ состояніи будетъ выбрать себѣ мѣсто жительство согласное съ своими вкусами и убѣжденіями. Что же касается до государственной власти, говоритъ г. Миртовъ, то при ней должно остаться „лишь охраненіе тѣхъ законовъ, общихъ для всей территоріи, которые составляютъ.... неизмѣнные выводы науки относительно общечеловѣческой истины и общечеловѣческой справедливости“ (216).... Это довольно неопредѣленно и смутно, но болѣе опредѣлительныхъ указаній на значеніе государственной власти мы не находимъ у нашего автора; на тѣхъ высотахъ на которыя онъ поднялся носятся однѣ Оссіановскія тѣни. При такомъ устройствѣ общества, говоритъ онъ, исчезнетъ ядовитое начало національностей и потеряетъ свое значеніе вопросъ о государственныхъ границахъ. „Временные экономическіе, культурные или научные интересы должны сблизить общества и опредѣлить временную (!) территорію федераціи имѣющей опредѣленную цѣль“. (237).

И только. Мечты, туманъ, фантазіи, политическая Манилловщина! Лѣтнимъ вечеромъ, сидя на балконѣ, или зимой, предъ каминомъ, пріятно помечтать о будущихъ судьбахъ человѣчества, о тѣхъ счастливыхъ временахъ

Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся,

когда просвѣщеніе обхватитъ всѣ сословія, когда не будетъ ни управляющихъ ни управляемыхъ, а всѣ будутъ трудиться для всѣхъ, и всѣ будутъ богаты, и всѣ будутъ довольны... Почему даже не написать объ этихъ прекрасныхъ мечтахъ и книжку: писали же такія книжки и Платонъ и Томасъ Морусъ и многіе другіе, позднѣйшіе; но что же имѣетъ все это общаго съ дѣйствительностью? Вы „критически-мыслящая личность“, вы отыскали формулу блаженства человѣческаго рода? Прекрасно, но зачѣмъ же вы носитесь въ Оссіановскихъ туманахъ и не объясните какимъ именно путемъ, какими послѣдовательными шагами человѣчество можетъ перейти отъ нынѣшняго положенія своего къ такому „идѣже нѣсть ни болѣзнь ни воздыханіе?“ Неужели въ самомъ дѣлѣ путемъ революціи?... Но пусть такъ; мысль дикая, но не новая. Вообразимъ же себѣ что сигналъ поданъ, и революція началась. Сосчитаемъ революціонеровъ. Вы сами го-

ворите что „критически-мыслящихъ“ людей ничтожное число во всемъ мірѣ; вы говорите что немного и тѣхъ ротозеевъ которыхъ вы называете „незамѣтными героями“ и которые по вашему слову пойдутъ за вами; какъ же велика армія всемірной революціи? Сто тысячъ? Двѣсти? Пятьсотъ? Положимъ хоть милліонъ. Положимъ тоже что „энергическимъ и фанатическимъ“ предводителямъ этой арміи удалось въ непроницаемой тайнѣ приготовить взрывъ, что ихъ не перевязали во-время, что они одержали повсемѣстную побѣду, перерѣзавъ милліона два народу, что всѣ престолы одновременно опрокинуты, всѣ старые кодексы сожжены, какъ предлагалъ въ прошломъ году г. Распайль, что, словомъ, друзья г. Миртова овладѣли всѣмъ земнымъ шаромъ. Вотъ они сходятся по разнымъ пунктамъ и начинаютъ заниматься всеобщею географіей: стираютъ всѣ границы и предоставляютъ самимъ народамъ размежевываться между собою. Положимъ,—мы сыплемъ уступками и просимъ г. Миртова не забывать этого, — положимъ что эти народы, ошеломленные постигшею ихъ страшною катастрофой и присмирѣвшіе какъ стадо барановъ во время грозы, размежевались полюбовно и начали жить отдѣльными самостоятельными общинами, имѣющими независимое внутреннее управленіе. Но вотъ одной общинѣ приходитъ въ голову произвести контръ-революцію.... она вѣдь имѣетъ на это право. Скажутъ, такое желаніе невозможно потому что не оправдывается критическимъ мышленіемъ. Но люди многое дѣлаютъ вопреки критическому мышленію. Какимъ критическимъ мышленіемъ можно объяснить что многіе, не будучи даже связаны недвижимою собственностью, живутъ въ Вологдѣ, а не въ Сорренто или хоть въ Ялтѣ? Почему мой сосѣдъ любитъ свою жену, хоть она не умнѣе, не добрѣе и не красивѣе всѣхъ женщинъ на свѣтѣ? Почему я охотнѣе работаю въ старомъ своемъ кафтанѣ, хоть у меня есть и другой, не менѣе просторный и менѣе поношенный?... Итакъ, одна община начинаетъ контръ-революцію во имя стараго порядка дѣлъ, отъ котораго она была насильственно оторвана критически-мыслящими людьми; къ ней пристаетъ другая, третья, наконецъ вся Европа, все человѣчество, за исключеніемъ милліона совершившаго переворотъ. Вся эта масса возстаетъ противъ друзей г. Миртова, связываетъ имъ руки и отводитъ въ полицію, а если они не сдадутся добромъ, то добрую ихъ часть перестрѣляютъ и перевѣшаютъ. Что же потомъ?... Или я очень ошибаюсь, или

г. Миртовъ можетъ отвѣчать на это одно только: надо опять сдѣлать революцію.

И вотъ человѣкъ который обижается что критика не обращала на него вниманія до сихъ поръ, который учитъ, проповѣдуетъ, подтруниваетъ надъ авторитетами, котораго пожалуй назовутъ передовымъ человѣкомъ.... Передовой человѣкъ! Какъ много невѣжества, тщеславія, неспособности ко всякому серіозному труду и особенно какъ много дикихъ инстинктовъ нерѣдко прикрываетъ это названіе! Увлекаться неопредѣленными мечтами, вносить бездарную лоэзію въ область практической дѣятельности, касаться однѣхъ верхушекъ соціальныхъ наукъ, не зная основательно ни одной; относиться съ гордымъ презрѣніемъ ко всему существующему, ко всему реальному, выработанному тысячелѣтіями, во имя мечтательныхъ идеаловъ; доктринерствовать въ томъ что наименѣе подчиняется доктринѣ, а есть и должно быть лишь свободнымъ развитіемъ жизни, мечтать, скорбѣть, тревожиться о завтрашнемъ днѣ, ничего не дѣлая для нынѣшняго; задумываться надъ задачами будущаго, устраняясь отъ разрѣшенія того что подлежитъ немедленному разрѣшенію; предъявлять непомѣрныя, фантастическія требованія съ увѣренностью отказа; жертвовать для мечтательнаго блага не существующихъ поколѣній свободною волей, даже жизнію поколѣнія живущаго во плоти, дышащаго чувствующаго, трудящагося, мыслящаго; ломать, какъ дѣлаютъ глупыя дѣти, часы съ тѣмъ что авось можетъ-быть и удастся потомъ сложить ихъ,—не это ли тѣ кого нерѣдко называютъ „передовыми людьми“ и кого, по ихъ самодовольной пустотѣ, по ихъ мишурному блеску, по театральности не оставляющей ихъ ни на минуту, по ихъ озлобленному уму, по сѣдящему ихъ самолюбію, по нежеланію и неумѣнію взяться за какое бы то ни было серіозное, практическое *дѣльное* дѣло, справедливѣе было бы назвать Печоринами настоящей политической минуты.

II.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго, т. I, изданіе И. А. Н., Спб. 1870.

Наконецъ мы имѣемъ начало исторіи перваго въ Россіи ученаго учрежденія. Мы надѣемся въ послѣдствіи сообщить читателямъ *Русскаго Вѣстника* отчетъ о первомъ недавно вышедшемъ томѣ этой исторіи, а нынѣ ограничимся лишь нѣ-

сколькими словами. Исторія Академіи Наукъ составлена главнымъ образомъ на основаніи данныхъ хранящихся въ ея архивахъ: протоколовъ академическихъ засѣданій, дѣлъ академической канцеляріи, игравшей нѣкогда большую роль въ ея судьбахъ, изъ переписки первыхъ нашихъ академиковъ съ заграничными учеными и нѣкоторыми Русскими любителями просвѣщенія, изъ біографій академиковъ написанныхъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, изъ матеріаловъ собранныхъ въ разное время для исторіи Академіи и пр. Такимъ образомъ данныхъ для исторіи нашей Академіи весьма много; за то разборка, разсмотрѣніе и изученіе ихъ требуетъ большихъ и усидчивыхъ трудовъ. Уклоняясь въ настоящемъ случаѣ отъ подробной оцѣнки тѣхъ результатовъ къ коимъ они привели, такъ какъ мы не изучили еще со всѣмъ подобающимъ вниманіемъ обширнаго лежащаго предъ нами тома, — мы можемъ однакоже сказать, не боясь ошибиться, что серіозные люди найдутъ и въ новомъ трудѣ г. Пекарскаго тѣ же качества къ которымъ онъ пріучилъ своихъ читателей, — добросовѣстность, точность, обстоятельность. Мы не беремся предсказывать *Исторіи Академіи Наукъ* шумный успѣхъ, но увѣрены что она займетъ почетное мѣсто между книгами каждаго просвѣщеннаго человѣка и доставитъ много добраго матеріала для лицъ занимающихся русскою исторіей.

П. Щ.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k. съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 k., съ перес. 50 k.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 k., съ перес. 70 k.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 k., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИСШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 k., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

ОСНОВАНІЯ СИНТАКСИСА ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА. Синтаксисъ обыкновенный, преимущественно аттической прозы, д-ра К. В. Крюгера, перевелъ съ нѣмецкаго К. Мысовскій. Изданіе Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 р.

КАТОНЪ СТАРШІЙ И ЛЕЛІЙ ЦИЦЕРОНА. Объяснилъ и особымъ словаремъ снабдилъ А. Ананьевъ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. 70 коп.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ, съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ.

Стр.

Бѣсы. Романъ. Часть первая. Гл. I—II. *Ѳ. М. Достоевскаго.* 5

Изъ записокъ покойнаго генералъ-майора Н. П. Ковальскаго. 78

Стихотвореніе. (А. В. Пл—вой). *Ѳ. Т.* 118

Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Эпизодъ второй. *Барона Ѳ. А. Бюлера.* 119

Падающія звѣзды. *Ѳ. А. Бредихина.* 149

На ножахъ. Романъ. Конецъ второй части. *Н. С. Лѣскова* (Стебницкаго). 171

Пять недѣль въ Коканѣ. *Кн. Дм. Д—го.* 244

Въ лѣсахъ. (Продолженіе разказа *За Волгой.*) Гл. I—VIII. *Андрея Печерскаго.* 319

Какъ отдарилъ Турецкій султанъ Московскаго царя. (Изъ сербскихъ народныхъ лѣсенъ). *А. Н. Майкова.* . 372

Наши „истинные пріятели". (1740—1744). *Архивъ князя Воронцова*, кн. I. Москва, 1870. *П. К. Щебальскаго.* 378

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. X—XV.

ФЕВРАЛЬ.

Стр.

Посольство въ Хиву и Бухару полковника Игнатьева въ 1858 году. *Н. Г. Залѣсова* 421
На ножахъ. Романъ. Часть третья. Гл. I—V. *Н. С. Лѣскова* (Стебницкаго). 475
Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Эпизодъ второй. *Барона Ѳ. А. Бюлера*. 546
Воздухоплаваніе во время осады Парижа. 568
Бѣсы. Романъ. Часть первая. Гл. III—IV. *Ѳ. М. Достоевскаго*. 591
Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій. Гл. III—IV. *Н. С. Тихонравова*. . . . 667
Необычный случай. Разказъ. *Н. Боева*. 721
Лейбъ-кампанецъ. Разказъ. *Г. П. Данилевскаго*. . . . 729
Нѣсколько словъ о сербскомъ духовенствѣ. *А. И. Лебедева* 748
Ниневія и Вавилонъ. Изъ чтеній Ваттенбаха. 761
Посмертное сочиненіе Герцена. *Д.* 804
Новыя книги. I. *Историческія Письма*, П. Л. Миртова. II. *Исторія Императорской Академіи Наукъ*, П. Пекарскаго. *П. Щ.* 817

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Приключенія Гарри Ричмонда. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. XVI—XIX.

ночлегъ, вдали отъ родины—вотъ философское заключеніе къ которому мы пришли, ибо ничего практическаго не представлялось. Мы вооружились бумажкой миссъ Гудвинъ. Слово Gasthof! воскликнулъ Темпль. Gasthof, Zimmer, Bett; это значитъ: гостиница, горячій ужинъ, постель. Спросимъ. Мы спросили у нѣсколькихъ человѣкъ. Работавшіе бросили на насъ изумленный взглядъ; факельщики указали на палатку и на невидимую высоту и пробормотали: „Morgen“. Справившись съ бумажкой миссъ Гудвинъ, мы узнали что это значитъ утро—отвѣтъ рѣшительно непонятный. Но люди, какъ видно, считая наше поведеніе подозрительнымъ, объяснили намъ угрожающими жестами что наше присутствіе тутъ не требуется. Мы удалились подъ тѣнь деревъ, сердясь на ихъ неучтивость. Еслибы было лѣто, мы легли бы на землю и заснули. Холодъ зимней ночи принуждалъ насъ оставаться въ движеніи. Намъ однако не хотѣлось удаляться отъ факеловъ. Черезъ нѣкоторое время они скрылись, потомъ мы увидѣли одинъ, движущійся впереди. Факельщикъ оказался однимъ изъ рабочихъ, и у насъ съ нимъ завязались весьма странные переговоры. Онъ повторялъ слово: *Morgen*, а мы твердили: *Zimmer* и *Bett*.

— Онъ принимаетъ насъ за двухъ Каспаръ Гаузеровъ, вздохнулъ Темпль.

— *Nein*, сказалъ рабочій, и можетъ-быть наведенный на новую мысль звуками чужаго языка, далъ намъ знакъ чтобы мы шли за нимъ слѣдомъ.

Жилище его была лѣсная хижина. Онъ предложилъ намъ хлѣба, молока и соломы вмѣсто постели. Мы ничего больше не желали, и были счастливы, хотя хлѣбъ былъ черенъ, молоко кисло, а солома гнила.

Завтракъ нашъ былъ какъ бы продолженіемъ ужина, но двѣ дочки хозяина въ тѣсныхъ и грязныхъ полотняныхъ чепцахъ жевали черный хлѣбъ и пили кислое молоко съ такимъ аппетитомъ что мы притворились будто намъ нравится эта дрянь, чтобъ онѣ не сочли насъ существами совсѣмъ другаго рода чѣмъ онѣ. Да къ удивленію нашему пища эта и дѣйствительно намъ понравилась. „*Mutter*“, сказалъ я имъ. Онѣ указали комнату на верху. Темпль приложилъ щеку къ рукѣ. Одна изъ дѣвочекъ легла щекой на столъ. Я сказалъ:—Докторъ. Онѣ кивнули головой и отвѣчали:—Принцесса. Это сбило наши догад-

ки о здоровьѣ ихъ матери. Я положилъ серебряную англійскую монету въ одну изъ ихъ пухленькихъ ручекъ.

Повторяя имя Саркельдъ, мы стали просить отца указать намъ путь къ этому мѣсту. Въ дверяхъ хижины онъ небрежно махнулъ рукой къ югу, потомъ весьма выразительно къ западу, гдѣ стояла башня, потомъ поднялъ къ ней обѣ руки, закричалъ, подражая пальбѣ изъ пушекъ, замахалъ шляпой и затопалъ, испуская привѣтственные возгласы. Темпль, взглянувъ по направленію къ башнѣ, затрубилъ въ кулаки, чтобы показать что мы понимаемъ всю привлекательность ея; мы нѣсколько разъ сказали: *ja, ja*, и потомъ повернули на дорогу къ Саркельду.

Нѣсколько минутъ спустя, звукъ копытъ заставилъ насъ предположить что онъ отправилъ кого-нибудь вслѣдъ за нами. Маленькая дамочка верхомъ на пони, сопровождаемая темнолицымъ, широкоплечимъ грумомъ на высокой лошади, проѣхала мимо, остановилась въ сторонѣ отъ дороги и ждала чтобы мы подошли. Она была одѣта въ сѣрое верховое платье и въ теплую зимнюю куртку изъ блестящаго сѣраго мѣха; мягкій бѣлый мѣхъ, обмотанный вкругъ шеи, скрещивался на груди, на ней были бѣлыя перчатки и красивая пуховая шляпа съ широкими полями и развѣвающимся пером. Она осматривала насъ. Странная была сцена: громадный темнолицый грумъ на сухощавомъ конѣ стоялъ неподвижно, какъ вкопанный; подлѣ него госпожа, дѣвочка лѣтъ тринадцати-четырнадцати, подпершись одною рукой, въ другой держа хлыстъ и поводъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ, на которое падали золотистыя кудри; за нею скалы и деревья и высокія сосны; а у ногъ ея пони журчащій ручеекъ, нисладающій съ горъ. Между конемъ грума и ея пони было аршинъ шесть промежутка. Она ждала пока мы подойдемъ, не скрывая что внимательно осматриваетъ насъ; а мы, идя вольнымъ шагомъ, взглянули на нее, приподнимая шляпы. Этотъ взглядъ, какъ сѣть брошенная въ освѣщенную луной воду, принесъ мнѣ лишь отблескъ дивной красоты.

Жадно отыскивая предлогъ оглянуться еще разъ, я услышалъ ея голосъ:

— Молодые господа Англичане!

Мы стремительно обернулись.

Это она безъ сомнѣнія къ намъ обратилась. Она пришпорила своего пони намъ на встрѣчу, остановила его и сказала

съ прелестнымъ усиліемъ правильно произносить слова чужаго языка:

— Кажется вы не по той дорогѣ идете.

Шляпы опять слетѣли у насъ съ головъ, и не давъ Темплю времени отвѣтить, я сказалъ:

— Развѣ это, позвольте спросить, не дорога въ Саркельдъ?

Она не торопясь пріискала англійскія слова:

— Да, тутъ ходятъ въ Саркельдъ; но сегодня всѣ идутъ на нашу Bella Vista, и я очень совѣтую вамъ не пропустить это зрѣлище, ибо объ этомъ стоитъ написать домой.

— Такъ стало-быть идти назадъ къ башнѣ? Мы были тамъ вчера вечеромъ и видѣли бронзовую лошадь, mademoiselle.

— Да, знаю. Я заѣзжала къ моей бѣдной больной въ хижину гдѣ вы спали, господа. Ея дѣти мои любимцы. Она прежде жила у насъ въ домѣ, она добрая. Тамъ мнѣ сказали что два молодые иностранца отправились къ Саркельду. Я и подумала: они не могутъ знать что сегодня всѣ идутъ на Bella Vista.

— Вы тотчасъ же догадались что мы Англичане, mademoiselle.

— Да, я это видѣла по вашимъ спинамъ, да и англійскіе глаза ваши сказываются тотчасъ же съ перваго взгляда. Я говорю о васъ обоихъ. Только ясно ли я говорю? Мнѣ не всегда удается выговорить *th* какъ слѣдуетъ. Да и понимать вашъ разговорный языкъ гораздо труднѣе чѣмъ книгу. У меня есть гувернантка Англичанка. Мы читаемъ англійскія сказки, англійскіе стихи. Они у васъ отличные. Такъ угодно вамъ идти когда вамъ указываютъ дорогу? Вотъ мой вопросъ.

Темпль поблагодарилъ ее за обязательное предложеніе.

Я колебался, самъ внутренно дивясь что могу колебаться, когда рѣчь идетъ о дорогѣ къ отцу. Слыша смѣлый отвѣтъ Темпля, я также поблагодарилъ и изъявилъ согласіе. Тогда она сказала, кланяясь:

— Прошу васъ надѣть шляпы.

Мы прошли мимо громаднаго грума, сидящаго неподвижно, словно аршинъ проглотилъ, на высокомъ конѣ. Онъ поднесъ два пальца ко лбу въ видѣ поклона. Темпль прошепталъ:—Я бы пожалуй согласился поступить въ нѣмецкую армію. Точно такъ же какъ послѣ свиданія нашего съ капитаномъ Бельстедомъ, онъ изъявлялъ готовность поступить въ англійскій флотъ.

Это значило только что онъ очень доволенъ. Что до меня

касается, то слова отъ радости путались у меня на языкѣ, и мнѣ приходилось повторять два раза все что̀ говорилъ я нашей новой благосклонной слутницѣ.

— Ахъ! сказала она,—кажется все знаешь, пока не испытаешь себя. Мнѣ стыдно, но я буду говорить. Развѣ неправда? Опытъ есть школа. А вы, пожалуста, говорите медленно. Вѣдь вы, господа Англичане, словно шелкъ губами прядете. У вашего языка какъ будто нѣтъ азбуки. Точно лепетъ какой-то. Италіянскій тоже, только лучше. Не правда ли?

— Bella Vista, сказалъ я.

— Да, продолжала она сладкозвучнѣйшимъ по моему мнѣнію изъ языковъ.—А вотъ хижина моихъ бѣдныхъ. Они отправились на Bella Vista. Со всего околотка на многія мили въ окружности идутъ туда люди. Я разкажу вамъ, такъ какъ вы иностранцы. У принца Эпленвельцена былъ великій предокъ, и сестра его, маркграфиня фонъ Риллау, сказала: воздвигните ему статую, ибо онъ былъ великій воинъ. Принцъ не могъ, или не хотѣлъ, не знаемъ. Такъ она и сказала: я сама это сдѣлаю въ семь дней. Она постоянно забавляетъ его и весь дворъ. Необыкновенное волненіе! Представьте: конная статуя; сходство необыкновенное, трехуголка, парикъ, все изъ бронзы и маршальскій жезлъ. Ну, бронзовая лошадь примчалась во весь духъ изъ Берлина. Къ счастью, она была готова у одного знаменитаго ваятеля, и ее привезли сюда на Bella Vista съ почтой на многихъ лошадяхъ. Это мы знаемъ, но теперь мы въ крайнемъ недоумѣніи: гдѣ же сама-то статуя? Гдѣ же, понимаете ли вы меня господа,—самъ-то князь маршалъ Эпленвельценъ, нашъ великій предокъ? А маркграфиня говоритъ: Ладно! Подождите! Кивaетъ головой, улыбается. Весь дворъ нашъ во дворцѣ на озерѣ по ту сторону башни, и заклады держатся безъ числа на драгоцѣнные камни, перья и кружева. Маркграфиня говоритъ: сегодня вы тамъ увидите его, Альбрехта Вольгемутъ князя Эпленвельценъ. Но ни одинъ ваятель не могъ же вылить бронзовую статую въ семь дней. Мы и говоримъ, если она тайно заказала статую ваятелю, вы понимаете меня господа, гдѣ же и какъ досталъ онъ портретъ? Или онъ приходилъ переодѣтый въ столовую нашего дворца на озерѣ? Но вѣдь снять копію, сдѣлать форму, вылить бронзу, съѣздить изъ Берлина въ Саркельдъ и обратно въ семь дней! Нѣтъ, нельзя! Вотъ мы и догадываемся, догадываемся, и не можемъ догадаться. Сегодня мы словно пустили стрѣ-

лой въ орла и не знаемъ уладетъ ли онъ. Увидимъ ли мы нашего предка на конѣ? Радость будетъ невыразимая. Или не увидимъ? Ломаемъ себѣ головы до изнуренія. Въ одиннадцать часовъ выстрѣлятъ изъ пушки, снимутъ палатку, и мы увидимъ. Жду я не дождусь этого пушечнаго выстрѣла.

— Я увѣренъ что зрѣлище будетъ прекрасное.

— Для иностранцевъ, да. Но только принадлежащіе ко двору могутъ понять что̀ это будетъ за зрѣлище. Такъ вы идете въ Саркельдъ? У васъ тамъ есть знакомые?

— Отецъ мой въ Саркельдѣ, mademoiselle. Мнѣ говорили что онъ при дворѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Онъ Англичанинъ? вашъ отецъ?

— Да. Я много лѣтъ не видалъ его. Я пришелъ его отыскивать.

— Въ самомъ дѣлѣ! Вы изъ любви къ отцу пріѣхали сюда не зная по-нѣмецки?

Я подтвердилъ.

Она задумчиво погладила шею своего пони.

— Вѣдь говорятъ въ англійскихъ семействахъ не много встрѣчается любви, замѣтила она очень застѣнчиво, и потомъ, снова овладѣвъ собой, спросила какъ зовутъ моего отца.

— Его зовутъ Ричмондъ, mademoiselle.

— Мистеръ Ричмондъ?

— Мистеръ Ричмондъ Рой.

Она привскочила на сѣдлѣ.

— Вы сынъ мистера Ричмонда Роя? Это удивительно!

— Такъ вы видѣли его недавно?

— Да, да, я его видѣла. Я слышала о его прелестномъ мальчикѣ, о его сынѣ. Такъ это вы?

Она стала вглядываться въ меня.

— Скажите мнѣ здоровъ ли онъ, mademoiselle? Совершенно ли онъ здоровъ?

— О, да! отвѣчала она, весело улыбаясь и затѣмъ какъ будто прикусила нижнюю губку.—Онъ нашъ лотѣшникъ. Онъ не можетъ не быть здоровъ. Я ему отчасти обязана знаніемъ англійскаго языка. Такъ вы его сынъ? Вы шли въ Саркельдъ? Вы увидите его на нашей Bella Vista. Скорѣй; побѣжимъ!

Она поѣхала рысью по темной дорожкѣ между соснами, крича что мы ее не догонимъ. Но мы бѣгали мастерски, и мнѣ, какъ ни билось сердце мое, мочи нѣтъ хотѣлось достигнуть башни на высотѣ. Придержавъ лошадь и видя что мы не от-

стаемъ отъ нея, она засмѣялась и назвала насъ славными мальчиками. Что Темпль не болѣе какъ товарищъ мой, предпринявшій путешествіе изъ дружбы ко мнѣ, удивило ее. Если-бы мы были Нѣмцы, оно бы еще скорѣе было понятно. Болѣе она не могла объяснить своего удивленія.

На поворотѣ дороги она указала хлыстомъ на темныя группы и вереницы людей поднимающихся въ гору разными тропинками чтобы присутствовать при открытіи памятника.

Я умолялъ ее не терять времени.

— Ужь если я служу вамъ проводникомъ, такъ не угодно ли вамъ соображаться со мною, сказала она, искидывая голову.

— Не знаю какъ благодарить васъ, mademoiselle! сказалъ я.

— Вы были добры къ моимъ двумъ бѣднымъ дѣвочкамъ, отвѣчала она.

Мы двинулись далѣе.

ГЛАВА XVI.

Статуя на мысу.

Скоро наша дамочка стала раскланиваться въ отвѣтъ на почтительныя привѣтствія поселянъ и другихъ прохожихъ, шедшихъ толпами по широкой дорогѣ, извивами поднимавшейся въ гору. Я невольно подумалъ какъ вдвойнѣ чуждъ я здѣсь всѣмъ: я ждалъ свиданія съ потерянным заживо отцомъ, а эти люди спѣшили и тѣснились чтобы поглядѣть на статую. Но такъ какъ отецъ мой можетъ-быть также интересовался этою статуей, я искусственно возбудилъ въ себѣ нѣкоторое любопытство и участіе въ общемъ волненіи. Темпль и молодая дѣвушка одни почти вели разговоръ, касавшійся окрестныхъ видовъ, сосенъ, дубовъ, лѣсовъ и озеръ, пока мы не дошли до плоской возвышенности, гдѣ стояла башня. Тутъ громадный грумъ выѣхалъ впередъ, и сталъ прокладывать намъ дорогу сквозь толпу зрителей, а молодая дѣвушка, наклонившись ко мнѣ, заговорила со мною, но голосъ ея совершенно заглушался общею болтовней и смѣхомъ. Заигралъ хоръ духовой музыки. Мнѣ показалось что Темпль закричалъ: „Это прекрасно“, но видно было только какъ ротъ у него открылся словно у нѣмаго. Мнѣ становилось весело. Звуки этой музыки невольно пробуждали бодрость, смѣлость. Мы мино-

вали башню. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ стояла высокая палатка, надъ нею развѣвался флагъ, также какъ и на шестахъ разставленныхъ широкимъ кругомъ, который охраняли конные и пѣшіе лѣсничіе и жандармы. Музыканты въ зеленой одеждѣ, съ черными перьями на шляпахъ, играли въ срединѣ круга. За кругомъ тѣснились экипажи, дамы и мущины верхомъ, поселяне, лѣсники, деревенскіе и городскіе жители, мущины, женщины и дѣти напирали на канатъ, протянутый между шестами. Лучи солнца падали то изъ-за одного, то изъ-за другаго края большихъ, медленно плывущихъ облаковъ, то башня ярко озарялась, то дворецъ на озерѣ, то сосновый лѣсъ съ длинными просвѣтами.

Нѣсколько рукъ замахало когда появились мы въ виду экипажей. Такъ онъ вотъ здѣсь, подумалъ я, и сердце во мнѣ словно перевернулось. Молодая дѣвушка рысью поѣхала впередъ по свободной дорогѣ. Мы увидѣли высоко сидящую даму въ соболяхъ, которая погрозила ей пальцемъ и потрепала ее по подбородку. Молодая дѣвушка унеслась къ другому экипажу, потомъ къ третьему, словно допрашивалась чего-то. Я замѣтилъ Темплю, ужь не повторяетъ ли она по-нѣмецки тотъ мой вопросъ. Помнишь? Въ мысляхъ и рѣчахъ моихъ не было никакой послѣдовательности и твердости.

Она вернулась къ намъ, восклицая:

— Нѣтъ нигдѣ! Онъ будетъ. Но теперь еще его нѣтъ. Послушайте, наклонилась она ласково ко мнѣ,—не можете ли вы сказать нѣсколько словъ по-нѣмецки? Всего два-три слова. Тетушка моя, маркграфиня, желаетъ поговорить съ вами, а она не знаетъ по-англійски. Ей очень хочется васъ видѣть. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, соберите хоть нѣсколько нѣмецкихъ словъ.... *ja?* Вѣдь вы можете.... *nicht wahr?* Или по-французски? Сварите пуддингъ изъ всего этого. Идемте.

Пуддингъ у меня вышелъ ужасный. Темплю также не болѣе моего посчастливилось.

Маргарафиня, красивая, бодрая дама, съ живымъ ртомъ и еще болѣе живыми глазами, сѣрыми, рѣдко останавливающимися на томъ съ кѣмъ она говорила, удостоила меня внимательнаго осмотра, будто я изъявилъ желаніе вступить въ ея гренадерскій полкъ и могъ годиться современемъ, но пока еще оказался не довольно мужественныхъ размѣровъ.

Она улыбнулась какъ бы въ извиненіе моего ужаснаго полу-

англійскаго французскаго языка, обращалась ко мнѣ и отворачивалась, забыла меня и вспомнила снова, все въ продолженіе пяти минутъ, бросила Темплю нѣсколько разсудительныхъ отвѣтовъ на непонятныя рѣчи, потомъ откинула назадъ голову чтобъ оглядѣть насъ обоихъ вмѣстѣ, и наконецъ остановила глаза на мнѣ одномъ.

— C'est peut être le fils de son papa, c'est tout dire.

Таково было ея заключительное замѣчаніе. Не довольствуясь однако этимъ, она перегнулась изъ коляски и съ необыкновенною гримасой, словно мучась родами, произнесла на ломаномъ англійскомъ языкѣ:

— Вы смѣетесь?

Не было средствъ устоять: я засмѣялся какъ сумашедшій и остановился въ смущеніи послѣ перваго взрыва.

Не думая, повидимому, обижаться, она кивнула головой, и я былъ вторично подвергнутъ ужасному испытанію.

— Вы умѣете смѣшить?

Я собрался съ остроуміемъ. Не представлялось словъ которыя могли бы смѣшить. Въ эту именно критическую минуту мнѣ попался на глаза скромно одѣтый старый горожанинъ, стиснутый въ толпѣ между двухъ испуганныхъ женщинъ; онъ держалъ во рту трубку, шляпа, парикъ и платокъ валились ему на лицо, обнажая его лысую голову, а онъ не смѣлъ закричать чтобы не уронить трубку подъ ноги.

— Вотъ кто можетъ разсмѣшить ваше высочество!

Она бросила быстрый взглядъ на нелѣпую сцену, обратилась къ одной изъ своихъ дамъ и коснулась лба, потомъ протянула мнѣ руку, а Темпля потрепала по плечу.

— Да, онъ можетъ: *Du auch.*

Подъѣхалъ величавый джентльменъ. Они пошептались, поглядѣли на палатку и заговорили повидимому очень горячо. Всѣ лица муцинъ были чужія, ни одно не имѣло ни малѣйшаго сходства съ моимъ отцомъ. Мнѣ представлялось не переодѣтъ ли онъ. Но напрасно глядѣлъ я напряженно во всѣ стороны. Темпль, судя по выраженію лица его, размышлялъ. „Да, подумалъ я, здѣсь такъ же неумѣстны какъ лягушки въ песчаной пустынѣ.“ Ѣзда взадъ и впередъ, и болтовня и движеніе, котораго маркграфиня была центромъ, продолжались. Музыканты играли прекрасные вальсы. Рабочіе внутри и вокругъ палатки прилежно дѣлали свое дѣло, какъ моряки подъ бурей.

— Fraulein Сиблей! позвала маркграфиня.

Я надѣялся что это англійское имя. Такъ оно и оказалось. Слышать англійскій языкъ, говорить по-англійски и быть понятымъ, было такъ же отрадно какъ пробудиться къ дневному свѣту послѣ кошмара.

— Я имѣю честь быть вашею соотечественницей, сказала дама, Англичанка съ ногъ до головы, на нашъ изумленный взглядъ.

Мы тотчасъ же привязались къ ней какъ лодки претерпѣвшія кораблекрушеніе, лишенныя провіанта, берутся на буксиръ кораблемъ изобилующимъ всякими припасами.

Она знала отца моего, знала очень коротко. Я разказалъ всѣ свои похожденія, и мы узнали что встрѣтились съ ея ученицей, Оттиліей-Фридерикой-Вильгельминой-Гедвигой, единственною дочерью принца Эпленвельценъ.

— Вашъ отецъ непремѣнно будетъ здѣсь. Онъ вообще правая рука маркграфини, и удивительно какъ она можетъ обойтись безъ него, сказала миссъ Сиблей и заговорила съ маркграфиней, послѣ чего сообщила мнѣ что ей было милостиво приказано увѣдомить меня что отецъ мой явится какъ только начнутъ стрѣлять изъ лушекъ.

— Вы, можетъ-быть, вовсе не знакомы съ придворною жизнью? продолжала она. — У насъ въ Саркельдѣ бываютъ очень любопытныя увеселенія, и благодаря маркграфинѣ, мы не скучаемъ. Видите высокаго, полнаго джентльмена, отъѣзжающаго отъ ея экипажа. Того что въ черной гусарской куртке и густыхъ темныхъ усахъ? Это принцъ. Не правда ли, онъ красивъ? Онъ очень добръ, нѣсколько капризенъ, но принцы вѣдь большею частію такіе. Мнѣ, право, жаловаться не на что. Онъ лишился жены, принцессы Фредерики, и теперь некому забавлять его кромѣ маркграфини. Съ тѣхъ поръ какъ она открыла вашего отца. въ забавахъ нѣтъ недостатка.

— Выпалятъ ли когда-нибудь изъ этой лушки! простоналъ я.

— Ахъ! Еслибъ они совершали свои церемоніи безъ лушечной пальбы! воскликнула миссъ Сиблей.—Поводъ настоящаго торжества слѣдующій: маркграфиня желала воздвигнуть статую своему предку, знаменитому воину.... Да, и я гораздо охотнѣе говорила бы объ Англіи. Но что же дѣлать? Вы не поймете что будетъ происходить предъ вашими глазами. Ну, принцъ не желалъ тратить денегъ. Не объявляя однако этой причины отказа, онъ сталъ увѣрять что нѣтъ ваятеля сло-

собнаго достойно изобразить принца Альбрехта Вольгемута, что не удастся достигнуть ни малѣйшаго сходства. У насъ есть портретъ его въ обѣденной залѣ; онъ былъ поразительно красивъ. Потомъ началъ доказывать что на изготовленіе статуи потребуются долгіе годы. Однажды маркграфиня вынудила у него согласіе заплатить сумму требуемую ваятелемъ, если статуя будетъ представлена публикѣ черезъ восемь дней по заключеніи между ними условія. Весь дворъ былъ свидѣтелемъ. Уговорились что конная статуя будетъ выставлена на показъ на четверть часа. Конечно, маркграфиня не обѣщала работу вполнѣ оконченную. Насъ держатъ на большомъ разстояніи чтобы мы не могли разсмотрѣть слишкомъ подробно. Статую откроютъ чтобы показать что маркграфиня сдержала слово, а потомъ опять закроютъ чтобы прикрѣпить всадника къ лошади, вѣроятно съ помощію винта. Ибо извѣстно одно, что лошадь и всадникъ прибыли сюда порознь. По всей вѣроятности, маркграфиня заказала эту статую прошлою осенью въ Берлинѣ. Теперь посмотрите на принца. Онъ глядитъ на васъ. Опустите глаза. Вотъ ужъ онъ васъ и забылъ. Ему не терпится увидѣть статую. Мы больше всего опасаемся чтобъ она не повалилась. Къ счастію, здѣсь довольно солдатъ чтобы не дать народу палирать на нее. Если все сойдетъ благополріятно, я скажу что маркграфиня дѣйствительно сдѣлала чудо. Она повидимому не тревожится; но вѣдь она не такой человѣкъ чтобъ обнаружить тревогу. А принцъ безпокоенъ. Онъ поминутно глядитъ то на палатку, то на часы. Вы не угадываете что̀ пришло мнѣ въ голову? Такъ, одно только предположеніе. Статуя еще не пріѣхала, и отецъ вашъ везетъ ее. Иначе онъ непремѣнно былъ бы здѣсь. Маркграфиня зоветъ меня.

— Не уходите! вскричали мы оба въ одинъ голосъ.

На ея мѣсто явилась принцесса Оттилія.

— Я послала въ наши конюшни за двумя хорошенькими венгерскими лошадками для васъ, сказала она.—Нѣтъ, я еще не видала его. Многіе его спрашиваютъ. Маркграфиня не знаетъ куда онъ дѣлся. Онъ купался въ озерѣ, и послѣ его видѣли. Онъ раздражителенъ, но онъ такъ уменъ, и такъ много въ немъ веселости. Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, мы скоро его увидимъ. Развѣ онъ можетъ не беречь себя для такого сына какъ вы?

Ея комплиментъ заставилъ меня покраснѣть.

Терпѣніе народа свидѣтельствовало о его флегмѣ. Единственное что̀ двигалось былъ дымъ изъ трубокъ, поднимающійся надъ безчисленными головами.

Темпль сказалъ мнѣ:

— Мы прокричимъ британское привѣтствіе старой статуѣ, неправда ли, Ричи?

— И для этого добрались мы сюда изъ Англіи, сказалъ я въ упыніи.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ричи! Теперь ужь онъ не уйдетъ отъ тебя. Я подозрѣваю что онъ гдѣ-нибудь занятъ распоряженіями. Покажемъ же имъ что мы умѣемъ при случаѣ взять надлежащую ноту. Гляди, вотъ идетъ человѣкъ съ фитилемъ.

Пушкарь подошелъ къ экипажу маркграфини за приказаніями. Она подозвала принца. Дамы въ дюжинѣ экипажей стояли съ платками въ рукахъ; мущины построили лошадей своихъ въ рядъ. Темпль насчиталъ тутъ до шестидесяти знатныхъ лицъ. Рабочіе толпой выходили изъ палатки.

Миссъ Сиблей подбѣжала къ намъ говоря:

— Приказано начать ужасную пальбу. Глядите, принцъ едва сдерживается. Пушкарь у пушки и уже поднимаетъ свой страшный фитиль. Вотъ главный распорядитель выслушиваетъ послѣднія приказанія маркграфини. Какіе у женщинъ бываютъ крѣпкіе нервы! Маркграфиня настаиваетъ чтобы принцъ посмотрѣлъ который именно часъ по ея часамъ. Всѣ глядятъ на часы. Постойте-ка. На моихъ часахъ безъ четверти одиннадцать. Душа моя, обратилась она къ маленькой принцессѣ,— не хотите ли подержать меня за руку, пока выстрѣлятъ изъ пушки?

— Душа моя, отвѣчала принцесса съ дѣтскою ли серіозностію, или съ ироніей, мы не могли разобрать,—еслибъ я взяла кого за руку, такъ ужь мущину.

Всѣ глаза устремлены были на принца Эллернвельценъ, глядѣвшаго на закрытую статую. Съ величественною медленностію рука его поднялась къ шлянѣ. Онъ приподнялъ шляпу. Пушка взревѣла; музыканты заиграли торжественный, медленный маршъ; завѣсы палатки раскрылись и упали: словно скатился утренній туманъ и солнце просіяло. Признаюсь, я забылъ на время объ отцѣ. Крики народа, громъ мѣдныхъ инструментовъ, звучные возгласы дамъ, горячія похвалы мущинъ—все это ослѣпляло меня. И статуя была великолѣпна: конь и всадникъ изъ полированной бронзы сіяли на солнцѣ.

— Какъ живой! Въ самомъ дѣлѣ прекрасно! Настоящій принцъ! вскричала миссъ Сиблей.

Она перевела намъ нѣсколько нѣмецкихъ восклицаній, слышавшихся кругомъ. Всѣ говорили то же самое. Лошадь, только-что остановленная уздой, съ согнутою шеей и поднятою ногой была прекрасна; но болѣе всего поражала фигура принца Альбрехта. Я всегда подтрунивалъ надъ конными статуями, но эта статуя изумила меня. Маршалъ принималъ поздравленія своего войска послѣ знаменитой побѣды надъ невѣрными Турками. Онъ сидѣлъ прямо, едва замѣтно, но очень изящно, наклонивъ голову соотвѣтственно изгибу шеи лошади, и жезлъ его гордо преклонялся въ отвѣтъ на восторженныя привѣтствія солдатъ. Трехугольная, шитая шляпа, кудрявый парикъ, высокіе сапоги напоминали мнѣ принца Евгенія. Но ни у принца, ни у самого Марльборо не было такой воинственной наружности, такого гордаго, благороднаго лица. Бронзовыя черты дышали боемъ.

Мы съ Темплемъ почувствовали себя пристыженными—сознаюсь, безъ причины—удачей этого художественнаго произведенія, которое казалось намъ новою побѣдой этихъ Нѣмцевъ и которымъ нельзя было не восхищаться. Маленькая принцесса Оттилія порывисто хлопала руками. Съ какими словами обращалась она ко мнѣ—не знаю. Я пускалъ въ ходъ свое нѣмецкое *ja! ja!* въ отвѣтъ на ея англійскія рѣчи. Она подвела насъ къ маркграфинѣ, руку которой цѣловалъ въ эту минуту принцъ весьма любезно и изящно. За нимъ графы и бароны стали склоняться надъ ея рукой. Дамы, смотря по сану и званію, привѣтствовали ее поцѣлуемъ въ щеку или какимъ-нибудь другимъ изящнымъ образомъ. Когда дошла очередь до насъ, миссъ Сиблей взяла на себя должность переводчика, и, благодаря возбужденному настроенію нашему, мы отдѣлались не дурно. Темпль выразилъ сожалѣніе что маркграфиня и все семейство ея не Англичане. Мнѣ осталось сказать только одно что глядя на нее мы почти желали бы быть Нѣмцами.

Улыбаясь привѣтливо, маркграфиня заговорила; миссъ Сиблей служила переводчикомъ.

— Ея высочество спрашиваетъ васъ видѣли ли вы вашего отца?

Я покачалъ головой.

Принцесса Оттилія перевела:

— Ея высочество, моя добрая тетушка, спрашиваетъ васъ узнаете ли вы его, если увидите?

— Да, вездѣ узнаю, вскричалъ я.

Маркграфиня жестомъ оттолкнула меня.

— Да, ваше высочество, честное слово, узнаю тотчасъ же, гдѣ бы ни встрѣтилъ его.

Она не захотѣла слушать перевода:

Оскорбительное сомнѣніе ея въ томъ что я узнаю отца за которымъ пришелъ такъ далеко, разсердило бы меня, еслибъ не мучительная мысль что я опять его теряю. Мы осматривали по порядку экипажи, вглядывались въ верховыхъ. Маленькая принцесса поспѣшно приблизилась къ намъ.

— Вотъ вамъ лошади. Садитесь. Не правда ли, хорошенькія животныя? Я думаю, шепнула она,—что-нибудь разстроило вашего отца. Но это только предположеніе. Садитесь же верхомъ; маркграфиня приглашаетъ васъ къ намъ въ гости.

Мы сѣли на лошадей только для того чтобы показать что умѣемъ ѣздить и стали справа подлѣ самаго экипажа маркграфини.

— Тс.... Поэтъ читаетъ свою оду, сказала принцесса.—Это графъ Фретцель фонъ-Вольфенштейнъ.

Ода эта показалась намъ ужасною, а всѣ придворные притворялись что она имъ очень нравится. Когда поэтъ указалъ рукой на статую, въ народѣ поднялся крикъ; когда онъ поклонился маркграфинѣ, между кавалерами и дамами пронесся легкій одобродительный шепотъ, сопровождаемый улыбкой. Мы были убѣждены что все это одно притворство: деревенское невѣжество, придворная лесть. Мы готовы были подтвердить наше мнѣніе доказательствами. Я предложилъ галопъ. Темпль сказалъ:

— Нѣтъ, мы прокричимъ по-англійски привѣтствіе старой статуѣ, когда этотъ ужасный человѣкъ кончитъ. Я вообще равнодушенъ къ поэзіи, но не дай мнѣ Богъ еще когда-нибудь въ жизни слышать нѣмецкую поэзію.

Мы не могли понять зачѣмъ они слушаютъ стихи вмѣсто своей музыки, но предположили что это дѣлается въ угоду маркграфинѣ, на которую я начиналъ особенно сердиться, услышавъ отъ миссъ Сиблей что она утверждаетъ будто отецъ мой здѣсь, и мы не узнаемъ другъ друга. Я клялся честью, жизнью что его здѣсь нѣтъ; внутренняя грусть моя превратилась въ крайнее раздраженіе: я говорилъ горячо; я при-

всталъ на стременахъ, готовый закричать: „Отецъ! вотъ твой Гарри Ричмондъ пришелъ къ тебѣ. Гдѣ ты?“ Я дѣйствительно произнесъ какія-то слова, кажется: „скорѣе“, или что-то въ этомъ родѣ. Они обращены были къ докучному поэту и безсознательно вырвались у меня. Взглядъ маркграфини встрѣтился съ моимъ взглядомъ какъ вызовъ. Губы ея сжались въ полуулыбку и глаза свѣтились насмѣшливо.

— Ея высочество, перевела миссъ Сиблей,—спрашиваетъ готовы ли вы побиться объ закладъ что вашего отца здѣсь нѣтъ?

— Попросите ее подождать нѣсколько минутъ, и я готовъ побиться на какую угодно сумму, сказалъ я.

Темпль взялъ одну половину круга, я другую. Мы проѣзжали среди внимательныхъ всадниковъ и рядовъ экипажей, удостовѣряясь въ отсутствіи искомаго лица и всѣхъ тревожа болѣе или менѣе. Поэтъ окончилъ свою оду; ему конечно аплодировали. Съ великимъ удовольствіемъ увидѣлъ я что музыканты опять берутся за инструменты, ибо аплодисменты похожи были на безсмысленный стукъ въ мѣдные щиты. Я чувствовалъ что мы, Англичане, лучше умѣемъ выражать одобреніе. Темпль съ радіуса круга проходящаго въ двухъ шагахъ отъ статуи закричалъ:

— Ричи! Его здѣсь нѣтъ.

— Нѣтъ! крикнулъ я.

Люди глядѣли на насъ, дивясь языку на которомъ мы говорили.

— Ричи! Теперь гаркнемъ-ка по-своему.

Темпль зычно прокричалъ.

Голова статуи повернулась отъ Темпля ко мнѣ. Я видѣлъ что народъ отступаетъ съ возгласами изумленія; но я такъ былъ занятъ одною мыслью что только глядѣлъ въ недоумѣніи какъ обращались глаза статуи. Еще за минуту тусклые и бездушные, они вдругъ оживились. Они остановились на мнѣ. Я не въ состояніи былъ перевести дыханія. Грудь статуи поднялась, бронзовыя руки ударились одна о другую.

— Ричмондъ! Мой сынъ! Ричи! Гарри Ричмондъ! Ричмондъ Рой!

Эти слова произнесла статуя.

У меня въ головѣ стучало. Я зналъ что это мой отецъ, но мой отецъ облеченный смертью, таинственностью, землей, металломъ. Голосъ его какъ будто боролся съ землей и ме-

талломъ. Я былъ не въ силахъ произнести слова. Я видѣлъ какъ онъ сошелъ съ лошади. Я также сошелъ. Мы встрѣтились у каната и обнялись. Онъ весь былъ холодный, жесткій, гладкій. Руки мои скользили на немъ. Всякій разъ какъ онъ говорилъ, мнѣ это казалось сверхъестественнымъ. Самъ я ни слова не вымолвилъ. Взглянувъ случайно на пустое сѣдло лошади, я припомнилъ яснѣе лугающее явленіе, изумившее всю толпу. Статуя заговорила; бронзовая статуя пошла. Для нихъ это былъ предокъ ихъ принца, знаменитый воинъ, умершій сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, который такъ вдругъ пришелъ въ движеніе. Представьте что̀ стали бы дѣлать люди въ виду убитаго тигра, не принуждающаго ихъ бѣжать, но способнаго однако протянуть страшную лапу. Такъ и тутъ тѣснились взглянуть на чудо поближе и въ то же время дрожали. Можетъ-быть я отчасти раздѣлялъ ихъ чувства. Не знаю: во мнѣ всѣ ощущенія какъ будто замерли. Не было оживляющей теплоты въ стальной перчаткѣ которую я ухватилъ. Я взглянулъ на небо, думая что стемнѣло.

ГЛАВА XVII.

Отецъ мой дышетъ, движется и говоритъ.

Народъ волнами разбѣгался предъ нами, когда мы шли вдоль канатовъ къ экипажу маркграфини.

Я сдѣлался существомъ совершенно механическимъ, неспособнымъ наблюдать, способнымъ развѣ только воспринять какое-нибудь отрывочное впечатлѣніе, а впечатлѣнія воспринимаемыя въ такихъ случаяхъ обыкновенно изглаживаются такъ же скоро какъ отпечатокъ на растопленномъ воскѣ, остается отъ нихъ большею частью лишь невѣрное, искаженное воспоминаніе. Разказъ Темпля навѣрное ближе къ дѣйствительности. Онъ однако никогда не былъ въ состояніи повторить дважды разказъ этотъ одинаково, тогда какъ я постоянно пересказывалъ въ точности все поразившее меня въ то время. Я замѣтилъ что фигура принца Альбрехта не могла ни повернуться, ни поднять ногу, ни наклониться, такъ что канатъ составлялъ преграду между нами. Я видѣлъ что маленькая принцесса Оттилія глядитъ на насъ съ проницательною внимательностію, вовсе не свойственною ре-

бенку. Мнѣ встрѣчались сдвинутыя головы, любопытныя лица, вытаращенные глаза. Я слышалъ рѣзкую нѣмецкую рѣчь, какой-то всадникъ махнулъ рукой, словно хотѣлъ міръ раздавить, и ускакалъ. Маркграфиня казалась мнѣ скорѣе какимъ-то безжалостнымъ полугаемъ, чѣмъ знатною дамой. Я думалъ про себя: вотъ это мой отецъ, а я не радуюсь чрезмѣрно и не благодарю судьбу. Въ то же время мнѣ казалось что солнце изъ бронзы, и я не удивлялся этому. Я даже разсуждалъ съ собою о возможности подобнаго явленія. Дѣло въ томъ что силы ума и сердца моего были парализованы, я думалъ и чувствовалъ наудачу. И я прошу извиненія что останавливаюсь на такихъ мелочахъ какъ тогдашнія ощущенія мои, которыя въ одно и то же время и уясняли и затемняли мнѣ что происходило вокругъ меня.

По описанію Темпля, когда статуя повернула къ нему голову, трепетъ пробѣжалъ по толпѣ, и множество указательныхъ пальцевъ протянулись къ статуѣ. Всѣ уже смотрѣли на нее когда она повернула голову ко мнѣ. Въ отвѣтъ на ея голосъ раздался страшный крикъ женщинъ, а мущины разинули рты. Она не соскочила съ сѣдла однимъ прыжкомъ, какъ я воображалъ себѣ, а сошла медленно, съ трудомъ, и подошла ко мнѣ будто тащила пудовики. Полдюжины рабочихъ подбѣжали остановить ее; нѣсколько дамъ упало въ обморокъ. Произошелъ крупный споръ между статуей и распорядителемъ торжества. Солнце ярко освѣщало насъ когда мы шли къ ряду экипажей. Принцъ Эпленвельценъ сердито говорилъ въ это время съ маркграфиней и ускакалъ, крикнувъ что-то окружавшимъ его лѣсничимъ и рабочимъ; а маркграфиня разговаривала громко и привѣтливо, будто все шло благополучно. Она глядѣла на часы. Она поклонилась въ отвѣтъ на поклонъ моего отца и отвернулась отъ него. Она повидимому заставила чѣмъ-то улыбнуться придворныхъ. Дамы и мущины, повинуясь движенію руки ея, удалились: музыканты пошли впереди простаго народа, а остальныхъ зрителей собрали лѣсничіе и примкнули съ ними къ обратному шествію. Конюхъ въ ливреѣ увелъ лошадь Темпля и мою. Темпль объявилъ что не можетъ сидѣть на лошади послѣ того какъ видѣлъ что статуя сошла со своего пьедестала.

Любезность маркграфини исчезла какъ только зрители удалились. Она сердито накинулась на отца, съ упреками и насмѣшками, застучала тростью о коляску, затопала ногой,

обнаруживая въ живомъ лицѣ своемъ сильное раздраженіе. Принцесса Оттилія попыталась вступиться. Маркграфиня сжала кулаки и какъ казалось непонимавшему ихъ рѣчей, буквально сдула маленькую принцессу съ лица земли дыханіемъ своимъ. Изъ устъ ея изливался потокъ упрековъ, заключавшихся строгими вопросами. Темпль сравнивалъ рѣчи ея высочества со скрипомъ якорной цѣпи капитана Вельша, а возраженія отца съ голосомъ поднимающихъ якорь матросовъ. Его отвѣты были коротки и звучали энергично. Я едва замѣчалъ ихъ. Темпль разказывалъ: „Отецъ твой оправдывался, а маркграфиня бранила его.“ Отецъ старался не раскрывать слишкомъ рта, по причинѣ толстаго слоя краски и бѣлилъ покрывавшихъ его лицо. Никто не могъ бы предположить что онъ горитъ негодованіемъ, ибо обнаружить этого негодованія онъ не могъ, не пустивъ въ ходъ свою физическую силу, такъ какъ онъ былъ заклеенъ и вымазанъ съ ногъ до головы. Парикъ и шляпа сжимали ему голову, такъ что выраженіе лица его не передавало внутреннихъ ощущеній. Я нетерпѣливо ждалъ минуты когда онъ предстанетъ мнѣ въ своемъ настоящемъ видѣ. Онъ не чувствовалъ прикосновенія моей руки. Такъ мы простояли, пока не излился весь гнѣвъ маркграфини. Наконецъ она закрыла глаза и величаво поклонилась въ отвѣтъ на нашъ поклонъ.

— Вамъ больше не видать меня, сказалъ отецъ мой вслѣдъ ея отъѣзжающему экипажу.

Онъ попробовалъ встряхнуться, напрягая силы, въ своемъ тяжеломъ облаченіи. Темпль глядѣлъ въ смущеніи. Я не зналъ что дѣлать. Отецъ все поднималъ ноги на одномъ мѣстѣ, какъ бы упражняясь въ прогулкѣ.

Палатка стояла на своемъ мѣстѣ, прикрывая бронзовую лошадь. Рабочій подошелъ къ намъ, и мы всѣ отправились странно медленнымъ шагомъ съ горы, чрезъ сосновую рощу, къ мѣсту гдѣ ждалъ насъ закрытый экипажъ. Тутъ двое лакеевъ положили отца моего на дерновую скамейку и съ большимъ усиліемъ стащили съ него огромные сапоги, подъ которыми оказались шелковые носки. Мы съ Темплемъ стащили перчатки. Темпль упалъ навзничь, но намъ было не до смѣха; подходили люди, и мы всѣ трое вскочили въ карету. Я держалъ въ рукѣ и сжималъ живую руку отца, но онъ все еще не казался мнѣ вполнѣ живымъ человѣкомъ, все еще я не видѣлъ въ немъ настоящей теплоты. Рука его была очень

влажна. Я часто повторялъ: „Милый папа! Я такъ радъ!“ въ отвѣтъ на его невнятное: „Ричи, милый сынишко мой! Ты таки отыскалъ меня.“ Мы понимали что тяжкое, лакированное платье служитъ намъ помѣхой.

Онъ говорилъ какъ будто страдалъ удушьемъ. Теперь моя наблюдательность удесятерилась: ничто не ускользало отъ меня.

Темпль, сидя спереди, поврем енамъ весело усмѣхался чтобъ ободрить насъ. Онъ еще не оправился отъ удивленія, и я еще не представилъ его. Отецъ однако уловилъ его имя. Темпль (которому, какъ я думалъ, лучше бы что-нибудь говорить) пристально глядѣлъ на него, дѣтски широко раскрывъ глаза, словно въ размышленіи. Отецъ прервалъ молчаніе.

— Мистеръ Темпль, сказалъ онъ, словно собираясь заканпяться, — я имѣю честь познакомиться съ вами, но вамъ, къ сожалѣнію, нельзя еще пока со мной познакомиться.

Темпль вздрогнулъ и покраснѣлъ словно маленькій школьникъ, пойманный въ ту минуту какъ отвернулся отъ азбуки, роль которой играло здѣсь окно кареты. Черезъ минуту соблазнъ опять пересилилъ его, глаза опять перешли отъ окна на отца моего и онъ снова погрузился въ раздумье, будто дѣлалъ вычисленіе.

— Да, мистеръ Темпль, мы въ сердцѣ Германіи, сказалъ мой отецъ.

Вѣроятно Темпль жестоко страдалъ, ибо онъ былъ вполнѣ благовоспитанный мальчикъ, и не могъ удержаться чтобы не уставиться на отца. Онъ ловилъ самъ себя въ своихъ соображеніяхъ, дойдя отъ шелковыхъ носковъ до манжетъ, останавливался и быстро моргалъ, или привскакивалъ и кашлялъ.

Чтобъ успокоить его, отецъ мой воскликнулъ, ударяя себя рукой въ грудь:

— Что касается до моей внѣшней оболочки, то могу только сказать что верхомъ... гм.... особенно такъ какъ лошадь не напала.... она заслужила полное одобреніе. Я лично имѣю противъ этой оболочки только то что въ ней я похожъ на устрицу. А между тѣмъ у меня внутри все-таки кроется нѣчто человѣческое. Доказать же это я буду въ состояніи лишь тогда когда освобожусь отъ своей раковины. Я человѣкъ, повѣрьте мнѣ.

Онъ попросилъ позволенія перевести духъ.

— Я знаю что вы другъ моему сыну, мистеръ Темпль. Вотъ это сынъ мой, Гарри Лепель Ричмондъ Рой. Подождите, скоро

я выйду изъ раковины. Я многое разкажу вамъ, и у васъ тоже есть что разказать. Что вы наткнулись на меня именно въ критическую минуту, это одно изъ многозначительныхъ чудесъ.... Да, Ричи! Нѣтъ сомнѣнія что существуетъ рука управляющая нашею судьбой.—Говоря такъ единственно изъ доброты къ Темплю и стараясь казаться самимъ собою, онъ воскресилъ въ умѣ моемъ образъ возлюбленнаго отца и снова пробудилъ во мнѣ чувство, хотя все еще вялое, какъ можно судить изъ того что я продолжалъ разсматривать шелковые носки выходящіе изъ-подъ бронзовыхъ панталонъ и размышлять ужь не правду ли въ самомъ дѣлѣ сказалъ отецъ, сравнивъ себя съ устрицей. Ни одинъ изъ насъ троихъ не сдѣлался вполнѣ самимъ собою, пока онъ не освободился отъ всякаго слѣда одежды принца Альбрехта Вольгемута. Слуги ожидали его у воротъ прелестной виллы на лужайкѣ, отчасти окруженной сосновыми рощами. Онъ ушелъ съ ними, а насъ повели въ купальни.

ГЛАВА XVIII.

Мы пріятно проводимъ вечеръ, а утромъ я вижу видѣніе.

Въ длинной гостиной, украшенной оленьими рогами и охотничьими принадлежностями: кабаньими клыками, копьями, кинжалами и серебряными рогами, мы съ отцомъ и Темплемъ сидѣли за завтракомъ. Отецъ былъ въ своемъ настоящемъ видѣ: въ черной шелковой куртки, въ панталонахъ до колѣнъ, темно-красныхъ чулкахъ и туфляхъ и, слава Богу, безъ парика. Какъ весело расправлялъ онъ члены, освобожденные отъ стѣсненія! На лицѣ его еще оставался коричневый цвѣтъ, но мы пили старый рейнвейнъ и не обращали вниманія на внѣшность.

— Такъ ты не выдержалъ, Ричи? прервалъ отецъ разказъ который я тянулъ, сгорая нетерпѣніемъ разспросить его, и началъ самъ разказывать, и я опять его прервалъ.

— Вы часто думали обо мнѣ, папа, неправда ли? Влага проступила на глазахъ его.

— Думалъ ли! вздохнулъ онъ.

Я разказалъ ему мои послѣднія приключенія, въ нѣсколь-

кихъ отрывистыхъ фразахъ, не уломиная о Бенчѣ. Онъ повернулъ меня лицомъ къ себѣ.

— Мы двое сумашедшихъ, мистеръ Темпль, сказалъ онъ.

— Нисколько! отвѣчалъ Темпль.

— Теперь вы говорите, папа! сказалъ я. Онъ улыбнулся.

— Ричи начинаетъ узнавать меня. Я поглядялъ на него въ подтвержденіе его словъ.

— Дѣйствительно, папа, только не начинаю, а ужь совсѣмъ узнаю.

По его желанію я окончилъ разказъ о моей школьной жизни.

— Ну, воскликнулъ онъ,—обстоятельства были несчастныя, но окончились хорошо. Твой отецъ предъ тобою, Ричи! Солнце сіяетъ, хотя ты глядишь на него сквозь пологъ и считаешь себя въ полуснѣ. Теперь моя очередь, Ричи.

Онъ продолжалъ съ жаромъ:

— Я здѣсь клалъ основаніе твоему счастію, сынъ мой. Боже! сидя въ этой бронзовой скорлупѣ, я только дивился какъ я не лопну. Ты выросъ и лополнѣлъ. Я заношу на ламять признательность твоему дѣду Белтаму, и тоже, хотя въ меньшей степени, капитану Джасперу Вельшу. А этотъ Рипенджеръ будетъ еще имѣть дѣло со мной. Онъ сѣкъ тебя. Оставимъ это. Онъ подвергъ тебя презрѣнію товарищей изъ-за того что я прервалъ корреспонденцію съ ничтожнымъ учителемъ. Къ чему мы идемъ! Ричи, я строилъ здѣсь твою будущность. А полковникъ Гудвинъ, ты и его встрѣтилъ съ его засидѣвшеюся дочкой! Имъ я обязанъ что вижу тебя здѣсь. Ну, еслибъ я досидѣлъ положенный срокъ сегодня утромъ, какъ изображеніе принца Альбрехта, я получилъ бы столько что даже этотъ не впечатлительный соотечественникъ нашъ удивился бы. Какъ услышалъ я твой англійскій крикъ, онъ потрясъ меня до мозга костей. Неужели они ожидали что я буду видѣть предъ собой мою плоть и кровь, моего сына, моего Ричмонда, послѣ многолѣтней разлуки, и останусь статуей? Нѣтъ, я послѣдовалъ отеческому влеченію. Правда, торжество было испорчено, но развѣ маркграфиня требуетъ чтобъ у меня для ея забавы и сердце сдѣлалось бронзовое! Конечно, я жалѣю о неудачѣ, отчего бы ни произошла она. Кому и жалѣть какъ не главному дѣйствующему лицу? Да и не просидѣлъ ли я, сами скажите, пятнадцать убійственныхъ минутъ и болѣе, какъ каменное изваяніе. А уговоръ былъ на четверть часа не болѣе. Таково было мое условіе. Я сказалъ

ей и обязался что выдержу четверть часа. Кто же виноватъ? Я былъ выставленъ на показъ двадцать три минуты и сколько-то секундъ. Есть какой-то старый разказъ о злодѣѣ изжарившемся въ своемъ же мѣдномъ быкѣ. Мое положеніе было не лучше. Если память меня не обманываетъ, онъ могъ ревѣть. Я не имѣлъ этого утѣшенія. Даю слово тебѣ, Ричи, и вамъ обоимъ что пока этотъ проклятый графъ Фретцель изливалъ свою нестерпимую чушь, я положительно завидовалъ участи разбитаго параличомъ стараго лодочника. Онъ, думалъ я, можетъ по крайней мѣрѣ, чортъ его возьми, кивать головой, а я не могу. Увѣряю васъ, двадцать минутъ такого страданія.... понимаете ли, сидѣть въ одномъ положеніи, не моргая, едва переводя дыханіе, тогда какъ сердце ваше прыгаетъ словно безумная танцовщица, залертая въ вашей груди, истинно такъ, и не только прыгаетъ, а каждую минуту какъ будто ногой толкаетъ васъ въ горло, просто задыхаешься.... такъ двадцать минутъ такого страданія, двадцать семь минутъ, чуть не полчаса.... Это свыше силъ человѣческихъ. Ей Богу, это геройство! И какая же моя награда? У меня есть сынъ, единственный. Я былъ разлученъ съ нимъ долгіе годы; я строю его будущность; я знаю что онъ обезпеченъ. Помнишь, Ричи, эту женщину Вадди? Женщина преданная. Сначала я не хотѣлъ чтобъ она ходила къ тебѣ въ школу, не далъ ей даже твоего адреса, но потомъ позволилъ. Она видѣла миссъ Риплендженъ, дѣвушку весьма привлекательную, и узнала что ты живешь въ Риверсли.... Итакъ я знаю что сынъ мой обезпеченъ, но мы не видались съ нимъ съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ маленькій, съ кудрями, едва еще надѣвалъ панталоны.

Я протестовалъ.

— Пала, я ужъ Богъ знаетъ съ какихъ поръ носилъ куртку.

— Выслушай меня, продолжалъ отецъ. — И чтобы доказать тебѣ, Ричи, что всякій разъ какъ мы сходимся, настаетъ золотое время и будетъ наставать пока мы не оставимъ своего мужественнаго духа, чего никогда не случится, скорѣе мы погибнемъ, я пью твое здоровье и приглашаю тебя также выпить. Старое рейнское вино имѣетъ свою прелесть. Если бургундское царь винъ, то рейнское царица. Только юношамъ можетъ не понравиться рейнвейнъ немножко перебродившій отъ старости.

Темпль сказалъ скромно: — это маркграфиня винъ.

Отецъ съ радостнымъ одобреніемъ поглядѣлъ на него.

— Не отставайте отъ насъ, Мистеръ Темпль. Вы человѣхъ остроумный, и можетъ-быть это вино придется вамъ по вкусу. Оно имѣетъ свою исторію. Вы пьете вино кровное. Такъ я говорю что я былъ разлученъ съ возлюбленнымъ сыномъ. Я въ чужой странѣ, чужой по рожденію да и по всему. На меня устремлены всѣ глаза; я въ странномъ положеніи. Вдругъ я слышу крикъ на родномъ языкѣ, слышу, какъ мнѣ кажется, имя моего сына. Гляжу, вижу его, и слѣдую отцовскому движенію. Одна только рыба могла устоять. И что же мнѣ наградой? Да еслибъ я сидѣлъ на шлицѣ колокольни, я и оттуда сошелъ бы точно такъ же. И вѣдь эта женщина знаетъ мою тайну. И что же? Мнѣ приходится выслушивать ругательства фуріи. Она говорила просто площаднымъ языкомъ. Вы, мистеръ Темпль, сейчасъ очень удачно назвали вино это маркграфиней винъ, и замѣтьте себѣ, какъ аргументъ противъ радикаловъ, который пригодится вамъ въ послѣдствіи: Ея высочеству было угодно заимствовать языкъ пьяной бабы, прекрасно; и точно такъ же какъ старое вино, не нравящееся вамъ, юношамъ, но въ которомъ мы старики видимъ болѣе достоинствъ, чѣмъ въ цѣлой толпѣ цвѣтущихъ дѣвочекъ, точно такъ же самые недостатки царственной дамы, царственной по рожденію, хотя характера нестерпимаго, имѣютъ какую-то особую прелесть, особый ароматъ. Состарьтесь, поживите при дворахъ, извѣдайте до дна сердце человѣческое, тогда вы это поймете. Она женщина съ необычайнымъ, злымъ остроуміемъ. Она женщина благородная, великодушная. Носите ея цѣпи, и она не убьетъ васъ своею булавой. Она свѣтъ, средоточіе всякаго общества, въ которомъ является, какъ.... что бы сказать?.... какъ мѣсяцъ въ чашѣ стараго рейнскаго. Вы выпиваете эту чашу до дна, чтобъ уловить ее, чтобъ узнать что она въ самомъ дѣлѣ такое, и только толите умъ свой въ этой лопыткѣ. Да, Ричи, я узналъ о твоемъ житьѣ въ Риверсли. Вспомнилъ ли ты отца въ день Валентина? Намъ много надо поразсказать другъ другу. Можетъ-быть я тупъ, но я не понимаю что именно побудило тебя отправиться въ поиски за мною. Влеченіе? Случай? Скажемъ: добрый ангелъ. Мы отдохнемъ здѣсь до вечера, а потомъ поужинаемъ. Ты можетъ-быть дивишься, когда успѣлъ ты пообѣдать? Таковъ обычай у Нѣмцевъ. Я обѣщаю что хорошее вино вознаградитъ тебя за возвращеніе къ школьнымъ привычкамъ. Мы поужинаемъ, уложимъ наши незатѣйливые пожитки, и въ путь сегодня же.

Не своси оскорбленій при дворахъ, если ты дѣйствительно чего-нибудь стóишь, если же нѣтъ, то вопросъ только въ томъ насколько ты любишь пивки.

Отецъ замолчалъ, зѣвнулъ, потянулся чтобъ окончательно расправить члены, и сказалъ зѣвая продолжительно:

— Милые мои юноши, я поддался обычаямъ страны. Прошу у васъ позволенія закурить. Гуляйте гдѣ-нибудь неподалеку, или посидите со мною, если можете вынести табакъ, и разскажите о своей школьной жизни, о своихъ занятіяхъ. Что тетушка Дороти, Ричи? Здорова ли? Я не знаю такой женщины какъ она. Нѣтъ несчастія которое огорчило бы меня болѣе чѣмъ услышать что она страдаетъ.

Отецъ спокойно покуривалъ сигару. Онъ положилъ гитару себѣ на колѣни и щипалъ или перебиралъ струны, или ударялъ по всѣмъ разомъ, какъ приходило ему въ голову. Мы болтали и любовались захожденіемъ солнца съ праздною веселостью. Все что насъ мальчиковъ забавляло, радовало и интересовало отца. Не нужно мнѣ было поощреній Темпля, все болѣе приходившаго отъ него въ восторгъ, я и самъ уже вполнѣ повѣрилъ и глубоко радовался его присутствію. Дни дѣтства возникли предо мною. Никто не говорилъ, не глядѣлъ, не хмурился, не сіялъ, какъ онъ. Живой говоръ свѣтскаго человѣка переходилъ у него мгновенно въ шутливость школьнаго товарища. Когда я былъ ребенкомъ, онъ казался мнѣ чрезвычайно великъ, но онъ дѣйствительно былъ росту высокаго съ наклонностью къ полнотѣ. Глаза у него были сѣрые, нѣсколько выдающіеся, и лобъ круто поднимался надъ дугообразными бровями. Такъ много было выразительности въ его глазахъ что могло показаться будто онъ ведетъ разговоръ, когда онъ рта не раскрывалъ. Голосъ его былъ необыкновенно звученъ, смѣхъ искрененъ, откровененъ, заразителенъ, словно въ этомъ смѣхѣ всѣ существо его изливалось, какъ и слѣдуетъ быть смѣху. Смѣхъ другихъ казался лишь отголоскомъ.

Странное дѣло! Я потерялъ прежнюю фамиліарность къ нему, когда онъ ушелъ отъ насъ взглянуть на свои чемоданы, но Темпль ободрилъ и обрадовалъ меня, сказавъ:

— Ричи, твой отецъ именно такой человѣкъ которому я желалъ бы служить секретаремъ.—Намъ жаль было разстаться съ этою красивою чужою страной. Мнѣ нравилась мѣстность, вино и шелковыя одежды, которыя видѣлъ я на мущинахъ. Когда

отецъ вернулся къ намъ, я спросилъ его нельзя ли остаться здѣсь до утра.

— Пожалуй останемся до утра, сказалъ онъ, — а тамъ съ первымъ жаворонкомъ въ Англію.

Онъ былъ румянѣе: слуга постарался окончательно отчистить его; я опять видѣлъ на лицѣ его ту краску которая сохранилась въ моемъ воспоминаніи. Надѣвъ черную бархатную шапку и испанскій плащъ на мѣху, онъ провелъ насъ по виллѣ. Въ Саркельдѣ онъ жилъ во дворцѣ, а когда дворъ переѣзжалъ въ лѣтній дворецъ на озерѣ, то и онъ обыкновенно тамъ поселялся. Маркграфиня отдала въ его распоряженіе принадлежавшую ей виллу чтобъ удобнѣе выполнить свой замыселъ.

— Все это было бы мое, сказалъ отецъ, вдругъ наклонившись къ моему уху, и затѣмъ философски насвистывая, пошелъ далѣе торжественнымъ шагомъ, словно въ минуэтѣ. Мы проходили по комнатамъ богато отдѣланнымъ золоченымъ дубомъ и рѣзною сосной. Въ одной изъ нихъ стояла модель деревянной лошади, противъ зеркала, вовсе не похожая на лошадь, а собранная очевидно изъ разныхъ кусковъ плотничьей работы, съ весьма неудобнымъ сидѣніемъ. Тутъ отецъ упражнялся въ роли принца Альбрехта Вольгемута.

— Не далѣе какъ вчера она продержала меня здѣсь двадцать пять минутъ, сказалъ онъ. Теперь ему представлялось что онъ просидѣлъ въ видѣ статуи на бронзовой лошади на глазахъ у всѣхъ не менѣе тридцати семи минутъ съ четвертью. Кадушки съ жидкою краской, банки съ мазью, кисти и щетки свидѣтельствовали о сложности приготовленій.

— Здѣсь, сказалъ отецъ въ другой комнатѣ,—я облачился сегодня утромъ въ семь часовъ, и я отдалъ бы правую руку на отсѣченіе что все сойдетъ удачно.

— Да вѣдь развѣ все-таки не открылось бы наконецъ, папа? спросилъ я.

— Въ этомъ я не такъ увѣренъ, отозвался онъ.—Изъ этого источника я не могу почерпнуть утѣшенія. Меня закрыли бы послѣ выставки; сказали бы что я не совсѣмъ надежно прилаженъ; ваятель потребовалъ бы меня, и я пользовался бы плодами смѣлаго и безвреднаго заговора, во славу доблестнаго принца, пока онъ лилъ бы мое изображеніе изъ настоящей бронзы. Что касается до слуховъ, такъ это вздоръ. Мы себя показываемъ, затѣмъ скрываемся и показываемся снова. Еслибъ это удалось, высочайшія лица не ста-

ли бы слушать народныхъ толковъ. Вѣроятно, Ричи, при дворѣ предполагали что маркграфиня нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ заказала статую на свой счетъ и желаетъ воротить свои деньги. Диво заключается въ моемъ чудесномъ сходствѣ съ покойнымъ принцемъ. Я просидѣлъ часа три предъ его портретомъ въ столовой лѣтняго дворца. А если я только хорошенько разсмотрю чей-нибудь портретъ, я обязуюсь представить это лицо, какъ живое, только за красоту не берусь отвѣчать. Честное слово, мнѣ жаль маркграфини. Вотъ посмотри, Ричи — отецъ мой отворилъ дверь въ темное пространство — это ея домашній театръ. Здѣсь мы играемъ нѣмецкія и французскія комедіи весной и осенью. Я завѣдывалъ этимъ театромъ въ продолженіи двухъ лѣтъ или болѣе, какъ живу при дворѣ. Что жь дѣлать? Теперь кончено!

Онъ рѣзко затворилъ дверь. Платье которое на немъ принадлежало къ роли испанскаго дворянина, котораго онъ игралъ въ комедіи подъ названіемъ *Бѣснующійся Гидальго*, объяснилъ онъ намъ, указывая на печальную дверь за которою когда-то блестѣли веселыя сцены.

— Папа! сказалъ я грустно, желая утѣшить его.

— Каждое слово твое стóитъ золота! воскликнулъ онъ, цѣлуя меня въ лобъ.

Онъ весь просіялъ, когда услышалъ что я познакомился съ маленькою принцессой Оттиліей. Что думалъ я о ней, какъ смотрѣла она на меня, что я говорилъ ей, какъ она отвѣчала, какъ началось наше знакомство, кто при этомъ присутствовалъ — мнѣ пришлось въ вознагражденіе своей забывчивости, что не упомянулъ о ней прежде, пересказать въ точности всѣ обстоятельства встрѣчи, описать ея наружность и осанку, повторить ея странныя выраженія.

Отецъ мой кивалъ головой. Онъ думалъ что я преувеличиваю ея ошибки противъ англійскаго языка. Но вѣдь я былъ къ этому не привыченъ, и потому замѣчалъ. Онъ допустилъ что все новое сильнѣе насъ поражаетъ. — Только дивлюсь я, сказалъ онъ, и улыбнулся, глядя на меня вопросительно.— Впрочемъ правда.... мальчикъ лѣтъ четырнадцати или пятнадцати.... такъ, Ричи, смѣйся себѣ. Юноша видитъ въ ней только смѣшную сторону. Знаешь ли ты что у этого ребенка замѣчательный характеръ? Ее понять нельзя. Ты, надѣюсь, глубоко начитанъ въ англійской поэзіи. Она ее обожаетъ, такъ же какъ и англійскихъ моряковъ. Она говорила мнѣ что если-

бы была Англичанка, то сдѣлала бы Нельсона королемъ. Я замѣтилъ ей что это было бы не совсѣмъ пріятно царствующему въ Англіи дому. О! Я потла бы на все за морскаго героя! воскликнула она.—Эти молодые принцы и принцессы удивительные революціонеры, когда у нихъ есть мозгъ. Въ настоящую минуту англійскій флотскій офицеръ и поэтъ стоятъ во мнѣніи принцессы Оттиліи выше герцоговъ, королей и императоровъ. Такъ ты видѣлъ ее, продолжалъ мой отецъ въ раздумьи.—Да, между прочимъ прибавилъ онъ,—надо намъ остерегаться чтобы не оскорбить дѣдушку Белтама. Добрыя земли, добрая пристань; полные сундуки, теплый пріютъ. Что касается до стиховъ, милый мой, тебѣ бы слѣдовало писать ихъ. Я самъ пишу для развлеченія въ досужіе часы экспромпты. Въ поэзіи мнѣ болѣе всего нравятся экспромпты. Такъ я говорилъ, Ричи, что если неслыханное несчастье лишитъ тебя положенія принадлежащаго тебѣ по праву, ты долженъ по крайней мѣрѣ владѣть матеріальными средствами. Это трамполинъ, чтобъ удобнѣе прыгнуть, и мягкая подстилка, чтобы не ушибиться, если промахнешься и упадешь. Это сущность за отсутствіемъ внѣшности.

Я лишь очень смутно понималъ значеніе словъ отца; они произвели на меня впечатлѣніе не болѣе сильное, чѣмъ мимолетная тѣнь на травѣ. Однако въ послѣдствіи оказалось что я угадалъ въ общихъ чертахъ его мысль, хотя не привыкъ къ его способу выраженія, и понятія не имѣлъ на что намекалъ онъ словами: принадлежащее мнѣ положеніе, сущность и внѣшность.

Попытки мои узнать отчего онъ забылъ меня въ школѣ были тщетны. Дѣла, дѣла! Горькая необходимость! Хлопоты, суетня—вотъ все что отвѣчалъ онъ въ объясненіе; и видя что подобные вопросы огорчаютъ его, я сталъ отъ нихъ воздерживаться. Да и не желалъ я защищать мистера Риппенджера. Мы раза два заговаривали объ этомъ, и отецъ мой казался такъ возмущеннымъ что я отбросилъ мысли омрачавшія радость съ которою я слушалъ и глядѣлъ какъ онъ говоритъ, поетъ и движется по старому среди новой обстановки. За обѣдомъ онъ одѣтъ былъ въ бархатъ. Мы пили желтый рейнвейнъ. Стоило видѣть задумчивость, съ какою Темпль его прихлебывалъ, стараясь распознать въ немъ свою маркграфиню. Весь вечеръ мы безпрерывно говорили, ничего не разсказывая связно, а все урывками, безъ послѣдовательности.

Отецъ мой говорилъ о Турціи, и я узналъ что онъ побывалъ въ этой странѣ; Темпль—о нашей однообразной жизни въ Риверсли; я—о цыганкѣ Кіоми, потомъ мы оба вмѣстѣ о капитанѣ Вельшѣ; наконецъ отецъ о принцессѣ Оттиліи. Когда я упомянулъ о маркграфинѣ, отецъ заговорилъ о мистрисъ Вадди; и я узналъ что она была съ нимъ въ постоянной перепискѣ и горько плакала обо мнѣ, бѣдняжка. Темпль смѣясь пересказалъ хмѣльныя разсужденія капитана Бельстеда; я вызвалъ образъ Дженети Ильчестеръ; отецъ распространялся объ утѣшеніи почерпаемомъ изнанникомъ-Англичаниномъ изъ книги Шекспира. Мы пили за здоровье другъ друга и за здоровье статуи. Отецъ разказалъ отрывками исторію замысла маркграфини и начало своего знакомства съ нею на какихъ-то австрійскихъ водахъ, въ горахъ. Ей недоставало развлеченій; онъ ихъ доставилъ ей; съ тѣхъ поръ она не отпускала его отъ себя. А теперь, сказалъ онъ,—она меня лишилась. Онъ вынулъ изъ бумажника пачку рисунковъ для статуи принца Альбрехта, помѣченныхъ вензелемъ маркграфини, смѣшалъ ихъ и сказалъ со вздохомъ:—Все устроено превосходно, все предусмотрѣно, лучше выдресировать людей, чѣмъ эти рабочіе на Bella Vista нельзя.... такъ нѣтъ же! Въ самый критическій моментъ появляется возлюбленный мальчикъ, для котораго я потѣлъ и старался, и мы валимся неудержимо. Ничто не пошевелило бы меня, кромѣ появленія сына; я былъ недоступенъ ничему другому; я просидѣлъ бы непоколебимо хоть цѣлый часъ. Ни одинъ мускулъ у меня не трясется, сердце въ груди, повторяю, билось себѣ какъ особое существо, а я сидѣлъ себѣ да сидѣлъ, пока.... Увѣряю васъ, мистеръ Темпль, есть особая судьба для нѣкоторыхъ семействъ. Вѣрьте этому, и не падайте духомъ въ невзгодѣ. Переходъ отъ веселаго двора къ Лондонской улицѣ потребуетъ отъ насъ немало силы. Но важно то что Ричи былъ введенъ сюда, я ему здѣсь предназначаю роль. Внукъ и наслѣдникъ одного изъ богатѣйшихъ помѣстныхъ дворянъ въ Англіи, владѣлецъ состоянія которое обращается и удвоивается каждые десять лѣтъ.... говорю тебѣ на такомъ прочномъ основаніи ты можешь... Что же касается до рода, то если только вашему высочеству угодно будетъ выслушать насъ наединѣ....

Темпль былъ озадаченъ этимъ загадочнымъ обращеніемъ и я тоже не могъ понять его.

— Папа, вы всегда желали чтобъ я сдѣлался членомъ парламента, сказалъ я.

— Я и желаю этого, и желаю чтобы ты сталъ во главѣ высшаго лондонскаго общества. Эти вопросы обсудимъ современемъ, а пока простимся съ ними. Онъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

Мы опять принялись за прежнюю веселую болтовню.

Мнѣ пришлось представить ему образцикъ моей игры на фортепіано и лѣнія.

Онъ покачалъ головой. Игрокъ въ крикетъ и ученый были развиты на счетъ музыканта; а музыка, Ричи, музыка отпираетъ лазуревые чертоги.

Мы разошлись поздно. Намъ съ Темплемъ отведены были смежныя комнаты.

Чуть не ладая отъ сна, милый мальчикъ сидѣлъ на краю моей постели, выражая мнѣ свое удивленіе (онъ унесъ меня на дно моря, гдѣ мы гуляли при свѣтѣ жемчуга и осматривали старыя потонувшія суда. Я увѣрялъ моего спутника что здѣсь почти такъ же свѣтло какъ на верху надъ водой, какъ какъ вдругъ проснулся и увидѣлъ предъ собой въ дневномъ свѣтѣ отца. Слезы восторга потекли у меня изъ глазъ.

— Вотъ, Ричи, онъ сунулъ мнѣ въ носъ свѣжія фіалки, — у тебя была ранняя посѣтительница. Вставай скорѣе, ты еще увидишь ее, какъ она ѣдетъ черезъ лужайку.

Я бросился къ окну, и увидалъ маленькую принцессу Оттилію въ сопровожденіи ея неизмѣннаго мрачнаго грума, прежде чѣмъ она исчезла подъ тѣнью сосенъ.

ГЛАВА XIX.

Наше возвращеніе домой.

Мы отправились въ Англію въ полдень, хотя мнѣ втайнѣ очень хотѣлось остаться; но отецъ не хотѣлъ дать время маркграфинѣ раскаяться въ ея несправедливости къ нему и рѣзкихъ выраженіяхъ. Размышленіе усилило его негодованіе. При каждой непріятной случайности въ началѣ нашего путешествія, онъ приломиналъ ея слова, и давалъ на нихъ гордые отвѣты. Онъ признался мнѣ въ Кельнскомъ соборѣ что вся жизнь его не что иное какъ одинъ великій замыселъ, по-

добный лоск неоконченному зданію, которое можетъ современемъ сдѣлаться дивомъ свѣта, и что поэтому онъ припасъ двѣ дюжины очень стараго рейнвейна въ подарокъ моему дѣду Белтаму, надѣясь доставить ему этимъ удовольствіе.

— Ты можетъ-быть не знаешь, Ричи, продолжалъ онъ, — и не для того я это говорю чтобы ты благодарилъ меня что я безпрерывно тружусь для сына. Я приготовилъ ему къ его совершеннолѣтію положеніе въ Германіи при дворѣ. Теперь хочу приготовить ему положеніе въ Англіи. Обѣщай мнѣ что ты употребишь рѣшительно всѣ силы и способности свои чтобы подняться на ту высоту которую я укажу тебѣ. Я вижу, ты обѣщаешь, добавилъ онъ, замѣтивъ тотчасъ же затрудненіе мальчика, вынуждаемаго отвѣчать хвастливо. Послѣ этого я могъ уже дать обѣщаніе твердымъ голосомъ. Онъ проронилъ нѣсколько сбивчивыхъ намековъ, напомнившихъ мнѣ смѣшныя понятія которыя имѣлъ я ребенкомъ о моемъ санѣ и величіи. Я пожалъ плечами. Я не интересовался секретами, какіе могъ узнать современемъ. Моею цѣлью было свести, примирить и сблизить отца моего съ дѣдомъ. Эта мысль теперь наполняла и поглощала мой умъ. Чтобъ онъ часто пріѣзжалъ въ Риверсли, если не жилъ бы тамъ, оживляя ихъ всѣхъ, между тѣмъ какъ я можетъ-быть украшусь кавалерійскою саблей—сдѣлалось моею неотступною мечтой. Трудность, какъ мнѣ казалось, заключалась въ томъ чтобы получить согласіе отца. Я заговорилъ съ нимъ объ этомъ, и онъ тотчасъ же сказалъ что желаетъ сохранить свою свободу. Вотъ, напримѣръ, продолжалъ онъ, — чего желаю я въ эту минуту? У меня есть постоянно одно крупное желаніе носящееся вдали. Но я говорю о настоящей минутѣ. Положимъ что сквайръ съ нами и мы возвращаемся въ Англію. Мнѣ хочется показать тебѣ гнѣздо аиста. Аисты вьютъ гнѣзда только южнѣе. Мнѣ дѣйствительно хочется показать тебѣ эту птицу, Ричи, на счастье и какъ характеристическую принадлежность страны. А во мнѣ всякое желаніе имѣетъ стремительность паровой силы. Однако ты видишь, мы ѣдемъ въ Англію. Я преодолѣваю себя изъ чувства долга. Но еслибы сквайръ былъ здѣсь со своими повелительными „да“ и „нѣтъ“, ей Богу! я бы умчался на верховья Рейна, какъ ураганъ. Я покоряюсь обстоятельствамъ, но не могу и не хочу подчиняться людямъ.

— Это мнѣ кажется не совсѣмъ разсудительно, замѣтилъ я.

— Правда; я самъ стыжусь этого, отвѣчалъ онъ. — Дѣлай

какъ хочешь, Ричи. Введи меня въ Риверсли, только безъ униженія, прошу. Я храню свою честь неприкосновенною, какъ закупоренный эликсиръ. Это утѣшеніе мое въ невзгодахъ. На смертномъ одрѣ я передамъ ее тебѣ, сынъ мой, и скажу: Вотъ тебѣ вся сущность моей жизни. Никогда не было про меня сказано что я проглотилъ обиду.

— Обдѣлай дѣло въ замкѣ, сказалъ онъ, — а я поброжу по окрестностямъ и побренчу на гитарѣ. Ты бросишь мнѣ ключъ со стѣны. Если есть мнѣ мѣсто, и если я буду расположенъ, такъ войду. Если нѣтъ, такъ знай что я въ другихъ мѣстахъ прокладываю тебѣ дорогу. Риверсли прекрасная опора и крѣпость, но Риверсли не весь свѣтъ. Въ Риверсли мнѣ пришлось бы имѣть двойное лицо, да и двойной желудокъ также, какъ юный Джакъ, обѣдавшій съ великаномъ. Тутъ-то намъ надо показать свое умѣнье. Надѣюсь что его у насъ хватитъ. А пока, мистеръ Темпль, мы проведемъ въ Парижѣ два, три пріятныхъ дня.

Онъ имѣлъ привычку перемѣнять въ подобныхъ случаяхъ разговоръ, обращаясь къ Темплю. Темпль объявилъ что съ нимъ и чужая страна не кажется чужою. Мы просто смотримъ на незнакомыя картины изъ окна. Воспоминаніе о странѣйшей изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ сценъ доставляло намъ какое-то особенное насмѣшливое удовольствіе и возникало въ насъ при каждомъ новомъ интересномъ, или забавномъ зрѣлищѣ. Проѣзжая верхомъ черезъ великое поле битвы въ Бельгіи, мы съ Темплемъ толковали о Bella Vista, о статуѣ, маркграфинѣ, о завтракѣ изъ кислаго молока и чернаго хлѣба, о принцессѣ Оттиліи, не помышляя о славѣ и мертвыхъ костяхъ. Отецъ мой былъ совсѣмъ иначе настроенъ. На лицѣ его было сіяніе восторга, далеко превосходящее нашъ румянецъ. Когда мы къ нему подъѣхали, я закричалъ:

— Пала! Если принцъ не согласится заплатить за статую, я заплачу, и подарю ее отъ вашего имени.

— Наши? воскликнулъ онъ, глядя разсѣянно и останавливая руку на движеніи, которое могло показаться театральнымъ.

— Нѣтъ, маркграфинѣ.

Онъ слышалъ слова мои, но лишь съ усиліемъ могъ собрать свои мысли. Умъ его занятъ былъ великимъ сраженіемъ и Bella Vista казалась ему лоскутками. Я замѣтилъ что вчерашнія и третьягодняшнія событія уже теряли для него интересъ. Воспоминанія никогда не вызывали у него улыбки. Если ему

цхъ навязывалъ кто-нибудь кого онъ любилъ, лицо его веселѣло, но только на минуту. Его веселость проистекала изъ горячихъ источниковъ добрыхъ надеждъ. Прибытіе наше въ Англію, встрѣчи тамъ, бургундское хранимое до моего совершеннолѣтія, моя вторичная поѣздка въ Германію, вотъ о чемъ онъ думалъ съ радостью школьника, вырвавшагося на волю. О статуѣ и связанныхъ съ нею обстоятельствахъ онъ разсуждалъ какъ о сухомъ дѣловомъ вопросѣ, и если обязанность не заставляла его быть веселымъ, какъ напримѣръ за столомъ, онъ едва отвѣчалъ когда намекали на его или мое прошедшее. Будущее для него было также настоящимъ: мы „дѣлаемъ“ вотъ это, говорилъ онъ, а не „сдѣлаемъ“. Едва заговоришь бывало объ ожидаемой встрѣчѣ, какъ онъ уже играетъ роль свою въ ней. Я жадно, и въ то же время безсознательно изучалъ его, и не приходилъ ни къ какимъ заключеніямъ. Мальчики всегда ломѣчаютъ наблюденія свои надъ людьми, которыхъ любятъ, но никогда не подводятъ общаго итога.

Наше обратное путешествіе продолжалось почти одиннадцать недѣль, потому что намъ два раза не хватило денегъ. Въ Брюсселѣ я увидѣлъ на рукахъ у отца маленькую нищую дѣвочку.

— Она попросила у меня мѣдной монетки, Ричи, сказалъ онъ щипля ея полненькія щечки чтобы заставить ее улыбнуться.

Я посовѣтовалъ дать ей серебряную монету.

— Что-нибудь надо дать ей, Ричи, я поцѣловалъ ее, а по моей теоріи эквивалентовъ, за это можно отплатить только золотомъ. Ты ужь долженъ выкупить меня съ честью.

Онъ заставилъ дѣвочку ткнуть меня носомъ въ лицо въ видѣ поцѣлуя за то что я съ честью его выкупилъ.

Ребенокъ заковылялъ по мостовой противъ нашей гостиницы, уставясь глазами на свою руку, которая держала сокровище.

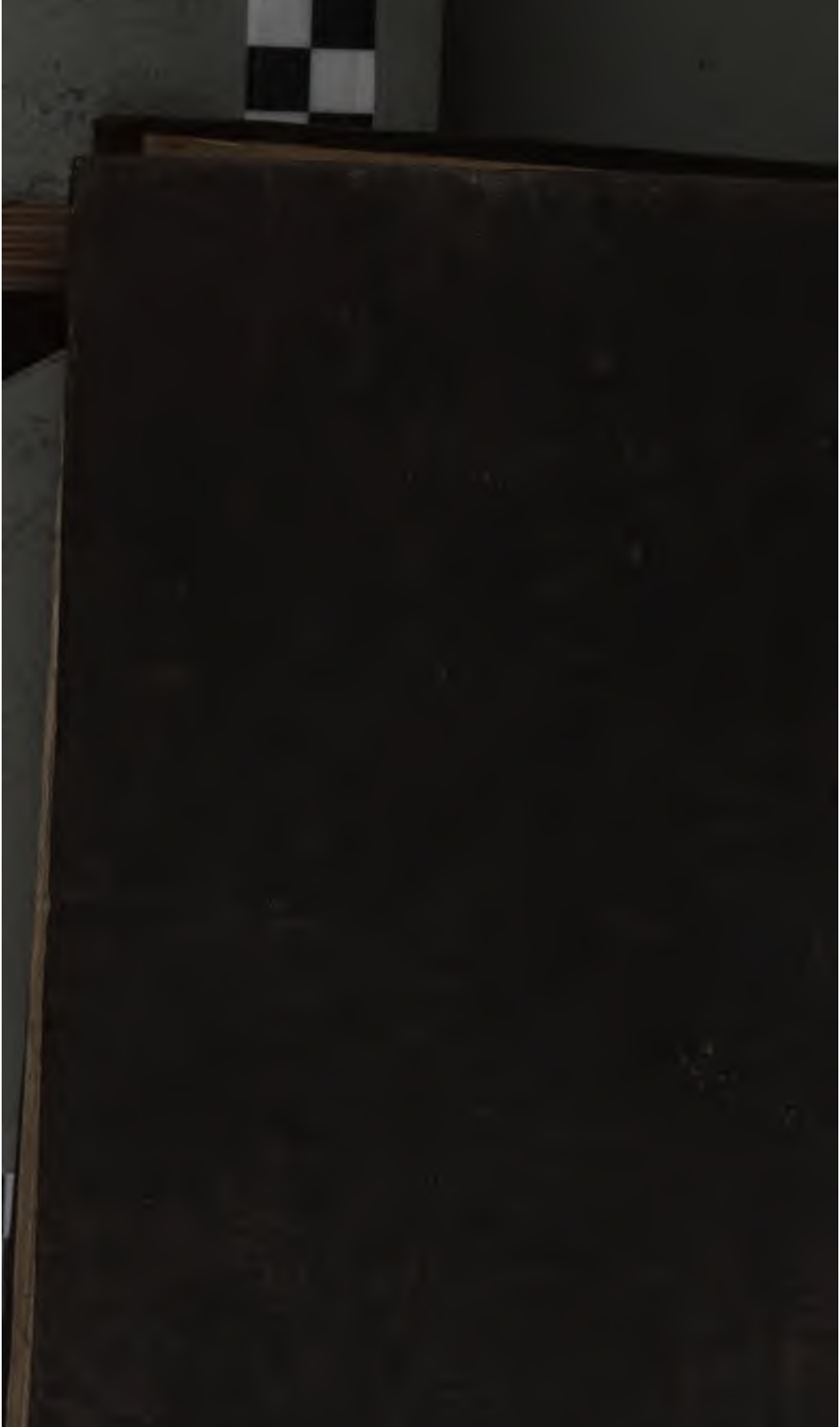
— Бѣдняжка! воскликнулъ отецъ. — Пріятно, Ричи, обогатить несчастнаго отъ своей бѣдности. Смотри какъ она подпрыгиваетъ. Она теперь начинаетъ понимать. Рѣдко удается на послѣднюю монету въ кошелькѣ доставить себѣ столько удовольствія. Я ей обязанъ этимъ открытіемъ.

По этому поводу я открылъ что у отца вовсе уже нѣтъ денегъ. Какъ онѣ вышли незамѣтно для него самого, онъ не умѣлъ сказать. Онъ увѣрялъ что удостовѣрился въ своемъ безденежьи только тогда когда сталъ искать монету чтобы

дать дѣвочкѣ. Я отправилъ письмо, засвидѣтельствованное мѣстнымъ нотаріусомъ, къ банкиру, съ которымъ познакомилъ меня полковникъ Гудвинъ. Деньги пришли; а тѣмъ временемъ мы завели знакомыхъ и угощали ихъ. То были большею частью отставные офицеры, люди бойкіе. Одного, майора Дейкса, отецъ поселилъ въ нашей гостиницѣ, и мы повезли его съ собою въ Парижъ, гдѣ вслѣдствіе нашего гостепріимства, кошелекъ нашъ опять истощился. Отецъ доказывалъ что объ этомъ нечего жалѣть по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я научаюсь цѣнить обладаніе деньгами; во-вторыхъ, мы оказали услугу отечеству, пособивъ Дейксу, который развѣдываетъ новомъ и страшномъ военномъ орудіи, находящемся, какъ онъ полагаетъ, въ рукахъ французскаго правительства. Майоръ Дейксъ исчезъ на дальнѣйшіе поиски, но мы могли по крайней мѣрѣ сказать себѣ что сдѣлали что могли для спасенія англійскаго флота отъ конечнаго разрушенія. Мы съ Темплемъ смѣялись надъ майоромъ Дейксомъ, надъ его громадными бакенбардами, страстью къ крѣпкимъ напиткамъ и таинственнымъ видомъ. Отецъ мой вѣрилъ его преданности отечеству, и этого было достаточно чтобъ удержать меня отъ подозрѣній относительно его характера. Всякій разъ какъ инстинктъ или здравый смыслъ побуждалъ меня не соглашаться съ отцомъ, разговоръ обращался въ шутку. Я готовъ былъ смотрѣть на все его глазами, не перечилъ его веселости, радуясь что нашелъ его, что сразу, какъ онъ выражался, извлекъ его изъ глубокаго моря, и не стоялъ за мелочи.

Кошелекъ нашъ дошелъ до крайняго оскудѣнія: отецъ не указывалъ средствъ наполнить его, и я никакихъ не могъ придумать. Онъ слышалъ что въ Парижѣ можно жить роскошно, не тратя почти ничего; мы и попробовали. Мы гуляли по сиреневымъ аллеямъ среди дѣтей и нянекъ, смотрѣли на военные разводы, ѣздили на омнибусахъ, обѣдали за городомъ, посѣщали театры, занимая всюду первыя мѣста, встрѣчая всюду привѣтливыя улыбки и услужливость, объяснимую для меня только пріемами отца, представлявшими смѣшеніе важности съ любезностью, противъ котораго нельзя было устоять.

— А вѣдь въ сущности повтъ-то пожалуй забавнѣе альдермана, говорилъ онъ.

Поэтомъ онъ называлъ пустой кошелекъ, а альдерманомъ полный. Мы громко заявили что предпочитаемъ поэта.

— Такъ-то такъ, сказалъ онъ,—но альдерманъ крѣпче сто-